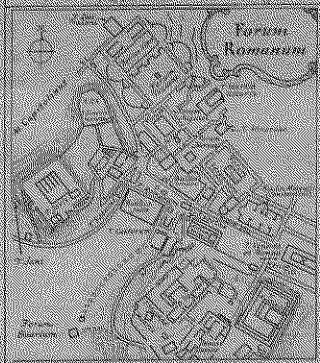
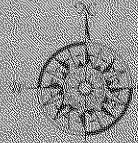
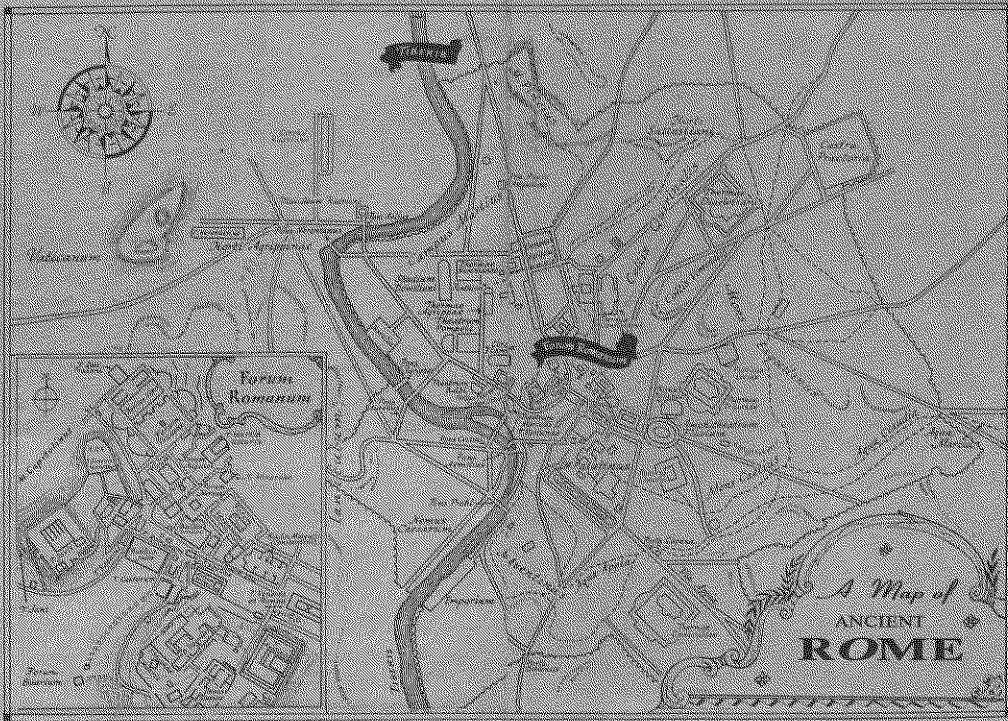

Вил
Аурелий

ЦЕЗАРЬ
И
ХРИСТОС

A Map of
ANCIENT
ROME

·АКАДЕМИЯ·

МОСКВА ·
«КРОН-ПРЕСС»
1995

ИСТОРИЯ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

ВИЛ
ДЮРАНТ

ЦЕЗАРЬ И ХРИСТОС

THE STORY OF
CIVILIZATION

WILL
DURANT

CAESAR AND CHRIST

ББК 87.3 США

Д 97

Перевод с английского

В. В. ФЕДОРИНА

Научный редактор

кандидат исторических наук

Г. М. СТЕПАНЕНКО

Художник

Н. Н. ОРЕХОВ

Д97 **Дюрант В.**
Цезарь и Христос / Пер. с английского В. В. Федори-
на. — М. : КРОН-ПРЕСС, 1995. — 736 с.

ISBN 5-8317-0136-0

Этим томом мы начинаем издание на русском языке грандиозного 11-томного труда «История цивилизации», принадлежащего перу всемирно известного американского философа. Метод синтетической истории позволил Вилу Дюранту во всех проявлениях показать величайшую драму восхождения Рима к величию его падения. Завершилась эпоха Цезаря, и началась эпоха Христа.

Д $\frac{0301030000 - 136}{5Ю9(03) - 95}$

ББК 87.3 США

ISBN 5-8317-0136-0

© 1944 by Will Durant
© «КРОН-ПРЕСС», 1995

ВИЛ ДЮРАНТ родился 5 ноября 1885 года в Норт-Адамсе (штат Массачусетс). Учился в приходских школах Норт-Адамса и Керни (штат Нью-Джерси), затем в принадлежащем ордену иезуитов колледже Святого Петра в Джерси-Сити (штат Нью-Джерси) и Колумбийском университете. Летом 1907 года в качестве начинающего репортера служил в нью-йоркском «Journal», однако, найдя, что эта работа требует от него слишком больших усилий, обосновался в Сетон Холл колледже в Саут Ориндж (штат Нью-Джерси), где с 1907 по 1911 год преподавал латынь, французский, английский и геометрию. В 1909 году поступил в семинарию Сетон Холла, но в 1911-м оставил ее по причинам, о которых рассказывает в своей книге «Переход» («*Transition*»). Из тишины семинарии он переходит в самые радикальные круги Нью-Йорка и становится преподавателем экспериментальной Современной школы Феррера, исповедовавшей принципы свободолюбивого воспитания (1911–1913). В 1912 году он совершает путешествие по Европе по приглашению и за счет Олдена Фридмана, который стал его другом и решил расширить его кругозор.

Вернувшись в школу Феррера, он влюбляется в одну из своих учениц — Иду Кауфман, родившуюся 10 мая 1898 года в России. Он уходит в отставку и женится на ней (1913). В течение четырех лет занимается в Колумбийском университете, специализируясь в области биологии под руководством таких ученых, как Морган и Колкинс, слушая лекции по философии Дьюи. В 1917 году получает степень доктора философии. В 1914 году в одной из пресвитерианских церквей Нью-Йорка он приступает к чтению лекций по истории, литературе и философии. На протяжении тринадцати лет он проводит их два раза в неделю, собирая материал для будущих произведений.

Неожиданный успех «Истории философии» («*The Story of Philosophy*», 1926) позволил ему в 1927 году оставить преподавание. С этого времени, если не считать нескольких очерков, Дюрانت посвящает практически все свое рабочее время (от восьми до четырнадцати часов ежедневно) «Истории цивилизации» («*The Story of Civilization*»). Чтобы лучше подготовиться к своему начинанию, они путешествуют в 1927 году по Европе, в 1930-м посещают Египет, Ближний Восток, Индию, Китай и Японию, а в 1932-м вновь объезжают земной шар, побывав в Японии, Маньчжурии, Сибири, европейской части России и Польше. Эти путешествия позволили им собрать материал для «Нашего восточного наследия» (1935) — первого тома «Истории цивилизации». Несколько новых посещений Европы помогли подготовить том II — «Жизнь Греции» (1939) и том III — «Цезарь и Христос» (1944). В 1948 году они проводят шесть месяцев в Турции, Ираке, Иране, Египте и Европе, и в 1950-м выходит том IV — «Эпоха веры». В 1951 году Дюранты снова путешествуют по Италии, чтобы после целой жизни кропотливых изысканий опубликовать том V — «Возрождение» (1953); в 1954 году новые исследования в Италии, Швейцарии, Германии, Франции и Англии открывают новые горизонты для тома VI — «Реформация» (1957).

Участие госпожи Дюрант в подготовке этих трудов становилось все более и более существенным, а при составлении тома VII — «Начало века разума» (1961) оно было уже столь велико, что справедливость требовала поместить на титульном листе тома и ее имя. Так же обстояло дело и с последующими томами: «Век Людовика XIV» (1963), «Век Вольтера» (1965), «Руссо и Революция» (1968, Пулитцеровская премия). Публикация в 1975 году тома XI — «Век Наполеона» подвела итог пяти десятилетиям достижений.

Ариэль Дюрант умерла 25 октября 1981 года в возрасте 83 лет. А через 13 дней, 7 ноября, скончался 96-летний Вил Дюрант.

Последней из обнародованных ими работ была «Двойная автобиография» (1977).

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Наше восточное наследие

Жизнь Греции

Цезарь и Христос

Эпоха веры

Возрождение

Реформация

Начало эры разума

Век Людовика XIV

Век Вольтера

Руссо и Революция

Век Наполеона

ПРЕДИСЛОВИЕ

НАСТОЯЩИЙ том представляет собой независимое целое, являясь в то же время третьей частью Истории цивилизации. Ее первой частью была книга «Наше восточное наследие», а второй — «Жизнь Греции». Если этому не воспрепятствуют война и здоровье, четвертая часть — «Эпоха веры» — будет окончена к 1950 году.

Метод, используемый мной, — это метод синтетической истории, которая изучает важнейшие фазы человеческой жизни, работы, культуры в их одновременном проявлении. Ее необходимой научной предпосылкой служит история аналитическая, которая столь же важна, однако изучает лишь некоторые отдельные аспекты человеческой деятельности, такие, как политика, экономика, мораль, религия, наука, философия, литература, искусство, в одной цивилизации или всех вместе взятых. Главный недостаток аналитического метода заключается в искажающей общую картину изоляции части от целого; главная слабость синтетического метода — в невозможности для единственного исследователя располагать сведениями из первых рук относительно каждого аспекта сложной цивилизации, простирающейся на тысячелетие. Ошибки в деталях неизбежны; но только таким способом ум, очарованный философией (которая есть не что иное, как поиск понимания при помощи перспективы), может найти удовлетворение, погружаясь в прошлое. Мы можем открывать для себя перспективу при помощи науки, то есть изучения соотношенности вещей в пространстве, или при помощи истории, то есть изучения соотношенности событий во времени. Наблюдая поведение человека на протяжении шестидесяти столетий, мы узнаем о нем больше, чем из книг Платона и Аристотеля, Спинозы и Канта. «История лишила ныне любую философию всех ее прав», — сказал Ницше.

Собственно говоря, исследование античности, неспособное ни запечатлеть живую драму истории, ни помочь пониманию современного мира, лишено всякой ценности. Возвышение Рима из лежащего на перепутье городка к вершинам мирового господства, достижение им двухсотлетнего периода безопасности и мира на пространстве от Крыма до Гибралтара и от Евфрата до Адрианова Вала, распространение им классической цивилизации по всему Средиземноморью и Западной Европе, его борьба за сохранение упорядоченной державы против бушующего со всех сторон моря варварства, его долгое, постепенное умирание и завершающее падение во мрак и хаос — это поистине величайшая драма из всех когда-либо разыгрывавшихся человеком; с ней может сравниться лишь та, что начиналась при дворе Пилата, когда Цезарь и Христос стояли друг против друга лицом к лицу, и продолжалась до тех пор, пока горсточка преследуемых христиан, которая — несмотря на гонения и запутывание — постепенно и терпеливо росла, не стала сначала союзником, затем господином и наконец наследником величайшей империи в истории человечества.

Но эта многоплановая панорама приковывает к себе наше внимание не только своим размахом и величиим. Еще важнее другое: она чрезвычайно напоминает, иногда с пугающей ясностью, цивилизацию и проблемы наших дней. В том и состоит преимущество изучения полного жизненного охвата некоторой цивилизации, что здесь появляется возможность сравнить каждую стадию или каждый аспект ее деятельности с соответствующим моментом или элементом нашей собственной культурной траектории; развитие в древности ситуации, которая аналогична нашей, может ободрять нас или служить предостережением. Здесь, в борьбе римской цивилизации с внешним и внутренним варварством, мы видим нашу собственную борьбу; римские трудности, связанные с биологическим и моральным упадком,— это указательные знаки на нашем сегодняшнем пути; классовая война между Гракхами и сенатом, Марием и Суллой, Цезарем и Помпеем, Антонием и Октавианом — это та же война, в которой сгорают силы, накопленные нами в краткие промежутки мира. Наконец, отчаянное усилие средиземноморской души отстоять хоть малую долю свободы в борьбе с деспотическим государством — это предзнаменование наших насущных задач. *De nobis fabula narratur*: эта история о Риме рассказывается о нас.

Я хотел бы сказать слова признательности в адрес Уоллеса Броквея, чья помощь была неоценима и беззаветна на каждом этапе подготовки этой книги; в адрес моей дочери, миссис Дэвид Истон, и в адрес мисс Регины Сандс, которые терпеливо перепечатывали тысячу двести страниц, написанных моим мелким почерком; но более всего в адрес моей жены, чье заинтересованное терпение и покровительственная забота сопровождали меня в течение многих лет утомительной, тяжелой и счастливой научной работы.

НАЧАЛА

Этрусская прелюдия

800—508 гг. до н. э.

I. ИТАЛИЯ

ТИХИЕ селения в горных долинах; просторные пастбища на склонах; озера, заполняющие чаши между холмами; зеленые и желтые поля, простирающиеся вдоль побережья; деревни и городки, дремлющие под лучами полдневного солнца, оживающие ближе к вечеру; большие города, лежащие посреди грязи и праха, в которых все — от скромного домика до кафедрального собора — кажется прекрасным, — такой была Италия на протяжении двух тысячелетий. «На всей земле, куда бы ни простирался небесный свод, не найти страны столь прекрасной» — даже прозаический Плиний Старший смог найти такие слова для своей родины¹. «Здесь вечная весна, — пел Вергилий, — и лето занимает месяцы у других времен года. Дважды в год стада приносят приплод, дважды плодоносят деревья»². Дважды в год цвели розы в Пестуме, а на севере лежали такие плодородные долины, как Мантуанская, «питающая белых лебедей травянистыми потоками»³. Словно спинной хребет бежали Апеннины вдоль полуострова, прикрывая западное побережье от северо-восточных ветров и благословляя почву бурными реками, несущими свои воды в прелестные заливы. На севере стояли на страже Альпы; с других сторон страна была защищена морями, омывавшими крутые и зачастую обрывистые берега. Эта земля располагала всем необходимым, чтобы по заслугам воздавать трудолюбию своих обитателей, и занимала стратегически выгодное положение, перпендикулярно врезуясь в Средиземное море, — чтобы править классическим миром.

Горы дарили великолепием и смертью. Землетрясения и извержения вулканов время от времени погружали труды столетий в пепел. Но и тут, как это часто бывает, смерть несла с собой жизнь. Смешиваясь с органикой, лава обогащала землю на многие поколения вперед⁴. Некоторые участки не обрабатывались земледельцами из-за крутизны, другие были затоплены малярийными болотами, зато все остальные были столь плодородны, что Полибий дивился дешевизне и изобилию продовольствия в Италии⁵ и полагал, что о качестве и количестве собираемых здесь урожаев можно судить по силе и храбрости итальянских мужей. Альфиери считал, что в Италии лучше, чем где бы то ни было, должен расти женишень⁶. Даже в наши дни робкий исследователь бывает иной раз немного уstraшен страстностью ее поразительного народа — упругостью мускулов, быстрыми переходами к любви или ярости, то тлеющим, то вспыхивающим огнем в очах. Все те же горделивость и яростность, что делали некогда Италию великой и разрывали ее на части, как в дни Мария и Цезаря или в век Возрождения, по-прежнему растворены в итальянской крови, дожидаясь достойного их дела или спора. Почти все ее

обитатели отличаются мужеством и статью, почти все обитательницы — красотой, статностью и отвагой. Какая другая земля может похвалиться такой плеядой гениев, какую за тридцать веков произвели на свет итальянские матери? Ни одна другая страна не оставалась столь долго в центре исторического процесса — вначале здесь находилось средоточие земной власти, затем религии, наконец, искусства. На протяжении семнадцати столетий, от Катона Цензора до Микеланджело, Рим был центром Западного мира.

«Самые авторитетные в этой стране свидетели, — пишет Аристотель, — сообщают, что после того, как Итал оказался царем Энотрии, народ переименовал свое название и люди стали именовать себя уже не энотрийцами, но италийцами»⁷. Энотрия была каблучком итальянского сапога и столь изобиловала виноградом, что само ее имя означало «винная земля». Фукидид говорит, что Итал был царем сикулов, которые овладели Энотрией перед тем, как захватить и дать свое имя Сицилии⁸. Точно так же, как римляне звали всех эллинов греками (Graeci) по имени немногих граев (Graii), переселившихся из северной Аттики в Неаполь, словом «Италия» греки со временем стали называть всю часть полуострова южнее По.

Несомненно, многие главы истории Италии надежно скрыты ее переполненной землей. Остатки палеолитической культуры указывают на то, что по меньшей мере за тридцать тысяч лет до Рождества Христова ее равнины были населены людьми. Между десятым и шестым тысячелетием до н.э. здесь появляется неолитическая культура; длинноголовая раса, именуемая в античной традиции лигурами, или сикулами, изготавливала грубую керамику с линейным орнаментом, делала из полированного камня оружие и инструменты, одомашнивала животных, занималась охотой и рыбной ловлей, предавала своих мертвецов земле. Часть людей поселялась в пещерах, другие жили в круглых хижинах, построенных из обмазанных глиной прутьев. Эти цилиндрические домики находятся у истоков непрерывного развития архитектурной традиции, включающей в себя «дом Ромула» на Палатинском холме, храм Весты на Форуме, мавзолей Адриана — современный замок Сант-Анджело.

Около 2000 г. до н.э. на север Италии (возможно, не в первый раз) хлынули племена из Центральной Европы. Они принесли с собой обычай строить поселения на сваях, погруженных в воду, чтобы обезопасить себя от набегов людей или животных. Они остановились у Гарды, Комо, Маджоре и других чарующих озер, которые и по сей день манят иностранцев в Италию. Позже они двинулись на юг и, находя на своем пути все меньше озер, стали строить дома на земле, продолжая, однако, пользоваться сваями. Обыкновенные окружающие поселения валом и рвом передались от них римлянам и стало впоследствии существенной приметой римского военного лагеря и средневекового замка. Они пасли овец и рогатый скот, пахали землю, ткали одежду, обжигали керамику. Из бронзы, которая появилась в Италии на исходе неолита (около 2500 г. до н.э.), они ковали сотни разновидностей оружия и инструментов, включая гребни, булавки, бритвы, пинцеты и прочную «вечную» утварь⁹. Вокруг их поселений выросли такие груды мусора, что позднее эта культура получила название *terramare* (землистый известняк), так как эти отходы значительно повысили плодородность почв. Насколько мы знаем, они явились непосредственными прародителями италийского населения исторической эпохи.

В долине По потомки этих террамарцев научились около 1000 г. до н.э. у своих германских соседей изготовлению железа. Они принялись делать из него более совершенные орудия и, вооружившись таким образом, распространили свою «виллановианскую» культуру (центр — Вилланова, что близ Болоньи) далеко на юг полуострова. От них ведут свое происхождение, как мы можем полагать, народы, языки и главные искусства умбров, сабинян и латинян. Наконец, около 800 г. до н.э. прибывает новая волна переселенцев, покоряет виллановианское население и устанавливает между Тибром и Альпами одну из самых странных цивилизаций в анналах человечества.

II. ЖИЗНЬ ЭТРУСКОВ

Этруски являются чрезвычайно интересной исторической загадкой. Они правили Римом в течение сотни лет (или даже более), а их влияние на римскую культуру было столь многообразно, что без его учета мы едва ли можем понять и сам Рим. Однако римская литература в своих сообщениях об этрусках столь же немногословна, как и почтенная матрона, стремящаяся предать забвению, по крайней мере для посторонних, уступчивость своей молодости. Благодаря этрускам италийская цивилизация обретает письменность: 8000 надписей, как и множество произведений искусства, — таковы известные нам остатки их цивилизации. Кроме того, мы располагаем свидетельствами о существовании у них в прошлом поэзии, драмы и исторической литературы¹⁰. До сих пор расшифровано лишь несколько мало что говорящих слов, и наука может сегодня сказать об этрусской тайне куда меньше, чем о Египте фараонов до открытия Шампольона.

Неудивительно, что до сих пор оживленно обсуждается вопрос о том, кто же такие этруски, когда и откуда они пришли. Возможно, данные древней традиции были слишком поспешно отброшены; педанты любят подвергать сомнению установившиеся мнения, которые пережили не одно поколение ученых. Большинство греческих и римских историков считали не требующей доказательства гипотезу, согласно которой этруски — выходцы из Малой Азии¹¹. Множество элементов их религии, одежды, искусства наводят на мысль об азиатском происхождении; однако многое представляется исконно италийским. Вероятнее всего, цивилизация Этрурии — продукт развития виллановианской культуры, подвергшейся сильным греческому и ближневосточному влияниям в результате торговых сношений, в то время как сами этруски считали себя и действительно были пришельцами из Малой Азии, возможно, из Лидии. Как бы то ни было, их военное превосходство позволило им стать правящей кастой Тосканы.

Мы не знаем места их высадки, но нам известно, что они основали, захватили или спроектировали много городов, которые уже не были более деревнями из глины и соломы, как прежде, но окруженными стенами местечками, дома в которых строились не только из глины, но часто также из камня и обожженного кирпича. Двенадцать таких городских общин объединились в Этрусскую федерацию, главную роль в которой играли Тарквинии (совр. Корнето), Арретий (Ареццо), Перузия (Перуджа) и Вейи (Изола Фарнезе)*. Труд-

* Приведены римские названия. Их этрусские наименования неизвестны.

ность сообщения между общинами, окруженными горами и лесами, и воинственность их обитателей, ревниво следивших за покушениями на свою свободу, способствовали здесь, как и в Греции, образованию независимых городов-государств, изредка объединявшихся для отпора внешним врагам. Каждый такой город беспокоился прежде всего о собственной безопасности, часто оставаясь безучастным при нападении на союзников, и так, постепенно, один за другим, они были повержены Римом. Но в течение большей части VI в. до н.э. эти союзные общины являлись самой серьезной политической силой Италии. Их пехота была прекрасно организована, слава о кавалерии вышла далеко за пределы Этрурии, а мощный флот господствовал на море, которое и поныне носит название Тирренского (то есть Этрурского) *.

Как и в случае с Римом, этрусские города имели поначалу монархическую форму правления, затем власть перешла в руки олигархов, выходцев из «первых семейств»; постепенно собрание состоятельных граждан приобрело право ежегодно выбирать магистратов. Насколько мы можем понять из погребальных рисунков и рельефов, это было вполне феодальное общество: аристократия владела землей и роскошествовала, потребляя прибавочный продукт, вырабатывавшийся виллановскими крепостными и захваченными на войне рабами. Такая организация общества позволила отвоевать земли Тосканы у лесов и болот, а система сельскохозяйственной ирригации и городской канализации далеко превзошла современные ей греческие образцы. Этруские инженеры посредством дренажных каналов выводили из водоемов избыточные воды и прокладывали дороги через холмы и скалы¹². Не позднее 700 г. до н.э. этрусская промышленность стала разрабатывать медные копи на западном побережье и добывать железо на Эльбе; железная руда перерабатывалась в Популони, а затем полученные железные слитки продавались по всей Италии¹³. Этруские купцы наладили торговлю на всей акватории Тирренского моря, импортировали янтарь, олово, свинец и железо из Северной Европы по Рейну и Роне, переправлялись через Альпы и продавали этрусские товары во всех крупных портах Средиземного моря. Около 500 г. до н.э. этрусские города приняли чеканить свою монету.

Мы встречаем изображения этих людей в их погребениях. Они невысокого роста и крепко сбиты, у них крупные головы (деталь, пожалуй, анатолийского происхождения), их тела красновато-коричневого цвета, особенно у женщин, впрочем, румяна — вещь такая же древняя, как и сама цивилизация¹⁴. Этрурянки славилась своей красотой¹⁵. Лица мужчин иногда утонченны и благородны. Цивилизация достигла уже значительных высот: в могилах находят образцы зубных протезов¹⁶; зубоврачебное искусство, как и терапевтика и хирургия, было завезено из Греции и Египта¹⁷. И мужчины и женщины носили длинные волосы; бороды этрусков были тщательно ухожены. Одежда следовала ионийскому стилю: нательная рубашка напоминала хитон, верхнее одеяние стало впоследствии римской тогой. Мужчины любили украшения ничуть не меньше, чем женщины, и их погребения изобиловали драгоценностями.

* Греки называли этот народ *тирфенями* или *тирсенями* (Tyrrhenoi, Tyrsenoi), римляне — *этрусками* или *тусками* (etrusci, tusci). Возможно, как и слово *тиран* (tyrannos), греческие имена восходят к *Тирре* (Tyrrha), крепости, находившейся в Лидии. Слово *Тайэр* (tower), вероятно, восходит к тому же корню.

Священная наука, занимавшаяся определением будущего посредством изучения печени животных или полета птиц, пришла к этрускам, вероятно, из Вавилонии. Однако, если верить их собственным преданиям, она была открыта им внуком Тинии, который восстал к жизни из только что прорезанной борозды и сразу же возвестил слова, полные глубокомысленной мудрости. Кульминацией этрусского ритуала было жертвоприношение барана, быка или человека. Людей, предназначенных в жертву, резали или заживо погребали на похоронах знатных господ. В некоторых случаях, чтобы умиловить богов, убивали военнопленных. Так, захваченные при Алалии фокейцы (535 г. до н.э.) были заброшены камнями на форуме города Цере, а около трехсот римлян, плененных в 358 г. до н.э., принесены в жертву в Тарквиниях. Похоже, этруски верили, что, убивая врага, они обеспечивают своей душе освобождение от адских мук²⁴.

Вера в ад была излюбленной чертой этрусской теологии. Дух умершего, как мы видим на погребальных изображениях, в сопровождении неких гениев предстал перед трибуналом подземного мира, где на последнем суде он получал возможность защитить поступки, совершенные им при жизни. Если это ему не удавалось, он приговаривался к разнообразным пыткам, которые произвели неизгладимое впечатление на Вергилия, воспитанного в Мантуе на этрусских учениях, оставили свой след в раннехристианских представлениях об аде, а через пропасть в двенадцать столетий и в *Inferno* (Ад) тосканца Данте. От такого наказания освобождались праведники, а страдания тех, кому не удалось его избежать, могли быть сокращены мольбами и жертвоприношениями их живущих друзей. Спасенная душа покидала подземный мир, чтобы присоединиться к вышним богам и наслаждаться вместе с ними праздниками, роскошью и необыкновенными новыми способностями, которые изображались полными надежд рисовальщиками на стенах гробниц.

Как правило, этруски предавали своих покойников земле. Те, кто мог себе это позволить, находили свой последний приют в терракотовых или каменных саркофагах, крышки которых украшались полулежащими фигурами, вырезанными так, чтобы, с одной стороны, сохранить сходство с умершими, а с другой — напоминать улыбающихся греческих Аполлонов. И здесь этрусские традиции внесли свой вклад в искусство средневековья. Иногда покойного кремировали, а прах собирали в специальную урну, которая также могла быть украшена изображением умершего. Во многих случаях урна или гробница имитировали дом; иногда гробница, высеченная в скале, подразделялась на несколько комнат и снабжалась всем необходимым для жизни после смерти: утварью, мебелью, вазами, зеркалами, косметикой, драгоценностями. В персской гробнице найден скелет воина, лежащий на прекрасно сохранившемся бронзовом ложе, а рядом — оружие и колесница. В следующей комнате хранились женские украшения и драгоценности, предположительно его жены. Прах, который был когда-то ее желанным телом, убран в свадебный наряд²⁵.

III. ИСКУССТВО ЭТРУСКОВ

Этрусское искусство — это практически все, что мы знаем об этрусской истории. Благодаря ему мы можем проследить обычаи и нравы этого народа, открыть могущество религии и касты, а также обнаружить приливы экономи-

ческих и культурных контактов с Малой Азией, Египтом, Грецией и Римом. Это искусство встречало препятствия своему развитию в лице духовных условий и преодолеvalo их при помощи технического мастерства. В нем отразилась жестокая и обскурантистская цивилизация, но отразилась мощно и своеобразно. Влияния с Востока — из Ионии, Египта, Кипра — определили его ранние стили и формы, и греческие модели преобладали в поздней скульптуре и керамике. Но в архитектуре и живописи, в бронзовых скульптурах и работе по металлу этруское искусство говорило своим собственным голосом и было единственным в своем роде.

Все, что осталось от архитектурных сооружений, — это только фрагменты или погребения (склепы). Части этруских городских стен сохранились до сих пор — тяжеловесные структуры нецементированной кладки, надежно и аккуратно подогнанные друг к другу. Дома богатых этрусков послужили моделью для классического плана итальянского жилища: намеренно непривлекательные внешние стены; атриум, или помещение для приема гостей, в центре дома; в крыше атриума оставлено отверстие, чтобы во время дождя могла наполняться водой поставленная внизу цистерна; ряд маленьких комнат, окружающих атриум и часто выходящих к украшенному колоннадой портику. Витрувий описал строение этруских храмов, и гробницы часто принимали напоминающую их форму. В сущности, они следовали греческим образцам, однако так называемый тосканский стиль модифицировал дорический ордер, отказавшись от канелюр и снабдив колонну базой, и при планировании внутреннего помещения храма (целлы) применял соотношение длины и ширины 6:5, вместо более грациозной аттической пропорции 6:3. Целла из кирпича, перистиль из камня, архитравы и фронтоны из дерева, терракотовые рельефы и орнаменты — все это поставлено на подиум, или возвышение, и ярко раскрашено внутри и снаружи — так выглядел этруский храм. Для строений общего пользования, таких, как городские ворота и стены, акведуки и водостоки, этруски, насколько нам известно, первыми в Италии стали использовать арки и своды. Очевидно, они принесли эти величественные формы с собой из Лидии, которая переняла их у Вавилонии *. Однако они не следовали этому превосходному методу строго, и им не удавалось покрывать большие помещения, не прибегая к помощи леса колонн или тяжело нависающей массы архитравов. По большей части они двигались в уже проложенном греками русле и предоставили Риму завершить «арочную революцию».

Самая знаменитая продукция Этрурии — это ее керамика. Она представлена во множестве чуть ли не в каждом музее, заставляя усталого экскурсанта, бродящего по залам, в которых хранятся образцы гончарного ремесла, дивиться количеству и качеству экспонатов. Этруские вазы, если они не являются очевидными копиями греческих форм, обычно неинтересны по замыслу, грубого исполнения, с варварским орнаментом. Ни одно другое искусство не произвело на свет столько искажений формы человеческого тела, столько отвратительных гримас, неуклюжих животных, омерзительных демонов и устрашающих божеств. Но черные вазы (*bucchero nero*) VI в. до н.э. исполнены с истинно итальянской строгостью и, возможно, отображают развитие исконного виллановианского стиля. В Вульчи и Тарквиниях были найдены

* Они применялись в египетских гробницах и храмах и при строительстве дворцов в Ниневии. Некоторые римские арки столь же древние, как и обнаруживаемые в Этрурии ²⁶.

ны превосходные вазы, импортированные из Афин или подражающие чернофигурной аттической керамике. Ваза Франсуа, огромная амфора, найденная в Кьюзи французом, носившим это имя, является, несомненно, работой греческих мастеров Клития и Эрготима. Урны позднего времени — краснофигурные на черном основании — изящны, однако опять-таки произведены, безусловно, греками; их изобилие наводит на мысль, что аттические гончары полностью овладели этрусским рынком и вынудили местных производителей перейти на выпуск чисто серийной продукции. В общем, невозможно отказать в хорошем вкусе грабителям, которые, обшаривая этрусские гробницы, не обращали никакого внимания на хранившуюся в них керамику.

Мы не имеем ни малейшего права в столь же пренебрежительном тоне говорить об этрусских бронзах. Этрусски-бронзолитейщики находились на вершине своего ремесла. Они почти не уступали гончарам в производительности. Сообщают, что только в одном из городов имелось не менее двух тысяч бронзовых статуй. Все, что дошло до нас, датируется эпохой римского господства. Среди этих остатков выделяются два шедевра: Оратор во флорентийском археологическом музее, рассуждающий с римским достоинством и бронзовой сдержанностью, и Химера, обнаруженная в Ареццо в 1553 г. и также хранящаяся во Флоренции (над ее реставрацией работал Челлини). Последняя представляет собой малоприятное существо, предположительно то самое, которое уничтожил в свое время Беллерофонт, — львиные голова и туловище, змеиный хвост, растущая из спины козлиная голова: лишь ее мощь и бесславный конец могут примирить нас с этим биологическим раритетом. Этрусские мастера производили множество статуэток, мечей, шлемов, панцирей, копий, щитов, посуды, урн, монет, замков, цепей, весов, зеркал, кроватей, светильников, канделябров, даже колесниц, предназначая все это зачастую для экспорта в весьма отдаленные регионы. Посетителя нью-йоркского художественного Метрополитен-музея встречает при входе этрусская колесница: корпус и колеса сделаны из дерева, обшивка и ободья из бронзы, передний щиток украшен изысканным рельефом. На многих бронзовых предметах вырезаны грациозные гравюры. Поверхность изделия покрывали воском, рисунок наносился острой иглой, пластину погружали в кислоту, линии, очищенные от воска, выжигались по металлу, и затем воск снимался. В работе по серебру и золоту, по слоновой кости этрусский художник был достойным наследником греческих и египетских предшественников.

Каменная скульптура никогда не пользовалась в Этрурии популярностью. Мрамора здесь не хватало, а каррарские каменоломни, видимо, еще не были известны. Но под рукой имелись превосходные глины, и вскоре они стали материалом многочисленных терракотовых статуэток, рельефов, погребальных или архитектурных орнаментов. Ближе к концу VI в. до н.э. неизвестный этрусский мастер основал в Вейях скульптурную школу, где и был создан шедевр этрусского искусства — Вейский Аполлон, найденный в 1916 году. До недавних пор эта статуя стояла на Вилле Джулия в Риме. Созданная по образцу ионийских и аттических Аполлонов своего времени, эта потрясающая скульптура, с лицом Моны Лизы, ее легкой усмешкой и лукаво косящими глазами, дышит здоровьем, красотой и жизнью. Итальянцы называют ее *il Apollo che cammina* — «прогуливающийся Аполлон». В этой и многих великолепных фигурах на крышках саркофагов этрусские художники довели до совершенства характерную для Азии стилизацию волос и драпировки, в то вре-

мя как в Ораторе они или их римские наследники следовали традиции реалистического изображения.

Этрусские рисовальщики заодно со своими коллегами из Великой Греции потрудились над передачей Риму еще одного искусства. Плиний Старший описывал фрески в Ардее, «которые древнее самого Рима», а о фресках из Цере отзывался как «о еще более древних» и «исключительно прекрасных»²⁷. В качестве поверхностей художники использовали керамику, а также внутренние стены домов и склепов. Сохранились только фрески и рисунки на вазах, однако их дошло до нас такое количество, что по ним можно восстановить все этапы развития этрусской живописи: от восточного и египетского, через греческий и александрийский, к римскому и помпейскому стилям. В некоторых склепах на внутренних стенах мы находим первые итальянские изображения окон, порталов, колонн, портиков и прочих архитектурных форм, выполненные тем же образом, что и в Помпеях. Часто краски на этих фресках давно выцвели; на некоторых из них они, впрочем, ошеломляюще свежие и яркие — и это после двух десятков столетий! Технически они выполнены на среднем уровне. На самых ранних рисунках отсутствует перспектива, не используются свет и тени для придания изображению глубины и полноты; фигуры по-египетски стройны, словно отражены в горизонтально выгнутом зеркале; лица повернуты в профиль, независимо от того, как расположены ноги. На более поздних экземплярах появляются ракурсы и перспектива, и пропорции тела передаются более верно и умело. Но в любом случае есть в этих рисунках какая-то игривая и проказливая бодрость, заставляющая задуматься о том, сколь прелестна была жизнь этрусков, если столь веселы их гробницы.

Здесь изображены мужчины, радостно сошедшиеся в битве, там они играют в войну на турнирной арене. Они охотятся на кабана и льва со всей храбростью, присущей тем, кто знает или надеется, что за ним наблюдают со стороны. Они борются или бьются на кулаках в палестре, в то время как зрители, дискутируя, ведут себя еще более оживленно, чем сами соперники. Они скачут на лошадях или правят колесницами в амфитеатре. Иной раз, безмятежно расслабившись, они удят рыбу. На одной из картинок мы видим парочку, празднично катающуюся на лодке по спокойной реке: украшенный гирляндой из лавра, он поднимает бокал вина и клянется ей в вечной верности; она улыбается и верит ему, хотя и знает, что он лжет. В других погребальных камерах этрусский художник нарисовал воображаемый им рай: идет бесконечный пир, беззаботные девушки танцуют под звуки двойных свирелей и лиры. Свирели и лиры, трубы и сиринги являлись, очевидно, неизменным атрибутом любого застолья, свадебного или похоронного; любовь к музыке — одна из привлекательных сторон этрусской цивилизации. В гробнице Лвиции близ Корнето обнаженные фигуры несутся кругом в вакхическом экстазе²⁸.

Таково было естественное предназначение этрусков — распространять свое могущество на север и юг, тянуться к подножиям Альп и греческим городам Кампании и, наконец, столкнуться лицом к лицу у Тибра с набирающим силу Римом. Они основали колонии в Вероне, Падуе, Мантуе, Парме, Модене, Болонье, а по другую сторону Апеннин в Римини, Равенне и Адрии. Название последнего города, скромного этрусского форпоста, дало имя омывающему его морю — Адриатика. Они окружили Рим этрускими поселениями — Фидены, Пренесте (Палестрина) и Капуя, возможно, и родина Цицерона Тускулум

(«маленькая Тускания»). В конце концов в 618 г. до н.э., если верить точной, но ненадежной традиции, некий этрусский авантюрист овладел римским троном, и на столетие управление римским народом перешло в руки этрусской цивилизации и этрусской формирующей мощи.

IV. РИМ ПОД ВЛАСТЬЮ ЦАРЕЙ

Около 1000 г. до н.э. виллановианские переселенцы переправились через Тибр и остановились в Лациуме. Трудно сказать, как обошлись они с неолитическим населением, жившим здесь до их появления: поработили, изгнали или просто ассимилировали? Понемногу аграрные общины этого исторического региона между Тибром и Неаполитанским заливом срослись в несколько ревностно суверенных городов-государств, не жаждущих объединяться, кроме как на ежегодных религиозных праздниках или в редких войнах. Сильнейшим из них была Альба Лонга, расположенная у подножия горы Альбан, на том самом месте, где сегодня в замке Гандольфо находит приют и защиту от летнего зноя римский папа. Возможно, именно из Альбы Лонги в девятом столетии до Рождества Христова небольшая колония латинян, алчущая завоеваний или вытесненная слишком быстрым ростом населения, продвинулась миль на двадцать к северо-западу и основала самый славный из человеческих городов.

Вышеприведенный абзац содержит, пожалуй, все сведения (чисто гипотетического свойства), которыми нас способна снабдить современная наука. Однако римская традиция была куда менее скупа. После сожжения города галлами в 390 г. до н.э. большинство исторических записей скорее всего сгорело, и благодаря этому патристическая фантазия могла свободно приступать к расцвечиванию картины рождения Рима. Днем основания стало считаться двадцать второе апреля 753 г. до н.э., а отсчет событий стал вестись по «годам от основания города» (AUC — *anno urbis conditae*). Сотни легенд и тысячи поэм повествовали о том, как Эней, отпрыск Афродиты-Венеры, бежал из горящей Трои и, изведав многие страны и многих людей, доставил в Италию богов, или священные изображения, спасенные из Приамова града. Эней женился на Лавинии, дочери царя Лациума. Как рассказывается далее, их потомок в восьмом поколении, Нумитор, был царем Альбы Лонги, главного латинского города. Узурпатор Амулий лишил его власти и, чтобы пресек род Энея, убил сыновей Нумитора и заставил его единственную дочь, Рею Сильвию, стать жрицей Весты, а значит, дать обет девственности. Однажды Рея лежала на берегу реки «обнажив грудь, чтобы поимать прохладное дуновение»²⁹. Слишком доверившись честности богов и людей, она уснула; Марс, побежденный ее красотой, одарил ее близнецами. Амулий приказал утопить их. Близнецов положили на плот, который осторожным потоком был вынесен на берег. Детей вскормила волчица (*lupa*) или, согласно скептическому варианту, жена пастуха Акка Ларенция, прозванная Люпой потому, что ее любовь, как и любовь волчицы, не терпела никаких законов. Когда Ромул и Рем выросли, они убили Амулия, вернули власть Нумитору и решили основать на римских холмах собственное царство.

Археологические данные ничем не подтверждают достоверность этих рассказов, знакомых нам с детства. Возможно, в них содержится зерно истины.

Может быть, латиняне выслали колонистов, чтобы установить на месте Рима стратегическое препятствие на пути этрусской экспансии. Это место находилось в двадцати милях от моря и не очень подходило для развития морской торговли; однако в те времена на побережье свирепствовали пираты, и это было даже некоторым преимуществом — располагаться на некотором удалении от моря. Что касается наземной торговли, то Рим стоял на выгодном пересечении речного пути и дороги с севера на юг. Эту местность не назовешь здоровой: дожди, наводнения, ручьи подпитывали малярийные болота, лежащие на окрестных равнинах и даже в городских низинах. Отсюда — притягательность пресловутых семи холмов. Как гласит предание, первым был заселен Палатинский холм, возможно, потому, что у его подножия находился островок, значительно облегчавший работы по устройству моста и переправы через Тибр. Один за другим были заселены соседние склоны, пока избыток населения не заставил перебраться на другой берег реки и начать строительство на Ватиканском холме и Яникуле *. Три племена — латиняне, сабиняне и этруски, — что обитали на холмах, образовали федерацию Семигорье (Septimontium) и постепенно срастались в единый город — Рим.

Древнее сказание также гласит, будто Ромул, чтобы добыть жен для своих поселенцев, затеял публичные игры и пригласил на них сабинян и другие племена. Во время скачек римляне схватили сабинских женщин и прогнали мужчин. Тит Таций, царь сабинского племени куритов, объявил Риму войну и выступил в поход. Тарпея, дочь римлянина, который командовал крепостью на Капитолийском холме, открыла ворота нападающим. «В награду» они забросали ее щитами. Последующие поколения назвали ее именем знаменитую Тарпееву скалу, с которой низвергали приговоренных к смерти. Когда войско Тация приблизилось к Палатинскому холму, сабинянки, не устояв перед комплиментом, заключавшимся в самом факте похищения, добились перемирия, обратившись к противникам с жалобными увещаниями. «Если победят куриты, мы потеряем наших мужей, — сказали они, — и потерям братьев и отцов, если куриты потерпят поражение». Ромул уговорил Тация разделить с ним бремя царской власти и соединить сабинян и латинян в единую общину. После этого свободные граждане Рима стали именоваться куритами, или квиритами ³⁰. Крупницы правды могут сохраниться и в этой романтической истории, а возможно, это патристически перелицованное сказание о захвате Рима сабинянами.

После долгого царствования вихрь вознес Ромула на небеса, после чего он стал почитаться как Квирин, один из любимых римских богов. После смерти Тация главы самых знатных семейств избрали царем сабинянина Нуму Помпилия. Возможно, реальная власть и руководство от основания города до этрусского господства были сосредоточены в руках этих старейшин, или сенаторов (senatores), в то время как функции царя, подобные функциям архонта базилевса в Афинах того времени, сводились к выполнению обязанностей верховного жреца ³¹. Предание рисует Нуму Помпилия сабинским Марком Аврелием, в одно и то же время философом и святым. «Он стремился, — пишет Ливий, — внедрить страх перед богами в качестве самого мощного воз-

* В Риме имелось более семи таких возвышенностей, и список «семи» время от времени варьировался. В дни Цицерона в их число включали Палатинский, Капитолийский, Эсквилинский, Авентинский, Целиев холмы, а также Виминал и Квиринал.

действия на души варварского народа. Но так как его усилия могли не произвести на них никакого впечатления, не будь в них задействована некая сверхъестественная мудрость, он утверждал, что встречается по ночам с божественной нимфой Эгерией и что именно по ее совету он устанавливает наиболее удобные небу религиозные обряды и назначает особых жрецов для каждого из главных божеств»³².

Упрочив единообразные культовые правила для различных племен, населявших Рим, Нума укрепил единство и стабильность государства³³; заинтересовав воинственных римлян религиозными вопросами, полагал Цицерон, Нума даровал своему народу сорок лет мира³⁴.

Его преемник Тулл Гостилий вернул римлян к их привычному образу жизни. «Твердо убежденный в том, что бездействие ослабляет силы государства, он стал искать предлогов к войне»³⁵. В качестве врага он избрал материнский город — Альбу Лонгу, напал на нее и полностью разрушил. Когда царь Альбы нарушил союзнические обещания, Тулл привязал его к двум колесницам и разорвал на части, пустив колесницы в противоположные стороны³⁶. Его преемник Анк Марций разделял военную философию Тулла. Согласно Диону Кассию Анк понимал, «что для тех, кто стремится к миру, недостаточно просто воздерживаться от причинения несправедливости... но чем более кто-нибудь желает мира, тем уязвимее он становится. Он видел, что хотеть покоя не значит располагать средствами к защите, если только не заботиться о приготовлениях к войне. Он знал также, что радоваться свободе от войн с иноземцами — самый короткий путь к крушению тех, кто проявлял по отношению к ней столь неумеренный энтузиазм»³⁷.

В. ЭТРУССКОЕ ГОСПОДСТВО

Около 655 г. до н.э., продолжает свое повествование традиция, изгнанный из Коринфа богатый торговец Демарат пришел в Тарквинию, остался там и женился на этруянке³⁸. Его сын, Луций Тарквиний, переехал в Рим, достиг здесь высокого положения и после смерти Анка то ли захватил трон, то ли (что более вероятно) был избран царем при поддержке коалиции этруских семейств, проживавших в городе. «Он был первым, кто вербовал сторонников перед выборами для получения короны и произнес заранее составленную речь, чтобы заручиться поддержкой плебса»³⁹, то есть тех граждан, которые не могли возвести свою родословную к отцам-основателям. В правление этого Тарквиния Приска (Древнего) монархия усилила свою власть над аристократией и значительно возросло этруское влияние на римскую политику, инженерное искусство, религию и искусство. Тарквиний успешно воевал с сабинянами и подчинил себе весь Лациум. Говорят, он воспользовался римскими ресурсами, чтобы украсить Тарквинию и другие этруские города, но он также пригласил в свою столицу греческих и этруских художников и возвел в ней величественные храмы*. Очевидно, он олицетворял растущее могущество коммерции и финансовой деятельности и противодействие землевладельческой аристократии.

* Может быть, он также очистил город при помощи водостоков. Римские историки приписывают ему сооружение Большого Сточного Канала (Cloaca Maxima), однако некоторые ученые предпочитают датировать ее II в. до н.э.⁴⁰.

После тридцати восьми лет царствования Тарквиний был убит патрицием, вознамерившимся вновь ограничить царскую власть чисто религиозными функциями. Но вдова Тарквиния, Танахвиль, по-своему распорядилась создавшимся положением и сумела передать трон своему зятю Сервию Туллию. Сервий, по словам Цицерона, был первым, кто «завладел царством, не будучи выбран народом»⁴¹, то есть ведущими семействами. Он правил хорошо и окружил Рим защитными рвом и стенами. Но крупные землевладельцы были им недовольны и замыслили свергнуть его с трона. Вследствие этого он заключил союз с богатыми выходцами из плебса и провел реорганизацию армии и порядка голосования, чтобы тем самым упрочить свои позиции. Устроив перепись граждан и имущества, он распределил граждан по сословиям согласно их богатству, а не происхождению, так что, ничуть не затронув старую аристократию, он возвысил в качестве противовеса класс всадников (*equites*), состоявший из тех, кто мог обеспечить себя конем (*equus*) и амуницией, необходимой для службы в кавалерии*. Перепись выявила около восьмидесяти тысяч человек, способных носить оружие. Считая по одной женщине и по одному ребенку на каждого солдата и по одному рабу на каждую четвертую семью, мы можем оценить в 260 000 человек население Рима и его пригородов около 560 г. до н.э. Сервий разделил народ на тридцать пять новых триб, исходя при этом скорее из места жительства, чем из родственных отношений или общественного положения. Этим шагом, как поколение спустя Клисфен в Афинах, он ослабил политическую сплоченность и влияние на результаты голосования аристократии — класса, считавшего себя высшим по праву рождения. Когда второй Тарквиний, внук Тарквиния Древнего, обвинил Сервия в незаконном правлении, тот вынес этот вопрос на плебисцит и получил, как говорит Ливий, «единодушный вотум доверия»⁴². Недовольный Тарквиний убил Сервия и объявил себя царем**.

При Тарквинии Супербе (Гордом) монархия стала абсолютной, а этруское влияние доминирующим. Патриции всегда считали царя (*rex*) исполнителем постановлений сената и первосвященником государственной религии. Они не могли надолго подчиниться неограниченной царской власти. Поэтому они убили Тарквиния Древнего и не поднялись на защиту Сервия. Но новый Тарквиний был гораздо хуже предыдущего. Он окружил себя телохранителями, заставлял свободных людей месяцами трудиться на унижительных работах, распинал на Форуме граждан, предал смерти многих выдающихся представителей высших классов и правил с такой жестокостью, что заслужил ненависть всех сколько-нибудь влиятельных лиц^{44 ***}.

* Поскольку первоначально термин *equites* мог обозначать кавалериста, его перевод посредством английского Knight (рыцарь) иногда допустим. Однако слово *equites* скоро утратило этот первоначальный смысл и стало обозначать верхушку среднего, или делового, класса.

** Немногие исследователи склонны придерживаться крайнего скептицизма Этторе Паиса, отвергающего как легенду всю римскую историю до 443 г. до н.э. и полагающего, что оба Тарквиния — это один человек, которого никогда не существовало⁴³. Критическое и видоизмененное принятие данных исторического предания о событиях после Ромула представляется «разъясняющим явлением» лучше, чем какой бы то ни было другой подход.

*** Традиционные сообщения о Тарквинии, вероятно, сгущают краски под влиянием аристократической и антиэтрусской пропаганды. История раннего Рима писалась в основном представителями или почитателями класса патрициев, точно так же как история императорского времени создавалась такими поборниками сената, как Тацит.

Надеясь снискать популярность победоносными войнами, он напал на рутулов и вольсков. Пока он находился при войске, собравшийся сенат отрешил его от власти (508 г. до н.э.). Это был один из поворотных пунктов римской истории.

VI. РОЖДЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ

Здесь предание становится уже литературой и проза политики сплавляется с поэзией любви. Однажды вечером, рассказывает Ливий, в царском лагере при Ардее сын царя Секст Тарквиний затеял спор со своим родственником Луцием Тарквинием Коллатином о добродетельности их жен. Коллатин предложил мчаться в Рим и неожиданно явиться к супругам в часы позднего вечера. Они застали жену Секста пирующей с близкими друзьями, а Лукреция, жена Коллатина, пряла шерсть на одежду мужу. Секст возгорелся желанием испытать верность Лукреции и насладиться ее любовью. Несколько дней позже он тайно вернулся в дом Лукреции и одолел ее хитростью и силой. Лукреция послала за мужем и отцом, рассказала им о том, что произошло, и закололась. Вслед за тем Луций Юний Брут, товарищ Коллатина, призвал всех добрых людей изгнать Тарквиниев из Рима. Сам он был племянником царя, но и отец его, и брат были уничтожены Тарквинием, а он получил свое прозвище Брут (Brutus), то есть «идиот», симулируя помешательство, чтобы остаться в живых и отомстить палачу. Он мчитсся с Коллатином в столицу, излагает историю Лукреции сенату и убеждает его отправить в изгнание всю царскую семью. Между тем царь покидает армию и спешит в Рим. Извещенный об этом Брут отправляется к войску и снова пересказывает историю Лукреции. Солдаты решаются его поддержать. Тарквиний бежит на север и призывает Этрурию вернуть ему трон ⁴⁵ *.

Было создано собрание граждан-воинов, и вместо избираемого пожизненно царя оно передало власть двум консулам **, наделенным равными полномочиями, сроком на один год. Как свидетельствует предание, первыми консулами стали Брут и Коллатин. Однако Коллатин отказался от должности и был замещен Публием Валерием, заслужившим имя Попликолы — «друга народа», проведя через народное собрание несколько законов, которые станут в Риме основополагающими: о том, что любой, кто попытается сделаться царем, может быть убит без суда; что всякое покушение занять общественную должность без согласия народа должно караться смертью; что любой гражданин, приговоренный магистратом к телесному наказанию или смерти, имеет право апеллировать к народному собранию. Именно Валерий ввел обычай, по которому консул, входя в народное собрание, обязан был отделить топоры от прутьев и склонить их в знак суверенности народа и его исключительного права выносить во время мира смертный приговор.

Революция добилась двух главных результатов: она освободила Рим от этрусской династии и заменила монархию аристократическим правлением, ко-

* После Нибура большинство ученых отводят Лукреции место среди персонажей легенд или произведений Шекспира. Мы не знаем, где заканчивается история и начинается поэзия. Некоторые видят легендарного персонажа даже в Бруте *; однако и в этом случае скептицизм заходит, пожалуй, слишком далеко.

** Или, как утверждает другая традиция, двум преторам, или полководцам.

торое продержалось вплоть до эпохи Цезаря. Политическое положение беднейших граждан не улучшилось. Напротив, от них потребовали вернуть земли, предоставленные им Сервием, и они лишились даже той относительной защищенности, которую гарантировала им монархия от господства аристократии⁴⁷. Победители называли революцию триумфом свободы, однако лозунги свободы в руках сильных зачастую означают лишь то, что для них не осталось никаких ограничений в эксплуатации слабейших.

Изгнание Тарквиниев из Рима, а также победа греческих колонистов над этрусками при Кумах в 524 г. до н.э. угрожали положить конец этрусскому лидерству в Центральной Италии. Исходя из этих соображений, главный магистрат Клюзия Ларс Порсенна откликнулся на призыв Тарквиния, собрал армию из объединенных договором городов Этрурии и двинулся на Рим. В это же время попытка восстановить Тарквиния была предпринята в Риме. Среди схваченных заговорщиков оказались и два сына Брута. Пламенный первый консул подал пример (возможно, это миф) для последующих поколений римлян, когда стоически приговорил своих детей к бичеванию и обезглавливанию. Опередив Порсенну, римляне разрушили мосты через Тибр. При защите именно этого плацдарма Гораций Коклес обессмертил свое имя в латинских и английских балладах. Несмотря на эту и прочие легенды, при помощи которых поражение пыталось покрыть себя славой, Рим капитулировал перед Порсенной⁴⁸ и вынужден был вернуть часть своих земель Вейям и латинским городам, которые были когда-то завоеваны его царями⁴⁹. Порсенна показал себя человеком с хорошим вкусом, когда не стал требовать реставрации Тарквиния. В это время аристократия вытеснила монархию также и в Этрурии. Рим частично утратил свою мощь на срок жизни одного поколения, но плоды революции были сохранены.

Этруская верхушка была низложена, но приметы и следы этрусского влияния сохранялись до самого конца римской цивилизации. Меньше всего оно чувствовалось в латинском языке; однако римские числительные имеют, возможно, этруское происхождение⁵⁰, а имя *Roma* (Рим), вероятно, восходит к этрускому *rimon* (река)⁵¹. Римляне полагали, что они заимствовали из Этрурии церемонию триумфального возвращения победоносного полководца; окаймленное пурпурной полосой платье и изготовленное из слоновой кости курульное (напоминавшее колесницу) кресло магистратов, прутья и топоры, которые несли перед консулами двенадцать ликторов как знак их власти поражать и убивать⁵². Римские монеты задолго до того, как город обзавелся собственным флотом, несли изображение носа корабля, которое издавна использовалось на этруских монетах, символизируя коммерческую активность и морскую мощь Этрурии. В промежутке между седьмым и четвертым веками до н.э. в среде римских аристократов было принято посылать своих сыновей в этрусские города для получения образования; там, кроме всего прочего,

* В этрусской гробнице в Ветулонии, датируемой VIII в. до н.э., был найден двойной железный топор, рукоять которого была заключена в восемь железных прутьев⁵³. Двойной топор как символ власти по меньшей мере так же древен, как минойская цивилизация. Римляне называли связанные вместе прутья и топор *fascies* (пучки). Двенадцать ликторов (*ligare* — связывать) избирались по числу городов Этрусской федерации, каждый из которых выдвигал ликтора в свиту главного должностного лица союза.

они изучали геометрию, межевание и архитектуру⁵⁵. Римская одежда была производной этрусского платья, либо же обе традиции восходили к общему источнику.

Первые актеры и их название гистрионы (*histriones*) пришли в Рим из Этрурии. Если мы можем верить Ливию, Большой цирк (*Circus Maximus*) был построен Тарквинием Древним, который выписал скаковых лошадей и кулачных бойцов для римских игр из Этрурии. Этруски подарили Риму жестокие гладиаторские схватки, но они также научили Рим гораздо более высокому статусу женщины, чем это было в современной им Греции. Этруские инженеры возвели римские стены и построили водостоки, превратив Рим из болота в защищенную и благоустроенную столицу. Из Этрурии Рим взял большинство своих религиозных обрядов, а также авгуров, гаруспиков и предсказателей. До эпохи Юлиана (363 г. н.э.) этрусские предсказатели были составной частью любой римской армии. Считалось, что Ромул, намечая пределы Рима, воспользовался этрусскими обрядами. Из того же источника берут свое начало римская свадебная церемония с ее символизмом похищения и римский погребальный обряд. Музыкальные лады и инструменты Рим также перенял у этрусков⁵⁶. Большинство римских ремесленников происходили из Этрурии, и римская улица, на которой работали ремесленники, называлась Тусский квартал (*Vicus Tuscus*). Впрочем, сами искусства и ремесла могли просочиться в Лациум из греческой компании. Римский скульптурный портрет испытал глубокое влияние помертвых масок, изготавливавшихся для семейных собраний, — обычай, взятый из Этрурии. Этруские скульпторы украшали храмы и дворцы Рима бронзовыми статуями и терракотовыми фигурами и рельефами; этрусские архитекторы завещали Риму так называемый тосканский стиль, который до сих пор сохранился в колоннаде храма Святого Петра. Похоже, что первые крупные строения были возведены в Риме по почину этрусских царей, и именно благодаря им из скопления глинобитных и деревянных хижин Рим преобразился в город из дерева, кирпича и камня. Только при Цезаре возобновляется строительство, сопоставимое по размаху с деятельностью этрусских царей.

Мы не должны впадать в преувеличения. Сколько бы ни узнал полезного Рим от своих соседей, он оставался совершенно самобытным во всех основных жизненных проявлениях. Ничто из этрусской истории не напоминает нам те черты римского характера — суровую самодисциплину, жестокость и храбрость, патриотизм и стоическую преданность, — которые терпеливо завоевывали, а затем терпеливо правили землями Средиземноморья. Теперь Рим был свободен и сцена убрана для нового неслыханного зрелища — драмы величия и упадка язычества в древнем мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

При отсыле к классическим текстам римскими цифрами указаны «книги» (крупнейшие разделы), за которыми следуют номера глав или стихов и иногда дополнительно указываются секции или параграфы. Римская цифра при названии исследования по античной истории или справочного издания обозначает том, за которым следует указание страницы.

ГЛАВА I

- ¹ Плиний *Естественная история*, XXXVII, 77
- ² Вергилий *Георгики*, II, 149
- ³ Там же, II, 198
- ⁴ Страбон *География*, V, 48
- ⁵ Полибий *История*, I, 2 15
- ⁶ См. Таппе, *Modern Regime*, 17
- ⁷ Аристотель *Физика*, 1329 б
- ⁸ Фукидид *История пелопоннесской войны*, VI, 18 2
- ⁹ Номо, *Primitive Italy*, 32, Toutain, *Economic Life of the Ancient World*, 207
- ¹⁰ Dennis, *Cities and Cemeteries of Etruria*, I, 36
- ¹¹ Геродот *История*, V, 94, Страбон, V 1 2, Тацит *Анналы*, IV, 55, Алпиан *Римская история*, VIII, 9 66, и т. д. Дионисий Галикарнасский I, 30, рассматривал этрусков как исконных обитателей Италии, с ним солидарен и Mommsen, *History of Rome*, I 155 Dennis, I, 17, Frank, *Economic History of Rome*, 16, Randal-Maciver, *Etruscans*, 23 и Rostovzeff, *History of the Ancient World*, II, 180 разделяет традиционную точку зрения
- ¹² Dennis, I, 39
- ¹³ Paul-Louis, *Ancient Rome at Work*, 66, Toutain 211
- ¹⁴ Dennis, I, 329
- ¹⁵ Афиней *Дейнософисты*, XII, 3
- ¹⁶ Garrison, *History of Medicine*, 119
- ¹⁷ Castiglione, *History of Medicine*, 192
- ¹⁸ Аристотель у Афиней, I, 19, Dennis, I, 321
- ¹⁹ Там же, 21
- ²⁰ *Cambridge Ancient History* (CAH), IV, 415
- ²¹ Frazer, Sir J., *Magis Art*, II, 287
- ²² Схолии к Ювеналу, VI, 565
- ²³ Frazer, ук. место
- ²⁴ CAH, IV, 420—1, Mommsen, I, 232—233, Dennis, II, 168
- ²⁵ *Британская энциклопедия*, VIII, 787
- ²⁶ Anderson and Spiers, *Architecture of Greece and Rome*, 121, Strong, E., *Art in Ancient Rome*, 21, CAH, VIII, 386
- ²⁷ Плиний, XXXV, 6
- ²⁸ Rodenwaldt, G., *Die Kunst der Antike*, 509
- ²⁹ Овидий *Фасты*, III, 15
- ³⁰ Ливий *История Рима*, I, 9—13
- ³¹ Frazer, II, 289
- ³² Ливий, I, 19
- ³³ Тацит *Анналы*, III, 26
- ³⁴ Цицерон *О государстве*, II, 14
- ³⁵ Ливий, I, 22
- ³⁶ Там же, 27
- ³⁷ Дион Кассий *История Рима* Фрагмент VII
- ³⁸ Страбон, V, 2,2
- ³⁹ Ливий, I, 35
- ⁴⁰ Pais F., *Ancient Legends of Roman History*, 38
- ⁴¹ Цицерон *О государстве*, II, 21
- ⁴² Ливий, I, 46
- ⁴³ Pais, 137—138
- ⁴⁴ Дион, III, 7, и фрагм. X, 2

⁴⁵ Ливий, I, 56–57

⁴⁶ Syme, R., *The Roman Revolution*, 85, прим

⁴⁷ Цицерон *О государстве*, I, 39, Coulanges, F., *The Ancient City*, 384

⁴⁸ Тацит *История*, 72

⁴⁹ Mommsen, I, 414

⁵⁰ Dennis, I, 26

⁵¹ Duff, J. W., *Literary History of Rome*, 6, САН, IV, 407

⁵² Ливий, I, 8, Страбон, V, 2, 2, Dennis, II, 166

⁵³ САН, VII, 384

⁵⁴ Ливий, I, 8

⁵⁵ САН, VIII, 387, Hammerton, J., *Universal History of the World*, II, 1158

⁵⁶ Страбон, V, 2,2

КНИГА I

РЕСПУБЛИКА

508—30 гг. до н.э.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

(Все даты до нашей эры)

- 813 (?): Основание Карфагена
 558—...: Карфаген покоряет Западную Сицилию, Сардинию, Корсику и т.д.
 509: Установление в Риме Республики
 508: Война с этрусками; Гораций Коклес
 500: Ганнон исследует западное побережье Африки
 494: Первая сецессия плебса; образование трибуната
 492: Кориолан (?)
 485: Осуждение Спурия Кассия
 458, 439: Цинциннат — диктатор
 451: Первый Децемвират
 450: Двенадцать Таблиц
 449: Вторая сецессия плебса
 445: Канулев закон (lex Canuleia) о браке
 443: Установление цензурства
 442: Первый закон против подкупа избирателей
 396: Римляне захватывают Вейи
 390: Разграбление Рима галлами
 367: Лициний вносит поправки, смягчающие закон о долгах (lex Licinia)
 343—341: Первая Самнитская война
 340—338: Война с латинянами; роспуск Латинского союза
 339: Законы Публилия (leges Publiliae) отменяют право вето у сената
 327—304: Вторая Самнитская война
 326: Петелий смягчает закон о долгах (leges Poetelia)
 321: Поражение римлян при Кавдии
 312: Цензурство Алпия Клавдия; начало строительства Алпиевой дороги
 300: Закон Валерия о праве на апелляцию (lex Valeria); Огульниев закон (lex Ogulnia) о выборности жрецов
 298—290: Третья Самнитская война
 287: Последняя сецессия плебса; законы Гортензия (leges Hortensiae) о полномочиях народного собрания
 283: Рим завоевывает большую часть греческой Италии
 280—275: Пирр в Италии и Сицилии
 280—279: «Пирровы победы» при Гераклее и Аскуле
 272: Рим захватывает Тарент
 264—241: Первая Пуническая война
 248: Гамилькар Барка вторгается на Сицилию
 241: Поражение карфагенского флота у островов Эгаги; Сицилия становится римской провинцией
 241—236: Война наемников против Карфагена
 240: Первая драма Ливия Андроника
 239: Карфаген уступает Корсику и Сардинию Риму
 237: Гамилькар в Испании
 235: Первая драма Невия
 230: Война с иллирийскими пиратами
 222: Рим завоевывает Цизальпинскую Галлию
 221: Ганнибал принимает командование в Испании
 219—201: Вторая Пуническая война
 218: Ганнибал переходит через Альпы и наносит римлянам поражение у Тицина и Требии
 217: Ганнибал наносит поражение римлянам при Тразименском озере; Фабий Максим — диктатор
 216: Победа Ганнибала при Каннах
 215: Договор между Ганнибалом и Филиппом Пятым
 214: Рассвет Плавта
 214—205: Первая Македонская война
 212: Взятие Сиракуз римлянами
 210—209: Сципион Африканский Старший в Испании
 207: Разгром Гасдрубала при Метавре
 203: Ганнибал отзывается в Африку
 202: Сципион побеждает Ганнибала при Заме; Квинт Фабий Пиктор публикует первую римскую историю
 201: Испания — римская провинция
 200—197: Вторая Македонская война
 199: Рассвет Энния
 189: Сражение при Магнесии
 186: Запрещение культа Вакха
 184: Цензурство Катона Старшего
 171—168: Третья Македонская война
 168: Битва при Пидне
 167: Полибий в Риме
 160: Постановка «Адельфов» Теренция
 155: Карнеад читает лекции в Риме
 155—138: Война с лузитанцами
 150—146: Третья Пуническая война
 147—140: Успехи Вириата в войне против Рима в Испании
 146: Сципион Африканский Младший разрушает Карфаген; Муммий разграбляет Коринф; распространение римского господства на Северную Африку и Грецию

Борьба за демократию

508—264 гг. до н.э.

1. ПАТРИЦИИ И ПЛЕБЕИ

КТО ТАКИЕ патриции? Ливий¹ полагал, что Ромул избрал сто вождей родов своего племени, чтобы они помогли ему обустроить Рим и образовали совет или сенат. Эти люди стали позднее называться отцами (*patres*), а их потомки патрициями (*patricii*) — «происходящими от отцов». Современная наука, живущая критикой традиции, любит рассматривать патрициев как чужеземных захватчиков, возможно, сабинян, которые вторглись в Лациум и впоследствии господствовали над римским плебсом или остальным населением, как над низшей кастой. Можно предположить, что они состояли из родов, которые благодаря военному или экономическому превосходству заняли лучшие земли и затем преобразовали свое сельскохозяйственное лидерство в политическую власть. Эти победоносные роды — Манлии, Валерии, Эмилии, Корнелии, Фабии, Горации, Клавдии, Юлии и прочие — на протяжении пяти столетий поставляли Риму военачальников, консулов и юристов. После объединения трех первоначальных племен вожди родов образовали сенат, насчитывавший около трехсот членов. Они отнюдь не были такими неженками и любителями роскоши, как их потомки. Часто они сами брались за топор или плуг, довольствовались очень простой пищей и носили домотканую одежду. Плебс восхищался ими, даже борясь против них, и ко всему, что было с ними связано, прилагал эпитет *classicus*, «классический», то есть первоурядный².

Немногим уступали им в богатстве, но обладали значительно меньшим политическим влиянием всадники, или дельцы. Некоторые из них могли благодаря своим средствам пробиться в сенат и образовывали вторую часть составлявшего сенат общества «отцов и мужей, внесенных рядом с ними в списки» (*patres (et) conscripti*). Два этих класса назывались «сословиями» и получили определение *boni*, «добрые»; дело в том, что ранние цивилизации рассуждали о добродетели в понятиях ранга, способности и силы; слово *virtus* для римлян означало «мужественность», совокупность качеств, делающих мужчину мужчиной (*vir*). *Populus*, «народ», включал в себя только эти два высших класса; и первоначально знаменитая аббревиатура — *SPQR* (*Senatus Populusque Romanus*), которой столь гордо отмечены сотни тысяч памятников³, имела именно такой, узкий, смысл. Постепенно, по мере продвижения демократии, слово «народ» стало относиться и к плебсу.

Такова была основная масса римских граждан. Некоторые из них являлись торговцами и ремесленниками, некоторые были вольноотпущенниками, многие занимались крестьянским трудом. Возможно, в самом начале они были коренными жителями завоеванных холмов. Некоторые в качестве клиентов

(clientes), или зависимых граждан, были прикреплены к патронам (patronus) из высших классов; в благодарность за землю и покровительство они помогали им в дни мира, служили под их началом на войне и голосовали в народных собраниях так, как те им приказывали.

Ниже всех находились рабы. В царскую эпоху они были редки и дороги, и поэтому с ними обращались уважительно, как с ценными членами семьи. В VI в. до н.э., когда Рим приступил к своим завоеваниям, военнопленных во все больших количествах стали продавать аристократам, деловым людям, даже плебейм; статус раба значительно понизился. Согласно законам с ним можно было обращаться как с любой другой частью имущества; в соответствии с воззрениями и обычаями древних, после поражения его жизнь подлежала конфискации, и обращение в рабство считалось милостивой заменой смерти. Иногда ему доверяли распоряжение имуществом, делами, капиталами господина; иногда он становился учителем, писателем, актером, ремесленником, рабочим, торговцем или художником и отдавал хозяину часть своих заработков. Так или иначе, он вполне мог заработать сумму, достаточную для того, чтобы купить себе свободу и стать членом общины плебеев.

Чувство удовлетворенности столь же редко среди людей, сколь естественно среди животных, и ни одна из форм правления никогда не была одинаково хороша для всех подданных. Дельцов не устраивало в этой системе неучастие в решениях сената, богатых плебеев — исключение из сословия всадников; более бедные плебеи оплакивали свою бедность, политическое бессилие, постоянную угрозу попасть в рабство за долги. Закон ранней Республики позволял кредитору заключить постоянно уклоняющегося от уплаты должника в частную темницу, продать его в рабство, даже убить. Кредиторы могли, как гласил закон, разрубить труп должника на части и разделить его между собой — очевидно, данное предписание так никогда и не вступало в силу⁴. Плебс требовал отмены этих законов и облегчения всевозраставшего бремени долгов; он требовал, чтобы захваченные на войне земли, поступающие во владение государства, были распределены между бедными гражданами, а не дарованы или проданы по смехотворной цене богатым, чтобы плебеи получили право избираться магистратами и жрецами, вступать в браки с выходцами из «сословий», иметь представителей своего класса среди высших должностных лиц государства. Сенат пытался рассеять недовольство разжиганием войн и был удивлен, обнаружив, что, несмотря на призывы, никто не торопится встать под знамена. В 494 г. до н.э. крупные отряды плебса «отошли» (secessere) на Священную Гору у реки Аниен в трех милях от города и объявили, что не станут ни воевать за Рим, ни работать на него, пока их требования не пойдут навстречу. Сенат использовал все дипломатические и религиозные уловки, чтобы выманить повстанцев назад; затем, опасаясь, что к внутренним волнениям вскоре могут присоединиться внешние неприятности, пошел на отмену или облегчение долгов и установление должностей двух трибунов и трех эдилов как выборных представителей плебса. Плебс вернулся в город, но только после того, как ему была дана торжественная клятва, что всякий осмелившийся поднять руку на его представителей в правительстве будет убит⁵.

Так было положено начало открытой битве в той классовой войне, которая завершилась не раньше, чем рухнула подточенная ею Республика. В 486 г. до н.э. консул Спурий Кассий предложил наделить бедняков захваченными землями; патриции обвинили его в том, что он добивается расположения

плебса, чтобы захватить царскую власть, и убили; возможно, это был не первый эпизод в долгой череде аграрных законопроектов и инспирированных сенатом убийств, достигшей своей кульминации при Гракхах и Цезаре. В 439 г. Спурий Мелий, который в голодное время распределял пшеницу среди бедняков по низким ценам или даже бесплатно, был заколот в собственном доме рукой убийцы, подосланного сенатом, вновь выдвинувшим обвинение в подготовке к захвату царской власти⁶. В 384 г. Марк Манлий, героически защищавший Рим от галлов, был приговорен к смерти на основании такого же обвинения после того, как растратил свое имущество на помощь неплатежеспособным должникам.

Следующим шагом на пути плебса к власти стало требование определенных, писанных и не зависящих от религиозных культов, законов. Прежде жрецы-патриции и записывали и толковали законы, держа при этом свои записи в секрете и используя свое монопольное положение и ритуальную обусловленность права, чтобы всячески препятствовать социальным переменам. После долгого сопротивления новым требованиям сенат (454 г. до н.э.) послал комиссию, составленную из трех патрициев, в Грецию изучить и описать законодательство Солона и других законодателей. По их возвращении (451 г.) народное собрание избрало десятиерых мужей (*decemviri*) и поручило им сформулировать новый кодекс, наделив их при этом на двухлетний срок чрезвычайными властными полномочиями. Эта комиссия, возглавленная решительным реакционером Аппием Клавдием, преобразовала древнее устное право в знаменитые законы Двенадцати Таблиц и передала их на рассмотрение народному собранию. Они были одобрены с некоторыми поправками и установлены на Форуме для всех, кто хотел — и умел — их прочесть. Это на первый взгляд незначительное событие стало эпохальным с точки зрения истории Рима, и всего остального человечества; было осуществлено первое оформление в письменной форме той правовой структуры, которая явилась самым выдающимся римским достижением и величайшим вкладом в развитие цивилизации.

Когда истек второй год отпущенного комиссии срока, она отказалась возвращать власть консулам и трибунам и продолжала пользоваться высшими — и совершенно неограниченными — полномочиями. Аппий Клавдий, сообщая предание, подозрительно напоминающее рассказ о Лукреции, был объят страстью к прекрасной плебейке Виргинии и, чтобы владеть ею безраздельно, объявил ее рабыней. Ее отец, Луций Виргиний, протестовал, однако Клавдий не стал его слушать. Тогда тот убил свою дочь и бросился к легиону, в котором служил, чтобы просить о помощи в низвержении нового деспота. Разгневанный плебс вновь «удалился» на Священную Гору, подражая, как говорит Ливий, «сдержанности своих предков, отказавшихся от совершения какой бы то ни было несправедливости»⁷. Узнав, что армия поддержала плебс, патриции собрались в здании сената, отстранили от власти децемви-ров, отправили в изгнание Клавдия, восстановили консулат, наделили трибунов дополнительными правами, признали неприкосновенность трибунов и подтвердили перед плебсом право апеллировать к собранию центурий против решения любого магистрата⁸. Четырьмя годами позже трибун Гай Канулей выдвинул законопроект о том, что плебс должен получить право вступать в браки с патрициями и что плебеи могут выставлять свои кандидатуры на консульских выборах. Сенат, вновь столкнувшийся с угрозой вторжения мсти-

плебса, чтобы захватить царскую власть, и убили; возможно, это был не первый эпизод в долгой череде аграрных законопроектов и инспирированных сенатом убийств, достигшей своей кульминации при Гракхах и Цезаре. В 439 г. Спурий Мелий, который в голодное время распределял пшеницу среди бедняков по низким ценам или даже бесплатно, был заколот в собственном доме рукой убийцы, подосланного сенатом, вновь выдвинувшим обвинение в подготовке к захвату царской власти⁶. В 384 г. Марк Манлий, героически защищавший Рим от галлов, был приговорен к смерти на основании такого же обвинения после того, как растратил свое имущество на помощь неплатежеспособным должникам.

Следующим шагом на пути плебса к власти стало требование определенных, писанных и не зависящих от религиозных культов, законов. Прежде жрецы-патриции и записывали и толковали законы, держа при этом свои записи в секрете и используя свое монопольное положение и ритуальную обусловленность права, чтобы всячески препятствовать социальным переменам. После долгого сопротивления новым требованиям сенат (454 г. до н.э.) послал комиссию, составленную из трех патрициев, в Грецию изучить и описать законодательство Солона и других законодателей. По их возвращении (451 г.) народное собрание избрало десятерых мужей (*decemviri*) и поручило им сформулировать новый кодекс, наделив их при этом на двухлетний срок чрезвычайными властными полномочиями. Эта комиссия, возглавленная решительным реакционером Аппием Клавдием, преобразовала древнее устное право в знаменитые законы Двенадцати Таблиц и передала их на рассмотрение народному собранию. Они были одобрены с некоторыми поправками и установлены на Форуме для всех, кто хотел — и умел — их прочесть. Это на первый взгляд незначительное событие стало эпохальным с точки зрения истории Рима, и всего остального человечества; было осуществлено первое оформление в письменной форме той правовой структуры, которая явилась самым выдающимся римским достижением и величайшим вкладом в развитие цивилизации.

Когда истек второй год отпущенного комиссии срока, она отказалась возвращать власть консулам и трибунам и продолжала пользоваться высшими — и совершенно неограниченными — полномочиями. Аппий Клавдий, сообщая предание, подозрительно напоминающее рассказ о Лукреции, был объят страстью к прекрасной плебейке Виргинии и, чтобы владеть ею безраздельно, объявил ее рабыней. Ее отец, Луций Виргиний, протестовал, однако Клавдий не стал его слушать. Тогда тот убил свою дочь и бросился к легиону, в котором служил, чтобы просить о помощи в низвержении нового деспота. Разгневанный плебс вновь «удалился» на Священную Гору, подражая, как говорит Ливий, «сдержанности своих предков, отказавшихся от совершения какой бы то ни было несправедливости»⁷. Узнав, что армия поддерживала плебс, патриции собрались в здании сената, отстранили от власти *децемвиров*, отправили в изгнание Клавдия, восстановили консулат, наделили трибунов дополнительными правами, признали неприкосновенность трибунов и подтвердили перед плебсом право апеллировать к собранию *центурий* против решения любого магистрата⁸. Четырьмя годами позже трибун Гай Канулей выдвинул законопроект о том, что плебс должен получить право вступать в браки с патрициями и что плебеи могут выставлять свои кандидатуры на консульских выборах. Сенат, вновь столкнувшийся с угрозой вторжения мсти-

тельных соседей, уступил в первом пункте и отклонил второй, согласившись, однако, что шестеро из трибунов, избранных на собрании центурий, будут с этого времени обладать консульскими полномочиями. Плебс великодушно ответил на это решение, выбрав всех трибунов с консульскими полномочиями (*tribuni militum consulari potestate*) из класса патрициев.

Длительная война с Вейями (405–396) и нападение галлов на Рим сплотили на время все общество и утишили внутренние раздоры. Но победа и катастрофы стали причиной серьезных лишений для плебса. Пока они сражались за свою страну, их поля были заброшены и опустошались, а проценты по долгам превышали их платежеспособность. Заимодавцы не принимали никаких отговорок, требуя возврата занятого капитала вместе со всеми процентами или заключения и продажи должника в рабство. В 376 г. до н.э. трибуны Лициний и Секстий предложили, чтобы уже выплаченные к тому времени проценты были вычтены из суммы занятого капитала, а в течение трех лет был выплачен остаток; чтобы никому не позволялось владеть более чем пятьюстами югеров земли (*iugera* — около трехсот акров) или использовать рабов в таком количестве, при котором будет превышено определенное его соотношение с количеством свободных работников; чтобы один из консулов регулярно избирался из плебса. В течение десяти лет патриции противостояли этим предложениям; в это время, по словам Диона Кассия, «они развязывали войну одну за другой, чтобы народ был слишком занят и не поднимал вопроса о земле»⁹. В конце концов, столкнувшись с угрозой третьей сецессии, сенат принял Лициниевы законы, и Камилл, вождь консервативной партии, отпраздновал восстановление классового согласия возведением государственного храма Согласия на Форуме.

Это был очень важный этап в становлении ограниченной римской демократии. Начиная с этого момента, плебс стремительно продвигался по пути уравнивания своих формальных прав с правами «сословий» как в политической жизни, так и в законодательстве. В 356 г. до н.э. плебей был на один год назначен диктатором; в 351 г. до н.э. цензорство, в 337 г. претура, и в 300 г. жреческие должности были открыты для замещения их плебеями. Наконец, в 287 г. до н.э. сенат согласился с тем, чтобы решения собрания триб имели силу закона, даже если они идут вразрез с волей сената. Поскольку в этом собрании плебс мог одерживать легкие победы над патрициями, этот Гортензиев закон (*lex Hortensia*) стал венцом и триумфом римской демократии.

Как бы то ни было, вскоре после этих поражений власть сената была восстановлена. Требования о распределении земли были удовлетворены отправкой колонистов на захваченные территории. Стоимость предвыборной кампании и отправления должностных обязанностей (выбранные магистраты работали бесплатно) автоматически исключали бедняков из участия в них. Богатые плебеи, обеспечив себе политическое равенство и возможности, теперь сотрудничали с патрициями в сдерживании радикальных законопроектов; беднейшие плебеи, лишённые финансовых средств, на два столетия перестали играть сколько-нибудь значимую роль в римских делах. Дельцы следовали в фарватере патрицианской политики, что обеспечивало их контрактами на общественные работы, открывало доступ к эксплуатации колоний и провинций, в комиссии по сбору государственных налогов. Собрание центурий, в котором установленная процедура голосования ставила его под полный контроль аристократии, продолжало избирать магистратов, а тем самым и

сенат. Трибуны, находившиеся в зависимости от поддержки богатых плебеев, использовали свою должность как консервативную силу. Каждый консул, даже избранный плебсом, заражался яростным консерватизмом, ибо по окончании года службы он становился пожизненным сенатором. Законодательная инициатива принадлежала сенату, и его авторитет санкционировался обычаями, далеко выходящим за пределы буквы закона. По мере того как внешняя политика начинала играть все более существенную роль, контроль, осуществлявшийся над ней сенатом, значительно повышал его престиж и власть. Когда в 264 г. до н.э. Рим вступил в столетнюю войну с Карфагеном за владычество над Средиземноморьем, именно сенат вел за собой государство к победе через все испытания, и подвергнувшийся опасности и отчаявшийся народ без возражений уступил его лидерству и господству.

II. УСТРОЙСТВО РЕСПУБЛИКИ

1. Законодатели

Попробуем представить себе это сложное государство, сложившееся после пяти веков развития. По общему мнению, оно располагало одним из самых способных и удачливых правительств из тех, что когда-либо знало человечество. И действительно, Полибий видел в нем почти буквальное воплощение идеального государственного устройства, описанного Аристотелем. Оно определяло структуру римской истории, а иногда и судьбоносные для нее театры военных действий.

Кто являлся римским гражданином? С технической точки зрения тот, кто был рожден в одном из первоначальных римских племен или принят в их ряды. На практике это означало, что в число граждан входили все лица мужского пола старше пятнадцати лет, которые не были ни рабами, ни чужеземцами, а также все чужеземцы, которым было даровано римское гражданство. Никогда — ни до, ни после — гражданство не охранялось столь ревностно и не ценилось так высоко. Оно означало причастность к небольшому коллективу тех, кто вскоре станет править всем Средиземноморским регионом. Оно гарантировало неприкосновенность от легального применения пыток или телесных наказаний и право апелляции против постановления любого чиновника империи к народному собранию — а позднее к императору — в Риме.

Всем этим привилегиям сопутствовали обязанности. Гражданин, если только он не был слишком беден, мог призываться на военную службу в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет и не имел права занимать политическую должность, не прослужив до этого десять лет в армии. Его политические права столь тесно переплетались с его воинскими обязанностями, что в самых важных голосованиях он принимал участие как член своего полка, или «центурии». В царскую эпоху он голосовал также в куриатных комициях (*comitia curiata*), то есть он и другие главы семейств сходились (*cum-ire*) на собрание тридцати курий (*curiae*) или округов, на которые были разделены три племени; и именно куриатное собрание в последние дни Республики наделяло магистратов империем (*imperium*), или властными полномочиями. После падения монархии куриатное собрание вскоре уступило свои права цен-

туриатным комициям (*comitia centuriata*) — сходкам солдат, разбитых по «центуриям», состоявшим изначально из ста человек. Именно это центуриатное собрание избирало магистратов, принимало или отвергало меры, вынесенные на его рассмотрение должностными лицами или сенатом, принимало апелляции на приговоры магистратов, исследовало обвинения, выдвинутые против римских граждан и угрожавшие смертным приговором, а также решало вопросы, связанные с объявлением войны или провозглашением мира. Оно являлось основой и римской армии, и римского правительства. Тем не менее его права были довольно ограниченными. Оно собиралось только по призыву консула или трибуна и голосовало только по проектам, представленным ему магистратами или сенатом. Центуриатное собрание не могло исправлять или обсуждать эти предложения, оно только голосовало за или против.

Консервативный характер его постановлений обеспечивался классовым распределением его членов. Во главе его стояли восемнадцать центурий патрициев и деловых людей (*equites*). За ними следовал «первый класс», в который входили владельцы имущества, оценивавшегося в 100 000 ассов*; они образовывали восемьдесят центурий (8000 человек). Во второй класс входили граждане, располагавшие имуществом на суммы от 75 000 до 100 000 ассов; в третий — на суммы от 50 000 до 75 000 ассов; в четвертый — от 25 000 до 50 000 ассов; каждый из этих классов состоял из двадцати центурий. Пятый класс включал в себя граждан с имуществом от 11 000 до 25 000 ассов и имел тридцать центурий. Все те, у кого было менее 11 000 ассов, образовывали одну центурию¹⁰. Каждая центурия располагала одним голосом, определявшимся большинством ее членов; незначительное общество в одной центурии могло уравновесить подавляющее большинство в другой и дать победу тем, кто находился в численном меньшинстве. Поскольку каждая центурия голосовала по порядку ее финансового ранга и ее решение объявлялось сразу же после голосования, договоренность между первыми двумя группами обеспечивала девянью восемь голосов, или абсолютное большинство, так что классы, находившиеся ниже, редко голосовали вообще. Голосование было прямым; граждане, которые были не в состоянии добраться до Рима, не имели своих представителей в собрании. Все это не являлось обыкновенной уловкой, предназначенной лишить избирательных прав крестьянство и плебс; данная классификация проводилась на основании ценза, введенного, чтобы различать группы налогоплательщиков и военнообязанных. Римляне полагали, что вполне справедливо соизмерять ценность голоса с соответствующим участием в государственных расходах и военных мероприятиях. Граждане, чье имущество оценивалось в 11 000 ассов, располагали только одним центуриатным голосом. Зато они и платили крайне незначительные налоги и в обычное время не принимали участия в военной службе¹¹. Вплоть до времени Мария от пролетариата не требовалось ничего, кроме плодovitости. Несмотря на некоторые последующие изменения, центуриатное собрание оставалось достаточно консервативным и аристократическим институтом.

Несомненно, вследствие этого с первых же дней Республики плебс созывал свои собственные собрания *concilia plebis*. От них, может быть, происходят *comitia populi tributa*, которые имели законодательные полномочия по

* Покупательная способность асса была примерно равноценна шести американским центам по состоянию на 1942 год.

меньшей мере с 357 г. до н. э. В трибунном народном собрании избиратели распределялись в соответствии с трибой и местом жительства на базе Сервиевой переписи. Каждая триба имела по одному голосу, и голоса богатых значили столько же, сколько и голоса бедняков. После признания сенатом в 287 г. до н. э. его законодательных прав, значение собрания триб возрастало вплоть до 200 г. до н. э., когда оно стало главным источником римского частного права. Оно избирало народных трибунов (то есть представителей триб *tribuni plebis*) в отличие от военных трибунов (*tribuni militares*), избиравшихся центуриями. Однако и здесь не существовало всенародного обсуждения; магистрат выносил законопроект и защищал его, другой магистрат мог агитировать против; собрание внимало им и голосовало за или против. Хотя его устройство было более демократичным, чем у центуриатного собрания, оно не отличалось радикализмом. Тридцать одна из тридцати пяти триб были сельскими, и их члены, в основном землевладельцы, проявляли осторожность. Городской пролетариат, собранный в четыре трибы, был бессилён политически до Марии и после Цезаря.

Сенат оставался высшей инстанцией. Его первоначальный состав, набиравшийся из вождей родов, регулярно пополнялся за счет бывших консулов и цензоров, а цензоры были уполномочены следить за тем, чтобы при включении в сенат граждан патрицианского или всаднического ранга число его членов не превышало трехсот. Сенаторство было пожизненным, однако сенат или цензор могли изгонять любого, кто оказался замешан в преступлении или допустил серьезный моральный проступок. Высокое общество собиралось по призыву любого крупного магистрата в курии (*curia*), или здании сената, выходившем на Форум. По доброй традиции вместе с сенаторами сюда приходили их сыновья, чтобы, внимательно прислушиваясь к обсуждениям, изучать искусство государственной деятельности и крючкотворство. Теоретически сенат мог обсуждать и принимать решения только по тем вопросам, которые предлагались магистратом; его решения носили совещательный характер (*senatus consulta*) и не имели силы закона. На деле, его авторитет был столь высок, что магистраты почти всегда принимали его рекомендации и редко передавали в народные собрания проекты, еще не получившие одобрения сената. Любой трибун мог наложить вето на его решения, и побежденное меньшинство в сенате могло обратиться к народу¹²; но такое происходило крайне редко, за исключением смутного времени. Магистраты находились у власти на протяжении только одного года, в то время как сенаторы избирались на всю жизнь; этот бессмертный монарх неизбежно доминировал над носителями краткосрочных полномочий. Проведение внешней политики, заключение союзов и договоров, объявление войны, управление колониями и провинциями, распоряжение общественными землями и их распределением, контроль над казной и государственными расходами — все это находилось в исключительном ведении сената и наделяло его неизмеримой властью. Он совмещал в себе законодательные, исполнительные и судебные функции одновременно. Он рассматривал такие преступления, как измена, заговор или убийство, а также назначал из своих рядов судей для самых крупных гражданских процессов. При наступлении критической ситуации он мог выпустить свой самый грозный декрет, *senatus consultum ultimum*: «Пусть консулы следят за тем, чтобы государству не было нанесено никакого ущерба», — декрет,

означавший установление законов военного времени и предоставлявший консулам безраздельное право распоряжаться жизнью и имуществом граждан.

Сенат Республики * часто злоупотреблял своим авторитетом: защищал коррумпированных чиновников, безжалостно развязывал войны, алчно эксплуатировал завоеванные провинции и подавлял надежды народа на более широкое участие в распределении римского благосостояния. Но никогда больше, если не считать эпоху от Траяна до Аврелия, в государственных делах не обнаруживалось столько энергии, мудрости и умения; и никогда больше идея служения государству не владела правительством или народом в такой мере. Эти сенаторы не были сверхчеловеками; они допускали грубые просчеты, иногда проводили слишком непоследовательную политику, часто ослепленные корыстью, забывали о том, что управляют огромной Империей. Но большинство из них были магистратами, администраторами, военачальниками; некоторые из них в качестве проконсулов управляли провинциями размерами в доброе государство; многие из них были выходцами из семейств, дававших Риму государственных деятелей и полководцев на протяжении нескольких столетий; было бы невероятным, если бы собрание, составленное из таких людей, оказалось лишенным известной доли величия. Сенат проявлял свои худшие качества, когда ему доводилось одерживать победы; лучшие — когда терпел поражения. Он мог проводить политику, вовлекавшую в себя века и поколения: он мог начать войну в 264 г. до н. э. и закончить ее в 146 г. до н.э. Когда Киней, философ, посетивший Рим как посол царя Пирра, побывал на заседании сената и хорошо рассмотрел собравшихся в нем людей, он сообщил новому Александру, что застал там не заурядную сходку продажных политиков, не случайное совещание рассуждающих наобум посредственностей, но проникнутый достоинством и государственным духом «совет царей»¹³.

2. Магистраты

Главные должностные лица избирались центуриатным, рангом пониже — трибутным собранием. Каждая должность замещалась коллегией (*collegium*) из двух и более сослуживцев, наделенных равными правами. Все должности, за исключением цензорства, занимались в течение одного года. Одну и ту же должность любой гражданин мог замещать раз в десять лет; между оставлением одного поста и занятием другого должно было пройти не меньше года; в этом промежутке бывшее должностное лицо могло быть привлечено к ответственности за злоупотребления на прежнем посту. Претендент на политическую карьеру, если ему удавалось благополучно пережить десятилетнюю службу в армии, мог выставить свою кандидатуру на квесторских выборах; квесторы под надзором консула и сената управляли расходами из государственной казны и помогали преторам в предотвращении и расследовании преступлений. Если выборщики или влиятельные покровители были удовлетворены его деятельностью, он мог впоследствии быть избран в число четы-

* Термин «республика» («общее достояние», или «государство») применялся римлянами по отношению ко всем трем формам их державы — монархии, «демократии», принципату; историки ныне согласны в том, что его употребление следует ограничить периодом между 508 и 49 гг. до н.э.

реж эдилов, обязанных следить за состоянием зданий, акведуков, улиц, рынков, театров, публичных домов, трактиров, за проведением полицейских судов и устройством общественных игр. Если и здесь его ожидала удача, он мог стать одним из четырех преторов, которые в военное время возглавляли армии, а в дни мира действовали в качестве судей и толкователей законов*.

Приблизительно в этой точке своей карьеры (*cursus honorum*), или последовательности прохождения должностей, гражданин, прославившийся своей незапятнанной репутацией и разумным суждением, мог быть назначен одним из двух цензоров («оценщиков»), избиравшихся раз в пять лет центуриатным собранием. Один из них должен был осуществлять пятилетнюю перепись граждан и устанавливать размеры их имущества для соответствующего обложения налогами и определения их политического и военного статуса. Цензоры были обязаны изучить нрав и послужной список кандидата на государственный пост; они следили за женской добропорядочностью, воспитанием детей, обращением с рабами, сбором или откупом налогов, строительством общественных зданий, сдачей внаем государственного имущества и заключением сделок, наконец, правильностью обработки земли. Они могли понизить в ранге любого гражданина или убрать из сената любого его члена, которого находили виновным в безнравственности или преступлении; на эту часть цензорских полномочий не распространялось право вето любого другого магистрата или собрания. Они могли попытаться воспрепятствовать распространению расточительных привычек посредством повышения налога на роскошь. Они готовили и обнародовали план расходов из государственного бюджета на пятилетний срок. По истечении восемнадцати месяцев пребывания на своем посту они собирали граждан на торжественную церемонию национального очищения (*lustrum*), означавшего сохранение сердечных отношений с богами. Аппий Клавдий Цек (Слепой), правнук децемвира, первым сделал цензорство должностью, не уступающей в достоинстве консулату. Во время своего цензорства (312 г. до н.э.) он построил Аппиев акведук и Аппиеву дорогу, выдвинул в сенат богатых плебеев, реформировал земельные законы и государственные финансы, помог сокрушить жреческую и патрицианскую монополию, проявлявшуюся в манипуляциях законодательством, оставил свой след в римской грамматике, поэзии и риторике, наконец, благодаря произнесенной им со смертного одра речи против Пирра предопределил завоевание Римом Италии.

Теоретически, один из двух консулов («советников») должен был происходить из плебеев; на деле, на эту должность плебеи избирались очень редко, потому что даже плебс предпочитал видеть на посту, на котором приходилось иметь дело чуть ли не с каждым аспектом исполнительной деятельности в дни войны и мира на всем пространстве Средиземноморья, — видеть на нем образованного и испытанного человека. Накануне выборов находившийся при исполнении своих обязанностей магистрат исследовал положение звезд, чтобы определить, благоприятствуют ли они выставлению нескольких кандидатур; председательствуя следующим утром на центуриатном собрании, он мог предложить выбор только из тех кандидатов, которые предыдущим вече-

* Квестор от *quaesere*, «вызывать», — отсюда название суда — *quaestio*; эдил от *aedes*, здание; претор от *praere* — идти впереди, — отсюда название охранявшего его отряда — преторианская когорта.

ром получили благоприятные предзнаменования¹⁴; таким образом аристократия сдерживала «выскачок» и демагогов, и в большинстве случаев народное собрание, уstraшенное знамениями или просто запуганное, молча сносило благочестивый обман. Кандидат лично присутствовал при голосовании, облаченный в простую белую (*candidus*) тогу, чтобы подчеркнуть простоту своего образа жизни и, может быть, сделать более заметными полученные им в боях шрамы. Будучи избран, он вступал в должность 15 марта следующего года. Консул становился особой священной, ибо он руководил самыми торжественными обрядами государства. В мирное время он созывал сенат и народное собрание, выдвигал законопроекты, следил за законностью и в целом являлся исполнителем правовых предписаний. В дни войны он набирал армии, сосредоточивал денежные средства и разделял со своим коллегой по консулату командование легионами. Если оба консула умирали или были захвачены в плен во время исполнения своих полномочий, сенат провозглашал междуцарствие (*interregnum*) и назначал интеррекса (*interrex*) сроком на пять дней, пока шла подготовка к новым выборам. Это слово дает понять, что консулы на свой непродолжительный срок становились наследниками царской власти.

Консул был ограничен равенством полномочий своего коллеги, давлением сената и правом вето, которым располагал трибун. После 367 г. до н.э. избирались четырнадцать военных трибунов, призванных стоять во главе своих триб в военное время, и десять народных трибунов — представлять их интересы в дни мира. Эти десять трибунов являлись «неприкосновенными» (*sacrosancti*): считалось святотатством или уголовным преступлением применить против них насилие, за исключением случаев, когда оно санкционировалось легитимной диктатурой. Их функцией было защищать интересы народа перед правительством и при помощи одного словечка *veto* (запрещаю) — останавливать весь государственный механизм всякий раз, когда эта мера казалась желательной одному из них. Как молчаливый наблюдатель трибун мог присутствовать на заседаниях сената, разглашать его планы перед народом и своим вето лишать сенатские постановления всякой законной силы. Двери его неприкосновенного жилища оставались открытыми днем и ночью для любого гражданина, ищущего его покровительства или помощи, и право святилища или убежища являлось эквивалентом неприкосновенности личности (*habeas corpus*). Сидя на своем трибунском возвышении (*tribunal*), он мог действовать в качестве судьи, и на его решения можно было апеллировать только в трибунное собрание. В его обязанности входило обеспечение обвиняемому справедливого рассмотрения его дела и, когда это было возможно, смягчение приговора.

Как же удавалось аристократии удерживать свое верховенство, несмотря на такие серьезные ограничения? Во-первых, они распространялись только на Рим и действовали только в мирное время; во-вторых, трибунное собрание часто удавалось уговорить избрать трибунов из числа богатых плебеев: престиж богатства и недоверие к бедности побуждали народ выбирать богатых защитниками бедняков. В-третьих, аристократия позволила увеличить число трибунов с четырех до десяти; если даже только один из них будет прислушиваться к голосу разума или позволит себя подкупить, его вето сделает бесплодными усилия всех остальных¹⁵. С течением времени трибуны попали в такую зависимость, что им можно было безбоязненно доверять посещение

сената, участие в прениях, доступ в его ряды по истечении срока отправления должности.

Если все эти ухищрения терпели неудачу, то оставался последний оплот социального порядка — диктатура. Римляне соглашались с тем, что во времена всеобщего хаоса или опасности их свободы и привилегии, все сдержки и противовесы, созданные ими для своей защиты, могли стать препятствием для быстрых и решительных совместных действий, необходимых для спасения государства. В таких ситуациях сенат мог объявить обстоятельства критическими и назначить одного из консулов диктатором. Во всех случаях, кроме одного, диктаторы происходили из высших классов; однако нужно сказать, что аристократия редко злоупотребляла возможностями этого поста. Диктатор получал практически всю полноту власти в отношении жизни и имущества граждан, однако не мог использовать общественные средства иначе, как по договоренности с сенатом, и срок его деятельности ограничивался шестью месяцами или годом. Этим ограничениям подчинялись все диктаторы (кроме двух), воздавая своим поведением должное истории о том, как Цинциннат был призван от сохи спасти государство (458 г. до н.э.) и, выполнив свои задачи, сразу же вернулся к себе на ферму. После того как этот прецедент был нарушен Суллой и Цезарем, Республика превратилась в монархию, из которой она когда-то возникла.

3. Начатки римского права

Внутри этого уникального государственного устройства магистраты обеспечивали функционирование правовой системы, основанной на законах Двенадцати Табл децемвиров. До этого эпохального свершения римское право представляло собой смесь племенных обычаев, царских постановлений и жреческих повелений. *Mos maiorum* — обычай предков — оставался до конца существования языческого Рима образцом нравственности и источником права; и хотя воображение и нравоучительство, конечно же, идеализировали не ведавших жалости бюргеров эпохи ранней Республики, на рассказах о них было воспитано не одно поколение, сформировавшее стоический характер римской жизни. В остальном раннее римское право было сводом жреческих правил, частью религии, окруженной священными санкциями и торжественными ритуалами. Право было одновременно *lex* и *ius* — приказом и справедливостью; оно определяло не только человеческие взаимоотношения, но и отношения между людьми и богами. Преступление вносило разлад в эти отношения, оно разрушало *пакс деогум*, мир с богами; закон и наказание мыслились тем, что способно восстановить эти мирные отношения. Жрецы провозглашали, что является справедливым и несправедливым (*fas et nefas*), в какие дни можно проводить судебные заседания и устраивать собрания. Все вопросы, касавшиеся брака и развода, безбрачия и кровосмешения, завещаний и передачи имущества, прав детей требовали участия жреца так же, как теперь требуют участия юриста. Только жрецам были известны формулы, без которых никакое дело не могло считаться законным. Они являлись первыми римскими юрисконсультами (*iurisconsulti*), или советниками по правовым вопросам; они первыми стали давать *респонса*, или выносить правовые суждения. Законы были записаны в книгах, и эти свитки столь тщательно оберегались от племса, что

часто возникали подозрения, будто жрецы вносят изменения в их текст, дабы при случае они могли послужить целям священства или аристократии.

Двенадцать Таблиц вызвали двойную юридическую революцию: обнаружение и секуляризацию римского права. Как и другие кодексы VI и V веков, например, Харонда, Залевка, Ликурга, Солона, они привели к превращению неустойчивого неписаного обычая в ясное писаное законодательство; они были продуктом роста грамотности и демократии.

Ius civile, или гражданское право, освободилось благодаря Таблицам от *ius divinum*, или права божественного; Рим не стал теократией. Еще сильнее была подорвана жреческая монополия, когда секретарь Аппия Клавдия Слепого опубликовал (304 г. до н.э.) календарь судебных, или присутственных дней (*dies fasti*), а также список формул, применявшихся в юридических процедурах и бывших известными до того времени почти исключительно жрецам. Секуляризация сделала свой следующий шаг, когда Корунцианий (280 г. до н.э.) впервые принялся давать публичные уроки римского права; начиная с этого времени, юрист вытесняет жреца и безраздельно господствует над римской жизнью и мыслью. Вскоре Таблицы становятся основой воспитания; еще во времена Цицерона школьники должны были заучивать их наизусть; несомненно, они в немалой степени определили строгость и организованность, сутяжничество и законничество римской души. Дополняемые и исправляемые вновь и вновь — посредством законопроектов, преторских эдиктов, постановлений сената (*senatusconsulta*), императорских декретов — Двенадцать Таблиц на протяжении девяти столетий оставались основой римского законодательства.

Уже в этом кодексе процессуальное право было достаточно изощренным. Чуть ли не каждый магистрат мог исполнять судебские функции; однако обычно судопроизводством ведали преторы, и вносимые ими изменения и интерпретации статей законов позволяли римскому праву оставаться живым и растущим, вместо того чтобы превратиться в мертвое собрание прецедентов. Ежегодно *praetor urbanus*, или главный городской магистрат, набрасывал список, или «белую табличку» (*album*), в который заносил имена сенаторов и всадников, могущих быть привлеченными к участию в жюри; судья, возглавлявший рассмотрение данного дела, выбирал из этого списка членов жюри, известная часть которых могла получить отвод со стороны истца и ответчика. Юристам позволялось консультировать заказчиков и защищать их в суде; некоторые сенаторы давали юридические советы в общественных местах или у себя дома. Закон Цинция (204 г. до н.э.) запрещал брать плату за юридические услуги, однако законническая сметка знала, как обойти этот превосходный запрет. Для получения свидетельских показаний раба часто применялись пытки.

Двенадцать Таблиц — один из самых суровых кодексов в истории. Они стояли на защите патриархального всемогущества военно-аграрного общества; они позволяли отцу бичевать, заключать в оковы, в темницу, продавать, убивать любого из своих сыновей, равнодушно оговаривая, что сын, проданный трижды, освобождается из-под власти отца¹⁶. Классовое разделение закреплялось запрещением браков между патрициями и плебеями. Кредиторы располагали неограниченными правами по отношению к должникам¹⁷. Собственники могли свободно распоряжаться своим имуществом в завещаниях; права собственности были столь священны, что вор, пойманный на месте

преступления, отдавался в рабство потерпевшему. Наказания включали в себя как скромные штрафы, так и ссылку, обращение в рабство, смерть. Некоторые из них принимали форму равного воздаяния (*lex talionis*); немало было и штрафов, дотошно учитывавших общественный статус жертвы. «Кто ломает кость свободного — штраф 300 ассов; раба — 150 ассов»¹⁸. Смертью карались клевета, взяточничество, лжесвидетельство, кража урожая, ночная потрава полей соседа, обман клиента патроном, магия, поджог, убийство, «мятежные сборища в городе ночью»¹⁹.

Отцеубийцу зашивали в мешок, иногда помещая туда петуха, собаку, обезьяну или гадюку, а затем бросали в реку²⁰. Однако в пределах столицы гражданин мог подать апелляцию на решение любого магистрата, кроме диктатора, центуриатному собранию; и если обвиняемый понимал, что голосование складывается не в его пользу, он мог свободно предпочесть возможному приговору изгнание и покинуть Рим²¹. Вследствие этого, несмотря на суровость Двенадцати Таблиц, в отношении свободных граждан смертная казнь применялась в республиканском Риме довольно редко.

4. Армия Республики

В конечном счете, устройство Рима покоилось на самой удачной в истории военной организации. Граждане и армия были едины; армия, разбитая на центурии, являлась главным законодательным органом государства. Первые восемнадцать центурий составляли кавалерию; первый класс образовывал тяжеловооруженную пехоту, оснащенную двумя копьями, кинжалом, мечом и защищенную бронзовым шлемом, панцирем, наколенниками, щитом; второй класс был вооружен так же, за исключением панциря; третий и четвертый не имели доспехов; пятый был оснащен только рогатками и камнями.

Легион был смешанным соединением, состоявшим из 4200 пехотинцев, 300 всадников и разнообразных вспомогательных подразделений²². Из двух легионов составлялась консульская армия. Каждый легион подразделялся на центурии — первоначально из сотни, позднее из двухсот человек, — во главе которых находились центурионы. Каждый легион имел своё *vexillum* — знамя или флаг; воинская честь исключала попадание этого знамени во вражеские руки, и находчивые командиры иногда вбрасывали его во вражеские ряды, чтобы побудить своих подчиненных решиться на отчаянную атаку. В сражении первые ряды пехоты обрушивали на врага, находившегося на расстоянии десяти-двадцати шагов, град дротиков — коротких деревянных копий с железными наконечниками; в это же время пращники и лучники, размещенные на флангах, атаковали при помощи стрел и камней, а кавалерия пускала в ход мечи и пики. Рукопашные схватки посредством коротких мечей становились венцом и решающим моментом боя. Во время осады тяжелые деревянные катапульты, действовавшие посредством натяжения или кручения, метали десятифунтовые камни на расстояние свыше трехсот ярдов; огромные разрушительные тараны, подвешенные на тросах, оттягивались, словно качели, назад, чтобы затем врезаться во вражеские стены; возводилась наклонная земляная насыпь, укрепленная строевым лесом, на нее вкатывались башни на колесах, откуда на врага сыпались метательные снаряды²³. Вместо массивной и неповоротливой фаланги, которая, похоже, была перенята в эпоху ранней Респу-

блики у этрусков, около 366 г. до н.э., легионы стали разбиваться на манипулы*, из двух центурий каждая; между манипулами оставалось свободное пространство, и манипулы, занимавшие следующий ряд, прикрывали эти открытые промежутки. Такая организация позволяла быстро усиливать один ряд при помощи следующего и быстро сосредоточивать манипулы для отражения фланговой атаки, она давала простор искусству индивидуального боя, правилам которого римский солдат был обучен особенно хорошо.

Главным фактором успеха этой армии была дисциплина. Юный римлянин начинал обучение военному искусству еще в детские годы; он изучал его прежде всех остальных и проводил десять формировавших его личность лет на поле боя или в военном лагере. Трусость была в этой армии неискупимым грехом и каралась истязанием до смерти²⁴. Командующий имел право обезглавить любого солдата или офицера не только за бегство с поля боя, но и за всякое отклонение от приказа, вне зависимости от того, сколь благополучным оказывался исход событий. Дезертиры и воры наказывались отсечением правой руки²⁵. Пища в лагере была скромной: хлеб или каша, немного овощей, кислое вино, изредка мясо; римская армия покорила мир, находясь на вегетарианской диете; воины Цезаря роптали, когда у них выходило все зерно и им приходилось питаться мясом²⁶. Труды были столь тяжки и продолжительны, что солдаты просили командиров о битве вместо них; доблесть становилась лучшей частью благоразумия. До 405 г. до н.э. солдат не получал никакого жалованья, а после 405 г. — весьма незначительное; однако ему было позволено в соответствии с его рангом принимать участие в разделе трофеев — драгоценных металлов, денег, земель, рабов, движимого имущества. Такое воспитание производило не только храбрых и энергичных солдат, но и способных и бесстрашных полководцев; дисциплина повиновения развивала и командный талант. Армия Республики проигрывала сражения, но ни разу не проиграла войны. Люди, закаленные стоическим воспитанием и жестокими зрелищами и привыкшие к презрительной фамильярности со смертью, добились побед, которые привели к покорению Италии, затем Карфагена и Греции, наконец, всего Средиземноморья.

Такова была в целом та «смешанная конституция», которой как «лучшим из всех существующих режимов» восхищался Полибий: ограниченная демократия проявлялась в законодательной суверенности народных собраний, аристократия — в лидерстве патрицианского сената, спартанская «диархия» — в кратком царствовании консулов, монархия — в деятельности назначавшихся в критических случаях диктаторов. В сущности, это была аристократия, в которой древние и богатые семейства благодаря своим возможностям и привилегиям управляли государством на протяжении столетий и обеспечивали устойчивую преемственность римской политики, преемственность, в которой таилась секрет римских свершений.

Но у этого строя были и свои недостатки. Он представлял собой неуклюжую конструкцию из сдержек и противовесов, в которой любой приказ в мирное время мог быть отменен противоположным приказом. Разделение

* Слово *manipulus* означало горсть сена, травы и т.д.; насаженная на верхушку шеста, эта горсть, похоже, представляла собой первобытный прообраз воинского штандарта; отсюда значение термина было перенесено на группу солдат, служащих под одним знаменем.

властей способствовало свободе и — до времени — было препятствием для злоупотреблений; с другой стороны, оно приводило к величайшим военным катастрофам наподобие каннской, оно превращало демократию в правление толпы и привело в конечном итоге к перманентной диктатуре принципата. Что поражает нас, так это то, сколь долго просуществовала эта система (508—30 гг. до н.э.) и сколь многого она достигла. Возможно, причина такой устойчивости — умение приспосабливаться к самым неожиданным переменам и гордый патриотизм, воспитывавшийся в семье, школе, храме, армии, народном собрании и сенате. Преданность государству знаменовала собой зенит Республики, как беспрецедентная политическая коррупция — ее падение. Рим оставался великим, пока у него было достаточно врагов, чтобы заставить его хранить единство, проницательность и отвагу. Когда все противники оказались повержены, он расцвел на миг и начал умирать.

III. ЗАВОЕВАНИЕ ИТАЛИИ

Никогда не доводилось Риму попасть в такое плотное кольцо врагов, как после превращения его из монархии в слабый город-государство, контролирующий только 350 квадратных миль территории, что эквивалентно площади квадрата со стороной в девятнадцать миль. Пока Ларс Порсенна вел к нему свои войска, многие из соседних общин, покоренных прежде римскими царями, вернули себе свободу и образовали Латинский Союз, чтобы противостоять притязаниям Рима. Италия представляла собой разношерстную смесь независимых племен или городов, каждый из которых имел собственное правительство и разговаривал на своем языке: на севере жили лигуры, галлы, умбры, этруски, сабиняне; южнее их — латины, вольски, самниты, луканы, бруттии; вдоль западного и южного побережий греческие колонисты населяли Кумы, Неаполь, Помпеи, Пестум, Локры, Регий, Кротону, Метапонт, Тарент. Рим находился в самом центре, стратегически весьма выгодном для экспансии, но в то же время опасно открытым для атаки одновременно со всех сторон. Его спасением стало то, что враги редко объединяли свои действия против него. В 505 г. до н.э., когда Рим был в состоянии войны с сабинянами, могущественный сабинский род Клавдиев перешел на его сторону и получил права римского гражданства на благоприятных условиях. В 449 г. до н.э. сабиняне потерпели поражение; в 290 г. до н.э. все их земли были аннексированы Римом, и в 250 г. они получили полное римское избирательное право.

В 496 г. до н.э. Тарквиний убедили часть латинских городов — Тускул, Ардею, Ланувий, Арицию, Тибури и другие — объединиться в войне против Рима. Столкнувшись с этим, безусловно, слишком мощным альянсом, римляне назначили своего первого диктатора — Авла Постумия; у озера Регилл они одержали спасительную победу, получив помощь, уверяют они, от богов Кастора и Поллукса, покинувших Олимп, чтобы сражаться в римском строю. Через три года Рим заключил договор с Латинским Союзом, по которому стороны торжественно обещали, что «между римлянами и латинскими городами будет мир, покуда стоят земля и небо... Обе стороны будут получать одинаковую долю во всех корыстях, захваченных во время совместных войн»²⁷. Рим стал членом Союза, затем его вождем, наконец, господином. В 493 г. до н.э. он вступил в борьбу с вольсками; именно в этой войне Гай Марций удостоился прозвища

Кориолана после захвата Кориол, столицы вольсков. Историки добавляют, и, возможно, в их сообщениях присутствует легкий призыв романтики, что Кориолан стал непримиримым реакционером, по настоянию плебса был отправлен в изгнание (491 г.), бежал к вольскам, перестроил их армию и повел ее на осаду Рима. Умиравшие от голода римляне, продолжает легенда, отправляли посольство за посольством с целью переубедить его, но все без результата. Наконец к нему вышли жена и мать и принялись уговаривать его изменить свои намерения, угрожая, что иначе они встанут на пути продвижения его войск. После этого он отступил вместе со своей армией и был убит вольсками; или, согласно другой версии, он дожил среди них до глубокой старости²⁸. В 405 г. до н.э. Вейи и Рим вступили в смертельный поединок за контроль над Тибром. Рим осаждал враждебный город девять лет — и безуспешно; воодушевленные этим этрусские города объединились в антиримскую коалицию. Подвергнувшись нападениям со всех сторон, когда само его существование оказалось под вопросом, Рим назначил диктатора Камилла, поднявшего на борьбу новую армию, захватившего Вейи и разделившего их земли между римскими гражданами. В 351 г. до н.э. после множества новых войн южная Этрурия была присоединена Римом и получила почти современное название Туский.

Тем временем в 390 г. возникла новая и еще большая угроза. Начался тот долгий поединок между Римом и Галлией, конец которому положит только Цезарь. Пока Рим и Этрурия сражались друг с другом в следовавших одна за другой четырнадцати войнах, кельтские племена просочились через Альпы из Галлии и Германии и поселились в Италии к северу от реки По. Древние историки называли захватчиков кельтами (*Keltai, Celtae*), галатами или галлами, (*Galatae, Galli*). Об их происхождении мало что известно; мы можем лишь видеть в них представителей той же ветви индоевропейцев, которая обитала в Германии, Галлии, Центральной Испании, Бельгии, Уэльсе, Шотландии и Ирландии и приняла участие в формировании там прероманских языков. Полибий рисует их «высокими и статными», обожающими войны, сражающимися обнаженными, если не считать золотых амулетов и цепочек²⁹. Когда кельты, жители Южной Галлии, отведали итальянского вина, оно так им понравилось, что они решили отправиться в ту страну, где выращиваются столь восхитительные плоды; может быть, еще больше их подгоняла нехватка пахотных территорий и новых пастбищ. Придя в Италию, они жили там некоторое время в неестественном для них мире, возделывая землю и пася скот, перенимая постепенно этрусскую культуру, которую они застали в соседних городах. Около 400 г. до н.э. они вторглись в Этрурию и принялись за ее разграбление; этруски сопротивлялись вяло, так как большая часть их вооруженных сил отправилась на подмогу осажденным Вейям. В 391 г. до н.э. 30 000 галлов вышли к Клузию; годом позже они встретились с римлянами у реки Аллии, обратили их в бегство и вошли в Рим, не встретив никакого сопротивления. Они разграбили и сожгли большие участки города и семь месяцев осаждали остатки римской армии на гребне Капитолийского холма. В конце концов римляне уступили и заплатили галлам тысячу фунтов золота за то, чтобы те оставили город*. Те ушли, но возвратились в 367-м, а затем в

* Рассказ Ливия³⁰ о том, что в последний момент Камилл отказался выдать золото и силой вынудил галлов ретироваться, отвергается сегодня всеми учеными как выдумка, призванная не дать умалиться римской гордости. Ни одно государство никогда не знало поражений на поле боя — если верить его учебникам.

358-м и 350 гг. до н.э.; раз за разом встречая отпор, они наконец довольствовались контролем над Северной Италией, получившей с тех пор название Цизальпинской Галлии.

Пережившие галльское нашествие римляне нашли свой город настолько опустошенным, что многие из них склонялись к мысли о том, чтобы покинуть это место и сделать своей столицей Вейи. Камилл разубедил их, и правительство взяло на себя финансовую помощь тем, кто решил заново отстроить дома. Эта стремительная перестройка перед лицом множества противников явилась в значительной мере причиной хаотичности городской планировки и рискованной изогнутости узких улиц. Покоренные народы, видя, что Рим находится на краю гибели, вновь и вновь поднимали восстания, и потребовалось полвека периодических войн, чтобы излечить их от стремления к свободе. Латины, эквы, герники, вольски нападали по очереди или все вместе; если бы вольскам удалось одержать победу, они отрезали бы Рим от Южной Италии и моря, чем, вполне возможно, положили бы конец римской истории. В 340 г. до н.э. города Латинского Союза были побеждены; два года спустя Рим распустил Союз и присоединил к себе почти весь Лациум*.

Между тем, победив вольсков, Рим оказался лицом к лицу с сильными племенами самнитов. Они господствовали над большей частью Центральной Италии, где находились такие богатые города, как Нола, Беневент, Кумы, Капуя. Они подчинили своей власти большинство этрусских и греческих поселений западного побережья и были достаточно эллинизированы, чтобы создать самобытное кампанское искусство; возможно, они были более цивилизованны, чем римляне. С ними Рим сражался в трех кровопролитных войнах за контроль над Италией. У Кавдия (321 г. до н.э.) римляне пережили одно из самых сокрушительных поражений, и их разбитая армия прошла «под ярмом» — аркой из вражеских копий — в знак покорности. Консулы, бывшие вместе с армией, заключили постыдный мир, который был отвергнут сенатом. Самниты вступили в союз с этрусками и галлами, и некоторое время Рим противостоял оружию всей Италии. Его легионы одержали решительную победу при Сентине (295 г. до н.э.), и Рим присоединил к своей державе Кампанию и Умбрию. Еще через двенадцать лет он отогнал галлов за По и вновь низвел Этрурию на положение зависимой территории.

Отныне на землях между галльским Севером и греческим Югом Рим оказался господином Италии. Не довольствуясь этим и не чувствуя себя в безопасности, он предлагает городам Великой Греции выбирать между союзом под римской гегемонией и войной. Предпочитая союз с Римом дальнейшему поглощению «варварскими» (т.е. италийскими) племенами, численность которых как вне, так и внутри самих городов неуклонно возрастала, Турии, Локры и Кротона приняли римские условия; возможно, здесь, как и в городах Лация, возникли серьезные трудности в связи с классовой войной и римские гарнизоны размещались ради защиты собственников от набирающего силы плебса³². Тарент заупрямился и призвал на помощь

* Эта война была отмечена двумя, по-видимому, легендарными, деяниями. Один из консулов. Публий Деций, врезался на полном скаку в самую гущу врагов, пойдя на верную смерть, чтобы добиться для Рима поддержки богов; его коллега, Тит Манлий Торкват, обезглавил родного сына после того, как тот одержал победу в стычке с противником, не подчинившись приказу³¹.

эпирского царя Пирра. Этот галантный воитель, распаленный преданиями об Ахилле и Александре, пересек с эфирскими войсками Адриатическое море, разбил римлян при Геракле (280 г. до н.э.) и подарил европейским языкам новое прилагательное, скорбя о том, сколь дорогой ценой досталась ему победа³³. Теперь к нему присоединились все греческие города Италии, а луканы, бруттии и самниты объявили себя его союзниками. Он направляет в Рим Кинея с предложением мира и отпускает под честное слово 2000 пленников, обязанных вернуться, если Рим предпочтет войну. Сенат уже было согласился на его условия, когда старый и слепой Аппий Клавдий, который задолго до этого отошел от всех общественных дел, был внесен в здание сената и заявил, что Рим не станет заключать мира, пока на земле Италии находится вражеская армия. Сенат отослал обратно пленников, освобожденных Пирром, и вступил в войну. Молодой царь одержал еще одну победу; затем, недовольный медлительностью и трусостью союзников, он переправляется со своей поредевшей дружиной на Сицилию. Он снимает с Сиракуз карфагенскую осаду и вытесняет карфагенцев из всех их владений на острове; однако его высокомерное правление стало раздражать сицилийских греков, полагавших, что они способны сохранить свободу, не имея ни порядка, ни смелости. Они лишили Пирра своей поддержки, и тот вернулся в Италию, сказав о Сицилии: «Что за превосходную награду оставляю я для схватки между Карфагеном и Римом!» Его армия встретила с римской при Беневенте, где ему впервые пришлось испытать поражение (275 г. до н.э.); легковооруженные и мобильные манипулы доказали свое превосходство над неповоротливыми фалангами и открыли новую главу в военной истории. Пирр потребовал от своих итальянских союзников подкреплений; те отказали, сомневаясь в его надежности и постоянстве. Он возвратился в Эпир и погиб в Греции смертью искателя приключений. В том же году (272 г. до н.э.) Милон сдал Тарент Риму. Вскоре все греческие города прекратили сопротивление, а самниты нехотя капитулировали. Так после двух столетий войны Рим стал правителем Италии.

Завоевания были быстро закреплены созданием колоний, частью отправлявшихся Латинским Союзом, частью Римом. Эти колонии служили нескольким целям: они облегчали безработицу, давление на средства существования, вызванное ростом населения и, как следствие этого, классовую вражду в Риме; они действовали как воинские гарнизоны и были очагами лояльности среди покоренных народов, аванпостами и рынками сбыта для римской торговли, производили добавочное продовольствие для голодных в столице; завоевания в Италии были доведены до конца при помощи плуга вскоре после того, как они были начаты мечом. Таким-то вот образом и были основаны или романизированы многие итальянские города, существующие и поныне. Латинские язык и культура распространились по всему полуострову, в массе своей все еще варварскому и многоязычному, и Италия постепенно продвигалась к единству. Первый шаг по пути к политическому синтезу — жестокому по исполнению, величественному по результату — был сделан.

Но на Корсике, в Сардинии, Сицилии, Африке, закрывая западное Средиземное море для римской торговли и заключая Италию в темницу омывающих ее морей, встала держава, более древняя и богатая, чем Рим.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ливий, I, 8.
- ² Авл Геллий. *Аттические ночи*, VI, 13.
- ³ Ливий, II, 56; САН, VII, 456.
- ⁴ Авл Геллий, XX, 1, 45—51; Дион, фрагм. XVI, 4.
- ⁵ Ливий, II, 23—30; Дион, IV, 7 и фрагм. XVI, 6; Дионисий, VI, 45; Плутарх. *Кориолан*.
- ⁶ Ливий, IV, 13; Дион, VI, 7.
- ⁷ Ливий, III, 52.
- ⁸ Дион, V, 7.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Ливий, I, 43.
- ¹¹ Frank, *Economic History*, 20; Smith, W., *Dictionary of Greek and Roman Antiquities*, s. v. *exercitus*.
- ¹² Mommsen, III, 60.
- ¹³ Плутарх. «Пирр».
- ¹⁴ Coulanges, 244.
- ¹⁵ Дион, IV, 7.
- ¹⁶ Двенадцать Таблиц, IV, 1—3. См. Monge, P., *Sourre Coor*, 337.
- ¹⁷ Двенадцать Таблиц, III, 1—6.
- ¹⁸ Там же, VIII, 3.
- ¹⁹ Там же, 21—26.
- ²⁰ Цицерон. *В защиту Росция*, 25—26.
- ²¹ Полибий, III, 6.
- ²² Ливий, VII, 24.
- ²³ Витрувий. *Об архитектуре*, II, 12.
- ²⁴ Полибий, VI, 37.
- ²⁵ Фронтин. *Стратегемы*... IV, 1.
- ²⁶ Frank, *Economic History*, 338; Id., *Economic Survey of Ancient Rome*, V, 160; Fowler, W. W., *Social life at Rome*, 32; Edwards, N. J., *Appendix A to Caesar, Gallic War*.
- ²⁷ Дион, VI, 95.
- ²⁸ Ливий, II, 34; Дионисий, VII, 50; Дион, V, 7 и фрагм. XVII, 2; Аппиан. *История Рима*, II, 5; Плутарх. *Кориолан*.
- ²⁹ Полибий, II, 15—20.
- ³⁰ Ливий, V, 42.
- ³¹ Дион, VII, 7.
- ³² Coulanges, 494.
- ³³ Плутарх. *Изречения великих полководцев. Моралиа*, 184 С.

Ганнибал против Рима

264—202 гг. до н. э.

I. КАРФАГЕН

ВЕКОВ за одиннадцать до начала нашей эры проницательные торговцы из Финикии открыли минеральные богатства Испании. Вскоре между Сидоном, Тиром и Библом на одном конце Средиземного моря и расположенным в устье Гвадалкивира Тартессом — на другом стал курсировать целый флот торговых судов. Поскольку в те времена столь далекие путешествия не могли осуществляться без множества стоянок, а южные берега Средиземного моря являлись самым коротким и безопасным маршрутом, финикийцы установили промежуточные посты и торговые гавани на Африканском побережье, такие, как Большая Лепта (ныне Лебда), Гадрумет (Сус), Утика, Гиппон Диарритос (Бизерт), Гиппон Царский (Бон), Ликс за самим Гибралтаром (юг Танжера). Семитские поселенцы, обосновавшиеся в этих местах, ассимилировали часть местного населения, купив мир с остальными. Около 813 г. до н. э. новый отряд колонистов — возможно, из Финикии, возможно, из бурно растущей Утики — построил дома на мысе десятью милями к северо-западу от современного Туниса. Узкий полуостров было легко защищать от неприятеля, а почва, орошаемая рекой Баградас (Меджерда), оказалась столь плодородной, что смогла восстанавливаться после повторяющихся разорений. Античная традиция приписывала основание города Элиссе, или Дидоне, дочери тирского царя: после того, как ее муж был убит ее братом, она отплыла вместе с другими, так же жаждущими приключений спутниками в Африку. Ее поселение получило название Карт-хадашт — Новый Город, — чтобы отличать его от Утики; греки преобразовали это имя в Кархедон, а римляне — в Карфаген (Carthago). Латиняне называли Африкой район между Карфагеном и Утикой и следовали грекам, именуя его семитских обитателей пунийцами (роепi), то есть финикийцами. После осад Тира Салманасаром, Навуходоносором и Александром многие богатые тирийцы бежали в Африку. Большинство из них переселились в Карфаген и превратили его в новый центр финикийской торговли. По мере заката Тира и Сидона множились сила и сияние Карфагена.

Усилившийся город оттеснил африканских туземцев в глубь материка, прекратил выплачивать им дань, стал взимать дань сам, пользуясь ими как рабами и крепостными в доме и на полях. Оформились крупные поместья; на некоторых из них работало до 20 000 человек¹. Под надзором прагматичных финикийцев сельское хозяйство превратилось в науку и промышленное производство, которым подвел итог карфагенянин Магон в своем знаменитом руководстве по земледелию. Орошаемая при помощи каналов земля расцвела садами, хлебными полями, виноградниками; она изобиловала садами олив,

гранатов, персиков, вишен и смокв². Кони и крупный рогатый скот, овцы и козы выкармливались на ее лугах. Ослы и мулы служили для перевозки тяжестей, а слон был одним из многих одомашненных животных. Городская промышленность была относительно неразвита, за исключением металлообработки; карфагеняне, как и их азиатские предки, предпочитали торговать тем, что производилось другими. Они направляли своих тяжело груженных мулов на восток, запад и юг Сахары, чтобы найти там слонов, слоновую кость, золото или рабов. Их огромные галеры перевозили товары между сотнями портов от Азии до Британии, так как они в отличие от многих других моряков не боялись заплывать за Геркулесовы столпы. Предположительно именно они около 490 г. до н.э. субсидировали Ганнона, совершившего исследовательское плавание вдоль Атлантического побережья Африки и преодолевшего в этом путешествии 2600 миль морского пути; похоже, они же снарядили экспедицию Гимилькона, исследовавшего северное побережье Европы. Хотя их монетное производство не представляло собой ничего выдающегося, очевидно, они первыми стали выпускать нечто напоминающее современные бумажные деньги — кожаные полоски, на которых указывалась их ценность и которые были действительны на всей территории карфагенской державы.

Вероятно, именно богатые купцы, а не аристократы-землевладельцы, финансировали те самые армию и флот, которые превратили Карфаген из заурядной торговой гавани в империю. Африканское побережье (за исключением Утики) было завоевано на всем пространстве от Киренаики до Гибралтара и за ним. Тартесс, Гадес (Кадис) и другие испанские города признали свое поражение, и Карфаген богател на золоте и серебре, железе и меди, добываемых в Испании. Он захватил Балеарские острова и продвинул пределы своего влияния вплоть до Мадейры; он покориł Мальту, Сардинию, Корсику, западную половину Сицилии. Он обращался с подвластными ему странами с различной степенью суровости, назначая ежегодную дань, привлекая их население в свою армию и строго контролируя их внешнюю политику и торговлю. Взамен он обеспечивал им военную защиту, местное самоуправление и экономическую стабильность. Мы можем судить о благосостоянии этих зависимых территорий по тому факту, что жители Лепты Малой вносили 365 талантов (1 314 000 долларов) в год в казну Карфагена.

Эксплуатация его державных и торговых преимуществ позволила Карфагену в третьем столетии до н. э. стать самым богатым из городов Средиземноморья. Торговые пошлины и налоги приносили ему ежегодно 12 000 талантов — в двадцать раз больше, чем получали Афины в пору своего расцвета. Высший класс жил во дворцах, носил дорогие одежды, питался изысканными яствами. Город, в котором теснились четверть миллиона жителей, прославился своими знаменитыми храмами, публичными банями, но прежде всего своими безопасными гаванями и вместительными доками. Каждый из 220 доков был украшен двумя мраморными колоннами, так что внутренняя гавань (cōthon) представляла собой величественное зрелище круга из 440 колонн. Отсюда широкая улица вела к Форуму — опоясанному колоннадой квадрату, установленному греческими скульптурами и вмещавшему административные здания, торговые представительства, суды и храмы; к нему примыкали по-азиатски узкие улочки, кишашие тысячами лавок, предлагающих изделия сотен ремесел и оглашаемых криками заключающих сделки купцов. Дома поднимались на шесть этажей, но часто целым семьям приходилось ютиться в един-

ственной комнате. В центре города в качестве одной из многих будущих подсказок римским строителям возвышался холм, или цитадель,— Бирса; здесь располагались сокровищница и монетный двор, святыни и колоннады и прекраснейший из карфагенских храмов, посвященный великому богу Эшмуну. Вокруг обращенной в глубь материка части города была возведена тройная защитная стена высотой в 45 футов, с еще более высокими башнями и бастионами; внутри стен можно было разместить 4000 коней, 300 слонов, 20 000 солдат³. Снаружи оставались поместья богачей, а за ними лежали поля бедняков.

Карфагеняне были семитами, родственными по крови и антропологическому типу древним евреям. Их язык то и дело поражал слух отзвуком еврейской речи, как в случае с названием главных магистратов — шофетов (*shofetes*; евр. *shophetim*), или судей. Мужчины отращивали бороды, но обычно брили верхнюю губу при помощи бронзовой бритвы. Большинство из них носили фески или тюрбаны, туфли или сандалии, а также длинное просторное платье; верхние слои общества переняли греческий стиль одежды, окрашивали свои одеяния пурпуром и окаймляли их стеклянными бисеринами. Женщины вели преимущественно замкнутый и скрытный образ жизни; они могли достичь высокого положения в качестве жриц, но во всех остальных областях жизни им приходилось довольствоваться лишь верховной властью своего очарования. И мужчины и женщины носили драгоценности и пользовались благовониями, а иногда продевали кольцо через нос. Нам мало известно об их нравах, если не считать сведений, сообщаемых их врагами. Греческие и римские писатели описывают их как обжор и пьяниц, как любителей собираться за обеденным столом, целиком сосредоточенных на поглощении пищи, как людей, столь же распущенных в любви, сколь вероломных в политике. Вероломные римляне употребляли словосочетание *fides Punica* («карфагенская верность») как синоним коварства. Полибий сообщал, что «в Карфагене не считается постыдным ничто, что принесит прибыль»⁴. Плутарх поносил карфагенян как «жестоких и угрюмых, послушных властителям, тягостных для подчиненных, впадающих в крайнюю трусость, когда они напуганы, и в крайнюю дикость, когда разгневаны, упрямых в своих решениях, суровых и не способных чувствовать радости и прелести жизни»⁵. Но Плутарх, хотя он, как правило, честен в своих свидетельствах, всегда оставался греком; что касается Полибия, то он был близким другом того Сципиона, который сжег Карфаген дотла.

Худшие стороны Карфагена отчетливо проступают в его религии, сведения о которой опять-таки донесены до нас его врагами. Их финикийские пращуры почитали Баала-Молоха и Астарту как персонификации заключенных в природе мужского и женского начал, а также солнца и луны; карфагеняне относились с такой же привязанностью к соответствовавшим им божествам — Баалу-Хаману и Танит. Особенно распаляла их благочестие Танит; они наполняли ее храмы приношениями и призывали ее имя в клятвах. Третьим по значению был бог Мелькарт, «Ключ Града»; затем Эшмун, бог благосостояния и здоровья; наконец, рой младших богов — «ваалов», или господ; в качестве божества почиталась даже Дидона⁶. В больших городах в жертву Баалу-Хаману приносились живые дети — до трехсот в день. Их помещали на наклонно поставленные лапы идола, и они скатывались в разведенный внизу огонь; их крики тонули в шумных звуках труб и кимвалов. От матерей требо-

вали смотреть на это зрелище без слез и стонов; в противном случае они рисковали навлечь на себя обвинение в нечестии и потерять доверие божества. Временами богатые отказывались приносить в жертву своих детей и покупали им замену среди бедняков; но когда Агафокл Сиракузский осаждал Карфаген, высшие классы, испугавшись, что их увертка вызвала раздражение божества, бросили в костер двести отпрысков аристократических семейств⁷. Следует добавить, что эти истории рассказаны нам Диодором, сицилийским греком, который совершенно равнодушно взирал на греческую практику инфантицида. Может быть, карфагенские жертвоприношения делали более приемлемой для благочестивых душ попытку контролировать избыточную человеческую плодovitость.

Когда римляне разрушили Карфаген, они подарили найденные там библиотеки своим африканским союзникам. Ничего из этих собраний не дошло до нас, не считая Ганнонова описания его путешествия и фрагментов из Магона, посвященных земледелию. Святой Августин уклончиво уверяет нас, что «в Карфагене существовало множество вещей, мудро доверенных человеческой памяти»⁸, а Саллюстий и Юба пользовались сочинениями карфагенских историков. Из карфагенских построек не сохранилось ничего — римляне не оставили здесь камня на камне. Рассказывают, что архитектурный стиль Карфагена был смешением финикийского и греческого стилей, что его храмы были обильно и богато украшены, что храм и истукан Баала-Хамана были покрыты золотыми пластинами весом в тысячу талантов⁹, что даже гордые греки считали Карфаген одной из самых красивых столиц мира. Тунисские музеи хранят несколько скульптурных фрагментов, служивших прежде украшением саркофагов и найденных в гробницах неподалеку от места, на котором стоял Карфаген; самая прелестная из них — это сильная и грациозная фигура, возможно, Танит, изготовленная, в сущности, в греческой манере. Меньшие статуи, извлеченные из карфагенских могил в Балеаресе, довольно грубой работы и часто отталкивающе гротескны, словно их назначением было поражать детей или устрашать демонов. Сохранившаяся керамика имеет чисто утилитарный характер; однако нам известно, что карфагенские ремесленники могли делать отличные работы из тканей, драгоценных металлов, слоновой кости, черного дерева, янтаря и стекла.

Дать ясное представление о структуре карфагенского политического режима не входит сейчас в нашу задачу. Аристотель восхвалял государственное устройство Карфагена, говоря, что «во многих отношениях оно превосходит все остальные», ибо «доказано, что государство может быть хорошо упорядочено, когда простые граждане устойчиво лояльны по отношению к конституции, когда нет никаких достойных упоминания внутренних конфликтов и когда никому не удается стать единовластным правителем»¹⁰. Время от времени граждане встречались в народном собрании, будучи облечены властью принять или отклонить (но не обсуждать или исправлять) предложения, выдвинутые сенатом, состоявшим из трехсот старейшин; впрочем, сенат был не обязан выносить на народное собрание решения, по которым его членам удавалось самим прийти к соглашению¹¹. Сенаторов избирал народ, но зачастую открытый подкуп сводил к минимуму достоинства или опасности этой демократической процедуры и ставил на место родовой аристократии олигархию богатства. Из предложенных сенатом кандидатур народное собрание еже-

годно выбирало двух шофетов, призванных возглавлять юридическую и административную иерархии. Над коллективными органами, то есть народным собранием и сенатом, стоял суд из 104 судей, которые в нарушение закона занимали свои кресла пожизненно. Поскольку он был уполномочен следить за всеми действиями государственной администрации и требовать отчета от каждого должностного лица по окончании срока его деятельности, этот суд приобрел ко времени Пунических войн контрольную власть над правительством и гражданами.

Кандидат в главнокомандующие выдвигался сенатом и избирался народным собранием. Он находился в лучшем положении, чем римский консул, так как его командование могло длиться столько, сколько считал нужным сенат. Однако римлянин вел против Карфагена легионы патриотически настроенных землевладельцев, в то время как карфагенская армия являла собой наемное войско чужеземного происхождения (главным образом ливийского), не испытывавшее особенных симпатий к Карфагену, лояльное лишь по отношению к тем, кто ее содержал, да изредка к своему военачальнику. Карфагенский военный флот был, несомненно, наиболее мощным морским объединением своего времени; 500 квинкверем, ярко разукрашенных, легких и стремительных, превосходно защищали карфагенские колонии, рынки и торговые маршруты. После того как эта армия покорила Сицилию, а этот флот закрыл западное Средиземноморье для римской торговли, разразилась та столетняя схватка не на жизнь, а на смерть, которая известна нам под именем трех Пунических войн.

II. РЕГУЛ

Когда-то два эти государства были дружественными — в те времена, когда одно из них было достаточно сильным, чтобы навязать свою волю другому. В 508 г. до н.э. они заключили договор, который признавал римское владычество над побережьем Лация, но требовал от римлян не плавать по Средиземному морю западнее Карфагена и не делать остановок в Ливии или на Сардинии, за исключением тех случаев, когда возникает необходимость пополнить запасы провизии или починить корабли¹². По словам греческого географа, это была обычная практика карфагенян — топить иностранных мореходов, захваченных между Сардинией и Гибралтаром¹³. Греки из Массалии (совр. Марсель) развивали мирную прибрежную торговлю между Южной Галлией и Северо-Восточной Испанией; Карфаген, сообщают наши источники, подрывал эту торговлю пиратскими рейдами, и Массалия была верным союзником Рима. (Мы не знаем, что здесь пропаганда, а что история.) После того как Рим взял под контроль Италию, он не мог чувствовать себя в безопасности, покуда две враждебные силы — греки и карфагеняне — владели Сицилией, находившейся в миле от Итальянского побережья. Кроме того, земля Сицилии была плодородна; она могла обеспечить зерном половину Италии. Захвати Рим Сицилию, Сардиния и Корсика сами перешли бы в его руки. Следующий этап римской экспансии был с очевидностью предопределен этими обстоятельствами.

Как найти *casus belli* (повод к войне)? Около 264 г. до н.э. шайка самнитских наемников, называвших себя мамертинцами, то есть «людьми Марса»,

овладела Мессаной (ближайший к Италии город на Сицилийском побережье). Они убили или изгнали греческих граждан, поделили между собой жен, детей и имущество своих жертв и жили набегами на окрестные греческие города. Гиерон Второй, тиран Сиракуз, осадил их логово; карфагенский десант, высадившийся у Мессаны, оттеснил Гиерона назад и взял власть над городом в свои руки. Мамертинцы обратились к Риму с просьбой о помощи в изгнании своих спасителей. Сенат колебался, зная мощь и богатство Карфагена; но богатые плебеи, доминировавшие в центуриатном собрании, призывали к войне и походу на Сицилию. Рим решил, что, какова бы ни была цена, он не может допустить, чтобы Карфаген владел столь близкой и стратегически важной гаванью. Снарядили флот и поручили его командующему Гаю Клавдию идти на выручку мамертинцам. Однако карфагеняне уже убедили тех отказаться от римской помощи. Послание, в котором мамертинцы брали назад свою просьбу, застало Клавдия уже в Регии. Не обратив на него никакого внимания, Клавдий пересек пролив, пригласил карфагенского командующего на переговоры, лишил его свободы и велел передать карфагенской армии, что убьет ее командира, если она окажет сопротивление. Наемники с радостью встретили столь блестящий предлог для отказа от встречи с легионами, и Мессана досталась Риму.

Два героя были вознесены на вершины славы Первой Пунической войной: римлянин Регул, карфагенянин Гамилькар. Возможно, нам следует упомянуть и двух других — сенат и народ Рима. Сенат добился того, чтобы Гиерон встал на сторону Рима и тем самым обеспечил римской армии в Сицилии бесперебойное снабжение всем необходимым; мудро и осмотрительно он подготовил Рим к войне и привел его к победе, несмотря на, казалось бы, неодолимые препятствия. Граждане нашли деньги, материалы, рабочую силу, чтобы построить первый римский флот — 330 судов, почти все из которых — стопятидесятифутовые квинкверемы с тремястами гребцами и ста двадцатью солдатами на борту; большинство кораблей было экипировано новыми железными абордажными крючьями и переносными сходнями для высадки на вражеские галеры. Благодаря этим приспособлениям искусство морского боя, непривычное для римлян, могло быть максимально приближено к условиям рукопашной схватки, в которой легионеры могли проявить все свои умения. «Этот факт, — пишет Полибий, — показывает нам лучше, чем что бы то ни было еще, сколько одушевления и дерзости способны выказать римляне после того, как решились на какое-нибудь предприятие... Они никогда не участвовали в морских битвах; но стоило им схватить замысел, как они столь рьяно принялись за дело, что, не успев даже приобрести необходимых для таких вещей навыков, они сразились с карфагенянами, которые на протяжении многих десятилетий владычествовали на море»¹⁴. В стороне от Экнома, расположенного на юге Сицилии, два враждебных флота столкнулись в крупнейшей морской битве античности (256 г. до н.э.). В ней приняло участие 300 000 человек. Римляне, предводительствуемые Регулом, одержали решительную победу и беспрепятственно подошли к берегам Африки. Высадившись без проведения надлежащей рекогносцировки, они вскоре встретили превосходящие силы карфагенян, которые практически полностью их уничтожили, пленив опрощетчиков консула. Вскоре после этого бедствия римский флот был выброшен штормом на скалистое побережье; 284 корабля потерпели крушение, и около 80 000 моряков утонуло. Худшей морской катастрофы

человечество еще не знало. Римляне показали, чего они стоят, построив за три месяца 200 новых квинкверем и обучив 80 000 человек, чтобы снабдить их экипажами.

Продержав Регула у себя пять лет, его пленители разрешили ему сопровождать карфагенское посольство, отправлявшееся в Рим просить мира, но с тем условием, что он вернется назад, если сенат отвергнет предложения Карфагена. Когда Регул познакомился с этими предложениями, он посоветовал сенату отклонить их и, несмотря на уговоры семьи и друзей, вернулся вместе с послами в Карфаген. Там он был замучен — его постигла смерть от бессонницы¹⁵. Его сыновья в Риме схватили двух высокородных карфагенских пленников, прикрепили им к груди доски с гвоздями и держали без сна, пока те не умерли¹⁶. Оба рассказа кажутся неправдоподобными до тех пор, пока мы не вспомним зверства нашего времени.

III. ГАМИЛЬКАР

Гамилькар, Гасдрубалов и Ганнибалов в Карфагене было преизобилие, потому что эти имена давались членам старейших семейств почти в каждом поколении. Это были так называемые теофорные имена, заключавшие в себе имя божества. Имя Гамилькар означало «тот, кого защищает Мелькарт»; Гасдрубал — «тот, кому помогает Баал»; Ганнибал — само «благоволение Ваала». Наш Гамилькар получил прозвище Барка — «молния»; ему было свойственно наносить быстрые, внезапные удары в самых неожиданных местах. Он был еще молод, когда Карфаген доверил ему пост главнокомандующего (247 г. до н.э.). Взяв с собой небольшую часть флота, он изводил Италийское побережье застающими врасплох высадками, разрушал аванпосты Рима и захватывал множество пленных. Затем в виду римской армии, удерживавшей Панорм (Палермо), он высадил свои войска и захватил высоту, главенствовавшую над городом. Его отряд был слишком мал, чтобы ввязываться в серьезное сражение, но всякий раз, когда он выводил солдат в поход, они возвращались с добычей. Он просил карфагенский сенат о подкреплении и провианте; тот ответил отказом, придерживая свои запасы, и приказал ему кормить и одевать своих солдат за счет лежащих вокруг него поселений.

Тем временем римский флот одержал новую победу и потерпел новое поражение при Дрепане (249 г. до н.э.). Почти одинаково устав от войны, обе державы получили девятилетнюю передышку. Но если Карфаген бездействовал, уповая на военный гений Гамилькара, несколько римских граждан на добровольной основе снарядили флот в двести боевых кораблей, способных нести шестидесятитысячную армию. Эта новая армада, тайно пустившись в плавание, застала карфагенский флот совершенно неподготовленным у Эгатских островов, лежавших в стороне от западного побережья Сицилии, и нанес ему такой урон, что Карфаген взмолился о мире (241 г. до н.э.). Карфагенская часть Сицилии была отдана Риму, ему была обещана ежегодная выплата контрибуции в размере 440 талантов на протяжении десяти лет, были сняты все карфагенские ограничения римской торговли. Война продлилась почти двадцать четыре года и поставила Рим на грань банкротства, так что его деньги обесценились до 23 процентов своей прежней стоимости. Но война показала несокрушимое упорство римского характера и превосходство армии,

составленной из свободных людей, над наемным войском, ищущим как можно большей поживы как можно меньшей кровью.

Карфаген чуть было окончательно не погубила его жадность. Он задержал выплату жалованья наемникам, даже тем, которые проявили себя с лучшей стороны под началом Гамилькара. Наемники ворвались в город и потребовали своих денег. Видя, что карфагенское правительство тянет время и пытается рассеять их силы, они подняли бешеный мятеж. Подвластные Карфагену народы, обложенные во время войны непосильными налогами, присоединились к восстанию, а ливийки продали свои драгоценности, чтобы поддержать восстание. Двадцать тысяч наемников и повстанцев, ведомые Матоном, ливийцем и свободным человеком, и Спендием, кампанским рабом, осадили Карфаген в то время, когда в его стенах едва ли нашелся бы хоть один солдат, способный встать на его защиту. Богатые купцы трепетали за свою жизнь и обратились к Гамилькарару с мольбой о спасении. Разрываясь между двумя привязанностями — к наемникам и родному городу, — Гамилькар организовал из карфагенян десятитысячную армию, вымуштровал ее, повел в бой и снял осаду. Разбитые наемники отступили в горы, отрубили руки и стопы у Гескона, карфагенского военачальника, и у 700 других пленников, перебили им ноги и бросили еще живыми в общую могилу¹⁷. Гамилькар загнал 40 000 повстанцев в узкое ущелье и перекрыл все выходы так плотно, что те стали гибнуть от голода. Они съели оставшихся пленников, затем рабов; наконец, они отправили Спендию просить о мире. Гамилькар распял Спендию и растоптал слонами сотни пленников. Наемники попытались вырваться из западни с боем, но были немилосердно перерезаны. Матона, попавшего в плен, заставили бежать по улицам Карфагена, а горожане секли его бичами и мучили, пока он не умер¹⁸. «Наемническая война» длилась сорок месяцев (241—237 гг.) и, по словам Полибия, «была решительно самой кровопролитной и нечестивой войной в истории»¹⁹. Когда мятеж был подавлен, Карфаген обнаружил, что Рим занял Сардинию. Карфаген попытался протестовать, и Рим объявил войну. Отчаявшиеся в успехе карфагеняне вынуждены были купить мир, заплатив еще 1200 талантов и отказавшись от притязаний на Сардинию и Корсику.

Можно вообразить себе ярость, охватившую Гамилькара при виде такого обращения с его родиной. Он предложил карфагенскому правительству предоставить ему войска и денежные средства для восстановления карфагенского господства в Испании, откуда открывался путь для вторжения в Италию. Землевладельческая аристократия приняла этот план в штыки, опасаясь возобновления войны; купеческий средний класс, жалея о потере иностранных рынков и портов, его поддержал. Стороны пришли к компромиссу, и Гамилькар получил в свое распоряжение умеренный воинский контингент, с которым переправился в Испанию (238 г. до н.э.). Он привел к покорности города, чья преданность Карфагену не выдержала испытаний войны, пополнил свою армию местными новобранцами, снарядил и обеспечил ее за счет продукции испанских серебряных рудников и умер во время похода против одного из испанских племен (229 г. до н.э.).

После него в военном лагере остались его зять Гасдрубал и сыновья Ганнибал, Гасдрубал и Магон — его «львиный выводок». Зять был выбран главнокомандующим и на протяжении восьми лет проводил мудрую политику — он добился сотрудничества испанцев и построил неподалеку от серебряных рудников большой город, известный римлянам под именем Нова Карта-

го, или Новый Карфаген (совр. Картахена). После того как он был убит (221 г. до н.э.), армия избрала своим новым командиром старшего сына Гасдрубала — Ганнибала, которому было тогда двадцать шесть лет от роду. Перед тем как оставить Карфаген, отец привел его, девятилетнего мальчика, к алтарю Баала-Хамана и потребовал поклясться, что однажды тот отомстит Риму за несчастья своей страны. Ганнибал поклялся и клятвы своей не забыл.

IV. ГАННИБАЛ

Почему Рим допустил, чтобы Карфаген восстановил контроль над Испанией? Дело в том, что он был измучен классовой борьбой, распространял свое могущество на Адриатику, воевал с галлами. В 232 г. до н.э. трибун Гай Фламиний, предвосхищая Гракхов, провел через народное собрание вопреки жесточайшему сопротивлению сената решение о распределении между беднейшими гражданами части земель, недавно отвоеванных у галлов. В 230 г. до н.э. Рим сделал первый шаг на пути завоевания Греции — он очистил Адриатическое море от пиратов и захватил часть Иллирийского побережья, чтобы еще надежнее защитить италийскую торговлю. Не страшась теперь угроз с юга и востока, он приступил к вытеснению галлов за Альпы и превращению всей Италии в единое государство. Чтобы обезопасить себя на западе, Рим заключил договор с Гасдрубалом, по которому карфагеняне согласились не подниматься в Испании севернее реки Ибер: в то же самое время был заключен союз с полугреческими городами Сагунтом и Ампорием, расположенными в Испании. На следующий год (225 г. до н.э.) галльская армия из 50 000 пехотинцев и 20 000 конников обрушилась на полуостров. Жители столицы были так напуганы, что сенат вернулся к первобытному обычаю человеческих жертвоприношений и сжег двух галлов на Форуме живьем, дабы умилостивить богов²⁰. Легионы столкнулись с захватчиками близ Теламона, уничтожили 40 000, взяли в плен 10 000 галлов и выступили победным маршем, чтобы поработить всю Цизальпинскую Галлию. За три года эта задача была решена; оборонительные колонии были основаны в Плаценции и Кремоне, и от Альп до Сицилии Италия была отныне единым целым.

Победа оказалась несвоевременной. Оставь Рим галлов в покое еще на несколько лет, и они могли бы остановить Ганнибала. Теперь же вся Галлия пылала ненавистью к Риму. Ганнибал понял, что настал тот момент, которого он так ждал: он мог пересечь Галлию, не встретив здесь решительного сопротивления, и наводнить Италию галльскими племенами, действующими в роли его союзников.

Пунийскому вождю исполнилось к этому времени двадцать восемь лет, он был в расцвете умственных и физических сил. В дополнение к традиционному карфагенскому образованию, заключавшемуся в изучении языков, литератур и истории Финикии и Греции²¹, он получил солдатскую закалку, проводя девятнадцать лет в походном лагере. Он приучил свое тело к трудностям, аппетит — к умеренности, язык — к молчанию, ум — к объективности. Он мог бежать или скакать на лошади наравне с самыми быстрыми, охотиться или сражаться наравне с самыми храбрыми; «он первым вступал в бой,— говорит враждебный Ливий,— и последним покидал поле брани»²². Ветераны любили его за то, что в его командирской стати и пронизывающем взгляде они виде-

ли своего старого вождя Гамилькара, вернувшегося к ним в цвете лет; молодежи он был по душе, потому что носил непритязательную одежду, никогда не успокаивался, прежде чем добыть все необходимое для армии, делил с ними все испытания и удачи. Римляне обвиняли его в жадности, жестокости и коварстве, ибо он не считался ни с чем, когда требовалось обеспечить войско провиантом, строго наказывал неверных, расставил не одну западню своим врагам. И все же мы часто видим его милостивым, почти рыцарственным. «В сообщениях о нем,— утверждает здравомыслящий Моммзен,— мы не найдем ничего, что нельзя было бы оправдать, учитывая обстоятельства, и что противоречило бы международному праву того времени»²³. Римляне не могли простить ему того, что он выигрывал сражения скорее за счет смекалки, чем за счет солдатских жизней. Военные хитрости, на которых обжигались римляне, ловкость его шпионов, тонкость его стратегии, непредсказуемость тактики — всего этого они просто не могли должным образом оценить до тех пор, пока не пал Карфаген.

В 219 г. до н.э. римские агенты организовали в Сагунте государственный переворот, в результате которого к власти пришла враждебная Карфагену партия. Поскольку сагунтинцы тревожили дружественные ему племена, Ганнибал потребовал прекратить враждебные действия. Получив отказ, он осадил город. Рим заявил Карфагену протест и пригрозил войной; Карфаген ответил, что, так как Сагунт расположен на сто миль южнее Ибера, Рим не имеет права вмешиваться в его дела, а заключив с ним союз, и вовсе нарушает договор с Гасдрубалом. Ганнибал продолжил осаду, и Рим снова взялся за оружие, не представляя себе, что начинающаяся Вторая Пуническая война будет самой страшной в его истории.

Ганнибал потратил восемь месяцев на то, чтобы привести сагунтинцев к повиновению; он не решался двинуться на Италию, оставив в распоряжении римлян столь удобное место для высадки в тылу его армии. В 218 г. до н.э. он переправился через Ибер, бросив вызов судьбе, как Цезарь у Рубикона. Его войско состояло из пятидесяти тысяч пехотинцев и девяти тысяч всадников, среди которых не было наемников; большинство воинов были ливийцами и испанцами. Три тысячи испанцев дезертировали, узнав, что он собирается перейти через Альпы, еще семь тысяч испанцев, считавших все предприятие совершенно безнадежным, были отпущены Ганнибалом²⁴. Проложить дорогу через Пиренеи было довольно трудной задачей. Неожиданно оказали яростное сопротивление некоторые галльские племена, дружественные жителям Массалии; чтобы достичь Роны, пришлось сражаться в течение целого лета; чтобы переправиться на другой берег — вступить в жестокий бой.

Когда римляне подошли к устью реки, Ганнибал едва отошел от нее. Он повел войска на север по направлению к Виенне, а затем свернул к востоку, врезавшись в Альпы. Кельтские орды одолели эти горные цепи прежде него, и Ганнибал также не встретил бы здесь никаких непредвиденных трудностей, не столкнувшись он с враждебностью альпийских племен и с проблемой, как провести слонов узкими и обрывистыми проходами. В начале сентября после девятидневного подъема он достиг вершин и обнаружил их покрытыми снегом; здесь был устроен двухдневный привал, а затем последовал спуск по склонам, еще более крутым, чем те, что пришлось одолевать при подъеме, по дорогам, часто погребенным под обвалами, иногда заснеженным. Солдаты и животные теряли опору и разбивались. Ганнибал воодушевлял свое отчаяв-

шееся воинство, указывая им на видневшиеся далеко на юге зеленеющие поля и сверкающие реки Италии; этот рай, обещал он им, будет вскоре в их власти. После семнадцатидневного альпийского перехода они вышли на равнину и остановились. Армия потеряла столько людей и коней, что насчитывала теперь 26 000 человек — меньше половины тех, кто выступил из Нового Карфагена месяц назад. Если бы цизальпинские галлы оказали такое же сопротивление, как и галлы трансальпинские, продвижение Ганнибала могло бы здесь застопориться окончательно. Но бои и прочие племена приветствовали его как спасителя и присоединились к нему в качестве союзников, в то время как римские поселенцы бежали на юг, на другой берег По.

Столкнувшись со второй подобной угрозой за последние семь лет, угрозой самому существованию Рима, сенат мобилизовал все свои ресурсы и призвал италийцев объединиться для защиты страны. С их помощью Рим собрал армию из 300 000 пехотинцев, 14 000 всадников и имел в резерве еще 456 000 солдат. Одна армия под командованием первого из многих знаменитых Сципионов встретила Ганнибала у Тичино — небольшого притока По, впадающего в нее близ Павии. Нумидийская конница Ганнибала обратила римлян в бегство, и опасно раненного Сципиона спас, прикрыв грудью, его отважный сын, которому будет суждено вновь встретиться с Ганнибалом шестнадцатью годами позже, в битве при Заме. У Тразименского озера Ганнибал сразился с другой римской армией, насчитывавшей 30 000 бойцов и ведомой трибуном Гаем Фламинием. Римлян сопровождали работорговцы, запасшиеся оковами и кандалами для пленников, которых они намеревались продать. Частью своих сил Ганнибал заманил эту армию в долину, окруженную холмами и лесами, в которых скрывалось большинство его воинов; по его сигналу спрятанные колонны ринулись на римлян со всех сторон и уничтожили почти всех, включая и Фламиния (217 г. до н.э.).

Теперь под контролем Ганнибала находилась вся Северная Италия, но он знал, что ему противостоит заклятый враг, десятикратно превосходящий его числом. Его единственная надежда заключалась в том, чтобы убедить хотя бы часть италийских государств восстать против Рима. Он отпустил всех пленных, взятых у римских союзников, со словами, что он явился не воевать с Италией, но дать ей свободу. Он прошел маршем по наводненной Этрурии, где в течение четырех дней было невозможно найти сухого клочка земли для лагеря. Он пересек Апеннины, вышел к Адриатике и позволил воинам основательно подлечить здесь свои раны и восстановить силы. Сам он страдал жестокой офтальмией, долго не обращал на нее внимания и вот теперь практически ослеп на один глаз. Затем он продолжил поход вдоль восточного побережья к югу и приглашал италийские племена переходить на его сторону. Никто не перешел; наоборот, все города закрывали перед ним ворота и готовились к обороне. Пока он продвигался все дальше на юг, его галльские союзники, которых интересовали только оставленные на севере дома, стали покидать его. Заговоры против него были столь многочисленны, что ему приходилось постоянно менять одежду. Он умолял карфагенское правительство выслать ему подкрепление и провиант в какой-нибудь адриатический порт и встретил отказ. Он просил младшего брата Гасдрубала, оставленного в Испании, собрать армию и, перейдя через Альпы, присоединиться к нему; однако римляне вторглись в Испанию, и Гасдрубал не решился ее покинуть. До его прихода оставалось еще десять лет.

В борьбе с величайшим из своих врагов Рим взял на вооружение его же политику осторожности и истощения сил противника. Квинт Фабий Максим, назначенный диктатором в 217 г. до н.э., своим затягиванием, насколько это было в его силах, прямого столкновения с Ганнибалом произвел на свет новое прилагательное; со временем, думал он, захватчики ослабеют от голода, разногласий и болезней. После года «мастерского бездействия», вызвавшего негодование римского плебса, народное собрание вырвало инициативу из рук сената, позабыв о прецедентах и логике; Минуций Руф был избран диктатором в сотоварищи Фабию. Вопреки совету Фабия Минуций двинулся на врага, угодил в западню, понес жестокие потери и после этого смог понять, почему Ганнибал говорил, что больше боится Фабия, не желающего сражаться, чем рвущегося в бой Марцелла²⁵. Через год Фабий был смещен со своего поста, и римские армии были доверены Луцию Эмилию Павлу и Гаю Теренцию Варрону. Аристократ Павел рекомендовал осторожность; плебей Варрон был полон нетерпения; как обычно и случается, осторожность проиграла спор. Варрон искал и нашел карфагенян у Канн в Апулии, приблизительно в десяти милях от Адриатического побережья. В римской армии было 80 тысяч пеших воинов и 6000 всадников; Ганнибал располагал поддержкой 19 000 ветеранов, 16 000 ненадежных галлов и десяти тысячной конницы. Он завлек Варрона на широкую равнину, идеально подходящую для кавалерии. В центре он разместил галлов, ожидая, что те вряд ли устоят в битве. Галлы не устояли, и, когда римляне, преследуя их, очутились в котле, искусный карфагенянин, находившийся в гуще сражения, велел ветеранам врезаться в римские фланги, а коннице прорваться через отряды римских всадников и ударить по легионам с тыла. Римская армия попала в окружение, потеряла маневренность и была почти полностью уничтожена; пало 44 000 римских солдат, среди которых были Павел и восемьдесят сенаторов, сражавшихся в битве как простые воины; 10 000 римлян бежали в Канузий, включая Варрона и Сципиона, который впоследствии получит прозвище Африканского Старшего (216 г. до н.э.). Ганнибал потерял 6000 бойцов, две трети которых составляли галлы. Это был выдающийся образец полководческого искусства, которое никем не было превзойдено. Это сражение положило конец римской уверенности в пехотных войсках и наметило линии, по которым военная тактика развивалась в течение двух последующих тысячелетий.

V. СЦИПИОН

Катастрофа вдребезги разбила гегемонию Рима в Южной Италии. Самниты, бруттии, луканы, жители Метапонта, Турий, Кротоны, Локр и Капуи пошли по следам цизальпинских галлов, примкнув к Ганнибалу; лишь Умбрия, Лаций и Этрурия оставались тверды. Гиерон Сиракузский был лоялен к Риму до самой смерти, но его преемники предпочли встать на сторону Карфагена. Филипп Пятый, царь Македонии, опасаясь римской экспансии через Иллирию на восток, стал союзником Ганнибала и объявил Риму войну. Заинтересовался развитием событий и сам Карфаген, отправивший теперь к Ганнибалу жидкие подкрепления и небогатые продовольственные припасы. Некоторые благородные римские юноши, спасшиеся в Канузии, помышляли о бегстве в Грецию, считая свое положение безнадежным; но Сципион устыдил их и вселил

в них храбрость. Рим на месяц погрузился в пучину страха: только маленький гарнизон оставался в городе для защиты его от Ганнибала. Матроны из знатных семейств бежали, рыдая, в храмы и своими волосами вытирали статуи богов; некоторые, чьи мужья и сыновья пали в битве, сходились с чужестранцами и рабами, чтобы не пресекся их род. Дабы вернуть благоволение очевидно раздраженных божеств, сенат снова санкционировал человеческое жертвоприношение; двое галлов и двое греков были погребены заживо²⁶.

Но римляне, говорит Полибий, «опаснее всего именно тогда, когда оказываются перед серьезной угрозой... Хотя только что они потерпели столь сокрушительный разгром и их воинская слава была уничтожена, все же благодаря превосходным особенностям своей конституции и мудрому совету они не только вернули себе первенство в Италии... но спустя несколько лет стали господами всего мира»²⁷. Классовая борьба прекратилась, и все группы населения бросились спасать государство. Казалось, что налоги уже и раньше были непомерно высоки; но теперь граждане, даже вдовы и дети, добровольно вносили свои тайные сбережения в государственную казну. Под знамена были призваны все мужчины, способные носить оружие; в войска стали брать даже рабов, обещая им свободу в случае победы. Ни один солдат не согласился бы взять деньги за свою службу. Рим готовился отстаивать каждую пядь своей земли от нового карфагенского льва.

Но Ганнибал не пришел. Его сорокатысячная армия была слишком незначительной силой, думал он, чтобы приступить к осаде города, на защиту которого могли сойтись многие отряды из все еще хранивших верность Риму государств. Даже если бы ему удалось захватить город, то как он смог бы его удержать? Его итальянские союзники, вместо того чтобы усиливать, ослабляли его; Рим со своими друзьями собирал силы, чтобы напасть на них, и без помощи Ганнибала им было не устоять. Помощники упрекали его в излишней осмотрительности, и один из них печально заметил: «Боги никогда не одаряют одного человека сразу всеми своими дарами. Ты умеешь побеждать, Ганнибал, но ты не знаешь, как пользоваться плодами победы»²⁸. Ганнибал решил дожидаться того времени, когда Карфаген, Македония и Сиракузы объединят свои силы в мощном наступлении, в результате которого Рим лишился бы Сицилии, Сардинии, Корсики и Иллирии и довольствовался бы своей властью над Италией. Он отпустил всех пленников, кроме римлян, предложив Риму заплатить за последних незначительный выкуп. После отказа сената он отослал большинство пленных в Карфаген в качестве рабов, заставив остальных развлекать его воинство на римский манер — в гладиаторских поединках до смертного исхода. Он осадил и взял несколько городков, а затем повел армию на зимние квартиры в Капую.

Это было самое приятное и опасное место из всех, какие он мог избрать. Этот второй по величине город Италии — в двенадцати милях к северу от Неаполя — узнал от этрусков и греков не только привлекательные стороны, но и пороки цивилизации. Воины Ганнибала решили, что имеют полное право доставить удовольствие телу, перенесшему столько тягот и лишений. Они больше никогда уже не станут теми непобедимыми бойцами, которые, пройдя через множество военных кампаний, напоминали своей нестигаемостью спартанскую закалку своего предводителя. В следующие пять лет Ганнибал добился при их помощи нескольких незначительных успехов; но пока они растрачивали силы в этих сражениях, римляне обложили Капую осадой. Ган-

нибал попытался снять ее, подойдя на расстояние нескольких миль к Риму; римляне подняли двадцать пять новых легионов — 200 000 человек, — и Ганнибал, чьи силы по-прежнему ограничивались сорока тысячами воинов, отступил на юг. В 211 г. до н.э. Капуя пала; ее правители, по почину которых в городе произошло избиение римских граждан, были обезглавлены или покончили с собой. Население Капуи, преданно поддерживавшее Ганнибала, было рассеяно по всей Италии. Годом раньше Марцелл взял Сиракузы; годом позже сдался римлянам Агригент.

Тем временем римская армия под командованием двух старших Сципионов отправилась в Испанию, чтобы отвлечь на себя силы Гасдрубала. Они подвели его при Ибере (215 г. до н.э.), но вскоре оба пали в бою, а их подвиги казались напрасными до тех пор, пока руководить боевыми действиями в Испании не был направлен их сын и племянник Сципион Африканский. Ему было всего двадцать четыре года, гораздо меньше, чем требовалось по закону для занятия столь ответственной должности; но сенат предпочел «растянуть» конституцию, лишь бы спасти государство, а народное собрание в это время добровольно подчинялось авторитету сената. Народ восхищался Сципионом не только за то, что он был статен и красноречив, рассудителен и отважен, но и за его благочестие, учтивость и справедливость. Перед тем как затеять какое-нибудь предприятие, он имел обыкновение навещать богов в их капитолийских храмах, а после своих побед — воздавать им благодарственные гекатомбы. Он верил, что является любимцем Неба, и был им; его успехи способствовали распространению этой веры и придавали его спутникам уверенность в своих силах. Он быстро восстановил в войсках дисциплину. После продолжительной осады он взял Новый Карфаген и шепетильно передал в государственную казну драгоценные металлы и камни, попавшие в его руки. Большинство испанских городов капитулировали перед ним, и в 205 г. до н.э. Испания превратилась в римскую провинцию.

Тем не менее главная часть Гасдрубалова войска ушла от разгрома и теперь через Галлию и Альпы переправилась в Италию. Послание молодого полководца Ганнибалу было перехвачено, и его военные планы стали известны Риму. Римская армия встретилась с его скромным отрядом у реки Метавр (207 г. до н.э.) и победила, несмотря на проявленное им тактическое искусство. Видя, что битва проиграна и надежды на соединение с братом рухнули, Гасдрубал ринулся в гущу легионов и погиб, пытаясь прорубить себе путь среди врагов. Римские историки, возможно, фантазируют, рассказывая о том, будто победитель отрубил голову юноши и послал ее через Апулию, чтобы бросить ее за вал, окружающий Ганнибалов лагерь. Надломленный смертью брата, которого он горячо любил, Ганнибал оттянул свои истаявшие силы к Бруттию. «Больше в этот год сражений с ним не было, — говорит Ливий, — и римляне не стремились беспокоить его; столь высока была репутация этого военачальника даже в те дни, когда все вокруг него рушилось и рассыпалось»²⁹. Карфаген направил ему сто кораблей с продовольствием и пополнениями, но шторм прибил эти суда к берегам Сардинии, где римский флот потопил или захватил восемьдесят из них; остатки бежали назад в Карфаген.

В 205 г. до н.э. молодой Сципион, недавно победоносно завершивший испанскую кампанию, был избран консулом, собрал новую армию и отплыл в Африку. Карфагенское правительство обратилось к Ганнибалу с

просьбой о помощи городу, который так долго отказывал ему в поддержке. Что чувствовал полуслепой воин, оттесненный в угол Италии бесчисленной вражеской лавой, видя, что все труды и тяготы пятнадцати лет пошли насмарку и все триумфы заканчиваются бессилием и бегством? Половина его армии отказалась грузиться на корабли, отходящие в Карфаген; согласно враждебным ему историкам Ганнибал уничтожил двадцать тысяч из них за неповиновение, боясь, что иначе они волеются в римские легионы³⁰. Коснувшись родной земли после двадцатилетнего отсутствия, он спешно сформировал новую армию и вышел, чтобы встретить Сципиона у Замы, пятьюдесятью милями южнее Карфагена (202 г. до н.э.). Два военачальника провели вежливые переговоры, нашли, что соглашение невозможно, и вступили в битву. Впервые в жизни Ганнибал потерпел поражение; карфагеняне, большей частью наемники, бежали от римской пехоты и отважной конницы нумидийского царя Масиниссы; 20 000 карфагенских бойцов остались лежать на поле боя. Ганнибал, которому было теперь сорок пять, боролся с энергией юноши, бился со Сципионом в поединке один на один и ранил его, атаковал Масиниссу, перестраивал свои разстроенные силы вновь и вновь и вел их в отчаянные контратаки. Когда не осталось никаких надежд, он избежал пленения, прискакал в Карфаген, объявил, что проиграл не только сражение, но и войну, и предложил сенату просить мира. Сципион оказался великодушным победителем. Он позволил Карфагену сохранить все свои африканские владения, но потребовал выдачи всех военных судов, за исключением десяти трирем. Карфагену запрещалось вести войну за пределами Африки или внутри ее, не испрошив разрешения Рима; он должен был выплачивать Риму по двести талантов (720 000 долларов) ежегодно на протяжении пятидесяти лет. Ганнибал признал условия справедливыми и убедил правительство их принять.

Вторая Пуническая война преобразила облик Западного Средиземноморья. Испания со всеми ее богатствами отошла к Риму, обеспечив его необходимыми средствами для завоевания Греции. Италия окончательно объединилась под непрерываемым римским господством, все морские пути и рынки открылись для римских кораблей и товаров. Но эта война оказалась и самой дорогой среди войн древности. Она разорила или нанесла вред половине итальянских крестьянских хозяйств, разрушила 400 городов, унесла 300 000 жизней³¹. (Южная Италия не оправилась от ее последствий и по сей день.) Она ослабила демократию, показав неспособность народного собрания мудро выбирать полководцев или руководить войной. Она способствовала преобразованию римского быта и нравов, навредив сельскому хозяйству и стимулировав торговлю, научив сельских жителей насилию в битве и неразборчивости в лагере, привезя с собой из Испании драгоценные металлы, которыми оплачивались новые предметы роскоши. Дальнейшая империалистическая экспансия приучила Италию жить за счет хлеба, вымоганного у Сицилии, Испании и Африки. Это было стержневое событие для практически каждой фазы римской истории.

Для Карфагена война стала началом конца. Поскольку ему были оставлены значительные доли довоенной коммерции и территорий, он мог рассчитывать на восстановление своих сил. Но олигархическая верхушка была настолько прогнившей, что свалила бремя ежегодных выплат Риму на беднейшие слои населения и к тому же присваивала себе их часть. Народная

партия призвала Ганнибала вернуться из своего уединения и спасти государство. В 196 г. до н.э. он был избран суффетом. Он поразил олигархов предложением избирать судей Суда 104-х сроком на один год, при этом повторно избираться на ту же должность они могли бы только после годичного перерыва. Когда сенат отверг этот проект, он вынес его на народное собрание и добился там одобрения. Этим законом и этой процедурой он одним ударом утвердил в Карфагене ту же степень демократии, которая существовала в Риме. Он преследовал взяточников и положил конец продажности администрации, докопавшись до самого ее источника. Он освободил граждан от дополнительных налогов, установленных до него, и так умело распоряжался финансами, что к 188 г. до н.э. Карфаген смог заплатить свой долг Риму целиком.

Чтобы избавиться от него, олигархия тайно послала донесение в Рим, сообщая, будто Ганнибал замышляет возобновление войны. Сципион использовал все свое влияние, чтобы защитить бывшего противника, но был побежден; сенат порадовал богатых карфагенян требованием о выдаче Ганнибала. Старый воитель бежал под покровом ночи, проскакал 150 миль к Тапсу и там сел на корабль, отправлявшийся в Антиохию (195 г. до н.э.). Он застал Антиоха III колеблющимся между войной и миром с римлянами; он посоветовал предпочесть войну и вошел в штаб царя. Римляне, победив Антиоха при Магнесии (189 г. до н.э.), обусловили заключение мира выдачей Ганнибала. Он бежал сначала на Крит, затем в Вифинию. Рим устроил за ним охоту, и место, где он скрывался, было окружено солдатами. Ганнибал предпочел плену смерть. «Освободим же римлян от столь долго томящей их заботы, ибо они считают, что им не по силам дождаться смерти одного старика»³². Он выпил яд, который носил с собой, и умер шестидесяти семи лет в год 184-й до Рождества Христова. Несколько месяцев спустя его победитель и почитатель Сципион ушел вслед за ним.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Mommsen, II, 138.

² Smith, R.B., *Carthage*, 29.

³ Аппиан, VIII, 95.

⁴ Полибий, VI, 56.

⁵ Плутарх. *Следует ли старику заниматься государственными делами*, III, 6.

⁶ Frazer, *Adonis, Attis, Osiris*, I, 114.

⁷ Диодор Сицилийский. Историческая Библиотека, XX, 14.

⁸ Бл. Августин. *Письма*, XVII, 2.

⁹ Аппиан, VIII, 127.

¹⁰ Аристотель. *Политика*, 1272б.

¹¹ Там же, 1273а.

¹² Полибий, III, 22.

¹³ Страбон, XVII, I, 19.

¹⁴ Полибий, I, 20—21.

¹⁵ Цицерон. *Об обязанностях*, III, 26; *Против Пизона*, 43.

¹⁶ Геллий, VII, 4.

¹⁷ Полибий, I, 80.

¹⁸ Smith, R.B., *Carthage*, 151.

¹⁹ Полибий, I, 87. Флобер превосходно рассказал эту историю в «Саламбо».

²⁰ Mommsen, II, 223.

²¹ Дион, фрагмент LII, 2.

²² Ливий, XXI, 4.

²³ Mommsen, II, 243.

²⁴ Ливий, XXI, 22.

²⁵ Плутарх. *Моралиа*, 195Д.

²⁶ Ливий, XXII, 57.

²⁷ Полибий, II, 75, 118.

²⁸ Ливий, XXII, 50.

²⁹ Ливий, XXVIII, 12.

³⁰ Диодор, XXVII, 9; Аппиан, VII, 59.

³¹ Там же, VIII, 134.

³² Ливий, XXXIX, 51.

ГЛАВА 4

Стоический Рим

508—202 гг. до н.э.

ЧТО ЖЕ представляли собой эти неустойчивые римляне «с точки зрения человечности»? Какие институты наделили их этой безжалостной силой, проступающей и в характерах, и в политике? В каких домах они жили, в каких учились школах, каковы были их религия и нравственные императивы? Как удалось им добыть из земли, при помощи какого экономического устройства и каких умений обратить себе на пользу те богатства, что обеспечили рост этих городов и поддерживали эти никогда не знавшие покоя армии? Как выглядели они на своих улицах и в своих лавках, в храмах и театрах, чего добились в науке и философии, как переносили старость и умирали? Пока мы не охватим мысленным взором — сцену за сценой — этот Рим эпохи ранней Республики, нам никогда не удастся понять эту обширную эволюцию обычаев, нравов и идей, которыми в одну эпоху был вскормлен стоик Катон, а в другую эпикурец Нерон и которые в конце концов превратили Римскую империю в Римскую Церковь.

I. СЕМЬЯ

Уже само рождение в Риме было приключением. Если дитя рождалось уродливым или на свет появлялась девочка, обычаи позволяли отцу бросить его на верную смерть¹. В остальных случаях появление ребенка на свет встречали с радостью; хотя римляне даже этой эпохи практиковали некоторые меры по ограничению рождаемости, все они стремились иметь сыновей. Условия деревенского быта делали детей ценным приобретением, общественное мнение порицало бездетность, религия поощряла плодovitость, убеждая римлян в том, что, если те не оставят после себя сыновей, которые ухаживали бы за их могилами, их души будут обречены на вечные страдания. Через восемь дней после рождения ребенок официально становился членом семьи и рода, что достигалось совершением торжественного обряда у домашнего очага. Род (gens) являлся группой семей свободных граждан, ведущих свое происхождение от общего прауродителя, носящих его имя, объединенных общностью культа и обязательствами взаимопомощи в дни мира и войны. Мальчик получал личное имя (praenomen), находившееся на первом месте, скажем, Публий, Марк, Гай; родовое имя (nomen), например Корнелий, Туллий, Юлий; наконец, семейное имя (cognomen), такое, как Сципион, Цицерон, Це-

зарь. Женщины чаще всего довольствовались родовыми именами — Корнелия, Туллия, Клавдия, Юлия. Так как в классическую эпоху было распространено лишь около пятнадцати мужских личных имен, которые, приводя к путанице, повторялись из поколения в поколение в пределах одной семьи, они, как правило, обозначались начальной буквой, а для различения одноименных родственников вводилось четвертое или даже пятое имя. Так, П. Корнелий Сципион Африканский Старший, победитель Ганнибала, благодаря этой системе мог быть отличен от П. Корнелия Сципиона Эмилиана Африканского Младшего, разрушителя Карфагена.

Ребенок сразу же оказывался внутри самого фундаментального и характерного из римских институтов — в патриархальной семье. Власть отца была здесь почти абсолютной, словно семья являлась армейским подразделением военного времени. Единственный из всех членов семьи, он имел все юридические права перед лицом суда раннереспубликанского Рима; он единственный мог покупать, иметь, продавать собственность или заключать сделки; даже приданое жены принадлежало в этот период ему. Если жену обвиняли в преступлении, судить и наказывать ее поручали ему; он мог приговорить ее к смерти за измену или кражу ключа от винного погреба. Жизнь и смерть детей были полностью в его власти, он также мог продавать их в рабство. По закону все, что приобреталось сыном, считалось собственностью отца; нельзя было жениться без его согласия. Дочь, не вышедшая замуж, оставалась во власти отца, если только тот не выдавал ее замуж *cum manu*, то есть не передавал ее в руки или под власть мужа. По отношению к рабам он обладал неограниченными правами. Рабы, а также жена и дети являлись его *манципиями* (*mancipia*) — буквально тем, что «взято в руку»; и неважно было, каков их возраст или общественное положение, они оставались в его власти до тех пор, пока он не предпочитал *эмансипировать* их — «выпустить из руки». Эти права отца семейства в известной мере ограничивались авторитетом обычая, общественного мнения, советом рода или преторским законодательством. Во всем прочем они были пожизненными и не могли быть отменены ни по причине его безумия, ни даже по его собственному желанию. Их назначением было цементировать единство семьи как фундамента римской морали и политического режима и поддерживать такую дисциплину, которая могла бы придать римскому характеру стоическую твердость. Их буква была куда более сурова, чем реальная практика; к самым крайним мерам прибегали редко, остальными редко злоупотребляли. Они не стали препятствием для глубокой и естественной *pietas*, или почтительной привязанности, между родителями и детьми. Погребальные стелы Рима столь же нежны, как греческие или наши.

Поскольку мужская настойчивость наделяет женщину чарами, более могущественными, чем любой закон, нельзя судить о ее месте в римской жизни, основываясь только на ее юридическом бесправии. Она не могла появляться в суде даже в качестве свидетеля. Овдовев, не могла претендовать на свою часть в наследстве мужа; при желании он мог вообще ничего ей не оставить. В любом возрасте она была под мужской опекой — опекой отца, брата, мужа, сына, попечителя. Без их согласия она не могла ни выйти замуж, ни распоряжаться имуществом. С другой стороны, она обладала правом наследования, хотя и не более 100 000 сестерциев (15 000 долларов), и могла владеть неограниченно большим имуществом. Во многих случаях, по мере того, как ранняя

Республика уступала место поздней, женщины становились весьма состоятельными, так как мужья переписывали имущество на их имя, чтобы избежать исполнения банкротских обязательств, исков за убытки, налогов на наследство и прочих вечно актуальных опасностей. Женщина играла известную роль в культе — как жрица; почти каждый жрец был обязан иметь жену и терял свой пост по ее смерти. Внутри дома (*domus*) она была почтенной хозяйкой, *mea domina* — мадам. В отличие от греческих женщин римлянка не замыкалась в гинекее, или женской части дома; она ела рядом с мужем, хотя в то время, как он полулежал, она сидела. Она не выполняла почти никакой трудной работы, потому что чуть ли не каждый гражданин имел в своем распоряжении раба. Она могла пряхсть — в знак родовитости, но ее главной экономической функцией был надзор над действиями слуг; однако она считала для себя обязательным выкормить детей самостоятельно. Те воздавали своим терпеливым матерям глубокой любовью и уважением, а мужья редко допускали, чтобы их юридические привилегии взяли верх над преданностью жене.

Отец и мать, их дом, земля и собственность, дети, женатые сыновья, внуки от этих сыновей, невестки, рабы и клиенты — все это составляло римскую семью (*familia*): это была не столько даже семья, сколько домашнее хозяйство; не группа родственников, но собрание лиц и вещей, подвластных и принадлежащих старшему родственнику по восходящей линии. Именно в этом малом обществе, в котором объединялись функции семьи, религии, школы, производства и правительства, именно в нем вырастал маленький римлянин, почитая родителей и покорствуя им, чтобы стать надежным гражданином непобедимого государства.

II. РЕЛИГИЯ РИМА

1. Боги

Римская семья представляла собой не только объединение лиц и вещей, но также сообщество лиц, вещей и богов. Она была средоточием и источником религии, как и морали, экономики, государства; каждая доля ее имущества и каждый аспект ее существования были интимно переплетены с духовным миром. Благодаря красноречию молчаливого примера, дети научались узнавать в неумирающем огне домашнего очага примету и субстанцию богини Весты, священного пламени, символизировавшего непрерывность жизни семьи; это пламя никогда не должно было погаснуть, с ним надлежало обращаться с благоговейной заботой и подпитывать его долей пищи с каждого застолья. Над очагом ребенок видел небольшие изображения, увенчанные цветами, представлявшие божества или духов семьи: Лара, охранявшего ее поля и строения, ее судьбу и счастье, и Пенатов, или богов внутренней части дома, которые охраняли семейные приобретения в кладовых, шкафах и амбарах. Невидимый, но могущественный, витал над порогом бог Янус — двуликий, но не лжец, а страж, который следит за всеми входами и выходами. Мальчик узнавал также и то, что его отец являлся подопечным и воплощением некоего внутреннего гения, или производительной силы, которая не умирала вместе со смертью тела и которую должно вечно кормить на отече-

ской могиле. Мать также была носителем божества, и ее также следовало почитать как божественное существо; она несла в себе дух Юноны, который наделял ее способностью к деторождению, как отец заключал в себе дух гения, или способность оплодотворять. У ребенка также существовал свой гений или своя Юнона, которые выполняли одновременно функции его покровителя и души, — божественное зерно в смертной оболочке. Объятый благоговейным страхом, он узнавал, что повсюду вокруг него несут стражу *Di Manes*, или Благие Тени тех самых предков, чьи мрачные посмертные маски висели на стенах семейного гнезда, предостерегая его от забвения путей пращуров и напоминая ему, что семья состоит не только из тех немногих индивидуумов, которые живут в настоящее время, но также и из тех, которые некогда были или когда-нибудь будут ее воплощенными членами, образуя благодаря этой воплощенности часть ее духовного многообразия и вневременного единства.

Ребенок рос, и по мере взросления ему на помощь приходили другие духи: Куба стерегла его сон, Абеона направляла его первые шаги, Фабулина обучала речи. Стоило ему покинуть дом, и он вновь оказывался в окружении богов, куда бы он ни пошел. Земля и сама была божеством: иногда ее ипостасью была Теллус, или Терра Матер — Мать-Земля; иногда — Марс как олицетворение той самой почвы, по которой он ступал, и ее божественной плодородности; иногда — Бона Деа — Благая Богиня, отягощавшая лоно женщины и пахотного поля. На ферме существовали боги-помощники в каждом деле и на каждом участке работ: Помона — для возделывания фруктовых садов, Фавн — для ухода за стадом, Палес надзидала за пастбищем, Стеркул — за навозными кучами, Сатурн — за севом, Церера — за урожаем, Форнакс — за тем, как печется хлеб, Вулкан — за разведением огня. Оберегать границы хозяйства было поручено великому богу Термину, изображавшемуся и почитавшемуся в облике камней и деревьев, обозначающих пределы фермы. Другие религии всматривались в небо, и римляне допускали, что и там существуют боги; однако глубочайшее почтение и искреннейшие умиловления обращали они к земле как к источнику и матери своего существования, жилищу своих мертвецов и магической кормилице пускающего ростки семени. В декабре на веселом празднике Перекрестков, или Компиталиях, римляне поклонялись Ларам земли; в январе они богатыми дарами пытались умиловить Теллус, которая обладала властью над всеми посевами; в мае жрецы арвальского (или «плужного») братства выступали во главе поющего шествия вдоль границ прилегающих ферм, украшали камни венками, окропляли их кровью жертвенных животных и умоляли Марса (землю) щедро одарить земледельцев плодами. Таким образом, религия освящала собственность, утишала раздоры, облагораживала труд на земле при помощи поэзии и драмы, укрепляя тело и душу верой и надеждой.

В отличие от греков римляне представляли своих богов лишенными антропоморфных черт; они называли их просто *numina*, или «воли»; иногда это были абстракции наподобие Здоровья, Молодости, Памяти, Счастья, Чести, Надежды, Страх, Доблести, Чистоты, Согласия, Победы или Рима. Некоторые из них, как Лемуры, или Привидения, были духами болезни, трудно поддающимися увещаниям. Некоторые были духами времен года, как Майя — душа месяца мая; другие — водными богами, как Нептун, или лесными эльфами, как Сильван, или богами, жившими в деревьях. Некоторые оби-

тали в таких священных животных, как жертвенный конь или бык, или в священных гусях, которых озорное благочестие берегло от греха подальше на Капитолии. Некоторые были богами порождения потомства: Тутум отвечал за зачатие, Люцина охраняла рожениц и следила за менструацией. Приап был греческим богом плодородия, быстро прижившимся в Риме: девицы и матроны (если верить негодующему блаженному Августину) усаживались на фаллос его статуи, чтобы тем самым обеспечить себе беременность²; множество садов были украшены его вызывающими фигурами; простонародье носило при себе его небольшие фаллические изображения, дабы снискать удачу, сохранить производительную силу или отвратить «дурной глаз»³. Ни одна из религий не знала столько божеств. Варрон насчитывал их 30 000, а Петроний жаловался на то, что в некоторых итальянских городках богов больше, чем людей. Но *deus* для римлянина означал не только бога, но и святого.

За всеми этими основными понятиями таилась полиморфная масса народных верований и представлений, таких, как анимизм, фетишизм, тотемизм, магия, чудеса, заклинания, суеверия, табу, большинство из которых восходят к доисторическим обитателям Италии и, возможно, к их индоевропейским предкам, когда они еще находились на своей азиатской прародине. Множество предметов, мест, лиц были посвященными (*sacer*) какому-нибудь божеству, а потому табуированными. К ним нельзя было прикасаться или осквернять их: например, к новорожденным, женщинам в период месячных, осужденным преступникам. Сотни словесных формул или механических приспособлений использовались для достижения естественных целей при помощи сверхъестественных сил. Амулеты были распространены повсеместно; почти каждый ребенок носил на шее буллу (*bulla*), или золотой талисман. Маленькие образки подвешивались к дверям или деревьям, чтобы отпугнуть злых духов. Заговоры и заклинания применялись для предотвращения несчастных случаев, лечения болезней, вызывания дождя, сокрушения враждебной армии, наведения порчи на урожай недруга или на него самого. «Мы все страшимся,— говорил Плиний,— оказаться пригвожденными к месту проклятиями или заклинаниями»⁴. Колдуний мы встретим у Горация, Вергилия, Тибулла, Луккиана. О них рассказывали (и этим рассказам верили), будто они поедают змей, летают ночами по воздуху, варят яды из экзотических трав, убивают детей и выводят покойников из могил. Пожалуй, все, кроме немногих скептиков, верили в чудеса и знамения, в то, что статуи могут говорить или покрываться потом⁵, что боги сходят с Олимпа сражаться за римлян, в счастливые нечетные и несчастливые четные дни, в предсказание будущего по необычным событиям. «История» Ливия содержит несколько сотен таких предзнаменований, о которых нам сообщается с философической серьезностью; тома, написанные Плинием Старшим, столь изобилуют знамениями и магическими средствами, что их с успехом можно было бы озаглавить «Сверхъестественная история». Самые ответственные предприятия в торговле, управлении государством, на войне могли быть перенесены или вообще отменены из-за того, что жрец объявлял знамения неблагоприятными (такowymi считались необычно крупные внутренности жертвенного животного или раскат грома в небесах).

Государство делало все, что могло, для предотвращения подобных эксцессов, называя их суевериями (*superstitio*). Однако оно усердно использовало народное благочестие, чтобы укреплять стабильность общества и правитель-

ства. Оно приспособило деревенские божества к городской жизни, построило государственный очаг богини Весты и назначило коллегию весталок поддерживать священный огонь. Наряду с богами семьи, домашнего хозяйства, сельской местности оно развивало культ *di indigetes* — отечественных богов — и обустроило их почитание торжественными и картинными обрядами, совершавшимися от имени всех граждан.

Среди изначальных национальных богов Юпитер был самым любимым, хотя в отличие от Зевса и не являлся их царем. В первые столетия существования Рима он все еще оставался наполовину безличной силой — ярким простором неба, солнечным и лунным светом, раскатом грома или (как Юпитер Плувий) оплодотворяющим ливнем; еще Вергилий и Гораций изредка используют его имя в качестве синонима дождя или неба⁶. Во время засухи самые богатые жительницы Рима шествовали босиком на Капитолийский холм к храму Юпитера Тонанта — Юпитера Громовержца — вознести мольбы о дожде. Возможно, его имя представляет собой испорченное Диуспатер, или Диеспатер, Отец Неба. Вероятно, изначально он был тождествен Янусу, называвшемуся некогда Дианусом (*Dianus*): сперва то был двуликий дух дверей, затем городских ворот, затем любого открытого пространства или начала, скажем, начала дня или года. Порталы его храма открывались только во время войны, чтобы он мог сопровождать римскую армию и победить богов врага. Старинным народным богом был наряду с Юпитером Марс: первоначально бог пашни, затем войны, наконец, едва ли не символ Рима; все италийские племена отводили ему целый месяц в своих календарях. Культ Сатурна уходил корнями в столь же седую древность; это был народный бог свежепосеянного семени (*sata*). Легенда изображает его доисторическим царем, который установил единый закон для всех племен, научил их земледелию и стал опорой мира и коммунизма в золотой век Сатурнова царствования (*Saturnia regna*).

Римские богини были не столь могущественны, зато они пользовались более глубокой любовью. Юнона Регина являлась богиней неба, гением-хранителем женщин, брака и материнства; посвященный ей июнь⁷ считался наилучшим временем для свадеб. Минерва была богиней мудрости (*mens*), или памяти, ремесел и ремесленных гильдий актеров, музыкантов, писцов; Палладий, от которого, согласно преданию, зависела безопасность Рима и который являлся изображением Минервы Паллады в полном вооружении, был якобы перевезен Энеем — сквозь любовь и войну — из Трои в Рим. Венера олицетворяла желание, соитие, плодородие; ей был посвящен апрель — месяц, когда раскрываются почки (*arēgē*); такие поэты, как Лукреций и Овидий, видели в ней пронизанное любовью начало всего живого. Диана была богиней луны, женщин и деторождения, охоты, лесов и их диких обитателей, древесным духом, завезенным из Ариции, когда эта часть Лация подпала под власть Рима. Неподалеку от Ариции располагались озеро и роща Неми; в роще находилось богатое святилище Дианы, прибежище паломников, которые верили, что богиня некогда сошлась на этом месте с Вирбием, первым Царем Леса. Чтобы плодородие Дианы и земли не иссякало, преемники Вирбии — жрецы и мужья богини-охотницы — смешались поочередно смелыми и сильными рабами, которые, взяв в качестве талисмана веточку омелы (Золотая Ветвь) со священного дуба, нападали и убивали царей, чтобы занять их место, — ритуал, просуществовавший до второго века нашей эры⁸.

Таковы были главные боги официального римского культа. Существовали и менее значительные, однако не менее любимые национальные божества: Геркулес, бог вина и веселья, не гнушавшийся играть на куртизанку с ризничим своего храма⁹; Меркурий, покровитель торговцев, ораторов, воров; Олс, богиня богатства; Беллона, богиня войны, и много-много других. Город распространял свое господство на новые страны и вбирал в себя новых богов — *di povensiles*. Иногда бог побежденного города включался в римский пантеон в знак незыблемости завоевания, как в случае с Вейской Юноной, пленницей, доставленной в Рим. Если граждане какой-либо неримской общины обосновывались в столице, вместе с ними в Рим приходили и новые божества, иначе духовные и нравственные корни новых жителей Рима могли погибнуть от слишком внезапной перемены условий; так иммигранты привозят сегодня своих богов с собой в Америку. Римляне не оспаривали существование этих иноземных божеств. Большинство из них считали, что стоит увезти статую, и божеству не останется ничего другого, как последовать за ней. Многие верили в то, что статуя и есть сам бог¹⁰.

Но некоторые из этих новых богов были не побежденными, а победителями; они просачивались в римский культ благодаря торговым, военным и культурным контактам с греческой цивилизацией — сначала в Кампании, затем в Южной Италии, на Сицилии, наконец, в самой Греции. В богах государственной религии были некая холодность и обезличенность; их можно было подкупить дарами или жертвоприношениями, но они редко дарили своих почитателей утешением или индивидуальным вдохновением; в противоположность им боги Греции казались глубоко человеческими, полными азарта, юмора и поэзии. Население Рима с радостью встретило их появление, выстроило для них храмы и охотно изучило их обряды. Официальное жречество, которое было радо включить новых блюстителей общественного порядка и спокойствия в уже имевшиеся списки, приняло греческих богов в божественное семейство Рима и, насколько это было возможно, сплавило их с аналогичными им туземными богами. Еще в 496 г. до н.э. пришли Деметра и Дионис, которых отождествили с Церерой и Либером (богом винограда); через двенадцать лет были приняты Кастор и Поллукс — как защитники Рима; в 431 г. до н.э. был возведен храм Аполлону Целителю: римляне надеялись, что ему будет под силу усмирить моровую язву; в 294 г. до н.э. Асклепия, греческого бога врачебного искусства, привезли из Эпидавра в Рим в виде огромного змея¹¹, и в честь него на одном из тибрских островов был построен храм-госпиталь. Крон воспринимался как фактический двойник Сатурна, Посейдон был объединен с Нептуном, Артемид — с Дианой, Гефест — с Вулканом, Геракл — с Геркулесом, Аид — с Плутонем, Гермес — с Меркурием. При помощи поэтов Юпитер возвысился, чтобы стать вторым Зевсом, строгим свидетелем и стражем клятв, бородатым судьей нравов, хранителем законов, богом богов; постепенно образованный римлянин становился все более готов к принятию монотеистических вероучений стоицизма, иудаизма и христианства.

2. Жрецы

Чтобы умиротворить этих богов или заручиться их поддержкой, Италия задействовала разработанную до тонкостей систему священнослужения. В своем доме жрецом был отец; общественные культы обслуживались несколь-

кими коллегиями, или сообществами жрецов, каждая из которых сама заполняла свои вакансии. Во главе их стоял великий понтифик (*pontifex maximus*), избравшийся на центуриатном собрании. Чтобы вступить в эти священные коллегии, не требовалось никакого специального обучения; любой гражданин мог вносить себя в их списки или оставлять их; они не образовывали отдельного сословия или касты и были политически бессильны, пока не становились орудием в руках государства. Они содержались за счет доходов от государственных земель, на которых трудились рабы; их делали богаче из поколения в поколение благочестивые завещания частных лиц.

В третьем веке до Рождества Христова главная понтификальная коллегия состояла из девяти членов. Они вели анналы, записывали законы, следили за предзнаменованиями, устраивали жертвоприношения и очищали Рим на проводившихся раз в пять лет люстрациях. При отправлении официальных обрядов понтификам помогали пятнадцать фламингов (*flamines*) — возжигателей жертвенного огня. Менее значительные понтификальные коллегии имели свои особые функции: салии (*salii*), или прыгуны, возвещали приход Нового года ритуальным танцем, посвященным Марсу; фециалы (*fetiales*) давали санкцию на утверждение договоров или объявление войны; луперки (*Luperci*), или братство волка, отправляли странные обряды Луперкалий (*Lupercalia*). Коллегия весталок ухаживала за государственным очагом и ежедневно окропляла его святой водой из источника священной нимфы Эгерии. Эти одетые в белые платья, покрытые белыми покрывалами монахини выбирались среди девочек в возрасте между шестью и десятью годами; они приносили обет девственности и служили богине на протяжении тридцати лет, но взамен получали немало общественных почестей и привилегий. Если какая-нибудь из них бывала уличена в любовных связях, ее истязали розгами, а затем погребали заживо; римские историки зафиксировали двенадцать случаев подобного наказания. По истечении тридцати лет они были вольны оставить служение и выйти замуж, но такой возможностью¹² пользовались немногие.

Самой влиятельной среди жреческих коллегий была коллегия девяти авгуров, которые изучали намерения или волю богов — в более ранние времена посредством слежения за полетами птиц*, позднее — рассматривая внутренности жертвенных животных. Любой сколько-нибудь значительный политический, правительственный или военный акт предвляло проведение магистратами ауспиций, результаты которых толковались авгурами и гаруспиками — гадателями по печени, чье искусство восходило к этрускам, халдеям и их предшественникам. Поскольку жрецы время от времени оказывались послушны убеждению денег, их вердикты могли прилаживаться к нуждам покупателя: так, например, неудобный законопроект мог быть остановлен объявлением о том, что данный день, согласно ауспициям, неблагоприятен для занятий важными делами; или народное собрание могли соблазнить проголосовать за войну «благоприятные» ауспиции¹³. В самых трудных ситуациях правительство заявляло о своем желании узнать о воле небес при помощи Книг Сивиллы, в которых были записаны оракулы кумской Сивиллы, жрицы Аполлона. Посредством вышеуказанных мероприятий и направлявшихся от случая к слу-

* Отсюда слово «авгур» (*augur*) — «тот, который носит птицу» (*aves-gero*) и «ауспиция» (*auspicium*) — «наблюдение за птицами» (*aves-spicio*). Первобытный человек, возможно, и на самом деле учился предсказывать погоду по движению птиц.

чаю посольств к дельфийскому оракулу аристократия имела возможность воздействовать на практически любое решение народа, добиваясь угодных для себя результатов¹⁴.

Культовые обряды сводились фактически к простому приношению даров или жертв богам, чтобы заручиться их поддержкой или отвлечь от себя их гнев. Жрецы утверждали, что, для того чтобы быть действенным, ритуал должен исполняться с такой точностью в словах и движениях, которая могла быть обеспечена только жречеством. Если допускалась какая-либо ошибка, обряд следовало повторить, даже до тридцати раз. Слово «религия» (*religio*) означало выполнение ритуала с благоговейной осторожностью¹⁵. Центральным моментом церемонии было жертвоприношение (*sacrificium*) — буквально, претворение обыкновенной вещи в священную, посвященную (*sacer*), то есть принадлежащую божеству. В доме приношениями были обычно кусочек пирога или немного вина, помещенные над очагом или опущенные в огонь; в деревне — первины урожая, баран, собака или поросенок; в торжественных случаях — конь, свинья, овца или бык; в самых значительных — три последних животных закалывались вместе в обряде суоветаурилий (*su-ove-taur-ilia*). Священные формулы, произносимые над жертвой, превращали ее в божество, которое должно было ее принять; в этом смысле в жертву приносился сам бог¹⁶; а так как на алтаре сжигались только внутренности, в то время как жрецы и народ поедали остальное, мощь и сила божества (надеялись люди) переливались в его пирующих почитателей. Иногда в жертву приносились люди; важно отметить, что закон, запрещающий человеческие жертвы, был принят только в 97 г. до н.э. Отголоски этих представлений об искуплении чужой вины мы находим в поступках людей, жертвовавших жизнью во благо государства, как это сделали Деции или Марк Курций, который, чтобы умиротворить раздраженных подземных демонов, прыгнул в разверзшуюся во время землетрясения щель на Форуме, после чего, сообщает предание, щель сомкнулась, и все произошло в норму¹⁷.

Более приятной была церемония очищения. Очищению могли подвергаться поля или стада, армия или город. Процессия обходила по кругу объекты, которые должны были быть очищены, возносились молитвы, и приносились жертвы, благодаря им изгонялись дурные силы и отвращались несчастья. Молитва еще не полностью выделилась из магических заклинаний; слово, которым она обозначалась — *carmen*, — значило не только «песня», но и «чара», а Плиний искренне полагал, что молитва представляет собой одну из форм магического заклинания¹⁸. Если формула произносилась в соответствии с правилами и была адресована правильному божеству согласно индигитаментам (*indigitamenta*), или упорядоченному списку богов, составленному и хранившемуся жрецами, исполнение просьбы было гарантировано; если что-то оказывалось не так, значит, в ритуале была допущена ошибка. Близки магии были также обеты (*vota*) или совершавшиеся по обету дары, посредством которых люди искали помощи богов; иногда во исполнение таких обетов возводились огромные храмы. Множество вотивных приношений, которые находят в римских погребениях, наводят на мысль о том, что религия простого народа была согрета и смягчена благочестием и благодарностью, чувством породненности с тайными силами природы и страстным стремлением быть в гармонии с ними. В противоположность ей государственная религия была до неудобства формальной, своего рода юридическими и договорными отноше-

ниями между правительством и богами. Когда новые культы побежденного Востока затопили Рим, первой пришла в упадок именно официальная религия, в то время как колоритные и интимные верования деревни упорно и терпеливо сопротивлялись новым веяниям. Победоносное христианство, пойдя на уступки, мудро переняло значительную часть этих верований и обрядов; облеченные в новые формы и фразы, они живы в латинском мире и сегодня.

3. Празднества

Суровость и строгость официального культа искупались его праздниками, когда люди и боги показывали себя с менее мрачной стороны. Год был украшен более чем сотней освященных дней (*feriae*), включая первые дни каждого месяца, а иногда девятое и пятнадцатое числа. Некоторые из этих ферий были посвящены мертвым или духам нижнего мира; церемонии, справлявшиеся в эти дни, были «апотропеическими» по своему характеру, то есть имели целью умиловить покойников и отвратить их гнев. С одиннадцатого по тринадцатое мая римские семейства праздновали со священным трепетом дни лемуров, или душ умерших; отец семейства выплевывал изо рта черные бобы и восклицал: «Этими бобами я искупаю свою вину и вины моих ближних... Тени предков, удалитесь!»¹⁹. Паренталии (*Parentalia*) и Фералии (*Feralia*), отмечавшиеся в феврале, были похожими попытками смягчить ужасных мертвецов. Но в большинстве случаев празднества были поводом для веселья и радостных застолий, а часто, среди плебеев, и для сексуальной вседозволенности. В такие дни, говорит один из плавтовских персонажей, «вы можете есть все, что вам заблагорассудится, ходить... куда вам угодно... любить кого хотите при условии, что вы воздержитесь от чужих жен, вдов, девиц и свободных мальчиков»²⁰; очевидно, он чувствовал, что в его распоряжении останется богатый выбор и при таких ограничениях.

15 февраля наступал странный праздник Луперкалий, посвященный богу Фавну, защитнику от волков (*Iupercus*): в жертву приносились козлы и бараны; луперки — жрецы, облаченные в одни только повязки из шкуры козла, — бегали вокруг Палатинского холма, моля Фавна отогнать злых духов, и хлопали женщин, которые встречались им на пути, ремнями из кожи жертвенных животных, чтобы очистить их и сделать плодоносными; затем соломенные куклы сбрасывались в Тибр, чтобы умиротворить или обмануть речного бога, который, вполне возможно, во времена более дикие требовал человеческих жертв. 15 марта беднота выходила из своих лачуг и, как евреи во время празднества кушей, строили себе шатры на Марсовом поле, празднуя приход Нового года и молясь богине Анне Перенне (Кольцо Времени), чтобы она даровала им столько лет жизни, сколько ими осушено чаш вина²¹. В одном только апреле было шесть праздников, кульминацией которых становились Флоралии (*Floralia*); этот праздник Флоры, богини цветов и родников, длился в течение шести дней, которые были озаглавлены буйными и распущенными пирушками. Первое мая было днем Благой Богини (*Bona Dea*), 9, 11 и 13 мая на Либералиях (*Liberalia*) чествовались Либер и Либера — бог и богиня винограда; символизировавший плодородие фаллос открыто прославлялся радостными толпами мужчин и женщин^{22–23}. В конце мая арвальские братья предводительствовали народом на торжественных и все же полных

веселья Амбарвалиях (Ambarvalia). В осенние месяцы о богах не особенно заботились, потому что урожай был уже собран и находился в безопасности, но декабрь вновь изобиловал празднествами. Сатурналии (Saturnalia) продолжались с семнадцатого по двадцать третье число; на них праздновали посев урожая на будущий год и поминали счастливое бесклассовое царство Сатурна; люди обменивались подарками, и в эти дни допускались многие вольности; на время стирались различия между свободными и рабами, иногда их отношения даже выворачивались наизнанку: рабы могли восседать рядом с хозяевами, отдавать им приказания, бранить их; господа прислуживали своим рабам и не приступали к еде до тех пор, пока те не насытятся²⁴.

Эти праздники, пусть и аграрные по своему происхождению, продолжали пользоваться популярностью и в городах, пережив все перипетии, связанные со сменой вер в четвертом-пятом столетиях нашей эры. Их было столь много, что возникала настоящая путаница, и одним из главных результатов упорядочения римского календаря было составление такого списка праздников, которым при расчете времени мог бы руководствоваться простой народ. По древнему италийскому обычаю первосвященник собирал в начале каждого месяца народную сходку и называл праздники, которые должны отмечаться в следующие тридцать дней; это провозглашение (calatio) дало название (calendae) первому дню каждого месяца. Для римлян, как в известной мере и для современных католиков или ортодоксальных иудаистов, календарь являлся жреческим списком выходных и рабочих дней, усеянным крупными религиозной, юридической, исторической и астрономической информации. Предание приписывало создание календаря, определявшего римскую хронологию и быт до Цезаря, Нуме Помпилию. Он делил год на двенадцать лунных месяцев, используя довольно сложную систему вставных дней; при этом в одном году насчитывалось 366 дней. Чтобы избавиться от все возрастающего числа избыточных дней, понтификам было поручено в 191 г. до н.э. пересмотреть систему вставок; однако те пользовались своей властью для того, чтобы продлить или сократить магистратуры нравящихся или негодных им политиков, так что в конце республиканского периода календарь, в котором недоставало трех месяцев, являл собой чудовищное зрелище — результат хаоса и крючкотворства.

В эпоху ранней Республики время измерялось в соответствии с положением солнца в небе. В 263 г. до н.э. из Катаны (Сицилия) были привезены солнечные часы, установленные затем на Форуме. Но так как Катана находилась на четыре градуса южнее Рима, часы показывали время неправильно, и жрецы на протяжении столетия не могли внести в них необходимые изменения. В 158 г. до н.э. Сципион Назика установил общественную клепсидру, или водяные часы. Месяц делился на три отрезка календами (первое число), нонами (пятое или седьмое), идами (тринадцатое или пятнадцатое); остальные дни довольно неуклюже именовались в зависимости от того, на каком расстоянии от этих точек они находились; так, 12 марта было «четвертым днем перед мартовскими идами». Пределы рабочей недели были отмечены нундинами (nundinae), или каждым девятым днем, когда крестьяне приезжали на рынки в близлежащие города. Год начинался с приходом весны, и первый месяц, Марций, носил имя бога сеяния; за ним следовал Априлис (Aprilis), месяц пускания ростков; Май, месяц Майи, или, может быть, роста; Юний, месяц Юноны, или, возможно, цветения; затем Квинктилис, Сексти-

лис, Сентябрь, Октябрь, Ноябрь, Декабрь, названные в соответствии с их порядковым номером; затем Январь — месяц Януса; Февраль получил свое название от februa, или магических предметов, при помощи которых можно было получить очищение. Год назывался annus, «кольцо»; можно было предположить, что в действительности у него нет ни начала, ни конца.

4. Религия и характер

Оказывали ли эти культы благотворное влияние на римскую мораль? В некотором смысле, они имели мало общего с моралью: их сосредоточенность на обряде могла привести к выводу о том, что боги воздают не за праведность, но за дары и формулы; молитвы почти всегда касались материальных приобретений или военных побед. Церемонии придавали драматический характер существованию людей и земли, но их было так много, будто именно они, а не преданность части целому, составляли суть религии. Боги, за немногими исключениями, являли собой жутких демонов, в которых не было ни моральности, ни благородства.

И тем не менее древняя религия внесла в нравственность весьма значительный вклад: именно она упорядочивала и укрепляла индивидуума, семью, государство. До того как ребенок мог познакомиться с сомнениями, вера отливала его характер в формы послушания, обязательности и благопристойности. Семью религия наделяла божественными санкциями и поддержкой; она исподволь внушала родителям и детям непреходящие взаимное уважение и почтительность, она придавала сакраментальное значение рождению и смерти, поощряла верность брачному обету, способствовала рождаемости, указывая на необходимость отцовства для покоя души умершего. Прилежно исполняя церемонии перед началом всякой военной кампании или битвы, она возбуждала воинский дух и давала солдату веру в то, что на его стороне сражаются сверхъестественные силы. Она укрепляла право, возводя его к небесным истокам и облакая его в религиозные формы, называя преступлением нарушение небесного порядка и покоя, подкрепляя клятвы авторитетом Юпитера. Благодаря ей все стороны общественной жизни приобретали благоговейную торжественность, она предвляла каждое действие правительства молитвой и ритуалом, приводя государство к такому нерасторжимо и тесному единству с богами, в котором благочестие и патриотизм становились нерасторжимым целым, а любовь к отечеству возвысилась до такой иступленной преданности, примеров которой не знает история человечества. Религия разделяла вместе с семей почёт и ответственность за формирование железного характера, в котором и заключалась тайна римского мирового господства.

III. НРАВЫ

Какой тип нравственности вырастал из римского семейного быта и жизни среди римских богов? Римская литература от Энния до Ювенала идеализировала ранние поколения и оплакивала гибель старинной простоты и старинного мужества. На этих страницах я тоже постараюсь указать на различия между стоическим Римом Фабия и эпикурейским Римом Нерона. Но не следует

преувеличивать эти различия, тенденциозно подбирая источники. И в дни Фабия существовали эпикурейцы, и в дни Нерона — стоики.

От начала и до конца римской истории половая мораль простого человека в существеннейших чертах оставалась неизменной — грубой и весьма вольной, хотя и не препятствовавшей благополучной семейной жизни. Во всех свободных классах от молодых женщин требовали сохранять девственность, которая превозносилась в обладающих ужасом сказаниях; римлянин всегда обладал сильным чувством собственности и желал иметь супругу, отличавшуюся постоянством, чтобы быть уверенным в том, что его имущество не достанется потомкам соперника. Однако в Риме, как и в Греции, добрая половая жизнь юноши не являлась предметом строгого надзора, если только она не выходила за рамки, очерченные неистребимым человеческим притворством. От Катона Старшего и до Цицерона²⁵ мы находим открытые оправдания такого образа жизни. По мере роста цивилизации возрастает не столько безнравственность намерения, сколько возможность его открытого проявления. В раннем Риме проститутки были немногочисленны. Им запрещалось носить одежды матрон, которые служили признаком незапятнанности женской репутации, и они были заперты в темных углах Рима и римского общества. В то время еще не существовало ни специально воспитанных куртизанок наподобие афинских гетер, ни изысканных шлюх, которых выставлял напоказ стих Овидия.

Мужчины женились рано — обычно к двадцати годам; причиной женитьбы являлась не романтическая любовь, но трезвый расчет. Римлянин нуждался в помощнице, детях, которых можно было бы использовать в домашнем хозяйстве, здоровой половой жизни. Если воспользоваться словами римского свадебного обряда, брак заключался *liberum quaerendorum causa* — ради получения потомства. На ферме дети, как и жены, были экономическим подспорьем, а не живыми игрушками. Браки зачастую заключались родителями, и будущих жениха и невесту сговаривали еще в младенчестве. В любом случае, требовалось согласие обоих отцов. Помолвка была мероприятием официальным и устанавливала юридические обязательства сторон. На торжества собирались родственники, чтобы засвидетельствовать контракт; между договаривающимися сторонами преломлялась соломинка (*stipula*) в знак их согласия; условия — особенно те, что оговаривали судьбу приданого, — фиксировались письменно; мужчина надевал железное кольцо на безымянный палец левой руки суженой, потому что именно отсюда, полагали римляне, отходила к сердцу некая жилка²⁶. По закону, девушки имели право выходить замуж с двенадцати лет, юноше разрешалось жениться начиная с четырнадцати. Раннее римское право сделало брак принудительным²⁷; однако, надо думать, к 413 г. до н.э. это установление стало мертвой буквой, ибо именно тогда Камилл в качестве цензора ввел налог на холостяков.

Брак заключался или *cum manu*, или *sine manu*, то есть с передачей или без передачи невесты и всего ее имущества в руки мужа или свекра. Брак *sine manu* не нуждался в религиозных церемониях, и для него требовалось только согласие жениха и невесты. Брак *cum manu* заключался после года совместной жизни (*usus*); или посредством купли (*coemptio*); или при помощи конфарреации (*confarreatio*) — буквально, совместного съедения пирога, — для которой требовалось проведение обряда и которая имела место только при бракосочетаниях патрициев. Брак, заключавшийся посредством настоящей ку-

пли, вышел из употребления довольно рано или на деле превратился в свою противоположность: приданое невесты часто покупало ей мужа. Как правило, это приданое попадало в распоряжение мужа, однако равноценная замена возвращалась жене при разводе или по смерти мужа. Свадьбы изобиловали народными обрядами и песнями. Оба семейства пировали в доме невесты; затем они устраивали яркое и озорное шествие к дому отца жениха. Их сопровождала игра на флейтах, пение гимениев и раблезианское веселье. Возле убранных цветами дверей новобрачный спрашивал девушку: «Кто ты такая?» На что она отвечала простой формулой изъявления преданности, равенства и единства: «Где ты Гай, там я Гайа». Он переносил ее через порог, отдавал ей ключи от дома и вместе с ней подставлял шею под ярмо, которым символизировалось заключение между ними союза. Отсюда брак получил название *coniugium* — «совместная запряжка». В знак того, что она стала членом новой семьи, невеста вместе с остальными принимала участие в чествовании домашних богов.

В браках по конфарреации развод был трудным и редким предприятием. Браки *cum manu* могли расторгаться только по воле мужа. В браках *sine manu* развод мог произойти по инициативе любой из сторон и на него не нужно было испрашивать согласия государства. Первый зафиксированный в римской истории развод датируется 268 г. до н.э.; вызывающая сомнения традиция утверждает, что прежде этого случая не было ни одного развода со дня основания города²⁸. Родовые обычаи требовали, чтобы муж разводился с женой, которая была ему неверна или оказалась бездетной. «Если ты застанешь жену за прелюбодеянием,— говорил Катон Старший,— закон позволяет тебе убить ее без суда. Если она застигнет тебя в той же ситуации, она не может коснуться тебя и пальцем; это запрещено законом»²⁹. Несмотря на эти различия в правах, многие браки, очевидно, были счастливыми. Надгробные камни несут на себе печать посмертной привязанности. Некто трогательно почтил женщину, которая хорошо послужила двум мужьям, написав на ее надгробии такие слова:

Ты была прекрасна превыше всякой меры, Стацилия, и как верна своим мужьям!.. Первый из них, если бы ему удалось одолеть судьбу, положил бы над тобой эту плиту, не я; но увы мне, несчастному, который был благословлен твоим чистым сердцем эти шестнадцать лет и теперь тебя потерял³⁰.

Молодые женщины, жившие во времена ранней Республики, вероятно, не были столь же милы, как дамы более позднего времени, которых опытный Катулл наделил «стройными бедрами, нежными, как шерсть, и мягкими ручками» (*lanceum latusculum manusque mollicellas*)³¹. Надо полагать, в эту преимущественно деревенскую эпоху труды и заботы быстро лишали их девичьей прелести. Черты лица были у женщин классически правильными, нос — небольшим и тонким, волосы и глаза обычно темными. Блондинки пользовались большим успехом, как и германские красители, которыми они выкрашивали свои волосы в белый цвет. Что касается римского мужчины, то он скорее был чрезвычайным выразительным типом, чем статным и бравым молодцом. Строгое воспитание и годы воинской службы закаляли его лицо, как — позднее — потакание прихотям делало лицо римлянина дряблым. Клео-

патра должна была полюбить Антония за что-то еще, кроме его дышащих кровью с молоком щек, а Цезаря не только за орлиный профиль, но и за какое-то иное очарование. Римской нос был подобен римскому характеру — острым и коварным. Носить бороды и длинные волосы было принято примерно до 300 г. до н.э., когда в Риме развернули свою деятельность цирюльники. Одежда в основном напоминала греческую. Мальчики, девочки, магистраты и высшие священнослужители носили тоги-претексты (*toga praetexta*) или платья, окаймленные пурпуром; по достижении шестнадцатилетнего возраста юноша надевал на себя мужскую тогу (*toga virilis*) — белое одеяние мужчины, — которое символизировало его право голосовать в собраниях и обязанность служить в армии. В стенах своего дома женщины носили столу (*stola*) — ниспадавшее до пят платье с поясом, подвязывавшимся под грудью; выйдя на улицу, они набрасывали на столу плащ (*palla*). Дома мужчины носили простую тунику, или рубашку; за его пределами они добавляли к ней тогу и иногда плащ. Тога (*tegere* — «покрывать») представляла собой цельный отрез шерстяного материала, ширина которого равнялась двум, а длина трем ростам ее владельца. Она оборачивалась вокруг тела, и остаток ткани загибался над левым плечом назад, затем заворачивался вперед под правым и снова загибался над левым. Складки на груди служили карманами; правая рука оставалась свободной.

Римские мужчины развивали в себе манеры, отмеченные суровым достоинством (*gravitas*), что было пусть и малопривлекательной, но жизненной необходимостью для аристократии, которая руководила сначала городом, затем полуостровом, наконец, империей. Мягкость и чувствительность были постоянным частной жизни; в обществе мужи из высших сословий должны были оставаться столь же строгими, как и их статуи, пряча за маской суховатой умиротворенности возбудимость и юмор, которыми брызжут не только комедии Плавта, но и речи Цицерона. Даже в своем быту римлянам этой эпохи полагалось вести спартанский образ жизни. Роскошные платья или застольные излишества встречали порицание цензоров; даже неаккуратная обработка земли могла накликать на голову крестьянина какого-нибудь Катона. Во время Первой Пунической войны посланцы Карфагена, возвращаясь из Рима, забавляли богатых купцов рассказами о том, что, в какой бы из домов их ни пригласили, всюду они сталкивались с одним и тем же набором серебряной посуды; одного набора, тайком передававшегося из дома в дом, хватало на всех патрициев. В эту эпоху сенаторы заседали на грубых деревянных скамьях в курии, или зале, которая не отапливалась даже в зимние холода.

И все же между Первой и Второй Пуническими войнами богатство и роскошь получили широкое распространение в Риме. Ганнибал снял множество золотых колец с убитых при Каннах римлян³²; законы, регулирующие расходы граждан, постоянно — а стало быть, впустую — запрещали ношение ювелирных изделий, экстравагантных нарядов и расточительные застолья. В третьем веке до н. э. меню среднего римлянина оставалось простым: завтрак (*ientaculum*), состоявший из хлеба с медом, оливками или сыром; полдник (*prandium*) и обед (*cena*) — из каши, овощей и фруктов; только состоятельные люди могли позволить себе рыбу или мясо³³. Вино, как правило разведенное, украшало, пожалуй, каждый стол; пить неразбавленное вино считалось проявлением необузданности. Праздники и пиршества были необходимой отдушиной в эту стоическую эпоху; те, кто не умел расслабляться на них, страда-

ли от перенапряжения, и мы видим их нервное переутомление на статуях, оставленных ими потомкам.

Милосердию оставалось мало места в этой рассудительной жизни. Обычай гостеприимства сохранился как средство взаимного облегчения тягот путешественников, потому что постоянные дворы были немногочисленны и находились на значительном расстоянии друг от друга. Однако симпатизирующий римлянам Полибий сообщает, что «в Риме никто ничего никому не отдает, если у него есть возможность этого избежать»³⁴. Несомненно, это все же преувеличение. Молодежь была вежлива по отношению к старикам, но в общем вежливость и изящество стали частью римского быта только на закате Республики. Нравы и манеры определялись войной и завоеваниями; люди часто оставались невежами, с которыми трудно было общаться; зато они были готовы убивать без угрызений совести и принять смерть без жалоб. Военнопленные продавались в рабство тысячами, если они не были царями или военачальниками; последних обычно казнили во время триумфа победителя или на досуге умаривали голодом. В деловом мире эти качества проявлялись с более привлекательной стороны. Римляне любили деньги, но Полибий (около 160 г. до н.э.) описывает их как деятельных и порядочных людей; обычный грек, пишет греческий автор, редко удержался бы от присвоения общественных денег, и не имеет значения, сколько чиновников было бы поставлено следить за ним; в то же время римляне расходовали огромные суммы общественных средств, а случаи доказанной нечистоплотности были весьма редки³⁵. Отметим, однако, что закон, призванный положить конец предвыборным злоупотреблениям, был принят в 432 г. до н.э. Римские историки сообщают, что политическая чистота была особенно характерна для трех первых столетий существования Республики, но вызывает законные подозрения тот факт, что они столь усердно расхваливают Валерия Корва, который после отправления двадцати одной магистратуры вернулся на свои поля таким же бедняком, каким уходил когда-то; столь же подозрительны похвалы Курию Дентату, который не принял участия в дележе добычи, достававшейся его войску от врага, как и похвалы Фабию Пиктору и его спутникам, которые передали государству все дары, полученные ими во время своего пребывания в качестве послов в Египте. Друзья одалживали друг другу значительные суммы, отказываясь от процентов. Римское правительство неоднократно вело себя вероломно в отношении других государств, и во внешней политике Империя была более честна, чем Республика. Но сенат отверг предложение посмотреть сквозь пальцы на отравителей Пирра и предупредил царя о готовящемся покушении. Когда после каннского сражения Ганнибал отправил в Рим десятых пленников, чтобы те обсудили вопрос о выкупе 8000 своих оставшихся в плену товарищей, взяв с них слово вернуться, все, кроме одного римлянина, сдержали свое обещание; сенат приказал схватить десятого, заковал его в железа и вернул к Ганнибалу, который, говорит Полибий, «не столько был рад своей победе, сколько впал в уныние при виде стойкости и величия духа римлян»²⁷.

Если подвести итог сказанному, нужно будет сказать, что римлянин, получивший обычное для того времени воспитание, был благонравен, консервативен, предан государству, трезвомыслящ, почтителен, упорен, практичен, строг. Подчинение дисциплине доставляло ему радость, и он не был склонен фетишизировать свободу. Он повиновался приказам умело и беспрекословно. Он

воспринимал как должное то обстоятельство, что правительство могло потребовать от него отчета не только о доходах, но и о личной жизни и ценило его лишь в меру полезности государству. Он не доверял индивидуальности и исключительным способностям. В нем не было ни обаяния, ни живости, ни текучей плавности аттического грека. Он преклонялся перед характером и волей, как грек — перед свободой и интеллектом; организованность была его коньком. Он был настолько лишен воображения, что даже не сумел создать своей мифологии. Совершив над собой некоторое усилие, он мог полюбить прекрасное, но редко был способен его созидать. Он не нуждался в чистой науке и с подозрением смотрел на философию, которая казалась ему разрушительницей древних верований и образа жизни. Его жизнь не требовала от него понимания ни Платона, ни Архимеда, ни Христа. Он умел только одно — править миром.

IV. ОБРАЗОВАННОСТЬ

В формировании личности римского гражданина принимали участие не только семья, религия и моральные заповеди, но и, пусть и в меньшей степени, школа, язык и литература. Плутарх датирует первую римскую школу 250 г. до н. э.³⁸; но Ливий, возможно, задеиствовав воображение, пишет, будто Виргиния, возлюбленная Децемвира, посещала грамматическую школу на Форме, что позволяет думать о времени не позднее 450 г. до н. э.³⁹. Требование письменной фиксации законов и обнародование Двенадцати Таблиц подтверждает предположение, что к этому времени большинство граждан умели читать.

В роли учителя выступал, как правило, раб или вольноотпущенник, нанимаемый несколькими семьями для занятий с детьми; иногда им основывалась частная школа, в которую принимались все пришедшие к нему ученики. Он обучал чтению, письму, грамматике, арифметике, истории, послушанию; нравственное воспитание было основополагающим и непрерывным; ученик (*discipulus*) и дисциплина (*disciplina*) — это чуть ли не одно и то же слово. Заучивая наизусть законы Двенадцати Таблиц, ученик тренировал не только память, но и характер. Гейне однажды заметил, что «у римлян едва ли хватило бы времени на завоевание мира, если бы им пришлось сначала изучать латынь»⁴⁰, однако и им приходилось биться над спряжением неправильных латинских глаголов, а вскоре они приступали к греческому. Мальчик близко знакомился — благодаря поэзии и прозе — со свершениями своей страны и ее героев и получал множество уроков патриотизма, внимая рассказам о том, чего на самом деле никогда не было. Атлетике внимания практически не уделялось; римляне считали, что следует закалять тело целесообразной работой на сельскохозяйственном участке, а не схватками в палестрах и гимназиях.

Язык, как и разговаривавший на нем народ, был практичен и экономен, по-военному резок и краток; фразы и предложения маршировали ровным и слаженным строем к заранее намеченной цели. Множество схожих черт роднили его в рамках индоевропейской семьи с санскритом и греческим, с кельтскими наречиями древней Галлии, Уэльса и Ирландии. Латынь уступала греческому в образности, гибкости, способности к созданию сложных слов; Лу-

креций и Цицерон жаловались на скудность словаря, недостаток в нем выражений, способных передавать тончайшие оттенки мысли. И тем не менее этот язык был звучен и великолепен, его мужественная крепость идеально подходила для создания на нем образцовых ораторских произведений, а его сжатость и логически выверенная форма сделали латынь надежным проводником установлений римского права. Латинский алфавит происходит от алфавита Эвбейской Халкиды через посредничество Кум и Этрурии⁴¹. Древнейшие из известных нам латинских надписей, датируемые VI в. до н. э., сделаны буквами, чисто греческими по начертанию. С произносилось как наше К, J как И, V как У или W, гласные так же, как в итальянском. Современники Цезаря произносили его имя «Кайсар», а имя Цицерона — «Кикеро».

Римляне писали, окуная в чернила узкую металлическую палочку (*calamus, stilus*), сначала на листьях (*folium*), откуда происходят английские слова *folio* (фолио, фолиант) и *leaf* (две страницы); затем на внутренней стороне полосок из коры (*liber*); часто — на белых (*album*) табличках из дерева, покрытых воском; позднее — на коже, льняной бумаге и пергаменте. Поскольку на письме формы латинских слов были не столь подвержены изменениям, как устная речь, язык литературы все больше и больше отдалялся от народного языка, как это происходит в Америке и Франции в наши дни. Мелодичные романские языки — итальянский, испанский, португальский, французский и румынский — развились из этой грубой народной латыни, принесенной в провинции не поэтами и грамматиками, но солдатами, купцами и авантюристами. Так, слова, обозначающие в романских языках лошадь — *caballo, cavallo, cheval, cal* — происходят из просторечного латинского *caballus*, а не из литературного *equus*. В народной латыни слово *ille* (он) произносилось в один слог, как итальянское или французское *il*; конечные *-s* и *-m*, как и в этих языках, отпадали или не произносились. К наилучшему привела порча наихудшего.

Какие книги читал молодой римлянин в первые три века Республики? Существовали религиозные гимны и песни, такие, как песни арвальских братьев, а также народные баллады, воспевавшие историческое или легендарное прошлое Рима. Существовали официальные — обычно жреческие — записи результатов выборов, списки магистратов, событий, предзнаменований и праздников*. На основании этих архивов Квинт Фабий Пиктор составил (202 г. до н.э.) вполне достойную «Историю Рима» — правда, на греческом; латынь не представлялась еще пригодным инструментом для создания литературной прозы и до Катона не употреблялась при написании исторических сочинений. Существовали прозаические «смеси», называвшиеся сатурами — собрание забавных бессмыслиц и эротических шуток, — из которых Луций выкует новую литературную форму для Горация и Ювенала. Существовали неистовые и непристойные бурлески, или мимы, обычно исполнявшиеся этрусскими актерами; некоторые из этих актеров, происходившие из городка Истрия, назывались *istriones* и подарили латыни слово *histrio* (актер), производные от которого присутствуют во многих европейских языках. По праздничным или ярмарочным дням ставились также грубые, наполовину импровизированные фарсы, традиционные герои которых встретятся нам в тысячах итальянских комедий, античных и созданных в Новое время: богатый и глупый отец, сумасбродный, запутавшийся в любовных перипетиях юноша, окле-

* *Fasti consulares, libri magistratuum, annales maximi, fasti calendares.*

ветанная девушка, ловкий интриган слуга, обжора, вечно суесящийся в поисках еды, бесшабашный клоун-акробат. Последний щеголял в пестром одеянии из ярких заплата, просторных длинных штанах, камзоле с широкими рукавами и носил прическу, до сих пор известную нашей молодежи. Точное подобие Панча, или Пульчинелло, было обнаружено на помпейских фресках⁴².

С формальной точки зрения, литература пришла в Рим около 272 г. до н.э., и принес ее греческий раб. В этом году пал Тарент; многие из его греческих обитателей были убиты, но Ливию Андронику улыбнулось счастье: он отделался продажей в рабство. Доставленный в Рим, он учил детей своего хозяина и некоторых других латыни и греческому и перевел для них «Одиссею» латинским «сатурнийским» стихом — его ритм был неправилен и «распущен» и определялся скорее ударением, чем долготой слога. Освобожденный за свои заслуги, он получил от эдилов задание написать трагедию и комедию для игр (*ludi*) 240 г. до н.э. Он создал их, опираясь на греческие образцы, поставил на сцене, исполнял главные роли и пел под аккомпанемент флейты, пока не сорвал голос; с тех пор он играл своих героев молча, в то время как кто-то другой пел стихи трагедии. Этот метод получил распространение во многих римских пьесах более позднего времени и повлиял на зарождение пантомимы. Правительственным кругам так понравилась введенная Андроником литературная драма, что в его честь поэтам было дано право объединиться в профессиональный цех и проводить свои встречи в храме Минервы на Авентинском холме. После этого постановка таких сценических пьес (*ludi scenici*) вошла в моду, и их стали давать на общественных празднествах⁴³.

Через пять лет после этой исторической премьеры бывший солдат, плебей, выходец из Кампании Гней Невий поразил консерваторов обнаружением комедии, в которой с аристофановской смелостью высмеял политические злоупотребления, расцветавшие в столице махровым цветом. Древние семейства выразили свое недовольство, и Невий был арестован. Он попросил прощения и был выпущен на волю, но написал другую сатиру, столь же острую, как и первая, и был изгнан из Рима. Оказавшись на старости лет в изгнании, он ничуть не утратил своего горячего патриотизма и создал эпическую поэму, посвященную Первой Пунической войне, в которой довелось сражаться и ему самому: поэма начиналась с основания Рима троянскими беглецами и снабдила Вергилия темой и несколькими сценами «Энеиды». Осуждение Невия явилось двойным несчастьем: жизненные силы и самобытность римской комедии пострадали от цензуры, объявившей диффамацию уголовным преступлением, а римская политика не могла отныне очищаться от своих недостатков под воздействием общественной критики. Невий написал также стихотворную драму, основанную на римской истории; этот эксперимент умер вместе с ним, и впоследствии римская трагедия вотще обреталась на скошенных лугах греческой мифологии. До нас дошли лишь несколько фрагментов, по которым мы можем судить о поэтической силе Невия. Один из них описывает кокетку:

Словно мяч в игре, гетера отдается в руки всем:
Здесь кивнула, там мигнула, здесь любовник, там дружок;
Этого рукою держит, а того ногой толкнет;
Этому коленку кажет, а тому шепнет привет,
Здесь поет с одним, другому письмецо перстом чертит⁴⁴.

(Перевод Холодняка)

Приятно сознавать, что тогда женщины были так же очаровательны, как и сейчас, что не все римляне были Катонами и что под сенью Портика даже доблесть могла праздновать отдохновение от трудов.

Если не считать основ арифметики и собрания геометрических сведений, достаточных для разбивки фермы или разметки храма, наука еще не принимала сколько-нибудь заметного участия в воспитании или культуре римского гражданина. Мальчик учился считать на пальцах (*digiti*), и цифры, которыми он пользовался при счете, представляли собой подражание вытянутому пальцу (I), ладони (V) или двум ладоням, соединенным своими вершинами (X); ему было достаточно при образовании других чисел прибегать к повторению этих символов (II, III) или ставить пальцы до или после V и X (IV, IX; VI, XI), чтобы увеличить или уменьшить данное количество. От этой «ручной» арифметики ведет свое начало десятичная система счисления, основанная на числах, меньших или кратных десяти, то есть десяти пальцам. Римляне отлично использовали свои геометрические познания в строительстве или инженерном искусстве, но не добавили ни единой теоремы к законченной геометрической системе — созданию греческого разума. Мы не знаем ничего о римской астрономии этой эпохи, за исключением ее отрывочных следов в неловком римском календаре да сведений о ее преуспевающей сестре (или матери) — астрологии.

Медицина вплоть до III в. до н.э. сводилась главным образом к пользованию больных семейными травами, магическим процедурам и молитвам; дар исцеления принадлежал одним богам. Чтобы добиться исцеления наверняка, следовало обращаться к божеству, в чьем исключительном ведении находилось лечение данной болезни⁴⁵, как теперь на помощь зовут врача-специалиста. Против москитов, роившихся на римских полях, на помощь призывалась богиня Фебрис или Мефитис, так же как вплоть до начала нынешнего столетия римляне ходатайствовали перед Мадонной делла Фебре, Нашей Господой Лихорадки⁴⁶. Целительные мощи и святая вода были столь же распространенным явлением, как и в наши дни. Храм Эскулапа являлся оживленным центром религиозного врачевания, где диета и водные процедуры, покойное окружение и мирная рутина, молитва и успокаивающие боль обряды, помощь практикующих врачей и заботы их умелых помощников совместными усилиями возвращали больному надежду и иногда приводили к чудесным на первый взгляд случаям исцеления⁴⁷. Как бы то ни было, рабы-врачи и знахари существовали в Риме еще за пять веков до Рождества Христова, и некоторые из них специализировались на зуболечении. Двенадцать Таблиц запрещали погребать золотые предметы вместе с умершим, делая исключение для тех случаев, когда золото использовалось для укрепления зубов⁴⁸. В 219 г. до н.э. в Риме появляется первый врач из свободных — Архагат Пелопоннесский. Его хирургические операции так понравились патрициям, что сенат отвел ему отдельную резиденцию и дал права римского гражданина. Позднее его страсть «к надрезам и прижиганиям» завоевала ему прозвище Карнуфекс («мясник») ⁴⁹. Начиная с этого времени греческие врачи стекаются в Рим во все больших количествах и медицинская практика становится греческой монополией.

V. ПРИРАСТАНИЕ ЗЕМЕЛЬ

Римлянин, живший в эти века, не слишком нуждался в медицине, потому что деятельный образ жизни — то в роли солдата, то фермера — позволял сохранять здоровье и силу. Его тянуло к земле, как грека к морю: его существование было укоренено в родной почве, он возводил города как центры, в которых могли встречаться крестьяне и плоды их труда, собирал армии и создавал государство, всегда пребывая в готовности отстоять или расширить свои владения, и считал своих богов духами живой земли и питающего ее неба.

В самых отдаленных глубинах римского прошлого мы уже встречаем частную собственность⁵⁰. Однако часть земли оставалась общественным достоянием (*ager publicus*); обычно это были захваченные территории, которыми владело государство. Крестьянское семейство в раннереспубликанскую эпоху владело двумя или тремя акрами земли, обрабатывало их всеми имевшимися в наличии рабочими руками (иногда в ее распоряжении находился раб) и бережливо жило плодами своего хозяйства⁵¹. Они спали на соломе, рано вставали, обнажались до пояса и пахали или борошили, идя вслед за ленивыми быками, экскременты которых служили удобрением, а мясо — религиозным приношением и праздничной пищей. Отходы человеческой жизнедеятельности также использовались для обогащения почвы, но до времен Империи химические удобрения были в Италии редкостью⁵². Пособия по научному ведению хозяйства импортировались из Карфагена и Греции. Поля засеивались поочередно зерновыми и бобовыми культурами, а часть земель периодически отводилась под пастбища, чтобы предотвратить истощение почвы. Овощи и фрукты выращивались в изобилии и наряду с зерновыми являлись основной частью рациона. Излюбленной приправой был чеснок. Некоторые аристократические фамилии производили свои имена от названий овощей, традиционно занимавших особое место среди культивировавшихся ими растений: Лентулы — от *lens* (чечевица), Цепионы — от саера (лук), Фабии — от *fabia* (боб). Такие культуры, как фиго, оливы и виноград, начали постепенно вытеснять злаковые и овощи⁵³. В римском рационе оливковое масло занимало место сливочного, а также служило в качестве моющего средства в банях; оно являлось горючим для факелов и ламп и главным ингредиентом всевозможных мазей, которые были необходимы для волос и кожи, иссушаемых ветром и жарким солнцем средиземноморского лета. Итальянцы предпочитали носить шерстяную одежду, и поэтому овечьи стада были здесь особенно многочисленны. На крестьянском дворе разводили свиней и домашнюю птицу, и почти каждая семья выращивала в своем саду цветы⁵⁴.

Крестьянский труд претерпел коренные изменения в результате войн. Множество фермеров, взявшихся вместо плуга за оружие, были побеждены противником или очарованием города и никогда уже не вернулись к своим полям. Многие другие находили свои владения столь разоренными и запустевшими, что у них не хватало мужества начинать все заново; иные были раздавлены бременем долгов. Такие люди продавали свою землю по бросовым ценам аристократам и сельским капиталистам, которые превратили свои небольшие усадьбы в латифундии (*latifundia*), буквально, «широкие фермы», принялись культивировать на этих громадных площадях фруктовые сады и виноградники, устраивать пастбища для крупного рогатого скота и овец вме-

сто выращивавшихся здесь искони зерновых, используя для обработки земли захваченных на войне рабов, трудившихся под надзором управляющего, который и сам был зачастую рабом. Владельцы посещали свои поместья наездами; им больше не приходилось работать своими руками, и они жили как «отсутствующие помещики» на своих пригородных виллах или в Риме. Этот процесс, понемногу разворачивавшийся в IV в. до н.э., к концу третьего привел к возникновению на селе класса опутанных долгами собственников, а в столице — неимущего, неприкаянного пролетариата, чье глухое недовольство положит конец Республике, созданной крестьянским трудом.

VI. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Италийская земля была бедна полезными ископаемыми — этот факт во многом определил экономическую и политическую историю Италии. Здесь отсутствовало золото и было немного серебра; существовал изрядный запас железа, известное количество меди, свинца, олова и цинка, но всего этого было явно недостаточно, чтобы обеспечить промышленное развитие. Рудники во всех уголках Империи принадлежали государству, которое, однако, сдавало их в аренду частным лицам, обеспечивавшим их прибыльность посредством выжимания соков из тысяч рабов. Металлургия и технология не добились особых успехов. Бронза по-прежнему была распространена значительно шире, чем железо, и только лучшие и самые поздние рудники были оборудованы лебедками, воротами и цепными ковшами, которые были разработаны Архимедом и другими учеными на Сицилии и в Египте. Основным видом топлива была древесина; дерево использовалось также в строительстве домов и кораблей и изготовлении мебели. Милia за милей, десятилетие за десятилетием лес отступал к горам, подходя постепенно к пределу своего распространения над уровнем моря. Самой преуспевающей отраслью промышленности было изготовление оружия и орудий труда в Кампании. Фабричной системы еще не существовало, за исключением отраслей, занимавшихся изготовлением вооружений и керамики. Гончары делали не только посуду, но также кирпичи и черепицу, водопроводные трубы и бочки; в Арреции и других местах они копировали греческие образцы и учились создавать художественные вещи. По крайней мере с VI в. до н.э. текстильная промышленность переросла в обработку, приготовлении и окрашивании шерсти и льна чисто домашнюю стадию своего развития, хотя дочери, жены и рабы римлян продолжали заниматься прядением; свободные и несвободные ткачи концентрировались на небольших заводиках, работавших не только на внутренний рынок, но и на экспорт.

Трудности с транспортом были серьезной помехой производству товаров для потребителей, живущих за пределами данной местности. Дорог было мало, мосты ненадежны, запряженные волами повозки двигались медленно, постоянные дворы были редки, грабители многочисленны. Поэтому главными путями сообщения стали реки и каналы, в то время как города на морском побережье завозили скорее заморские товары, чем изделия, изготовленные в глубине страны. Впрочем, к 202 г. до н.э. римляне уже построили три из своих знаменитых «консульских дорог» («кон-

сульских» потому, что они обычно получали имя консулов или цензоров, при которых было начато их строительство). Вскоре эти магистрали далеко превзойдут долговечностью и протяженностью персидские и карфагенские дороги, служившие им образцами. Самой древней из них была *via Latina* (Латинская дорога), которая в 370 г. до н.э. открыла римлянам выход к Альбанским холмам. В 312 г. до н.э. Аппий Клавдий Слепой, задевствовав тысячи преступников⁵⁵, открыл строительство *via Appia*, или Аппиевой дороги, между Римом и Капуей; позднее она протянулась к Беневенту, Венузии, Брундизию и Таренту. Ее 333 английские мили связали два побережья, облегчили торговлю с Грецией и Востоком и вместе с другими дорогами работали на то, чтобы превратить Италию в единое государство. В 241 г. цензор Аврелий Котта начал строительство Аврелиевой дороги из Рима через Пизу и Геную к Антибам. Гай Фламиний в 220 г. начал прокладывать Фламиниеву дорогу к Ариминию. Приблизительно тогда же Валериева дорога соединила Тибур с Корфинием. Постепенно величественная сеть росла: Эмилиева дорога взбиралась на север, отходя от Ариминия к Плаценции через Бононию и Мутину (187 г. до н.э.); Постумиева дорога соединила Геную и Верону (148 г. до н.э.); наконец *via Popilia* была проведена от Ариминия через Равенну к Падуе (132 г. до н.э.). В следующем столетии дороги выйдут за пределы Италии и протянутся к Йорку, Вене, Фессалоникам и Дамаску, опояшут побережье Северной Африки. Они защищали, объединяли, насыщали Империю жизненными соками: благодаря им стало возможным быстрое перемещение войск, интеллекта, обычаев и идей; они стали мощными торговыми артериями и играли при этом весьма существенную роль в заселении и обогащении итальянских и европейских земель.

Несмотря на эти магистрали, торговля никогда не достигала в Италии такого расцвета, как в Восточном Средиземноморье. Высшие классы всегда презирали деятельность, сводившуюся к тому, чтобы купить подешевле, а продать подороже, и предоставили заниматься торговлей греческим и восточным вольноотпущенникам; деревенским же обитателям хватало устраивавшихся время от времени ярмарок и бывавших по девятидневным рынкам в близлежащих городах. Торговля с внешним миром также была довольно скромной. Морские средства передвижения были не слишком надежны; корабли были небольшого размера, делали не более шести миль в час на веслах или под парусом, держась при этом береговой линии, и в большинстве случаев робко стояли на приколе в порту с ноября по март. Карфаген контролировал западную часть Средиземного моря, эллинистические монархии — восточную, а пираты периодически покидали свои логова, чтобы наброситься на купцов, немногим более порядочных, чем они сами. Устье Тибра постоянно заиливалось, и Рим оказывался отрезанным от своей гавани в Остии. Однажды шторм пустил здесь ко дну сразу двести судов. Кроме того, течение Тибра было столь мощным, что путешествие вверх по течению к Риму не стоило ни затрачиваемого на него труда, ни материальных издержек. Около 200 г. до н.э. суда стали заходить в Путеолы — порт, расположенный 150 милями южнее Рима, — и отсюда товары доставлялись в столицу уже посуху.

Чтобы облегчить внутреннюю и внешнюю торговлю, потребовалось установить контролируемую государством систему мер и весов, единую монетную

систему*. Вплоть до IV в. до н.э. скот по-прежнему являлся средством обмена, поскольку он ценился повсюду и легко перемещался. С развитием торговли в роли денег стали выступать необработанные куски меди (*aes*) — это произошло около 330 г. до н.э.; оценивать (*aestimare*) означало первоначально *aes tumare*, определять вес меди. Мельчайшей денежной единицей был асс (*as*), то есть медь весом в один фунт; тратить (*expendere*) означало «отвешивать». Когда около 338 г. до н.э. государство выпустило в обращение медные монеты, на них нередко изображались вол, овца или свинья, и поэтому они получили название *rescupia* (*rescus* — скот). В Первую Пуническую войну, говорит Плиний, «Республика, испытывая недостаток средств для удовлетворения своих нужд, уменьшила вес асса до двух унций меди; благодаря этому ухищрению государство добилось сокращения пяти шестых своих расходов, и была ликвидирована государственная задолженность»⁵⁶. К 202 г. до н.э. асс упал до одной унции; а в 87 г. до н.э. его вес был уменьшен до половины унции, чтобы помочь справиться с затратами на гражданскую войну. В 269 г. до н.э. были отчеканены две серебряные монеты: денарий, равный десяти ассам и соответствовавший афинской драхме в ее обесцененном эллинистическом варианте, и сестерций, эквивалентный двум с половиной ассам, или четверти денария. В 217 г. до н.э. появились первые римские золотые монеты — *aurei* — с номиналами в двадцать, сорок и шестьдесят сестерциев. В металлическом эквиваленте асс равнялся бы двум, сестерций — пяти, денарий — двадцати американским центам. Однако драгоценные металлы были тогда большей редкостью, чем сейчас, и поэтому их покупательная способность в несколько раз превосходила нынешнюю⁵⁷. Следовательно, мы можем, не принимая во внимание ценовые колебания в донеронову эпоху, считать асс, сестерций, денарий и талант Римской Республики приблизительно эквивалентными соответственно шести, 15 и 60 центам и 3600 долларам по курсу 1942 года**.

Выпуск этой обеспеченной государством валюты стимулировал рост числа финансистов и финансовых операций. В старину римляне использовали в качестве банков храмы, как для нас сегодня роль храмов играют банки; государство тоже до самого конца продолжало использовать свои надежно укрепленные святилища как места хранения общественных средств, возможно, руководствуясь мыслью о том, что религиозные соображения поколеблют решимость возможных грабителей. Ростовщичество являлось древним занятием. Уже законы Двенадцати Таблиц запрещают взимать с должника более восьми и одной трети процента в год⁶⁰. В 347 г. до н.э. процентная ставка была понижена законодателями до пяти процентов в год и сведена до нуля в 342 г. до н.э., но сия рекомендация Аристотеля оставляла для заинтересованных лиц такое количество лазеек, что действительная минимальная ставка равнялась двенадцати процентам. Лихоимство (ставка выше двенадцати процентов)

* Некоторые римские меры: модий (*modius*) приблизительно равнялся четверти бушеля (9,09 л); фут равнялся 11 5/8 английского дюйма; 5 римских футов составляли шаг (*passus*); 1000 шагов — миля (*milia passuum*), или 1619 английских ярдов; югер (*iugerum*) был примерно равен 2/3 акра; фунт состоял из 12 унций (*unciae*).

** Около 250 г. до н.э. бушель пшеницы в северной Италии стоил полденария (30 центов); стол и ночлег на постоялом дворе стоили пол-асса (3 цента) в день⁵⁸; на Делосе во II в. до н.э. дом средней руки сдавался за 4 денария (2,40 доллара) в месяц; в Риме в 50 г. н.э. чашка с блюдцем стоили пол-асса (3 цента)⁵⁹.

было широко распространено, так что должники были вынуждены время от времени избавляться от этого бремени, поддерживая соответствующие законопроекты или объявляя себя банкротами. В 352 г. до н.э. правительство прибегло к вполне современным мерам по облегчению положения должников: оно приняло на себя обязательства по тем закладным, которые позволяли рассчитывать на то, что эти долги будут возвращены, и в то же время убедило кредиторов понизить процентные ставки по другим закладным⁶¹. Одна из примыкавших к Форуму улиц стала банкирским рядом. Здесь находилось множество лавок ростовщиков (*argentarii*) и менял (*trapezitae*). Деньги могли даваться под залог земли, урожая, при наличии ценных бумаг или государственных контрактов, для финансирования коммерческих предприятий или путешествий. Долевое участие в кредитовании занимало место производственного страхования; вместо того чтобы подвергаться коммерческому риску в одиночку, несколько банкиров объединяли свои средства для финансирования одного проекта. Акционерные компании существовали преимущественно для выполнения правительственных контрактов, арендовавшихся по предложенной цензором стоимости; они повышали свой капитал за счет открытой продажи акций или облигаций, называвшихся *partes* или *particulae* — «частички», доли. Эти компании «мытарей» (публиканов), то есть лиц, участвующих в общественных или государственных предприятиях, сыграли активную роль в снабжении армии необходимыми ей материалами во время Второй Пунической войны; не обошлось и без обычных в таких случаях попыток надуть государство⁶². Дельцы (*equites*) руководили большинством таких компаний, меньшая их часть сосредоточилась в руках вольноотпущенников. Неправительственное предпринимательство находилось в ведении неговциантов (*negotiatores*), которые, как правило, вкладывали в дело свои собственные деньги.

Производство было уделом независимых ремесленников, трудившихся в своих отдельных мастерских. Большинство из них были свободнорожденными, но с течением времени возрастало относительное количество вольноотпущенников и рабов. Разделение труда было очень значительным, и производители ориентировались больше на рынок, чем на индивидуального заказчика. Конкуренция со стороны рабов крайне отрицательно сказывалась на заработке свободных тружеников и заставляла пролетариев владеть жалкое существование в римских трущобах. Забастовки среди них были явлением крайне необычным и редким⁶³, но восстания рабов случались довольно часто; так называемое Первое Восстание рабов (139 г. до н.э.) в действительности было далеко не первым. Когда общественное недовольство становилось особенно острым, всегда находилась какая-нибудь причина для войны, которая могла бы обеспечить всеобщую занятость, способствовать росту обесцененной денежной массы и направить народный гнев против чужеземного врага, чьи земли могли бы накормить римский народ в случае победы или навеки упокоить в случае поражения⁶⁴. Свободные работники создавали союзы или гильдии (*collegia*), однако последние редко принимали к рассмотрению вопросы о заработной плате, продолжительности рабочего дня или условиях труда. Согласно преданию, они были основаны или узаконены Нумой; в любом случае, уже VII в. до н.э. знал организации флейтистов, золотых дел мастеров, медников, сукновалов, сапожников, гончаров, красильщиков и плотников⁶⁵. Ассоциация «Ремесленники Диониса» — актеры и музыканты — была одним из са-

мых распространенных профессиональных объединений античности. Ко II в. до н.э. в Риме складываются цехи поваров, дубильщиков, строителей, литейщиков бронзы, мастеров по металлу, канатных мастеров, ткачей; впрочем, может оказаться, что эти цехи столь же древние, как и остальные. Главной задачей таких объединений было не что иное, как простое налаживание социального общения; многие из них были одновременно и товариществами взаимопомощи, покрывавшими расходы на похороны.

Государство регулировало не только деятельность гильдий, но и многие другие аспекты экономической жизни Рима. Оно инспектировало рудники, следило за выполнением государственных контрактов и концессий. Оно усмирало волнения плебса, импортируя продовольствие и распространяя его по номинальной цене среди бедняков или всех желающих; оно облагало монополистов повышенными налогами и национализировало соляную промышленность, когда монополия настолько повысила цены на соль, что она стала недоступна трудящимся. Его коммерческая политика была довольно либеральна: победив Карфаген, оно допустило в Западное Средиземноморье всех желающих там торговать. Оно также взяло на себя защиту Утики, а позднее Делоса, поставив перед ними условие оставаться свободными портами, открытыми для беспошлинного ввоза и вывоза товаров. Однако в зависимости от обстоятельств оно могло запретить экспорт оружия, железа, вина, масла, хлеба; оно ввело таможенную пошлину, обычно составляющую два с половиной процента, на практически все ввозившиеся в Рим товары, а впоследствии распространило эту практику и на другие города. До 147 г. до н.э. оно собирало *tributum*, или налог на собственность, по всей Италии. В общем, его доходные статьи были умеренными, и, как всякое другое цивилизованное государство, оно расходовало свои средства главным образом на войну⁶⁶.

VII. ГОРОД

Благодаря налогам, военной добыче, контрибуциям и интенсивному притоку населения к 202 г. до н.э. Рим стал одним из крупнейших городов всего Средиземноморья. Согласно переписи 234 г. до н.э. в нем проживало 270 713 граждан, то есть свободнорожденных мужского пола; это число резко уменьшается в течение великой войны, но поднимается до 258 318 граждан в 189 г. до н.э. и 322 000 — в 147 г. до н.э. Мы можем оценить численность всего римского населения приблизительно в 1 100 000 человек в 189 г. до н.э., из которых около 275 тысяч человек жили внутри городских стен. Италию к югу от Рубикона населяли 5 000 000 жителей⁶⁷. Иммиграция, ассимиляция поработанных народов, приток, эмансипация и наделение гражданскими правами рабов положили начало тем этническим переменам, благодаря которым во времена Нерона Рим стал своего рода Нью-Йорком античности, наполовину населенным коренными жителями, наполовину выходцами из всех частей ойкумены.

Две главные улицы, пересекаясь, делили город на кварталы, или четверти, каждая из которых имела свою администрацию и своих богов-хранителей. На больших перекрестках возводились часовни, на перекрестках меньше — статуи, посвященные Ларам перекрестков, — милый обычай, и по сей день сохраняющийся в Италии. Большинство улиц представляли собой ровные земля-

ные поверхности; некоторые улицы вымачивались небольшими гладкими камушками, добывавшимися в речных руслах, как это делается во многих средиземноморских городках и в наше время; около 174 г. до н.э. цензор положил начало покрытию главных транспортных магистралей плитами вулканического происхождения. В 312 г. до н.э. Аппий Клавдий Слепой построил первый акведук, наладив подачу свежей воды в город, прежде зависевший от родников и колодцев и илистой воды Тибра. Получая по трубам воду из наполненных благодаря акведуку резервуаров, аристократия стала мыться чаще чем раз в неделю, а вскоре после победы над Ганнибалом в Риме были открыты первые городские бани. Остается невыясненным время постройки Большого Сточного Канала (Cloaca Maxima), спроектированного этрусскими или римскими инженерами; массивные каменные арки Канала были столь широки, что под ними свободно проезжала телега, доверху груженная сеном⁶⁸. Каналы меньших размеров использовались при осушении болот, которые окружали Рим и даже вторгались в него. Городские стоки и дождевая вода просачивались через отверстия в эти каналы, откуда попадали в Тибр, загрязнение которого было вечной проблемой для городского хозяйства Рима.

Главным и, пожалуй, единственным украшением города были его храмы. Жилые дома строились здесь в неприязнительном этруском стиле, о котором уже шла речь выше, если не считать того, что наружная сторона жилища стала чаще обкладываться кирпичом или покрываться штукатуркой и (как знак роста грамотности) испещряться граффити («царапинами»), или озорной прозой и легкомысленными стишками. Храмы были преимущественно деревянными, облицованными обожженной глиной и украшенными терракотовыми статуэтками, их планировка следовала этруским образцам. Храм Юпитера, Юноны и Минервы стоял на Капитолийском холме; храм Дианы — на Авентинском; до 201 г. до н.э. были возведены храмы Марса, Януса, Венеры, Победы, Надежды, Фортуны, Юноны и т.д. В 303 г. до н.э. Гай Фабий добавил к «бобовой» фамилии своего рода когномен Пиктор, «художник», написав фрески в храме Здоровья на Капитолийском холме. Греческие скульпторы делали изображения римских богов и героев из терракоты, мрамора и бронзы. В 293 г. до н.э. они установили на Капитолии бронзового Юпитера таких поистине олимпийских размеров, что он был виден с альбанских холмов, находившихся на расстоянии двадцати миль. Около 296 г. до н.э. эдилы поставили бронзовую статую волчицы, к которой художниками более позднего времени были добавлены Ромул и Рем. Мы не знаем, эта ли скульптурная композиция была в свое время описана Цицероном, а если нет, то была ли одна из этих групп идентична дошедшей до наших дней Капитолийской волчице. В любом случае, последняя работа — это, безусловно, шедевр высочайшего уровня: каждый мускул и нерв мертвого металла полон жизни.

В то время как живопись и скульптура были для аристократии средством увековечения ее побед и прославления ее родословной, простой народ тешил себя музыкой и танцами, комедиями и играми. На дорогах и в домах Италии раздавались индивидуальные и хоровые песни; люди пели на пирах, мальчики и девочки распевали хором гимны во время религиозных шествий, жених и невеста провожались гимнеями, и с песней погребали римляне своих мертвецов. Самым популярным музыкальным инструментом была флейта, однако и лира имела своих приверженцев, став излюбленным аккомпанементом

лирических стихов. Когда наступали большие праздники, римляне толпились в амфитеатре или на стадионе, и кишащая людская масса жарилась на солнце, наблюдая за тем, как профессиональные атлеты, пленники, преступники и рабы соревновались в прыжках и беге или сражались и погибали. Два больших амфитеатра — Большой Цирк, строительство которого приписывалось первому Тарквинию, и Фламиниев Цирк (Circus Flaminius), построенный в 221 г. до н.э., — свободно могли вместить всех полноправных мужчин и женщин, пожелай они однажды посетить игры и найти незанятые места. Расходы поначалу брало на себя государство, затем их оплачивали из собственного кармана эдилы, а во времена поздней Республики это часто делали кандидаты в консулы; от поколения к поколению стоимость этих мероприятий все возрастала, так что в результате путь к занятию государственных постов стал для бедняков закрыт.

Возможно, в один ряд с этими зрелищами мы должны были бы поставить «триумфы» возвращавшихся с полей сражений полководцев. На них могли рассчитывать лишь те военачальники, которые выиграли военную кампанию, в ходе которой были уничтожены не менее пяти тысяч врагов; неудачник, которому удалось победить, обойдясь без такой резни, довольствовался овацией — в его честь приносили в жертву не быка, но овцу (ovis). Процессия выстраивалась за пределами города, при подходе к которому командир и его солдаты должны были сложить оружие; отсюда через Триумфальную арку они вступали в город; до нас дошли тысячи памятников, построенных по образцу такой арки. Трубачи шли впереди колонны, за ними несли башни или плоты, которые символизировали покоренные города, и картины, на которых были изображены подвиги триумфатора; затем катились телеги, тяжело нагруженные золотом, серебром, произведениями искусства и прочими трофеями. В 212 г. до н.э., во время триумфа Марцелла везли статую, похищенные из Сиракуз; Сципион Африканский выставил на всеобщее обозрение 14 тысяч фунтов серебра, захваченного в Испании, во время триумфа 207 г. до н.э. и 123 000 фунтов карфагенского серебра в 202 г. до н.э. За ними следовали семьдесят быков, шедших на заклание с поистине философским равнодушием; далее — плененные вожди, затем ликторы, арфисты, волынщики и воскурители фимиама; наконец, на пышно убранной колеснице — сам полководец, облаченный в пурпурную тогу и увенчанный золотой короной, держа в руках скипетр из слоновой кости и лавровую ветвь — символы победы — и эмблему Юпитера. С ним в колеснице могли находиться дети; рядом гарцевали его родственники, а позади них секретари и помощники. Замыкали шествие солдаты: некоторые несли свои награды, на каждом был венок; кто-то восхвалял вождей воинства, другие потешались над ними. Традиция, позволявшая воинам в такие моменты говорить вольно и безнаказанно, оставалась неколебимой; эти речи напоминали победителям о том, что и они небезгрешны и смертны. Военачальник всходил на Капитолий к храмам Юпитера, Юноны и Минервы, складывая у ног богов свою добычу, приносил в жертву какое-нибудь животное и обычно приказывал казнить плененных военачальников, которые становились дополнительным благодарственным приношением богу. Эта церемония была превосходно продумана и служила пробуждению воинских амбиций и воздаянием за военные достижения; человеческое тщеславие «одной любви и гладу уступает».

VIII. POST MORTEM (ПОСЛЕ СМЕРТИ)

Война была самым драматическим событием римской жизни, но она не имела столь всепоглощающего значения, каким склонны наделять ее римские историки. Возможно, существование обычного римлянина еще теснее, чем наше, концентрировалось вокруг семьи и дома. Новости, пока они доходили до него, успевали основательно устареть, так что страсти не могли ежедневно подогреваться известиями о царящей в мире суматохе. Главными событиями его жизни были не политика и не война, но рождение долгожданного ребенка, веселые свадьбы и тревожившие душу смерти.

Старость не знала тогда той заброшенности и покинутости, которые так часто омрачают ее в нашу индивидуалистическую эпоху. Молодые никогда не ставили под сомнение свой долг заботиться о стариках. До самого конца старик был в центре внимания и оставался непререкаемым авторитетом, а после смерти его могила была окружена почетом, пока жив был хоть один из его потомков-мужчин. Похороны были столь же изощренными, как и свадьбы. Впереди процессии шел хор профессиональных плакальщиц, чьи отретпированные истерики были введены в некоторые разумные рамки одним из законов Двенадцати Таблиц⁷¹, который запрещал им рвать на себе волосы. За ними следовали флейтисты, число которых — десять музыкантов — ограничивал закон, схожий с Солоновым; далее — танцоры, один из которых олицетворял умершего. Затем двигались актеры, надевшие на себя посмертные маски, или восковые личины, тех предков покойного, которые отправляли какую-нибудь магистратуру. Следующим несли умершего — в блеске это шествие не уступало триумфу, — облаченного во все регалии высшего из государственных постов, которые он когда-либо занимал; усопший покоился на носилках, украшенных расшитыми золотом и пурпуром покрывалами, а рядом с ним лежали оружие и доспехи убитых им врагов. Позади него шли одетые в черное сыновья, пряча под покрывалами свои лица, дочери без покровов, родственники, сородичи, друзья, клиенты и вольноотпущенники. На Форуме процессия делала остановку, и сын или кровный родственник произносил надгробную речь. Стоило жить, пусть только для того, чтобы сподобиться в конце пути таких похорон.

В первые века Рима усопшие подвергались кремации; позднее было принято предавать их земле, хотя иные упрямые консерваторы предпочитали сожжение. И в том и в другом случаях останки помещались в могилу, а надгробный памятник становился алтарем, на который благочестивые потомки периодически приносили цветы и немного еды. Здесь, как и в Греции и на Дальнем Востоке, стабильность и нравственность общества оберегались почитанием предков и верой в то, что их духи где-то продолжают существование и наблюдают за живущими. Если покойный был велик и беспорочен, то согласно эллинизированной римской мифологии он уходил на поля Элизия, или Острова Блаженных; однако почти всем было суждено сойти под землю в мрачное царство Орка и Плутона. Плутон, римский двойник греческого бога Аида, который был вооружен колотушкой, оглушал ею умершего; затем Орк (англ. ogre, орк) — безобразное чудовище — пожирал труп. Так как Плутон был самым почитаемым из подземных богов и так как земля была первоисточником благосостояния, а зачастую хранилищем запасов еды и вещей, ему покло-

нялись и как божеству богачей и плутократов; его жена Прозерпина — заблудившаяся дочь Цереры — стала богиней дающего ростки зерна. Иногда римский загробный мир рассматривался как место наказания⁷²; в большинстве случаев он изображался погруженной в мрак обителью полубесформенных теней, которые прежде были людьми; тени не были отличены одна от другой ни воздаянием, ни карой, все они равно страдали от вечной темноты и окончательной безымянности. Только здесь, по выражению Лукиана, человек находил истинную демократию⁷³.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Двенадцать Таблиц, IV, 1.
- ² Бл. Августин. *О Граде Божьем*, VI, 9.
- ³ Гораций. *Сатиры*, I, 8, 35; Müller-Lyer, F., *Evolution of Modern Marriage*, 55; Castiglione, 195; Howard, C., *Sex Worship*, 65, 79; *Enc. Brit.*, 11th ed., XVII, 467; XXI, 345.
- ⁴ Плиний, XXVIII, 19.
- ⁵ Ливий, XXIII, 31.
- ⁶ Вергилий. *Георгики*, II, 419; Гораций. *Оды*, I, 1, 25.
- ⁷ Frazer, *Magic Art*; II, 190; данная этимология оспаривается в книге Fowler, W.W., *Roman Festivals of the Republic*, 99.
- ⁸ Вергилий. *Энеида*, VII, 761; Овидий. *Фасты*, VI, 753; *Метаморфозы*, XV, 497; Страбон, V, 3, 12; Плиний, XXX, 12—13; Frazer, *Magic Art*, I, 11.
- ⁹ Boissier, G., *La religion romaine*, I, 27.
- ¹⁰ Ливий, V, 21—22; VI, 29; Coulanges, 199.
- ¹¹ Овидий. *Метаморфозы*, XV, 626.
- ¹² Ливий, VIII, 15; Lanciani, R., *Ancient Rome*, 143.
- ¹³ Fowler, W.W., *Religious Experience of the Roman People*, 337.
- ¹⁴ Mommsen, III, 11.
- ¹⁵ Цицерон. *В защиту Архия*, 4; Fowler, *op. cit.*, 30. Этимология неясна; Цицерон приводит другую в книге «*О природе богов*», II, 28.
- ¹⁶ Reinach, S., *Apollo*, 109.
- ¹⁷ Ливий, VII, 5.
- ¹⁸ Плиний, XXVIII, 10.
- ¹⁹ Narrison, J., *Prolegomena to the Study of Greek Religion*, 35.
- ²⁰ Плавт. *Куркулион*, 33—38.
- ²¹ Овидий. *Фасты*, III, 523.
- ^{22—23} Noward, 66.
- ²⁴ Афиней, XIV, 44.
- ²⁵ Westermarck, E., *Origin and Development of the Moral Ideas*, I, 430; Цицерон. *В защиту Целия*, 20.
- ²⁶ Brittain, A., *Roman Women*, 135—136.
- ²⁷ Coulanges, 63.
- ²⁸ Плутарх. *Нума и Лукург*.
- ²⁹ Геллий, X, 23.
- ³⁰ Abbott, F., *Common People of Ancient Rome*, 87.
- ³¹ Катулл. *Стихотворения*, XXV.
- ³² Плиний, XXXIII, 16.
- ³³ Fowler, W.W., *Social Life at Rome*, 50—51, 270.
- ³⁴ Полибий, XXXI, 26.
- ³⁵ Там же, VI, 56.
- ³⁶ Ср. Аппиан, VI, повсюду.

- ³⁷ Полибий, VI, 58.
- ³⁸ Плутарх. *Римские вопросы*, 59.
- ³⁹ Ливий, III, 38.
- ⁴⁰ Heine, H., *Memoirs*, I, 12.
- ⁴¹ Thompson, Sin F., *Greek and Latin Paleography*, 5.
- ⁴² Schlegel, A.W., *Lectures on Dramatic Art Literature*, 202.
- ⁴³ Ливий. VII, 2; Bieber, N., *History of the Greek and Roman Theater*, 307.
- ⁴⁴ См.: Duff, J., *Literary History of Rome*, 130.
- ⁴⁵ Castiglione, 196.
- ⁴⁶ Lanciani, R., *Ancient Rome*, 53.
- ⁴⁷ Glover, T.R., *Conflict of Religions in the Early Roman Empire*, 13; Friedländer, L., *Roman Life and Manners under the Early Empire*, III, 141.
- ⁴⁸ Двенадцать Таблиц, X, 9.
- ⁴⁹ Плиний, XXIX, 6.
- ⁵⁰ Frank, *Eronomic Survey*, I, 12; САН, VII, 417. Противоположную позицию по данному вопросу занимает Mommsen, *История*, I, 193, 238.
- ⁵¹ Плиний, XVIII, 3.
- ⁵² Вергилий. *Георгики*, I, 299.
- ⁵³ Guhl, E., and Koner, W., *Life of the Greeks and Romans*, 503.
- ⁵⁴ Катон. *О сельском хозяйстве*, III; Варрон, *Rerum rusticarum libri tres*, вступление.
- ⁵⁵ Цицерон. Письма, VII, 1.
- ⁵⁶ Плиний, XXXIII, 13.
- ⁵⁷ САН, VIII, 345.
- ⁵⁸ Mommsen. *История*, III, 75.
- ⁵⁹ САН, X, 395; Frank, *Eronomic History of Rome*, 340. Другие сравнительные цены см. там же, с. 66.
- ⁶⁰ Двенадцать Таблиц, VIII, 18; Тацит. *Анналы*, VI, 16.
- ⁶¹ Ливий. VII, 19–21, 42.
- ⁶² Paul-Louis, 118.
- ⁶³ Frank, *Eronomic History*, 119; противоположную точку зрения см. Ward, C.O., *The Ancient Lowly*, 208–209.
- ⁶⁴ Ливий. VIII, 12; Дионисий Галикарнасский, IX, 43.
- ⁶⁵ Mommsen. *История*, I, 248–249; Paul-Louis, 47.
- ⁶⁶ 77% между 200 и 150 гг. до н.э. См.: Frank, *Eronomic Survey*, I, 146.
- ⁶⁷ Там же, 41; САН, VIII, 344; Paul-Louis, 102; Mommsen, II, 55.
- ⁶⁸ Плиний, XXXVI, 24.
- ⁶⁹ Британская энциклопедия, XIX, 466.
- ⁷⁰ Rickard, T., *Man and Metals*, I, 280.
- ⁷¹ Двенадцать Таблиц, X, 4.
- ⁷² См., например: Плавт. *Пленники*, 998.
- ⁷³ Лукиан. *Разговоры мертвых*, XXV.

Завоевание Греции

201—146 гг. до н.э.

1. ЗАВОЕВАНИЕ ГРЕЦИИ

КОГДА царь Македонии Филипп V заключил с Ганнибалом союз, направленный против Рима (214 г. до н.э.), он надеялся на то, что вся Греция поднимется вслед за ним поразить молодого гиганта, встающего во весь рост на западе. Однако распространились слухи, будто, в случае победы Карфагена он замышляет покорить всю Грецию с карфагенской помощью. В результате Этолийский Союз подписал договор о помощи Риму в его борьбе против Филиппа, а мудрый сенат воспользовался упадком духа в стане Филиппа и заключил с ним сепаратный мир (205 г. до н.э.) перед тем, как направить Сципиона в Африку. Победа при Заме едва ли была бы одержана, если бы сенат, никогда не прощавший обид, принялся строить планы возмездия Македонии. Сенат понимал, что Рим никогда не будет чувствовать себя достаточно уверенно, пока его и столь могущественную державу разделяет лишь узкая полоска Адриатического моря. Когда сенат склонился к объявлению войны, народное собрание было объято сомнениями, а один из трибунов обвинил патрициев в том, что они ищут предлогов отвлечь внимание от внутренних неурядиц¹. Противников войны вскоре заставили замолчать упреки в трусости и отсутствии патриотизма; в 200 г. до н.э. Тит Квинкий Фламинин отплыл в поход против Македонии.

Это был молодой человек тридцати лет от роду, один из членов того эллинофильского кружка, который собирался в Риме вокруг Сципионов. Осторожно маневрируя, он встретил Филиппа при Киноскефалах и одолел его (197 г. до н.э.). Затем он вверг в изумление все средиземноморские народы, а возможно, и Рим, восстановив наказанного Филиппа на несостоятельном и пошатнувшемся троне и даровав свободу всей Греции. Сенатские империалисты были возмущены, но в тот момент верх взяла либеральная партия, и в 196 г. до н.э. глашатай Фламинина объявил перед огромным собранием съехавшихся на Истмийские игры греков, что Греция отныне свободна от Рима, от Македонии, от податей, даже от иноземных гарнизонов. Поднявшееся ликование было столь мощным, что, как говорит Плутарх, вороны, пролетавшие над стадионом, падали замертво². Когда циничный мир усомнился в искренности римского генерала, в ответ он вывел свою армию в Италию. Это была ярчайшая страница в военной истории.

Но одна война всегда создает поводы для другой. Этолийский Союз не был удовлетворен тем, что Рим дал свободу греческим городам, прежде подвластным Союзу, и обратился к Антиоху III, монарху державы Селевкидов, с просьбой вторично освободить освобожденную Грецию. Антиох, возгордившийся после ряда легких побед на Востоке, помышлял о том, чтобы распрос-

транить свою власть на всю Западную Азию. Пергам, опасавшийся его усиления, воззвал к Риму о помощи. Сенат отправил Сципиона Африканского и его брата Луция предводительствовать первой римской армией, вступившей на землю Азии; противники встретились при Магнезии (189 г. до н.э.), и победа римлян положила начало завоеванию эллинистического Востока. Римляне выступили походным порядком на север, оттеснили назад в Галатию (Анатолия) галлов, угрожавших Пергаму, и снискали благодарность ионийских греков.

Европейские греки были не столь довольны. Римские войска щадили Грецию, но теперь они охватывали ее с востока и запада. Рим освободил Грецию, но под тем условием, что будет положен конец войнам и классовым усобицам. Для городов-государств, из которых состояла Греция, свобода без войн была чем-то новым и утомительным; высшие классы тосковали по политике с позиции силы в отношении соседних городов, а беднота жаловалась на то, что Рим повсюду принимал сторону богатых против бедных. В 171 г. до н.э. Персей, сын и преемник Филиппа V на македонском троне, придя к соглашению с Селевком IV и Родосом, призвал Грецию встать вместе с ним на борьбу против Рима. Через три года Луций Эмилий Павел, сын консула, павшего при Каннах, разбил Персея близ Пидны, разрушил до основания семьдесят македонских городов и провел пленного Персея по улицам Рима во время пышного триумфального шествия*. Родос был наказан тем, что из сферы его влияния были выведены платившие ему подати города на побережье Азии, а на Делосе был создан конкурирующий с ним порт. Тысяча греческих вождей была взята в Италию в качестве заложников, где за шестнадцать лет 700 из них умерло.

В течение следующего десятилетия отношения между Грецией и Римом еще ближе подошли к открытой вражде. Соперничающие города, партии и классы Эллады обращались к сенату за поддержкой и дали повод для вмешательства во внутренние дела страны, которая, будучи номинально свободной, в действительности лишилась независимости. Сторонники Сципионов в сенате уступили первенство реалистам, которые сознавали, что в Греции не будет ни устойчивого мира, ни порядка до тех пор, пока она не окажется в безраздельной власти Рима. В 146 г. до н.э. города Ахейского Союза, воспользовавшись тем, что Рим был занят конфликтами с Карфагеном и Испанией, объявили освободительную войну. Во главе этого движения оказались вожаки бедноты, которые освободили и вооружили рабов, объявили мораторий на выплату долгов, пообещали перераспределить землю и добавили к войне революцию. Когда под командованием Муммия римляне вторглись в Грецию, они застали там расколотый народ и легко разгромили недисциплинированные греческие войска. Муммий сжег Коринф, перебил в нем всех мужчин, продал женщин и детей в рабство и перевез практически все движимое иму-

* Отправляясь именно в этот поход, Павел одарил своими классическими комплиментами стратегов-любителей: «Во всех публичных местах и во всех частных собраниях найдутся люди, которые знают, в какой точке Македонии должны высадиться войска, какие стратегические позиции должны быть заняты... Они не только излагают свое мнение о том, что именно следует делать, но если кто-нибудь предпринимается против их мнения, готовы привлечь к суду самого консула, как если бы он обвинялся в государственном преступлении... Это довольно сильно мешает успешному ведению войны... (Если кто-нибудь) чувствует, что он в силах дать мне хороший совет, пусть отправляется со мной в Македонию... Если ему представляется это затруднительным, то пусть не выставляет себя кормчим, находясь на земле»¹.

щество и произведения искусства отсюда в Рим. Греция и Македония были превращены в римскую провинцию, во главе которой стоял римский губернатор; только Афинам и Спарте было позволено сохранить свои законы. На два тысячелетия Греция исчезла из политической истории.

II. ПРЕОБРАЖЕНИЕ РИМА

Шаг за шагом Римская империя росла, и причиной тому был не столько заранее намеченный план, сколько давление обстоятельств и все дальше отступающие рубежи безопасности. В кровопролитных сражениях у Кремоны (200 г. до н.э.) и Мутины (193 г. до н.э.) легионы снова подчинили Цизальпинскую Галлию и придвинули границы Италии к подножию Альп. Испания, отвоеванная у Карфагена, должна была находиться под неусыпным контролем, чтобы вновь не подпасть под власть Карфагена, тем более что она была богата железом, серебром и золотом. Сенат взимал с нее тяжелую ежегодную подать в виде слитков и монеты, а римские губернаторы стремились компенсировать себе год вдаль от дома поборами с местных жителей; так, Квинт Минуций после непродолжительного проконсульства в Испании вернулся в Рим с 34 800 фунтами серебра и 35 000 серебряных денариев. Испанцев призывали на службу в римскую армию; Сципион Эмилиан при осаде Нуманции имел в своем войске сорокатысячный отряд испанцев. В 195 г. до н.э. местные племена подняли яростное восстание, которое было подавлено Марком Катонем, действовавшим жестко и честно, напомнив гордые доблести исчезающей римской породы. Тиберий Семпроний Гракх (179 г. до н.э.) правил, сообразуясь с нравами и установлениями местных жителей, завязал дружеские отношения с главами племен и наделил бедняков землей. Но один из его преемников, Луций Лукулл (151 г. до н.э.), нарушил соглашения, заключенные Гракхом, напал без всяких поводов на любое племя, способное принести ему крупную добычу, и убил или обратил в рабство тысячи испанцев, не беспокоясь о подыскании благовидных предлогов. Сульпиций Гальба (150 г. до н.э.) заманил в свой лагерь 7000 туземцев, обещая заключить с ними договор о пожаловании им новых земель; когда они собрались, он окружил их солдатами и обратил в рабство или уничтожил. В 154 г. до н.э. племена, населявшие Лузитанию (Португалия), вступили в войну с Римом, которая продолжалась шестнадцать лет. Среди них выделился талантливый вождь Вирриат — настоящий герой обликом, выносливостью, мужеством и благородством. Восемь лет он наносил поражения всем армиям, выслывавшимся против него, пока наконец римляне не подкупили его убийц. Мятежные кельтиберы Центральной Испании выдержали пятнадцатимесячную осаду в Нуманции, питаясь под конец мертвецами; наконец в 133 г. до н.э. Сципион Эмилиан измором вынудил их капитулировать. В целом политика Римской Республики по отношению к Испании отличалась такой жестокостью и непорядочностью, что издержки значительно превышали достигнутые здесь выгоды. «Никогда еще,— писал Моммзен,— войны не велись с таким вероломством, свирепостью и алчностью»⁴.

Добыча из разграбляемых провинций подпитывала ту вакханалию развращенного и эгоистического богатства, которому было суждено навлечь на Республику ужасы революции. Контрибуции, взимаемые с Карфагена, Македо-

нии и Сирии, рабы, которые текли в Рим после каждого успеха на полях брани, драгоценные металлы, захваченные во время покорения Цизальпинской Галлии и Испании, 400 000 000 сестерциев (60 000 000 долларов), взятые у Персея и Антиоха, 4503 фунта золота и 220 000 фунтов серебра, награбленные Манлием Вульсоном в его азиатских походах⁵ — эти и другие неожиданные стяжания за полстолетия (202—146 гг. до н.э.) превратили имущие классы Рима из людей состоятельных в таких баснословных богачей, какими были прежде только монархи. Солдаты возвращались из этих исполинских набегов с подсумками, под завязку набитыми деньгами и трофеями. Поскольку количество денег в Италии росло быстрее, чем строительство, столичные владельцы недвижимости утраивали свои состояния, не пошевелив и пальцем. Промышленность отставала от коммерции; Риму было не обязательно производить товары; он собирал деньги со всего мира, чтобы оплачивать ими товары, свозившиеся в него со всего мира. Общественные работы развернулись с невиданным доселе размахом и обогатили не одного «мытаря», жившего за счет государственных контрактов; любой римлянин, у которого было хоть немного денег, покупал акции публиканских корпораций⁶. Банки множились и процветали; они платили проценты по вкладам, получали деньги по чекам (*praescriptiones*), платили по счетам своих клиентов, ссужали или занимали деньги, распоряжались ими или делали инвестиции и жирели на таком безжалостном лихоимстве, что головорез (*sector*) и ростовщик назывались одним и тем же словом⁷. Рим становился не промышленным или коммерческим, но политическим и финансовым центром белой расы.

Получив в свое распоряжение такие средства, римский патрициат и верхушка среднего класса с впечатляющей стремительностью отошли от стоической простоты и предались не знающей ограничений роскоши. При жизни Катона (234—149 гг. до н.э.) эта трансформация завершилась практически полностью. В то время как семьи становились малочисленнее, дома возводились все более просторными; в гонке показных расходов римляне обзаводились все более изысканной утварью; огромные деньги тратились на вавилонские ковры, ложа отделялась слоновой костью, серебром и золотом; драгоценные камни и металлы сверкали на столах и стульях, в нарядах женщин, конской сбруе. Так как физическое напряжение уменьшилось, а богатство возросло, старинная простая диета уступила место долгим и тяжелым трапезам с мясом, развлечениями, деликатесами и кондитерскими изделиями. Экзотические блюда стали неотъемлемым атрибутом застолий римлян с определенным общественным положением и амбициями; некий магнат заплатил тысячу сестерциев за поданные к столу устрицы; другой выписывал анчоусы по цене 1600 сестерциев бочонок; третий выложил 1200 сестерциев за сосуд икры⁸. На невольничьих рынках хорошие кулинары продавались за умопомрачительные деньги. Пьянство росло; кубки стали делать внушительных размеров, предпочитая изготавливать их из золота, вино разбавляли все меньше, а часто пили и вовсе неразбавленным. Сенат принимал законы о расходах, ограничивая траты на пиры и одежды, но так как сами сенаторы не обращали на эти предписания никакого внимания, остальные не слишком волновались об их соблюдении. «Граждане, — скорбел Катон, — больше не прислушиваются к хорошим советам, потому что у брюха нет ушей»⁹. Индивидуум все более ревниво осознавал свои права перед лицом государства, сын — перед лицом отца, жена — перед лицом мужа.

Власть женщин растет обычно вместе с благосостоянием общества, потому что, когда желудок полон, голод уступает место любви. Проституция процветала. Контакты с Грецией и Азией стимулировали распространение гомосексуализма; многие богачи платили за фаворита до таланта (3600 долларов); Катон жаловался, что смазливый мальчик стоит дороже, чем ферма¹⁰. Однако и женщины не собирались сдавать поле боя этим греческим и сирийским захватчикам. Они энергично взяли на вооружение все то, что стало доступно им благодаря богатству. Косметика стала предметом первой необходимости, а привозимое из Галлии едкое мыло превращало седеющие волосы в ярко-рыжие локоны¹¹. Богатый буржуа горделиво наряжал жену и дочь в дорогие уборы и драгоценности, делая из них глашатаев своего благополучия. Роль женщин возросла даже в правительстве. Катон кричал, что «все остальные мужи правят своими женщинами, и только мы, римляне, правящие всем миром, находимся в подчинении у своих женщин»¹². В 195 г. до н.э. свободные римлянки ворвались на Форум и потребовали отмены Оппиева закона (215 г. до н.э.), который запрещал женщинам пользоваться золотыми украшениями, пестрыми платьями и повозками. Катон предсказывал, что Рим рухнет, если закон будет отменен. Ливий вкладывает в его уста речь, которая раздавалась в ушах всех поколений:

Если бы мы, каждый из нас, сумели отстоять права и авторитет мужа среди наших собственных домочадцев, нам не пришлось бы сегодня столкнуться с таким поведением женщин. Положение вещей сейчас таково, что наша свобода принимать решения, которая была прежде уничтожена женским деспотизмом в наших же домах, попирается и топчется уже и здесь, на Форуме!.. Припомните все те предписания, касавшиеся женщин, благодаря которым наши предки укротили их своеволие и сделали их послушными мужу; однако и такими ограничениями, как видно, мы едва можем удерживать их в узде. Если же вы теперь позволите им избавиться от этих препятствий... и добиться равных прав с их мужьями... неужели вы воображаете, что сможете тогда переносить их гнет? Как только они станут вам равными, они тотчас же превратятся в ваших господ¹³.

Женщины осмеяли его и стояли на своем, пока закон не был отменен. Катон отомстил за свое поражение тем, что, став цензором, десятикратно увеличил налоги по тем статьям, которые были запрещены Оппием. Но лавина уже сорвалась, и обратить ее вспять было невозможно. Другие законы, неблагоприятные для женщин, были отменены, переброшены или забыты. Женщины добились свободы распоряжаться своим приданым, принялись разводиться с мужьями или при случае давать им яд и задумались, а стоит ли вообще рожать детей в условиях перенаселенности и империалистических войн.

Уже около 160 г. до н.э. Полибий и Катон отмечали, что численность населения падает и государство уже не может собирать такие армии, как те, что поднимались навстречу Ганнибалу. Новое поколение, получив господство над миром по наследству, не имело ни времени, ни желания бороться за его удержание; та готовность к войне, которая характеризовала римского землевладельца, теперь, когда собственность сконцентрировалась в руках несколь-

ких семейств, а пролетариат без кола и двора заполнил трущобы Рима,— эта готовность была уже в прошлом. Мужчины передавали теперь свою храбрость особым уполномоченным; они толпились в амфитеатрах, глаза на кровавые представления, и нанимали гладиаторов сражаться перед ними на пирах. Получить школьное образование могли теперь оба пола; в школах юноши и девушки учились петь, играть на лире, плавно двигаться¹⁴. В высших классах общества вместе с упадком нравов все больше обращали внимание на утонченные манеры. Низшие классы оставались невежественными и грубыми, их развлечения были часто замешаны на насилии, а язык — на сознательной непристойности; мы можем почувствовать дух этой вульгарной толпы (*profanum vulgus*) в комедиях Плавта, и нам понятно, почему ей был так скучен Теренций. Когда команда флейтистов попыталась дать концерт на триумфе 167 г. до н.э., слушатели заставили музыкантов превратить свое представление в боксерский матч¹⁵.

В среднем классе, значительно пополнившим свои ряды, царил дух меркантилизма. Его богатство не основывалось более на недвижимости, но поддерживалось выгодными инвестициями и управлением. Существовавший моральный кодекс и редкие Катоны не могли воспрепятствовать тому, чтобы тон римской жизни задавался отныне этим новым режимом мобильного капитала. Подрядчики мошенничали настолько по-крупному, что многие правительственные владения (например, македонские рудники) пришлось забросить, так как арендаторы замордовали рабочих и обжулили государство до такой степени, что предприятие приносило больше хлопот, чем прибыли¹⁶. Та аристократия (если можно верить историкам; правда, нам не следует этого делать), что когда-то ценила честь превыше жизни, приняла новую мораль и взяла свою долю в новых богатствах; она не думала более о стране, но заботилась о привилегиях и доходах отдельных людей и классов. Она принимала подарки и щедрые взятки за то, что отмечала своей благосклонностью индивидуумов или целые страны, и всегда имела наготове доводы за войну с государствами, у которых было больше денег, чем сил. Обычным делом стали растраты и присвоения общественных средств магистратами и необычным — наказание за это. Да и кто мог покарать грабителя, если половина сенаторов приложила руку и к нарушению договоров, и к ограблению союзников, и к обдиранию провинций? «Тот, кто ограбит гражданина, оканчивает свои дни в кандалах и оковах,— говорил Катон,— но тот, кто крадет у общества, умирает в пурпуре и золоте»¹⁷.

И все же престиж сената был высок как никогда прежде. Сенат с успехом провел Рим через две Пунические и три Македонские войны; он бросил вызов всем соперникам Рима и одолел их, добился угодливой дружбы Египта и овладел таким количеством мировых богатств, что в 146 г. до н.э. Италия была освобождена от прямого налогообложения. В моменты военных и политических кризисов он узурпировал множество полномочий народных собраний и магистратов, но победы служили оправданием его действий. Механика комиций сделалась просто смешной, когда Рим стал Империей; мятежные народы, что покорились теперь воле сената, который состоял по большей части из закаленных государственных деятелей и полководцев-триумфаторов, наверняка не согласились бы на то, чтобы их судьбы определялись несколькими тысячами италийцев, имевших право на участие в римских собраниях. Главный принцип демократии — это свобода, главный принцип войны — пови-

новение; одно исключает другое. Для войны нужны разум и храбрость, умение быстро принимать решения, объединять усилия, беспрекословно повиноваться; если войны ведутся слишком часто, демократия обречена. По закону, только центуриатное собрание было вправе объявлять войну или заключать мир; однако благодаря своей власти вести внешнюю политику сенат легко мог устроить дело таким образом, что у собрания практически не оставалось возможности выбирать¹⁸. Сенат контролировал казну и все расходы общественных фондов; он контролировал также судейство, так как по неписаному закону все судейские коллегии составлялись по списку, предложенному сенатом. Формулировать и толковать законы по-прежнему было привилегией класса патрициев.

Внутри этой аристократии существовала олигархия наиболее влиятельных семейств. До Суллы римская история представляла собой скорее летопись деяний семей, чем индивидуумов; ни один из выдающихся политиков не выбивается из строя, но из поколения в поколение одни и те же имена занимают важнейшие государственные посты. Из двухсот консулов, избранных в промежутке между 233 и 133 гг. до н.э. сто пятьдесят девять — выходцы из двадцати шести семей; соотношение сто к десяти. Самой могущественной семьей этого времени были Корнелии. От Публия Корнелия Сципиона, проигравшего битву при Требии (218 г. до н.э.), через его сына Сципиона Африканского, который победил Ганнибала, к приемному внуку последнего, Сципиону Эмилиану, разрушившему Карфаген в 146 г. до н.э., протянута непрерывная нить. Римская политика и римские войны были в этот период в основном историей этой семьи, а революция, начатая Гракхами, внуками Сципиона Африканского, сокрушила аристократию. Спасительная победа при Заме принесла Сципиону такую популярность во всех слоях общества, что какое-то время римляне были готовы назначить его на любой пост, которого он пожелает. Однако после того, как он и его брат Луций вернулись из азиатского похода (187 г. до н.э.), партия Катона потребовала от Луция отчета о деньгах, заплаченных ему Антиохом в качестве принадлежащей Риму контрибуции. Сципион не позволил брату отвечать. Напротив, перед сенатом он разорвал записки на клочки. Луций был привлечен к суду народного собрания и признан виновным в присвоении денег; его спасло от наказания вето, наложенное зятем Сципиона, трибуном Тиберием Семпронием Гракхом. Вызванный на суд, в свою очередь, Сципион сорвал слушание дела, собрав своих сторонников и приведя их к храму Юпитера праздновать годовщину сражения при Заме. Вызванный вновь, он отказался повиноваться требованию явиться на суд, удалился в свое поместье в Литерне и оставался там, вдали от дел до самой смерти. Проявление такого индивидуализма в политической деятельности шло в ногу с ростом индивидуализма в коммерции и морали. Римская Республика вскоре будет разрушена высвободившейся энергией своих великих сыновей.

Отчасти искупала недостатки этой аристократии и этого века проснувшаяся в них страсть к прекрасному. Встречи с греческой культурой в Италии, на Сицилии, в Азии познакомили римлян не только с атрибутами «красивой» жизни, но и с высочайшими произведениями классического искусства. Завоеватели привозили с собой всемирно знаменитые картины и

статуи, украшенные чеканкой металлические зеркала и чаши, дорогие образцы ткацкого и столярного искусства. Старшие поколения были шокированы тем, что Марцелл украсил римские площади похищенными из Сиракуз скульптурами; они были поражены не грабежом, но «досужими и пустыми разговорами» среди бывших некогда столь деятельными граждан, которые теперь останавливались, чтобы «рассмотреть и обсудить какие-то совершенно ничтожные вещи»¹⁹. Фульвий перевез в Рим 1015 статуй из амбракийской коллекции Пирра; Эмилий Павел нагрузил во время своего триумфа пятьдесят повозок художественными сокровищами, которые достались ему как часть уплаты за освобождение Греции. Сулла, Веррес, Нерон и тысячи других римлян поступали точно так же на протяжении двух столетий. Грецию раздвали, чтобы в ее одежды облачился римский дух.

Побежденное этим нашествием, итальянское искусство отказалось от своего исконного стиля и качества и, за одним исключением, капитулировало перед греческими мастерами, темами и формами. Греческие живописцы, скульпторы и архитекторы, устремившись вслед за золотом, переселялись в Рим и понемногу эллинизировали столицу своих захватчиков. Богатые римляне начинали строить свои особняки на греческий манер — вокруг открытого двора — и украшать их греческими колоннами, статуями, картинами и утварью. Изменения в облике храмов происходили медленнее, чтобы не раздражать богов; здесь нормой оставались короткая целла и высокий подиум этрусского стиля; но поскольку приют в Риме находили все новые олимпийцы, казалось вполне уместным проектировать их жилища, ориентируясь на более стройные эллинские пропорции. Однако в одном жизненно важном отношении римское искусство, по-прежнему воспринимая греческие импульсы, продолжало с необычайной искусностью и мощью по-своему выражать особенности монолитной римской души. Триумфальные и декоративные монументы, базилики и акведуки — во всех этих архитектурных конструкциях римляне заменяли архитрав аркой. В 184 г. до н.э. Катон возвел каменную базилику Порция; пять лет спустя Эмилий Павел придал первоначальную форму той самой Эмилиевой базилике, которая на протяжении поколений отделялась и украшалась его потомками*. Типичная римская базилика, предназначенная для деловых или юридических контактов, являла собой длинный прямоугольник, разделенный на неф и притворы двумя внутренними рядами колонн, и обычно покрывалась кессонным цилиндрическим сводом — черта, заимствованная из Александрии²⁰. Поскольку неф был выше притворов, над каждым из них можно было высечь в камне сквозные решетки, через которые в здание проникали бы свет и воздух. Именно эта форма интерьера послужила образцом для строителей средневековых соборов. Благодаря этим огромным строениям Рим приобрел те черты величия и силы, которые отличали его от всех других городов даже после того, как он перестал быть столицей мира.

* Базилика (т.е. царский портик) представляла собой применение эллинистических арочных методов к модели персидского дворца и египетского гипостильного зала. В III в. до н.э. похожие конструкции были возведены на Делосе и в Сиракузах.

III. НОВЫЕ БОГИ

Как поживали древние боги в эту эпоху безудержных перемен? Очевидно, ручейки безверия просачивались из аристократических слоев в народную массу. Иначе трудно понять, как мог народ, все еще верный старинному пантеону, принимать с таким неистовым восторгом те комедии Плавта, которые, даже со ссылкой на греческие образцы, делали предметом насмешки Юпитеровы мучения с Алкменой и превращали Меркурия в шута. Даже Катон, столь ревностный поборник древних форм, дивился способности авгуров удерживаться от улыбки, когда они сталкивались друг с другом лицом к лицу²¹. Слишком долго эти устроители ауспий подкупались, чтобы потворствовать политическим махинациям, знамения и чудеса стряпались для того, чтобы повлиять на общественное мнение, результаты народных голосований аннулировались при помощи благочестивого надувательства, и религия силилась превратить эксплуатацию в священнодействие. Дурным знаком было то, что Полибий, прожив семнадцать лет среди высшей римской знати, мог писать около 150 г. до н.э. так, словно был убежден: римская религия — не что иное, как орудие правительства.

Качество, которое делает Римское государство наиболее совершенным, есть, по моему мнению, характер его религии. То, что является среди других народов предметом осуждения, а именно суеверие, служит главным сплачивающим фактором Римского государства. Эти вещи рядят здесь в такие торжественные одежды и они настолько глубоко пронизывают все стороны общественной и частной жизни... что я не знаю ни одной другой религии, которую можно было бы сравнить в этом отношении с римской... Я полагаю, что правительство прибегает к этим мерам для блага простых людей. Возможно, в них не было бы необходимости, окажись возможным создать государство из одних мудрецов; однако поскольку всякая толпа переменчива, полна беззаконных вожелений, неразумной страсти и горячего гнева, ее следует держать в повиновении при помощи незримых ужасов и религиозной пышности²².

Полибий, может быть, находился под впечатлением недавних происшествий, которые ясно давали понять, что, несмотря на Плавта и философию, суеверие по-прежнему царило над умами. Когда казалось, что каннская катастрофа оставила Рим беззащитным перед армиями Ганнибала, легко возбуждавшееся население ударились в панику и кричало: «Кому из богов должны мы молиться о спасении Рима?» Сенат попытался утихомирить волнения, приказав устроить человеческое жертвоприношение; затем он попробовал вознести мольбы к греческим богам; затем устроил поклонение всем, и греческим и римским, богам по греческому обряду. Наконец сенат решил, что если ему не под силу совладать с суеверием, то лучше уж упорядочить и взять его под контроль. В 205 г. до н.э. было объявлено, что, согласно предсказаниям Сивиллиных книг, Ганнибал лишь тогда покинет Италию, если Великая Матерь (*Magna Mater*) — одна из ипостасей богини Кибелы — будет перевезена из фригийского Пессинунта в Рим. Аттал, царь Пергама, выразил согласие; черный камень, являвшийся якобы воплощением Великой Матери, был доста-

влен по морю в Остию, где его встретили с впечатляющей помпезностью Сципион Африканский и группа добродетельных матрон. После того, как судно, на котором он был привезен, застряло в тибрском иле, весталка Клавдия освободила его и подняла вверх по течению к Риму благодаря магическому действию своей чистоты. Затем матроны, бережно передавая камень друг другу, торжественной процессией приблизились к храму Победы, а благоговейные граждане, когда мимо них проходила Великая Матерь, воскурjali у ворот своих домов фимиам. Сенат был неприятно поражен, узнав, что служить новому божеству должны оскотившие себя жрецы; такие люди были найдены, но римлянам запретили пополнять их ряды. С этого времени каждый апрель проводились Мегалесии (праздник Великой Богини), которые были посвящены скорби и унынию, переходившим в дикое ликование. Дело в том, что Кибела была вегетационным божеством, и миф повествовал о том, как ее сын Аттис, символ лета и весны, умирал и спускался в Аид, а затем восставал из мертвых.

В том же году (205 г. до н.э.) Ганнибал оставил Италию, и сенат мог поздравить себя с превосходным выходом из религиозного кризиса. Однако война с Македонией открыла ворота для Греции и Востока. По следам солдат, возвращавшихся с восточными трофеями, идеями, мифами, в Рим хлынул поток греческих и азиатских пленных, рабов, беженцев, торговцев, путешественников, атлетов, музыкантов, художников, актеров, учителей и лекторов. Люди, отправляющиеся на чужбину, несут туда и своих богов. Низшие классы римлян с радостью познакомились с Дионисом-Ваххом, слышали об Орфее и Эвридике, о таинственных ритуалах, которые одаряют божественными вдохновением и опьянением, о посвятительных обрядах, которые открывают adeptам воскресающее божество и обещают ему вечную жизнь. В 186 г. до н.э. сенат с замешательством узнал о том, что значительная часть народа приняла культ Диониса и что новому богу воздавали почести на ночных вакханалиях, секретность которых дала повод для слухов о безудержном пьянстве и неслыханном распутстве. «Мужчины выделялись по сравнению с женщинами своим безнравственным поведением,— говорит Ливий и добавляет, возможно, придавая молве статус исторического факта: — Тот, кто отказывался осквернить себя на этих сборищах, закалывался как жертва»²³. Сенат подавил дионисийский культ, арестовал 7000 его приверженцев и приговорил к смерти сотни людей. Это была лишь временная победа в той затяжной войне, которую Рим провозгласил верованиям Востока.

IV. ПРИШЕСТВИЕ ФИЛОСОФИИ

Порабощение Рима Грецией приняло форму заимствования греческой религии и комедии плебсом, греческой морали, философии и искусства — высшими классами. Эти греческие дары вместе с богатством и властью над миром истощили римскую веру и характер, и это была лишь часть того затянувшегося отмщения, которым Эллада воздала своим завоевателям. Порабощение Рима ярче всего сказалось в римской философии, в стоическом эпикуреизме Лукреция и эпикурействующем стоицизме Сенеки. В христианской теологии греческая метафизика окончательно взяла верх над божествами Италии. Греческая культура праздновала триумф, когда во весь рост поднялся

Константинополь — сначала соперник, а затем и наследник Рима; а когда Константинополь пал, греческая литература, философия и искусство вновь пронеслись победным маршем по землям Италии и Европы в эпоху Возрождения. Это — главное течение европейской истории, все остальное — его притоки. «Из Греции в Рим впадал не ручеек, но бурный поток культуры и учености», — говорил Цицерон²⁴. Таким образом, умственная, художественная и религиозная жизнь Рима была лишь частью эллинистической цивилизации*.

Греческие захватчики прорвались на стратегически ослабленных участках: они хлынули в школы и лекционные залы Рима. Вздувающийся поток «гречихек» (Graeculi), как называли их римляне, последовал за войсками, возвращавшимися с Востока. Многие из них в качестве рабов становились воспитателями в римских семьях; некоторые, а именно grammatici, стоят у истоков римского высшего образования: ими было открыто немало школ, где изучались греческие язык и литература; другие, rhetores, организовали частное обучение ораторскому мастерству и давали публичные лекции, посвященные красноречию, литературной композиции и философии. Римские ораторы, даже греконенавистник Катон, составляли свои выступления по образцу речей Лисия, Эсхина и Демосфена.

Не многие из этих греческих преподавателей имели хоть какие-нибудь религиозные убеждения. Еще меньшим было число тех, которые стремились передавать ученикам свои соображения по этому поводу. Незначительное меньшинство последних составляли последователи Эпикура и предшественники Лукреция, учившие, что религия является главным злом человеческой жизни. Патриции понимали, откуда ветер дует, и пытались положить этому конец; в 173 г. до н.э. сенат изгнал двух эпикурейцев, а в 161 г. до н.э. постановил, что «ни философы, ни риторы не будут допускаться в Рим». Но ветру нет преград. В 159 г. до н.э. Кратес Маллотский, стоик, находившийся во главе царской библиотеки в Пергаме, посетил Рим в составе официального посольства. Сломав ногу, он вынужден был остаться, и, выздоравливая, стал читать лекции по литературе и философии. В 155 г. до н.э. Афины послали в Рим в качестве своих представителей руководителей трех великих философских школ: академика, или платоника, Карнеада, перипатетика, или аристотелика, Критолая и стойка Диогена Селевкийского. Их приезд был почти таким же мощным стимулом, как и появление в 1435 г. в Италии Хрисолора. Карнеад рассуждал о красноречии так красноречиво, что молодые римляне приходили слушать его каждый день²⁵. Он был законченным скептиком, сомневался в существовании богов и доказывал, что имеются столь же основательные доводы в пользу несправедливости, сколь и в пользу справедливой жизни — запоздалая капитуляция Платона перед Трасимахом²⁶. Когда престарелый Катон услышал такие речи, он предложил сенату отправить этих послов восвояси. Так и сделали. Однако молодое поколение отведало вина философии, и с этого времени состоятельная молодежь рвалась в Афины и на Родос, чтобы менять там свои древние верования на современные сомнения.

Да и сами завоеватели Греции были покровителями эллинистической культуры и философии. Фламинин, полюбивший греческую литературу еще до вторжения в Македонию и освобождения Греции, был глубоко потря-

* Гораций в ставшей теперь уже избитой строке заявлял: *Graecia capta ferum victorem cepit* — Покоренная Греция покорила своего дикого победителя^{24а}.

сен, увидев произведения изобразительного и драматического искусства на земле Эллады. Мы должны поставить Риму в заслугу и то, что некоторые его военачальники были способны понимать Поликлета и Фидия, Скопаса и Праксителя, пусть даже они и доходили в своем энтузиазме до прямого грабежа. Из всей добычи, привезенной Эмилием Павлом после победы над Персеем, он оставил себе только царскую библиотеку, чтобы передать ее потом своим детям. Его сыновья были знакомы с греческой литературой и философией, как и с римскими искусствами охоты и войны; и насколько ему позволяли его общественные обязанности, он участвовал в этих занятиях вместе с детьми.

Перед тем, как Павел умер, его младший сын был усыновлен их другом Публием Корнелием Сципионом, сыном Сципиона Африканского. Следуя римскому обычаю, мальчик взял имя неродного отца и добавил к нему свое родовое имя; таким образом, он стал называться Публием Корнелием Сципионом Эмилианом, которого мы ниже будем называть просто Сципионом. Это был статный и крепкий юноша, непритязательный в привычках и немногословный, страстный и щедрый, настолько порядочный, что после его смерти у него, человека, через руки которого прошла вся добыча, захваченная в Карфагене, нашли только тридцать три фунта серебра и два фунта золота; он вел скорее жизнь ученого, чем преуспевающего человека. В юности он повстречался с греческим изгнанником Полибием, который заслужил его благодарность и дружбу на всю жизнь, давая ему добрые советы и снабжая хорошими книгами. Юноша составил себя имя, сражаясь под началом своего отца при Пидне; в Испании он принял вызов врага на единоборство и победил²⁷.

В частной жизни он собрал вокруг себя группу выдающихся римлян, интересовавшихся греческой мыслью. Среди них выделялся Гай Лелий, благодушный мудрец и верный друг, справедливый в суждениях и безупречного образа жизни, уступавший только Эмилиану в красноречии и чистоте стиля. Цицерон спустя сто лет буквально влился в Лелия, назвал его именем диалог о дружбе, и вздыхал, что ему довелось жить в свою бурную эпоху, а не вращаться в том возвышенном кружке молодых римских интеллектуалов, из которого выдвинулся Лелий. Влияние этих молодых людей на литературу было весьма ощутимым; общаясь с ними, Теренций сумел развить изящный и меткий стиль своих произведений; и Гай Луцилий (180—103 гг. до н.э.), возможно, именно у него научился придавать своим сатирам социальную остроту и бичевать пороки и наслаждения своего времени.

Греческими менторами этого кружка были Полибий и Панетий. Полибий на протяжении многих лет жил в доме Сципиона. Он был трезвомыслящим человеком и рационалистом, у которого оставалось мало иллюзий относительно людей и государств. Панетий приехал с Родоса и, как и Полибий, принадлежал к греческой аристократии. Долгие годы его связывали со Сципионом отношения сердечной привязанности и взаимного влияния: он взволновал Сципиона, открыв ему все благородство и глубину стоицизма, и, возможно, именно Сципион убедил его видоизменить крайний этический абсолютизм, присущий стоическим учениям, и придать ему побольше практической. В книге «Об обязанностях» Панетий изложил центральные идеи стоицизма. Человек, писал он, есть часть целого и должен сотрудничать с ним — со своей семьей, страной и божественной мировой Душой; он находит-

ся в этом мире не для чувственных наслаждений, но чтобы без страха и упрека выполнить свой долг. Панетий, в отличие от ранних стоиков, не требовал достижения совершенной добродетели или полного равнодушия к благам и радостям жизни. Образованные римляне ухватились за эту философию в надежде на то, что она сможет достойно заменить им те верования, которым больше не было веры, и в ее этике увидели моральный кодекс, который идеально соответствовал их традициям и убеждениям. Стоицизм вдохновлял Сципиона, питал честолюбие Цицерона и лучшее «я» Сенеки, вел Траяна, утешал Аврелия и был совестью Рима.

V. ПРОБУЖДЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Одно из главных намерений Сципионова кружка заключалось как раз в том, чтобы поощрять развитие литературы и философии, чтобы выковать из латинской речи утонченное и гибкое орудие, чтобы увлечь римских муз к питающим родникам греческой поэзии и взрастить аудиторию для подающих надежды писателей и поэтов. В 204 г. до н.э. Сципион Африканский доказал силу своего характера, радушно приняв в Риме поэта, доставленного туда Катоном, самым непримиримым противником всего, что было связано со Сципионом или его друзьями. Квинт Энний происходил от греческих и италийских предков и родился близ Брундизии (239 г. до н.э.). Он получил образование в Таренте, и его увлекающийся дух находился под сильным впечатлением греческой драмы, ставившейся на тарентских подмостках. Его воинская доблесть, проявленная в Сардинии, пришлась по душе Катону, который находился там в качестве квестора. Прибыв в Рим, он зарабатывал на жизнь преподаванием греческого и латыни, читал друзьям свои стихи и стал вхож в кружок Сципиона.

Едва ли существовал хоть один поэтический жанр, в котором он не пробовал свои силы. Он написал несколько комедий и не менее двадцати трагедий. Он был поклонником Еврипида, заигрывал, как и тот, с радикальными идеями и досаждал благочестивым гражданам такими эпикурейскими остротами, как, например, следующая:

Есть над нами боги в небе, так всегда я говорил,
Но до нашей смертной доли тем богам и дела нет.
Добрым доля, злым недоля,— вот их цель, а где она? ²⁸

(Здесь и ниже стихи Энния даны в переводе М. Л. Гаспарова)

Согласно Цицерону, слушатели наградили эти строки аплодисментами ²⁹. Энний перевел или переложил «Священную историю» Эвгемера, который доказывал, что боги были просто умершими героями, обожествленными народным чувством. Он также не устоял и перед определенного рода теологией, потому что объявлял, что душа Гомера, пройдя через многие воплощения, в том числе побывав Пифагором и павлином, теперь поселилась в теле Энния. Он написал яркую эпическую историю Рима от Энея до Пирра, и эти *Анналы* были вплоть до Вергилия национальной поэмой Италии. От нее дошло лишь несколько фрагментов, самый знаменитый из которых — это строка, которую не устали повторять римские консерваторы:

Moribus antiquis res stat Romana virisque.

Нравами предков сильна и могуча республика римлян.

С точки зрения метрики эта поэма произвела настоящую революцию: она заменила «распущенный» сатурнийский стих Невия струящимся и гибким гекзаметром — размером греческой эпической поэзии. Энний отлил латинский язык в новые мощные формы, насытил свои строки плотью мысли и в методе, словаре, тематике и идеях стал прямым предшественником Лукреция, Горация и Вергилия. Чтобы увенчать свой творческий путь, он написал трактат о вкусной пище и умер от подагры в возрасте семидесяти лет, успев написать гордую автоэпитафию:

Да не оплачет слезами никто ни меня, ни надгробье
Плачем. Зачем? По устам рею живых — я, живой!³⁰

Энний преуспел во всех формах, кроме комедии. Возможно, он относился к философии слишком серьезно, забывая свой собственный совет: «Человек должен заниматься философией, но не перехватывать через край»³¹. Народ справедливо предпочитал смех философии и сделал Плавта богачом, оставив Энния в бедняках. На том же основании он не слишком поощрял римских трагиков. Трагедии Пакувия и Акция встретили одобрение аристократии, равнодушные народа и со временем были забыты.

В Риме, как и в Афинах, пьесы представлялись вниманию публики государственными должностными лицами и давались либо на религиозных праздниках, либо на похоронах выдающихся граждан. Театр Плавта и Теренция представлял собой деревянные подмостки, на которых находились декорации (*scaena*), а перед ними округлая орхестра, или платформа для танцев; задняя половина этого круга образовывала проскений, или сцену. Эта непрочная конструкция разбиралась по окончании праздника, как и эстрады ревю сегодня. Зрители стояли или сидели под открытым небом на стульчиках, которые принесли с собой, или на корточках. До 145 г. до н. э. в Риме не было ни одного постоянного театра, пусть даже деревянного и без крыши, но с расположенными полукругом сиденьями в греческом стиле. Никаких входных билетов не существовало; на спектакли могли приходиться рабы, но садиться им не позволялось; женщины должны были оставаться в задних рядах. Аудитория этого времени была, наверное, самой грубой и невосприимчивой в истории драмы — это была толкающаяся, шумная толпа олухов; грустно видеть, как часто прологи просят зрителей сидеть потише и вести себя поприличнее и как часто приходится повторять грубые шутки и банальные мысли, чтобы они были поняты. В некоторых прологах авторы просят матерей оставить детей дома, или грозят шумной ребятне взбучкой, или напоминают женщинам, что не следует так много болтать; такие обращения встречаются даже в середине опубликованных пьес³². Если в ходе представления неподалеку устраивался кулачный бой или появлялись канатоходцы, то хочешь не хочешь, а пьесу приходилось прерывать до тех пор, пока более захватывающее зрелище не подходило к концу. В финале римской комедии слова *Nunc plaudite omnes* («А теперь похлопайте») или что-нибудь в том же роде давали понять, что пьеса закончилась и настал черед аплодисментов.

Самой сильной стороной римской сцены была игра актеров. Обычно главную роль исполнял постановщик, свободнорожденный; остальные артисты были по большей части греческими рабами. Всякий гражданин, который становился актером, автоматически терял свои гражданские права — обычай, доживший до времен Вольтера. Женские роли игрались мужчинами. Так как в эту эпоху публика была не слишком многочисленна, актеры не носили масок, но довольствовались румянами и париками. Около 100 г. до н.э., когда зрителей стало значительно больше, выяснилось, что для различения персонажей маска совершенно необходима. Она называлась персона (persona), очевидно, от этрусского слова, обозначавшего маску, — *phersu*. Персонажи стали называться *dramatis personae* — «драматическими масками». Трагедийные актеры носили высокие башмаки, или котурны (*cothurnus*), комики — низкие сандалии (*soccus*). Драматические партии пелись под флейту, иногда специальными певцами, в то время как актеры исполняли пантомиму.

Комедии Плавта написаны жестким и быстрым ямбическим стихом и подражают метру, как и содержанию, своих греческих образцов. Большинство латинских комедий, дошедших до нас, были прямой или контаминированной перелицовкой одной или более греческих драм. Обычно предметом подражания становились пьесы Филемона, Менандра или других авторов афинской Новой Комедии. Имя греческого драматурга и название комедии обычно указывались в начале списка. Переделки произведений Аристофана и других авторов Древней Комедии римским драматургам были заказаны, так как один из законов Двенадцати Таблиц определял карой за политическую сатиру смертную казнь³³. Возможно, именно страх перед этим смертоносным законодательством вынуждал латинского сочинителя крепко держаться греческой обстановки, характеров, обычаев, имен, даже названий монет, которые он находил в оригиналах; если бы не Плавт, римские правовые установления окончательно изгнали бы реалии римской жизни из римского театра. Этот полицейский надзор не препятствовал пошлости и непристойностям; эдилы хотели позабавить толпу, а не улучшить их нравы; римские правящие круги никогда не испытывали смущения от того, что большинство сограждан невежественны. Зрители предпочитали остроумию площадной юмор, тонкости — буффонаду, поэзии — общедоступность, Теренцию — Плавта.

Тит Макций Плавт — буквально Тит «Плоскостопый Клоун» — появился на свет в 254 г. до н.э. в Умбрии. Приехав в Рим, он устроился трудиться рабочим сцены, накопил денег, нетерпеливо вложил их в какое-то дело и все потерял. Чтобы прокормиться, он стал писать пьесы; его переработки греческих комедий нравились тем, что они были приправлены намеками на римскую действительность. Он вернул свои деньги и получил римское гражданство. Это был человек, кровно связанный с землей и народом, полный кипучего веселья, по-раблезиански дюжий. Он смеялся со всеми и надо всеми, однако был сердечно и искренне расположен ко всему на свете. Он написал или переделал 130 пьес, из которых сохранилось двадцать. «Хвастливый воин» (*Miles gloriosus*) — это веселое изображение солдата-бахвала, который простодушно внимает лстывым речам прислужника:

Артотрог (парасит). Вот, например, вчера меня
За плащ остановили... (женщины)

Пиргополиник (воин).

Артрог.

Ну и что ж они?

Одна из них спросила, не Ахилл ли ты.

«Нет, брат его». Другая же: «Как он красив, Как он изящен!» — «Кудри как идут к нему!» —

...С мольбой ко мне пристали обе, чтобы я Провел тебя, как чудо, нынче мимо них.

Пиргополиник.

Ужасное несчастье красивым быть!

(Перевод А. Артюшкова)

«Амфитрион» обращает зрительский смех на Юпитера, который, приняв облик мужа Алкмены, призывает себя же быть свидетелем своей собственной клятвы и приносит благочестивые жертвы самому себе³⁵. На следующее утро ему удалось соблазнить Алкмену, и та понесла двойню. Эта история была так же популярна в Риме времен Плавта, как и в Париже времен Мольера или современном Нью-Йорке. «Клад», или «Кубышка» («*Aulularia*») — это рассказ о некоем скупце; в этой комедии скупец изображен более мягкими красками, чем в мольеровском «Скупом»: герой Плавта собирает обрезки ногтей и горестно восклицает, что, пролив слезы, напрасно перевел жидкость. «Менехмы» обыгрывают старинный сюжет о двух близнецах и о том, как в критической ситуации им удастся узнать друг друга. Именно отсюда Шекспир заимствует фабулу своей «Комедии ошибок». Лессинг считал «Пленников» лучшей из когда-либо поставленных пьес³⁶. Плавту она тоже была по душе, и в прологе он говорит:

Она не то что прочие комедии;
Словечка в ней не будет непристойного;
Не выпустим ни сводни, ни распутницы
На сцену мы, ни воина хвастливого.

(Перевод Я. Боровского)

И это правда; однако она столь запутанна и так зависит от неправдоподобных совпадений и открытий, что тот, кому не по нраву интрига, лишенная жизни, вправе не обратить на нее внимания. То, что делало эти комедии столь популярными, это не их истершиеся сюжеты, но изобилие смешных ситуаций и шальных шуток, столь же едких, как и шекспировские, это множество шумливых непристойностей, это целая галерея падших женщин и время от времени прорывающаяся чувствительность; публика могла рассчитывать на то, что в каждой пьесе она найдет любовь, соблазнение, статного и доблестного героя и раба, гораздо более смышленного, чем все остальные персонажи, вместе взятые. Уже здесь, почти у самых своих истоков, римская литература соприкасается с миром простого человека и благодаря греческим приемам достигает такого реализма в изображении повседневности, какого латинская поэзия больше никогда не знала.

Возможно, именно в год смерти Плавта (184 г. до н.э.) в Карфагене родился Публий Теренций Афр. Его родители были, вероятно, финикийцами с примесью африканской крови. Нам не известно ничего о его жизни вплоть до того момента, когда он появляется в Риме как раб Теренция Лукана. Этот сенатор заметил талант робкого мальчика, дал ему образование и отпустил на волю. В благодарность юноша взял себе имя бывшего хозяина. Нас трогают римские манеры того времени, когда мы узнаем о том, как «бедно и плохо

одетый» Теренций пришел домой к Цецилию Стацию, чьи комедии, ныне утраченные, доминировали тогда на римской сцене, и прочитал ему первую сцену «Девушки с Андроса». Цецилию стихи так понравились, что он пригласил поэта отобедать вместе с ним и с восхищением дослушал комедию до конца³⁷. Вскоре о Теренции узнали Эмилиан и Лелий, которые стремились придать его стилю те черты отшлифованной латыни, которые были так дороги их сердцу. Из-за этого возникли слухи, будто пьесы Теренция пишет за него Лелий, — слухи, которые сам автор тактично и благоразумно ни опровергал, ни подтверждал³⁸. Подвигнутый на это, видимо, уважительным эллинофильством Сципионова кружка, Теренций старался более близко придерживаться греческих подлинников, давал своим пьесам греческие названия, избегал римских аллюзий и считал себя скромным переводчиком, явно недооценивая свои действительные заслуги.

Мы не знаем, как была принята публикой пьеса, так понравившаяся Цецилию. «Свекровь» (Несуга), написанная Теренцием следующей, провалилась, потому что зрители сбежали с нее смотреть медвежьи бои. Фортуна улыбнулась ему в 162 г. до н.э., когда он написал свою самую знаменитую пьесу — «Сам себя наказывающий» («*Heauton Timoroumenos*»). В ней рассказывалась история отца, запретившего сыну жениться на возлюбленной; сын, несмотря на запрет, поступил по-своему; отец лишил его наследства и прогнал из дома, а затем в порыве раскаяния отказался притрагиваться к своему богатству и жил в бедности и заботах. Сосед предлагает ему выступить в роли примирителя; отец спрашивает того, почему он принимает так близко к сердцу чужие печали; сосед произносит в ответ ту всемирно известную максиму, которая была встречена дружными аплодисментами:

Homo sum; humani nihil a me alienum puto.—

Я человек, и считаю, что ничто человеческое мне не чуждо.

На следующий год «Евнух» был встречен так хорошо, что был сыгран в один день дважды (крайне редкое по тем временам явление) и принес Теренцию 8000 сестерциев (1200 долларов) за несколько часов⁴⁰. Спустя несколько месяцев появилась новая комедия «Формион», названная по имени остроумного слуги, который спасает своего хозяина от родительского гнева и послужит Бомарше моделью крепыша Фигаро. В 160 г. до н.э. на играх, устроенных по случаю погребения Эмилия Павла, была сыграна последняя пьеса Теренция «*Adelphoe*», или «Братья». Вскоре после этой постановки автор отплывает в Грецию. На обратном пути он заболел и умер в Аркадии двадцати пяти лет от роду.

Его поздние пьесы были не слишком популярны, так как эллинизм полностью овладел его сердцем. Ему не доставало живости и искрометного юмора Плавта; он никогда не стремился затрагивать в своих произведениях римский быт и нравы. В его комедиях не было ни черных злодеев, ни отчаянных шлюх; свои женские персонажи он изображал с нежностью, и даже его проститутки не чужды добродетели. В его комедиях было немало изящных, энергичных строк и запоминающихся фраз: *hinc illae lacrimae* («вот откуда эти слезы»), *fortes fortuna adiuvat* («смелым судьба помогает»), *quot homines tot sententiae* («сколько людей, столько мнений») и сотни других; однако для того, чтобы их оценить, требовалось обладать склонным к философии разу-

мом или литературным чутьем, которые, как обнаружил этот африканский раб, начисто отсутствовали в среде римского плебса. Тому не было дела до этих комедий, оказывавшихся на поверку чуть ли не трагедиями, до этих прекрасно выстроенных, но несколько медлительных сюжетов; ему были неинтересны необычные персонажи Теренция, их неторопливые беседы и слишком правильная речь. Особенно отталкивали именно правильность языка и чистота стиля. Кажется, будто зрители почувствовали, что между римской литературой и римским народом произошел непоправимый разрыв. Цицерон, который был слишком близок по времени Катуллу, чтобы разглядеть его, и слишком разумен, чтобы не получить удовольствия от Лукреция, находил Теренция самым тонким поэтом Республики. Цезарь был более справедлив в своем приговоре, когда он восхвалял «любителя чистой речи», но в то же время сожалел об отсутствии у Теренция *vis comica* — «мощи смеха», называя его *dimidiatus Menander* — «половинным Менандром». И тем не менее Теренций добился по крайней мере одного: этот семитический инородец, вдохновленный Лелием и Грецией, сделал из латинского языка такой совершенный инструмент, благодаря которому в следующем столетии окажется возможной проза Цицерона и поэзия Вергилия.

VI. КАТОН И КОНСЕРВАТИВНАЯ ОППОЗИЦИЯ

Это греческое нашествие в литературе, философии, религии, науке и искусстве, эта революция в манерах, нравах и составе римского населения не могла не наполнить старомодных римлян чувствами недовольства и страха. Удалившегося в свое сабинское поместье сенатора Валерия Флакка беспокоили упадок римского характера, испорченность политических нравов, замена *mos maiorum* греческими идеями и образом жизни. Он был уже слишком стар, чтобы лично вступить в единоборство с этим приливом. Однако на расположенной неподалеку ферме, как раз за пределами Реаты, жил молодой крестьянин из плебеев, в котором проявлялись все традиционные римские качества: он любил землю, трудился до седьмого пота, понемногу копил деньги, был по-консервативному прост и непритязателен и при всем при том был таким же блестящим оратором, как и радикалы. Он звался Марком Порцием Катонем: Порцием, потому что его семья на протяжении многих поколений разводила свиней (*porcus*); Катонем, потому что его предки были, как и он, людьми ловкими и проницательными (*catus*). Флакк настоятельно порекомендовал ему заняться изучением права; Катон последовал совету и стал выигрывать дела своих соседей в местных судах. Флакк предложил ему отправиться в Рим; Катон действительно отправился и в тридцатилетнем возрасте получил квестуру (204 г. до н. э.). К 199 г. до н. э. он побывал уже эдилом. К 198 — консулом. В 191 г. до н. э. он стал трибуном, а в 184 — цензором. Тем временем он успел отслужить двадцать шесть лет в армии как не ведающий страха солдат, способный и не знающий снисхождения военачальник. Он видел в дисциплине мать характера и свободы; он презирал солдата, «который усиленно работает руками на марше и ногами в битве и чей храп громче воинственного крика, издаваемого на поле брани». Он заслужил уважение воинов, идя на марше пешком рядом с ними, наделяя каждого из них фунтом серебра из добычи, ничего при этом не оставляя себе⁴¹.

В промежутки мира он осуждал раторов и риторик, но стал самым сильным оратором своего времени. Римляне внимали ему и нехотя и зачарованно, потому что никто прежде не говорил перед ними с такой очевидной честностью и жалящим остроумием; хлесткость его языка могла поразить любого из присутствующих, но как сладко было видеть, что ее мишенью становится твой сосед. Катон отважно сражался с коррупцией, и дни, в которые он не нажил себе новых врагов, были редкостью. Немногие любили его, потому что римлян смущали его лицо, усеянное шрамами, и ярко-рыжие волосы; его крупные зубы пугали их, аскетизм заставлял их стыдиться самих себя, трудолюбие оставляло их далеко позади, зеленые глаза проникали сквозь их слова, обнаруживая за ними эгоизм и себялюбие. Сорок четыре раза враги из патрициата пытались сокрушить его, выдвигая против него публичные обвинения; сорок четыре раза его спасали голоса фермеров, которым были так же противны продажность и необузданные наслаждения, как и ему⁴². Когда их голоса доставили ему должность цензора, содрогнулся весь Рим. Он привел в исполнение те угрозы, благодаря которым выиграл предвыборную кампанию: он установил высокие налоги на предметы роскоши, оштрафовал одного из сенаторов за расточительство, исключил из сената шесть его членов, которые, как оказалось, попали туда незаконно. Он изгнал Манилия за то, что тот поцеловал жену при людях; что касается его самого, заявил он, то он обнимал свою жену только тогда, когда раздавались раскаты грома, хотя он и не может отрицать, что не был доволен бурей. Он закончил постройку городской дренажной системы, обрезал трубы, которые скрытно отводили воду из общественных акведуков, или водопроводов, заставил домовладельцев разрушить незаконные пристройки, которые вторгались на общественные дороги, понизил плату, выделявшуюся государством, за проведение общественных работ и до того запугал сборщиков налогов, что вынудил их большую долю выручки отдавать в государственную казну⁴³. После пяти лет героической борьбы против человеческой природы он оставил свой пост, сделал удачные капиталовложения, обеспечил свою теперь уже огромную усадьбу необходимым количеством рабов, стал ссужать деньги под немыслимые проценты, по дешевке покупал рабов, которых после обучения какому-нибудь ремеслу продавал за большие деньги, и настолько разбогател, что мог позволить себе заняться писанием книг — занятием, которое презирал.

Катон был первым великим прозаиком, писавшим на латыни. Начал он с того, что обнародовал свои речи. Затем он выпустил учебник по ораторскому искусству, в котором выдвинул требование суровости, присущей римскому стилю, взамен исократовского гладкописания раторов и задал тему, которую позднее будет обсуждать Квинтилиан, определив оратора как «доброго человека, искушенного в речах» (*vir bonus, dicendi peritus*)⁴⁴; но разве найдется другое сочетание, столь же редкое, как это? Он изложил свой фермерский опыт, сделав его тем самым полезным для будущих поколений. Трактат «О сельском хозяйстве» (*De agri cultura*) — единственный памятник Катонского стиля и древнейшей прозаической латыни, который пощадило время. Он написан простым и строгим слогом, энергично сжатым; Катон не тратит слов даром и редко снисходит до того, чтобы воспользоваться услугами союза. Он дает в этой книге подробные советы, как следует покупать и продавать рабов (старые рабы должны быть проданы до того, как станут обузой для хозяина),

сдавать землю внаем арендаторам; его наставления касаются виноградарства и лесоводства, управления челядью и домашнего производства, приготовления цемента и стряпанья лакомств, лечения запоров и поноса, исцеления от змеиного укуса посредством свиного навоза, наконец, приношения жертвы богам. Задав себе вопрос, как разумнее всего использовать сельские земли, он отвечает: «Прибыльным разведением скота». А что лишь немногим уступает скотоводству? «Разведение скота, приносящее умеренную прибыль». А вслед за этим? «Крайне малоприбыльное разведение скота». Ну а потом? «Землепашество». Благодаря аргументам такого рода, Италия становилась страной лапифундий.

Самой важной из его книг были, вероятно, потерянные для нас Origines («Начала»), смелая попытка рассмотреть вопросы, касающиеся древностей, этнологии, установлений и истории Италии от самых истоков вплоть до года смерти Катона. Наши сведения об этом труде практически ограничиваются сообщением о том, что автор, стремясь досадить аристократии со всеми ее навязчивыми рассказами о доблести своих предков, не назвал по имени ни одного из полководцев, сражавшихся против Пирра, но прославил одного из слонов, отличившегося в этой войне, указав его кличку⁴⁵. Катон рассчитывал, что это произведение вместе с его работами, посвященными ораторскому искусству, сельскому хозяйству, улучшению санитарных условий, военной науке и праву, образуют энциклопедию, по которой будет учиться его сын. Написав эти книги на латыни, он надеялся предложить достойную замену тем греческим пособиям, которые, по его мнению, наносили вред умам римского юношества. Хотя он и сам изучал греческий, складывается ощущение, что он искренне верил в то, будто греческие литература и философия способны столь быстро посеять в молодых римлянах недоверие к старинным отечественным религиозным воззрениям, что их нравственность делается легкой добычей инстинктов стяжательства, неуживчивости и секса. Как и Ницше, он видел источник всех бед в Сократе; эта болтливая старая повитуха, думал Катон, заслужила быть отравленной за подрыв афинской нравственности и афинских законов⁴⁶. Его раздражали даже греческие врачи; он предпочитал пользоваться старинными домбросенными средствами и не доверял всегда готовым предложить свои услуги хирургам.

Греки (писал он сыну) — это неподатливое и беспокойное племя. Поверь моему слову, что стоит этому народу наградить Рим своей литературой, и она разрушит здесь все до основания... И это произойдет еще раньше, если он пошлет сюда своих врачей. Они сговорились уничтожить всех «варваров»... Я запрещаю тебе иметь дело с врачами⁴⁷.

С таким мировоззрением он был, естественно, прямым противником кружка Сципионов, участники которого полагали, что распространение греческой литературы в Риме должно послужить той закваской, которая позволит латинской литературе и римскому духу подняться в полном величии. Катон приложил руку к преследованию Сципиона Африканского и его брата; законы против растратчиков государственных средств должны исполняться, считал он, невзирая на лица. По отношению к зарубежным странам он, за одним исключением, проповедовал политику, основывающуюся на справедливости и

невмешательстве. Презирая греков, он уважал Грецию. Когда империалистические грабители в сенате выступили за объявление войны богатому Родосу, он произнес решительную речь, призывая сенат к примирению. Единственным исключением, как всем известно, был Карфаген. Посланный туда с официальной миссией в 175 г. до н.э., Катон был поражен стремительным возрождением города из руин Ганнибаловой войны, полными плодов садами и виноградниками, богатством, которое стекалось сюда благодаря оживлению коммерции, оружием, сложенным в арсеналах. Вернувшись в Рим, он поднял перед сенатом связку свежих смокв, сорванных три дня назад в Карфагене, как зловещий символ его процветания и близости от Рима. Он предсказал, что Карфаген вскоре наберется достаточно сил и будет достаточно богат, чтобы возобновить борьбу за господство над Средиземным морем, если ему не помешать. С этого дня все свои речи перед сенатом он заканчивал выражением своего политического кредо, и неважно, какова была тема слушаний, он твердил с характерным для него упорством: *Ceterum censeo Carthaginem delendam esse.*— «А кроме того, я считаю, что Карфаген следует разрушить». Империалистическая партия в сенате соглашалась с ним не столько потому, что завидовала карфагенской торговле, сколько потому, что прекрасно орошаемые поля северной Африки казались им тем местом, в которое можно вложить свои капиталы, где можно разбить новые латифундии, обрабатываемые новыми рабами. Они нетерпеливо поджидали повода для Третьей Пунической войны.

VII. CARTHAGO DELETA (КАРФАГЕН РАЗРУШЕН)

Подсказка пришла к ним от Масиниссы, самого выдающегося среди правителей того времени. Он был царем Нумидии, прожил девяносто лет, зачал сына в возрасте восьмидесяти шести лет⁴⁸, а благодаря здоровому и бодрому образу жизни сохранял силы почти до самой смерти. Он преобразовал свои кочевнические племена в оседлое земледельческое общество и отлаженное государство, умело управлял им на протяжении шестидесяти лет, украсил Цирту, свою столицу, пышной архитектурой и построил себе усыпальницу в виде большой пирамиды, которая и по сей день стоит неподалеку от города Константина в Тунисе. Завоевав расположение Рима и зная политическую слабость Карфагена, он постоянно совершал вылазки и захватывал часть карфагенских территорий, овладел Большой Лептой и другими городами, взяв под свой контроль в конце концов все подступы к измученной его набегами метрополии. Связанный статьей договора, запрещавшей ему вести войну без согласия Рима, Карфаген направил в Рим своих послов с жалобами на вторжения Масиниссы. Сенат напомнил им, что все финикийцы находились в Африке на положении контрабандистов и не имели там никаких особых прав, которые любая хорошо вооруженная армия должна была бы уважать. Когда Карфаген совершил последнюю из пятидесяти ежегодных выплат в 200 талантов, он почувствовал себя свободным от условий, подписанных после Замы. В 151 г. до н.э. он объявил войну Нумидии, а через год Рим объявил войну ему.

Объявление войны и весть о том, что римский флот находится на пути к Карфагену, пришли одновременно. Древний город, сколь бы ни изобиловал он богатствами и населением, был совершенно не готов к серьезной войне. Карфаген располагал незначительной армией, еще более незначительным военным флотом, у него не было ни наемников, ни союзников. Рим взял под свой контроль море. Поэтому Утика перешла на сторону Рима, а Масинисса блокировал все выходы из Карфагена в глубь материка. В Рим было срочно отправлено посольство, уполномоченное принять любые условия. Сенат пообещал, что если Карфаген передаст римским консулам, находящимся на Сицилии, 300 отпрысков знатнейших семейств в качестве заложников и подчинится всем приказам, которые будут исходить от консулов, свобода и территориальная целостность Карфагена будут сохранены. Тайно сенат передал консулам приказание руководствоваться инструкциями, полученными еще до прибытия карфагенских послов. С тяжелыми предчувствиями и плачем отдавали карфагеняне своих детей; толпа родственников в унынии собралась на берегу; в последний момент матери попытались силой воспрепятствовать отплытию кораблей, а некоторые из них заплывали далеко в море, чтобы напоследок еще раз бросить взгляд на своих детей. Консулы отправили заложников в Рим, переправились в Утику с армией и флотом, вызвали карфагенских представителей и потребовали от Карфагена выдать оставшиеся корабли, огромное количество зерна и все военные машины и вооружение. По выполнении этих требований консулы потребовали от жителей удалиться от Карфагена на расстояние в десять миль, после чего город следовало сжечь дотла. Послы напрасно теряли время, пытаясь доказать, что разрушение города, который перед этим выдал заложников и оружие, не нанеся им ни одного удара, было бы самым жестоким вероломством, которое знала история. Они были готовы принести свои жизни в качестве искупительной жертвы; они бросались на землю и бились о нее головами. На это консулы отвечали, что условия выдвинуты сенатом и не подлежат пересмотру.

Когда народу Карфагена стали известны эти условия, он вышел из себя. Обезумевшие от горя родители разорвали на части тех лидеров, которые советовали отдать детей в заложники. Другие убили тех, кто рекомендовал отдать оружие. Одни потащили вернувшихся послов по улицам и забросали их камнями. Вторые бросились убивать всех италийцев, которые присутствовали в городе. Третьи стояли у пустых арсеналов и рыдали. Карфагенский сенат объявил Риму войну и призвал всех взрослых — мужчин и женщин, рабов и свободных — в новую армию, приказав ковать оружие для защиты. Ярость придавала ему решимости. Общественные здания были разрушены, чтобы обеспечить армию металлом и древесиной; статуи любимых богов были расплавлены на мечи, а женщины остриглись, чтобы изготовить из волос канаты. За два месяца осажденный город произвел 18 000 мечей, 8000 щитов, 30 000 копий, 60 000 снарядов для катапульт и выстроил в своей внутренней гавани 120 кораблей⁴⁹.

Три года город осаждался с суши и моря. Вновь и вновь вели консулы свои армии на штурм городских стен, но всякий раз были отброшены; только Сципион Эмилиан, один из военных трибунов, выказал себя находчивым и храбрым. Довольно поздно, лишь в 147 г. до н.э., римские сенат и народное собрание назначили его консулом и командиром армии при всеобщем одо-

брения. Вскоре после этого Лелий добился успеха, взойдя на стены. Карфагеняне, ослабленные и принесшие дань голоду, сражались за свой город, отстаивая улицу за улицей, на протяжении шести дней кровопролитного боя и не просили пощады. Неся серьезные потери под стрелами метких лучников, Сципион приказал поджечь дома и сровнять их с землей. Сотни спрятавшихся карфагенян погибли в огне. Наконец население, уменьшившееся с 500 000 до 55 000 человек, сдалось. Их главнокомандующий просил сохранить ему жизнь, на что Сципион согласился; однако его жена, упрекая Гасдрубала в трусости, бросилась вместе с сыновьями в огонь. Выжившие были проданы в рабство, а город отдан на разграбление легионам. Не желая стирать его до основания, Сципион обратился за окончательными разъяснениями к сенату; ему ответили, что не только Карфаген, но и все прилегающие к нему зависимые поселения должны быть полностью разрушены, а земля должна быть вспахана и засеяна солью; на любого, кто попытается строить впоследствии на этом месте, должно быть наложено заклятие. Город горел семнадцать дней.

Мирного договора не заключали, так как Карфагенского государства более не существовало. Утика и другие африканские города, поддерживавшие Рим, сохранили свободу под римским протекторатом; остаток карфагенской территории превратили в провинцию Африка. Римские капиталисты вторглись сюда, чтобы разбить эту страну на латифундии, а римские купцы стали преемниками карфагенской торговли. Империализм стал отныне открытым и осознанным мотивом римской политики. Сиракузы были включены в провинцию Сицилия; южная Галлия была завоевана, так как именно по ней пролегал сухопутный маршрут в Испанию, к этому времени окончательно покоренную, а эллинистические монархии, такие, как Египет и Сирия, были постепенно заставлены — как Попилий заставил Антиоха IV — покориться воле Рима. С точки зрения морали, которая есть не что иное, как умение показать свою внешнюю политику с наилучшей стороны, разрушение Карфагена и Коринфа в 146 г. до н. э. должно быть причислено к самым жестоким завоеваниям в истории; с точки зрения империи, а именно, безопасности и благосостояния, эти захваты заложили одновременно два краеугольных камня римского коммерческого и морского могущества. С этого момента политическая история Средиземноморья протекает под знаком Рима.

В разгар войны умирают два ее главных вдохновителя, упоенные осуществлением своих замыслов, — Катон в 149 г. до н.э., Масинисса в 148 г. Старик цензор оставил неизгладимый след в римской истории. На протяжении многих столетий люди будут оглядываться на него как на типичного римлянина эпохи Республики: Цицерон создаст его идеализированный образ в диалоге «О старости» (*De senectute*); его праправнук станет воплощением его философии, однако ему будет не хватать юмора своего великого предка; Марк Аврелий попытается строить свою жизнь по образцу, заданному Катонем; Фронтон призовет латинскую литературу вернуться к простоте и прямоте его стиля. И тем не менее его единственным успехом было разрушение Карфагена. Его борьба с эллинизмом потерпела полное поражение: каждый раздел римской литературы, философии, ораторского искусства, науки, изобразительных искусств, религии, нравственности, манер и моды уступил греческому влиянию. Он ненавидел греческих философов,

а его знаменитый потомок окружит себя ими. Религиозность, которая была им утрачена, продолжала приходить в упадок, несмотря на все его попытки придать ей новый импульс. Но прежде всего та политическая развращенность, с которой он сражался в молодости, пускала все более глубокие корни по мере того, как стоимость должности повышалась вместе с расширением пределов Империи; каждый новый захват делал Рим еще богаче, еще испорченнее, еще безжалостнее. Рим выиграл все войны, кроме войны классов; разрушение Карфагена сняло последнее препятствие перед гражданским расколом и враждой. Теперь горьким столетием революции Рим должен будет заплатить за то, что покорил весь мир.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ливий, IV, 302.

² Плутарх. *Фламиний*.

³ Ливий, XLIX, 22.

⁴ Аппиан, VI, 9—10; Mommsen, *History*, III, 220.

⁵ Ливий, XXXIX, 7; Mommsen, 201.

⁶ Полибий, VI, 17.

⁷ Davis, W. S., *Influence of Wealth in Imperial Rome*, 74, 77; Mommsen, III, 83.

⁸ Полибий, XXXI, 25; Mommsen, III, 127; Sellar, W. Y., *Roman Poets of the Republic*, 234.

⁹ Mommsen, III, 40.

¹⁰ Полибий, XXXI, 25.

¹¹ Guhl, 490.

¹² Плутарх. *Катон Старший*.

¹³ Ливий, XXXIV, 1.

¹⁴ Brittain, 95.

¹⁵ Полибий, XXX, 14.

¹⁶ Mommsen, III, 21, 127.

¹⁷ Там же, 44, 294, 301—302.

¹⁸ САН, VIII, 359.

¹⁹ Плутарх. *Марцелл*.

²⁰ Anderson, 137.

²¹ Цицерон. *О дивинации*, II, 24, 52.

²² Полибий, VI, 56.

²³ Ливий, XXXIX, 8.

²⁴ Цицерон. *О государстве*, II, 19.

^{24a} Гораций. *Послания*, II, 1, 156.

²⁵ Цицерон. *О старости*, VIII, 26.

²⁶ Ср. книгу II *Государства*.

²⁷ Аппиан, VI, 9, 53.

²⁸ Энний, *Теламон*. См. Duff, 141.

²⁹ Цицерон. *О дивинации*, II, 50.

³⁰ Энний, фрагмент у Геллия, XII, 4.

³¹ Энний у Цицерона. *Тускуланские беседы*, II, 1, 1.

³² Collins, W. L., *Plautus and Terence*, 33—34; Matthews, B., *Development of the Drama*, 98.

³³ Цицерон. *О государстве*, IV, 10.

³⁴ Collins, 45.

³⁵ Плавт. *Амфитрион*, III, 2, 4.

³⁶ Batiffol, L., *Century of the Renaissance*, 164.

- ³⁷ Светоний. *О поэтах. Теренций*, II.
³⁸ Теренций. *Сам себя наказывающий*, пролог.
³⁹ Теренций. *Братья*, пролог.
⁴⁰ Светоний, ук. место.
⁴¹ Плутарх. *Моралиа*, 198E, 199C.
⁴² Плиний, VII, 28.
⁴³ Ливий, XXXIX, 42; Плутарх. *Катон Старший*.
⁴⁴ Fowler, *Social Life*, 191.
⁴⁵ Плиний, VIII, 11.
⁴⁶ Плутарх, ук. место.
⁴⁷ Там же: Плиний, XXIX, 7.
⁴⁸ Аппиан, VIII, 14.
⁴⁹ Страбон, XVII, 3, 15.

КНИГА II

РЕВОЛЮЦИЯ

145—30 гг. до н. э.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

(Все даты до нашей эры)

- 139: Первое Сицилийское восстание рабов
- 133: Трибунат и убийство Тиберия Гракха
- 132: Расцвет Луцилия; Панетий в Риме
- 124—123: Гай Гракх — трибун
- 122: Гай Гракх устанавливает государственную раздачу зерна
- 121: Самоубийство Гая Гракха
- 119: Марий — трибун; 116: претор
- 113—101: Войны с кимбрами и тевтонами
- 112—105: Югуртинская война
- 107, 104—100, 87: Марий — консул
- 106: Рождение Цицерона и Помпея
- 105: Кимбры побеждают римлян под Аравсионом
- 103—99: Второе Сицилийское восстание рабов
- 103—100: Сатурнин — трибун
- 102: Марий побеждает кимбров при Секстиевых Водах
- 100: Марий подавляет Сатурнина; родился Юлий Цезарь
- 91: Реформы и убийство Марка Ливия Друза
- 91—89: Союзническая война в Италии
- 88: Сулла — консул; бегство Мариа
- 88—84: Первая Митридатова война
- 87: Мятеж Цинны и Мариа; правление радикалов и террора
- 86: Сулла захватывает Афины и побеждает Архелая при Херонее
- 86: Марий и Цинна низлагают Суллу; смерть Мариа
- 85—84: Третий и четвертый консулат и смерть Цинны
- 83—81: Вторая Митридатова война
- 83: Сулла высаживается в Брундизии
- 82: Сулла захватывает Рим; правление реакционеров и террора
- 81: Корнелиевы законы (leges Corneliae) Суллы
- 80—72: Восстание Сертория в Испании
- 79: Отречение и (78 г.) смерть Суллы
- 76: Расцвет Варрона
- 75—63: Третья Митридатова война; победы Лукулла и Помпея
- 75: Цицерон — квестор на Сицилии
- 73—71: Третье восстание рабов; Спартак
- 70: Первый консулат Красса и Помпея; процесс над Верресом; родился Вергилий
- 69: Тит Помпоний Аттик
- 68: Цезарь — квестор в Испании
- 67: Помпей покоряет пиратов
- 66: Цицерон выступает с речью «В защиту Манлиева закона» (Pro lege Manilia)
- 63: Цицерон разоблачает Катилину; родился Октавий
- 63—12: Марк В. Агриппа, инженер
- 62: Цезарь — претор; прелюбодеяние Клодия
- 61: Цезарь управляет Дальней Испанией; возвращение и триумф Помпея
- 60: Первый триумвират: Цезарь, Красс, Помпей
- 60—54: Стихотворения Катуллы; Корнелий Непот
- 59: Цезарь — консул; «О природе вещей» (De rerum natura) Лукреция
- 58: Клодий, трибун, изгоняет Цицерона; Цезарь побеждает гелльветов и Ариовиста в Галлии
- 57: Возвращение Цицерона; Цезарь побеждает бельгов
- 56: Встреча триумвиров в Лукке
- 55: Помпей и Красс — консулы; театр Помпея; Цезарь в Германии и Британии
- 54: Вторая экспедиция Цезаря в Британию
- 53: Столкновения между сторонниками Клодия и Милона в Риме; поражение Красса при Каррах
- 52: Убийство Клодия; суд над Милоном; Помпей — единственный консул; мятеж Верцингеторикса
- 51: Цицерон — губернатор Киликии; «О государстве» Цицерона; «О Галльской войне» Цезаря
- 49: Цезарь переходит Рубикон и захватывает Рим
- 48: Битвы при Диррахии и при Фарсале
- 48—47: Цезарь в Египте и Сирии; Витрувий, архитектор; Колумелла, ботаник
- 47: Победы Цезаря при Зеле и Тапсе; самоубийство Катона Младшего
- 46: Назначение Цезаря диктатором на десять лет; пересмотр календаря; Саллюстий, историк; речь Цицерона «В защиту Марцелла»
- 45: Цезарь побеждает помпейцев в Испании; «Академика» и «О пределах...» (Academica; De finibus) Цицерона
- 44: Убийство Цезаря; Цицерон пишет «Тускуланские беседы» (Tusculanae disputationes). «О природе богов» (De natura deorum), «Об обязанностях» (De officiis)
- 43: Второй триумвират: Антоний, Октавиан, Лепид; убийство Цицерона
- 42: Брут и Кассий погибают при Филиппах
- 41: Антоний и Клеопатра в Тарсе
- 40: Повторное примирение между Антонием и Октавианом в Брундизии; Четвертая Эклога Вергилия
- 36: Антоний вторгается в Парфию
- 32: Антоний берет в жены Клеопатру
- 31: Октавиан побеждает Антония в битве при Акции
- 30: Самоубийство Антония и Клеопатры; присоединение Египта к Империи; Октавиан — единственный властитель Рима

Аграрная революция

145—78 гг. до н. э.

1. ПРЕДПОСЫЛКИ РЕВОЛЮЦИИ

ПРИЧИН для революции было много, последствий — неисчислимое множество; личности, вброшенные в круговорот событий разразившимся кризисом, были — от Гракхов до Августа — одними из самых ярких и мощных в истории. Никогда раньше и никогда впоследствии, если не принимать во внимание настоящей эпохи, ставки не поднимались так высоко, никогда мировая драма не была столь напряженной. Первой причиной был приток выращенного рабами хлеба из Сицилии, Сардинии, Испании и Африки, который разорил многих итальянских фермеров, так как цены на зерно упали настолько, что отечественное зерно приходилось продавать по ценам, не покрывавшим расходы на его производство и доставку на рынки. Второй — приток рабов, которые пришли на смену крестьянам в деревне и свободнорожденным работникам в городе. Третьей — укрупнение больших поместий. Закон, принятый в 220 г. до н.э., запрещал сенаторам брать контракты или вкладывать деньги в торговлю; располагая крупными капиталами благодаря военным трофеям, они покупали обширные участки сельскохозяйственных угодий. Завоеванная земля иногда продавалась небольшими участками колонистам, чем отчасти снималось напряжение развязавшейся в городе борьбы; большая ее часть поступала к капиталистам в качестве частичного возмещения взятых у них государством во время войны займов; еще большая часть продавалась или сдавалась в аренду сенаторам или дельцам на условиях, определенных сенатом. Чтобы конкурировать с этими латифундиями, маленький человек был вынужден занимать деньги под сверхвысокие проценты, которые становились надежнейшими гарантами того, что долг никогда не будет выплачен. Понемногу такие хозяева погружались в нищету или терпели банкротство, переселяясь в наемные дома или трущобы. В конце концов, и сам крестьянин после того, как он в качестве солдата повидал и пограбил мир, не слишком стремился к уединенному труду и лишенной романтики ежедневной работе на ферме; он предпочитал присоединиться к беспокойному городскому пролетариату, бесплатно посещать волнующие игры амфитеатра, получать дешевый хлеб от правительства, продавать свой голос тому, кто лучше попросит или больше пообещает, и раствориться в беспорядочной и бессильной толпе.

Римское общество, бывшее некогда общиной свободных фермеров, все больше и больше зависело от поступающей извне военной добычи и используемого внутри Империи рабского труда. В городе все домашние службы, многие ремесла, большая часть торговых операций, значительная часть банковских услуг, чуть ли не весь фабричный труд и почти все общественные

работы осуществлялись рабами. В силу этого заработки свободных работников упали настолько, что сидеть сложа руки было ничуть не менее выгодно, чем трудиться в поте лица. В латифундиях труд рабов ценился выше по той причине, что те не призывались на воинскую службу, а их количество можно было поддерживать на одном уровне из поколения в поколение, что являлось побочным продуктом единственного доступного рабу удовольствия или порочности его хозяина. Во все уголки Средиземноморья проникали отряды охотников за живыми машинами для этих индустриализованных хозяйств; к военнопленным, пополнявшим ряды рабов после каждой победной кампании, прибавлялись жертвы пиратов, которые захватывали рабов или свободнорожденных на берегах Азии или неподалеку от нее, или жертвы римских должностных лиц, которые устраивали охоты на человека и обращали в рабство любого, кого не решались взять под свою защиту местные вожди¹. Каждую неделю работоторговцы доставляли свою человеческую добычу из Африки, Испании, Галлии, Германии, придунайского региона, России, Азии и Греции в порты Средиземного и Черного морей. Не было ничего необычного в том, что в один день на Делосе могли быть выставлены на аукцион 10 000 рабов. В 177 г. до н.э. 40 000 сардинцев, а в 167 г. до н.э. 150 000 эпиротов были захвачены римскими армиями и проданы в рабство; в последнем случае приблизительно по доллару за голову². В городе участь раба смягчалась тем, что он мог завязать человеческие отношения со своим господином и рассчитывать на эмансипацию; но на больших фермах эксплуатация не встречала таких помех. Здесь раб уже не являлся одним из домочадцев, как это было в Греции или раннем Риме; он редко видел своего хозяина; а вознаграждение управляющего зависело от того, насколько ему удастся выжать всю возможную прибыль из «движимости», понукаемой ударами его бича. Заработки раба в латифундии позволяли ему питаться и одеваться лишь в той мере, чтобы быть в состоянии трудиться от восхода и до заката каждый день — не считая случавшихся время от времени праздников — до старости. Если он пытался жаловаться или не подчинялся приказаниям, ему приходилось трудиться со скованными лодыжками, а ночи он проводил в *эргастуле* (*ergastulum*) — подземной темнице, являвшейся атрибутом практически каждого крупного поместья. Эта система была столь же жестока, сколь и расточительна, потому что благодаря ей поддерживалась только двадцатая часть тех семей, которые некогда жили на землях той же общей площадью, обрабатывая ее своими руками.

Если мы вспомним, что по крайней мере половина этих рабов были некогда свободными (ибо рабы редко участвовали в войнах), мы можем представить себе всю горечь этих сломанных жизней и лишь удивляться тому, как редко они восставали. В 196 г. до н.э. деревенские рабы и наемные рабочие подняли мятеж в Этрурии. Они были разгромлены римскими легионами и, по словам Ливия, «многие из них были убиты или взяты в плен; других подвергли бичеванию и распяли»³. В 185 г. до н.э. похожее выступление случилось в Апулии; 7000 рабов были схвачены и сосланы на рудники⁴. В рудниках одного только Нового Карфагена трудились 4000 испанских рабов. В 139 г. до н.э. разразилось Первое Сицилийское восстание рабов. Четыреста рабов вняли призыву Эвнуса и перерезали свободных жителей города Энна; рабы убегали из поместий и частных тюрем, чтобы влиться в ряды восставших, которых со временем стало 70 000. Они заняли Агригент, разбили войско

римского претора и удерживали почти весь полуостров вплоть до 131 г. до н. э., когда консульская армия заперла их в Энне и измором заставила капитулировать. Эвнус был привезен в Рим и брошен в подземную камеру, где его оставили умирать от голода и вшей⁵. В 133 г. до н.э. менее масштабные волнения привели к казни 150 рабов в Риме, 450 в Минтурнах, 4000 в Синусесе. В этом же году Тиберием Гракхом был проведен аграрный закон, открывший эру римской Революции.

II. ТИБЕРИЙ ГРАКХ

Он был сыном Тиберия Семпрония Гракха, который заслужил благодарность Испании своим великодушным правлением, дважды избирался консулом и один раз цензором, спас брата и женился на дочери Сципиона Африканского. Корнелия родила ему двенадцать детей; за исключением троих, все они умерли в детстве. Смерть мужа оставила ее с двумя сыновьями, Тиберием и Гаем, и дочерью, также звавшейся Корнелией, которых необходимо было поставить на ноги. Дочь впоследствии выйдет замуж за Сципиона Эмилиана. Оба родителя разделяли эллинофильство кружка Сципионов и были прекрасно знакомы с эллинистической культурой. Корнелия собирала вокруг себя литературный «салон» и писала свои письма таким чистым и изящным слогом, что они считались серьезным вкладом в развитие латинской словесности. Плутарх пишет, что ей предлагал свою руку и трон египетский царь, узнавший о том, что она овдовела, однако Корнелия ответила отказом; она предпочла остаться дочерью одного из Сципионов, тещей другого и матерью Гракхов.

Воспитанные в атмосфере государственной деятельности и философии, Тиберий и Гай Гракхи знали как проблемы римского правительства, так и спекуляции греческой мысли. Отчасти на их становление оказал влияние Блоссий, греческий философ из Кум, который преуспел в том, чтобы вдохнуть в них тот страстный либерализм, которому было суждено недооценить власть консерваторов над Римом. Братья были почти равно честолобивы, горды, искренни, чрезвычайно красноречивы и бестрепетно мужественны. Гай рассказывает, что Тиберий непосредственно столкнулся с аграрной трагедией тогда, когда, проезжая через Этрурию, «обратил внимание на малочисленность населения и заметил, что обрабатывали землю и пасли стада рабы, привезенные из-за моря»⁶. Зная, что, согласно тогдашнему законодательству, в армии могли служить только те, кто располагал какой-нибудь собственностью, Тиберий задал себе вопрос, как Рим собирается сохранить свое лидерство или независимость, если могучие крестьяне, некогда вливавшиеся в его легионы, уступили теперь свое место несчастным чужеземным рабам. Как могут римский быт и римская демократия сохранить свое здоровье тогда, когда они тесно связаны с городским пролетариатом, измученным бедностью, а не с гордыми имущими земледельцами, обрабатывающими свои поля? Распределение земли между беднейшими из граждан представлялось очевидным и необходимым решением сразу трех проблем: проблемы сельского рабства, перенаселенности Рима и порчи римского быта и нравов, наконец, военного упадка.

В начале 133 года Тиберий Гракх, избранный народным трибуном, объявил о своем решении выдвинуть на рассмотрение трибунского собрания три предложения: 1) ни один из граждан не может владеть более чем 333 — или, если у него есть два сына, 667 акрами земли, купленной или арендуемой у государства; 2) вся остальная общественная земля, ранее проданная или сланная внаем частным лицам, должна быть возвращена государству, которое выплатит за это компенсацию или стоимость ренты плюс некоторую сумму за внесенные бывшими хозяевами усовершенствования; 3) наконец, земли, вернувшиеся таким образом в государственный фонд, должны быть распределены среди беднейших граждан участками в двадцать акров под тем условием, что они согласятся никогда не продавать свои наделы и платить ежегодный налог с них в казну. Эта схема отнюдь не была утопией; это была лишь попытка вернуть силу Лициниевым законам, которые были приняты в 367 г. до н.э., и с тех пор их никто не пробовал ни отменить, ни применить. «Дикие звери и живущие в воздухе птицы,— говорил Тиберий, обращаясь к беднейшим плебейам в одной из эпохальных речей римской истории,—

имеют свои норы и гнезда; но люди, которые сражаются и погибают за Италию, могут наслаждаться лишь светом и воздухом. Наши командиры призывают воинов сражаться за могилы и святыни своих предков. Пустой и лживый призыв! Вы не можете показать, где находится ваш отеческий алтарь. У вас нет могил предков. Вы сражаетесь и умираете ради богатства и роскоши других. Вас называют хозяевами всего мира, но у вас нет и пяди земли, которую вы могли бы считать своею»?

Сенат осудил предложенные меры как конфискационные, обвинил Тиберия в намерении захватить диктатуру и убедил Октавия, другого трибуна, воспользоваться своим правом вето и не допустить того, чтобы эти проекты были вынесены на народное собрание. В ответ на это Гракх заявил, что всякий трибун, который действует вопреки воле своих избирателей, должен немедленно отрешаться от должности. Собрание одобрило предложение Тиберия, и ликторы Гракха насильно увели Октавия со скамьи трибуна. Выдвинутые проекты по итогам голосования получили поддержку и статус закона; собрание, опасаясь за безопасность Гракха, проводило его до дома⁸.

Это противозаконное преодоление трибунского вето, которое задолго до этого было абсолютизировано самим же народным собранием, предоставило противникам Гракха удобный предлог для того, чтобы действовать вопреки его желаниям. Они объявили о своем намерении привлечь его к ответу по окончании его трибунских полномочий в конце года за нарушение конституции и насилие над трибуном. Чтобы защититься от их атаки, он вновь проявил неуважение к конституции, выставив свою кандидатуру на переизбрание на ту же должность в следующем году. Так как Эмилиан, Лелий и другие сенаторы, поддерживавшие раньше его предложения, теперь отказали ему в своей помощи, он посвятил все свое внимание агитации среди плебса. Он обещал, что в случае переизбрания сократит срок службы в армии, уничтожит исключительное право сенаторов выступать в роли судебных заседателей и дарует италийским союзникам права римского гражданства.

Между тем сенат отказался предоставить средства для аграрной комиссии, назначенной на основании законов Тиберия. Когда Аттал III, царь Пергама, завещал свое царство Риму (133 г. до н.э.), Тиберий предложил народному собранию продать личное и движимое имущество Аттала, а полученную прибыль распределить между будущими получателями общественной земли, чтобы те могли снабдить свои усадьбы всем необходимым. Это предложение окончательно разъярило сенат, который видел, как контроль над провинциями и общественными фондами ускользает из его рук и переходит к неуправляемому и никого не представляющему собранию, составленному из тех, в чьих жилах течет кровь рабов и инородцев. Когда наступил день выборов, Гракх появился на Форуме в сопровождении вооруженных телохранителей и в траурной одежде, намекая тем самым, что поражение означало бы для него судебное преследование и смерть. По мере того, как голосование подходило к концу, обе стороны все глубже и глубже погружались в насилие. Сципион Назика, восклицая, что Тиберий метит в цари, повел вооруженных дубинками сенаторов на Форум. Сторонники Гракха, трепеща перед патрицианскими одеждами, расступились; Тиберию разможили голову, и несколько сотен его последователей погибли вместе с ним. Когда Гай, его младший брат, попросил разрешения похоронить Тиберия, ему ответили отказом, и тела мертвых бунтовщиков были брошены в Тибр, пока Корнелия оплакивала сына.

Сенат попытался смягчить раздражение плебса, согласившись на то, чтобы законы Гракха вступили в силу. Увеличение числа граждан на 76 000 человек между 131 и 125 гг. до н.э. позволяет думать о том, что большое количество земельных наделов действительно было предоставлено беднякам. Однако аграрная комиссия столкнулась со множеством трудностей. Большая часть земли, подлежавшей перераспределению, была получена от государства многие годы или поколения тому назад, и ее владельцы утверждали, что их права утверждены и освящены временем. Многие участки были куплены новыми хозяевами за большие деньги у тех, кто когда-то приобрел эти земли у государства по дешевке. Землевладельцы из союзных италийских государств, чьи права также оказались под вопросом, обратились к Сципиону Эмилиану с просьбой защитить их от произвола земельного комитета; благодаря его вмешательству деятельность комитета была приостановлена. Общественное мнение восстало против него; Сципион был объявлен предателем памяти Гракха, почитавшейся ныне священной; однажды утром в 129 г. до н.э. он был найден мертвым в своей постели, став, очевидно, жертвой убийцы, которого так и не обнаружили.

III. ГАЙ ГРАКХ

Безжалостная молва обвинила Корнелию в том, что она сговорилась со своей дочерью, некрасивой и нелюбимой женой Сципиона, убить зятя. Перед лицом этих несчастий она искала утешения, посвятив себя оставшемуся в живых сыну, последнему из ее «самоцветов». Убийство Тиберия пробудило в Гае не жажду мщения, но твердую решимость довести начатое братом дело до конца. Он служил под началом Эмилиана при Нуманции, проявив там свои рассудительность и отвагу, и заслужил восторженное уважение

всех слоев общества, ведя простую жизнь и ничем не запятнав свое имя. Его страстность, тем ярче вспыхнувшая, что столь долго находилась в узде, позволила ему стать величайшим римским оратором из тех, что жили до Цицерона, и открыла перед ним возможность занять любой государственный пост, ибо он жил в обществе, где для совершения успешной карьеры красноречие было необходимейшей предпосылкой, уступая лишь храбрости. Осенью 124 г. до н.э. он был избран трибуном.

Будучи большим реалистом, чем Тиберий, Гай понимал, что никакая реформа не может быть надежно упрочена, если на противоположной стороне сохраняется устойчивость экономической и политической государственной власти. Он поставил перед собой задачу привлечь на свою сторону четыре класса: крестьянство, армию, пролетариат и всадников (деловых людей). Поддержку первого он завоевал, обновив аграрное законодательство брата, распространив его действие на государственные земли в провинциях, восстановив земельный комитет и лично участвуя в его деятельности. Он подписывал амбиции среднего класса, основав новые колонии в Капуе, Таренте, Нарбоне и Карфагене, а также способствуя их процветанию в качестве торговых центров. Он порадовал солдат, добившись принятия закона, согласно которому экипировка солдат производилась на общественные средства. Он снискал благодарность городских масс посредством *lex frumentaria*, или «хлебного» закона, который гласил, что правительство может распределять пшеницу по цене 16 1/3 асса за модий (тридцать девять центов за 1/4 бушеля — половина рыночной цены) среди всех, кто попросит об этом. Эта мера нанесла удар по старинному римскому идеалу опоры на собственные силы, и ей было суждено сыграть определяющую роль в римской истории. Гай был убежден в том, что хлеботорговцы заставляли общество платить двойную цену и что его предложение благодаря экономии, достигаемой за счет усилий всего государства, не вызовет дополнительных расходов. В любом случае этот закон позволил свободнорожденным римским беднякам вместо зависимых приверженцев аристократии стать защитниками Гракха, как впоследствии они встанут на поддержку Мария и Цезаря. Это был краеугольный камень того демократического движения, которое достигло своего пика при Клодии и было разгромлено при Акции.

Пятое предложение Гая, направленное на упрочение влияния его партии, сводилось к тому, чтобы пересмотреть традиционный порядок голосования, согласно которому первыми в центуриатном собрании голосовали богатые классы; Гай предложил, чтобы всякий раз центурии голосовали в той последовательности, которая определялась бы жребием. Он успокоил сословие всадников тем, что предоставил им исключительное право выступать в качестве судей на процессах, где рассматривались случаи злоупотреблений должностных лиц в провинциях; таким образом, они становились в значительной мере судьями самим себе. Он возбудил их аппетиты, предложив установить десятипроцентный налог, который поручалось собирать им же, на все, что производилось в Малой Азии. Он обогатил подрядчиков и сократил безработицу, добившись принятия программы дорожного строительства во всех уголках Италии. В общем, несмотря на то, что некоторые из его проектов отдавали политическим надувательством, в целом этот пакет законов был, пожалуй, наиболее конструктивным из всех, выдвигавшихся в Риме до Цезаря.

Заручившись поддержкой столь разных сторонников, Гай мог позволить себе переступить через обычай и быть избранным на второй срок, который, следовало ожидать, будет столь же успешным. Возможно, именно в этот момент он стал подумывать о том, чтобы «уплотнить» сенат, добавив к тремстам его членам еще триста всадников, которые были бы избраны народным собранием. Он предложил также распространить полное избирательное право на всех свободнорожденных жителей Лация и частично на оставшихся свободных италийцев. Этот самый дерзкий из его шагов, нацеленных на расширение демократии, был его первой стратегической ошибкой. Избиратели не выказали никакого энтузиазма при мысли, что им придется поделиться своими привилегиями даже с теми, кто мог позволить себе присутствовать на народных собраниях в Риме только в самых редких случаях. Сенат воспользовался предоставившимся шансом. Игнорируемый Гаем и до поры неспособный переломить ход событий, сенат видел в нем не выдающегося трибуна, а заурядного демагога с тираническими наклонностями, стремящегося укрепить свою власть при помощи безрассудного перераспределения государственных средств и собственности. Неожиданно встретив союзника в лице завистливого римского пролетариата и воспользовавшись отсутствием Гая, который в это время был в Карфагене, где основывалась новая колония, сенатская партия внушила другому трибуну, Марку Ливию Друзу, что ему следует привлечь на свою сторону крестьян, получивших недавно земельные участки, посредством отмены налога, который они должны были вносить по законам Гракхов; в то же время ему предлагалось ослабить и умиловить пролетариат, внося законопроект об основании двенадцати новых колоний в Италии, каждая из которых должна была бы состоять из трех тысяч человек. Народное собрание немедленно приняло эти проекты; когда Гай вернулся в Рим, он обнаружил, что его авторитету бросил вызов ставший народным любимцем Друз. Он попробовал баллотироваться на третий срок, но потерпел поражение. Его друзья утверждали, что он непременно был бы избран, не будь результаты голосования фальсифицированы. Он посоветовал своим сторонникам удержаться от насилия и зажил жизнью частного человека.

На следующий год сенат предложил покинуть колонию в Карфагене; все вовлеченные в борьбу стороны расценивали эту меру как первый шаг в кампании по пересмотру Гракхова законодательства. Некоторые из приверженцев Гракха явились в народное собрание вооруженными, и один из них сразил некоего консерватора, грозившего поднять руку на Гая. Наутро сенаторы вышли в полном боевом облачении, и каждого из них сопровождали два вооруженных раба; они напали на популяров (народная партия), заседавших на Авентинском холме. Гай приложил все силы, чтобы предотвратить дальнейшее кровопролитие и успокоить волнения. Потерпев неудачу, он переплыл Тибр; преследуемый врагами, Гай приказал слуге убить его; раб повиновался, а затем закололся сам. Некий доброжелатель отрубил голову Гая, залил ее свинцом и принес в сенат, который постановил отвесить тому равную меру золота⁹. 250 сторонников Гая пали в схватке, еще 3000 были казнены по решению сената. Городская толпа, с которой он пытался когда-то завязать дружбу, не протестовала, когда тело Гая и тела его приверженцев были сброшены в реку; в это время она занималась разграблением его дома¹⁰. Сенат запретил Корнелии носить траур по сыну.

IV. МАРИЙ

Аристократы-трумфаторы посвятили свои тончайшие мыслительные способности тому, чтобы лишить силы скорее конструктивные, чем демагогические элементы законодательства Гая. Они не дерзнули изгнать всадников из судебных коллегий, а подрядчиков и публиканов лишить их охотничьих угодий в Азии; они допустили сохранение хлебного вспомоществования, считая, что оно послужит лучшей гарантией от революции. В закон, который был прежде весьма привлекательным, они включили статью, позволившую покупателям новых наделов продавать их; вскоре тысячи мелких хозяев продали свои участки крупным рабовладельцам и латифундии восстановились в своих прежних размерах. В 118 г. до н.э. земельная комиссия была упразднена. Массы в столице не высказали никаких возражений; они решили, что есть государственный хлеб куда лучше, чем потеть на земле или изнурять себя в требующих основательной разработки колониях. Лениость заодно с предрасудками (ибо земля Карфагена была проклята) способствовали тому, что вплоть до Цезаря не предпринималось попыток хоть как-то смягчить городскую нищету при помощи эмиграции. Происходило накопление богатства, которое, однако, оседало в одних и тех же руках: в 104 г. до н.э., по подсчетам одного из умеренных демократов, только 2000 римлян владели собственностью¹¹. «Положение бедноты,— говорит Алппиан,— стало даже худшим, чем прежде... Плебеи потеряли все... Число граждан и воинов продолжало сокращаться»¹². В легионы приходилось призывать все новых и новых выходцев из италийских государств; но эти люди не особенно рвались в бой и не слишком любили Рим.

Росло число дезертирств, падала дисциплина, и оборонная мощь Республики упала до последнего предела.

Неудивительно, что вскоре она подверглась нападению почти одновременно с севера и юга. В 113 г. до н.э. два германских племени, кимбры и тевтоны, словно намекая Риму на его будущий конец, прокатились по Германии устрашающей лавиной крытых повозок — 300 000 бойцов с женами, детьми и животными. Возможно, за Альпы донеслась весть о том, что Рим полюбил богатство и устал от войны. Переселенцы были высоки, сильны и бесстрашны; они были белокуры, и италийцы передавали, что их дети седые, словно старики. Они встретили римскую армию у Нореи (ныне Ноймаркт, Каринтия) и разгромили ее. Они переправились через Рейн и победили другую римскую армию; они хлынули на запад, затопили Южную Галлию и одолели третью, четвертую и пятую римские армии; при Арависоне (Оранж) 80 000 легионеров и 40 000 обозников остались на поле боя¹³. Вся Италия была открыта для вторжения, и жителей Рима охватил такой ужас, какого они не испытывали со времен Ганнибала.

Почти в то же время разразилась война в Нумидии. После того как Югурта, внук Масиниссы, замучил родного брата и попытался отстранить своих двоюродных братьев от причитающейся им доли царства, сенат объявил ему войну (111 г. до н.э.), намереваясь превратить Нумидию в одну из провинций и открыть ее для римской торговли и капитала. Югурта подкупил некоторых патрициев, чтобы те встали на его защиту и оправдали его преступления перед сенатом, а затем взятками соблазнил посланных против него командиров изображать подобие военных действий, не причиняя при этом Югурте

никакого вреда, или заключать с ним перемирия на удобных для него условиях. Вызванный в Рим, он еще более щедро распорядился своим поистине царским богатством и смог беспрепятственно вернуться в свою столицу¹⁴.

Только один командир, выйдя из этих кампаний, сохранил доверие общества. Гай Марий, родившийся, как и Цицерон, в Арпине, сын поденщика, рано вступил в армию, получил при Нуманции свои первые раны, женился на тетке Цезаря и, несмотря на отсутствие образования и хороших манер (а может быть, и благодаря этому), был избран народным трибуном. Осенью 108 г. до н.э. он вернулся, отслужив в качестве помощника под началом бездарного Квинта Метелла, из Африки и выступил на консульских выборах с обещанием, что, заменив Метелла, доведет до победы югуртинскую войну. Он был избран, принял командование и добился капитуляции Югурты (106 г. до н.э.). Народ не знал тогда, что главным «виновником» этого успеха был отважный юный аристократ Луций Сулла; люди услышат о нем позднее. Марий наслаждался пышным триумфом и настолько полюбился римлянам, что народное собрание, не обращая внимания на умирающую конституцию, год за годом выбирало его консулом (104—100 гг. до н.э.). Деловые классы поддерживали его отчасти потому, что его победы открывали перед ними новые возможности предпринимательства, отчасти потому, что им было совершенно ясно: Марий — единственный, кто способен сдерживать натиск кельтских орд. В дяде Цезаря Рим узнал характерные черты цезаризма: диктатура популярного вождя, поддерживаемого преданной армией, казалась для многих уставших римлян единственным выходом из олигархических злоупотреблений свободой.

После победы при Аравсионе кимбры дали Риму передышку, перейдя через Пиренеи и принявшись опустошать Испанию. Но в 102 г. до н.э. они вернулись в Галлию, еще более многочисленные, чем прежде, и заключили с тевтонами соглашение о том, чтобы совершить одновременное нападение в разных местах на богатые италийские равнины. Для отражения этой опасности, Марий прибег к новой форме военного набора, которая революционизировала сначала армию, а затем государство. Он приветствовал приход на военную службу любого гражданина, была у того собственность или нет; предложил высокое жалованье и обещал отпустить после войны всех желающих, наделив их землей. Сформированная таким образом армия состояла главным образом из городского пролетариата; она была настроена враждебно по отношению к патрицианской Республике; она сражалась не за отечество, но за своего начальника и добычу; этими мерами Марий, вероятно, даже не зная об этом, заложил военный фундамент цезарианской революции. Он был солдатом, а не политиком; у него не было времени на то, чтобы взвешивать отдаленные политические последствия. Он перешел вместе со своими новобранцами через Альпы, укрепил их тела маршами и строевой подготовкой и развил в них отвагу, нападая на противников, которых было легко победить; до тех пор, пока они не были обучены как следует, он не хотел рисковать, вступая в схватку. Тевтоны беспрепятственно прошли мимо римского лагеря, спрашивая легионеров в насмешку, не хотят ли те передать с ними записки для своих жен, с которыми тевтоны собирались развлечься в ближайшее время; о количестве тевтонов можно было судить по тому, что они проходили мимо римского лагеря в течение шести дней. Когда последние колонны захватчиков оставили римское войско позади, Марий приказал напасть на врага

с тыла. В великой битве, произошедшей у Секстиевых Вод (ныне Экс-ан-Прованс), новые легионы уничтожили или пленили около 100 000 человек (102 г. до н.э.). «Говорили,— сообщает Плутарх,— будто жители Марсея делали из костей изгороди для своих виноградников, и будто почва, после того, как сгнили мертвые тела и прошли зимние дожди, стала настолько плодородна благодаря разложившемуся веществу, что на следующий год здесь был собран невиданный урожай»¹⁵. Дав своей армии передышку на несколько месяцев, Марий привел ее обратно в Италию и встретил кимбров при Верцеллах, у По (101 г. до н.э.), на том же самом поле, где Ганнибал выиграл свою первую битву с римлянами. Варвары, чтобы показать свою силу и храбрость, нагишом ходили по снегу, вскарабкивались по оледенелым кручам и через глубокие расселины на вершины гор, откуда скатывались, пользуясь щитом как санями¹⁶. В последовавшей битве они были почти полностью уничтожены.

Марий был встречен в ликующей столице как «второй Камилл», который некогда обратил вспять кельтское нашествие, и «второй Ромул», словно ему принадлежала честь нового основания Рима. Часть трофеев, привезенных им, была пожалована ему в качестве личного вознаграждения; благодаря этому он стал богатым человеком, его поместья были достаточно велики, чтобы «сопоставляться по площади с иными царствами». В 100 г. до н.э. он был избран консулом в шестой раз. Трибуном был тогда Луций Сатурнин, пламенный радикал, поставивший перед собой задачу воплотить устремления Гракхов, если получится, при помощи законов, а нет — при поддержке силы. Он пошел навстречу Марию, внеся проект о награждении колониальными землями ветеранов, участвовавших в минувшей кампании, и Марий не возражал, когда Сатурнин понизил цену распределяемого государством хлеба с 6 1/3 асса (39 центов) до 5/6 асса (5 центов) за модий, или четверть бушеля. Сенат попробовал защитить казну, запретив трибуну выставлять это предложение на голосование, но Сатурнин приступил к нему несмотря ни на что. Обе партии прибегли к насилию. Когда отряды Сатурнина убили Гая Меммия, одного из самых уважаемых аристократов, сенат воспользовался своим последним средством и посредством *senatusconsultum de republica defendenda* поручил Марию, как консулу, подавить восстание.

Марию предстояло сделать самый горький выбор в своей жизни. Казалось, что венец его карьеры, его службы интересам простых людей Рима будет жалок и унизителен: он должен был расправиться с вожаками народа и своими бывшими друзьями. Но и призыв к насилию, прозвучавший из их рядов, не внушал ему доверия; революция, по его мнению, приносила больше вреда, чем пользы. Он вывел против повстанцев войска, позволил забросать Сатурнина камнями, а затем погрузился в мрачное уединение, презираемый и народом, за который боролся, и аристократией, которую спас.

V. ВОССТАНИЕ В ИТАЛИИ

Революция перешла теперь в гражданскую войну. Когда сенат просил восточных царей о помощи против кимбров, вифинский владыка Никомед отвечал, что все мужчины его царства, способные носить оружие, проданы в рабство, чтобы удовлетворить грабительские требования римских сборщиков

налогов. Поставив в этот момент интересы армии превыше всего, сенат объявил, что все мужчины, обращенные в рабство за неуплату налогов, должны быть освобождены. Услышав об этом постановлении, сотни рабов на Сицилии, многие из которых были греками с эллинистического Востока, стали покидать своих хозяев. Собравшись перед дворцом римского претора, они потребовали вернуть им свободу. Их владельцы заявили протест, и претор приостановил действие декрета. Рабы организовались в отряды под руководством религиозного шарлатана Сальвия и напали на город Моргангию. Граждане города заручились поддержкой своих рабов, пообещав им свободу в случае, если атаку удастся отбить. Атака была отбита, но обещание не выполнили. Обманутые рабы примкнули к восставшим. Около того же времени (103 г. до н.э.) приблизительно 6000 рабов в западной части полуострова поднялись на борьбу под началом Афиниона, образованного и решительного человека. Этот отряд побеждал армию за армией, посылаемые против него претором; двинувшись к востоку, он влился в ряды восставших, руководимых Сальвием. Общими усилиями они разбили армию, направленную против них из Италии, но Сальвий погиб в момент победы. Пролит пересекли новые легионы, которыми командовал консул Маний Аквиллий (101 г. до н.э.); Афинион вступил с ним в единоборство и погиб; оставшиеся без вождей рабы были разбиты; тысячи из них пали в бою, тысячи были возвращены к своим хозяевам, сотни посажены на корабли и отправлены в Рим, чтобы сражаться с дикими зверями на играх, устроенных по случаю триумфа Аквиллия. Вместо того чтобы порадовать зрителей схватками, рабы вонзали короткие мечи в грудь друг другу, пока не погибли все до одного.

Через несколько лет после этого Второго восстания рабов, вся Италия взялась за оружие. На протяжении почти двух столетий Рим — небольшое государство, расположенное между Цере и Кумами, между Апенниннами и морем — управлял остальной Италией как покоренным государством. Даже некоторые города, лежавшие неподалеку от Рима, такие, как Тибул и Пренесте, не имели своих представителей в правительстве, которое ими руководило. Сенат, народные собрания, консулы принимали для италийских общин законы и издавали для них декреты с тем же высокомерием, с каким относились к чужеземным и завоеванным провинциям. Материальные ресурсы и человеческие силы этих «союзников» истощались в войнах, главным результатом которых становилось обогащение нескольких римских семейств. Те государства, которые не оставили Рим в его смертельной борьбе с Ганнибалом, получили слишком скудные награды; те, что тем или иным образом поддерживали Ганнибала, были сурово наказаны и перенесли такое рабское унижение, что многие из свободных жителей этих городов присоединялись к восстаниям рабов. Немногим богатым горожанам было даровано римское гражданство; власть Рима везде употреблялась для того, чтобы поддерживать богатых против бедняков. В 126 г. до н.э. народное собрание запретило обитателям италийских городов переселяться в Рим; в 95 г. до н.э. декретом ревнивой столицы из Рима были изгнаны все те, кто имел не римское, а только италийское гражданство.

Один из аристократов заплатил жизнью за то, чтобы исправить это положение. Марк Ливий Друз был сыном того трибуна, который соперничал с Гаем Гракхом; так как его приемный сын стал тестем Августа, эта семья связала начало революции с ее концом. Избранный трибуном в 91 г. до н.э.,

он выдвинул три законопроекта, предлагавшие: 1) разделить новые государственные земли между бедняками; 2) вернуть сенату его исключительное право на составление судебных коллегий, но в то же время ввести в сенат 300 новых членов из всаднического сословия; 3) распространить римское гражданство на всех свободных италийцев. Народное собрание не без удовольствия одобрило первый проект; второй удалось провести через него без осложнений; сенат отверг оба и объявил их бессмысленными. Третий так и не был поставлен на голосование, ибо неизвестный убийца заколол Друза в его же доме.

Обретя надежду благодаря действиям Друза и убедившись при виде его смерти, что ни сенат, ни народное собрание никогда не согласятся миром поделиться своими привилегиями, италийские государства стали готовиться к восстанию. Была учреждена федеративная республика со столицей в Корфинии, властные полномочия были переданы сенату из 500 человек, выбиравшихся ото всех италийских племен, за исключением этрусков и умбров, которые отказались присоединиться. Рим немедленно объявил войну сепаратистам. Все партии внутри столицы объединились для защиты того, что казалось им «союзом»; каждый римлянин с содроганием думал о том, что его ожидает в том случае, если восставшие государства выиграют эту братоубийственную Союзническую войну. Марий вернулся из своего уединения, принял командование, и одерживал победу за победой, в то время как все римские полководцы, кроме Суллы, терпели поражения. За три года боевых действий было убито 300 тысяч человек, и Центральная Италия подверглась опустошению. Когда Этрурия и Умбрия стали колебаться, думая, не поддержать ли им восставших, Рим умиротворил их, пообещав умбрам и этрускам полные права римского гражданства, а в 90 г. до н.э. римское избирательное право было гарантировано всем свободным жителям и вольноотпущенникам Италии, которые присягнут на верность Риму. Эти запоздалые уступки ослабили союзников; один город за другим предпочитал сложить оружие; в 89 г. до н.э. эта жесточайшая и дорогая война закончилась скорбным миром. Римляне свели на нет избирательные права, которые были предоставлены ими новым гражданам, занесенным в списки десяти новых триб, тем, что новые трибы принимали участие в голосовании лишь после того, как свои голоса уже подали тридцать пять старых триб; иными словами, голоса новых триб, как правило, ничего не решали. Кроме того, лишь немногие из новых граждан имели физическую возможность посещать народные собрания в Риме. Обманутые и отчаявшиеся общины дожидались благоприятного случая. Сорок лет спустя они приветливо открыли свои ворота Цезарю, который сделает их полноправными гражданами демократии, но последняя к тому часу будет уже мертва.

VI. СУЛЛА СЧАСТЛИВЫЙ

По истечении нескольких лет мира война италийцев с италийцами возобновилась с прежней силой, лишь поменяв название с Союзнической на Гражданскую и переместившись из италийских городков в Рим. Луций Корнелий Сулла был в 88 г. до н.э. избран одним из консулов и принял под свое начало армию, отправляющуюся в поход против Митридата Понтийского. Сульпиций Руф, народный трибун, не хотевший, чтобы столь

внушительная сила оказалась в распоряжении такого консерватора, как Сулла, убедил народное собрание передать командование Марию, которого, хотя он несколько обрюзг и достиг шестидесятидевятилетнего возраста, респирало от полководческих амбиций. Сулла отказался упускать свой долгожданный шанс стать вождем государства из-за того, что казалось ему капризом народного собрания, зачарованного речами демагога и подкупленного (он был в этом уверен) торговцами, которым был по душе Марий. Он бежал в Нолу, заручился поддержкой армии и повел ее на Рим.

Происхождение, задатки и судьба Суллы были единственными в своем роде. Родившись в бедности, он стал защитником аристократии, в то время как аристократические Гракхи, Друзы и Цезарь стали вождями бедняков. Он отомстил судьбе за то, что из-за нее он появился на свет патрицием без гроша за душой; стоило ему заполучить деньги, он заставлял их служить своим вождениям, не терпя сомнений и ограничений. Его внешность не производила на людей благоприятного впечатления: ярко-голубые глаза горели на усеянном отвратительными огненно-красными прыщами бледном лице, напоминавшем «тутовую ягоду, посыпанную мукой»¹⁷. Его образованность была в противоречии с его внешностью. Он был превосходным знатоком как греческой, так и римской литературы, выдающимся и разборчивым собирателем произведений искусства (обычно он приобретал новые экспонаты при помощи войны), доставил из Афин в Рим труды Аристотеля, оказавшиеся лишь частью захваченной там добычи, и в промежутках между войнами и революцией находил время писать мемуары, направленные на то, чтобы ввести в заблуждение потомков. Он был веселым товарищем и щедрым другом, страстно любившим вино, женщин, битвы и песни. «Он жил чрезвычайно расточительно,—говорит Саллюстий,—однако удовольствия никогда не препятствовали ему исполнять свои обязанности, разве что его поведение как супруга могло быть и более почтенным»¹⁸. Он быстро проложил себе дорогу, прежде всего благодаря отличной службе в армии—среде, в которой он чувствовал себя лучше всего. Он относился к солдатам как к товарищам, разделял их труды, шел рядом с ними, вместе с ними подвергал свою жизнь опасностям; «он стремился лишь к одному—чтобы никто не смог превзойти его умом или храбростью»¹⁹. Он не верил в богов, но был суверен. Во всех остальных отношениях он был самым большим реалистом, как и самым безжалостным из римлян. Его воображение и его чувства всегда находились под контролем его разума. О нем было сказано, что он — наполовину лев и наполовину лис, и что лис в нем гораздо опаснее льва²⁰. Проведя полжизни на полях сражений, посвятив свое последнее десятилетие гражданской войне, он все-таки сохранял прекрасное чувство юмора до самого конца, приправлял свои свирепые выходки изящными эпиграммами, наполнил Рим своим смехом, нажил сотни тысяч врагов, добился всего, чего хотел, и умер в своей постели.

Представляется, что человек такого склада должен состоять из химической смеси именно тех доблестей и пороков, которые были необходимы для того, чтобы дома подавить революцию, а за границей — Митридата. Его 35 тысяч вымуштрованных бойцов без труда справились с пестрыми когортами, которые Марий набрал на скорую руку в Риме. Видя безнадежность ситуации, Марий бежал в Африку. Сулпиций был убит, преданный

своим слугой; Сулла потребовал прикрепить голову трибуна к ростре, которая еще совсем недавно оглашалась его речами. Он награждал раба свободой за услугу и смертью за предательство. Пока его солдаты доминировали на Форуме, он постановил, что ни один законопроект не может быть вынесен на обсуждение народного собрания, если его предварительно не одобрит сенат, и что порядок голосования должен следовать «сервиевым установлениям», которые давали превосходство и преимущество высшим классам. Он выбрал сам себя проконсулом, позволил Гнею Октавию и Корнелию Цинне стать консулами (87 г. до н.э.), а затем отправился в поход против Митридата Великого.

Не успел он покинуть Италию, как борьба между плебейской партией популяров (*populares*) и патрицианской и всаднической партией оптиматов (*optimates*) вспыхнула вновь. Консервативные сторонники Октавия схватились на Форуме с радикалами, стоявшими за Цинну, и в один день погибло 10 тысяч человек. Октавий победил, а Цинна бежал, чтобы готовить восстание в соседних городах. Марий, скрывавшийся всю зиму, вновь прибыл в Италию, провозгласил освобождение рабов и во главе шеститысячного войска выступил сразиться в Риме с Октавием. Восставшие победили, уничтожили тысячи своих противников и украсили ростры головами казненных сенаторов; они прошли парадом по улицам, неся на пиках отрубленные головы аристократов, откуда и пошел этот славный революционный обычай. Октавий принял смерть спокойно: убийцы застали его в подобающем одеянии восседающим в трибунском кресле. Резня продолжалась пять дней и ночей, террор повстанцев не ослабевал на протяжении года. Революционный трибунал вызывал патрициев на свои заседания, приговаривал их к смерти, если они оказывались противниками Мария, и конфисковывал их имущество. Стоило Марию кивнуть, и этого было достаточно, чтобы отправить на смерть любого, причем приговор приводился в исполнение на месте. Были убиты все друзья Суллы; его имущество было захвачено; он был отстранен от командования армией и объявлен врагом общества. Мертвым отказывали в погребении, и трупы лежали прямо на улицах, пожираемые птицами и собаками. Освобожденные рабы грабили, насиловали и убивали всех без разбора. Чтобы навести порядок, Цинна собрал 4000 бывших рабов в одном месте, окружил их галльскими солдатами и приказал засечь до смерти²¹.

Цинна был избран теперь консулом на второй срок, а Марий стал консулом в седьмой раз (86 г. до н.э.). В первый месяц своего нового консульства Марий умирает в возрасте семидесяти одного года, устав от тягот и насилия. Валерий Флакк, избранный на его место, провел законопроект, согласно которому кассировались три четверти всех долгов, после чего отбыл вместе с двенадцатитысячной армией на Восток, намереваясь отстранить Суллу от командования. Наслаждаясь единоличной властью над Римом, Цинна превратил республику в диктатуру, назначал угодных ему кандидатов на главные выборные должности и сам себя избирал консулом четыре года подряд.

Когда Флакк покинул Италию, Сулла осаждал Афины, поддерживавшие мятеж Митридата. Не получая от сената никаких средств на выплату жалования солдатам, он финансировал свою кампанию, разграбляя храмы и сокровищницы Олимпии, Эпидавра и Дельфов. В марте 86 г. до н.э. его сол-

даты проломили проход в афинских стенах, ворвались внутрь и принялись мстить защитникам города за то, что те опоздали поприветствовать римскую армию. Наступил разгул насилия и разбоя. Плутарх писал, что «(римляне) убивали без счета... кровь текла по улицам и кровавые потоки достигали пригородов»²². В конце концов Сулла приказал прекратить резню, великодушно заметив, «что он прощает живых ради мертвых». Он повел свои отдохнувшие войска на север, разбил большую армию при Херонее и Орхомене, преследовал остатки отрядов противника до Геллеспонта, переправился вслед за ними в Азию и приготовился встретиться с главными силами понтийского царя. Но в это время Флакк со своими легионами также высадился в Азии, и Сулле вновь было указано, что он должен сложить с себя командование. Он убедил Флакка позволить ему завершить кампанию; вслед за этим Флакк был убит своим помощником Фимбрией, который провозгласил себя командующим над всеми римскими армиями и двинулся в северном направлении против Суллы. Столкнувшись с подобной глупостью, Сулла заключил с Митридатом мир (85 г. до н.э.), по которому царь должен был вернуть все завоеванные им во время войны территории, передать Риму восемьдесят галер и выплатить контрибуцию в 2000 талантов. Затем Сулла обратил своих воинов на юг и встретил Фимбрию в Лидии. Воины Фимбрии перешли на сторону Суллы, и Фимбрия покончил с собой. Став теперь владыкой греческого Востока, Сулла собрал 20 тысяч талантов в качестве контрибуций и накопившихся налогов с мятежных городов Ионии. Он переправился с армией в Грецию, прошел с ней к Патрам и достиг Брундизия в 83 г. до н.э. Цинна попытался остановить его, но был убит своими солдатами.

Сулла внес в казну 15 тысяч фунтов золота и 115 тысяч фунтов серебра в дополнение к тем деньгам и произведениям искусства, за которые он намеревался отчитаться лично. Но демократические лидеры, все еще обладавшие значительной властью в Риме, продолжали горячо поносить его как врага общества и называли его договор с Митридатом национальным унижением. Без особенной охоты Сулла подвел свое сорокатысячное войско к городским воротам. Многие аристократы оставили город, чтобы присоединиться к нему; один из них, Гней Помпей, привел за собой целый легион, набранный целиком среди друзей и клиентов своего отца. Сын Мария вышел из города во главе армии, чтобы сразиться с Суллой, был побежден и бежал в Пренесте, после того как им были отправлены указания претору, представлявшему партию популяров, предать смерти всех патрициев, еще остававшихся в городе. Претор собрал сенат, и указанные люди были убиты прямо на своих местах или при попытке к бегству. После этого демократические силы эвакуировались из Рима, и Сулла вошел в город, не встретив никакого сопротивления. Однако тем временем стотысячная самнитская армия, горевшая желанием отомстить Риму за поражение в Союзнической войне, подошла с юга и соединилась с остатками демократов. Сулла отправился встретить эти силы с оружием в руках, и при Коллинских воротах его пятидесятитысячный отряд одержал одну из самых кровавых побед в античности. Сулла приказал расстрелять 8 тысяч пленников из луков, объясняя свой приказ тем, что живыми они могут доставить больше неприятностей, чем мертвыми. Отрубленные головы захваченных полководцев были подняты на копья и выставлены у стен Пренесте, где

выдерживала осаду последняя армия демократов. Город пал, молодой Марий совершил самоубийство, и его голову показывали на Форуме — данная процедура в силу частых прецедентов приобрела статус параграфа конституции.

Сулла не стал затруднять себя и уговаривать сенат назначить его диктатором. Не долго думая, он издал проскрипционный список, в котором значились имена сорока сенаторов, приговоренных к смерти, а также имена 2600 всадников, которым была уготована та же участь; последние поддерживали Мария в борьбе против него и занимались скупкой распродававшихся по дешевке имуществ тех сенаторов, которые были казнены во время устроенного радикалами террора. Он предложил награды доносчикам и суммы, достигавшие 12 тысяч денариев (7200 долларов), тем, кто доставит к нему проскрибированного живым или мертвым. Форум вновь был по-праздничному украшен головами убитых и время от времени на нем вывешивались новые проскрипционные списки, которые гражданам приходилось читать регулярно, если им было интересно узнать, имеют ли они еще право оставаться в живых. Убийства, ссылки и конфискации наполнили страхом всю страну — от Рима до отдаленных провинций — и сковали руки итальяским повстанцам и последователям Мария, где бы они ни находились. Около 4700 человек погибли в дни этого аристократического террора. «Мужей закалывали прямо в объятиях жен, — говорит Плутарх, — сыновей — на руках матерей». Многие из тех, кто сохранял прежде нейтралитет или даже придерживался консервативных убеждений, были проскрибированы, изгнаны или убиты; Сулла, говорили шепотом современники, нуждался в их деньгах, чтобы выдать жалованье солдатам, удовлетворить свои вожделения и одарить друзей. Конфискованное имущество продавалось тем, кто был готов заплатить за него больше других, или фаворитам Суллы. Оно легло в основу множества будущих состояний, таких, как состояния Красса или Катилины.

Воспользовавшись своими диктаторскими полномочиями, Сулла выпустил несколько эдиктов, известных под его родовым именем как Корнелиевы законы, посредством которых он надеялся навеки закрепить аристократическое государственное устройство. Чтобы заменить погибших граждан, он наделил избирательными правами многих испанцев и кельтов и некоторых из бывших рабов. Он ослабил народные собрания, введя в их состав новых членов, которые были его должниками, и подтвердив свое давнее постановление, что ни один законопроект не может быть вынесен на рассмотрение народного собрания, прежде чем он будет согласован с сенатом. Чтобы восстановить приток в Рим итальянских бедняков, он сократил государственные раздачи зерна. В то же время он несколько уменьшил плотность населения в городе, распределив земельные участки среди 120 тысяч ветеранов. Чтобы предотвратить использование должностных полномочий консулов, избираемых несколько раз подряд, для упрочения их личной диктатуры, он восстановил старинное требование, согласно которому между занятием одного и того же поста одним лицом должно пройти не менее десяти лет. Он нанес удар по престижу народных трибунов, ограничив возможность применения ими права вето и постановив, что бывшие трибуны не могут быть избраны на другой, более высокий пост. Он лишил всадников исключительного права на вхождение в судейские коллегии высшего

разряда и возвратил эти права сенату; он заменил сбор налогов публиканами на прямые взносы провинций в государственную казну. Он реорганизовал суды, увеличил их число для ускоренного ведения процессов и дотошно распределил между ними их функции и сферы деятельности. Все законодательные, юридические, исполнительные, общественные и «портняжные» привилегии были возвращены сенату в том объеме, в каком тот обладал ими до Гракховой революции, ибо Сулла твердо верил в то, что только монархия или аристократия способны обеспечить мудрое управление Империей. Чтобы восстановить полную численность сената, он позволил трибунному собранию выдвинуть в его ряды 300 всадников. Чтобы продемонстрировать, сколь сильно он убежден в устойчивости полностью реставрированного режима, Сулла распустил свои легионы и постановил, что ни одна армия не должна допускаться на территорию Италии. После двух лет диктатуры он сложил все свои полномочия, восстановил консулат и удалился на покой (80 г. до н.э.).

Он пребывал в безопасности, так как прежде им были убиты почти все, кто мог бы замышлять его убийство теперь. Он распустил ликторов и телохранителей, прогуливался живой и невредимый по Форуму и заявлял, что готов дать отчет в своих действиях любому гражданину, который об этом попросит. Затем он отправился доживать свой век на свою виллу в Кумах. Устав от войны, силы и славы, может быть, устав от людей, он окружил себя певцами, танцорами, актерами и актрисами; он писал свои «Воспоминания» (*Commentarii*), охотился и ловил рыбу, ел и пил. Еще долго после его смерти люди называли его Суллой Феликсом — Суллой Счастливым, ведь он побеждал во всех битвах, извещал все удовольствия, достиг величайшей власти и жил без страха и сожалений. Он пять раз был женат, развелся с четырьмя женами и восполнял их недостатки при помощи любовниц. В возрасте пятидесяти восьми лет у него развилась язва ободочной кишки, настолько жестокая, что, по словам Плутарха, «гниющее мясо породило вшей. Множество прислужников днем и ночью занимались их уничтожением, но их число все увеличивалось, так что не только его одежда, купальни и бассейны, но и сама пища была запачкана ими»²³. Он скончался от кишечного кровотечения, проведя вдали от дел менее года (78 г. до н.э.). Он не преминул лично продиктовать свою эпитафию: «Нет такого друга, что послужил мне, и врага, что причинил мне вред, которым я не отплатил бы сполна»²⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Mommsen, *History*, III, 306.

² Ливий, XLI, 28; XLV, 34.

³ Там же, XXXIX, 29.

⁴ Heitland, W., *Agricola*, 161; Ward, I, 121.

⁵ Дион Кассий, XXXIV, фрагмент II, 23; Ливий, Эпитама книги XC.

⁶ Плутарх. *Тибериус Гракс*.

⁷ Там же.

⁸ Аппиан. *Гражданские войны*, I, 1.

- ⁹ Плиний, XXXIII, 14.
¹⁰ Алпиан. *Гражданские войны*, I, 3.
¹¹ Юлий Филипп у Цицерона. *Об обязанностях*, II, 21.
¹² Алпиан. *Гражданские войны*, I, 4.
¹³ Плутарх. *Марий*.
¹⁴ Саллюстий. *Югуртинская война*, XIII, XX–XXVIII.
¹⁵ Плутарх, ук. место.
¹⁶ Там же.
¹⁷ Плутарх. *Сулла*.
¹⁸ Саллюстий, XCV.
¹⁹ Там же, XCVI.
²⁰ Mommsen, IV, 142.
²¹ Алпиан. *Гражданские войны*, I, 8.
²² Плутарх, ук. место.
²³ Там же.
²⁴ Там же.

Олигархическая реакция

77—60 гг. до н.э.

I. ПРАВИТЕЛЬСТВО

КАК БЫ ТО НИ БЫЛО, но Сулла, проявив несвойственное ему великодушные, допустил две ошибки. Он пощадил сына и племянника своих врагов, беспутного и блестящего Гая Юлия Цезаря, которому было за двадцать в годы, когда вовсю свирепствовали проскрипции. Сулла приговорил его к смерти, но позволил ему уйти, побежденный уговорами их общих друзей. Однако чутье не подвело его, когда он заметил: «Этот молодой человек стоит многих Мариев»¹. И может быть, он ошибся, слишком рано удалившись от дел и вызвав своими неумеренными развлечениями безвременную смерть. Если бы его терпение и проницательность были равны его беспощадности и отваге, он мог бы спасти Рим от пятидесяти лет хаоса и дать ему в 80 г. до н.э. мир и безопасность, которые придется отвоевывать Августу в битве при Акции. Он восстановил старое, тогда как ему следовало создать новое.

Не прошло и десяти лет со дня его смерти, как все труды пошли прахом. Расслабившись в объятиях победы, патриции пренебрегли задачами управления, бросившись искать богатства в коммерции и тратить его на дорогие удовольствия. Борьба между популярями и оптиматами продолжалась с ожесточением, которое до времени ожидало подходящего повода, чтобы перейти к открытому насилию. **О п т и м а т ы**, или «лучшие люди», сделали *nobilitas* (знатность) своим символом веры; но не в том смысле, в котором говорится *poblesse oblige* («положение обязывает»), а исходя из убеждения, что главные магистратуры для обеспечения хорошего управления должны замещаться людьми, предки которых уже занимали высокие должности в прошлом. Всякого, кто вступал в предвыборную борьбу, не имея за своими плечами таких предшественников, презрительно именовали *novus homo* — «новый человек», или выскочка; к их числу относились и Марий и Цицерон. **П о п у л я р ы** требовали, чтобы «карьера была открыта для таланта», чтобы вся власть была передана народным собраниям, а ветераны и бедняки получили новые земельные наделы. Ни те, ни другие не верили в демократию; обе партии связывали свои надежды с диктатурой, и обе практиковали запугивание или подкуп без зазрения совести и совершенно открыто. **К о л л е г и и** (*collegia*), которые были некогда обществами взаимопомощи, превратились в агентства по продаже крупных партий плебейских голосов. Занятие покупкой голосов достигло такого уровня, что в него потребовалось внести разделение труда. Так, существовали *divisores*, покупавшие голоса, *interpretes*, или посредники, и *sequestres*, которые придерживали деньги до тех пор, пока не становились известными результаты голосования². Цицерон описывает, как кандидаты с кошельками в руке снуют среди избирателей на Марсовом поле³. Помпей

сделал своего не блещущего способностями друга Афрания консулом, пригласив вождей триб в свои сады и там заплатив им за нужное поведение на выборах⁴. Для того, чтобы финансировать кандидатов, занималось так много денег, что избирательные кампании подняли процентную ставку до восьми процентов в месяц⁵.

Суды, которыми теперь завладели сенаторы, состязались в коррумпированности с избирательными пунктами. Клятвы утратили как свидетельства всякую ценность; лжесвидетельство стало таким же обычным явлением, как и взяточничество. Марк Мессала, обвиненный в подкупе избирателей в ходе выборов в консулы (53 г. до н.э.), был единогласно оправдан, хотя даже его друзья признавали, что он виновен⁶. «Судебные разбирательства ведутся теперь с такой продажностью,— писал Цицерон своему сыну,— что в будущем, наверно, будут осуждать только за убийство»⁷. Ему следовало сказать «людей со средствами»; ибо без хорошего законника и без денег, говорил другой адвокат, живший в эту эпоху, «простодушный и бедный человек может быть обвинен в любом преступлении, которого он не совершал, и непременно будет осужден»⁸. Лентул Сура, оправданный с перевесом в два голоса, оплакивал свои чрезмерные расходы, так как ему пришлось подкупать на одного судью больше, чем было необходимо⁹. Когда Квинт Клавдий, претор, был приговорен судебной коллегией сенаторов, он подсчитал, что «по справедливости они не могли запросить менее 300 тысяч сестерциев за то, чтобы осудить претора»¹⁰. Под сенью таких судов проконсулы-сенаторы, сборщики налогов, ростовщики и коммерческие агенты имели возможность выдаивать из провинций столько, что их предшественников наверняка изгрызла бы зависть. Было несколько порядочных и компетентных наместников — управителей провинций, но что можно было ждать от большинства? Наместники служили без жалования, обычно на протяжении года; за это короткое время они должны были накопить достаточно средств, чтобы рассчитаться с долгами, купить другую должность и добиться для себя такой жизни, которая приличествовала бы великому римлянину. Единственной преградой на их пути мог оказаться сенат; но можно было положиться на то, что сенаторы как истинные джентльмены не станут поднимать шум, потому что многие из них имели за собой в прошлом те же самые грехи, а остальные надеялись, что им удастся совершить их в будущем. Когда Цезарь прибыл в качестве проконсула в Дальнюю Испанию в 61 г. до н.э., он должен был 7 500 000 долларов; по возвращении в 60 г. до н.э. он расплатился со всеми кредиторами одним махом. Цицерон считал себя щепетильно честным человеком; за год своего губернаторства в Киликии он сделал только 110 тысяч долларов, и его письма полны восторгов по поводу собственной умеренности.

Военачальники — покорители провинций были первыми, кто наживался за их счет. Лукулл после своих восточных походов стал человеком, чье имя ассоциировалось с роскошью. Помпей привез из тех же мест 11 200 000 долларов, внесенных им в казну, и помимо этих денег у него осталось еще 21 000 000 долларов для себя и своих друзей; Цезарь овладел буквально бесчисленными миллионами во время галльской кампании. За полководцами приходили публиканы, собирающие с народа суммы вдвое большие, чем отправлялись в Рим. Если провинция или город не могли собрать со своих подданных запрошенную сумму, римские финансисты или государственные деятели

ссужали им необходимые средства под проценты от двадцати до сорока восьми годовых, которые предстояло в случае необходимости собирать уже римской армии — осадой, захватами, грабежом. Сенат запретил своим членам принимать участие в таких операциях, но надменные аристократы, каким был Помпей, и святые, каким был Брут, обходили этот закон, действуя через посредников. В некоторые годы азиатские провинции выплачивали римлянам вдвое больше процентов по займам, чем публиканам, собиравшим налоги в казну¹¹. Оплаченные и неоплаченные проценты по займам, сделанным городами Малой Азии для удовлетворения притязаний Суллы в 84 г. до н.э., разбухли так, что к 70 г. до н.э. они вшестеро превышали первоначальную сумму. Чтобы выполнить обязательства по этому долгу, общины распродавали свои публичные строения и статуи, а родители продавали в рабство детей; иначе несостоятельных должников ожидало наказание — дыба¹². Если благосостояние покоренной страны было подорвано еще не окончательно, ее наводняли толпы предпринимателей из Италии, Сирии, Греции, размахивая сенатскими подрядами на «разработку» минеральных, лесных и прочих ресурсов провинции: торговля следовала за победным стягом. Некоторые из них покупали рабов, другие продавали или покупали товары, третьи приобретали землю и обустраивали провинциальные латифундии, превосходившие размерами итальянские. «Ни один галл, — говорил Цицерон в 69 г. до н.э. с присущим ему гиперболизмом, — не может довести до конца ни одно дело, чтобы в нем не участвовал какой-нибудь римский гражданин; даже медная монета не может перейти там из рук в руки, миновав учетные книги римлян».

В древности не было дотоле столь богатого, столь могущественного и столь коррумпированного политического режима.

II. МИЛЛИОНЕРЫ

Деловые классы смирились с главенством сената, потому что лучше были патрициев приготовлены к эксплуатации провинций. Это «согласие сословий», или сотрудничество двух высших классов, которое проповедовал как идеал Цицерон, существовало в действительности еще в годы его молодости; они согласились покорять мир сообща. Всадники и их агрессивные представители толпились в базиликах и на улицах Рима, роились на рынках и в столицах провинций. Банкиры выпускали обменные грамоты, действительные для их провинциальных филиалов¹³, и подпитывали займами всевозможные предприятия, в том числе и политические карьеры. Купцы и финансисты поддерживали своим влиянием популяров, когда сенат проявлял эгоизм, и возвращались к оптиматам, когда демократические вожди пробовали сдерживать свои предвыборные обещания пролетариату.

Красс, Аттик и Лукулл — типичные представители трех стадий в развитии римского капитала, каковыми были накопление, спекуляция, роскошь. Марк Лициний Красс происходил из аристократического семейства. Его отец, знаменитый оратор, консул и цензор, сражался на стороне Суллы и предпочел умереть, чем сдать Марию. Сулла вознаграждал сына тем, что позволил ему покупать по минимальным ценам имущество проскрибированных. В юности Марк изучал литературу и философию и усидчиво штудировал юриспруденцию; но теперь он почувствовал запах денег и был им отравлен. Он организо-

вал пожарную команду, что для Рима было новостью. Она приезжала на пожар, продавала свои услуги на месте или покупала находящиеся в опасности здания по бросовым ценам, а затем приступала к тушению. Таким способом Красс приобрел сотни особняков и доходных домов, которые сдавал внаем за большие деньги. Он купил государственные рудники, когда Сулла решил их денационализировать. Вскоре он умножил свое состояние с 7 000 000 до 170 000 000 сестерциев (25 500 000 долларов) — сумма, сопоставимая с ежегодным доходом государственной казны. Никто не может считать себя богачом, говорил Красс, пока он не в состоянии набрать, снарядить и содержать собственную армию¹⁴; ему было суждено стать жертвой своего собственного определения. Превратившись в богатейшего человека Рима, он все еще не был счастлив; он испытывал непреодолимый зуд занять какую-нибудь государственную должность, управлять провинцией, возглавить азиатскую военную кампанию. Прямо на улицах он униженно просил поддержать его кандидатуру, помнил наизусть имена бесчисленных граждан, жил в показной скромности и, чтобы привязать влиятельных политиков к своей звезде, ссужал им деньги, не спрашивая процентов, но заручаясь их обещанием вернуть долг по первому требованию. Со всеми своими страстями и амбициями, он оставался добрым человеком, доступным для каждого, беспредельно щедрым к своим друзьям, и поддерживал деньгами обе противоборствующие партии с той оборотистой мудростью, которая часто является характерной чертой людей подобного склада. Ему удалось воплотить все свои мечты: он становился консулом дважды — в 70 и 55 гг. до н.э., управлял Сирией и помог собрать огромную армию, которую повел против Парфии. Он потерпел поражение при Каррах, коварно был схвачен в плен и зверски убит (53 г. до н.э.); победитель отрубил ему голову и залил глотку расплавленным золотом.

Тит Помпоний Аттик, хотя и происходил из всаднического рода, был более аристократичен, чем Красс, и олицетворял более возвышенный тип миллионера: он был так же честен, как Майер Ашель из клана Ротшильдов, столь же учен, как Лоренцо Медичи, столь же хитроумен в своих финансовых операциях, как Вольтер. Впервые мы узнаем о нем как о молодом человеке, обучающемся в Афинах, где его общество, а также превосходное чтение греческих и латинских поэтов настолько очаровали Суллу, что запятнанный кровью с ног до головы полководец пытался (безуспешно) уговорить Аттика последовать с ним в качестве личного собеседника в Рим. Он был ученым и историком, написал очерк всемирной истории¹⁵, вращался большую часть жизни в философских кругах Афин и заслужил свой когномен благодаря аттической эрудиции и филантропии. Отец и дядя оставили ему в наследство около 960 000 долларов; он вложил их в большую эфирскую усадьбу, специализировавшуюся на разведении скота, покупал и продавал в аренду дома в Риме, обучал гладиаторов и секретарей и давал их напрокат желающим, издавал книги. Когда у него появлялись свободные деньги, он ссужал их под выгодные проценты; однако Афинам и друзьям он одалживал деньги без процентов¹⁶. Такие люди, как Цицерон, Гортензий и младший Катон, доверяли ему свои сбережения и ведение дел, уважая его осторожность, чистоплотность и приносимые им дивиденды. Цицерон с радостью пользовался советами Аттика не только при покупке дома, но и когда приходила пора украсить его статуями или пополнить библиотеку. Аттик был весьма бережлив, устраивая приемы, и жил с умеренностью истинного эпикурейца; однако гениальное

умение быть другом и утонченная беседа превратили его римский дом в салон, куда были вхожи все политические знаменитости. Он поддерживал деньгами все партии, и его не коснулись ни одни проскрипции. В возрасте семидесяти семи лет, поняв, что болен мучительным и неизлечимым недугом, он отказался принимать пищу и умер.

Луций Лициний Лукулл, из знатной патрицианской семьи, отправился в 74 г. до н.э. довершить начатое Суллой — разгромить Митридата. В течение восьми лет он отважно и искусно руководил доверенной ему небольшой армией; затем, когда его поход был близок к успешному завершению, усталые солдаты подняли мятеж, и он возглавил отступление из Армении в Ионию, преодолев по пути столь же грозные опасности, как те, что обесмертили имя Ксенофонта. Отстраненный от командования в результате политических интриг, он вернулся в Рим и благодаря своему наследству и добыче провел остаток дней в покойном, но броском великолепии. Он построил на Пинциевом холме дворец с просторными залами, крытыми галереями, библиотеками и садами, его тускуланское поместье простиралось на многие мили; он купил виллу в Мизене за 10 000 000 сестерциев (1 500 000 долларов); наконец, он превратил целый остров — Низиду — в личный курорт. Его многочисленные сады славились садоводческими новшествами; так, например, именно он привез из Понта в Италию вишневое дерево, откуда оно затем распространилось на север Европы и попало в Америку. Его обеды становились кулинарными событиями римского календаря. Цицерон попытался однажды выяснить, что же ест Лукулл, когда обедает в одиночку; он попросил Лукулла пригласить его и еще нескольких друзей на следующую вечернюю трапезу, но так, чтобы об этом не стало известно Лукулловым слугам. Лукулл согласился, однако настоял на том, чтобы ему было позволено известить прислугу, что вечером будут обедать в «Аполлоне». Когда Цицерон и остальные участники вечеринки явились, они обнаружили, что попали на изысканнейшее пиршество. В своем городском дворце Лукулл располагал несколькими гостиницами, каждая из которых соответствовала разному трапезы. «Аполлон» был предназначен для пиров стоимостью 200 000 сестерциев и выше¹⁷. Но Лукулл не был гурманом. Его дома представляли собой галереи тщательно отобранных произведений искусства; его библиотеки были прибежищем ученых и друзей; сам он превосходно знал обе классические литературы и все философские системы, отдавая, разумеется, предпочтение философии Эпикура. Он с улыбкой взирал на напряженную жизнь Помпея; одной военной кампании, представлялось ему, вполне достаточно для одной жизни. Все остальное — не более чем тщеславие.

Богачи Рима стремились следовать его образцу, но были лишены его вкуса. Вскоре патриции и толстосумы принялись состязаться в показательной роскоши, в то время как в обанкротившихся провинциях назревали мятежи, а горожане пухли от голода в трупобах. Сенаторы до полудня валялись в постелях и редко посещали заседания сената. Некоторые из их сыновей, разряженные и развязные, как куртизанки, носили платья с оборками и женские сандалии, украшали себя драгоценностями, окропляли себя благовониями, уклонялись от вступления в брак и не стремились к отцовству, подражая бисексуальной беспристрастности греков. Дома сенаторов стоили до 10 000 000 сестерциев; Клодий, вождь плебса, выстроил особняк стоимостью в 14 800 000 сестерциев. Юристы, такие, как Цицерон и Гортензий, несмотря на Цинциев закон, запрещавший брать вознаграждение за услуги адвоката, соревновались

не только в красноречии, но и в убранстве своих дворцов. В садах Гортензия имелась крупнейшая в Италии зоологическая коллекция. Люди, в той или иной мере не равнодушные к требованиям престижа, обязательно должны были иметь виллу в Байях или неподалеку от них; в этих же кругах был провозглашен мораторий на моногамность. Другие виллы вырастали на холмах за пределами Рима; богачи владели несколькими загородными домами, переезжая с места на место сообразно времени года. На убранство интерьера тратились состояния. Цицерон заплатил 500 тысяч сестерциев за стол, сделанный из цитрусового дерева. Стол из кипарисового дерева мог стоить миллион сестерциев. Даже Катон Младший, столп всех стоических добродетелей, по некоторым сведениям, потратил 800 тысяч сестерциев на несколько вавилонских скатертей¹⁸.

Огромные отряды специально обученных рабов составляли штат прислуги в этих дворцах — камердинеры, почтальоны, ответственные за освещение, музыканты, секретари, врачи, философы, повара. Еда стала теперь главным занятием римского высшего класса; здесь, как в этике Метродора, «все блага имели отношение к животу». На пиршестве, устроенном в 63 г. до н.э. неким важным священнослужителем, на котором присутствовала такая нелепая компания, как весталки и Цезарь, закуски состояли из мидий, позвонков, дроздов с аспарагами, жирной домашней птицы, устриц, морской травы, ребер косули, пурпуровых ракушек, певчих птиц. Затем подали обед: вымя свиноматки, кабанью голову, рыбу, утку, зайчатину, дичь, паштеты, сладости¹⁹. Деликатесы доставлялись из всех уголков Империи и из-за ее пределов: павлины с Самоса, куропатки из Фригии, журавли из Ионии, тунец из Халкедона, осетры с Родоса, мурены из Гадеса, устрицы из Тарента. Пища, произведенная в Италии, считалась несколько вульгарной, приличествующей одним плебеям. Актер Эсоп устроил обед, на котором певчих птиц было поглощено на 5000 долларов²⁰. Законы, ограничивающие расходы, по-прежнему запрещали слишком дорогостоящие трапезы и по-прежнему игнорировались. Цицерон попробовал жить согласно с ними, питался дозволенными законом овощами, а потом десять дней промучился поносом²¹⁻²².

Часть новоприобретенных богатств тратилась на расширение театров и устройство более пышных, чем прежде, игр. В 58 г. до н.э. Эмилий Скавр построил театр на 8 тысяч мест, с 360 колоннами, 3000 статуй, трехэтажной сценой и тремя колоннадами — одна из дерева, другая из мрамора, а третья из стекла; его рабы, взбунтовавшись ввиду непосильного труда, которым он их изнурял, сожгли театр вскоре после того, как он был построен, принеся хозяину убыток в 100 000 000 сестерциев²³. В 55 г. до н.э. Помпей изыскал средства на строительство первого в Риме каменного театра — на 17 500 зрительских мест, с просторным, крытым парком, где публика могла прогуливаться во время антракта. В 53 г. до н.э. Скрибоний Курион, один из служивших под началом Цезаря командиров, возвел два деревянных театра, каждый из которых представлял собой полукруг, а оба они были повернуты друг к другу тыльными сторонами. По утрам на обеих сценах ставились пьесы; затем, в то время, как зрители оставались сидеть на своих местах, обе конструкции начинали поворачиваться при помощи сложного механизма, два полукруга образовывали амфитеатр и объединенная сцена становилась ареной гладиаторских игр²⁴. Никогда еще не были игры столь частыми, дорогими и затяжными. За один день игр, устроенных Цезарем, в схватках приняли участие 10 тысяч

гладиаторов, многие из которых были убиты. Сулла поставил бой, в котором участвовала сотня львов; Цезарь использовал уже четыре сотни, Помпей — шестьсот. Звери сражались с людьми, люди сражались со зверями; а в это время огромный цирк с замирающим сердцем следил за зрелищем смерти.

III. «НОВЫЕ ЖЕНЩИНЫ»

Прирост богатства вместе с порчей политических нравов обусловили ослабление морали и брачных уз. Несмотря на растущую конкуренцию со стороны непрофессионалов, проституция продолжала процветать; публичные дома и таверны, в которых обычно останавливались проститутки, были настолько популярны, что некоторые политические деятели устраивали сбор голосов через *collegium lupanarium*, или цех содержателей публичных домов²⁵. Прелюбодеяние было настолько обычным делом, что на него практически не обращали внимание, за исключением тех случаев, когда оно служило политическим целям, и чуть ли не каждая состоятельная женщина разводилась по крайней мере однажды. Мужчины выбирали себе жен (или за молодых людей это делали родители) таким образом, чтобы получить богатое приданое или завязать выгодные родственные отношения. В общем, едва ли главными виновницами сложившейся ситуации были женщины, ибо в системе ценностей высших классов брак занимал, как правило, не главное место, находясь в зависимости от денег и политики. Сулла и Помпей были женаты по пять раз. Стремясь привязать к себе Помпея, Сулла убедил его расстаться с первой женой и жениться на Эмилии, своей падчерице, которая была в это время замужем и имела ребенка; Эмилиа, неохотно поддавшаяся на его уговоры, умерла от родов вскоре после того, как вошла в дом Помпея. Цезарь женил на Помпее свою дочь Юлию, что являлось одной из статей соглашения триумвиров. Империя, ворчал Катон, превратилась в одно большое брачное агентство^{25a}. Такие союзы представляли собой *mariages de politique* (политические браки); как только они становились бесполезны, муж начинал присматривать себе другую жену, которая позволила бы ему подняться на ступеньку выше по лестнице карьеры или богатства. Ему не нужно было отчитываться в своих действиях; он просто посылал жене письмо, в котором объявлял, что они свободны от взаимных обязательств. Иные мужчины и вовсе отказывались жениться, ссылаясь в свое оправдание на развязность и расточительность современных женщин; многие предпочитали вольные связи с конкубинами или рабынями. Цензор Метелл Македонский (131 г. до н.э.) упреждал мужчин жениться и порождать детей, ибо это их долг перед государством, и не думать раньше времени о том, каким большим неудобством (*molestia*) часто оказывается жена²⁶. Несмотря на это, число неженатых молодых людей и бездетных пар росло с тех пор еще быстрее. Дети стали теперь роскошью, которую могли себе позволить только бедняки.

В этих обстоятельствах вряд ли нам следует порицать женщин за то, что они так легкомысленно стали относиться к брачным обетам и искать во внебрачных связях романтику или страсть, которых так недоставало замужеству по политическому расчету. Конечно, даже среди богатых большинство женщин оставались порядочными; однако новая свобода нанесла удар по *patricia potestas* (власти отцов) и старинной семейной субординации. Римские женщи-

ны располагали теперь той же свободой передвижения, что и мужчины. Они облачались в прозрачные шелка, привезенные из Индии и Китая, и обшарили всю Азию в поисках благовоний и драгоценностей. Брак *cum manu* вышел из употребления, и женщины разводились с мужьями так же легко, как мужья с женами. Все больше женщин искали самовыражения в занятиях искусством: они учили греческий, изучали философию, писали стихи, читали публичные лекции, играли, пели, танцевали и открывали литературные салоны; некоторые занялись бизнесом; некоторые становились практикующими врачами или юристами.

Клодия, жена Квинта Цецилия Метелла, была самой выдающейся из тех дам, что дополняли своих мужей непрерывным рядом *cavalieri serventi*. Она была чрезвычайно озабочена правами женщин; шокировала представителей старшего поколения, появляясь на людях вместе со своими друзьями-мужчинами даже после выхода замуж; встречаясь со знакомыми, она обращалась к ним с приветствием, иногда при всех целовала их, вместо того, чтобы опустить глаза и изъявить преданность и покорность, как, по мнению римлян старой закалки, должна была вести себя приличная женщина. Она приглашала отобедать с ней своих кавалеров, и ее муж оставлял их наедине с рыцарственностью Маркиза дю Шатле. Цицерон, которому, правда, невозможно в этом отношении доверять, говорит о ее «любовных связях, прелюбодеяниях и разврате, ее песнях и музыке, ее ужинах и пирушках в Байях — на суше и на море»²⁷. Она была умной женщиной, способной грешить с неотразимой прелестью, однако она недооценивала мужской эгоизм. Каждый любовник, пока его вожделение не было насыщено, требовал ее всю без остатка, и каждый становился ее смертельным врагом, стоило ей найти себе нового друга. Так, Катулл (если его Лесбией была именно она) пачкал ее похабными эпиграммами, а Целий, намекая на стоимость услуг самых дешевых проституток, называл ее на судебных слушаниях *quadrantaria* — «женщиной, которая стоит четверть асса» (полтора цента). Она обвинила его в стремлении ее отравить. Он нанял своим адвокатом Цицерона, и великий оратор, не колеблясь, обвинил ее в кровосмешении и убийстве, восклицая, однако, «что он отнюдь не враг женщин, особенно тех, для которых все мужчины — друзья». Целий был оправдан, а Клодия была наказана за несчастье быть сестрой Клодия — самого радикального лидера в Риме и непримиримого врага Цицерона.

IV. ВТОРОЙ КАТОН

Посреди всей этой испорченности и распущенности выделялся лишь один человек, твердо державшийся старинной морали. Марк Порций Катон Младший нарушил заповедь своего пращура, изучив греческий; благодаря этому он познакомился со стоицизмом, которому вместе с республиканскими убеждениями он хранил нерушимую верность всю жизнь. Он получил в наследство 120 талантов (432 000 долларов), но изо всех сил старался жить просто и скромно. Он давал деньги в долг, но не брал процентов. Ему не хватало грубоватого юмора своего предка, и часто он неприятно поражал, даже пугал людей тем, что казалось упрямой нравственной несокрушимостью и несвоевременной апелляцией к моральным принципам. Само его существование являлось обвинительным актом, которому не было прощения. Людям хоте-

лось, чтобы он согрешил хоть самую малость, и проявил тем самым хоть какое-то уважение к привычкам человечества. Они должны были возликовать, когда он, чуть ли не с киническим пренебрежением к женщине как к «живому инструменту», «одолжил» свою жену Марцию другу Гортензию — развелся с нею и присутствовал на ее бракосочетании с оратором, — а позднее, после смерти Гортензия, принял ее обратно²⁸. Он не мог стать народным любимцем, потому что был безжалостным врагом всякой нечестности, неумолимым защитником *patria potestas*, еще менее снисходительным *senso morali* (цензором нравов), чем сам Катон Старший. Он редко смеялся и улыбался, не делал никаких усилий, чтобы казаться любезным, и резко обрывал тех, кто дерзал обратиться к нему со словами лести. Он потерпел поражение на консульских выборах потому, говорил Цицерон, что действовал так, будто живет в идеальном государстве Платона, а не в Риме «среди отбросов потомков Ромула»²⁹.

В роли квестора Катон сделался заклятым врагом всякой некомпетентности и любого должностного злоупотребления, он зорко охранял казну от набегов политических деятелей, и его бдительность не ослабла и тогда, когда закончился срок его деятельности. Его обвинения обрушивались на все политические партии и приобрели ему множество почитателей, но ни одного друга. В роли претора он убедил сенат издать указ о том, что все кандидаты вскоре после избрания должны явиться в суд и по принесении клятвы подробно отчитаться во всех расходах и действиях, совершенных во время избирательной кампании. Это мероприятие так переполошило политиков (большинство из которых зависели от взяток), что они и их клиенты, стоило Катону появиться в следующий раз на Форуме, принялись оскорблять его и бросать в него камни. Тот взобрался на ростры, решительным взглядом обвел толпу и своими речами заставил их уговориться. В роли трибуна он вступил во главе легиона в Македонию; его помощники скакали на лошадях, он шел пешком. Он высмеивал дельцов и защищал аристократию, или правителей по праву рождения, как единственное избавление от плутократии, или правления по праву богатства. Он объявил беспощадную войну тем, кто развращал римских политиков деньгами, а простых граждан роскошью; и он до последнего сопротивлялся поползновениям к диктатуре, исходили ли они от Цезаря или от Помпея. Когда Цезарь уничтожил Республику, Катон покончил с собой. Рядом с его телом нашли свиток с произведениями стоиков.

V. СПАРТАК

Качество правления достигло наконец низшей отметки, а вместе с ним и качество демократии — таких падений в истории государств известно немного. В 98 г. до н.э. римский полководец Дидий повторил «подвиг» Сулпиция Гальбы: он заманил целое племя доставлявших ему хлопоты туземцев в расположенный на испанской земле римский лагерь (он якобы собирался устроить перепись для последующей раздачи земли); когда они пришли, вместе с женами и детьми, он приказал их всех перерезать. По возвращении в Рим он был награжден публичным триумфом³⁰. Потрясенный зверствами Империи, сабинский офицер римской армии Квинт Серторий, перешел на сторону испанцев, организовал и вымуштровал их отряды и вел их от победы к победе.

де над легионами, которые присылались, чтобы подавить это движение. Восемь лет он правил восставшим царством (80—72 гг. до н.э.) и завоевал любовь народа, блюдя справедливость и открывая школы, где получала образование местная молодежь. Метелл, римский военачальник, предлагал сто талантов (360 000 долларов) и 20 000 акров земли любому римлянину, которому удастся убить Сертория. Перпенна, римский перебежчик, оказавшийся в лагере Сертория, пригласил его на обед, убил его и провозгласил себя командующим армией, которую обучил Серторий. Против Перпенны был отправлен Помпей и легко победил; Перпенна был казнен, и эксплуатация Испании возобновилась.

Следующий акт революции был начат не свободным, но рабом. Лентул Батиат держал в Капуе гладиаторскую школу — рабов и осужденных преступников, которых обучали сражаться с дикими животными или друг с другом до смертного исхода на общественных аренах или в частных домах. Двести из них попытались бежать; семидесяти семи это удалось, они взяли в руки оружие и заняли один из склонов Везувия, откуда принялись совершать набеги на окрестные города в поисках продовольствия (73 г. до н.э.). Своим вождем они выбрали фракийца Спартака, «человека не только высокого духа и отменной храбрости,— говорит Плутарх,— но также разумом и родовитостью взывавшего над своим окружением»³¹. Он призвал итальяских рабов подняться на восстание; вскоре под его командованием было 70 тысяч бойцов, алкавших свободы и отмщения. Он научил их изготавливать оружие и сражаться настолько организованно и дисциплинированно, что несколько лет им удавалось превосходить любого выступавшего против них врага. Его победы наполнили итальяских богачей ужасом, а рабов надеждой; присоединиться к его войску желали столь многие, что, доведя его численность до 120 тысяч человек, он прекратил принимать новобранцев, понимая, что заботиться о такой массе народа ему будет затруднительно. Он выступил во главе своей орды по направлению к Альпам, «намереваясь распустить воинов по домам, если ему удастся перейти через горы»³². Однако его сторонники не разделяли чувствительности и миролюбия своего вождя; воспротивившись исполнению его планов, они принялись грабить города Северной Италии. Сенат направил теперь против восставших обоих консулов, с которыми шли сильнейшие армии. Одна из них столкнулась с подразделением, оставшим от Спартака, и разгромила его; другая атаковала главные силы восставших и потерпела поражение. Снова двинувшись к Альпам, Спартак встретился с третьей армией, ведомой Кассием, и после этой встречи ее численность значительно уменьшилась. Но убедившись, что путь прегражден новыми легионами, он повернул к югу и пошел на Рим.

Половина итальяских рабов была готова поддержать мятеж, и в столице никто не взялся бы предсказать, когда революция разразится в его собственном доме. Все это благоденствующее общество, жившее за счет тех великолепных вещей, которые были бы невозможны без рабства, содрогнулось при мысли, что может потерять все, что имеет (господство, имущество, жизнь). Сенаторы и миллионеры вопили, что необходим полководец, лучший, чем прежние; свои услуги предложили немногие, так как все были уstraшены этим необычным новым врагом. Наконец главным претендентом на командование стал Красс, и именно он возглавил сорокатысячную армию; многие представители знати, еще не окончательно позабывшие о традициях своего

класса, влились в ее ряды добровольцами. Понимая, что ему противостоит вся Империя и что его люди никогда не смогут управлять ни Империей, ни даже одной столицей, Спартак прошел мимо и двигался на юг, пока не подошел к Туриям, миновав всю Италию в надежде, что ему удастся переправить армию на Сицилию или в Африку. Третий год он успешно отражал все атаки. Но и здесь его нетерпеливое воинство вышло из повиновения и принялось разбойничать, врываясь в соседние города. Красс наткнулся на большой отряд таких мародеров (12 300 человек) и вырезал его, хотя рабы бились до последней капли крови. Между тем легионы Помпея, возвратившиеся из Испании, были посланы на подкрепление армии Красса. Отчаявшись одолеть такие крупные силы, Спартак ринулся в бой с армией Красса и встретил смерть, врезавшись в гущу врагов. Два центуриона пали замертво у его ног; поверженный на землю и не в силах подняться, он продолжал разить противников, стоя на коленях; в конце концов, его тело было так изрублено, что его не смогли найти среди убитых. Подавляющее большинство его сторонников погибли вместе с ним; некоторым удалось бежать, за ними развернулась охота по лесам Италии. Шесть тысяч пленников были распяты вдоль Аппиевой дороги между Капуей и Римом (71 г. до н.э.). Их истлевшие тела были оставлены висеть там на многие месяцы — хозяевам в утешение, рабам в назидание.

VI. ПОМПЕЙ

Когда Красс и Помпей вернулись из этого похода, они не стали, как того желал сенат и требовал закон, распускать или разоружать свои войска у городских ворот. Они разбили лагерь вне городских стен, затем попросили разрешения участвовать в консульских выборах, оставаясь за пределами города, — новое нарушение всех мыслимых правил; в дополнение ко всему Помпей потребовал наделения землей своих солдат и триумфа для себя. Сенат отказался, надеясь сстроить командующих между собой. Но Красс и Помпей решили действовать сообща, неожиданно заключили союз с популярными и всадниками и благодаря щедрым подачкам были избраны консулами на 70 г. до н.э. Толстосумы решились на такое партнерство по двум причинам: они желали снова взять под свой контроль суды, которые доставляли им немало хлопот, и заменить Лукулла — он управлял римским Востоком с такой честностью, которая лишала их всякой надежды на пожизну, — человеком своего класса и мировоззрения. В Помпее они увидели своего человека.

Помпею исполнилось к этому времени тридцать пять лет, и он был ветераном уже нескольких походов. Родившийся в богатом всадническом семействе, он завоевал всеобщее восхищение отвагой и умеренностью, а также ловкостью во всех военных и спортивных искусствах. Он очистил Сицилию и Африку от врагов Суллы и стяжал благодаря своим победам и гордыне прозвище *Magnus*, или Великий, которым наградил его не лишенный остроумия диктатор. Он заслужил первый триумф прежде, чем у него выросла борода³³. Он был настолько статен, что куртизанка Флора говорила, будто никогда не расстается с ним, не укусив³⁴. Он был восприимчив и застенчив и краснел, если ему приходилось выступать перед большим собранием, однако в те дни он проявлял в битвах порывистую храбрость; в последующие годы робость и

тучность немало осложнили ему командование войсками, и он пребывал в нерешительности, пока не проиграл окончательно. Его ум не был ни глубок, ни блестящ; его политическая линия делалась не им, но за него — сначала политиками из рядов популяров, затем сенатской олигархией. Богатство позволило ему возвыситься над самыми низменными искушениями, которыми была полна политическая жизнь Рима. На фоне эгоистичности и испорченности своего времени он светился патриотизмом и чистотой. Кажется, он и впрямь искренне стремился действовать во благо не только себе, но и обществу. Его главным пороком было тщеславие. Ранние удачи заставили его слишком сильно уверовать в собственные способности, и он недоумевал, почему же Рим медлит облечь его царскими полномочиями, пусть и не называя открыто царем.

Эти два сулланских фаворита, ставшие одновременно консулами, посвятили себя ниспровержению составленной Суллой конституции. Помпей и Красс заплатили свой долг популярам, проведя закон, восстановивший всю прежнюю власть трибунов. Они упрочили союз с деловыми кругами, приказав Лукуллу отдать в руки публиканов всю деятельность по взиманию налогов с Востока; они поддержали законопроект, согласно которому судейские коллегии отныне должны были состоять из равного числа всадников, сенаторов и эрарных трибунов. Крассу пришлось дожидаться пятнадцать лет своего заслуженного вознаграждения — золота, которое предстоит ему испытать в Азии. Помпей получил свое в 67 г. до н.э., когда народное собрание проголосовало за предоставление ему практически неограниченных полномочий, чтобы одолеть киликийских пиратов. Некогда Родос следил за тем, чтобы Эгейское море было свободно от этих мародеров; но Родос, униженный и совершенно обнищавший усилиями Рима и Делоса, был более не в состоянии содержать флот, способный к выполнению подобных задач; что касается земельной аристократии, которая преобладала в сенате, то она была не слишком заинтересована в том, чтобы обеспечить безопасность морских торговых маршрутов. Купцы и плебс чувствовали неблагоприятное положение более остро: торговля в акватории Эгейды стала почти невозможной, опасностей было предостаточно даже в центре Средиземного моря; ввоз зерна сокращался настолько стремительно, что в Риме стоимость модия, или четверти бушеля, пшеницы поднялась до двадцати сестерциев, или трех долларов. Пираты рисовались успехами, устанавливая на своих судах позолоченные мачты, украшая их пурпурными парусами, покрывая весла серебром. Они захватили и удерживали в своей власти 400 прибрежных городов, разграбили храмы Самофракии, Самоса, Эпидавра, Аргоса, Левкады и Акция, похищали римских должностных лиц и нападали даже на побережье Этрурии и Апулии.

Чтобы выйти из этого положения, друг Помпея Габиний внес законопроект, согласно которому Помпей получал абсолютную власть над всем римским флотом сроком на три года, а также имел право казнить и миловать в пределах пятидесятимильной береговой полосы Средиземного моря. Против этой крайней меры выступили все сенаторы за исключением Цезаря, однако народное собрание приняло ее с восторгом и своим голосованием предоставило в распоряжение Помпея армию в 125 000 человек и флот из 500 кораблей, приказав казне выделить ему 144 000 000 сестерциев. В сущности, этот закон означал низложение сената, конец сулланской реставрации и установление чрезвычайной монархии, которая послужит прелюдией и уроком для Це-

заря. Результат, достигнутый Помпеем, укрепил значение данного прецедента. В тот же день, когда Помпей был назначен командующим, цена на пшеницу стала снижаться. За три месяца он справился со своей задачей, захватил корабли пиратов, овладел их крепостями, казнил вождей — и при этом не допустил никаких злоупотреблений своим небывалым авторитетом. Коммерция ожила и снова пустилась в плавание, и река зерна хлынула в Рим.

Пока Помпей пребывал в Киликии, его друг Манилий представил народному собранию законопроект, облакавший Помпея всей полнотой власти над провинциями и армиями, которыми тогда (66 г. до н.э.) управлял Лукулл, и продлевавший срок действия полномочий, установленных Габиниевым законом. Сенат воспротивился, но купцы и ростовщики мощно поддержали проект. Они надеялись, что Помпей будет не так уступчив, как Лукулл, по отношению к их азиатским должникам; он восстановит порядок сбора налогов публиканами; он завоюет не только Вифинию и Понт, но также Каппадокию, Сирию и Иудею; эти богатые регионы раскроют свои двери перед римскими финансами и торговлей, которые придут сюда под защитой римского оружия. «Новый человек» Марк Туллий Цицерон, избранный на этот год при поддержке всаднического сословия претором, произнес речь «В защиту Манилиева закона» и напал на сенатскую олигархию с таким пламенным красноречием, какого не слышали в Риме со времен Гракхов, и с искренностью, необычной в устах политика:

Вся система финансов и кредита, которая существует здесь, в Риме, неразрывно связана с доходами, извлекаемыми из азиатских провинций. Если эти доходы будут потеряны, наша денежная система потерпит крах... Если некоторые лишатся своих состояний, они увлекут в своем падении еще многих и многих. Спасите государство от такого бедствия... Ведите войну против Митридата, прилагая все свои усилия, и тогда слава римского имени, безопасность наших союзников, самые крупные наши доходы и состояния многочисленнейших граждан будут спасены³⁵.

Законопроект без труда получил поддержку народного собрания. Плебс не особенно заботили состояния финансовых воротил, но он возликовал, сообразив, что наделением чрезвычайными полномочиями одного из полководцев он сможет поставить крест на сулланском законодательстве и низвергнуть своего старинного врага — сенат. Отныне дни Республики были сочтены. Римская революция, воспользовавшись красноречивой помощью своего величайшего противника, сделала еще один шаг навстречу цезаризму.

VII. ЦИЦЕРОН И КАТИЛИНА

Плутарх думал, что Марк Туллий был назван Цицероном потому, что у одного из его предков на носу была бородавка, напоминавшая по форме горошину (*cicer*); скорее, однако, его пращуры заслужили это прозвище, выражаясь на своих землях горох. В своих «Законах» Цицерон с подкупающей нежностью описывает скромную виллу, которая была свидетельницей его

рождения близ Арпина, расположенного на полпути между Римом и Неаполем, в предгорьях Апеннин. Его отец был достаточно богат, чтобы дать своему сыну лучшее по тем временам образование. Он нанял греческого поэта Архия, который должен был стать наставником Марка в литературе и греческом, а затем направил юношу заниматься правом с Квинтом Муцием Сцеволой, величайшим юристом той эпохи. Цицерон живо прислушивался к дебатам и судебным процессам, проходившим на Форуме, и вскоре овладел всеми тонкостями и уловками судебного красноречия. «Чтобы преуспеть в юриспруденции,— писал он,— человек должен отказаться от всех удовольствий, бежать всех развлечений, распрощаться с отдыхом, играми, вечеринками, почти забыть про общение с друзьями»³⁶.

Вскоре он и сам уже был практикующим юристом и составлял речи, которые своим блеском завоевали ему благодарность средних классов и плебса. Он привлек к суду одного из фаворитов Суллы и порицал проскрипции в самый разгар развязанного Суллой террора (80 г. до н.э.)³⁷. Вскоре после этих событий, может быть, для того, чтобы избежать мести со стороны диктатора, он уехал в Грецию и продолжил здесь свои занятия риторикой и философией; проведя три счастливых года в Афинах, он перебрался на Родос, где слушал лекции Аполлония, сына Молона, посвященные ораторскому искусству, и лекции Посидония по философии. От первого он научился членению предложения на периоды и той чистоте речи, которая впоследствии стала характернейшей чертой его произведений; другой познакомил его с тем умеренным стоицизмом, который ляжет позднее в основу его диалогов о религии, государстве, дружбе и старости.

Вернувшись в Рим по достижении тридцатилетнего возраста, он женился на Теренции, чье богатое приданое позволило ему выйти на политическую арену. В 75 г. до н.э. он отличился на посту квестора в Сицилии, запомнившись там своей справедливостью. В 70 г. до н.э. он вновь занялся адвокатской деятельностью и возбудил ярость аристократии, взяв на себя защиту сицилийских городов и вызвав на суд сенатора Гая Верреса; он обвинил последнего в том, что в бытность свою пропретором на Сицилии тот продавал назначения и приговоры, понизил налоги в той мере, в какой повысил взятки, ограбил Сиракузы, вывезя оттуда почти все статуи, направил доходы с целого города на содержание любовницы и в целом настолько отличился здесь несправедливостью, вымогательством и открытым разбоем, что остров после него был опустошен больше, чем после двух восстаний рабов. Что еще хуже, Веррес прикарманил часть добычи, которая иначе попала бы в руки публиканов. Всадничество поддержало обвинения Цицерона, в то время как Гортензий, главный представитель аристократии в юриспруденции того времени, взял на себя защиту Верреса. Цицерону было разрешено потратить несколько сотен дней для сбора свидетельских показаний на Сицилии. Он воспользовался только пятьюдесятью, но представил суду такое количество сокрушительных свидетельств, что в своем открытом обращении Гортензий, который прежде украсил свои сады, приняв от Верреса часть награбленной тем коллекции статуй, отказался защищать своего клиента. Приговоренный к штрафу в 40 000 000 сестерциев, Веррес отправился в изгнание. Цицерон опубликовал еще пять речей, приговоренных им заранее. Все вместе они стали образцом беспощадной атаки на злоупотребления римских должностных лиц в провинциях. Его энер-

гичность и отвага завоевали ему такую поддержку, что когда он принял участие в консульских выборах на 63 г. до н.э., то был избран на основании единогласного шумного одобрения.

Выходец из всаднической семьи невысокого ранга, Цицерон по природе своей тяготел к среднему классу и не без осуждения взирал на гордыню, привилегии и скверное правление аристократии. Но еще сильнее он боялся тех радикальных вождей, чья программа ставила под угрозу любую собственность, ибо те стремились облечь полнотой власти толпу. Поэтому главным пунктом его политики на посту консула стало «согласие сословий», т.е. сотрудничество между аристократией и всадничеством в борьбе против крепнущего вала революции.

Однако причины и силы, обусловившие народное недовольство, были слишком глубоки и многообразны, чтобы их можно было подрубить одним ударом. Многие бедняки с упоением внимали тем, кто рисовал перед ними несбыточные блаженства утопии, и часть этих людей уже созрела для насилия. Немногим выше, чем они, находились плебеи, лишившиеся собственности из-за неспособности рассчитаться с долгами. Часть сулланских ветеранов не смогли добиться от полученных ими наделов никакого дохода, и теперь они были готовы к участию в любом перевороте, который обещал бы им легкую поживу. Среди высших классов было изрядное количество несостоятельных должников и потерпевших крушение спекулянтов, которые потеряли всякую надежду выполнить взятые на себя обязательства. Другие были преисполнены амбициями политических деятелей и считали, что на их пути вверх главным препятствием остаются консерваторы, которые слишком зажились на этом свете. Немногие из революционеров были искренними идеалистами, убежденными в том, что только полное разрушение старой системы позволит смягчить коррупцию и несправедливость римского государственного строя.

Нашелся человек, который попытался объединить все эти разрозненные группки в цельную политическую силу. Мы знаем Луция Сергия Катилину лишь по отзывам его врагов — по истории его движения, написанной миллионером Саллюстием, и по энергичнейшим проклятиям в его адрес, которыми полны Цицероновы речи «Против Катилины». Саллюстий называет его «запятнанным преступлениями врагов богов и людей, который не знал покоя ни бодрствуя, ни во сне, столь жестоко терзало его возбужденный дух сознание собственной порочности. Отсюда его бледность, его налитые кровью глаза, его походка — то быстрая, то неторопливая; короче говоря, его лицо и любой его взгляд выдавали в нем безумца»³⁸. Подобное описание напоминает рассказы о своих врагах тех, кто борется за жизнь или власть. Когда битва окончена, такие описания постепенно пересматриваются, но в случае с Катилиной пересмотра так и не произошло. В молодости он был обвинен в том, что лишил невинности весталку, двоюродную сестру первой жены Цицерона; суд оправдал весталку, но молва не оправдала Катилину, напротив, на него возвели еще и убийство сына, совершенное в угоду его ревливой любовнице³⁹. Чтобы противопоставить этим слухам хоть что-нибудь, мы можем сказать, что в течение четырех лет после гибели Катилины простой народ Рима — «жалкий, заморенный сброд»; называет его Цицерон, — приносил цветы к его могиле⁴⁰. Саллюстий приводит в своем сочинении одну из речей, якобы произнесенных Катилиной:

С тех пор, как государство оказалось в руках нескольких могущественных людей... в их власти находятся все мыслимое влияние, должности и богатство. Для нас у них припасено устрашение, разгром, преследования и нищета... Что же осталось у нас, кроме самой жизни?.. Не лучше ли доблестная смерть, чем постепенное расставание с нашими изломанными и обесцеленными жизнями, игрищем чужой надменности? ⁴¹

Программа, при помощи которой он хотел соединить разнородные элементы, заинтересованные в революции, была проста: *novae tabulae* («новые записи»), т. е. стирание и отмена всех долгов. Он направил всю свою энергию (столь же кипучую, как и энергия Цезаря) на достижение этой цели. И действительно, некоторое время ему симпатизировал, если даже не был его тайным сторонником, сам Цезарь. «Не было таких вещей, — говорил Цицерон — на которые он не мог пойти, и не было таких усилий, которые не были им затрачены на организацию взаимодействия, бодрствование и тяжкий труд. Он переносил и холод, и голод, и жажду» ⁴². Его враги уверяют нас, будто он скотил шайку из 400 человек, которые намеревались уничтожить консулов и захватить власть в первый день 65 г. до н. э. Назначенный день наступил, но ничего необычного не произошло. В конце 64 г. до н. э. Катилина был соперником Цицерона на консульских выборах и развернул мощную предвыборную кампанию *. Предприниматели всполошились, и капитал устремился за пределы Италии. Высшие классы объединились и поддержали Цицерона; на целый год *concordia ordinum* стала реальностью, и он был превосходнейшим ее глашатаем.

Лишенный возможности продолжать борьбу политическими средствами, Катилина обратился к войне. Его последователи скрытно сформировали двадцатитысячную армию в Этрурии, а в Риме стала собираться группа заговорщиков, в которую вошли представители всех классов — от сенаторов до рабов, — в том числе два городских претора, Цетег и Лентул. Следующим октябрем Катилина снова участвовал в консульских выборах. Чтобы гарантировать себе победу, сообщают нам консервативные историки, он замыслил убить своих соперников во время избирательной кампании и одновременно подослать наемного убийцу к Цицерону. Заявив, что ему стали известны замыслы Катилины, Цицерон заполнил Марсово поле вооруженной стражей и лично наблюдал за ходом голосования. Несмотря на горячую поддержку пролетариата, Катилина опять потерпел поражение. Седьмого ноября, говорит Цицерон, в его дверь постучались несколько заговорщиков, но их отогнали прочь телохранители. Наутро, увидев Катилину на заседании сената, Цицерон набросился на него с зубодробительными упреками, которые когда-то были на устах у каждого школьника. Чем дальше говорил Цицерон, тем больше пустых сидений было вокруг Катилины. Наконец он остался совсем один. Он молча перенес водопад обвинений, острых, беспощадных обвинений, которыми, словно ударами бича, хлестал его Цицерон. Оратор действовал в своем выступлении весь набор человеческих эмоций; он говорил о государстве, как

* Именно во время этой избирательной кампании брат Цицерона Квинт набросал для него пособие по технике предвыборной борьбы. «Не скупись на обещания, — советовал Квинт, — люди предпочитают ложные обещания прямому отказу... Постарайся распутить скандальные слухи о своих противниках, обвинив их в преступлении, коррупции или безнравственности» ⁴³.

об общем родителе, а о Катилине, как об отцеубийце; он обвинял его — без доказательств, намеками и умолчанием — в заговоре против государства, воровстве, прелюбодействе и половой извращенности; наконец, он воззвал к Юпитеру с мольбой защитить Рим и предать Катилину вечным мукам. Когда Цицерон закончил, Катилина беспрепятственно вышел из здания сената и присоединился к своим силам в Этрурии; один из его командиров, Луций Манлий, в последний раз попытался добиться понимания сената:

В свидетели того, что мы подняли оружие не против своей страны и не для того, чтобы угрожать безопасности сограждан, мы призываем богов и людей. Мы, несчастные бедняки, из-за насилия и жестокости лихоимцев оставшиеся без родины, обреченные переносить нужду и издевательства, одержимы одним только желанием: получить гарантии нашей личной безопасности и увериться, что с нами не поступят несправедливо. Мы не требуем ни власти, ни богатства, которые являются главными внешними причинами вражды между людьми. Мы просим лишь о свободе, о том сокровище, которым не поступится ни один человек, разве что отдаст его вместе с жизнью. Мы умоляем вас, сенаторы, будьте милосердны к своим униженным согражданам⁴⁴.

На следующий день в своей второй речи Цицерон описывал окружение главного мятежника как группу надушенных извращенцев и дал полную волю сарказму и инвективе, в завершение вновь коснувшись религиозной струны. В последующие недели он представил сенату доказательства, которые якобы свидетельствовали, что Катилина намеревался поднять восстание в Галлии. Третьего декабря он арестовал Лентула, Цетега и пять других единомышленников Катилины. В третьей речи он объявил об их преступлении и заключении в темницу и сообщил сенату и народу, что заговор провалился и они могут спокойно возвращаться домой: мир восстановлен. Пятого декабря он созвал сенат и поставил на обсуждение вопрос, что делать с заключенными. Силан отдал свой голос за то, чтобы казнить их. Цезарь посоветовал ограничиться содержанием их под стражей и напомнил, что казнить римского гражданина запрещает Семпрониев закон. В четвертой речи Цицерон осторожно высказался за казнь. Катон освятил это мнение постулатами своей философии, и было принято решение о предании заговорщиков смертной казни. Когда Цезарь выходил из помещения сената, несколько молодых аристократов набросились на него, чтобы убить, но ему удалось ускользнуть. Цицерон, взяв с собой вооруженных людей, отправился в тюрьму, и приговор был приведен в исполнение без проволочек. Марк Антоний, коллега Цицерона по консульству, отец знаменитого сына, был направлен во главе армии на север, чтобы разгромить силы Катилины. Сенат обещал прощение и 200 000 сестерциев каждому, кто покинет ряды мятежников; но, говорит Саллустий, «лагерь Катилины не оставил никто». В долине Пистойи разыгралось сражение (61 г. до н. э.); 3000 повстанцев, встретившись с многократно превосходящим их противником, бились до последнего за священные для них штандарты — орлов Марии. Никто не попросил о пощаде, и никто не ушел из боя; все полегли на поле брани и среди них Катилина.

Будучи по природе своей человеком скорее мысли, чем действия, Цицерон был поражен и восхищен собственной ловкостью и храбростью, проявленными при подавлении опасного мятежа. «Исполнение столь великой задачи,— говорил он сенату,— кажется мне, едва ли было под силу одной только человеческой мудрости»⁴⁵. Он сравнивал себя с Ромулом, но полагал, что спасти Рим от такой угрозы — деяние более великое, чем основать его⁴⁶. Сенаторы и толстосумы смеялись над его высокопарностью, но прекрасно понимали, что он действительно их спас. Катон и Катул прославляли его как *pater patriae*, «отца отечества». Когда в конце 63 г. до н. э. он сложил свои полномочия, все имущие классы общества, повествует он, горячо его благодарили, называли бессмертным и с почетом проводили до дверей дома⁴⁷. Пролетариат не присоединился к этим демонстрациям. Он не мог простить того, что Цицерон нарушил римские законы, когда обрек на смерть граждан, лишив их права апелляции; он чувствовал, что консул не предпринял никаких усилий, чтобы искоренить причины мятежа Катилины или смягчить нищету народных масс. Ему было отказано в праве обратиться в этот день с приветственной речью к народному собранию, и пролетарии не могли без гнева слушать его клятвенные уверения, что он спас город. Революция отнюдь не закончилась. В консульство Цезаря ей суждено разгореться вновь.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Плутарх. *Цезарь*.
- ² Davis, 13—14.
- ³ Цицерон. *К Аттику*, IV, 15.
- ⁴ Плутарх. *Помпей*.
- ⁵ Цицерон. *К Квинту*, II, 5.
- ⁶ Цицерон. *Письма*, III, 29.
- ⁷ Цицерон. *К Квинту*, III, 2.
- ⁸ Mommsen, V, 349.
- ⁹ Плутарх. *Цицерон*.
- ¹⁰ Цицерон. *Первая речь против Верреса*, 13.
- ¹¹ Frank, *Economic History*, 295.
- ¹² Mommsen, IV, 173.
- ¹³ Frank, 289.
- ¹⁴ Цицерон. *Об обязанностях*, I, 8.
- ¹⁵ Плутарх, ук. место в *Истории*, 238.
- ¹⁶ Непот. *Аттик*.
- ¹⁷ Плутарх. *Лукулл*.
- ¹⁸ Frank. *Economic Survey*, I, 354.
- ¹⁹ Макробий. *Сатурналии*, III, 13.
- ²⁰ Варрон, III, 16; Цицерон. *Письма*, IX, 18; Mommsen, V, 387.
- ^{21—22} Цицерон. *Письма*, VII, 26.
- ²³ Плиний, XXXV, 24.
- ²⁴ Ук. место.
- ²⁵ Авторы жизнеописаний Августов, *Александр Север*, 33; Ливий, XXXIX, 8 сл.; Mommsen, V, 384; Ward, I, 406.
- ²⁶ См.: Boissier, G., *Cicero and His Friends*, 164.
- ²⁷ Цицерон. *В защиту Целия*.

- ²⁸ Плутарх. *Катон Младший*.
²⁹ Цицерон. *К Аттику*, II, 1; Плутарх, ук. место и *Фокиен*.
³⁰ Аппиан. *Римская история*, VI, 16.
³¹ Плутарх. *Красс*.
³² Там же.
³³ Плутарх. *Серторий*.
³⁴ Плутарх. *Помпей*.
³⁵ Цицерон. *О Манилиевом законе*, VII, 18–19.
³⁶ Цицерон. *В защиту Целия*, 16.
³⁷ Цицерон. *В защиту Секста Росция*.
³⁸ Саллюстий. *Заговор Катилины*, XV.
³⁹ Там же; Плутарх. *Цицерон*.
⁴⁰ Haskell, H., *The New Deal in Old Rome*, 125.
⁴¹ Саллюстий. *Заговор Катилины*, XX, 7–13.
⁴² Цицерон. *Третья речь против Катилины*, VII.
⁴³ Haskell, 167.
⁴⁴ Саллюстий, XXXIII, 1.
⁴⁵ Цицерон, ук. соч., VIII.
⁴⁶ Там же, I.
⁴⁷ Цицерон. *Против Пизона*, VI–VII.

Литература в эпоху революции

145—30 гг. до н.э.

1. ЛУКРЕЦИЙ

СРЕДИ бурных преобразований в сферах экономики, управления и морали литература не осталась в стороне от событий этого мятежного века, и ей не удалось укрыться от пыла и устремлений своего времени. Варрон и Непот искали безопасности в занятиях стариной или историческими изысканиями; Саллюстий уединялся после военных походов, чтобы защитить дело своей партии и скрыть свой истинный моральный облик в превосходных монографиях; Цезарь снисходил от забот управления империей к грамматике и продолжал сражаться на страницах своих «Записок»; Катулл и Кальв искали убежища от политики в любви и эротической поэзии; пугливые и чуткие души, как Лукреций, прятались в садах философии; да и Цицерон время от времени покидал жаркий Форум, чтобы охладить свою кровь при помощи книг. Но никому из них не было покоя. Война и революция занесли в них проникающую заразу; даже Лукреций должен был по собственному опыту познакомиться с тем беспокойством, которое он описывает в следующих стихах:

Если бы люди могли настолько же, как они, видно,
Чувствуют бремя, их дух давящее гнетом тяжелым,
Также сознать и причины его...
Жизни бы так не вели, как обычно ведут ее нынче,
Не сознавая, чего они сами хотят, постоянно
К мест перемене стремясь, чтоб избавиться этим от гнета.
Часто палаты свои покидает, кому опостылел
Собственный дом, но туда возвращается снова внезапно,
Не находя вне его никакого себе облегченья;
Вот он своих рыскаков сломя голову гонит в именье...
Но начинает зевать, и порога еще не коснувшись;
Иль погружается в сон тяжелый, забыться желая,
Или же в город спешит поскорее опять возвратиться.
Так-то вот каждый бежит от себя и, понятно, не может
Прочь убежать; поневоле с собой остается в досаде,
Ибо причины своей болезни недужный не знает,
А понимай он ее, он бы, все остальное оставив,
Прежде всего природу вещей старался постигнуть¹.

(Здесь и далее перевод Лукреция принадлежит Ф.А. Петровскому)

Единственной биографией Тита Лукреция Кара остается его поэма. Она гордо хранит молчание о своем авторе. За ее пределами, если не считать немногих аллюзий, римская литература также удивительным образом ничего не сообщает нам об одном из своих величайших представителей. Предание

относит его рождение к 99-му или 95 г. до н.э., его смерть — к 55-му или 51 г. до н.э. Он был свидетелем пятидесяти лет римской революции: Союзнической войны, резни, учиненной Марием, и проскрипций, организованных Суллой, заговора Катилины и консулата Цезаря. Аристократия, к которой, вероятно, он принадлежал, переживала очевидный упадок. Мир, в котором он существовал, расседался в хаос, в котором ничья жизнь и ничье положение не были в безопасности. В его поэме отразилось стремление к физическому и душевному покою.

Лукреций пытался укрыться в мире природы, философии и поэзии. Возможно, за его плечами был и любовный опыт; вряд ли этот опыт был удачен, потому что он отзывается о женщинах непочтительно, порицает соблазн красоты и советует испытывающим любовный зуд юношам умиротворять свою плоть, не особенно заботясь о выборе предмета своей страсти². В лесах и полях, в растениях и животных, в горе, реке и море он находит такое наслаждение, с каким может состязаться лишь его страсть к философии. Он был столь же впечатлителен, как Вордсворт, столь же чувствителен, как Китс, и так же, как Шелли, находил глубокую метафизику в морской гальке или древесном листе. Ни прелести природы, ни ее ужасы — ничто не оставило его равнодушным. Его занимали формы и звуки, запахи и вкус вещей; он чувствовал молчание тайных звериных убежищ, тихое падение ночи, ленивое пробуждение дня. Все, относящееся к природе, было для него чудом: терпеливое течение вод, испускание ростков из посеянного семени, бесконечные перемены неба, несокрушимость и невозмутимость звезд. Он наблюдал за животными с любопытством и симпатией, любил в них грациозность и силу, чувствовал их страдания и восхищался их безмолвной философичностью. Ни один из поэтов, живших до него, не передавал величия мира в картинах, столь же многообразных и полных подробностями, не показывал столь внушительно его целокупной мощи. Через его поэму природе наконец удалось воцариться в твердые литературы, и она вознаградилась поэта такой силой и такой способностью к изображению, в которых он уступает лишь Гомеру и Шекспиру.

Столь отзывчивый дух не мог в юности не откликнуться на зов религии с ее тайнами и великолепием. Но старинная вера, которая некогда стояла на страже семейного порядка и социального строя, уже перестала владеть умами образованных римских классов. Цезарь снисходительно улыбался, когда ему приходилось разыгрывать роль главного понтифика (*pontifex maximus*), и пиры жрецов становились праздниками записных эпикурейцев. Незначительное меньшинство народа в открытую исповедовало атеизм; время от времени некие римские Алкивиады по ночам повреждали статуи богов³. Не находя в официальных обрядах ни вдохновения, ни утешения, многие представители низших классов толпились у залитых кровью святынь фригийской Великой Матери, или каппадокийской богини Ма, или каких-нибудь восточных божеств, которых приносили с собой в Италию солдаты или пленники. Под влиянием греческих и азиатских культов старинная римская идея об «Орке» как о подземной обители всех без разбора умерших развилась в представление об Аде в буквальном смысле слова; его представляли как «Тартар» или «Ахеронт», где все, кроме немногих посвященных, претерпевают неизбывные муки⁴. Солнце и луна также считались божествами, и каждое затмение наполняло страхом стоящие на отшибе деревни и перенаселенные доходные дома. Халдейские предсказатели судьбы и астрологи в огромных количествах наво-

дни Италию, составляя гороскопы для бедняков и миллионеров, указывая, где скрыты сокровища и что произойдет в будущем, толкуя знамения и сны с предусмотрительной двусмысленностью и весьма доходным пустословием. Каждое необычное природное явление дотошно исследовалось как предупреждение, посылаемое богом. Именно эти бесчисленные суеверия, обрядовые и притворство и были тем, что Лукреций называл религией.

Неудивительно, что он восстал против этого и напал на такую религию со всем пылом религиозного реформатора. По горечи его разочарования мы можем судить о глубине его юношеского пиетета и страдании, которое было этим разочарованием вызвано. В поисках другой веры он прошел и через скептицизм Энния, и через восторженность великой поэмой, в которой Эмпедокл излагал свои взгляды на эволюцию и конфликт противоположностей. Когда он открыл для себя писания Эпикура, ему показалось, что он нашел ответы на свои вопросы. Эта странная смесь материализма и свободной воли, блаженных богов и безбожного мира привлекла его как ответ свободного человека сомнениям и страхам. Веяние освобождения от сверхъестественных ужасов, представлялось ему, исходит из Эпикурова Сада, открывая всеохватность закономерностей, самоуправляющуюся независимость природы, естественность и простоты смерти. Лукреций решился извлечь эту философию из непритязательной прозы, в которую облек ее Эпикур, переплавить ее в поэтическую форму и преподнести своему поколению как путь, истину и жизнь. Он чувствовал в себе редкую и двойную мощь — объективное восприятие ученого и субъективную эмоциональность поэта: во всем мирострое он созерцал возвышенность, а в его частях красоту, которые воодушевляли его и делали правомерным будущий синтез философии и поэзии. Его великая цель пробудила в нем все его способности, возвысила до беспримерных вершин разума и оставила его еще до того, как была достигнута, без сил и, может быть, безумным. Но его «долгие и приятные усилия» даровали ему всепоглощающее счастье, и он излил в своей поэме всю преданность глубоко религиозной души.

Он избрал для своего труда скорее философское, чем поэтическое название *De rerum natura*, «О природе вещей», — простой перевод греческого словосочетания, которым досократики пользовались как общим заглавием своих трактатов, — *Περὶ φύσεως* «О природе». Он посвятил его сыновьям Гая Меммия, претора 58 г. до н.э., как путь от страха к пониманию. В качестве образца он избрал эпическую манеру Эмпедокла и странную, но привлекательную резкость энниевой речи; их носителем стал гибкий и подвижный гекзаметр. И вот, забыв на мгновение о том, как далеки и равнодушны боги к человеческим делам, он начинает свой эпос с пламенного обращения к Венере, которая, как и Любовь Эмпедокла, понимается здесь как символ творческого желания и путей мира:

Рода Энеаса мать, людей и бессмертных улада.
О благая Венера!.. Под небом скользящих созвездий
Жизнью ты наполняешь и все судоносное море,
И плодородные земли; тобой все сущие твари
Жить начинают и свет, родившись, солнечный видят.
Ветры, богиня, бегут пред тобою; с твоим приближеньем
Тучи уходят с небес, земля-искусница пышных

Стелет цветочный ковер, улыбаются волны морские,
И небосвода лазурь сияет разлившимся светом.
Ибо, весеннего дня лишь только откроется облик
И, восторженнейший от пут, Фавоний живительный дунет,
Первыми весть о тебе и твоим появлениям, богиня,
Птицы небес подают, пронзенные в сердце тобою.
Следом и скот, одичав, по пастбищам носится тучным
И через реки плывет, обаяньем твоим упоенный,
Страстно стремясь за тобой, куда ты его увлекаешь,
И, наконец, по морям, по горам и по бурным потокам,
По густолиственным птиц обиталищам, долам зеленым,
Всюду внедряя любовь упоительно-сладкую в сердце,
Ты возбуждаешь у всех к продолжению рода желанье.
Ибо одна ты в руках своих держишь кормило природы,
И ничего без тебя на божественный свет не родится,
Радости нет без тебя никакой и прелести в мире.
Будь же пособницей мне при создании этой поэмы.
Даруй поэтому ты словам моим вечную прелесть,
Сделав тем временем так, чтобы жестокие войны и распри
И на земле и в морях — повсюду замолкли и стихли.
(Когда Марс склонится на твое лоно)
Тут всеблагая его, лежащего так, наклонившись
Телом священным своим, обойми и, отрадные речи
С уст изливая, проси, достославная, мира для римлян ⁵.

II. DE RERUM NATURA

Если мы попытаемся придать некоторую логическую стройность страстной и беспорядочной аргументации Лукреция, то ее исходный тезис мы найдем в знаменитой строке:

Tantum religio potuit suadere malorum,
«Вот сколько злодеяний имеют своим источником религию» ⁶.

Он пересказывает предание об Ифигении в Авлиде, говорит о бесчисленных человеческих жертвоприношениях, о гекатомбах, возносимых богам, наделяемым человеческой алчностью; он напоминает о страхе, который охватывает простодушного и юного человека, попавшего в непроходимую чащу мстительных божеств, об ужасе перед молнией и громом, смертью и Аидом, подземными кошмарами, рисуемыми этрусским искусством и восточными мистериями. Он упрекает человечество за то, что оно предпочло обряд жертвоприношения философскому пониманию:

О человеческий род несчастный! Такие явления
Мог он богам приписать и присвоить им гнев беспощадный!
Сколько стенаний ему, сколько нам это зван причинило,
Сколько доставило слез и детям нашим и внукам!
Нет, благочестье не в том, что пред всеми с покрытой главою
Ты к изваяньям идешь и ко всем алтарям припадаешь...
Молишься храмам богов, иль обильною кровью животных
Ты окропляешь алтарь...
Но в созерцаньи всего при полном спокойствии духа ⁷.

Боги существуют, утверждает Лукреций, но они обитают вдали от земли в блаженном неведении мыслей и забот людей. Там, «за огненными укреплениями мира» (*extra flammantia moenia mundi*)⁸, недоступные нашим молитвам и жертвоприношениям, они проводят свои дни, как единомышленники Эпикура, сторонясь мирских дел, довольствуясь созерцанием красоты, живя в дружбе и мире⁹. Они непричастны к творению мира и не являются причинами событий; кто посмеет проявить по отношению к ним такую несправедливость, как упрек в расточительности, неупорядоченности, страданиях и неправедности земной жизни? Нет, эта беспредельная Вселенная, в которой существует множество миров, самодостаточна; вне ее не существует никакого закона; природа делает все в согласии с самой собой. «Кто бы сумел управлять необъятной Вселенной, кто твердо / Бездны тугие бразды удержал бы рукою искусной, / Кто бы размеренно вел небеса... (кто мог бы) / Грома ударами бить, и чтоб молнии метать и свои же / Храмы порой разносить... и, минуя нередко виновных, / Часто людей поражать, недостойных того и невинных?»¹⁰. Единственный бог — это Закон; и истинное богочитание, как и единственное средство достичь покоя, заключается в том, чтобы познать и полюбить Закон. «Значит, изгнать этот страх из души и потемки рассеять / Должны не солнца лучи и не света сиянье дневного, / Но природа сама своим видом и внутренним строем»¹¹.

И затем, «коснувшись медом Муз» грубого материализма Демокрита, Лукреций провозглашает в качестве своей главной теоремы, что «не существует ничего иного, кроме атомов и пустоты»¹², т.е. материи и пространства. Он сразу же переходит к стержневому положению (и предположению) современной науки, которое гласит, что количество движения и материи в мире никогда не меняется; ничто не возникает из ничего, и разрушение — это лишь изменение формы. Атомы неразрушимы, неизменны, трехмерны, упруги, не имеют ни звука, ни запаха, ни вкуса, ни цвета и бесконечны по числу. Они сочетаются друг с другом и образуют беспредельное количество комбинаций и качеств; они беспрестанно движутся, несмотря на обманчивую картину неподвижности вещей.

Часто по склону холма густорунные овцы пасутся,
Медленно идя туда, куда их на пастбище тучном
Свежая манит трава, сверкая алмазной росой;
Сытые прыгают там и резвятся, бодеясь, ягнята.
Все это издали нам представляется слившимся вместе,
Будто бы белым пятном неподвижным на склоне зеленом.
Также, когда, побежав, легионы могучие быстро
Всюду по полю снуют, представляя примерную битву,
Блеск от оружия их возносится к небу, и всюду
Медью сверкает земля, и от поступи тяжелой пехоты
Гул раздается кругом. Потрясенные криками, горы
Вторят им громко, и шум несется к небесным созвездьям;...
Но на высоких горах непременно есть место, откуда
Кажется это пятном, неподвижно сверкающим в поле¹³.

У атомов * есть части — *minima*, или «мельчайшие вещи», — каждая из которых трехмерна, неделима, является пределом дробления материи. Воз-

* Лукреций нигде не употребляет этого слова. Он называет свои первоначальные причины «началами» (*primordia*), «элементами» (*elementa*) или «семенами» (*semina*).

можно, благодаря различным расположениям этих частиц атомы отличаются друг от друга размером и формой и поэтому являются источником освежающего разнообразия в природе. Атомы не движутся по прямым или одним и тем же линиям; в их движении имеется неуловимое «отклонение» или «отступление с прямого пути», основополагающая спонтанность, присутствующая во всем и достигающая кульминации в свободной воле человека *.

Некогда мир представлял собой бесформенную массу; однако постепенное перераспределение движущихся атомов согласно их размеру и форме привело к появлению — без всякой целенаправленности в исходном движении — воздуха, огня, воды и земли, а уже из них солнца и луны, планет и звезд. В бесконечных просторах вечно рождаются новые миры, в то время как старые терпят убыль. Звезды — это огонь, окруженный кольцом эфира (взвесь тончайших атомов), который обволакивает каждую планетную систему; эта космическая стена образует упомянутые выше «огненные укрепления мира». Некоторая часть изначального тумана вырвалась из общей массы элементов, начала вращаться отдельно от всего остального и, остывая, образовала землю. Землетрясения — это не ропот божеств, но выход наружу подземных газов и потоков. Гром и молния представляют собой не голос и не дыхание бога, но естественный результат сгущения и столкновения облаков. Дождь — это не знак благоволения Юпитера, но возвращение на землю той влаги, которая испарилась прежде под лучами солнца.

Жизнь в существеннейших своих чертах не отличается от всякой другой материи; ее причиной является движение атомов, которые сами по себе мертвы. Как вселенная приобрела свои очертания под действием имманентных законов материи, так и земля посредством чисто естественного отбора произвела на свет все виды и органы жизни.

Для применения нам ничего не рождается в теле,
То, что родится, само порождает себе применение...¹⁴
Первоначала вещей, разумеется, вовсе невольно
Все остроумно в таком разместились стройном порядке...
Если ж начала вещей во множестве, многообразно
От бесконечных времен постоянным толчкам подвергаясь...
— То и случается тут, что они в этом странствии вечном,
Всякие виды пройдя сочетаний и разных движений,
Сходятся так наконец, что взаимная их совокупность
Часто великих вещей собой образует зачатки...¹⁵
Много и чудищ тогда земля сотворить попыталась:
...Жено-мужей, непричастных ни полу тому, ни другому,
Или уродов без ног, или вовсе безруких, напротив,
Или безротых немых и безглазых слепых порождая,
Даже таких, у кого на теле все члены сцепились...
Тщетно: природа запрет на развитие их наложила.
Были не в силах они ни жизни расцвета достигнуть,
Ни пропитанье добыть, ни в объятиях слиться любовных...
Много животных тогда поколений должно было сгинуть,
Коль размноженьем приплод не могли они выковать новый...

* Ср. «индетерминизм», приписываемый электронам некоторыми современными физиками.

Те же, которых совсем этих (т.е. защитных) качеств лишила природа...— Эти породы другим доставались в добычу и жертву¹⁶.

Дух, разум (*animus*) — это такой же в точности орган, как ноги или глаза; как и они, он представляет собой орудие или функцию той души (*anima*), которая в виде самой тонкой материи проникает собой все тело и оживляет каждую его часть. К чрезвычайно чувствительным атомам, образующим этот разум, постоянно поступают образы или пленки, которые непрерывно источаются поверхностями тел; это и есть источник чувственных ощущений. Вкус, запах, слух, зрение и осязание обусловлены воздействием частиц, исходящих от предметов и аффицирующих язык или нёбо, ноздри, уши, глаза или кожу; все чувства являются разновидностями осязания. Чувства — это окончательный критерий истины; если нам кажется, что они заблуждаются, то причиной тому — неправильное истолкование, и только другое чувство может внести сюда коррективы: разум не может служить критерием истины, потому что разум зависит от опыта, т.е. от ощущений.

Душа ни трансцендентна, ни бессмертна. Она не смогла бы привести в движение тело, не будь и сама она материальной субстанцией; она растет и стареет вместе с телом; она, как и тело, подвержена болезням, на нее могут оказывать воздействие лекарства и вино; ее атомы, несомненно, рассеиваются вместе со смертью тела. Душа без тела была бы бесчувственна и бессмысленна: для чего была бы нужна душа без органов осязания, вкуса, обоняния, слуха и зрения? Жизнь предоставляется нам не в бессрочное владение, но как бы займы, и она пребывает с нами до тех пор, пока мы способны ею пользоваться. Когда мы истощим свои силы, нам следует уйти с жизненного пира с той же благодарностью, с какой любезный гость встает из-за стола. Сама по себе смерть ничуть не страшна; только наши опасения относительно того, что за ней воспоследует, делают ее такой. Но после нее ничего нет. Аид присутствует здесь, на земле, он в тех страданиях, которые причиняются человеку невежеством, страстями, воинственностью и алчностью; и небеса — они тоже здесь, на земле, — в «безмятежных храмах мудрецов» (*sapientum templa sepea*)¹⁷.

Добродетель заключается не в страхе перед богами и не в пугливом воздержании от удовольствий; она становится возможной благодаря слаженному взаимодействию органов чувств и способностей, которые находятся под контролем разума. «Некоторые изнашивают свои жизни ради статуй и славы»; но на самом деле «истинное богатство человека — жить скромно, с умиротворенной душой» (*vivere parce aequo animo*)¹⁸. Куда лучше, чем жить в духоте позлащенных палат, «лежать, собравшись с друзьями, на мягкой траве рядом с ручьем под высоким деревом»¹⁹, или слушать ласковую мелодию, или растворять свою самость в любви и заботе о детях. Брак — это благо, но страстная любовь — безумие, которое помрачает рассудок. «Также поэтому тот, кто поранен стрелой Венеры, — / Мальчик ли ранил его, обладающий женственным станом, / Женщина ль телом своим, напоенным всесильной любовью, — / Тянется прямо туда, откуда он ранен, и страстно / Жаждет сойтись...»²⁰. Никакой брак и никакое человеческое сообщество не может стоять прочно, если они основаны на таком эротическом опьянении.

Как, с одной стороны, Лукреций, отдав всю свою страсть философии, уже не может вместить в свое сердце романтическую любовь, так, с другой, он напрочь отвергает романтическую антропологию греческих руссоистов, прославлявших первобытную жизнь. Люди были крепче в те времена — разумеется; но они обитали в пещерах без огня, совокуплялись, не зная супружества, убивали без всякого закона и умирали от голода так же часто, как жители цивилизованных стран умирают от переедания²¹. О том, как же происходило становление цивилизации, Лукреций повествует в превосходном очерке античной антропологии. Общественная организация позволила людям выжить в борьбе с животными, куда более сильными, чем они сами. Человек научился добывать огонь трением листьев или веточек, развил из языка жестов настоящий, звучащий язык и создал музыку, подражая пению птиц; он приручил животных для выполнения своих задач и укротил сам себя при помощи брака и законов; он стал возделывать землю, ткать одежду, отливать из металлов орудия; он занялся наблюдениями за небесным сводом, научился измерять время и благодаря этому ходить по морю; он усовершенствовал искусство убивать, поработил слабого и построил города и государства. История — это шествие государств и цивилизаций, которые поднимаются, процветают, приходят в упадок и умирают; но все эти общества оставляют цивилизующее наследие в виде обычаев, морали и искусств своим преемникам. «Словно бегуны, они передают друг другу жизненную лампаду» (*et quasi cursores vitae lampada tradunt*)²².

Все вещи, способные расти, подвержены также упадку: органы, организмы, семьи, государства, расы, планеты, звезды; только атомы никогда не погибают. Силы, творящие и способствующие развитию, уравниваются в непрестанном чередовании жизни и смерти силами разрушения. В природе изначально присутствует зло, как и добро; страдание, даже незаслуженное, — удел каждой жизни, и распад, словно гончий пес, неутомимо бежит по следам любого развития. Даже наша земля постепенно умирает: ее разламывают землетрясения. Земля все более истощается, дожди и реки разъедают ее, и даже горы, размываемые ими, окажутся в конце концов на дне морском. Однажды и вся наша звездная система падет жертвой собственной бренности: «Так же с теченьем времен и стены великого мира, / Приступом взяты, падут и рассыплются грудой развалин»²³. Но и в самый момент гибели заявляет о себе непобедимая витальность нашего мира. «...Мешается стон похоронный / С жалобным криком детей, впервые увидевших солнце»²⁴. Образуется новая система: новые звезды и планеты, другая земля, юная жизнь. Эволюция начинается заново.

Оглядывая это «самое поразительное произведение во всей античной литературе»²⁵, мы должны в первую очередь принять во внимание его недостатки: хаотичность композиции, которая не была пересмотрена поэтом из-за безвременной смерти; повтор фраз, строк, целых пассажей; представление о солнце, луне и звездах как о светилах не больших размеров, чем они представляются нашему глазу²⁶; неспособность всей этой системы объяснить, как мертвые атомы приводят к возникновению жизни и сознания; глухота к озарениям, утешениям, вдохновению и волнующей поэзии веры, непонимание моральной и социальной функций религии. Но все эти погрешности кажутся ничтожными, если сопоставить их с масштабностью предприятия, в котором смелая попытка рационально интерпретировать универсум, историю, религии,

болезни*; изображение природы как мира закона, где ни материя, ни движение не терпят ни убыли, ни прироста; величие темы и благородство изложения; неослабевающая мощь воображения, которое во всем чувствует «великолепие вещей» и поднимает видения Эмпедокла, науку Демокрита и этику Эпикура до вершин, которых не часто удавалось достичь поэзии. Его язык по-прежнему грубоват и незрел, почти начисто лишен философской или научной терминологии; Лукреций не просто творит новые слова, он направляет старинную речь в новые русла ритма и грации; и, с одной стороны, наделив гекзаметр беспримерной мужественностью и мощью, он способен, с другой, извлекать из него медоточивость и легкость Вергилиева стиха. Непреходящая жизненность его поэмы зачисляет Лукреция в ряды тех, кто среди всех тягот и разочарований наслаждался существованием и вычерпал его без остатка за время, отпущенное ему между рождением и смертью.

Как он умер? Святой Иероним сообщает, что «Лукреций был доведен до безумия любовным зельем после того, как написал несколько книг поэмы... Он умер от своей собственной руки на сорок четвертом году жизни»²⁸. Это сообщение не подкреплено другими независимыми источниками и вызвало много сомнений; мы не вправе ожидать от святого объективных сведений о Лукреции. Некоторые ученые находят подтверждение этой версии в неестественной напряженности поэмы, слабости ее композиции и неожиданном финале²⁹; но возбуждимость, неупорядоченность, наконец, смерть — это еще не весь Лукреций.

Как и Еврипид, Лукреций очень современен. Его мысли и чувства гораздо ближе нашему времени, чем столетию, предшествовавшему рождению Христа. Гораций и Вергилий находились под глубоким впечатлением от поэмы Лукреция в годы своей молодости и не раз поминали его, не называя имени, в пышных и гордых стихах. Но усилия Августа, стремившегося к восстановлению старинных верований, сделали для этих протезов императора невозможным и неразумным открытое признание своего восхищения и своего долга перед Лукрецием. Эпикурова философия так же не соответствовала римскому духу, как практическое эпикурейство подходило римским вкусам эпохи Лукреция. Рим желал познакомиться с метафизикой, которая воспевала бы скорее мистическую мощь, чем природный закон; этикой, которая сделала бы народ мужественным и воинственным, а не гуманным почитателем мира и покоя; наконец, с политической философией, которая, как философия Вергилия и Горация, смогла бы дать оправдание Римскому имперскому господству. Когда после Сенеки тяга к вере приобрела новый размах, Лукреций был почти позабыт. До тех пор пока Поджо не открыл его вновь в 1418 году, он не оказывал никакого влияния на европейскую мысль. Веронский врач Джироламо Фракастро (1483—1553) заимствовал у поэта теорию возникновения болезни, которая объясняла недуги воздействия вредных «семян» (*semina*), рассеянных в воздухе; в 1647 году Гассенди возродил атомистическую философию. Вольтер постоянно перечитывал *De rerum natura* и был согласен с Овидием в том, что эти мятежные строки будут живы, пока жива земля³⁰.

* Существует немало семян всевозможных, Как указал я уже, из которых одни животворны, Но и немало таких, что приводят к болезни и смерти...²⁷

В нескончаемой тяжбе Запада и Востока, «милосердных» и утешительных верований и «немилосердной» и материалистической науки Лукреций в одиночку вступил в самый жестокий бой своего времени. Он, конечно же, остается величайшим поэтом-философом. В нем, как в Катулле и Цицероне, латинская литература достигла своей зрелости, и первенство в литературе наконец было отвоевано Римом у Греции.

III. ЛЮБОВНИК ЛЕСБИИ

В 57 г. до н.э. тот самый Гай Меммий, которому Лукреций посвятил свою поэму, покинул Рим, чтобы занять должность претора в Вифинии. В соответствии с обыкновением римских наместников он взял с собой писателя. Это был не Лукреций, но поэт, отличный от него во всем, за исключением силы своей страстности. Квинт (или Гай) Валерий Катулл пять лет назад прибыл в Рим из своего родного города Вероны, где его отец занимал достаточно высокое положение, чтобы быть частым гостеприимцем Цезаря. Сам Квинт тоже, очевидно, располагал приличным достатком, так как он был владельцем вилл близ Тибура и на озере Гарда, а также изящного особняка в Риме. Он говорит о своих владениях как заложенных и перезаложенных и все время твердит, что беден; однако картина, складывающаяся из его стихотворений, позволяет нам представить себе утонченного светского человека, который не беспокоится о том, как заработать себе на пропитание, но, ни в чем себя не ограничивая, вращается в одном из самых «диких» кружков столицы. Самые лучшие дарования, умнейшие молодые ораторы и политики принадлежали к этому обществу: Марк Целий, безденежный аристократ, который был готов стать чуть ли не коммунистом; Лициний Кальв, блестящий поэт и юрист; Гельвий Цинна, поэт, которого распаляемая Антонием толпа спутает с одним из убийц Цезаря и забьет до смерти. Эти люди противостояли Цезарю, сочиняя на него эпиграммы, не сознавая того, что их литературный мятеж есть не что иное, как отражение революционной ситуации, в которой им довелось жить. Они устали от старых форм в литературе, от грубости и напыщенности Невия и Энния; они хотели воспевать чувства молодого поколения в новых лирических размерах, с утонченностью и изысканностью формы, которая была некогда известна грекам эпохи Каллимаха, поэта из Александрии, но которая была чем-то новым и неслыханным для Рима. Они не были удовлетворены старой моралью, им претил *mos maiorum*, о котором им прожужжали все уши не способные к творчеству старики; они провозгласили святость инстинкта, невинность желания и величие мотовства. Они, как и Катулл, были не хуже, чем другие молодые литературные клинки своего и следующего поколений; Гораций, Овидий, Тибулл, Проперций, даже застенчивый Вергилий в молодости ставили в центр жизни и поэзии любую женщину, замужнюю или нет, которая могла подкармливать их музу легкой непостоянной любовью.

Самой яркой представительницей женщин этого круга была Клодия, принадлежавшая к старому гордому роду Клавдиев, который выносил в своем чреве даже нескольких императоров*.

* См. с. 150 настоящего тома.

Апулей уверяет нас³¹, что именно ее Катулл называл Лесбией в память Сафо, стихотворения которой ему случалось переводить, которой он часто подражал и не переставал восхищаться. Приехав в Рим двадцатидвухлетним юношей, он добился ее дружбы, пока ее муж управлял Цизальпинской Галлией. Он был восхищен, когда увидел, как «она ставит свою прекрасную ножку на истертый порог»; он называл ее своей «сиятельной богиней изящного шага»; и действительно, женской походки, как и голоса, порой бывает достаточно, чтобы завладеть сердцем мужчины. Она принимала его любезно — как одного из сонма ее почитателей, и охваченный страстью поэт, неспособный состязаться со своими соперниками в других дарах, положил к ее ногам прекраснейшие из когда-либо написанных на латыни стихов. Для нее он превосходно перевел описание любовного безумия, оставленное Сафо, ведь теперь оно бушевало и в его сердце³²; в знак зависти к воробушку, которого она часто прижимала к своей груди, он написал следующий шутливый перл:

Милый птенчик, любовь моей подружки!
 На колени приняв, с тобой играет
 И балует она и милый пальчик
 Подставляет для яростных укусов...
 Тут и я поиграть с тобой хотел бы,
 Чтоб печаль отлегла и стихло сердце *.

(Перевод А. Пиотровского)

На какое-то время он полностью отдался своему счастью, каждый день стремился оказывать ей какие-нибудь услуги, читал ей свои стихи и забыл обо всем, кроме своего увлечения.

Будем, Лесбия, жить, любя друг друга!
 Пусть ворчат старики,— что нам их ропот?
 За него не дадим монетки медной!
 Пусть восходят и вновь заходят звезды,—
 Помни: только лишь день погаснет краткий,
 Бесконечную ночь нам спать придется.
 Дай же тысячу сто мне поцелуев,
 Снова тысячу дай и другую сотню,
 И до тысячи вновь и снова до ста,
 А когда мы дойдем до многих тысяч,
 Перепутаем счет, чтоб мы не знали,

* Еще никому не удавалось переложить произведения Катулла равноценным им английским языком. (К счастью, на русском языке существуют превосходные переводы стихотворений Катулла. — Прим. пер.) (Катулл, II, 1—6):

Passer, deliciae meae puellae,
 quicum ludere, quem in sinu tenere,
 cui primum digitum dare adpetenti
 et acris solet incitari morsus,
 cum desiderio meo nitenti
 carum nescio quid libet iocari...³³

Чтобы слазить не мог нас злой завистник,
Зная, сколько с тобой мы целовались *.

(Перевод А. Пиотровского)

Мы не знаем, сколько продлилось это упоение; возможно, его «тысячи» утомили ее и она, изменившая с ним мужу, с облегчением изменила и ему. Ее благосклонность была теперь настолько беспредельна, что Катулл, потеряв рассудок, воображал, что «она обнимает три сотни прелюбодеев сразу»³⁵. В самый разгар любви он стал понимать, что в то же время и ненавидит ее (*odi et amo*)³⁶, и воспользовался предвосхищающим Китса образом, чтобы опровергнуть ее заверения в вечной верности:

Так говорит. Но что женщина в страсти любовнику шепчет,
В воздухе и на воде быстротекущей пиши!³⁷

(Перевод А. Пиотровского)

Когда острые сомнения сменились тягостной уверенностью, на смену его страсти пришли горечь и стремление отомстить поглубже и уязвить побольнее; он обвинял ее в том, что она отдается кабацким завсегдатаям, осыпал ее новых возлюбленных непристойностями и поэтически задумывался о самоубийстве. И все же в его сердце оставалось место и для более благородных чувств: он пишет для своего друга Манлия трогательный эпиталямий, или свадебную песнь, завидуя дружескому участию, которое ждет того в браке, безопасности и устойчивости его дома и блаженным мукам отцовства. Он стремительно бежит прочь со сцены, на которой протекала его любовная драма, и сопровождает Меммия в поездке в Вифинию, однако его надеждам на то, что там ему удастся укрепиться духом или пополнить свой кошелек, не суждено было осуществиться. Он свернул с пути, чтобы найти могилу брата, умершего в Троаде; над ней он трепетно исполнил завещанные предками погребальные обряды, а вскоре сочинит нежные строки, которые подарят миру знаменитую фразу:

Много морей переплыв и увидевши много народов,
Брат мой, достиг я теперь грустной гробницы твоей,
Чтобы последний принести тебе дар, подобающий мертвым...
Жаркой слезою дары эти смочены, плачем последним.
Здравствуй же, брат дорогой! Брат мой, навеки прощай! **

(Перевод А. Пиотровского)

* (Катулл, V):

Vivamus, mea Lesbia, atque amemus,
rumoresque senum severiorum
omnes unius aestimemus assis.
Soles occidere et redire possunt;
nobis cum semel occidit brevis lux,
nox est perpetua una dormienda.
Da mi basia mille, deinde centum
dein mille altera, dein secunda centum...³⁴

** Multas per gentes et multa per aequora vectus
advenio has miseras, frater, ad inferias,
ut te postremo donarem munere mortis...
Accipe fraterno multum manantia fletu,
atque in perpetuum, frater, ave atque vale.³⁸

Пребывание в Азии изменило и смягчило его. Скептик, прежде называвший смерть «сном в вечной ночи», был взволнован, столкнувшись здесь с древними религиями и церемониями Востока. В богатых и летучих стихах лучшего его стихотворения — «Аттис» — он с живым возбуждением описывает культ Кибелы, и ему удалось передать чужеземный жар в плаче оскопившего себя юноши, страстного почитателя богини, в его сокрушениях о радостях и друзьях своей молодости. «Пелей и Фетида» — это пересказ предания о Пелее и Ариадне, написанный такими мелодичными и сладостными гекзаметрами, что даже у Вергилия мы вряд ли найдем что-нибудь похожее. На небольшом суденышке, купленном в Амастриде, он под парусом ходил по Черному морю, по Эгеиде, Адриатике, поднялся вверх по течению реки По к озеру Гарда, достигнув своей виллы, расположенной в Сирмионе. «Разве существует лучший способ бежать от волнений мира, — вопрошает он, — чем вернуться к нашим домам и алтарям и уснуть на любимом ложе?»³⁹ Сначала человек отправляется на поиски счастья, а под конец ему достаточно просто покоя.

Мы знаем Катулла гораздо ближе, чем большинство римских поэтов, потому что предмет его изображения — это почти всегда он сам. Эти лирические клики любви и ненависти открывают нам чувствительную и добрую душу, которая способна с щедростью сердца относиться даже к родственникам, но которая чересчур сосредоточена на себе, намеренно непристойна и безжалостна к врагам. Он продавал гласности их самые интимные слабости, их гомосексуальные наклонности, он не гнушался говорить о том, как пахнут их тела. Один из них по древнему испанскому обычаю⁴⁰ чистит зубы мочой; у другого так разит изо рта, что, если раскрыть его полностью, все те, кто находится поблизости, повалятся замертво⁴¹. Катулл может без труда переходить от слов любви к рассказу об экскрементах, от поцелуев к заднице; он может порой быть достойным соперником Марциала как знаток римских подворотен, и его стихи наводят на мысль о том, что в его современниках были смешаны первобытная грубость и вполне цивилизованная просвещенность, словно образовавший римлянин, как бы ни был он начитан в греческой литературе, никак не мог забыть атмосферы конюшни и военного лагеря. Катулл, как и Марциал, ссылается в свое оправдание на то, что ему приходится удобрять свои строки нечистотами, чтобы удержать читателя.

Все эти недостатки искупаются добросовестностью и совершенством его стиха. Его одиннадцатисложники поражают естественностью и спонтанностью ритма, которых не сможет достичь даже Гораций при помощи всей своей поэтической техники, и время от времени превосходят изяществом самого Вергилия. Нужно было обладать величайшим искусством, чтобы притворяться таким безыскусным, и Катулл неоднократно упоминает о том, скольких трудов ему стоило добиться этой прозрачной ясности и очевидной непринужденности. В этом немалую помощь оказал ему тот лексический запас, который он застал в современном ему языке; он поднимал слово народной речи до поэзии и обогатил литературную латынь как ласкательными, уменьшительными словечками, так и кабацким жаргоном. Он избегал инверсий и неясности, и его стих ласкает ухо своей плавностью. Он сосредоточенно изучал поэтов эллинистической Александрии и архаической Ионии: овладел гладкостью Каллимаховой техники и его метрическим разнообразием, здоровой прямой Архилоха, отдающим вином богатством Анакреонта, любовным самозабвением Сафо; в действительности, именно благодаря ему мы

еще можем строить какие-то предположения насчет того, как же писали эти поэты. Он настолько скрупулезно осваивал их наследие, что из ученика стал ровней. Для латинской поэзии он сделал то же, что Цицерон для латинской прозы: он застал язык, чреватый великими возможностями, но еще не разработанный, и возвел его в ранг искусства, в котором его смог превзойти один лишь Вергилий.

IV. УЧЕНЫЕ

Как писались, иллюстрировались, переплетались, публиковались, продавались римские книги? Для нужд школы, коротких заметок, текущих коммерческих записей римляне в течение всей античности писали стилем на навощенных дощечках, стирая написанное большим пальцем. Древнейшие памятники литературной латыни, известные нам, писались пером и чернилами на бумаге, производившейся в Египте из спрессованных и склеенных листьев папируса. В первых веках нашей эры стал изготавливаться пергамент из высушенных шкур животных, который составил серьезную конкуренцию папирусу в качестве материала для литературных и важных документальных записей. Развернутый лист мог складываться в диплом (diploma, буквально — «двойная складка»). Обычно литературное произведение выпускалось в виде свитка (volumen — «сверток»), и по мере того, как читатель продвигался вперед, свиток разворачивался. Текст, как правило, писался в две или три узкие колонки на одной странице, часто в нем отсутствовали знаки препинания и даже слова могли писаться без интервалов. Некоторые манускрипты иллюстрировались при помощи чернил; Imagines («Портреты») Варрона были снабжены изображениями семисот знаменитых людей, и каждый портрет сопровождался биографической справкой. Опубликовать рукопись мог любой. Для этого было достаточно нанять рабов, которые изготовили бы копии, а потом эти копии пустить в продажу. Богатые люди держали особых слуг, которые переписывали для них те книги, которые они хотели приобрести. Так как копиисты работали не столько за деньги, сколько за еду, книги были дешевы. Первые «тиражи» составляли обычно около тысячи экземпляров. Книготорговцы покупали всю партию у издателей, таких, как Аттик, а затем продавали книги в розницу в книжных лавках, размещенных в торговых рядах. Ни издатель, ни книготорговец не давали автору ничего, кроме хорошего отношения да случайных подарков. Гонораров не существовало. Частные библиотеки были многочисленны; около 40 г. до н.э. Азиний Поллион сделал из своего большого собрания первую римскую публичную библиотеку. Цезарь задумывался о создании еще более крупной библиотеки, и Варрон был назначен ее директором; но это его начинание, как и многие другие, было доведено до конца только Августом.

Благодаря тому, что в ее распоряжении оказались такие средства, римская литература, а с ней и наука начали сравниваться с александрийским уровнем трудолюбия и учености. Поэмы, памфлеты, истории, учебные пособия обрушились на читателя словно валы Тибра; каждый аристократ украшал свои выходки стихами, каждая дама сочиняла музыку и слова песен, каждый полководец писал воспоминания. Это была эпоха «обзоров»; сжатые изложения, посвященные всевозможнейшим предметам, стремились удовлетворить запросы бегущего вперед коммерческого века. Марк Теренций Варрон, несмо-

тря на многие военные походы, нашел за те восемьдесят девять лет, что были ему отпущены (116—26 гг. до н.э.), достаточно времени для того, чтобы дать обзор практически всех ветвей современной ему науки; его 620 «томов» («volumes» — около семидесяти четырех книг) стали для его современников энциклопедией, освященной авторитетом одного человека. Увлеченный этимологическими штудиями, он написал трактат «О латинском языке», который является сегодня нашим главным проводником в мир языка раннего Рима. Возможно, откликаясь на пожелание Августа, в своей работе «О сельской жизни» (*De re rustica*, 36 г. до н.э.) он попытался вдохновить сограждан вернуться к земле, что явилось бы, по его мнению, лучшим средством бежать от беспорядка, вызванного междоусобной враждой. «Восьмидесятый год моей жизни, — пишет он в предисловии, — убеждает меня, что я должен собирать свои пожитки и готовиться к жизни в деревне»⁴²; ему хотелось бы, чтобы его завещанием стала именно эта книга — руководство по счастливой и мирной сельской жизни. Он восхищался здоровьем женщин, которые разрешались от бремени в поле и вскоре вновь приступали к работе⁴³. Он с горечью говорил о падении рождаемости, которое вело к изменению в составе римского населения; «прежде женщина гордилась тем, что боги благословили ее детьми; теперь они вместе с Энием похваляются, что скорее приняли бы участие в трех сражениях, чем родили одного ребенка». В своих размышлениях «О божественных древностях» он заключает, что плодovitость, порядок и храбрость народа нуждаются в моральных заповедях, поддерживаемых религиозными представлениями. Принимая проводившееся великим юристом Квинтом Муцием Сцеволой разделение религии на два рода — религию философов и религию народа⁴⁴, — он ратует за то, чтобы вторая, несмотря на все недостатки, которые обнаруживает в ней разум, сохранялась; и хотя сам он был приверженцем довольно расплывчатого пантеизма*, он предпринял серьезную попытку реставрировать почитание древних римских богов. Находясь под влиянием Катона и Полибия, он, в свою очередь, оказал решающее воздействие на религиозную политику Августа и благочестивое почитание сельской жизни Вергилия.

Словно для того, чтобы довершить начатое Катонem во всех областях научной деятельности, Варрон написал продолжение «Начал» — «Жизнь римского народа» — историю римской цивилизации. Невероятно жалко, что время не пощадило эту и почти все остальные работы Варрона, в то время как сохранило биографии, написанные Корнелием Непотом для школьников. В Риме история была искусством, никогда наукой; даже в Таците она не поднимается до критического отношения к своим источникам. Однако история как риторическое упражнение нашла в эту эпоху своего представителя — блестящего Гая Саллюстия Криспа (86—35 гг. до н.э.). Он играл значительную роль как политик и сражавшийся на стороне Цезаря воин, управлял Нумидией, был мастером воровства и тратил состояние на женщин; затем он удалился на покой, чтобы предаться роскоши и заняться словесностью на своей римской вилле, которая славилась садами и стала впоследствии домом императоров. Его книги, как и политическая деятельность, были продолжением войны мирными средствами; его «История», «Югуртинская война» и «Заговор Катилины» были замечательными апологиями партии популяров и мощными атака-

* «Душа мира есть Бог, и его части суть истинные божества»⁴⁵.

ми на «старую гвардию». Он расписывал моральное разложение Рима, обвинял сенат и суды в том, что они ставят права собственности выше прав человека, и вложил в уста Мария речь о природном равенстве всех классов, содержащую требование открыть доступ к государственной карьере таланту, невзирая на его происхождение⁴⁶. Он углублял свое повествование посредством философских экскурсов и психологического анализа характера, он выковал стиль, выдающийся своей эпиграмматической сжатостью и живой стремительностью, послужившей образцом для Тацита.

Этот стиль, как и большая часть современной Саллюстия римской прозы и прозы следующих поколений, заимствовал свой тон и окраску у ораторов, выступавших в суде и на Форуме. Развитие профессии юриста и экспансия «болтокрации» повысили спрос на произносимые перед народом речи. Несмотря на враждебность со стороны правительства, риторические школы росли и множились. «Риторы,— говорил Цицерон,— теперь повсюду». Величайшие мастера этого искусства появились в первой половине первого века до Рождества Христова: Марк Антоний (отец Марка), Луций Красс, Сульпиций Руф, Квинт Гортензий. Мы можем представить себе, какие сильные нужны были легкие, когда узнаем о том, что зачастую все желающие выслушать выступления ораторов не помещались на Форуме и следили за дискуссиями, устройшись в близлежащих храмах и свешиваясь с балконов. Цветистое красноречие и продажная совесть Гортензия сделали его любимцем аристократии и одним из богатейших жителей Рима*. Своим наследникам он оставил 10 тысяч бочек вина⁴⁶⁶. Его выступления были настолько живыми, что знаменитые актеры Росций и Эсоп посещали суды, на которых он представлял интересы одной из сторон, чтобы улучшить свою игру, изучив его жестикуляцию и произношение. По примеру Катона Старшего он пересматривал и лишь затем публиковал свои речи — искусство, которое усовершенствовал его соперник Цицерон и которое способствовало распространению влияния риторики на всю римскую прозу. Именно благодаря ораторам латинский язык достиг высот яркого красноречия, мужественной мощи и почти восточного изящества. И действительно, ораторы следующих поколений, пришедшие вслед за Гортензием и Цицероном, порицали роскошное убранство и страстное кипение того, что они называли «азиатским» стилем; Цезарь, Кальв, Брут и Поллион были приверженцами более спокойного, чистого, экономичного «аттического» стиля. Здесь, в эти давние времена, оформилась линия фронта между «романтизмом» и «классицизмом» — между эмоциональным и интеллектуальным подходами к миру и соответствующими им стилями. Даже в ораторском искусстве, жаловались молодые классицисты, Восток одолевает Рим.

V. ТВОРЧЕСТВО ЦИЦЕРОНА

Гордясь своими речами и понимая, что ими творится великая литература, Цицерон очень серьезно отнесся к критике со стороны «аттической» школы и защищал свои взгляды и творческую практику в серии трактатов, посвященных риторике. В полных жизни диалогах он наметил основные фазы развития

* Варрон утверждает, что Саллюстий «был уличен в прелюбодеянии Аннием Милоном, немилосердно избит плетями, и ему разрешили убежать только после того, как он выложил изрядную сумму денег»⁴⁶⁶; однако, возможно, что и эти утверждения продиктованы политическими соображениями.

римского красноречия и изложил правила составления, ритмизации и произнесения речей. Он не соглашался с тем, что его стиль — «азиатский», и утверждал, что создавал его, пользуясь таким образцом, как Демосфен; наконец, он напоминал, что аттицисты своей холодной и бесстрастной речью способны погрузить слушателей в дрему или обратить в бегство.

Пятьдесят семь речей, дошедших до нас от Цицерона, превосходно иллюстрируют все приемы успешного ораторского творчества. Они отличаются страстным изображением одной стороны вопроса или характера, они развлекают слушателей шутками и анекдотами, они апеллируют к тщеславию, предвещают, рассудкам, эмоциям, патриотизму и благочестию, они безжалостно выводят на свет божий действительные или известные только по слухам, общественные или частные пороки оппонента или его клиента, они хитроумно отвлекают внимание от уязвимых мест излагаемой точки зрения, они изобилуют нагромождениями риторических вопросов, выстроенных таким образом, что ответ на них или невозможен, или приносит прямой вред отвечающему, они сыплют обвинениями, заключенными в мерные периоды, каждый из которых — удар бича, а их поток способен одолеть любого противника. Эти речи и не претендуют на то, чтобы быть справедливыми; они представляют собой скорее диффамации, чем декламации; речи эти пользовались той свободой злоупотребления, которая, пусть и недопустима для сцены, не порицалась на Форуме и в судах. Цицерон не колеблется ни секунды, когда ему хочется назвать своих жертв «свиньи», «чума», «убийца», «грязь»; он говорит Пизону, что девственницы убивают себя, лишь бы избежать его распутства, и готов содрать с Антония шкуру за то, что тот позволяет на людях показывать свою привязанность к жене. Слушатели и судейские коллеги с удовольствием внимали этим поношениям, и никто не относился к ним слишком серьезно. Цицерон вполне дружески переписывался с Пизоном через несколько лет после бешеной атаки, предпринятой в речи «Против Пизона». Следует допустить, что речи Цицерона изобилуют скорее проявлениями эгоизма и риторичности, чем нравственностью и искренности, философичности, даже юридического остроумия и глубины. Но зато какое красноречие! Даже Демосфен не был столь бодр, витален, столь неисчерпаемо находчив, полон соли и охоч до брани. Безусловно, ни один человек ни до ни после Цицерона не говорил на такой соблазнительной чарующей латыни, такой плавной, изящной и страстной. Это была вершина римской прозы. «Тебе удалось открыть все сокровища ораторского искусства,— говорил Цезарь, посвящая свою книгу «Об аналогии» Цицерону,— и ты первый задействовал все их на практике. Ввиду этого римский народ премного тебе обязан, и ты — украшение своей родины. Ты заслужил триумф, который дороже триумфов величайших полководцев. Ибо куда более благородное занятие — расширять пределы человеческого разума, чем пределы Римской империи»⁴⁷.

Речи выдают в нем политика; письма Цицерона раскрывают его человеческие качества, и благодаря им мы можем простить даже политика. Почти все они диктовались секретарю и никогда не пересматривались Цицероном; большинство из них не предназначались для опубликования. В силу этого тайники человеческой души нечасто обнажались так открыто. «Тот, кто читает эти письма,— говорил Непот,— не нуждается в том, чтобы читать историю этого времени»⁴⁸. В них наиболее жизненная часть революционной драмы может быть увидена как бы изнутри, без шор. Обычно они писались безыскусным и

прямым языком и были исполнены остроумия и юмора⁴⁹. Их язык представляет собой притягательную смесь литературного изящества и разговорной легкости. Это самая интересная часть Цицеронова наследия, а по большому счету и всей латинской прозы. Вполне понятно, что в столь крупном собрании писем (864 единицы, из них девяносто писем адресованы Цицерону) встречаются иногда противоречия и неискренность. Здесь нет и следа того религиозного благочестия и веры, которыми изобилуют трактаты Цицерона или те его речи, в которых он разыгрывает богов, словно свой последний козырь. Его частное мнение о различных людях, особенно о Цезаре, не всегда согласуется с его публичными заявлениями⁵⁰. Его невероятное тщеславие проявляется здесь не столь назойливо, как в речах, судя по которым, он повсюду таскал за собой свою собственную статую. Он с усмешкой признается: «Мое собственное одобрение значит для меня гораздо больше, чем одобрение кого бы то ни было еще»⁵¹. Он уверяет нас с очаровательной невинностью: «Если и нашелся когда-нибудь человек, чуждый стремления к пустой славе, то это я сам»⁵². Забавно обнаружить в этой коллекции такое количество писем, посвященных денежным проблемам, и столько хлопот о содержании такого количества домов. Не считая скромных вилл в Арпине, Астурах, Путеолах и Помпеях, Цицерон владел поместьем в Формиях, стоившим около 250 000 сестерциев, еще одним в Тускуле, оценивавшимся в 500 000, и дворцом на Палатине, за который он отдал 3 500 000 сестерциев*. Такой комфорт философу должен был бы показаться чем-то возмутительным.

Но кто из нас столь добродетелен, чтобы его репутация пережила публикацию интимной переписки? И действительно, чем больше мы читаем эти письма, тем с большей симпатией начинаем относиться к этому человеку. У него было не больше недостатков, а может быть, и не больше тщеславия, чем у нас; он допустил ошибку, обессмертив их своей совершенной прозой. В лучшие минуты своей жизни он много и тяжело трудился, был нежным отцом, добрым другом. Мы застаем его у себя дома, любящим свои книги и своих детей, пытающимся полюбить свою жену, страдающую ревматизмом и гневливую Теренцию, которая была так же богата и красноречива, как и он сам. Они были слишком богаты, чтобы жить счастливо; они спорили и ссорились всегда по-крупному; наконец, уже в пожилом возрасте он развелся с ней по причине каких-то финансовых разногласий. Вскоре после этого он женился на Публилии, которая прельстила его тем, что у нее было больше денег, чем лет. Но когда она стала выражать свое недовольство его дочерью Туллией, он отправил назад и Публилию. Его любовь к Туллии превосходила человеческое разумение; он почти обезумел от горя после ее смерти и хотел построить ей храм, словно божеству. Еще более милы письма к Тирону и о Тироне, его главном секретаре, который писал под его диктовку, пользуясь приемами стенографии, и управлял его финансовыми делами настолько умело и честно, что Цицерон наградил его свободой. Самая большая часть писем

* Последняя сумма была занята Цицероном у одного из его клиентов; мы не знаем, вернул ли он этот долг. Так как юристам запрещалось брать гонорары, те вместо этого брали в долг. Другим способом получить вознаграждение за услуги было включение адвоката в завешание клиента. Благодаря посмертным дарам такого или иного рода Цицерон в течение тридцати лет унаследовал 20 000 000 сестерциев⁵³. Государственные установления всегда корректируются установлениями частных лиц.

адресована Аттику, который, вкладывая в дело Цицероновы сбережения, помогал ему выпутываться из денежных затруднений, публиковал его сочинения и давал ему замечательные и оставляемые без внимания советы. К Аттику, который мудро поселился в Греции, когда в Риме вовсю полыхала революция, Цицерон пишет следующее письмо с характерной сердечностью и обаянием:

Нет ничего, о чем бы я сожалел так сильно, как об отсутствии того, с кем я мог бы обсуждать все свои дела; кто любит меня, кто благодарен; с кем я мог бы общаться без лести, притворства или сдержанности. Мой брат, само беспристрастие и доброта, теперь не со мной... И ты, который так часто облегчал мои заботы и волнения своим советом, который привык быть моим сотоварищем в общественных делах, моим доверенным в делах личных, тот, с кем я делился всеми словами и мыслями,— где ты? ⁵⁴

В те бурные дни, когда Цезарь перешел Рубикон, победил Помпея и сделался диктатором, Цицерон на время оставил политику и искал утешения в чтении и писании философских сочинений. «Помни же о моей просьбе,— просил он Аттика,— не давай своих книг кому попало, но придержи их, как ты обещал, для меня. Я испытываю к ним сильнейшую привязанность и чувствую сейчас отвращение ко всему остальному» ⁵⁵. В молодости, выступая в защиту поэта Архия (это одна из самых скромных и привлекательных его речей), он восхвалял и рекомендовал занятия литературой как то, что «питает наше юношество, украшает наше благополучие и дарит радость нашей старости» ⁵⁶. Теперь он воспользовался своим же советом и за два с небольшим года написал чуть ли не целую философскую библиотеку*. Упадок религиозной веры в высших классах привел к образованию нравственного вакуума, который, как казалось, и стал причиной распада римского характера и общества. Цицерон мечтал, что философия может заменить теологию в том отношении, что ей удастся обеспечить для этих классов руководство к действию и стимул к правильному и достойному существованию. Он решил не строить еще одной системы, но обобщить учения греческих мудрецов и преподнести их как прощальный дар своему народу ⁵⁷. Он был достаточно честен, чтобы признаться в том, что он по большей части упрощал, иногда переводил трактаты Панетия, Посидония и других греческих философов, живших незадолго до него ⁵⁸. Но он преобразовывал скучную прозу оригиналов в ясную и изящную латынь, оживлял свои рассуждения при помощи диалога и быстро переходил от пустынь логики и метафизики к животрепещущим проблемам поведения и политической деятельности. Как и Лукреций, он столкнулся с задачей создания новой терминологии; в этом он преуспел, и поэтому и язык и фило-

* «О государстве» (De republica) — 54 г. до н.э.; «О законах» (De legibus) — 52 г. до н.э.; «Академика» (Academica), «Об утешении» (De consolatione) и «О пределах...» (De finibus) — 45 г. до н.э.; «О природе богов» (De natura deorum), «О дивинации» (De divinatione), «О провидении» (De fato), «О добродетелях» (De virtutibus), «Об обязанностях» (De officiis), «О дружбе» (De amicitia), «О старости» (De senectute), «О славе» (De gloria), «Тускуланские беседы» (Tusculanae disputationes) — все 44 г. до н.э. Кроме того, в те же два года (45–44 гг. до н.э.) Цицерон написал пять трактатов об ораторском искусстве.

софия перед ним в долгу. В такую прозу философия не облекалась со времен Платона.

Его главные идеи восходили именно к Платону. Ему был не по вкусу догматизм последователей Эпикура, которые «говорят о божественных предметах с такой уверенностью, что можно вообразить, будто они только что покинули собрание богов»; не слишком ему импонировал и догматизм стоиков, которые чересчур затаскали телеологический аргумент, так что «можно было предположить, что и сами боги были созданы для человеческой пользы»⁵⁹, — идея, которую он сам, будучи в ином расположении духа, находил не столь уж невероятной. Его отправной точкой послужила позиция Новой Академии — мягкий скептицизм, который отвергал окончательную достоверность и находил, что одной вероятности вполне достаточно для нормальной человеческой жизни. «В большинстве предметов, — пишет он, — я предпочитаю придерживаться философии сомнения»⁶⁰. «...Разве могу я не оставить вас в неведении относительно того, чего я и сам не знаю?»⁶¹ «Те, кто стремится узнать мое личное мнение, — пишет он, — проявляют слишком неумеренное и неразумное любопытство»⁶², однако его застенчивость скоро отступает перед его писательским талантом. Он высмеивает жертвоприношения, оракулы и авгурии и посвящает целый трактат тому, чтобы доказать бессмысленность дивинации. Выступая против распространяющегося все шире увлечения астрологией, он спрашивает, неужели все те, кто пал в каннском сражении, родились под одной звездой⁶³. Он даже сомневается в том, будет ли предвидение будущего благом. Будущее может оказаться настолько же безотрадным, как и те истины, к раскрытию которых мы стремимся с такой безрассудной опрометчивостью. Он самонадеянно полагает, что может ограничить воздействие древних верований, осмеяв их и тем самым показав, насколько они устарели. «Когда мы называем зерно Церерой и вино Вакхом, мы пользуемся обыкновенной фигурой речи; неужели ты думаешь, будто кто-нибудь может быть настолько безумен, что поверит в то, что вещь, которую он поедает, и есть само божество?»^{63а} И тем не менее он так же скептивен по отношению к атеизму, как и к любой другой догме. Он отвергает атонизм Демокрита и Лукреция; неправдоподобно, чтобы никем не направляемые атомы, пусть и в сколь угодно долгий срок, совпали в том порядке, которым держится видимый нами мирострой; это столь же вероятно, как и то, что буквы алфавита сами собой сложатся в «Анналы» Энния⁶⁴. То, что мы ничего не знаем о богах, еще не аргумент против их существования; и действительно, доказывает Цицерон, общее согласие человечества свидетельствует скорее в пользу Провидения; религия незаменима для поддержания личной нравственности и социального порядка, и ни один человек, находящийся в своем уме, не станет нападать на нее⁶⁵. Поэтому одновременно с написанием трактата о дивинации Цицерон продолжал выполнять функции официального авгура. Все это не было чистой воды притворством; он предпочел бы назвать это политической мудростью. Римские нравственность, общество и правительство были настолько связаны с древней религией, что не могли оставаться в безопасности, позволив ей умереть. (Императоры будут руководствоваться схожими соображениями, когда развернут преследование христиан.) Когда умерла любимая им Туллия, Цицерон сильнее, чем прежде, стал склоняться к надежде на личное бессмертие. Много лет назад, в «Сне Сципиона», которым оканчивалось его «Государство», он изложил сложный и красноречивый миф о загроб-

ной жизни, заимствованный у Пифагора, Платона и Евдокса. По этому мифу, великий и доблестный покойник получал в удел вечное блаженство. Но в частной переписке — даже в тех письмах, где он приносил соболезнования потерявшим близких друзьям, — он ни разу не упоминает о посмертном существовании.

Прекрасно понимая, что живет в эпоху скепсиса, он основывал свои этические и политические трактаты на чисто светских предпосылках, независимых от сверхъестественных авторитетов. Он начинает свои изыскания (в книге «О пределах добра и зла») с вопроса о том, где же пролегает дорога к счастью, и не без колебаний готов согласиться со стоиками, которые утверждают, что для этого достаточно просто быть добродетельным. Затем (в сочинении «Об обязанностях») он исследует проявления добродетели, и на какое-то время в силу обаяния стиля ему удается представить обязанности и долг чем-то весьма интересным. «Все люди братья, — пишет он, — и Вселенную следует рассматривать как общую обитель людей и богов»⁶⁶. Самой совершенной моралью является сознательное подчинение своего «я» этому целому. Но еще более непосредствен долг человека перед обществом и самим собой. Этот долг заключается прежде всего в том, чтобы добиться прочного экономического фундамента для собственного существования, а затем в том, чтобы выполнять свой гражданский долг. Мудрая государственная деятельность величественней самого тонкого и изысканного философствования⁶⁷.

Монархия — лучшая форма государственного устройства при условии, что монарх — благо, и худшая, если монарх — дурен, — трюизм, в справедливости которого Рим вскоре убедится на собственном опыте. Аристократия хороша, когда у власти действительно стоят наилучшие; однако Цицерон, как представитель среднего класса, не может согласиться с тем, будто старинные и мощные семейства действительно самые лучшие. Демократия — благо, если доблестен народ, чего, как полагал Цицерон, быть не может; кроме того, она основывается на неверной предпосылке — будто люди равны. Лучшей формой государственного строя является смешанная конституция, наподобие той, что существовала в догракховом Риме: демократическая власть народных собраний, аристократическая — сената и почти царская — ежегодных консулов. Монархия без сдержек и противовесов превращается в деспотизм, аристократия — в олигархию, демократия — в правление толпы, хаос и ведет к диктатуре. Цицерон пишет через пять лет после консулата Цезаря, и следующий камешек брошен явно в сторону будущего диктатора:

Платон говорит, что вседозволенность, которую народ называет свободой, — это тот корень, из которого вырастает тирания... и что в конце концов подобная «свобода» обращает всю страну в рабство. Всякая крайность переходит в собственную противоположность... Дело в том, что из такой не подчиняющейся никому толпы, как правило, выдвигается вождь... человек дерзкий и беззастенчивый... который заискивает перед толпой, обещая наделить ее чужой собственностью. Для этого человека, поскольку у него есть серьезные основания опасаться за свою безопасность в случае, если он останется частным лицом, создается государственная должность, которая может обеспечить его защитой, и его полномочия постоянно продлеваются. Он окружает себя вооруженными тело-

хранителями и становится тираном над тем самым народом, который облек его властью⁶⁸.

Тем не менее Цезарь победил; и Цицерон решил, что лучше не проявлять свое недовольство, а заняться толкованием общих мест в сочинениях о праве, дружбе, славе и старости. *Silent leges inter arma* — «среди мечей законы молчат», — говорит он; но и в этих обстоятельствах он мог размышлять о философии права. Следуя стоикам, он определял закон как «правильный разум в согласии с природой»⁶⁹; иными словами, закон стремится к тому, чтобы упорядочить и сделать устойчивыми отношения, возникающие из социальных потребностей человека. «Природа научает нас любить людей» (общество), «и это является основанием права»⁷⁰. Дружба должна базироваться не на взаимной выгоде, но на общих интересах, цементируемых и ограничиваемых доблестью и справедливостью; главной заповедью дружбы является требование «не просить о бесчестных вещах и не делать их, если попросят»⁷¹. Порядочная жизнь — это лучший залог приятной старости. Потакание своим прихотям и распушенность в молодости оставляют пожилому человеку преждевременное состарившееся тело: но жизнь, проведенная хорошо, позволяет сохранить крепость души и тела на долгие годы; свидетельством тому — пример Массинысы. Преданность научным занятиям не дает почувствовать «вороватого приближения старости»⁷². Преклонный возраст, как и молодость, имеет свои положительные стороны — к ним относятся терпимая мудрость, уважение и привязанность детей, охлаждение жара вожделений и честолюбия. Старость может вызвать страх перед смертью, но этого не случится, если разум был причастен философии. В лучшем случае за гробом нас ждет новая и более счастливая жизнь; в худшем — покой⁷³.

В общем, итоги философских изысканий Цицерона достаточно бледны. Как и его государственная деятельность, философствование Цицерона было слишком привязано к ортодоксии и традиции. Он был по-ученому любознателен и, как буржуа, робок; даже в своей философии он оставался политиком, которому не хотелось потерять ни одного голоса в свою пользу. Он собирал идеи других и так хорошо уравнивал все за и против, что мы покидаем его философские прения через ту же дверь, в которую вошли. Эти книги имеют лишь одно искупающее все их недостатки достоинство — скромную красоту Цицеронова стиля. Как приятна его латынь, как легко она читается, как гладко и прозрачно катит свои воды поток речи! Когда он пересказывает какие-нибудь события, он настолько при этом оживляется, что здесь, как и в его речах, читатель не может оторваться от чтения. Когда он описывает чей-нибудь характер, он делает это с таким мастерством, что и сам сожалеет о том, что у него нет времени написать величайшую римскую историю⁷⁴; когда он переходит на шаг, его стиль расцветает уравновешенными предложениями и звучными периодами, — этому искусству научился он у Исократы, и это тот слог, которым он произносил свои речи на Форуме. Его идеи — это идеи высших классов, однако его слог рассчитан на то, чтобы завоевать внимание простого народа; для этого он, не жалея усилий, стремится к ясности, к тому, чтобы наполнить дрожью новизны истертые трюизмы и приправить свои абстракции солью анекдота и остроумия.

Он создал латинский язык заново. Он расширил словарь, сделав из него удобный инструмент для выражения философских понятий, приспособил его

к тому, чтобы стать проводником учености и литературы на протяжении семнадцати европейских столетий. Потомки помнили его скорее как писателя, чем как политического деятеля. Когда, несмотря на все напоминания Цицерона, люди почти забыли о славе его консульства, они не могли не восторгаться его победами в словесности и красноречии. А так как мир с таким же почтением относится к форме, как и к сущности, к искусности, как и к знанию и способностям, он достиг такой славы, которой среди римлян превзошел его один Цезарь. Цезарю он не смог простить именно этой его исключительности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лукреций. *О природе вещей*, III, 1053 сл.
- ² Там же, V, 1045—1071.
- ³ Mommsen, IV, 207.
- ⁴ Fowler. *Religions Experience of the Roman People*, 391.
- ⁵ Лукреций, I, 1—40.
- ⁶ Там же, I, 101.
- ⁷ V, 1202.
- ⁸ I, 73.
- ⁹ II, 646.
- ¹⁰ II, 1090.
- ¹¹ VI, 35.
- ¹² I, 430.
- ¹³ II, 312.
- ¹⁴ IV, 834.
- ¹⁵ V, 419.
- ¹⁶ V, 837.
- ¹⁷ II, 8.
- ¹⁸ V, 1116.
- ¹⁹ II, 29.
- ²⁰ IV, 1052.
- ²¹ V, 925 сл.
- ²² II, 79.
- ²³ II, 1148.
- ²⁴ II, 576.
- ²⁵ Shotwell, *Introduction*, 221.
- ^{25a} Аппиан, II, 2.
- ²⁶ Лукреций, V, 564.
- ²⁷ VI, 1093.
- ²⁸ См.: Eusebius, *Chronicles* in Hadzsits, G., *Lucretius and His Influence*, 5.
- ²⁹ Sellar, *Poets of the Republic*, 277.
- ³⁰ Voltaire, *Lettres de Memmius à Cicéron*, in Hadzsits, 327.
- ³¹ Апулей. *Апология*.
- ³² Катулл. *Стихотворения*, LI.
- ³³ Он же, II.
- ³⁴ V.
- ³⁵ XI.
- ³⁶ LXXXV.
- ³⁷ LX.

- 38 CI.
39 XXXI.
40 XXXVIII.
41 XCVIII.
42 Варрон, предисловие.
43 Там же, II, 10.
44 Блаженный Августин. *О граде Божьем*, V, 27.
45 Там же, VII, 5.
46 Саллюстий. *Югуртинская война*, LXXXV.
46a Геллий, XVII, 18, 1.
46b Плиний, XIV, 17.
47 См.: Weise, O., *Language and Character of the Roman People*, 86.
48 Непот. *Аттик*, XV.
49 См. письмо к Требацию (Цицерон, VII, 10).
50 См. письмо к Лентулу (Цицерон, I, 7) и речь *В защиту Бальба*, 27.
51 *К Аттику*, VII, 1.
52 *Письма*, XV, 4 (письмо к Катону).
53 Boissier, Cicero, 84; Frank, *Economic Survey*, I, 395.
54 *К Аттику*, I, 18.
55 Там же, I, 7.
56 *В защиту Архия*, VII.
57 *О дивинации*, I, 2.1; II, 2.4—5.
58 *Об обязанностях*, II, 17.
59 *О природе богов*, I, 2, 8.
60 *О дивинации*, II, 12, 28.
61 *Академика*, II, 41.
62 *О природе богов*, I, 5.
63 *О дивинации*, II, 47, 97.
63a *О природе богов*, III, 16.
64 Там же, II, 37.
65 Там же, I, 1; *О законах*, II, 7; *Об обязанностях*, II, 72, 148.
66 *О законах*, I, 7.
67 *О государстве*, I, 2.
68 Там же, I, 44.
69 Там же, III, 22.
70 *О законах*, I, 15.
71 *О дружбе*, XII, 40.
72 *О старости*, XI, 38.
73 *Тускуланские беседы*, I.
74 *О законах*, I, 2.

ГЛАВА 9

Цезарь

100—44 гг. до н.э.

I. ПОВЕСА

ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ возводил свою родословную к Юлу Асканию, сыну Энея, внуку Венеры, правнуку Юпитера: он вступил в жизнь и окончил ее как бог. Род Юлиев, хотя и обедневший, принадлежал к числу древнейших и знатнейших родов Италии. Гай Юлий был консулом в 489 г. до н.э., другой представитель этого рода — в 482 г. до н.э., Вописк Юлий — в 473 г. до н.э., Секст Юлий — в 157 г. до н.э., другой Секст Юлий — в 91 г. до н.э.¹ От мужа своей тетушки Мария он словно бы унаследовал политический радикализм. Его мать Аврелия была мудрой и достойной матроной, рачительно управляла скромным домом в нефешенебельной Субуре — районе лавок, кабаков и публичных домов. Здесь и родился в 100 г. до н.э. Цезарь, возможно, в результате операции, носящей его имя*.

«Этот юноша,— сообщает Светоний,— был удивительно понятлив и легко овладевал знаниями». Его учителем латыни, греческого и риторики был галл; общаясь с ним, Цезарь исподволь стал готовиться к величайшему завоеванию своей жизни. Юноша с большим рвением занимался ораторским искусством и едва не сгинул в дебрях детской графомании. Он был спасен тем обстоятельством, что его назначили военным помощником Марка Терма в Азии. Никомед, правитель Вифинии, был настолько им очарован, что Цицерон и прочие сплетники, понося его, утверждали, будто «царь лишил его невинности»². Вернувшись в 84 г. до н.э. в Рим, он женился на Коссутии, чтобы сделать приятное своему отцу; когда вскоре после этого отец умер, он развелся с ней и женился на Корнелии, дочери того самого Цинны, который принял на себя руководство революцией после смерти Марии. Когда к власти пришел Сулла, он приказал Цезарю развестись с Корнелией; когда тот отказался, Сулла конфисковал его наследство и ее приданое и внес Цезаря в проскрипционные списки.

Цезарь бежал из Италии и присоединился в Киликии к римской армии. По смерти Суллы (78 г. до н.э.) он вернулся в Италию, но, увидев, что у власти вновь оказались его враги, опять удалился в Азию. По дороге он был захвачен пиратами, доставлен в одну из их киликийских крепостей, и ему было предложено внести выкуп в двадцать талантов (72 000 долларов); он упрекнул их в том, что они его недооценивают, и предложил им пятьдесят. Отправив своих слуг собирать деньги, он развлекал себя, сочиняя стихи и

* Такой способ родовспоможения был к тому времени уже достаточно древним, о нем упоминается еще в приписываемых Нуме законам. Прозвище (когномен) Цезаря не является производным от названия этой операции (caesus ab utero matris); задолго до него в роде Юлиев была ветвь Цезарей.

читая их своим стражам. Тем стихи не слишком нравились. Он называл их тупыми варварами и обещал повесить, как только представится первая возможность. Когда выкуп был доставлен, он поспешил в Милет, нанял суда и экипажи, выследил и изловил пиратов, вернул выкуп и распял их; но, будучи человеком милосердным, приказал прежде перерезать им глотки³. Затем он отправился на Родос изучать риторику и философию.

Опять оказавшись в Риме, он расходовал свою энергию на политику и любовь. Он был статен, хотя уже тогда его очень удручали редеющие волосы. После смерти Корнелии (68 г. до н.э.) он женился на Помпее, внучке Суллы. Это был чисто политический брак, и по моде своего времени он без зазрения совести заводил связи на стороне. Однако эти связи были столь многочисленны, а его половые предпочтения отличались такой разносторонностью, что Курион (отец одного из его будущих полководцев) называл Цезаря *omnium mulierum vir et omnium virorum mulier*, «мужем всех женщин и женой всех мужей»⁴. Он не откажется от своих привычек и во время военных походов, флиртуя с Клеопатрой в Египте, с царицей Эвной в Нумидии и с таким количеством галльских дам, что солдаты, добродушно подшучивая над ним, называли его *moechus calvus*, «лысым развратником»; в куплетах, которые они распевали во время галльского триумфа, они советовали всем мужьям посадить своих жен под замок и не спускать с них глаз, пока Цезарь находится в городе. Аристократы ненавидели его двойной ненавистью: за то, что он подрывал их привилегии, и за то, что соблазнял их жен. Помпей развелся с женой из-за ее связи с Цезарем. Страстная враждебность Катона имела не только философскую подоплеку: его двоюродная сестра Сервилия была самой преданной из любовниц Цезаря. Когда Катон, подозревая Цезаря в негласной поддержке Катилины, потребовал от него прочесть вслух только что принесенную ему записку, Цезарь передал ее Катону, не говоря ни слова; это было любовное послание от Сервиллии⁵. Она любила Цезаря всю его жизнь, и безжалостная сплетня обвиняла ее позднее, что она отдала свою дочь Терцию на услужение его похоти. Во время гражданской войны Цезарь на публичных аукционах «отстучал» ей некоторые конфискованные поместья непримиримых аристократов по номинальной цене; когда некоторые выражали свое изумление при виде столь смехотворных цен, Цицерон пошутил, прибегнув к грязному каламбуру, который мог стоить ему жизни — *Tertia deducta*, что могло означать: «Третья часть остается за продавцом» — и намекать на слухи о том, будто Сервилия свела Цезаря с дочерью. Терция стала женой главного убийцы Цезаря, Кассия. Так мужские романы сплетаются с потрясениями государства.

Возможно, его многосторонность помогла Цезарю подняться, а затем способствовала его падению. Каждая завоеванная им женщина становилась его влиятельным другом — как правило, в стане врага; и большинство из них оставались преданны ему даже тогда, когда страсть остывала и уступала место учтивости. Красс, хотя о его жене Тертулле говорили, что она — любовница Цезаря, ссужал ему огромные суммы, чтобы тот смог профинансировать избирательные кампании, подкупая народ взятками и играми; было время, когда Цезарь задолжал ему 800 талантов (2 880 000 долларов). Такие займы были отнюдь не искренними проявлениями щедрости или дружбы; это были единовременные взносы, за которые полагалось расплачиваться соответствующими политическими шагами или военной добычей. Красс, как и Аттик,

нуждался в защите и выгодном вложении своих миллионов. Большинство римских политиков того времени наделали немало подобных «долгов»: Марк Антоний был должен 40 000 000 сестерциев, Цицерон — 60 000 000, Милон — 70 000 000, хотя, возможно, эти суммы завышены их консервативными недоброжелателями. Мы должны видеть в молодом Цезаре прежде всего нещепетильного политика и бесшабашного повесу; только потом, с ростом ответственности и величия, он постепенно перевоплотится в одного из самых глубоких и целеустремленных политиков в истории. Хотя нам и доставляет радость знать, как много было у него пороков, мы не должны забывать, что, несмотря на них, он оставался великим человеком. Мы не вправе равнять себя с Цезарем на том лишь основании, что он соблазнял женщин, подкупал вожakov городских районов и писал книги.

II. КОНСУЛ

Цезарь начинал как тайный союзник Катилины, а закончил как преобразователь Рима. Не прошло и года со дня смерти Суллы, как он привлек к суду Гнея Долабеллу, орудие сулланской реакции; судейская коллегия не поддерживала обвинения, зато Цезарь снискал уважение народа своим наступательным демократизмом и блестящим красноречием. Он не мог состязаться с Цицероном в яркости исполнения и остроумии, страстных периодах и риторических бичеваниях противника; в действительности Цезарю не нравился этот «азиатский» стиль, и он воспитал в себе мужественную краткость и суровую простоту, которыми будут отмечены его «Записки», посвященные галльской и гражданской войнам. И все же через короткое время он уже считался оратором, уступающим в красноречивости лишь Цицерону⁶.

В 68 г. до н.э. он был избран квестором, и ему выпало служить в Испании. Он руководил военными вылазками против местных племен, разорял города и собрал добычу, достаточную для того, чтобы рассчитаться с частью кредиторов. В то же время он заслужил благодарность испанских городов тем, что понизил ссудные проценты по займам, предоставленным ранее римскими банкирами. Увидев в Гадесе статую Александра, он упрекнул себя в том, что в том возрасте, когда Македонец завоевал половину Средиземноморья, он почти ничего еще не совершил. Он вернулся в Рим и вновь бросился в гонку за государственными постами и властью. В 65 г. до н.э. он был избран эдилом, или ответственным за публичные работы. Он потратил свои деньги — т.е. деньги Красса — на то, чтобы украсить Форум новыми постройками и колоннадами, и, ища популярности, представил населению безупречные игры. Сулла убрал с Форума трофеи Мария — флажки, картины и доспехи, которые символизировали победы старого радикала; Цезарь восстановил их к радости Мариевых ветеранов; одним этим поступком он дал ясно понять, что будет проводить революционную политику. Консервативные силы протестовали и поставили на нем крест.

В 64 г. до н.э., председательствуя в коллегии, рассматривавшей случаи убийства, он призвал к ответу доживших до этих дней деятельных участников сулланских проскрипций и приговорил некоторых из них к изгнанию или смерти. В 63 г. до н.э. он голосовал в сенате против вынесения смертного приговора сторонникам Катилины и мимоходом заметил в своей речи, что

человеческая личность уничтожается вместе со смертью⁷; очевидно, это была единственная сентенция, которая ни у кого не вызвала раздражения. В том же году он был избран верховным понтификом, или официальным главой римского культа. В 62 г. до н.э. его выбрали претором, и он привлек к суду видного консерватора за присвоение общественных средств. В 61 г. до н.э. в качестве пропретора он должен был отправляться в Испанию, но кредиторы воспрепятствовали его отъезду. Он признавал, что для того, чтобы расплатиться, ему требуется не менее 25 000 000 сестерциев⁸. Спасением он был обязан Крассу, переписавшему на себя все его долговые обязательства. Цезарь уехал в Испанию, провел ряд безупречных, с военной точки зрения, кампаний против племен, тяготевших к независимости, и привез в Рим достаточно трофеев, чтобы не только полностью расплатиться с долгами, но и настолько обогатить государственную казну, что сенат проголосовал за предоставление ему триумфа. Возможно, это была тактическая хитрость со стороны оптиматов; они знали, что Цезарь хотел бы участвовать в консульских выборах, но по закону выставлять свою кандидатуру политику, находящемуся за пределами города, не разрешалось; согласно другому закону триумфатор обязан был оставаться за городскими стенами до тех пор, пока не справит триумф, который был назначен сенатом на время после выборов. Но Цезарь отпраздновал триумф раньше назначенного срока, вошел в город и с неудержимой энергией и ловкостью повел предвыборную борьбу.

Победу ему обеспечило привлечение Помпея на сторону демократов — остроумнейший политический ход. Помпей недавно вернулся с Востока после серии военных и дипломатических успехов. Очистив море от пиратов, он восстановил безопасность средиземноморской торговли и благополучие городов, в которых она вновь стала процветать. Он порадовал римских капиталистов, покорив Вифинию, Понт и Сирию; он свергал и назначал царей, ссужая их средствами, имевшимися в его распоряжении благодаря победам, под немалые ссудные проценты. Он принял огромную взятку от египетского царя, который умолял его прийти и подавить восстание, а затем отказался выполнить соглашение, сославшись на то, что оно было заключено незаконно⁹. Он умиротворил Палестину и сделал ее государством, зависимым от Рима. Он основал тридцать девять городов и восстановил законность, порядок и мир. В общем, его поведение было разумным, по-государственному широким и прибыльным. Теперь он вернулся в Рим с такими богатствами, собранными за счет налогов и пошлин, с таким количеством завоеванных товаров и проданных впоследствии или выкупленных рабов, что был в состоянии внести в государственную казну 200 000 000 сестерциев, повысить ежегодные доходы государства на 350 миллионов, раздать 384 000 000 своим солдатам и сохранить для себя достаточно денег, чтобы соперничать с Крассом в качестве одного из двух богатейших граждан Рима.

Сенат был скорее напуган, чем обрадован всеми этими свершениями. Его членов охватил трепет, когда до них дошла весть о высадке Помпея в Брундизии (62 г. до н.э.) с армией, которая была беззаветно преданна лично ему и могла по одному его слову провозгласить его диктатором. Он великодушно рассеял их опасения, распустив войска перед тем, как войти в Рим, и въехал в город, сопровождаемый только своей личной свитой. Его триумф длился два дня, но даже этого времени оказалось недостаточно, чтобы представить римлянам все его победы и продемонстрировать им всю его добычу. Неблагодар-

ный сенат отверг его просьбу о наделении государственной землей ветеранов, отказался ратифицировать соглашения с побежденными царями и велел вернуться к тем распоряжениям, которые были сделаны Лукуллом во время его пребывания на Востоке и которые игнорировались Помпеем. В результате налаженное Цицероном «согласие сословий», или *concordia ordinum*, рухнуло, бросив Помпея и капиталистов в объятия популяров. Воспользовавшись всеми выгодами создавшегося положения, Цезарь образовал с Помпеем и Крассом Первый Триумvirат (60 г. до н.э.), согласно условиям которого, каждый из них брал на себя обязательство противиться проведению не удовлетворяющих никого из них законопроектов. Помпей согласился поддержать предвыборную кампанию Цезаря, а Цезарь пообещал, что если он будет избран консулом, то добьется принятия мер, которые, несмотря на просьбы Помпея, были отвергнуты сенатом.

Предвыборная борьба была чрезвычайно жесткой, и обе стороны не скупилась на денежные подачки. Когда Катон, вождь консерваторов, услышал о том, что его партия занимается скупкой голосов, он без всяких околичностей заявил, что ничего плохого в этом нет, так как делается это для блага государства. Популяры провели в консулы Цезаря, оптиматы — Бибула. Цезарь не успел еще занять свой пост, как внес в сенат предложения (59 г. до н.э.), выдвигавшиеся ранее Помпеем: распределение земли среди 20 000 беднейших граждан, в том числе и солдат Помпея; утверждение заключенных Помпеем соглашений на Востоке; сокращение на треть суммы налогов, которые должны быть собраны публиканами в азиатских провинциях. Так как сенат отверг все три проекта, Цезарь, как и Гракхи, обратился напрямую к народному собранию. Консерваторы уговорили Бибула воспользоваться своим правом вето, чтобы сорвать голосование, и объявили знамения неблагоприятными. Цезарь проигнорировал предзнаменования и убедил народное собрание отрешить Бибула от должности; какая-то пламенная популярка облила Бибула ушатом помоев. Предложения Цезаря были приняты. Как и в случае с Гракхами, они объединяли аграрную программу с финансовой политикой, благоприятной для всадничества. Помпей был потрясен, убедившись в том, насколько неукоснительно выполняет свои обязательства Цезарь. Он женился на дочери Цезаря Юлии (это был четвертый его брак), и союз между плебсом и буржуазией вылился в свадебный пир. Триумвиры пообещали радикальному крылу своих сторонников, что поддержат Публия Клодия на трибунских выборах осенью 59 г. до н.э. Между тем они старались, чтобы у избирателей было хорошее настроение, и развлекали их при помощи дорогих представлений и игр.

В апреле Цезарь представил новый земельный законопроект, предусматривавший распределение земель, которыми владело государство в Кампании, между беднейшими гражданами, имевшими троих детей. Сенат опять остался не у дел, народное собрание одобрило законопроект, и после столетних усилий политика Гракхов окончательно восторжествовала. Бибул сидел дома и ограничивался констатацией того, что знамения неблагоприятны для рассмотрения новых законов. Цезарь обустроивал государственные дела, не советуясь с ним, так что городские остроумцы называли этот год годом «консульства Юлия и Цезаря». Чтобы сделать сенат подотчетным обществу, он основал первую газету, велел писцам записывать прения в сенате и прочих общественных собраниях и новости, а затем вывешивать эти *Acta Diurna*, или

«Ежедневные ведомости», на стенах форумов. С этих стенных газет сообщения переписывались и развозились частными посыльными во все уголки Империи¹⁰.

На исходе этого исторического консульства Цезарь назначил себя губернатором Цизальпинской и Нарбонской Галлий на следующие пять лет. Поскольку закон запрещал размещать войска в Италии, командование над легионами, стоящими на севере Италии, позволяло доминировать, с военной точки зрения, над всем полуостровом. Чтобы гарантировать устойчивость этого постановления, Цезарь поддержал на консульских выборах своих друзей Габиния и Пизона, которые и стали консулами в 58 г. до н.э., и женился на дочери Пизона Кальпурнии. Чтобы не лишиться поддержки плебса, он оказал решающее влияние на выборы трибунов, и в 58 г. до н.э. Клодий должен был стать трибуном. Он не позволил расстроить свои планы из-за того, что недавно развелся с Помпеей, подозревая ее в том, что она изменила ему с Клодием.

III. МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА

Публий Клодий Пульхр (Красивый) был отпрыском рода Клавдиев, молодым аристократом, который не боялся никого и ничего, а его поведение не сдерживалось никакими нравственными устоями. Как Катилина и Цезарь, он отошел от своего сословия, чтобы возглавить поход бедных против богатых. Чтобы получить возможность быть избранным в народные трибуны, он устроил свое усыновление плебейским семейством. Чтобы перераспределить сконцентрировавшиеся в Риме богатства и сокрушить Цицерона, который некрасиво обошелся с его сестрой Клодией и стоял на защите священного права собственности, он помогал Цезарю, пока не забрезжила надежда взять власть в свои руки. Ему нравился проводимый Цезарем политический курс и Цезарева жена. Чтобы проникнуть к ней, он переоделся женщиной, прокрался в дом Цезаря, который был в это время (62 г. до н.э.) верховным жрецом, принял участие в церемониях, посвященных Благой Богине (Bona Dea) и дозволенных только женщинам, был разоблачен, обвинен, и против него был начат публичный процесс (61 г. до н.э.) за осквернение мистерий богини. Цезарь, который был вызван в качестве свидетеля, сказал, что ему не в чем обвинить Клодия. Но почему же тогда, спросил обвинитель, он развелся с Помпеей? «Потому, — отвечал Цезарь, — что моя жена должна быть выше подозрений». Ответ был превосходен, благодаря ему ценный политический помощник не был ни реабилитирован, ни осужден. Различные свидетели (вероятно, подкупленные) заявили перед судом, будто Клодий состоял в известного рода отношениях с Клодией и соблазнил свою сестру Терцию после того, как она вышла замуж за Лукулла. Клодий, протестуя, объявил, что в день, когда им было совершено приписываемое ему святотатство, его вообще не было в Риме; однако Цицерон засвидетельствовал, что в тот самый день Клодий находился вместе с ним в городе. Народ решил, что все это дело — не что иное, как заговор сенатской партии, направленный на то, чтобы уничтожить лидера популяров, и стал шумно требовать оправдательного приговора. Красс — некоторые утверждают, по воле Цезаря — подкупил часть судей, чтобы те голосовали в пользу Клодия. На какое-то время финансовые возможности радикалов оказались более внушительными, и Клодий был освобожден.

Цезарь воспользовался благоприятной ситуацией и вместо создававшей ему неудобства консервативно настроенной Помпеи взял себе в жены дочь сенатора, поддерживавшего популяров.

Не успел он сложить свои полномочия, как несколько консерваторов предложили полностью пересмотреть принятые в его консульство законопроекты. Катон не скрывал своего мнения, что эти «Юлиевы законы» должны быть стерты из сборников законодательных актов. Сенат не осмеливался настолько открыто бросить вызов Цезарю, стоящему во главе легионов, и Клодию, добившемуся трибуната. В 63 г. до н.э. Катон добился расположения народа, возобновив раздачу государственного зерна. Теперь, в 58 г. до н.э., Клодий постановил, в свою очередь, что вспомоществование сможет получить любой желающий. Он провел через народное собрание законы, запрещающие использовать религиозное вето на проведение законодательных процедур, и легализовал коллегии, которые сенат стремился распустить. Он преобразовал эти общества в избирательные блоки и добился от них такой преданности, что они снабдили его вооруженной охраной. Опасаясь, что по истечении его трибунских полномочий сенат предпримет попытку уничтожить то, что было сделано Цезарем, Клодий убедил народное собрание послать Катона в качестве особого уполномоченного на Кипр и принять закон о том, что всякий, кто предал смерти римского гражданина, не позволив тому, как требует закон, обратиться к народному собранию, подлежит изгнанию. Цицерон понял, что главная мишень этого законопроекта — он сам, и бежал в Грецию, города и высокие сановники которой наперебой предлагали ему свое гостеприимство и почести. Народное собрание постановило, что имущество Цицерона должно быть конфисковано, а его дом на Палатине — разрушен до основания.

Цицерону улыбнулось счастье, когда Клодий на вершине успеха напал сразу на Помпея и Цезаря, намереваясь стать единственным вождем плебса. Помпей отомстил ему тем, что поддержал ходатайство брата Цицерона Квинта о признании оратора обратно в Рим. Сенат призвал всех римских граждан, находящихся в Италии, прийти в столицу и поддержать это предложение. Клодий явился, чтобы следить за ходом голосования, на Марсово поле, окруженный вооруженными головорезами, и Помпей нанял нуждающегося аристократа Анния Милона организовать отряд, враждебный Клодию. Последовали стычки и кровопролитие, многие погибли, и Квинт едва ускользнул от убийц. Но это предложение получило поддержку, и после нескольких месяцев изгнания Цицерон с триумфом вернулся в Италию (57 г. до н.э.). По пути из Брундизия в Рим его приветствовали многолюдные толпы; в Риме число тех, кто пришел его поздравить, было так велико, что Цицерон опасался обвинения в том, будто он нарочно придумал очутиться в изгнании, дабы затем со славой вернуться назад ¹¹.

Очевидно, он почувствовал, что отныне он — должник Помпея, а возможно, и Цезаря, которые способствовали его возвращению. Цезарь ссудил ему значительные суммы для возмещения финансовых потерь и отказался от процентов ¹². На несколько лет Цицерон стал представителем интересов триумвиров в сенате. Когда Риму стала угрожать нехватка зерна (57 г. до н.э.), он добился создания чрезвычайной комиссии с Помпеем во главе, которой предоставлялись особые полномочия и был поручен контроль над подвозом продовольствия в Рим, всеми портами, и торговлей сроком на шесть лет. Помпей вновь с честью вышел из создавшейся ситуации, однако по республикан-

ской конституции был нанесен еще один удар, и верховенство закона продолжало отступать перед авторитетом отдельных людей. В 56 г. до н.э. Цицерон убедил сенаторов проголосовать за предоставление значительных средств для выплаты жалованья войскам Цезаря в Галлии. В 54 г. до н.э. он безуспешно защищал вымогательскую политику наместника Авла Габиния, друга триумвиров. В 55 г. до н.э. он перечеркнул все свои заслуги перед Цезарем злонамеренной атакой на другого провинциального наместника, Кальпурния Пизона. Он слишком живо помнил, что Пизон голосовал за его изгнание, но совсем забыл, что на дочери Пизона женат Цезарь.

После возвращения Катона (57 г. до н.э.), блестяще уладившего кипрские дела, консерваторы взялись за перегруппировку своих рядов. Клодий, ставший теперь врагом Помпея, принял приглашение аристократии предоставить ей в помощь свою популярность и своих разбойников. Литература приобрела антицезарианскую окраску; эпиграммы Кальва и Катуллы, словно отравленные дротики, летели в лагерь триумвиров. Все дальше и дальше продвигался Цезарь в глубь Галлии, и в Рим приходили вести о множестве опасностей, встречаемых им на своем пути; все это породило определенные надежды в сердцах нобилей; в конце концов, говорил Цицерон, есть немало способов и причин, от которых человек может умереть. Если верить Цезарю, несколько консерваторов вступили в сношения с Ариовистом, вождем германцев, чтобы уничтожить ненавистного им полководца¹³. Домиций, кандидат в консулы, объявлял, что в случае своего избрания он немедленно потребует отзыва Цезаря, что означало: Цезарю будет предъявлено обвинение и его ждет суд. Держа нос по ветру, Цицерон предложил сенату 25 мая 56 г. до н.э. рассмотреть вопрос об аннулировании земельных законов Цезаря.

IV. ПОКОРЕНИЕ ГАЛЛИИ

Весной 58 г. до н.э. Цезарь приступил к исполнению обязанностей губернатора Цизальпинской и Нарбонской Галлии, т.е. современных Северной Италии и Южной Франции. В 71 г. до н.э. Ариовист привел 15 000 германцев в Галлию по просьбе одного из галльских племен, искавшего союзников в борьбе против другого племени. Он выполнил то, что от него требовалось, и затем остался, чтобы распространить свою власть на все племена Северо-Восточной Галлии. Одно из них, эдуи, обратилось к Риму с просьбой о помощи против германцев (61 г. до н.э.); сенат уполномочил губернатора Нарбонской Галлии оказать им поддержку, но почти в то же время причислил Ариовиста к правителям, дружественным Риму. Тем временем 120 000 германцев переправились через Рейн, поселились во Фландрии и настолько усилили Ариовиста, что он стал обращаться с туземными племенами как с покоренными народами и мечтал о завоевании всей Галлии¹⁴. Между тем гельветы, обитавшие в районе современной Женевы, стали перемещаться на запад (их численность доходила до 368 тысяч), и Цезарь был предупрежден, что они намереваются пересечь его провинцию, т.е. Нарбонскую Галлию, на пути в Юго-Западную Францию. «От истоков Рейна до Атлантического океана, — говорит Моммзен, — германские племена пришли в движение; весь бассейн Рейна оказался под угрозой их вторжения; это перемещение напоминало переселение аллеманнов и франков, когда те ворвались в пределы погибаю-

шей империи Цезарей... пять веков спустя»¹⁵. Пока в Риме строились заговоры против него, Цезарь размышлял о том, как спасти Рим.

На свои собственные средства и не испросив у сената соответствующих полномочий, он набрал и обмундировал четыре дополнительных легиона, не считая тех четырех, что уже находились в его распоряжении. Он направил Ариовисту безапелляционное послание, в котором потребовал от него явиться на переговоры и обсудить сложившуюся ситуацию; как он и ожидал, Ариовист отказался. Теперь к Цезарю стали стекаться делегации от многих галльских племен, искавших его защиты. Цезарь объявил войну сразу и Ариовисту, и гельветам, выступил на север и сразился с лавиной гельветов в кровопролитной битве у Бибракте, столицы эдуев, рядом с современным Отеном. Легионы Цезаря одержали победу, но с очень небольшим перевесом. В этих вопросах мы должны полагаться главным образом на сообщения самого Цезаря. Гельветы предложили разрешить им вернуться на родину; Цезарь согласился разрешить им свободный проход, но под тем условием, что их страна перейдет под власть Рима. Вся Галлия посылала ему свои поздравления и приносила благодарность, прося поддержать ее в изгнании Ариовиста. Он столкнулся с германцами близ Остхайма* и уничтожил или пленил (сообщает он) почти всех врагов (58 г. до н. э.). Ариовисту удалось бежать, но вскоре он умер.

Цезарь считал само собой разумеющимся, что освобождение Галлии является также и ее покорением: он немедленно приступил к ее реорганизации под властью Рима, ссылаясь в свое оправдание на то, что иначе ее невозможно защитить от германцев. Часть галлов, которых ему не удалось убедить, восстала и призвала на помощь белгов, мощное кельтско-германское племя, населявшее север Галлии между Сеной и Рейном. Цезарь разгромил их армию на берегу Эны; затем с той стремительностью, которая никогда не оставляла врагам времени соединить свои силы, он поочередно выступал против свессинов, амбианов, нервиев и адуатиков, покорил их, разграбил их поселения и продал пленников итальяйским работоторговцам. Несколько преждевременно он объявил о завоевании Галлии; сенат провозгласил ее римской провинцией (56 г. до н. э.), и римское простонародье, столь же склонное к империализму, как и любой военачальник, принялось восхвалять своего далекого защитника. Цезарь снова пересек Альпы, вернулся в Цизальпинскую Галлию, предался административным заботам и пригласил Помпея и Красса встретиться с ним в Луке, чтобы обсудить совместные действия против консервативной реакции.

Чтобы упредить Домиция, они решили, что Помпей и Красс должны выступить в качестве его соперников на консульских выборах на 55 г. до н. э.; что затем Помпей станет наместником Испании, а Красс — Сирии сроком на пять лет (54—50 гг. до н. э.); что полномочия Цезаря должны быть продлены еще на пять лет (53—49 гг. до н. э.); что по истечении этого времени они должны добиться разрешения выступить на очередных консульских выборах. Он снабдил своих друзей и коллег средствами, добытыми в Галлии, для финансирования их избирательных кампаний; он послал крупные суммы в Рим, чтобы обеспечить занятость безработных, комиссионные для своих сторонников и престиж для себя принятием грандиозной программы обществен-

* В десяти милях к западу от Рейна, в 160 милях к югу от Кельна.

ного строительства; он так умаслил ладони сенаторов, которые явились осмотреть его добычу, что движение за отмену его законов провалилось; Помпей и Красс были избраны консулами благодаря обыкновенному в таких ситуациях подкупу, и Цезарь снова принялся решать задачу, поставленную ранее. Он хотел убедить галлов, что мир слаще свободы.

Трудности возникли на берегах Рейна под Кельном. Два германских племени вторглись в Бельгскую Галлию, дойдя до Льежа, и националистическая партия стала искать их помощи в борьбе с римлянами. Цезарь встретился с захватчиками близ Ксанта (55 г. до н. э.), оттеснил их назад к Рейну и перебил всех — женщин и детей вместе с мужчинами, — кто не утонул в реке. Затем его инженерами за десять дней был сооружен мост через широкий поток, тогда составлявший 1400 футов в ширину; Цезарь переправил свои легионы и повел длительные бои с германцами, чтобы установить безопасную границу по Рейну. Через две недели он обратился вспять — в Галлию.

Мы не знаем, зачем он предпринял теперь вторжение в Британию. Возможно, его манили слухи о золоте и жемчуге, имевшихся там якобы в изобилии. А может быть, он хотел овладеть рудными залежами Британии и наладить экспорт металлов в Рим. Или он хотел отплатить за помощь, оказанную британцами восставшим галлам, и стремился обеспечить безопасность римской провинции на всех направлениях. Он переправился с небольшими силами через пролив в самой узкой его точке, победил не готовых к отражению врага британцев, сделал в своем дневнике несколько заметок и вернулся назад (55 г. до н. э.). Через год он снова пересек Ла-Манш, одолел британское войско под Кассивелауном, достиг Темзы, взыскал обещанную дань и отплыл в Галлию.

Возможно, он узнал о том, что среди галльских племен вновь готов вспыхнуть мятеж. Он подавил эбуранов и вновь направился в Германию (53 г. до н. э.). На обратном пути он оставил свои главные силы в Северной Галлии, а сам с остатками войска пошел на зимние квартиры в Италию, надеясь потратить несколько месяцев на латание своих римских тылов. Но в начале 52 г. до н. э. до него дошло известие, что Верцингеторикс, самый способный из вождей галльских племен, в войне за независимость объединил под своим началом почти все племена. Положение Цезаря было чрезвычайно ненадежным. Большинство его легионов находились на севере, а вся страна, отделявшая его от них, была в руках восставших. Он вышел во главе небольшого отряда из лагеря и двинулся по заснеженным дорогам Северн в направлении Оверни. Когда Верцингеторикс поднял свои войска на ее защиту, Цезарь оставил во главе отряда Децима Брута, а сам с несколькими всадниками, переодевшись, проскакал через всю Галлию с юга на север, соединился со своей главной армией и тотчас же повел ее в наступление. Он осадил, захватил и опустошил Аварик (Бурж) и Кенаб (Орлеан), вырезал их жителей и пополнил свои иссякающие ресурсы за счет их сокровищ. Он двинулся дальше в наступление на Герговию; однако там галлы сопротивлялись настолько ожесточенно, что он был вынужден отступить. Эдуи, которых он спас когда-то от германцев и которые до сих пор оставались его союзниками, теперь покинули его, захватили его лагерь и хранилища в Суассоне и приготовились к тому, чтобы выгнать его в Нарбонскую Галлию.

Это был самый критический момент его похода, и на какое-то время ему показалось, что все потеряно. Он поставил на кон все свои силы, осадив

Алезию, где Верцингеторикс собрал тридцатитысячное войско. Цезарю с трудом удалось расположить такое же число своих солдат вокруг города, когда пришло известие о том, что на него движутся 250 000 галлов с севера. Он приказал своим людям возвести вокруг города две концентрических земляных стены — одну перед, другую за собой. На эти стены и против укрепившихся там отчаявшихся римлян армии Верцингеторикса и его союзников шли в атаку за атакой. Через неделю пришедшие на подмогу осажденным галлам войска пришли в расстройство, так как в них не было ни дисциплины, ни нужного количества продовольствия. В тот самый момент, когда у римлян подошли к концу их припасы, галльская армия рассыпалась на несколько маломощных отрядов. Вскоре после этого умирающий от голода город по предложению Верцингеторикса выдал его Цезарю, а затем сдался на милость победителя (52 г. до н. э.). Город был Цезарем пощажён, но все галльские воины были отданы в качестве рабов легионерам. Верцингеторикс в оковах был доставлен в Рим. Позднее он станет одним из украшений триумфа Цезаря и заплатит жизнью за свою преданность свободе.

Осада Алезии решила судьбу Галлии и определила характер французской цивилизации. К Римской империи была присоединена страна, вдвое превосходившая своими размерами Италию, и в результате этой войны кошельки и рынки страны с пятиллионным населением были открыты для римской торговли. Война спасла Италию и средиземноморские страны, отсрочив на четыре столетия варварское нашествие; благодаря ей балансировавший какое-то время на краю пропасти Цезарь поднялся на новые вершины славы, богатства и власти. После двух лет sporadических мятежей, которые разгневанный полководец подавлял с нехарактерной для него жестокостью, вся Галлия признала владычество Рима. Как только победа стала несомненной, Цезарь вновь превратился в великодушного завоевателя; он обращался с местными племенами настолько мягко, что за все время гражданской войны, когда ни он, ни Рим не были в состоянии покарать их за мятеж, ни одно из племен не попыталось сбросить это ярмо. На протяжении трех столетий Галлия оставалась римской провинцией, процветала под сенью *Pax Romana*, изучала и трансформировала латинский язык и стала тем каналом, по которому культура классической античности достигла североευропейских стран. Нет никаких сомнений, что ни Цезарь, ни его современники не могли предвидеть тех неизмеримых последствий, к которым приведет этот кровавый триумф. Он думал, что спас Италию, завоевал новую провинцию и выковал преданную армию; он и не подозревал, что явился создателем французской цивилизации.

Рим, который знал Цезаря прежде только как мота, распутника, политика и реформатора, был изумлен, обнаружив в нем еще и неутомимого администратора и находчивого военачальника. В то же время он обнаружил в Цезаре и замечательного историка. В разгар военных кампаний, смущаемый затеваемыми в Риме атаками против него, он описал и защитил свои действия по завоеванию Галлии в «Комментариях», по-военному кратких и написанных с искусной простотой. Эти достоинства его произведения подняли их, несмотря на тысячи *milia passuum*, с уровня яростного памфлета на весьма высокое место в латинской литературе. Даже Цицерон, снова изменивший свои взгляды, пропел настоящий пеан в его славу и предвосхитил окончательный приговор истории:

Не альпийские хребты и не пенящийся и бурлящий Рейн, но войска и полководческий гений Цезаря являются, по моему мнению, нашим истинным щитом и оплотом против галльского нашествия и вторжения германских варваров. Только благодаря ему, даже если горы сровняются с долинами, а реки пересохнут, мы по-прежнему будем владеть нашей Италией, укрепленной не созданными природой бастионами, но свершениями и победами Цезаря¹⁶.

К этим словам следует присоединить и дань уважения, звучащую в следующем высказывании великого немца:

То, что был перекинут мост между былой славой Эллады и Рима и гордым зданием новой истории, что Западная Европа была романизирована, а германская часть Европы получила свою долю в классическом наследии... все это является делом рук Цезаря; и в то время как творение его великого предшественника на Востоке было разрушено невзгодами средневековья, структура, созданная Цезарем, пережила эти тысячелетия, которые были свидетелями смены религий и государств¹⁷.

V. ВЫРОЖДЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ

Во время второго пятилетия, проведенного Цезарем в Галлии, римская политика погрузилась в беспрецедентный хаос и была сотрясаема коррупцией и насилием. Помпей и Красс, будучи консулами, преследовали свои цели при помощи подкупа избирателей, запугивания судей, а при случае не брезговали и убийствами¹⁸. Когда истек срок их консульства, Красс призвал на службу множество новобранцев и собрал большую армию, а затем отплыл в Сирию. Он переправился через Евфрат и столкнулся с парфянами при Каррах. Парфянская конница доказала свое превосходство и разбила его войско, а его сын пал в бою. Красс, приведя свою армию в порядок, стал было отступать, когда парфянский полководец пригласил его на переговоры. Он принял приглашение и был коварно убит. Его голову отправили к парфянскому двору, где она должна была изображать голову Пенфея в постановке «Вакханок» Еврипида; лишенная полководца римская армия, давно уже пресытившаяся тяготами похода, распалась и обратилась в беспорядочное бегство (53 г. до н. э.).

Тем временем Помпей также произвел воинский набор, по-видимому, чтобы окончательно покорить Испанию. Если бы планам Цезаря суждено было сбыться, то Помпей втянул бы Дальнюю Испанию, а Красс — Армению и Парфию в орбиту римского господства одновременно с тем, как Цезарь придвинул границы империи к Темзе и Рейну. Вместо того чтобы повести свои легионы в Испанию, Помпей держал их в Италии, за исключением одного, который был отправлен им на подмогу Цезарю в критический момент галльского мятежа. В 54 г. до н. э. смертью его жены Юлии во время родов была оборвана самая крепкая нить, еще связывавшая Помпея с Цезарем. Цезарь предложил ему взять в жены свою внучатую племянницу Октавию, отныне

самую близкую родственницу Цезаря, а сам просил руки дочери Помпея, однако Помпей отверг оба предложения. Разгром Красса и его армии, случившийся в следующем году, убрал еще один противовес, так как победоносный Красс мог бы с успехом противостоять диктаторским поползновениям Цезаря или Помпея. С этого времени Помпей открыто становится на сторону консерваторов. Его замыслу обеспечить себе высшую власть, сохранив при этом видимость законности, противостояло теперь только одно обстоятельство — Цезарь со своей армией. Зная, что срок полномочий Цезаря истекает в 49 г. до н.э., Помпей добился принятия постановлений, согласно которым командование над собранной им армией продлевалось до 46 г. до н.э., а все италийцы, способные держать в руках оружие, должны были принести присягу на верность лично ему; таким образом, был уверен Помпей, само время сделает его хозяином Рима¹⁹.

Пока потенциальные диктаторы маневрировали в поисках лучшей позиции, столицу наполнял «аромат» умирающей демократии. Вердикты, должно-сти, провинции и зависимые цари продавались с торгов тем, кто предлагал самую высокую цену. В 53 г. до н.э. первому подразделению избирателей за голосование было заплачено 10 000 000 сестерциев²⁰. Когда деньгами добиться намеченного не удавалось, можно было прибегнуть к убийству²¹. Или можно было покопаться в прошлом противника и заставить его пойти на уступки с помощью шантажа. В столице процветала преступность, в сельской местности — бандитизм. Состоятельные люди нанимали отряды гладиаторов, чтобы обеспечить себя защитой или поддержкой в комициях. Полицейских сил, способных положить конец этому разгулу, попросту не существовало. Подонки италийского общества притягивались в Рим запахом денег или бесплатной раздачей хлеба, и благодаря их участию народные собрания превращались в профанацию. К избирательным урнам допускали всех, кто был согласен голосовать так, как ему было сказано, был он римским гражданином или нет. Иногда лишь меньшинство тех, кто принимал участие в голосовании, обладало правом голоса. Привилегию обратиться с речью к народному собранию часто приходилось добывать штурмом роstr и удержанием их при помощи вооруженных телохранителей и сторонников. Законотворческая деятельность стала определяться флуктуацией превосходства то одних, то других соперничающих банд. Те, кто голосовал «неправильно», время от времени избивались до полусмерти, а затем их дома поджигались. По следам одной из подобных сходов Цицерон писал: «Тибр был завален трупами граждан, ими были забиты общественные стоки, а рабам пришлось губками осушать потоки крови, хлынувшие с Форума»²².

Самыми выдающимися «специалистами» по этим вопросам были в Риме Милон и Клодий. Они организовывали соперничающие шайки головорезов, выполняющие определенные политические заказы, и не было дня, когда им не доводилось помериться силами. Однажды Клодий атаковал на улице Цицерона; в другой день его воители сожгли дом Милона; в конце концов Клодий попался бандитам Милона и был убит (52 г. до н.э.). Пролетариат, который не был посвящен во все его замыслы, воздал Клодию почести как мученику, устроил ему пышные похороны, пронес тело до здания сената и превратил курию в погребальный костер. Помпей ввел в город солдат и рассеял толпу. В награду он попросил от сената назначить его «консулом без товарища» — воспользоваться этим словосочетанием предложил Катон, так

как оно звучало несколько приятнее, чем «диктатор». Сенат согласился на это. Затем Помпей провел через народное собрание, которое было напугано его войсками, несколько законопроектов, направленных на борьбу с коррупцией, а также отменявших право (которое было гарантировано Цезарю законом Помпея от 55 г. до н. э.) участвовать в консульских выборах, отсутствуя в городе. При поддержке солдат он беспристрастно следил за судопроизводством; Милон попал под суд за убийство Клодия, был признан виновным, несмотря на защиту Цицерона *, и бежал в Марсель. Цицерон отправился управлять Киликией (51 г. до н.э.) и исполнял там свои обязанности относительно компетентно и порядочно, чем немало удивил и раздосадовал своих друзей. Все столичные сословия, стремившиеся уберечь свои богатства и порядок, смирились с диктатурой Помпея, в то время как беднейшие классы с надеждой ждали прихода Цезаря.

VI. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Сто лет революции сокрушили узкий и эгоистичный слой аристократии, но ей на смену у руля власти не встала никакая другая сила. Безработица, подкуп, хлеб и зрелища испортили народное собрание и превратили его в плохо информированную и легко возбудимую толпу, которая, очевидно, не могла управлять даже собой, не говоря уже об Империи. Демократия пала по формуле, выведенной Платоном: свобода превратилась во вседозволенность, и хаос привел к потере свободы²⁴. Цезарь был согласен с Помпеем, что Республика умерла; она была теперь, говорил он, «только словом без тела или образа»²⁵; диктатура стала неизбежна. Но он надеялся, что ему удастся установить прогрессивное правление, которое не будет стремиться к сохранению *status quo*, но смягчит злоупотребления, несправедливость и нужду, которые погубили демократию. Ему было уже сорок пять, и его затяжные галльские кампании, конечно же, не прибавили ему сил; он отнюдь не радовался мысли, что придется воевать против сограждан и бывших друзей. Но он видел расставленные силки и не мог не возмущаться такой странной наградой за спасение Италии. Срок его губернаторских полномочий оканчивался первого марта 49 г. до н. э.; он не мог вступить в борьбу за консулат ранее осени того же года; в этом промежутке он лишился неприкосновенности должностного лица и не мог войти в Рим иначе, как согласившись заранее стать жертвой проскрипций, принадлежавших к излюбленным приемам римской партийной борьбы. Марк Марцелл уже предлагал несколько ранее, чтобы сенат отправил Цезаря в отставку ранее установленного прежде срока. Это означало, что Цезарю предстояло бы выбирать между добровольным изгнанием и судебным процессом. Его спасли народные трибуны, наложив свое вето, но сенат отнесся к инициативе Марцелла с нескрываемым одобрением. Катон выражал искреннюю надежду, что Цезарю будет предъявлено обвинение, он будет подвергнут суду и изгнанию за пределы Италии.

* В том виде, в каком эта речь дошла до нас, она представляет собой пересмотренную версию речи, произнесенной перед судьями. Она настолько отличается от первого варианта, который был несколько скомкан из-за недоброжелательных выкриков слушателей, что Милон, прочтя ее, воскликнул: «О Цицерон! Если бы ты говорил так же, как написал, мне не пришлось бы сейчас питаться превосходной рыбой Массалии»²³.

Цезарь прилагал все усилия, чтобы добиться примирения. Когда по предложению Помпея сенат просил обоих полководцев предоставить в его распоряжение по легиону для борьбы против Парфии, Цезарь немедленно удовлетворил просьбу, хотя его силы и были невелики; а когда Помпей просил Цезаря вернуть легион, направленный к нему год назад, тот без промедления отослал этот легион обратно. Его друзья, однако, информировали его, что вместо того, чтобы направиться в Парфию, легионы были размещены в Капуе. Через своих сторонников в сенате Цезарь просил о восстановлении принятого ранее народным собранием закона, позволявшего ему выставить свою кандидатуру, отсутствуя в Риме. Сенат отказался принять это предложение и потребовал от Цезаря распустить войска. Цезарь понимал, что его единственной защитой были его легионы. Возможно, он поощрял их преданность лично себе именно в предвидении подобной критической ситуации. И все же он выступил перед сенатом с инициативой об одновременном оставлении своих постов им и Помпеем; эта идея показалась римлянам настолько разумной, что они украсили принесшего ее вестника венками. Сенат 372 голосами против 22 одобрил план, но его воплощению воспрепятствовал Помпей. В последние дни 50 г. до н. э. сенат провозгласил, что в том случае, если Цезарь не оставит командования до первого июля, он станет врагом общества. В первый же день 49 г. до н. э. Курион прочел перед сенатом письмо Цезаря, в котором тот писал, что согласен расформировать восемь из десяти своих легионов при условии, что ему будет позволено остаться наместником до 48 г. до н. э.; однако это предложение несколько проигрывало в глазах сенаторов из-за того, что Цезарь добавлял: он будет рассматривать отказ как объявление войны. Цицерон выступил в поддержку Цезаря, с ним был согласен и Помпей; однако в прения вмешался консул Лентул и прогнал офицеров Цезаря Куриона и Антония из здания сената²⁶. После продолжительной дискуссии сенат неохотно поддался на уговоры Лентула, Катона и Марцелла и наделил Помпея властью и полномочиями «следить, чтобы государству не было причинено никакого ущерба», — римская формула, провозглашавшая диктатуру и законы военного времени.

Цезарь колебался дольше, чем обычно. С формальной точки зрения сенат был прав: он не располагал никаким авторитетом, чтобы диктовать условия, на которых он согласен отказаться от командования. Он понимал, что гражданская война может привести к мятежу в Галлии и опустошению Италии. Но уступить — означало предать Империю в руки бездарностей и реакционеров. Погруженный в эти раздумья, он узнал, что один из самых близких его друзей и самых толковых офицеров — Тит Лабие — перешел к Помпею. Он созвал солдат своего любимого Тринадцатого легиона и рассказал им, как обстоят дела. Первым словом его обращения было *Commilitones!* («Соратники!»). Солдаты, с которыми он делил трудности и опасности, которые не раз упрекали его в том, что он слишком часто рискует собой, признавали, что он имеет полное право на это обращение, что отрывистое *Milites!* («Воины!») было бы не столь уместно в его устах. Большинство из них были выходцами из Цизальпинской Галлии, на которых в результате его усилий было распространено римское гражданство. Они знали, что сенат отказался признать это пожалование, а некий сенатор приказал высечь цизальпинского галла, показывая тем самым, что презирает действия Цезаря по дарованию провинциалам гражданских прав; подвергнуть бичеванию римского гражданина было безза-

конием. За время многих походов они научились уважать Цезаря, пусть на свой немногословный лад, и даже любили его. Он был суров к трусам и нарушителям дисциплины, но смотрел сквозь пальцы на их человеческие слабости (скажем, на их сексуальные проделки), берег от ненужных опасностей, спасал своим умелым командованием, удвоил им жалованье, щедро распределял среди них добычу. Он рассказал им о своих предложениях сенату и о том, как они были приняты; он напомнил, что праздная и испорченная аристократия неспособна подарить Риму порядок, справедливость и процветание. Пойдут ли они за своим полководцем? Никто не ответил отказом. Когда он сказал им, что у него нет денег, чтобы выплатить им жалованье, солдаты опустошили свои карманы и пополнили его казну.

Десятого января 49 г. до н. э. он переправил один легион через Рубикон, небольшую реку близ Аримина, которая являлась южным пределом Цизальпинской Галлии. *Iacta est alea*, «жребий брошен», — говорят, им были произнесены именно эти слова²⁷. Казалось, что этот поступок совершенно безрассуден, потому что еще девять легионов его армии оставались на изрядном от него отдалении в Галлии и не могли подоспеть к нему на подмогу ранее чем через несколько недель; в то же время Помпей располагал десятью легионами, или шестидесятитысячной армией, был уполномочен набрать помимо этого войска еще столько, сколько посчитает нужным, а также обладал средствами, на которые можно было вооружить и содержать такие мощные силы. Двенадцатый легион Цезаря присоединился к нему в Пицене, Восьмой — в Корфинии; еще три легиона он набрал из заключенных, добровольцев и рекрутов. В последнем он не встретил никаких трудностей: Италия не забыла Союзническую войну (88 г. до н. э.) и видела в Цезаре поборника прав италийцев; один за другим города распахивали перед ним свои ворота, из которых высыпали местные жители и радостно приветствовали его²⁸; «города, — писал Цицерон, — встречают его как Бога»²⁹. Корфиний некоторое время сопротивлялся, затем капитулировал; Цезарь не позволил своим солдатам разграбить город, освободил всех взятых в плен офицеров и отослал в лагерь Помпея деньги и скарб, оставленный Лабием. Хотя он был в это время практически без гроша, он не позволил себе конфисковать те поместья, которые принадлежали его противникам, а теперь оказались в его руках; чрезвычайно мудрый шаг, которым он обеспечил нейтралитет большей части среднего класса. Отныне, объявлял он, все те, кто не станет на одну из сторон, будут считаться им друзьями. С каждым новым успехом он предпринимал новые усилия, чтобы достичь примирения. Он отправил послание к Лентулу, умоляя того воспользоваться всем своим консульским влиянием, чтобы заключить мир. В письме к Цицерону он соглашался уйти на покой и предоставить государственные дела Помпею при условии, что ему будет гарантирована безопасность³⁰. Цицерон изо всех сил стремился способствовать компромиссу, но со временем понял, что его логика бессильна против нетерпимого догматизма сторон — этого неперемennого спутника революции³¹.

Хотя его силы все еще намного превосходили силы Цезаря, Помпей отвел свою армию от столицы, а за ним последовал беспорядочный поток аристократов, оставлявших своих жен и детей на милость Цезаря. Отвергая саму возможность заключения мира с Цезарем, Помпей объявил, что всякий сенатор, который не покинет Рим и не присоединится к его лагерю, будет считаться его врагом. Большинство сенаторов осталось в Риме, и колеблющийся

Цицерон, презирая колебания Помпея, переезжал из одного своего загородного поместья в другое. Помпей подошел к Брундизию и переправил свою армию через Адриатику. Он знал, что его недисциплинированная армия, прежде чем встретиться с легионами Цезаря, нуждается в подготовке; между тем, надеялся он, римский флот, находящийся под его контролем, сможет блокировать Италию и измучить врагов голодом.

Цезарь беспрепятственно вступил в Рим (16 марта), оставив свои войска в близлежащих городках. Он провозгласил всеобщую амнистию и восстановил муниципальную администрацию и общественный порядок. Трибуны создали сенат; Цезарь просил назначить его диктатором, но встретил отказ; он просил отправить послов к Помпею для переговоров о мире, но встретил отказ. Он попытался овладеть средствами государственной казны; трибун Луций Метелл преградил ему путь, но уступил, когда Цезарь заметил, что ему гораздо труднее угрожать человеку, чем привести свои угрозы в исполнение. С этого времени он свободно пользовался государственными деньгами; но впоследствии с беспристрастностью и без особых сожалений он помещал сюда свою добычу, захваченную в походах. Затем он вернулся к солдатам и приготовился встретиться с тремя армиями, которые формировались против него помпеянами в Греции, Африке и Испании.

Чтобы обезопасить подвоз хлеба в Италию, полностью зависевшую от заморского зерна, он направил порывистого Куриона на Сицилию во главе двух легионов. Катон сдал остров и отступил в Африку. Курион бросился его преследовать, с беспечностью Регула преждевременно вступил в сражение, потерпел поражение и пал в бою, оплакивая не столько свою гибель, сколько урон, нанесенный им Цезарю. Тем временем Цезарь выступил во главе армии в Испанию, отчасти для того, чтобы возобновить поставки из нее зерна в Италию, отчасти, чтобы предупредить атаку с тыла тогда, когда он отправится сразиться с Помпеем. В Испании, как и в Галлии, он допустил серьезные стратегические просчеты³². Некоторое время его поредевшая армия находилась перед угрозой голода и разгрома; но, как обычно, он искупил свои ошибки при помощи блестящих тактических импровизаций и личной храбрости³³. Изменив течение реки, он из осажденного превратился в осаждающего; он терпеливо дождался сдачи попавшей в ловушку армии, хотя его воины рвались в бой. Наконец помпеянцы сдались, и вся Испания перешла под власть Цезаря (август 49 г. до н. э.). Возвращаясь в Италию по суше, он обнаружил, что у Марселя дорогу ему преграждает армия под началом Луция Домиция, которого он взял в плен и отпустил в Корфинию. Цезарь взял город после долгой и тяжелой осады, реорганизовал управление Галлией и в декабре уже был вновь в Риме.

Его политическое положение было значительно усилено в результате предыдущей кампании, благодаря которой Цезарю удалось успокоить взволнованные столичные желудки. Теперь сенат провозгласил-таки его диктатором, но он сложил это звание после того, как был избран одним из консулов на 48 г. до н. э. Обнаружив, что Италия находится в финансовом кризисе ввиду того, что деньги стали припрятываться, а цены упали, и теперь должники отказывались отдавать ту же сумму «дорогих» денег, которая была им одолжена в «дешевых», Цезарь постановил, что долги могут быть оплачены товарами, которые будут оценены государственными арбитрами по довоенным ценам; таким образом, думал он, «удалось выразить свою озабоченность поло-

жением должников, а с другой стороны, отвратить или уменьшить опасность всеобщей кассации долгов, которое так часто готово последовать за войной³⁴. Весьма знаменателен тот факт, что ему пришлось еще раз напомнить о запрещении обращать в рабство за долги; отличная иллюстрация того, сколь долгами и неспешными были римские реформы. Он позволил, чтобы проценты, уплаченные прежде, были отняты от первоначальной суммы долга, и ограничил ставку одним процентом в месяц. Эти меры удовлетворили большую часть кредиторов, которые опасались прямой конфискации; разумеется, они разочаровали радикалов, которые надеялись на то, что Цезарь пойдет по стопам Катилины, отменит все долги и устроит земельный передел. Он раздавал хлеб нуждающимся, отменил все решения об изгнании, за исключением приговора Милону, и простил всех возвращающихся аристократов. Никто не благодарил его за эту умеренность. Прощенные консерваторы возобновили плетение заговоров против него; пока он сражался с Помпеем в Фессалии, радикалы оставили его ради Целия, который обещал полную кассацию долгов, конфискацию крупных состояний и перераспределение всей земли.

Ближе к концу 49 г. до н. э. Цезарь присоединился к армии и флоту, которые были собраны его помощниками в Брундизии. В те дни никому не пришло бы в голову, что зимой можно вместе с армией переправиться на другой берег Адриатического моря. Двенадцать кораблей, имевшихся в его распоряжении, могли за один переход перевезти только треть его шестидесяти тысячной армии. Отборные эскадры Помпея патрулировали все острова и гавани на противоположном берегу. И тем не менее Цезарь поднял паруса и вместе с двадцатитысячным отрядом переправился в Эпир. На обратном пути к итальянскому побережью корабли были повреждены. Удивляясь тому, что остальная армия задерживается, Цезарь попытался вновь пересечь Адриатику — на этот раз на небольшом ялике. Моряки гребли против волн и едва не утонули. Цезарь, бесстрашно восседая среди их ужаса, ободрял их и произнес свои, может статься, легендарные слова: «Не бойтесь; вы везете Цезаря и его счастье»³⁵. Однако ветер и буруны вышвырнули лодку обратно на берег, и Цезарю пришлось отказаться от своих усилий. Тем временем Помпей с 40 000 солдат захватил Дуррахий и его богатые склады; затем, с нерешительностью, столь характерной для его последних тучных лет, он промедлил и не стал нападать на немногочисленную и голодающую армию Цезаря. В течение этой отсрочки Марк Антоний собрал новый флот и переправился через море с остальной частью армии Цезаря.

Готовый теперь вступить в сражение, но испытывая отвращение перед братоубийством, Цезарь отправил посланника в лагерь Помпея с предложением об одновременном сложении командования обоими вождями. Помпей не ответил*. Цезарь атаковал и был отброшен; но Помпей не стал закреплять победу преследованием противника. Вопреки совету Помпея его офицеры казнили всех пленников, в то время как Цезарь пощадил попавших в его руки помпейцев³⁷. Благодаря этому контрасту боевой дух Цезарева войска поднялся, а войска Помпея — упал. Воины Цезаря упрашивали его наказать их за трусость, проявленную в первой битве против римских легионов. Когда он отказался, они стали молить его снова вести их в бой; но он предпочел отступить в Фессалию и дать им передохнуть.

* Единственный источник, сообщающий об этом посольстве, — сам Цезарь³⁶.

Теперь Помпей принял решение, которое стоило ему жизни. Афраний советовал ему вернуться и отвоевать незащищенную Италию; но большинство советников настаивали на том, чтобы он преследовал и уничтожил Цезаря. Находившиеся в лагере Помпея аристократы преувеличивали значение победы при Дуррахии и полагали, что исход противостояния теперь решен. Цицерон, который в конце концов все-таки присоединился к ним, был потрясен, когда услышал, как они обсуждают дележ добычи и власти, которые принесет будущая реставрация, и когда увидел, с какой роскошью живут они среди войны: кушанья подавали им на серебряных блюдах, их палатки были украшены и устелены коврами, драпировками и цветами.

За исключением самого Помпея (писал Цицерон), помпеянцы вели войну с таким хищничеством и настолько пылали свирепостью в своих речах, что я не мог без содрогания думать об их успехе... В них не было ничего доброго, кроме дела, за которое они сражались... Предлагалось прибегнуть не только к индивидуальным, но и коллективным проскрипциям... Лентул пообещал себе, что он завладеет домом Гортензия, садами Цезаря и Байями³⁸.

Помпей предпочитал придерживаться стратегии Фабия Кунктатора, но над ним смеялись, обвиняя в трусости, и он приказал выступать.

При Фарсале девятого августа 48 г. до н. э. была дана решающая битва; противники сражались до последнего. У Помпея было 48 000 пехоты и 7000 всадников, у Цезаря соответственно — 22 000 и 1000³⁹. «Несколько знатнейших римлян,— пишет Плутарх,— не принимавших участия в битве и наблюдавших за ней со стороны... не могли не задуматься над тем, до какой крайности доведена Империя тщеславием военачальников... Весь цвет и вся сила одного и того же города пришли здесь в столкновение с самими собой, являя очевиднейшее доказательство того, какой слепой и безумной становится человеческая природа, когда возбуждены страсти»⁴⁰. Близкие родственники, даже братья, сражались в противоположных лагерях. Цезарь просил своих бойцов щадить всех римлян, которые сдаются; что касается молодого аристократа Марка Брута, говорил он, то его следует или пленить, не причиняя ему вреда, или, если это окажется невозможным, позволить ему ускользнуть⁴¹. Помпеянцы были побеждены армией, во главе которой находился полководец, превосходивший Помпея, армией, более дисциплинированной и сильной духом; 15 000 из них были убиты или ранены, 20 000 сдались, остальные бежали. Помпей содрал со своей одежды знаки командующего и бежал вместе с остальными. Цезарь сообщает, что он потерял только 200 человек⁴², и это заставляет усомниться в его писательской добросовестности. Его армия не без злорадства обнаружила в лагере Помпея изящно украшенные палатки и столы, нагруженные яствами, предназначенными для победного пира. Цезарь съел ужин Помпея в Помпеевом шатре.

Помпей всю ночь скакал к Лариссе, оттуда к морю и сел на корабль, отплывавший в Александрию. В Митилене, где к нему присоединилась его жена, граждане просили его сделать остановку. Он вежливо отказался и дал совет без страха покориться победителю, так как, сказал он, «Цезарь человек большой доброты и снисходительности»⁴³. Брут также бежал в Лариссу, но задержался здесь и решил написать Цезарю. Тот выказал огромную радость

при вести, что Брут цел и невредим, сразу же простил его, а по его просьбе простил и Кассия. По отношению к восточным народам, которые, находясь под контролем высших классов, поддерживали Помпея, он был столь же мягок. Он распределил сделанные Помпеем запасы зерна среди населения голодающей Греции, а когда афиняне просили у него прощения, он с улыбкой и упреком ласково отвечал: «Как долго слава ваших предков будет спасать вас от самоистребления?»⁴⁴

Вероятно, его предостерегали, говоря, что Помпей надеется возобновить борьбу, опираясь на армию и ресурсы Египта, а также силы, которые Катон, Лабиен и Метелл Сципион собрали в Утике. Но когда Помпей достиг Александрии, Потин, евнух и главный визирь молодого Птолемея XII, приказал убить его, возможно, рассчитывая на благодарность Цезаря. Полководец был заколот, когда сходил на берег, в то время как жена взирала на его смерть в беззащитном ужасе с палубы корабля, доставившего их в Египет. Когда прибыл Цезарь, слуги Потина подарили ему отрубленную голову Помпея. Цезарь отпрянул в ужасе и прослезился при виде нового доказательства той истины, что к одному и тому же концу люди шествуют различными путями. Он поселился в царском дворце Птолемея и занялся улаживанием внутренних дел древнего царства.

VII. ЦЕЗАРЬ И КЛЕОПАТРА

После смерти Птолемея VI (145 г. до н. э.) Египет быстро приходил в упадок. Его цари более не могли ни поддерживать общественный порядок, ни отстаивать национальную независимость; все большее влияние на их политику оказывал римский сенат, а в Александрии был расквартирован римский гарнизон. По завещанию Птолемея XI, которого посадили на трон Помпей и Габиний, власть перешла к его сыну Птолемею XII и дочери Клеопатре, которые должны были пожениться и править сообща.

Клеопатра была по крови македонской гречанкой и скорее блондинкой, чем брюнеткой⁴⁵. Она не была ослепительной красавицей; но прелесть ее манер, живость тела и разума, разносторонность образования, нежность поведения, мелодичность голоса и царственное положение опьянили даже римского полководца. Она была знакома с греческой историей, литературой и философией; она хорошо говорила по-гречески, египетски и сирийски, можно думать, и на других языках; интеллектуальное очарование египетской Аспасии соединялось в ней с соблазнительной бесшабашностью совершенно раскованной женщины. Согласно преданию, она написала косметический трактат и сочинение, посвященное увлекательным проблемам египетской системы мер, весов и монет⁴⁶. Она была умелой правительницей и администратором, действительно способствовала развитию египетской торговли и промышленности и оставалась превосходным финансистом, даже занимаясь любовью. Наряду с этими качествами она обладала восточной чувственностью, была порывиста и жестока, без раздумий обрекая врагов на страдания и смерть, а также чрезвычайно честолюбива: она грезила об империи и почитала не моральные заповеди, но только успех. Если бы в ней не было той несдержанности, которая была свойственна последним Птолемеям, она вполне могла добиться своих целей и стать царицей объединенного Средиземноморья. Она

понимала, что Египет не может долее сохранять свою независимость от Рима, и не видела никаких препятствий к тому, чтобы воцариться над державой, возникшей в результате их слияния.

Цезарь был крайне недоволен, узнав, что Потин изгнал Клеопатру, и теперь правит страной в качестве опекуна юного Птолемея. Тайно он послал за ней, и тайно она пришла к нему. Чтобы проникнуть к нему, она спряталась в белье, которое слуга Цезаря Аполлодор внес в апартаменты военачальника. Изумленный римлянин, который никогда не позволял своим воинским победам превзойти числом свои любовные завоевания, пленился ее храбростью и остроумием. Он примирил ее с братом и восстановил в качестве соправительницы Птолемея на египетском троне. Узнав от своего братора, что Потин и египетский военачальник Ахилла замышляют убить его и перебить небольшой отряд, пришедший вместе с ним, он деликатно организовал убийство Потина. Ахилла бежал к египетской армии и возбудил ее к мятежу. Вскоре вся Александрия кишела солдатами, которые поклялись убить Цезаря. Римский гарнизон, размещенный в городе по решению сената, был вдохновлен своими офицерами присоединиться к восставшим и выступить против вмешавшегося в чужеземные дела изменника, который осмелился восстановить преемственность трона Птолемея и даже зачать его будущего наследника.

В этих чрезвычайных обстоятельствах Цезарь действовал со своей обычной находчивостью. Он превратил царский дворец и прилегающий к нему театр в крепость для себя и своих солдат и послал в Малую Азию, Сирию и на Родос за подкреплениями. Когда он заметил, что его оставшийся без защиты флот может вскоре перейти в руки врага, он приказал поджечь корабли. В этом пламени погибла часть Александрийской библиотеки. В результате отчаянных вылазок он захватил, потерял и вновь занял остров Фарос, который господствовал над входом в александрийскую гавань и контроль над которым позволял надеяться на то, что ожидаемая помощь беспрепятственно войдет в город. В одной из таких схваток ему пришлось спастись вплавь, когда вокруг него градом сыпались стрелы. В этом бою египтяне сбросили его и еще 400 воинов с мола, вдававшегося в море. Думая, что победа останется за повстанцами, Птолемей XII покинул царский дворец, присоединился к ним и исчез из истории. Когда прибыли подкрепления, Цезарь наголову разбил римский гарнизон и египетскую армию в сражении при Ниле. Он вознаградил Клеопатру за ее верность в годину опасности, назначив ей в соправители ее младшего брата Птолемея XIII; другими словами, верховной правительницей Египта была отныне Клеопатра.

Трудно понять, почему Цезарь в течение девяти месяцев оставался в Египте. В это время против него собиралась выступить организованная в Утике враждебная армия, а Рим, где разгорелось восстание радикалов под руководством Целия и Милона, с нетерпением ожидал возвращения этого блестящего администратора. Возможно, он чувствовал, что заслужил право на отдых и развлечение после десяти лет войны. «Он часто пировал с Клеопатрой до рассвета,— говорит Светоний,— был готов вместе с ней проплыть через весь Египет на ее царской барке чуть ли не до Эфиопии, если бы не опасался солдатского мятежа»⁴⁷. Не всем его воинам достались царицы. Может быть, он рыцарственно дожидался ее родов. Дитя родилось в 47 г. до н. э. и было названо Цезарионом; согласно Марку Антонию он признал мальчика своим сыном⁴⁸. Не исключено, что Клеопатра не уставая нашептывала ему,

как приятно стать царем, жениться на ней и покорить все Средиземноморье власти одного ложа.

Это, однако, не более чем предположение, причем предположение скандальное. В его поддержку нет никаких доказательств, кроме каких-то несущественных деталей. Несомненно другое. Цезарь буквально ринулся в бой, когда узнал, что Фарнак, сын Митридата, отвоевал Понт, Малую Армению и Каппадокию и вновь призвал страны Востока восстать против расколотого Рима. Мудрость Цезаря, «умиротворившего» Галлию и Испанию перед тем, как выступить против Помпея, стала теперь очевидна всем; если бы одновременно с Востоком восстал и Запад, скорее всего Империи пришел бы конец — варвары хлынули бы на юг, и Риму было бы не суждено пережить век Августа. Перестроив три своих легиона, Цезарь выступил в июне 47 г. до н. э., со свойственной ему стремительностью от берегов Египта дошел, минуя Сирию и Малую Азию, до Понта, разгромил Фарнака при Зеле (второе августа) и отправил своим римским друзьям лаконичный рапорт: *Veni, vidi, viri* — «Пришел, увидел, победил»⁴⁹.

В Таренте (двадцать шестое сентября) он был встречен Цицероном, который просил прощения для себя и других консерваторов; Цезарь великодушно их простил. Он был поражен, узнав, что за те двадцать месяцев, пока его не было в Риме, гражданская война перешла в социальную революцию; что зять Цицерона Долабелла соединился с Целием и предложил народному собранию проект отмены всех долгов; что Антоний выпустил своих солдат на вооруженных пролетариев Долабеллы и 800 римлян нашли на Форуме свою гибель. Целий в должности претора призвал Милона вернуться в Рим; сообщая они организовали армию на Юге Италии и предложили рабам вместе с ними участвовать в бескомпромиссной революции. Они не достигли больших успехов, но в воздухе носились их идеи. В Риме радикалы чествовали память Катилины и снова стали убирать цветами его могилу. Тем временем армия помпеянцев, собранная в Африке, выросла настолько, что численностью она теперь не уступала войску, разбитому при Фарсале. Сын Помпея Секст собрал новую армию в Испании, и импорт зерна в Италию вновь оказался под угрозой. Такой была ситуация в октябре 47 г. до н. э., когда Цезарь достиг Рима и Кальпурний, привезя с собой Клеопатру, ее юного брата и мужа, а также Цезариона.

За несколько отпущенных в его распоряжение месяцев передышки между походами он восстановил в Риме порядок. Будучи вновь назначен диктатором, он на некоторое время успокоил радикалов, отменив последний из сулланских законов и на год отказавшись от взимания арендной платы, не превышавшей 2000 сестерциев. В то же время он попытался подыграть консерваторам, назначив Марка Брута губернатором Цизальпинской Галлии, уверив Цицерона и Аттика, что он не будет поощрять войну против собственности, и приказав восстановить статуи Суллы, которые поверг наземь пролетариат. Когда он вновь обратил свои мысли на борьбу с помпеянами, его обескуражили известия о том, что самые верные из его легионов восстали из-за неуплаты жалованья и отказываются погружаться на суда, отправляющиеся в Африку. Так как казна была практически пуста, он собрал требуемые средства, конфискуя и продавая имущество мятежных аристократов; он научился тому, говорил он, что солдаты зависят от денег, деньги — от власти, а власть — от солдат⁵⁰. Он неожиданно появился среди бунтующих легионов, собрал солдат на

сходку и спокойно сообщил им, что они освобождаются от службы и могут возвращаться по домам; он добавил, что выплатит им всю задолженность, если ему удастся добиться успеха в Африке «с другими солдатами». «После этих слов,— говорит Арриан,— всех воинов охватило раскаяние; им было стыдно, что они покидают своего командира в тот самый момент, когда он со всех сторон окружен врагами... Они закричали, что сожалеют о своем бунте, и умоляли оставить их на службе»⁵¹. Он уступил им с видимой неохотой и отплыл с ними в Африку.

Шестого апреля 46 г. до н. э. при Тапсе он встретился с объединенными силами Метелла Сципиона, Катона, Лабиена и Юбы, нумидийского царя. Снова в первом столкновении он потерпел поражение; снова он перестроил свои ряды, напал на противника и победил. Его обезумевшие от запаха крови солдаты, упрекая Цезаря в том, что он проявил излишнюю мягкость после фарсальской битвы и из-за этого им пришлось сражаться во второй раз, избили 10 000 из 80 000 помпеянцев, не щадя никого; они не хотели сражаться с этими людьми вновь. Юба покончил с собой, Сципион бежал и погиб в морском бою, Катон с небольшим подразделением ускользнул в Утику. Когда его офицеры объявили, что будут защищать город от Цезаря, Катон убедил их в том, что это невозможно. Он снабдил деньгами тех, кто собирался бежать, но сыну посоветовал покориться Цезарю. Сам он отверг оба эти пути. Он провел вечер в философских беседах, затем удалился в свою комнату и читал «Федона». Подозревая, что он попытается убить себя, друзья отняли у него меч. Когда они ослабили бдительность, он приказал слуге принести оружие обратно. Какое-то время он притворялся, что спит, затем внезапно выхватил меч и вонзил его в живот. В комнату ворвались друзья. Врач вложил обратно выпавшие кишки, зашил и перевязал рану. Стоило им оставить его одного, Катон снял повязку, разорвал шов и, обнажив внутренности, скончался.

Когда Цезарь явился в Утику, он скорбел о том, что ему не представилось случая простить Катона; теперь он мог простить только его сына. Жители города похоронили покойного стойка с пышными почестями, как будто со-знавая, что вместе с ним погребают и Республику, которая просуществовала почти пять веков.

VIII. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

Назначив Саллюстия губернатором Нумидии и реорганизовав африканские провинции, осенью 46 г. до н. э. Цезарь возвратился в Рим. Устрашенный сенат, чувствуя приближение монархии, проголосовал за предоставление ему диктаторских полномочий на десять лет, а кроме того, позволил ему справить такой триумф, какого еще не знал Рим. Он выплатил каждому из своих солдат по 5000 аттических драхм (3000 долларов), гораздо больше, чем когда-то обещал. Он устроил угощение для граждан на 22 000 столов, а для того чтобы им не пришлось скучать, поставил потешное морское сражение, в котором приняло участие 10 000 человек. В начале 45 г. до н. э. он отправился в Испанию и при Мунде разбил последнюю армию помпеянцев. Когда в октябре он достиг Рима, то застал всю Италию погруженной в хаос. Злоупотребления олигархии и столетие революции привели к разрушению сельского

хозяйства, промышленности, финансов и торговли. Провинции были обескровлены, в то время как богатства сосредоточились в столице; необоснованные и рискованные капиталовложения привели к нарушению денежного обращения. Тысячи поместий потерпели крах; 100 000 человек вместо того, чтобы заниматься производством, были вовлечены в боевые действия. Огромное число крестьян покидали свои участки, теснимые латифундиями и дешевым привозным зерном, чтобы влиться в ряды городского пролетариата и жадно вслушиваться в речи демагогов. Пережившая все эти бури аристократия, которую отнюдь не смягчило проявленное Цезарем милосердие, злоумышляла против него в своих собраниях и дворцах. Он призывал их, обращаясь к сенату, признать неизбежность и необходимость диктатуры и сотрудничать с ним в деле благотворной реконструкции. Они насмехались над удачами узурпатора, возмущались присутствием в Риме Клеопатры на правах его гостыи и шептались, что он собирается сделаться царем и перенести свой престол в Александрию или Илион.

Итак, Цезарь, хотя к своим пятидесяти пяти годам он преждевременно постарел, в одиночку с истинно римской энергией приступил к преобразованию Римского государства. Он знал, что его победы будут лишены смысла, если ему не удастся возвести нечто более достойное, чем те обломки, которые он смел со своего пути. Когда в 44 г. до н. э. его диктатура из десятилетней была объявлена пожизненной, он не стал преувеличивать значимость изменения формулировки, хотя едва ли мог предположить, что уже через пять месяцев его жизнь оборвется. Сенат осыпал его лестью и почестями, вероятно, для того, чтобы посеять к нему ненависть в народе, который ненавидел само имя царя. Ему было позволено носить лавровый венец, благодаря которому Цезарю удавалось прикрывать свою лысину, и пользоваться императорскими полномочиями даже в дни мира. Благодаря этим мерам он взял под контроль государственную казну, а будучи верховным понтификом — жречество; как консул он имел право вносить законопроекты и следить за соблюдением законов; как трибун располагал личной неприкосновенностью; как цензор мог назначать или низлагать сенаторов. Народные собрания сохранили свое право голосовать по вынесенным законопроектам, но собраниями управляли помощники Цезаря Антоний и Долабелла, хотя в целом народ относился к политике Цезаря благосклонно. Как и другие диктаторы, он стремился к тому, чтобы его власть основывалась на народной любви.

Он низвел сенат фактически до положения совещательного органа; он увеличил его состав до 900 членов (ранее было 600) и не переставал преобразовывать этот орган при помощи четырехсот новоназначенных сенаторов. Многие из них были римскими всадниками; многие — знатнейшими жителями Италии и провинциальных городов; некоторые из них были в прошлом центурионами, солдатами или сыновьями рабов. Патриции были весьма и весьма встревожены, когда в сенат вступали вожди покоренной Галлии, пополняя тем самым верхушку, правящую Империей. Даже столичные шутники не могли не сокрушаться, взирая на это, и по Риму ходили такие сатирические куплеты:

Gallos Caesar in triumphum ducit, idem in curiam;
Galli braccas deposuerunt, latum clavum sumpserunt.—

«Цезарь ведет галлов, празднуя триумф, а затем вводит их в сенат; галлы сняли штаны и облачились в тоги с широкой полосой» (широкая полоса — атрибут одежды сенатора) ⁵².

Возможно, Цезарь сознательно превращал новый сенат в собрание, слишком громоздкое для принятия действенных решений или организации объединенной оппозиции. В качестве неофициального исполнительного кабинета он собрал вокруг себя нескольких друзей — Бальба, Оппия, Матия и других — и положил начало имперской бюрократии, предоставив заниматься канцелярскими подробностями правительственных решений и административными тонкостями штату своих вольноотпущенников и рабов. Он позволил народному собранию избирать половину городских магистратов; остальные тоже избирались народным собранием, но на основании «рекомендаций» диктатора. В качестве трибуна он мог налагать вето на решения других трибунов или консулов. Он увеличил число преторов до шестнадцати, а квесторов до сорока, чтобы ускорить судопроизводство и облегчить заботы муниципальных администраторов. Во всех областях городской жизни у него были свои осведомители, и он не терпел некомпетентности и напрасных потерь. В городских уставах, пожалованных им, он предусмотрел суровые меры, направленные против предвыборной коррупции и должностных преступлений. Чтобы положить конец выдвигению на первые роли политиков, скупающих голоса избирателей, и, видимо, чтобы обезопасить свою власть от восстаний пролетариата, он распустил коллегии (*collegia*), за исключением тех, чье происхождение было очень древним, а также религиозных ассоциаций иудеев. Служба в суде была сделана доступной только для выходцев из двух высших сословий, а в случаях особенно важных Цезарь оставил за собой право самому вникать в обстоятельства дела. Он нередко выполнял функции судьи, и никто не мог оспаривать мудрость и беспристрастность его приговоров. Он предложил юристам упорядочить и кодифицировать римское право, однако ранняя смерть не позволила этому плану осуществиться.

Взяв на себя работу, начатую Гракхами, он наделил землей своих ветеранов и бедняков; такая политика, которой следовал и Август, надолго предотвратила аграрные волнения. Чтобы воспрепятствовать стремительному сосредоточению земли в немногих руках, он постановил, что на протяжении двадцати лет новые земельные участки не подлежат продаже; чтобы сдерживать рост применения в сельском хозяйстве рабов, он принял закон, требовавший, чтобы не менее трети работников усадеб составляли свободные труженики. Превратив многих лентяев-пролетариев в солдат, а затем в собственников земли, он еще более ослабил их ряды, выслав 80 000 граждан в качестве колонистов в Карфаген, Коринф, Севилью, Арль и другие провинциальные центры. Чтобы обеспечить работой оставшееся незанятым население Рима, он вложил в грандиозную программу строительства общественных сооружений 160 000 000 сестерциев. На Марсовом поле по его инициативе было сооружено новое, более просторное место для народных собраний, и он несколько разгрузил переполненный дельцами Форум, построив рядом с ним Юлиев Форум. Схожим образом он украсил множество италийских, испанских, галльских и греческих городов. Ослабив таким образом гнет нищеты, он потребовал провести освидетельствование на наличие средств тех, кто претендовал на государственное хлебное вспомоществование. Тотчас же число претендентов сократилось с 320 000 до 150 000.

До сих пор он действовал как поборник интересов популяров. Но поскольку римская революция имела скорее аграрный, чем индустриальный характер, а ее главной мишенью была крупная рабовладельческая аристократия, постольку в отношении ростовщиков и, в известной мере, деловых классов Цезарь продолжал действовать в русле политики Гракхов, стремившейся поставить эти силы на службу аграрной и фискальной революциям. Цицерон стремился объединить аристократию и средние классы; Цезарь — средние классы и плебс. Многие крупные капиталисты, начиная с Красса и заканчивая Бальбом, оказывали ему финансовую помощь, как впоследствии люди этого класса будут помогать французской и американской революциям. И все же Цезарь пресек один из главных источников получения сверхприбылей — сбор налогов с провинций корпорациями публиканов. Он ослабил долговое бремя, ввел в действие суровые законы против сверхвысоких ссудных процентов и облегчил крайние случаи неплатежеспособности, установив закон о банкротстве фактически в том же виде, в каком он существует и сегодня. Он стабилизировал денежное обращение, положив в его основание золото и выпустив золотой (*aureus*), покупательная способность которого была равна британскому фунту стерлингов девятнадцатого века. Монеты, выпущенные в годы его правления, запечатлели его черты и были выполнены настолько искусно, что превзошли все существовавшие дотоле образцы римского монетного дела. Невиданный прежде порядок и компетентность стали при нем отличительной чертой финансовой политики империи, выразившись в том, что по смерти Цезаря в государственной казне было обнаружено 700 000 000 сестерциев, а личное состояние Цезаря равнялось 100 000 000.

В качестве научного базиса для обложения налогами и проведения административной работы была произведена перепись италийского населения и намечалась перепись населения всей Империи. Чтобы пополнить ряды граждан, прореженных войной, он широко практиковал предоставление римского гражданства — помимо прочих, его удостоились римские врачи и учителя. Давно уже тревожась тем обстоятельством, что рождаемость падает, он создал в 59 г. до н. э. юридический прецедент, наделив землей отцов троих детей; теперь он назначил награды для многодетных семей и запретил бездетным женщинам в возрасте до сорока пяти лет перемещаться в носилках или носить драгоценности — самая слабая и поверхностная часть его многостороннего законотворчества.

Оставаясь агностиком, хотя и не полностью свободным от суеверий⁵³, Цезарь сохранил за собой должность верховного жреца государственного культа и обеспечивал исполнение этих обязанностей необходимыми денежными средствами. Он восстанавливал древние храмы и закладывал новые, превыше всех богов почитая свою *alma mater* Венеру. Но он не препятствовал свободе совести и религии, отменил старые ограничения, наложенные на культ Исида и защищал иудеев, позволяя им сохранить свою веру. Заметив, что жреческий календарь утратил всякую связь с временами года, он поручил александрийскому греку Сосигену разработать, опираясь на египетские образцы, юлианский календарь: с этих пор год состоял из 365 дней, и раз в четыре года дополнительный день прибавлялся к февралю. Цицерон жаловался, что Цезарю теперь мало править всей землей, он решил регулировать и движение звезд; но сенат любезно принял реформу календаря и именем диктатора был назван месяц квинктилий — пятый месяц начинавшегося в марте года; отныне он назывался июлем.

Не менее, чем эти выполненные труды, впечатляют работы, начатые или только задуманные Цезарем, которые были отложены на неопределенный срок из-за его гибели. Он заложил фундамент большого театра и храма Марса, соразмерного с прожорливостью этого божества. Он назначил Варрона главой проекта по созданию публичных библиотек. Он намеревался извлечь Рим от опасности малярии осушением Фуцинского озера и Понтинских болот, при этом осушенные земли планировалось пустить в сельскохозяйственный оборот. Он предлагал возвести плотины, чтобы взять под контроль разливы Тибра; изменив течение этой реки, он собирался усовершенствовать гавань в Остии, периодически приходящую в негодность из-за речных наносов. Он посоветовал своим инженерам составить чертежи дороги, которую он хотел проложить через центральную Италию, и канала, который должен был прорезать Коринфский перешеек.

Самое серьезное недовольство вызвали его усилия уравнивать в правах свободных италийцев с римлянами, а провинции — с Италией. В 49 г. до н. э. он даровал гражданские права Цизальпинской Галлии. Теперь (44 г. до н. э.) он набросал устав муниципиев, очевидно, предназначенный для всех италийских городов, согласно которому те уравнивались в правах с Римом. Возможно, он планировал создать нечто вроде представительного правительства, участвуя в котором, эти города могли демократически влиять на политику создаваемой им конституционной монархии⁵⁴⁻⁵⁵. Он изъял из ведения коррумпированного сената назначение провинциальных наместников и сам призывал на эти посты людей, доказавших на деле свои способности, причем в любой момент они могли быть отозваны по его воле. Он сократил налоги провинций на треть и доверил собирать их особым уполномоченным, подотчетным лично ему. Он пренебрег старинными заклетьями и восстановил Капую, Карфаген и Коринф, став и здесь завершителем дела Гракхов. Колонистам, отправленным им во множество городов от Гибралтара до Черного моря, он даровал латинское или римское право; надо думать, он намеревался предоставить римское гражданство всем взрослым свободным мужчинам Империи; в результате этого шага сенат должен был представлять уже не только интересы одного из классов Рима, но настроения и волю всех провинций. Такая концепция устройства Империи и проведенная Цезарем реорганизация Италии и Рима довершили чудо превращения молодого мота и бражника в одного из самых умных, отважных, справедливых и просвещенных людей во всех вызывающих сожаление анналах политической истории человечества.

Как и Александр, он не умел останавливаться на достигнутом. Созерцая свое заново упорядоченное царство, он сокрушался о том, что оно может подвергнуться нападению из-за Евфрата, Дуная и Рейна. Он мечтал о великом походе против Парфии и об отмщении за смерть своего старого финансового покровителя — Красса; он мечтал о походе вокруг берегов Черного моря и умиротворении Скифии; он мечтал об исследовании побережья Дуная и о завоевании Германии⁵⁶. Затем, после того, как Империя была бы в безопасности, он возвратился бы в Рим, обремененный почестями и тяжело нагруженный добычей, достаточно богатый, чтобы положить конец экономической депрессии, достаточно могущественный, чтобы пренебречь любой оппозицией, вольный, наконец, выбрать себе преемника и умереть, оставив в наследство свету Pax Romana — «Римский мир».

IX. БРУТ

Когда известия об этих планах просочились в Рим, простой люд, всегда любивший славу, встретил их горячим одобрением; дельцы, чуя военные подряды и провинциальную добычу, принялись облизываться; аристократия, предвидя свое угасание после возвращения Цезаря, решила убить его прежде, чем он выступит в поход.

Он обращался с этими породистыми особами настолько великодушно, что побудил Цицерона прославить свое милосердие в благодарственных речах. Он простил всех сдавшихся врагов и приговорил к смерти лишь нескольких офицеров, которые, побежденные и прощенные, вновь выступили против него. Он сжег, не читая, письма, найденные в шатрах Помпея и Сципиона. Он отослал захваченных дочь и внука Помпея его сыну Сексту, который все еще воевал против него, и восстановил статуи Помпея, которые были повергнуты цезарианцами. Он доверил управление провинциями Бруту и Кассию, назначил на высокие посты немалое число представителей сенаторского сословия. Он молча сносил тысячи клевет и ни разу не привлек к суду тех, кто подозревался в составлении заговора против него. Цицерона, который всегда держал нос по ветру, он не только простил, но и воздал ему почести; ни разу не отказал он оратору, когда тот просил за себя или своих друзей-помпейцев. По настоянию Цицерона он даже простил нераскаившегося Марка Марцелла. В превосходной речи «В защиту Марцелла» (46 г. до н. э.) Цицерон радостно приветствовал «невероятную терпимость» Цезаря и допускал, что победоносный Помпей оказался бы более мстительным. «Я с сожалением услышал,— говорил он,— о твоём знаменитом и весьма философичном изречении *Iam satis vixi* — «Я прожил достаточно и для природы, и для славы»... Забудь об этом пророческом мудрствовании; не будь мудрецом за счет того, чтобы подвергнуть свою жизнь опасности... Ты все еще далек от завершения своих величайших трудов; ты даже еще не заложил их основания». И он торжественно обещал Цезарю от лица всего сената, что они будут из всех сил заботиться о его безопасности и своими телами заслонят его от любого нападения⁵⁷. Цицерон был теперь настолько благополучен, что собирался приобрести еще один дворец — не более и не менее как дворец самого Суллы. Он наслаждался обедами, на которые его приглашали Антоний, Бальб и прочие соратники Цезаря; никогда прежде его письма не искрились таким весельем⁵⁸. Цезарь не обманывался на его счет; он писал Матию: «Если и существует на свете любезный человек, то это — Цицерон; но не сомневаюсь, что он меня горячо ненавидит»⁵⁹. Когда убедившиеся в своей безопасности помпейцы вновь встали в оппозицию к начинаниям Цезаря, этот елейный Талейран пера выразил их надежды, прославив в похвальном слове младшего Катона, и вынудив тем самым Цезаря защищаться. Цезарь довольствовался тем, что написал в ответ «Антикатона», в котором гений диктатора выразился далеко не полностью. В этой дуэли он предоставил выбор оружия Цицерону, и неудивительно, что оратор одержал победу. Общественное мнение выразило одобрение писательскому мастерству Цицерона и мягкости правителя, написавшего памфлет вместо того, чтобы подписать смертный приговор.

Люди, лишившиеся власти, к которой привыкли, не могли быть смягчены прощением их враждебных действий. Простить другому то, что он смеет прощать, так же трудно, как простить тех, с кем мы поступили несправедли-

во. Аристократы в сенате были раздражены тем, что Цезарь согласно древним установлениям представлял свои проекты на их рассмотрение, а они не решались их отвергнуть. Они патриотически осуждали уничтожение свободы, благодаря которой они набивали свои карманы, и не могли допустить, чтобы восстановление порядка привело к ограничению такой свободы. Они со страхом взирали на живущих в Риме Клеопатру и Цезариона; это правда, что Цезаря и его жену Кальпурнию связывали узы взаимной привязанности; но кто мог утверждать — или отрицать, — что происходило во время его визитов к этой величественной царице? Может статься, твердила молва, он хочет сделаться царем, жениться на ней и перенести столицу объединенной державы на Восток. Разве не он приказал установить свою статую на Капитолии рядом со статуями древних римских царей? Разве не его образ несут римские монеты — неслыханная дерзость? Разве он не носит пурпурное одеяние, в которое обычно наряжают царей? Во время Луперкалий, пятнадцатого февраля 44 г. до н. э., консул Антоний, по-жречески обнажившись и напившись до потери * всякого благочестия, трижды пытался возложить на голову Цезаря царскую корону. Трижды Цезарь отказывался ее принять; но не потому ли, что собравшаяся толпа гулом выражала свое неодобрение? Разве он не отрешился от должности трибунов, что сняли с его статуи царскую диадему, которой ее украсили Цезаревы друзья? Когда сенаторы подходили к нему в то время, как он восседал в храме Венеры, он не встал, чтобы встретить их. Некоторые объясняли это тем, что он был разбит в этот момент приступом эпилепсии; другие — тем, что он страдал поносом и не хотел раздражать кишечник, двигаясь в такую неподходящую минуту⁶⁰. Но многие патриции страшились того, что однажды он будет провозглашен царем.

Вскоре после Луперкалий Гай Кассий, человек нездоровый — «бледный и тощий», как описывает его Плутарх⁶¹, — пришел к Марку Бруту и навел его на мысль об убийстве Цезаря. Он уже заручился поддержкой нескольких сенаторов, некоторых капиталистов, чей разбой в провинциях был стеснен ограничениями, наложенными Цезарем на публиканов, даже некоторых цезарианских военачальников, которые полагали, что полученные ими награды и трофеи меньше того, что они заслужили. Брут был нужен для придания заговору лица, ибо он имел репутацию самого доблестного из мужей. Предположительно, он был потомком того Брута, который изгнал царей 464 года назад. Его мать Сервилия была сводной сестрой Катона; его жена Порция была дочерью Катона и вдовой Бибула, одного из врагов Цезаря. «Некоторые думали, что Брут был сыном Цезаря, — говорит Аппиан, — ибо Цезарь был любовником Сервилии незадолго до его рождения»⁶². Возможно, что и сам Брут придерживался того же мнения и ненавидел диктатора за то, что тот совратил его мать, сделав его, как твердила грязная сплетня, не Брутом, но жалким ублюдком. Он всегда был угрюм и молчалив, словно размышляя над никому неведомыми обидами; в то же время он вел себя довольно горделиво, как и надлежало вести себя тому, в чьих жилах, несмотря ни на что, все-таки текла благородная кровь. Он превосходно владел греческим и усердно занимался философией; в метафизике он был последователем Платона, в этике — Зенона. От него не укрылось, что стоицизм, будучи по происхождению и настроению как греческим, так и римским учением, одобрял тираноубийство. «Наши

* Ср. с. 76 настоящего издания.

предки,— писал он другу,— полагали, что мы не должны терпеть тирана, даже если это — наш отец»⁶⁴. Он сочинил трактат, посвященный рассуждениям о доблести, и впоследствии попал благодаря своим абстракциям в изрядный переплет. Через подставных лиц он ссудил жителям кипрского Саламина деньги под сорок восемь процентов. Когда они стали уклоняться от уплаты постоянно растущих процентов, он потребовал от Цицерона, бывшего тогда проконсулом Киликии, обеспечить возвращение этих денег при помощи римской армии⁶⁵. Он управлял Цизальпинской Галлией порядочно и умело и по возвращении в Рим был назначен Цезарем городским претором (45 г. до н.э.).

Все благородные струны его души возмущались против предложения Кассия. Кассий напомнил ему о его мятежных предках, и, может быть, Брут почувствовал, что ему брошен вызов и от него требуется доказать свое происхождение подражанием прашурам. Чувствительный молодой человек покрывался румянцем, когда видел на статуях древнего Брута надписи: «Брут, неужели ты мертв?» Или: «Твои потомки недостойны тебя»⁶⁶. Цицерон посвятил ему несколько написанных в эти годы трактатов. Между тем патриции шептались между собой, что на следующем заседании сената, пятнадцатого марта, Луций Котта предложит провозгласить Цезаря царем на том основании, что, согласно Сивилиным книгам, победить парфян сможет только царь⁶⁷. Сенат, который наполовину состоял из выдвигенцев Цезаря, якобы проголосует за принятие этого предложения, и все надежды на восстановление Республики будут потеряны. Брут наконец уступил уговорам, и конспираторы составили окончательный план. Порция вытянула этот секрет из мужа, вонзив себе в бедро кинжал и показав тем самым, что никакая сила не заставит ее против воли разгласить доверенную тайну. В момент непредусмотрительного раскаяния Брут настоял на том, что Антония следует пощадить.

Вечером четырнадцатого марта собравшимся в его доме гостям Цезарь предложил порассуждать на тему: «Какая смерть наилучшая?» Его собственный ответ звучал: «Внезапная». На следующее утро жена просила его не ходить в сенат, говоря, что во сне видела его залитым кровью. Объятый теми же предчувствиями, слуга попытался утратить его зловещим предзнаменованием и уронил на пол изображение одного из предков Цезаря. Но Децим Брут — один из самых близких его друзей, а также один из заговорщиков — настоятельно посоветовал ему посетить заседание сената, пусть только для того, чтобы лично попросить о переносе заседания. Некий друг, узнавший о заговоре, явился, чтобы предупредить его, но Цезарь уже вышел из дома. По дороге в сенат ему встретился предсказатель, который некогда шепнул ему: «Берегись мартовских ид!» Цезарь с улыбкой заметил, что иды наступили и все по-прежнему хорошо. «Но они еще не прошли», — ответил Спуринна. В то время как Цезарь совершал обычно предшествовавшее заседаниям сената жертвоприношение у театра Помпея, где должны были собраться сенаторы, ему в руки вложили табличку, извещающую о заговоре. Он не обратил на нее внимания, и, согласно преданию, после его смерти она была найдена у него в руке*.

Требоний, заговорщик, который был любимым полководцем Цезаря, помешал Антонию пойти навстречу Цезарю, заведя с ним какой-то разговор.

* Этот рассказ о мартовских идах зафиксирован у Светония, Плутарха и Аппиана⁶⁸; и все же не исключено, что это — только легенда.

Когда Цезарь вошел в театр и занял свое место, «освободители» без промедления бросились к нему. «Некоторые пишут, — сообщает Светоний, — что, когда на него напал Марк Брут, Цезарь по-гречески произнес: *kai sy teknon?* («И ты, дитя мое?»))»⁶⁹. После того, как Брут нанес ему удар, говорит Аппиан, Цезарь перестал сопротивляться; накрыв голову плащом, он подставил тело мечам и упал к постаменту статуи Помпея⁷⁰. Самому совершенному человеку, рожденному античностью, посчастливилось — сбылось самое заветное из его желаний.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Светоний. *Приложение*. I, 3.
- ² Светоний. *Божественный Юлий*, 49.
- ³ Там же, 4; Плутарх. *Цезарь*.
- ⁴ Светоний. *Божественный Юлий*, 52.
- ⁵ Плутарх. *Катон Младший*.
- ⁶ Квинтилиан. *Воспитание оратора*, X, 1, 114.
- ⁷ Саллюстий. *Заговор Катилины*, II.
- ⁸ Аппиан. *Гражданские войны*, II, 2.
- ⁹ Ferrero, G., *Greatness and Decline of Rome*. I, 261.
- ¹⁰ Boissier, *Tacitus*, 215 сл.
- ^{11–12} Mommsen, V, 132.
- ¹³ Цезарь. *Записки о галльской войне*, I, 44.
- ¹⁴ Mommsen, V, 34.
- ¹⁵ Там же, 38.
- ¹⁶ Цицерон, указ. соч., 81.
- ¹⁷ Mommsen, V, 100.
- ¹⁸ Плутарх. *Помпей. Красс. Катон Младший*.
- ¹⁹ Ното, L., *Roman Political Institutions*, 184; Mommsen, V, 166.
- ²⁰ Там же, 385.
- ²¹ Аппиан. *Гражданские войны*, II, 3.
- ²² Цицерон. *В защиту Секстия*, 35; Mommsen, V, 108 сл., 370; Ferrero, I, 313; Boissier, *Cicero*, 213; Fowler, *Social Life*, 58.
- ²³ Дион Кассий, XL, 57.
- ²⁴ Платон. *Государство*, 562 сл.
- ²⁵ Светоний. *Божественный Юлий*, 77.
- ²⁶ Аппиан. *Гражданские войны*, II, 5; Ferrero, II, 187.
- ²⁷ Светоний. *Божественный Юлий*, 32; Аппиан. *Указ. место*.
- ²⁸ Sute, 89.
- ²⁹ Цицерон. *К Аттику*, VIII, 16.
- ³⁰ Ferrero, II, 212.
- ³¹ Цицерон. *Письма*, XVI, 12 (к Тируну, 49 г. до н. э.).
- ³² См., например: *О гражданской войне*, I, 43–52.
- ³³ Там же, I, 53; Аппиан, II, 15.
- ³⁴ Цезарь, *Записки о гражданской войне*, III, 1.
- ³⁵ Плутарх. *Цезарь*; Аппиан, II, 8.
- ³⁶ Цезарь, ук. соч., III, 10.
- ³⁷ Там же, III, 53.
- ³⁸ Цицерон. *Письма*, VII, 3 (к Марку Марию, 46 г. до н. э.); *К Аттику*, XI, 6.
- ³⁹ Аппиан, II, 10.
- ⁴⁰ Плутарх. *Помпей*.

- ⁴¹ Плутарх. *Марк Брут*.
⁴² Цезарь, *Указ. соч.*, III, 88.
⁴³ Плутарх. *Помпей*.
⁴⁴ Аппиан, II, 13.
⁴⁵ Mahaffy, J., *Silver Age of the Greek World*, 199.
⁴⁶ САН, X, 37; *Buchan, Augustus*, 117.
⁴⁷ Светоний. *Божественный Юлий*, 52.
⁴⁸ Там же.
⁴⁹ Плутарх. *Цезарь*.
⁵⁰ Дион Кассий, XLII, 49.
⁵¹ Аппиан, II, 13.
⁵² Светоний. *Божественный Юлий*, 80.
⁵³ Плиний, XXVIII, 2.
^{54–55} Frank, *Economic History*, 351.
⁵⁶ Плутарх. *Цезарь*.
⁵⁷ Цицерон. *В защиту Марцелла*, 6–10.
⁵⁸ Ср.: *К родным*, VIII, 14, 22–25; IX, 11.
⁵⁹ См.: Цицерон. *К Аттику*, XIV, 1.
⁶⁰ Дион Кассий, II, 44.
⁶¹ Плутарх. *Брут*.
⁶² Аппиан, II, 16.
⁶³ Плутарх, *указ. место*.
⁶⁴ Из письма, вызывающего сомнения в авторстве, к Бруту; см. *Boissier, Cicero and His Friends*, 334.
⁶⁵ Цицерон. *К Аттику*, V, 21; VI, 1–9.
⁶⁶ Аппиан, II, 16.
⁶⁷ Светоний. *Божественный Юлий*, 79.
⁶⁸ Там же, 81–87; Плутарх. *Цезарь*; Аппиан, II, 16–21.
⁶⁹ Светоний, 82.
⁷⁰ Аппиан, *указ. место*.

ГЛАВА 10

АНТОНИЙ

44—30 гг. до н. э.

1. АНТОНИЙ И БРУТ

УБИЙСТВО ЦЕЗАРЯ — одна из самых страшных трагедий в истории человечества. Дело даже не столько в том, что его смерть прервала великие труды на государственном поприще и привела к еще одному пятнадцатилетнему хаосу и войны; цивилизация все-таки выжила, и Август довершил начатое Цезарем. Трагизм заключался еще и в том, что правы были, видимо, обе стороны: заговорщики — когда думали, что Цезарь замышляет установить монархию; Цезарь — когда думал, что беспорядок и масштабы Империи привели к необходимости учреждения монархии. Люди разделились во мнениях по этому вопросу с того самого момента, как сенат на мгновение впал в оцепенение после происшедшего, а затем сенаторы в ужасе и замешательстве бежали из зала. Антоний, попавший внутрь после убийства, решил, что доблесть — в осторожности, и забаррикадировался в своем доме. Даже Цицерон потерял дар речи, когда Брут, сжимая в руках окровавленный кинжал, воздал ему хвалу как «отцу отечества». Выйдя на улицу, заговорщики застали на площади возбужденную толпу; они попытались завоевать ее расположение, выкрикивая истертые слова — Свобода и Республика, но ошеломленный народ не выказал никакого уважения к фразам, которые столько лет служили для того, чтобы прикрывать человеческую алчность. Опасаясь за свою безопасность, убийцы нашли убежище в зданиях на Капитолии и окружили себя личными телохранителями-гладиаторами. Вечером к ним присоединился Цицерон. Антоний, которого навестили их посланники, ответил им дружелюбной запиской.

На следующий день на Форуме собралась еще более многочисленная толпа. Заговорщики отправили своих агентов купить ее поддержку и преобразовать ее в законное собрание. Затем они рискнули покинуть Капитолий, и Брут произнес речь, которую приготовил для сената. Сердца слушателей эта речь не тронула. Кассий пытался сказать что-то еще, но был встречен холодным молчанием. Освободители вернулись на Капитолий, а после того, как толпа стала редеть, тайком разошлись по домам. Антоний, рассчитывая на то, что Цезарь назначил его своим наследником, забрал у оцепеневшей Кальпурнии все бумаги и деньги, которые диктатор держал у себя во дворце; одновременно с этим он тайно призвал в Рим ветеранов Цезаря. Семнадцатого числа, воспользовавшись своим трибунским авторитетом, он собрал сенаторов и поразил все противоборствующие партии дружелюбием и кротостью. Он принял предложение Цицерона о всеобщей амнистии, согласился с тем, что Брут и Кассий должны получить полномочия провинциальных наместников (что означало для них не только безопасное бегство, но и сохранение власти) на

том условии, что сенат утвердит все указы, законодательные акты и назначения, осуществленные Цезарем. Так как большинство сенаторов было обязано своими должностями и доходами именно этим актам, они согласились с Антонием. Когда же заседание сената было объявлено закрытым, Антония провозгласили государственным деятелем, который вырвал мир из пасти войны. Тем же вечером он пригласил Кассия на обед. Восемнадцатого марта сенат собрался снова, признал завещание Цезаря подлинным, проголосовал за то, чтобы устроить его похороны за счет государства, и назначил Антония произвести подобающую в таких случаях надгробную речь.

Девятнадцатого марта Антоний взял завещание Цезаря у весталок, которым оно было отдано на хранение, и прочитал его, сначала перед небольшим, затем перед более крупным собранием. Цезарь объявлял в нем, что свое частное состояние он завещает троим внучатым племянникам и (к изумлению и негодованию Антония) провозглашает одного из них, Гая Октавия, своим приемным сыном и наследником. Диктатор, разбивший свои сады с намерением сделать из них публичный парк, завещал их народу; кроме того, он завещал каждому римскому гражданину по 300 сестерциев. Известия об этих благодеяниях мигом облетели весь город; и когда двадцатого марта на Форум вынесли тело Цезаря, набальзамированное во дворце, почтить его собралось огромное множество народа, среди которого были и ветераны Цезаря. Представляется, что сначала Антоний обратился к ним осторожно и сдержанно; но чем дальше он говорил, тем больше давал волю своим чувствам и красноречию. Когда он поднял со сделанных из слоновой кости носилок разорванную и окровавленную тогу, в которой был заколот Цезарь, эмоции толпы вышли из-под контроля. Посреди оглушительного плача и бешеного крика люди принялись отовсюду сносить дрова и разожгли костер под покойным. Ветераны бросали в огонь свое оружие как приношение божеству, актеры — свои костюмы, музыканты — свои инструменты, женщины — самые дорогие свои украшения. Выхватив из огня головешки, некоторые энтузиасты бросились поджигать дома заговорщиков, но эти здания были взяты под надежную охрану, а их владельцы бежали из Рима. Большая часть собравшихся оставалась у тлеющего костра всю ночь; многие иудеи, благодарные Цезарю за его мягкие по отношению к ним законы, находились там три дня, распевая свои погребальные песни. Все эти дни в городе назревал мятеж; в конце концов Антоний приказал своим солдатам восстановить порядок и сбросить самых упрямых мародеров с Тарпейской скалы.

Антоний был только половиной того существа, которое раньше носило имя Цезаря; так Август станет другой его половиной. Антоний был отличным полководцем, Август — выдающимся государственным деятелем. Ни в одном из них обе стороны личности Цезаря не были совмещены. Родившийся в 82 г. до н. э., Антоний провел значительную часть жизни в военном лагере, а еще большую — в погоне за женщинами, вином, хорошей пищей и развлечениями. Хотя он и происходил из старинного рода и был красив и строен, в нем были воплощены доблести, свойственные скорее человеку из простонародья; телесная крепость, животная отвага, добросердечие, щедрость, мужество и верность. Он произвел неблагоприятное впечатление даже на Цезаря, держа в Риме гарем, где содержались наложницы и наложники, и путешествуя в своих носилках вместе с греческой куртизанкой¹. Он купил на аукционе дом Помпея, занял его, а затем отказался за него платить². Теперь он нашел в

бумагах Цезаря или, как говорят недоброжелатели, сам вписал в них все то, что было ему по сердцу: назначения для друзей, указы, помогающие достижению его целей, чаевые для себя; за две недели он расплатился с полумиллионными (если считать в долларах) долгами и стал богатым человеком. Он присвоил 25 000 000 долларов, хранившихся Цезарем в храме богини Опис, и взял еще 5 000 000 из личной сокровищницы Цезаря. Обратив внимание на то, что Децим Брут, которого Цезарь назначил губернатором Цизальпинской Галлии, принял эту доходную должность, будучи одним из соучастников убийства Цезаря, Антоний провел через народное собрание закон, передавший в его руки контроль над этой жизненно важной провинцией и утешивший Децима местом губернатора Македонии. Подобным же образом Марк Брут и Кассий вынуждены были уступить Дециму Македонию, а Сирию — Долабелле и поделить между собой Кирену и Крит.

Напуганный ростом власти Антония, сенат пригласил в Рим приемного сына Цезаря, призванного сыграть роль противовеса. Гай Октавий, который станет впоследствии самым великим государственным мужем римской истории, в 44 году был восемнадцатилетним юношей. По устоявшемуся обычаю он принял имя нового отца. Добавив к нему свое собственное в качестве определения, он станет называться Гай Юлий Цезарь Октавиан, пока семнадцать лет спустя не прибавит к нему еще и возвышенное имя Августа, под которым его и будут помнить последующие столетия. Его бабка была сестрой Цезаря Юлией; его дед — банкиром из плебейского рода в Велитрах в Лации. Отец его служил в должности плебейского эдила, затем претора, наконец, наместника Македонии. Мальчик был приучен к спартанской простоте, в детстве ему преподавали греческую и римскую литературу и философию. В последние три года он прожил немало времени во дворце Цезаря. Одним из самых прискорбных обстоятельств последних лет жизни Цезаря было именно отсутствие законного сына, а одним из самых выдающихся проявлений его проницательности — усыновление Октавия. Он брал юношу с собой в Испанию в 45 г. до н.э. и с удовольствием наблюдал за тем, с какой отвагой этот хрупкий, впечатлительный, болезненный мальчик переносит тяготы и опасности похода. Он был заботливым наставником Октавия в искусствах войны и управления государством³. Множество сохранившихся статуй сделали нам очень близко знакомой внешность этого человека: утонченного, изысканного, задумчивого, в одно и то же время неуверенного в себе и решительного, уступчивого и цепкого. Идеалист должен был стать реалистом, человек мысли с усилием над собой привыкал быть человеком действия. Он был бледен и тонок и страдал от плохого пищеварения. Он ел мало, пил еще меньше и пережил теснивших его вокруг него крепышей, благодаря воздержанности и размеренности жизни.

В конце марта 44 г. до н.э. в Аполлонию, расположенную в Иллирии, прибыл вольноотпущенник. Он сообщил Октавиану, находившемуся при армии, весть о смерти и завещании Цезаря. Тонко чувствующий юноша был потрясен человеческой неблагодарностью; вся его любовь к дяде, который так нежно обращался с ним и который с такой лихорадочностью работал над восстановлением раздробленного государства, хлопотала в нем и исполнила его решимости завершить труды Цезаря и отомстить за его смерть. Он бросился вскачь к побережью, переправился в Брундиций и поспешил в Рим. Его родные посоветовали ему оставаться в укрытии — иначе Антоний уничтожит

его; мать также рекомендовала ему оставаться в бездействии; но когда он высмеял ее советы, она возрадовалась и просто сказала: если это окажется возможным, будь терпелив и тонок и не стремись к войне. Он последовал ее мудрому предостережению и был ему верен до конца.

Он посетил Антония и осведомился у того, что предпринято в отношении убийц Цезаря. Он был неприятно поражен, обнаружив, что Антоний был занят составлением планов похода против Децима Брута, который не хотел уступать Цизальпинскую Галлию. Он попросил Антония распорядиться наследством Цезаря в соответствии с волей покойного, особенно настаивая при этом на выплате суммы, приблизительно равной сорока пяти долларам, каждому гражданину Рима. Антоний приводил множество оснований для того, чтобы выполнение этой части завещания было отсрочено. Тогда Октавиан распределил деньги среди ветеранов Цезаря, прибегнув к помощи друзей Цезаря, у которых занял необходимые средства, и организовал таким способом свою собственную армию.

Антоний, разгневанный дерзостью этого «мальчишки», как он называл Октавиана, объявил, что на его жизнь было совершено покушение и что предполагаемый убийца назвал Октавиана вдохновителем этого замысла. Октавиан бурно доказывал свою невиновность. Цицерон воспользовался этой ссорой и убедил молодого человека, что Антоний — негодяй, который должен быть уничтожен. Октавиан согласился, присоединил два своих легиона к легионам консулов Гирция и Пансы и отправился вместе с ними в поход на север, чтобы сразиться с Антонием. Цицерон обеспечил новой гражданской войне поддержку своего красноречия и своих инвектив, создав четырнадцать «филиппик», разоблачавших государственную политику и частную жизнь Антония; некоторые из них были произнесены в сенате или перед народным собранием, остальные он обнародовал в качестве пропагандистских обращений, сочиненных в лучших традициях очернения военного противника. В схватке при Мутине (Модена) Антоний проиграл и спасся бегством (44 г. до н.э.); но в бою пали Гирций и Панса, и Октавиан вернулся в Рим единственным командиром сенатских легионов, впрочем, как и своих собственных. С такими силами у себя за спиной он заставил сенат назначить его консулом, пересмотреть амнистию заговорщикам и всех их приговорить к смерти. Открыв для себя, что Цицерон и сенат стали его врагами и просто воспользовались им как орудием в борьбе против Антония, он уладил свои разногласия с последним и образовал с ним и Лепидом Второй Триумвират (44—33 гг. до н.э.). Их объединенные армии вошли в Рим, не встретив на своем пути никакого сопротивления. Множество сенаторов и консервативных деятелей бежали в Южную Италию и в провинции. Народное собрание утвердило решения триумвиров и наделило их полнотой власти на пять лет.

Чтобы заплатить солдатам, пополнить свою казну и отомстить за Цезаря, эти три полководца развязали самую кровавую бойню в истории Рима. Они внесли в списки приговоренных к смерти 300 сенаторов и 2000 всадников, предложив 25 000 драхм (15 000 долларов) каждому свободному и 10 000 драхм каждому рабу, которые принесут голову проскрибированного⁴. Иметь деньги было теперь уголовным преступлением; дети, которым доставались состояния, также приговаривались к смерти и убивались; вдов лишали того, что завещали им мужья; от 1400 богатых матрон потребовали передать большую часть их имущества триумвирам. В конце концов триумвиры наложили лапу

даже на сбережения, оставленные на хранение весталкам. Аттика пощадили потому, что он помог жене Антония Фульвии; открыто выражая триумвиру свою благодарность, Аттик тем временем посылал огромные суммы Бруту и Кассию. Триумвиры приказали солдатам охранять все выходы из города. Проскрибированные прятались в колодцах, водостоках и сточных канавах, на чердаках и в дымоходах. Некоторые погибли при попытке оказать сопротивление, некоторые смиренно отдались в руки палачей; некоторые умирали от голода, вешались или топились; другие прыгали с крыш или бросались в огонь; иных убивали по ошибке; кто-то, не попав в смертные списки, совершал самоубийство над телами казенных родных. Трибун Сальвий, зная, что обречен, угостил друзей последним пиршеством; в дом вошли посланцы триумвиров, отрубили ему голову и, оставив за столом его бездыханное тело, попросили не прерывать пира. Рабы пользовались возможностью избавиться от крутых хозяев, но многие слуги бились до последнего, чтобы защитить своего господина; некий раб переоделся в платье своего владельца и был обезглавлен вместо него. Сыновья умирали, чтобы защитить отцов, в то время как другие выдавали отцов победителям, чтобы завладеть частью отцовского имущества. Прелюбодейки или обманутые жены выдавали своих мужей. Жена Копония обеспечила ему безопасность, разделив ложе с Антонием. Жена Антония Фульвия пробовала когда-то купить особняк своего соседа Руфа; тот отказался продавать; теперь, хотя он и отдавал ей дом даром, она настояла на том, чтобы его проскрибировали, и прибила его голову к парадной двери здания⁵.

Цицерона Антоний поместил в самом начале списка лиц, подлежащих казни. Антоний был мужем вдовы Клодия и неродным сыном сторонника Катилины Лентула, которого Цицерон распорядился умертвить в темнице. Кроме того, он был возмущен (и не без оснований) бранью, на которую не скупился оратор в «филиппиках». Октавиан протестовал, но не слишком долго; он не мог простить Цицерону прославления убийц Цезаря и каламбур, которым этот бесшабашный остроумец оправдывался перед консерваторами за свои заигрывания с наследником Цезаря*. Цицерон попытался бежать; но, не перенеся морского волнения и качки, он сошел на берег и провел ночь на своей вилле в Формиях. На следующий день он пожелал остаться здесь и дожидаться палачей, предпочитая встречу с ними путешествию по беспокойному морю; но домочадцы заставили его сесть в носилки и понесли на корабль. По дороге на них наткнулись солдаты Антония. Слуги хотели оказать им сопротивление, но Цицерон попросил их поставить носилки на землю и сдаться. Затем «с лицом, покрытым пылью, нестриженными бородой и волосами и усталостью на челе»⁷ он подставил шею солдатам, чтобы те как можно быстрее обезглавили его (43 г. до н.э.). По приказу Антония ему отрубили также и правую руку и доставили вместе с головой триумвирам. Антоний издал смешок победителя, наградил убийц 250 000 драхм и вывесил голову и руку на Форуме⁸.

В самом начале 42 г. до н.э. триумвиры переправились со своими армиями через Адриатику и прошли через Македонию во Фракию. Там Брут и Кассий собрали последнюю армию республиканцев, финансировавшуюся за счет та-

* Цицерон сказал об Октавиане: *laudandum adolescentem, ornandum, tollendum* — «молодого человека следует прославить, украсить и возвысить»; но *tollere* означало также «убить»⁶.

ких контрибуций, о которых прежде не слыхивали даже в Риме. От восточных городов Империи они потребовали и получили налоги за десять лет вперед. Когда жители Родоса не проявили должной расторопности, Кассий ворвался в порт, приказал всем жителям отдать свое имущество, тех, кто колебался, — казнил и вывез отсюда средств на 10 000 000 долларов. В Киликии он расквартировал своих солдат в домах жителей Тарса и оставался там до тех пор, пока ему не заплатили 9 000 000 долларов за то, чтобы он ушел из города; чтобы собрать такие деньги, горожане продали все муниципальные земли, переплавили в слитки все храмовые сосуды и украшения и продали в рабство свободных людей — сначала мальчиков и девочек, затем женщин и стариков, наконец, юношей; многие, узнав о том, что их продали в рабство, кончали с собой. В Иудее Кассий разжился 4 200 000 долларов и продал в рабство жителей четырех городов. Брут тоже не гнушался при сборе денег насилием. Когда жители лидийского Ксанфа отвергли его требования, он взял их в осаду; лидийцы умирали от голода, но стояли на своем, совершив под конец коллективное самоубийство⁹. Любитель философии, Брут по большей части пребывал в Афинах, но когда город наполнился молодыми нобилями, призывавшими к войне за реставрацию, и были собраны необходимые для этой войны средства, Брут закрыл свои книги, соединил свои войска с армией Кассия и приготовился к бою.

Противоборствующие армии встретились в сентябре 42 г. до н.э. при Филиппах. Крыло, которым командовал Брут, оттеснило воинов Октавиана и захватило лагерь противника; однако Антоний наголову разбил легионы Кассия. Кассий приказал своему оруженосцу заколоть его; оруженосец повиновался. Антоний не смог сразу же развить свой успех; Октавиан был прикован к постели болезнью, а его войска пребывали в расстройстве. Антоний перестроил всю армию и после нескольких дней отдыха повел ее против Брута. Остатки республиканской армии были обращены в бегство. Видя, что его солдаты уступают, Брут понял, может быть, с облегчением, что все наконец потеряно; он бросился на меч друга и умер. Антоний, натолкнувшись на его тело, укрыв мертвеца своим пурпурным плащом. Когда-то они были друзьями.

II. АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА

Старая аристократия сражалась при Филиппах в своей последней наземной битве. Многие из них — сын Катона, сын Гортензия, Квинтий Вар и Квинт Лабен — вместе с Брутом и Кассием выбрали самоубийство. Победители разделили Империю между собой: Лепиду досталась Африка, Октавиан взял себе Запад, Антоний, которому предоставили возможность выбирать, взял себе Египет, Грецию и Восток. Постоянно нуждаясь в деньгах, Антоний простил восточным общинам вклады, внесенные ими в казну врага, обусловив, однако, свою забывчивость тем, что они внесут ему такую же сумму — налоги за десять лет — в течение одного года. Его врожденное добродушие вернулось к нему, когда победа даровала ему зримую безопасность. Он умерил свои требования к эфесцам, когда эфесские женщины, нарядившись вакханками, приветствовали его как бога Диониса; но он без колебаний подарил своему повару дом какого-то магнесийского богача за

понравившийся ему ужин. Он созвал собрание ионийских городов в Эфесе, уладил дела и установил границы этих государств настолько умело, что десятилетие спустя Августу не пришлось здесь практически ничего менять. Он простил всех, кто воевал против него, кроме непосредственных соучастников убийства Цезаря. Он облегчил положение городов, наиболее сильно пострадавших от Кассия и Брута, освободил некоторые из них от всех римских податей, отпустил на волю множество тех, кто был продан в рабство заговорщиками, и изгнал из сирийских городов тиранов, которые свергли в этих городах демократию¹⁰.

Проявляя лучшие стороны своего простого нрава, Антоний в то же время настолько покорился своим вожделениям, что подвластные ему народы потеряли всякое к нему уважение. Он окружил себя танцорами, музыкантами, куртизанками, гуляками и делал своими женами и наложницами всех, кто хоть как-нибудь возбуждал его олимпийскую чувственность. Он направил к Клеопатре послов, прося царицу предстать перед ним в Тарсе и ответить на обвинения в поддержке Кассия деньгами и людьми. Она приехала, но тогда, когда сама сочла это нужным. Пока Антоний поджидал ее, восседа на троне, установленном на Форуме, она плыла вверх по течению Кидна в барке с пурпурными парусами, позолоченной кормой и серебряными веслами, услаждая свой слух наигрышами на флейтах, дудочках и арфах. Ее служанки, облаченные в наряды морских нимф и граций, составляли корабельную команду, в то время как сама она в одежде Венеры возлежала под балдахином, расшитым золотом. Когда известие об этом соблазнительном корабле распространилось среди обитателей Тарса, народ столпился на берегу, оставив Антония одного на его троне. Клеопатра пригласила его отведать ее угощений на корабле. Он пришел в сопровождении огромной свиты; она чествовала его спутников с блеском и роскошью и подкупила его полководцев подарками и улыбками. Антоний когда-то едва не влюбился в нее; тогда она была еще совсем юной и жила в Александрии. Сейчас ей было двадцать девять, и она находилась в расцвете своего женского очарования. Он начал с упреков, а закончил тем, что даровал ей Финикию, Келесирию, Кипр и некоторые области Аравии, Киликии и Иудеи¹¹. Она вознаградила его, утолив его страсть, и пригласила в Александрию. Там они провели безмятежную зиму (41—40 гг. до н. э.); Антоний упивался любовью царицы, слушал лекции в Мусее и забыл о том, что ему должно управлять Империей. Сама Клеопатра не потеряла голову от любви. Она прекрасно понимала, что богатый, но слабый Египет вскоре привлечет к себе вожделенные взоры всемогущего Рима. Единственным спасением для ее страны и трона был брак с одним из жозев Рима. Она добивалась достижения этой цели, влюбив в себя Цезаря; теперь того же она хотела добиться от Антония. И он, чья политика была не чем иным, как политикой Цезаря, тоже испытывал искушение мечтой об объединении Рима и Египта и переносе столицы на чарующий Восток.

Пока Антоний проказничал в Александрии, его жена Фульвия и брат Луций замыслили свергнуть власть Октавиана в Риме. Октавиан не нашел здесь счастья: сенат являл собой сборище авантюристов и военачальников, проблемы незанятости представлялись неразрешимыми, популяры были разобщены, Секст Помпей препятствовал подвозу продовольствия в Италию, коммерция была скована страхом, чрезмерные подати и грабежи привели к тому, что были подорваны практически все состояния, а люди жили в атмосфере безо-

глядного чувственного мятежа против всех устоев, оправдывая себя тем, что завтрашний день может снова привести с собой отказ от долговых обязательств, новые грабежи или гибель. Октавиан и сам отнюдь не был образцом непорочности в эти дни. Чтобы довести сложившуюся неразбериху до предела, Фульвия и Луций собрали армию и призвали всю Италию изгнать Октавиана. Марк Агриппа, полководец Октавиана, осадил Луция в Перузии и взял осажденных измором (март 40 г. до н.э.). Фульвия умерла от болезни, несбывшихся надежд и тоски по Антонию, который забыл о ней. Октавиан пощадил Луция в надежде на то, что это позволит ему сохранить мир с Антонием, однако тот пересек разделявшее их море и взял в осаду Брундивий, где был размещен гарнизон Октавиана. Армии, в которых оказалось здравого смысла больше, чем в их вождях, отказались сражаться друг с другом и принудили противников заключить мирное соглашение (40 г. до н.э.). В залог будущей благосклонности к Октавиану Антоний женился на его милой и добротельной сестре Октавии. На какое-то время все были счастливы; и Вергилий, который писал в эти дни свою Четвертую Эклогу, предсказывал возвращение блаженного царства Сатурна.

В 38 г. до н.э. Октавиан влюбился в Ливию, беременную супругу Тиберия Клавдия Нерона. Он развелся со Скрибонией, своей первой женой, убедил Нерона предоставить Ливии свободу, женился на ней и благодаря ее убедительным советам и аристократическим связям (она происходила из фамилии Клавдиев) получил возможность примириться с имущими классами. Он сократил налоги, вернул 30 тысяч беглых рабов их господам, терпеливо занялся восстановлением порядка в Италии. При помощи Агриппы и 120 кораблей, которыми снабдил его Антоний, он разбил флот Секста Помпея, обезопасил подвоз в Рим продовольствия и окончательно подавил сопротивление помпеянцев (36 г. до н.э.). Сенат единодушно даровал ему пожизненные полномочия трибуна.

Женившись на Октавии и торжественно справив в Риме свадебную церемонию, Антоний отправился с молодой женой в Афины. Там он некоторое время наслаждался новизной ощущений — впервые в жизни рядом с ним находилась порядочная женщина. Он отложил в сторону политику и войны и вместе с Октавией принялся посещать лекции философов. Однако в то же время он изучал оставшиеся от Цезаря планы по завоеванию Парфии. Лабиев, сын Цезарева полководца, поступил на службу к парфянскому царю и предводительствовал победоносными походами парфянской армии против Киликии и Сирии — весьма и весьма доходных римских провинций (40 г. до н.э.). Чтобы достойно отразить эту угрозу, Антоний нуждался в солдатах; чтобы содержать солдат, ему нужны были деньги; а денег у Клеопатры было более чем достаточно. Неожиданно устав от мира и добродетели, он отослал Октавию обратно в Рим и попросил Клеопатру о встрече в Антиохии. Она привела с собой небольшое войско, но не одобрила его грандиозных замыслов и, видимо, уделила ему совсем немного от своих баснословных сокровищ. Он вторгся в Парфию со стотысячным воинством (36 г. до н.э.), тщетно пытался захватить парфянские твердыни и потерял почти половину армии во время трехсотмильного марша через враждебную страну назад — в римские земли. По пути он присоединил к империи Армению. Он вознаграждал себя за эту кампанию триумфом и шокировал римлян, отпраздновав триумф в Александрии. Он послал письмо Октавии, в котором объявлял о разводе (32 г. до

н.э.), женился на Клеопатре, утвердил ее и Цезариона правителями Египта и Кипра и завещал восточные провинции Империи сыну и дочери, рожденным от него Клеопатрой. Понимая, что вскоре придется свести окончательные счета с Октавианом, он провел целый год в потакании своим проказам и прихотям. Клеопатра ободряла его перед последней игрой, ставкой в которой было всемогущество, помогала ему собирать армию и флот и сделала своей любимой клятвой следующие слова: «Так же непременно, как и то, что однажды я буду судить римлян на Капитолии»¹²⁻¹³.

III. АНТОНИЙ И ОКТАВИАН

Октавия молча переносила свою покинутость, жила в римском доме Антония и добросовестно воспитывала его детей от Фульвии и двух дочерей, которых родила ему она сама. Ежедневное лицезрение ее немного горя укрепило Октавиана в уверенности, что и он, и Италия будут обречены, если планы Антония осуществляются. Италия обязана была проникнуться осознанием нелепости создавшегося положения: Антоний женился на царице Египта, собирал для нее и ее незаконнорожденного отродья налоги в самых богатых провинциях Империи и желал перенести столицу в Александрию, низведя тем самым Италию и Рим на положение подчиненных территорий. Когда Антоний направил в сенат (который игнорировался им годами) послание, в котором предлагал удалиться на покой Октавиану и себе самому и восстановить республиканские институты, Октавиан выпутался из затруднительной ситуации, прочитав перед сенаторами документ, который он объявил завещанием Антония, силой отнятым у весталок. В завещании единственными наследниками Антония провозглашались его дети от Клеопатры и выражалось желание быть погребенным рядом с царицей в Александрии¹⁴. Решающим для сената явилось последнее предложение, хотя именно оно и должно было бы в первую очередь вызвать сомнения в подлинности документа. Но вместо того, чтобы возбудить сомнения в целесообразности хранения завещания с подобными предписаниями в Риме, а тем самым и в собственной аутентичности, документ убедил сенат и всю Италию в том, что Клеопатра лелеет планы при помощи Антония овладеть Империей. Со свойственной ему хитростью Октавиан объявил в 32 г. до н.э. войну скорее Клеопатре, чем Антонию, и подал этот конфликт как священную войну за независимость Италии.

В сентябре 32 г. до н.э. флот Антония и Клеопатры, в котором насчитывалось до пятисот боевых кораблей, отплыл в Ионийское море; никогда еще не видел свет подобной армады. Действия флота поддерживали 100 000 пехотинцев и 12 000 всадников, собранных главным образом восточными вождями и царями; они надеялись, что эта война приведет к освобождению от власти Рима. Октавиан пересек Адриатику во главе флота из 400 судов, 80 000 пехотинцев и 12 000 всадников. Почти год противоборствующие армии выбирали позицию и маневрировали; затем, второго сентября 31 г. до н.э., они сразились при Акции, мысе в Амбракийском заливе. Эта битва оказалась одной из самых важных в мировой истории. Агриппа доказал, что является превосходным тактиком, и его более маневренные корабли доминировали над тяжелы-

ми укрепленными левиафанами Антония. Множество из них были охвачены пламенем после того, как матросы Октавиана забросали их раскаленными головнями.

«Часть моряков,— говорит Дион Кассий, — погибли от удушья прежде, чем до них добрался огонь; другие изжарились в своих доспехах, которые накалились докрасна; третьи запеклись в своих судах, словно в жаровнях. Многие бросались в море; некоторые из них стали добычей морских чудовищ, некоторые были пронзены стрелами, некоторые утонули. Единственными, кто удостоился немучительной смерти, были воины, поразившие друг друга мечами»¹⁵.

Антоний понял, что терпит поражение, и дал знак Клеопатре следовать заранее разработанному ими плану организованного отступления. Во главе эскадры она отплыла на юг и стала дожидаться Антония; так как ему не удалось вырваться вместе с флагманским кораблем, он покинул его и на веслах отправился догонять Клеопатру. Когда они возвращались в Александрию, Антоний в одиночестве сидел на носу судна, обхватив голову руками, сознавая, что потеряно все, даже честь.

От Акция Октавиан двинулся в Афины; оттуда — в Италию, где ему предстояло подавить солдатский мятеж: войска требовали позволить им участвовать в грабеже Египта; затем — в Азию, чтобы низложить и наказать приверженцев Антония и собрать новые контрибуции с многократно уже обобраных городов; затем — в Александрию (30 г. до н.э.). Антоний оставил Клеопатру и укрепился на одном из островов неподалеку от Фароса; отсюда он слал предложения о мире, которые игнорировались Октавианом. Тайком от Антония Клеопатра послала Октавиану золотые скипетр, корону и трон в знак своей покорности; согласно Диону, он ответил, что не тронет ни ее, ни Египет, если она убьет Антония¹⁶. Разбитый триумвир написал Октавиану снова, напоминая ему об их былой дружбе и «обо всех резвых проказах, в которых они участвовали в молодости»; он был согласен покончить с собой, если победитель пообещает пощадить Клеопатру. Октавиан снова не удостоил Антония ответом. Клеопатра собрала все доступные ей египетские сокровища в дворцовой башне и велела передать Октавиану, что она не только убьет себя, но и уничтожит все эти богатства, если не получит гарантии почетного мира. Антоний повел остатки своей армии в последнюю схватку; благодаря его отчаянной отваге была одержана временная победа; но на следующий день, увидев, что наемники Клеопатры сложили оружие, и получив известие о ее смерти, он нанес себе удар коротким мечом. Когда же он узнал, что Клеопатра на самом деле жива, он повелел доставить себя в башню, где Клеопатра и ее служанки закрылись в верхних комнатах. Его втащили в окно, и он умер у нее на руках. Октавиан позволил ей выйти наружу и похоронить возлюбленного; затем он удостоил ее аудиенции и, оказавшись беззащитным перед теми соблазнами, которые все еще сохранялись в усталом теле тридцатидевятилетней женщины, он предложил ей такие условия мира, что жизнь должна была потерять всякую ценность в глазах той, что была когда-то царицей. Убедившись в том, что он собирается взять ее пленницей в Рим, где она стала бы украшением его триумфа, она облачилась в свои царские одежды,

приложила к груди ядовитую змею и умерла. Ее служанки Хармион и Ирида последовали ее примеру и тоже покончили с собой¹⁸.

Октавиан разрешил похоронить ее рядом с Антонием. Цезарион и старший сын Антония, рожденный Фульвией, были убиты. Детей Антония и Клеопатры победитель пощадил и отправил в Италию, где Октавия приняла их так, как если бы они были ее собственными. Октавиан нашел сокровищницу Египта нетронутой и такой же богатой, как виделось ему в мечтах. Египет избежал позора и не был провозглашен римской провинцией; Октавиан просто вззошел на трон Птолемеев, стал наследником их владений и оставил здесь префекта, которому и было поручено править страной от имени Октавиана. Наследник Цезаря победил преемников Александра и подчинил своей власти Александрово царство; и вновь, как при Марафоне и Магнесии, Запад одержал триумфальную победу над Востоком. Битва гигантов осталась в прошлом, победителем вышел худощавый болезненный человек.

Республика умерла при Фарсале; революция закончилась битвой при Акции. Рим совершил полный оборот по кругу, известному Платону и нам: монархия, аристократия, олигархическая эксплуатация, демократия, революционный хаос, диктатура. В который раз на великом переломе истории эпоха свободы подходила к концу, и наступала эпоха порядка.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ferrero, II, 226.

² Boissier, *Cicero*, 192.

³ Аппиан. *Гражданские войны*, II, 2; Дион, XLV, 2.

⁴ Аппиан, IV, 11.

⁵ Там же, 2–6; Плутарх. *Антоний*.

⁶ Брут к Цицерону // *Письма к родным*, XI, 20.

⁷ Плутарх. *Цицерон*.

⁸ Аппиан, IV, 4; Плутарх. *Антоний*.

⁹ Филон. *Quod omnis probus*, 118–12; Аппиан, IV, 8–10.

¹⁰ Плутарх. *Антоний*; Аппиан, V, 1.

¹¹ Там же; Афиней, IV, 29.

^{12–13} САН, X, 79.

¹⁴ Светоний, 17. Ростовцев (Social and Economic History of the Roman Empire) считает завешание поддельным; в САН, X, 97 оно принимается за подлинное.

¹⁵ Дион, LI, 35.

¹⁶ Там же, 6.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же; Светоний, 17.

КНИГА III

ПРИНЦИПАТ

30 г. до н. э.—192 г. н. э.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Даты до нашей эры

- 30: Октавиан получает пожизненную трибунскую власть. Вторая книга «Сатир» Горация
 29: «Георгики» Вергилия; «Эподы» Горация
 27: Октавиан становится Августом
 27—68 гг. н. э.: ДИНАСТИЯ ЮЛИЕВ-КЛАВДИЕВ
 27—14 гг. н. э.: Принципат Августа
 25: Пантеон Агриппы; расцвет Тибулла
 23: Первые три книги «Од» Горация
 20: Первая книга «Посланий» Горация
 19: Смерть Вергилия; расцвет Проперция
 18: Lex Julia de adulteriis (Юлиев закон о прелюбодеяниях)
 13: Театр Марцелла. Четвертая книга «Од» Горация
 12—9: Кампании Друза в Германии; Тиберий покоряет Паннонию
 9: Расцвет Ливия; Ага Расис — Алтарь Мира Августа
 8: Смерть Мещената и Горация
 6: Тиберий на Родосе
 2: Изгнание Юлии

Даты нашей эры

- 4: Август усыновляет Тиберия
 8: Ссылка Овидия в Томы
 9: Разгром Вара в Германии; lex Papia Poppaea, lex Julia de maritandis ordinibus (закон Папия и Поппея и закон Юлия об обязательном вступлении в брак).
 14: Смерть Августа
 14—37: Принципат Тиберия
 14—16: Германик и Друз в Германии
 17—18: Германик на Ближнем Востоке
 18: Смерть Овидия
 19: Смерть Германика; суд над Пизоном
 20: Закон об оскорблении величия (Lex maiestatis); рост доносительства
 23—31: Правление Сеяна
 27: Тиберий поселяется на Капри
 29: Смерть Ливии; изгнание Агриппины
 30: Расцвет Цельса, ученого-энциклопедиста
 31: Смерть Сеяна
 37—41: Принципат Гая (Калигулы)
 41—54: Принципат Клавдия
 41—49: Сенека в изгнании
 43: Завоевание Британии
 48: Смерть Мессалины; Клавдий женится на Агриппине Младшей
 49: Сенека — претор и воспитатель Нерона
 54—68: Принципат Нерона
 55: Сенека посвящает Нерону сочинение «О милосердии» (De clementia); Нерон отравляет Британика

- 59: Нерон приказывает убить свою мать Агриппину
 62: Опала Сенеки; смерть Персия; Нерон убивает Октавию и женится на Поппее
 64: Пожар Рима; первое преследование христиан в Риме
 65: Казнь Сенеки и Лукана
 66: Смерть Петрония и Траеса Пета
 68—69: Принципат Гальбы
 69 (январь — апрель): Принципат Оттона
 69 (июль — декабрь): Принципат Вителлия
 69—96: ДИНАСТИЯ ФЛАВИЕВ
 69—79: Принципат Веспасиана
 70: Коллизей; Квинтилиан занимает первую государственную профессорскую кафедру
 71: Веспасиан изгоняет философов
 72: Самоубийство Гельвидия Приска
 79—81: Принципат Тита
 79: Извержение Везувия; гибель Плиния Старшего
 81: Арка Тита
 81—96: Принципат Домициана; расцвет Марциала и Стация
 81—84: Британские походы Агриколы
 93: Преследования иудеев, христиан и философов
 96—98: Принципат Нервы
 98: Тацит — консул
 98—117: Принципат Траяна
 101—102: Первая война Траяна с даками
 105: «История» Тацита
 105—107: Вторая война Траяна с даками
 111: Плиний Младший — куратор Вифинии
 113: Форум и колонна Траяна
 114—116: Походы Траяна против парфян
 116: «Анналы» Тацита; «Сатирь» Ювенала
 117—138: Принципат Адриана
 119: «Жизнеописания цезарей» Светония
 121—134: Адриан обещает Империю
 134: Расцвет юриста Сальвия Юлиана
 138—161: Принципат Антонина Пия
 139: Мавзолей Адриана
 161—180: Принципат Марка Аврелия Антонина
 161—169: Совместное правление с Луцием Вером
 161: «Установления» (Institutiones) Гая
 162—165: Война с Парфией
 166—167: Вспышка чумы в Империи
 166—180: Война с маркоманами
 174 (?): Марк пишет «Размышления»
 175: Мятёж Авидия Кассия
 180: Смерть Марка Аврелия
 180—192: Принципат Коммода
 183: Заговор Луциллы
 185: Казнь Перенниса
 189: Голод; казнь Клеандра
 190: Пертинакс — префект
 193 (первое января): Убийство Коммода

ГЛАВА 11

Правление Августа

30 г. до н. э. — 14 г. н. э.

I. ПУТЬ К МОНАРХИИ

ИЗ АЛЕКСАНДРИИ Октавиан уехал в Азию и продолжил там перераспределение царств и провинций. Вплоть до лета 29 г. до н.э. он оставался за пределами Италии. Там его приветствовали и славили почти все классы, видя в нем спасителя; триумф справлялся им в течение трех дней. Врата храма Януса были закрыты в знак того, что Марс наелся досыта. Прекрасный полуостров был истощен двадцатью годами войны. Крестьянские хозяйства пришли в запустение, города претерпели не одну осаду или разграбление, большая часть богатств была расхищена или уничтожена. Административная и полицейская службы отсутствовали; по ночам разбойники выходили на улицы и угрожали жизням и имуществу граждан; дороги кишели грабителями, которые похищали путников и продавали их в рабство. Торговля замирала, капиталовложения прекратились, процентные ставки взмыли вверх, цены на собственность падали. Нравы, распустившиеся в эпоху богачей и их роскошеств, ничуть не улучшились в результате лишений и развала, потому что немногие условия способны оказать такое разлагающее влияние на человеческую мораль, как бедность, пришедшая на смену богатству. Рим был полон людей, которые потеряли свое место и опору в экономике, а вслед за тем и свою нравственную устойчивость: солдат, которые отведали приключений и научились убивать; граждан, чьи сбережения были поглощены налогами и инфляцией военного времени и которые тратили свое время на бессмысленное ожидание каких-то противоположных прежним течений, способных вернуть им утраченное изобилие; женщин, чьи головы вскружила свобода, повлекшая за собой рост числа разводов, аборт и адюльтеров. Бездетность становилась все более распространенным явлением, будучи выражением упадка жизненной активности; пустое умствование рядилось в одежды пессимизма и цинизма. Это — неполная картина тогдашнего Рима, но в его крови уже пылал этот опасный недуг. На море снова объявились пираты, ликуя при виде самоубийства государства. Города и провинции зализывали раны после непрерывных вымогательств Суллы, Лукулла, Помпея, Габиния, Цезаря, Брута, Кассия, Антония и Октавиана. Греция, ставшая полем боя, лежала в развалинах; Египет был разграблен; Ближний Восток кормил сотни армий и умалил тысячи полководцев; покоренные народы ненавидели Рим как господина, растоптавшего их свободу, но не предоставившего взамен ни безопасности, ни мира. Что будет, если среди них появится новый вождь, который поймет, что силы Италии исчерпаны, и объединит их усилия в новой освободительной войне против Рима?

Когда-то мужественный сенат столкнулся с такими же опасностями, собрал надежные легионы, нашел для них способных командиров и взял на себя руководство, распоряжаясь делами дальновидно и по-государственному. Но от сената осталось одно название. Великие семейства, которые некогда наполняли его силой, вымерли в результате войн и бесплодия, и традиции государственного искусства не были переданы всадникам, солдатам и провинциалам, пришедшим на их место. Новый сенат с благодарностью уступил свои главные полномочия тому, кто стал умом государства, взял на себя ответственность и лидерство.

Октавиан колебался перед тем, как окончательно уничтожить старую конституцию, и Дион Кассий изображает его беседу на эту тему, участниками которой были Меценат и Агриппа. Поскольку, с их точки зрения, все формы правления представляли собой олигархию, существо вопроса заключалось для них не в том, между какими видами государственного устройства предстоит сделать выбор — будь то монархия, аристократия или демократия; им предстояло решить, какой из видов олигархии (в данном месте, в данное время) следует предпочесть: олигархию монархического типа, основывающуюся на армии, аристократического, фундаментом которой являются наследственные привилегии, или демократического, опирающуюся на процветающий класс дельцов. Октавиан соединил все эти типы в «принципате», в котором присутствовали как составные части теории Цицерона, прецеденты Помпея и политика Цезаря.

Народ отнесся к принятому решению с философским спокойствием. Люди больше не были горячими поклонниками свободы, они устало желали безопасности и порядка; любой мог встать во главе Империи, если при этом гарантировал им зрелища и хлеб. Они смутно понимали, что неуклюжие комитии, опутанные коррупцией и измученные насилием, не способны управлять Империей, восстановить благосостояние Италии, даже просто вести текущие римские дела. Трудности, с которыми сталкивается свобода, многократно возрастают по мере того, как расширяется охватываемая ею территория. Когда Рим перестал быть городом-государством, масштабы Империи с неизбежностью вели к тому, что придется подражать Египту, Персии и Македонии. Из вылившейся в индивидуализм и хаос свободы новое правительство, которое предстояло создать, должно было выковать новый порядок для своего расширившегося царства. Все Средиземноморье лежало в беспорядке у ног Октавиана, дожидаясь прихода истинного правителя.

Он преуспел там, где Цезаря подстерегла неудача, потому что был более терпелив и хитер, потому что понимал стратегию слов и форм, потому что хотел продвигаться не спеша и осторожно в тех областях, где его дядюшка, подгоняемый недостатком времени, вынужден был резать по живому и нагнетать темп, стремясь в полгода провести реформы, которых хватило бы по меньшей мере на целое поколение. Кроме того, у Октавиана были деньги. Когда он перевез египетскую казну в Рим, говорит Светоний, «денег стало так много, что процентная ставка упала с двенадцати до четырех процентов, а цены на недвижимость выросли многократно». Как только Октавиан дал понять, что права собственника вновь священны, что он покончил с проскрипциями и конфискациями, деньги вышли из подполья, смелее стали осуществляться капиталовложения, торговля наращивала свои обороты, богатство снова стало возрастать, и некоторая его часть просочилась даже к рабочим и

рабам. Все италийские сословия с радостью узнали, что Италии суждено остаться главенствующей областью, а Риму — столицей Империи; что угроза восстания Востока на время предотвращена; что мечта Цезаря о содружестве государств была потихоньку отвергнута в пользу возвращения к привилегиям господствующей расы.

Из преизобильной добычи Октавиан прежде всего уплатил все свои долги солдатам. Он держал на службе 200 000 воинов, каждый из которых принес когда-то присягу на верность лично ему; 300 000 солдат были уволены со службы и наделены землей; каждому солдату он подарил изрядную сумму денег. Он осыпал роскошными дарами своих военачальников, сторонников и друзей. В некоторых случаях он покрывал дефицит государственного бюджета за счет своих личных средств. Провинции, которые страдали от политических опустошений или были поражены десницей Господней, он освободил на год от всех податей и направил им крупные суммы для облегчения создавшейся ситуации. Он простил владельцам собственности все податные недоимки и прилюдно сжег записи их долгов государству. Он оплачивал хлебное вспомоществование, устраивал роскошные зрелища и игры и дарил деньги каждому гражданину. Он затеял обширные общественные работы, чтобы покончить с безработицей и сделать Рим прекраснейшим городом мира, оплачивая их при этом из собственного кармана. И разве удивительно, что народы смотрели на него как на Бога?

В то время как через его руки проходили все эти деньги, наш bourgeois етрегеиз жил скромно, избегая роскоши и доходов, которые могло бы доставить ему его положение. Он носил одежды, которые сшили женщины его дома, и спал в небольшой комнате дворца, который принадлежал некогда Гортензию. После того, как он прожил в этом доме двадцать восемь лет, случился пожар, и тогда он отстроил дворец по старому плану и продолжал спать в той же узкой спальне (cubiculum), что и прежде. Даже скрытый от глаз городской толпы, он жил скорее как философ, чем как правитель. Его единственной слабостью были плаванья вдоль Кампанского побережья, когда он на время уходил от государственных забот.

Шаг за шагом он убедил сенат и народные собрания (или снисходительно разрешил им) облечь его такими полномочиями, которые в совокупности сосредоточили в его руках власть едва ли не царскую. Он удерживал за собой титул императора, или главнокомандующего римской армией. Так как армия находилась, как правило, за пределами столицы и обычно вне Италии, граждане могли позволить себе забыть, что, хотя и сохранены все внешние атрибуты умершей Республики, на самом деле они живут под властью военной монархии, которая не прибегает к силе до тех пор, пока править государством способны фразы. Октавиан избирался консулом в 43 и 33 гг. до н.э., а затем ежегодно с 31-го по 23-й. Благодаря трибунскому авторитету, которого он удостоивался в 36, 30 и 23 гг. до н.э., он обладал неприкосновенностью трибуна, правом законодательной инициативы в сенате или перед народным собранием и правом налагать вето на действия любого должностного лица в правительстве. Никто не протестовал против такой добродушной диктатуры. Дельцы, которым была предоставлена возможность стричь своих баранов под лучами мирного солнца, сенаторы, наслаждавшиеся ароматом захваченной Октавианом в Египте добычи, солдаты, которые от его щедрот получали землю или сохраняли свой достаточно привлекательный статус, лица, благо-

детельствованные законами, назначениями и последней волей Цезаря, — все были согласны теперь в том, что Гомер был совершенно прав, говоря, что лучшее — это правление одного человека, по крайней мере, если он так же щедро распоряжается своими средствами, как Октавиан, столь же трудолюбив и компетентен и настолько же зримо проявляет заботу о благе государства. В 28 г. до н.э., будучи вместе с Агриппой цензором, он осуществил перепись населения, пересмотрел списки сената, опять довел число его членов до шестисот и получил навсегда титул принцепса сената (*princeps senatus*). Буквально, эти слова означали, что данное лицо «первым занесено в сенаторский список»; вскоре оно будет обозначать «принца», властелина, как и слово «император», которое, благодаря тому, что Октавиан сохранял за собой это прозвание всю жизнь, получит свое современное значение. Историки справедливо называют его правление, как и правление его преемников на протяжении двухсот лет, «принципатом», не считая данную форму правления монархией в строгом смысле слова; все «императоры» вплоть до смерти Коммода признавали, по крайней мере теоретически, что являются только вождями, или лидерами, сената. Чтобы сделать конституционный фасад своего авторитета более привлекательным, Октавиан в 27 г. до н.э. сложил с себя все свои полномочия, провозгласил восстановление Республики и вслух признался, что хотел бы жить отныне (ему было сорок пять) жизнью частного лица. Возможно, это представление было подготовлено заранее; Октавиан принадлежал к разряду тех осторожных людей, которые считают, что честность — лучшая политика, но не стоит прибегать к услугам этой добродетели слишком часто и без разбора. Сенат встретил его отречение своим, вернул ему практически все сложенные полномочия, умолил его остаться во главе государства и даровал титул Августа (*Augustus*), который часто по ошибке принимают за его имя. До сих пор этот эпитет прилагался только к священным местам и предметам и применялся по отношению к определенным божествам созидания или роста (*augere* — «взрачивать, увеличивать»); перенесенный на Октавиана, он украсил его ореолом священности и отдал его под защиту религии и богов.

Народ Рима, кажется, на некоторое время поверил, что «реставрация» производится всерьез и что ценой одного прилагательного он возвращает римлянам Республику. Разве и сенат, и народные собрания не продолжали принимать законы и выбирать магистратов? Так и было. Август или его агенты просто «предлагали» рассмотреть тот или иной закон и «называли» кандидатов на самые ответственные посты. Как император и консул он командовал армией, распоряжался казной и проводил в жизнь законы; благодаря своим трибунским привилегиям он контролировал все прочие стороны деятельности правительства. Его полномочия не намного превышали полномочия Перикла, или Помпея, или любого энергичного американского президента; разница заключалась в их неизменности. В 23 г. до н.э. он отказался от консульства, но сенат наделил его «проконсульским авторитетом», что позволило Августу взять под свой контроль все должностные лица во всех провинциях. И снова никто не возражал; напротив, когда Риму угрожала нехватка зерна, народ осадил сенат, требуя назначить Августа диктатором. Им так скверно жилось во времена сенатской олигархии, что они тяготели к диктатуре, которая, надо думать, воспользовалась бы поддержкой народа, чтобы создать противовес всесилию богатства. Август отказался; но он взял на себя ответственность за

аппона, или подвоз продовольствия, в скором времени покончил с дефицитом и заслужил такую благодарность, что Рим отныне исключительно благодушно взирал на то, как старинные установления перекраиваются Августом по своему образу и подобию.

II. НОВЫЙ ПОРЯДОК

Давайте в подробностях рассмотрим особенности правительственной структуры принципата, ибо она во многих смыслах представляет собой одно из самых удачных политических достижений в истории.

Власть принцепса была одновременно законодательной, исполнительной и судебной: он мог выносить на рассмотрение сената или народного собрания указы или законы, он мог проводить их в жизнь и обеспечивать их исполнение, он мог интерпретировать их, мог карать нарушителей. Август, говорит Светоний, регулярно исполнял обязанности судьи, иногда до наступления ночи «возлежа на трибунале в носилках, если в этот день испытывал недомогание... Он был невероятно добросовестен и снисходителен»¹. Обремененный таким количеством должностных обязательств, Август организовал нечто вроде неофициального кабинета министров, в который входили такие советники, как Меценат, такие исполнители, как Агриппа, такие военачальники, как Тиберий, и молодая канцелярская и административная бюрократия, составленная главным образом из вольноотпущенников и рабов императора.

Гай Меценат был преуспевающий коммерсант, посвятивший половину своей жизни тому, чтобы помогать Августу в делах войны и мира, в политике и дипломатии, наконец, пусть и невольно, в любви. Его дворец на Эсквилинском холме был знаменит своими садами и плавательным бассейном, наполненным горячей водой. Враги описывали его женоподобным эпикурейцем, потому что он щеголял в шелках и драгоценностях и был превосходным знатоком всей римской кулинарной мудрости. Он был искренним поклонником и щедрым покровителем литературы и искусства, вернул Вергилию отнятую у него усадьбу и подарил другую Горацию, вдохновил «Георгики» и «Оды». Он отказался от общественной и государственной деятельности, хотя мог претендовать практически на любой пост; годами он работал над выработкой принципов и деталей внешней и внутренней политики; он имел смелость упрекать Августа в поступках, казавшихся ему неправильными, и его смерть (8 г. до н.э.) принцепс оплакивал как невосполнимую утрату.

Может быть, благодаря именно его совету Август — сам выходец из среднего класса, лишенный аристократических предрассудков относительно торговли, — назначал так много деловых людей на административные должности, ставя их даже во главе провинций. Для сената, раздосадованного этими нововведениями, он припас несколько реверансов, позволивших смягчить недовольство. Он наделил исключительными полномочиями сенатские комиссии и окружил себя советом принцепса (*concilium principis*), состоявшим из двадцати человек (почти все они были сенаторами). Со временем решения этого органа приобрели силу постановлений сената (*senatusconsulta*); его власть и полномочия росли по мере того, как испарялось значение сената. Как бы ни был Август щедр и любезен по отношению к сенату, тот всегда оставался для него только самым дорогим орудием. Как цензор он четырежды пересматри-

вал его состав; он мог исключать из него тех, кто доказал свою некомпетентность на службе или распущенность в частной жизни, и часто этой возможностью пользовался. Большая часть новых сенаторов назначалась Августом. Квесторы, преторы и консулы, вступавшие в ряды этого собрания, назначались им или по согласованию с ним. Самые богатые итальяйские предприниматели были включены в сенат, и оба высших сословия были в известной степени приведены им к тому согласию (*concordia*) совместного господства, о котором говорил Цицерон. Властью денег сдерживались наследственные гордыня и привилегии, родовой аристократией — злоупотребления и безответственность денег.

По предложению Августа заседания сената стали проводиться только по первым и пятнадцатым числам каждого месяца и обычно длились всего один день. Поскольку председательствовал на этих собраниях принцепс сената, ни один закон не мог быть принят без его одобрения; фактически все принимаемые законы были заранее подготовлены им самим или его помощниками. Судебные и исполнительные функции сената теперь преобладали над его законотворческой деятельностью. Он являлся верховным судом, через свои комиссии управлял Италией и руководил выполнением разнообразных общественных работ. Под его контролем находились провинции, не требовавшие значительного военного присутствия, но внешняя политика была отныне подведомственна принцепсу. Лишенный в этом отношении своего старинного авторитета, сенат все более манкировал даже своими непосредственными функциями и уступал все больше и больше ответственности императору и его доверенным лицам.

Народные собрания созывались по-прежнему, хотя все реже и реже; по-прежнему проводились голосования, но только по тем проектам или кандидатурам, которые были одобрены принцепсом. Права плебеев на занятие государственных должностей были практически аннулированы в 18 г. до н.э. законом, который требовал, чтобы лицо, занимающее какой-либо пост, обладало состоянием в 400 000 сестерциев (60 000 долларов) или даже более². Август тринадцать раз участвовал в консульских выборах и вербовал сторонников, как и все остальные претенденты; это была любезная уступка сложившейся технике предвыборного представления. Коррупции была поставлена преграда, так как каждый кандидат должен был внести перед выборами денежный залог как гарантию того, что не прибегнет к подкупу избирателей³. Однако и сам Август однажды распределил по тысяче сестерциев между избирателями своей трибы, чтобы знать наверняка, что голосование будет происходить правильно⁴. Трибуны и консулы продолжали избираться вплоть до пятого века нашей эры⁵; но так как главные их полномочия перешли к принцепсу, эти посты носили скорее административный, чем исполнительный характер, и под конец стали не чем иным, как почетными синекурами. Настоящее правительство Рима было организовано Августом из оплачиваемых государством местных чиновников, которые опирались на трехтысячный полицейский отряд, возглавляемый городским префектом (*praefectus urbi*), или муниципальным должностным лицом. Чтобы желаемый порядок был еще более устойчивым, Август, серьезно нарушая все прецеденты, держал поблизости от Рима шесть когорт, по тысяче солдат в каждой, и три когорты внутри города. Эти девять когорт стали преторианской гвардией, т. е. защитниками претория (*praetorium*), или штаба главнокомандующего. Именно этот воинский корпус

сделал в 41 г. н.э. императором Клавдия и положил начало подчинению правительственного аппарата войскам.

От Рима административные заботы Августа обратились на Италию и провинции. Он даровал римское гражданство или ограниченные гражданские права так называемого латинского права всем итальяским общинам, которые внесли свой вклад в войну с Египтом. Он помогал итальяским городам дарами, украшал их новыми зданиями и разработал проект, согласно которому региональные советники могли голосовать по почте при проведении выборов в Риме. Он разделил провинции на два разряда: нуждающиеся в активной защите и не нуждающиеся. Последние (Сицилия, Бетика, Нарбонская Галлия, Македония, Ахайя, Малая Азия, Вифиния, Понт, Кипр, Крит и Киренаика, Северная Африка) он оставил в сфере компетенции сената; остальные — «императорские провинции» — управлялись его легатами, прокураторами или префектами. Такая удобная классификация позволила ему контролировать армию, которая была размещена главным образом в «угрожаемых» провинциях; она позволила получать огромные доходы с Египта и дала ему возможность следить за деятельностью сенатских наместников через прокураторов, назначавшихся для сбора податей во всех провинциях. Каждый наместник получал теперь твердое жалованье, так что его стремление подоить подданных должно было в известной мере ослабнуть; более того, корпус гражданских служащих позволял сохранять преемственность администрирования и был препятствием для должностных преступлений временных начальников. В обращении с царьками зависимых государств проявлялась мудрая вежливость, и они были полностью преданны Августу. Он убедил большинство из них посылать своих сыновей в столицу, где они жили в его дворце и получили римское образование; благодаря этим великодушным мероприятиям молодые люди становились заложниками до тех пор, пока им самим не приходило время взойти на трон, после чего они уже являлись невольными проводниками романизации.

Еще не остыв после победы при Акции и располагая огромной армией и флотом, Август, очевидно, собирался распространить границы империи до Атлантики, Сахары, Евфрата, Черного моря, Дуная и Эльбы; он хотел, чтобы *Rex Romani* защищалась не посредством пассивной обороны, но агрессивной политикой на всех рубежах. Император самолично довершил завоевание Испании и реорганизовал галльскую администрацию настолько талантливо, что мир сохранялся в Галлии на протяжении почти столетия. В случае с Парфией он удовлетворился возвращением Риму знамен и доживших до этого времени пленных, захваченных в 53 г. до н.э. у Красса; но он также восстановил на армянском троне дружественного Риму Тиграна. Он направил преждевременные экспедиции на завоевание Аравии и Эфиопии. В десятилетие между 19 и 9 годами до нашей эры его приемные сыновья Тиберий и Друз покорили Иллирию, Паннонию и Ретию. Воспользовавшись нападениями германских племен на Галлию, Август приказал Друзу переправиться через Рейн и был несказанно обрадован известием о том, что блестящий юноша с боями дошел до Эльбы. Но Друз во время похода получил серьезные внутренние повреждения в результате падения, тридцать дней промучился острой болью и умер. Тиберий, любивший Друза со всей страстью, какая свойственна сдержанной, но горячей натуре, проскакал 400 миль из Галлии в Германию, чтобы присутствовать при последних часах жизни брата. Затем он

сопровождал покойного в Рим, всю дорогу идя пешком за траурной процессией (9 г. до н.э.). Вернувшись в Германию, Тиберий в двух походах (8—7 гг. до н.э. и 4—5 гг. н.э.) принудил подчиниться римской власти племена, обитавшие между Эльбой и Рейном.

Две катастрофы, разразившиеся друг за другом, положили конец этой лихорадочной экспансии и заставили обратиться к мирной внешней политике. В 6 г. н. э. недавно завоеванные провинции Паннония и Далмация восстали, на их территории были вырезаны все римляне, образовалась армия в 200 000 человек и возникла угроза вторжения в Италию. Тиберий быстро заключил мир с германскими племенами и повел свои измотанные войска в Паннонию. Благодаря терпеливой и безжалостной стратегии он захватил или уничтожил продовольственные запасы, которыми мог бы воспользоваться противник, посредством партизанской войны помешал заново засеять поля, уверенный в том, что голод не грозит его собственным солдатам. В течение трех лет он упорно придерживался такой политики, несмотря на критическое к ней отношение практически всего Рима. В конце концов он нашел удовлетворение в зрелище распада измученных голодом повстанческих отрядов, что привело к немедленному восстановлению римской власти. Но в том же году (9 г. н.э.) Арминий поднял восстание в Германии, заманил в ловушку три легиона римского губернатора Вара и убил всех, кто в отличие от Вара не бросился на собственный меч. Когда Август услышал об этом, он был «так глубоко потрясен,— пишет Светоний,— что несколько месяцев отказывался стричь волосы и бороду; иногда он, как рассказывают некоторые, бился головой о дверь и повторял: — Квинтилий Вар, верни мои легионы!»⁶ Тиберий поспешил в Германию, реорганизовал армию, сдержал натиск германцев и по приказу Августа восстановил римскую границу вдоль Рейна.

Это решение нелегко далось гордости императора, но оно вполне соответствовало его благоразумию. Германия была уступлена «варварству» — т. е. неклассической культуре — и была вольна постепенно вооружить свое растущее население против Рима. Однако те же доводы, которые могли бы быть выдвинуты в пользу завоевания Германии, можно было применить и по отношению к Скифии — Южной России. Где-то Империи все равно пришлось бы остановиться; и Рейн был лучшим рубежом из всех существовавших к западу от Урала. Захватив и присоединив к Империи Северную и Западную Испанию, Ретию, Норик, Паннонию, Мезию, Галатию, Ликию и Памфилию, Август чувствовал, что сделал достаточно для оправдания своего титула — «приращающий бог». После его смерти Империя охватывала 3 340 000 квадратных миль, т. е. превосходила размерами материковую часть Соединенных Штатов, и была в сто раз большей, чем площадь римского государства до Пунических войн; Август советовал своему преемнику довольствоваться уже имеющимся — величайшей из всех когда-либо существовавших империй; он советовал стремиться скорее к упрочению ее единства, чем к экспансии за ее пределы. Он выражал свое удивление тем, что «Александр считал не более великой задачей обустроить и упорядочить завоеванную им Империю, чем само завоевание»⁷. Начало *Pax Romana* («Римскому миру») было положено.

III. SATURNIA REGNA (ЦАРСТВО САТУРНА)

Нельзя сказать, что Август создал пустыню и назвал ее миром. За десять лет, прошедших со дня битвы при Акции, Средиземноморье пережило такой экономический скачок, какого не знала, пожалуй, ни одна из мировых традиций. Восстановление порядка само по себе явилось стимулом для стремительного возвращения утраченных позиций. На море вновь царила безопасность; устойчивость правительства, консерватизм Августа, потребление накапливавшихся веками богатств Египта, открытие новых рудников и монетных дворов, надежность и быстрота обращения денег, рассредоточение избыточного населения посредством раздачи земельных наделов и основания колоний — как могло не откликнуться благосостояние на столь единодушный призыв? Несколько александрийских мореплавателей, приставших к берегу в Путеолах, когда Август находился неподалеку, приблизились к нему в праздничных одеждах и воскурили перед ним фимиам, как перед Богом. Ведь именно благодаря ему, сказали они, можно путешествовать в безопасности, торговать с уверенностью и жить в мире⁸.

Август, бывший внуком банкира, был убежден, что наилучшая экономика — это та, в которой одновременно присутствуют свобода и безопасность. Он защитил все классы превосходно разработанными законами, взял под охрану важнейшие торговые артерии, ссужал беспроцентно деньги состоятельным землевладельцам⁹ и облегчал положение бедняков раздачами государственного хлеба, лотереями и подносимыми иногда подарками; остальным позволялось производить, заниматься предпринимательством и биржевой деятельностью в условиях более либеральных, чем прежде. Даже учитывая все это, работы, проводившиеся государством, были беспрецедентны по размаху и великолепию, играя значительную роль в восстановлении экономической активности. Было возведено восемьдесят два храма; для того чтобы облегчить судопроизводство и способствовать развитию коммерции, были построены новый форум и базилика; новое здание сената заменило строение, послужившее некогда погребальным костром для Клодия; как укрытия от летнего солнца выстраивались колоннады; театр, возведение которого начал Цезарь, был завершен Марцеллом, зятем Августа, и назван его именем; богачи, поощряемые примером императора, часть своих состояний расходовали на то, чтобы украсить Италию базиликами, храмами, библиотеками и дорогами. «Те, кто удостоивался триумфа, — говорит Дион Кассий, — по приказу Августа выделяли часть своей добычи на какие-нибудь общественные сооружения, которые становились напоминанием об их деяниях»^{9а}. Август надеялся способствовать возрастанию величия Рима и стремился повсюду оставить символы могущества государства и своего собственного. В конце своей жизни он однажды сказал, что нашел Рим кирпичным, а оставляет его мраморным^{9б}. Это было простительное преувеличение: мрамора стало больше, чем прежде, и все же кирпич оставался главным строительным материалом. Но редкому человеку удавалось сделать так много для своего города.

Его незаменимым помощником в реконструкции Рима был Марк Випсаний Агриппа. Этот превосходный друг вместе с Меценатом оказывал решающее влияние на политику Августа. В год своего эдилитета (33 г. до н.э.) Агриппа завоевал расположение народа к Августу, открыв 170 публичных

бань, раздавая бесплатно масло и соль, устроив сорокапятидневные игры и обеспечив всех граждан бесплатными услугами брадобреев в течение года,— все это, очевидно, на свои средства. Его таланты могли сделать из него второго Цезаря; он предпочел служить всю свою жизнь Августу. Насколько мы знаем, его репутация не была запятнана никаким публичным или частным скандалом; римские сплетники, которые рано или поздно делали объектом своего недоброжелательства всех остальных, его не коснулись. Он был первым римлянином, осознавшим значение господства на море. Он спроектировал, построил и повел в бой флот, победил Секста Помпея, подавил пиратство и выиграл для Августа весь мир в битве при Акции. После этих побед и достигнутого им замирения Испании, Галлии и Боспорского царства ему трижды предлагалось отпраздновать триумф, но он отвечал неизменным отказом. Разбогатевший милостью благодарного принца, он продолжал избегать роскоши и горячо предан организации общественного строительства, столь же горячо, как в годы борьбы с политическими противниками он отстаивал целостность государства. Из собственного кармана он выплачивал заработную плату сотням рабочим, занимавшимся ремонтом дорог, зданий, стоков, и вновь открыл Марциев акведук. Он сконструировал новый, Юлиев, акведук и усовершенствовал систему обеспечения Рима водой, открыв 700 новых колодцев, 500 фонтанов и 130 резервуаров. Когда народ жаловался на дороговизну вина, Август шутливо заметил: «Мой зять Агриппа позаботился о том, чтобы Рим не страдал от жажды»¹⁰. Этот величайший из римских инженеров создал просторную гавань и судостроительный центр, соединив Лукринское и Авернское озера с морем. Он построил первые из величественных римских терм, которым было суждено на века определить своеобразие римского городского ландшафта. Он сконструировал, опять за свой счет, храм Венеры и Марса, который был перестроен Адрианом и известен нам ныне под именем Пантеона, на портике которого до сих пор можно прочесть: M.AGRIPPA... FECIT (Марк Агриппа... построил). Он был организатором трехлетнего обследования Империи, написал трактат по географии и сделал из цветного мрамора карту мира. Как и Леонардо, он был ученым, инженером, изобретателем военных снарядов, художником. Его безвременная смерть в пятидесятилетнем возрасте (12 г. до н.э.) была одним из печальных обстоятельств, омрачивших последние годы жизни Августа, который выдал за него замуж свою дочь Юлию и надеялся завещать Империю именно ему — человеку, чья честность и способности сделали бы его лучшим правителем этого огромного государства.

Дорогостоящие общественные работы вместе с расширением числа оплачиваемых государственных должностей привели к беспрецедентным бюджетным расходам. Отныне жалованье выплачивалось провинциальным и муниципальным чиновникам, официальным лицам и полиции; содержались гигантские армия и флот; возводились бессчетные постройки или реставрировались старые; хлеб и игры покупали покой и благожелательность населения. Поскольку издержки приходилось покрывать из имеющихся доходов и будущее не отягощалось никакими государственными задолженностями, налогообложение превратилось при Августе в науку и не терпящую никакой расслабленности индустрию. Однако и здесь Август не проявлял безжалостности и неумолимости; зачастую он прощал недоимки находящимся в затруднении городам и частным лицам или помогал им из своих средств. Он вернул муници-

пиям 35 000 фунтов «вечного» золота, преподнесенного ему по случаю пятого его консулата; он отказывался и от многих других подношений¹¹⁻¹². Он отменил налог на землю, которым была обложена Италия в эпоху гражданской войны; вместо этого он взимал пятипроцентный налог со всех жителей Империи, которым облагались все завещания, сделанные не в пользу близких родственников или бедных¹³. Однопроцентный налог взимался с аукционных распродаж, четырехпроцентный — с продажи рабов, пятипроцентный — с манумиссий (предоставления рабам свободы); пошлины от двух с половиной до пяти процентов взыскивались практически во всех портах Империи. Граждане облагались также муниципальными податями, и римская недвижимость была исключена из сферы действия закона об освобождении Италии от земельного налога. Налоги платились за пользование водой из общественного водопровода. Значительный доход приносили сдача в аренду общественных земель, рудников и рыбных промыслов, государственная монополия на соль и штрафы, налагаемые по решению суда. Провинции выплачивали *tributum soli*, или земельный налог, и *tributum capitis*, бывший в действительности налогом на личное имущество. Налоги поступали в два римских казнохранилища, которые помещались в храмах: в государственную казну (*aerarium*), контролируемую сенатом, и императорскую казну (*fiscus*), владельцем и распорядителем которой был сам принцепс*. В последнюю поступали средства не только из его бесчисленных владений, но также и от завещаний, оставляемых друзьями и доброжелателями. Таких, унаследованных, денег поступило в годы жизни Августа в его казну 1 400 000 000 сестерциев.

В общем, налогообложение в эпоху принципата не было удушающим, и вплоть до Коммода результаты оправдывали проводимую налоговую политику. Провинции процветали и возводили благодарственные или заздравные алтари в честь Августа — бога; даже в просвещенном Риме ему приходилось сдерживать расточаемые ему народом благодарности. Некий энтузиаст обегал однажды улицы, призывая мужчин и женщин «посвятить» себя Августу, т.е. обещать покончить с собой, когда умрет Август. Во 2 г. до н.э. Мессала Корвин, захвативший когда-то лагерь Октавиана при Филиппах, предложил присвоить Августу титул Отца Отечества. Сенат, довольный тем, что ему приходится отвечать за такие незначительные дела, сохраняя при этом старинные уважение и благополучие, с радостью осыпал императора этим и другими хвалебными титулами. Всадническое сословие, которое было теперь богаче, чем когда-либо прежде, ежегодно отмечало годовщину его рождения двухдневным празднеством. «Все сословия и все типы людей, — пишет Светоний¹⁴⁻¹⁵, — приносили ему подарки в январские календы» — день Нового года. Когда его старый дворец был разрушен огнем, каждый город, возможно даже, каждое сословие и гильдия Империи вносили пожертвования на его восстановление. Он отказался принять больше чем по денарию от каждого частного лица, и тем не менее собранных денег оказалось достаточно. Весь средиземноморский мир, казалось, вкушает блаженство после долгих и изнурительных испытаний. И Август мог поверить, что его великая задача — благодаря терпению и труду — наконец выполнена.

* В эпоху Республики фиски (*fisci*) представляли собой запечатанные корзинки, в которых доставлялись налоги из провинций в столицу.

IV. АВГУСТОВСКАЯ РЕФОРМАЦИЯ

Он разбил свое сердце, потому что хотел сделать людей не только счастливыми, но и хорошими. Этого Рим ему никогда не простил. Преобразование нравов — это самая трудная и деликатная ветвь государственного искусства; немногие правители дерзнули взяться за него; большинство правителей предоставили заниматься им лицемерам и святым.

Август начал с довольно умеренных законов, посредством которых он пытался положить конец этническим изменениям в составе римского населения. Население больше не уменьшалось; напротив, оно возрастало. Этому способствовали государственные хлебные раздачи, приток богатств и рабов. Поскольку к раздачах допускались и вольноотпущенники, многие граждане выпускали на свободу старых или больных рабов, чтобы об их пропитании заботилось государство; более благоприятные мотивы лежали в основании освобождения еще большего числа рабов, а многие невольники скапливали достаточно денег, чтобы купить себе свободу. Так как сыновья вольноотпущенников автоматически становились римскими гражданами, эмансипация рабов и высокая рождаемость среди иностранцев вместе с невысоким процентом прироста коренного населения стали причинами изменения расового состава жителей Рима. Август удивлялся, как можно добиться хоть какой-нибудь стабильности при таком разнородном населении и какой преданности империи можно ожидать от тех, в чьих жилах течет кровь покоренных народов. По его требованию *lex Fufia Caninia* (закон Фуфия и Каниния — 2 г. до н.э.) и более поздние законы разрешили освобождать всех рабов тем, у кого их было не больше двух, половину — тем, кто имел от трех до десятка рабов, треть — тем, кто был хозяином от одиннадцати до тридцати рабов, четверть — тем, кто имел от тридцати одного до ста рабов, пятую часть — тем, у кого было от ста одного до трехсот рабов; ни одному из хозяев не разрешалось освобождать более сотни человек.

Кому-то может показаться, что энергию Августа следовало бы направить на ограничение рабства, а не свободы. Но античность принимала рабство как данность и с ужасом встретила бы попытку полного освобождения рабов, принимая во внимание его экономические и социальные последствия; точно так же, как предприматели и работодатели нашего времени страшатся того, что система социального обеспечения приведет к лености наемных работников. Август мыслил в понятиях своего класса и своего народа; он не представлял себе сильный Рим без характера, храбрости и политических способностей, которые были неперемненными атрибутами старинного римского нрава, и прежде всего старинной аристократии. Упадок старинной веры, замечаемый им в высших сословиях, уничтожил священные основы брака, супружеской верности и родительства; переход от сельской жизни к городской уменьшил значение детей как дополнительных рабочих рук, сделав их скорее обузой или игрушкой; женщины стремились к тому, чтобы быть привлекательными скорее как любовницы, чем как матери; в общем, казалось, что желания индивидуумов противоречат интересам расы. Еще более оттеняя это зло, самым прибыльным занятием в Италии стала охота за наследствами¹⁶. Люди, не имеющие детей, могли быть уверены, что в старости будут окружены толпами лстивых вурдалаков; и так много римлян получали удовольствие от этой голодной любезности, что это стало еще одной причиной распространения

бездетности. Более длительная, чем прежде, воинская служба отвлекала значительное число молодых людей от женитьбы в самые подходящие для нее годы. Большая часть коренных римлян вообще избегала супружества, предпочитая проституток и наложниц череде жен. Представляется, что и большинство состоявших в браке прибегало к «планированию» семьи посредством абортов, детоубийств, *coitus interruptus* (прерванного соития) и контрацепции¹⁷⁻¹⁸.

Августа удручали эти знаки расцвета цивилизации. Он приходил к ощущению, что необходим возврат к старой нравственности и старинной религии. В нем возродилось почтение перед *mos maiorum*, когда годы усилили его духовное зрение и утомили его телесную оболочку. Он чувствовал, что для настоящего вовсе не является благом слишком радикальный разрыв с прошлым; как человеку необходима память, так народу, чтобы сохранить душевное здоровье, нужно опираться на преемственность традиций. Старая, он все внимательнее вчитывался в труды римских историков и завидовал добродетелям, которые приписывались в их книгах прошлым поколениям. Он с огромным удовольствием выслушал речь Квинта Метелла о браке, прочел ее перед сенатом и императорским указом рекомендовал для чтения народу. Большинство представителей старшего поколения были с ним совершенно согласны; они как бы образовали некую пуританскую партию, рвущуюся реформировать мораль при помощи законов; возможно, их влияние на Августа опиралось на авторитет Ливии. Благодаря своим цензорским и трибунским полномочиям Август провозгласил — или провел через народное собрание — серию законов (время их издания и последовательность нам неизвестны), нацеленных на восстановление нравственности, брака, супружеской верности, родительских обязательств и более простого образа жизни. Они запрещали подросткам посещать публичные представления без сопровождающего их взрослого родственника; исключали женщин из атлетических состязаний и отводили им на гладиаторских сражениях места в самых верхних рядах; ограничивали расходы на приобретение домов, слуг, устройство угощений, свадеб, покупку драгоценностей и платья. Самым важным из этих Юлиевых законов* явился «Юлиев закон о соблюдении скромности и пресечении прелюбодеяний» (*lex Julia de pudicitia et de coercendis adulteriis* — 18 г. до н.э.). Здесь впервые в римской истории брак был взят под защиту государства, вместо того чтобы остаться в отцовской власти (*patria potestas*). Отец сохранял за собой право убить прелюбодействующую дочь и ее сообщника, застав их на месте преступления; мужу позволялось убить любовника жены, если тот был бы обнаружен в его доме; но убить жену от мог только в том случае, если бы обнаружил, что она грешит в его собственном доме. В течение шестидесяти дней после изобличения жены в прелюбодеянии муж должен был представить ее перед судом; в случае, если он не выполнял этого требования, обвинить ее в преступлении обязывался отец; если этого не сделал и отец, обвинить ее в преступлении мог любой гражданин. Неверная жена подлежала пожизненному изгнанию, теряла треть своего имущества и половину приданого и не имела права вновь выходить замуж. Схожие наказания были предусмотрены и для мужей, которые попустительствуют разврату своих жен. Однако жена не могла обвинить мужа в неверности, и он, пользуясь юридическим иммуните-

* Названные по имени рода, к которому после усыновления принадлежал и Август.

том, вполне мог вступать в связи с официально зарегистрированными проститутками. Этот закон касался только римских граждан.

Вероятно, в то же самое время Август провел другой закон, обычно именуемый *lex Julia de maritandis ordinibus* по одной из его глав, посвященной «сословиям», то есть двум высшим классам. Он преследовал тройную цель: с одной стороны, поощрить, а с другой — ограничить известными условиями вступающих в брак; замедлить процесс разбавления римской крови кровью чужеродной; восстановить старое понимание брака как союза, главная задача которого — порождение потомства. Брак становился обязательным для всех способных к супружеству мужчин моложе шестидесяти и женщин моложе пятидесяти лет. Завещания, обуславливавшие передачу имущества безбрачием наследника, объявлялись недействительными. На холостяков налагались взыскания: они не могли наследовать ничье имущество, кроме имущества ближайших родственников, если в течение ста дней после смерти завещателя не вступали в брак; им запрещалось посещать общественные праздники и игры. Вдовы и разведенные могли стать наследницами только в том случае, если вновь выходили замуж после смерти мужа или развода с ним. Незамужние и бездетные женщины не могли становиться наследницами после пятидесяти лет и даже до этого возраста, если они владели состоянием, превышающим 50 000 сестерциев (7500 долларов). Мужчины, принадлежащие к сенаторскому сословию, не имели права жениться на вольноотпущенницах, актрисах или проститутках; ни актерам, ни вольноотпущенникам не разрешалось брать в жены дочерей сенаторов. Женщины, владеющие суммой, превышающей двадцать тысяч сестерциев, были обязаны платить однопроцентную ежегодную подать до тех пор, пока не выйдут замуж. После замужества эта подать уменьшалась с рождением каждого нового ребенка, а с появлением на свет третьего ее выплата прекращалась. Из двух консулов большим авторитетом обладал тот, у которого было больше детей. При назначении на государственные посты отец самого крупного семейства получал, насколько это позволяли обстоятельства, преимущество перед своими соперниками. Мать троих детей получала «право троих детей» (*ius trium liberorum*), или право носить особое одеяние и свободу от власти мужа.

Эти законы вызвали негодование во всех классах, ими были раздражены даже «пуритане», которые жаловались, что «право троих детей» предоставляет женщине слишком опасную возможность эмансипироваться от авторитета мужчины. Другие в оправдание своего безбрачия ссылались на то, что «современные женщины» уж слишком независимы, властны, капризны и расточительны. Исключение холостяков из числа посетителей общественных представительств рассматривалось как чересчур суровая и трудноосуществимая мера. В 12 г. до н.э. Август аннулировал данную статью. В 9 г. н.э. *lex Papia Poppaea* еще более смягчил Юлиевы законы, облегчив условия, при которых безбрачные лица могли наследовать имущество, увеличив вдвое срок, в течение которого вдовы и разведенные должны были обзавестись новой семьей, чтобы получить возможность наследования, и увеличив суммы, которые могли получить бездетные наследники. Матери троих детей освобождались от тех ограничений, которыми Вокониев закон (169 г. до н.э.) урезал максимально возможные суммы, наследуемые женщинами. Возраст, в котором гражданин получал доступ к различным должностям, мог понижаться в зависимости от семейного положения. После того как был принят этот закон, люди заметили,

что консулы, его составившие и давшие ему свои имена, были бездетными холостяками. Насмешники напоминали и о том, что законодательная реформа была осуществлена отцом единственного ребенка Августом по подсказке бездетного Мецената и что после того, как эти законы вступили в действие, Меценат продолжал сибаритствовать и купаться в роскоши, а Август соблазнил его жену¹⁹.

Очень трудно дать какую-либо оценку этому самому значительному социальному законодательству древности. Законы, о которых шла речь выше, были сформулированы достаточно обтекаемо, и непокорные находили множество лазеек. Некоторые мужчины, чтобы выполнить закон, женились и разводились вскоре после свадьбы; другие усыновляли детей, чтобы занять должности или получить наследство, а затем «эмансипировали», то есть отпускали их²⁰. Тацит спустя столетие заявил, что законы потерпели неудачу; «браки и воспитание детей не стали более частым явлением, ибо столь велика притягательность бездетности»²¹. Безнравственность не исчезла, но стала несколько более благовоспитанной, чем раньше. В стихах Овидия мы видим, что она превратилась в изящное искусство, в предмет тщательных наставлений, с которыми эксперты обращались к новичкам. Август и сам сомневался в эффективности своих законов и был согласен с Горацием, утверждавшим, что все законы напрасны, если сердца остаются прежними²². Он предпринимал героические усилия, чтобы достучаться до сердец простых людей: на играх он брал в свою ложу многочисленных детей примерного отца Германика; выдавал тысячу сестерциев отцам больших семейств²³; воздвиг памятник девушке-рабыне, которая (несомненно, не вполне из патриотических соображений) родила сразу пятерых детей²⁴; радовался от всего сердца, когда замечал крестьянина, вступающего в Рим в сопровождении своих восьмерых детей, тридцати шести внуков и девятнадцати правнуков²⁵. Дион Кассий изображает его обращающимся к народу с речью, в которой он с негодованием говорит о «расовом самоубийстве»²⁶. Он с удовольствием читал предисловие к «Истории» моралиста Ливия, а возможно, и сам был его вдохновителем. Под его влиянием литература этой эпохи приняла дидактическое и практическое направление. Через Мецената или лично он убеждал Вергилия и Горация посвящать на время свое творчество пропаганде нравственных и религиозных реформ. Вергилий попытался своими песнями в «Георгиках» привлечь римлян к возвращению назад в деревню, а «Энеидой» вернуть их к старым богам. Гораций, пресытившись мирскими радостями, прилаживал строй своей лиры к стоическим темам. В 17 г. до н.э. Август устроил *ludi saeculares* * — три дня церемоний, состязаний и зрелищ, которые праздновали возвращение Сатурнова Золотого века; и Гораций получил государственное поручение написать *carmen saeculare* («вековую песнь»), который предстояло петь процессии из двадцати семи мальчиков и такого же числа девочек. Даже изобразительное искусство было поставлено на службу морали: прелестный Алтарь Мира (Ara Pacis) был покрыт рельефами, на которых изображались частная и государственная жизнь Рима; величественные общественные здания воздвигались

* Буквально «столетние игры», так как они устраивались через значительные промежутки времени.

повсюду, чтобы подчеркнуть силу и славу Империи; множество храмов были построены для того, чтобы всколыхнуть слабеющую, почти умирающую религиозность.

В конце жизни Август, скептик и реалист, пришел к убеждению, что нравственная реформа невозможна без религиозного возрождения. Агностическое поколение Лукреция, Катулла и Цезаря сошло с круга, и их дети открыли, что страх перед богами — это начало мудрости. Даже циничный Овидий вскоре напишет по-вольтеровски: *expedit esse deos, et ut expedit esse putemus* — «Удобно, когда есть боги, и удобно думать, что они есть»²⁷. Консервативно настроенные умы возводили гражданскую войну и те страдания, которые она принесла, к пренебрежению религией, которое и вызвало этот небесный гнев. По всей Италии ставший более целомудренным народ был готов вновь обратиться к своим древним алтарям и возблагодарить богов, которые (так думали люди) пощадили их и позволили присутствовать при этой счастливой реставрации прошлого. Когда в 12 г. до н.э. Август, терпеливо ожидавший, когда же умрет дышащий на ладан Лепид, стал его преемником на посту верховного понтифика, «на мои выборы пришло столько народа со всей Италии, — сообщает нам император, — что никто и не припомнит, когда еще собиралась в Риме такая толпа»²⁸. Он и направлял возрождение религии и следовал веяниям времени, надеясь, что его усилия по переустройству политической жизни и нравственности будут приняты тем теплее, чем лучше ему удастся связать эти преобразования с богами. Он поднял четыре жреческие коллегии на неслыханную высоту почета и благосостояния, был избран в каждую из них, взял на себя назначение новых членов, прилежно посещал их заседания и принимал участие в их пышных и торжественных обрядах. Он изгнал из Рима египетские и азиатские культы, но сделал исключение для евреев и допускал религиозную свободу в провинциях. Он осыпал храмы богатыми подарками и возобновлял старинные религиозные церемонии, шествия и празднества. *Ludi saeculares* не были на самом деле «секулярными», т.е. светскими; каждый день этого праздника предоставлял время для религиозного обряда и пения; их смысл заключался в возвращении к счастливой дружбе с богами. Питаемый такой мощной государственной поддержкой, древний культ стал более живым и свежим, смог вновь вернуться к заветным упованиям на сверхъестественную помощь и драматическим порывам к божественному простого народа. В хаосе соревнующихся верований, ворвавшихся в Рим после Августа, старинная религия отстаивала свои позиции еще три столетия; и когда она умерла, то немедленно возродилась под новыми символами и новыми именами.

Август и сам стал одним из главных соперников своих богов. Образцом в этом ему послужил дядя: через два года после убийства сенат признал Цезаря божеством, и его культ распространился по всей Империи. Уже в 36 г. до н.э. некоторые итальянские города нашли место для Октавиана в своих пантеонах; в 27 г. до н.э. его имя стало помещаться рядом с именами богов в официальных римских гимнах; день его рождения стал священным, равно как и праздничным; после его смерти сенат постановил, что его гений, или душа, должен отныне почитаться как государственное божество. Все это представлялось античности чем-то вполне естественным; она никогда не знала непреодолимых различий между людьми и богами; боги часто принимали человеческое обличье, а творческие гении Геракла, Ликурга, Александра, Цезаря и Августа

представлялись (особенно религиозному Востоку) чудесными и божественными. Египтяне видели богов в фараонах, Птолемеях, даже в Антонии; почему же они не должны были видеть бога в Августе? В этих случаях древние отнюдь не были такими наивными простаками, как это кажется простакам современным. Они прекрасно знали, что Август имеет человеческую природу; в обожествлении гения они использовали эпитеты *deus* или *theos* как синонимы к нашему словосочетанию «канонизированный святой»; и действительно, канонизация представляет собой производную от римской деификации, а молитвы такому обожествленному человеческому существу казались тогда не более абсурдными, чем кажутся нам наши молитвы святым.

В итальянских семьях почитание гения императора стало ассоциироваться с культом домашних ларов и гения отца семейства. В этом не было ничего необычного для людей, которые на протяжении веков обожествляли своих умерших родителей, строили им алтари и называли храмами могилы предков. Когда в 21 г. до н.э. Август побывал в греческой Азии, он обнаружил, что его культ развился здесь с неожиданной быстротой. Посвящения и речи славили его как «Спасителя», «Благого Вестника», «Бога, Сына Божьего»; некоторые доказывали, что в его лице на землю сошел долгожданный мессия, принес с собой мир и счастье для человечества²⁹. Крупные провинциальные коллегии жрецов превратили почитание Августа в средоточие своих церемоний; для служения новому божеству провинции и муниципии назначали служителей новой жреческой коллегии — коллегии августалов. Глядя на все это, Август поначалу хмурился, но в конце концов смирился с происходящим как с духовным возвышением значения Принципата, ценным, сплачивающим жречество и государство началом, объединяющим в общем культе приверженцев различных и враждебных друг другу вероисповеданий. Внук ростовщика снизошел до того, чтобы стать богом.

V. АВГУСТ КАК ЧЕЛОВЕК

Что же представлял собой этот человек, который в восемнадцать лет стал наследником Цезаря, а в тридцать один — властелином мира, который полстолетия правил Римом и явился архитектором величайшей империи в истории древности? Он был одновременно и невзрачен, и притягателен; едва ли нашелся бы другой такой прагматик — и все же его как Бога чествовала вся Империя; не особенно храбрый, физически слабый, он, однако, нашел в себе силы победить всех врагов, руководить царствами и организовать правительство, которое обеспечило громадной державе беспрецедентное благополучие и процветание на два столетия.

Скульпторы перевели немало камня и мрамора, изготавливая его изображения: некоторые показывают нам утонченного и серьезного молодого человека, преисполненного робкой гордостью, другие — принцепса, покрытого знаками власти, третьи — полководца в воинском наряде, а на самом деле философа, неохотно и с трудом играющего эту роль. Эти изображения не раскрывают во всей полноте, хотя и намекают на него, того обстоятельства, что его борьба против хаоса всегда находилась в опасной зависимости от его борьбы с нездоровьем. Он не принадлежал к числу личностей, сразу же располагающих к себе. У него были волосы песочного цвета, странной — треугольной —

формы голова, сливающиеся брови, ясные и пронизательные глаза; но выражение его лица было столь кротким и мягким, говорит Светоний, что некий галл, подошедший к нему, чтобы убить, отказался от своего намерения. Его кожа была чувствительна и время от времени зудела, раздражаемая какой-то разновидностью стригучего лишая; ревматизм несколько повредил его левую ногу и заставлял слегка прихрамывать. Нечто наподобие артрита поражало его правую руку, которую становилось трудно согнуть. Он был одним из римлян, которых поразила в 23 г. до н.э. эпидемия болезни, напоминающей тиф; он страдал от камней в мочевом пузыре и часто не мог уснуть; каждую весну его беспокоило «расширение диафрагмы; а когда дул южный ветер, он мучился катаром». Он настолько плохо переносил холод, что носил зимой «шерстяной нагрудник, укутывал голени и бедра, надевал нижнюю рубашку, четыре туники и тяжелую тогу». Он не осмеливался подставлять голову под солнечные лучи. Верховая езда утомляла его, а на поле боя его иногда выносили на носилках³⁰. В тридцать пять, пережив одну из самых напряженных драм в истории, он был уже стариком — нервным, болезненным, быстро устающим; никому и в голову не могло прийти, что он проживет еще сорок лет. Он перепробовал множество докторов и щедро награждал одного из них, Антония Музу, который исцелил неведомую нам болезнь (абсцесс печени?) при помощи холодных припарок и купаний; ради Музы он освободил от налогов всех римских врачей³¹. Но в большинстве случаев он сам был своим доктором. Из-за ревматизма он пользовался горячей соленой водой и серными ваннами; ел мало, и только самую простую пищу — хлеб грубого помола, сыр, рыбу и фрукты; он так заботился о своей диете, что иногда «ел один до или после устраиваемого им обеда, не прикасаясь к пище во время него»³². Его душа, как и душа некоторых средневековых святых, несла на себе тело, как крест.

Его сущностными чертами были несколько нервическая витальность, нестигаемая решительность и пронизательный, расчетливый, находчивый ум. Он занимал невероятное число должностей и количество взятых им на себя обязанностей было лишь немногим меньше, чем у Цезаря. Он добросовестно исполнял взятые на себя обязательства, регулярно председательствовал на заседаниях сената, посещал бесчисленные совещания, участвовал в качестве судьи в сотнях процессов, переносил церемонии и официальные пиры, планировал далекие походы, управлял легионами и провинциями, побывал практически во всех из них и вникал в бесчисленные административные подробности. Он сочинил сотни речей, составляя их с гордым стремлением к ясности, простоте и чистоте стиля. Он зачитывал их вместо того, чтобы говорить, импровизируя, опасаясь, что в противном случае у него могут вырваться слова, о которых придется потом сожалеть. Светоний хотел, чтобы мы поверили, будто из тех же соображений он заранее писал и затем зачитывал важные разговоры с отдельными людьми, даже с собственной женой³³.

Как и большинство скептиков своего времени, он долго еще оставался подвержен суевериям после того, как потерял свою веру. Он носил с собой котиковый мех, чтобы защититься от молнии; он с уважением относился к знаменам и ауспциям и иногда руководствовался предостережениями, полученными во сне. Он отказывался пускаться в путешествие по дням, считавшимся им несчастливymi³⁴. В то же время объективность его суждений и практичность его мышления были совершенно замечательными. Он совето-

вал юношам как можно скорее начинать свою карьеру, чтобы идеи, почерпнутые ими из книг, могли пройти испытание действительностью³⁵. Он сохранял до конца своих дней буржуазный здравый смысл, консерватизм, бережливость и осторожность. *Festina lente* — «Спеши медленно» — было его излюбленным изречением. Он был способен прислушиваться к советам и переносить критику гораздо более терпимо, чем большинство людей, облеченных такой властью. Афинодор, философ, возвращавшийся в Афины после нескольких лет, проведенных с Августом, дал ему на прощание такой совет: «Когда будешь разгневан, не говори и не делай ничего до тех пор, пока не повторишь про себя все двадцать четыре буквы алфавита». Август был настолько благодарен Афинодору за предостережение, что просил его остаться еще на год, говоря: «Никакой риск не стоит той награды, что заключена в молчании»³⁶.

Даже более удивительным, чем развитие Цезаря из бесчинного политика в великого полководца и государственного деятеля, стало превращение беспощадного и сосредоточенного на самом себе Октавиана в умеренного и великодушного Августа. Он рос. Человек, который позволил Антонию вывесить на Форуме отрубленную голову Цицерона, который без зазрения совести переходил от одной партии к другой, который потакал своим слабостям и имел множество любовниц, который преследовал Антония и Клеопатру и удовольствовался только их смертью, не тронутый ни воспоминаниями о бывшей дружбе, ни милосердием к женщине, — этот хваткий и неприятный юноша вместо того, чтобы отравиться властью, был в последние сорок лет образцом справедливости, умеренности, верности, великодушия и терпимости. Он только посмеивался, читая пасквили, написанные против него острьяками и поэтами. Он советовал Тиберию ограничиться предотвращением или преследованием враждебных действий и не пытаться воевать против враждебных речей. Он не настаивал на том, чтобы и другие жили так же скромно, как он сам. Пригласив к столу гостей, он обычно рано их покидал, чтобы те могли дать волю своему аппетиту и веселью. Он не был претенциозен; он подолгу беседовал с избирателями, чтобы заручиться их голосами; он заменял своих друзей-юристов в судах; он въезжал в Рим и покидал его тайно, страшась всяческой шумихи; на рельефах Алтаря Мира он не выделен из числа других граждан никакими знаками особого достоинства. Его утренние приемы были открыты для всех граждан, и со всеми он был любезен. Когда некто однажды долго не решался подать ему свое прошение, Август шутиливо упрекнул просителя за то, что тот протягивает ему документ, «словно грош слону»³⁷.

В его старческие годы, когда разочарования наполнили его горечью, и он давно уже свыкся со всемогуществом, даже со своей божественностью, он соскальзывал в нетерпимость, преследовал враждебных авторов, запрещал истории, которые были более критичны к нему, чем хотелось бы, и не внял умоляющим стихам Овидия. Рассказывают, что однажды он приказал перебить ноги своему секретарю Таллу, который за 500 денариев согласился разгласить содержание официального письма; он заставил одного из своих вольноотпущенников покончить с собой, узнав, что тот прелюбодействует с римской матроной. В общем, его трудно любить. Мы должны представить себе хрупкость его тела и беды, которые ему пришлось перенести в старости, чтобы отнестись к нему с тем же сочувствием, какое вызывали у нас убитый Цезарь или сломленный Антоний.

VI. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ БОГА

Почти все свои неудачи и все свои трагедии он познал в своем собственном доме. От трех жен — Клавдии, Скрибонии, Ливии — у него был только один ребенок: Скрибония непреднамеренно отомстила ему за развод рождением Юлии. Он надеялся, что Ливия подарит ему сына, которого он мог бы воспитать и выучить как правителя; но хотя она и наградила своего первого мужа двумя прелестными сыновьями — Тиберием и Друзом, — ее брак с Августом был разочаровывающе бесплоден. Во всех других отношениях их союз был счастливым. Это была женщина величавой красоты, твердого характера, тонкого ума; Август обсуждал самые важные свои законы именно с ней и очень ценил ее советы — так же высоко, как и советы самых опытных своих друзей. Спрошенная, как ей удалось приобрести такое влияние на мужа, Ливия ответила: «Благодаря тому, что всегда была ему верна... никогда не вмешивалась в его дела и делала вид, что не слышу и не замечаю его подруг, с которыми у него были романы»³⁸. Она была образцом старинных добродетелей и, может быть, понимала их чересчур прямолинейно. На досуге она посвящала себя благотворительности, помогала родителям больших семей, одаривала приданым бедных невест и содержала за свой счет многих сирот. Ее собственный дворец был почти что сиротским приютом; здесь, как и в доме своей сестры Октавии, Август воспитывал своих внуков, племянников, племянниц и даже шестерых выживших детей Антония. Он рано отправлял мальчиков на войну, следил за тем, чтобы девочки учились прясть и ткать, и «запрещал им говорить или делать то, что пришлось бы скрывать или нельзя было бы занести в домашний дневник»³⁹. Август научился любить сына Ливии Друза, усыновил и воспитал его и с радостью оставил бы ему свою власть и богатство. Ранняя смерть юноши была одной из первых тяжелых утрат императора. Тиберия он уважал, но полюбить не мог, потому что его будущий преемник имел характер положительный и властный, был замкнут и скрытен. Но прелесть и живость его дочери Юлии должны были доставить Августу не одно счастливое мгновение, когда она была еще ребенком. Когда она достигла четырнадцатилетнего возраста, Август убедил Октавию согласиться на развод ее сына Марцелла и уговорил юношу жениться на Юлии. Через два года Марцелл умер; Юлия после непродолжительного траура пустилась наслаждаться свободой, о которой давно мечтала. Но вскоре исполняющий роль сводни император, страстно желая внука, который мог бы стать его наследником, заставил сопротивляющегося Агриппу развестись с женой и жениться на прекрасной вдовушке (21 г. до н.э.). Юлии было восемнадцать, Агриппе сорок два; но он был хорошим и великим человеком, к тому же пребогатым. Свой римский дом она превратила в салон, где царил радость и шутки, и стала душой компании молодых и бесшабашных людей, противостоявшей пуританам, которыми предводительствовала Ливия. Молва обвиняла Юлию в неверности новому мужу и приписывала ей невероятный ответ на невероятный вопрос, почему, несмотря на ее измены, все пять детей, которых она родила, похожи на Агриппу: *Numquam nisi nave plena tollo vectorem*⁴⁰. После смерти Агриппы (12 г. до н.э.) все надежды Августа обратились на старших сыновей Юлии Гая и Луция, он окружил их любовью и лучшими воспитателями и способствовал их продвижению по государственной службе, несмотря на слишком юный возраст и законодательные ограничения.

Вновь овдовев, Юлия, еще более богатая и прелестная, чем прежде, с дерзкой непринужденностью прошла через множество романов и стала одновременно и притчей во языцех, и предметом насмешек горожан, раздраженных «Юлиевыми законами». Чтобы пресечь эти сплетни, а возможно, и примирить жену и дочь, Август нашел Юлии новую пару. Сын Ливии Тиберий был заставлен развестись со своей беременной женой Випсанией Агриппой, дочерью Агриппы, и жениться на столь же неохотно вступающей в этот брак Юлии (9 г. до н.э.). Молодой «старинный римлянин» из всех сил старался быть хорошим мужем; но Юлия вскоре отказалась от попыток приладить свои эпикурейские привычки к его стоическим добродетелям и вновь вернулась к незаконным связям. Тиберий некоторое время переносил свой позор, храня гневное молчание. Юлиев закон о прелюбодеяниях требовал от мужа прелюбодейки заявить о преступлении в суд. Тиберий не подчинился этому предписанию, чтобы защитить его автора, а может быть, и себя, потому что он и Ливия надеялись, что Август усыновит его и передаст ему руководство Империей. Когда выяснилось, что вместо этого император благоволит детям Юлии от Агриппы, Тиберий ушел в отставку со всех государственных постов и удалился на Родос. Там он в течение семи лет жил как обыкновенный гражданин, наслаждаясь одиночеством, философией и астрологией. Еще свободнее, чем раньше, Юлия переходила от одного любовника к другому, и по ночам Форум оглашался криками ее собутыльников⁴¹.

Болеющего Августа, которому теперь (2 г. до н.э.) было шестьдесят лет, мучили все печали, которые только могут поразить правителя и отца, узнавшего об одновременном крушении своей семьи, чести и законов. По этим законам отец прелюбодейки должен был предъявить ей публичное обвинение, если этого не сделал муж. Доказательства ее распущенности были предъявлены принцепсу, и друзья Тиберия дали понять Августу, что, если Август откажется предпринимать какие-либо действия, они это сделают за него. В то время как веселье было в самом разгаре, он издал указ об изгнании дочери на остров Пандатерия, бесплодную скалу у Кампанского побережья. Один из ее любовников, сын Антония, был вынужден покончить с собой, некоторые другие отправлены в ссылку. Вольноотпущенница Юлии Феба повесилась, лишь бы не давать показаний против своей госпожи. Обезумевший от горя император, услышав об этом поступке, произнес: «Лучше бы я был отцом Фебы, чем Юлии». Римский народ умолял его простить дочь, Тиберий тоже просил его о прощении, но Август не смягчился до самой смерти. Тиберий, придя к власти, переменял место ее заточения, отправив ее в еще более суровую ссылку в Регий. Там, сломленная и всеми забытая, Юлия скончалась на семнадцатом году заключения.

Ее сыновья Гай и Луций умерли задолго до нее: Луций — от болезни в Марселе (2 г. н.э.), Гай — от ран, полученных в Армении (4 г. н.э.). Оставшись на какое-то время без помощника или преемника, когда вспыхнул мятеж в Германии, Паннонии и Галлии, Август неохотно вновь призвал к себе Тиберия (2 г. н.э.), усыновил его и сделал соправителем, а затем отправил на подавление восставших. После его возвращения (9 г. до н.э.) весь Рим, ненавидевший его за неумолимый пуританизм, должен был смириться с тем, что, хотя принцепсом остается Август, после пяти лет тяжелых и успешных походов против взбунтовавшихся провинций к власти пришел Тиберий.

Последняя трагедия жизни — это жить против своей воли, когда человеческое «я» уже умерло, а его телесная оболочка продолжает влачить свое существование. Когда Юлия была отправлена в изгнание, Август по возрасту не был еще дряхлым стариком — другие сохраняют бодрость духа и в восемьдесят лет. Но он прожил слишком много жизней и слишком часто умирал с тех пор, как пришел в Рим восемнадцатилетним мальчиком — отомстить за убийство Цезаря и исполнить его волю. Сколько войн и сражений, сколько раз он был близок к поражению, сколько мучительных болезней, сколько заговоров и опасностей, сколько разочарований и неудач в достижении прекраснейших целей постигли его в эти переполненные событиями сорок два года — и надежды уносились одна за другой, пока не остался рядом с ним только этот непреклонный Тиберий! Может быть, разумнее было бы умереть, как Антоний, на вершине жизни и в любовных объятиях. Какой грустной радостью веет от дней, когда Юлия и Агриппа были счастливы и внуки озорничали на полу во дворце. Теперь подросла другая Юлия, дочь дочери, которая пошла по стопам матери, словно решив испробовать на себе все любовные искусства, воспетые ее другом Овидием. В 8 г. н. э., получив доказательства ее распущенности, Август отправил ее в ссылку на один из адриатических островов и тогда же изгнал Овидия в Томы на берегу Черного моря. «О, если бы я никогда не женился, — скорбел хилый и согбенный император, — или если бы я умер бездетным!» Иногда он подумывал о том, чтобы уморить себя голодом.

Все великие строения, которые он воздвиг, казалось, лежали в руинах. Власть, принятая им на себя ради восстановления мира, ослабила и привела к деградации сенат и народные собрания, эту власть ему предоставившие. Устав от ратификаций и восхвалений, сенаторы попросту больше не приходили на заседания, а в комициях собиралась только горстка граждан. Должности, что когда-то пробуждали в людях творческое честолюбие властью, которой они могли наделить, высмеивались умниками как пустые и дорогостоящие очаги тщеславия. Даже самый мир, который установил Август, и безопасность, которую он обеспечил Риму, ослабили народный дух. Никто не хотел служить в армии, никто не понимал неизбежности и неотвратимости периодически вспыхивающих войн. На смену простоте пришла роскошь, а родительские чувства уступили дорогу сексуальной вседозволенности. Воля великого народа была истощена — он умирал.

Все это стареющий император остро видел и с грустью осознавал. Никто не мог сказать ему тогда, что, несмотря на сотни недостатков и полудюжину придурков на троне, странный и утонченный принципат, основанный им, подарит Империи самый долгий период процветания из тех, что когда-либо видело человечество; что Pax Romana, которая начиналась как Pax Augusta, по прошествии многих столетий покажется высшим достижением в истории государственного искусства. Как и Леонардо, он думал, что потерпел крах.

Смерть пришла к нему неслышным шагом, когда он был в Ноле, в возрасте семидесяти шести лет (14 г. до н.э.). Друзьям, собравшимся у его ложа, он сказал слова, которыми часто заканчивались римские комедии: «Коль хорошо сыграли мы, похлопайте / И проводите добрым нас напутствием». Он обнял жену и сказал: «Помни, как мы жили вместе, Ливия; прощай» — эти слова были последними⁴². Через несколько дней его тело было пронесено по Риму на плечах сенаторов и предано огню на Марсовом поле, рядом с погребальным костром стояли дети знатных римлян и пели похоронную песню.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Светоний. *Август*, 33.
- ² Дион, LIV, 17.
- ³ Там же, LV, 4.
- ⁴ Светоний, 40.
- ⁵ Gibbon, E., *Decline and Fall of the Roman Empire*, ed. Bury, I, 65.
- ⁶ Светоний, 23; Дион, LVI, 17.
- ⁷ Плутарх. *Моралиа*, 207 Д.
- ⁸ Charlesworth, M., *Trade Routes and Commerce of the Roman Empire*, 8.
- ⁹ Светоний, 41.
- ^{9a} Дион, LIV, 18.
- ^{9b} Светоний, 28.
- ¹⁰ Там же, 42.
- ^{11–12} Август. *Деяния*, III, 21.
- ¹³ Дион, LV, 25.
- ^{14–15} Светоний, 58.
- ¹⁶ Плиний, XIV, 5.
- ^{17–18} Ср. Himes, N., *Medical History of Contraception*, 85f, 188.
- ¹⁹ Дион, LIV, 19.
- ²⁰ Тацит. *Анналы*, XV, 19.
- ²¹ Там же, III, 25.
- ²² Гораций. *Оды*, III, 24.
- ²³ Davis, *Influence of Wealth*, 304.
- ²⁴ Геллий, X, 2, 2.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Дион, LVI, 1.
- ²⁷ Овидий. *Искусство любви*, 637.
- ²⁸ Август. *Деяния*, II, 10.
- ²⁹ Buchan, 286.
- ³⁰ Светоний, 76–83.
- ³¹ Там же, 81; Дион, LII, 30.
- ³² Светоний, 76.
- ³³ Там же, 84.
- ³⁴ Там же, 90–92.
- ³⁵ Ferrero, IV, 175.
- ³⁶ Плутарх. *Моралиа*, С. 207
- ³⁷ Светоний, 53.
- ³⁸ Дион, LVII, 2.
- ³⁹ Светоний, 64.
- ⁴⁰ Макробий. *Сатурналии*, II, 5, в конце: «Никогда не беру пассажира, если корабль еще не наполнен».
- ⁴¹ Сенека. *Нравственные письма*, III, VI, 32, 1.
- ⁴² Светоний, 99.

Золотой век

30 г. до н. э. — 18 г. н. э.

1. ПОД СЕНЬЮ АВГУСТА

ЕСЛИ ДЛЯ РАБОТЫ в литературе и искусстве мир и безопасность куда предпочтительнее войны, то все же война и глубокие социальные перевороты вспахивают землю вокруг ростков мысли и питают семена, которые взойдут в дни мира. Покойная жизнь не создает великих идей или великие личности; но принуждение, которое приносит с собой кризис, императивы выживания с корнем вырывают старое и мертвое, чтобы на их месте проросли новые идеи и обычаи. Мир после победоносной войны — лучший стимул для быстрого выздоровления; в это время люди ликуют только от того, что существуют на этом свете, и часто рождают песни.

Римляне были благодарны Августу за то, что он излечил, пусть и в результате тяжелой операции, раковую опухоль хаоса, в который погрузилась их гражданская жизнь. Они были потрясены, когда столь быстро вернули свое благополучие после произведенного войной опустошения. Они были рады и тому, что, несмотря на царивший некогда развал, делавший их беззащитными, они оставались хозяевами той части света, которая была для них всем миром. Они оглядывались назад на свою историю — от первого до этого второго Ромула — от творца до восстановителя, — и она казалась им эпически чудесной; и они едва ли сильно удивились тогда, когда Вергилий и Гораций выразили их благодарность, их славу и гордость в стихах, а Ливий — в прозе. Еще более радовало то, что области, которые были ими покорены, лишь частично оставались варварскими; большая часть этих земель принадлежала к царству эллинистической культуры — к царству изящной речи, утонченной литературы, просвещенной науки, зрелой философии и выдающегося искусства. Это духовное богатство стекалось теперь в Рим, порождая дух подражания и соперничества, принуждая язык и словесность пустить новые побеги и расти ввысь. Тысячи греческих слов проникли в латинский язык, и тысячи греческих статуй и картин были поставлены на римских площадях, в храмах, на улицах и в домах.

Деньги от завоевателей Египта и его сокровищ, крупных рабовладельцев и эксплуататоров римских ресурсов и торговли перепали даже поэтам и художникам. Писатели посвящали свои труды богачам в надежде получить от них дары, благодаря которым они смогут и дальше безбедно трудиться и существовать. Так, Гораций обращался в своих одах к Саллюстию, Элию Ламии, Манлию Торквату и Мунацию Планку. Мессала Корвин собирал вокруг себя содружество авторов, в котором блистал Тибулл, а Меценат искупал свое богатство и стихи тем, что щедро одаривал Вергилия, Горация и Проперция. Вплоть до последних лет своей жизни, отмеченных приступами гневли-

вости, Август проводил по отношению к литературе вполне либеральную политику. Он был доволен тем, что современные ему литература и искусство поглощают ту честолубивую энергию, которая привела к такому беспорядку в политике. Он был не прочь платить людям за написание книг, лишь бы они не мешали ему управлять государством. Его щедрость по отношению к поэтам была настолько знаменита, что вокруг него повсюду жужжал их рой, куда бы он ни пошел. Когда какой-то грек день за днем настойчиво подсовывал ему в руку свои стихи при входе во дворец, Август отплатил ему тем, что остановился, сочинил несколько строчек и попросил слугу передать их греку. Последний поднес Августу несколько денариев, сокрушаясь, что не может дать больше. Император вознаградил его остроумие (не поэзию) 100 000 сестерциев¹.

Книжный поток разлился сейчас широко, как никогда. Каждый — и дурак и философ — писал стихи². Так как любое стихотворение и большая часть литературной прозы предназначались для чтения вслух, собирались кружки, в которых авторы читали свои произведения приглашенным или обычной публике, а в редкие минуты взаимной терпимости и друг другу. Ювенал считал, что достаточным и главным основанием для того, чтобы жить в деревне, является стремление укрыться от поэтов, которые заполнили Рим³. В книжных лавках, сгрудившихся в районе, называвшемся Аргилет, собирались писатели, чтобы в цифрах оценить литературные гении, в то время как безденежные книголюбы украдкой читали отрывки из книг, которые не могли купить. Афиши на стенах извещали покупателей о новых изданиях и ценах. Небольшие томики продавались за четыре-пять сестерциев, средняя книга стоила десять (1,5 доллара); изящные издания, наподобие эпиграмм Марциала, иллюстрированные обычно портретом автора, шли по цене около пяти денариев (3 доллара)⁴. Книги экспортировались во все уголки Империи или одновременно издавались в Риме, Лионе, Афинах и Александрии^{4а}. Марциал с удовольствием узнавал, что его книги хорошо расходятся в Британии. Даже у поэтов были теперь свои библиотеки. Овидий с любовью описывает книги, собранные им⁵. Мы можем предположить, опираясь на Марциала, что уже тогда существовали книжные знатоки, собиравшие роскошные издания или редкие рукописи. Август основал две публичные библиотеки; Тиберий, Веспасиан, Домициан, Траян и Адриан построили немало новых; к IV в. н.э. в Риме их было двадцать восемь. Иностранные писатели и ученые приезжали, чтобы работать в них и изучать публичные архивы. Так, Дионисий приехал из Галикарнасса, а Диодор из Сицилии. Рим стал теперь соперником Александрии и одним из крупнейших литературных центров Западного мира.

Этот расцвет привел к переменам не только в литературе, но и в обществе. Литература и искусства приобрели новый престиж. Грамматики читали лекции, посвященные еще живым авторам; народ распевал на улицах отрывки из их произведений; писатели наравне с государственными деятелями и знатыми дамами стали постоянными посетителями роскошных салонов, подобные которым можно представить себе только во Франции эпохи ее процветания. Аристократия стала литературно образованной, литература — аристократически настроенной. Крепость и первозданная сила Энния и Плавта, Лукреция и Катутла уступила место более изощренным красотам и дразнящей сложности выражения и мысли. Писатели более не смешивались с народом и поэтому более не описывали народную жизнь и не говорили на языке народа;

произошел разрыв между литературой и жизнью, что приведет в конечном счете к потере латинской словесностью жизненных сил и живого духа. В области формы непререкаемыми учителями оставались греки, тематика тоже была греческой или задавалась при дворе Августа. Поэзия, когда ей удавалось выкроить немного времени и ненадолго оставить феокрытовых пастухов или анакреонтическую любовь, принималась дидактически воспевать радости сельской жизни, нравы предков, славу Рима и величие его богов. Литература превратилась в служанку государства, в многоголосый монолог, который призывал нацию следовать августовским идеям.

Две силы противостояли этому переходу литературы на государственную службу. Одной из них была горячо ненавидимая Горацием «бессмысленная толпа», которой приходились по душе соленый звон и независимость древней сатиры и комедии и не слишком нравились завитки и аромат современной поэзии. Другой — тот полусвет удовольствия и греха, к которому принадлежали Клодия и Юлия. Эта молодежь яростно бунтовала против Юлиевых законов, не хотела никаких нравственных реформ, имела своих поэтов, свои кружки и нормы. В жизни, как и в словесности, эти силы сражались друг с другом, противоборствуя в Тибулле и Проперции, выставляя в соперники чистому и благочестивому Вергилию непристойного и дерзкого Овидия, разбив судьбы двух Юлий и одного поэта сылкой и в конце концов истощив одна другую в серебряный век. Но закваска, которой послужили великие события, расслабляющая праздность, принесенная миром и достатком, величие Рима, власть которого была признана всем миром, оказались сильнее разлагающего влияния государственных субсидий и нашли свое выражение в золотом веке, литература которого — это самое совершенное по форме и искусности отделки явление из всех, что сохранила память человечества.

II. ВЕРГИЛИЙ

Самый обаятельный из римлян родился в 70 г. до н. э. на ферме неподалеку от Мантуи, где река Мицио неспешно катит свои воды в По. Начиная с этого времени немногие великие римляне будут рождены в столице; они придут из Италии в столетии, которое станет свидетелем рождения Христа, а в следующих — из провинций. Возможно, в венах Вергилия текла какая-то доля кельтской крови, потому что Мантуя издавна была населена галлами; с формальной точки зрения, по рождению он был галлом, потому что Цизальпинская Галлия получит римское гражданство только через двадцать один год от Цезаря. Человек, который красноречивее всех пел о величии и судьбе Рима, никогда не станет образцом тяжеловесной мужественности римского племени, но коснется кельтских струн мистицизма, нежности и прелести — редких среди породы римлян.

В бытность свою судебным писарем его отец накопил достаточно денег, чтобы приобрести ферму и заняться разведением пчел. В этой журчащей тиши поэт провел свое детство; пышная листва обильного водой севера навсегда сохранилась в его памяти, и он никогда не был по-настоящему счастлив вдали от этих полей и потоков. В двенадцать лет его направили в школу в Кремоне, в четырнадцать — в Милан, в шестнадцать — в Рим. Там он изучал риторику и связанные с ней предметы под руководством того же

наставника, у которого будет учиться Октавиан. Вероятно, после этого он посещал лекции эпикурейца Сирона в Неаполе. Вергилий изо всех сил старался усвоить философию наслаждения, но ему все время мешали его деревенские корни. Возможно, по завершении обучения он вернулся на север, но в 41 г. до н.э. мы видим, как он бросается вплавь, чтобы спасти свою жизнь от солдата, силой завладевшего его усадьбой; Октавиан и Антоний конфисковали ее, так как эта область благоволила их врагам. Азиний Поллион, ученый губернатор Цизальпинской Галлии, пробовал вернуть ферму назад, но у него ничего не вышло. В искупление неудачи он стал покровительствовать молодому человеку и ободрил его, призвав продолжить писать начатые им «Эклоги».

В 37 г. до н.э. Вергилий уже отведал от чаши с вином славы. «Эклоги» («Пастушеские песни», или «Избранные отрывки») были только что опубликованы в Риме и тепло встречены читателями; некоторые стихи прочитала со сцены актриса, и зрители горячо ей аплодировали⁶. Стихотворения эти представляли собой пасторальные сценки, написанные в манере «Буколик» Феокрита, а часто и дословно переводившие их; превосходный стиль и ритм, самые мелодичные гексаметры, когда-либо слышанные в Риме, полнота задумчивой нежности и романтической любви — все эти достоинства не могли остаться незамеченными. Столичная молодежь уже достаточно отделилась от земли, чтобы идеализировать сельскую жизнь; всякому доставляло удовольствие вообразить себя пастухом, бродящим вверх и вниз по склонам Апеннинских гор, и надирать сердце при мысли о безвозвратно потерянной любви⁷.

Более жизненными, чем эти заимствованные у Феокрита призраки, были деревенские сценки. И здесь Вергилий идеализировал свой материал, зато подражать ему было некому. Он услышал когда-то и запомнил мощную песнь лесоруба и беспокойное жужжание пчелиного роя⁸; и он знал, что такое опустошенность и отчаяние сердца, когда, как и тысячи твоих современников, ты оказываешься согнан с родной земли⁹. Но важнее всего было другое. Он напряженно чувствовал надежду своего времени на окончание партийных распрей и войн. Книги пророчеств Сивиллы предсказали некогда, что вслед за железным веком вернется золотой век Сатурна. Когда в 40 г. до н.э. у покровителя Вергилия Азиния Поллиона родился сын, поэт в своей четвертой эклоге возвестил, что это рождение — предвестие утопии:

*Ultima Cumaei venit iam carminis aetas;
magnus ad integro saeculorum nascitur ordo.
Iam redit et Virgo, redeunt Saturnia regna;
iam nova progenies, caelo demittitur alto.
Tu modo nascenti puero, quo ferrea primum
desinet, ac toto surget gens aurea mundo,
casta fave Lucina; tuus iam regnat Apollo —*

Круг последний настал по вещанью пророчицы Кумской,
Сызнова ныне времен začínается строй величавый,
Дева * грядет к нам опять, грядет Сатурново царство.
Снова с высоких небес посылается новое племя.

* Астрей, или Справедливость, которая согласно легенде о веке Сатурна последней из бессмертных покинула землю.

К новорожденному будь благосклонна, с которым на смену
Роду железному род золотой по земле расселится.
Дева Луцина! Уже Аполлон твой над миром владыка.

(Перевод С. Шервинского)

Через десять лет эти пророчества исполнились. Железные орудия войны были отложены в сторону; пришло новое поколение, вооруженное и ослепленное золотом. В оставшиеся Вергилию годы Риму не придется больше извещать гражданской суматохи и свалки; процветание и счастье будут возрастать, и Август будет прославлен как спаситель, пусть и не как Аполлон. Полуцарственный двор приветствовал оптимизм Вергилиева стиха. Меценат призвал его к себе, полюбил и увидел в поэте лучший инструмент для проведения реформ Октавиана. Такое суждение показывает проницательность Мецената; дело в том, что тридцатитрехлетний Вергилий внешне был по-деревенски неуклюж, робок до оцепенения, сторонился людных мест, где его могли бы узнать и окликнуть, был недостаточно легок для гибкого и агрессивно фешенебельного римского общества. Кроме того, он был еще более болезненным, чем Октавиан, его мучили головные боли, заболевания горла, желудочные расстройства и кровохарканье. Вергилий никогда не был женат, и, кажется, был не больше своего Энея доступен очарованию страсти. Видимо, он утешал себя какое-то время любовью мальчика-раба; в Неаполе за свою холодность он был прозван «девой»¹⁰.

Меценат был щедр к юноше, убедил Октавиана вернуть ему ферму и подсказал тему нескольких стихотворений, прославляющих жизнь в деревне. В эти дни (37 г. до н.э.) Италия расплачивалась за то, что слишком много земли отведено было здесь под пастбища, фруктовые сады и виноградники; Секст Помпей блокировал подвоз продовольствия из Африки и Сицилии, и нехватка зерна грозила вылиться в новую революцию. Городская жизнь, казалось, обессилила новое поколение итальянских мужчин; со всех точек зрения здоровье нации нуждалось в возвращении к фермерскому укладу. Вергилий с готовностью ухватился за эту идею. Что-то, а деревенская жизнь была знакома ему не по книгам. И хотя теперь он был слишком хрупок, чтобы переносить ее тяготы, Вергилий был именно тем человеком, который мог воспеть ее притягательные стороны, черпая вдохновение из драгоценных для него тайников памяти. Он укрылся в Неаполе, семь лет шлифовал и отделявал свое произведение и наконец вышел из своего затвора с самой совершенной из своих книг — «Георгиками», буквально, «Земледельческими трудами». Меценат был в восторге и взял поэта с собой на юг, чтобы познакомиться с Октавианом, возвращавшимся тогда (29 г. до н.э.) после победы над Клеопатрой. В небольшом городке Ателла усталый полководец остановился на отдых и, очарованный, четыре дня слушал, как читает Вергилий свои 2000 строк. Эти стихи совпадали с его затаенными чаяниями и намерениями еще лучше, чем даже мог предвидеть Меценат. Ибо поэт приглашал теперь Октавиана распустить большую часть бесчисленных армий, завоевавших для него весь мир, поселить ветеранов в деревне, на своей земле, утишить тем самым их притязания, накормить города и сельским трудом сохранить государство. Начиная с этого момента Вергилий мог думать только о творчестве.

В «Георгиках» великий художник описывает благороднейшее из искусств — искусство возделывания земли. Вергилий заимствует у Гесиода, Ара-

та, Катона, Варрона; но он преобразовывает их грубую прозу или бессильный, вялый стих в превосходно отделанные гекзаметры. Покорный велениям долга, он обнимает в своей поэме различные отрасли земледелия — описывает разнообразие почв и особенности их обработки, указывает время, наиболее подходящее для сева и жатвы, знакомит читателя с виноградными и оливковыми культурами, разведением скота, лошадей, овец, наконец, пчеловодством. Все стороны деятельности фермера интересуют и занимают его; ему приходится напоминать себе, что нельзя останавливаться на одном предмете слишком долго, что следует идти дальше:

*Sed fugit interea, fugit irreparabile tempus,
Singula dum capti circum vectamur amore*¹¹.

Так, — но бежит между тем, бежит невозвратное время,
Я же во власти любви по частностям всяким блуждаю.

(Перевод С. Шервинского)

У него есть что сказать о болезнях животных и о том, как их лечить. Он пишет об обыкновенных, используемых в хозяйстве животных с пониманием и симпатией; его не перестают изумлять простота их инстинктов, сила их страстей, совершенство их форм. Он идеализирует деревенскую жизнь, но не умалчивает и о ее тяготах или превратностях, об изнурительности труда, о бесконечной борьбе с вредителями, о нарушающем привычный трудовой ритм маятнике засухи и бури. Но как бы то ни было, *labor omnia vincit* («все побеждает труд») ¹²; крестьянский труд исполнен целесообразности, а потому и достоинства; ни один римлянин не должен стыдиться встать и пойти за плугом. Нравственность, полагает Вергилий, возникает из фермерской деятельности; все старинные доблести, благодаря которым возвысился Рим, были возвращены и вскормлены здесь, в деревне. И нельзя не заметить, что такие работы, как сев зерна, его защита от непогоды, возделывание, прополка, жатва имеют свои отражения и в развитии человеческой души. В полях, где чудо произрастания и капризы неба выдают присутствие тысяч таинственных сил, душа куда легче, чем в городе, ощущает токи животворящих начал и становится глубже, преисполняясь религиозных прозрений, смирения и благоговения. В этом месте Вергилий произносит свои самые знаменитые слова, начинающиеся с отголоска Лукрециевой поэмы и переходящие в чисто вергилиевский тон:

*Felix qui potuit rerum cognoscere causas,
atque metus omnis et inexorabile fatum
subiecit pedibus strepitumque Acherontis avari;
fortunatus et ille deos qui novit agrestis,
Panaque Silvanumque senem Nymphasque sorores* — ¹³

Счастливы те, кто вещей познать сумели основы,
Те, кто всяческий страх и Рок, непреклонный к молениям,
Смело повергли к ногам, и жадного шум Ахеронта.
Но осчастливлен и тот; кому сельские боги знакомы, —
Пан, и отец Сильван, и нимфы, юные сестры.

(Перевод С. Шервинского)

Крестьянин совершенно прав в своем стремлении умиловить богов жертвоприношением и привлечь на свою сторону их благосклонность; эти проявления благочестия расцветают круговорот трудов празднествами и одевают землю и жизнь смыслом, драматизмом и поэзией.

Драйден называл «Георгики» «лучшей поэмой лучшего поэта»¹⁴. Наряду с Лукрециевой поэмой она обладает одним крайне редким качеством: она одновременно назидательна и прекрасна. Рим, конечно, не принял эту поэму за настоящее пособие по сельскому хозяйству; мы не знаем, чтобы кто-нибудь, прочтя ее, сменил бы Форум на ферму; и действительно, Сенека полагал, что Вергилий писал эту поэму так, чтобы угодить прежде всего вкусам городского жителя. В любом случае, Август чувствовал, что Вергилий отменно справился с поручением Мecenата. Он позвал поэта во дворец и предложил ему более трудную задачу, неизмеримо более обширную тему.

III. «ЭНЕИДА»

Поначалу речь шла о том, чтобы воспеть битвы Октавиана¹⁵. Но предположительное происхождение усыновившего его Цезаря от Венеры и Энея привели поэта, — а возможно, и императора — к замыслу эпоса об основании Рима. По мере развития темы в поэму вошли предвосхищаемые посредством пророчества такие мотивы, как расширение Рима и его успокоение в августовской Империи и мире. Следовало также во всех этих достижениях сделать зримой роль римского характера и попытаться популяризовать старинные доблести. Ее герой должен был быть богобоязнен и действовать под опекой богов. Общий тон эпоса должен был совпасть с общим направлением августовской реформации веры и морали. Последующие десять лет Вергилий провел в различных уголках Италии (29—19 гг. до н.э.), где не покладая рук работал над «Энеидой». Он писал медленно, с тщательностью Флобера, диктуя по несколько стихов ранним утром и переписывая их после полудня. Август с нетерпением ожидал завершения поэмы, непрестанно спрашивал о том, как продвигается работа, докучал Вергилию просьбами показать ему любой готовый фрагмент. Вергилий откладывал исполнение этих просьб так долго, как только мог, но наконец прочел ему вторую, четвертую и шестую книги. Октавия, вдова Антония, потеряла сознание, услышав описание своего сына Марцелла, недавно умершего¹⁶. Эпос так и не был доведен до конца, Вергилий не успел его окончательно отредактировать. В 19 г. до н.э. он посетил Грецию, встретился в Афинах с Августом, получил солнечный удар в Мегарах, пустился в возвратный путь и умер вскоре после того, как достиг Брундизия. На смертном одре он просил друзей уничтожить рукопись поэмы, говоря, что для придания ей окончательного вида ему потребовалось бы еще не менее трех лет. Август запретил им выполнить эту просьбу.

Каждый школьник знает историю, положенную в основу «Энеиды». Во время пожара Трои тень убитого Гектора является вождю его союзников дарданцев — «благочестивому Энею» и приказывает тому спасти от греков «священные предметы и домашних богов» Трои, прежде всего Палладий, или изображение Паллады Афины, удержать который значило для троянцев сохранить надежду на спасение. Ищи для этих священных символов, говорит Гектор, «город, который тебе предстоит основать после долгих скитаний по

морю»¹⁷. Эней ускользает от врагов вместе с престарелым отцом Анхизом и сыном Асканием. Они отправляются в плавание и пристают к берегу в разных местах; но всякий раз глас богов повелевает им продолжить странствие. Ветры выбрасывают их на берег неподалеку от Карфагена, который основала финикийская царица Дидона. (Когда Вергилий писал эти строки, Август превращал в жизнь планы Цезаря по восстановлению Карфагена.) Эней влюбляется в нее. Вовремя разразившийся ураган загоняет их в одну пещеру, и они вступают в связь, которую Дидона считает браком. На какое-то время Эней разделяет эту интерпретацию, участвуя вместе с Дидоной и своими охотно ему помогающими воинами в строительстве. Но беспощадные боги, которые, по античным мифам, никогда не придавали браку большого значения, напоминают ему, что пора вновь отправляться в путь; это не та столица, которую ему следует основать. Эней повинуетя предостережению и оставляет скорбящую царицу, пропев ей на прощание приличествующую подобным случаям песнь:

Все заслуги твои отрицать я не стану, царица.
...и на брачный факел священный
Не притягал никогда, и в союз с тобой не вступал я.
Но лишь в Италию нас Аполлон посылает Гринийский,
Только в Италию плыть велит Ликийский оракул.
Так перестань же себя и меня причитаньями мучить.
Я не по воле своей плыву в Италию¹⁸.

(Перевод С. Ошерова)

Italiam non sponte sequor — в этом вся тайна. Мы, приученные литературой последних восьми столетий к сентиментальности, судим о Вергилии и его герое с позиций этой литературы и придаем куда большее значение романтической любви и внебрачным связям, чем они имели в Греции и Риме. Брак был для древних союзом скорее семейств, чем тел и душ; требования религии и родины стояли выше прав или прихотей индивидуума. Вергилий относится к Дидоне с приязнью и достигает в рассказе о том, как она бросается в погребальный костер и сгорает заживо, редких даже для себя красоты и силы; затем вслед Энею он устремляется в Италию.

Пристав к берегу в Кумах, троянцы вступают в Лаций, где их приветствует царь этой страны Латин. Его дочь Лавиния обещана в жены Турну, статному вождю соседнего племени рутулов. Но симпатии и Латина и его дочери внезапно обращаются на Энея. Турн объявляет войну и ему и Лацию, после чего разгорается жестокое сражение. Чтобы придать Энею новые силы и отвагу, Кумская Сивилла проводит его через пещеру близ Авернского озера в Тартар. Поскольку Вергилий слагает одиссею Энеевых странствий и краткую илиаду его сражений, в качестве образца ему служит здесь путешествие Одиссея в Аид, а в будущем нисхождение Энея послужит моделью для дантовского Ада. *Facilis descensus Averni* («Легок спуск в Аид»), — говорит Вергилий¹⁹; но путь его героя извилист, а нижний мир запутывающе сложен. Здесь он встречает Дидону, которая презрительно отмахивается от его любовных восклицаний и жалоб; здесь он созерцает изощренные пытки, которыми караются земные преступления, и темницу, в которой томятся люцифероподобные мятежные полубоги. Затем Сивилла проводит его через мистические

Рощи Блаженных, где праведники наслаждаются жизнью в зеленых долинах, предаваясь бесконечному веселью. Его отец Анхиз, который скончался в пути, излагает ему орфические учения о небе, чистилище и аде и разворачивает перед ним панораму будущей славы и героев Рима. В последующем видении Венера показывает ему битву при Акции и триумфы Августа. Его дух оживает и исполняется новых сил, Эней возвращается в мир живых, убивает Турна и эпической рукой сеет вокруг себя смерть. Он женится на печальной Лавинии и наследует царство после смерти ее отца. Вскоре после этого он падет в бою и будет перенесен на Елисейские поля. Его сын Асканий, или Юл, построит Альба Лонгу, которая станет новой столицей латинских племен, и отсюда выйдут его потомки Ромул и Рем, которым предстоит основать Рим.

Представляется невоспитанностью критиковать столь мягкую душу, как Вергилий, за все эти благодарные комплименты своей стране и своему императору, или находить огрехи в произведении, которое он, может статься, никогда не хотел писать и не имел времени завершить. Конечно, он подражал греческим образцам; так поступали практически все римские авторы за исключением тех, кто писал сатиры и эссе. Батальные эпизоды — это слабое эхо бранного звона Гомера, а Аврора восстает здесь так же часто, как и розовоперстая Заря у Гомера. Невий, Эний и Лукреций ссужают поэта сценами и фразами, иногда целыми строчками; Аполлоний Родосский, автор «Аргонавтики», повлиял на описание трагической любви Дидоны. Такие заимствования считались вполне законными в дни Вергилия, как и в дни Шекспира; вся средиземноморская литература рассматривалась как наследие и хранилище, откуда мог черпать любой средиземноморец. Нас утомляет мифологический аппарат, тем более что мы привыкли к совершенно иному подходу к действительности. Но эти непрестанные ссылки на богов и их вмешательство были хорошо знакомы и приятны даже скептически настроенным читателям римской поэзии. В гладком эпосе Вергилия, физически нездорового человека, нам недостает стремительного повествования Гомера, полной жизни и крови реальности, в которой движутся гиганты Илиады или простой народ Итаки. Сюжет Вергилия часто стоит на одном месте, а его характеры почти все страдают анемией, не считая, впрочем, тех, кого бросает или убивает Эней. Дидона — это живая женщина, очаровательная, изящная, страстная; Турн — честный и простой воитель, преданный Латиним и обреченный насмешливыми богами на незаслуженную гибель. После десяти песен нам надоедает «благодетельство» Энея, которое не оставляет ему собственной воли, оправдывает его вероломство и приносит ему успех только в результате вмешательства сверхъестественных сил. Нам не доставляют радости его пустые речи, с которыми на устах он убивает хороших людей, внося риторическую скуку в описание взаимного продырявливания, которое выступает здесь как последний критерий истины.

Чтобы понять и по заслугам оценить «Энеиду», мы обязаны всегда помнить о том, что Вергилий писал не роман, а римское Священное писание. Нельзя сказать, чтобы он предлагал в своем эпосе ясную теологию. Боги, которые дергают за нити его драмы, столь же порочны, как и боги Гомера, и начисто лишены человечности и юмора. Действительно, все беды и страдания вызываются в этой поэме не мужчинами или женщинами, но божествами. Вероятно, Вергилий видел в этих богах только поэтическую машинерию, символы тирании обстоятельств и разрушительности случая. В целом он ко-

леблется, кого признать правителем мира, Юпитера или безличный Фатум. Он любит сельских богов и богов поля куда больше, чем олимпийцев; он не упускает ни одного подходящего случая упомянуть о них или описать их обряды; он выражает желание, чтобы его соотечественники вновь приняли в свое сердце *pietas* — почтение перед родителями, родиной и богами, — которое было вскормлено этой первобытной деревенской верой. *Neu pietas! Neu prisca fides!* («Увы, благочестие! Увы, древняя вера!») — скорбит он. Однако он отбрасывает традиционные представления о подземном мире, в котором все мертвецы испытывают одинаково горькую участь; он заигрывает с орфическими и пифагорейскими идеями о перевоплощении и будущей жизни и, насколько это в его силах, придает живость пониманию Неба как вознаграждающего, Чистилища как искупительного и Аида как карающего начал.

Подлинной религией «Энеиды» является патриотизм, а ее величайшим божеством — сам Рим. Сюжетом движет предопределение, судьба Города, и все извивы рассказа находят свое оправдание в том, чтобы показать, «каких трудов стоило основать римское племя» — *tantae molis erat Romanam condere gentem*. Поэт гордится Империей, хотя и с завистью взирает на более высокую культуру греков:

Смогут другие создать изваянья живые из бронзы,
Или обличье мужей повторять во мраморе лучше,
Тяжбы лучше вести и движения неба искусней
Вычислят иль назовут восходящие звезды — не спору...

Пусть греки гордятся своими художниками, скульпторами, ораторами, астрономами, пусть!

Римлянин! Ты научись народами править державно —
В этом искусство твое! — налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных!²⁰

(Перевод С. Ошерова)

Вергилий не сожалеет и о гибели Республики; он знает, что ее уничтожил не Цезарь, но классовая война; на всех этапах своей поэмы он предвещает восстановительное правление Августа, прославляет его как возвращенное царство Сатурна и обещает ему как награду доступ в общество богов. Никому еще не удавалось выполнить литературный заказ с таким совершенством.

Почему же мы сохранили теплую привязанность к этому пиетистическому, морализирующему, шовинистическому, империалистическому пропагандисту? Частично потому, что на каждой странице дышит его нежный и ласковый дух; потому что мы чувствуем, как его симпатии распространяются со старой доброй Италии на все человечество, на все живое. Ему известны страдания низких и великих, непристойность и кошмар войны, смертный жребий, выпадающий даже самым великим, печали и горести, или *lacrimae regum* — «слезы, заключенные в вещах», — то, что искажает и подчеркивает солнечное сияние наших дней. Он не просто подражает Лукрецию, когда пишет следующие строки:

Соловьях оплакивает в тени тополя потерю своих птенцов,
которых заметил какой-то грубый пахарь и, еще не оперившихся,
оторвал от гнезда; она плачет всю ночь, примостившись на высо-

кой ветке; снова и снова возобновляет свою жалобную песнь, наполняя леса своими тоскливыми причитаниями²¹.

Нас притягивает к Вергилию неослабевающее очарование его речи. Он не потратил времени понапрасну, «вылизывая каждую строчку, как медведица своих медвежат»²². И только тот читатель, который сам пробовал писать, может догадаться, каких трудов стоило Вергилию сделать свое повествование таким легким и летучим, украсить его таким количеством звучных и мелодичных пассажей, что каждая вторая страница достойна чтения вслух и просится на язык. Вероятно, эта поэма слишком прекрасна какой-то однообразной красотой; даже прекрасное бледнеет, когда оно уж чересчур красноречиво и затянуто. В Вергилии есть некая тонкая женственная прелесть, но редко он проявляет мужественную силу и глубину мысли, характерные для Лукреция, достигает мощи вздымающегося водоворота того «многопенного моря», которое зовется Гомером. Мы начинаем понимать, почему древние приписывали характеру Вергилия меланхоличность, когда представим себе поэта, провозглашающего возврат к вере, которой ему никогда не вернуть даже себе, в течение десяти лет сочиняющего эпос, каждый эпизод и строчка которого требуют усилий и мастерства, умирающего с неотступной мыслью о том, что потерпел неудачу, что никогда искра произвольности не разжигала его воображения и не выводила его образы на вольный простор подлинного существования. Но над средствами выражения, пусть и не над своим предметом, поэт одержал полную победу. Мастерству редко удавалось создать нечто столь же яркое и поразительное.

Через два года после смерти Вергилия поэма была опубликована его душеприказчиками. Нашлись и хулители: некий критик обнародовал антологию ее недостатков, другой перечислял мелкие кражи, или заимствования, у предшественников, третий напечатал восемь томов «Схождений» между Вергилием и поэтами более раннего времени²³. Но Рим вскоре простил ему этот литературный коммунизм. Гораций широким жестом поставил его рядом с Гомером, а в школах на девятнадцать веков установилась практика заучивания его наизусть. Он был на устах у плебея и аристократа; ремесленники и лавочники, надгробия и исцарапанные стены цитировали «Энеиду»; храмовые оракулы давали ответы двусмысленными стихами поэмы; возник обычай — он продержался вплоть до Возрождения — открывать наугад его поэму и в первом же отрывке, бросавшемся в глаза, искать совета или пророчества. Его слава росла до тех пор, пока средние века не увидели в нем мага и святого. Разве не предсказал он в Четвертой Эклоге пришествие Спасителя, и разве не он описал в «Энеиде» Рим как Священный Город, распространившийся откуда власть религии возвысит этот мир? Разве в своей страшной Шестой книге не описал Вергилий Страшный Суд, страдания злодеев, искупительный огонь Чистилища, блаженство святых в Раю? Вергилий, как и Платон, был *anima naturaliter Christiana*, несмотря на своих языческих богов. Данте любил изящество его стиха и взял его в проводники не только сквозь Ад и Чистилище, но и сквозь искусство летучего рассказа и прекрасной речи. Мильтон думал именно о нем, когда писал «Потерянный рай» и составлял пышные речи дьяволов и людей. И Вольтер, от которого мы могли бы ожидать более сердитого суждения, называл «Энеиду» прекраснейшим литературным памятником из всего, что оставлено нам античностью²⁴.

IV. ГОРАЦИЙ

Одна из прелестнейших сенок в мире литературы — где ревность лишь немногим слабее, чем в любви, — это Вергилий, представляющий Меценату Горация. Поэты познакомились в 40 г. до н.э., когда Вергилию было тридцать, а Горацию двадцать пять. Годом позже Вергилий открыл для друга двери Мецената, и все трое оставались верными друзьями до самой смерти.

В 1935 году Италия отмечала две тысячи лет со дня рождения Горация. Он родился в небольшом апулийском городке Венузии. Его отец был когда-то рабом, поднявшимся по жизненной лестнице до поста сборщика налогов; другие, впрочем, называют его торговцем рыбой²⁵. Слово «флакк» означало «вислоухий»; возможно, Гораций — это имя хозяина, которому служил его отец. Каким-то образом вольноотпущенник добился процветания, отправил Квинта в Рим обучаться риторике и в Афины — философии. Здесь юноша присоединился к армии Брута и получил командование над легионом. Было «сладко и почетно умереть за родину» — *dulce et decorum pro patria mori*²⁶; но Гораций, который часто подражал Архилоху в поэзии, бросил посреди боя щит — и только пятки засверкали. После окончания войны он обнаружил, что остался без средств, без наследства, и «бесстыдная бедность заставила меня заняться стихотворством»²⁷. В действительности, однако, он зарабатывал себе на хлеб службой в канцелярии квестора.

Он был невысокого роста и толст, горд и робок, не любил простонародья, но не имел ни одежды, ни средств, чтобы вращаться в кругах, где мог бы найти равных себе по образованности. Слишком осторожный, чтобы жениться, он довольствовался куртизанками, которые могли существовать на самом деле или представляли собой выражение поэтической вольности, при помощи которой Гораций хотел бы продемонстрировать свою зрелость. Он писал о проститутках с ученой сдержанностью и изощренными размерами и считал себя весьма достойным человеком потому, что не соблазнял замужних женщин²⁸. Он был слишком беден, чтобы любовным буйством разрушить свое здоровье, и поэтому обратился к книгам и писал греческие или латинские стихотворения при помощи самых сложных греческих метров. Вергилий увидел одно из них и похвалил перед Меценатом. Благодушный эпикуреец был польщен оцепенелой робостью Горация и добродушно подшучивал над изысканностью его мысли. В 37 г. до н.э. Меценат взял Вергилия, Горация и некоторых других на увеселительную прогулку в лодке по каналу, затем в дилижансе, на носилках, наконец, пешком и привел их в Брундизий. Вскоре после этого он представил Горация Октавиану, и тот предложил поэту стать его секретарем. Поэт извинился за отказ, но заявил, что отнюдь не горит желанием поработать. В 34 г. до н.э. Меценат подарил ему дом и доходную ферму в сабинской долине Устика, в сорока пяти милях от Рима. Гораций был теперь волен жить в городе или в деревне и творить так, как об этом иной писатель может только мечтать, — в праздности и покое, кропотливо и тщательно*.

* Поместье Горация, раскопанное в 1932 г., оказалось просторным особняком, 363 на 142 фута, с двадцатью четырьмя комнатами, тремя купальными бассейнами, несколькими мозаичными полами, большим, правильно ухоженным садом, который был окружен крытой и огороженной галереей. Помимо этого, оно включало в себя большой земельный участок, обрабатываемый восемью рабами и пятью семьями колонов (*coloni* — «арендаторы»)^{28a}.

На какое-то время он задержался в Риме, наслаждаясь жизнью наблюдателя, развлекающегося суматохой этого мира. Он общался с представителями всех сословий, изучал составляющие римское население человеческие типы, созерцая с клинической радостью дурачества и пороки столицы. Он изобразил некоторые из этих типов в двух книгах «Сатир» (34 и 30 гг. до н.э.), обратившись в первой к язвительности и желчности Луцилия и смягчив свой тон во второй. Он называл эти стихотворения *sermones* («беседы»), которые ни в коем случае не были «проповедями», но непринужденными разговорами, иногда интимными диалогами, написанными чуть ли не разговорными гекзаметрами. Он признавался, что во всем, за исключением метра, это была совершеннейшая проза, «потому что вы не назвали бы поэтом автора, который, как и я, пишет стихи, так напоминающие прозу». В этих прятных стихах мы встретим живых мужчин и женщин Рима и услышим от них, как разговаривали настоящие римляне: не пастухи, не крестьяне и герои Вергилия, не легендарные распутники и героини Овидия, но полные сил и энергии рабы, тщеславные поэты, напыщенный преподаватель, жадный философ, болтливый зануда, нетерпеливый семит, делец, политик, гуляка; таким, чувствуем мы наконец, и был настоящий Рим. С человекоубийственной несерьезностью Гораций излагает законы успеха охотника за наследствами — этого игрока-вурдалака²⁹. Он смеется над гурманами, которые обжираются деликатесами и которых разбивает подагра³⁰. Он напоминает «хвалителю былых времен» — *laudator temporis acti*, — что, «если бы некий бог перенес тебя в восхваляемые тобой времена, ты пел бы то же самое»³¹. Главное достоинство прошлого заключается в том, что мы знаем: нам не придется жить в нем снова. Он, как и Лукреций, дивится беспокойным душам, которые из города стремятся в деревню, а оттуда рвутся в город; тем, кто никогда не рад тому, что имеет, так как есть кто-то другой, который владеет большим; тем, кто, не довольствуясь собственной женой, слишком сильно распалив свое нехитрое воображение, волочится за другими женщинами, которые, в свой черед, наскучили другим мужчинам. Безумная погоня за деньгами, заключает он, — главный недуг Рима. Он вопрошает алчного золотоискателя: «Почему ты смеешься над Танталом, от жаждущих губ которого вечно убегает возжеленная влага? Эта история, пусть и с другими именами, рассказывается про тебя»: *mutato nomine de te fabula narratur*³². Он иронизирует и над собой: он изображает своего раба упрекающим его в том, что он, моралист, не знает умеренности, никогда не имеет своего мнения или собственных целей, что он, как все остальные, — слуга своих страстей. Несомненно, его призывы о золотой середине обращены не только к другим, но и к самому себе (*aurea mediocritas*)³³; *est modus in rebus*, утверждает он, «существуют в вещах и предел и мера»³⁴, которых должно достичь и через которые не должны переступать разумные люди. В начале второй книги «Сатир» он жалуется другу, что первая книга критиковалась и как слишком грубая, и как слишком мягкая. Он просит совета, и ему отвечают: «Отдохни». — «Как? — возражает поэт, — не писать стихов вообще?» — «Да». — «Но у меня бессонница»³⁵.

Лучше бы он воспользовался на какое-то время этим советом. Его следующая книга, «Эподы», или «Куплеты» (29 г. до н.э.), — самое слабое из всего, что им написано: резкие и грубые, низменные, безвкусно и бисексуально непристойные стихи, прощительные только как эксперимент в ямбической метрике Архилоха. Возможно, его недовольство «дымом, богатством и шумом

Рима»³⁶ внесло свой вклад в неожиданную горечь его книги. Он не мог переносить давления «невежественной и зложелательной толпы». Он рисует себя толкаемым и толкающимся в человеческом водовороте столицы и восклицает:

— О, когда ж я увижу поля! И когда же смогу я
 То над писаньями древних, то в сладкой дремоте и лени
 Вновь наслаждаться блаженным забвением жизни тревожной!
 О, когда ж на столе у меня появятся снова
 Боб, Пифагору родной, и с приправою жирною зелень!
 О пир, достойный богов, когда вечерю с друзьями...³⁷

(Перевод М. Дмитриева)

Его остановки в Риме становятся все менее продолжительными; он проводит так много времени на своей сабинской ферме, что друзья, даже Мекенат, жалуются на то, что он вычеркнул их из своей жизни. После городских жары и пыли он увидел в чистом воздухе, мирной рутине, в общении с простыми работниками, что трудятся на его вилле, очистительное наслаждение. Его здоровье не отличалось крепостью; как и Август, большую часть жизни он прожил вегетарианцем.

Ключ прозрачный и лес в несколько югеров
 И всегда урожай верный с полей моих
 Далеко превзойдут пышность владетелей
 Плодороднейшей Африки³⁸⁻³⁹.

(Перевод Г. Церетели)

У него, как и у других августовских поэтов, любовь к деревенской жизни находит такое теплое выражение, какое редко можно встретить у греческих авторов. *Beatus ille qui procul negotiis...*

Блажен лишь тот, кто, суеты не ведая,
 Как первобытный род людской,
 Наследье дедов пашет на волах своих,
 Чуждаясь всякой алчности...
 Захочет — ляжет иль под дуб развесистый,
 Или в траву высокую;
 Лепечут воды между тем в русле крутом,
 Щебечут птицы по лесу,
 И струям вторят листья нежным шепотом,
 Сны навевая легкие...⁴⁰

(Перевод А. Семенова-Тян-Шанского)

Стоит, однако, добавить, что эти слова с подлинно Горациевой иронией вложены в уста городского ростовщика, который, произнеся их, тотчас же обо всем забывает и обращается к думам о барышах.

Вероятно, именно в этом покойном убежище он изведal «погруженное в заботы счастье» (*curiosa felicitas*) *, работая над теми одами, которые обессмертят, понимал он, или повергнут в забвение его имя. Он устал от гекзаметров, от бесконечного марша их размеренных стоп, резкой цезуры, рассекающей строку с неумолимостью гильотины. В юности он наслаждался изящными и

* Эта любопытная и удачная фраза была сказана применительно к Горацию Петронием⁴¹.

полными жизни метрами Сафо, Алкея, Архилоха и Анакреонта; он намеревался теперь пересадить эти «сафические» и «алкеевы» строфы, эти ямбические размеры и одиннадцатисложники на римскую лирическую почву, выразить свои мысли о любви и вине, религии и государстве, жизни и смерти в освежающе новых, эпиграмматически сжатых, музыкальных стансах, дразнящих ум запутанным клубком своей пряжи. Он предназначал их не для простых или спешащих душ; и действительно, он предостерегает их и отгоняет прочь высокомерным зачином третьей книги:

Odi profanum vulgus et arceo.
Favete linguis. Carmina non prius
audita Musarum sacerdos
virginibus puerisque canto: —

Противна чернь мне, таинствам чуждая!
Уста сомкните! Ныне, служитель муз,

Еще не слыханные песни
Девам и юношам запеваю.

(Перевод З. Морозкиной)

Девушки, если бы они попытались пройти или проскакать сквозь игривые Горациевы инверсии речи и желания, могли бы быть приятно шокированы отшлифованным эпикурейством этих од. Поэт изображает радости дружбы, пищи и питья, занятий любовью; услышав все эти хвалы, нелегко догадаться, что их автор был затворником, который ел мало, а пил еще меньше. Зачем беспокоиться о римской политике и войнах? — спрашивает он (предвосхищая вопрос, вертящийся на языке у читателя этих строк). Зачем с такой кропотливостью выстраивать планы на будущее, которое все равно посмеется над нами и нашими планами? Молодость и красота коснутся нас и унесутся; давай насладимся ими сейчас, —

Пока мы живы, лучше под пинией
Иль под платаном стройным раскинуться,
Венком из роз прикрыв седины,
Нардом себя умастив сирийским... ⁴²

(Перевод Г. Церетели)

Даже сейчас, пока мы беседуем, время убегает прочь; пользуйся случаем, *carpe diem*, «срывай день» ⁴³. Он распевает литании тем распущенным дамам, которых, по его словам, когда-то любил: Лалаге, Гликере, Неэре, Инахе, Кинаре, Кандии, Лике, Пирре, Лидии, Тиндариде, Хлое, Филиде, Миртале. Мы не обязаны верить всем его признаниям; это не что иное, как литературная условность, почти обязательная в его дни; те же дамы или те же имена служили и другим перьям. Ставший теперь добродетельным, Август не был обманут этими литературными прелюбодействами; он был рад найти среди од величественные похвалы своему царствованию, своим победам, помощникам, моральным реформам, а главное — августовскому миру. Знаменитая застольная песнь Горация — *Nunc est bibendum* ⁴⁴ — была написана по получении известия о смерти Клеопатры и захвате Египта; даже его искушенная душа содрогнулась при мысли о победоносности и величии Империи, раздвинув-

шей свои пределы как никогда широко. Он предостерегал своих читателей, что новые законы не могут заменить старинной нравственности; он сокрушался о распространении роскоши и неверности, фривольности и циничного неверия. Вспоминая о минувшей войне, он восклицает:

Увы! Нам стыдно братоубийственных
Усобиц наших. Чем не преступны мы?
Чего еще не запятнали
Мы, нечестивцы?...⁴⁵

(Перевод Н. Гинцбурга)

Рим может спасти только возвращение к простоте и постоянству древних нравов. Скептик, который находил затруднительным верить во что-либо, склонив седую голову перед старинными алтарями, признавал, что без мифа народ погибает, и милостиво служил свои пером недомогающим богам.

В мировой литературе нет ничего, что хоть сколько-нибудь напоминало бы эти стихотворения — изысканные и все же мощные, утонченные и мужественные, лукавые и серьезные, так совершенно прячущие свое искусство, скрывающие с мнимой легкостью труд, стоящий за ними. Это музыка иного лада, чем Вергилиева, менее мелодичная и более умственная, предназначенная не для юношей и девушек, но для художников и философов. Редко мы обнаружим в них страсть, или энтузиазм, или «изысканную словесность»; выбор слов прост, даже если предложение поставлено на голову. Но в лучших одах мы слышим гордость и величавость мысли, словно к нам обращается император, и его речь не из букв, но из бронзы:

Exegi monumentum aere perennius
regalique situ pyramidum altius,
quod non imber edax, non Aquilo impotens
possit diruere, aut innumerabilis
annorum series et fuga temporum.
Non omnis moriar.⁴⁶

Создал памятник я, бронзы литой прочней,
Царственных пирамид выше поднявшийся.
Ни снедающий дождь, ни Аквилон лихой
Не разрушат его, не сокрушит и ряд
Нескончаемых лет — время бегущее.
Нет, не весь я умру...⁴⁵

(Перевод С. Шервинского)

Изруганная толпа проигнорировала «Оды», критики порицали их за несколько утомляющее слух и глаз мастерство, пуритане выступили против любовных песен. Август объявил «Оды» бессмертными, просил написать четвертую книгу, в которой прославлялись бы свершения Друза и Тиберия в Германии, и выбрал Горация на роль поэта, которому предстоит написать сагмен саекуляре для Столетних Игр. Гораций откликнулся на этот призыв, но без вдохновения. Усилие и напряжение, с которыми он работал над «Одами», истощили его. В своем позднем творчестве он вновь позволяет себе расслабиться в разговорных гекзаметрах «Сатир» и пишет непринужденные «Послания». Он всегда хотел быть философом; наконец он полностью посвящает

себя мудрости, пусть и оставаясь *causeur*. Поскольку философ — это всегда умерший поэт и полумертвый теолог, Гораций, которому было теперь сорок пять, вполне созрел для того, чтобы рассуждать о Боге и человеке, морали, литературе и искусстве.

Самое знаменитое из этих писем, названное позднейшими критиками «Искусством поэзии», было обращено к Пизонам — каким-то неведомым нам членам рода Пизонов; это был не правильный трактат, а нечто наподобие дружеских советов, как писать. Избери предмет, который тебе по силам, говорит Гораций; остерегайся трудиться, как гора, и в конце концов разродиться мышью⁴⁷. Идеальное произведение одновременно и наставляет и развлекает: «Всех соберет голоса, кто мешает приятное с пользой» (*перевод М. Гаспарова*) — *omne tulit punctum qui miscuit utile dulci*⁴⁸. Избегай новых, устаревших, не лежащих в размер слов. Будь настолько краток, насколько позволяет ясность. Сразу же устремляйся к существу дела — *in medias res*. Когда сочинишь стихи, не думай, пожалуйста, что чувство — это все. Справедливо, что ты должен испытывать какие-то чувства, если хочешь, чтобы ими проникся и читатель (*si vis me flere, dolendum est primum ipsi tibi*)⁴⁹. Но искусство — это нечто большее, чем эмоции; это — форма (еще один вызов романтическому стилю со стороны классицизма)*. Чтобы научиться форме, днем и ночью изучай греческий; правь почти все, что написал; борись со всеми «пурпурными заплатками» (*purpureus rannus*); покажи свое произведение знающему критику и храни его подальше от своих друзей. Если после всего этого от него еще что-нибудь останется, отложи его в сторону лет на восемь; если и по их истечении тебе не кажется предпочтительным забыть о нем, что ж — тогда можно его обнародовать. Но помни: назад его уже не заберешь, разве что только поможет время и предаст его спасительному забвению: *verba volant, scripta manent*. Если ты пишешь драму, то пусть сюжет движут не слова, а действие, и пусть оно же станет главным источником характеристики персонажей. Не нагромождай на сцене ужасов. Соблюдай единство действия, времени и места: пусть сюжет будет единым, охватывает небольшой промежуток времени и протекает в одном и том же месте. Изучай жизнь и философию, потому что без наблюдения и понимания даже совершенный слог не более чем пустяк. *Sapere aude*: дерзни знать.

Гораций и сам подчинялся всем этим предписаниям. Правда, за исключением одного — он так и не научился плакать. Так как его чувства были слишком тонкими, а может, их просто скрывало молчание, он редко поднимался до того высокого искусства, которое придает форму искренней симпатии, или «чувствам, о которых вспоминаешь в безмятежности». Он был слишком светским человеком. *Nil admirari* — «ничему не удивляться»⁵⁰ — это, пожалуй, не лучший совет. Для поэта все должно оставаться дивом, даже такие вещи, которые встречают его каждый день, — как рассвет или дерево. Гораций наблюдал жизнь, но не слишком глубоко; он изучал философию, но настолько

* Почти забытый в средние века, Гораций занял подобающее ему место в семнадцатом и восемнадцатом веках, т.е. в эпоху новоевропейского классицизма, когда каждый политик и памфлетист, прежде всего в Англии, разменивал выражения поэта на прозаические клише. L'Art poétique Буало возродила Горациево послание Ad Pisones, и вплоть до Гюго французская драма находилась под остужающим и формирующим влиянием этой поэтики. «Эссе о критике» Поупа было нацелено на подобное подмораживание английской словесности, однако было растоплено пламенем Байрона.

упорствовал в приверженности «здравому смыслу»⁵¹, что только «Оды» понимаются выше «золотой середины»⁵². Он так же высоко ценил добродетель, как стоик, и так же ярко живописал наслаждение, как истинный эпикуреец. «Кто же тогда свободен?» — вопрошал он. И отвечал в духе Зенона:

Мудрец, который владеет собою:
Тот, кого не страшат ни бедность, ни смерть, ни оковы;
Кто не подвластен страстям, кто на почести смотрит с презреньем;
Тот, кто довлеет себе...⁵³

(Перевод М. Дмитриева)

Одна из благороднейших его од звенит стоической медью:

Iustum et tenacem propositi virum
si fractus inlabatur orbis
impavidum ferient ruinae —

Кто прав и к цели твердо идет, того...
Пускай весь мир, распавшись, рухнет —
Чуждого страха сразят обломки⁵⁴.

(Перевод Н. Гинцбурга)

И несмотря на все это, с подкупающей откровенностью он называет себя «поросенком Эпикурова стада»⁵⁵. Как и Эпикур, он придает дружбе значение большее, чем любви; как и Вергилий, он восхвалял реформы Августа и оставался холостяком. Он изо всех сил старался исповедовать какую-нибудь веру, но — веры у него не было никакой. Смерть, чувствовал он, — это конец всего⁵⁶.

Этой мыслью омрачены его последние дни. У него были свои недуги — трудности с желудком, ревматизм и много чего еще. «Годы, уходящие друг за другом, — скорбит он, — лишают нас, одной за другой, всех радостей»⁵⁷. Он обращается к другу:

О Постум, Постум! Как быстротечные
Мелькают годы! Нам благочестие
Отсрочить старости не может,
Нас не избавит от смерти лютой.⁵⁸

(Перевод З. Морозкиной)

Он вспоминал теперь, что в своей первой сатире он надеялся, когда наступит его время, уйти из жизни удовлетворенным, «словно гость, который наелся досыта»⁵⁹. Теперь он говорил себе:

Вдоволь уж ты поиграл, и вдоволь поел ты и выпил:
Время тебе уходить...⁶⁰

(Перевод Н. Гинцбурга)

Пятнадцать лет прошло с тех пор, как он говорил Меценату, что не переживет его надолго⁶¹. В 8 г. до н.э. Меценат умер, и несколькими месяцами позже Гораций последовал за ним. Он завещал свое имущество императору и был упокоен рядом с гробницей Мецената.

V. ЛИВИЙ

Прозаикам августовской эпохи не удалось достигнуть таких триумфов, как поэтам. Ораторское искусство понемногу стало угасать вместе с тем, как принятие законов и решений перешло в действительности из ведения сената и народных собраний в укромные комнаты императорского дворца. Наука продолжала движение все в том же тихом русле, защищенная от бурь настоящего призрачностью своих интересов. Только в исторической прозе удалось этой эпохе создать настоящий шедевр.

Родившийся в Патавии (Падуа) в 59 г. до н.э., Тит Ливий переехал в столицу, предался занятиям риторикой и философией и посвятил последние сорок лет своей жизни (23 г. до н.э.— 17 г. н.э.) написанию истории Рима. Это все, что мы о нем знаем; «у Историка Рима нет своей истории»^{62–63}. Как и Вергилий, он был выходцем из области По, сохранил старинные добродетели простоты и благочестия и — возможно, из-за пафоса расстояния — развил в себе страстное благоговение перед Вечным Городом. Его труд задумывался как широкомасштабное историческое полотно и был завершен; из его 142 «книг» до нас дошли только тридцать пять; поскольку эти книги занимают около шести современных томов, постольку мы можем сделать соответствующие выводы о величине целого. Очевидно, оно публиковалось частями, каждая из частей имела свое отдельное название, а все произведение имело общий подзаголовок *Ab urbe condita* — «От основания города». Август мог простить автору его республиканские сантименты и героев-республиканцев, ибо его религиозный, моральный и патриотический тон находился в полном согласии с политикой императора. Он завязал с историком дружбу и ободрял его, как Вергилия в прозе, который начинает там, где остановился поэт. На середине долгого путешествия по дорогам истории из 753-го в 9 г. до н.э. Ливий помышлял прервать свой труд на том основании, что уже заслужил прочную славу; он продолжил начатое, сообщает писатель, потому что не находил себе покоя, бросив писать⁶⁴.

Римские историки рассматривали историю как синтез риторики и философии: если мы можем им верить, они писали затем, чтобы украсить этические назидания красочным рассказом — убрать мораль в одежды легенды. Ливий прошел ораторскую школу; обнаружив, что ораторское ремесло подлежит цензуре и чревато опасностями, «он занялся историей, — говорит Тэн, — чтобы остаться оратором»⁶⁵. Он предпосылает своей «Истории» ригористичное предисловие, в котором осуждаются безнравственность, роскошь, изнеженность его времени; он погружается в прошлое, чтобы, по его словам, забыть о бедах современности, «когда мы ни наших болезней, ни лечения переносить не в силах». Посредством истории он хотел бы сделать зримыми те доблести, благодаря которым Рим приобрел свое величие — единство и святость семейной жизни, *pietas* детей, священность отношений между людьми и богами на всех поворотах истории, святость торжественного и высоко чтимого слова, стоическое самообладание и *gravitas*. Он хотел изобразить стоический Рим средоточием благородства, так, чтобы завоевание Средиземноморья представало перед нами как нравственный императив, божественный порядок и закон, наложенный на хаос Востока и варварство Запада. Полибий приписал торжество Рима форме его государственного устройства; Ливий хотел бы сделать его естественным следствием римского характера.

Главные недостатки его труда обусловлены именно этой, моральной, направленностью. Он дает множество поводов думать, что в частной жизни он был рационалистом; но его уважение перед религией настолько велико, что он принимает без сомнений любое суеверие и наводняет свои страницы знамениями, чудесами и оракулами, так что мы в конце концов начинаем понимать, что здесь, как и у Вергилия, подлинные действующие лица — это боги. Он открыто выражает сомнение в достоверности мифов о раннеримской истории; совсем уж невероятные он излагает с улыбкой; но чем дальше, тем меньше различает он историю и легенду, проявляет недостаток проницательности при отборе версий своих предшественников и принимает за чистую монету хвалебные выдумки, которыми более ранние историки пытались облагородить своих предков⁶⁶. Он редко пользуется оригинальными источниками или памятниками и никогда не утруждает себя посещением места событий. Иногда целые страницы представляют собой не что иное, как парафраз Полибия⁶⁷. Он принимает за основу старый жреческий метод анналов, излагая события по консульствам; как результат, у него мы не найдем, если не учитывать всепроникающую моральную тему, выведения причин, но только последовательность блестящих эпизодов. Он не проводит никаких различий между грубоватыми *patres* ранней Республики и аристократии своих дней, между мужественным плебсом, который явился творцом римской демократии, и продажной чернью, которая эту демократию разрушила. Все его предрассудки усвоены им от патрициев.

Патриотическая гордость, благодаря которой Рим на страницах Ливия всегда прав, и была главным секретом величия этого автора. Она наградила его нескончаемым блаженством во время труда над этой книгой. Редкому писателю удавалось с такой верностью первоначальному замыслу воплотить столь амбициозный план. Она дает почувствовать нам, как и первым читателям Ливия, грандиозность предназначения Рима. Имперское сознание стало одной из существеннейших составляющих энергичности Ливиева стиля, жесткости его характеристик, блеска и мощи описаний, царственной поступи прозы. Вымышленные речи, которыми изобилует его «История», являют собой шедевры ораторского мастерства и станут впоследствии школьными образцами. Обаяние, с которым действует на нас человеческая благовоспитанность, не ослабевает на протяжении всей книги: Ливий никогда не кликушествует, никогда не порицает своих героев с излишней суровостью. Его благожелательность шире его научного багажа и глубже его мысли. Она отказывает ему, и это вполне простительно, когда речь заходит о Ганнибале; но он искупает этот недостаток размахом и ослепительностью своего повествования, которые достигают кульминации в описании Второй Пунической войны.

Его читателей не заботили его погрешности и тенденциозность. Им пришли по душе его слог и занимательность, они гордились той живой картиной своего прошлого, которую набросал перед их взором Ливий. Они воспринимали *Ab urbe condita* как эпос в прозе, один из благороднейших памятников августовской эпохи и атмосферы. Начиная с этого времени именно книга Ливия на протяжении восемнадцати веков будет определять воззрения на римскую историю и характер. Даже читатели из покоренных стран не могли не подпасть под обаяние этой обширной летописи беспрецедентных завоеваний и титанических деяний. Плиний Младший сообщает, что некий испанец был настолько взволнован после чтения Ливия, что отправился из

дальнего Кадиса в Рим, надеясь встретить там Историка. Исполнив свое намерение и выразив свое восхищение, он пренебрег красотами города и, довольный, вернулся на свою атлантическую родину⁶⁸.

VI. ЛЮБОВНЫЙ БУНТ

Между тем поэзия по-прежнему процветала, правда, не на тех направлениях, на каких хотелось бы Августу. Только выдающиеся художники, как Вергилий или Гораций, были способны писать стихи по государственному заказу; люди, более выдающиеся, ответили бы на их месте отказом, менее выдающиеся — не смогли бы вымучить из себя и строчки. Из трех главных источников поэзии — религии, природы, любви — два были узурпированы императором; третий не подчинялся никаким законам, даже в одах Горация. Теперь поэзия нежно у Тибулла и Проперция, бесшабашно у Овидия стремилась ускользнуть из имперского бюро пропаганды и поднимала мятеж, который со все возрастающей веселостью приближался к трагической развязке.

Альбий Тибулл (54—19 гг. до н.э.), как и Вергилий, потерял землю, на которой трудились его предки, когда гражданская война достигла маленького городка Педа — близ Тибура, — в котором он появился на свет. От бедности его спас Мессала и взял в свою свиту, отправляясь на Восток. По дороге Тибулл захворал и вернулся в Рим. Он был счастлив освободиться от войны и политики; наконец-то он мог предаться бесполой любви и шлифовке элегического стиха в манере греков-александрійцев. К Делии (о которой нам кроме как из Тибулла ничего не известно и которая, возможно служила маской для многих женщин) он обращался с обычными мольбами, «восседая, словно привратник (*ianitor*), у ее неподатливых дверей»⁶⁹ и напоминая ей, как напоминали девушкам всегда и везде, что юность бывает только однажды и вскоре незаметно уходит навсегда. Его не беспокоило то обстоятельство, что Делия замужем; он отправлял мужа спать, подпоив его неразбавленным вином, но пылал негодованием, когда подобную шутку проделывал над ним ее новый возлюбленный⁷⁰. Эти старые мотивы могли не беспокоить Августа; Тибулла, Проперция и Овидия делал оппонентами правительства, с трудом находившего новых воинов для своей армии, убежденный антивоенный пафос, присущий всем членам этого преданного любви кружка. Тибулл смеется над воином, который стремится к безвременной смерти, когда, будь он поумнее, он мог бы вместо этого соблазнять женщин. Он оплакивает невозвратное царство Сатурна, когда, воображает он,

Не было ни войск, ни битвы в полях, ни гнева... Не было войн,
когда пили мужи из деревянных кубков... Люби меня, пусть другие
идут воевать...

Сколь же похвальнее тот, у кого безмятежная старость

В хижине малой гостит, внуков любимых растит!

Ходит он сам за отарой своей, а сын за ягненком;

Если ж устанет в трудах, воду согреет жена.

Быть бы таким! Да позволит судьба засиять сединою,

Вспомнить на старости лет были минувших времен!⁷¹

(Перевод Л. Остроумова)

Секст Проперций (49—15 гг. до н.э.) пел более изощренные и не такие нежные песни, украшая их ученым орнаментом, но и он был поэтом все той же идиллии миролюбивого распутства. Рожденный в Умбрии, получивший образование в Риме, он рано начал писать стихи; и хотя немногие читатели могли извлечь его мысли из тех кладезей учености, в которые те были погружены, Меценат привлек его к встречам своего кружка на Эсквилине. Он с гордостью и удовольствием описывает устраивавшиеся здесь, на берегу Тибра, трапезы, когда пирующие пили лесбосское вино из чаш, узор на которые нанесли великие художники, и, сидя на троне среди прелестных женщин, он смотрел на скользящие по реке корабли⁷². Чтобы порадовать своего покровителя и принцепса, Проперций время от времени заставлял свою лиру бряцать во славу войны; но своей любовнице Кинфии он напевал совсем иные мелодии: «Зачем растить сыновей для парфянских триумфов? Ни один из наших детей не будет солдатом»⁷³. Даже вся военная слава мира, уверял он ее, не стоит единственной ночи с Кинфией⁷⁴.

Образцом и поэтом-лауреатом всех этих легкосердечных и легкомысленных эпикурейцев, проводивших свои жизни в подъемах и спусках с горы Венеры, был Публий Овидий Назон. Он родился в 43 г. до н.э. в Сульмоне (Солома), в прекрасной долине у подножия Апеннин, приблизительно в девяноста милях к востоку от Рима; каким прекрасным из холодной ссылки последних его лет должен был казаться ему Сульмон со своими виноградниками, оливковыми рощами, хлебными полями и потоками. Его богатый отец, принадлежавший к среднему классу, отправил его в Рим изучать право и был неприятно поражен, узнав, что мальчик хотел бы стать поэтом; он указал пареньку на ужасную судьбу Гомера, который, согласно самым авторитетным свидетельствам, умер в слепоте и бедности. Получив этот урок, Овидий предпринял попытку занять пост судьи в преторском суде. Затем, к ужасу отца, он отказался от участия в квесторских выборах (благодаря квестуре он мог сделаться сенатором) и занялся вдали от политических и общественных забот литературой и любовью. В свое оправдание он приводил то обстоятельство, что поэтом он был по рождению: «Сами собою слова слагались в мерные строчки»⁷⁵ (перевод С. Ошерова).

Овидий на досуге бывал в Афинах, на Ближнем Востоке, на Сицилии, а возвратившись, примкнул к самым раскованным столичным кругам. Располагая обаянием, остроумием, образованностью и деньгами, он мог открыть перед собой все двери. В молодости он был дважды женат, дважды разведен, а затем какое-то время щипал траву на публичных пастбищах. «Пусть другим по нраву прошлое,— пел он.— Я поздравляю себя с тем, что родился в этот век, нравы которого так мне подходят»⁷⁶. Он смеялся над «Энеидой», иронически заключая, что так как основателем Рима был сын Венеры, то из одного только благочестия следует превратить его в город любви⁷⁷. Он потерял голову из-за прекрасной куртизанки, чью анонимность или собирательность он прячет под именем Коринны. Его пикантным куплетам на эту тему не пришлось долго искать издателя; под названием *Amores* («Любовные элегии») они вскоре (14 г. до н.э.) были на устах и лирах римской молодежи. «Со всех сторон на меня сыплются вопросы: люди хотят узнать, кто такая Коринна, о которой я пою»⁷⁸. Во второй книге он озадачивает читателя, выступая с манифестом промискуитета:

Определенного нет, что любовь бы мою возбуждало,
Поводов сотни — и вот я постоянно влюблен!
Стоит глаза опустить какой-нибудь женщине скромно,—
Я уже весь запылал, видя стыдливость ее.
Если другая смела, так, значит, она не простушка,—
Будет, наверно, резва в мягкой постели она.
Встретится ль строгая мне, наподобье суровых сабинок,—
Думаю: хочет любви, только скрывает — горда!
Коль образованна ты,— так нравишься мне воспитаньем...
Эта походкой пленит, а эта пряма, неподвижна,—
Гибкою станет она, ласку мужскую познав.
Сладко иная поет, и льется легко ее голос,—
Хочется мне поцелуй и у певички сорвать.
Эта умелым перстом пробегает по жалобным струнам,—
Можно ли не полюбить этих искуснейших рук?
Эта в движении пленит, разводит размеренно руки,
Мягко умеет и в такт юное тело сгибать.
Что обо мне говорить — я пылаю от всякой причины,—
Тут Ипполита возьми: станет Приапом и он...
Ты меня ростом пленишь, героиням древним подобна,—
Длинная, можешь собой целое ложе занять.
Эта желанна мне тем, что мала; прельстительны обе,
Рослая, низкая — все будят желанья мои...
Словом, какую ни взять из женщин, хвалимых в столице,
Все привлекают меня, всех я добиться хочу! ⁷⁹

(Перевод С. Шервинского)

Овидий так оправдывается за то, что не воспевает славу войны: явился Купидон, похитил из его стиха стопу и оставил строку хромать ⁸⁰. Он написал утраченную для нас драму «Медея», которая была встречена доброжелательно, но по большей части он предпочитал «праздный полумрак Венеры» и довольствовался репутацией «знаменитого певца своих недостойных похощений» ⁸¹. Здесь — песни трубадуров, написанные на тысячу лет раньше времени, обращенные, как и те, к замужним дамам, превращающие ухаживание в главное дело жизни. Овидий наставляет Коринну, как объясняться с ним знаками в то время, когда она находится на ложе мужа ⁸². Он уверяет ее в своей вечной преданности, в том, что его распутство — исключительно моногамно: «Я не какой-нибудь ветреный волокита и не из тех, кто любит сотню женщин одновременно». В конце концов он одерживает победу и возглашает победный пеан. Он хвалит ее за то, что она так долго его отвергала, и советует отвергать снова, не раз и не два, так, чтобы его любовь никогда не остыла. Он ссорится с ней, бьет ее, раскаивается, жалуется, любя ее после всего этого еще неистовей, чем прежде. На манер Ромео, он просит зарю помедлить и надеется, что какой-нибудь блаженный ветер сломает ось колесницы Авроры. Коринна, стоит поэту отвернуться, обманывает его, и он гневается, обнаруживая, что, по ее мнению, стихи — недостаточная плата за ее услуги. Она самозабвенно целует его, но он не может простить ей появившуюся в ее ласках новую искушенность; она выучилась этим новым приемам у какого-то другого наставника ⁸³. Несколькими страницами далее он «влюблен в двух девушек сразу; каждая из них прекрасна, каждая со вкусом одета и образованна» ⁸⁴. Вскоре, опасается он, его двойные обязанности погубят его; однако он счастлив пасть на поле любви ⁸⁵.

Эти стихотворения были терпимо восприняты в Риме через четыре года после принятия Юлиевых законов. Славные сенаторские семьи, как Фабии, Корвины, Помпонии, продолжали принимать Овидия в своих домах. Окрыленный успехом, поэт выпускает пособие по соблазнению, называвшееся *Ars amatoria* (2 г. до н.э.). «Я был назначен Венерой,— говорит он,— быть учителем нежной любви»⁸⁶. Он невинно предупреждает читателя, что его рецепты применимы только к куртизанкам и рабыням, но изображенные им передачи шепотом тайных сообщений, секретные свидания, обмен любовными посланиями, подшучивания и остроумные выходки, обманутые мужья, находчивые служанки — все это позволяет думать скорее о средних и высших классах Рима. На случай, если его предписания окажутся чересчур сильнодействующими, он составляет еще один трактат, *Remedia amoris*, посвященный исцелению от любви. Лучшее средство — работа, затем — охота, наконец — отъезд; «неплохо также навестить вашу даму утром, без предупреждения, до того, как она завершит свой туалет»⁸⁷. Наконец, чтобы окончательно подвести баланс, он написал *De medicamina faciei femineae*, стихотворный учебник по применению косметики, составленный на основе греческих источников. Эти небольшие книжки продавались настолько хорошо, что Овидий воспарил к высотам дерзкой славы. «До тех пор, пока моя слава гремит по всему миру, мне дела нет до того, что говорят обо мне один-два крючкотвора»⁸⁸. Он не знал, что одним из этих крючкотворов был Август, что принцепс был возмущен его стихами как атакой на Юлиевы законы. Август не забудет об этой атаке, и скандал в императорском семействе коснется головы беспечального поэта.

Около третьего года нашей эры Овидий женился в третий раз. Его новая жена принадлежала к одному из самых выдающихся семейств Рима. Сорокашестилетний поэт наконец остепенился и, кажется, жил со своей Фабией во взаимной любви и верности. Возраст сделал с ним то, чего не удалось достигнуть закону; он остудил его пламя и придал его поэзии респектабельность. В «Героидах» он вновь излагает историю любви знаменитых женщин — Пенелопы, Федры, Дидоны, Ариадны, Сафо, Елены, Геро; излагает, пожалуй, слишком пространно, ибо повторение может сделать скучной даже любовь. Поразительна, однако, сентенция Федры, в которой выразилась философия Овидия: «Юпитер постановил, что добродетель — это все то, что приносит удовольствие»⁸⁹. Около 7 г. н.э. поэт опубликовал самое крупное из своих творений — «Метаморфозы». Эти пятнадцать «книг» перечисляли в превосходных гекзаметрах знаменитые превращения неодушевленных предметов, животных, смертных и богов. Поскольку практически все в греческих и римских мифах меняло свой образ, данная схема позволяла Овидию охватить все царство классической мифологии от сотворения мира до обожествления Цезаря. Эти древние сказания еще поколение назад были, что называется, на слуху в каждом колледже, и до сих пор еще не окончательно стерлись из памяти колесница Фазтона, Пирам и Фисба, Персей и Андромела, похищение Прозерпины, Аретуса, Медея, Дедал и Икар, Филемон и Бавкида, Орфей и Эвридика, Аталанта, Венера и Адонис и много других; это — сокровищница, из которой черпали свои сюжеты сотни тысяч стихотворений и поэм, картин и статуй. Если кому-то необходимо сегодня познакомиться со старыми мифами, то нет более легкого пути, чем вчитаться в этот калейдоскоп людей и богов — в эти истории, рассказанные с веселым скепсисом и подчеркиванием любовной стороны дела, отделанные с таким терпеливым искусством, кото-

рое не по плечу обыкновенному ремесленнику. Неудивительно, что в конце поэмы уверенный в себе поэт провозглашает себя бессмертным: *per saecula omnia vivam* — «Я буду жить в веках».

Не успел он написать эти слова, как пришло известие о том, что Август отправляет его в изгнание в холодные и варварские Томи на Черном море — малопривлекательную даже и сейчас Констанцу. К этому удару поэт, которому недавно исполнился пятьдесят один год, был совершенно не готов. Он только что сочинил и поместил в конце «Метаморфоз» изящную хвалу императору, чью государственную деятельность Овидий теперь рассматривал как источник того мира, той безопасности и роскоши, которыми наслаждалось его поколение. Он наполовину завершил «Фасты», почти благочестивую поэму, прославляющую религиозные праздники римского календаря. В этих стихах он пытался превратить календарь в эпос, применив к сказаниям старинной религии и благоговейным описаниям ее святых и богов ту же прозрачную легкость, то же изящество слова и фразы, тот же ровный поток ароматного повествования, которыми отмечены его изложение греческой мифологии и изображение римской любви. Он надеялся посвятить это произведение Августу в качестве своего вклада в религиозную реставрацию и как оправдательную палинодию вере, которая была когда-то предметом его насмешки.

Император не объяснял мотивы своего указа, и никому сегодня не дано с полной уверенностью говорить о причинах ссылки. Однако император оставил некоторую зацепку, так как одновременно с поэтом была отправлена в изгнание и внучка Августа Юлия, а книги Овидия подлежали изъятию из публичных библиотек. Очевидно, Овидий сыграл какую-то роль в неблагоприятных поступках Юлии — то ли как свидетель, то ли как сообщник или главный виновник. Сам он заявлял, что наказан за «ошибку» и свои стихи, и намекал, что оказался невольным свидетелем какой-то непристойной сцены⁹⁰. Ему позволили посвятить остаток года улаживанию своих дел (8 г. до н.э.). Приговор представлял собой *relegatio*, будучи наказанием более мягким, чем изгнание, так как поэту сохранили его имущество, более суровым — так как ему приходилось безотлучно оставаться в одном городе. Он сжег свои рукописи «Метаморфоз», но некоторые читатели уже сделали к тому времени копии и спасли их. Большинство друзей избегали его⁹¹; немногие рисковали попасть под удар молнии, находясь рядом с ним до самого отъезда; жена, которая по его настоянию оставалась в Риме, поддерживала его своей привязанностью и преданностью. В остальном Рим не обратил внимания на то, как певец его радостей отплыл из Остии, пустившись в далекий путь, прочь ото всего, что любил. Море было беспокойно почти все путешествие, и в какой-то момент поэт решил, что волны захлестнут корабль. Когда он увидел Томи, то пожалел, что пережил бурю, и впал в беспросветное уныние.

Еще во время плаванья он начал сочинять стихи, известные под именем *Tristia*, «Скорбные элегии». Теперь он продолжил работу над ними и посылал их жене, дочери, падчерице и друзьям. Возможно, чувствительный римлянин преувеличивал ужасы своего нового окружения: безлесая гора, где ничего не растет, закрыта от солнца эвксинскими туманами; холод настолько жестокий, что в иные годы снег оставался лежать все лето; Черное море, которое схватывается льдом в мрачные зимы, и Дунай, настолько замерзший, что перестает быть препятствием для живущих в глубине материка варваров, которые

совершают набеги на город, представляющий собой смесь носящего ножи гетского населения и греков-полукровок. Когда он думал о римском небе и полях Сульмона, сердце было готово разорваться на части, и его поэзия — по-прежнему прекрасная по форме и словесному выражению — проникла в такие глубины эмоционального мира человека, каких ей не доводилось постичь никогда прежде.

Этот сборник *Tristia* и стихотворные письма друзьям *Ex Ponto* — «С Понта», или Черного моря, — почти настолько же очаровательны, как и его более крупные произведения. Простота словаря, благодаря которой ими может наслаждаться даже школьник; живо обрисованные сцены — образные и пронизательные; полные жизненности характеры, намеченные не без изящного психологизма; емкие формулы опыта или мысли*; неослабевающая прелесть речи и текучая легкость строки — все это осталось при нем и в ссылке, но к этим качествам присоединились серьезность и нежность, отсутствие которых делает ранние стихи Овидия недостойными человека. Силы характера он так никогда и не обрел. Как когда-то он вредил своей поэзии поверхностной чувственностью, так и теперь он заливал свои строки слезами и наполнял их мольбами и лестью в адрес принцепса.

Он завидовал своим стихотворениям, которые могли попасть в Рим. «Иди, моя книжка, и поприветствуй от моего имени те места, которые я люблю... и дорогую землю родины»⁹². Возможно, выражает он вслух надежду, какой-нибудь смелый друг покажет стихи готовому смягчиться императору. Он не перестает рассчитывать на прощение и просит в своих посланиях позволить ему жить в более теплом и уютном доме. Он каждый день думает о жене и зовет ее по ночам; он молится о том, чтобы перед смертью ему было позволено поцеловать ее побелевшие волосы⁹³. Но прощения не было. После девяти лет ссылки сломленный шестидесятилетний поэт радостно встретил смерть. Его прах, как он и просил, был перевезен в Италию и погребен вблизи столицы.

Время оправдало его пророчество о долгой славе. В средние века его влияние не уступало влиянию Вергилия; «Метаморфозы» и «Героиды» стали богатым источником для средневекового романа; Бокаччо и Тассо, Чосер и Спенсер щедрой рукой черпали из Овидия; и художники Возрождения нашли настоящий клад в его чувственных стихах. Он был великим романтиком классической эпохи.

С его смертью завершился один из величайших в истории периодов расцвета литературы. Августовская эпоха не была временем создания наивысших литературных шедевров, как Периклова или Елизаветинская эпохи; даже в лучших образцах ее прозы присутствует слишком помпезная риторичность, а ее поэзия слишком технически совершенна, чтобы являться истинным выражением человеческой души. Мы не найдем здесь ни Эсхила, ни Еврипида, ни Сократа, ни даже своего Лукреция или Цицерона. Римская литература вдохновлялась и подпитывалась, подавлялась и ограничивалась императорским покровительством. Аристократическая эпоха — как эпоха Августа, или Людовика XIV, или Англия восемнадцатого столетия — превозносит умеренность и хоро-

* Например, *video meliora proboque, deteriora sequor* — «Я вижу и одобряю лучшее, но следую худшему»; *est deus in nobis agitante calescimus illo* — «Есть в нас некий бог; под его действием мы храним жизненное тепло».

ший вкус и стремится в словесности к «классичности», что выражается в довлении разума и формы чувству и жизни. Литература такого рода носит более законченный характер и менее энергична, в ней больше зрелости и меньше непосредственного воздействия на читателя, чем в литературе страстных и творческих времен или гениев. Но в рамках классицизма эта эпоха вполне заслуживает своего имени. Никогда трезвое здравомыслие не выражалось с таким совершенным мастерством; даже озорное бражничество Овидия отлито в классические формы. В нем и Вергилий, и Гораций, и латинский язык как средство поэтического выражения достигают зенита; латынь никогда более не будет столь звучна и богата, столь изящна и сжата, столь податлива и мелодична.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Макробий, II, 4.
- ² Гораций. *Послания*, II, 1, 117.
- ³ Ювенал. *Сатиры*, I, 2; III, 9.
- ⁴ Марциал. *Эпиграммы*, I, 67, 118; Friedländer, III, 37.
- ^{4a} Lanciani. *Ancient Rome*, 183.
- ⁵ Овидий. *Скорбные элегии*, I, 1, 105.
- ⁶ Тацит. *Диалог об ораторах*, 13.
- ⁷ Тацит. *Диалог об ораторах*, 13.
- ⁸ Вергилий. *Эклоги*, I, 46.
- ⁹ Там же, I, IX.
- ¹⁰ Светоний. *О поэтах*, «Вергилий», 9.
- ¹¹ Вергилий. *Георгики*, III, 284.
- ¹² Там же, I, 145.
- ¹³ Там же, II, 490.
- ¹⁴ См.: Duff, *Literary History of Rome*, 445.
- ¹⁵ *Георгики*, III, 46.
- ¹⁶ *Энеида*, VI, 860 сл.; Светоний, «Вергилий», 31.
- ¹⁷ *Энеида*, II, 293.
- ¹⁸ Там же, IV, 331–361.
- ¹⁹ Там же, VI, 126.
- ²⁰ Там же, VI, 852.
- ²¹ Там же, IV, 508.
- ²² Светоний, 23.
- ²³ Там же, 43.
- ²⁴ Вольтер (*Философский словарь*), статья «Эпическая поэзия».
- ²⁵ Светоний. *О поэтах*, «Гораций».
- ²⁶ Гораций. *Оды*, III, 2.
- ²⁷ *Эподы*, II, 2, 41.
- ²⁸ *Сатиры*, I, 1.
- ^{28a} *Послания*, I, 16; Rostovtzeff *Social and Economic History of the Roman Empire*, 61.
- ²⁹ Гораций. *Сатиры*, II, 5.
- ³⁰ Там же, II, 7, 105.
- ³¹ Там же, 23.
- ³² Там же, I, 1, 69.
- ³³ *Оды*, II, 10.
- ³⁴ *Сатиры*, I, 1, 105.
- ³⁵ Там же, II, 1, 1.
- ³⁶ *Оды*, III, 29, 12.
- ³⁷ *Сатиры*, II, 6, 60.

- ³⁸⁻³⁹ Оды, III, 16, 29.
⁴⁰ Эподы, II, 1.
⁴¹ Петроний. *Сатирикон*, 118.
⁴² Оды, II, 11.
⁴³ Оды, I, 9.
⁴⁴ Оды, I, 28.
⁴⁵ Оды, I, 35.
⁴⁶ Оды, III, 30.
⁴⁷ *Искусство поэзии*, 139.
⁴⁸ Там же, 343.
⁴⁹ Там же, 102.
⁵⁰ *Послания*, I, 6, 1.
⁵¹ Оды, II, 3.
⁵² Там же, II, 10.
⁵³ *Сатиры*, II, 7, 83.
⁵⁴ Оды, III, 3.
⁵⁵ *Послания*, I, 4, 16; ср. I, 17.
⁵⁶ *Сатиры*, II, 6, 93.
⁵⁷ *Послания*, II, 2, 55.
⁵⁸ Оды, II, 14.
⁵⁹ *Сатиры*, I, 1, 117.
⁶⁰ *Послания*, II, 2, 214.
⁶¹ Оды, II, 17.
⁶²⁻⁶³ Taine, H., *Essai sur Tite Live*, 1.
⁶⁴ Плиний. *Естественная история*, посвящение.
⁶⁵ Taine, ук. место.
⁶⁶ Напр., Ливий, II, 48.
⁶⁷ Напр., Ливий, XLV, 12 ср. Полибий, XXIX, 27; или Ливий, XXIV, 34 ср. Полибий, VIII, 5.
⁶⁸ Плиний. *Письма*, II, 3.
⁶⁹ Тибулл, I, 1.
⁷⁰ Там же, I, 6.
⁷¹ Там же, I, 3, 10.
⁷² Проперций, II, 34, 57.
⁷³ Там же, II, 6.
⁷⁴ Там же, I, 8.
⁷⁵ Овидий. *Скорбные послания*, IV, 10.
⁷⁶ Овидий. *Искусство любви*, 157.
⁷⁷ Там же, 99.
⁷⁸ Там же, 171.
⁷⁹ *Любовные элегии*, II, 4.
⁸⁰ Там же, I, 1; II, 18.
⁸¹ Там же, II, 1.
⁸² Там же, I, 4.
⁸³ Там же, II, 5.
⁸⁴ Там же, II, 10.
⁸⁵ Там же, III, 7; II, 10.
⁸⁶⁻⁸⁹ *Искусство любви*, 97.
⁹⁰ *Лекарства от любви*, 183.
⁹¹ Там же, 194.
⁹² *Героиды*, IV.
⁹³ *Скорбные элегии*, II, 103.

ГЛАВА 13

Оборотная сторона монархии

14—96 гг. н.э. *

1. ТИБЕРИЙ

КОГДА великие мира сего снисходят до чувства, люди начинают больше любить их; когда чувства определяют политику, империи колеблются до основания. Выбрав Тиберия, Август поступил мудро, но выбрал он его слишком поздно. Когда терпеливостью талантливого военачальника Тиберий спасал государство, император почти любил его. «До свидания,— заканчивалось одно из его писем,— самый милый из людей... самый доблестный из людей, самый добросовестный из полководцев»¹. Затем родственные чувства ослепили Августа, как позднее они ослепят Аврелия. Он отстранил Тиберия от дел ради своих прелестных внуков; заставил его отказаться от счастливого брака, чтобы стать рогоносцем — мужем Юлии; был недоволен его недовольством и позволил ему медленно стариться в занятиях философией на Родосе. Когда принцепсом стал Тиберий, ему было уже сорок пять, он являл собой лишенного всяких иллюзий мизантропа, которому власть не приносила счастья.

Чтобы понять его, мы должны помнить, что он был выходцем из рода Клавдиев; с ним начиналась Клавдиева ветвь династии Юлиев-Клавдиев, которая пресеклась Нероном. От обоих родителей он унаследовал самую гордую кровь Италии, самые узкие предрассудки, самую непреклонную волю. Он был высок, могуч, черты лица его были привлекательны; однако прыщи подчеркивали его робость, его неуклюжие манеры, его унылость и неверие в свои силы, наконец, любовь к уединению². Изящный бюст Тиберия, хранящийся в Бостонском музее, показывает его молодым жрецом с широким лбом, большими глубокими глазами, задумчивым выражением лица; он был в юности настолько серьезен, что шутники называли его «стариком». Он получил все образование, которым его могли одарить Рим, Греция, окружение и ответственность; он хорошо знал классические языки и литературы, писал лирические стихи, по-любительски занимался астрологией и «презирал богов»³. Он любил брата Друза, несмотря на то, что молодой человек превосходил его своей популярностью; он был преданным мужем Випсании и настолько щедр к друзьям, что те могли безопасно преподносить ему подарки, надеясь получить сторицей. Самый жестокий и самый способный полководец своего времени, он заслужил восхищение и привязанность солдат, так как заботился обо всех мелочах их довольствия и выигрывал сражения стратегией, а не кровью.

Его добродетели сокрушили его. Он верил рассказам, в которых шла речь о *mos maiorum*, и хотел, чтобы суровые качества старого Рима возродились в новом Вавилоне; он одобрял моральные реформы Августа и дал ясно понять,

* В дальнейшем все даты, за исключением специально отмеченных случаев,— нашей эры.

что намерен проводить их в жизнь. Ему была совсем не по вкусу та этническая мешанина, которая варилась в римском котле; он давал хлеб, но не зрелища, и раздражал толпу тем, что не появлялся на играх, устраивавшихся богачами. Он был убежден, что спасти Рим от вырождения и опошления может только стоический аристократизм вкупе с утонченностью вкуса. Но аристократия, как и народ, не могла переносить его «жестокость» и спокойное выражение лица, его неторопливую речь и длинные паузы, зримое сознание своего собственного превосходства и, что хуже всего, неумолимую экономию общественных средств. Он родился не в свое время — стойком в эпикурейский век — и был слишком честен и холоден, чтобы научиться искусству Сенеки вызывать прекрасными словами к одному учению и жить при этом с подкупающим постоянством по заветам другого.

Через четыре недели после смерти Августа Тиберий появился перед сенатом и предложил восстановить Республику. Он не пригоден к тому, заявил он, чтобы править таким огромным государством; «пусть не возлагают на него одного всю полноту власти в государстве, которое опирается на столько именитых мужей; нескольким объединившим усилия будет гораздо легче справляться с обязанностями управления»⁴. Не рискуя ловить его на слове, сенат обменивался с ним любезностями до тех пор, пока он не согласился в конце концов принять власть «как жалкое и обременительное рабство», надеясь, что однажды сенат позволит ему удалиться от дел и жить свободным частным человеком⁵. Обе стороны показали себя превосходными актерами. Тиберий желал принцепата, иначе он нашел бы способ избежать его; сенат боялся и ненавидел Тиберия, но в страхе отступал и от восстановления Республики, которая, как и старая Республика, должна была бы опираться на теоретически суверенные народные собрания. Ему хотелось, чтобы демократии было меньше, ни в коем случае не больше; он с радостью принял предложение Тиберия (14 г. до н.э.) о передаче ему полномочий центуриатных комиций (*comitia centuriata*) по выбору должностных лиц государства. Граждане некоторое время были этим нововведением недовольны, скорбя о потере денег, которыми раньше покупались их голоса. Единственной политической властью, оставленной теперь для простого человека, было право выбирать нового императора посредством убийства старого. После Тиберия демократия перекочевала из народных собраний к армии и голосовала при помощи меча.

Кажется, ему и впрямь была не по душе монархия, и он считал себя административным главой и исполнителем постановлений сената. Он отверг все титулы, от которых отдавало царским душком, довольствовался прозвищем *princeps senatus*, пресек все попытки обожесть его или установить почитание его *гения*, явно обнаружив при этом свое отвращение к лести. Когда сенат хотел назвать месяц его именем, как это было сделано в честь Цезаря и Августа, он отверг лестное предложение, прибегнув к услугам суховатого юмора: «А что вы будете делать, если Цезарей окажется тринадцать?»⁶ * Он отказался от предложения пересмотреть список сенаторов. Его любезность по отношению к этому древнему «собранию царей» оставалась непревзойденной; он посещал его заседания, выносил на обсуждение «даже

* Можно думать, что сенат поймал его на слове и разделил год на тринадцать месяцев по двадцать восемь дней каждый, со вставным праздничным днем (в високосные годы — двумя) в конце года.

незначительнейшие вопросы», присутствовал на сессиях и высказывался как простой сенатор, часто оказывался в меньшинстве и не протестовал, если проводились постановления, противоречившие его ясно выраженному мнению⁷. «...И непочтительность, и злословие, и оскорбительные о нем стишки,— согласно Светонию,— он переносил терпеливо и стойко, с гордостью заявляя, что в свободном государстве должны быть свободны и мысль и язык»⁸. Его назначения, допускает даже враждебный ему Тацит, производились достаточно разумно.

Воздавалось должное уважение консулам, должное — преторам; беспрепятственно отправляли свои обязанности и низшие магистраты. Повсюду, кроме судебных разбирательств об оскорблении величия, неуклонно соблюдались законы... Вести личными своими доходами Цезарь обычно поручал честнейшим людям... Заботился он и о том, чтобы во избежание волнений в провинциях их не обременяли новыми тяготами, и они безропотно несли старые, не будучи возмущаемы алчностью и жестокостью магистратов... Рабы Цезаря были доброго поведения... Если случались у него тяжбы с частными лицами, то разрешали их суд и законы⁹.

(Перевод А.С. Бобовича)

Этот медовый месяц Тиберия продолжался девять лет, в течение которых Рим, Италия и провинции наслаждались лучшим правлением в своей истории. Не прибегая к дополнительным налогам, несмотря на множество пожертвований попавшим в беду семьям и городам, заботливое восстановление поврежденного общественного имущества, отсутствие приносящих пожизну войн и отказ от завещаний, сделанных в пользу принцепса лицами, у которых были дети или близкие родственники, Тиберий, найдя в момент своего вступления в высшую власть в государственной казне 100 000 000 сестерциев, оставил в ней после смерти 2 700 000 000 сестерциев. Он стремился положить конец расточительству скорее личным примером, чем новыми законами. Он тщательно прорабатывал каждый аспект внешней и внутренней политики. Провинциальным губернаторам, желавшим собрать как можно больше доходов, он писал, что «добрый пастух будет стричь, а не обдирать своих овец»¹⁰. Хотя он и был искушенным воителем, он отказывался в качестве принцепса приписывать себе славу победителей на полях сражения; на четвертый год его долгого царствования Империя могла наслаждаться миром.

Именно эта миролюбивая политика немало повредила его дальнейшим успехам. Его статный и популярный племянник Германик, который был им усыновлен по смерти Друза, одержал в Германии несколько побед и намеревался продолжить ее покорение. Тиберий, к недовольству империалистически настроенного населения, был противником завоевания. Так как Германик был внуком Марка Антония, те, кто по-прежнему мечтал о восстановлении Республики, использовали его как символ своего дела. Когда Тиберий перевел его на Восток, половина Рима называла молодого военачальника жертвой зависти принцепса. Когда Германик внезапно захворал и умер (19 г. до н.э.), чуть ли не весь Рим подозревал Тиберия в отравлении. Гней Пизон, ставленник Тиберия в Малой Азии, был обвинен в этом преступлении и предстал перед судом сената; предвидя осуждение, он покончил с собой, чтобы сохранить свое иму-

щество для семьи. Фактов, которые свидетельствовали бы о вине или невиновности Тиберия, так и не появилось. Нам известно только, что он просил судить Пизона честно и что мать Германика Антония оставалась до конца своей жизни преданнейшим другом Тиберия¹¹.

Возбужденное участие общественности в том, что виделось ей защитой правого дела, непристойные рассказы о жизни императора и волнения, у истоков которых стояла жена Германика Агриппина, заставили Тиберия воспользоваться *lex Iulia de maiestate*, или законом о государственной измене, который был принят Цезарем, чтобы определить круг преступлений против государства. Так как Рим не знал общественных обвинителей или государственных прокуроров, а до Августа и полиции, каждый гражданин был вправе и обязан обвинить перед судом любого, кто, по его сведениям, нарушил закон. Если обвиняемый подвергался осуждению, *delator*, или «информатор», получал в награду четверть имущества приговоренного, а государство конфисковывало остальное. Август использовал эту устрашающую процедуру, чтобы придать силу своим законам о браке. Теперь, когда заговоры против Тиберия росли и множились, распространилось множество *delatores*, которые наживались на том, чтобы донести о них. Сторонники Тиберия в сенате были готовы сурово преследовать обвиненных в этом преступлении. Император пытался несколько умерить их пыл. Он прибегал к буквальному толкованию закона только против тех, кто оскорблял память или наносил вред статуям Августа. Но те, «кто злоумышлял против него,— говорит Тацит,— оставались безнаказанными». Он уверил сенат, что его мать Ливия хотела бы с такой же мягкостью отнестись и к тем, кто порочил ее доброе имя¹².

Сама Ливия тоже была теперь серьезной государственной проблемой. Неудачи Тиберия в попытках жениться снова лишили его защиты от женщины с сильной волей, привыкшей пользоваться в отношениях с сыном своим авторитетом. Она чувствовала, что путь к трону открылся для него благодаря именно ее маневрам, и она давала ему понять, что, будучи принцем, он не более чем ее представитель¹³. В начале царствования Тиберия, хотя ему и было уже под шестьдесят, его официальные письма подписывались также именем матери. «Однако не довольствуясь тем, что она фактически была соправительницей принцепса,— говорит Дион,— Ливия стремилась к превосходству над ним... и попыталась взять в свои руки все, словно была единоличной правительницей»¹⁴. Тиберий долго терпел подобное положение; но так как Ливия пережила Августа на пятнадцать лет, он в конце концов возвел для себя отдельный дворец и оставил в полное владение матери другой, построенный Августом. Молва обвиняла его в жестокости по отношению к ней, а также в том, что он уморил голодом сосланную жену. Тем временем Агриппина прочила своего сына Нерона в преемники Тиберия, рассчитывая, что при случае Нерон мог бы и сместить старого принцепса¹⁵. И к этому он относился с раздраженной терпимостью, позволив себе лишь однажды упрекнуть Агриппину словами греческого автора: «Тебе обидно, дочка, что не царствуешь?»*. Тяжелее всего ему было сносить сознание того, что его един-

* Агриппина, дочь Юлии и Агриппы, была приемной дочерью Тиберия благодаря его браку с Юлией и невесткой в силу усыновления им Германика. Ее сын Нерон был дядей, ее дочь Агриппина Младшая матерью императора Нерона.

ственный сын Друз, родившийся от первой жены, был бестолковым поведением — жестоким, невоспитанным и похотливым.

Самообладание, которое Тиберий проявлял перед лицом всех этих несчастий, неуклонно вело к нервному срыву. Он все больше и больше замыкался в себе, принимал все более суровое выражение лица и произносил все более строгие речи, отпугнув этим от себя всех, кроме самых надежных друзей. Казалось, что неизменную преданность хранит ему только один человек — Луций Элий Сеян. Будучи префектом преторианской гвардии, Сеян провозгласил, что главная его обязанность — защищать принцепса. Вскоре доступ к императору был открыт только тем, кто проходил через недреманное око могущественно визирия. Постепенно Тиберий доверял ему все новые и новые полномочия. Сеян убедил принцепса, что безопасность Империи требует близости преторианской гвардии ко дворцу. Август разместил шесть из девяти когорт за пределами города. Тиберий разрешил теперь всем девяти разбить свой лагерь у Виминальских ворот; так преторианцы стали сначала защитниками, а потом и повелителями императоров. Заручившись такой поддержкой, Сеян пользовался своей властью со всевозрастающей дерзостью и продажностью. Он начал с того, что рекомендовал на государственные должности угодных ему людей, он упрочил свое положение, продавая государственные посты тем, кто мог предложить за них самую крупную сумму, и наконец возжаждал принципата. Конклав истинных римлян недолго бы терпел его наглость; но сенат, за немногими исключениями, превратился к тому времени в эпикурейский клуб, безразличный даже к тем обязанностям, которые по настоянию Тиберия продолжали на него возлагаться. Вместо того, чтобы сместить Сеяна, сенат наводнил Рим статуями в честь командира преторианцев и по его предложениям изгонял из Рима одного за другим сторонников Агриппины. Когда умер сын Тиберия Друз, в Риме шептались, что его отравил Сеян.

Преисполнившись разочарования и горечи, Тиберий, который был теперь одиноким шестидесятилетним меланхоликом, покинул лихорадочную столицу и укрылся в недоступном убежище на Капри. Но клевета без помех последовала за ним. Люди говорили, что он желает спрятать от посторонних глаз свое истощенное тело и золотушное лицо, предаться пьянству и противоестественному пороку¹⁶. Тиберий пил много, но пьяницей не был; история о его пороках была, вероятно, злой выдумкой¹⁷; большинство его каприйских товарищей, пишет Тацит, «были греками, выдающимися только своими литературными способностями»¹⁸. Он продолжал усердно заниматься делами Империи, разве что теперь его взгляды и пожелания официальным лицам и сенату передавались через Сеяна. Поскольку сенат все больше боялся императора, боялся Сеяна, боялся возвышающихся преторианцев, пожелания Тиберия принимались им как приказ; таким образом, при неизменной конституции и отсутствии какой-либо неискренности со стороны Тиберия под властью человека, предложившего восстановить Республику, принципат превратился в монархию.

Сеян воспользовался преимуществами своего положения, чтобы изгнать немалую часть своих противников, обвинив их согласно «закону о величии», и усталый император более не вмешивался в его действия. Если верить Светонию, Тиберий в это время неоднократно проявлял жестокость¹⁹; и у нас имеется сообщение ненадежного Тацита, что он просил и добился смертного

приговора для Пoppея Сабина на том основании, что шпионы донесли ему о заговоре, во главе которого находился Пoppей²⁰. Год спустя умерла Ливия (27 г. н.э.), прожив свои последние годы в тоске и одиночестве в доме своего покойного мужа. Тиберий, который после своего отъезда из Рима виделся с ней только однажды, не явился на ее похороны. Освободившись от ограничений, которыми могла стеснять его «Мать отечества», Сеян убедил Тиберия в том, что Агриппина и ее сын Нерон были замешаны в заговоре Сабина. Мать была сослана на Пандатерику, а сын на остров Понтия, где вскоре после этого он покончил с собой.

Добившись всего остального, Сеян домогался теперь верховной власти. Раздраженный письмом, в котором Тиберий рекомендовал сенату сына Агриппины Гая как своего преемника, Сеян организовал заговор, чтобы уничтожить императора (31 г.). Тиберия спасла мать Германика Антония, которая, рискуя жизнью, направила ему предостережение. Старый принцепс, не растерявший еще своей решительности, тайно назначил нового префекта претория, приказал схватить Сеяна и обвинил его перед судом сената. Никогда еще это собрание не откликалось с такой охотой на желания императора, Сеян был поспешно осужден и удушен тем же вечером. За этой казнью наступило царство террора. Частично во главе репрессий стояли сенаторы, интересам, родственникам и друзьям которых причинил вред Сеян; частично виновником террора был сам Тиберий, испытывавший теперь самое жестокое разочарование в своей жизни; страх и гнев вызвали в нем неистовую мстительность. К смерти были приговорены все сколько-нибудь значительные агенты или приверженцы Сеяна; была осуждена даже его юная дочь; а так как закон запрещал казнить девственниц, перед удушением она была лишена невинности. Апиката, с которой Сеян некогда развелся, покончила с собой только после того, как послала Тиберию письмо, в котором уверяла императора, что дочь Антонии Ливилла была соучастницей Сеяна в отравлении своего мужа Друза, сына принцепса. Тиберий приказал привлечь Ливиллу к суду, но она умертвила себя, отказавшись от пищи. Через два года (33 г.) Агриппина совершила, находясь в изгнании, самоубийство; другой ее сын, заточенный в темницу, умирал себя голодом.

Тиберий влачил свое существование еще шесть лет после падения Сеяна; возможно, его рассудок помутился. Только исходя из этого предположения, можем мы объяснить приписываемую ему невероятную свирепость. Нам сообщают, что теперь он поддерживал вместо того, чтобы препятствовать им, обвинения в «оскорблении величия»; на основании этого обвинения было осуждено за годы его царствования шестьдесят три человека. Он умолял сенат защитить «старого и больного человека». В 37 г. он покинул Капри, проведя там в самозаточении девять лет, и посетил некоторые города в Кампании. Остановившись на вилле Лукулла в Мизене, он почувствовал приступ слабости, и казалось, что он умирает. Придворные сразу же принялись обхаживать Гая, будущего императора, и были поражены, узнав, что Тиберий поправляется. Их общий друг положил конец замешательству, удушив Тиберия подушкой (37 г.)²¹.

Он был, по словам Моммзена, «способнейшим правителем из тех, кого когда-либо знала Империя»²². За свою жизнь он изведal чуть ли не все мыслимые несчастья, а после смерти угодил под перо Тацита.

II. ГАЙ

Народ праздновал кончину старого императора, крича «Тиберия в Тибр!», и восхвалял сенат за то, что тот преемником покойного утвердил Гая Цезаря Германика. Рожденный Агриппиной в то время, когда она сопровождала Германика в его северных походах, Гай воспитывался среди солдат, подражал им в одежде и получил любовное прозвище «Калигула», или «Сапожок», от названия сапога, (caliga), в который обувался римский воин. Он объявил, что в своей политике будет придерживаться принципов Августа и с уважением примет сотрудничество сената во всех своих начинаниях. Он раздал гражданам 90 000 000 сестерциев, завещанных народу Ливией и Тиберием, дополнительно одарив тремястами сестерциев каждого из двухсот тысяч получателей государственного хлеба. Он вернул комициям право избирать магистратов, обещал низкие налоги и богатые игры, вернул в Рим изгнанников — жертв Тиберия и благочестиво перенес прах матери в Рим. Казалось, что во всех отношениях он является противоположностью своего предшественника — он был так щедр, весел, человечен. В течение трех месяцев после его восшествия на трон народ принес в жертву богам 160 000 животных, благодаря их за столь обаятельного и благодетельного принцепса.

Они забывали о его родословной. Мать его отца была дочерью Антония, бабушка со стороны матери — дочерью Августа. В его жилах возобновилась война между Антонием и Октавианом, и победителем вышел Антоний. Калигула гордился своими искусствами дуэлянта, гладиатора и возницы; однако «ему причиняли беспокойство приступы болезни», а иногда ему «с трудом удавалось ходить или собраться с мыслями»²⁴. Когда раздавались раскаты грома, он прятался под кровать и в ужасе бежал при виде языков пламени, вырывающихся из жерла Этны. Его мучила бессонница, и он часто бродил по своему огромному дворцу ночами, крича до рассвета. Он был высокого роста, худ, с густыми волосами (правда, на затылке у него была проплешина); его впалые глаза и виски придавали ему отталкивающий вид, что его немало радовало; он «упражнялся перед зеркалом, придавая своему лицу всякого рода устрашающие выражения»²⁵. Он получил хорошее образование, был красноречивым оратором, обладал острым умом и чувством юмора, которому были неведомы ни щепетильность, ни законы. Всею душой полюбив театр, он оказывал денежную помощь многим исполнителям и вдали от глаз толпы играл и танцевал; желая получить зрителей, он вызывал лидеров сената под предлогом некоего жизненно важного совещания, а затем лицедействовал перед ними²⁶. Спокойная жизнь чувствующего свою ответственность правителя могла остепенить его, но яд власти лишил его рассудка. Душевное здоровье, как и правительство, нуждается в сдержках и противовесах; ни один из смертных не может быть всемогущим, оставаясь душевно здоровым. Когда бабка Калигулы Антония дала ему какой-то совет, он сделал ей выговор, заметив: «Помни, я вправе сделать все что угодно кому угодно». Посреди пира он напоминал своим гостям, что может приказать убить их всех прямо на месте; обнимая жену или любовницу, он мог ласково промолвить: «Эта голова упадет с плеч, стоит мне сказать хоть словечко»²⁷.

Неудивительно, что вскоре молодой принцепс, проявивший поначалу по отношению к сенату такое уважение, принялся отдавать ему приказания и добиваться от него восточного подобиюстрастия. Он позволял сенаторам цело-

вать ему ноги в знак почтения, и сенаторы благодарили его за эту честь²⁸. Он восхищался Египтом и царящими в нем нравами, ввез в Рим множество египтян и добивался, чтобы его, словно фараона, почитали как бога. Он сделал религию Исиды одним из государственных римских культов. Он не забывал о том, что его прадед намеревался объединить Средиземноморье под скипетром восточной монархии; он тоже подумывал о переносе столицы в Александрию, однако не испытывал доверия к ее изворотливому народу. Светоний писал, что он «предавался кровосмесительным связям со всеми своими сестрами»²⁹; ему это казалось превосходным египетским обычаем. Заболев, он сделал наследницей трона свою сестру Друзиллу; когда она вышла замуж, он заставил ее развестись и «обращался с ней, будто со своей законной женой»³⁰. К другим возжеланным для него женщинам он отправлял гонцов с письменным уведомлением о разводе, составленным от имени их мужей, и приглашал их в свои объятия; едва ли осталась хоть одна знатная дама, с которой он не вступил в связь. Не считая всего этого, а также нескольких его фаворитов-мужчин, он нашел время для четырех браков. Придя на свадьбу Ливии Орестиллы и Гнея Пизона, он забрал невесту к себе, женился на ней, а через несколько дней развелся. Услышав о том, что Лоллия Паулина очень хороша, он послал за ней, развел ее с мужем, женился на ней сам, развелся и запретил ей иметь какие-нибудь отношения с другими мужчинами. Его четвертая жена Цезония была беременна, когда он отнял ее у мужа. Она не была ни молода, ни особенно красива, но он верно любил ее.

Во всех этих императорских проказах заботы правления оставались в стороне, и часто их брали на себя не слишком способные администраторы. Калигула превосходно провел ревизию рядов всаднического сословия и выдвинул из него несколько новых достойных сенаторов. Однако его расточительность привела к скорому опустошению казны, оставленной Тиберием. Он принимал ванны не в воде, но в благовониях; на один только пир он истратил 10 000 000 сестерциев³¹. Он выстроил большие потешные барки с колоннадами, приемными залами, купальнями, садами, фруктовыми деревьями и усыпанной драгоценными камнями кормой. Он велел своим инженерам соединить берега Байского залива мостом, покоившимся на таком количестве лодок, что в Риме начался голод из-за нехватки судов, на которых можно было бы транспортировать зерно. Когда строительство моста было завершено, состоялось великое празднество, иллюминированное на современный манер фейерверком. Народ пил без меры, лодки переворачивались, утонуло множество людей. С крыши Юлиевой базилики он часто разбрасывал золотые и серебряные монеты, швыряя их в собравшийся внизу народ, и с весельем наблюдал за разворачивавшейся в толпе схваткой. Он был таким преданным болельщиком команды зеленых, что награждал возницу двумя миллионами сестерциев. Он выстроил мраморную конюшню и слоновой кости ясли для скакуна Инцитата, приглашал его к обеду и предлагал назначить его консулом.

Чтобы обеспечить средствами свои Сатурналии протяженностью в целую жизнь, Калигула восстановил обычай поднесения подарков императору; он принимал их лично на террасе дворца от всех, кто приходил с дарами. Он побуждал граждан называть его своим наследником в завещаниях. Он обложил налогами все, что только мог придумать: покупательский налог на все продовольствие, налог на все судебные процессы, налог в двенадцать с поло-

виной процентов на заработки носильщиков. «Проститутки платили ему цену одного сношения,— с отвращением сообщает Светоний,— и к этой статье закона было прибавлено, что такому налогу подлежат и все, кто ранее занимался блудом или сводничеством, даже если они с тех пор вступили в законный брак»³². Он обвинял в государственной измене состоятельных людей и, чтобы помочь казне, приговаривал их к смерти. Он лично продавал с аукционов рабов и гладиаторов и заставлял аристократов приходить и участвовать в торгах; когда один из них задремал, Калигула истолковал его сонные покачивания как повышение ставки, так что сонливец, пробудившись, обнаружил, что приобрел тринадцать гладиаторов и потерял девять миллионов сестерциев³³. Он заставлял сенаторов и всадников участвовать в гладиаторских схватках на арене.

Через три года созрел заговор, участники которого решили положить конец этой унижающей всех и вся буффонаде. Калигула раскрыл его и отомстил, развязав террор, усиленный его маниакальной радостью при виде чужих мучений. Палачам было приказано убивать свои жертвы «многочисленными легкими ударами, так, чтобы те почувствовали, что умирают»³⁴. Если верить Диону Кассию, он заставил покончить с собой свою безгрешную бабушку Антонию³⁵. Светоний рассказывает, что когда у животных, предназначенных для гладиаторских боев, вышло все мясо, Калигула отдал приказ скормить ради общественного блага всех «плешивых» узников животным; что он клеймил железом людей высокого рода, ссылая их на рудники, бросал к зверям, помещал в клетку, а затем распиливал пополам³⁶. Эти предания мы не можем опровергнуть никоим образом, и их следует рассматривать как достояние устойчивой традиции; но Светоний любил слухи, Тацит ненавидел императоров, а Дион Кассий писал через двести лет спустя^{37–38}. Больше доверие к себе вызывает сообщение о том, что Калигула развязал войну между принципатом и философией, отправив в ссылку Каррината Секунда и приговорив двух других учителей к смерти. Молодой Сенека был среди тех, кому предстояло подвергнуться казни, но его пощадили, так как он болел и, казалось, умрет без посторонней помощи. Клавдий, дядя Калигулы, ускользнул от палачей императора, так как был, или хотел казаться, неопасным, погруженным в чтение дурнем.

Последним капризом Калигулы стало его желание провозгласить себя богом, равным Юпитеру. Знаменитые статуи Юпитера и других богов были обезглавлены и увенчаны головами императора. Он получал удовольствие от того, что восседал в храме Кастора и Поллукса, принимая поклонение рабопных смертных. Иногда он заводил беседу с изображением Юпитера, часто выговаривая ему; ему изготовили механизм, благодаря которому он мог ответить на гром и молнию Юпитера ударом на удар и раскатом на раскат³⁹. Он возвел храм самому себе, снабдив его множеством жрецов и поставляя в него отборные жертвы, и назначил одним из жрецов своего любимого коня. Он заявлял, что с неба спустилась богиня луны, и спрашивал Вителлия, не видит ли он ее. «Нет,— отвечал мудрый придворный,— лишь вам, богам, дано видеть друг друга»⁴⁰. Однако народ больше не обманывался на его счет. Некий галльский сапожник увидел Калигулу в маскарадном облачении Юпитера. Его спросили, что он думает об императоре. Он ответил просто: «Большой мошенник». Калигула слышал ответ, но не стал наказывать за столь освежающую отвагу⁴¹.

К двадцати девяти годам этот бог был уже стариком, изношенным своими излишествами, возможно, страдавшим венерическим заболеванием, с маленькой и полулысой головой на жирном теле; он был мертвенно-бледен, глаза его светились пустотой, а взгляд искрился недобрыми огоньками. Его судьба решилась внезапно, и смерть пришла от тех самых преторианцев, чью поддержку он, казалось, давно купил своими дарами. Трибун преторианской гвардии Кассий Херея, взбешенный грязными шуточками, которые Калигула изо дня в день отпускал на его счет, убил его в одном из дворцовых переходов (41 г.). Когда известие об этом разошлось по городу, жители не сразу ему поверили; люди боялись, что это очередная выдумка царственного шута, которому интересно узнать, кто выразит радость по поводу его смерти. Чтобы окончательно прояснить сложившуюся ситуацию, убийцы прикончили последнюю жену Калигулы и размазали по стене мозги его дочери. В этот день, говорит Дион, Калигула узнал, что он не бог ⁴².

III. КЛАВДИЙ

Калигула оставил Империю в угрожающем положении: государственная сокровищница пуста, сенат прорежен убийствами, народ отвернулся от власти, Мавритания восстала, Иудея взялась за оружие в ответ на его требование поставить свою статую в иерусалимском храме. Никто не ведал, где найти правителя, способного справиться с этими опасностями. Преторианцы, натолкнувшиеся на внешне недееспособного Клавдия, который прятался в углу, провозгласили его императором. Сенат, напуганный армией, а может быть, и испытывающий облегчение при мысли, что впредь ему придется иметь дело с безобидным педантом, а не сумасбродным лунатиком, утвердил выбор гвардии. Так Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик, колеблясь и сомневаясь, вошел наконец на трон.

Он был сыном Антонии и Друза, братом Германика и Ливиллы, внуком Октавии и Антония, Ливии и Тиберия Клавдия Нерона. Он родился в Лугдуне (Лион) в 10 г. до н. э., и сейчас ему было пятьдесят. Он был высок и грузен, с белыми волосами и дружелюбным лицом; однако разбивший его в детстве паралич и другие недомогания ослабили его тело. Ноги его были чересчур тонкими, и при ходьбе он их слегка волочил; когда он передвигался, его голова покачивалась из стороны в сторону. Он любил хорошие вина и обильное угощение и страдал от подагры; он немного заикался, а его смех, казалось, был слишком несдержанным для императора. В гневе, говорит безжалостный собиратель слухов, «иззо рта у него шла пена и капало из носа» ⁴³. Его воспитывали женщины и вольноотпущенники, он развил в себе робость и чувствительность, едва ли полезные для властителя, и имел не слишком много возможностей для того, чтобы на своем опыте познакомиться с наукой управления. Родственники смотрели на него как на слабоумного инвалида; мать, унаследовавшая мягкость Октавии, называла его «недоделанным чудовищем», а когда ей хотелось подчеркнуть чью-либо тупость, она говорила: «Этот — еще больший дурак, чем мой Клавдий». Осмеиваемый всеми, он жил в спасительной безвестности, погружившись в азартные игры, книги и пьянство. Он стал филологом и антикваром, изучал «древнее» искусство, религию, науку, философию и право. Он написал истории Этрурии, Карфагена и Рима,

трактаты, посвященные игре в кости и алфавиту, греческую комедию и автобиографию. Знатоки и ученые переписывались с ним и посвящали ему свои труды. Плиний Старший четырежды цитирует его как авторитетного писателя. Будучи императором, он разъяснил народу, как исцеляться от змеиных укусов, и предупредил суеверные страхи, предсказав солнечное затмение в день своего рождения и изложив причины этого явления. Он хорошо говорил по-гречески, и несколько его произведений были написаны на этом языке. У него была отличная память; возможно, он говорил правду, утверждая перед сенатом, что симулировал тупость, дабы спасти голову.

Его первым поступком в качестве императора стало награждение пятнадцатью тысячами сестерциев каждого воина той гвардии, что возвела его на трон. Калигула тоже в свое время раздавал подобные дары, однако сейчас деньги слишком явно подносились в уплату за Империю. Теперь Клавдий признал суверенитет армии, вновь лишив народные собрания права избирать магистратов. Больше мудрости и великодушия проявил он, прекратив рассматривать обвинения по закону *de maiestate*, выпустив на свободу тех, кто попал в заточение на его основании, вернув в Грецию статуи, похищенные Гаем, и отменив новые подати, введенные предшественником. Однако он предал смерти убийц Калигулы, исходя из посылки, что снисхождение к участникам убийства императора способно подорвать стабильность государства. Он положил конец рабскому уничтожению сената, скромно заметив, что ему не следует воздавать божеских почестей. Как и Август, он восстанавливал храмы и с пылом антиквара стремился влить новые силы в старинную религию. Он лично — и весьма добросовестно — вникал в общественные дела; он даже «обходил тех, кто продавал товары или сдавал дома, и исправлял замеченные им злоупотребления»⁴⁴. Однако в действительности, хотя он и подражал умеренности Августа, его настоящие планы выходили далеко за пределы осторожного консерватизма и были сродни дерзким и многообразным замыслам Цезаря: реформа системы управления и законодательства, расширение общественных работ и служб, возвышение провинций, предоставление избирательного права Галлии, завоевание и романизация Британии.

Он удивил всех, сразу же проявив волю и характер, а также образованность и интеллект. Как Цезарь и Август, он был убежден, что местных магистратов слишком мало и что они плохо подготовлены к несению своих обязанностей, что сенат слишком горделив и не обладает должным терпением, чтобы заниматься сложной работой по устройству и обеспечению деятельности муниципальной и имперской администраций. Он делал реверансы в сторону сената и оставил ему немалые полномочия и еще большие знаки отличия. Однако настоящую работу по управлению государством он взял на себя, организовав «кабинет министров» из своих назначенцев; гражданская служба между тем постепенно становилась уделом (как и при Цезаре, Августе, Тиберии) императорских вольноотпущенников; канцелярии и не слишком ответственные должности доверялись «общественным» рабам. Во главе бюрократии находились четыре члена кабинета: государственный секретарь (*ab epistulis* — «для сообщений»), казначей (*a rationibus* — «для расчетов»), другой секретарь (*a libellis* — «для прошений») и министр юстиции (*a cognitionibus* — «для судебных процессов»). Споспобные вольноотпущенники — Нарцисс, Палланс, Каллист — занимали три первые должности. Их восхождение к вершинам власти и богатства было символом возвышения класса вольноотпущенников, ко-

торый в течение столетий добивался все новых успехов и достиг небывалых высот в царствование Клавдия. Когда аристократия выразила протест по поводу облечения властью этих «выскочек», Клавдий возродил пост цензора, был избран на эту должность сам, пересмотрел список лиц, могущих быть избранными в сенат, исключил из него главных оппонентов своей политики и ввел в него новых членов из враждебного сословия и провинций.

Вооружившись этими административными органами, он выдвинул амбициозную программу конституционных реформ. Он усовершенствовал судебные процедуры, установил наказания за неисполнение и запоздалое введение законов в силу, терпеливо высиживал в судебном кресле по многу часов в неделю и запретил применение пыток по отношению к любому гражданину. Чтобы предотвратить наводнения, угрожавшие Риму тем чаще, чем стремительнее вырубались апеннинские леса, он выкопал дополнительный канал для нижнего течения Тибра. Чтобы облегчить импорт зерна, он выстроил близ Остии новую гавань (Порт), снабдив ее удобными складскими помещениями и доками, двумя большими молами, которые должны были сдерживать ярость морской стихии, и канал, соединяющий гавань с Тибром выше заиленного устья реки. Он завершил строительство «Клавдиева» водопровода, начатого Калигулой, и соорудил еще один, *Anio Novus*, — оба сооружения потребовали огромных трудовых затрат и были примечательны изяществом высоких арок. Обратив внимание на то обстоятельство, что земли марсов периодически заболачивались в силу разлива избыточных вод Фуцинского озера, он выделил государственные средства, которыми была оплачена работа 30 000 человек в течение одиннадцати лет. Рабочими был проложен трехмильный тоннель через гору, который соединил озеро с рекой Цирис. Перед тем как спустить из озера воду, он устроил на нем потешное сражение двух флотов, экипажи которых состояли из 19 000 осужденных преступников; за этим зрелищем наблюдали граждане, собравшиеся из всех уголков Италии и сидевшие на склонах окружающих озеро холмов. Участники битвы приветствовали императора знаменитой фразой: *Ave Caesar! morituri salutamus te* — «Здравствуй, Цезарь! Мы, идущие на смерть, приветствуем тебя»⁴⁵.

Провинции расцвели при нем, как в Августовы дни. Он решительно преследовал должностные преступления, за исключением случая с Феликсом, прокуратором Иудеи, чьи злоупотребления были скрыты от императора Паллантом, братом судебного следователя по делу Святого Павла. Он входил во все подробности происходивших в провинциях событий; его эдикты и надписи, обнаруживаемые по всей Империи, отмечены характерными для этого принцепса суетливостью и многословием, но в них ясно видны разум и воля, которые со знанием дела были направлены на достижение общественного блага. Он трудился над улучшением коммуникаций и транспорта, стремился обеспечить безопасность путешественников от разбоя и понизить издержки общин по содержанию государственных чиновников, призванных этим общинам служить. Как и Цезарь, он желал поднять провинции до уровня Италии в чаемом Римском Содружестве. Он довел до конца план Цезаря по предоставлению полного римского гражданства Трансальпинской Галлии; если бы ему удалось пройти свой путь до конца, он даровал бы гражданство всем свободным жителям Империи⁴⁶. Бронзовая табличка, извлеченная из земли в Лионе в 1524 г., сохранила для нас часть бессвязной речи, в которой он пытался убедить сенат принять в свои ряды и допустить на государственные посты тех галлов, которые получи-

ли римское гражданство. Между тем он не позволил ослабить армию или нарушать границы; легионы постоянно были при деле и в боевой готовности, а такие великие полководцы, как Веспасиан, Корбулон и Паулин, развивали свое искусство под его опекой и с его одобрения. Приняв решение завершить еще один из замыслов Цезаря, он вторгся в 43 году в Британию, покорил ее и вернулся в Рим менее чем через полгода после своего выступления. Во время предоставленного ему триумфа он нарушил все прецеденты, помиловав плененного британского царя Карактака. Римский народ посмеивался над своим причудливым императором, но любил его; и когда во время одной из его отлучек прошел слух, будто он убит, в городе поднялась такая горестная суматоха, что сенату пришлось издать официальное уведомление о том, что Клавдий жив и здоров и вскоре прибудет в Рим.

С этих высот он свергся потому, что построенная им правительственная система была слишком сложна, чтобы ему удалось контролировать ее лично, а также потому, что его полная благожелательности к людям душа слишком легко поддавалась обманам со стороны его вольноотпущенников и семьи. Бюрократия позволила улучшить административную систему, но приоткрыла тысячи новых отдушин для коррупции. Нарцисс и Паллант были превосходными исполнителями, полагавшими, что их жалованье не соответствует их заслугам. Чтобы компенсировать себе разницу, они продавали государственные посты, запугиванием вымогали взятки и выдвигали обвинения против тех, чьим имуществом хотели завладеть. Нарцисс владел состоянием в 400 000 000 сестерциев (60 000 000 долларов); Паллант был достоин жалости, так как располагал лишь тремястами миллионов ⁴⁷. Когда Клавдий жаловался на недостаток средств в императорской казне, римские шутники замечали, что денег у него было бы более чем достаточно, возьми он в долгу двух своих отпущенников ⁴⁸. Старые аристократические семейства, к этому времени сравнительно обедневшие, с ужасом взирали на эти накопления и власть и горели гневом, зная, что им придется быть любезными с бывшими рабами, если они захотят переговорить с императором.

Клавдий занимался тем, что писал письма своим ставленникам и ученым друзьям, готовил эдикты и речи и удовлетворял запросы жены. Такому человеку следовало бы жить жизнью монаха и вооружиться против любви; его жены оказывались для него слишком сокрушительным развлечением, а его домашняя политика была не столь успешна, как внешняя. Как и Калигула, он был женат четыре раза. Первая его жена умерла в день бракосочетания, с двумя следующими он развелся; затем в возрасте сорока восьми лет он женился на шестнадцатилетней Валерии Мессалине. Она отнюдь не блистала красотой: плоская голова, вызывающее выражение лица, некрасивая грудь ⁴⁹; однако для того, чтобы совершить предобоедание, женщины вовсе не обязательно быть красивой. Когда Клавдий стал императором, она присвоила себе права и манеры царицы, гарцевала на его триумфе и велела отмечать день ее рождения по всей Империи. Она была влюблена в танцовщика Мнестора; когда он отверг ее ухаживания, она просила мужа приказать ему быть более сговорчивым; Клавдий выполнил то, о чем его просили, после чего танцор патриотически уступил императрице. Мессалина возликовала, поняв, насколько проста необходимая ей формула, и пользовалась ею в отношении других мужчин. Те, кто упорствовал в своем пренебрежении Мессалиной, обвинялись на основании вымышленных предлогов официальными лицами,

более склонными внимательно прислушиваться к супруге принцепса, и находили в конце концов, что им предстоит лишиться имущества, свободы или даже жизни⁵⁰.

Возможно, император терпел эти безобразия, чтобы никто не мешал ему самому. «Он отличался неумеренностью в своем влечении к женщинам», — пишет Светоний, добавляя, словно ошеломительное достоинство, что Клавдий «был совершенно свободен от противоестественного порока»⁵¹. Мессалина, пишет Дион, «отдавала ему привлекательных служанок для постельных забав»⁵². Нуждаясь в деньгах для своих развлечений, императрица торговала государственными постами, рекомендациями и контрактами. Ювенал передает легенду о том, что она облачалась в соответствующие одежды, приходила в публичные дома, принимала всех посетителей и с радостью получала от них деньги; эта история, вероятно, заимствована из утраченных мемуаров преемницы и врага Мессалины Агриппины Младшей. Пока Клавдий, говорит Тацит, «посвящал все свое время обязанностям цензора»⁵³ — в которые входил также надзор за соблюдением и улучшение римских нравов, — Мессалина «предалась самой крайней распушенности» и в конце концов, когда муж находился в Остии, вступила в «законный» брак с миловидным юношей Гаем Силием «торжественно и со всеми принятыми в этих случаях обрядами»⁵⁴. Нарцисс известил императора через наложниц последнего⁵⁵ о том, что против него готовится заговор, цель которого — возвести на трон Силия. Клавдий ринулся в Рим, вызвал преторианскую гвардию, велел убить Силия и других любовников Мессалины, а затем в нервном истощении уединился во дворце. Императрица пряталась в тех самых садах Лукулла, которые были некогда конфискованы ею для своих развлечений. Клавдий послал ей записку, в которой приглашал ее прийти и ответить на предъявленные обвинения. Опасаясь, что император может простить жену, Нарцисс направил несколько солдат ее убить. Они нашли Мессалину в обществе матери, сразили ее одним ударом и оставили труп лежать в объятиях матери (48 г.). Клавдий сказал преторианцам, что, если он женится еще раз, они вправе его убить. Больше он ни разу не упоминал имени Мессалины*.

В течение года он колебался, жениться ли ему на Лоллии Паулине или на Агриппине Младшей. Лоллия, бывшая жена Калигулы, была богата; иногда, сообщают нам, она носила на себе драгоценности стоимостью 40 000 000 сестерциев⁵⁶; возможно, Клавдий восхищался не столько ее вкусом, сколько деньгами. Агриппина была дочерью Агриппины Старшей и Германика; в ней тоже текла кровь двух непримиримых врагов — Октавиана и Антония, и она была достойной наследницей матери — красивая, талантливая, решительная и готовая мстить без зазрения совести. Она была к этому времени уже дважды вдовой. От первого мужа Гнея Домиция Агенобарба она имела сына Нерона, возвести которого на трон было главной страстью ее жизни; от своего второго мужа Гая Криспа, в отравлении которого обвиняла ее молва, она унаследовала богатство, на которое смогла опереться в достижении своих целей. Главной ее задачей было выйти замуж за Клавдия, избавиться от его сына Британика и посредством усыновления сделать Нерона наследником императора.

* Ферреро⁵⁶ и Бери⁵⁷ попытались усомниться в факте двоемужества Мессалины, однако Тацит утверждает, что данный рассказ «надежно засвидетельствован авторами этого времени, а также солидными и почтенными стариками, которые жили тогда и были осведомлены обо всех подробностях дела»⁵⁸.

Ее не пугал тот факт, что она являлась племянницей Клавдия; напротив, это обстоятельство позволило ей вступить в интимные отношения со стареющим правителем, который полюбил ее отнюдь не родственной любовью. Неожиданно он появился перед сенатом и просил сенаторов приказать ему для блага государства жениться еще раз. Сенат выполнил его просьбу, преторианцы посмеивались, Агриппина взойшла на трон (48 г.).

Ей было тридцать два, Клавдию — пятьдесят семь. Его энергия истощилась; она была в расцвете сил. Воздействуя на него всей мощью своего очарования, она убедила его усыновить Нерона и выдать замуж его тринадцатилетнюю дочь за своего шестнадцатилетнего сына (53 г.). Год за годом она приобретала все большую политическую власть и в конце концов заменила Клавдия на императорском возвышении. Она вызвала из ссылки философа Сенеку (в изгнание он был отправлен Клавдием) и сделала его воспитателем сына (49 г.); своего друга Бурра она назначила префектом преторианской гвардии. Имея такую поддержку, она правила государством по-мужски твердой рукой и установила в доме императора порядок и экономию. Ее возвышение могло обернуться благом для Рима, не будь она столь скупа и мстительна. Она предала смерти Лоллию Паулину, потому что Клавдий в момент беспечности, о котором жены не забывают никогда, похвалил фигуру Лоллии. Она отравила Марка Силана, потому что боялась, как бы Клавдий не назвал своим наследником его. Она сговорилась с Паллантом о свержении Нарцисса, и этот набитый деньгами властитель, настолько же испорченный, насколько верный своему господину, окончил свои дни в тюрьме. Император, ослабленный недомоганиями, множеством трудов и забот, сексуальными излишествами, позволил Палланту и Агриппине развязать новый террор. Людей обвиняли, ссылали и убивали из-за того, что в результате общественных работ и зрелищ казна была пуста и нуждалась в пополнении за счет конфискованных богатств. За тринадцать лет правления Клавдия были приговорены к смерти тридцать пять сенаторов и триста всадников. Некоторые из этих приговоров могли быть оправданы ввиду наличия подлинной вины или заговора; нам трудно сейчас судить об этом. Позднее Нерон заявлял, что он изучил все оставшиеся после Клавдия бумаги, и из них явствовало, что ни один судебный процесс, повлекший за собой такие результаты, не был инспирирован императором⁶⁰.

После пяти лет своего пятого брака Клавдий наконец стал понимать, что же затеяла Агриппина. Он решил положить конец ее власти и разрушить ее планы относительно Нерона, назвав своим наследником Британика. Однако Агриппина была более решительна и менее щепетильна. Разгадав намерения императора, она поставила на карту все: Клавдий был накормлен отравленными грибами и скончался после двенадцатичасовой агонии, во время которой не смог вымолвить и слова (54 г.). После того, как сенат обожествил его, Нерон, уже принявший бразды правления, заметил, что грибы — это, несомненно, пища богов, ведь, поев грибов, Клавдий стал божественным⁶¹.

IV. НЕРОН

По отцовской линии Нерон принадлежал к семейству Домициев Агенобарбов, получивших свое прозвище из-за бронзового отлива бороды, которая часто украшала мужчин дома Домициев. Пять веков они были заметными

фигурами римской истории, выделяясь своими способностями, безрассудством, надменностью, отвагой и жестокостью. Дед Нерона со стороны отца был страстным любителем игр и театра; участвовал в скачках в качестве возницы, широкой рукой тратил деньги на диких зверей и гладиаторские сражения и заслужил порицание Августа за варварское обращение со своими слугами и рабами. Он женился на Антонии, дочери Антония и Октавии. Их сын Гней Домиций упрочил семейную репутацию, прославившись распутством, кровосмешением, свирепостью и коварством. В 28 г. он женился на второй Агриппине, которой было тогда тринадцать лет. Зная о предках жены и хорошо помня собственную родословную, он заключал: «От нас не может родиться хороший человек»⁶². Они называли своего единственного сына Луцием, дав ему прозвище «Нерон», что на сабинском языке означало «доблестный» и «сильный».

Главными его воспитателями были философ-стоик Херемон, обучавший его греческому, и Сенека, преподававший ему литературу и мораль, но не философию. Философское образование, полагала Агриппина, сделает Нерона непригодным к властвованию, поэтому сей предмет и был изъят из круга занятий⁶³. Результат такого изъятия свидетельствует в пользу философии. Как и многие учителя, Сенека жаловался на то, что его работа идет насмарку усилиями матери: мальчик бежал к ней, стоило его в чем-нибудь упрекнуть, и был уверен в том, что будет утешен. Сенека пытался воспитать в нем умеренность и чинность, скромность и приверженность стоицизму. Если он был не вправе пересказать ученику доктрины и споры философов, он мог хотя бы посвящать ему красноречивые трактаты по философии, которые сочинял, и надеяться, что однажды воспитанник их прочтет. Молодой Нерон был способным учеником, он писал недурные стихи и произносил перед сенатом речи, выдержанные в изящном стиле своего учителя. Когда Клавдий умер, Агриппина не встретила больших трудностей в том, чтобы утвердить на троне сына, тем более что ее друг Бурр обеспечил юноше-полную поддержку гвардии.

Нерон вознаграждал солдат и даровал по 400 сестерциев каждому гражданину; он выступил с похвальным словом в честь предшественника, автором которого был все тот же Сенека⁶⁴; это не помешало последнему через некоторое время выпустить анонимную и безжалостную сатиру (*Aprocolocyntosis*, или «Отыквление»), в которой изображалось изгнание с Олимпа покойного императора. Нерон не преминул отвесить поклон сенату, в сдержанных тонах извинил свою молодость и провозгласил, что из всех полномочий, которыми прежде облакался принцепс, он оставит за собой только командование армиями — чрезвычайно практичный выбор для ученика философа. Обещание, возможно, было искренним, потому что Нерон неукоснительно придерживался его в течение пяти лет⁶⁵ — того *quinquennium Neronis*, которое Траян позднее считал лучшим периодом в истории имперского правительства⁶⁶. Когда сенат предложил воздвигнуть в его честь статуи из серебра и золота, семнадцатилетний император отверг эту инициативу; когда были обвинены два сторонника Британника, он заставил отозвать обвинения; в обращении к сенату он торжественно обещал, что будет неуклонно придерживаться все свое правление той добродетели, которая воспевалась Сенекой в трактате *De clementia*. Когда его просили подписать смертный приговор некоему преступнику, он вздохнул: «О, если бы я не умел писать!» Он уничтожил или понизил обреме-

нительные налоги и выдавал ежегодные вспомоществования видным, но обедневшим сенаторам. Признавая свою незрелость, он позволил Агриппине управлять его делами; она принимала посольства, и на императорских монетах ее силуэт был выгравирован позади силуэта самого Нерона. Встревоженные таким матриархатом, Сенека и Бурр организовали заговор и, играя на гордости принцепса, решили отнять для себя захваченную Агриппиной власть. Разгневанная мать объявила, что настоящим наследником трона является Британник и угрожала низвергнуть сына с той же решительностью, с какой прежде возвела его на престол. Нерон ответил на эти угрозы тем, что отравил Британника. Агриппина удалилась на свои виллы и принялась за написание «Записок», которые оказались последним нанесенным ею ударом возмездия; в них она чернила всех своих врагов и врагов матери, и именно отсюда, из этого музея ужасов, Тацит и Светоний будут черпать самые мрачные краски для изображения Тиберия, Клавдия и Нерона.

Под руководством философа-премьера и в силу инерции уже разработанной к тому времени административной системы Империя благоденствовала как вне, так и внутри. Ее рубежи надежно охранялись, Черное море было очищено от пиратов, Корбулон вернул Армению под римский протекторат, и с Парфией был заключен мир, продлившийся пятьдесят лет. В судах и провинциях была смягчена коррупция, бюрократический персонал улучшался, казной управляли бережно и мудро, возможно, по подсказке Сенеки Нерон внес далеко идущее предложение отменить все косвенные налоги, в первую очередь пошлины, что собирались на границах и в портах, чтобы таким образом вся Империя открылась для свободной торговли. В сенате этот законопроект был отвергнут под воздействием корпораций, ведавших сбором налогов,—это поражение свидетельствовало о том, что принципат по-прежнему оставался в очерченных для него конституционных пределах.

Чтобы отвлечь Нерона от вмешательства в государственные дела, Сенека и Бурр позволили ему предаться чувственным утехам, которым не было меры. «В дни, когда порок имеет привлекательные стороны для всех сословий,—говорит Тацит,—трудно ожидать от властелина, чтобы он вел жизнь суровую и полную самоотречения»⁶⁷. Религиозность и вера также не могли вдохновить Нерона придерживаться нравственного образа жизни; поверхностные философские познания освободили его интеллект, при том что его способность к суждению осталась незрелой. «Он презирал все культы,—пишет Светоний,—и опорожнял мочевой пузырь на изображение самой почитаемой своей богини — Кибелы»⁶⁸. Под воздействием инстинктов он испытывал неодолимую тягу к обжорству, экзотическим наслаждениям, расточительным пиршеством, на которых стоимость одних только цветов превышала 4 000 000 сестерциев⁶⁹; только скупцам, говорил он, свойственно считать, сколько они потратили. Он восхищался Гаем Петронием и завидовал ему, ибо этот богатый аристократ научил его, как по-новому можно соединить вкус и порок. «Петроний,—говорит Тацит в своем классическом описании эпикурейского идеала,—

дни отдавал сну, ночи — выполнению светских обязанностей и удовольствиям жизни. И если других вознесло к славе усердие, то его — праздность. И все же его не считали распутником и расточителем, каковы в большинстве проживающие наследственное до-

стояние, но видели в нем знатока роскоши. Его слова и поступки воспринимались как свидетельство присущего ему простодушия, и чем непринужденнее они были и чем явственней проступала в них какая-то особого рода небрежность, тем благосклоннее к нему относились. Впрочем, и как проконсул Вифинии, и позднее, будучи консулом, он выказал себя достаточно деятельным и способным справляться с возложенными на него поручениями. Возвратившись к порочной жизни или, быть может, лишь притворно предаваясь порокам, он был принят в тесный круг наиболее доверенных приближенных Нерона и сделался в нем законодателем изящного вкуса, так что Нерон стал считать приятным и исполненным пленительной роскоши только то, что было одобрено Петронием»⁷⁰.

(Перевод А. С. Бобовича)

Нерон был не настолько тонок, чтобы придерживаться подобного аристократического эпикурейства. Он посещал, переодевшись, бордели; он слонялся по улицам и часто заглядывал в кабаки, сопровождаемый друзьями своего склада; они грабили лавки, нападали на женщин, «изливали свою похоть на мальчиков, раздевали прохожих, били, ранили, убивали»⁷¹. Сенатор, который упорно сражался с переодетым императором, был вскоре принужден к самоубийству. Сенека пытался как-то обуздать сладострастие императора, взирая сквозь пальцы на его связь с вольноотпущенницей Клавдией Актой. Но Акта была слишком преданна Нерону, чтобы надолго сохранить его привязанность; вскоре он заменил ее женщиной, которая обладала выдающимися и изощреннейшими талантами во всех областях любви. Поппея Сабина происходила из знатной семьи и была весьма богата; «у нее,—говорит Тацит,—было все, кроме порядочности». Она принадлежала к тому типу женщин, которые проводят целые дни, наряжаясь и украшаясь, и живут только тогда, когда желанны. Ее муж Сальвий Отон хвастался красотой жены перед Нероном; император недолго думая поручил ему управление Лузитанией (Португалией) и осадил Поппею. Она отказалась стать его любовницей, но была согласна выйти за него, если он разведется с Октавией.

Октавия молча сносила проступки Нерона и сохранила незапятнанными скромность и чистоту, живя с самого детства в атмосфере полной сексуальной вседозволенности. К чести Агриппины, она до самой смерти защищала Октавию от Поппеи. Она использовала любой предлог, чтобы не допустить развода, и, по словам Тацита, даже женские чары пустила в ход, пытаясь уговорить сына. Поппея задействовала свое очарование и победила. Она смеялась над Нероном, говоря, что он боится матери, и заставила его поверить в то, что Агриппина задумала его свергнуть. В конце концов, обезумев от страсти, он согласился убить женщину, которая произвела его на свет и подарила ему полмира. Он подумывал о том, чтобы ее отравить, но она была настороже и приготовилась к отражению этой опасности, регулярно принимая противоядие. Он попытался ее утопить, но ей удалось выплыть в безопасное место после подстроенного им кораблекрушения. Его люди преследовали Агриппину до ее виллы; когда она была схвачена, то обнажила свое тело и воскликнула: «Рази в чрево!» Чтобы убить ее, пришлось нанести много ударов. Император, осматривая непокрытый труп, заметил: «Я и не знал, что у меня такая красивая мать»⁷². Сенека, утверждают наши источники, не принимал участия

в заговоре. Однако печальнейшие строки в истории философии повествуют о том, как Сенека составлял письмо, в котором Нерон описывал сенату мнимый заговор Агриппины против принцепса и утверждал, что, разоблаченная, она покончила с собой⁷³. Сенат любезно принял предложенные ему объяснения, в полном составе явился приветствовать Нерона при въезде в Рим и вознес благодарственные молебствия богам за то, что те сохранили Нерону жизнь.

Трудно поверить в то, что этот матереубийца был молодым человеком двадцати двух лет, страстно любившим поэзию, музыку, искусство, драму и атлетические игры. Он восхищался греками за их разнообразные состязания, в которых выявлялись физические или артистические таланты, и пытался ввести схожие соревнования и в Риме. В 59 г. он учредил *ludi iuvenales*, или молодежные игры; год спустя он положил начало Нерониям, построенным по образцу происходившего раз в четыре года праздника в Олимпии; в их программу были включены скачки, атлетические и «мусические» состязания, при этом под последнюю категорию подпадали поэзия и ораторское искусство. Он выстроил амфитеатр, гимнасий и величественные общественные купальни. Он проявил ловкость в занятиях гимнастикой, был энтузиастически настроенным возницей и наконец решил принять участие в играх. Его филэллинистическому уму представлялось, что такое участие не только уместно, но и соответствует лучшим традициям греческой древности. Сенека полагал, что это может вызвать насмешки, и попытался ограничить императорские выступления отдельным стадионом. Нерон взял над ним, однако, верх и пригласил публику присутствовать на представлении. Народ явился и горячо аплодировал императору.

Но главным желанием этого не сдерживаемого ничем сатира было желание стать великим художником. Обладая полнотой власти, он стремился к полноте совершенства. С благоприятной стороны характеризует его и та кропотливая серьезность, с какой он предавался занятиям гравировкой, живописью, скульптурой, музыкой и поэзией⁷⁴. Чтобы улучшить свое пение, «он лежал на спине со свинцовым листом на груди, очищал желудок промываниями и рвотой, воздерживался от плодов и других вредных для голоса кушаний»⁷⁵; по определенным дням он с той же целью питался одним чесноком и оливковым маслом. Однажды вечером он вызвал виднейших сенаторов к себе во дворец, показал им новый водяной орган и прочитал им лекцию по его теории и устройству⁷⁶. Он был настолько очарован музыкой, которую извлекал из своей арфы Терпнос, что проводил с ним целые ночи, практикуясь в игре на этом инструменте. Он собрал вокруг себя артистов и поэтов, состязался с ними во дворце, сравнивал свои рисунки с их рисунками, слушал их стихи и читал свои собственные. Он был обманут их похвалами, и, когда некий астролог предсказал ему потерю власти, он весело ответил, что будет тогда зарабатывать себе на жизнь искусством. Он мечтал о публичном выступлении, когда в один и тот же день ему довелось бы сыграть на водяном органе, флейте и волынке, а затем выступить в качестве актера и танцора, изображая Вергилиева Турна. В 59 г. он дал закрытый концерт в своих тибрских садах, выступив в роли арфиста (*citharoedus*). Еще пять лет удавалось ему удерживать под контролем свою тягу к более широкому кругу зрителей; наконец он осмелился выступить перед огромной аудиторией в Неаполе; в этом городе царил греческий дух и население могло простить и понять его слабость. Театр, в котором выступал Нерон, был настолько переполнен, что

развалился на части после того, как зрители его покинули. Ободренный успехом, молодой император выступил как арфист и певец в большом зале Помпея в Риме (65 г.). Во время этого бенефиса он исполнял стихи, очевидно, сочиненные им самим*; сохранилось несколько довольно талантливых фрагментов. Помимо множества лирических стихотворений, он писал обширный эпос о Трое (с Парисом в роли главного героя) и приступил к написанию еще более обширного произведения, посвященного Риму. Чтобы выказать себя еще более многосторонним художником, он вышел на подмостки и стал исполнять роли Эдипа, Геракла, Алкмеона и даже матереубийцы Ореста. Народу нравилось иметь императора, который его развлекает и согласно театральному обычаю становится на колени, чтобы удостоиться аплодисментов. Люди подхватывали песенки Нерона и распевали их в кабаках и на улицах. Его энтузиазм по отношению к музыке распространился во всех сословиях. Его популярность, вместо того, чтобы таять, росла.

Сенат был напуган всеми этими представлениями куда больше, чем слухами о сексуальной вседозволенности и извращенности, клубившимися вокруг дворца. Нерон заявил в ответ, что греческий обычай, допускавший на атлетические и артистические состязания только свободных граждан, лучше римского, который допускает к ним одних рабов; и уж конечно, «соревнования не должны иметь вид медленной казни осужденных преступников». Молодой убийца постановил, что, пока он находится у власти, ни одна схватка на арене не должна привести к смертельному исходу⁷⁸. Чтобы восстановить греческую традицию и придать больше почтенности собственным выступлениям, он убедил или заставил некоторых сенаторов участвовать в публичных состязаниях актеров, музыкантов, атлетов, гладиаторов и возниц. Некоторые патриции, как Тразея Пет, демонстрировали свое недовольство поведением Нерона, отсутствуя на заседаниях сената, когда на них приходил Нерон обратиться с речью к сенаторам; другие, как Гельвидий Приск, осуждали его в яростных речах в тех аристократических салонах, которые оставались последним прибежищем свободной речи; стоические философы, обитавшие в Риме, выступали еще более открыто против этого проказливого эпикурейца, восседающего на троне. Устраивались заговоры с целью его низложения. Его соглядатаи раскрывали их, и как и его предшественники, он парировал эти угрозы, развязав террор. Закон об оскорблении величия вновь возник из небытия (62 г.), и обвинения выдвигались против тех, чья оппозиционность или богатство делали их смерть желательной с точки зрения финансов или культуры. К этому времени Нерон, как Калигула, истощил казну своим расточительством, подарками и играми. Он объявил, что намерен конфисковывать все имущество тех граждан, которые отказывают в своих завещаниях слишком незначительные суммы императору. Он разграбил множество храмов, лишив их обетных приношений, и расплавил находившиеся в них серебряные или золотые статуи. Когда Сенека попробовал протестовать и в частных беседах подверг критике его поведение — хуже того, его поэзию, — Нерон отказался от услуг этого царедворца (62 г.), и последние три года жизни философ провел в одиночестве на своих виллах. Бурр умер за несколько месяцев до этого разрыва.

* Светоний утверждает, что сам видел рукописи императора, причем и текст, и исправления были написаны рукой Нерона⁷⁹.

Теперь Нерон окружил себя новыми помощниками, большинство которых принадлежали к довольно низкой породе. Тигеллин, городской префект, стал его главным советником и обеспечил беспрекословное исполнение всех прихотей принцепса. В 62 г. Нерон развелся и отослал от себя Октавию под предлогом ее бесплодия; через двенадцать дней он женился на Пoppее. Народ выразил свое немое возмущение, повергнув статуи Пoppей, которые возвел Нерон, и увенчав цветами статуи Октавии. Разгневанная Пoppея убедила своего любовника в том, что Октавия собирается вновь выйти замуж и что затевается переворот, цель которого — поставить нового супруга Октавии на место Нерона. Если верить Тациту, Нерон предложил Аникету — убийце Агриппины — признаться в прелюбодеянии с Октавией и впутать ее своими показаниями в заговор против принцепса. Аникет сыграл свою роль так, как ему было велено, отправился в ссылку на Сардинию и прожил остаток дней в комфорте и богатстве. Октавия была сослана на Пандатерию. Туда через несколько дней после ее прибытия явились агенты императора, получившие приказ убить ее. Ей было только двадцать два, и она не могла поверить в то, что жизнь, не отягощенная никакой виной, должна прерваться так безвременно. Она молила о пощаде, говоря, что теперь она только сестра Нерону и не способна причинить ему никакого вреда. Убийцы отрубили ей голову и доставили ее Пoppее, получив за это свою награду. Сенат, извещенный о смерти Октавии, возблагодарил богов за то, что они вновь спасли императора⁷⁹.

Сам Нерон тоже был теперь богом. После смерти Агриппины будущий консул предложил построить храм «обожествленному Нерону». Когда в 63 г. Пoppея родила ему дочь, умершую вскоре после появления на свет, сенат проголосовал за обожествление младенца. Когда Тиридат явился в Рим, чтобы получить корону Армении, он пал перед императором на колени и почтил его как Митру. Когда Нерон построил свой Золотой Дом, перед входом был воздвигнут стодвадцатифутовый колосс, схожий ликом с Нероном; его голова была окружена, словно ореолом, солнечными лучами, что позволяло идентифицировать его с Фебом Аполлоном. В действительности в свои двадцать пять лет он представлял собой дегенерата со вздутым брюхом, слабыми и вялыми членами, плоским лицом, прыщавой кожей, курчавыми желтыми волосами и тупыми серыми глазами.

Как бог и художник он не мог не мучиться недостатками доставшихся ему в наследство дворцов и задумал построить новый. Но Палатин был слишком плотно застроен, а у его подножия лежали по одну сторону Большой Цирк, по другую — Форум, а между ними — трущобы. Он жаловался на то, что Рим рос столь хаотично, а не был спланирован научно, как Александрия или Антиохия. Он мечтал о том, чтобы перестроить Рим, стать его вторым основателем и дать городу новое название Неронополь.

Восемнадцатого июля 64 г. в Большом Цирке вспыхнул пожар; огонь распространялся стремительно, город пылал девять дней, две трети всех зданий были уничтожены. Нерон находился в Антии, когда начался пожар; он поспешил в Рим и поспел как раз вовремя, чтобы увидеть, как палатинские дворцы охватываются пламенем. Проходной Дом (*Domus Transitoria*), который был построен им недавно и соединил дворец с садами Мецената, рухнул одним из первых. Форум и Капитолий избежали общей участи, как и район к западу от Тибра. Во всех остальных частях города бесчисленные дома, храмы, драгоценные рукописи и произведения искусства подверглись уничтожению.

Тысячи людей расстались с жизнью, погребенные под обломками доходных домов на переполненных улицах; сотни тысяч слонялись без крова по ночам; обезумев от ужаса, люди прислушивались к рассказам о том, что приказ о поджоге был отдан Нероном, что император разослал по городу поджигателей, велел им поддерживать огонь, что сам он созерцал пожар с башни Мecenата и пел при этом свои стихи о разорении Трои, аккомпанируя себе на лире *. Он энергично руководил усилиями взять огонь под контроль, локализовать его очаги и оказать помощь пострадавшим; он приказал распахнуть перед несчастными двери всех общественных зданий и императорских садов; он возвел палаточный городок на Марсовом Поле, реквизируя продовольствие в прилегающих к Риму сельских районах и обеспечил им народ ⁸⁰. Он безропотно сносил обвинявшие его памфлеты и настенные надписи обезумевшего от ярости народа. Согласно Тациту (о просенатской ориентации которого никогда не следует забывать), он обдумывал вопрос о том, кого же сделать козлом отпущения.

И вот Нерон, чтобы побороть слухи, приискал виноватых и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами. Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиберии прокуратор Понтий Пилат; подавленное на время, это зловерное суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев. Итак, сначала были схвачены те, кто открыто признавал себя принадлежащими к этой секте, а затем по их указаниям и великое множество прочих, изблеченных не столько в злодейском поджоге, сколько в ненависти к роду человеческому. Их умерщвление сопровождалось издевательствами, ибо их облачали в шкуры диких зверей, дабы они были растерзаны насмерть собаками, распинали на крестах или обреченных на смерть в огне поджигали с наступлением темноты ради ночного освещения... И хотя на христианах лежала вина и они заслуживали самой суровой кары, все же эти жестокости пробуждали сострадание к ним, ибо казалось, что их истребляют не в видах общественной пользы, а вследствие кровожадности одного Нерона ⁸¹.

(Перевод А.С. Бобовича)

После того как трущобы были сметены, Нерон с явным удовольствием принялся за восстановление города на принципах своей мечты. Взносы, которые приблизили бы осуществление этой цели, были испрошены (или затребованы) со всех городов Империи, и те, чьи дома были разрушены, используя эти средства, смогли построить новые. Новые улицы делались широкими и прямыми, новые дома должны были иметь фасады, а первые этажи —

* Тацит (XV, 38), Светоний («Нерон», 38) и Дион Кассий (XII, 16) едины в обвинении Нерона как инициатора и виновника пожара, затеянного ради перестройки Рима. У нас нет доказательств ни его вины, ни его невинности.

строиться из камня, и от хозяев требовали отделять их от других строений промежутком, который воспрепятствовал бы распространению пламени. Ручьи, протекавшие под городом, были отведены в резервное водохранилище, откуда можно было бы брать воду в случае будущих возгораний. На средства императорской казны Нерон выстроил портики вдоль оживленных улиц, обеспечив таким образом дающими тень входами тысячи домов. Любители старины и пожилые люди тосковали по живописным, освященным временем пейзажам древнего города; но вскоре все согласилось с тем, что из пожара восстал более здоровый, безопасный и красивый Рим.

Нерон мог заслужить прощение всех своих преступлений, если бы теперь ему удалось преобразовать свою жизнь так же, как он перестроил свою столицу. Но в 65 году умирает Поппея, которую, на последних месяцах беременности, по слухам, ударил в живот император; молва утверждала, что таков был ответ Нерона на ее упреки в том, что он слишком поздно вернулся домой со скачек⁸². Он горько скорбел о ее смерти, потому что страстно ждал от нее наследника. Он приказал забальзамировать ее тело при помощи редких умашений, устроил пышные похороны и выступил с похвальной речью над ее телом. Встретив юношу по имени Спор, который очень напоминал ему Поппею, Нерон приказал его оскопить, женился на нем, соблюдая все формальности, и «пользовался им, словно женщиной»; после этого бракосочетания пошла шутка, выражавшая сожаление, что у отца Нерона не было такой же жены⁸³. В том же году он начал строительство своего Золотого Дома; его дорогие украшения, стоимость и протяженность — он покрывал площадь, которая давала прежде приют для многих тысяч бедняков, — послужили причиной возобновления недовольства аристократии и подозрений плебса.

Внезапно согладатаи Нерона известили его о возникновении разветвленного заговора, главной целью которого было возведение на трон Кальпурния Пизона (65 г.). Его агенты схватили нескольких второстепенных участников заговора и пытками или угрозами вытянули из них признания, согласно которым в число заговорщиков входили наряду с прочими поэт Лукан и Сенека. Шаг за шагом перед принципсом раскрывался весь план заговорщиков. Месть Нерона была столь свирепой, что Рим с доверием принял слух о том, будто Нерон поклялся истребить весь сенаторский класс. Когда Сенека получил приказ покончить с собой, он какое-то время пытался объяснить, а затем покорился; Лукан также покончил с собой, вскрыв вены, и умер, читая свои стихи. Тигеллин, завидовавший влиянию Петрония на Нерона, подкупил одного из рабов нашего эпикурейца, чтобы получить от него показания против хозяина, и уговорил Нерона отдать приказ о смерти Петрония. Петроний умирал не торопясь, он то вскрывал вены, то вновь закрывал их, беседовал в своей обычной легкой манере с друзьями и читал им стихи; после прогулки и короткого сна он вновь вскрыл вены и тихо умер⁸⁴. Тразея Пет, ведущий приверженец стоической философии в сенате, был приговорен на том расплывчатом основании, что недостаточно горячо почитал императора, не восхищался пением Нерона и составил похвальное слово Катону. Его зять Гельвидий Приск был приговорен всего лишь к изгнанию, но двое сочинителей были умерщвлены за то, что восхваляли Тразею и Гельвидия в своих писаниях. Музоний Руф, философ-стоик, и Кассий Лонгин, выдающийся юрист, отправились в ссылку; два брата Сенеки — Анней Мела, отец Лукана, и Анней

Новат, тот самый Галлион, что освободил в Коринфе Святого Павла,— были приговорены к самоубийству.

Расчистив и обезопасив тылы, Нерон в 66 году покинул Италию, чтобы принять участие в Олимпийских состязаниях и объехать с концертами Грецию. «Греки,— отмечал он,— это единственные, кто имеет уши, способные ценить музыку»⁸⁵. В Олимпии он правил на скачках квадригой; он был выброшен из повозки и едва не разбился насмерть; вновь усевшись в колесницу, он какое-то время продолжал состязание, но затем сошел с круга, не пройдя всей дистанции. Судьи, однако, прекрасно знали, что имеют дело не с атлетом, но с императором, и наградили его победным венком. Осчастливленный аплодисментами толпы, он объявил, что отныне не только Афины и Спарта, но и вся Греция свободна, то есть не должна платить никаких налогов Риму. Греческие города пошли ему навстречу, организовав Олимпийские, Пифийские, Немейские и Истмийские игры в один и тот же год. Он, со своей стороны, участвовал в них как певец, арфист, актер или атлет. Он тщательно соблюдал правила различных соревнований, был сама любезность по отношению к своим соперникам и даровал им всем римское гражданство как утешение за их нескончаемые поражения. Посреди концертного тура он получил известия о восстании в Иудее, а также о том, что весь Запад готов вот-вот вспыхнуть мятежом. Он вздохнул и продолжал свой путь. Когда он пел в театре, говорит Светоний, «никому не позволялось выходить, даже если основания для ухода были самые безотлагательные. Поэтому некоторым женщинам приходилось рожать прямо в театре, а кто-то симулировал смерть, лишь бы его вынесли прочь»⁸⁶. В Коринфе он повелел приступить к постройке канала, который, как планировал Цезарь, прорежет Истмийский перешеек. Работы были начаты, но оставлены через год, когда Империя погрузилась в хаос. Растревоженный сообщениями о новых восстаниях и заговорах, Нерон вернулся в Италию (67 г.), вступил триумфатором в Рим и показал, словно трофеи, 1808 призов, завоеванных им в Греции.

Трагическая развязка этой комедии стремительно приближалась. В Марте 68 г. губернатор Галлии, находившийся в Лионе, Юлий Виндекс, объявил о независимости Галлии. Когда Нерон предложил 2 500 000 сестерциев за его голову, Виндекс резко возразил: «Тот, кто доставит мне голову Нерона, может взамен снять голову с меня»⁸⁷. Готовясь вступить в сражение с этим мужественным противником, Нерон прежде всего был озабочен тем, откуда взять повозки, на которых он намеревался везти музыкальные инструменты и театральные декорации⁸⁸. Но в апреле в Рим пришла весть о том, что Гальба, предводитель римской армии в Испании, присоединился к Виндексу и двинулся на столицу. Прослышав о том, что за соответствующее вознаграждение преторианцы готовы покинуть Нерона, сенат провозгласил Гальбу императором. Нерон положил в коробочку яд и, вооружившись таким образом, бежал из своего Золотого Дома в Сервилиевы Сады, расположенные на дороге в Остию. Он просил офицеров гвардии, присутствовавших во дворце, сопровождать его; все ответили отказом, а один из них процитировал строчку из Вергилия: «Неужели это так трудно — умереть?» Он не мог поверить, что всемогущество, которое разрушило его, столь стремительно выскользнуло из его рук. Он рассылал многим своим друзьям просьбы о помощи, но ни один не отозвался на его призыв. Он спустился к Тибру, чтобы утопиться, но храбрость оставила его. Фаон,

один из его вольноотпущенников, предложил укрыть его на своей вилле, расположенной на Соляной дороге; Нерон ухватился за это предложение и в темноте проскакал четыре мили прочь из центра Рима. Он провел ночь в погребке Фаона, укутавшись в грязную тунику, без сна и мучаясь от голода, вздрагивая от каждого шороха. Посыльный Фаона принес известие, что сенат объявил Нерона врагом общества, приказал арестовать его и постановил, что он должен быть казнен «по старинному обычаю». Нерон спросил, что это значит. «Приговоренный,— сказали ему,— раздевается донага, голову его зажимают колодкой, а тело секут розгами до смерти». Устрашенный, он пытался пронзить себя кинжалом; но здесь допустил ошибку, проверив сперва острие и найдя его обескураживающе отточенным. *Qualis artifex pereo!* — воскликнул он.— «Какой великий артист погибает!»

На рассвете он услышал стук копыт; солдаты сената выследили его. Произнеся гекзаметр — «Коней, стремительно скачущих, топот мне слух поражает...», — он вонзил себе в горло меч; его рука дрогнула, и вольноотпущенник Эпафродит помог ему вдавить лезвие глубже. Он попросил своих спутников не позволять надругаться над его телом, и агенты Гальбы пообещали, что его воля будет исполнена. Его старые кормилицы и Акта, его прежняя любовница, погребли Нерона в родовом склепе Домициев (68 г.). Множество народа возликовало, узнав о его смерти, и люди носились по городу во фригийских колпаках, символизировавших освобождение. Но еще больше было тех, кто оплакивал его гибель, ибо он был столь же щедр к бедным, сколь свиреп к знати. Они жадно прислушивались к слухам о том, будто в действительности Нерон жив и с боями прорывается к Риму. Но даже смирившись с его смертью, они еще многие месяцы приносили к его могиле цветы⁸⁹.

V. ТРИ ИМПЕРАТОРА

Сервий Сульпиций Гальба въехал в Рим в июне 68 года. Он был выходцем из знатного рода, по отцовской линии возводил свою родословную к Юпитеру, а по материнской — к Пасифае, супруге Миноса и быка. В год своего возвышения он был уже лыс, и подагра настолько искривила его руки и ноги, что он не мог носить обуви и держать книгу⁹⁰. Он обладал вполне заурядными пороками, естественными и противоестественными, но непродолжительность его правления объяснялась отнюдь не ими. Население и армия были шокированы тем, насколько экономно он расходовал общественные средства и насколько неукомпетентно стремился к торжеству правосудия⁹¹. Когда он постановил, что те, кто получил дары и пенсии от Нерона, должны вернуть девять десятых полученного в государственную казну, он приобрел тысячи новых врагов, и дни Гальбы были сочтены.

Разорившийся сенатор Марк Отон объявил, что сможет рассчитаться со своими кредиторами, только став императором⁹². Гвардия провозгласила его верховным правителем, двинулась на Форум и наткнулась там на Гальбу, который ехал в носилках. Гальба, не сопротивляясь, подставил шею под их мечи; солдаты обезглавили его тело, отрубили руки, отрезали губы; один из них понес голову Отону, но с трудом мог удерживать ее в руках, так как волос на ней было мало, и они были залиты кровью; тогда он просунул в рот большой палец и так нес голову дальше. Сенат поспешил признать Отона, в

то время как германские и египетские легионы провозгласили императорами своих военачальников — соответственно Авла Вителлия и Тита Флавия Веспасиана. Вителлий вторгся в Италию во главе своих закаленных отрядов и смело слабо сопротивлявшиеся северные гарнизоны и преторианскую гвардию. Отон покончил с собой после девяноста пяти дней правления, и на трон вззошел Вителлий.

Совсем не в пользу военной организации Империи говорит тот факт, что военное командование в Испании было возложено на такого старика, как Гальба, а в Германии — на такого ленивого эпикурейца, как Вителлий. Это был гурман, которому принципат виделся нескончаемым пиршеством и который превращал любую трапезу в пышный банкет. В промежутках между ними он занимался делами государства; но так как эти промежутки становились все более краткими, заниматься управлением он поручил своему вольноотпущеннику Азиатику, который за четыре месяца стал одним из богатейших людей Рима. Когда Вителлий узнал, что принявший сторону Веспасиана Антоний выступил с армией в Италию, чтобы низложить его, он поручил заботы об обороне своим подчиненным, а сам продолжал пировать. В октябре 69 г. войска Антония разбили вителлианцев близ Кремоны в одном из самых кровопролитных сражений античной истории. Они подступили к Риму, где остатки легионов Вителлия храбро сражались за своего императора, пока тот укрывался во дворце. Народ, пишет Тацит, «собирался в толпу, чтобы наблюдать за сражением, словно эта резня была не чем иным, как представлением, призванным их развлечь»; в разгар битвы разграблению подверглись лавки и дома, а проститутки продолжали усердно заниматься своим ремеслом⁹³. Солдаты Антония одержали верх, беспощадно убивая противников, и без колебаний занялись грабежом. Толпа, рукоплещущая победителям с той же готовностью, что и история, помогала разыскивать вителлианцев. Вителлий был вынуд из своего укрытия, проведен обнаженным через весь город с петлей на шее; его забрасывали навозом и подвергали изощренным и неторопливым истязаниям; наконец над ним сжалились и убили (декабрь 69 г.). Тело, насаженное на крюк, проволокли по улицам и выбросили в Тибр⁹⁴.

VI. ВЕСПАСИАН

Что за облегчение — встретить наконец разумного, способного и честного человека! Веспасиан, руководивший в это время военными действиями в Палестине, не спешил занять выдающееся и опасное положение, которое было завоевано для него его солдатами и без проволочек утверждено сенатом. Когда он прибыл в Рим (октябрь 70 г.), то с вдохновляющей энергией взялся восстановить порядок в обществе, каждая часть и область деятельности которого сошла с приличествующего им места. Понимая, что ему предстоит повторить труды Августа, он решил построить свое поведение и политику, взяв за образец этого принцепса. Он заключил мир с сенатом и восстановил конституционный порядок управления; он освободил или вернул в Рим тех, кто был приговорен на основании закона *lèse-majesté* при Нероне, Гальбе, Отоне и Вителлии; он перестроил армию, ограничил численность и мощь преторианской гвардии, для подавления мятежей в провинциях назначил ком-

петентных полководцев и вскоре мог закрыть врата храма Януса, что было символом и залогом мира.

Ему было шестьдесят лет, но его мощное тело было по-прежнему сильным и крепким. Его телосложение было столь же добротным, как и его характер, его голова была широкой, безволосой и массивной, черты лица — грубыми, но властными, а его небольшие пронизательные глаза умели отличать искренность от притворства. Он не был отмечен печатью гениальности; это был просто человек сильной воли и практического ума. Он родился в сабинской деревушке близ Реате, в чисто плебейской семье. Его приход к власти можно считать революцией в четырех смыслах: на трон взошел человек, не принадлежащий к знати; провинциальная армия победила преторианцев и короновала своего кандидата; династия Флавиев пришла на смену династии Юлиев-Клавдиев; наконец, простые привычки и добродетели итальянского буржуа заменили при дворе императора эпикурейскую расточительность воспитанных в городе потомков Августа и Ливии. Веспасиан никогда не забывал и не пытался скрыть скромность своего происхождения. Когда предвкусившие награду генеалогисты возвели происхождение его семьи к одному из спутников Геракла, император высмеял их так, что заставил замолчать. Время от времени он возвращался в дом, где когда-то появился на свет, чтобы порадоваться деревенским обычаям и пище, и ему не хотелось что-либо здесь менять. Он издевался над роскошью и бездельем, питался крестьянской пищей, один день в месяц постился в объявив войну мотовству. Когда некий римлянин, назначенный им заранее на государственный пост, явился к нему, источая запах духов, Веспасиан заметил: «Лучше бы от тебя воняло чесноком», и отменил свое назначение. Доступ к себе он максимально облегчил, разговаривал и жил с народом на дружеской ноге, смеялся над шутками в свой адрес и предоставил каждому неограниченную свободу критиковать поведение и характер императора. Раскрыв заговор против себя, он простил заговорщиков, сказав лишь, что они глупцы, ибо не представляют, сколь тяжелое это бремя — быть правителем. Он изменил себе только однажды. Гельвидий Приск, восстановленный в сенате по возвращении из ссылки, в которую его отправил Нерон, потребовал восстановить Республику и поносил Веспасиана открыто и не сдерживаясь. Веспасиан попросил его не посещать более заседаний сената, если он намерен упорствовать в своем злословии. Гельвидий ответил отказом. Веспасиан отправил его в изгнание и омыл свое превосходное во всех отношениях царствование, приказав его казнить. Позднее он сожалел об этом поступке и во все остальное время, сообщает Светоний, «обнаруживал величайшую терпимость по отношению к откровенным замечаниям своих друзей... и бесстыдству философов»⁹⁵. Последние были главным образом не стоиками, но киниками, философствующими анархистами, считавшими, что любое правительство держится на обмане, а потому атаковавшими каждого императора.

Чтобы влить свежую кровь в жилы одряхлевшего сената, поредевшего в силу регулирования рождаемости и гражданской войны, Веспасиан добился своего назначения цензором, привел в Рим тысячу знатнейших семейств из Италии и западных провинций, записал их в сословия патрициев и всадников и, несмотря на ожесточенные протесты, пополнил сенат за счет этих новоиспеченных римлян. Новая аристократия, вдохновленная его примером, улучшила мораль римского общества. Она не была еще развращена праздным

богатством и не настолько отдалилась от труда и земли, чтобы с презрением отнестись к рутинным заботам жизни и управления государством; в ней было нечто от порядочности и пристойности нрава императора. Из ее рядов вышли те правители, которые по смерти Домициана даровали Риму столетие мира и компетентности. Сознывая неудобства, которые вытекают из использования в роли исполнителей воли императора вольноотпущенников, Веспасиан заменил их выходцами из провинции и представителями разраставшегося римского всадничества. При их помощи он в девять лет справился со всеми задачами реконструкции.

Он подсчитал, что для того, чтобы сделать государство из банкрота платежеспособным, ему потребуется не менее 40 миллиардов сестерциев^{* *}. Чтобы собрать такую сумму, он обложил налогами все, что только мог, повысил провинциальные подати, вновь обложил налогами Грецию, вернул и сдал в аренду общественные земли, продал императорские дворцы и поместья и настаивал на такой экономии публичных средств, что граждане бранили его, как скупого крестьянина. Налог взимался даже за пользование городскими писсуарами, которые были в Древнем Риме столь же приметной частью пейзажа, как и в Риме современном. Его сын Тит протестовал против столь низменного источника доходов, и тогда стареющий император поднес несколько добытых за счет нового налога монет к носу Тита и произнес: «Посмотри, сынок, они не пахнут»⁹⁷. Светоний обвинял Веспасиана в том, что тот пополнял императорскую казну, продавая государственные должности, а также часто способствовал продвижению по служебной лестнице самых алчных из своих провинциальных ставленников, чтобы те могли разжиреть, пользуясь своим положением, а затем призывал их к себе, расследовал их деятельность и отнимал у них имущество. Этот цепкий финансист никогда, однако, не пользовался этими прибытками для своих личных нужд, но тратил их без остатка, чтобы содействовать экономическому возрождению, развитию архитектуры и культурному расцвету Рима.

На долю этого грубоватого вояки выпало основать первую в истории классической древности систему образования. Он постановил, что определенное число квалифицированных преподавателей латинской и греческой литературы и риторики должно содержаться за счет государства и получать пенсию после двадцати лет службы. Возможно, старый скептик понимал, что преподаватели играют значительную роль в формировании общественного мнения и будут отзываться с большим уважением о том правительстве, которое станет оплачивать их работу. Вероятно, исходя из подобных соображений, он восстановил множество древних храмов даже в сельских районах. Он заново отстроил храм Юпитера, Юноны и Минервы, который был подожен вителианцами над головами укрывшихся в нем сторонников Веспасиана; он возвел величественное святилище Пакс — богини мира; в годы его правления было начато строительство самого знаменитого из римских архитектурных сооружений — Колизея. Высшие классы с раздражением взирали на то, как облагаются податями их состояния, чтобы обеспечить государство средствами для общественных работ, а пролетариев — заработком; труженики тоже не спешили изъявить свою благодарность. Веспасиан поднял народ на работы

^{*} Цифры, приводимые в данном месте Светонием, часто рассматриваются как неправдоподобные; но, возможно, расчет производился в частично обесцененной валюте.

по очистке Рима от трущоб и развалин, доставшихся в наследство городу от недавней войны, и первым принялся выносить обломки. Когда некий изобретатель показал ему чертежи подъемной машины, которая значительно сократила бы необходимость использования человеческих рук на работах по переносу тяжестей и возведению домов, Веспасиан отказался воспользоваться ею, сказав: «Я должен кормить моих бедняков»⁹⁸. Этим мораторием на изобретения Веспасиан обнаружил свое понимание такой проблемы, как технологическая безработица, и принял решение отказаться от индустриальной революции.

Провинции преуспевали, как никогда прежде. Их богатство возросло вдвое — по меньшей мере в денежном выражении — по сравнению с эпохой Августа, и они безропотно выплачивали возросшие подати. Веспасиан отправил способного Агриколу управлять Британией и поручил Титу положить конец восстанию в Иудее. Тит захватил Иерусалим и вернулся в Рим, где его осыпали всеми положенными почестями, какими обыкновенно венчается выдающееся искусство убивать. В пышном триумфе по улицам протянулось долгое шествие пленников, были провезены бесчисленные трофеи, а в память победы была воздвигнута знаменитая арка. Веспасиан гордился успехом сына, но был раздосадован тем, что Тит привез с собой прекрасную иудейскую царевну Беренику, которая была его любовницей и которую он собирался сделать своей женой. И вновь *capta ferum victorem cepit*. Император не понимал, почему на любовнице нужно непременно жениться; он сам после смерти жены жил с вольноотпущенницей, не затрудняя себя женитьбой на ней, а когда эта Ценида умерла, он делил любовь с несколькими наложницами⁹⁹. Он был убежден в том, что преемник его власти должен быть определен до его смерти, иначе приходилось опасаться безвластия. Сенат согласился с ним, но потребовал от него назвать и усыновить «лучшего из лучших» — предпочтительно сенатора; Веспасиан ответил, что считает лучшим Тита. Дабы не усложнять ситуацию, молодой завоеватель расстался с Береникой и пытался утешиться, заведя нескольких новых любовниц¹⁰⁰. После этого император сделал Тита своим соправителем и уступал ему все большую и большую власть.

В 79 г. Веспасиан вновь посетил Реате. Находясь в сабинской деревне, он выпил слишком много слаблящей воды из Кутильского озера, и тут же его стал мучить понос. Даже лежа в постели, он продолжал принимать посольства и исполнять другие обязанности, диктуемые его положением. Почувствовав дыхание смерти, он не расстался со своим простодушным юмором. *Vae! puto deus fio*, заметил он. «Увы, я, кажется, станюлсь богом»¹⁰¹. Совсем почти обессилев, он с помощью прислужников поднялся на ноги со словами: «Император должен умирать стоя». Промолвив это, он умер в возрасте шестидесяти девяти лет после десяти лет благотворного царствования.

VII. ТИТ

Его старший сын, которого тоже звали Титом Флавием Веспасианом, был самым удачливым из всех императоров. Тит умер на второй год своего правления, на сорок втором году жизни, будучи «любимцем человечества»; у него не было времени ни для того, чтобы его успела испортить

власть, ни для того, чтобы лишиться всяких иллюзий относительно своих устремлений. В молодости он отличился как беспощадный полководец и запятнал свое имя распущенностью. Теперь, однако, он не позволил яду всемогущества отравить свою душу, пересмотрел отношение к морали и превратил свое правление в образец мудрости и благородства. Величайшим его недостатком была не знающая удержу щедрость. Он считал напрасно прожитым тот день, когда не осчастливил кого-нибудь подарком. Он слишком много тратил на представления и игры и оставил полную казну, доставшуюся ему от отца, почти столь же пустой, какой ее застал Веспасиан. Он завершил строительство Колизея и возвел новые муниципальные бани. За время его недолгого царствования ни один человек не приговаривался к смертной казни; напротив, он приказал выпороть и изгнать доносчиков. Он поклялся, что скорее будет убит, чем убьет кого-нибудь сам. Когда был раскрыт заговор двух патрициев, собиравшихся отрешить его от власти, он ограничился тем, что послал им предостережение; затем он отправил курьера к матери одного из заговорщиков, которому было поручено утешить ее и объявить, что ее сыну ничто не угрожает.

Его неудачи — это несчастья, над которыми он был не властен. Трехдневный пожар семьдесят девятого года разрушил множество важных построек, включая злополучный храм Юпитера, Юноны и Минервы. В том же году Везувий погубил Помпеи и тысячи италийцев; годом позже в Риме разразилась эпидемия — самая губительная из всех, что случались прежде. Тит делал все, что было в его силах, лишь бы облегчить страдания, вызванные этими бедствиями; «он обнаруживал не просто заинтересованность императора, но отеческую всеобъемлющую любовь»¹⁰². Он умер от лихорадки в 81 г. в том же деревенском доме, в котором не так давно скончался его отец. О его кончине скорбел весь Рим за исключением его брата, который стал его преемником во главе Империи.

VIII. ДОМИЦИАН

Объективный портрет Домициана набросать даже сложнее, чем объективный портрет Нерона. Наши главные источники, по которым мы можем судить о его правлении, — это Тацит и Плиний Младший; при нем они процветали, однако являлись сторонниками сенатской партии, которая вступила с ним в войну на взаимное истребление. Этим враждебно настроенным свидетелям мы можем противопоставить поэтов Стация и Марциала, которые ели Домицианов хлеб или, по крайней мере, надеялись на его щедроты, а потому превозносили его в своих стихах до небес. Может статься, все четверо были правы, ибо последний Флавий, как и многие представители династии Юлиев-Клавдиев, начинал, словно Гавриил, а закончил, как Люцифер. В этом отношении душа Домициана переживала те же метаморфозы, что и его тело: в молодости он был скромненький, изящный, красивый и тонок; в более поздние годы у него было «выступающее брюшко, тонкие ноги и плешивая голова», несмотря на то, что он написал книгу «Об уходе за волосами»¹⁰³. В юности он писал стихи; старея, он перестал доверять своему дару прозаика, и его речи и прокламации составлялись за него другими. Может быть, он был бы счастливей, не будь Тит его братом; но только самые благородные души способны

без зависти переносить успехи ближних. Ревность, испытываемая Домицианом, переросла в молчаливую мрачную озлобленность, потом он стал тайно злоумышлять против брата; Титу пришлось умолять отца простить младшего сына. После смерти Веспасиана Домициан претендовал на то, чтобы стать сонаследником власти императора, и утверждал, что завещание императора было подделано. В ответ Тит предложил ему быть соправителем и преемником; Домициан отказался и продолжал плести заговоры. Когда Тит заболел, повествует Дион Кассий, Домициан приблизил его смерть, обложив больного снегом¹⁰⁴. Мы не в силах установить, насколько правдивы подобные истории, как и рассказы о сексуальной распушенности, которые дошли до нас, — рассказы о том, что Домициан окружил себя проститутками, заставил дочь Тита стать одной из своих наложниц и «расточал свою неслыханную похоть как с женщинами, так и с юношами»¹⁰⁵. Вся латинская историография пропитана современными ей политическими страстями, римский историк наносит партизанские удары, преследуя при этом собственные политические цели.

Если мы посмотрим на то, как Домициан в действительности вел государственные дела в первые десять лет правления, мы обнаружим, что это был удивительно компетентный и даже пуританский император. Как Веспасиан взял себе за образец Августа, так Домициан кажется наследником политики и манер Тиберия. Став пожизненным цензором, он положил конец публикованию грязных пасквилей (хотя и смотрел сквозь пальцы на эпиграммы Марциала), проводил в жизнь Юлиевы законы о прелюбодеянии, пытался покончить с детской проституцией и боролся с распространенностью противоестественного порока, запретил представления мимов из-за их непристойности, приказал казнить весталку, уличенную в инцесте или прелюбодеянии, и запретил кастрировать мальчиков, каковая практика распространялась все шире постольку, поскольку цены на рабов-евнухов непрерывно росли. Ему претило любое кровопролитие, даже ритуальное заклание жертвенного быка. Он был благороден, свободен от предрассудков, чуждался скупости. Он отказывался быть наследником тех, у кого оставались дети, простил все податные недоимки, кроме тех, что скопились за последние пять лет, и отказался давать ход доносам. Он был строгим, но беспристрастным судьей. В роли секретарей у него служили вольноотпущенники, однако он внимательно следил за тем, чтобы их поведение оставалось достойным.

Годы его правления — одна из великих эпох римского градостроительства. Пожары семьдесят девятого и восемьдесят второго годов стали причиной значительных разрушений и лишений. Домициан организовал программу общественного строительства, которая позволила обеспечить занятость и перераспределить богатства¹⁰⁶. Он, как и его предшественники, надеялся вдохнуть жизнь в древнюю религию, украшая храмы и умножая их число. Он вновь отстроил храм Юпитера, Юноны и Минервы, потратив 22 000 000 долларов на то, чтобы покрыть его врата золотыми пластинами и позолотить крышу. Рим восхищался результатом и сожалел о расточительности. Когда Домициан возвел для себя и своей администрации огромный дворец, *Domus Flavia*, граждане вполне обоснованно упрекали императора в слишком больших тратах; однако они не сказали и слова против чрезвычайно дорогостоящих игр, благодаря которым он стремился как-то смягчить свою поистине тибериевскую непопулярность. Он построил храм в честь отца и брата; восстановил бани и Пантеон Агриппы, портик Октавии, храмы Исиды и Сераписа; он сделал

пристройки к Колизею, завершил строительство терм Тита и начал возводить термы, достроить которые предстоит Траяну.

В то же время он всерьез поощрял искусство и литературу. Портретная скульптура эпохи Флавиев достигает расцвета в годы его principatus; его монеты на редкость изящны. Чтобы стимулировать поэтическое творчество, он учредил в 86 г. Капитолийские игры, в программу которых входили музыкальные и литературные турниры; для этой цели он построил стадион и музыкальный зал на Марсовом поле. Он оказывал скромную поддержку скромному таланту Стация и нескромному — Марциала. Он заново отстроил общественные библиотеки, погибшие в огне, и пополнил их хранилища, послав переписчиков снять копии с экземпляров, хранящихся в Александрии, — еще одно доказательство того, что эта великая библиотека потеряла лишь малую часть своих сокровищ в пожаре, виновником которого явился Цезарь.

Он хорошо управлял Империей. Как администратор он обладал непреклонностью Тиберия, преследовал казнокрадство, недреманым оком следил за всеми своими ставленниками и их действиями. Как Тиберий ограничил поле деятельности Германика, так и Домициан отозвал Агриколу из Британии после того, как этот предприимчивый военачальник во главе своих армий придвинул границы Империи к самой Шотландии; очевидно, Агрикола хотел пойти дальше, но Домициан сомневался в целесообразности дальнейшего наступления. Этот поступок принцепса был приписан его зависти, и императору пришлось заплатить за него очень дорого, когда историю его правления взялся писать зять Агриколы. На войне его подстерегали схожие с этой неудачи. В 86 г. даки переправились через Дунай, вторглись в римскую провинцию Мезию и разгромили Домициановых военачальников. Принцепс принял командование на себя, превосходно продумал военную кампанию и уже намеревался вступить в Дакию, когда Антонин Сатурнин, римский губернатор Верхней Германии, убедил два легиона, расквартированных в Майнце, провозгласить его императором. Помощники Домициана подавили мятеж, однако его стратегическим решениям был нанесен непоправимый урон, так как противник получил время на то, чтобы подготовиться. Он переправился через Дунай, столкнулся с даками и был ими отбит. Он заключил мир с Децебалом, царем даков, согласился отправлять ему ежегодный *donseur* и, вернувшись в Рим, отпраздновал двойной триумф — над хаттами и даками. После этих событий он довольствовался сооружением лимеса (*limes*), или укрепленной дороги, между Рейном и Дунаем, а также между северным изгибом Дуная и Черным морем.

Мятеж Сатурнина стал поворотным пунктом principatus Домициана, линией водораздела между лучшими и худшими сторонами его личности. Он всегда был холоден и суров; теперь он стал кровожаден. Он был вполне способен хорошо управлять государством, но только в роли самодержца; при нем сенат стремительно терял свое влияние; его бессменные цензорские полномочия сделали это собрание в одно и то же время раболепным и мстительным. Тщеславие, которому подвержены люди самых низких состояний, в положении Домициана не сдерживалось ничем: он заполнил Капитолий своими статуями, провозгласил божественным отца, брата, жену, сестер, а также и себя самого, основал новый жреческий орден — флавиалов (*flaviales*), — которым и было поручено отправлять культ этих новых богов, и приказал официальным лицам называть его в своих документах *Dominus et Deus Nos-*

ter — «Нашим Господином и Богом». Он восседал на троне, благосклонно взирал на посетителей, обнимавших его колени, и установил в своем богато украшенном дворце восточный придворный этикет. Приципат превратился, таким образом, из-за возросшей политической роли армии и упадка сената в неограниченную монархию.

Против этого процесса выступила не только аристократия, но также философы и религии, приходившие в Рим с Востока. Евреи и христиане отказывались поклоняться кумиру Домициана, киники открыто порицали любое правительство, а стоики, хотя и признавали такую форму правления, как царская власть, считали своим долгом противостоять деспотизму и приветствовали убийство тирана. В 89 г. Домициан изгнал философов из Рима, в 95 г. он выгнал их за пределы Италии. Действие эдикта 89 г. распространялось также на астрологов, которые своими предсказаниями смерти императора наполнили новыми страхами его дух, опустошенный и лишенный веры, а потому открытый для суеверий. В 93 г. Домициан казнил нескольких христиан за то, что они отказались приносить жертвы перед его изображением; согласно преданию, среди них был и его племянник Флавий Клемент¹⁰⁷.

В последние годы правления страх императора перед заговорами превратился чуть ли не в манию. Он отдал полированным камнем стены портиков, по которым прогуливался, чтобы видеть в них отражение тех, кто шел за ним следом. Он жаловался на долю правителей: когда они утверждают, что раскрыли заговор, никто им не верит, за исключением тех случаев, когда заговорщики добиваются успеха. Как и Тиберий, с возрастом он все охотнее прислушивался к доносчикам; а так как число их многократно возросло, ни один гражданин — невзирая на свое положение — не мог себя чувствовать в безопасности даже в стенах собственного дома. После мятежа Сатурнина обвинений и приговоров становилось все больше; аристократов отправляли в изгнание или убивали; лица, находившиеся под подозрением, подвергались пыткам настолько жестоким, что иногда «огонь подносили даже к половым органам»¹⁰⁸. Устрашенный сенат, не исключая и самого Тацита, который пишет об этих событиях с незабываемой горечью, стал орудием судопроизводства и осуждения; после каждой казни он благодарил богов за спасение принцепса.

Домициан совершил ошибку, нагнав страху даже на собственную челядь. В 96 г. он приказал казнить своего секретаря Эпафродита за то, что двадцать семь лет назад он помог Нерону покончить с собой. Другие вольноотпущенники императора почувствовали, что и они находятся под угрозой. Чтобы защитить себя, они решили убить Домициана, и его жена Домиция примкнула к заговору. В свою предпоследнюю на этой земле ночь он в страхе вскочил с кровати. Когда наступило условленное время, слуга Домиции нанес первый удар; в нападении приняли участие еще четверо; Домициан, яростно сопротивляясь убийцам, встретил смерть в сорок пять лет, на пятнадцатом году своего правления (96 г.). Когда известие о его гибели достигло ушей сенаторов, они сорвали и уничтожили все его изображения, находившиеся в курии, и постановили, что все его статуи и все надписи, в которых упоминается его имя, должны быть стерты с лица земли во всех уголках Империи.

История была несправедлива к этому «веку деспотов», ибо здесь ее глашатаями были самые блестящие и пристрастные из когда-либо существо-

вавших историков. Никуда не уйти от того факта, что сплетни Светония часто подтверждают инвективы Тацита или следуют в их русле; однако изучение литературы и надписей показывает, насколько они оба заблуждались, принимая пороки императоров за истинное содержание истории Империи этой эпохи. Даже в худших из этих правителей было что-то привлекательное: преданность государству — в Тиберии, подкупающая легкомысленность — в Калигуле, глубокая ученость и трудолюбие — в Клавдии, бьющее через край чувство прекрасного — в Нероне, строгость и компетентность — в Домициане. За кулисами прелюбодеяний и убийств сформировалась административная система, которая на протяжении всего этого периода поддерживала образцовый порядок в управлении провинциями. Главными жертвами своей власти были сами императоры. Какая-то болезнь в крови, питаемая жаром не знающей удержу страсти, преследовала Юлиев-Клавдиев с той же неотвратимостью, что и детей Атрея; и какой-то изъян в их душевном складе стал причиной того, что одно и то же поколение Флавиев дало образцы как терпеливой государственной деятельности, так и ужасающей свирепости. Семь из десяти принцепсов встретили насильственный конец; почти все они были несчастливы, окружены заговорами, непорядочностью и интригами, пытаясь править целым миром из погруженного в анархию дома. Они потакали своим страстям, так как понимали, сколь непостоянно их всемогущество; они жили, ежедневно терзаясь страхами, которые присущи людям, обреченным на раннюю и неожиданную смерть. Они опускались, ибо были выше закона; они переставали быть людьми, ибо власть сделала их богами.

Однако нам не следует отпускать грехи ни этой эпохе, ни принципату. Принципат даровал мир Империи, но террор — Риму, он подорвал нравственность, так как разлагающие образцы жестокости и похоти стояли во главе государства; он рвал Италию на части в гражданской войне, куда более ожесточенной, чем война Цезаря и Помпея; он наполнил острова изгнанниками и убил лучших и отважнейших. Он приветствовал предательство родственников и друзей, щедро награждая алчных соглядатаев. В Риме он поставил на место правления законов тиранию людей. За счет роста податей он возвел гигантские постройки, но заставил пресмыкаться души, запугав творческие и одаренные умы, заставив их молчать и раболепствовать. Но самое важное то, что главной силой в государстве он сделал армию. Власть принцепса над сенатом заключалась не в превосходстве его гения, не в традиции, не в престиже; она опиралась на копья гвардейцев. Когда провинциальные армии увидели, как возводятся на трон императоры, сколь щедрые подарки и трофеи обещает им столица, они оставили преторианцев не у дел и сами занялись изготовлением царей. И все же на протяжении еще одного столетия мудрость великих правителей, пришедших к власти благодаря усыновлению, а не насилию, наследственным правам или богатству, будет держать в узде легионы и обеспечивать безопасность рубежей. Но после того, как любовь философа возведет на трон нового идиота, армии поднимут мятежи, хаос прорвет тонкую плеву порядка, и гражданская война подаст руку терпеливо ожидающим своего часа варварам, чтобы опрокинуть ту благородную и ненадежную конструкцию, которая была возведена гением Августа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Holmes, *Architect of the Roman Empire*, 108.
- ² Светоний. *Тибериус*, 68.
- ³ Там же, 69.
- ⁴ Тацит. *Анналы*, I, 11.
- ⁵ Светоний, 23.
- ⁶ Дион, LVII, 18.
- ⁷ Там же, 6; Светоний, 30; Тацит. *Анналы*, IV, 6.
- ⁸ Светоний, 27.
- ⁹ Тацит, ук. место.
- ¹⁰ Светоний, 32.
- ¹¹ Ferrero, G. *Women of the Caesars*, 136.
- ¹² Тацит, II, 50.
- ¹³ Там же, IV, 57.
- ¹⁴ Дион, LVII, 11.
- ¹⁵ Ferrero. *Women*, 140.
- ¹⁶ Тацит, IV, 57; Светоний, 42–44.
- ¹⁷ САН, X, 638.
- ¹⁸ Тацит, IV, 58.
- ¹⁹ Светоний, 60.
- ²⁰ Тацит, IV, 70.
- ²¹ Там же, VI, 50.
- ²² Mommsen, T., *Provinces of the Roman Empire*, II, 187.
- ²³ Иосиф Флавий. *Иудейские древности*, XIX, 1.15.
- ²⁴ Светоний. *Гай*, 50–51.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Дион, LIX, 5.
- ²⁷ Светоний. *Гай*, 29, 32.
- ²⁸ Дион, LIX, 26.
- ²⁹ Светоний, 24.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Сенека. *К Гельвию*, X, 4.
- ³² Светоний, 40.
- ³³ Там же, 38.
- ³⁴ Там же, 30.
- ³⁵ Дион, LIX, 3.
- ³⁶ Светоний, 27.
- ^{37–38} В защиту Калигулы. См.: Balsdon. *The Emperor Gaius*, 33 etc.
- ³⁹ Дион, LIV, 28.
- ⁴⁰ Balsdon, 161.
- ⁴¹ Там же, 168.
- ⁴² Дион, LIV, 29.
- ⁴³ Светоний. *Клавдий*, 29.
- ⁴⁴ Дион, LX, 10.
- ⁴⁵ Светоний, 21.
- ⁴⁶ Сенека. *Отыквление*, 3.
- ⁴⁷ Тацит, XII, 53.
- ⁴⁸ Светоний, 28.
- ⁴⁹ Brittain, 244.

- ⁵⁰ Светоний, 37; Дион, LX, 14.
⁵¹ Светоний, 50.
⁵² Дион, LX, 18.
⁵³ Тацит, XI, 12.
⁵⁴ Там же, 25.
⁵⁵ Дион, LXI, 31.
⁵⁶ Ferrero. *Women*, 226.
⁵⁷ Buchan, 247.
⁵⁸ Тацит, XI, 25.
⁵⁹ Плиний. *Естественная история*, IX, 117.
⁶⁰ Тацит, XIII, 43.
⁶¹ Дион, LXI, 34.
⁶² Там же, 2.
⁶³ Светоний. *Нерон*, 52.
⁶⁴ Дион, LXI, 3.
⁶⁵ Тацит, XIII, 4.
⁶⁶ Henderson, B., *Life and Principate of the Emperor Nero*, 75.
⁶⁷ Тацит, XV, 48.
⁶⁸ Светоний, 56.
⁶⁹ Там же, 27.
⁷⁰ Тацит, XVI, 18.
⁷¹ Дион, LXII, 15; LXI, 7; Светоний, 26.
⁷² Дион, LXII, 14; Тацит, XIV, 5, добавляет, что некоторые писатели подвергают весь этот рассказ сомнению.
⁷³ Тацит, XIV, 10.
⁷⁴ Там же, XIII, 3.
⁷⁵ Светоний, 20.
⁷⁶ Там же, 41; Дион, LXIII, 26.
⁷⁷ Светоний, 52.
⁷⁸ Там же, 11.
⁷⁹ Тацит, XIV, 60.
⁸⁰ САН, X, 722.
⁸¹ Тацит, XV, 44.
⁸² Там же, XVI, 6; Светоний, 25.
⁸³ Дион, LXII, 27; Светоний, 27.
⁸⁴ Тацит, XVI, 18.
⁸⁵ Светоний, 22.
⁸⁶ Там же.
⁸⁷ Дион, LXIII, 23.
⁸⁸ Светоний, 43.
⁸⁹ Там же, 57.
⁹⁰ Светоний. *Гальба*, 23.
⁹¹ Тацит. *История*, I, 49.
⁹² Светоний. *Отон*, 5.
⁹³ Тацит. *История*, III, 67.
⁹⁴ Светоний. *Вителлий*, 17.
⁹⁵ Светоний. *Веспасиан*, 13.
⁹⁶ Там же, 16.
⁹⁷ Дион, LXV, 14.
⁹⁸ Светоний, 18.
⁹⁹ Там же, 21.
¹⁰⁰ Тацит. *История*, II, 2.

¹⁰¹ Светоний, 23–24.

¹⁰² Светоний. *Тит*, 8.

¹⁰³ Светоний. *Домициан*, 18.

¹⁰⁴ Дион, LXVI, 26.

¹⁰⁵ Светоний, 22; Дион, LXVII, 6.

¹⁰⁶ Frank. *Economic Survey*, V, 56.

¹⁰⁷ Дион, LXVII, 14.

¹⁰⁸ Светоний, 10.

Серебряный век

14—96 гг.

I. ДИЛЕТАНТЫ

ТРАДИЦИЯ называет эпоху латинской литературы между 14 и 117 годами серебряным веком, намекая тем самым на известный культурный упадок, если сравнивать этот период с веком Августа. Традиция — глашатай времени, время — орудие селекции; осторожный разум будет с почтением относиться к их вердикту, потому что только молодость умеет судить лучше, чем двадцать веков предания. Однако нам следует воздержаться на какое-то время от окончательного приговора, внимать Лукану, Петронию, Сенеке, Плинию Старшему, Цельсу, Стацию, Марциалу, Квинтилиану, а в следующих главах Тациту, Ювеналу, Плинию Младшему и Эпиктету свободным от предубеждения слухом, так, словно нам совершенно невдомек, что они принадлежат к эпохе упадка. Во все времена что-то приходит в упадок, а что-то растет. Что касается эпиграммы, сатиры, романа, истории и философии, то здесь серебряный век знаменует собой расцвет римской литературы, а его реалистическая скульптура и массовая архитектура — вершину римского искусства.

Речь простого человека снова получила доступ в литературу, уменьшив количество флексий, ослабив синтаксические структуры и с галльской дерзостью избавляясь от конечных согласных. К середине первого века нашей эры латинское V (произносившееся как английское W) и B (между гласными) редуцировались в звук, напоминающий английское V; так, *habere* — «иметь» стало звучать *havege*, приблизившись к произношению итальянского *avege* и французского *avoir*; в то же время *vinum* — «вино» — приблизилось по звучанию (посредством утраты конечного согласного флексии) к итальянскому *vin* и французскому *vin*. Латинский язык готовился дать жизнь итальянскому, испанскому и французскому.

Необходимо признать, что расцвет риторики происходил теперь за счет истинного красноречия, грамматики — в ущерб поэзии. Способные люди как никогда ранее стали посвящать себя изучению формы, эволюции и тонкостей языка, издавать ставшие к этому времени «классическими» тексты, формулировать священные законы литературной композиции, судебного красноречия, поэтической метрики и прозаического ритма. Клавдий попытался провести реформу алфавита, Нерон сделал поэзию модной своим личным, почти японским, примером; Сенека Старший писал учебники по риторике, объясняя свои занятия тем, что красноречие удваивает силы того, кто прибегает к его услугам. Без помощи красноречия заметного положения в Риме могли добиться только полководцы; но даже полководцам приходилось быть ораторами. Безумное увлечение риторикой проявилось во всех литературных формах: поэзия стала риторической, проза — поэтизировалась, и сам Плиний не преми-

нул составить по правилам риторики одну страничку своей шеститомной «Естественной истории». Творцы стали тщательно отделять свои фразы, следя за тем, чтобы они не теряли равновесия, соразмерности и мелодичности; историки писали декламации, философы испытывали эпиграмматический зуд, и каждый, кому не лень, сочинял сентенции (*sententiae*) — концентрированные сгустки мудрости. Весь образованный и просвещенный мир писал стихи и читал их перед друзьями, арендуя для этого залы или театры, за столом и даже (жаловался Марциал) в бане. Поэты выступали в публичных состязаниях, выигрывали призы, чествовались муниципалитетами и увенчивались императорами; аристократы и принцепсы благосклонно принимали посвящения и восторженные похвалы, платя за них обедами и денариями. Страсть к поэзии и как ее следствие любительское сочинительство придавали некоторую прелесть эпохе и городу, омраченным половой распущенностью и периодическим террором.

Террор и поэзия встретились в судьбе Лукана. Сенека Старший был его дедом, Сенека — философ — дядей. Рожденный в Кордубе в 39 г. и названный Марком Аннеем Луканом, он попал в Рим еще младенцем и рос в аристократических кругах, для которых философия и поэзия были таким же средоточием жизненных интересов, как любовные и политические интриги. В двадцать один год он участвует в Нероновых играх с поэмой «Похвала Нерону» и завоевывает награду. Сенека представил его при дворе, и вскоре поэт и император соперничали в эпическом жанре. Лукан допустил ошибку, одержав победу в поэтическом состязании с принцепсом; Нерон приказал ему отказаться от дальнейшего обнародования своих произведений, и Лукан уединился, чтобы отомстить за себя сильным, но риторичным эпосом «Фарсалия» (*Pharsalia*), в котором гражданские войны оценивались с точки зрения поддерживавшей Помпея аристократии. Лукан справедлив по отношению к Цезарю и обронил насчет него удивительно меткую фразу: *nil actum credens cum quid superasset agendum* — «полагавший, что ничего не сделано, если ему оставалось совершить еще что-либо»¹. Однако настоящий герой книги — Катон Младший, которого Лукан сравнивает с богами в ставшей знаменитой строчке: *victrix causa deis placuit, sed victa Catoni* — «Побеждающее дело было любезно богам, но побежденное — Катону»². Лукану тоже было любезно «побежденное дело», и он умер за него. Он участвовал в заговоре, имевшем целью заменить Нерона Пизоном, был арестован, сломлен (ему истолнилось тогда лишь двадцать шесть) и назвал имена других заговорщиков и даже, сообщают нам, имя своей матери. Когда Нерон утвердил вынесенный ему смертный приговор, к нему вернулось мужество, он созвал друзей на пир, наелся на нем до отвала, вскрыл вены и, истекая кровью, декламировал свои стихи против деспотизма (65 г.), пока силы не оставили его.

II. ПЕТРОНИЙ

Мы не можем утверждать с полной уверенностью (это только общее мнение), что Петроний, чей «Сатирикон» по-прежнему интересен читателям, и Гай Петроний, покончивший с собой по приказу Нерона через год после смерти Лукана, — одно и то же лицо. В самой книге мы не найдем ни слова, которое могло бы пролить свет на эту загадку; Тацит, описывающий нашего

arbiter elegantiarum в содержательном и мастерски выпisanном фрагменте, ни разу не упоминает вышеназванное произведение. Петронию приписывают около сорока эпиграмм, в одной из которых есть строчка, фактически суммирующая воззрения Лукреция: *primus in orbe deos fecit timor* — «первым на свете создателем богов был страх»³; однако и эти стихи не могут ничего сообщить о личности их автора.

«Сатирикон» представлял собой сборник сатир, предположительно в шестнадцати книгах, из которых до нас дошли только две последние, и то не полностью. Эти книги представляют собой «сатуры» (*saturae*) в их исконном латинском значении «смеси» — стиха и прозы, приключений и философии, гастрономии и распутства. Их форма в известном смысле восходит к сатирам Мениппа, сирийского киника, который творил в Гадаре около 60 г. до н. э., и «Милетским рассказам», или любовным новеллам, которые приобрели большую популярность в эллинистическом мире. Так как все сохранившиеся образцы этого жанра были написаны позже, «Сатирикон» — древнейший из известных нам романов.

Едва ли можно поверить в то, что знатный аристократ, проводивший свои дни в изысканной роскоши, человек утонченного вкуса мог создать книгу столь глубоко вульгарную, как «Сатирикон». Все его действующие лица — это плебеи, бывшие рабы или просто рабы, все его картины — это изображение жизни в низших слоях общества; этим романом положен насильственный конец возникшей и окрепшей при Августе литературной тенденции изображать исключительно высшие классы. Энколпий, рассказывающий нам эту историю, — прелюбодей, гомосексуалист, лжец и вор, он уверен в том, что и остальные хоть сколько-нибудь разумные люди таковы же. «Мы давно уже пришли между собой к такому соглашению, — говорит он о себе и своем приятеле, — что, когда бы ни появилась возможность чем-нибудь поживиться, мы, не задумываясь, накладываем на это руки, лишь бы пополнить нашу общую казну»⁴. Сюжет завязывается в публичном доме, где Энколпий встречается с Аскилтом, укрывшимся там после занятий философией. Путеводной нитью повествования служат их выходы и проделки в городках южной Италии; их соперничество в любви к красивому мальчику-рабу Гитону объединяет и разделяет их, создавая атмосферу «плутовского романа». Наконец, они приходят в дом торговца Тримальхиона; все следующие страницы сохранившейся части романа посвящены описанию «Пира Тримальхиона» (*Cena Trimalchionis*), самого поразительного литературного пира.

Тримальхион — это бывший раб, которому удалось сколотить состояние; он купил огромную латифундию и живет в роскоши выскочки; его дом, обставленный по-царски, все равно отдает конюшней. Его поместья настолько необозримы, что приходится выпускать ежедневную газету, чтобы держать его в курсе всех доходов. Он приглашает своих гостей выпить:

Вино не по вкусу — перемену! Или покажите, что оно хорошее. Слава богам, у меня не покупное; теперь все скусное у меня в одной усадьбе родится пригородной, где я еще не бывал ни разу. Говорят, между Тарентом где-то и Таррациной. Хотелось бы мне еще к моим имениям в Сицилии полоску прикупить; заблагорассудится в Африку собраться, так по своей земле поеду... Не, я серебро больше уважаю. Кубки есть такие — мало с ведро... У меня

тысяча кубков, тех, что Муммий оставил моему благодетелю... Куплю дешевле, продам дороже, а другие, как хотят, так пусть и живут...⁵

(Перевод А. Гаврилова)

Вдобавок ко всему он совсем незлобив; он кричит на своих рабов, но всегда готов их простить. Рабов у него столько, что только десятая их часть знает хозяина в лицо. «Рабы — это люди, — говорит он, благодушно предаваясь воспоминаниям о своем прошлом, — они вскармливаются тем же молоком, что и мы... мои же будут пить воду свободы, если доживут до того времени». Чтобы доказать серьезность своих намерений, он приказывает внести свое завещание и прочитать его перед гостями. В завещании особо оговаривается текст эпитафии, в конце которого гордо провозглашается: «С малого начал, тридцать миллионов оставил. Философии не обучался»⁶.

Сорок страниц отведены описанию обеда; достаточно нескольких строчек, чтобы донести до читателя аромат этого пиршества:

На совершенно круглом блюде изображены были по окружности двенадцать знаков зодиака, а над каждым рука кухонного мастера поместила свое, подходящее к нему, кушанье: над Овном — овечий горшочек, над Тельцом — кусок телятины... над Девой — матку свинки... над Весаами — ручные весы, на одной чаше которых лежал сырный пирог, а на другой — медовый... как грянет оркестр, да как вскочат четверо, подбежали, приплясывая, и сняли с блюда крышку... И вот видим мы под ней... жирную дичину, вымя свиное, а посередине зайца с крыльями... По углам блюда, видим, стоят четыре Марсия с бурдючками, откуда бежит перченая подливка прямо на рыбок, а те как бы плавают в канавке... внесли блюдо, а на нем лежал огромный кабан... На кlyках его подвешены были две корзинки из пальмовых листьев с финиками... вокруг теснились крошечные поросята из пропеченного теста... Выхватив охотничий нож, он яростно пырнул кабана в брюхо, после чего из раны вылетела стая дроздов⁷.

(Перевод А. Гаврилова)

В комнату вваливаются белые свинки, и гости выбирают, какую из них они хотели бы приготовить для себя; пока они едят, выбранная ими свинка поджаривается поварами; вскоре ее вносят в пиришественный зал; когда ее разрезают, из брюха вываливаются колбаски и сосиски. Когда приносят десерт, Энколпий уже не в силах съесть ни кусочка. Однако Тримальхион призывает гостей налегать на еду, уверяя их, что десерт приготовлен полностью из свинины. С потолка спускают обод, на котором помещены алебастровые сосуды с благовониями для каждого гостя, а рабы тем временем наполняют опустевшие чаши старинными винами. Тримальхион напивается вдрызг и начинает приставать к мальчишке-рабу; его тучная жена выражает свое недовольство, и Тримальхион запускает в нее кубком. «Что-о?! — кричал он. — Актерка мне будет перечить?! С каната ее снял, в люди вывел! Ишь, раздулась, как жаба! Ну да кто на чердаке родится, тому дворец не приснится!»⁸ В наказание он приказывает своему мажордому не ставить ее статуи на своей могиле, «а то мне и покойником все с ней грызться».

Это — яркая и грубая сатира; она реалистична только в деталях, и возможно, правдиво изображен в ней лишь крохотный уголок римского быта. Если автором романа является тот самый Петроний, что был связан с Нероном, мы должны видеть в нем безжалостную карикатуру на нуворишей-вольноотпущенников, написанную рукой патриция, которому никогда не приходилось работать ради пропитания. В книге этой нет ни жалости, ни нежности, ни идеалов; безнравственность и коррупция принимаются им как нечто само собой разумеющееся, и жизнь обитателей римского дна представлена так, словно автор смакует свой материал, подавая его без негодования и комментариев. Здесь в поток классической литературы вливаются подонки и отбросы общества, со своими собственными суждениями и вкусами, своим ядреным словарем и шумной витальностью. Порой повествование поднимается до тех сублимированных высот абсурда, непристойности и поношения, которыми венчается эпос о Гаргантюа и Пантагрюэле. «Золотой осел» Апулея будет брести по его стопам; «Жиль Блаз» семнадцать веков спустя будет состязаться с романом Петрония; «Тристрам Шенди» и «Том Джонс» будут следовать извилами все той же литературной традиции. Это самое загадочное произведение римской словесности.

III. ФИЛОСОФЫ

В эту распущенную и сложную эпоху, когда свобода была столь ограничена, а жизнь столь привольна, философия цвела, не соприкасаясь с чувственными радостями этого мира и отнюдь не стремясь к тому, чтобы примириться с существованием этой чувственности. Упадок исконной религиозности оставил после себя моральный вакуум, который философия стремилась заполнить. Родители посылали своих сыновей, а зачастую шли сами, на лекции мужей, которые предлагали им рациональный кодекс цивилизованного поведения или обещали свить покровы вежества для обнаженных страстей. Те, кто мог себе это позволить, нанимали философов затем, чтобы они жили рядом с ними, отчасти играя роль воспитателей, отчасти — духовников, отчасти — ученых собеседников; так, Август держал при себе Ария, советовался с ним практически обо всем и из-за дружбы с ним (если мы можем верить властителю) снисходительно относился к Александрии. Когда умер Друз, Ливия призвала к себе «философа своего мужа» — так выражается Сенека — «чтобы помочь ей перенести утрату»⁹. Нерон, Траян и, конечно, Аврелий имели придворных философов, так теперь рядом с королями живут священники. В последние часы жизни люди охотно звали к своему одру философов просить у них утешения и надежды, как столетия спустя они будут призывать к себе исповедников¹⁰.

Обычная публика никак не могла простить этим учителям того, что они брали жалованье или гонорары. Считалось, что философии достаточно для того, чтобы заменить человеку еду и питье, и поэтому те философы, которые относились к своей профессии не столь возвышенно, были постоянной мишенью издевок простонародья, их критиковал Квинтилиан, их высмеивал Лукиан, им были враждебны императоры. Многие философы вполне заслуживали такого к себе отношения, потому что они облачались

в грубый плащ — своего рода спецодежду — и отращивали кустистую бороду, чтобы придать вид учености чревоугодию, скупости и тщеславию.

«Стоило мне обозреть небольшую часть человеческого существования, — говорит лукиановский персонаж, — и я убедился в том, что все земные стремления пронизаны бессмысленностью и низменностью... Рассудив таким образом, я решил, что лучшим выходом в моем положении было бы узнать истину обо всем этом у философов. Я выбрал лучших из них — если принять за критерий важность облика, бледность лица и длину бороды... Я предал себя в их руки. Заплатив им вперед значительную сумму и собираясь отдать им еще больше после того, как они наделят меня совершенной мудростью, я надеялся, что они посвятят меня в тайны мироустройства. Увы, они отнюдь не развеяли моего изначального невежества, напротив, они еще больше меня запутали своими ежедневными вливаниями — они беседовали о началах и концах, атомах и пустоте, материи и формах. Самой главной моей трудностью было то, что, хотя они говорили разное и их воззрения были полны противоречий, они ждали, что я приму на веру все, что они скажут, и каждый из них тянул меня в свою сторону... Часто иной из них не мог правильно сказать, сколько миль разделяют Афины и Мегары, зато, не колеблясь, вещал о том, сколько шагов отделяют землю от луны»¹¹.

Большинство римских философов следовали стоическому вероучению. Эпикурействующие римляне были слишком заняты вином, женщинами и обжорством, чтобы у них оставалось время для теоретических раздумий. Повсюду в Риме можно было встретить нищенствующих жрецов кинической философии, которые презирали умозрение и призывали людей вернуться к простой жизни, которая не знает, что такое мыло; они соглашались с общепринятым требованием о том, что философ должен быть беден, и вследствие этого их течение было самой малоуважаемой из всех философских школ. Однако Сенека сделал одного из них своим душевным другом. «Почему я не должен высоко ценить Деметрия? — вопрошал он. — Я нашел, что он не нуждается ни в чем». И миллионер-мудрец несказанно удивился, когда чуть ли не голый киник отказался принять от Калигулы дар в двести тысяч сестерциев¹².

Поскольку стоик-римлянин был скорее человеком действия, чем созерцания, он сторонился метафизики, считая ее бесполезной, и искал в стоицизме этической философии, которая могла бы помочь сохранению человеческой порядочности, единства семьи и социального порядка, независимых от надзора и попечения сверхъестественных сил. Сущность всех стоических заповедей сводилась к самоконтролю: благодаря ему можно было подчинить страсти разуму и научиться желать только тех благ, которые не поставят душевный покой в зависимость от внешнего мира. В политике стоицизм признавал всеобщее человеческое братство, основанное на том, что отец всех людей — Бог; в то же самое время стоик любил родину и был готов умереть, лишь бы предотвратить ее или свое собственное бесчестие. Сама жизнь всегда оставалась для него предметом свободного выбора; он был волен покинуть ее в любой момент, если из блага она становилась злом. Человеческая совесть должна была стоять выше всех законов. Монархия, по мысли стоиков, явля-

лась печальной необходимостью, когда речь заходила об управлении обширными и населенными различными народами царствами; но убийство деспота было величайшим подвигом.

Римский стоицизм поначалу был многим обязан принципату; ограничение политической свободы заставило многих удалиться с Форума и предаться научным занятиям, а самые возвышенные души склонялись к философии, которая позволяла сдерживающей свои страсти личности достичь большей власти над миром, чем это было возможно даже справедливому царю. Правительство не препятствовало свободе мысли и слова до тех пор, пока они не шли в открытую атаку на императора, его семью или официальный культ. Однако когда преподаватели философии и их сенатские покровители принялись поносить тиранию, началась война между философией и автократией, длившаяся до тех пор, пока философия и авторитаризм не воссоединились в лице взошедших на трон усыновленных императоров. Когда Нерон приказал Тразее умереть (65 г.), он в то же время изгнал и друга Тразеи Музония Руфа, самого искреннего и стойкого из римских стоиков первого века. Руф определял философию как исследование правильного образа жизни и относился к своим изысканиям без тени иронии. Он порицал институт наложниц, несмотря на то, что тот был вполне законен, и требовал от мужчин придерживаться тех же стандартов в своей половой жизни, каких было принято требовать от женщин. Сексуальные отношения, утверждал этот античный толстовец, допустимы только в браке, и их единственная цель — порождение потомства. Он верил в то, что оба пола наделены равными способностями к образованию, и приветствовал женщин, посещавших его лекции; однако он противился тому, чтобы они добивались от философии и образования придания своим чарам дополнительной прелести¹³. Его занятия посещали также и рабы; один из них — Эпиктет — прославил своего учителя, пойдя дальше него. Когда после смерти Нерона в Риме вспыхнула гражданская война, Музоний вышел к осаждающей город армии и прочел воинам лекцию о блаженстве мирной жизни и ужасах войны. Войны Антония смеялись над ним, и последнее слово осталось за солдатами. Веспасиан, изгнав из Рима философов, сделал исключение для Руфа; однако наложниц император оставил при себе.

IV. СЕНЕКА

Самое двойственное выражение стоической философии — это жизнь, ее самое совершенное воплощение — писания Луция Аннея Сенеки. Родившийся в Кордубе около четвертого года до н.э., он вскоре попал в Рим и получил все образование, которое ему могла предложить столица мира. Риторике он впитывал у своего отца, стоицизм — у Аттала, пифагорейство — у Сотииона, а с практической политикой познакомился на примере своего дяди, который был римским правителем Египта. В течение года он продержался на вегетарианской диете, затем от нее отказался, однако навсегда остался воздержанным в еде и напитках. То, что он был миллионером, замечалось скорее по его обстановке, чем по его привычкам. Он так страдал астмой и болезнями легких, что часто подумывал о самоубийстве. Он занимался юриспруденцией и в 33 г. был избран квестором. Через два года он женился на Помпее Паулине, с которой жил в редком согласии до самой смерти.

Унаследовав отцовское состояние, он бросил заниматься правом и предался сочинительству. Когда Кремуций Корд был вынужден по настоянию Клеопатры покончить с собой (40 г.), Сенека составил утешительное слово (*consolatio*) дочери Корда Марции — соболезнующее эссе, которое представляло собой популярный в риторических и философских школах литературный жанр. Калигула хотел было казнить его за эту дерзость, однако друзья Сенеки спасли его жизнь, убедив императора, что тот все равно вот-вот умрет от чахотки. Вскоре после этого Клавдий обвинил его в непристойной связи с Юлией, дочерью Германика; сенат приговорил его к смерти, однако Клавдий заменил этот приговор ссылкой на Корсику. На этом суровом острове в окружении такого же первобытного населения, какое застал в Томах Овидий, философ провел восемь одиноких лет (41—49 гг.). Сначала он принял свою участь с истинно стоической кротостью и утешал мать трогательным «Утешением к Гельвии»; однако когда настали более горькие годы, он сломался и посвятил секретарю Клавдия «Утешение к Полибию», в котором смиренно просил о прощении. Когда и это не принесло успеха, он принялся сочинять трагедии, надеясь ими смягчить свои страдания.

Эти странные произведения, в которых каждый персонаж — оратор, предназначались скорее для чтения, чем для постановки на сцене; мы ничего не знаем о том, чтобы они когда-либо игрались в театре; в лучшем случае, некоторые блестящие эпизоды или звучные речи перекладывались на музыку и исполнялись мимами. Мягкий философ затопляет сцену насилием, словно стремится поставить в театре нечто, что могло бы состязаться по кровопролитности с гладиаторскими турнирами. Несмотря на все свои героические усилия, он всегда остается слишком хорошим мыслителем, чтобы быть выдающимся драматургом. Идеи ему более интересны, чем люди, он не пропускает ни одного удобного случая, чтобы не поразмышлять о происходящем, выразить свое мнение или разразиться эпиграммой. В его пьесах найдется несколько прекрасных строчек, однако что касается всего остального, то оно может быть безболезненно забыто. Справедливости ради следует добавить, что множество больших критиков не согласились бы с таким приговором. Скалигер, вождь критики Возрождения, ставил Сенеку выше Еврипида. Когда античная литература вернулась к жизни, именно Сенека послужил образцом для создателей новой драмы на народных языках. Классическая форма и классицистические единства, которыми отмечены пьесы Корнеля и Расина, унаследованы у него, и им было суждено доминировать на французской сцене вплоть до девятнадцатого столетия. В Англии, где его влияние чувствовалось слабее, перевод драм Сенеки, осуществленный Хейвудом (1559 г.), послужил образцом для первой английской трагедии «Горбодук» и оставил свой след в творчестве Шекспира.

В 48 г. Агриппина Младшая отняла у Мессалины власть над Клавдием в Риме. Стремясь превратить своего одиннадцатилетнего сына Нерона в Александра, она смотрела вокруг в поисках Аристотеля и нашла его на Корсике. Она инициировала возвращение Сенеки и его восстановление в рядах сената. В течение пяти лет он был воспитателем юноши и еще пять лет руководил государственной политикой императора. В эти десять лет в назидание Нерону и многим другим он пишет несколько добродушных изложений стоической

философии — «О гневе», «О краткости жизни», «О невозмутимости души», «О милосердии», «О счастливой жизни», «О постоянстве мудреца», «О благодеяниях», «О провидении». Эти формальные трактаты не лучшее из того, что он написал. Как и его пьесы, они блещут россыпями эпиграмм; однако эти блестящие, разбрасываемые страница за страницей в ритме стаккато, начинают в какой-то момент утомлять и теряют свое обаяние. Но читатели Сенеки знакомились с этими эссе через определенные промежутки времени и отнюдь не порицали то веселое остроумие, которое так не по душе было суровому Квинтилиану¹⁴, или те «засахаренные изюминки» и «яркие заплатки», которые были не по вкусу архаисту Фронтому; публике нравилось, что ее богатый премьер-министр обращается к ней с таким дружелюбием и, как и его ученик, усердно старается заслужить ее аплодисменты. На долгие годы Сенека стал ведущим писателем, государственным деятелем и виноделом Италии.

Он приумножил отцовское состояние при помощи инвестиций, осуществляя которые, он, очевидно, вовсе пользовался своим официальным положением и осведомленностью. Если верить Диону, он ссужал деньги провинциалам под такие высокие проценты, что в Британии вспыхнули паника и волнения, когда он неожиданно потребовал вернуть ему местные долги, которые достигали сорока миллионов сестерциев¹⁵. Его состояние, сообщают нам, достигло трехсот миллионов сестерциев (30 000 000 долларов)¹⁶. В 58 г. старый друг Мессалины доносчик Публий Сулий публично напал на премьера, назвал его «лицемером, прелюбодеем, распутником; человеком, который порицает придворных и не покидает дворца; который порицает роскошь и выставляет напоказ пятьсот обеденных столов из кедра и слоновой кости; который порицает богатство и разоряет провинции своим лихоимством»¹⁷. Как и Цезарь, Сенека ограничился опровержением, хотя мог добиться смертной казни обидчика. В своем эссе «О счастливой жизни» он повторил выдвинутые против него упреки, ответив на них, что мудрец вовсе не обязан прозябать в бедности; если богатство достается ему честным путем, он может принять его; однако он должен быть готов расстаться с ним без сожаления в любой момент¹⁸. Между тем он вел жизнь аскета, окруженный своей роскошной мебелью, спал на жестких матрацах, пил только воду и ел так мало, что, когда он умер, его тело было чрезвычайно истощено недоеданием¹⁹. «Изобилие пищи,— говорил он,— притупляет ум; ее избыток гнетет душу»²⁰. Обвинения в половой распущенности, возможно, были справедливыми, однако относились они скорее к поре его юности, потому что его неослабевающая любовь к жене была всем слишком хорошо известна. В действительности он так никогда и не открыл, что же ему дороже, философия или власть, мудрость или наслаждение; и он никогда не думал, что они несовместимы. Он допускал, что его мудрость была весьма несовершенна. «Я не перестаю прославлять не ту жизнь, которую я веду, но ту, которую должен был бы вести. Я следую за моим идеалом на большом расстоянии, ползком»²¹ — о ком из нас можно было бы сказать иначе? Если он и не вполне искренен, говоря, что «милосердие не подобает никому другому так, как царю или принцепсу»²², он выражает свои чувства по меньшей мере так же хорошо, как и Порция. Он презирал гладиаторские бои до смертного исхода^{23–24}, и Нерон запретил их. Он обезоружил большинство своих критиков тем, что Тацит называет «изяществом, с которым он делился своей мудростью»²⁵. От других он не требовал большего совершенства, чем от себя самого.

Мы уже видели, что управлял Империей он хорошо и что он запятнал свою биографию, попустительствуя худшим преступлениям Нерона, «позволяя совершиться большому злу, чтобы иметь возможность сделать немного добра»²⁶⁻²⁷. Он тяготился этим положением и страстно желал освободиться от этого императорского рабства; он описывал дворец императора как *triste ergastulum* — «мрачную темницу для рабов». Он стал изображать свою жизнь полной стремления к мудрости, словно он всегда сторонился темных лабиринтов власти. Время от времени он с облегчением уходил от политических дел и в шестьдесят лет, словно бодрый юноша, посещал лекции философа Метронакта²⁸. В 62 г. в возрасте шестидесяти шести лет он просил позволить ему уйти в отставку из правительства, где играл все менее значительную роль, однако Нерон не отпустил его. После большого пожара шестьдесят четвертого года, когда Нерон просил всех жителей Империи вносить средства на восстановление Рима, Сенека отдал большую часть своего состояния. Постепенно ему удалось все больше отдаляться от двора; все чаще и чаще оставался он на своих кампанских виллах, надеясь своим почти монашеским затворничеством избежать внимания императора и его шпионов. Какое-то время он питался только дикими яблоками и пил только ключевую воду — он боялся быть отравленным.

Именно в этой атмосфере вялотекущего террора (63—65 гг.) он пишет свои трактаты, посвященные естественнонаучным вопросам (*Quaestiones Naturales*), и самое поразительное из своих произведений — *Epistulae Morales* («Нравственные письма»). Эта книга представляла собой сборник интимных непринужденных посланий, написанных по тому или иному поводу и обращенных к его другу Луцилию — богатому наместнику Сицилии, поэту, философу и убежденному эпикурейцу. Немного найдется в римской литературе книг, пытающихся с такой же прелестью и светскостью приспособить стоицизм к нуждам миллионера. С нее начинается история нового литературного жанра — эссе на свободную тему, который станет излюбленным проводником воззрений Плутарха и Лукиана, Монтеня и Вольтера, Бэкона, Эддисона и Стиля. Читать эти письма — значит вступить в переписку с просвещенным, гуманным и терпимым римлянином, который добился крупных успехов в литературе, государственной деятельности и философии, знал их тонкости и глубины. В них с нами говорит Зенон, который обращается к читателю с мягкостью Эпикура и обаянием Платона. Сенека так просил Луцилия простить ему небрежность стиля (тем не менее его латынь весьма изящна): «Я хотел бы, чтобы мои письма к тебе были такими же безыскусными, как те беседы, когда мы сидим или прогуливаемся, находясь рядом друг с другом»³⁰. «Я пишу это не для многих, но для тебя», — добавляет он, — каждый из нас является для другого достаточной аудиторией (*satis magnum alteri alteri theatrum sumus*)»³¹, хотя старый дипломат, несомненно, рассчитывал на то, что будущие поколения прислушаются к их беседе. Он живо описывает свои приступы астмы, однако в его описаниях не чувствуется жалости к себе; он шутливо называет свою болезнь «школой умирания», когда, задыхаясь, он довольствуется одним глотком воздуха в час. Ему теперь шестьдесят семь лет, но постарело только его тело: «мой разум силен и чуток; он спорит со мной, проклинаям старость; он твердит, что для него старость — это время расцвета»³². Он радуется тому, что теперь у него наконец появится время для чтения хороших книг, которые раньше ему приходилось с сожалением откла-

дывать в сторону. Очевидно, он перечитывает теперь Эпикура, ибо цитирует он его так часто и с таким воодушевлением, что мог бы шокировать любого стоика. Его пугают эксцессы индивидуализма и потворства своим желаниям, которые он видел в Калигуле, Нероне и тысячах других; он хотел бы предложить какой-нибудь противовес искушениям, которые осаждают души тех, кто может жить по своей воле, но еще не достиг нравственной зрелости. Кажется, он решил опровергнуть эпикурействующих сограждан устами того самого учителя, чьим именем они злоупотребляют и чье учение они не дерзают понять.

Первый урок, который нам преподает философия, сводится к тому, что мы не можем быть мудрыми во всем. Мы осколки в бесконечности и мгновения в вечности; если бы подобные нам крохотные атомы принялись описывать вселенную или Высшее Существо, планеты содрогнулись бы от хохота. Исходя из этого убеждения, Сенека не чувствует нужды в метафизике или теологии. Кто-то может доказывать на основании его писаний, что Сенека был монотеистом, другие докажут, что он был политеистом, пантеистом, материалистом, платоником, монистом, дуалистом. Иногда он представляет себе Бога как наделенное личным сознанием Провидение, пекущееся обо всем происходящем, «любящее хороших людей»³³, отвечающее на их молитвы и помогающее им своей божественной милостью³⁴. В других рассуждениях Бог видится ему Первопричиной в непрерывной цепи причин и следствий и главной действующей силой является Судьба, «неумолимая причина, обуславливающая деятельность как людей, так и богов... которая влечет за собой тех, кто покорился ей добровольно, а нежелающих тащит»³⁵⁻³⁶. Той же неопределенностью затемнены его представления о душе: это тончайшее материальное дыхание, дающее жизнь телу; однако это еще и «божество, обитающее в нас, словно некий гость»³⁷. Он с надеждой говорит о жизни после смерти, когда добродетели и знанию суждено воссиять немеркнущим светом³⁸; а в другом месте он отзывается о бессмертии как о «прекрасной мечте»³⁹. На самом деле Сенека никогда не продумывал все эти проблемы до конца, чтобы прийти к некоему последовательному (или публичному) заключению; он рассуждает о них с осторожным непостоянством политика, который согласен со всеми. Он слишком близко следует ораторским урокам, преподанным ему отцом, и излагает каждую точку зрения с неудержимым красноречием.

Те же колебания одновременно и портят и красят его моральную философию. Он был слишком убежденным стоиком, чтобы быть практичным, и слишком мягким человеком, чтобы быть стоиком. Он видит вокруг себя разгул безнравственности, которая истощает тело и иссушает душу, не насыщая ни одно, ни другую; алчность и роскошь уничтожили мир и здоровье, а власть превратила человека в разумного зверя. Как же освободиться от этих постыдных вожелений?

Я прочел сегодня у Эпикура: «Если хочешь наслаждаться подлинной свободой, стань рабом философии». Человек, который ей покоряется, получает свободу здесь и сейчас... Тело, после того как его исцелили, часто болит опять... но разум, излеченный однажды, излечен навсегда. Я скажу тебе, что я понимаю под здоровьем: разум здоров, когда он удовлетворен и уверен в себе, когда он осо-

знает, что все, о чем молятся люди, все благодеяния, к которым они стремятся и которые расточают, совершенно не нужны для счастья... Я открою тебе правило, пользуясь которым ты сможешь судить о себе и о своем развитии: только тогда придешь ты в себя, когда осознаешь, что добившиеся успеха — самые жалкие из людей ⁴⁰.

Философия — это наука мудрости, а мудрость — это искусство жить. Счастье — это конечная цель, путь к которой пролегает через доблесть, а не через наслаждение. Старинные, подвергающиеся осмеянию максимы правильны, и их истинность ежедневно подтверждается опытом; на долгом пути честность, воздержность, справедливость, доброта принесут нам счастья больше, чем погоня за наслаждениями. Наслаждение — благо, но только в том случае, когда его можно совместить с добродетелью; оно не может являться конечной целью мудрого человека; те, кто делают его целью своей жизни, подобны псу, хватающему любой брошенный ему кусок мяса, проглатывающему его целиком, а затем, вместо того чтобы радоваться, с вожделением раскрывающему пасть в ожидании следующего куска ⁴¹.

Но как же приобрести мудрость? Ты должен каждый день упражняться в ней, неважно, насколько скромны твои результаты. В конце каждого дня вспомни, как ты себя вел, как жил сегодня. Будь нетерпим к собственным недостаткам и мягок к ошибкам других. Общайся с теми, кто превосходит тебя мудростью и добродетелью. Выбери какого-нибудь общепризнанного мудреца своим невидимым советчиком и судьей. Тебе поможет чтение философов — не философских компендиев, но оригинальных произведений; «не надейся, что посредством эпитом тебе удастся снять сливки мудрости выдающихся мужей» ⁴²⁻⁴⁴. «С каждым из них ты расстанешься более счастливым и преданным, ни один из них не позволит тебе уйти с пустыми руками... Какое блаженство, какая благородная старость ждет того, кто отдает себя под их покровительство!» ⁴⁵ Хорошие книги читай по несколько раз — лучше прочесть меньше хороших, чем множество плохих. Путешествуй не спеша и не слишком много; «дух не может созреть и обрести цельность, пока ему не удастся побороть свое любопытство и страсть к странствиям» ⁴⁶. «Первый признак упорядоченного разума — это умение оставаться на одном месте и жить в одиночестве» ⁴⁷. Сторонись толпы. «Сойдясь вместе, люди хуже, чем взятые по отдельности. Если тебе придется оказаться в толпе, изо всех сил старайся уйти в себя» ⁴⁸.

Последний урок стоицизма — презрение и добровольный выбор смерти. Жизнь не всегда настолько радостна, чтобы заслуживать продления; после пережитых в жизни лихорадок и приливов энергии хорошо забыться сном. «Что может быть более низменным, чем со страхом мешкать на пороге отдохновения?» ⁴⁹ Если человек находит свою жизнь слишком мучительной и может расстаться с ней, не причиняя вреда другим, ему следует предоставить право выбирать время и способ ухода самому. Сенека с таким жаром проповедует Луцилию самоубийство, словно является его наследником.

Мы не можем жаловаться на жизнь в первую очередь потому, что она никого не удерживает против его воли... Чтобы избавить тебя от лишнего веса, тебе вскрывали вены. Если ты хотел бы пронзить свое сердце, для этого вовсе не обязательно наносить

себе глубокую рану; путь к свободе тебе откроет ланцет, и безмятежность может быть куплена одним булавочным уколом⁵⁰... Куда бы ты ни посмотрел, везде найдется способ положить конец заботам. Ты видишь этот обрыв? — это спуск к свободе. Видишь эту реку, этот водоем, это море? — свобода покоится в их глубинах⁵¹. ...Но я что-то слишком разговорился. Как может положить конец своей жизни человек, не способный закончить письмо?⁵²... Что касается меня, дорогой Луцилий, я достаточно пожил. Я насытился жизнью. Я жду смерти. Прощай⁵³.

Жизнь поймала его на слове. Нерон направил к нему трибуна, которому он должен был ответить на обвинения в участии в заговоре Пизона; Сенека отвечал, что его больше не интересует политика и что он не ищет ничего, кроме покоя и возможности ухаживать за своим слабым и шатким здоровьем. «Он не обнаружил страха, — отчитывался трибун, — не выказал никаких признаков сожаления... его слова и взгляды выдавали спокойствие, ясность и крепость ума». «Вернись, — сказал Нерон, — и прикажи ему умереть». «Сенека выслушал это приказание, — говорит Тацит, — не изменившись в лице». Он обнял жену и попросил ее утешиться тем, что жизнь он прожил безупречную, и внять увещаниям философии. Но Паулина отказалась пережить его; когда он вскрыл свои вены, она поступила так же. Он позвал секретаря и продиктовал прощальное письмо римскому народу. Он попросил, чтобы ему принесли напиток из болиголова, словно выбрав смерть, какой умер Сократ. Когда врач поместил его в теплую ванну, чтобы уменьшить его страдания, он окропил стоявших рядом с ним слуг водой и произнес: «Возлияние Юпитеру и Деметре». Промучившись острой болью еще некоторое время, он скончался (65 г.). По требованию Нерона врач насильно перевязал запястья Паулины и остановил ток крови; она пережила мужа на несколько лет, но постоянная бледность напоминала о ее стоическом решении.

Смерть прославила Сенеку и заставила забыть на одно поколение о его позерстве и непоследовательности. Как и все стоики, он недооценивал мощь и ценность чувства и страсти, преувеличивал значение и надежность разума и слишком доверял природе, в саду которой растут цветы не только добра, но и зла. Однако он гуманизировал стоицизм, сделал его цели более доступными для обычных людей и преобразовал его в просторную прихожую христианства. Его пессимизм, его презрение к безнравственности окружавшей его современности, его совет отвечать приветливо тем, кто гневается на нас⁵⁴, пристальность, с которой он всматривался в проблему смерти⁵⁵, заставили Тертуллиана причислить его к «нашим»⁵⁶, а Августина воскликнуть: «Что такого может сказать христианин, о чем не говорил прежде этот язычник?»⁵⁷ Он не был христианином; но в конечном счете он тоже желал покончить с убийствами и развратом, призывал людей к простой и достойной жизни и стер различия между свободными, вольноотпущенниками и рабами, отозвавшись об этих словах как о «бессмысленных титулах, возникших из гордыни или по ошибке»⁵⁸. При дворе Нерона жил раб — Эпиктет, — которому это учение принесло величайшую пользу. Нерва и Траян находились в известной мере под впечатлением его сочинений и вдохновлялись поданным Сенекой примером ответственной и направленной на благо человека политики. До конца античности и на протяжении средних веков его не переставали любить и читать;

когда настало Возрождение, Петрарка поставил его рядом с Вергилием и относился к его прозе как к образцу для подражания. Шурин Монтеня перевел его на французский, и Монтень цитирует его так же часто, как Сенека Эпикура. Эмерсон перечитывал его снова и снова⁵⁹ и стал американским Сенекой. У него мы не найдем россыпи оригинальных идей; но это простиительно, ибо все философские истины стары, и только заблуждения могут претендовать на оригинальность. Со всеми своими слабостями он был величайшим из римских философов И, по крайней мере, если судить по его книгам, мудрейшим и добрейшим из людей. О был самым милым лицемером истории, уступая в этом отношении только Цицерону.

V. РИМСКАЯ НАУКА

Мы уже много сказали о Сенеке, и тем не менее наш разговор о нем еще не окончен, потому что ко всему прочему он был еще и ученым. В те плодотворные годы, которые протекли между его отставкой и смертью, он развлекался составлением «Естественнонаучных вопросов» и пытался дать научное объяснение таких натуральных явлений, как дождь, град, снег, ветер, кометы, радуги, землетрясения, реки, ручьи. В своей драме «Медeia» он высказал предположение о существовании по другую сторону Атлантики неизвестного континента⁶⁰. Ветомый столь же проникательным наитием, он писал, созерцая ошеломительное множество звезд: «Сколько светил, движущихся в глубинах пространства, остаются скрытыми от человеческого глаза!»⁶¹ И, словно ясно-видец, он добавляет: «Сколько нового узнают наши сыновья, сколько новых вещей, о которых мы не можем сейчас даже помыслить,— сколько неизведанного ждет те века, когда наши имена сотрутся из человеческой памяти!.. Наши потомки изумятся нашему невежеству»⁶². И это так. Сенека, оставаясь при своем красноречии, мало чего может добавить к тому, что уже было сделано Аристотелем и Аратом, и очень многое заимствует у Посидония. Несмотря на возражения Цицерона, он продолжает верить в дивинацию, несмотря на возражения Лукреция, сбивается в наивный телеологизм и постоянно прерывает научный дискурс, чтобы внушать читателю моральные идеи; он искусно переводит разговор с устриц на роскошь, с комет на вырождение. Отцы Церкви любили эту смесь метеорологии и морали, и «Естественнонаучные вопросы» стали самым популярным учебником средних веков.

В Риме было не много людей с истинно научным интеллектом и интересами, таких, как Варрон, Агриппа, Помпоний Мела и Цельс; однако их было еще меньше вне таких дисциплин, как география, садоводство и медицина. Что касается остальных областей знания, то здесь наука еще не отделилась от магии, суеверий, теологии и философии; она состояла из собрания наблюдений и данных традиции, нечасты были свежие интерпретации фактов, редко одной из ее составляющих становился эксперимент. Астрономия находилась на той же стадии, на какой ее развитие остановилось в Вавилонии и Греции. Время по-прежнему определялось при помощи клепсидр и солнечных часов, а также высокого обелиска, который Август захватил в Египте и установил на Марсовом поле; его тень, падавшая на покрытую каменными плитами и размеченную латунными знаками землю, указывала одновременно час и время года⁶³. День и ночь отмечались восходами и заходами солнца; оба эти време-

ни суток делились на двенадцать часов, так что летом дневной час был длиннее, а ночной короче, а зимой наоборот. Астрология была практически общепризнанной наукой. Плиний отмечал, что в его время (70 г.) и образованные и неучи верили в то, что судьба человека определяется звездой, под которой он родился⁶⁴. В защиту своего мнения они приводили тот довод, что вегетативный цикл и, возможно, брачный сезон животных зависят от активности солнца*; что физические и нравственные качества народа определяются климатическими факторами, которые, в свою очередь, подвержены влиянию солнца; что индивидуальный характер и судьба, как и указанные выше общеприродные явления, представляют собой результат определенного положения небесных тел, о котором, однако, трудно получить адекватную информацию. Астрология отвергалась только скептиками и философами поздней Академии, которые отказывались признавать ее мнимые познания, а также христианами, которые высмеивали ее как идолопоклонство. География изучалась в более реалистическом аспекте, ибо ее сведения были необходимы для успешной навигации. Помпоний Мела (43 г.) опубликовал карту земной поверхности, подразделявшейся им на центральную знойную зону и на северную и южную умеренные. Римские географы знали Европу, Юго-Западную и Южную Азию, Северную Африку; относительно всего остального они выдвигали смутные гипотезы и рассказывали фантастические легенды. Испанские и африканские мореходы достигали берегов Мадейры и Канарских островов⁶⁵, но для проверки мечты Сенеки Колумб еще не родился.

Самым обширным, кропотливым и ненаучным продуктом итальянской науки явилась «Естественная история» (*Historia Naturalis*) Гая Плиния Секунда (77 г.). Хотя почти всю свою жизнь он трудился то в роли солдата, то правоведа, то путешественника, то администратора и командующего западного римского флота, он успел написать трактаты, посвященные ораторскому искусству, грамматике, метанию дротика, историю Рима, историю римско-германских войн и — единственное сохранившееся из его многочисленных сочинений — тридцать семь книг по естественной истории. Как удалось ему создать все это за пятьдесят пять лет жизни, объясняется в письме его племянника:

...был он человеком острого ума, невероятного прилежания и способности бодрствовать. Он начинал работать при свете сразу же с Волканалий... задолго до рассвета: зимой с семи, самое позднее с восьми часов, часто с шести... Еще в темноте он отправлялся к императору Веспасиану (тот тоже не тратил ночей даром), а затем по своим должностям. Вернувшись домой, он оставшееся время отдавал занятиям. Поев (днем, по старинному обычаю, простой легкой пищи), он летом, если было время, лежал на солнце; ему читали, а он делал заметки и выписки. Без выписок он ничего не читал... Полежав на солнце, он обычно обливался холодной водой, закусывал и чуточку спал. Затем, словно начиная день сызнова, занимался до обеда. За обедом читалась книга и делались беглые заметки... Таков был распорядок дня среди городских трудов и городской суеты. В деревне он отнимал от занятий только время для бани... Пока его обчищали и обтирали, он что-либо слушал

* Многие крестьяне и в наше время при посадке растений ориентируются на фазы луны.

или диктовал. В дороге, словно отделавшись от остальных забот, он отдавался только этой одной: рядом с ним сидел скорописец с книгой или записной книжкой... Помню, он упрекнул меня за прогулку: «ты мог бы не терять даром этих часов». Потерянным он считал все время, отданное не занятиям⁶⁶.

(Перевод М. Е. Сергеевко)

Его книга, собранная и скомпонованная таким образом, представляла собой энциклопедию, созданную одним человеком, и суммировала итоги научных исследований и заблуждений своего времени. «Моей задачей,— говорит он,— является дать общее описание всего, что существует на свете»⁶⁷. Он обработал двадцать тысяч отдельных тем и просит прощения за то, что ему приходится умалчивать об остальном; он ссылается на 2000 книг, написанных 473 авторами, и объявляет о том, откуда почерпнул приводимые сведения, с щепетильностью, исключительной в античной литературе; он замечает мимоходом, что обнаружил: множество авторов являются заурядными переписчиками чужих книг, не признаваясь в этом открыто. Его стиль суховат, хотя иногда и наряден, однако мы и не можем ожидать от энциклопедиста, что его труд будет захватывающим.

Плиний начинает с того, что отрицает существование богов; они представляют собой, полагает он, обыкновенные природные явления, планеты, полезные отрасли деятельности, которые были персонифицированы и обожествлены. Единственным богом является Природа, то есть совокупность природных сил; и этот бог, по всей видимости, не уделяет особого внимания людским делам⁶⁸. Плиний скромно отказывается от того, чтобы измерить вселенную. Его астрономия — это галактика абсурдов (например: «Во время войны Октавиана с Антонием солнце оставалось тусклым на протяжении почти целого года»⁶⁹; однако ему известен такой феномен, как северное сияние⁷⁰, он приводит не слишком отличающиеся от современных данные относительно периода обращения Марса, Юпитера и Сатурна, отводя им соответственно два, двенадцать и тридцать лет, и аргументированно доказывает сphericность земной поверхности⁷¹. Он сообщает об островах, выступавших из глубин Средиземного моря в современную ему эпоху, и высказывает предположение, что Сицилия и Италия, Беотия и Эвбея, Кипр и Сирия постепенно отделились друг от друга под неторопливым воздействием моря⁷². Он рассуждает о том, насколько трудной и поистине рабской является работа по добыче драгоценных металлов, и с сожалением говорит о том, что для того, «чтобы украсить один-единственный сустав, приходится погубить множество рабочих рук»⁷³. Он хотел бы, чтобы железо никогда не было открыто, ибо благодаря железу войны стали еще более ужасными: «словно для того, чтобы смерть поражала человека еще стремительнее, мы приделали к железу крылья и научили его летать»⁷⁴ — речь здесь идет о железных метательных орудиях, оперенных кусочками кожи для сохранения устойчивости полета. Следуя Теофрасту, он упоминает под названием *anthracitis* (антрацит) «камень, который горит», однако больше об угле мы не найдем у него ни слова⁷⁵. Он говорит об «огнестойком полотне», называемом по-гречески *asbestinon*, «которое используют при бальзамировании усопших царей»⁷⁶. Он описывает или перечисляет множество животных, хвалит их сообразительность и сообщает, как предопределять их пол: «Если вам нужны самки, пусть матка животного бу-

дет перед случкой обращена на север»⁷⁷. Он посвятил медицине двенадцать удивительных книг, в которых речь идет о целебной силе разнообразных металлов и растений. Книги XX—XXV представляют собой римский гербарий, который благодаря посредничеству средних веков послужил отправной точкой для травников современной медицины. Он знает, как исцелить любой недуг — от отравления и дурного запаха изо рта⁷⁸ до «болей в шее»⁷⁹; он перечисляет «стимуляторы полового влечения»⁸⁰ и предостерегает женщин от чихания после совокупления, иначе тут же случится отторжение семени⁸¹. Он рекомендует совокупление как средство от физической усталости, хрипоты, болей в пояснице, слабого зрения, меланхолии и «отчуждения устных способностей»⁸²; предложенная им панacea вполне способна потягаться с дегтярной настойкой епископа Беркли. Посреди подобной бессмыслицы попадает иная раз и полезная информация, особенно часто она касается античной промышленности, манер или лекарств; встречаются и интересные ссылки на атавизм, нефть и перемену пола после рождения. «Муциан рассказывал нам, что однажды он видел в Аргосе человека, носившего тогда имя Аресконт, а прежде именовавшегося Арескусой; что этот человек вышел замуж за мужчину, но вскоре после этого у него выросла борода и появились прочие атрибуты мужского пола, а впоследствии он имел жену»⁸³. То здесь, то там мы натываемся на ценные соображения; так, например, Гимли (1800 г.) занялся исследованием белены и белладонны и их действиям на зрачок под впечатлением Плиниева пассажа⁸⁴, в котором говорилось об использовании анагаллидового сока перед оперированием больных катарактой⁸⁵. В книге мы найдем драгоценные главы о живописи и скульптуре, которые являются древнейшим и основополагающим обзором античного искусства.

Плиний не ограничил круг своих занятий одной натуральной историей; ему хотелось быть также и философом; и на страницах своего труда он не раз высказывает свои замечания о человечестве. Жизнь животных, думает он, приятней человеческого существования, «потому что они никогда не помышляют о славе, деньгах, честолюбии или смерти»⁸⁶. Они могут учиться, не имея никаких учителей, и им не приходится заботиться об одежде. Они никогда не воюют с представителями своего вида. Изобретение денег стало пагубным для человеческого счастья; из-за них возникли проценты, благодаря которым «немногие могут жить в праздности, когда остальные трудятся»⁸⁷. Отсюда ведет начало возникновение крупных поместий, хозяевами которых являются «отсутствующие землевладельцы», и разрушительное вытеснение возделываемых земель пастбищами. Жизнь, по мнению Плиния, заставляет нас куда чаще страдать, чем радоваться, и смерть — это наше высшее благо⁸⁸. После смерти нас ждет ничто⁸⁹.

«Естественная история» — это вечный памятник римского невежества. Плиний собирает в своей книге суеверия, знамения, пишет о приворотных зельях и магических средствах с таким прилежанием, как никто другой, и, надо думать, верит в большинство предметов, о которых пишет. Он думает, что человек, особенно если он постится, может убить змею, плюнув ей в пасть⁹⁰. «Широко известен тот факт, что в Лузитании кобылицы беременеют от западного ветра»⁹¹ — в знаменитой оде Шелли эта деталь опущена. Плиний презирает магию; «однако если женщина во время месячных приблизится к молоку, оно скиснет, а если к семени — оно потеряет плодотворящую силу;

если она сядет под деревом, с него опадут все плоды. Ее взгляд способен затупить стальное лезвие и лишит блеска слоновую кость; если она натолкнется на пчелиный рой, пчелы немедленно погибнут»⁹². Плиний отвергает астрологию, а затем заполняет целые страницы «прогнозами», сделанными на основании поведения солнца и луны⁹³. «В консульство Марка Ацилия, а зачастую и в другие годы, шел кровавый и молочный дождь»⁹⁴. Когда мы принимаем во внимание то обстоятельство, что данный труд вместе с «Естественно-научными вопросами» Сенеки явился практически единственным завещанием средневековой науке о природе, и сопоставляем их с соответствующими произведениями Теофраста и Аристотеля, созданными четырьмя столетиями раньше, мы начинаем ощущать трагизм медленного умирания культуры. Римляне покорили греческий мир, однако к этому времени уже безвозвратно утратили ценнейшую часть греческого наследия.

VI. РИМСКАЯ МЕДИЦИНА

Их успехи в медицине были более значительными. Науку врачевания они также заимствовали у греков, однако им удалось облечь ее в удачные формулировки и умело применять ее заповеди, относящиеся к личной и общественной гигиене. Рим, окруженный одними почти болотами, подверженный источающим миазмы наводнениям, особенно нуждался в общественной санитарии. Около второго века до нашей эры в Риме вспыхивает малярия, задолго до этого малярийные комары поселились в Понтинских болотах⁹⁵. С распространением роскоши все большую силу набирала подагра; Плиний Младший рассказывает о том, как его друг Кореллий Руф страдал этим недугом в возрасте между тридцатью тремя и шестьюдесятью семью годами и, не выдержав однажды своих мучений, покончил с собой, успев, однако, насладиться извещением о том, что ему удалось на день пережить «этого бандита Домициана»⁹⁶. Отдельные пассажи в произведениях римских сатириков наводят на мысль о появлении сифилиса в первом веке нашей эры⁹⁷. Серьезные эпидемии изнуляли Италию в 23 г. до н. э., в 65, 79 и 166 годах.

Народ издавна пытался бороться с болезнями и эпидемиями при помощи магических заклинаний и молитв; даже в эту эпоху люди упрашивали настроенного скептически, но уступчивого Веспасиана исцелить слепоту своей слугой, а хромоту — прикосновением ноги⁹⁸. Они приходили со своими болезнями и приношениями в храм Асклепия и Минервы и многие оставляли там подарки в благодарность за исцеление. Однако в первом веке до нашей эры все больше римлян обращалось к услугам светской медицины. В это время еще не существовало государственного регулирования медицинской практики; сапожники, брадобрее, плотники включали медицину в перечень своих услуг по собственному произволу, призывали на помощь магические средства и составляли, рекламировали и продавали доморощенные лекарства⁹⁹. На этот счет существовали привычные насмешки и жалобы. Плиний повторял проклятия Катона Старшего, призывавшиеся на головы греческих врачей, «которые соблазняют наших жен, богатеют, потчуют нас отравками, учатся на наших страданиях и, экспериментируя, доводят нас до смерти»¹⁰⁰. Петроний, Марциал и Ювенал также участвовали в нападках на медицину; столетие спустя Лукиан будет высмеивать некомпетентность практикующих

врачей, которые скрывают свою бесталанность под показным изяществом своего инструментария¹⁰¹.

И тем не менее, как мы увидим, медицина добилась большого прогресса в Александрии, на Косе, в Траллах, Милете, Эфесе и Пергаме; из этих центров пришли те греческие врачи, которые настолько повысили уровень римского медицинского обслуживания, что Цезарь даровал гражданство представителям этой профессии, обитавшим в Риме, а Август освободил их от налогов. Асклепиад из Прусы удостоился дружбы с Цезарем, Крассом и Антонием. Он объявил, что сердце играет главную роль в перекачке крови и воздуха по организму; он редко прибегал к помощи лекарств и сильнодействующих слабительных; он добивался впечатляющих результатов посредством гидротерапии (бани, примочки, клизмы), массажа, солнечных ванн, упражнений (прогулка, поездки верхом), диеты, поста и воздержания от мясной пищи. Он достиг больших успехов в лечении малярии, операциях на горле и отличался человеческим отношением к умалишенным¹⁰². Он собрал вокруг себя кружок учеников и с некоторыми из них совершал свои обходы. После его смерти ученики и исследователи близкого направления организовали коллегию и построили для себя место собраний на Эсквилине, называвшееся Медицинской Школой (*Schola Medicorum*).

При Веспасиане открылись кафедры, на которых преподавалась медицина, и государство взяло на себя содержание утвержденных на своих должностях профессоров. Языком обучения был греческий, как в наше время языком рецептов остается латынь, — в обоих случаях это явление вызвано к жизни сходными причинами: они равно доступны для людей, говорящих на разных языках. Выпускники этих государственных школ получали титул *medicus a republica* (государственный врач), и после Веспасиана только они имели право заниматься медициной в пределах Рима¹⁰³. Закон Аквилія (*lex Aquilia*) оставлял за государством надзор за медиками и сделал их ответственными за собственные промахи; закон Корнелия (*lex Cornelia*) строго наказывал практикующих врачей, чья беспечность или преступная неосведомленность привела к смерти пациента¹⁰⁴. Шарлатанов хватало, однако нормальная медицинская практика непрерывно возрастала. Большинство римлян появились на свет при помощи повитух, но многие из этих женщин прекрасно знали свое дело¹⁰⁵. К началу второго века военная медицина достигла своего античного апогея: в каждом легионе насчитывалось двадцать четыре хирурга, полевая медицина и служба первой помощи были прекрасно отлажены и рядом с каждым хоть сколько-нибудь значительным лагерем находился госпиталь¹⁰⁶. Частные больницы (*valetudinaria*) открывались отдельными врачами; из них происходят общественные больницы средневековья. Государством оплачивались специальные доктора, которые оказывали бесплатную медицинскую помощь беднякам¹⁰⁷. Богачи держали при себе личных врачей; щедро оплачивали услуги архиатров (*archiатros* — «главный врач») пользующиеся ими императоры, их семьи, слуги и помощники. Иногда семья заключала с врачом контракт, согласно которому тот обязывался оказывать ее членам медицинскую помощь в течение определенного промежутка времени. Благодаря практике такого рода Квинт Стертиний зарабатывал до шестисот тысяч сестерциев в год¹⁰⁸. Хирург Алкон, на которого Клавдий наложил штраф в десять миллионов сестерциев, выплатил его полностью через несколько лет¹⁰⁹.

Профессия врача достигла теперь высокого уровня разделения труда. Существовали такие специалисты, как урологи, гинекологи, акушеры, офтальмологи, ветеринары, дантисты, врачи, занимавшиеся глазными и ушными заболеваниями. Римляне могли вставить себе золотые зубы, металлические зубы, зубы, похожие на настоящие, мосты и пластины¹¹⁰. Врачами были и многие женщины; некоторые из них писали пособия по совершению аборт, которые пользовались особенно большим успехом у великосветских дам и проституток. Врачи-хирурги подразделялись на несколько специальностей и редко занимались обычной практикой. В качестве анестезирующего средства использовали сок мандрагоры или атропин¹¹¹. На развалинах Помпей было обнаружено свыше 200 хирургических инструментов. Анатомирование было запрещено законом, однако зачастую достаточным подспорьем оказывалось обследование раненых или умирающих гладиаторов. Популярна была гидротерапия; в известной мере колоссальные *термы* представляли собой гидротерапевтические учреждения. Хармид из Массалии сколотил состояние, назначая своим пациентам холодные ванны. Больные туберкулезом ездили лечиться в Египет или Северную Африку. Сера служила в качестве специфического средства для лечения кожи и обеззараживания помещений, в которых до этого находились инфекционные больные¹¹². Медикаменты применялись часто, но считались средством, к которому следует прибегать в последнюю очередь. Врачи изготавливали их, ревниво скрывая свою технологию от чужих глаз, и запрашивали с клиентов столько, сколько те были в состоянии заплатить¹¹³. Особенно высоко ценились всяческие омерзительные лекарства: так, помет ящериц использовался как слабительное, иногда больным прописывали принимать человеческие внутренности. Антоний Муза рекомендовал лечить ангину при помощи собачьих экскрементов, Гален употреблял кал подростков для лечения опухолей горла¹¹⁴. Зато бодрые шарлатаны обещали исцелить практически любую болезнь внутренним употреблением вина¹¹⁵.

Из всех авторов этого времени, писавших медицинские трактаты, нам известен только один римлянин, который, собственно говоря, врачом не был. Аврелий Корнелий Цельс был аристократом, который около тридцатого года нашей эры собрал в своей энциклопедии «Об искусствах» (*De Artibus*) написанные им работы по сельскому хозяйству, военному делу, ораторскому искусству, праву, философии и медицине; до нас дошла только часть, посвященная медицине (*De Medicina*). Это величайший медицинский трактат из тех, что были написаны в шестисотлетнем промежутке между Гиппократом и Галеном (по крайней мере из тех, что дошли до нас). Он обладает также и тем достоинством, что написан чистым и классическим латинским языком, и, принимая во внимание это обстоятельство, Цельса наделили прозвищем «Цицерон врачей» (*Cicero medicorum*). Латинские термины, которые являются его переводом соответствующей греческой медицинской номенклатуры, остаются базовыми для современной науки. Шестая книга этого труда показывает, что в античности были неплохо знакомы с венерическими заболеваниями. Седьмая книга содержит превосходное описание хирургических методов; здесь мы найдем самое раннее свидетельство о перевязке кровеносных сосудов, а также описания операций по удалению миндалин, латеральной литотомии, пластической хирургии и оперирования катаракты. В целом данная работа является самым здравым достижением римской научной литературы и наводит на

мысль, что наше мнение о римской науке было бы более лестным, если бы «История» Плиния до нас не дошла. Очень жаль, что ученые пришли к выводу о том, будто трактат Цельса есть не что иное, как компиляция или пересказ греческих текстов¹¹⁶. Утраченный в средние века, он был заново открыт в пятнадцатом столетии, напечатан раньше, чем были напечатаны работы Гипократа и Галена, и сыграл едва ли не главную роль в возрождении медицины и ее трансформации в современную науку.

VII. КВИНТИЛИАН

После того, как Веспасиан основал в Риме государственную кафедру риторики, ее профессором был назначен человек, который, как и многие другие авторы серебряного века, происходил из Испании. Марк Фабий Квинтилиан родился в Калагурре (35 г. ?), приехал в Рим для того, чтобы обучаться ораторскому искусству и открыл риторическую школу; в числе его слушателей были Тацит и Плиний Младший. По описанию Ювенала, в свои зрелые годы он выглядел красивым, благородным, хорошо воспитанным человеком, имел хорошо поставленный голос и превосходно произносил свои речи, держась с достоинством сенатора. В старости он оставил свою должность и написал для своего сына классическое руководство по выбранной им теме — *Institutio Oratoria* («Воспитание оратора») (96 г.).

Я считал, что данный труд будет самой драгоценной частью наследства моего сына, чьи способности были столь замечательны, что со стороны отца требовалось приложить все свои усилия для их развития... Днем и ночью я трудился над воплощением своего замысла и спешил довести его до конца, опасаясь, что смерть не позволит мне завершить начатое. Затем на меня обрушилось столь неожиданное несчастье, что успех моего труда интересует меня меньше, чем кого бы то ни было... Я потерял его — того, с кем были связаны мои самые заветные чаяния, с кем я похоронил мои лучшие надежды, которые могли утешить меня в старости¹¹⁷.

Его жена умерла в девятнадцать лет, оставив Квинтилиана с двумя сыновьями на руках; один из них умер пяти лет, «похитив у меня, можно сказать, один из моих глаз»; теперь скончался и второй, оставив старого учителя «пережившим всех самых близких и дорогих».

Он определяет риторику как науку об умении хорошо говорить. Воспитание оратора следует начинать еще до его рождения: желательно, чтобы он происходил от образованных родителей и впитал правильную речь и хорошие манеры с молоком матери; стать в первом поколении одновременно образованным и благовоспитанным человеком невозможно. Будущий оратор должен изучать музыку, чтобы развить слух, способный воспринимать гармонию; танец, чтобы выработать изящество и чувство ритма; драму, чтобы оживить свое красноречие жестикуляцией и энергией; гимнастику, чтобы оставаться здоровым и сильным; литературу, чтобы создать свой стиль, вытренировать память и получить доступ к сокровищнице великих идей; науку, чтобы познакомиться с представлениями о природе; наконец, философию, чтобы

его характер был сформирован под действием императивов разума и заповедей мудрецов. Ибо все упражнения будут напрасны, если человек лишен нравственной чистоты и душевного благородства, благодаря которым только и возможна неотразимая искренность речи. После всех приготовлений ученик должен приступать к написанию собственных произведений — ему следует писать как можно больше и как можно старательнее. Эта программа нелегка, и Квинтилиан замечает: «Я верю, что ни один из моих читателей не станет подсчитывать, в какие они будут введены расходы, если последуют моим наставлениям»¹¹⁸.

Речь как таковая делится на пять частей: замысел, композиция, стиль, память и произнесение. Выбрав тему и до конца продумав свой замысел, оратору следует собрать материал на основании личных наблюдений и исследований, а также из книг и скомпоновать его таким образом, чтобы каждая часть оказалась на своем месте, а все вместе взятые переходили друг другу с геометрической необходимостью¹¹⁹. Хорошо построенное выступление будет состоять из введения (*exordium*), постановки вопроса, доказательства, опровержения и заключения. Речь следует писать заранее только в том случае, если оратор запомнит ее целиком наизусть; в противном случае фрагментарные заметки будут мешать и затемнят вольную импровизацию. Если ты составишь свою речь письменно, делай это аккуратно. «Пиши быстро, и тогда ты никогда не научишься писать хорошо; пиши хорошо, и вскоре ты будешь писать быстро»; избегай такой роскоши, как диктовка, «столь модная среди современных писателей»¹²⁰. «Первое, к чему следует стремиться, — это ясность», затем идут краткость, красота и сила. Постоянно и упорно правь написанное:

Стирать написанное так же важно, как и писать. Избавляйся от напыщенности, переделывай штампы, упорядочивай плохо организованное, ритмизируй то, что звучит слишком грубо, переделывай то, что сказано слишком многословно... Лучший способ править свое произведение — это отложить его на время в сторону, так что когда мы обратимся к нему снова, на нем будет лежать печать новизны, словно оно написано другим человеком. Таким образом, мы избежим опасности отнестись к своему сочинению с той же нежностью, с какой смотрим на только что родившегося ребенка¹²¹.

Произнесение речи, как и ее импровизация, должно задевать человеческие эмоции, однако не следует перебарщивать с жестикულიцией. «Красноречивыми нас делают чувство и сила воображения», но «кричать и носиться с воздетыми руками, задыхаться, качать головой, ударять рукой об руку, хлопать себя по бедрам, бить себя в грудь и по лбу значит потакать вкусам самых низменных слушателей»¹²².

Ко всем этим превосходным советам Квинтилиан присовокупляет в двенадцатой книге лучшие критические замечания из всех, оставленных античностью. Он с жаром включается в древнюю и все же удивительно современную борьбу между «старыми» и «новыми» и, колеблясь, заключает, что истина находится где-то посередине. Она не хотел бы, как Фронтон, вернуться к грубоватой простоте Катона и Энния, но еще меньше ему нравится «чувствен-

ная и аффектированная» беглость Сенеки. В качестве образца для учеников он предпочитает выдвигать мужественную и одновременно чистую речь Цицерона, единственного римского писателя, который в своей области превзошел греков¹²³. Стиль самого Квинтилиана часто напоминает стиль школьного учителя, утомляющий избытком определений, слишком строгой классификацией и чересчур тонкими дистинкциями; до настоящего красноречия он возвышается только там, где ниспровергает Сенеку; но все равно это — мощный стиль, несколько тяжеловесное достоинство которого кое-где расцветивается блестками человечности и юмора. За доброкачественностью произносимых им слов, чувствуем мы, всегда стоит ровная доброжелательность этого человека; читая его, становишься добрее и лучше. Возможно, римляне, которым посчастливилось у него учиться, уходили с его лекций нравственно обновленными, и эта обновленность куда больше, чем любая литературная одаренность, облагораживала эпоху Плиния Младшего и Тацита.

VIII. СТАЦИЙ И МАРЦИАЛ

Нам осталось сказать о двух поэтах, принадлежащих к одному времени, добивавшихся благосклонности одного императора и одних и тех же покровителей, но, несмотря на это, ни разу не упоминающих друг о друге. Один из них был самым тонким, другой — самым грубым из поэтов императорского Рима. Публий Папиний Стаций был сыном неаполитанского поэта и грамматика; его окружение и образование наделили его всем, кроме денег и гения. Он слегка шепелявил, поражал завсегдатаев салонов поэтическими импровизациями и написал эпос «*Фиваида*», посвященный войне Семерых против Фив. Читать эту поэму сегодня невозможно, потому что ее течение то и дело прерывается вмешательством кукольных богов, а ее гладкие стихи обладают необоримой усыпляющей силой (*virtus dormitiva*). Но современникам она нравилась; им была понятна ее мифологическая машинария, они приветствовали утонченность ее мысли и чувства и находили, что эти стихи сами просятся на уста; в неаполитанском театре собирались толпы, чтобы послушать, как «*Фиваиду*» читает сам автор. Судьи дали ему первую премию на Альбанском поэтическом состязании; богачи искали его дружбы и помогали ему бороться с нуждой¹²⁴; Домициан пригласил его к себе на обед в *domus Flavia*, и Стаций отплатил ему тем, что изобразил дворец небом, а императора богом.

Домициану и своим патронам, отцу и друзьям он посвятил лучшие из своих стихотворений, так называемые «*Леса*» (*Silvae*) — скромные идиллии и панегрики, написанные легким и радостным стихом. Однако на Капитолийских играх победного венка был удостоен другой поэт, звезда Стация в непостоянном Риме померкла, и он уговорил противящуюся отъезду жену вернуться в дом, где провел свое детство. В Неаполе он взялся за создание нового эпоса, «*Ахиллеиды*»; затем в 96 году он неожиданно умирает — еще совсем молодым человеком тридцати пяти лет. Он не был великим поэтом; однако он коснулся сладостных струн нежности и доброты в те годы, когда литература была чересчур горька и саркастична, а общество, как никогда, испорчено и невежественно. Он был бы так же знаменит, как Марциал, если бы писал такие же непристойности.

Марк Валерий Марциал родился в Бильбиле в Испании в сороковом году новой эры. В двадцать четыре он приехал в Рим и удостоился дружбы Лукана и Сенеки. Квинтилиан посоветовал ему заняться правом, что позволило бы Марциалу смазать свой хлеб густым слоем масла, однако он предпочел голодать, то есть жить поэзией. Неожиданно всех его друзей смело после раскрытия заговора Пизона, и ему пришлось умалиться и посвящать свои эпиграммы богачам, которые в награду могли накормить его обедом. Он жил в чердачном помещении на третьем этаже, скорее всего один; хотя он и сочиняет два стихотворения, адресованные женщине, которую он называет своей женой, они настолько похабны, что эта дама может являться только плодом воображения или содержательницей публичного дома ¹²⁶.

Его стихи, дает он нам понять, читались по всей Империи, они были известны даже готам; он был рад узнать, что почти столь же знаменит, как какой-нибудь скакун, но его мучило сознание того, что книгопродавцы наживаются, когда ему не достается ни гроша. Он дошел до того, что в эпиграмме намекнул, будто ему страшно нужна новая тога; богатый вольноотпущенник императора Парфений Марциалу ее подарил; поэт ответил ему двумя четверостишиями, в одном из которых хвалил новизну одяния, в другом утверждал, что эта дешевая дрянь никуда не годится. Со временем он обзавелся более щедрыми покровителями; один из них подарил ему небольшую ферму в Новенте, а самому Марциалу каким-то образом удалось собрать денег и купить скромный домик на Квиринале. Он становился «клиентом» или слугой одного богача за другим, дожидался их утреннего выхода и время от времени получал подарки; но он чувствовал всю постыдность своего положения и сожалел о том, что недостаточно храбр, чтобы довольствоваться жизнью бедняка, свободного от унижений ¹²⁷. Он не мог позволить себе быть бедным, поэтому ему приходилось вращаться в обществе тех, кто мог вознаградить его за эпиграммы. Он осыпал похвалами Домициана и заявлял, что если бы Юпитер и Домициан пригласили его к обеду в один и тот же день, он отказался бы принять приглашение бога. Но императору больше нравился Стаций. Марциал завидовал более молодому сопернику и говорил, что живая эпиграмма лучше мертворожденного эпоса ¹²⁸.

До сих пор эпиграмма представляла собой остроумную безделку, стихотворение «по поводу»; иногда она была посвящением, комплиментом или эпитафией; Марциал придавал ей более емкую, резкую форму, снабдив ее колючей, сатирической направленностью. Мы погрешим против этого поэта, если попробуем прочесть 1561 написанную им эпиграмму в один присест. Этот корпус разрастался постепенно и был разделен на двенадцать книг; от читателя ждали, что он отнесется к ним, как к легкой закуске, а не как к длительному застолью. Сегодня большая их часть выглядит банальной; встречающиеся в них намеки относились ко времени и обстоятельствам, которые невозможно восстановить, и были слишком погружены в современность, чтобы сохранить свежесть. Марциал не относился к ним слишком серьезно; плохих эпиграмм, соглашался он, у него выходило больше, чем хороших, однако нужно же было ему чем-то заполнять свои книги ¹²⁹. Он в совершенстве владел мастерством версификатора, был знаком со всеми размерами и всеми тонкостями поэтического ремесла; однако он так же горделиво отвергает всякую риторику, как и его двойник из патрициев Петроний. Он совершенно не беспокоится о том, чтобы снабдить свои стихи мифологическим

аппаратом, на который были так щедры современные сочинители. Ему были интересны мужчины и женщины из плоти и крови, их интимная жизнь, и об этом он писал с удовольствием и злостью; «мои стихи,— говорит он,— отдают человеком»¹³⁰. Он может «дать по носу» какому-нибудь заносчивому аристократу или прижимистому миллионеру, тщеславному законнику или знаменитому оратору; но куда милее ему говорить о цирюльниках, сапожниках, уличных торговцах, жокеях, акробатах, аукционерах, отравителях, извращенцах и проститутках. Рисуемые им сценки списаны не с Греции, но разыгрываются в театрах, на улицах и в особняках, в цирке и доходных домах Рима. Марциал — это поэт-лауреат негодяев.

Деньги его интересуют гораздо больше любви, а последняя чаще всего мыслится им однополой. В нем есть и доля чувствительности, и он с нежностью пишет о недавно умершем ребенке своего друга; однако в его книгах вы не найдете ни одной галантной строчки, ни одного проявления благородного гнева. Он воспекает дурные запахи, а затем добавляет: «И все же я предпочитаю, Басса, вдыхать это зловоние, а не твое»¹³¹. Он описывает свою любовницу:

Хоть ты и дома сидишь, но тебя обряжают в Субуре,
Косы пропавшие там, Галла, готовят тебе,
Зубы на ночь свои ты вместе с шелками снимаешь
И отправляешься спать в сотне коробочек ты:
Вместе с тобой и лицо твое не ложится, и только
Поданной утром тебе бровью и можешь мигать.
Нет уваженья в тебе и к твоим непристойным сединам,
Что среди предков своих ты бы могла почитать¹³².

(Перевод Ф. Петровского)

Он не по-мужски мстителен, когда пишет о женщинах, которые его отвергли, и забрасывает их эпиграмматическими экскрементами с галантностью уборщика мусора. Его любовные стихи посвящаются мальчикам; он впадает в экстаз от жара «твоих поцелуев, о жестокий мальчик»¹³³. Одно из его любовных стихотворений стало предтечей знаменитого английского двустушия:

Нет, не люблю я тебя, Сабидий; за что — сам не знаю.
Все, что могу я сказать: нет, не люблю я тебя*.

(Перевод Ф. Петровского)

И действительно, людей, которых Марциал не любит, превеликое множество. Он пишет о них, наделяя их прозрачными псевдонимами и пользуясь языком, который можно увидеть сегодня только в самых укромных уголках общественных уборных¹³⁵. Он не устает чернить своих врагов, как Стаций не переставал славить своих друзей. Некоторые из его жертв отомстили ему тем,

* Марциал, I, 32:

Non amo te, Sabidi, nec possum dicere quare;
Hoc tantum possum dicere, non amo te¹³⁴.

что опубликовали под его именем эпиграммы еще более грязные, чем написанные самим Марциалом, или напали в стихах на людей, которых Марциал изо всех сил старался убажить. По этим с технической точки зрения безупречным эпиграммам можно без труда восстановить полный лексикон кабаков и отхожих мест той эпохи.

Однако непристойность Марциала к нему не пристаёт. Он столь же непристоен, как и окружавшая его современность, и не сомневается в том, что даже самые благородные девицы не без удовольствия прочтут его стихи в своих будуарах.

Книгу мою, покраснев, Лукреция в сторону бросит,
Но лишь при Бруте: уйди только ты, Брут, и прочтет¹³⁶.

(Перевод Ф. Петровского)

Поэтическая свобода того времени допускала и грубости, лишь бы метр и слова были выбраны правильно. Иногда Марциал похвально собственной развращенностью: «А у меня и листа без непристойностей нет»¹³⁷. Нередко ему становится стыдно за свои вольности, и он начинает нас уверять, что его жизнь чище, чем можно было бы подумать по его стихам.

В конце концов ему надоело расточать комплименты и обрушиваться на недругов, зарабатывая себе этим на хлеб; он стал стремиться к более покойной, здоровой жизни и тосковать по любимым уголкам родной Испании. Ему было уже пятьдесят семь, он был сед и отпустил густую бороду; он так посмуглел под лучами италийского солнца, что, по его словам, никто и не подумал бы, что он родился неподалеку от Тага. Он посвятил Плинию Младшему поэтическую антологию и получил взамен сумму, достаточную, чтобы оплатить проезд до Бильбила. Жители городка радушно встретили его, простив ему грехи ради славы; здесь он нашел менее искушенных, зато более щедрых покровителей, чем в Риме. Добрая дама подарила ему скромную виллу, на которой он провел остаток жизни. В 101 г. Плиний писал: «Я слышу, что умер Валерий Марциал; горюю о нем; был он человек талантливый, острый, едкий; в стихах его было много соли и желчи, но немало и чистосердечия»¹³⁸ (перевод М. Е. Сергеенко). Несомненно, в Марциале была какая-то скрытая добродетель, за которую любил его Плиний.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лукан. *Фарсалия*, II, 67.

² Там же, I, 128.

³ Петроний. *Эпиграммы*, фрагмент 22 см. Robertson, J.M., *Short History of Free Thought*, I, 211.

⁴ Петроний. *Сатирикон*, II.

⁵ Там же, 48.

⁶ 71.

⁷ 35, 40, 47.

⁸ 74.

⁹ Сенека, см. Boissier, G., *La religion romaine*, II, 204.

¹⁰ Тацит. *Анналы*, XIV, 59; XVI, 34.

¹¹ Лукиан. *Икароменипп*, 4.

- ¹² Сенека. *Нравственные письма*, XII; *Этические сочинения*, III, VII, 11.1.
- ¹³ Монро, *Source Book*, 401.
- ¹⁴ Квинтилиан. *О воспитании оратора*, X, 1. 125.
- ¹⁵ Дион, LXII, 2.
- ¹⁶ Friedländer, III, 238.
- ¹⁷ Тацит. *Анналы*, XIII, 42.
- ¹⁸ Сенека. *О счастливой жизни*, XVII–XVIII.
- ¹⁹ Davis, *Influence of Wealth*, 154.
- ²⁰ Сенека. *Письма*, XV.
- ²¹ *О счастливой жизни*, XVIII.
- ²² *О милосердии*, I, 3.
- ^{23–24} *Письма*, VII.
- ²⁵ Тацит, *Анналы*, XIII, 2.
- ^{26–27} Boissier, *Tacitus*, 11.
- ²⁸ Сенека. *Письма*, LXXVI.
- ²⁹ Сенека. *Письма*, LXXV.
- ³⁰ Там же, VII.
- ³¹ Там же, XXVI.
- ³² *О провидении*, II, 6.
- ³³ *Письма*, XLI.
- ^{34–36} *О провидении*, V, 8.
- ³⁷ *Письма*, XXXI.
- ³⁸ Там же, CII; *К Марции*, XXIV, 3.
- ³⁹ См. Henderson, *Nero*, 309.
- ⁴⁰ *Письма*, LXXII и III.
- ⁴¹ Там же, LXXII.
- ^{42–44} Там же, XXXIII.
- ⁴⁵ *О краткости жизни*, XIV.
- ⁴⁶ *Письма*, LXIX.
- ⁴⁷ Там же, II.
- ⁴⁸ Там же, VII; XXV.
- ⁴⁹ Там же, XXIII.
- ⁵⁰ Там же, LXX.
- ⁵¹ *О гневе*, II, 34.
- ⁵² *Письма*, LVIII.
- ⁵³ Там же, LXI.
- ⁵⁴ *О гневе*, II, 34.
- ⁵⁵ *Письма*, I, LXI.
- ⁵⁶ Тертуллиан. *О душе*, XX.
- ⁵⁷ См.: Acton, Lord, *History of Freedom*, 25.
- ⁵⁸ *Письма*, XXXI.
- ⁵⁹ Gummere, R.M., *Seneca the Philosopher*, 131.
- ⁶⁰ Сенека, *Медея*, 364.
- ⁶¹ *Естественнонаучные вопросы*, VII, 30–33.
- ⁶² Там же, VII, 25, 30.
- ⁶³ Плиний, XXXVI, 15.
- ⁶⁴ Там же, II, 5.
- ⁶⁵ Плутарх. *Серторий*.
- ⁶⁶ Плиний Младший, *Письма*, III, 5.
- ⁶⁷ Плиний Старший. *Естественная история*, III, 6.
- ⁶⁸ Там же, II, 5.
- ⁶⁹ Там же, II, 30.
- ⁷⁰ Там же, II, 33.
- ⁷¹ Там же, II, 6, 64.

- 72 Там же, II, 90—92.
- 73 Там же, II, 63.
- 74 Там же, XXXIV, 39.
- 75 Там же, XXXVII, 27.
- 76 Там же, XIX, 4.
- 77 Там же, XVIII, 76.
- 78 Там же, XXV, 110.
- 79 Там же, XXXVIII, 52.
- 80 Там же, XXVIII, 80.
- 81 Там же, VII, 5.
- 82 Там же, XXVIII, 16.
- 83 Там же, VII, 3.
- 84 Там же, XXV, 13.
- 85 Castiglione, 214.
- 86 Плиний, II, 5, 117.
- 87 Там же, XXXIII, 13.
- 88 Там же, II, 5.
- 89 Там же, VII, 56.
- 90 Там же, XXVIII, 7.
- 91 Там же, VIII, 67.
- 92 Там же, VII, 13.
- 93 Там же, XVIII, 78 слл.
- 94 Там же, II, 57.
- 95 Jones, W.H.S., *Malaria and Greek History*, 61.
- 96 Плиний. *Письма*, I, 12.
- 97 Castiglione, 237.
- 98 Тацит. *История*, IV, 81; Светоний, «Веспасиан», 7.
- 99 Dill, Sir S., *Roman Society from Nero to Marcus Aurelius*, 92.
- 100 Плиний. *Естественная история*, XXIX, 8.
- 101 Лукиан. «Неучу, который любит книги», 29.
- 102 Плиний. XXVI, 7—8; Castiglione, 200; Garrison, *History of Medicine*, 106.
- 103 Castiglione, 233, 240.
- 104 Там же, 226.
- 105 Соран; см.: Friedländer, I, 171.
- 106 Castiglione, 237; Garrison, 118.
- 107 Bailey, C., *Legacy of Rome*, 291; Williams, H.S., *History of Science*, I, 274.
- 108 Плиний, XXIX, 5.
- 109 Там же, 8.
- 110 Garrison, 119.
- 111 Плиний, XXXV, 94.
- 112 Там же, XXIX, 5.
- 113 Friedländer, I, 180—181.
- 114 Castiglione, 234; Friedländer, I, 178; Duff, J., *Literary History of Rome in Silver Age*, 121; Плиний, XXVIII, 2.
- 115 Frank, *Economic Survey*, I, 381.
- 116 Bailey, 284.
- 117 Квинтилиан, VI, предисловие.
- 118 Там же, I, 12. 17.
- 119 Там же, I, 10. 36.
- 120 Там же, X, 3.9, 19.
- 121 Там же, X, 4.1.
- 122 Там же, II, 12. 7.
- 123 Там же, II, 5.21.
- 124 Ювенал. VII, 82.

- ¹²⁶ Марциал, XI, 43, 104.
- ¹²⁷ Там же, II, 53.
- ¹²⁸ Там же, IV, 49.
- ¹²⁹ Там же, I, 16.
- ¹³⁰ Там же, X, 4.
- ¹³¹ Там же, IV, 4.
- ¹³² Там же, IX, 37.
- ¹³³ Там же, I, 32; III, 65.
- ¹³⁴ Там же, I, 32.
- ¹³⁵ Например, IX, 27.
- ¹³⁶ Там же, XI, 16.
- ¹³⁷ Там же, III, 69.
- ¹³⁸ Плиний. *Письма*, III, 21.

Рим за работой

14—96 гг.

I. СЕЯТЕЛИ

К СЕРЕБРЯНОМУ ВЕКУ относится классический римский сельскохозяйственный трактат — *De Re Rustica* (65 г.) Юния Колумеллы. Как Квинтилиан, Марциал и Сенека, он был выходцем из Испании; он управлял несколькими поместьями в Италии, а отдыхать ездил в Рим. Он обнаружил, что лучшие земли заняты виллами или парками богачей; земли, немногим им уступающие, отведены под оливковые плантации и виноградники; только самые плохие почвы оставлены под пашню. «Мы предоставили заниматься обработкой земли самым низким своим рабам, и они обращаются с ней поварварски». Свободные италийцы, полагал он, гибли от изнеженности в городах, тогда как им следовало укреплять себя, работая на земле. «Мы предпочитаем, чтобы наши руки усердно работали в цирках и театрах, а не на хлебном поле или на виноградниках». Колумелла любил землю и чувствовал, что физическая культура деревни здоровее литературной культуры города. Сельское хозяйство — «кровная родственница мудрости» (*consanguinea sapientiae*). Чтобы привлечь людей к земледельческому труду, он нарядил свою тему в гладкую латынь, а когда речь у него заходила о садах и цветах, из-под его пера изливались вдохновенные стихи.

Именно в это время естествоиспытатель Плиний поспешил произнести несвоевременную эпитафию: *latifundia perdidere Italiam* — «латифундии погубили Италию». Сходные сентенции мы найдем у Сенеки, Лукана, Петрония, Марциала и Ювенала. Сенека описывал скотные выгоны, которые своей обширностью превосходили иные царства и которыми заведовали рабы. Некоторые поместья, говорит Колумелла, столь велики, что их владельцам никогда не удалось бы объехать их верхом¹; Плиний упоминает поместье, в котором обитали 4117 рабов, 7200 быков и 257 000 других животных². Земельные переделы, осуществленные Гракхами, Цезарем и Августом, увеличили количество мелких земельных наделов, но многие из них были покинуты во время войн и скуплены богачами. Когда императорская администрация затруднила доступ к богатствам провинций, многим патрициям не оставалось ничего другого, как направить большую часть своих средств на развитие латифундий. Крупные земельные хозяйства распространялись столь быстро оттого, что разведение скота, производство масла и вина позволяли добиваться более высоких прибылей, чем выращивание овощей и зерновых культур, и кроме того, было обнаружено, что скотоводство наиболее эффективно только тогда, когда скот разводится на больших площадях, принадлежащих одному лицу. К концу первого столетия христианской эры эти преимущества были, однако, сведены на нет ростом стоимости рабов и медлительностью и малой производи-

тельностью рабского труда³. Начинался долгий переход от рабовладельческого к крепостному строю. Так как в мирное время приток военнопленных, которых можно было бы обращать в рабство, иссяк, некоторые крупные землевладельцы вместо того, чтобы использовать в своих хозяйствах рабов, предпочитали разделить поместье на мелкие наделы и сдавать их свободным арендаторам (*coloni* — «обрабатчики»), которые обязывались вносить арендную плату и обрабатывать земли своих хозяев. Большая часть «общественного поля» (*ager publicus*) обрабатывалась теперь именно таким образом. К этому разряду относились и обширные владения Плиния Младшего, который описывает своих арендаторов как здоровых, крепких, добродушных и общительных крестьян — точно таких же вы можете встретить по всей Италии и в наши дни; их характер не переменялся, несмотря на все перемены.

Способы и орудия обработки земли оставались, в сущности, теми же, какими они были на протяжении предшествовавших столетий. Плуг, заступ, мотыга, кирка, вилы, грабли, коса почти не изменили своей формы за последние три тысячи лет. Зерно молотось на мельницах, которые приводились в движение водой или животными. Насосы и водяные колеса вычерпывали воду из каменоломен или наполняли ею ирригационные каналы. Для недопущения истощения почв часть земель оставлялась под паром, а для повышения их плодородия использовались навоз, люцерна, клевер, рожь и бобовые⁴. Высоко развито было семенное селекционирование. Умелый уход позволял собирать по три, а иногда и по четыре урожая в год с богатых полей Кампании и в долине По⁵; в течение десяти лет с одного и того же поля, засеянного люцерной, удавалось снимать от четырех до шести урожаев ежегодно⁶. Культивировались практически все, за исключением самых редких, овощи, выращиваемые в современной Европе, а часть из них выращивалась в теплицах и продавалась в зимнее время. Страна изобиловала фруктовыми и ореховыми деревьями всевозможных видов, потому что римские полководцы и купцы, инеземные торговцы и рабы привозили с собой множество новых видов растений: персиковое дерево — из Персии, абрикосовое — из Армении, вишневое — из Кераса в Понте, особый сорт винограда — из Сирии, чернослив (*pruna damascena*) — из Дамаска, фундук и сливу — из Малой Азии, ореховое дерево — из Греции, смокву и оливу из Африки... Находчивые садоводы прививали грецкий орех к земляничному дереву, скрещивали сливу с платаном, вишню с вязом. Плиний перечисляет двадцать девять разновидностей смокв, выращивавшихся в Италии⁷. «Благодаря трудолюбию наших крестьян, — говорил Колумелла, — Италия научилась выращивать плоды чуть ли не со всего света»⁸. В свою очередь, она передала свои умения странам Западной и Северной Европы. Наш богатый рацион имеет за собой долгую историю и обширную географию, и то, чем мы питаемся, представляет собой часть ориентального или классического наследия.

Оливковые сады были многочисленны, а виноградники разбивались практически повсюду, красивыми террасами опоясывая склоны. Италия производила пятьдесят знаменитых сортов вина, и только Рим выпивал 25 000 000 галлонов в год — по две кварты в неделю на каждого мужчину, женщину и ребенка, как свободных, так и рабов. Большинство вин изготавливались по капиталистической системе — посредством широкомасштабных операций, финансирувавшихся из Рима⁹. Большая часть произведенной продукции отправлялась на экспорт и познакомила с прелестью винопития такие традицион-

ные пивопотребляющие страны, как Германия и Галлия. В течение первого века новой эры Испания, Африка и Галлия стали культивировать виноградники у себя; итальянские виноделы теряли один рынок сбыта за другим, что привело к перенасыщению рынков Италии и к одному из немногих кризисов перепроизводства в римской экономике. Домициан попытался облегчить данную ситуацию и восстановить зерновые культуры, запретив разбивать на территории Италии новые виноградники и приказав уничтожить половину виноградников в провинциях¹⁰. Эти эдикты вызвали яростный протест и не могли быть внедрены в жизнь. Во втором веке галльские вина, испанские, африканские и восточные масла начали вытеснять итальянские продукты со средиземноморских рынков, чем положили начало экономическому упадку Италии.

Большая часть полуострова была отведена под выгоны. Бросовые земли и самые неквалифицированные рабы использовались при разведении крупного рогатого скота, овец и свиней. Особое внимание уделялось научному выведению новых пород. Кони разводились главным образом для военных нужд, для охоты, спорта и крайне редко использовались в качестве тягловых животных; быки тянули за собой плуги и повозки, мулы перевозили грузы на своих спинах. Коровы, овцы и козы были источником производства трех видов молока, из которых итальянцы делали тогда такие же вкусные сыры, как и сейчас. Свиней пасли в лесах, изобиловавших желудями и орехами; Рим, писал Страбон, живет главным образом за счет той свинины, которая производится в дубовых лесах Северной Италии. Домашняя птица служила источником удобрений для крестьянского подворья и дополнительным источником пропитания, а пчелы обеспечивали римлян древним и почтенным заменителем сахара. Если добавить еще несколько акров, занятых льном и коноплей, вспомнить о том, что итальянцы изредка охотились и часто ловили рыбу, мы получим более-менее полную картину жизни итальянской деревни, какой она была девятнадцать веков назад и остается поныне.

II. РЕМЕСЛЕННИКИ

В жизни Рима, а возможно, и в любой другой сколько-нибудь здоровой экономике не было такого резкого географического разделения на сельское хозяйство и промышленность, какое имеет место в наши дни. Древний сельский дом — коттедж, вилла или поместье — представлял собой мануфактуру в буквальном смысле слова, ибо здесь человеческими руками поддерживалась дюжина жизненно важных производств, а женская сноровка наполняла дом и его окрестности произведениями множества благотворных ремесел. Здесь древесину превращали в строительный материал, топливо для очага и мебель, здесь убивали и свеживали домашний скот, мололи зерно и пекли хлеб, всю работу вино- и маслодавальни, готовилась и хранилась пища, здесь стирали и пряли лен и шерсть. Иногда здесь обжигалась глина, которая становилась посудой, кирпичами и черепицей, а из металла выковывались орудия труда. Жизнь в такой обстановке была куда более полной и поучительной в своем разнообразии, чем в наше время все большей свободы передвижения и сужающейся специализации. Многообразие хозяйственных забот отнюдь не являлось признаком отсталой и хилой экономики; самые богатые хозяйства были в наибольшей мере самодостаточны и гордились тем, что большую часть своих запросов

способны удовлетворять самостоятельно. Семья представляла собой организацию экономических соучастников общего дела, занятых сельским хозяйством и промышленным производством в своем доме.

Когда некий ремесленник брал на себя определенный заказ от нескольких семей и размещал свою мастерскую в пределах их общей досягаемости, усадьбная экономика такого рода дополняла, но отнюдь не отменяла домашнюю индустрию. Так, мельник принимал и молот зерно, свозившееся к нему со многих полей; затем он выпекал хлеб и развозил его. В Помпеях были раскопаны сорок пекарен, а в Риме кондитеры образовали отдельный цех. Существовали также подрядчики, скупавшие на корню урожай олив, а затем убиравшие его¹¹; однако большинство поместий по-прежнему производили масло сами и сами пекли хлеб. Одежда крестьян и философов была домотканой, но преуспевающие хозяева носили одежды, которые, хотя и изготовлялись дома, были прочесаны, отбелены, вычищены и обработаны валяльщиком. Некоторые особенно нежные шерстяные изделия ткали на фабриках, а лен, который не годился для изготовления парусов или сетей, превращался на этих фабриках в женские платья и носовые платки для мужчин¹². На следующем этапе одевание можно было отправить на обработку красильщику, который не только придавал ему определенный цвет, но и украшал изысканными рисунками, которые мы можем сегодня видеть на настенных фресках в Помпеях. Дубление кожи также достигло фабричной стадии, но сапожники, как правило, трудились самостоятельно, производя обувь на заказ; некоторые изготавливали исключительно экстравагантные женские туфельки.

Добывающие отрасли промышленности практически полностью удовлетворяли свою потребность в рабочей силе за счет рабов или каторжников. Золотые и серебряные рудники Дакии, Галлии и Испании, свинец и олово Испании и Британии, медь Кипра и Португалии, серные карьеры Сицилии, соляные залежи Италии, железо Эльбы, мрамор Лунь, Гиметта и Пароса, египетский порфир, в общем, все подземные природные ископаемые находились в собственности государства, управлялись государственными чиновниками или сдавались в аренду и были главным источником национального дохода. Только испанское золото приносило Веспасиану ежегодно 44 000 000 долларов¹³. Стремление завладеть минеральными ресурсами было первопричиной империалистической экспансии; минеральные залежи Британии, по словам Тацита, стали «наградой за победу» в военном походе императора Клавдия¹⁴. Главными видами топлива являлись древесина и древесный уголь. Нефть была известна обитателям Коммагены, Вавилонии и Парфии¹⁵, и защитники Самосаты забрасывали пропитанными нефтью факелами войска Лукулла; однако нам ничего не известно о том, чтобы нефть имела какое бы то ни было коммерческое значение как горючий материал*. Каменный уголь добывали в Пелопоннесе и Северной Италии, однако пользовались им преимущественно кузнецы¹⁶. Искусство закаливания железа и получения крепчайшей стали распространилось из Египта по всей Империи. Большинство

* В четвертом веке одним из распространенных видов вооружения стал небольшой металлический снаряд, который наполнялся горячей нефтью и выпускался из лука или катапульты. «Он горит не переставая, куда бы ни упал,— говорит Аммиан Марцеллин,— и, заливая его водой, можно только усилить горение; не существует другого способа его потушить, кроме как засыпать песком»^{15а}.

железокузнецов, медников, работников по серебру и золоту имели единственный горн и пользовались услугами одного-двух подмастерьев. В Капуе, Минтурнах, Путеолах, Аквилее, Комо и других местах несколько кузниц и плавильен объединялись в фабрики; капуанские заводы, очевидно, представляли собой крупные капиталистические предприятия, финансируемые извне.

Строительное дело было отлично организовано и высоко специализировано. Дендрофоры (дровоносы) рубили и доставляли лес потребителям, *fabri lignarii* («работники по дереву») изготавливали мебель и возводили дома, *caementarii* («цементщики») разводили цемент, *structores* закладывали фундамент, *arcuarii* строили арки, *parietarii* возводили стены, *tectores* клали штукатурку, *albarii* белили ее, *artifices plumbarii* прокладывали водопровод, используя обычно при этом свинцовые трубы (*plumbum*), *marmorii* покрывали полы мраморными плитами. Нетрудно представить, какие жаркие споры о сферах компетенции разгорались между ними. Кирпич и черепица поставлялись гончарными мастерскими, многие из которых превратились в настоящие заводы. Траян, Адриан и Марк Аврелий были владельцами подобных заводов и нажили на них немалые деньги¹⁷. Обжиговые печи Арреция, Мутины, Путеол, Суррента и Поллентии обеспечивали бытовую посудой как Италию, так и все европейские и африканские провинции. Эта оптовая продукция не претендовала на эстетическое достоинство; упор делался теперь исключительно на количество; *terra sigillata* («украшенная земляная посуда»), которая наводнила теперь итальянский рынок, была, безусловно, ниже качеством более ранней аррецийской продукции. Как мы увидим, выдающиеся изделия изготавливались из стекла. Фабричное изготовление стекла, кирпича, черепицы, керамики и металлических изделий отнюдь еще не свидетельствует о наступлении в Италии эры промышленного капитализма. В Риме имелись только два крупных предприятия — красильня и бумажная фабрика¹⁸; возможно, под руками просто не было достаточного количества топлива и металла, и доходы, которые можно было извлечь из политической деятельности, представлялись более почтенными, чем прибыли, которые приносила промышленность. На предприятиях Центральной Италии почти все работники и часть управляющих были рабами; на заводах Северной Италии свободных тружеников было значительно больше. Рабов все еще хватало для того, чтобы отбить охоту развивать машинные технологии; апатичный труд рабов, их незаинтересованность в конечном результате не слишком вдохновляли на изобретения; некоторые берегающие трудовые затраты приспособления не находили применения, так как могли привести к технологической безработице; покупательная способность населения была слишком невысока, чтобы стимулировать или поддерживать механизацию производства¹⁹. Конечно, существовало немало простых механизмов, распространенных в Италии, Египте и греческом мире: винтовые прессы, насосы, водяные колеса, приводимые в движение животными мельницы, прялки, ткацкие станки, журавли и ворота, гончарный круг... Но к этому времени (96 г.), итальянская жизнь была настолько высокоиндустриализованной, как никогда вплоть до девятнадцатого столетия. Едва ли она могла пойти дальше, сохранив в качестве своего фундамента рабство и высокую концентрацию богатства. Римское право препятствовало возникновению крупных промышленных организаций, требуя от каждого пайщика индустриального предприятия быть юридически правоспособным лицом; оно запрещало компании с «ограниченной ответственностью» и допускало существование

акционерных компаний только в том случае, если они работали по государственному подряду. Поскольку сходные ограничения затрагивали и банковскую деятельность, банкам редко удавалось обеспечить капиталовложения в широкомасштабные индустриальные проекты. Индустриализация Италии и Рима так никогда и не достигла уровня Александрии или эллинистического Востока.

III. ПЕРЕВОЗЧИКИ

В эпоху от Цезаря до Коммода передвижение на колесных повозках по Риму в дневное время было запрещено; жители города перемещались пешком или в носилках и портшезах, которые переносили рабы. На большие расстояния они передвигались верхом на лошадях или в повозках и на колесницах, в которые впрягали лошадей. Путешествуя в общественных дилижансах, можно было проехать в среднем около шестидесяти миль в день. Однажды Цезарь одолел в экипаже 800 миль за восемь дней; посланцы, принесшие весть о смерти Нерона Гальбе в Испанию, проскакали 332 мили за тридцать шесть часов; Тиберий, не останавливаясь ни днем ни ночью, проделал за три дня путь длиной в 600 миль, чтобы успеть повидаться с умирающим братом. Общественная почта, развившаяся в каретах или верховыми, в среднем покрывала за день расстояние в 100 миль. Август построил ее работу по персидской системе, ибо такая служба была совершенно необходима для управления Империей. Она называлась *cursus publicus* и служила *res publica*, или сообществу, для доставки официальной корреспонденции. Частные лица могли воспользоваться ею только в редких случаях и исключительно по особому разрешению, зафиксированному в государственном дипломе (*diploma* — «двойная складка»), или паспорте, который наделял своего обладателя определенными привилегиями и возводил его в ранг персон дипломатического значения. Еще более быстрым средством коммуникации являлась система сигнальных огней; посредством этого примитивного телеграфа измученные обитатели Рима оповещались о прибытии в Путеолы кораблей с зерном. Неофициальная корреспонденция доставлялась специальными курьерами, купцами или путешествующими друзьями; в нашем распоряжении имеются свидетельства, позволяющие говорить о существовании в эпоху Империи частных компаний, которые занимались доставкой частных писем. Писем писалось тогда меньше, чем сейчас, и писались они лучше. И тем не менее скорость передачи информации на территориях Западной и Южной Европы была в эпоху Цезаря столь же высока, как в самые лучшие дни до изобретения железной дороги. В 54 г. письмо Цезаря из Британии дошло до Цицерона за двадцать девять дней; в 1834 г. сэр Роберт Пил, спеша из Рима в Лондон, потратил на дорогу тридцать дней²⁰.

Неоценимую помощь средствам сообщения и транспорта оказали консульские дороги. Это были щупальца римского правового строя, члены, благодаря которым замыслы, рожденные в Риме, становились непреложной волей государства. Они произвели в античном мире коммерческую революцию, сходную с той, которая разразилась в девятнадцатом столетии с прокладкой железных дорог. До эпохи парового транспорта дороги средневековой Европы и Европы нового времени далеко уступали дорогам, проложенным в Империи при

Антонинах. В одной Италии имелось тогда 372 большие дороги и 12 000 миль мощеных магистралей. Империя располагала 51 000 миль мощеных столбовых дорог и сетью проникающих повсюду проселочных дорог. Столбовые дороги пересекали Альпы и вели к Лиону, Бордо, Парижу, Реймсу, Руану, Булони; другие магистрали вели к Вене, Майнцу, Аугсбургу, Кельну, Утрехту и Лейдену; начиная от Аквилеи, дорога огибала Адриатику и соединялась с Эгнациевой дорогой, ведущей в Фессалоники. Величественные мосты сменили паромы, которые служили прежде для преодоления мешающих сообщению потоков. На консульских дорогах после каждой мили устанавливались каменные знаки, на которых отмечалось расстояние до ближайшего города; 4000 из них сохранились. Вдоль дорог размещались также гостиницы для усталых путников. На каждой десятой миле *statio* выступала в роли стоянки, где путники могли переменить лошадей; через каждые тридцать миль размещалась *mansio* — гостиница, которая была еще и магазином, кабачком и публичным домом ²¹.

Основными остановками являлись *civitates*, города, в которых, как правило, имелись чистые гостиницы, в известных случаях бывшие собственностью правительства муниципия ²². Большинство содержателей гостиниц грабили своих постояльцев, как только представлялся подходящий случай, а профессиональные разбойники делали ночные дороги небезопасными, несмотря на расположенные на каждой станции гарнизоны. Можно было приобрести «итинерарии», в которых указывались маршруты, станции и расстояния между отдельными пунктами ²³. Богатые люди, испытывавшие отвращение к дорожным гостиницам, путешествовали со своим снаряжением и рабами, ночуя в охраняемых повозках, домах друзей или должностных лиц.

Несмотря на все трудности, во времена Нерона, возможно, путешествовали гораздо больше, чем в любую другую, предшествовавшую современной, эпоху. «Немало людей,— говорит Сенека,— преодолевают большие расстояния, чтобы в конце пути насладиться каким-нибудь удаленным пейзажем» ²⁴. Плутарх упоминает «постоянно куда-то несущихся искателей приключений, которые проводят лучшую часть своей жизни в придорожных гостиницах или в открытом море» ²⁵. Образованные римляне стекались в Грецию, Египет и эллинистическую Азию, выцарапывали свои имена на исторических памятниках, искали целебные источники или оздоравливающий климат, пробегали иноходью художественные коллекции, выставленные в храмах, учились у знаменитых философов, риториков или врачей и, вне сомнений, пользовались Павсанием как античным Бедкером ²⁶.

Эти «грандтурне» делились обычно на несколько этапов: сначала было плавание на купеческих судах, которые пересекали Средиземное море по сотне торговых маршрутов. Ювенал восклицал:

Посмотри лишь на гавань и море,
Полное досок и мачт: ведь на море больше народу,
Чем на земле... ²⁷

(Перевод Д. Недовича и Ф. Петровского)

Жизнь римских портов-конкурентов — Путеол, Портуса, Остии — оживляли своей деятельностью *fabri navales*, строивших корабли, *stuppatores*, конопативших их, *saburarii*, грузивших на них в качестве балласта песок, *sacrarii*, рассу-

павших зерно в мешки, *mensores*, взвешивавших это зерно, *lenuncularii*, ведавших сношениями между крупными кораблями и берегом, *urinatores*, которые ныряли в море за упавшими в воду товарами. Только барж с хлебом ежедневно поднималось по Тибру не менее двадцати пяти; если добавить к этому числу еще и суда, доставлявшие строительный камень, металлы, масло, вино и тысячи других товаров, мы получим достоверное представление о реке, бурлящей от коммерческой деятельности, оглашаемой грохотом погрузочных и переносящих механизмов и криками докеров, носильщиков, портовых грузчиков, торговцев, брокеров и писцов.

Корабли ходили под парусами и были снаряжены одним или несколькими рядами весел. Суда этого времени были в среднем значительно крупнее, чем прежде; Афиной описывает крупный сухогруз длиной в 420 и шириной в пятьдесят семь футов²⁸⁻²⁹; однако такие крупные корабли были, конечно же, чрезвычайно редки. Некоторые суда имели три палубы; многие были способны принимать на борт 250, а иные даже тысячу тонн груза. Иосиф Флавий рассказывает о корабле, который был способен перевозить 600 человек — пассажиров и команду³⁰. На другом корабле в Рим был доставлен египетский обелиск, столь же громадный, как и тот, что стоит в нью-йоркском Центральном парке, а кроме этого груза, на нем находились 200 матросов, 1300 пассажиров, 93 000 бушелей пшеницы, а также полотно, перец, бумага и стекло³¹. И все равно путешествовать в открытом море было по-прежнему опасно, в чем имел возможность убедиться Святой Павел; между ноябрем и мартом лишь самые отважные мореходы осмеливались отправиться в плавание по Средиземному морю, а в середине лета плавания в восточном направлении были практически невозможны из-за ветров-этесиев. Ночные плавания практиковались нечасто, и в каждой гавани вне зависимости от ее значения имелся превосходный маяк. Угроза пиратства в Средиземном море практически рассеялась. Чтобы положить конец морскому разбою и задуть в зародыше любую попытку мятежа, Август разместил два главных флота в Равенне на Адриатическом побережье и в Мизене, что в Неапольском заливе; кроме них, существовало еще десять эскадр в различных точках Империи. Легко понять, что имел в виду Плиний, говоря о «неизмеримом величии римского мира», на основании одного того факта, что в течение двух столетий мы почти ничего не слышим об этих флотах.

Пассажирское расписание было довольно неопределенным, так как выход в море зависел от погодных и коммерческих условий. Проезд стоил недорого — например, плавание из Афин в Александрию обходилось в две драхмы (один доллар двадцать центов); но пассажиры запасались своей едой, и не исключено, что большая их часть спала на палубе. Скорость перемещения была столь же умеренной, как и стоимость проезда, и определялась направлением ветра, равняясь в среднем шести узлам в час; можно было переплыть Адриатическое море за день, а можно было, как Цицерон, потратить три недели на то, чтобы добраться из Патр в Брундизий. Быстроходный «крейсер» мог сделать 230 узлов в сутки³². При попутном ветре за шесть дней можно было попасть из Сицилии в Александрию или из Гадеса в Остию или за четыре дня добраться из Утики в Рим³³. Самым длинным и опасным маршрутом было шестимесячное плавание из аравийского Адена в Индию, потому что муссоны часто прибывали корабли к кишасшему пиратами побережью. В какое-то время, предшествовавшее пятидесятому году нашей эры,

грек из Александрии Гиппал установил периодичность муссонных ветров и обнаружил, что в определенные сезоны можно смело плыть через Индийский океан напрямик. Это открытие было почти столь же важным для судоходства по Индийскому океану, как открытие Колумба для атлантической навигации. После него из египетских портов на Красном море корабли достигали побережья Индии за сорок дней. Около восьмидесятого года другой александрийский капитан, имени которого мы не знаем, составил *«Перипл Эритрейского моря»* в качестве вспомогательного пособия для торговцев с племенами Восточно-Африканского побережья и Индией. Между тем другие мореходы прокладывали маршруты в Атлантическом океане, которые вели в Галлию, Британию, Германию, даже в Скандинавию и Россию³⁴. Никогда прежде море не служило для плавания стольких судов, перевозки такого количества товаров и людей.

IV. ИНЖЕНЕРЫ

Корабли и дороги, при помощи которых стала возможной перевозка товаров, мосты, которые связывали дороги, гавани и доки, в которые заходили корабли, акведуки, снабжавшие Рим чистой водой, каналы, которые осушали окрестные болота и принимали в себя отходы городской жизнедеятельности,— все это были произведения рук греческих, римских и сирийских инженеров, в чьем распоряжении были настоящие армии, состоявшие из свободных тружеников, легионеров и рабов. Камни или тяжелые грузы поднимались или тянулись при помощи воротов, установленных на кранах или вертикальных перекладинах; рабочие использовали лебедки на топчаках, приводившиеся в движение людьми или животными³⁵. Римские инженеры укрепили берега коварного Тибра при помощи размещенных на трех уровнях стен, так что, мелея, река не обнажала свое заиленное русло*. Ими были проведены дноуглубительные работы в порту Остии — на этом настаивали Клавдий, Нерон и Траян; они построили гавани меньших размеров в Массалии, Путеолах, Мизене, Карфагене, Брундизии и Равенне и перестроили самый крупный из портов того времени — александрийский. Они осушили Фуцинское озеро и приспособили его дно для сельскохозяйственных работ, пробив туннель в скальной породе. Они построили в Риме систему подземных стоков, сделанных из бетона, кирпича и черепицы,— стоков, которые исправно служили в течение столетий. Они осушили болотистые низины Кампании и сделали их пригодными для жизни — об этом свидетельствуют развалины роскошных дворцов, которые мы находим здесь³⁶**. Они осуществили ошеломительные общественные проекты, которыми Цезарь и императоры смягчили безработицу и украсили Рим.

* В 1870 г. итальянское правительство решило ту же проблему, соорудив одноуровневую дамбу. В результате в сухое время года перед римлянами открывается не слишком приглядное зрелище.

** Очевидно, вольски осушили Понтинские болота ранее 600 г. до н.э. Римские завоеватели пренебрегли уходом за дренажными каналами, и эта местность снова превратилась в заболоченный рассадник малярии. Цезарь планировал ее осушение, Август и Нерон добились в этом деле некоторого успеха, однако окончательно данная задача была решена только в 1931 г.

Консульские дороги — одно из самых скромных их достижений. Какими были эти магистрали в сравнении с дорогами нашего времени? Они имели от шестнадцати до двадцати четырех футов в ширину, но близ Рима проезжая часть сужалась за счет того, что по краям дороги устанавливались тротуары (*margines*), которые вымощивались прямоугольными каменными плитами. Они устремлялись к своей цели напрямик, принося в жертву временную экономию и добиваясь за ее счет надежности и безопасности; они пересекали бесчисленные реки дорогостоящими мостами, поднимались над болотами длинными арочными виадуками из кирпича и камня, взбирались на крутые холмы и сбегали вниз без всяких вырубов и насыпей и пробирались вдоль гор и крутых обрывов, обезопасив себя мощными заградительными стенами. Их покрытие зависело от доступности в данной местности тех или иных материалов. Обычно нижний слой (*pavimentum*) представлял собой четырех-шестидюймовую песчаную насыпь или дюймовый слой известкового раствора. На него укладывались четыре уровня кладки: *statumen*, глубиной в фут, состоявшее из камней, которые были скреплены цементом или глиной; *rudens* — десять дюймов утрамбованного бетона; *nucleus* — от двенадцати до восемнадцати дюймов последовательно уложенного и раскатанного бетона; наконец, *summa crusta* — многоугольные вулканические или кремнеземные плиты диаметром в один-три фута и от восьми до двенадцати дюймов толщиной. Поверхность плит сглаживали и подгоняли друг к другу так ловко, что соединительных швов практически не было заметно. Иногда поверхность заливалась бетоном; на дорогах менее важных она могла засыпаться гравием. В Британии дороги выкладывались из сцементированного кремня, помещенного на гравиевое ложе. Дренажным работам большого внимания не уделяли в силу надежности и глубины основания. В целом, это — самые долговечные дороги в истории человечества. Многие из них используются до сих пор; однако их крутые уклоны, рассчитанные на выючных мулов и небольшие повозки, стали причиной того, что они перестали подходить для современных средств передвижения³⁷.

Мосты, через которые пролегли эти дороги, являли собой высочайшие образцы соединения науки и искусства. Римляне заимствовали из птолемеевского Египта принципы гидравлической инженерии; они использовали их с невиданным размахом, и завещанные ими методы не претерпели изменений вплоть до нашего времени. Они довели до доступного античности предела строительство подводных фундаментов и пирсов. Они вгоняли в речное дно двойной свайный цилиндр, плотно соединяли такие цилиндры между собой, вычерпывали воду, находившуюся между цилиндрами, покрывали обнаженное дно камнем или известью, а затем возводили пирс на этом основании. Восемь мостов пересекали Тибр на территории Рима: некоторые из них были построены во времена седой древности, как *Pons Sublicius*, когда металлические конструкции еще не могли применяться; другие были настолько надежны, что, как *Pons Fabricius*, функционируют и сегодня. Покинув эти пролеты, римская арка отправится в победное шествие по населенному белой расой миру и перекроет мостами сотни тысяч больших и малых потоков.

Плиний полагал, что величайшим достижением Рима были акведуки. «Если кому-нибудь придет в голову отметить, в каком изобилии вода искусно доставляется в город для удовлетворения множества общественных и частных потребностей; если он обратит внимание на величественные акведуки,

при сооружении которых необходимо было sobлюсти должную высоту и градус подъема, если он вспомнит о тех горах, которые пришлось пробить насквозь, тех низинах, которые пришлось засыпать, — он, несомненно, поймет, что ничего более удивительного нет в целом свете»³⁸. Из отдаленных источников четырнадцать акведуков, общей протяженностью в 1300 миль, доставляли по туннелям и величественным аркам около 300 000 000 галлонов ежедневно — то есть на одного жителя Рима приходилось воды столько же, сколько на обитателя современного города³⁹. Эти сооружения имели свои недостатки; в свинцовых трубах образовывались течи, и они нуждались в постоянном обновлении; к концу существования Западной Империи все акведуки вышли из употребления*. Но когда мы примем во внимание, что они обильно снабжали водой особняки, доходные дома, дворцы, фонтаны, сады, парки, общественные бани, в которых одновременно мылись тысячи людей, и что ее хватало и на создание искусственных озер для морских сражений, мы поймем, что, несмотря на террор и коррупцию, Рим являлся самой обустроенной столицей древнего мира и одним из самых высокоорганизованных городов всех времен.

В конце первого века во главе городского департамента по водоснабжению стоял Секст Юлий Фронтин, чьи труды сделали его самым знаменитым из всех римских инженеров. Ранее он служил в должности претора, был наместником Британии и несколько раз назначался консулом. Как и современные британские политики, он находил время не только на то, чтобы управлять государствами, но и на сочинение книг; он опубликовал труд по военному искусству, от которого сохранилась заключительная его часть — «*Стратегематы*»⁴⁰, и оставил нам собственноручный отчет о состоянии римской системы водообеспечения (*De aquis urbis Romae*). Он рассказывает о коррупции и должностных преступлениях, которые по вступлении в должность он обнаружил в своем департаменте, о том, что дворцы и публичные дома тайком похищали воду из общественного водопровода, проявляя при этом такую ненасытность, что однажды в Риме вышла вся вода⁴¹. Он описывает свои решительные преобразования; с гордостью сообщает подробности относительно источника, протяженности и функции каждого акведука; он завершает свою работу словами, напоминающими вышеприведенный отрывок из Плиния: «Кто дерзнет сравнить эти могучие водопроводы с бесполезными пирамидами или прославленными, но пустыми произведениями греков?»⁴². В этом заявлении мы слышим манифест римского утилитаризма, которому нет дела до прекрасного, если оно не находит себе никакого применения. Мы способны понять Фронтин и согласиться с ним в том, что, прежде чем строить Парфеноны, следует обеспечить город чистой водой. Благодаря этим безыскусным книжкам мы видим, что даже в век деспотов оставалось еще достаточно римлян старинного чекана, людей способных и порядочных, ответственных администраторов, которые обеспечили процветание Империи, на троне которой находились бездарные правители, и приготовили путь, по которому в Рим вступит монархия золотого века.

* Один из них — Аква Вирго — снабжает сегодня водой Фонтана ди Треви; три других были восстановлены и обеспечивают Рим водой и доныне.

V. ТОРГОВЦЫ

Усовершенствование управления и транспортных коммуникаций расширило зону действия средиземноморской торговли до невиданных пределов. На одном конце оживленного процесса товарообмена находились корабейники, навязывавшие сельским жителям все что можно — от серных спичек до дорогостоящих привозных шелков; странствующие аукционеры, которые играли также роль городских глашатаев и делали объявления о пропавших вещах и беглых рабах; ежедневные рынки и периодические ярмарки; лавочники, до хрипоты торгующиеся с покупателями, обманывающие их при помощи неправильных весов или подпиленных гирь, судорожно косящие на входную дверь в ожидании визита инспекции эдилов из комиссии мер и весов. Несколько выше в коммерческой иерархии находились магазины, которые торговали произведенными на своих предприятиях товарами; они были становым хребтом промышленности и торговли. В портах или рядом с ними располагались оптовые продавцы, которые предлагали мелочным торговцам или потребителям товары, недавно привезенные из-за границы. Иногда судовладелец или капитан корабля распродала доставленный товар прямо с палубы.

На протяжении двух веков Италия наслаждалась «неблагоприятным» торговым балансом — она милостиво покупала больше, чем могла продать. Из нее экспортировалась известная часть арретинской керамики, вина и масла, металлических изделий, стекла, кампанских благовоний; остальная продукция оставалась на полуострове. В то же время оптовики имели агентов, закупавших товары для Италии во всех уголках Империи, а чужеземные торговцы отправляли в метрополию греческих и сирийских коммивояжеров, которые навязывали ей своих богов. В силу этого двустороннего процесса деликатесы со всей планеты услаждали небо римских оптиматов, иноземные одеяния грели их тело, а произведения искусства украшали их дома. «Тот, кто хочет увидеть товары со всего света, — говорил Элий Аристид, — должен или объехать целый мир, или остаться в Риме»⁴³. Из Сицилии поставлялось зерно, крупный рогатый скот, кожи, вино, шерсть, изящные изделия из дерева, скульптуры, драгоценности; из Северной Африки — зерно и масло; из Киренаики — сальфия; из Центральной Африки — дикие животные для схваток на арене; из Эфиопии и Восточной Африки — слоновая кость, обезьяны, панцири черепах, редкие виды мрамора, обсидиан, пряности и негры-невольники; из Западной Африки — масло, дикие звери, цитрон, древесина, красители, жемчуг, медь; из Испании — рыба, крупный рогатый скот, шерсть, золото, серебро, свинец, олово, медь, железо, киноварь, пшеница, парусина, пробка, лошади, бараны, копченая свиная грудинка, лучшие оливки и оливковое масло; из Галлии — одежда, вино, пшеница, строевой лес, овощи, скот, птица, керамика, сыры; из Британии — олово, свинец, серебро, кожа, пшеница, скот, рабы, устрицы, собаки, жемчуг, товары из дерева. Из Бельгии в Рим пригонялись стада гусей, чтобы насытить аристократическое чрево гусиной печенкой. Из Германии приходили янтарь, рабы, шкуры; из придунайских областей — пшеница, скот, железо, серебро, золото; из Греции и населенных греками островов — дешевый шелк, парусина, вино, масло, мед, лес, мрамор, изумруды, лекарства, произведения искусства, благовония, алмазы и золото; из причерноморских стран —

зерно, рыба, шкуры, кожа, рабы; из Малой Азии — легкие ткани и шерстяные одежды, пергамент, вино, смоквы из Смирны и других городов, мед, сыры, устрицы, ковры, масло, древесина; из Сирии — вино, шелк, парусина, стекло, яблоки, персики, сливы, смоквы, финики, гранаты, орехи, нард, бальзам, тирский пурпур, ливанский кедр; из Пальмиры — текстиль, благовония, лекарства; из Аравии — фимиа, камедь, алоэ, мирр, ладан, корица, имбирь, драгоценные камни; из Египта — зерно, бумага, парусина, стекло, ювелирные изделия, гранит, базальт, алебастр, порфир. Готовые изделия всевозможных видов приходили в Рим из Александрии, Сидона, Тира, Антиохии, Тарса, Родоса, Милета, Эфеса и других крупных городов Востока, в то время как с Запада на Восток текли сырье и деньги.

Вдобавок ко всему этому торговля велась и с государствами, лежавшими за пределами Империи. Из Парфии и Персии поступали самоцветы, редкие эссенции, сафьян, ковры, дикие звери и евнухи. Из Китая — через Парфию, Индию или Кавказ — привозили шелк, сырой или уже обработанный; римляне думали, что это — овощ, счесываемый с дерева, и ценили его на вес золота⁴⁴. Большая часть этого шелка доставлялась на остров Кос, где из него ткали платья для первых дам Рима и других городов; в 91 г. относительно небогатое государство мессенцев запретило своим жителям носить прозрачные шелковые платья на церемониях религиозного посвящения; именно в этих одеждах Клеопатра тронула сердца Цезаря и Антония⁴⁵. Китайцы, в свою очередь, вывозили из Империи ковры, ювелирные изделия, янтарь, металлы, красители, лекарства и стекло. Китайские историки сообщают о посольстве, прибывшем морем к императору Гуанди в 166 г. от императора «Ан-Дун» — Марка Аврелия Антонина; вероятнее всего, это была группа купцов, выдававших себя за послов. Шестнадцать римских монет, выпущенных в эпоху от Тиберия до Аврелия, найдены в Шанси. Из Индии поступал перец, нард и другие пряности (те самые, к которым стремился Колумб), травы, слоновая кость, черное дерево, сандаловое дерево, индиго, жемчуг, сардоникс, оникс, аметист, карбункул, алмазы, железные изделия, косметика, текстиль, тигры, слоны. Можно судить о размахе этой торговли и о римской страсти к роскоши по одному тому, что Италия импортировала из Индии больше, чем из любой другой страны, за исключением Испании⁴⁶. Страбон утверждает, что только из одного египетского порта ежегодно отправлялось сто двадцать кораблей в Индию и на Цейлон⁴⁷. Взамен Индия принимала небольшое количество вина, металлов и пурпура, а остальное — более 100 000 000 сестерциев в год — оплачивалось золотыми слитками или монетами. Сопоставимые с этой суммой поступали в Аравию и Китай, а возможно, и в Испанию⁴⁸.

Эта торговля со всем миром обеспечивала благосостояние Империи в течение двух веков, однако ее ненадежный базис в конце концов привел римскую экономику к краху. Италия не предпринимала никаких усилий для того, чтобы выровнять объемы импорта и экспорта; она обладала рудниками и обложила податями народы полусотни государств, чтобы свести свой внешнеторговый баланс. Когда самые богатые жилы рудников были выработаны, а стремление к экзотической роскоши не ослабевало, Рим попытался предотвратить крушение системы импорта путем завоевания таких богатых ископаемыми регионов, как Дакия, и понижения качества национальной валюты. Драгоценных металлов оставалось все меньше, а монет

чеканили все больше. Когда военные и административные расходы почти сравнялись с совокупным доходом Империи, Риму пришлось расплачиваться за товары другими товарами, но к этому он был не готов. Зависимость Италии от импортного продовольствия являлась самым слабым ее местом; в тот самый момент, когда она оказалась не в состоянии заставить другие страны присылать ей солдат и продовольствие, ее судьба была решена. Между тем провинции не только достигли благосостояния, но и перехватили экономическую инициативу: в первом веке новой эры италийские купцы практически исчезли из восточных портов, в то время как греческие и сирийские торговцы укрепились на Делосе и в Пuteолах и все чаще наведывались в Испанию и Галлию. В неспешном колебании весов истории Восток готовился к тому, чтобы еще раз одержать победу над Западом.

VI. БАНКИРЫ

Каким образом финансировались производство и коммерция? Прежде всего за счет относительной устойчивости международно признанной валюты. Все римские монеты претерпевали постепенное обесценивание после Первой Пунической войны, потому что казначейство нашло очень удобным расплачиваться с военными долгами правительства, допустив инфляцию, которая совершенно неизбежна в условиях, когда денег стало больше, а количество товаров сократилось. Асс, первоначально равнявшийся фунту меди, был уценен до двух унций в 241 г. до н.э., до одной — в 202 г. до н.э., до половины унции — в 87 г. до н.э., до четверти — в 60 г. н.э. В течение последнего столетия существования республики полководцы выпускали собственную монету, обычно *ауреи*, «золотые», стоимость которых в нормальных условиях равнялась сотне сестерциев. От этого военного производства монет берет свое начало монетная политика императоров, которые следовали примеру Цезаря и чеканили на монетах свои изображения в знак того, что их надежность гарантируется государством. Сестерции изготавливали теперь из меди, а не из серебра, и стоили они четыре асса*. Нерон понизил содержание серебра в денарии до девяноста процентов его прежнего количества, Траян — до восьмидесяти пяти процентов, Аврелий — до семидесяти пяти, Коммод — до семидесяти, Септимий Север — до пятидесяти. Нерон понизил стоимость «золотого» с одной сороковой фунта золота до одной сорок пятой, Каракалла — до одной пятидесятой. Общий рост цен сопровождался обесцениванием денег, однако, видимо, вплоть до Аврелия соответствующим образом возрастали и доходы населения. Вероятно, такая контролируемая инфляция была самым простым способом облегчить положение должников за счет кредиторов, чьи более высокие возможности и средства, если их не сдерживать, могли бы привести к такой концентрации богатства, что экономическая жизнь была бы просто задущена, и вспыхну-

* В период после Нерона римские деньги обесценились по сравнению с республиканской эпохой примерно на треть: асс той эпохи может быть приравнен к двум с половиной центам, сестерций к десяти центам, денарий к сорока центам, талант — к двум тысячам долларов по состоянию американской валюты на 1942 год. Поскольку в дальнейшем менее значительные вариации не будут приниматься во внимание, читатель должен помнить, что все сопоставления римской и американской валют весьма приблизительны.

ла бы политическая революция. Несмотря на эти изменения, мы должны рассматривать римскую фискальную систему как одну из самых удачных и стабильных в истории. На протяжении двух веков по всей Империи был признан единый монетный стандарт; благодаря такому надежному денежному средству инвестиционная активность и торговля добились невиданного прежде процветания.

Неудивительно, что банкиры были повсюду. Они выполняли функции менял, принимали под проценты денежные вклады и счета своих вкладчиков к оплате, выпускали чеки на предъявителя и векселя, управляли недвижимым имуществом, покупали его и продавали, осуществляли капитало-вложения и собирали долги, ссужали деньги частным лицам и компаниям. Такая банковская система происходит из Греции и греческого Востока; она находилась почти полностью в руках греков и сирийцев даже в Италии и на Западе; в Галлии слова «сириец» и «банкир» были синонимами⁴⁹. Ссудные проценты, которые упали до четырех в год под грузом египетских трофеев Августа, поднялись до шести годовых после его смерти и достигли законного максимума — двенадцати — ко времени Константина.

Знаменитая «паника» 33 года иллюстрирует развитие и сложную взаимозависимость банков и коммерции в Империи. Август щедро чеканил и тратил деньги, исходя из того, что рост денежного обращения, понижение процентных ставок и повышение цен стимулируют бизнес. Так и было; однако поскольку этот процесс не мог продолжаться вечно, не позднее десятого года до нашей эры, когда приток новых денег прекратился, начинается реакция. Тиберий придерживался противоположного мнения, а именно: лучшей экономикой является самая экономная. Он серьезно урезал государственные расходы, резко ограничил количество выпускаемых денег и собрал в государственной казне 2 700 000 000 сестерциев. Возникшая в силу этого нехватка наличных средств была еще более усилена перекачкой денег на Восток в обмен на предметы роскоши. Цены упали, процентная ставка возросла, кредиторы лишили должников права выкупа закладной, должники привлекли к суду ростовщиков, и ссужать деньгами стало просто некому. Сенат попытался воспрепятствовать экспорту капитала, потребовав от каждого из своих членов вложить большую часть своего состояния в землю Италии; после этого сенаторы потребовали назад взятые у них займы и отменили закладные, чтобы собрать наличные, и кризис усилился. Когда сенатор Публий Спинтер уведомил банк Бальба и Оллия, что должен снять со счета 30 000 000 сестерциев, чтобы выполнить требование о покупке земли, компания объявила о своем банкротстве. В это же время произошло падение александрийской фирмы «Севт и сын», так как у нее затонули три корабля, груженные дорогостоящими пряностями, и крушение гигантского красильного концерна Мальха в Тире, что привело к возникновению слухов о возможном банкротстве римского банкирского дома Максима и Вибона, ссудившего этим фирмам очень большие деньги. Когда вкладчики сбежали к банку, он закрыл перед ними дверь, а чуть позже в течение того же дня еще более крупный банк братьев Петтиев приостановил выдачу вкладов. Чуть ли не одновременно с этим пришли известия о крахе крупнейших банковских фирм в Лионе, Карфагене, Коринфе и Византии. Банки Рима закрывались один за другим. Занятые деньги можно было только под проценты, многократно превышавшие легальный предел. Нако-

нец за разрешение кризиса взялся Тиберий, он приостановил действие постановления об инвестициях, распределил между банками 100 миллионов сестерциев, которые могли ссужаться на три года под залог недвижимости без процентов. Частные заимодавцы были вынуждены понизить процентную ставку, деньги снова вышли из укрытия, и экономическая стабильность понемногу была восстановлена⁵⁰.

VII. КЛАССЫ

Почти каждый житель Рима молился на деньги и готов был пойти на все, лишь бы ими разжиться, и тем не менее все, кроме банкиров, их проклинали. «Как мало знаком ты с веком, в котором живешь,— говорит один из Овидиевых богов,— если думаешь, что мед слаще наличных!»⁵¹, а столетие спустя Ювенал саркастически восхваляет *sanctissima divitiarum maiestas* — «священнейшее величие богатства». До самого конца Империи закон запрещал классу сенаторов вкладывать деньги в торговлю или промышленность; и хотя сенаторы обходили это запрещение, позволяя вкладывать деньги за себя своим вольноотпущенникам, они презирали своих доверенных и отстаивали правление по праву рождения как единственную альтернативу власти денег, мифов или меча. После всех революций и децимаций старое разделение на классы осталось тем же и лишь обросло новейшей титулатурой, члены сенатского и всаднического сословий, магистраты и официальные лица назывались *honestiores* т.е. «людьми чести», а точнее — «людьми, имеющими право занимать должности»; остальные назывались *humiliores*, «смирненными», или *tenuiores*, «слабыми». Чувство чести часто объединялось в лице сенатора с гордым сознанием своего достоинства: сенатор занимал поочередно ряд государственных должностей, которые никак не оплачивались, но, напротив, требовали больших расходов; он заведовал важными функциями административной системы, проявляя при этом изрядную степень компетентности и порядочности; он давал деньги на публичные зрелища, оказывал помощь клиентам, освобождал некоторых из своих рабов и делил часть своего состояния с народом, оказывая ему благодеяния до или после своей смерти. В силу обязанностей, которые налагались таким положением в обществе, от сенатора для вступления или пребывания в этом сословии требовалось иметь не менее миллиона сестерциев.

Один из сенаторов, Гней Лентул, обладал 400 000 000 сестерциев, однако за редкими исключениями самые крупные состояния принадлежали римским всадникам, которые не брезговали заниматься денежными операциями или торговлей. Уменьшая власть сената, императоры с благосклонностью взирали на то, что высокие посты достаются всадникам, защищали промышленность, коммерцию и финансы и опирались на поддержку всадников в борьбе с плетущими интриги против принцепата патрициями. Для того, чтобы войти в это второе сословие, необходимо было обладать состоянием в 400 000 сестерциев и получить особое одобрение принцепса. Вследствие этого многие зажиточные римляне принадлежали к плебсу.

Плебс являлся теперь пестрым сборищем таких не попавших во всадническое сословие дельцов, свободнорожденных тружеников, деревенских собственников, учителей, врачей, художников и вольноотпущенников. Ценз

определял принадлежность к пролетариату (*proletarii*) не на основании рода деятельности, а только по способности к порождению потомства (*proles*); один старый латинский трактат относит их к «плебейм, которые не могут ничего предложить государству, кроме своих детей»⁵². Большинство из них были заняты в мастерских, на фабриках и в городской торговле, зарабатывая в среднем денарий (сорок центов) в день; заработки росли в последующие столетия, однако не быстрее цен⁵³. Эксплуатация слабого сильным столь же естественна, как и его пожирание, отличаясь от последнего только меньшей поспешностью; мы должны быть готовы к тому, чтобы обнаружить данное явление в любую эпоху и при какой угодно политической системе и социальных отношениях; однако редко угнетение было столь всепроникающим и беззащитным, как в Древнем Риме. Когда-то все люди были бедны и не знали об этом; теперь нищета жила рядом с богатством и страдала от сознания собственной униженности. Однако полная потеря всех средств к существованию была невозможна — она предотвращалась хлебными раздачами, случайными подарками патронов или клиентов и щедрыми завещаниями богачей наподобие Бальба, который отказал по двадцать пять денариев каждому гражданину Рима. Классовое разделение понемногу превращалось в деление на касты; и все же одаренный человек мог выйти на свободу из рабского состояния, сколотить капитал и достичь высокого положения на службе у принцепса. Сыновья вольноотпущенников становились полноправными гражданами, а его внук мог войти в сенаторское сословие; в недалеком будущем внук вольноотпущенника Пертинакс станет императором.

На протяжении первого века многие высокие посты занимали вольноотпущенники. Они нередко управляли императорской казной и провинциальными финансами, водными коммуникациями Рима, рудниками, каменоломнями и поместьями императора, а также ведали снабжением военных лагерей. Вольноотпущенники и рабы, почти все греческого или сирийского происхождения, служили управляющими императорских дворцов и удерживали ведущие посты в императорском кабинете. Мелкая промышленность и мелочная торговля все в большей мере контролировалась вольноотпущенниками. Некоторые из них стали крупными капиталистами и землевладельцами; некоторые сосредоточили в своих руках самые большие состояния своего времени. Их прошлое редко могло снабдить их какими бы то ни было нравственными нормами или возвышенными интересами; после выхода на волю деньги превращались во всепоглощающую страсть их жизни; они делали деньги без угрызений совести и тратили их совершенно безвкусно. Петроний жестоко высмеивает их в образе Трималххиона, и Сенека, не столь озлобленный, не может сдержать улыбки при виде нуворишей, покупающих книги, прельстившись их внешним видом, и никогда эти книги не открывающих⁵⁴. Возможно, эти сатиры представляли собой в какой-то степени ревнивую реакцию касты, которая видела, что ее древние прерогативы и привилегии угнетения и роскоши подвергаются опасности, и не могла без враждебности относиться к людям, которые все в большей мере разделяли с нею ее освященные временем права и могущество.

Удачи вольноотпущенников могли несколько утешить и обнадежить класс, который выполнял самую значительную часть ручного труда. Белох приблизительно оценивал численность рабов в Риме около 30 г. до н.э. в

400 000 человек, то есть они составляли около половины населения. В Италии их было около полутора миллионов. Если верить застольным разговорам Афиней, некоторые римляне имели до 20 000 рабов⁵⁵. Предложение приказать рабам носить особую одежду было отвергнуто сенатом, ибо в этом случае рабы осознали бы свою многочисленность⁵⁶. Гален считал, что соотношение между свободным и подневольным населением Пергама около 170 г. было три к одному, то есть двадцать пять процентов жителей города были рабами; возможно, эта пропорция была приблизительно такой же и в других городах^{56a}. Цены на невольничьих рынках колебались от 330 сестерциев за раба, способного трудиться на ферме, до 700 000 сестерциев, которые заплатил Марк Скавр за грамматика Дафниса⁵⁷; средняя цена равнялась в эту эпоху 4000 сестерциев (400 долларов). Восемьдесят процентов занятых в промышленности и мелочной торговле составляли рабы, и большая часть ручной или канцелярской работы в правительственной администрации выполнялась «общественными рабами» (*servi publici*). Домашние рабы находились в различном положении и владели самыми разнообразными профессиями: среди них были повара, камердинеры, ремесленники, воспитатели, парикмахеры, музыканты, писцы, библиотекари, художники, врачи, философы, евнухи, красивые юноши-виночерпии и уродцы, забавлявшие хозяев своими телесными недостатками; в Риме существовал специальный рынок, где можно было приобрести безногих, безруких или трехглазых людей, гигантов, карликов и гермафродитов⁵⁸. Рабов, занимавшихся домашним хозяйством, часто били, иногда убивали. Отец Нерона убил своих вольноотпущенников из-за того, что они отказывались пить столько, сколько он велел⁵⁹. В гневном пассаже своего сочинения о гневе Сенека описывает «деревянные дыбы и другие орудия пыток, подземные тюрьмы и другие темницы, костры, которыми обкладывают посаженного в яму человека, крюки, на которых подтягивают тело кверху, разнообразные оковы, различные наказания, отсечение членов, клеймение лбов»^{59a}; все это, очевидно, было обычным в жизни сельских рабов. Ювенал описывает знатную даму, которая истязает рабов, пока ей завивают волосы⁶⁰, а Овидий рисует другую госпожу, которая втыкает булавки в руки своей горничной⁶¹; однако эти рассказы звучат как литературный вымысел, и их не следует принимать за исторические свидетельства.

Мы всегда находимся под угрозой преувеличить ужасы прошлого в силу той же причины, по которой мы склонны возвеличивать преступность и безнравственность нашего времени: жестокость интересна, так как чрезвычайно редка. В большинстве случаев участь домашнего раба в годы Империи облегчалась тем, что он становился как бы членом семьи, это происходило благодаря взаимной лояльности, прекрасному обычаю, согласно которому в определенные праздники хозяева прислуживали за столом своим рабам, и благодаря безопасности и занятости, неслыханным в наши дни. Они не были лишены радостей семейной жизни, и их надгробия несут на себе столь же нежные надписи, что и надгробия свободных. Одна из эпитафий гласит: «Родители поставили этот памятник Эвкопиону, который прожил шесть месяцев и три дня; нашему самому нежному и милому малышу, который, хотя и не умел еще говорить, был самой большой нашей радостью»⁶². Другие надгробия свидетельствуют о глубочайшей взаимной привязанности между хозяевами и рабами: господин объявляет, что

покойный слуга был дорог ему, словно сын; молодой человек из знати оплакивает смерть своей кормилицы; кормилица скорбит о кончине доверенного ей мальчика; ученая дама ставит изящный памятник своему библиотекарю⁶³. Стаций пишет «Элегию в утешение Флавию Урсу на смерть его любимого раба»⁶⁴. Нередко рабы рисковали жизнью, лишь бы защитить господина; многие из них добровольно следовали за ним в изгнание; некоторые отдавали за него жизнь. Иные хозяева отпускали своих рабов на волю и вступали с ними в брак; иные обращались с ними, как с друзьями; Сенека ел за одним столом со своими слугами⁶⁵. Утонченность манер и чувствительность, отсутствие четкой разделительной грани между господином и рабом, заповеди стоической философии и бесклассовые религии, приходящие с Востока, внесли свой вклад в смягчение рабовладельческих отношений; однако основным фактором являлась экономическая заинтересованность хозяина и рост цен на рабов. Многие рабы ценились за свой высокий профессионализм: они были стенографами, помощниками в научных исследованиях, финансовыми секретарями, управляющими, художниками, врачами, грамматиками и философами. Раб мог во многих случаях самостоятельно заниматься бизнесом, отдавать часть своих заработков хозяину, а остаток придерживать для себя в качестве *пекулия* — букв. «денежки». Благодаря таким заработкам в обычных условиях раб мог достичь свободы за шесть лет⁶⁶⁻⁶⁷.

Положение рабочих и даже рабов облегчалось в некоторой степени при помощи *коллегий*, или рабочих организаций. Нам известно большое число таких товариществ этого времени, часто очень специфических; существовали отдельные гильдии трубачей, горнистов, игроков на рожке, на тубе, флейтистов, вольтничиков и т.д. Обычно *коллегии* строились по образцу италийских органов самоуправления: они имели иерархию магистратов, а также одного или нескольких богов-покровителей, которым они посвящали храмы и ежегодные праздники. Как и города, они добивались покровительства со стороны богатых мужчин и женщин, от которых в обмен на комплименты получали финансовую помощь для расходов на пикники, залы для собраний и святыни. Было бы ошибкой видеть в этих ассоциациях предтечи современных профсоюзов; правильнее представлять их чем-то наподобие братских орденов с их бесконечными титулами и должностями, их сердечной веселостью, увеселительными прогулками и скромной взаимопомощью. Богачи часто приветствовали формирование таких гильдий и упоминали их в своих завещаниях. В *коллегии* все ее члены были «братьями» и «сестрами», а в некоторых из них рабы могли сидеть за одним столом или обсуждать одни и те же вопросы со свободнорожденными. Каждому постоянному члену гарантировались торжественные похороны.

В последнее столетие Республики демагоги из всех слоев общества обнаружили, что многие *коллегии* легко поддаются на уговоры проголосовать в полном составе за любого предложенного кандидата. Таким образом, ассоциации превратились в политические орудия патрициев, плутократов и радикалов; и их состязание в коррумпированности ускорило гибель римской демократии. Цезарь поставил их вне закона, но они возродились; Август распустил их все, за исключением нескольких, способных приносить пользу; Траян снова их запретил; Аврелий смирился с их существованием; очевидно, они сохранялись повсюду — в рамках закона или нелегально. В конце концов они стали той средой, через которую христианство вошло в римскую жизнь и проникло во все поры римского общества.

VIII. ЭКОНОМИКА И ГОСУДАРСТВО

Насколько далеко заходило правительство императорского Рима в своих попытках контролировать экономическую жизнь? Оно пыталось (как правило, безуспешно) восстановить слой мелких землевладельцев; в этом отношении императоры проявляли больше благородства, чем сенат, в котором доминировали латифундисты. Домициан пытался стимулировать в Италии культивирование зерновых, но безрезультатно; вследствие этого Италия постоянно пребывала в страхе перед голодом. Веспасиан принудил сенат признать его императором, находясь в Египте, являвшемся тогда основной житницей Италии; Септимий Север добивался того же, захватив Северную Африку. Государству приходилось обеспечивать, а стало быть, и контролировать подвоз и распределение зерна; оно предоставляло привилегии купцам, привозившим хлеб в Италию; Клавдий гарантировал им возмещение убытков в случае кораблекрушения, а Нерон освободил их суда от налога на имущество. Задержка или крушение доставлявшего зерно флота были теперь единственными причинами, способными взволновать римское население и поднять его на мятеж.

Римская экономика являлась системой *laissez faire*, несколько смягченной в силу того, что государство было владельцем природных ресурсов — рудников, каменоломен, рыбных угодий, залежей соли и значительных участков возделанной земли⁶⁸. Легионы изготавливали кирпич и черепицу для собственных нужд и часто использовались при проведении общественных работ, особенно в колониях. Изготовление оружия и военных механизмов было, видимо, заботой государственных оружейных мастерских; возможно, в первом веке они представляли собой такие же находящиеся в собственности правительства заводы, о существовании которых в третьем веке можно говорить с уверенностью⁶⁹. Общественные работы обычно отдавались на откуп частным подрядчикам, которые находились под столь неусыпным государственным надзором, что обычно хорошо справлялись со своими обязанностями при помощи совершенно законных методов⁷⁰. Около 80 г. выполнение подобных операций все чаще стали поручать императорским вольноотпущенникам, под начало которых поступали государственные рабы. Похоже, что борьба с безработицей во все времена была одним из основных мотивов проектов такого рода⁷¹.

Торговля несла не слишком весомое бремя однопроцентного налога с продаж, низких пошлин и сборов за провоз товаров через города и переправу через мосты. Эдилы ведали надзором за розничной торговлей, опираясь на превосходный свод правил, однако, если верить разгневанному герою Петрония, они мало чем отличались в лучшую сторону от подобных чиновников иных времен; «они берут взятки с пекарей и прочих негодяев... и пасть капиталистов всегда широко открыта»⁷². Финансы были предметом правительственных манипуляций и находились в ведении государственного казначейства, которое, по-видимому, являлось крупнейшим банкиром Империи; оно сужало крестьян деньгами под проценты, принимая в качестве залога урожай на корню, а также занимало деньги горожанам под заклад их обстановки⁷³. Помощь коммерции оказывали войны, которые открывали доступ к новым ресурсам и рынкам и обеспечивали безопасность торговых маршрутов; так, экспедиция Галла в Аравию обезопасила путь в Индию от

арабской и парфянской конкуренции. Плиний жаловался на то, что военные походы предпринимаются ради того, чтобы римские дамы и денди могли располагать лучшим выбором благовоний⁷⁴.

Мы не должны преувеличивать богатство Древнего Рима. Совокупный ежегодный национальный доход при Веспасиане составлял самое большое 1 500 000 000 сестерциев (150 000 000 долларов) — меньше одной пятой нынешнего бюджета Нью-Йорка. Накопление капитала при помощи широко-масштабного производства было чем-то неизвестным или игнорируемым, и это обстоятельство явилось главным препятствием для развития мощных и способных приносить большие налоги промышленности и коммерции, сопоставимых по размаху с промышленностью и коммерцией нашего времени. Римское правительство не много тратило на содержание военноморских сил, и ничего — на обслуживание национального долга; оно существовало за счет своих доходов, а не долгов. Промышленность оставалась в значительной мере кустарной, ее изделия попадали к покупателю, минуя многие торговые и налоговые стадии, существующие сегодня. Люди производили товары скорее для нужд своих местных общин, а не общего рынка. Они больше работали на себя, меньше на невидимых других, в отличие от нас. Они больше трудились физически, работали дольше, зато не так интенсивно и не тосковали о множестве великолепных вещей, которые были для них недоступны. Они не смели бы и мечтать состязаться в благосостоянии с нами даже в самые неблагоприятные наши годы; зато они наслаждались благополучием, которое было для Средиземноморья того времени чем-то из ряда вон выходящим и которого средиземноморские народы не достигнут уже никогда. Это был зенит материального преуспеяния древнего мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Колумелла. *О сельском хозяйстве*, I, 3.2.

² См.: Davis, *Influence of Wealth*, 144.

³ Плиний. *Естественная история*, XVIII, 4; Heitland, 224; Frank. *Economic Survey*, V, 175.

⁴ Колумелла, III, 3.

⁵ Страбон, V, 4.3.

⁶ Frank, V, 158.

⁷ Плиний, XV, 68—83.

⁸ Колумелла, III, 8.

⁹ Rostovtzeff, *Roman Empire*, 182—183.

¹⁰ Светоний. *Домициан*, 7.

¹¹ Катон. *О сельском хозяйстве*, 144.

¹² Плиний, XIX, 2.

¹³ Paul-Louis, 274—276.

¹⁴ Тацит. *Жизнеописание Агриколы*, 12.

¹⁵ Плиний, II, 108—109.

^{16a} Аммиан Марцеллин, XXIII, 4.15.

¹⁶ *Encyclopaedia Britannica*, V, 868.

¹⁷ Paul-Louis, 287.

¹⁸ Frank, V, 229.

- ¹⁹ Rostovtzeff, *Roman Empire*, 252.
²⁰ Haskell, N. J., *New Deal in Old Rome*, 24–26.
²¹ Scott, S. P., *Civil Law*, Fragments of Ulpian in Justinian, Digest, III, 2.4.
²² Friedländer, I, 289–291.
²³ Gibbon, Everyman Lib. ed., I, 50; Bailey, C., *Legacy of Rome*, 158.
²⁴ Сенека. *К Гельвию*, VI.
²⁵ Плутарх, *Моралия. Об изгнании*, 604 А.
²⁶ Halliday, W. R., *Pagan Background of Early Christianity*, 88.
²⁷ Ювенал, XIV, 287.
^{28–29} Афиней, II, 239.
³⁰ Иосиф Флавий. *Жизнь*, 511.
³¹ Mommsen, *Provinces*, II, 278.
³² Friedländer, I, 286.
³³ Плиний, XIX, 1, 4.
³⁴ Там же, II, 57.
³⁵ Ср. изображение крана из гробницы Гатериев в Латеранском музее, Рим. См.: Wickhoff, E., *Roman Art*, p. 50; ср. also Gest, 60; Bailey, 462.
³⁶ Reid, *Municipalities*, 28.
³⁷ Gest, 110–131.
³⁸ Плиний, XXXVI, 24.
³⁹ Bailey, 290.
⁴⁰ Фронтин. *Стратегемы*, III, 1.
⁴¹ Фронтин. *Акведуки*, II, 75.
⁴² Там же, I, 16.
⁴³ См.: Friedländer, I, 13.
⁴⁴ Carter, T. F., *Invention of Printing*, 86; Gibbon, Everyman Lib. ed., I, 55.
⁴⁵ Tarn, W. W., *Hellenistic Civilization*, 206.
⁴⁶ САН, X, 417.
⁴⁷ Страбон, XVII, 1.3.
⁴⁸ Плиний (VI, 26) оценивает ежегодные выплаты Рима Индии в 550 000 000 сестерциев; однако, может быть, эта цифра завышена, потому что в другом месте (XII, 41) он сообщает, что каждый год Рим отдал по 100 000 000 сестерциев Индии, Китаю и Аравии в уплату за их товары.
⁴⁹ Halliday, 97.
⁵⁰ Тацит. *Анналы*, VI, 16–17; Светоний. *Тиберий*, 48; Davis, *Influence of Wealth*, 1. Ренан в своих «Лекциях о влиянии Рима на христианство» и «Апостолах» сравнивает принятые Тиберием экстренные меры с действиями Crédit Foncier во Франции в 1852 году; Гаскелл сопоставляет эту ситуацию с периодом «легких денег» в Соединенных Штатах 1923–1929 годов, кризисом 1929 года и деятельностью Финансовой корпорации по реконструкции (*The New Deal in Old Rome*, 183, 188).
⁵¹ Овидий. *Фасты*, I, 191.
⁵² См.: Toynbee, A., *Study of History*, I, 41n.
⁵³ Davis, 242.
⁵⁴ Beard, M., *History of the Business Man*, 47.
⁵⁵ Афиней, VI, 104.
⁵⁶ Сенека. *О милосердии*, I, 24.
^{56a} Sandys, Sir J., *Companion to Latin Studies*, 354.
⁵⁷ Плиний, VII, 40.
⁵⁸ Friedländer, II, 221.
⁵⁹ Boissier, *La religion romaine*, II, 330.
^{59a} Сенека. *О гневе*, III, 3.
⁶⁰ Ювенал, VI, 474.
⁶¹ Овидий. *Искусство любви*, 235; *Любовные элегии*, I, 14.

⁶² См.: Holmes, *Architect of the Roman Empire*, 132.

⁶³ Dill, 116.

⁶⁴ Стаций. *Леса*, II, 6.

⁶⁵ Сенека. *Письма*, XLVII, 13.

⁶⁶⁻⁶⁷ Dill, 117.

⁶⁸ Rostovtzeff, *Roman Empire*, 105; Reid, 323, 521.

⁶⁹ Toutain, 304.

⁷⁰ Frank, *Economic History*, 280.

⁷¹ Frank, *Economic Survey*, V, 235.

⁷² Петроний, 44.

⁷³ Rostovtzeff, 172; Declareuil, J., *Rome the Law-Giver*, 269.

⁷⁴ Плиний, XIII, 23.

Рим и его искусство

30 г. до н. э.—96 г. н. э.

I. ЗАВИСИМОСТЬ ОТ ГРЕЦИИ

РИМЛЯНЕ по природе своей не были народом художников. До Августа они были воинами, после него — властителями. Они считали, что наведение порядка и обеспечение безопасности посредством принятия бремени власти на себя — большее благо и куда более высокая задача, чем создание прекрасного или наслаждение им. Они платили большие деньги за произведения старых мастеров, однако свысока относились к художникам-современникам, уважая их не более, чем лакеев. «Восхищаясь картинами, — писал доброжелательный Сенека, — мы презираем их создателей»¹. Только право и политика, а из искусств, связанных с физическим трудом, — сельское хозяйство представлялись им почтенными занятиями. Не считая архитекторов, большинство живших в Риме художников были греческими рабами, вольноотпущенниками или наемными работниками. Почти все они трудились своими руками и относились к классу ремесленников; латинские авторы редко задумывались над тем, чтобы составить их биографии или сохранить имена. Поэтому римское искусство почти целиком анонимно; его история не согрета такими человеческими образами, как Мирон, Фидий, Пракситель и Протоген, чьи имена освещают эстетическую историю Греции. В силу этого историку приходится ограничивать себя рассказом о вещах, а не о творцах, перечислением монет, ваз, статуй, рельефов, картин, зданий в отчаянной надежде благодаря кропотливому накоплению фактов вызвать у читателя ощущение величия и полноты римской художественной жизни. Произведения искусства вызывают к человеческой душе скорее через посредничество зрения, слуха или осязания, чем рассудка; их красота увядает, если ее разять на идеи и слова. Универсум мысли — это лишь один из множества миров, каждое чувство обладает своим собственным миром; поэтому и каждое искусство живет в присущей только ему одному среде и не может быть выражено словами. Даже художник пишет об искусстве впустую.

Главное несчастье римского искусства заключается в том, что к его рассмотрению переходят от искусства греков, которое кажется на первый взгляд его образцом и повелителем. Как искусство Индии поражает нас необычностью своих форм, так искусство Рима оставляет нас равнодушными монотонным повторением знакомых моделей. Мы давным-давно уже видели эти дорийские, ионические, коринфские колонны и капители, нам слишком хорошо известны эти гладкие идеализированные рельефы, эти бюсты поэтов, властителей и богов; даже ошеломляющие помпейские фрески, говорят некоторые, не более чем копии греческих оригиналов. Только «смешанный» стиль — исконно римский, но он противоречит нашим понятиям о классическом един-

стве, простоте и сдержанности. Вне всяких сомнений, римское искусство эпохи Августа находилось под подавляющим греческим влиянием. Через Сицилию и греческую Италию, через Кампанию и Этрурию, наконец, через Грецию, Александрию и эллинистический Восток в римское искусство перетекли эстетические формы, методы и идеалы Эллады. Когда Рим стал хозяином Средиземноморья, греческие художники хлынули в новый центр богатства и могущества и создали бесчисленные копии греческих шедевров для римских храмов, дворцов и площадей. Каждый победитель привозил с собой несколько выдающихся работ, каждый магнат обшаривал города в поисках сохранившихся сокровищ греческого художественного ремесла. Постепенно Италия стала музеем, в котором хранились купленные или украденные статуи и картины, на протяжении столетия определявшие римскую художественную моду. В области искусства Рим был поглощен эллинистическим миром.

Но все это лишь половина правды. В одной области, как мы вскоре увидим, история римского искусства представляла собой борьбу между архитектором и аркой; в другой исконный итальянский реализм силился оправиться от вторжения на полуостров греческого искусства, которое предпочитало изображать богов, а не людей, тип или платоническую идею, а не индивидуума из плоти и крови и искало скорее благородного совершенства формы, чем истинного понимания и конкретности. Это мужественное самобытное искусство помогло вырезать фигуры на этруских надгробьях во враждебную ему эпоху между греческим завоеванием и филэллинской экзальтацией Нерона. Настало время, и оно преодолело эллинистические шаблоны, революционизировало классическое искусство, обогатив его реалистической скульптурой, импрессионистической живописью и архитектурой арки и свода. Благодаря этим достижениям, впрочем, как и той красоте, которой город был обязан Греции, Рим на восемнадцать столетий превратился в художественную столицу Западного мира.

II. РИМ ТРУЖЕНИКОВ

Античный путешественник, направлявшийся осмотреть Рим Флавиев и поднимавшийся вверх по течению Тибра из Остии, прежде всего отмечал стремительность мутного потока, уносившего почву холмов и долин в море. Этот простой факт многое мог поведать о неспешной трагедии эрозии, о трудностях, с которыми неизбежно сталкивались коммерсанты, пытавшиеся наладить бесперебойное сообщение между Остией и Римом, о периодическом заливании устья Тибра и наводнениях, которые почти каждую весну затапливали римские низины, загоняя горожан на верхние этажи домов, куда можно было добраться только на лодке, а часто уничтожая запасы зерна, что хранились в прибрежных складах. Когда вода спадала, она увлекла за собой дома, под обломками которых гибли люди и животные².

По приближении к городу* взгляд путешественника приковывал к себе Эмпорий, который простирался на тысячу футов вдоль восточного берега реки и оглашался шумом рынков, пакгаузов, криками рабочих, грузивших и переносивших товары. За ним возвышался тот самый Авентинский холм, на

* См. карту Рима на форзаце настоящего тома.

котором разгневанный плебс устраивал свои «сидячие забастовки» 494 и 449 гг. до н. э. На левом берегу виднелись сады, завещанные Цезарем народу, а за ними — Яникул. На восточном берегу у прекрасного Эмилиева моста находился *Forum Voacium*, или Бычий рынок, с его сохранившимися до сих пор храмами Фортуны и Матери Матуты — богини Зари. Севернее, по правую руку наблюдателя, смутно вырисовывались Палатинский и Капитолийский холмы, густо застроенные дворцами и храмами. На левом берегу были сады Агриппы, над которыми возвышался Ватиканский холм. В северной части городского центра, вдоль восточного берега реки протянулись просторные лужайки и декоративные строения Марсова поля (*Campus Martius*); здесь находились театры Бальба и Помпея, цирк Фламиния и термы Агриппы, стадион Домициана; здесь практиковались в воинском искусстве легионеры, состязались атлеты, устраивались состязания колесниц, игра в мяч³ и собиралось народное собрание, чтобы под надзором императоров блюсти видимость демократических процедур.

Сойдя на берег на северной окраине города, путешественник замечал остатки стены, строительство которой приписывалось Сервию Туллию. Вероятно, Рим отстроил ее заново после галльского набега 390 г. до н. э., однако мощь римского оружия и очевидная безопасность столицы стали причиной постепенного разрушения этого оборонительного рубежа. Только при Аврелиане (270 г.) Рим окружит новая стена — символ канувшей в Лету безопасности. В стене были прорублены ворота, представлявшие собой обычно одинарный или тройной сводчатый проход, через который в город втекали большие дороги, дававшие название соответствующим воротам. Двигаясь вдоль городской границы к востоку, а затем на юг, наш наблюдатель увидел бы роскошные сады Саллюстия, пыльный лагерь преторианцев, арки Маркова, Аппианова и Клавдиева акведуков, а по правую руку — Пинцианский, Квиринальский, Виминальский, Эсквилинский и Целиев холмы. Оставив городские стены и направившись по Аппиевой дороге на север, он прошел бы через Капенские ворота (*Porta Capena*) вдоль южного склона Палатина к *Nova Via* («Новой улице»), а затем, миновав лабиринт арок и зданий, очутился бы на древнем Форуме — в сердце и мозговом центре Рима.

Первоначально это была рыночная площадь со сторонами в 600 и 200 футов; теперь (96 г.) торговля была перенесена на близлежащие улицы или на другие форумы, но в расположенных рядом с Форумом базиликах по-прежнему шла торговля акциями корпораций публиканов, заключались контракты с государством, происходили судебные процессы и можно было посоветоваться с правоведами о том, как избежать судебного преследования или обойти закон. Вокруг Форума были выстроены, словно вокруг нью-йоркской Уолл-стрит, несколько скромных храмов богов и несколько более крупных — Маммоны. Площадь была украшена множеством статуй, а колоннады больших зданий давали тень, какую явно не могли обеспечить несколько древних деревьев. Начиная со 145 г. до н. э. и вплоть до эпохи Цезаря здесь проходили народные собрания. В двух концах площади были размещены платформы для ораторов, называвшиеся рострами (*rostrum*), так как в более раннее время такие площадки украшались при помощи *rostra* — носов захваченных в 338 г. до н. э. при Антии кораблей. В западном конце Форума находился *Millenarium Aueum*, или Золотой Мильный Камень, — колонна из позолоченной бронзы, поставленная Августом, чтобы служить точкой пересечения и отсчета

для нескольких консульских дорог. На нем были записаны названия крупнейших городов, к которым вели дороги, и расстояние до них от Рима. Вдоль юго-западной стороны площади проходил Священный Путь (*Sacra Via*), который вел к храмам Юпитера и Сатурна на Капитолийском холме. Севернее этого Форума посетитель обнаруживал более обширный *Forum Iulium*, построенный Цезарем, чтобы разгрузить старый Форум. Рядом с ним находились форумы, пристроенные Августом и Веспасианом; вскоре Траян расчистит место для самого грандиозного форума Рима.

Даже за время столь стремительной экскурсии древний турист мог в полной мере ощутить, насколько многочисленно и разнообразно население города, насколько несоразмерны и извилисты его самопроизвольно выросшие улицы. Некоторые из них были от шестнадцати до девятнадцати футов в ширину; большая их часть представляла собой извилистые переулки в восточном стиле. Ювенал жаловался, что по ночам невозможно заснуть из-за громоыхания телег по неровным мостовым, а днем путешествие в городской толчее и суете превращалось в нечто напоминающее боевые действия:

...нам, спешащим, мешает
Люд впереди, и мнет нам бока огромной толпою
Сзади идущий народ: этот локтем толкнет, а тот палкой
Крепкой, иной по башке тебе даст бревном иль бочонком;
Ноги у нас все в грязи, наступают большие подошвы
С разных сторон, и вонзается в пальцы военная шпора ⁴.

(Перевод Д. Недовича и Ф. Петровского)

Важнейшие магистрали были вымощены широкими пятиугольными вулканическими плитами, которые порой были настолько прочно схвачены цементом, что часть из них остается на своем месте и до сего дня. Уличного освещения не существовало; тот, кто решался выйти на улицу после наступления темноты, брал с собой светильник или шел в сопровождении раба, державшего факел. В обоих случаях ему приходилось буквально проходить сквозь строй римских воров. Двери запирались на замок; по ночам окна закрывались на задвижку, а те, что находились на первом этаже, были, как и в наши дни, надежно защищены железными решетками. Ко всем этим опасностям Ювенал добавляет и всевозможные предметы (твердые или жидкие), выбрасывавшиеся из окон верхних этажей. В общем, полагал он, только дурак отправится на званный обед, не составив перед выходом завещания ⁵.

Поскольку общественного транспорта, способного доставить рабочих к месту работы, не существовало, большая часть плебса обитала в кирпичных доходных домах рядом с центром города, или в комнатах позади магазинов, и мастерских или над ними. Доходный дом обычно занимал целый квартал и в силу этого назывался *insula*, или «остров». Многие из этих зданий имели шесть-семь этажей и строились настолько неосновательно, что могли неожиданно развалиться, погребая под обломками сотни жителей. Август ограничил фронтальную высоту зданий семьюдесятью футами, но, очевидно, закон позволял возводить дома более высокими с тыльной стороны, так как Марциал повествует о «бедняге, на чей чердак приходится подниматься по двумстам ступенькам» ⁶. Многие из доходных домов имели на первом этаже магазины; часть из них была украшена на третьем этаже балконами; некоторые

соединялись с домами на противоположной стороне улицы сводчатыми переходами, расположенными на самом верху, — ненадежными пентхаусами для привередливых плебеев. Такими инсулами были застроены Новая улица, *Clivus Victoriae* (холм Победы) на Палатине и Субура — шумный, изобилующий публичными домами район между Виминалом и Эсквилином. В них обитали портовые грузчики Эмпория, мясники продовольственного рынка (*Macellum*), торговцы рыбой с рыбного рынка (*Forum Piscatorium*), скотники с *Forum Boarium*, продавцы овощей с *Forum Holitorium*, работники римских фабрик, клерки и лавочники. Римские трущобы подступали к самому Форуму.

Улицы, отходившие от Форума, были заняты лавками; здесь кипела работа и заключались сделки. Торговцы фруктами, книготорговцы, парфюмеры, модистки, красильщики, продавцы цветов, ножовщики, слесари, аптекари и поставщики всевозможных продуктов, удовлетворявшие человеческие потребности, слабости и тщеславие, загромождали проходы своими палатками. Цирюльники занимались своим ремеслом на свежем воздухе, где все могли слышать их призывы; винные таверны были в Риме настолько многочисленны, что город представлялся Марциалу одним огромным кабаком⁷. Каждое ремесло обычно сосредоточивалось в определенном квартале или улице и часто давало ему свое имя; так, изготовители сандалий поселялись в *Vicus Sandalarius*, производители доспехов и упряжи — в *Vicus Lorarius*, стеклодувы — в *Vicus Vitriarius*, ювелиры — в *Vicus Margaritarius*.

В таких мастерских и делали свои работы римские художники, за исключением самых выдающихся из них, получавших высокие гонорары и живших в перипатетической роскоши. Лукулл отдал Аркесилаю миллион сестерциев за изготовление статуи богини Фелицитас, а Зенодот получил 400 000 за колосс Меркурия⁸. Архитекторы и скульпторы принадлежали к тому же сословию, что и учителя, врачи и аптекари, — к сословию тех, кто занимался «свободными искусствами», *artes liberales*; однако большая часть римских художественных произведений была изготовлена руками рабов или вольноотпущенников. Некоторые рабовладельцы обучали своих невольников резьбе по дереву, живописи и тому подобным ремеслам, а затем торговали их изделиями в Италии и за ее пределами. В таких мастерских существовало строгое разделение труда: часть работников занималась вотивной скульптурой, другие — украшением карнизов; кто-то специализировался на производстве стеклянных глаз для статуй; различные художники работали над фантастическими рисунками, цветами, пейзажами, животными и людьми и поочередно писали части одной картины. Некоторые мастера были специалистами по подделкам; они славились умением изготавливать старинные произведения любой требуемой эпохи⁹. Римлян последнего века до новой эры было легко обмануть в этом отношении, потому что, как большинство *pouveaux riches*, они, как правило, ценили предметы искусства скорее на основании их стоимости и редкости, чем красоты и целесообразности. В годы Империи, когда богатство само по себе уже не являлось чем-то выдающимся, вкусы заметно улучшились и искренняя любовь к прекрасному стала причиной того, что во многие тысячи семей пришли утонченные утварь и украшения, которые в Египте, Месопотамии и Греции были доступны лишь немногим. В античности искусство играло ту же роль, какую в наши дни исполняет промышленность. Люди не могли тогда наслаждаться преизобилием полезных изделий, которыми осыпают нас сегодня наши ма-

шины; однако они могли, если их это заботило, постепенно окружить себя предметами, завидное совершенство которых дарило всем, кто жил рядом с ними, возвышенное и покойное счастье близости к прекрасным вещам.

III. ДОМА СИЛЬНЫХ МИРА СЕГО

Путешественник, стремящийся исследовать жилища представителей среднего класса, обнаружил бы их в некотором удалении от центра города на главных, расходящихся в разные стороны дорогах. Их наружные части из оштукатуренного кирпича, как и прежде, строились в соответствии с требованиями безопасности и итальянского солнца; римские буржуа не желали понапрасну тратить деньги на услаждение прохожих. Немногие из этих домов достигали высоты в три и более этажей. Подвалы были редкостью, крыши покрывались красной черепицей; окна закрывались ставнями или, иногда, стеклами. Входная дверь была обычно двойной, обе ее половины вращались на металлических стержнях. Полы были цементными или кафельными, часто покрывались мозаичной росписью; ковров не существовало. Вокруг центрального атриума группировались главные комнаты: именно к этой планировке восходит архитектура монастырей и четырехугольных дворов колледжей. В самых богатых домах под купальни были отведены одна или несколько комнат, где размещались ванны, весьма похожие на современные. Водопроводное дело было доведено римлянами до совершенства, с которым оказалось возможным сравняться лишь двадцатому веку. По свинцовым трубам из акведуков и главных трубопроводов вода поступала в большинство доходных домов и особняков. Арматура и запорные краны изготавливались из бронзы, некоторые из них отливались в замысловатые фигуры¹⁰. По водосточным трубам и свинцовым желобам с крыши удалялась дождевая вода. Большая часть комнат отапливалась (если хозяева видели в этом надобность) переносными жаровнями, в которых сжигался древесный уголь. Некоторые дома, многие виллы и дворцы, публичные бани были снабжены центральным отоплением: работавшие на дровах или древесном угле печи разогревали воздух, который достигал по изразцовым трубам или ходам стен и полов*.

В эпоху ранней Империи дома римских богачей все чаще строились с учетом эллинистической архитектурной манеры. Для того чтобы обеспечить возможность уединения, не всегда осуществимую в атриуме, за домом стали выстраивать перистиль (*peristylum*) — двор под открытым небом, усаженный цветами и кустами, украшенный статуями, окруженный портиком; в его центре помещался фонтан или плавательный бассейн. Вокруг этого двора возводился новый ряд комнат: триклиний (*triclinium*), или столовая, «дом» (*oecus*) для женщин, пинакотeka (*pinacotheca*), где хранилась художественная коллекция, библиотека, ларарий (*lararium*), где находились изображения домашних богов. Здесь могли иметься также дополнительные спальни и небольшие альковы, называвшиеся *exedrae* — букв. «сидящие в стороне», или «укромные уголки». Не столь дорогостоящими были дома, где вместо перистиля имелся

* Витрувий утверждает, что эти гипocaustы (*hypocausta*) были введены около 100 г. до н. э.¹¹ К десятому году новой эры они были уже довольно широко распространены, особенно на севере и даже в Британии, которая усваивала эту идею довольно медленно.

сад; но даже если для него не хватало пространства, римляне расставляли цветочные горшки на подоконниках или выращивали цветы и кусты на крыше. Сенека рассказывает, что на некоторых особенно больших крышах выращивались фруктовые деревья, виноград и дававшие густую тень деревья, помещавшиеся в кадках¹²; кое-где имелись солярии (*solaria*), в которых можно было понежиться на солнце.

Многие римляне изрядно уставали от шума и суеты города и бежали в тишь и скуку деревенской местности. Богатые и бедные развили в себе такое чувство природы, какого совершенно не знала Греция. Ювенал считал глупцом того, кто живет в столице, снимая темные чердачные комнаты, когда за те же деньги он мог бы приобрести отличный дом в тихом италийском городке и окружить его «каккуратным садиком, который мог бы по-царски накормить сотню пифагорейцев»¹³. Преуспевающие горожане выезжали из Рима в начале весны, отправляясь на виллы у подножия Апеннин или на берегах озер или моря. Плиний Младший оставил нам прелестное описание своего загородного дома в Лавренте на побережье Лация. Он считает, что дом этот «достаточно велик, чтобы быть удобным и не вводить при этом в непосильные траты на его содержание»; однако по мере того, как его рассказ продолжается, скромность Плиния начинает казаться нам позерством. Он описывает «небольшой портик, его застекленные окна и свисающие карнизы... изящно убранную обеденную залу. Когда при юго-западном ветре на море поднимается волнение, то последние волны, разбиваясь, слегка обдают триклиний. У него со всех сторон есть двери и окна такой же величины, как двери: он смотрит как бы на три моря. Из атрия открывается вид на леса и горы; в доме две гостиных; расположенная полукругом библиотека, «солнце, двигаясь, заглядывает во все ее окна». Здесь же спальня и комнаты для слуг. В противоположном крыле «находится прекрасно отделанная комната, затем то ли большая спальня, то ли средней величины столовая» и еще четыре комнаты. «Потом баня; просторный фригидарий с двумя бассейнами», тепидарий, в котором имеется три бассейна с водой разной температуры, и калидарий, или горячая ванна; все эти комнаты подогреваются из одного центра, откуда теплый воздух поступает по трубам. Снаружи находился плавательный бассейн, площадка для игры в мяч, подвальные помещения, пестрый сад, место для уединенных занятий и зал для пиршеств, а также башня для наблюдений, в которой имеются две комнаты и столовая. Плиний заключает свое письмо словами: «Достаточно у меня, по-твоему, причин стремиться сюда, жить в этом месте, любить его?»¹⁴

Если сенатор мог владеть такой виллой на морском побережье и еще одной виллой в окрестностях Комо, можно вообразить размах и роскошь поместья, в котором жил Тиберий на Капри или Домициан близ Альба Лонги, не говоря уже об усадьбе, которую вскоре возведет в Тибуре Адриан. Чтобы встретить что-нибудь подобное в городе, путешественнику пришлось бы искать допуска во дворцы миллионеров и императоров на Палатине. В архитектуре частных домов римляне не стремились следовать образцам классической Греции, где жилища были весьма скромными и только храмы выделялись величиной; их дворцы подражали архитектуре наполовину ориентализированных резиденций эллинистических царей; вместе с золотом Клеопатры в Рим пришел стиль Птолемеев, и царственная архитектура стала спутницей монархической политики. Дворец Августа, который получил свое название от

холма, на котором он был расположен, распространялся вширь по мере того, как административные функции императорского дворца становились все более и более многообразными. Большинство преемников Августа строили дополнительные дворцы для себя и своего аппарата: Тиберий — *domus Tiberiana* (Дворец Тиберия), Калигула — *domus Gaiana* (Дворец Гая), Нерон — *domus aurea* (Золотой Дворец).

Золотой Дворец стал мимолетным римским чудом. Его строения покрывали 900 000 квадратных футов, будучи лишь малой частью виллы со сторонами в несколько миль. Эта вилла занимала не только Палатин, но и часть соседних холмов. Вокруг дворца был разбит большой парк, здесь были сады, луга, рыбные заводы, охотничий заповедник, птичники, виноградники, ручьи, фонтаны, водопады, озера, императорские галереи, беседки, дома для развлечения, цветочные павильоны, портики длиной в три тысячи футов. Некий рассерженный острослов выцарапал на стене показательный комментарий: «Рим стал обиталищем одного человека. Пора, граждане, эмигрировать в Вейи — если только и сами Вейи не станут частью Неронова дворца»¹⁵. Внутри дворец сверкал мрамором, золотом и бронзой, позолотой бесчисленных коринфских капителей, тысячами статуй, рельефов, картин и предметов искусства, купленных или похищенных у наследников классического мира; среди них находился Лаокоон. Некоторые стены были отделаны перламутром и разнообразными дорогими самоцветами. Потолок пиришественного зала был украшен цветами из черного дерева, из которых по кивку императора на гостей изливались благовония. В столовой сферический потолок был сделан из черного дерева и расписан так, чтобы нести на себе изображение звездного неба; скрытые от взгляда посетителей машины приводили его в постоянное круговое движение. Чердак комнат вмещала в себя холодные бани, горячие бани, теплые бани, серные бани и бани с соленой водой. Когда римские архитекторы Целер и Север почти завершили строительство этой грандиозной конструкции и Нерон пришел ее осмотреть, он заметил: «Наконец и у меня будет свой угол». В следующем поколении этот римский Версаль, который было слишком дорого и опасно содержать на фоне окружавшей его бедности, попал в небрежение. На его развалинах Веспасиан построил Колизей, а Тит и Траян свои огромные публичные бани.

Домициан, как и Нерон, был архитектурным безумцем. Для него Рабирий возвел Флавиев дворец, не столь слоноподобный, как «музей» Нерона, и лишь немногим уступавший ему своим кричащим блеском и убранством. Одно из его крыльев содержало огромную базилику, являвшуюся, очевидно, судебным залом, где император в качестве последней инстанции рассматривал апелляции, в том же крыле находился перистиль площадью в 30 000 квадратных футов. К нему прилегал банкетный зал, пол которого был вымощен красным порфиром и зеленым серпентином (его можно видеть и в наши дни); разрушились изящные мраморные перегородки и окна между колоннами, через которые пирующие могли наблюдать, как струи воды ударяются о мраморные лежа *нимфеев*, или наружных фонтанов. Следует добавить, что Домициан использовал это здание только для приемов и административной деятельности; обычно он жил в более скромных помещениях дворца Августа. Несомненно, эти императорские постройки представляли собой часть фасада Империи и предназначались для того, чтобы поразить воображение горожан, приезжих и посольств, тогда как сами императоры, за исключением, пожалуй,

только Калигулы и Нерона, чуждались сковывающего формализма и церемонности этих комнат, предпочитая простоту и интимность своих фамильных домов, и наслаждались, как скажет Антонин Пий, «простой радостью — быть человеком»¹⁶.

IV. ДЕКОРАТИВНЫЕ ИСКУССТВА

При постройке и отделке этих дворцов, как и особняков богачей, были задействованы сотни искусств и ремесел, которые не всегда производили прекрасное, зато всегда — самое дорогое. Полы часто выкладывались полихромным мрамором или украшались мозаиками, сложенными из множества разноцветных кубиков (*tesserae*) и представлявшими собой картины, замечательные своей реалистичностью и долговечностью. Мебели в этих домах было не столь много, как в наши дни, и она была не столь удобна, однако, как правило, она была превосходно спроектирована и тщательно сделана. Столы, стулья, скамейки, кушетки, лежа, светильники, посуда изготавливались из прочных материалов и щедро украшались орнаментом. Лучшие сорта древесины, слоновой кости, мрамор, бронза, серебро и золото тщательно обрабатывались и отделялись, украшались растительными формами или фигурками животных, инкрустировались слоновой костью, черепаховыми панцирями, гравированной бронзой или драгоценными камнями. Столы часто вырезали из дорогой древесины кипариса или цитрусовых; некоторые столы изготавливали из золота или серебра; многие — из мрамора или бронзы. Существовали стулья всевозможных видов — от складной табуретки до престола, однако, в отличие от наших, они не оказывали такого пагубного воздействия на позвоночник. Лежа бывали деревянные и металлические, с тонкими, но прочными ножками, часто завершавшимися головой или лапой какого-нибудь животного. Матрац, набитый соломой или шерстью, укладывался на бронзовую сетку, а не на пружины. Роль приставных столиков выполняли элегантные бронзовые треножки; кое-где в рабочих кабинетах имелись выдвижные ящики, в которых хранились книжные свитки. Комнаты отапливались при помощи бронзовых жаровен и освещались бронзовыми светильниками. Зеркала тоже были из бронзы, которая тщательно полировалась; на одной из сторон зеркала чеканились или вырезались цветы или мифологические картины. Некоторые из них были горизонтально или вертикально выгнутыми или вогнутыми, чтобы забавно искажать получаемое изображение, вытягивая его или округляя¹⁷.

Кампанские заводы, работавшие за счет богатой добычи испанских рудников, производили разнообразную серебряную посуду массового спроса; серебряные сервизы стали теперь чем-то совершенно обычным для представителей среднего и высшего классов. В 1895 г. в Боскореале на одной из вилл землекоп обнаружил резервуар, в котором находилась замечательная коллекция серебряных изделий, сложенных туда, очевидно, их владельцем перед тем, как предпринять безуспешную попытку бегства от пробудившегося в 79 году Везувия. Одна из шестнадцати чаш несет на себе почти совершенный листовенный орнамент; две чаши украшены высоким рельефом; еще одна изображает Августа, восседающего на троне между Венерой и Марсом, этими соперничающими божествами человечества. На самой забавной из них мы

видим стойка Зенона, с презрением указывающего на Эпикура, который пытается проглотить увесистый кусок пирога, в то время как стоящая рядом свинья, подняв переднюю ножку, вежливо просит с ней поделиться.

Монеты и геммы ранней Империи подтверждают мнение о прогрессе мастерства гравировальщиков. Монеты эпохи Августа сделаны с тем же вкусом, иногда несут те же изображения, что и Алтарь Мира. Драгоценные камни, ввозившиеся из Африки, Аравии, Индии, огранивались и вставлялись в кольца, броши, ожерелья, браслеты, чаши, иногда даже стены. Кольцо по меньшей мере на одном пальце было предметом социальной необходимости. Иные франты носили кольца на девяти пальцах. Римлянин скреплял свою подпись оттиском кольца и поэтому с удовольствием носил печать с особым рисунком. Некоторые резчики гемм являлись самыми высокооплачиваемыми мастерами Рима, как, например, автор печати Августа Диоскорид. В изготовлении камней золотой век достиг уровня, который остается непревзойденным до сих пор. Хранящаяся в Вене гемма Августа — одна из прекраснейших на свете. Коллекционирование гемм и камней превратилось в хобби богатых римлян — Помпея, Цезаря, Августа; из поколения в поколение императорское собрание гемм все разрасталось, пока Марк Аврелий не продал его, чтобы собрать средства на войну с маркоманами. Официальный страж императорских гемм и печатей стал предтечей английского хранителя Большой, или Тайной, Печати.

Между тем гончары Капуи, ПUTEОЛ, Кум и Арреция наполняли дома итальянцев всевозможными образцами керамического искусства. Аррецийские чаны для замешивания глины достигали объема в 10 000 галлонов. На протяжении столетия аррецийская посуда, покрытая красной глазурью, являлась самым широко распространенным итальянским изделием. Ее образцы можно встретить чуть ли не повсюду. Железные печати использовались для того, чтобы помечать каждую вазу, светильник или черепицу именем мастера, иногда — в качестве даты изготовления — именами консулов этого года. Искусство печати было известно римлянами только как способ клеймения товара; книгопечатание не получило развития потому, что рабы-переписчики были дешевы¹⁸.

От работы с керамикой ремесленники Кум, Литерна, Аквилеи обратились к производству художественного стекла*. Знаменитым образцом этого вида искусства является Портлендская ваза**. Еще более красива «голубая стеклянная ваза», обнаруженная в Помпеях, на которой изображено веселое и грациозное действо — праздник сбора винограда, посвященный Вакху¹⁹. В пра-

* Сирийцы и египтяне лет за двести до Рождества Христова открыли, что, сплавливая песок с щелочной субстанцией при высокой температуре, можно получить полупрозрачную жидкость зеленоватого цвета (вызванного присутствием в песке окиси железа); добавляя в нее марганец и окись свинца, можно добиться обесцвечивания и сделать ее полностью прозрачной; благодаря различным химикатам эта жидкость может приобретать различные оттенки — например, голубоватый при помощи кобальта. Пластичное вещество можно было формовать руками или выдувать в матрице; иногда ему давали остыть и нарезали на круге.

** Эта ваза, состоящая из наложенных друг на друга слоев стекла, вероятно, греческого происхождения. Она была найдена в 1770 г. в Риме и куплена герцогом Портлендским, а затем помещена в 1810 г. в Британский музей. В 1845 г. она была разбита маньяком на 250 кусочков, но затем настолько тщательно восстановлена, что, когда в 1929 г. герцог выставил ее на продажу, конечная цена, составившая 152 000 долларов, была отвергнута как слишком низкая.

вление Тиберия, сообщают Плиний и Страбон²⁰, стеклодувное искусство было перенесено из Сидона или Александрии в Рим, где вскоре стали производиться полихромные фиалы, чаши, кубки и другие сосуды — настолько прекрасные и изысканные, что на какое-то время они стали излюбленной добычей собирателей произведений искусства и миллионеров. В правление Нерона за два небольших стеклянных кубка платили до 6000 сестерциев. Сосуды этого типа известны ныне под названием *millefiori*, или «тысяча цветов»; их изготавливали, сплавляя воедино различно расцвеченные стеклянные бруски. Еще выше ценились мурринские вазы, ввозившиеся из Азии и Африки. Они производились посредством соположения белых и пурпурных стеклянных нитей в определенном порядке, что приводило к появлению разнообразнейших узоров, после чего сосуд обжигался; иногда в прозрачный белый корпус вазы «вживлялись» разноцветные кусочки стекла. Помпей привез в Рим несколько таких ваз после победы над Митридатом; Август, который, хотя и расплавил золотую посуду Клеопатры, все же оставил себе ее бокал из мурринского стекла. Нерон отдал миллион сестерциев за одну такую чашу; Петроний, умирая, разбил мурринскую вазу, чтобы та не попала в руки Нерону. В общем, римляне никогда не добивались в обработке стекла больших успехов; в мире найдется не много художественных коллекций, более драгоценных, чем собрания римской стеклянной посуды в Британском музее и в Метрополитен-музее.

V. СКУЛЬПТУРА

Керамика превращалась в скульптуру благодаря обжигу глины — вспомним терракотовые статуэтки, игрушки, изображения фруктов, винограда, рыб, наконец, статуи в натуральную величину. Глазурованная терракота — майолика — в изобилии встречается при раскопках Помпей. Фронтоны и карнизы храмов украшались терракотовыми пальметками, акротериями, гаргулями и рельефами. Греки потешались при виде этих украшений, и в эпоху Империи они вышли из моды; Август не был поклонником глины.

Возможно, именно благодаря его аттическим пристрастиям римские скульптуры и рельеф достигли великолепия, ничуть не уступающего великолепию лучших эллинистических произведений. В течение жизни одного поколения римские художники вырезали из камня фонтаны, надгробия, арки и алтари, тонко чувствуя особенности своего материала, добиваясь отточенности и завершенности исполнения, уравновешенного достоинства формы, правильности при передаче черт своей модели и верности перспективы. Все это ставит римские рельефы в один ряд с самыми выдающимися произведениями мирового искусства. В 13 г. до н.э. сенат отпраздновал возвращение Августа после умиротворения Испании и Галлии, постановив возвести на Марсовом поле *Ara Pacis Augustae* — «Алтарь Мира Августа». Это — благороднейшее из всех скульптурных произведений Рима, сохранившихся до настоящего времени. Возможно, данный памятник обязан своей формой Пергамскому алтарю, а мотивом торжественного шествия — фризу Парфенона. Алтарь был установлен на огороженной платформе, а окружавшие его стены были частично украшены мраморным рельефом; сохранившиеся детали представляют собой

отдельные плиты из этих стен *. На одной из них представлена Теллус — Мать Земля — с двумя детьми на руках, колосьями и цветами, растущими позади нее, и животными, кротко возлежащими у ее ног. Это не что иное, как аллегорическое изображение идей августовской реформации: восстановления производительного начала в семейной жизни, возвращения народа к сельскому хозяйству, умиротворения Империи. Непревзойденной остается центральная фигура композиции, в которой привлекает соединение материнской зрелости с женской прелестью, нежностью и грацией, мягкое совершенство форм. Статные богини Парфенона не идут ни в какое сравнение с нею. Фриз внешней стены имел еще и нижнюю панель, украшенную завитками аканфа, маками и пионами с широкими лепестками, густыми кистями плюща; в своем роде они совершенны. На другой панели были представлены две процессии,двигающиеся в противоположных направлениях, чтобы встретиться у алтаря богини Мира. Среди этих людей мы видим достойные и величавые фигуры, изображающие, очевидно, Августа, Ливию, императорскую семью, а также знать, жрецов, весталок, детей. Последние особенно очаровательны и невинны в своей трогательной подлинности. Один из малышей прохаживается рядом со взрослыми с чисто детской нелюбовью к церемониям; другая фигура — это мальчик, гордящийся своей зрелостью; мы видим здесь и девочку с букетом цветов, и напроказившего малютку, которого мягко увещевает мать. Начиная с этого времени дети будут играть все большую роль в произведениях италийского искусства. Однако больше никогда не добиться римской скульптуре подобного совершенства драпировок, такой же естественной и впечатляющей группировки фигур, такой тонкой нюансировки света и теней. Здесь, как и у Вергилия, пропаганда нашла свое совершенное художественное воплощение.

Единственным соперником этих рельефов являются римские скульптурные изображения на арках, возведенных в честь въезда в город полководцев-триумфаторов. Прекраснейшей из них является ныне Триумфальная арка Тита в честь взятия Иерусалима начатая Веспасианом и завершенная Домицианом. На одном из рельефов показан пылающий город, рушащиеся стены, обезумевшие от страха люди, легионеры, рыщущие по улицам в поисках добычи; другой рельеф изображает восседающего на своей колеснице Тита, окруженного солдатами, животными, магистратами, жрецами и пленниками; эта процессия вступает в Рим в сопровождении повозок, нагруженных священными канделябрами Храма и всевозможными военными трофеями. Художники, работавшие над этими композициями, были, видимо, отважными экспериментаторами: они высекали фигуры различных размеров, помещая их на различные уровни и распределяя их по разным плоскостям; они отделали фон рельефов так, чтобы произвести впечатление глубины; наконец, они раскрасили все детали композиции, чтобы придать ей дополнительные оттенки полноты и расстояния. Действие изображалось не как серия отдельных эпизодов, но в строгой последовательности (с той же техникой мы встретимся на фризах Месопотамии и Египта, а позднее на колоннах Траяна и Аврелия). Благодаря этому лучше удавалось передать ощущение движения и жизни. Фигуры здесь не идеализированы, и их очертания отнюдь не дышат таким же аттическим

* Самые крупные фрагменты находились до недавнего времени в Римском музее Терм; часть фрагментов хранились в Ватиканском музее, галерее Уффици и Лувре.

спокойствием, как в случае с эллинистическим Алтарем Мира. Эти образы — из плоти и крови. Они выполнены в традициях раннеиталийского искусства, которому так хорошо удавалось создавать реалистические, полные жизни произведения. Предметом изображения здесь выступают не блаженные боги, но живые люди.

Именно этот энергичный реализм является главным отличительным свойством римского искусства, именно он делает римскую скульптуру столь непохожей на скульптуру Греции; однако, помимо этого периодического возвращения к собственным изобразительным традициям, римляне немногим смогли обогатить сокровищницу искусства. Около 90 г. до н.э. грек Паситель, выходец из Южной Италии, переселился в Рим, прожил здесь шестьдесят лет, создал превосходные работы из серебра, слоновой кости и золота, ввел в употребление серебряные зеркала, изготовил немало добротных копий греческих шедевров и написал пять томов по истории искусства. Он был одновременно Вазари и Челлини своего времени. Другой грек — Аркесилай — создал по заказу Цезаря знаменитую статую его знаменитой дальней родственницы — Венеры Прародительницы (*Venus Genetrix*). Аполлоний Афинский, вероятно, в Риме изваял дышащий мощью Бельведерский торс (*Torso Belvedere*), хранящийся в Ватикане; отличительная особенность этой работы — сознательная умеренность: здесь мы видим не горы вздувающихся мускулов, но изображение мужчины в расцвете его физического здоровья и крепости; этот торс совершенен настолько, насколько может быть совершенен человек. Какое-то время мастерские скульпторов были заняты тем, что придавали греческие формы итальяским богам, даже таким божественным абстракциям, как Удача и Чистота. Предположительно именно в этот период Гликон из Афин изваял *Farnese Hercules*. Мы не в состоянии дать однозначный ответ на вопрос о том, когда и где был создан Аполлон Бельведерский; возможно, мы имеем дело с римской копией со статуи Леохара Афинского. Любой исследователь знает, до каких высот уранического экстаза довело созерцание кроткой прелести этого Аполлона знаменитого Винкельмана²¹. Юнона послужила моделью для двух знаменитых воплощений: порфирной *Farnese Juno* из Неаполитанского музея и *Ludovisi Juno* из Терм — холодной и строгой, праведной и справедливой; глядя на нее, нетрудно понять истинную причину похощений Юпитера.

Все эти работы, а также изящная композиция «Персей и Андромеда» выполнены в греческом стиле, идеализированы и обобщены и исполнены какого-то иссушающего божественного величия. Куда более привлекательны портретные бюсты, образующие энциклопедию-в-бронзе-и-мраморе римской физиогномики от Помпея до Константина. Некоторые из этих портретов тоже подверглись идеализации, особенно это заметно в случае с бюстами Юлиев-Клавдиев; однако старинный этрусский реализм, а также неослабевавшее влияние «нелицеприятных» посмертных масок примирили римлян с тем, что их изображения не всегда будут слишком привлекательны, зато навсегда запечатлеют их внутреннюю силу и стойкость. Столь многие завещали поместить свои портреты в общественных местах, что иногда казалось, будто Рим принадлежит не столько живым, сколько мертвым. Некоторые представители знати, неспособные противиться всевластию смерти, воздвигали свои статуи еще при жизни, пока наконец ревнивые императоры не запретили загромождать Рим этими преждевременными символами чаемого бессмертия, чтобы мертвые не отнимали место у живых.

Самым выдающимся произведением портретного искусства является так называемая «Голова Цезаря», сделанная из черного базальта и хранящаяся в Берлине. Мы не знаем, чьим изображением является этот бюст. Однако редкие волосы и острый подбородок, худое и костистое лицо, черты усталой задумчивости, решимость, отдающая разочарованностью, превосходно согласуются с традиционной атрибуцией. Этому бюсту уступает колоссальный портрет Цезаря, находящийся в Неаполе; лицо, усеянное морщинами, омрачено горечью, словно титан внезапно открыл для себя, что никакому разуму не под силу понять этот мир, тем более этим миром править. Реалистичен и чуть ли не отталкивающе Помпей, представленный в Карлсбергской глиптотеке в Копенгагене: все пышные триумфы его молодости перестали что-нибудь значить для этого тучного, слегка отупевшего от неудач человека. Мы располагаем полусотней статуй Августа, многие из которых сделаны на очень высоком уровне: Август-юноша (Ватиканский музей) серьезен, сосредоточен, исполнен силы и достоинства; пожалуй, это лучшее изображение молодого человека из всех, что были когда-либо созданы; тридцатилетний Август (Британский музей) — бронзовая фигура, олицетворяющая пламенную решимость, напоминающая об утверждении Светония, будто Август был способен подавлять солдатские бунты одним своим взглядом; Август-жрец (Термы) — погруженный в себя задумчивый лик, мысль, освобождающаяся из-под бремени тяжелых пышных складок жреческого платья; наконец, Август-император — статуя, обнаруженная при раскопках виллы Ливии близ Прима Порты и помещенная в Ватиканский музей. Нагрудник этой знаменитой фигуры покрыт эзотерическими и рассеивающими внимание рельефами*, поза несколько напряжена, ноги слишком могучи для такого тщедушного тела; но лицо исполнено покойной мощи и веры в свои силы, и мы не можем не видеть в этой статуе выражения мастерства и душевного богатства создавшего ее мастера, не способного расстаться с воспоминанием о совершенстве и величии Поликлета «Дорифора».

Ливии тоже посчастливилось встретить замечательного художника, которому принадлежит ее скульптурный портрет, находящийся в Копенгагене. Величавая прическа, изогнутый римский нос, свидетельствующий о силе характера: нежные и умные глаза, красивые, но властные губы; это — женщина, смиренно стоявшая позади трона Августа, одолевшая всех своих врагов и соперниц, покорившая всех, кроме своего сына — Тиберия. Тиберию тоже везло на художников. Его сидящая фигура, хотя и несколько идеализированная (Латеранский музей), является шедевром, под которым, думается, не отказался бы поставить свою подпись и тот самый мастер, чей гений создал статую Хефрена, хранящуюся в Каире. Клавдий не был столь удачлив; несомненно, скульптор просто посмеялся над ним или попытался проиллюстрировать «Отыквление» Сенеки, изобразив его эдаким усталым Юпитером, тучным, добродушным и туповатым. Нерон из всех сил пытался развить в себе чувство прекрасного, однако подлинными его страстями оставались страсть к славе и гигантомания; он не нашел для Зенодота, этого Скопаса своего времени, лучшего применения, чем заказать ему колоссальную статую Нерона в

* На них изображено возвращение захваченных парфянами штандартов, изъявление провинциями своей покорности, Терра Матер, символизирующая земное плодородие в дни мира, и охранительный покров, распростертый надо всей землей Юпитером.

обличье Аполлона высотой в 117 футов*. Адриан переставил ее на самое видное место перед Амфитеатром Флавиев, который получил после этого название Колизея²².

При честном Веспасиане скульптура вернулась с небес на землю. Он позволил изображать себя совершенно откровенно — истинным плебеем, с грубыми чертами лица, со всеми морщинами, лысиной и непропорционально большими ушами. Куда более мягок бюст из Терм, передающий погруженность императора в государственные заботы, или портрет из Неаполя, напоминающий изображение делового человека. Тит дошел до нас в бюстах с таким же кубическим черепом, как и у его родителя, и приветливым выражением лица; трудно представить себе этого полного уличного торговца любимцем рода человеческого. Домициан, живший в реалистическую эпоху флавиевского искусства, был очень неглуп и заслужил при жизни настолько горячую ненависть к себе, что после его смерти был издан приказ уничтожить все его изображения.

Когда художник покидал пределы дворца и выходил на улицу, он был волен отдаться стихии итальянского иронического реализма. Какой-то старик, безусловно, куда менее богатый и мудрый, чем философ-премьер, послужил прототипом для взъерошенного пугала, неизвестно почему когда-то удостоившегося пояснительной подписи «Сенека». Мышцы атлетов спасали от смерти и увядания знаменитейшие художники того времени, а гладиаторы, в качестве статуй, получили доступ в лучшие дома Рима — от патрицианских вилл до Фарнезских дворцов. Римские скульпторы смягчались, когда ваяли женские фигуры; время от времени они беспощадно изображали в камне гневливых строптивниц, однако им же принадлежат изваяния полных прелести и достоинства весталок, из их мастерских выходили порой и такие работы, как «Клития» (Британский музей) — сама нежность, и полные хрупкого шарма, напоминающие куколок Ватто и Фрагонара изображения римских аристократок²³. Они были выдающимися мастерами детской портретной скульптуры: достаточно вспомнить бронзового «Мальчика» из Метрополитен-музея или «Невинность» (Innocenza) из музея на Капитолии. Они умели вырезать или выписывать ошеломляюще живые фигурки животных, такие, как волчьи головы, найденные в Неми в 1929 году, или вставшие на дабы кони Святого Марка. Они редко достигали гладкости и законченности, столь характерных для мастеров эпохи Перикла; но причина этого в том, что индивидуальность была им куда интереснее, чем тип, и они с удовольствием создавали живомерно несовершенные подобию действительности. При всей своей ограниченности портретное искусство этого времени остается непревзойденным.

VI. ЖИВОПИСЬ

Наш древний путешественник, наверное, обнаружил бы, что в римских храмах и жилищах, в портиках и на площадях живопись пользуется еще большей популярностью, чем скульптура. Он встретил бы здесь множество

* Вместе с пьедесталом — 153 фута. Высота статуи Свободы (без основания) — 104 фута.

произведений древних мастеров — Полигнота, Зевксида, Апеллеса, Протогена и других — которые столь же высоко ценились в благополучной Империи, как художники Возрождения ценятся сегодня в богатой Америке. В еще большем изобилии имелись здесь лучше сохранившиеся работы представителей Александрийской и Римской школ. Искусство издавна обитало в Италии, где каждая стена пестрела орнаментом. Некогда даже римская знать не видела ничего зазорного для себя в занятиях живописью; однако эллинистическое нашествие превратило ее в удел греков и рабов, и Валерий Максим дивился тому, что Фабий Пиктор снизошел когда-то до написания настенных фресок в храме Здоровья²⁴. Существовали и исключения: так, в конце республиканской эпохи Ареллий прославился тем, что нанимал проститутку в качестве модели для своих богинь; при Августе глухой аристократ Квинт Педий избрал своим главным занятием живопись, ибо его физическая ущербность отняла у него возможность заниматься большинством других профессий; расписывать внутренние помещения Золотого Дворца был нанят Нероном некий Амулий, «который, даже рисуя, сохранял важность и достоинство, и работал, не снимая тоги»²⁵. Но такие люди были *gaî nantes* в толпе греков, которые в Риме, Помпеях, да и во всех остальных уголках полуострова делали копии или вариации на темы классической греческой живописи, используя греческие и египетские сюжеты.

Живопись сводилась фактически к двум типам: фресковой и темперной. В первом случае свежоштукатуренные стены расписывали разведенными водой красками; во втором — пигменты смешивали таким образом, чтобы получить клейкую массу, плотно и надежно ложащуюся на сухую поверхность. Портретисты иногда прибегали к энкаустической технике, при которой краски растворяли в горячем воске. Нерон приказал изготовить свое изображение на холсте двадцатифутовой высоты — это первое известное нам использование данного материала. Как мы уже видели, росписи покрывались статуи, храмы, театральные декорации, заслуживают упоминания также и большие расписные полотна, предназначавшиеся для показа во время триумфов или выставлявшиеся на Форуме; но излюбленным местом таких выставок являлись внутренняя или наружная сторона стены. Римляне редко приставляли мебель к стенам или развешивали на них картины; они предпочитали использовать всю ее площадь для одной картины или группы изображений, объединенных общим сюжетом. Таким образом, настенная роспись превратилась в неотъемлемую часть дома и стала играть интегрирующую роль в архитектурном проекте.

Языительный Везувий сохранил для нас около 3500 фресок — в Помпеях мы найдем больше произведений живописи, чем во всех остальных областях классического мира. Поскольку Помпеи были не слишком значительным городом, можно легко представить, сколько подобных фресок сверкали на стенах домов и святилищ древней Италии. Лучшие образцы были помещены в Неаполитанский музей; даже там их гибкое изящество пленяет зрителей, но только древним они были знакомы во всей яркости и глубине цвета и своей архитектурной обусловленности, которая наделяла их функциональностью и отводила им особое место в доме. В доме Ветиев фрески остались на своем первоначальном месте: в гостиной Дионис ошеломляет своим появлением дремлющую Ариадну; на противоположной стене Дедал показывает свою деревянную корову Пасифае; в дальнем конце комнаты Гермес умиротворен-

но взирает на то, как Гефест прикрепляет Иксиона к пыточному колесу; в другой комнате серия юмористических изображений представляет беззаботных Купидонов, с пародийным усердием занимающихся распространенными в Помпеях ремеслами, в том числе и виноторговлей — главным занятием Ветиев. Едкое время оставило свой отпечаток на этих некогда ослепительно ярких картинах, однако они сохранили достаточно силы, чтобы заставить случайного посетителя благоговейно смолкнуть. Очертания фигур почти совершенны и настолько полны жизни, что по-прежнему способны вызвать бурное волнение крови в жилах смертных.

Знаток пытался составить представление о природе, основных стилях и периодах развития изобразительного искусства античной Италии на основании именно этих помпейских рисунков. Этот метод не слишком надежен, ибо Помпеи были скорее греческим, чем латинским городом; однако остатки классической живописи Рима и его пригородов вполне хорошо укладываются в схему, предлагаемую помпейским материалом. В эпоху первого, или инкрустирующего, стиля (II в. до н. э.) стены часто расписывались таким образом, чтобы напоминать инкрустированные мраморные поверхности или плиты (*crustae*), как это видно на примере «Дома Саллюстия» в Помпеях. В эпоху второго, или архитектурного, стиля (первое столетие до н.э.) настенные росписи подражали внешнему виду зданий, их фасадам или колоннаде. Часто колонны изображались так, словно они увиденны изнутри дома, а между ними виднелись сельские ландшафты; благодаря этому приему художник открывал для обитателей домов, по-видимому, лишенных окон, освежающие горизонты — просторы, где росли деревья и цветы, расстилались поля или шумели потоки, паслись или играли животные; оставаясь в закрытом пространстве своего дома, можно было вообразить себя прогуливающимся по Лукулловым садам — для этого стоило только взглянуть на стену; можно было ловить рыбу, грести или охотиться, с любопытством разглядывать диковинных птиц, не страдая при этом от несвоевременности этих развлечений; природа стала частью человеческого жилища. В эпоху третьего, или нарядного, стиля (1—50 гг. н.э.) архитектурные формы имели чисто орнаментальное значение, а пейзажи были подчинены стремлению изобразить в первую очередь фигуры людей и животных. В эпоху четвертого, или изощренного, стиля (50—79 гг.) изображение художников разыгралось вовсю — они изобретали фантастические сооружения и формы, компоновали их таким образом, чтобы дать волю своему веселому презрению к степенности и солидности, нагромождали друг на друга сады и колонны, виллы и павильоны в модернистском беспорядке²⁶ и иногда добивались чуть ли не импрессионистических результатов, черпая при создании своих картин из глубин бессознательной памяти и заливая стены размытым светом. Во всех этих родственных стилях архитектура оставалась служанкой и повелительницей живописи, служила ей и пользовалась ею и положила начало той художественной традиции, которая через шестнадцать столетий возродится в Николя Пуссене.

Как жаль, что сюжеты большинства сохранившихся картин так редко дерзают освободиться от притяжения греческого мифа. Нас утомляет лицемерие одних и тех же богов и сатиров, героев и грешников — Зевса и Марса, Диониса и Пана, Ахилла и Одиссея, Ифигении и Медеи; впрочем, такое же обвинение можно выдвинуть и против Возрождения. До нас дошли несколько натюрмортов, и кое-где с помпейских стен на нас смотрят сукновал, трактирщик

или мясник. Часто на сцене доминирует любовь: девушка сидит, погрузившись в мечты о каком-то тайном возлюбленном, из-за ее спины выглядывает Эрот; юноши и девушки играют в какие-то вдохновляемые любовью игры на зеленой траве; Психеи и Купидоны резвятся во всю прыть, словно город никогда не знал ничего другого, кроме любви и вина. Если судить по изображениям на этих фресках, женщины Помпей полностью заслуживали того, чтобы их прелесть была средоточием городской жизни. Мы видим, как они увлеченно играют в «бабки», или грациозно склоняются над лирой, или сочиняют стихи, задумчиво приложив к губам стиль; на их лицах — печать умиротворенной зрелости, их формы блещут здоровьем и полны жизни, складки их платьев ниспадают с такой непринужденностью и правильностью, словно они изваяны самим Фидием; словно Елены, они шествуют с сознанием собственной божественности. Одна из них кружится в вакхическом танце: ее правое плечико, рука и ножка прелестны — прекрасней их нет ничего в истории живописи. Некоторые мужские образы не уступают этим шедеврам: Тезей — победитель Минотавра, Геракл, спасающий Деяниру или усыновляющий Телефа, Ахилл, гневно отдающий вестникам Агамемнона сопротивляющуюся Брисейду; каждая фигура последней композиции близка к совершенству, и здесь помпейская живопись достигает своей вершины. На этих картинах есть место и юмору: растрепанный педагог ковыляет, опираясь о свой посох; веселый сатир задирает ноги в радостном танце; плешивый распутник Силен запечатлен в момент одержимости музыкальным неистовством. При случае на сцену выступают таверны и публичные дома, и каждому понятливому туристу ясно, что Приап по-прежнему красуется на помпейских стенах символом своего могущества. На другом конце художественного репертуара находится серия религиозных картин (Вилла Итем), которые наводят на мысль о том, что это место служило прибежищем для участников дионисийских мистерий: на одной из фресок девочка, погруженная в религиозный экстаз, читает некую священную книгу; на другой — изображена процессия девушек, дующих в свирели и несущих жертвы божеству; на третьей — обнаженная дама пляшет, привстав на носки, в то время как рядом с ней упала на колени новообращенная, изнуряющая себя каким-то ритуальным бичеванием²⁷. Более изящна, чем эти, фреска, обнаруженная на развалинах Стабий, предвосхищающая Боттичелли и названная «Весна»: женщина плавно идет по саду, собирая цветы; мы видим только ее спину и грациозный поворот головы; но редко искусство достигало таких поэтических высот при разработке столь простой темы.

Самой впечатляющей из всех картин, обнаруженных в этих развалинах, является «Медея» из Геркуланума, которая хранится в Неаполитанском музее. На ней изображена погруженная в свои мысли пышно одетая женщина, которая замыслила убийство собственных детей; по-видимому, это копия картины, за которую Цезарь заплатил художнику Тимомаху Византийскому сорок талантов (114 000 долларов)^{27а}.

Не много картин столь же высокого качества удалось найти в самом Риме. Однако на пригородной вилле Ливии у Прима Порты был открыт выдающийся образец пейзажной живописи, в которой Италия была куда сильнее Греции. Взгляд, как бы невольно, устремляется через двор к мраморной решетке, за которой пышно разрослись цветы и деревья, прорисованные настолько тщательно, что и сейчас ботаники в силах опознать и каталогизировать эти растения. Каждый листок старательно выписан и раскрашен, то здесь, то там

выныривают из зелени птицы, а в листве копошатся насекомые. Лишь немногим уступает этой работе в исполнении «Свадьба Альдобрандини», обнаруженная на Эсквилине в 1606 году. Ее с горячей заинтересованностью изучали Рубенс, Ван Дейк и Гёте. Возможно, это копия с греческого оригинала. Возможно, это оригинал, написанный римским греком или римлянином. Мы можем говорить лишь о том, что эти фигуры — спокойная и робкая невеста, подающая ей совет богиня, поглощенная праздничными приготовлениями мать, девушки, готовые заиграть на лирах и запеть, — выписаны с таким изяществом и чуткостью, что данная работа по праву занимает выдающееся место среди сохранившихся до наших дней образцов классического искусства.

Римская живопись вовсе не стремилась к оригинальности; греческие художники повсюду были проводниками одних и тех же традиций и методов; даже смутный импрессионизм этих изображений может восходить к неким александрийским прототипам. Но им нельзя отказать в выверенности линий и богатстве цветовой гаммы, и глядя на эти картины, хорошо понимаешь, почему живописцы Апеллес и Протоген обладали столь же высокой репутацией, что и скульпторы Поликлет и Пракситель. Иногда полнота цвета поразительна настолько, словно мы имеем дело с работой Джорджоне; иногда изощренность перепадов света и тени напоминает кисть Рембрандта; иногда грубоватые фигуры удивительно похожи на неуклюже реалистические произведения Ван Гога. Перспектива зачастую передана здесь неправильно, а ремесленническая поспешность опережает вызревание замысла. Однако эти недостатки искупаются свежестью и жизненностью картин, ритм ниспадающих складок приковывает взгляд, а лесные сценки не могли не радовать жителей перенаселенных городов. Наши вкусы более сдержанны; мы любим, чтобы стена оставалась только стеной, и только вчера преодолели сомнения и решились украсить наши стены рисунком. Но для италийца стены символизировали неволю, из которой лишь в очень редких случаях существовал выход — в виде окна — на широкий простор; ему хотелось забыть о преграде и при помощи иллюзии, которую так правдиво умеет создавать искусство, перенестись под сень зеленеющих деревьев. Возможно, он был прав: лучше нарисованное дерево на стене, чем вид сквозь «магический оконный переплет» на тысячи неопрятных крыш, возведенных в поношение небу и отданных на растерзание солнцу.

VII. АРХИТЕКТУРА

1. Принципы, материалы и формы

Мы припасли для нашего забытого путешественника, переходящего со ступени на ступень своего эстетического самообразования, величайшее из римских искусств — искусство, в рамках которого Италия успешней всего сопротивлялась греческому нашествию и ярче всего проявила свою оригинальность, смелость и мощь. Говоря об оригинальности, не будем, однако, забывать, что речь не идет о непорочном зачатии; здесь, как и в порождении ребенка, уже существующие элементы складываются в новые сочетания. В периоды своей юности все культуры являются эклектическими, ибо образование начинается с подражания; но стоит душе или народу достичь зрелости,

как их характер, если таковой имелся, проявляется во всех их словах и свершениях. Рим, как и другие средиземноморские города, перенял дорический, ионический и коринфский ордера у Египта и Греции; однако, помимо них, он заимствовал у Азии арку, свод и купол и построил при их помощи город дворцов, базилик, амфитеатров и бань, каких человечество еще не знало. Римская архитектура явилась художественным выражением римского духа и римской державности: дерзость, организованность, величие и грубая мощь — вот настоящие создатели этих неслыханных сооружений на холмах. Римская душа навеки была запечатлена в камне этих строений.

Большинство ведущих римских архитекторов были римлянами, не греками. Один из них, Марк Витрувий Поллион, написал классический трактат «Об архитектуре» (около 27 г. до н.э.)*. Отслужив в свое время под началом Октавиана, Витрувий в старости отошел от дел, чтобы сформулировать принципы самого почитаемого в Риме искусства. «Природа не наделила меня замечательным телосложением,— признает он,— годы не прибавили красоты моим чертам, а болезнь лишила меня сил; поэтому я надеюсь заслужить благосклонность своей книгой и знаниями»²⁹. Как Цицерон и Квинтилиан требовали от оратора в качестве условия успешной профессиональной деятельности предварительного ознакомления с философией, так и Витрувий выдвигает аналогичное требование перед архитектором. Философия способна улучшить качество его замыслов, в то время как наука предоставит в его распоряжение более совершенные средства. Философия одарит его «возвышенным складом ума, вежливостью, справедливостью, чувством долга перед государством и избавит от корыстолюбия; ибо никакая работа не может быть сделана хорошо без здоровой веры и чистых рук»³⁰. Витрувий перечисляет архитектурные материалы, ордера и их элементы, различные типы римских строений; кроме того, он отводит целые разделы своего трактата описанию механизмов, водяных часов, спидометров**, акведуков, городской планировки и общественной санитарии. В противовес прямоугольной планировке, принятой под влиянием Гипподама во многих городах Греции, Витрувий выдвигает радиальную планировку, использованную в Александрии (и в современном Вашингтоне); однако римляне продолжали закладывать города по прямоугольной модели, восходящей к пространственной организации их военных лагерей. Он предупреждал Италию о том, что питьевая вода, употребляемая во многих городских общинах, способна приводить к такому заболеванию, как зоб, и утверждал, что работа со свинцом может привести к отравлению. Он считал, что звук представлял собой вибрирующее движение воздуха, и написал древнейшее из дошедших до нас рассуждений, посвященное архитектурной акустике. Его книга, заново открытая в эпоху Возрождения, оказала заметное влияние на Леонардо, Палладио и Микеланджело.

Римляне, говорит Витрувий, используют при строительстве древесину, кирпич, штукатурку, бетон, камень и мрамор. Кирпич являлся, как правило,

* Некоторые исследователи подозревают, что это — подделка, выполненная в III в., однако объективные данные свидетельствуют скорее о подлинности книги²⁸.

** Точнее говоря, одометров. Чека, прикрепленная к оси колеса, приближалась благодаря зубцу к меньшему колесу, которое вращалось гораздо медленнее, что и являлось причиной падения камешка в измерительную коробку через определенные отрезки пути³¹.

основным материалом при возведении стен, арок, сводов и часто служил облицовочным материалом для сооружений из бетона. Штукатурка также нередко служила для лицевой отделки. Ее готовили из песка, извести, мраморной крошки и воды; качество штукатурки было довольно высоким. Ее укладывали в несколько слоев, общая толщина которых достигала иногда трех дюймов. В силу этого она могла сохраняться в течение девятнадцати столетий, как в некоторых частях Колизея. В изготовлении и применении бетона римляне были знатоками непревзойденными, вплоть до нашего века. Они собирали вулканический пепел, которым изобиловали окрестности Неаполя, смешивали его с известью и водой, заливали этим раствором кирпичную, керамическую, мраморную, каменную крошку и, начиная со второго века до нашей эры, получали таким образом твердый, как скальная порода, *opus caementicium*, которому можно было придавать практически любую требуемую форму. Эта смесь заливалась в сделанные из досок «корыта» (так же поступаем и мы). Таким материалом римляне покрывали обширные пространства, не нуждаясь при этом в какой бы то ни было опоре, и возводили таким образом прочные купола, которые были свободны от осевого давления арочных перекрытий. При помощи этого метода были возведены крыши над Пантеоном и большие термы. Большинство храмов и респектабельных домов строились из камня. Одна из разновидностей этого материала, доставлявшегося из Каппадокии, пропускала свет настолько хорошо, что храм, даже в тех случаях, когда все отверстия в его стенах оказывались закрытыми, был достаточно светел³². Завоевание Греции привило римлянам вкус к мраморным сооружениям; возникший в связи с этим спрос первоначально удовлетворялся за счет импорта колонн, затем самого мрамора и, наконец, разработки Каррарских карьеров близ Лунь. До Августа мрамор использовался, как правило, для изготовления колонн и плит; в его эпоху мрамор стал применяться в качестве облицовочного материала для зданий из кирпича и бетона; только в этом «поверхностном» смысле Август имел полное право говорить о том, что отдельные римские районы — это «город из мрамора»; сплошные мраморные стены были редкостью. Римлянам нравилось смешивать при строительстве одного здания красные и серые граниты Египта, зеленый *ciprolino* Эвбеи, черный и желтый мрамор Нумидии с каррарским белым мрамором, базальтом, гипсом и порфиром. Никогда прежде архитектурный материал не был столь пестр и разнообразен.

Дорический, ионийский и коринфский ордера римляне дополнили тосканским и «составным» стилями, а также внесли в традиционные ордера некоторые изменения. Колонны часто делались монолитными, тогда как раньше они представляли собой конструкции, составленные из подогнанных друг к другу «барабанов». Дорическая колонна получила ионийскую базу и, лишившись канелюров, приобрела стройность и изящество; ионийская капитель часто снабжалась четырьмя волютами, чтобы выглядеть одинаково с каждой стороны; коринфская капитель и колонна достигли изящества и прелести, каких не удавалось добиться греческим мастерам, однако в позднейшие десятилетия этот стиль был изрядно испорчен неудачными модификациями. Подобная избыточность характеризует и «составную» капитель, полученную посредством прибавления цветочного орнамента к ионийским волютам; образец этого стиля — арка Тита. Иногда волюты принимали форму живых существ, напоминая гаргульи и предвосхищая средневековые формы.

Щедрые римляне часто смешивали несколько стилей при строительстве одного здания, как это было в случае с театром Марцелла. С другой стороны, ложное понимание экономии приводило к тому, что боковые колонны прикреплялись к стене, как в случае с римским *Maison Carrée*. Даже когда развитие арки лишило колонны их старой несущей роли, римляне пользовались ими как свободными от всякой функциональной нагрузки украшениями — обычаем, который сохраняется вплоть до нашей, не слишком разборчивой эпохи.

2. Римские храмы

Конструкция практически всех римских храмов основывалась на греческих принципах балочного перекрытия — архитравы (или «главные балки») поддерживались колоннами и поддерживали, в свою очередь, крышу. Август был в искусстве таким же консерватором, как и в других областях, и большинство храмов, возведенных по его инициативе, были исполнены в русле ортодоксальной традиции. Начиная с этого времени, императоры постоянно умножали число обиталищ своих соперников-олимпийцев и прикрывали свой разврат архитектурным благочестием, загромождая холмы и блокируя проходы черепичными или позлащенными святилищами. Излюбленным адресатом этих подношений был, разумеется, Юпитер. Помимо прочих, ему был посвящен храм как Юпитеру Тонанту, или Громовержцу; другой был возведен в честь Юпитера Статора, или Остановителя, который, по преданию, остановил римлян, в панике бежавших с поля боя; кроме того, вместе с Юноной и Минервой он был обитателем самого священного из римских храмов на вершине Капитолийского холма. Здесь в центральном помещении, окаймленном трехъярусной коринфской колоннадой, находился хрисоэлефантинный колосс Юпитера Всеблагого Величайшего (*Juppiter Optimus Maximus*). Традиция относилась к первой версии этого средоточия римского культа ко времени Тарквиния Древнего; храм несколько раз погибал в огне и перестраивался; Стилихон (404 г.) снял с него покрытые золотыми пластинами бронзовые двери, чтобы расплатиться со своими солдатами, а вандалы унесли с собой позолоченную черепицу. Сохранились фрагменты мозаичного покрытия.

На северной вершине того же холма возвышался храм Юноны Монеты, Юноны Блестительницы, или Стражницы; здесь находился римский монетный двор, и неудивительно, что именно к названию этого святилища восходит слово, которым обозначается предмет страстных вожделений. На южной стороне холма размещалось святилище Сатурна, старейшего из капитолийских богов. Римляне утверждали, что впервые этот храм был освящен в 497 г. до н. э.; сохранились восемь ионийских колонн и архитрав. На Форуме, у подножия холма, имелся небольшой храм Януса, бога всех начал и начинаний; его ворота открывались во время войны и запирались лишь три раза за всю историю Рима. На юго-восточном участке Форума стоял храм Кастора и Поллукса, возведенный в 495 г. до н. э. До нашего времени дошли три коринфские колонны, оставшиеся после реконструкции храма, проведенной Тиберием. По общему мнению, это самые изящные из всех римских колонн.

На построенном им форуме Август воздвиг храм Марсу Ультору (Мстителю), который был обетован богу перед сражением при Филиппах. От него

сохранились три величественные колонны. Одна из сторон целлы представляла собой полукруглую апсиду — архитектурную форму, которая превратится в алтарь раннехристианских церквей. На Палатине Август построил целиком из мрамора чрезвычайно дорогостоящий храм Аполлона в благодарность за помощь, которую этот бог оказал ему при Акции. Храм был украшен скульптурами Мирона и Скопаса, окружен превосходной библиотекой и художественной галереей. Словом, Август не пожалел никаких усилий, чтобы создать впечатление, что этот бог, оставив Грецию, переселился в Рим и принес с собой духовное и культурное первенство над миром. Друзья Августа даже шептались между собой, благо мать императора уже умерла, будто Аполлон в облике змея был отцом их вкрадчивого принцепса.

В юго-западной части города имелось большое святилище Изиды, а на Палатине возвышался просторный храм Кибелы. Изящные часовни были построены в честь персонифицированных абстракций — Здоровья, Чести, Доблести, Согласия, Верности, Счастья (Фортуны) и многих других. Почти во всех из них содержались собрания статуй или картин. В своем великом храме Мира Веспасиан выставил на всеобщее обозрение многие из художественных сокровищ Золотого Дома Нерона и некоторые реликвии Иерусалима. Храм Мужской Фортуны (Fortuna Virilis) на Бычьем рынке был знаменит тем, что являлся лучшим из всех сохранившихся к тому времени зданий доавгустовской постройки. Столичные дамы часто приносили почести этой богине, так как Фортуна, полагали они, научит их, как лучше скрыть от мужчин свои недостатки.

К этим и сотням других храмов, построенных в классическом прямоугольном стиле, римские архитекторы добавили несколько круглых храмов, на примере которых видно, как далеко продвинулись мастера строительного дела на пути разрешения проблем, связанных с купольной архитектурой. Традиция возведения зданий этого типа восходит к круглой хижине Ромула, благоговейно сохранявшейся на Палатине на протяжении многих столетий. Почти столь же древним был Дом Весты (Aedes Vestae) рядом с храмом Кастора и Поллукса. Его круглая целла, облицованная белым мрамором, была опоясана стройными коринфскими колоннами, а крыша представляла собой купол из позолоченного стекла. К нему примыкал Дворец весталок — здание из восьмидесяти четырех комнат, построенных наподобие монастыря вокруг окаймленного колоннами двора — Atrium Vestae. Пантеон не был еще округлым; постройка Агриппы была прямоугольной, однако перед ней находилась округлая площадь. Архитекторы Адриана возвели над этим пространством круглый храм и мощный купол, которые по-прежнему стоят в ряду отважнейших свершений человека.

3. Арочная революция

Светская архитектура Рима была более грандиозна, чем архитектура священная. Именно здесь можно было освободиться от груза традиций и объединить инженерные познания с искусством — полезность и прочность с художественным совершенством — на свой, оригинальный, лад. Принцип греческой архитектуры — прямизна линий (пусть Парфенон и несколько смягчает это требование): вертикальность колонн, строго горизонтальное положение

архитрава, треугольность фронтона. Специфический принцип римской архитектуры — кривая. Римляне тяготели к величию, отважной дерзости, масштабности; но при покрытии своих огромных строений они не могли воспользоваться помощью прямолинейных или балочных принципов — иначе им пришлось бы загромождать здание лабиринтом колонн. Решением проблемы явились: арка, обычно в ее закругленном варианте; свод, представляющий собой удлиненную арку; купол, который есть не что иное, как арка, описавшая круг. Возможно, римские полководцы и их помощники освоились с арочными формами в своих азиатских и египетских походах, и их возвращение послужило стимулом к возрождению римских и этрусских традиций, давно уже отступивших перед вторжением ортодоксальных греческих стилей. Теперь Рим пользовался услугами арки с таким размахом, что само название строительного искусства навеки сохранило в себе призыв этого увлечения. Укладывая паутину кирпичных ребер вдоль линий натяжения перед тем, как залить бетоном деревянный каркас крыши, римляне научились возводить коленчатые своды; скрестив под прямым углом два цилиндрических или бочковидных свода, они получали стрельчатую и крестовидную конструкцию, которая была способна выдержать вес еще более тяжелых надстроек и более сильное осевое давление. Таковы были основы римской арочной революции. Новый стиль был доведен до совершенства при строительстве больших бань и амфитеатров. Бани Агриппы, Нерона и Тита положили начало целой строительной эпохе, кульминацией которой явились термы Диоклетиана. Это были монументальные сооружения из бетона, облицованные штукатуркой и кирпичом, которые достигали весьма внушительной высоты. Внутренние помещения были богато декорированы мраморными полами и мозаиками, разноцветными колоннами, кессонными потолками, картинами и статуями. Здесь располагались комнаты для переодевания, горячие и холодные ванны, между которыми имелось помещение, наполненное паром, плавательные бассейны, палестры, библиотеки, читальные залы, комнаты для научных занятий, комнаты отдыха, возможно, художественные галереи. Большинство помещений было снабжено центральным отоплением: широкие глиняные трубы, проложенные под полом и в стенах, служили для передачи тепла. Эти *thermae* являлись самыми просторными и дорогостоящими общественными постройками из всех, что когда-либо возводились человеком, и они до сих пор остаются непревзойденными в своем роде. Они были частью «рекреативного социализма» — политики, посредством которой принципат пытался смягчить недовольство распространением и усилением монархических порядков*.

Тот же патернализм явился инициатором строительства величайших в истории театров. В Риме было театров не так много, как в столицах современных государств, однако их малочисленность компенсировалась величиной. Самым скромным из них был театр, построенный на Марсовом поле Корнелием Бальбом (13 г. до н.э.), в котором имелось 7700 зрительских мест. Август перестроил театр Помпея, в котором теперь могли собираться 17 500 зрителей; он же довел до конца строительство еще одного театра, названного

* Римские бани послужили образцом для множества современных сооружений, при возведении которых архитекторы сталкиваются с такой же проблемой: как покрыть большие площади, не загромождая их множеством опор. Пенсильванский вокзал и Большой центральный терминал в Нью-Йорке являются выдающимися образцами конструкций такого рода.

именем Марцелла и рассчитанного на 20 500 зрителей. В отличие от греческих театров они были окружены стенами, а трибуны опирались не на естественные возвышения (как, например, склон холма), а поддерживались за счет арочной или сводчатой каменной кладки. Крышей была защищена только сцена; но часто зрительская аудитория укрывалась от солнца под льняным навесом, покрывавшим в театре Помпея пространство шириной в 550 футов. Над входами находились помещения для почетных гостей и магнатов. Некоторые сцены были снабжены занавесами, которые после начала пьесы опускались в шахту, а не поднимались вверх. Сцена возвышалась над полом приблизительно на пять футов. Ее задний план обычно имел форму тщательно разработанного здания, устройство которого (его края расходились в разные стороны) способствовало лучшей слышимости голосов актеров — немаловажная подробность, когда речь идет о столь крупных театральных сооружениях. Сенека пишет о «сценических механизмах, благодаря которым подмостки могут подниматься вверх, а пол внезапно взмывает в воздух»^{32а}. Изменение сценической обстановки достигалось за счет вращающихся призм или перемещения декораций в сторону или вверх, когда на их месте немедленно оказывалась новая обстановка. Акустика выигрышала за счет полых впадин в полу и стен, которые окружали сцену^{32в}. Зрительный зал освежался каналами в проходах, по которым текла холодная вода; иногда в качестве разбрызгиваемых над зрителями благовоний выступала смесь воды, вина и шафранового сока, бежавшая по трубам, которые возвышались над залом^{32с}. Частью внутреннего убранства были статуи, а роль декораций выполняли большие картины. Вероятно, ни один из современных драматических или оперных театров не мог бы тягаться в масштабности и великолепии с театром Помпея.

Наиболее популярными по-прежнему оставались цирк, стадион и амфитеатр: В Риме имелось несколько стадионов, использовавшихся главным образом для атлетических состязаний. Конные бега или соревнования колесниц, а также некоторые представления проходили в цирке Фламиния на Марсовом поле, или (что было более частым явлением) в Большом цирке, находившемся между Палатинским и Авентинским холмами и перестроенном Цезарем. Это был огромный овал шириной в 705 и длиной в 2200 футов с деревянными скамьями с трех сторон, рассчитанными на 180 000 зрителей³³. Можно судить о преуспевании Рима по тому факту, что Траян заменил деревянные сиденья мраморными.

В сравнении с этим цирком Колизей был довольно скромным сооружением, вмещавшим только 50 000 зрителей. Его планировка не отличалась новизной; города греческой Италии издавна размещали амфитеатры в своих пределах; как мы уже знаем, Курион построил амфитеатр еще в 53 г. до н.э.; Цезарь возвел другой в 46 г. до н.э., а Статилий Тавр — в 29 г. до н.э. Амфитеатр Флавиев, как называли римляне Колизей, был начат Веспасианом и завершен Титом (80 г. до н.э.); имя архитектора неизвестно. Местом для строительства Веспасиан избрал озеро, находившееся в садах Золотого Дворца Нерона между Целиевым и Палатинским холмами. Он был построен из белого итальянского известняка в форме овала, периметр которого составлял 1790 футов. Его наружная стена возвышалась на 157 футов и была разделена на три яруса, первый из которых поддерживался частично тосканско-дорическими колоннами, второй — ионийскими, третий — коринфскими, а каждый

промежуток между этажами был заполнен арками. Основные коридоры были защищены бочкообразными сводами, часто перекрещивавшимися в стиле средневековых монастырей. Внутренняя часть Колизея также делилась на три яруса, каждый из которых опирался на арки, разделявшиеся на концентрические круги лож или сидений и разбитые лестницами на *cunei*, «клинья». Изнутри Колизей сегодня выглядит так, словно некий мастер-исполин прорубил в сплошной массе каменной кладки арки, проходы и сиденья. Это сооружение было украшено статуями и картинами, а многие ряды кресел были сделаны из мрамора. Внутрь можно было попасть через восемьдесят входов, два из которых были отведены для самого императора и его свиты. Эти входы и выходы (*vomitoria*) позволяли освободить гигантскую чашу Колизея за пять минут. Арена (287 на 180 футов) была опоясана пятнадцатифутовой стеной, которая увенчивалась железной решеткой, чтобы обезопасить кровожадных зрителей от свирепости животных. Колизей трудно назвать прекрасным, и сама его безмерность обнаруживает некоторую грубость, впрочем, как и величие, римского характера. Просто это самые впечатляющие из всех развалин, оставшихся от античности. Римляне строили так, словно были гигантами; требуя от них ювелирной законченности в мелочах, мы требовали бы от них, пожалуй, слишком многого.

Римское искусство переняло и эклектически смешало аттический, азиатский и александрийский стили — сдержанность, грандиозность и изящество унаследовало оно от них; оно никогда не добивалось их органического синтеза, который является первым требованием, предъявляемым обычно к прекрасному. В грубоватой крепости типично римских зданий есть что-то восточное; они внушают скорее трепет, чем восхищение; даже Пантеон Адриана — это скорее архитектурная диковинка, чем прекрасное дитя. За исключением отдельных произведений, таких, как рельефы и стеклянные изделия августовского времени, мы тщетно будем искать здесь утонченности чувства или изящества исполнения. Мы ожидаем найти здесь воплощение инженерной смекалки, главная цель которой — обретение совершенной устойчивости, экономичности и целесообразности, или натолкнуться на проявления тщеславия выскочек, чья главная слабость — грандиозность и «красивость», или встретиться с выражением солдатской прямоты, требующей от искусства в первую очередь реализма, или овнешнением воинского стремления к подавляющей мощи. Римляне не искали ювелирной отточенности своих произведений, потому что завоеватели никогда не становятся ювелирами. Их совершенство было совершенством завоевателей.

Несомненно, построенный ими город — это самый впечатляющий и завораживающий архитектурный ансамбль в истории. Пластическое искусство, живопись и архитектура римлян были доступны пониманию каждого, а город являлся сооружением, которым каждый мог пользоваться себе на благо. Свободные массы были бедны, однако в известном смысле и они владели многими богатствами Империи: они ели государственный хлеб, почти бесплатно посещали представления в театрах, цирках, амфитеатрах и на стадионах; они упражнялись, освежались, развлекались и получали образование в термах, они наслаждались тенью, которой дарили их сотни колоннад, и прохаживались под расписными портиками, которые протянулись на многие мили и только на Марсовом поле покрывали не менее трех миль. Никогда еще мир не знал такой метрополии. В ее центре — сутолока Форума, где вершились коммерче-

ские сделки, раздавались голоса ораторов, обсуждались жизненно важные для Империи вопросы; затем — кольцо величавых храмов, базилик, дворцов, театров и бань, столь многочисленных, что трудно указать на что-либо подобное в других эпохах и странах; затем — кольцо холмов, на которых кипит жизнь, и густо заселенных доходных домов; затем — новое кольцо особняков и садов, где опять можно было встретить множество бань и храмов; наконец — кольцо вилл и поместий, вторгшихся в сельскую местность и соединивших предгорья с морем: таким был Рим Цезарей — горделивым, могущественным, сверкающим, материалистичным, кровожадным, несправедливым, хаотичным и возвышенным.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сенека. *Friedländer*, II, 321.
- ² Ливий, XXIV, 9; Плиний. *Письма*, VIII, 17; Тацит. *Анналы*, I, 70.
- ³ Страбон, V, 3.8.
- ⁴ Ювенал, III, 235–244.
- ⁵ Там же, V, 268.
- ⁶ Марциал, CXVII, 7.
- ⁷ *Friedländer*, I, 5.
- ⁸ Плиний, XXXV, 45.
- ⁹ *Friedländer*, II, 317, 330.
- ¹⁰ Mau, A., *Pompeii*, 231; Rostovtzeff, *Roman Empire*, 135; Gest, 96.
- ¹⁵ Светоний. *Нерон*, 39.
- ¹⁶ См.: Boissier, *Rome and Pompeii*, 119.
- ¹⁷ Плиний. *Естественная история*, XXXIII, 45.
- ¹⁸ Boissier, *Tacitus*, 223.
- ^{18a} См.: *Нью-Йорк Таймс* от 27 апреля 1943 года.
- ¹⁹ Mau, 414.
- ²⁰ Плиний, XXXV, 66; Страбон, XVI, 25.
- ²¹ Винкельман. *История искусства древности*, II, 312.
- ²² Reid, 278.
- ²³ Cf. Strong, *Art in Ancient Rome*, II. fig. 341.
- ²⁴ Валерий Максим. *Деяния и изречения...* VIII, 14.
- ²⁵ Плиний, XXXV, 37.
- ²⁶ Cf. Maiuri, A., *Les fresques de Pompeii*, Tab. XXXIII.
- ²⁷ Cf. Rostovtzeff, *Mystic Haby*, *passim*.
- ^{27a} Плиний, XXXV, 40.
- ²⁸ Duff, *Literary History of Rome*, 632.
- ²⁹ Витрувий, II, 4.
- ³⁰ Там же, I, 1.
- ³¹ Там же, X, 9.
- ³² *Friedländer*, II, 191.
- ^{32a} Сенека. *Письма*, LXXXVIII.
- ^{32b} Kirstein, L., *The Dance*, 49.
- ^{32b} Лукреций, II, 416; Овидий. *Искусство любви*, I, 103.
- ³³ Плиний, XXXV, 24.

Эпикурейский Рим

30 г. до н.э.—96 г. н.э.

I. НАСЕЛЕНИЕ

ДАВАЙТЕ ЖЕ войдем в эти дома, храмы, театры и бани и посмотрим, как жили римляне этой эпохи; мы найдем, что они куда интересней, чем их искусство. Мы должны сразу же принять во внимание то обстоятельство, что во времена Нерона они были римлянами только географически. Факторы, с которыми не удалось справиться Августу — безбрачие, бездетность, аборт и детоубийство, распространенные среди коренных обитателей города, выход на волю рабов и относительно более высокая плодovitость его новых жителей, — стали причиной трансформации расового характера, нравственных представлений, даже внешности римского народа.

Некогда римляне поощрялись к деторождению половым инстинктом и стремлением оставить после себя тех, кто будет ухаживать за родительскими могилами; теперь высшие и средние классы научились отделять друг от друга секс и порождение потомства и скептически относились к загробному миру. Когда-то воспитание детей было почетным долгом перед государством, исполнение которого возвышало гражданина в глазах общества; теперь казалось абсурдом требовать в перенаселенном до духоты городе роста рождаемости. Напротив, богатые холостяки и бездетные мужья по-прежнему были окружены сонмом сикофантов, алчно помогающих наследству. «Ничто не способно сделать тебя столь дорогим для твоих друзей, — говорил Ювенал, — как бесплодная жена»¹. «Кротона, — замечает один из персонажей Петрония, — разделяется на два класса обитателей: на льстецов и обольщаемых; единственное преступление в этом городе — оставить после себя детей, которые унаследуют твои деньги. Город напоминает поле недавней битвы: он усеян мертвецами, над которыми кружится жадное воронье»². Сенека утешал мать, потерявшую единственного ребенка, напоминая ей о том, каким почтением будет она теперь пользоваться: «ибо в наше время бездетность скорее наделяет нас новыми силами, чем отнимает старые»³. Гракхи выросли в семье, в которой было двенадцать детей; возможно, среди римских патрицианских или всаднических семейств времени Нерона мы не нашли бы и пяти столь многодетных семей. Брак, являвшийся когда-то экономическим союзом на всю оставшуюся жизнь, превратился теперь для сотен тысяч римлян в мимолетное приключение, лишённое какого-либо духовного значения, в не слишком строгий договор о предоставлении друг другу физиологического удовлетворения или политической помощи. Чтобы не подпасть под действие законов, ограничивавших правоспособность безбрачных граждан, некоторые женщины выходили замуж за евнухов, избегая опасности забеременеть⁴; другие вступали в фиктивный брак с бедняками под тем условием, что жена

не будет рожать детей и вправе иметь столько любовников, сколько пожелает⁵. Контрацепция практиковалась в обеих — механической и химической — формах⁶. Если эти методы не достигали желаемого, существовало множество способов произвести аборт. Философы и законодательство относились к абортам в высшей степени неодобрительно, однако они были очень распространены в наиболее просвещенных кругах. Ювенал сетовал:

Бедные хоть переносят опасности родов и терпят
Тяжкий кормилицы труд, принужденные долей замужних;
На позолоченном ложе едва ль ты найдешь роженицу:
Слишком лекарства сильны и слишком высоко искусство
Той, что бесплодие дает и приводит к убийству во чреве...

И, несмотря на это, он призывает мужа:

Ликуй же, несчастный, питье подавая:
Если бы вдруг захотела жена растянуть себе брюхо,
Мучась толчками младенца, то, может быть, ты эфиопа
Станешь отцом...⁷

(Перевод Д. Недовича и Ф. Петровского)

В столь цивилизованном обществе детоубийство было редкостью*.

Низкая рождаемость среди обеспеченных сословий возмещалась иммиграцией и настолько высокой плодovitостью бедняков, что население Рима и Империи продолжало расти. Белох оценивал численность римского населения в период ранней Империи в 800 тысяч, Гиббон — в миллион двести тысяч, Маркварт — в миллион шестьсот тысяч**; по подсчетам Белоха, население всей Империи составляло 54 000 000 человек, по подсчетам Гиббона — 120 миллионов¹¹. Аристократия была так же многочисленна, как и прежде, но теперь ее состав почти полностью обновился. Мы не слышим более об Эмилиях, Клавдиях, Фабиях, Валериях; из гордых родов, бывших до Цезаря опорой Рима, наверху остались только Корнелии. Часть знати была истреблена в ходе войн или политического террора; другие фамилии постепенно утасли в результате бездетных браков, физического вырождения или обнищания, которое автоматически уравнивало их с остальной плебейской массой. Их место заняли римские дельцы, должностные лица италийских муниципиев и провинциальная знать. В 56 г. один из сенаторов заявил, что «большинство всадников и немалая часть сенаторов — потомки рабов»¹². Во втором или третьем поколении новые оптиматы принимали образ жизни своих предшественников, имели все меньше детей и все больше денег и капитулировали перед вторжением с Востока.

Первыми пришли греки — не столько выходцы с Балканского полуострова, сколько обитатели Киренаики, Египта, Сирии и Малой Азии. Они были расторопны, ловки, энергичны, эти приемные дети Востока. Многие из них были мелкими торговцами или купцами; некоторые — учеными, писателями,

* В первом веке девочек или незаконнорожденных детей иногда подбрасывали к Молочной Колонне (Columna Lactaria), названной так потому, что государство обеспечивало кормилицами найденных здесь малышек¹⁰. Отказ от нежеланных детей, однако, весьма распространенное явление во всех государствах за исключением самых нецивилизованных.

** В 1937 году в Риме обитало 1 178 000 жителей.

учителями, художниками, врачами, музыкантами, актерами; иные из них были бескорыстными, иные продажными философами; иные были даровитыми администраторами и финансистами, многие не имели никаких нравственных устоев, почти все — каких-либо религиозных убеждений. Большинство из них пришли в Рим рабами и отнюдь не являлись лучшими представителями рода человеческого; получив свободу, они продолжали носить маску угодливости, ненавидя и презирая в душе богатых римлян, чья интеллектуальная жизнь питалась культурными отбросами Древней Эллады. Улицы столицы оглашались теперь восклицаниями беспокойных и речистых греков; греческий язык можно было услышать здесь чаще, чем латынь; если писатель хотел, чтобы его книги были доступны представителям всех классов, он должен был писать по-гречески. Почти все ранние римские христиане разговаривали на греческом; греческим языком пользовались также сирийцы, египтяне и евреи. На Марсовом поле обитали члены большой египетской колонии — торговцы, ремесленники, художники. Сирийцы — это худощавое, любезное, хитрое племя — были в столице повсюду, занимаясь торговлей, ремеслами, секретарской работой, финансами и крючкотворством.

Уже при Цезаре евреи составляли значительную часть населения Рима. Некоторые из них появились здесь не позднее 140 года до н.э.¹³; многие были привезены в Рим как военнопленные после похода Помпея 63 г. до н.э. Они быстро вышли на волю отчасти благодаря своему трудолюбию и бережливости, отчасти потому, что неукоснительное соблюдение ими ритуальных предписаний своей религии доставляло немало неудобств хозяевам. К 59 г. до н.э. в народных собраниях можно было встретить так много граждан-иудеев, что Цицерон считал политическим безрассудством противодействие их интересам¹⁴. В целом республиканская партия была настроена к ним враждебно, популярны и императоры — дружелюбно¹⁵ *. К концу первого столетия в столице их насчитывалось около 20 000¹⁸. Они селились преимущественно на западном берегу Тибра, где время от времени разливы реки наносили им существенный урон. Они работали в расположенных неподалеку доках, занимались ремеслами и розничной торговлей, разнося товары по всему городу. Некоторые из них были довольно богаты, однако из их среды вышло совсем немного крупных дельцов; международная торговля полностью контролировалась сирийцами и греками. В Риме имелись многочисленные синагоги, при каждой из которых находилась школа, каждая располагала штатом писцов и управлялась своей герусией, или советом старейшин¹⁹. Иудейский сепаратизм, презрительное отношение иудеев к политеизму и почитанию рукотворных образов, строгость нравственных предписаний, отказ посещать театры и игры, странные обычаи и обряды, бедность и — как следствие — неопрятность,

* Они последовательно поддерживали начинания Цезаря, который, в свою очередь, защищал их. Август пошел по его стопам, однако Тиберий, враждебный ко всем чужеземным верованиям, завербовал 4000 евреев в заведомо гибельную военную экспедицию на Сардинию, а остальных изгнал из Рима (19 г.)¹⁶. Двенадцать лет спустя, убедившись, что в этом деле он был введен в заблуждение Сеяном, Тиберий отменил свой указ и постановил, что евреям не должно чиниться никаких препятствий в отправлении их культа и следовании установленным у них обычаям¹⁷. Калигула покровительствовал им в Риме и преследовал за пределами города. Клавдий изгнал некоторых из них за участие в беспорядках, однако в указе общего характера (42 г.) подтвердил, что евреи, живущие в Империи, имеют право жить по своим законам. В 94 г. Домициан изгнал евреев из Рима в долину Эгерии; в 96 г. Нерва вернул их назад, восстановил их гражданские права и даровал им несколько десятилетий покоя.

стали причиной устойчивой расовой неприязни. Ювенал возмущался их плодовитостью, Тацит — монотеизмом, Аммиан Марцеллин — пристрастием к чesноку²⁰. Неприязнь еще более усилилась после кровавого взятия Иерусалима и процессии иудейских пленников и священных реликвий, ставших частью триумфа Тита и изображенных на рельефах его Триумфальной арки. Веспасиан усугубил несправедливость, приказав, чтобы выплачивавшиеся прежде полшекеля в год, которые евреи диаспоры отдавали на содержание Иерусалимского Храма, вносились теперь без проволочек на перестройку Рима. И тем не менее многие образованные римляне восхищались еврейским монотеизмом; некоторые из них были обращены в иудаизм, а иные представители знатных семейств соблюдали иудейскую субботу как день, посвященный Богу и отдохновению от трудов²¹.

Если добавить, что помимо греков, сирийцев, египтян и евреев в городе обитали также нумидийцы, нубийцы и эфиопы из Африки, известное число арабов, парфян, каппадокийцев, армян, фригийцев и вифинцев из Азии, могучие «варвары» Далмации, Фракии, Дакии и Германии, усатые нобили Галлии, поэты и крестьяне Испании, а также «татуированные дикари» Британии²², — мы получим истинную картину чрезвычайно разнородного, этнически космополитического Рима. Марциал поражался податливой легкостью, с какой римские куртизанки приспосабливали свою речь и уловки к запросам такой разнобразной и многоязыкой клиентуры²³. Ювенал жаловался на то, что Оронт — крупная река в Сирии — вливает ныне свои воды в Тибр²⁴, а Тацит называл столицу «выгребной ямой мира»²⁵. Восточные лица, обычаи, платье, жесты, споры, идеи и верования были неотъемлемой и заметной частью водоворота городской жизни. К третьему веку политический режим превратился в монархию восточного типа; к четвертому — римской религией станет восточная вера, и владыки мира опустятся на колени перед богом рабов.

Эта пестрая толпа была по-своему благородна. Она выказывала свое недовольство и презрение к любовнице Нерона Пoppее, когда сенаторы не решились возвысить свой голос, и она осадила здание сената, протестуя против коллективной казни рабов Педания Секунда²⁶. Она была не лишена скромных добродетелей простого человека. Семейная жизнь евреев была образцовой, а небольшие христианские общины служили укором обезумевшему от наслаждений языческому миру своим благочестием и порядочностью. Однако большинство прихлынувшего в Рим чужестранного народа было в буквальном смысле «деморализовано», оторвавшись от своих корней — привычного окружения, культуры и нравственных заветов; годы рабского существования уничтожили в них чувство собственного достоинства, являющееся основой жизненной порядочности; ежедневно вращаясь среди людей, воспитанных в рамках различных традиций, они расставались со своими собственными нравственными убеждениями, основанными на традициях отцов. Если бы Рим не впитал в себя такое количество чужестранцев за столь короткий срок, если бы все эти новоиспеченные римляне попали не в городские трущобы, а в школы, если бы город отнесся к ним не как к рабам, а как к людям, в которых таятся всевозможные таланты, если бы время от времени городские ворота закрывались, чтобы дать возможность процессу ассимиляции поравняться с процессом инфильтрации; благодаря расовой и культурной диффузии он приобрел бы новые жизненные силы и остался бы Римом Римлян — глашатаем и цитаделью Запада. Эта задача была слишком грандиозна. Судь-

ба победоносного города была предрешена размахом и пестротой завоеванных им территорий, кровь римлян бесследно растворилась в океане подвластных им народов, образованные классы Рима подпали под власть культуры своих многочисленных подданных — тех, что некогда были рабами. Количество одолело качество: плодовые слуги стали хозяевами в доме своего бездетного господина.

II. ОБРАЗОВАНИЕ

О детских годах римлянина мы знаем не слишком много, однако если судить по памятникам римского искусства и эпитафиям, дети, появившиеся на свет, были горячо любимы, хотя родительская любовь и не всегда знала меру. Ювенал прерывает свои гневные излияния, чтобы написать несколько нежных строк о том, какие образцы для подражания следует поставить перед детьми: детей не следует пугать — нельзя смущать детскую душу страшными картинами и звуками; даже преисполненные любовью, родители должны воспитывать в детях уважение к себе²⁷. Фаворин, словно античный руссоист, умоляет матерей самим выкармливать своих детей²⁸. Сенека и Плутарх ратовали за то же самое, хотя эти уговоры едва ли могли что-нибудь изменить; в семьях, которые могли себе это позволить, кормилицы, как правило, были наемными, и, кажется, это отнюдь не приводило к трагедиям*.

Няньки, которые обычно были гречанками, являлись и первыми воспитательницами. Они потчевали малышей сказками, которые начинались: «Жили-были царь и царица...» Начальная школа по-прежнему находилась в руках частных учителей. Состоятельные люди часто нанимали для своих детей отдельного воспитателя, но Квинтилиан, как Эмерсон, предостерегал от подобной практики, полагая, что она препятствует возникновению чувства товарищества и плодотворного соперничества. Мальчики и девочки, происходившие из свободных классов, обычно поступали в начальную школу в возрасте семи лет, которую посещали в сопровождении педагога («детовода»), в чьи обязанности входило обеспечение безопасности и наблюдение за нравами. Такие школы существовали во всех уголках Империи, даже в маленьких городках; помпейские настенные надписи свидетельствуют о всеобщей грамотности, и, вероятно, в те времена средиземноморский мир наслаждался такой доступностью образования, какая была невозможна ни до, ни после этой славной эпохи. И педагог, и учитель («школьный преподаватель» — *magister ludi*) обыкновенно были греческими вольноотпущенниками или рабами. В родном городе Горация в годы его юности ученики платили учителю восемь ассов (сорок восемь центов) ежемесячно³⁰; 350 лет спустя Диоклетиан постановил, что предельной платой за услуги учителя начальной школы должна быть сумма в пятьдесят денариев (20 долларов) за одного ученика в месяц; по этой подробности можно составить ясное представление о том, насколько вырос авторитет учителя и как обесценился асс.

* Игрушек и игр было в те времена не меньше, чем сегодня. Римские ребятишки играли в «классы», перетягивание каната, расшибалочку, жмурки, прятки; они играли куклами, обручами, скакалками, деревянными лошадками, воздушными змеями. Римские юноши играли в пять различных игр с мячом. Одна из них напоминала современный футбол, правда, в игре участвовали не ноги и голова, а руки и плечи²⁹.

В возрасте около тринадцати лет успевающий ученик, вне зависимости от пола, мог поступить в школу второй ступени, или среднюю школу; двадцать таких школ существовало в Риме в 159 г. н. э. В этих учебных заведениях уделялось большое внимание грамматике, греческому языку, греческой и латинской литературе, музыке, астрономии, истории, мифологии и философии; преподавание представляло собой, как правило, курс лекций-комментариев, посвященных произведениям классических авторов. До этого момента девочки, надо полагать, изучали те же предметы, что и мальчики, однако часто стремились к дополнительным занятиям по музыке и танцам. Поскольку учителями средней школы (*grammatici*) были преимущественно греческие вольноотпущенники, вполне естественно, что они подробнее останавливались на греческой литературе и истории; римская культура приобрела отчетливый греческий привкус, а в конце второго века новой эры почти все высшее образование было переведено на греческий язык, и латинская литература была поглощена общезллатинистическим койнэ той эпохи.

Прообразом наших колледжей и университетов являлись в Риме риторические школы. Империя ошетичилась легионом риторов, защищавших своих клиентов в суде или составлявших речи для своих подзащитных; риторы читали публичные лекции или передавали секреты мастерства ученикам; некоторые были одновременно и адвокатами, и сочинителями речей, и лекторами, и профессорами. Многие из них переезжали из города в город, произнося речи, посвященные литературе, философии или политике, и устраивая показательные выступления, на которых демонстрировали, как согласно законам ораторской техники трактовать любую тему. Плиний Младший рассказывает о греке Исее, которому было тогда шестьдесят три:

Он просит слушателей придумать побольше контрверсий и предлагает им выбрать любую, часто предлагает даже выбор роли; затем он встает, запахивает плащ и начинает... Его предисловия уместны, рассказ ясен, возражения энергичны, выводы сильные...³¹

(Перевод М.Е. Сергеенко)

Такие люди открывали школу, нанимали помощников и собирали вокруг себя многочисленных учеников. Студенты посещали такие школы, как правило, по достижении шестнадцатилетнего возраста и платили за курс до 2000 сестерциев. Главными предметами являлись риторика, геометрия, астрономия и философия — иными словами, те области знания, которые входят в круг современных научных дисциплин. Эти четыре предмета составляли ядро «свободного образования», то есть такого образования, главным адресатом которого являлся преуспевающий гражданин (*homo liber*), в чьи жизненные планы не входили занятия физическим трудом. Петроний жаловался, как жалуется каждое поколение, на то, что система образования не подготавливает молодого человека к проблемам, с которыми ему придется столкнуться в зрелом возрасте: «Оттого, полагаю, мальчики и становятся в школах дурашливы, что не видят и не слышат там ничего о людских делах, а все о морских разбойниках, стоящих на берегу с кандалами наготове, да о тиранах, подписывающих указ, чтобы сыновья рубили головы отцам своим...»³² (перевод А. Гаврилова). Мы можем, однако, утверждать, что прилежный ученик приобретал здесь умение ясно и быстро мыслить, что являлось неперменным

условием успешной юридической деятельности во все времена, а также учился тому не разборчивому в средствах красноречию, которым отличались римские ораторы. Очевидно, в этих школах не существовало каких-либо дифференцированных ступеней обучения: студент мог оставаться в стенах школы так долго, сколько считал нужным, и мог посещать такое количество курсов, какое мог осилить. Авл Геллий, например, продолжал учебу до двадцати пяти лет. Женщины также становились слушательницами этих школ, иные даже по выходе замуж. Те, кто стремился продолжить образование, устремлялись в Афины, где философская жизнь была ключом, или отправлялись изучать медицину в Александрию, или шлифовали свое риторическое мастерство на Родосе. Цицерон заплатил за год обучения своего сына в афинском университете 4000 долларов.

Ко времени Веспасиана влияние и количество риторических школ возросло настолько, что лукавый император счел необходимым принять решительные меры. Он постановил перенести самые влиятельные школы в столицу и взял их под государственный контроль, приказав выплачивать их руководителям государственное жалованье, — самой высокой была ставка в 100 000 сестерциев (10 000 долларов) в год. Мы не знаем, как много преподавателей или городов получали от Веспасиана эти субсидии. Мы слышим о частных фондах для поощрения высшей школы — таких, как основанный Плинием Младшим в Комо³³. Траян оплатил обучение 5000 юношей, у которых было значительно меньше денег, чем способностей. В царствование Адриана правительственное финансирование средней школы было распространено на многие муниципалитеты по всей Империи, а для отставных преподавателей существовал особый пенсионный фонд. Адриан и Антонин освободили от налогов ведущих преподавателей каждого крупного города, а также позволили им самоустраниться от несения наиболее обременительных гражданских обязанностей. Образование достигло расцвета тогда, когда повсюду росло суеверие, нравственность приходила в упадок, а литература увядала.

III. МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

Нравственность девушки находилась под неусыпным надзором, в то время как юноши пользовались значительно большей свободой. Римлянин, как и грек, снисходительно смотрел на тех, кто прибегал к услугам проституток. Эта профессия была легализована и введена в жесткие правовые рамки; публичные дома (*lupanaria*) должны были, согласно закону, размещаться за пределами города и функционировать только в ночное время. Проститутки (*meretrices*) обязаны были зарегистрироваться у эдилов и носить вместо тогу тогу. Некоторые женщины добровольно записывались в проститутки, чтобы избежать судебного преследования за прелюбодеяния. Расценки были таковы, что половая неразборчивость была по карману каждому; мы слышим даже о «женщинах-в-четверть-асса». Однако постепенно росло число образованных куртизанок, которые стремились очаровать своих покровителей поэзией, пением, музыкой, танцами и изысканной беседой. Для того чтобы встретить женщину, не нуждающуюся в долгих уговорах, было вовсе не обязательно выходить за стены города; Овидий уверяет, что их можно найти под сенью портиков, в цирке, в театре — «их много, словно звезд на небе»³⁴; Ювенал

встречал их даже вокруг храмов, особенно храма Изиды — богини, благосклонной к любви³⁵. Христианские авторы заявляли, что проституция процветала в целлах и у алтарей римских храмов³⁶.

Мужчины-проститутки тоже были легко доступны. Запрещенный законом, но не слишком осуждаемый общественным мнением, гомосексуализм практиковался с чисто восточной непринужденностью. «Сгораю я в любовном жарком пламени!» — поет Гораций. И кто же является предметом его страсти? «Теперь Лисикла я люблю надменного: Девушек может он всех затмить своею нежностью». От этой любви может исцелить «лишь страсть другая разве; или к девушке, К стройному ль станом юнцу, узлом что вяжет волосы»³⁷. Отборные эпиграммы Марциала посвящены любви к мальчикам, а одна из самых непечатных сатир Ювенала представляет собой жалобу женщины на этих возмутительных конкурентов³⁸. Эротические стихи, воспевающие любовь к представителям обоих полов, любовь низменную — «Приапея», — пользовались большой популярностью среди искушенной молодежи и взрослых недорослей.

Брак отважно противостоял конкуренции этих рынков сбыта, а озабоченные родители и брачные агенты из всех сил старались подыскать мужа — пусть только временного — для каждой девушки. Незамужние женщины после девятнадцати лет считались «старыми девами», но они были достаточно редки. Помолвленная пара, как правило, в глаза друг друга не видела; такого понятия, как «ухаживание», просто не существовало; Сенека жаловался, что любой товар перед тем, как его приобрести, мы подвергаем проверке, а жених такой возможности лишен³⁹. Привязанность и взаимная симпатия до свадьбы были чем-то необычным; любовные стихи были обращены к замужним дамам или к тем, на ком поэт и не думал жениться. Выйдя замуж, женщины пускались во все тяжкие, как это было в средневековой и буржуазной Франции. Сенека Старший считал, что прелюбодеяние — самый широко распространенный грех римских женщин⁴⁰, а его сын-философ полагал, что замужняя женщина, довольствующаяся только двумя любовниками, — это образец добродетели⁴¹. «Порядочные женщины, — пел циничный Овидий, — это те, которых еще никто не домогался; мужчина, который гневается на распущенность своей жены, — просто деревенщина»⁴². Возможно, все это — только литературный прием; более надежным свидетельством может служить эпитафия Квинта Веспиллона своей жене: «Редкий брак продолжается до самой смерти, но мы с тобой прожили вместе сорок один счастливый год»⁴³. Ювенал рассказывает о женщине, которая за пять лет успела восемь раз выйти замуж⁴⁴. Отданные в супружество из экономических или политических соображений, некоторые женщины считали, что, отдав мужу приданое, а тело любовнику, они совсем не погрешат против своего долга. «Разве мы не договорились прежде, — оправдывается перед неожиданно нагрянувшим супругом изображенная Ювеналом прелюбодейка, — что каждый из нас будет поступать так, как ему нравится?»⁴⁵ «Эмансипация» женщин была практически столь же полной, как и в наше время, если не считать таких мелочей, как отсутствие избирательных прав, и не принимать во внимание мертвую букву закона. Законодательство закрепляло подчиненное положение женщин, обычно предоставил им полную свободу.

В известных случаях эмансипация, как в наше время, означает индустриализацию. Некоторые женщины трудились на фабриках и в мастерских, осо-

бенно в текстильной промышленности. Другие стали юристами и врачами⁴⁶. Иные добились политического могущества. Жены провинциальных губернаторов устраивали смотры войск и обращались к ним с речами⁴⁷. Весталки обеспечивали государственными должностями своих друзей, а женщины Помпей объявляли о своих политических воззрениях на городских стенах. Консерваторы скорбели и с тайным злорадством говорили об исполнении пророчества Катона — «если женщины добьются равноправия, они обратят его в свое господство». Ювенал со страхом смотрел на то, как женщины становятся актрисами, участницами атлетических и гладиаторских состязаний, поэтессами⁴⁸; Марциал описывает женщин, сражающихся с дикими зверями — даже со львами — на арене цирка⁴⁹; Стаций рассказывает о женщинах, погибших в таких поединках⁵⁰. Дамы разъезжали по городу в портшезах, «выставляя себя на всеобщее обозрение»⁵¹; они беседовали с мужчинами в портиках, в парках и садах, во дворах храмов; они были непременными участницами частных и общественных пиршеств, посещали театры и амфитеатры, где «их обнаженные плечи, — писал Овидий, — радуют взгляд зрителей»⁵². Это веселое, яркое общество, в котором женщины и мужчины были на равных, неприятно поразило бы греков эпохи Перикла. По весне респектабельные дамы наполняли лодки, берега и виллы Байев и других курортов своим смехом, горделивой красотой, любовными проделками и политическими интригами. Старики с вождением их осуждали.

Безнравственные и флигельные женщины были тогда, как и сейчас, в меньшинстве. Не меньше, чем распутниц (хотя иногда они совмещали в себе оба влечения), было тех, что являлись страстными почитательницами искусства, религии или литературы. Стихи Сульпиции удостоились чести дойти до нас в составе поэтического сборника Тибулла; они в высшей мере чувственны, но так как поэтесса посвятила их мужу, мы можем счесть их даже добродетельными⁵³. Подруга Марциала Теофила была философом, подлинным знатоком стоической и эпикурейской систем. Иные римлянки занимались благотворительностью и служили обществу, дарили своим городам храмы, театры и портики, а в роли покровительниц коллегий оказывали своим подопечным существенную материальную помощь. Одна из ланувийских надписей свидетельствует о существовании *curia mulierum* — «совета женщин»; в Риме имелся *conventus matronarum*; возможно, в Италии существовала национальная федерация женских клубов. В любом случае, после произведений Ювенала и Марциала мы почти разочарованы, найдя в Риме так много хороших женщин. Вспомним Октавию, которая была верна Антонию, несмотря на все его измены, и преданно воспитывала его детей от других женщин; ее любящую дочь Антонию — чистую вдову Друза и превосходнейшую мать Германика; Маллонию, публично порицавшую Тиберия за его испорченность, а затем покончившую с собой; Аррию Пету, которая, после того как Клавдий приказал Цецине Пету умереть, вонзила кинжал себе в грудь и, умирая, передала оружие мужу с утешающими словами: «Это не больно»⁵⁴; Паулину, которая пыталась умереть вместе с Сенекой; Политту, которая, после того как Нерон предал казни ее мужа, пыталась умереть себя голодом, а когда тот же приговор был вынесен и отцу, покончила с собой вместе с ним⁵⁵; Эпихариду — вольноотпущенницу, которая вытерпела все пытки и не выдала участников заговора Пизона; бесчисленных женщин, которые прятали и защищали своих мужей в годы проскрипций, шли вместе с ними в изгнание или, как Фанния,

жена Гельвидия, не жалели ни сил, ни денег и рисковали собственной жизнью, пытаясь спасти мужа. Только этих немногих примеров достаточно, чтобы затмить всех проституток Марциала и все остроты Ювенала.

За этими героинями — сотни тысяч безымянных жен, чья супружеская верность и материнское самопожертвование позволяли сохраниться устоям римской жизни. Древние римские добродетели — *pietas*, *gravitas*, *simplicitas* — взаимная привязанность детей и родителей, трезвое чувство ответственности, чуждость расточительству или позерству — по-прежнему оставались достоянием римского семейного быта. Просвещенные и здоровые семьи — как те, что описаны в письмах Плиния, — не свалились с неба при Нерве и Траяне, а молча пережили эпоху тиранов; они сохранились, несмотря на императорских соглядатаев, низменность толпы, пошлость полусвета; мы можем заглянуть в сокровенное существование этих домов, читая супружеские эпитафии или слова прощания родителей с детьми. «Здесь, — гласит одна из надписей, — покоится прах Урбилии, жены Прима. Она была для меня дороже жизни. Она умерла в двадцать три, пользуясь общей любовью. Прощай, утешение мое!» Другая эпитафия: «Моей милой жене, с которой я прожил восемнадцать счастливых лет. В память о любви к ней я поклялся никогда не жениться вновь»⁵⁶. Мы можем представить себе этих женщин за их домашними делами — они прядут шерсть, бранят и воспитывают своих детей, отдают приказания слугам, тщательно распределяют свои скромные средства и вместе с мужьями преданно почитают домашних богов. Несмотря на всю свою безнравственность, именно Рим, не Греция, поднял значение семьи на новую высоту.

IV. ОДЕЖДА

Если судить по нескольким сотням статуй, мужчины эпохи Нерона отличались от римлян республиканского времени более мягкими чертами лица и большей полнотой. Власть над миром придала многим из них характерную серьезность и стойкость, они скорее утешали, чем внушали любовь. Однако еда, вино и изнеженность округлили фигуры многих других — увидев этих, Сципионы задохнулись бы от возмущения. Они по-прежнему брились, или, вернее, позволяли брить себя брадоброям (*tonsores*). Первое прикосновение бритвы было для молодого человека праздником. Часто сбритые в первый раз волосы благочестиво посвящались божеству⁵⁷. Обычные римляне следовали республиканской традиции и стриглись коротко, иногда чуть ли не наголо, хотя все чаще на улицах можно было встретить денди с длинными завитыми волосами; Марк Антоний и Домициан изображаются именно так. Многие носили парики, некоторые окрашивали свои плечи⁵⁸. Все сословия, как дома, так и на улице, носили простые туники или блузы; тога надевалась только в торжественных случаях — их носили клиенты на приемах своих покровителей, патриции в сенате и зрители на играх. Цезарь носил пурпурную тогу как знак своего высокого сана; многие должностные лица подражали его примеру; однако вскоре пурпурное облачение стало привилегией императоров. Тогда не носили раздражающих тело брюк, не знали, что такое неуловимые пуговицы или собравшиеся в гармошку чулки: но во втором веке мужчины начали оборачивать свои ноги фасциями, или лентами. В качестве обуви

могли выступать сандалии — кожаные или пробковые подошвы прикреплялись к ноге на японский манер при помощи ремня, пропущенного между большим и вторым пальцами ноги, — или высокие, сделанные целиком из кожи или из кожи и ткани, туфли, которые составляли обычно единый ансамбль или *synthesis* с тогой.

Римские женщины ранней Империи, какими мы видим их на фресках, статуях и монетах, очень напоминали женщин Соединенных Штатов начала двадцатого столетия, за исключением, правда, того, что почти все они были бронетками. Их фигуры были довольно стройными, а платья придавали их походке какое-то гипнотическое очарование. Они знали, насколько полезны солнце, физические упражнения и свежий воздух; иные из них занимались гантелями, иные — плаванием, некоторые сидели на диете. Остальные предпочитали носить корсеты⁵⁹. Женские волосы обычно зачесывались назад и завязывались в узел на затылке (часто этот узел поддерживался сеткой) и украшались лентой или бантом. Моды более позднего времени требовали от женщин носить высокие прически, которые закреплялись при помощи металлических нитей; иногда это были просто белокурые парики из волос, поставлявшихся германскими девушками⁶⁰. Женщина, следившая за требованиями моды, могла часами заставлять нескольких своих рабов маникюрить ей ногти или укладывать прическу.

Косметика была столь же разнообразна, как и сегодня. Ювенал считал, что одна из важнейших технологий его эпохи — это институт косметологии; врачи, царицы и поэты посвящали этому предмету обширные трактаты⁶². Будуар римской леди являлся настоящим арсеналом косметических инструментов — пинцетов, ножниц, бритв, пилочек, кисточек, гребней, стригил, сеток для волос, париков, — а также сосудов или флагов со всевозможными духами, кремами, маслами, пастами, мылами и пемзой. Для того чтобы избавиться от волос, использовались депиляторы, а чтобы уложить их — всевозможные благовонные мази. Многие женщины накладывали на лицо ночные маски, изготовленные по рецепту Помпеи из теста и ослиного молока; Помпея находила, что эта маска помогает при плохом самочувствии; поэтому, куда бы она ни направилась, за ней вели ослиц; иногда она приказывала привести к ней целое стадо, а затем купалась в ослином молоке⁶³. При помощи красок лицам придавали румянец или благородную бледность, брови и ресницы подкрашивались или обводились черной тушью, иногда жилки на висках выделяли изящными голубыми линиями⁶⁴. Ювенал жаловался на то, что от богатой женщины «несет Помпеиными снадобьями, которые липнут к губам несчастных мужей». Овидий полагает, что все эти искусства могут вызвать разочарование, и советует дамам никогда не заниматься ими при возлюбленных; позволительно лишь расчесывать волосы — созерцание этого способно привести в экстаз любого мужчину⁶⁶.

К простым одеждам женщин доганнябаловской эпохи добавилось теперь изысканное белье. На плечи набрасывались шарфы, а вуали придавали лицу соблазнительную таинственность. В зимнее время тело ласкали нежные меха. Шелковые изделия были настолько распространены, что их носили не только женщины, но и мужчины. Шелк и лен обрабатывались при помощи весьма дорогостоящих красителей; римлянин нередко выкладывал тысячу денариев за прошедшую двойную обработку тирскую шерсть⁶⁷. Золотое и серебряное шитье украшало платья, занавеси, ковры и одеяла. Женская обувь изготовля-

лась из кожи или ткани, которая иногда обшивалась ажурным узором; туфельки отделывались золотом или драгоценными камнями⁶⁸. Для устранения природных недостатков часто прибегали к услугам высоких каблучков.

Драгоценности были важной частью женского наряда. Кольца, серьги, ожерелья, амулеты, браслеты, цепочки, броши являлись предметами первой необходимости. Лоллия Паулина надела однажды платье, сверху донизу усеянное изумрудами и жемчугом, при этом она носила с собой квитанции, удостоверяющие, что стоимость этих драгоценностей составляет сорок миллионов сестерциев⁶⁹. Плиний описывает более сотни разновидностей драгоценных камней, использовавшихся римскими модницами. Их качественными подделками занималась целая отрасль индустрии; римские «изумруды» из стекла намного превосходят свои более поздние аналоги и продавались ювелирами как настоящие вплоть до девятнадцатого столетия⁷⁰. Мужчины, как и женщины, были страстными любителями крупных и впечатляющих драгоценных камней. Некий сенатор носил на пальце опал размером с лесной орех. Услышав об этом, Антоний внес его в проскрипционные списки; тому удалось ускользнуть, унося на пальце два миллиона сестерциев; несомненно, тогда, как и теперь, драгоценности служили страховкой от инфляции и революции. Серебряная посуда украшала столы всех сословий, кроме низших. Тиберий и императоры, правившие после него, издавали указы против роскоши, которые не могли быть проведены в жизнь и вскоре приходили в забвение. Тиберий уступил, признав, что расточительство патрициев и нуворишей обеспечивало работой ремесленников Рима и Востока, и смирился с тем, что провинциальные подати уплывают из Рима. «Без роскоши,— заметил он,— как могли бы прожить Рим и провинции?»

Римское платье было ненамного более дорогим, чем одежда современных женщин, и куда более дешевым, чем облачение средневековой знати. Мода не была подвержена в Риме таким стремительным переменам, как в современных городах. Хорошее платье можно было носить всю жизнь и не казаться при этом старомодной. Однако по сравнению со стандартами, принятыми в годы Республики, до того как Лукулл и Помпей принесли из своих походов добычу и гедонизм Востока, высшие классы Рима жили в эпоху ранней Империи, словно обитатели эпикурейского рая, не испытывая недостатка в изысканной одежде, разнообразной пище, изящной мебели и величественных особняках. Утратив политическое лидерство, практически полностью лишившись политической власти, аристократия удалилась из курии в свои резиденции и бесшабашно предавалась там (руководствуясь не нравственными заповедями, но философскими доктринами) погоне за наслаждениями и осваивала искусство «сладкой жизни».

V. ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ РИМЛЯНИНА

Роскошь обстановки далеко превосходила роскошь платья. Мраморные и мозаичные полы, колонны из полихромного мрамора, гилса, оникса; стены, расписанные превосходными фресками и инкрустированные драгоценными камнями; кессонные потолки из позолоченного или посеребренного стекла^{71, 72}; столы из цитрусового дерева на ножках из слоновой кости; украшенные черепаховой и слоновой костью, серебром или золотом диваны; александ-

дрийская парча или вавилонские ковры, за которые заурядные миллионеры платили 800 000, а Нерон — четыре миллиона сестерциев⁷³; бронзовые лежа, снабженные проволочными пологам — защитой от комаров; бронзовые, мраморные или стеклянные канделябры; статуи, картины и безделушки; вазы из коринфской бронзы или мурринского стекла — вот часть тех украшений, которыми наполнился дом богачей эпохи Нерона.

В таком особняке хозяин жил, словно в музее. Приходилось покупать рабов, которые сторожили это великолепие, и рабов, которые следили бы за сторожами. В некоторых из домов насчитывалось до четырехсот невольников, которые были заняты обслуживанием хозяев, надзором над имуществом и домашними ремеслами; жизнь большого человека, даже в частном убежище его дома, всегда была на виду у его рабов: есть, когда со всех сторон тебя окружают рабы, одеваться, когда у каждого ботинка стоит по рабу, отдыхать, когда к каждой двери приставлено по лакею, — это отнюдь не рай. Дневные тяготы большого человека начинались с того, что около семи часов утра ему приходилось принимать своих «клиентов» и паразитов и подставлять им щеку для поцелуя. После двух часов подобных мучений он мог с чистой душой позавтракать. Затем он обменивался визитами с друзьями. Этикет требовал от него отзывать на все приглашения друга, помогать ему в судах и при искании государственных должностей, присутствовать на помолвке его дочери, на празднике «мужской тоги» его сына, на чтении его стихов и при оформлении его завещания. Эти и прочие общественные обязанности отправлялись им с изяществом и вежливостью, совершенно недоступными для представителя любой другой цивилизации. Затем он отправлялся в сенат или участвовал в работе какой-нибудь государственной комиссии или занимался своими личными делами.

Человек не столь состоятельный мог позволить себе менее энергичный, хотя и более скромный образ жизни. После нанесения ежеутренних визитов он до полудня занимался своими делами. Простонародье работало с восхода солнца; поскольку ночное освещение было в городе весьма скудным, римляне использовали все преимущества светлого времени суток. В полдень наступало время второго завтрака — он был довольно легок; обед устраивался в три или четыре часа (чем богаче был гражданин, тем позже он садился за стол). После такого полдника и сиесты крестьяне и имевшие работу пролетарии трудились почти до заката. Другие отдыхали на свежем воздухе или в публичных банях. Римляне эпохи Империи относились к купанию куда более почтительно, чем к своим богам. Как и японцы, они легче переносили запахи улицы, чем запахи, исходящие от людей, и единственный древний народ, который не уступал им в чистоплотности, — это египтяне. Они носили с собой носовые платки (*sudaria*), которыми вытирали пот⁷⁴, и чистили зубы пастой и порошками. Во времена ранней Республики им хватало одного купания в восемь дней; теперь приходилось мыться каждый день, иначе вам грозило стать жертвой эпиграммы Марциала; даже сельский житель, говорит Гален, мылся каждый день⁷⁵. В большинстве домов имелись ванны, богатые особняки располагали множеством купальных комнат, которые сверкали мрамором, стеклом, серебряной арматурой и кранами⁷⁶. Однако большая часть свободных римлян полагалась на публичные бани.

Обыкновенно они являлись собственностью частного лица. В 33 г. до н.э. таких бань было в Риме 170; в IV в. н. э. — 856, а кроме того, 1352 плаватель-

ных бассейна⁷⁷. Более популярны, чем подобные заведения, были огромные бани, строившиеся государством, управлявшиеся концессионерами и обслуживавшиеся сотнями рабов. Эти *thermae* — «горячие (воды)» — возведенные Агриппой, Нероном, Титом, Траяном, Каракаллой, Александром Севером, Диоклетианом и Константином, являлись монументами государственного социализма. В банях Нерона имелось 1600 мраморных сидений, и одновременно здесь могли мыться 1600 посетителей. В банях Каракаллы и Диоклетиана могли мыться одновременно 3000 человек. Любый гражданин свободно попадал в эти бани, заплатив квадрант (1,5 цента)⁷⁸; правительство покрывало разницу между ценой и стоимостью входного билета, в которую включалась также стоимость масла и услуг. Для женщин бани были открыты с восхода солнца до часа пополудни, для мужчин с двух до восьми часов дня; однако большинство императоров допускало совместное купание. Обычно посетитель первым делом отправлялся в раздевалку, где оставлял свою одежду; затем шел в палестру, где можно было сразиться в кулачном бою, побороться, пометать копьё или диск, побегать или поиграть в мяч. Одна из разновидностей игры в мяч напоминала наш «медиабол»; другая сводилась к тому, что две команды боролись друг с другом за захват мяча и носились с ним по полю, проявляя при этом такую же изобретательность, какой славятся игроки современных университетских команд⁷⁹. Иногда в бани приходили профессиональные игроки в мяч и давали там показательное выступление⁸⁰. Пожилые люди, предпочитавшие наблюдать за такими упражнениями, а не участвовать в них, отправлялись затем в массажные комнаты, где раб избавлял их от лишних жировых складок.

Переходя к собственно баням, гражданин попадал в тепидарий — в данном случае комнату, наполненную теплым воздухом; отсюда он шел в калидарий, или горячую баню; если ему хотелось еще сильнее пропотеть, он переходил в лаконик и задыхался там в клубах пара. Затем он принимал теплую ванну и мылся при помощи нового средства, пришедшего из Галлии, — мыла, которое изготавливалось из жира и золы бука или эльма⁸¹. Эти горячие помещения пользовались огромной популярностью и дали всему комплексу бань их греческое название — термы; возможно, при их помощи римляне стремились предотвратить или смягчить ревматизм и артрит⁸². Затем посетитель попадал во фригидарий, или холодную баню; он мог также погрузиться в пискину, или плавательный бассейн. После этого он натирался каким-нибудь маслом или мазью, которые обыкновенно приготавливались из оливок; подобные умащения не смывались, но просто счищались с кожи при помощи стригиля, а затем тело насухо вытиралось полотенцем, так что известная доля масла оставалась на коже, чтобы компенсировать потерю жировой субстанции во время принятия горячих ванн.

Купальщик редко покидал бани на этой стадии. Термы представляли собой не только бани, они были также и клубами. Здесь имелись комнаты, где можно было сыграть, скажем, в кости или в нечто наподобие шахмат⁸³, галереи, где были выставлены статуи и картины, экседры, где можно было посидеть и побеседовать с друзьями, библиотеки и читальные комнаты, залы, где выступали музыканты и поэты, а философы объясняли мироздание. В эти послеполуденные часы после купания римское общество начинало свою светскую жизнь; мужчины и женщины составляли веселые, но любезные компании, флиртовали, болтали; здесь, а также на играх и в парках римлянин мог

удовлетворить свою страсть к разговорам, утолить любопытство, внимая слухам, познакомиться со всеми новостями и сенсациями дня.

При желании отобедать можно было в ресторане при банях, однако большинство римлян предпочитали обедать дома. Возможно, в силу вызванного упражнениями и горячими ваннами утомления присутствовавшие на трапезе обычно полулежали. Когда-то женщины сидели в стороне, а мужчины покоились на ложе; теперь женщины полулежали рядом с мужчинами. Триклиний, или столовая, был назван так потому, что, как правило, здесь размещалось три ложа, расставленных вокруг стола с яствами. Обычно на каждом ложе возлежали по три человека. Сотрапезники подставляли под голову левую руку, покоившуюся на подушке, в то время как их тела были по отношению к столу вытянуты по диагонали.

Беднейшие классы по-прежнему питались хлебом, молочными продуктами, овощами, фруктами и орехами. Плиний описывает широкий ассортимент овощей, входивших в римский рацион,— от чеснока до репы. Состоятельные граждане питались мясом и, как это обычно случается с плотоядными, немилосердно переедали. Излюбленной мясной пищей была свинина; Плиний утверждал, что из свиньи приготавливают пятьдесят различных деликатесов⁸⁴. Свиные сосиски (*botuli*) продавались на улицах, где их готовили на переносных жаровнях, как это делается и сегодня на наших оживленных магистралях.

Когда гость попадал на званый обед, он вправе был ожидать от хозяина редких угощений. Пир начинался в четыре часа дня и длился до поздней ночи или до рассвета. Столы были усыпаны цветами и петрушкой, в воздухе витало благоухание экзотических ароматов, ложа были устелены подушками, слуги важно прохаживались в ливреях. Между закусками (*gustatio*) и десертом (*secunda mensa* — «второй стол») подавались роскошные блюда — предмет гордости хозяина и его главного повара. Редкая рыба, редкая птица, редкие фрукты привлекали к себе внимание как любознательных, так и проголодавшихся гостей. Кефаль покупалась по цене в тысячу сестерциев за фунт; Азиний Целер заплатил 8000 за одну рыбину; Ювенал ворчал, что рыба стоит дороже рыбака. Чтобы еще более угодить гостям, рыбу приносили в столовую живой и варили у них на глазах — при желании можно было насладиться лицезрением того, как агонизирующее существо меняет свою окраску⁸⁵. Ведий Поллион поместил полуторафутовых рыб в большой аквариум и кормил их провинившимися рабами⁸⁶. Угри и змеи считались деликатесами, однако закон запрещал есть соню⁸⁷. Крылья страусов, языки фламинго, мясо певчих птиц, гусиная печень,— все это были одни из самых любимых кушаний преуспевающих римлян. Апиций, знаменитый эпикуреец времен Тиберия, изобрел *râté de fois gras*: свиньи, печень которых служила компонентом этого блюда, откармливались инжиром⁸⁸ *. Согласно обычаю, после тяжелого и обильного пира гость мог очистить желудок при помощи рвотного средства. Иные обжоры прибегали к рвотному по несколько раз в течение одной трапезы, чтобы с новыми силами приступить к утолению своего аппетита; *vomunt ut edant, edunt ut vomant*, говорил Сенека, «они рвут, чтобы есть, и едят, чтобы

* Апиций промотал на свои сумасбродства несметное состояние; когда у него осталось только 10 000 000 сестерциев (1 500 000 долларов), он покончил с собой⁸⁹. Двести лет спустя ему было приписано авторство классического гастрономического трактата *De re coquinaria* — прием, весьма распространенный в античности.

рвать»⁹⁰. Впрочем, подобные фигуры были, пожалуй, исключительно редки, а их обжорство едва ли столь же отвратительно, как хвастливое пьянство делегатов американских партийных съездов. Более милым был обычай одаривать гостей какими-то безделушками, или осыпать их цветами и орошать источаемыми с потолка благовониями, или развлекать их музыкой, пением, чтением стихов или драматическими представлениями. Беседа, непринужденность которой была вызвана вином и стимулировалась присутствием представительниц слабого пола, становилась обычно венцом пиршества.

Не следует думать, будто подобные пиры являлись обыкновенным завершением римского дня или были в Риме более частым явлением, чем столь популярные сегодня банкеты. История, как и журналистика, дает искаженное представление о жизни, ибо она обожает исключительное и сторонится покойной рутины обычного дня и небогатой на происшествия карьеры порядочного человека. Большинство римлян мало чем отличались от нас или наших соседей: они неохотно вставали по утрам, ели слишком много, слишком много работали, слишком мало развлекались, много любили, изредка ненавидели, иногда бранились, были не дураки поболтать, видели сны наяву и спали по ночам.

VI. РИМСКИЕ ПРАЗДНИКИ

1. Сцена

Рим почитал множество богов и доил множество провинций, а потому и праздников в нем было много — когда-то они отличались религиозной пышностью и торжественностью, теперь были наполнены светскими радостями и развлечениями. Летом многие бедняки бежали от влажной жары в пригородные таверны и рощи, пили и ели, танцевали и занимались любовью на открытом воздухе. Те, кто мог себе это позволить, отправлялись на курорты, которые протянулись вдоль западного побережья, или гордо щеголяли рядом с богачами на берегу Байского залива. Зимой каждый сколько-нибудь амбициозный римлянин считал своим долгом поехать на юг, при возможности в окрестности Регия или Тарента, и вернуться оттуда порядком подзагоревшим — подтвердив тем самым свою принадлежность к преуспевающему классу. Но и те, кто оставался в Риме, могли наслаждаться обилием и дешевой увеселений. Чтения стихов, лекции, концерты, мимы, пьесы, атлетические соревнования, поединки профессиональных бойцов, скачки, бега, смертельные схватки человека с человеком или с животными, потешные, но кровавые морские сражения на искусственных озерах — никогда городская жизнь не кипела таким обилием развлечений.

В эпоху ранней Империи римский год включал в себя семьдесят шесть праздничных дней, во время которых устраивались *ludi*. Пятьдесят пять из них представляли собой *ludi scenici* и были посвящены постановке пьес и мимов; двадцать два дня отводились для цирковых игр, представлений на стадионе или в амфитеатре. Количество *ludi* неуклонно росло, и в 354 году их количество достигло ста семидесяти пяти дней в году⁹¹. Это отнюдь не было свидетельством роста римской драмы; напротив, в эпоху расцвета театра драма неостановимо приходила в упадок. Оригинальные драмы создавались те-

перь скорее для чтения, чем для сцены; театр довольствовался старыми римскими и греческими трагедиями, древними римскими комедиями и мимами. На сцене доминировали звезды, сколачивавшие грандиозные состояния. Трагический актер Эоп, не изменяя своей расточительности на протяжении всей жизни, оставил после смерти 20 000 000 сестерциев. Комический актер Росций зарабатывал по 500 000 сестерциев в год и настолько разбогател, что в течение нескольких сезонов играл бесплатно,— презрение к деньгам превратило этого бывшего раба в великосветского льва. Игры в цирке и амфитеатре поглощали внимание и притупляли вкус зрителей, и римская драма умерла на арене, став еще одной жертвой римского празднества.

Так как в ущерб сюжету и мысли все большее внимание уделялось игре актеров и декорациям, драма постепенно уступала место на сцене мимам и пантомимам. Мим состоял из коротких диалогов, выбирал свои темы из повседневной жизни низших классов и делал основной упор на изображение характерных персонажей, представляемых на сцене искусно имитирующими своих героев актерами. Свобода слова, исчезнувшая в народных собраниях и на Форуме, какое-то время сохранялась в этих коротких фарсах, ибо мим мог рискнуть жизнью ради аплодисментов и задеть двусмысленностью своих слов императора или его фаворитов. Калигула приказал сжечь живьем актера прямо в амфитеатре за подобный намек⁹². В день погребения прижимистого Веспасиана некий мим изобразил сцену похорон. Во время похоронной процессии покойник внезапно восстал и спросил, какую сумму заплатило государство за погребение. «Десять миллионов сестерциев»,— ответили ему. «Дайте мне сто тысяч,— молвил труп императора,— и бросьте меня в Тибр»⁹³. Только в мимах могли выходить на сцену актрисы; поскольку они автоматически попадали в разряд проституток, им было нечего терять, и они вели себя в высшей мере раскованно. В особых случаях, как во время Флоралий, публика призывала этих исполнительниц сбросить с себя все одежды⁹⁴. Подобные представления посещали как мужчины, так и женщины. Цицерон встречался там даже с незамужними девушками.

Полностью избавившись от слов и ограничив себя сюжетами, взятыми из классической литературы, из мима развилась пантомима («всеподражание»). Отказавшись от языкового выражения, пантомима смогла расширить круг своих зрителей; многоязыкое население Рима, значительная часть которого понимала только простейшую разговорную латынь, легче поспевало за сценическим действием, когда оно не было обременено словами. В 21 г. до н.э. два актера, Пилад из Киликии и Батилл из Александрии, появились в Риме, познакомив город с пантомимой, которая была в то время довольно популярна на эллинистическом Востоке. Они исполняли одноактные пьесы, которые состояли только из музыки, действия, жестикуляции и танца. Устав от драм, написанных старинным и торжественным стихом, Рим радостно приветствовал новое искусство, с трепетом взирая на грациозность и искусность актеров, наслаждаясь великолепием их костюмов, величием или ироничностью их масок, совершенством их фигур, достигнутым с помощью физических упражнений и диеты, восточной выразительностью их рук, стремительным и ловким перевоплощением в различные персонажи, чувственным исполнением эротических сцен. Зрительные залы разделились на фанатичные клики и клан, поддерживавшие соперничавших фаворитов; знатные женщины влюблялись в актеров и преследовали их подарками и объятиями, пока один из них

не потерял голову (в буквальном смысле) из-за любовной связи с женой Домициана. Пантомима постепенно вытеснила с римской сцены всех конкурентов, кроме мима. Драма уступила место балету.

2. Римская музыка

Подобный триумф стал возможен в силу того, что музыка и танец достигли в это время невиданных высот. Во времена Республики танец считался чем-то постыдным; Сципион Младший был инициатором закрытия музыкальных и танцевальных школ⁹⁵, и Цицерон замечал, что «только лунатик будет танцевать на трезвую голову»⁹⁶. Однако пантомима сделала танец модой, а затем он превратился в настоящую страсть. Почти в каждом частном доме, сообщает Сенека, имеется площадка для танцев, гулко вторящая топоту женских и мужских ног. Богатые семейства нанимали теперь наряду с главным поваром и философом еще и учителя танцев. Римский танец представлял собой ритмичное покачивание рук и верхней части тела, которые играли в танце более важную роль, чем ноги и стопы. Женщины культивировали танцевальное искусство не только в силу его притягательности, но и потому еще, что оно придавало им гибкость и изящество.

Римляне любили музыку лишь немногим меньше, чем власть, деньги, женщин и кровь. Как практически и все остальные элементы римской культурной жизни, римская музыка пришла в город из Греции. Ей пришлось заслужить свое право на существование в борьбе с консерватизмом, отождествлявшим искусство и вырождение. В 115 г. до н. э. цензоры запретили играть на всех инструментах, кроме короткой итальянской флейты. Столетие спустя Сенека Старший по-прежнему считал музыку немужским занятием; однако в промежутке между этими событиями Варрон пишет сочинение *De Musica*, и этот трактат вместе с его греческими источниками станет фундаментом, на котором будут строиться многие римские работы, посвященные теории музыки⁹⁷. В конце концов богатые и чувственные греческие тональности и инструменты одержат верх над римской неуклюжестью и неприязнительностью, и музыка станет неотъемлемым элементом женского, а зачастую и мужского, воспитания. К 50 г. н. э. под ее очарование подпадут мужчины и женщины всех классов; представители обоих полов будут посвящать целые дни прослушиванию, сочинению и пению мелодий; даже императоры проводили время за разучиванием гамм, и философический Адриан, как и женоподобный Нерон, будет гордиться своим искусством игры на лире. Лирическая поэзия, как правило, пелась под музыку, которую сочиняли почти исключительно в качестве аккомпанеента для стихов; античная музыка занимала подчиненное положение, в то время как в наши дни музыка стремится доминировать над словом. Хоровое пение пользовалось большой популярностью и его можно было слышать на свадьбах, играх, при отправлении религиозных церемоний, на похоронах. Гораций был глубоко тронут зрелищем юношей и девушек, исполнявших его *carmen saeculare*. В подобных хорах все голоса держались одной ноты, хотя и в разных октавах; очевидно, многоголосое пение оставалось тогда неизвестным.

Основными инструментами были флейта и лира. Наши струнные и духовые оркестры суть не что иное, как разновидности двух этих форм: самая

патетическая симфония — это рассудительное сочетание таких действий, как пыхтение, шипание, царапание и битье. Флейта служила в качестве аккомпанемента для драматических представлений; считалось, что она способствует возбуждению эмоций; лира сопровождала пение и, полагали древние, возвышала душу. Флейты были длинными, снабженными множеством отверстий инструментами и обладали гораздо большими экспрессивными возможностями, чем их современные аналоги. Лира и кифара были похожи на современную арфу, однако тогда их формы были гораздо более многообразными, чем теперь. У греков они были скромных размеров, но римляне последовательно эти размеры увеличивали, и Аммиан Марцеллин сообщает о кифарах «размером с повозку»⁹⁸. В целом римские инструменты, как и инструменты нашего времени, отличались от своих предшественников главным образом размером и звучностью. Струны лиры изготавливались из кишок или сухожилий, а их число доходило до восемнадцати; звуки извлекались из них при помощи плектра или пальцев, причем только в последнем случае можно было исполнять наиболее быстрые мелодии. В начале первого века из Александрии приходит водяной орган с несколькими регистрами, педалями и рядами трубок. Нерон влюбился в этот инструмент, а Квинтилиан был потрясен, познакомившись с его многосторонностью и мощью.

В Риме давались концерты, а музыкальные турниры были частью некоторых публичных зрелищ. Даже самые скромные обеды не обходились без музыки; Марциал обещает своему гостю пригласить по крайней мере флейтиста⁹⁹; что касается пира Тримальхиона, то на нем слуги вытирали столы в такт пению. На своей прогулочной лодке Калигула держал хор и оркестр; во время пантомим исполнялись *symphoniae*, то есть хор пел и танцевал под аккомпанемент оркестра. Иногда сольные партии пел сам актер, иногда исполнение слов доверялось профессиональному певцу (*cantor*), в то время как актер жестикулировал и танцевал. Однажды пантомима сопровождалась пением трех тысяч певцов, а на сцене выступали три тысячи танцоров¹⁰⁰. Ведущие партии в оркестре исполнялись флейтистами, которых поддерживали лиры, кимвалы, трубы, барабаны, «сиринги» и скабеллы — особые доски, прикреплявшиеся к полу и способные издавать настоящий пандемоний звуков — пандемоний еще более устрашающий, чем тот, который можно извлечь из современного оркестра. Сенека упоминает гармонию при игре на отдельных инструментах¹⁰¹, однако у нас нет никаких данных относительно того, что в античных оркестрах применялась контрапунктная гармония. Аккомпанемент обычно брал более высокую ноту, чем певец, однако, насколько мы знаем, не придерживался определенной секвенции.

Виртуозов было предостаточно, а исполнителей не слишком выдающихся — еще больше. Таланты стекались из всех провинций в центр мирового богатства, в то время как институт рабства позволял создавать крупные хоры и оркестры, которые стоили своим хозяевам до смешного мало. Многие богатые заведения располагали собственными музыкантами, самые одаренные из которых отправлялись к знаменитым преподавателям для повышения своего мастерства. Некоторые из них становились кифарадами и давали концерты, на которых они пели и играли на лире; некоторые специализировались на пении, исполняя, как правило, пеони собственного сочинения; некоторые давали органные или флейтные концерты, как Канн, который хвастался, словно Бетховен, что его музыка может утишить печаль, развеселить, возвысить бла-

гочестивые чувства и освежить любовный пламень¹⁰². Такие профессиональные исполнители совершали продолжительные концертные турне по Империи, где их осыпали деньгами, чествовали аплодисментами и памятниками, одаривали неистовым поклонением. Некоторые из них, говорит Ювенал, торговали своей любовью за прибавку к гонорару¹⁰³. Женщины сражались друг с другом за плектры, которыми знаменитые исполнители касались струн, и приносили к алтарям жертвы, моля богов даровать победу их кумиру на Нероновских или Капитолийских играх. Мы можем только смутно вообразить, сколь впечатляла присутствующих эта сцена: музыканты и поэты со всего царства собираются перед огромными толпами, а победители, у которых от волнения перехватывает дыхание, получают из рук императора венок из дубовых листьев.

Нам слишком мало известно о римской музыке, чтобы мы могли судить о ее качестве. Очевидно, она была более звучной, полной и неистовой, чем музыка греков; таинственные восточные тональности проникли в нее из Египта, Малой Азии и Сирии. Старики жаловались, что новые композиторы распустились со сдержанностью и достоинством классического стиля и дезорганизуют душу и нервы молодежи своими экстравагантными мелодиями и шумными инструментами. Несомненно, ни один народ не любил музыку больше римлян той эпохи. Исполнявшиеся со сцены песенки подхватывались живыми и непостоянными зрителями, чтобы раздаваться потом на улицах и доноситься из окон; сложные мелодии пантомим запоминались с такой легкостью, что настоящие поклонники музыки могли с первых же звуков определить, к какой пьесе и сцене они относятся. Рим не внес настоящего вклада в развитие музыки, если не считать того, что, возможно, именно здесь была достигнута лучшая для того времени организация отдельных исполнителей в крупные ансамбли. Однако римляне выказывали свое почтение музыкальному искусству, щедро оплачивая услуги музыкантов и распахнув перед ними все двери; они приглашали наследников музыкальной культуры древности в свои храмы, театры и дома; а когда римская цивилизация закатилась, она оставила церкви те самые музыкальные инструменты и принципы, которые трогают и возвышают нас сегодня.

3. Игры

Теперь, когда война, казалось, была изгнана навсегда, великие игры превращались в самое волнующее событие римского года. Они ставились обычно в ознаменование религиозных празднеств — таких, как посвященные Великой Матери, Церере, Флоре, Аполлону, Августу; это могли быть Плебейские игры, призванные смягчить раздражение плебса, или Римские игры в честь города и его богини Ромы; игры могли даваться в связи с триумфами, выборами, кандидатскими кампаниями или днями рождения императоров; это могли быть такие игры, как *ludi saeculares*, отмечавшие завершение очередного цикла римской истории. Как и игры Ахилла, устроенные им в честь Патрокла, первоначально италийские игры были не чем иным, как жертвоприношением покойному. На похоронах Брута Перы в 264 г. до н. э. его сыновья поставили «спектакль», сводившийся к трем поединкам; на похоронах Марка Лепида в 216 г. до н. э. зрелище состояло из двадцати двух схваток; в 174 г. до н. э. Тит

Фламиний отметил кончину своего отца гладиаторским турниром, на котором сражались семьдесят четыре человека.

Простейшими из публичных игр были атлетические состязания, которые обычно происходили на стадионе. Спортсмены, бывшие по большей части профессионалами и чужестранцами, состязались в беге, метании диска, борьбе и кулачном бою. Римская публика, привыкшая к кровавым гладиаторским представлениям, не питала к атлетике слишком горячей привязанности, однако с удовольствием наблюдала за боями боксеров-профессионалов, в которых греки-тяжеловесы бились чуть ли не до смертного исхода; сила их ударов (они боксировали в перчатках) определялась тем обстоятельством, что они обматывали костяшки пальцев железной лентой толщиной в три четверти дюйма. Мягкий Вергилий описывает одно из более милосердных кулачных празднеств при помощи почти современной терминологии:

Вынес две пары ремней одинаковых отпрыск Анхиза,
Чтобы обоим обвить кулаки оружием равным.
Встали тотчас на носки и высоко подняли руки...
Голову оба назад откинули, руки скрестили...
Много ударов мужи нанесли понапрасну друг другу,
Много раз кулаки опускались на ребра, рождая
Гулкий отзвук в груди. У висков то и дело мелькают
Руки, и скулы трещат под градом частых ударов...
Встав на носки, размахнулся Энтелл и правой ударил
Сверху вниз; но Дарет ожидал удара недаром:
Вправо проворно скользнув, увернулся он ловким движеньем.
Вот, на Дарета напав, по всему его гонит он полю,
Правой рукой наносит удар и тотчас же левой...
Но допустить родитель Эней не мог, чтобы ярость
В сердце старца росла и свирепый гнев разрастался;
Бой неравный прервав, изнемогшего вырвал Дарета
Он у врага...
Тотчас друзьями Дарет (у него подгибались колени,
Кровь лилась по лицу, голова болталась бессильно,
Вместе с кровавой слюной изо рта он выплевывал зубы)
Был отведен к кораблям...¹⁰⁴

(Перевод С. Ошерова)

Еще более волнующими были скачки в Большом цирке. Два дня подряд проходили сорок четыре заезда, часть которых представляла собой состязания наездников, часть — соревнования двойных, тройных и четверных упряжек. Расходы принимали на себя богатые хозяева соперничающих конюшен; наездники, возницы и колесницы каждой конюшни были одеты или раскрашены в определенные цвета — белый, зеленый, красный и синий; весь Рим по мере приближения этих состязаний разделялся на партии зеленых, синих и т. д., причем особой популярностью пользовались красные и зеленые. В домах, школах, на лекциях, форумах половина всех разговоров была посвящена любимым наездникам и возничим; их изображения можно было встретить повсюду, их победы фиксировались в *Acta Diurna*; некоторые из них сколотили огромные состояния, другим возводили статуи на площадях. В назначенный день 180 000 мужчин и женщин, облаченных в празднично раскрашенные одежды, направлялись к гигантскому ипподрому. Энтузиазм оборачивался ма-

нией. Возбужденные болельщики нюхали лошадиные экскременты, чтобы удостовериться в том, что скакуны их любимых наездников накормлены хорошо¹⁰⁵. Зрители проходили мимо лавок и публичных домов, протянувшихся вдоль наружных стен; они втягивались друг за другом в сотни проходов и, судорожно толкаясь, расходились по большой подкове ипподрома. Между сидений сновали торговцы, которые продавали подушки,— большая часть зрительских мест была сделана из дерева, а программа соревнований была рассчитана на целый день. Сенаторы и другие сановники восседали на мраморных, украшенных бронзой, сиденьях. За ложей императора находилась череда богато отделанных помещений, где император и члены его семьи могли есть, пить, отдыхать, купаться и спать. На стадионе всю разворачивалась игорная лихорадка, и в течение дня из рук в руки переходили целые состояния. Из проходов под трибунами выводились кони, рядом с которыми показывались наездники, возничие и колесницы. Каждая партия сотрясала трибуны громом аплодисментов, когда на арену выходила команда, одетая в соответствующие цвета. Возницы, которые были по большей части рабами, носили яркие туники и сверкающие шлемы. В одной руке они держали кнут, а к поясу подвешивался нож, чтобы в случае необходимости можно было обрезать постромки, привязанные к груди. Вдоль срединной части эллиптической арены простирался остров длиной в тысячу футов; он был украшен статуями и обелисками и назывался *spina* — «шип», «колючка»; на одном из концов арены находились *metae* («меты»), представлявшие собой округлые колонны, служившие в качестве цели. Обычно колесничные забеги проводились на дистанцию, приблизительно равную пяти милям, или семи кругам по ипподрому. Испытанием мастерства возниц становился объезд вокруг конечных отметок: их следовало обогнуть настолько быстро и близко, насколько позволяла личная безопасность колесничных; часто на этом участке дистанции случались крушения, и люди, повозки и животные сплетались в один корчащийся от боли клубок. Когда кони или колесницы приближались к финишной отметке, загибнотизированные болельщики вскакивали с мест, словно волнуемое море; они жестикулировали, размахивали платками, кричали и молились, стонали и разражались проклятиями, а иногда приходили в сверхъестественный экстаз. Аплодисменты, которыми приветствовали победителя, можно было услышать далеко за пределами города.

Самым изумительным из всех зрелищ, представлявшихся в дни римских торжеств, была потешная морская битва. Первая крупная навахия была дана Цезарем в водоеме, вырытом специально для этой цели в предместьях Рима. Август ознаменовал посвящение храма Марсу Мстителю, предложив римлянам созерцать схватку трех тысяч бойцов, изображавших Саламинское сражение на искусственном озере со сторонами в 1800 и 1200 футов. Клавдий, как уже отмечалось выше, отпраздновал завершение фуцинского туннеля сражением на триремах и квадrireмах, в котором было задействовано 19 000 человек. Они сражались друг с другом с обескураживающей прохладцей, и пришлось натравить на них солдат, чтобы началось настоящее кровопролитие¹⁰⁶. При посвящении Колизея Тит затопил его арену и поставил на ней ту самую схватку коринфян и граждан Керкиры, которой началась Пелопоннесская война. Бойцы, принимавшие участие в этих сражениях, были военнопленными или осужденными преступниками. Они рубились друг с другом до тех пор,

пока одна из сторон не истреблялась полностью; победители, если они отважно сражались, могли заслужить свободу.

Кульминационным пунктом игр были схватки зверей и гладиаторов в амфитеатре, или после Веспасиана в Колизее. Арена представляла собой необъятный деревянный настил, усыпанный песком. Отдельные части этого настила могли опускаться, а затем быстро возвращаться в исходное положение, изменяя тем самым общий вид поля боя; при случае весь настил мог быть в мгновение ока залит водой. В просторных помещениях под ареной находились механизмы, звери и гладиаторы, чьи выступления входили в программу представления. Над защитной стеной, отделявшей арену от зрителей, сразу же начинался подиум или мраморная терраса, где сенаторы, жрецы и высокие должностные лица восседали на своих богато украшенных местах; над подиумом возвышалась ложа (*suggestum*), в которой император и императрица восседали на тронах из золота и слоновой кости, а рядом с ними находились члены их семьи и свита. За пределами этого аристократического круга занимали свои места представители всаднического сословия, которым было отведено двадцать рядов кресел; величественная промежуточная стена отделяла представителей высших сословий от низших классов, занимавших верхние трибуны. Любой свободный гражданин, мужчина или женщина, могли посещать эти зрелища, причем плата за посещение, по-видимому, не взималась. Толпа пользовалась здесь, как и в цирке, присутствием императора и громко выкрикивала свои пожелания. Зрители просили о помиловании заключенного или упавшего бойца, о даровании свободы отважному рабу, о выходе на арену любимых гладиаторов, наконец, о частичных переменах в государственной жизни. С верхнего края опоясывавшей амфитеатр стены над ареной мог разворачиваться навес, чтобы защитить от солнечных лучей наиболее уязвимые в этом отношении участки зрительских рядов. Во многих местах из фонтанов вырывались струи благоухающей жидкости, охлаждавшей воздух. С наступлением полудня большинство зрителей устремлялись вниз: там уже поджидали их концессионеры, предлагая еду, напитки и сладости. В особых случаях собравшееся в амфитеатре множество кормили по приказу и от щедрот императора; иногда в дерущуюся толпу бросали сверху лакомства и подарки. Если, как это нередко случалось, схватки происходили ночью, над ареной и зрителями загорались фонари, прикреплявшиеся к опускавшемуся сверху обручу. В промежутках между боями публику развлекали музыканты; критические моменты гладиаторских поединков сопровождалась надрывным криком.

Самым обыденным событием в амфитеатре были выставки экзотических животных, собранных со всего мира. Слоны, львы, тигры, крокодилы, гиппопотамы, рыси, обезьяны, пантеры, медведи, вепри, волки, жирафы, страусы, олени, леопарды, антилопы, редкие птицы содержались в зоологических садах императора и богачей; там их обучали хитроумным трюкам и забавным выходкам. Обезьян учили кататься на собаках, править колесницами, играть в пьесах; быки позволяли мальчишкам плясать у них на спине; морские львы по условному знаку умели отзываться лаем на свои клички; слоны танцевали под звуки кимвалов, в которые ударяли другие слоны, они ходили по канату, сидели за столом или выводили греческие и латинские буквы. Животные могли просто прохаживаться по арене, облаченные в пестрые или смешные костюмы; но, как правило, они вступали в схватку друг с другом или людьми,

или становились дичью, которую убивали при помощи дротиков или стрел. Однажды во времена Нерона 400 тигров сражались со слонами и быками; в другом случае, при Калигуле, были затравлены 400 кабанов; при посвящении Колизея погибло 5000 животных¹⁰⁷. Если животные выказывали излишнюю миролюбивость, их ярость распяляли ударами бича, копыями или раскаленным железом. Клавдий устроил сражение между подразделением преторианцев и стаей пантер; Нерон заставил гвардейцев сразиться с четырьмя сотнями кабанов и тремя сотнями львов¹⁰⁸.

Схватки между человеком и быком, которые издавна пользовались большой популярностью в Греции и Фессалии, были введены в Риме Цезарем и довольно часто показывались в амфитеатре¹⁰⁹. Осужденные преступники, которых часто одевали в звериные шкуры, чтобы они напоминали животных, выбрасывались на арену к голодным хищникам; смерть в этом случае наступала после жестоких мучений, а раны, наносимые зверями, были столь глубоки, что по ним врачи изучали внутреннее строение человека. Широко известна история об Андрокле, беглом рабе; схваченный преследователями, он был выброшен на арену, где его поджидал лев; однако лев, гласит предание, помнил о том, что Андрокл когда-то вытащил колючку из его лапы, и отказался причинять ему вред. Андрокл получил прощение и зарабатывал себе на жизнь тем, что водил за тавернам своего просвещенного льва¹¹⁰. Иногда приговоренный преступник должен был на своей шкуре испытать страдания какого-нибудь трагического персонажа: он мог изображать соперницу Медеи и облачиться в прекрасное платье, которое внезапно загоралось, и огонь пожирал несчастного; его могли сжечь на погребальном костре, как это случилось некогда с Гераклом; его могли (если верить Тертуллиану) публично оскотить, как Аттиса; он мог играть роль Муция Сцеволы и держать руку над раскаленной жаровней, пока рука не обугливалась полностью; он мог изображать Икара и низвергнуться с небес, но не в милосердный океан, а на арену, заполненную голодными хищниками; он мог изображать Пасифаю и терпеть объятия быка; одну из жертв облачили в наряд Орфея; несчастному дали лиру и отправили на арену, усаженную зеленеющими деревьями, у подножий которых били ключи; внезапно из укромных уголков мнимой рощицы вырываются голодные животные и разрывают «Орфея» на куски¹¹¹. Однажды для развлечения публики на арене распяли грабителя Лавреола; однако он не спешил умирать, и тогда на него натравили медведя, который не торопясь, кусок за куском, поглощал еще живую плоть казнимого. Марциал, описывающий эту сцену, не скрывает ни своего восхищения, ни одобрения¹¹².

Кульминационным событием игр становились схватки между вооруженными людьми, бившимися поодиночке или большими отрядами. В схватках принимали участие военнопленные, осужденные преступники или непокорные рабы. На протяжении всей античности право победителя уничтожить пленников никем не ставилось под сомнение, и римляне полагали, что они проявляют со своей стороны милосердие, разрешая побежденным биться за свою жизнь на арене. Лица, осужденные за уголовные преступления, свозились в Рим из всех областей Империи, отправлялись в гладиаторские школы и вскоре становились участниками игр. Если они проявляли в сражении исключительную храбрость, их могли немедленно выпустить на свободу; если им удавалось просто выжить, то в праздничные дни их выводили на арену вновь и вновь; если по прошествии трех лет они были все еще живы, их

обращали в рабство; если в течение двух лет хозяева не имели к ним никаких претензий, они получали свободу. Преступления, наказывавшиеся гладиаторской школой, ограничивались убийством, разбоем, поджогом, святотатством и мятежом, однако ревностные губернаторы, чуткие к императорским нуждам, могли пренебречь этими ограничениями, если арена испытывала нехватку в людях¹¹³. Даже сенаторы и всадники могли быть приговорены к участию в гладиаторских боях, а иногда страсть к аплодисментам заставляла представителей всаднического сословия добровольно стремиться к выступлениям на арене. В гладиаторские школы нередко записывались и те, кого влекли к себе опасности и приключения.

В Риме такие школы были открыты не позднее 105 г. до н. э. В эпоху Империи в городе имелось четыре таких школы, еще несколько были разбросаны по Италии, одна находилась в Александрии. В дни Цезаря богачи содержали собственные школы, в которых гладиаторскому искусству обучались рабы. Выпускники этих школ исполняли функции телохранителей в мирное время и служили своим хозяевам на войне; они нанимались для участия в поединках на частных пиршествах или «ссужались» владельцами устроителям публичных игр. Поступая в профессиональную гладиаторскую школу, новички нередко приносили торжественную клятву «быть готовыми к побоям, наказанию раскаленным железом и смерти от меча»¹¹⁴. Упражнения и дисциплина были весьма суровыми; за питанием гладиаторов следили врачи, которые предписывали им ячменную диету для наращивания мускулов; нарушение правил каралось бичеванием, клеймением и кандалами. Однако не все из этих кандидатов на безвременную смерть имели основания жаловаться на судьбу. Некоторые из них были ободрены победами и думали скорее о своей доблести, чем об опасностях; иные жаловались на то, что им не позволяют сражаться так часто, как хотелось бы¹¹⁵; люди такого склада ненавидели Тиберия за то, что он дает так мало игр. Их стимулом и утешением были восхищение публики; их имена выводились поклонниками яркой краской на стенах; в них влюблялись женщины, их воспевали поэты, художники писали их портреты, скульпторы лепили в назидание потомству их железные бицепсы и угрожающе нахмуренные брови. Однако многие были подавлены сознанием своей несвободы, гладиаторской рутинной, стремившейся вытравить из них все человеческое, ожиданием скорой смерти. Некоторые совершали самоубийство; так, некий гладиатор задохнулся, забив себе в глотку трубу, использовавшуюся для чистки уборных; другой продел голову между спицами вращающегося колеса; некоторые совершали харакири прямо на арене¹¹⁶.

Накануне схватки им устраивали обильное угощение. Те, что были посвирепее, ели и пили до отвала; другие печально прощались с женами и детьми; гладиаторы-христиане собирались на последнюю агарé, или «вечерю любви». На следующее утро они выходили на арену в праздничном наряде и стройными рядами проходили ее из конца в конец. Их обычным вооружением были мечи или копья, иногда ножи, в качестве оборонительных доспехов выступали бронзовые шлемы, щиты, наплечники, нагрудники и ножные латы. Они делились на разряды согласно используемому ими оружию: *retiarii* опутывали своих противников сетью и поражали кинжалом, *secutores* славились ловкостью преследователей, вооруженных щитом и мечом, *laqueatores* имели в своем распоряжении рогатки, *dimachae* держали по короткому мечу в каждой руке, *essedarii* сражались с колесницей, *bestiarii* бились с дикими зверями. Поми-

мо этих предприятий, гладиаторы участвовали в парных или групповых дуэлях. Если один из участников единоборства был серьезно ранен, устроитель игр спрашивал зрителей об их приговоре; они поднимали большой палец вверх или махали платками, и тогда раненый получал помилование; они опускали большие пальцы вниз (*pollice verso*), и тогда победитель добивал поверженного противника¹¹⁷. Всякий участник состязаний, который не проявлял особой охоты умирать, вызывал бурное неодобрение публики, и его отвагу разжигали раскаленным железом¹¹⁸. Еще больше крови лилось во время групповых сражений, когда тысячи гладиаторов дрались друг с другом с отчаянным ожесточением. В восьми боях, поставленных Августом, участвовали десять тысяч бойцов, которые сражались друг с другом в таких вот полномасштабных битвах. Прислужники в одеянии Харона кололи павших острыми прутьями, чтобы убедиться в том, что они не притворяются мертвыми, и убивали симулянтов, разбивая им головы молотком. Другие прислужники, облаченные в одежды Меркурия, утаскивали трупы с поля боя, цепляя их крючьями, в то время как рабы-мавританцы сгребали лопатами окровавленный прах и засыпали арену свежим песком для следующего поединка.

Большинство римлян защищали гладиаторские игры на том основании, что жертвы все равно были приговорены к смерти за серьезные преступления, что страдания, которые им приходится пережить, устрашающе действуют на потенциальных преступников, что отвага, с которой обреченные смотрели в лицо смерти и увечьям, способна вдохновить народ на подражание спартанской доблести, что частое лицезрение крови и битв приучает римлян бестрепетно относиться к требованиям и жертвам военного времени. Ювенал, который ругал все, что видел вокруг, не позволил своему сарказму коснуться гладиаторских игр; Плиний Младший, высокоцивилизованный человек, восхвалял Траяна за устроенные им представления, которые побуждают людей «безропотно принимать благородные раны и презирать смерть»¹¹⁹; и Тацит полагал, что кровь, проливаемая на арене, была в любом случае *vilis sanguis* — «дешевый кровью» простонародья¹²⁰. Цицерон был возмущен подобной резней. «Какое развлечение,— спрашивал он,— может быть доставлено просвещенным и человеколюбивым душам зрелищем того, как благородные животные безжалостно поражаются в сердце немилосердным охотником или один из представителей нашего слабого человеческого рода пожирается кровожадным зверем, силы которого намного выше человеческих? — Однако он добавлял: — Когда провинившихся заставляют сражаться, мы имеем дело с лучшим воспитательным средством, которое побуждает стойко переносить страдания и смерть»¹²¹. Сенека, заглянувший в амфитеатр во время полуденного антракта, когда большая часть публики отправилась перекусить, был шокирован открывшимся перед ним зрелищем: тысячи преступников были выпущены на арену, чтобы позабавить оставшихся зрителей кровопролитием.

Я вернулся домой более кровожадным, более жестоким и враждебным к людям, чем прежде, потому что находился среди человеческих существ. Случайно я посетил полуденное представление, рассчитывая увидеть что-нибудь забавное, остроумное и расслабляющее... на чем человеческий взгляд мог бы отдохнуть от зрелища убийства своих сородичей. Однако мои ожидания не оправдались... Эти полуденные бойцы были выпущены совершен-

но без доспехов; они были открыты ударам со всех сторон, и каждый разил без промаха... Утром люди были выброшены на съедение львам, в полдень — зрителям. Толпа требовала, чтобы победитель, одолевший противника, вступил в новый поединок, который станет для него роковым; последний оставшийся в живых примет участие в новом побоище... И все это происходит тогда, когда трибуны почти совершенно пусты... Человек, существо, священное для другого человека, убивается ради забавы и развлечения ¹²².

VII. НОВЫЕ ВЕРОВАНИЯ

Религия рассматривала игры как вполне приемлемую форму религиозного празднества и предваряла их торжественными шествиями. Весталки и жрецы занимали в театрах, в цирке и рядом с ареной самые почетные места. Император, который восседал на самом видном месте, был верховным жрецом государственной религии.

Август и его преемники сделали все, что было в их силах, чтобы вернуть к жизни старинную веру; единственное, в чем они не преуспели, — они не могли воздействовать на народ личным примером. Даже такие откровенные атеисты, как Калигула и Нерон, отправляли все обряды, традиционно посвящавшиеся официальным богам. Жрецы-луперки по-прежнему плясали на улицах города в Луперкалии; арвальские братья по-прежнему бормотали молитвы Марсу, составленные на такой древней латыни, что их никто не понимал. Дивинация и птицегадание по-прежнему входили в разряд усердно практикуемых священнодействий, и к ним с доверием относились широкие слои населения; все, за исключением нескольких философов, верили в астрологию; даже императоры, изгонявшие астрологов, спрашивали у них совета. Магия и колдовство, волшебство и суеверия, чародейство и заклинания, «предзнаменования» и толкование снов были глубоко вплетены в ткань римской жизни. Август изучал собственные сны с прилежанием современного психоаналитика; Сенека видел женщин, сидевших на ступенях Капитолийского храма в ожидании милостей Юпитера, ибо во сне им привиделось, будто бог желает их познать ¹²³. Консулы, вступавшие в должность, праздновали это событие, принося в жертву молодых бычков; Ювенал, который мог смеяться над чем угодно, благочестиво перерезал глотки двух ягнят и молодого бычка в благодарность за благополучное возвращение своего друга. Храмы были обильно украшены золотыми и серебряными приношениями; перед алтарями горели свечи; губы, руки и стопы божественных кумиров были истерты поцелуями многочисленных почитателей. Казалось, старинная религия по-прежнему крепка; она творила новые божества, такие, как Аннона (собирательница хлеба со всего мира в римские закрома), вдохнула новую жизнь в почитание Фортуны и Румы и обеспечивала мощную поддержку праву, порядку и тирании. Если бы Август вернулся на землю через год после своей смерти, он мог бы удовлетворенно объявить, что его политика религиозного возрождения увенчалась полным успехом.

Несмотря на все эти внешние проявления благополучия, древняя вера была поражена недугом — от верхушки до основания. Обоожествление императоров показывало не то, насколько высоко правящие классы почитают своих

властителей, но насколько мало они уважают своих богов. Среди людей просвещенных философия оказывалась губительницей веры даже в тех случаях, когда брала религию под свою защиту. Лукреций потрудился не напрасно; о нем предпочитали не вспоминать, но только потому, что куда легче было вести эпикурействующий образ жизни, чем изучать Эпикура или его страстного глашатая. Богатые молодые люди, отправлявшиеся за философским образованием в Афины, Александрию и на Родос, едва ли могли найти там средства для поддержания своей приверженности римской религии. Греческие поэты превратили римский пантеон в посмешище, а римские поэты с удовольствием подражали своим греческим менторам. Поэмы Овидия превращали богов в легендарных персонажей; эпиграммы Марциала превращали их в предмет для зубоскальства; и кажется, никто не был возмущен этим. Многие мимы высмеивали богов; в одном из них Диану прогоняли со сцены кнутом; в другом изображается Юпитер, составляющий завещание в ожидании близкой смерти¹²⁴. Ювенал, как и Платон за пять веков до него, и мы сами восемнадцать веков спустя, отмечал, что страх перед зоркостью божества не способен напугать клятвопреступника¹²⁵. Даже надгробные камни бедняков свидетельствуют о распространении скептицизма, а иные из них дышат чувственностью. *Non fui, fui, non sum, non curo, glosit una из эпитафий.* — «Меня не было, я был, меня нет, ну и пусть». Другая: *Non fuegam, non sum, nescio* — «Меня не было, меня нет, не знаю». Еще одна: «То, что я съел и выпил, — со мной; я прожил жизнь»¹²⁶. «Я не верю в то, что за могилой меня что-либо ждет», — заявляет автор одной из эпитафий. «Нет ни Аида, ни Харона, ни Кербера», — утверждает другой. «Теперь, — писала уставшая душа, — мне не страшен голод, мне не придется платить ренту и наконец-то я избавлюсь от подагры». Трезвый лукрецианец пишет о своей погребенной плоти: «Элементы, из которых было сложено его тело, вернулись в родную среду. Жизнь дается взаймы; ее не удержишь навечно. Смертью человек возвращает свой долг природе»¹²⁷.

Однако сомнение, сколь бы честным оно ни было, не может надолго заменить веру. Среди всех своих наслаждений это общество не знало счастья. Его изысканность прискучила ему, распутство подточило его силы. Богатый и бедный по-прежнему страдали, болели и были обречены на смерть. Философия и в самую последнюю очередь такая холодная и надменная доктрина, как стоицизм, никогда не могла подарить простому человеку ту веру, которая облегчила бы его бедность, укрепила его порядочность, утешила его в печали, возбудила в нем надежду. Старинная религия выполняла только первую из этих функций; все остальное было не в ее власти. Люди жаждали откровения, а она предлагала им ритуал; люди жаждали бессмертия, а она предлагала им игры. Люди, которые рабами или свободными пришли в Рим, чувствовали, что они исключены из числа адептов этого националистического культа; поэтому они приносили с собой своих собственных богов, строили свои храмы, отправляли свои обряды; в самом сердце Запада они внедряли религии Востока. Между вероучением победителей и верованиями побежденных вспыхнула война, в которой оружие легионов было бесполезно; требования сердца — только они могли предопределить победу одной из сторон.

Новые божества приходили в Рим вместе с военнопленными, возвращавшимися домой солдатами и купцами. Торговцы из Азии и Египта возвели храмы в Путеолах, Остии и Риме, где отправлялся культ их традиционных

богов. Римское правительство относилось к этим чужеземным божествам в большинстве случаев достаточно терпимо; поскольку оно не могло допустить чужестранцев к римскому культу, оно предпочитало смотреть сквозь пальцы на их исконные верования, чем вовсе лишить их права на отправление обрядов. Взамен оно требовало, чтобы каждое новое верование выказывало подобную терпимость по отношению к прочим религиям, а также включало в свой ритуал в той или иной форме почитание «гения» императора и богини Роны, что являлось бы выражением их лояльности к государству. Вдохновленные такой мягкостью восточные религии, уже давно обосновавшиеся в Риме, превратились в самые популярные среди римского населения культы. Надеясь ввести культ в цивилизованные рамки, Клавдий отменил ограничения, которые затрудняли почитание Великой Матери; он позволил римлянам становиться служителями этого божества и установил ее празднество в период весеннего равноденствия — с 15 по 27 марта. Главной соперницей Кибелы в это первое христианское столетие была Исида, египетская богиня материнства, плодородия и торговли. Вновь и вновь правительство запрещало отправление ее культа в Риме, однако она всегда возвращалась. Благочестие ее почитателей оказалось сильнее мощи государства, и Калигула признал поражение, построив за общественный счет огромное святилище Исиды на Марсовом поле. Отон и Домициан принимали участие в посвященных Исиде празднествах; Коммод, обрив голову, смиренно шел позади ее жрецов, благоговейно держа в руках статуэтку Анубиса, египетского бога в обезьяньем обличе.

Вторжение новых богов год от года набирало силу. Из Южной Италии пришел культ Пифагора — вегетарианство и вера в переселение душ. Из Гираполя пришли Атаргатис, известная римлянам как *dea Syria* — «Сирийская богиня», *Aziz* — «Долихийский Зевс» и другие странные божества. Их почитание распространялось усилиями сирийских купцов и рабов; наконец на трон Империи взойдет юный жрец сирийского Ваала Гелиогабал — почитатель бога солнца. Из враждебной Парфии пришел культ другого солнечного бога — Митры; его адепты считали себя воинами, участвующими в великой космической битве между силами Света и Тьмы, Добра и Зла. Эта мужественная вера находила отклик скорее в сердцах мужчин, чем женщин, и пришлось по душе римским легионам, расквартированным у дальних пределов Империи, куда не доносились голоса отеческих богов. Из Иудеи пришел Яхве, бескомпромиссный монотеист, который требовал от верующих беззаветной преданности, порядочности и благочестия, а взамен наделял своих приверженцев нравственными заповедями и отвагой, которая поддерживала их в годину лишений и придавала известное благородство жизни самого смиренного бедняка. Среди римских иудеев, поклонявшихся ему, были и те, что, еще не вполне отделившись от остальных, почитали его воплотившегося и воскресшего сына.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ювенал, V, 141.

² Петроний, см. *Henderson, Nero*, 326.

³ Сенека. *К Марции*, XIX, 2.

- ⁴ Ювенал, VI, 367.
⁵ Friedländer, I, 238.
⁶ Ср. Плиний, XXIV, 11: «Они утверждают, что если перед соитием натереть мужской член кедром (т.е. кедровым маслом или смолой), зачатия не произойдет». Ср. также Himes, 85 f., 186.
⁷⁻⁸ Ювенал, VI, 592.
⁹⁻¹⁰ Gatteschi, G., *Restauri della Roma Imperiale*, 64.
¹¹ Gibbon, I, 42; Friedländer, I, 17; Sandys, 355-357; Davis, 195; Paul-Louis, 15, 227.
¹² Тацит, *Анналы*, XIII, 27.
¹³ Vogelstein, H., *Rome*, 10.
¹⁴ Цицерон. *В защиту Луция Флакка*, 28.
¹⁵ Edersheim, A., *Life and Times of Jesus the Messiah*, I, 67.
¹⁶ Тацит. *Анналы*, II, 85; Светоний. *Тибериус*, 36.
¹⁷ Дион, LVII, 18; Schürer, *History of the Jewish People*, Div. II, Vol. II, 234.
¹⁸ Vogelstein, 17.
¹⁹ Там же. 31, 33; Renan, *Lectures*, 50.
²⁰ Тацит. *Анналы*, II, 85; Аммиан Марцеллин, XXII, 5.
²¹ Dill, 83-84.
²² Дион, LX, 33.
²³ Марциал, VII, 30.
²⁴ Ювенал, III, 62.
²⁵ См.: Bailey, 143.
²⁶ Тацит, XIV, 42, 60.
²⁷ Ювенал, XIV, 44.
²⁸ Геллий, XII, 1.
²⁹ *Британская Энциклопедия*, X, 10.
³⁰ Гораций. *Сатиры*, I, 6.75.
³¹ Плиний. *Письма*, II, 3.
³² Петроний, 1.
³³ Плиний. *Письма*, IV, 3.
³⁴ Овидий. *Искусство любви*, 98.
³⁵ Ювенал, IX, 22.
³⁶ Минуций Феликс. *Октавий*, 67; Тертуллиан. *Апология*, 15.
³⁷ Гораций. *Эподы*, XI.
³⁸ Марциал, VIII, 44; XI, 70, 88 и т.д.; Ювенал, II, VI, IX.
³⁹ См.: Friedländer, I, 234.
⁴⁰ Сенека Старший. *Контроверсии*, см.: Friedländer, I, 241.
⁴¹ Сенека. *К Гельвию*, XVI, 3; *К Марции*, XXIV, 3.
⁴² Овидий. *Любовные элегии*, I, 8, 43; III, 4, 37.
⁴³ Friedländer, I, 241.
⁴⁴ Ювенал, VI, 228.
⁴⁵ Там же, 281.
⁴⁶ Там же, I, 22.
⁴⁷ Boissier, *La religion romaine*, II, 197.
⁴⁸ Ювенал, VI, 248.
⁴⁹ Марциал. *Книга зрелищ*, VI.
⁵⁰ Стаций. *Леса*, I, 6.
⁵¹ Сенека. *Этические сочинения*, I, 9, 4.
⁵² Овидий. *Искусство любви*, 113.
⁵³ Марциал, X, 35.
⁵⁴ Там же, I, 14.
⁵⁵ Тацит. *Анналы*, XVI, 10.
⁵⁶ Friedländer, I, 265.
⁵⁷ Тацит, XIV, 5.
⁵⁸ Марциал, VI, 57.

- ⁵⁹ Катулл, LXXXVI.
- ⁶⁰ Овидий. *Искусство любви*, 158; Kohler, K., *History of Costume*, 118; Pfuhl, E., *Masterpieces of Greek Drawing*, fig. 117.
- ⁶¹ Тибулл, I, 8.
- ⁶² Ювенал, VI, 502.
- ⁶³ Плиний, XXVIII, 12.
- ⁶⁴ Guhl and Konar, 498.
- ⁶⁵ Марциал, IX, 37.
- ⁶⁶ Овидий. *Искусство любви*, 160.
- ⁶⁷ Плиний, IX, 63.
- ⁶⁸ Там же, XXXVIII, 12.
- ⁶⁹ Там же, IX, 58.
- ⁷⁰ Friedländer, II, 181.
- ⁷¹ Плиний, XXXIII, 18.
- ⁷² Сенека. *Письма*, LXXXVI.
- ⁷³ Плиний, VIII, 74.
- ⁷⁴ Квинтилиан, VI, 3.
- ⁷⁵ Гален, см.: Friedländer, II, 227. Следующая часть данной главы особенно многим обязана Фридендеру и его кропотливому труду по изучению римских нравов.
- ⁷⁶ Ювенал, VII, 178.
- ⁷⁷ Jones, H. S., *Companion to Roman History*, 116; Friedländer, I, 12.
- ⁷⁸ Сенека. *Письма*, LXXXVI.
- ⁷⁹ Ker, W.C., см.: Марциал, I, 244 н.
- ⁸⁰ Gardiner, E.N., *Athletics of the Ancient World*, 230.
- ⁸¹ Плиний, XXVIII, 51.
- ⁸² *Journal of the American Medical Association*, Aug. 1, 1942, 1089.
- ⁸³ Овидий. *Искусство любви*, 165; *Скорбные элегии*, II, 477—480.
- ⁸⁴ Плиний, VIII, 51, 77.
- ⁸⁵ Там же, IX, 30, 31.
- ⁸⁶ Там же, 39.
- ⁸⁷ Там же, VIII, 82.
- ⁸⁸ Там же, VIII, 77.
- ⁸⁹ Сенека. *К Гельвию*, X, 9.
- ⁹⁰ Там же, 3.
- ⁹¹ Sandys, 502.
- ⁹² Mantzius, K., *History of Theatrical Art*, I, 217.
- ⁹³ Светоний. *Веспасиан*, 19.
- ⁹⁴ Mantzius, I, 218.
- ⁹⁵ Boisser, *La religion romaine*, II, 215.
- ⁹⁶ Цицерон. *В защиту Муррены*, 6.
- ⁹⁷ Lang, P.N., *Music in Western Civilization*, 35.
- ⁹⁸ Аммиан, XIV, 6.
- ⁹⁹ Марциал, V, 78.
- ¹⁰⁰ Аммиан, XIV, 6.
- ¹⁰¹ Сенека. *Письма*, LXXXVIII.
- ¹⁰² Филострат. *Жизнь Аполлония Тианского*, V, 21.
- ¹⁰³ Lang, 33.
- ¹⁰⁴ Вергилий. *Энеида*, V, 362 сл.
- ¹⁰⁵ Friedländer, II, 30.
- ¹⁰⁶ Дион, LXI, 33.
- ¹⁰⁷ Lecky, W.F., *History of European Morals*, I, 280.
- ¹⁰⁸ Friedländer, II, 72.
- ¹⁰⁹ Плиний, VIII, 70.
- ¹¹⁰ Friedländer, II, 5.

- ¹¹¹ Boissier, *Tacitus*, 246.
- ¹¹² Марциал. *Книга зрелищ*, VII.
- ¹¹³ Friedländer, II, 43.
- ¹¹⁴ Там же, 49.
- ¹¹⁵ Эпиктет. *Беседы*, I, 29.37.
- ¹¹⁶ Сенека. *Письма*, LXX.
- ¹¹⁷ Friedländer, II, 61.
- ¹¹⁸ Ювенал, III, 36.
- ¹¹⁹ Плиний Младший. *Панегирик*, XXXIII.
- ¹²⁰ Тацит. *Анналы*, XIV, 44.
- ¹²¹ Цицерон. *Письма*, VII, 1, письмо Марку Марцию, 52 г. до н.э.
- ¹²² Сенека. *Письма*, VII, XCV.
- ¹²³ См.: Бл. Августин. *О Граде Божием*, V, 10.
- ¹²⁴ Тертуллиан. *Апология*, 15.
- ¹²⁵ Ювенал, XIII, 35.
- ¹²⁶ Abbott, *Common People of Ancient Rome*, 88; Dill, 498.
- ¹²⁷ Friedländer, III, 283.

Римское право *

146 г. до н.э.—192 г. н. э.

1. ВЕЛИКИЕ ЮРИСТЫ

ПРАВО явилось самым характерным и долговечным выражением сущности римского духа. Как Греция стоит в истории символом свободы, так Рим — символом порядка; Греция завещала грядущим поколениям демократию и философию в качестве основания личной свободы — Рим оставил нам законы, традиции управления в качестве фундамента социального порядка. Соединить эти отличные друг от друга заветы, гармонизировать их плодотворное противостояние — это фундаментальная задача государственного искусства.

Поскольку право представляет собой сущность римской истории, постольку невозможно рассматривать право и историю Рима в отрыве друг от друга. Настоящая глава — это только структурное и синоптическое приложение к рассмотренным выше и следующим за ней деталям. Римская конституция чем-то напоминает конституцию Британии, она была не сводом данных раз и навсегда предписаний, но скорее собранием прецедентов, задающих основные направления, но не отвергающих перемены. По мере роста благосостояния и усложнения жизни народные собрания, сенат, магистраты и принцепсы принимали новые законы; правовой корпус рос столь же стремительно, как и сама Империя, и всегда устремлялся к новым пределам. Образование юристов, наблюдение за деятельностью судей, защита прав граждан требовали придать законодательству такую стройность и конкретность, которые позволили бы ему стать упорядоченным и доступным. Среди сумятицы Гракховой и Марианской революции Публий Муций Сцевола (консул 133 г. до н.э.) и его сын Квинт (консул 95 г. до н.э.) работали над тем, чтобы свести римские законы в удобопонятную систему. Цицерон, который был учеником другого Квинта Муция Сцеволы (консул 117 г. до н.э.), писал изящные трактаты по философии права и создал идеальный правовой кодекс, который помог бы ему сохранить нажитое состояние и утраченную веру. Противоречащие друг другу указы Мария и Суллы, беспрецедентные полномочия Помпея, революционное законотворчество Цезаря, новая конституция Августа создали новые проблемы для тех умов, которые стремились совместить право с логикой. Блестящий юрист Антистий Лабеев привел умы в еще большее смятение, объявив, что декреты Цезаря и Августа недействительны, так как являются следствием незаконного присвоения полномочий. И до тех пор, пока Принципату не удалось

* Юристы вряд ли узнают из этой главы много нового, а остальных приводимые в ней сведения могут и не заинтересовать.

окончательно укрепиться в Риме, сначала силой оружия, а затем силой привычки, новое законодательство не находило полного признания ни у мыслителей, ни у практикующих юристов. Второму и третьему векам новой эры выпала честь дать римскому праву окончательную формулировку на Западе — достижение, по своей значимости сопоставимое с формулировкой научных и философских проблем, имевшей место в Древней Греции.

И здесь цели были намечены Цезарем, однако настоящая работа началась только при Адриане (117 г.). Этот самый образованный из всех императоров собрал вокруг себя выдающихся юристов, которые составили его Тайный Совет; он поручил им заменить изменчивые ежегодные эдикты преторов Вечным Эдиктом, который надлежало соблюдать всем будущим италийским судьям. Со времен Солона греки не произвели ни одного шедевра в области юриспруденции, им так и не удалось создать кодифицированной системы права. Но греческие города Азии и Италии разработали превосходные муниципальные кодексы. Много путешествовавший Адриан был отлично знаком с этими городами, и, возможно, именно эти конституции вдохновили его взяться за работу по усовершенствованию и упорядочению римских законов. При его преемниках Антонинах работа по кодификации шла своим ходом, и полуофициальное положение стоицизма обусловило глубокое греческое воздействие на римское право. Стоики провозглашали, что право должно быть согласно с нравственностью, а вина заключается в намерении, а не в результатах деяния. Антонин — ученик стоиков — постановил, что в сомнительных случаях следует решать дело в пользу обвиняемого и что человек должен считаться невиновным, пока не доказано обратное¹, сформулировав тем самым два фундаментальных положения цивилизованного права.

Под опекой императоров юридическая наука воспитала плеяду гениев. Сальвий Юлиан, римлянин африканского происхождения, выказал столько учености и трудолюбия на посту квестора Августа (*quaestor Augusti*), или правового советника императора, что сенат проголосовал за то, чтобы выдавать ему двойное жалованье. Его *responsa* славилась своей ясностью и логикой; его *Digesta* представляли собой систематическое собрание гражданских и преторских законов; именно он являлся ведущим сотрудником Тайного Совета Адриана и в этом качестве сформулировал Вечный Преторский Эдикт. Другой юрист известен нам только по личному имени — Гай; его знаменитые «Установления» (*Institutiones*) были открыты Нибуром в 1816 году на полуиспорченном палимпсесте: поверх них были записаны сочинения Святого Иеронима; в настоящее время это важнейший документ доюстинианова римского права. Он был выпущен не как оригинальная монография, но в качестве элементарного пособия для студентов; видя в нем подлинный шедевр мастерски упорядоченного изложения, мы в состоянии отчетливо представить себе истинный интеллектуальный масштаб того человека, чьи утраченные трактаты легли в основу этого учебника. Шестьдесят лет спустя при Папиниане, Павле и Ульпиане римская юриспруденция достигнет своей вершины; в то время как судебная система стала жертвой насилия и хаоса, эти ученые облекли право в рациональные формулировки и придали ему последовательность. После них великая наука юриспруденции — как и все остальные области римской жизни — придет в упадок.

II. ИСТОЧНИКИ ПРАВА

Как терминология науки и философии восходит по большей части к греческому языку, недвусмысленно свидетельствуя о своей генеалогии, так язык закона по большей части восходит к латыни. Закон как родовое понятие обозначался словом *ius* — «справедливость» или «право»; конкретные законы назывались термином *lex* *. Юриспруденция — «законническая мудрость» — определялась в «Дигестах» Юстиниана как наука и искусство одновременно (533 г.): «наука о справедливом и несправедливом» и «искусство (т.е. способность добиваться) честного и справедливого (правосудия)»². *Ius* включало в себя как писаное, так и неписаное право, или обычай. Писаное право подразделялось на *ius civile* — «гражданское право», или право, под действие которого попадали римские граждане, и *ius gentium* — «право народов». Гражданское право являлось «общественным правом», когда дело касалось государства и официального культа, и «частным правом», когда заходила речь о юридических взаимоотношениях граждан.

Римское право как единое целое восходит к пяти источникам.

1. В эпоху Республики главнейшим источником права являлась воля граждан, выражавшаяся в виде *leges*, принимаемых в куриатных и центуриатных собраниях, и *plebiscita* («постановлений плебса»), проводившихся в трибунном собрании. *Leges* признавались сенатом только в том случае, если перед их вынесением на рассмотрение народного собрания были соблюдены надлежащие формальности, и они представлялись народу магистратом сенаторского достоинства. Если сенат и народное собрание были единодушны в принятии закона, его непреложность освящалась формулой *Senatus Populusque Romanus*.

2. В эпоху Республики сенат сам по себе, теоретически, не обладал законодательной властью; *senatusconsulta*, с формальной точки зрения, являлись рекомендациями магистратам; постепенно они приобрели статус директив, затем повелений, пока в годы поздней Республики не получили силу закона. В общем, количество законов, принятых народными собраниями или сенатом, было в течение шести столетий столь немногочисленным, что этот факт вполне способен ошеломить современного читателя, привыкшего к неостановимому законотворчеству нашего времени.

3. Потребность в менее значительных или более специфических законах удовлетворялась за счет эдиктов (*edicta*) муниципальных должностных лиц. Каждый новый городской претор («главный городской магистрат») издавал преторский эдикт (*edictum praetorium*), который обнародовался на Форуме глашатаем и записывался на стене; в этом документе провозглашались те правовые принципы, опираясь на которые, претор намеревался отправлять свои судебные функции в течение годового срока своей магистратуры. Подобные эдикты могли издаваться также окружными судьями (*praetores peregrini*) и провинциальными преторами. Благодаря предоставлению им империя (*imperium*), или властных полномочий, преторы могли не только толковать старые, но и принимать новые законы. В силу этого римское право сочетало в себе устойчивость базового законодательства с гибкостью преторских судебных решений. Когда некоторый закон или статья на протяжении многих лет фигурировали в выходящих один за другим преторских эдиктах, они становились неотъемле-

* Ср. франц. *droit* и *loi*; немецк. *Recht* и *Gesetz*.

мой частью т.н. *ius honorarium*; в эпоху Цицерона это «право, сформулированное должностными лицами», пришло на смену Двенадцати Таблицам в качестве текста, положенного в основу юридического образования в Риме. Тем не менее претор нередко отменял решения, а иной раз и вступал в противоречие с принципами своего предшественника, и таким образом расплывчатость законов и предвзятость приговоров накладывались на распространенные в любой юридической системе, обслуживаемой человеком, злоупотребления и недостатки. Именно для того чтобы покончить с этой расплывчатостью, Адриан поручил Юлиану унифицировать предшествующее *ius honorarium* в Вечном Эдикте, который мог быть видоизменен одним лишь императором.

4. *Constitutiones principum*, или статуты принцев, во втором столетии стали еще одним из источников права. Они принимали четыре формы. (а) Благодаря своему императору принцепс как городской магистрат мог выпускать *эдикты*; они имели силу закона для всей Империи, но, очевидно, теряли ее после смерти издавшего их императора. (б) *Decreta* принцепса, выступавшего в роли судьи, как и *decreta* других магистратов, имели силу закона. (в) Императорские *рескрипты* (*rescripta*) представляли собой ответы на запросы. Как правило, это были *epistolae* — «послания» — или *subscriptiones*, то есть краткие реплики, буквально «написанные под» вопросом или петицией. Мудрые и содержательные письма, в которых Траян отвечал на запросы правительственных чиновников, были включены в законы Империи и сохраняли свою силу еще долго после его смерти. (г) Императорские *мандаты* (*mandata*) были директивами должностным лицам. С течением времени они легли в основу детально разработанного административного права.

5. При известных обстоятельствах закон мог быть создан на основании *responsa prudentium*. Должно быть, это было приятное зрелище — ученые-юристы восседают в своих креслах на Форуме (в последующие десятилетия у себя дома) и дают юридические консультации всем желающим, пользуясь при этом возможностью получить за свои услуги непрямо вознаграждение. Часто за советом к ним обращались юристы-практики или муниципальные судьи. Как великие раввины иудеев, они примиряли противоречия, выводили тонкие дистинкции, толковали и применяли древние законы в соответствии с нуждами современности или политической ситуацией. Их записанные ответы в силу неписаного обычая обладали авторитетом, почти не уступающим авторитету закона. Август придал таким «мнениям» полную силу закона, обставив, правда, свое решение двумя условиями: юрист должен был предварительно получить от императора *ius respondendi*, или право на формулировку юридических мнений; его ответ должен был скрепляться печатью судьи, рассматривающего данное дело. В эпоху Юстиниана эти *responsa* составляли настоящую школу и обширную литературу права, служили источником и основанием кульминации римского права — Дигест и Кодекса Юстиниана.

III. ЛИЧНОЕ ПРАВО

«Все законы,— замечает любитель точности Гай,— относятся или к лицам, или к имуществу, или к процедуре»³. Слово *persona*, «лицо», имело некогда значение «маска актера». Позднее им обозначалась роль, которую человек играет в жизни. Наконец, его стали прилагать к человеку как таковому, слов-

но в основе эволюции его значения лежало представление о том, что мы не в силах проникнуть в суть человека, но можем лишь говорить об исполняемой им роли, маске или масках, в которых он появляется на людях.

Главным лицом в римском праве был гражданин. Таковым считался всякий, кто принадлежал к римскому народу по рождению, в силу усыновления, эмансипации или правительственного пожалования. Существовали три степени гражданства: 1) полноправные граждане пользовались четверояким правом — правом голоса (*ius suffragii*), замещения государственной должности (*ius honorum*), вступления в брак со свободнорожденным лицом (*ius connubii*) и заключения коммерческих сделок, находившихся под защитой римского законодательства (*ius commercii*); 2) «граждане без права голоса» могли заключать брак или заниматься коммерцией, но не принимали участия в голосовании и не могли занимать государственных должностей; 3) вольноотпущенники могли заключать сделки и голосовать, но не имели права на брак и занятие должностей. Кроме того, полноправный гражданин имел некоторые исключительные привилегии в сфере частного права: он обладал отцовской властью над детьми (*patria potestas*), властью мужа над женой (*manus*), правом как хозяин распоряжаться своим имуществом, в том числе и рабами (*dominium*), а также властью над другим гражданином на основании контракта (*mancipium*). Так сказать, потенциальное гражданство — *Latinitas*, или *ius Latii* — предоставлялось Римом свободным жителям дружественных городов и колоний; благодаря ему эти лица получали право на заключение сделок с римлянами, хотя и не могли вступать с гражданами метрополии в законный брак, а их магистраты по истечении срока своих полномочий становились полноправными римскими гражданами. Каждый город Империи имел своих граждан и условия предоставления гражданства; в силу единственной в своем роде толерантности человек мог являться гражданином — и пользоваться гражданскими правами — одновременно нескольких городов. Самой драгоценной привилегией римского гражданина являлось законодательное обеспечение его личной, имущественной и правовой безопасности, а в том случае, если он попадал под суд, к нему нельзя было применять насилие и пытки. К вящей славе римского права следует отнести то обстоятельство, что оно защищало индивидуума от государства.

Вторым по значению лицом римского права являлся отец. *Patria potestas* была несколько ослаблена в силу того, что закон проник в такие области, где прежде безраздельно властвовал обычай; однако мы можем судить о том, насколько прочно сохранялась сила этого установления, по следующему факту: когда Авл Фульвий выехал присоединиться к армии Катилины, отец отозвал его назад и предал смерти. Но в целом власть отца ослабевала по мере роста власти правительства. Покинув государство, демократия нашла приют в семейной жизни. В эпоху ранней Республики отцы представляли собой государство; главы семейств входили в куриатное собрание, а главы родов, вероятно, составляли сенат. Власть семьи и рода уменьшалась вместе с ростом численности и многообразия населения, ускорения жизненного ритма, коммерциализацией и усложнением общества. На смену кровному родству, кастовому разделению и обычаю пришли закон и соглашения⁴. Дети завоевывали все большую свободу от власти отца, жены — от власти мужа, индивидуумы от власти коллектива. Траян постановил, что отец обязан эмансипировать сына в случае дурного с ним обращения; Адриан лишил отца власти над

жизнью и смертью домоладцев и передал ее судам; Антонин запретил отцу продавать своих детей в рабство⁵. Уже задолго до этого использование отцами своих древних прав было сведено обычаем к минимуму. Закон имеет тенденцию к отставанию от нравственного развития, и происходит это отнюдь не потому, что право не способно воспринимать новые идеи, но потому, что опыт давно показал: мудрость заключается в том, чтобы не спешить с приданием новым обычаям статуса закона, но сперва опробовать их на практике.

Римские женщины приобретали новые права, в то время как мужчины теряли старые. Однако римлянки были достаточно рассудительны, чтобы скрывать свою свободу под покровами юридического неполноправия. Раннереспубликанское право провозглашало, что женщина не может в принципе распоряжаться собой, быть *sui iuris*, но всегда должна находиться под надзором какого-нибудь стража-мужчины; «согласно представлениям наших предков,— говорил Гай,— даже женщины зрелого возраста должны находиться под опекой в силу их легкомысленности»⁶. В эпоху поздней Республики и Империи их юридическая зависимость являлась по большей части мнимой. Тому причиной — женские чары и своеволие, на поводу у которых шли мужские влюбчивость и страстность. От Катона Старшего до Коммода римское общество, оставаясь с точки зрения права патриархальным, управлялось фактически женщинами, которые грациозно властвовали над мужчинами с непринужденностью хозяек ренессансных итальянских салонов и салонов бурбоновской Франции. Законы Августа в известном смысле пошли навстречу сложившемуся положению дел, провозгласив, что любая женщина, родившая трех законных детей, освобождается из-под опеки (*tutela*)⁷. Адриан постановил, что женщина может распоряжаться имуществом по своему усмотрению при условии, что на это дадут согласие ее опекуны; однако в действительности такое согласие стало совершенно необязательным. К концу второго века всякая принудительная опека была отменена законом, который предоставлял женщинам полную свободу по достижении двадцатипятилетнего возраста.

Для того чтобы брак был законным, по-прежнему требовалось испросить на него согласие обоих родителей⁸. Брак, заключаемый согласно обряду конфарреации, превратился в эту эпоху (160 г.) в привилегию немногих сенаторских фамилий. Брак-купля (*coemptio*) сохранился как форма: жених платил за невесту, взвешивая на весах асс или бронзовый брусок в присутствии пяти свидетелей, получив предварительно согласие отца или опекуна невесты⁹. Большинство браков явились таковыми в силу *узуса* (*usus*), или совместной жизни. Чтобы не попасть «в руки» (*manus*) или в полную власть мужа-собственника, трижды в году жена не ночевала дома; благодаря этому она сохраняла контроль над своим имуществом, за исключением приданого. В действительности мужа часто записывали собственностью на имя жены, чтобы избежать ответственности за причинение ущерба или наказания за банкротство¹⁰. Подобный брак, *sine manu*, мог быть расторгнут по желанию любой из сторон; браки, заключавшиеся при помощи иных процедур, могли расторгаться только по желанию мужа. Супружеская неверность по-прежнему являлась для мужчины не слишком серьезным проступком; со стороны жены, однако, прелюбодеяние было тяжким преступлением против таких установлений, как институт собственности и наследования. Но муж был более не вправе убить жену, уличенную в прелюбодеянии; формально этим правом

был облечен отец, но обыкновенно все заканчивалось судом; карой за прелюбодеяние было изгнание. Внебрачное сожительство рассматривалось законом как субститут брака, однако было незаконным, если одна из сторон имела супруга; иметь двух сожительниц одновременно законом запрещалось. Дети, родившиеся в результате таких связей, считались незаконными и не могли наследовать имущество отца — данное обстоятельство делало подобное сожительство еще более привлекательным в глазах тех, кто мечтал на старости лет не стать дичью для охотников за наследствами. Веспасиан, Антонин Пий и Марк Аврелий после смерти своих жен жили с конкубинами¹¹.

Законодательство из всех сил стремилось поощрять рождение детей в семьях свободных граждан. Инфантицид был запрещен; исключения делались только для тех случаев, когда младенец рождался уродом или неизлечимо больным. Уличенных в производстве аборта изгоняли и лишали части собственности; если во время этой операции женщина умирала, виновник приговаривался к смерти¹²; разумеется, тогда, как и сейчас, в этих законах находили множество лазеек. Дети оставались во власти отца на протяжении всей жизни, если только тот не продавал их трижды в рабство, или не эмансипировал, а кроме того, сын освобождался из-под отцовской опеки после занятия государственной должности или исполнения обязанностей *flamen dialis*, дочери выходили из-под опеки, выйдя замуж *cum manu* или вступив в коллегию весталок. Если сын вступал в брак при жизни отца, *patria potestas* над внуками оставалась в руках деда¹³. Согласно постановлению Авруста, деньги, заработанные сыном в армии, на государственном посту, в роли жреца, не попадали под действие старинного правила, гласившего, что заработки такого рода принадлежат отцу. Как и в прежние времена, сына можно было продать в неволю (*mancipium*), которая, однако, отличалась от рабства (*servitus*) тем, что проданный сохранял свои гражданские права.

Раб лишен каких бы то ни было юридических прав. Римское право не решалось прилагать к нему термин *persona* — «лицо» — и ограничилось компромиссом, называя его «деперсонифицированным человеком»¹⁴. Обсуждая его статус в разделе, посвященном личному праву, Гай совершает явную ошибку. С точки зрения логики раб попадал под рубрику «имущество» (*res*). Он не имел права владеть собственностью, наследовать, завещать; он не мог вступать в законный брак; все его дети считались незаконнорожденными, а дети рабыни считались рабами даже в том случае, если их отец был свободным¹⁵. Рабы мужского или женского пола могли растлеваться хозяином и не имели права апеллировать к закону. Раб не имел права возбуждать дело в суде против тех, кто причинил ему ущерб; в подобных случаях он мог действовать, только пользуясь посредничеством своего господина. Последний, согласно законам республиканского Рима, мог избить раба, заключить его в темницу, отправить на арену сражаться с дикими зверями, уморить голодом или убить своими руками, имея на то причину или без нее, и единственной сдерживающей силой могло служить только общественное мнение, сформировавшееся рабовладельцами. Если раб бежал от хозяина и был пойман, его могли заклеить или распять; Август хвастался тем, что схватил 30 000 беглых рабов и распял всех тех, чьи хозяева не объявились¹⁶. Если спровоцированный тем или иным способом раб убивал хозяина, закон требовал предать смерти всех рабов покойного господина. Когда Педаний Секунд, городской префект, был зарезан своим рабом (61 г.) и 400 его рабов были приговорены к

смерти, против этого решения протестовало меньшинство сенаторов, а разъяренная толпа, запрудившая улицы, требовала помилования; но сенат постановил поступить согласно предписаниям закона, полагая, что только такими мерами можно обеспечить безопасность хозяев¹⁷.

К чести Империи, а может быть, в силу сокращения притока рабов, условия жизни последних постоянно улучшались по инициативе императоров. Клавдий запретил убивать нетрудоспособных рабов и постановил, что брошенный больной раб, если ему посчастливилось выздороветь, автоматически получает свободу. Петрониев закон (*lex Petronia*), принятый, вероятно, при Нероне, запрещал господам отправлять рабов на арену без разрешения магистрата. Нерон позволил рабам, терпевшим дурное обращение, прибегать к его статуям как к убежищу и назначил особого судью для рассмотрения их жалоб — скромное достижение, которое было поистине революционным для Рима, ибо оно открыло перед рабами возможность участвовать в судебном процессе. Домициан возвел в ранг уголовного преступления уродование рабов для забавы. Адриан лишил господ права убивать рабов без санкции магистрата. Антонин Пий позволил жестоко притесняемым рабам искать убежища в любом храме и продавать их другим господам в том случае, если удалось доказать, что прежние хозяева дурно с ними обращались. Марк Аврелий призывал рабовладельцев выносить на рассмотрение судов дела об ущербе, причиненном им собственными рабами, вместо того, чтобы карать их самолично; таким образом, надеялся он, право и рассудительность смогут занять место жестокости и самосуда¹⁸. Наконец, великий юрист третьего века Ульпиан провозгласил тезис, сформулировать который решались лишь немногие философы: «По Природе все люди равны»¹⁹. Другие юристы приняли за непреложное правило следующую максиму: если свободное или рабское происхождение человека находится под вопросом, все сомнения должны толковаться в пользу свободы²⁰.

Несмотря на все эти послабления, санкционированное законом рабство — это самое черное пятно на римском праве. Самым недостойным проявлением заложенных в законодательстве тенденций были налоги и ограничения на эмансипацию рабов. Многие хозяева обходили закон Фуфия и Каниния, освобождая рабов без формальной процедуры, подразумевавшей присутствие при этом акте официальных свидетелей; однако подобное освобождение не предоставляло отпущеннику римского гражданства, но только *Latinitas*. Раб, освобожденный в результате судебного разбирательства, становился римским гражданином, ограниченным в правах. Обычай требовал от него наносить ежедневно визит прежнему господину, сопровождать его в случае необходимости, при любой возможности голосовать согласно с его интересами, а в отдельных случаях отдавать ему часть своего заработка. Если вольноотпущенник умирал, не оставив завещания, его имущество автоматически переходило к его здравствующему покровителю; если он составлял завещание, ожидалось, что часть собственности будет отказана им патрону²¹. Только после того, как господин умер, был должным образом оплакан и надежно схоронен под землей, вольноотпущенник мог полной грудью вдохнуть воздух свободы.

К этим общим разделам личного права следует добавить законы, которые в современных кодексах известны под названием уголовного права. Римская юриспруденция признавала преступления против личности, государства и об-

шественных или коммерческих групп, рассматривавшихся в качестве юридических лиц. К государственным преступлениям относилось «оскорбление величия» или измена словом или делом: *vis publica* — «подрывная деятельность», *sacrilegium* — «святотатство», или преступления против официальной религии, *ambitus* — подкуп, *crimen repetundarum* — вымогательство или взяточничество на государственном посту, *peculatus* — растрата государственных денег, наконец, *conruptio iudicis* — подкуп судьи или члена судейской коллегии; на основании этого далеко не полного списка можно заключить, что у коррупции древняя родословная и, возможно, неплохое будущее. К преступлениям против личности относились *iniuria* — оскорбление действием, *falsum* — обман, *stuprum* — непристойность, *caedes* — убийство. Цицерон упоминает направленный против гомосексуализма закон Скантиния (*lex Scantinia*)²²; Август карал это преступление штрафами, Марциал эпиграммами, Домициан смертной казнью. Оскорбление действием не наказывалось более по принципу «око за око», который донесен до нас законами Двенадцати Таблиц, но искупалось денежной пеней. Самоубийство не являлось преступлением; наоборот, до Домициана оно в известном смысле даже вознаграждалось; приговоренный к смерти, как правило, мог посредством самоубийства обеспечить непреложность своего завещания и беспрепятственную передачу своего имущества наследникам. Право предоставляло гражданину свободу последнего выбора.

IV. ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО

Проблемы собственности, имущественных обязательств, обмена, контрактов и долга составляли самую обширную часть римского права. Материальное обладание было средоточием римской цивилизации, а рост богатства и расширение торговли требовали создания куда более разветвленного законодательства, чем скромный кодекс децемвиров.

Право собственности (*dominium*) основывалось на наследовании или приобретении. Поскольку отец являлся собственником в качестве опекуна семейного имущества, его дети и внуки были только потенциальными собственниками — *suī heredes*, согласно несколько режущей слух юридической формуле — «наследниками собственного имущества»²³. Если отец умирал, не оставив завещания, они автоматически становились владельцами семейного достояния, а старший среди сыновей наследовал *dominium*. Составление действительных завещаний было обставлено сотнями юридических тонкостей и требовало тогда (как, впрочем, и сейчас) использования звучной и напыщенной тавтологии. Каждый завещатель был обязан оставить определенную часть своего состояния детям, еще одну часть — жене, которая родила ему троих детей, а в отдельных случаях — братьям, сестрам и ближайшим старшим родственникам. Ни один из наследников не мог вступить в обладание имуществом, не взяв на себя все долги и другие юридические обязательства покойного. Нередко римлянин обнаруживал, что его осчастливили наследством, способным принести одни убытки, — *damnosa hereditas*. Если владелец имущества умирал бездетным и не составив завещания, его состояние и долги автоматически переходили к ближайшему родственнику по мужской линии. В эпоху поздней Империи эта мужская уловка утратила свою силу, и при Юстиниане родственники с мужской или женской стороны обладали равными пра-

вами наследования. Старинный закон, который был принят по настоянию Катона (169 г.), запрещал любому римлянину, владевшему состоянием более ста тысяч сестерциев (15 000 долларов), отказывать какую бы то ни было его часть женщинам. Этот Вокониев закон по-прежнему входил в сборники статутов во времена Гая, однако любовь научилась обходить его требования. Завещатель оставлял правомочному наследнику известную сумму в долг (*fideicommissum*), связав его торжественной клятвой до истечения определенного срока передать это имущество заранее названной женщине. Через этот и множество других каналов немалая часть римского богатства перешла в руки женщин. Дары являлись еще одной лазейкой в сите законов о наследовании; однако дары, сделанные в преддверии смерти, могли быть опротестованы, а во времена Юстиниана они стали подпадать под действие тех же законов, которые причиняли столько неудобств завещателям.

Приобретение могло являться результатом передачи имущества на основании итогов судебного процесса. Передача имущества (*mancipatio*, букв. — «взятие в руки») представляла собой разрешенное законом дарение или куплю в присутствии свидетелей, причем заключающие сделку стороны касались весов медным бруском в знак совершения купли. Если обмен не сопровождался этим древним ритуалом, он не мог рассчитывать на санкцию или защиту закона. Опосредованное или потенциальное обладание имуществом было известно под названием *possessio* — «право владения или пользования имуществом»; так, например, арендаторы государственной земли назывались *possessores* — «сквоттерами», «сидельцами» — но не хозяевами (*domini*), однако *possessio* могло превращаться в *dominium* по праву давности (*usucapio* — «владение на основании использования»), а после двух лет не оспоренного никем обладания уже не подлежало отчуждению. Вероятно, это снисходительное отношение к «использованию» как источнику права собственности обязано своим появлением патрициям, которые таким образом становились владельцами общественной земли²⁴. На основании все того же права *usucapio* женщина, жившая год подряд под одной крышей с мужчиной и не воспользовавшаяся правом «трех ночей», становилась его собственностью (*in manu*).

Обязательством являлось любое юридически оформленное требование совершить определенное действие. Его источником мог являться проступок или контракт. Проступок или правонарушение, или не оговоренный заранее ущерб личности или имуществу человека во многих случаях наказывались обязательством заплатить определенную сумму в качестве компенсации. Контракт представлял собой соглашение, которое приобретало принудительную силу на основании решения суда. Контракт можно было и не фиксировать письменно — вплоть до второго века новой эры устное соглашение, заключенное в присутствии свидетелей и сопровождаемое словом *spondeo* — «обещаю», — считалось более священным, чем любой письменный договор. Множество свидетелей и торжественная церемония, которые были некогда необходимым условием заключения полноценного контракта, стали теперь ненужными; делопроизводство было ускорено благодаря законодательному признанию любого ясно сформулированного соглашения, которое представляло собой, как правило, сделку, зафиксированную в счетных книгах (*tabulae*) договаривающихся сторон. Однако закон стремился надежно охранить сделки от злоупотреблений: он предупреждал продавца грозным призывом *caveat venditor*, а покупателя — *caveat emptor*, дабы напугать им о мириаде спосо-

бов смошенничать, которые так прочно укоренены в жизни цивилизованных обществ. Любой продавец рабов или скота был обязан согласно закону открыто демонстрировать физические недостатки своего товара покупателям и нес за них ответственность, несмотря на все его заверения в том, что он ничего не знал²⁵.

Долг возникал в результате получения займа, ссуды по закладной, залога или кредита. Потребительский займ обычно страховался за счет взятия в залог движимого или недвижимого имущества должника. Неспособность должника расплатиться приводила к тому, что его имущество становилось собственностью кредитора по закладной. В раннереспубликанском праве, как мы уже видели, неплатежеспособность могла привести к тому, что несостоятельный должник становился лицом, зависимым от заимодавца *. Закон Петелия (*lex Poetelia*) (326 г. до н.э.) видоизменил это правило, разрешив должнику отработать взятую займы сумму, сохраняя при этом личную свободу. После Цезаря заложенное имущество несостоятельных должников продавалось с торгов для удовлетворения претензий его кредиторов, однако при этом его личные права не терпели никакого ущерба. Впрочем, случаи закабаления должников отмечались еще во времена Юстиниана. Коммерческая неплатежеспособность наказывалась довольно мягким законом о банкротстве, согласно которому для покрытия долгов продавалось имущество банкрота, который впоследствии мог по собственному усмотрению распоряжаться своими позднейшими приобретениями.

Главными преступлениями против собственности являлись порча, кража и грабёж — кража с применением насилия. Двенадцать Таблиц приговаривали пойманного вора к бичеванию, после чего он должен был стать рабом своей жертвы; если вор оказывался рабом, его пороли и сбрасывали с Тарпейской скалы. По мере роста общественной безопасности преторское право постепенно смягчало эти суровые меры, заменяя их требованием возместить ущерб в двойном, тройном или четырехкратном размере²⁶. В своем окончательном виде имущественное право является самым совершенным достижением римского законодательства.

V. ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Самым склонным к сутяжничеству среди древних народов были, несомненно, римляне, несмотря на то, что их процессуальное право было способно остудить чей угодно пыл своей запутанностью, изощренностью, иногда даже просто надуманностью. Чем старше цивилизация, тем дольше тянутся судебные процессы. В римском суде в роли обвинителя, как это уже отмечалось выше, мог выступить любой гражданин. Во времена патрицианской Республики обвинитель, защитник и судья обязаны были придерживаться установленной формы судопроизводства (*legis actio*), и любое отклонение от нее могло сделать результаты процесса недействительными. «Так, — говорит Гай, — некий муж, привлекая к суду того, кто вырубил его виноградники, и в ходе следствия называвший их «виноградники», проиграл свое дело потому,

* Согласно закону, должник по закладной был «связан» (*nexus*) с залогодержателем; но, видимо, не слишком ясный термин *nexus* прилагался к любому клятвенному обязательству.

что ему следовало говорить о «деревьях», ибо Двенадцать Таблиц говорят о деревьях вообще, не упоминая виноградников»²⁷. Каждая из тяжущихся сторон доверяла магистрату известную сумму денег (*sacramentum*), которая переходила от проигравшей стороны в собственность государственной религии. Ответчик также обязан был внести залог (*vadimonium*) в качестве поручительства за то, что он будет регулярно посещать заседание суда. После этого магистрат передавал дело на рассмотрение тому, кто был внесен в списки правомочных судей. В определенных случаях судья издавал интердикт (*interdictum*), в котором требовал от одной или нескольких сторон, вовлеченных в судебный процесс, воздерживаться от определенных действий или, напротив, действовать согласно его предписаниям. Если ответчик проигрывал дело, его собственность — иногда и он сам — становилась достоянием истца, который, таким образом, добивался исполнения приговора суда.

Около 150 г. до н.э. Эбуцийев закон (*lex Aebutia*) избавил участников процесса от следования ритуализованной *legis actio*, заменив ее процедурой *per formulam*. С этого времени можно было обойтись без употребления оговоренных особо слов и действий; стороны вместе с магистратом сами решали, в какой форме спорный вопрос будет рассматриваться судьей; на основании этой договоренности магистрат составлял инструкцию для судьи (*formula*), в которой затрагивались фактические и юридические стороны доверяемого ему дела; отчасти это был один из способов отправления претором в роли городского магистрата «преторского права». Во втором веке нашей эры получил распространение третий вид судопроизводства — *cognitio extraordinaria*: дело рассматривалось самим магистратом. В конце третьего века «формульная» процедура вышла из употребления и окончательный приговор, выносимый магистратом, подотчетным только императору и обязанным своей должностью обычно ему же, стал одним из признаков наступления эпохи абсолютной монархии.

Тяжущиеся могли самостоятельно отстаивать свои интересы, а претор и судья при желании выносили решение, не прибегая к помощи профессиональных законников. Но поскольку *iudex* не часто являлся юристом-профессионалом, а тяжущиеся то и дело сталкивались с препятствиями, обойти которые они просто не умели, все вовлеченные в тяжбу стороны обычно искали поддержки практикующих юристов (*advocati*), знатоков судебной процедуры (*pragmatici*), советников (*iurisconsulti*), юридических экспертов (*iurisprudentes*). Юриспруденция не испытывала недостатка в талантах, ибо всякий любящий родитель жаждал видеть своего сына адвокатом, а юридическая деятельность, как и сейчас, являлась преддверием общественной службы. Один из персонажей Петрония дарит сыну собрание книг с красными корешками (*codices*), чтобы тот «подучился праву», ибо «право — это деньги»²⁸. Молодой человек, решивший изучать право, начинал с того, что брал элементарные уроки у какого-нибудь частного преподавателя; второй ступенью его обучения становились консультации у выдающихся юристов; после этого можно было говорить о завершении цикла обучения и молодой человек становился практикующим юристом. В начале второго века нашей эры некоторые «юрисконсульты» открыли в разных частях Рима школы (*stationes*), в которых учили молодежь или давали юридические консультации; Аммиан жалуется на то, что они запрашивают слишком высокую цену за свои услуги, и утверждает, что они берут деньги даже за собственные зевки и готовы оправдать матерубийцу,

если клиент в состоянии хорошо заплатить²⁹. Такие преподаватели назывались *iuris civilis professores*; очевидно, титул профессора предоставлялся им потому, что закон требовал от них объявить (*profiteri*) о своем намерении заняться преподавательской деятельностью и обзавестись разрешением на нее, которое предоставлялось государственным чиновником³⁰.

Из множества юристов, прошедших такую школу, некоторые неизбежно попадали в число тех, кто продавал свои знания, становясь на сторону несправедливого дела³¹, получая взятки за то, чтобы не слишком усердствовать при защите клиента³², отыскивая лазейки в законах для оправдания любых преступлений, раздувая ссоры между богачами, затягивая процессы настолько, насколько это им было выгодно³³, сотрясая суды и Форум своими устрашающими вопросами и порочащими противника умозаключениями. Вынужденные конкурировать друг с другом ради приобретения новых клиентов, иные юристы стремились создать себе репутацию всеми доступными способами: они важно шествовали по улицам с кипами документов в руках; их окружала свита зависимых от них граждан, а нанятая кляка аплодировала их речам³⁴. Для того чтобы обойти старинный Цинцийев закон о гонорарах, было открыто такое множество лазеек, что Клавдий легализовал сложившуюся практику, ограничив максимальное вознаграждение юриста за одно дело суммой в 10 000 сестерциев; согласно закону, все деньги сверх этой суммы должны были быть возвращены³⁵. Это ограничение было совсем нетрудно обойти, и мы слышим о некоем жившем при Веспасиане законнике, сколотившем состояние в 300 миллионов сестерциев (30 000 000 долларов)³⁶. Как и во все времена, в Риме хватало судей и адвокатов, чьи вышколенные и проницательные умы стояли на службе справедливости и истины, невзирая на гонорары; существование продажных сутяг искупали своим трудом работавшие в те времена великие юристы, чьи имена — самые славные в истории права.

Суды, в которых рассматривались дела правонарушителей, могли принимать различные формы: слушания проводились единственным судьей или магистратом, а также сенатом, народными собраниями и императором. Вместо того чтобы вынести дело на рассмотрение единственного судьи, магистрат имел право избрать при помощи жребия (итоги жеребьевки могли в известной мере корректироваться согласно пожеланиям истца и ответчика) судебное жюри практически любой численности, но чаще всего состоявшее из пятидесяти одного или семидесяти пяти членов, которых надлежало избрать из списка коллегии судей, содержавшего 850 имен сенаторов и всадников. Деятельность двух особых судов являлась непрерывной: речь идет о суде децемвиров, или «десяти судей», которые разбирали дела о гражданском статусе, и суде центумвиров, или «ста судей», которые разрешали споры, касавшиеся имущества или завещаний. Заседания этих судов были открыты для публики, судя по описанию Плинием Младшим огромной толпы, которая собралась выслушать его речь, обращенную к коллегии центумвиров³⁷. Ювенал³⁸ и Апулей³⁹ жалуются на судебные проволочки и продажность судей, но их негодование свидетельствует о том, что речь шла об исключительных случаях.

Процессы отличались такой свободой речи и действий, какие невозможно представить в современном суде. Каждая из сторон могла призвать на помощь несколько юристов; одни из них специализировались на сборе доказательств, другие на том, чтобы представить эти доказательства суду и публике.

Прения фиксировались письменно различными клерками (*notarii*, *actuarii*, *scribae*), которые зачастую владели приемами стенографии. Марциал говорил об иных писцах: «Сколь бы стремительной речь ни была, их руки еще быстрой»⁴¹. Плутарх рассказывает о том, что стенографы записывали речи Цицерона со слуха, часто его этим огорчая. Опрос свидетелей проводился согласно освященным временем прецедентам. Послушаем образцового Квинтилиана:

При допросе свидетеля прежде всего следует знать, к какому человеческому типу он принадлежит. Ведь робкого свидетеля можно запугать, глупца — перехитрить, гневливца — спровоцировать, тщеславного — одолеть лестью. Ловкого и владеющего собой свидетеля следует сразу же дискредитировать, представив его злобным упрямым; а если его прежняя жизнь безупречна, доверие к нему можно подорвать, выдвинув против него скандальные обвинения⁴².

Адвокат мог прибегнуть к аргументации любого сорта. Он был вправе предъявить суду предполагаемую картину преступления, нарисованную на холсте или дереве; он мог, доказывая одно из своих положений, держать на руках дитя: он мог обнажить перед присутствующими шрамы обвиненного в преступлении солдата или раны своего клиента. Однако и против такого оружия были выработаны приемы защиты. Квинтилиан рассказывает о том, как некий адвокат, слушая речь своего оппонента, пытавшегося подвести итог своим рассуждениям и выведшего показывающего публике детей своего подзащитного, бросил им кости; дети схватились друг с другом за обладание этими тессерами и сорвали заключительное слово⁴³. Для того чтобы извлечь доказательства из рабов обеих сторон, могли применяться пытки, однако показания рабов против своего господина не имели юридической силы. Адриан постановил, что пытка по отношению к рабам для извлечения доказательств может применяться только в крайних случаях и только согласно строгим правилам, а кроме того, он известил судей о том, что свидетельства, вырванные под пыткой, никогда не заслуживают доверия. И тем не менее пытка оставалась средством, которое разрешалось законом, а в третьем веке ее стали применять и по отношению к свободным гражданам⁴⁴. Судьи голосовали, опуская в урну таблички со своим вердиктом; для вынесения приговора достаточно было простого большинства. В подавляющем числе случаев проигравший процесс мог обратиться в суд более высокой инстанции, а в конце концов, если он имел для этого достаточные средства, и к самому императору.

Наказания были установлены законом, и судьям редко приходилось ломать себе голову над тем, как покарать преступника. Они различались в зависимости от общественного положения преступника, причем самые суровые кары ожидали рабов. Раб мог быть распят, в отличие от гражданина, и, как известно любому, кто читал Деяния Апостолов, ни один римский гражданин не мог быть подвергнут телесному наказанию и пытке или казнен без права апелляции к императору. Одно и то же преступление влекло за собой разные наказания для *honestiores* и *humiliores*. Свою роль играли здесь и такие факторы, как: свободнорожденным или вольноотпущенником, платежеспособным или банкротом, солдатом или гражданским лицом являлся данный преступник. Самым умеренным видом наказания был денежный штраф. Поскольку

деньги дешевели быстрее, чем менялись оговоренные в законах пени, постольку иной раз возникали явные несоразности. Двенадцать Таблиц предписывали тому, кто ударил свободного гражданина, уплатить штраф в размере двадцати пяти ассов (изначально равных двадцати пяти фунтам меди); когда выросшие цены довели стоимость асса до шести центов, Луций Вератий прогуливался по улицам, раздавая тумачи налево и направо, а шедший рядом с ним раб тут же выдавал каждой жертве двадцать пять ассов⁴⁵. Некоторые правонарушения влекли за собой *infamia* (букв. «бессловесность»), выражавшуюся в том, что данное лицо теряло право выступать — самостоятельно или через посредника — в суде в качестве одной из тяжущихся сторон. Более неприятным наказанием являлась потеря гражданских прав (*capitis deminutio*), которая могла принимать такие утяжеляющиеся в зависимости от обстоятельств формы, как потеря права наследования, высылка, обращение в рабство. Высылка была самым суровым типом изгнания: осужденного заковывали в цепи, помещали в какое-нибудь негостеприимное место и лишали всего имущества. Более мягкой формой являлось *exilium*, которое позволяло жертве жить по своему желанию в любом месте за пределами Италии. *Relegatio*, как в случае с Овидием, не влекла за собой конфискации, однако требовала от изгнанника проживать в определенном городе, расположенном обыкновенно на значительном удалении от Рима. Заключение в тюрьму редко выступало в роли определяемого судом постоянного наказания, однако людей нередко приговаривали к рабскому труду на общественных работах или в каменоломнях или на государственных рудниках. В эпоху Республики свободный человек имел право по вынесении ему смертного приговора избежать этого наказания, покинув Рим или Италию; в эпоху Империи смертные приговоры стали выносить все чаще и безжалостней. Военнопленных, а в некоторых случаях и других осужденных могли бросить в Туллианскую темницу (*Carcer Tullianum*), где их ждала смерть от голода, крыс или вшей, где они умирали в беспроектной темноте на кучах отбросов⁴⁶. Такая смерть выпадала на долю Югурте и Симону Бен-Гиоре, героическому защитнику Иерусалима от армии Тита. Там, гласит предание, перед тем как принять мученический венец, томилась Петр и Павел, оттуда обращались они с последними письмами к юному христианскому миру.

VI. ПРАВО НАРОДОВ

Самой трудной задачей, стоявшей перед римским правом, была задача приспособиться к роли мудрого господина над разнообразными кодексами и обычаями тех стран, которые были завоеваны римским оружием или дипломатией. Многие из этих государств были древнее Рима; подрастеряв свою воинскую отвагу, их жители наверстывали упущенное тем, что гордились своими традициями и ревниво оберегали от посягательств устоявшийся жизненный уклад. Рим с честью вышел из этой ситуации. Для тех, кто не имел римского гражданства, существовал *praetor peregrinus*, отправлявший поначалу свои обязанности в городе, затем в Италии, наконец его полномочия были распространены и на провинции. Он был наделен властью работать над созданием жизнеспособного союза между римским и местным правом. Ежегодные эдикты этого претора, а также эдикты провинциальных наместников и

эдилов постепенно привели к созданию того «права народов» (*ius gentium*), при помощи которого город мог управлять Империей.

Это «право народов» отнюдь не являлось международным правом, или корпусом соглашений между большинством государств, исходя из которых они регулировали свои взаимоотношения. В известном смысле международное право античности было ненамного менее прочным, чем современное, если мы примем в расчет ряд определенных обычаев, пользовавшихся общим признанием в дни мира или войны. К их числу относились: взаимное уважение неприкосновенности международных купцов и дипломатов, перемирие для погребения павших, отказ от использования отравленных стрел и т.д. Римские юристы, вдохновляемые патриотическими фантазиями, утверждали, что *ius gentium* — это право, общее всем народам. Но они слишком скромно оценивали величину римского вклада в него. На деле «право народов» было не чем иным, как местным правом, приспособленным к суверенитету Рима, и его главной задачей было обеспечить управляемость италийцев и провинциалов без предоставления им римского гражданства и прочих прав, предусмотренных *ius civile*.

Философы, придерживаясь столь же фантастичных воззрений, стремились отождествить «право народов» с «правом природы». Стоики определяли последнее как нравственный кодекс, заложенный в человека «природным разумом». Природа, считали они, представляет собой соразмерную разуму систему, все вещи проникнуты логикой и порядком; этот порядок, спонтанно развивающийся в человеческом обществе и достигающий самосознания в человеке, и есть природное, или естественное, право. Цицерон выразил эти представления в знаменитом пассаже:

Истинный закон — это правильный разум, согласный с природой, обнимающий всю Вселенную, неизменный, вечный... Мы не можем ни противостоять этому закону, ни изменить его, мы не в силах его уничтожить, мы не можем освободиться от обязательств, налагаемых им на нас, никаким законотворчеством, и нам не нужно искать других его толкователей, кроме самих себя. Этот закон один — для Рима и Афин, для настоящего и будущего... он есть и будет непреложен для всех времен и народов... Тот, кто не подчиняется ему, отрицает самого себя и свою природу⁴⁷.

Это — превосходнейшее выражение идеала, который приобрел особенно большое влияние после восшествия на трон Антонинов. Ульпиан развил его и сформулировал далеко идущий принцип, согласно которому классовые различия и привилегии — случайны и искусственны; от него оставался только один шаг до христианской концепции фундаментального равенства всех людей. Но когда Гай определял *ius gentium* как «закон, который установлен природным разумом для всего человечества»⁴⁸, он явно путал римское оружие с Божественным Провидением. Римское право выражало собой логику и структуру, созданную благодаря силе; великие кодексы *iuris civilis* и *iuris gentium* являлись сводами правил, благодаря которым мудрый завоеватель упорядочивал, регулировал и освящал державность, основанную на мощи легионов. Они были естественными только в том смысле, что сильному свойственно по природе эксплуатировать и угнетать слабого.

И тем не менее в этой внушительной конструкции, именуемой римским правом, чувствуется достоинство и благородство. Так как победитель обречен на то, чтобы властвовать, благо — когда законы его господства находят себе ясное выражение; в этом смысле право есть последовательное воплощение власти. То, что римлянам довелось создать величайшую правовую систему в истории, вполне естественно: они любили порядок и располагали средствами для его достижения; хаотическое смещение сотен различных племен и народов они упорядочили посредством пусть и не всегда безупречного, но высокого авторитета и мира. Другие государства и прежде творили свои законы, и такие законодатели, как Хаммурапи и Солон, явились создателями компактных правовых корпусов; но ни одному другому народу еще не удавалось достичь той замечательной скоординированности, унификации и кодификации, над которыми трудились величайшие юридические умы Рима от Сцевола до Юстиниана.

Гибкость «права народов» содействовала передаче римского права средневековым и современным государствам. Это была поистине счастливая случайность, что, пока варварское нашествие уродовало юридическое наследие Запада, в Константинополе были сведены воедино и сформулированы Кодекс, «Дигесты» и «Установления» Юстиниана, который обеспечил относительную безопасность и преемственность истории Восточной Империи. Посредством этих трудов, а также по множеству других, более узких каналов, и в силу устойчивости целесообразных установлений римское право проникло в каноническое право средневековой Церкви, вдохновляло мыслителей Ренессанса и легло в основу законодательств Италии, Испании, Франции, Германии, Венгрии, Богемии, Польши и даже — в пределах Британской империи — Шотландии, Квебека, Цейлона и Южной Африки. Само английское право — единственная правовая система, сопоставимая по масштабам с римской, — переняло свои нормы, касающиеся права справедливости (equity), адмиралтейства, опеки и завещаний, из римского канонического права. Греческая наука и философия, иудео-греческое христианство, греко-римская демократия, римское право — это фундаментальное достояние завещано нам античностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Bury, J.B., *History of the Roman Empire*, 527.

² Юстиниан. *Дигесты*, I, 1, см.: Scott, *The Civil Law*.

³ Гай. *Установления*, I, 8.

⁴ Maine, Sir. H., *Ancient Law*. Это обобщение было поставлено под вопрос, но в существенных чертах выглядит вполне правомерным.

⁵ Юстиниан. *Кодекс*, VII, 16, 1.

⁶ Гай, I, 144.

⁷ Там же, 145, 194.

⁸ Buckland, W.W., *Textbook of Roman Law*, 113.

⁹ Гай, I, 114.

¹⁰ Friedländer, I, 236.

¹¹ Светоний. *Веспасиан*, 3; *Авторы жизнеописаний Августов*. Антонин, 8; *Аврелий*, 29.

¹² Castiglione, 227.

¹³ Гай. *Комментарий*, 66.

- ¹⁴ Там же, с. 64.
- ¹⁵ Гай, I, 56.
- ¹⁶ Davis, *Influence of Wealth*, 211.
- ¹⁷ Тацит, XIV, 41.
- ¹⁸ Ренан. *Марк Аврелий*, 24.
- ¹⁹ Ульпиан. См.: *Дигесты*, L, 17, 32.
- ²⁰ Lesky, I, 295.
- ²¹ Гай, III, 40—41.
- ²² Цицерон. *Письма к родным*. VIII, 12, 14.
- ²³ Гай, II, 157; III, 2.
- ²⁴ Maine, 117.
- ²⁵ Buckland, 64.
- ²⁶ Гай, III, 189; V, 4.
- ²⁷ Там же, IV, 11.
- ²⁸ См.: Friedländer, I, 165.
- ²⁹ Аммиан, XXX, 4.
- ³⁰ Ульпиан. См.: *Дигесты*, L, 13, 1.
- ³¹ Квинтилиан, XII, 1, 25.
- ³² Плиний. *Письма*, V, 14.
- ³³ Марциал, VII, 65.
- ³⁴ Плиний. *Письма*, II, 14.
- ³⁵ Тацит. *Анналы*, XI, 5.
- ³⁶ David, 125.
- ³⁷ Плиний. *Письма*, VI, 33.
- ³⁸ Ювенал, XVI, 42.
- ³⁹ Апулей. *Золотой осел*, 245.
- ⁴⁰ Псалмы, CXVI, 11; Ап. Павел. *К Римлянам*, III, 4.
- ⁴¹ См.: Taylor, H., Cicero, 77.
- ⁴² Квинтилиан, V, 7, 26.
- ⁴³ Там же, VI, 1, 47.
- ⁴⁴ Кодекс Феодосия, IX, 35, см.: Гиббон, II, 120.
- ⁴⁵ Геллий, XX, 1, 13.
- ⁴⁶ Саллюстий. *Заговор Катилины*, 55.
- ⁴⁷ Цицерон. *О государстве*, III, 22; ср.: *Об обязанностях*, I, 23; *О законах*, I, 15.
- ⁴⁸ Гай, I, 1.

Цари-философы

96—180 гг.

I. НЕРВА

ПОСЛЕ УБИЙСТВА Домициана принцип наследования на целое столетие исчез из истории римской монархии. Сенат никогда не признавал наследование императорской власти источником действительного суверенитета; теперь, после 123 лет покорности, сенат восстановил свой авторитет; и как в начальную эпоху римской истории он избрал царя, так и теперь он выдвинул одного из своих членов и нарек его принцепсом и императором. Этот отважный шаг будет совершенно понятен, если мы вспомним, что силы семейства Флавиев были исчерпаны в течение жизни одного-единственного поколения, которое стало свидетелем обновления сената за счет притока в него выходцев из Италии и провинций.

Марку Кокцею Нерве было шестьдесят шесть, когда он с удивлением узнал о том, что ему досталась верховная власть. Колоссальная статуя Нервы из Ватикана являет нам привлекательное и мужественное лицо; трудно представить, что это — изображение респектабельного юриста, которого мучил больной желудок, негромкого и добродушного поэта, которого некогда величали «Тибуллом нашего времени»¹. Вероятно, сенат избрал Нерву прежде всего из-за его безвредных сединок. Он советовался с сенатом по всем вопросам внешней и внутренней политики и сдержал свое обещание никогда не послужить причиной смерти ни одного из сенаторов. Он вернул из ссылки домициановых изгнанников, вернул им отнятую собственность, утишил их жажду мщения. Он распределил между бедняками земли стоимостью 60 миллионов сестерциев и установил *alimenta* — государственный фонд, чьей главной функцией было поощрение и материальная поддержка роста рождаемости среди крестьянства. Он отменил многие налоги, понизил сборы с завещаний и освободил евреев от подати, которую возложил на них Веспасиан. В то же время он поправил состояние государственных финансов, экономя на содержании императорской челяди и правительственного аппарата. Не без оснований он полагал, что был справедлив по отношению ко всем классам, и говорил, что «не совершил ничего такого, что помешало бы ему сложить с себя императорский венец и безопасно вернуться к жизни частного лица»². Но через год после его прихода к власти преторианская гвардия, которая способствовала его избранию и была раздражена его экономностью, осадила императорский дворец, потребовала выдачи убийц Домициана и убила нескольких советников Нервы. Он подставил шею под мечи солдат, но его пощадили. Униженный, он хотел было отречься от трона, но друзья настояли на том, чтобы вместо этого он вспомнил о поступке Августа и усыновил в качестве своего преемника мужа, чья кандидатура не вызовет возражений сената и который

сможет править не только Империей, но и преторианцами. Рим в неоплатном долгу перед Нервой, ибо он назначил своим наследником Марка Ульпия Траяна. Три месяца спустя после шестнадцати месяцев правления он скончался (98 г.).

Принцип усыновления, к которому вернулись теперь волей случая, требовал от каждого императора, чувствовавшего упадок жизненных сил, назвать своим соправителем самого способного и подходящего мужа из тех, кого он знал, чтобы благодаря этому смерть императора не привела ни к абсурду возведения на престол ставленника преторианцев, ни к опасности появления на троне законного, но бездарного наследника, ни к гражданской войне между претендентами на роль принцепса. По счастливому случаю у Траяна, Адриана и Антонина Пия не было сыновей, и каждый из них мог следовать этой модели без того, чтобы пренебречь своим отпрыском и переступить через отеческие чувства. Когда этот принцип соблюдался, Рим мог наслаждаться «блестящей чередой лучших и величайших суверенов, которых когда-либо знал мир»³.

II. ТРАЯН

Траян узнал о своем приходе к власти, находясь во главе римской армии, размещенной в Кельне. Его прекрасно характеризует тот факт, что он продолжал работать над укреплением рубежей и отложил приезд в Рим почти на два года. Он родился в Испании в семье давно обосновавшихся там выходцев из Италии; в его лице и в лице Адриана римская Испания добивается политической гегемонии, как прежде вождями римской литературы стали испанцы Сенека, Лукан и Марциал. Он был первым из длинного ряда полководцев, чье провинциальное происхождение и воспитание, казалось, наделило их волей к жизни, давно покинувшей чистокровных римлян. То, что Рим не выразил протеста по поводу возведения на трон провинциала, было само по себе знаменательнейшим событием в римской истории.

Траян никогда не переставал быть полководцем. Его повадки были военными, его облик выдавал в нем командира; черты лица его были невыразительны, но дышали силой. Высокий и крепкий, он привык к пешим маршам во главе своих войск и к переправам в полном снаряжении через сотни рек, встречавшихся на пути. Его отвага была проявлением стоического безразличия к выбору между жизнью и смертью. Услышав, что Лициний Сура злоумышляет против него, он отправился обедать к Суре домой, ел, не задумываясь, все, что ему там подавали, и попросил бравобрея Суры его побрить⁴. С формальной точки зрения он, конечно же, философом не был. Он часто брал в свою повозку Диона Хризостома, «златоустого» ритор, чтобы беседовать с ним о философии, но признавался, что часто не понимает ни слова из того, что ему говорит Дион⁵, — и это не красит философию. Его ум был ясен и прям; за свою жизнь он не сказал, пожалуй, ни одной глупости. Он был тщеславен, как и все люди, но совершенно неприязнителен; он не извлек никаких выгод из собственного положения, присоединялся к друзьям за столом и на охоте, пил с ними от души и время от времени позволял себе связь с юношей, словно бы проявляя снисхождение к нравам своего времени. Рим

находил его достойным похвалы за то, что он никогда не огорчал свою жену Плотину связью с другой женщиной.

Когда на сорок втором году жизни Траян появился в Риме, он находился в расцвете сил. Его скромность, добросердечие и умеренность скоро сделали Траяна любимцем народа, так поздно познавшего тиранию. Плиний Младший был избран сенатом произнести «панегирик», или приветственное слово императору. Примерно в то же время Дион Хризостом произнес перед императором рассуждение на тему об обязанностях монарха, проникнутое идеями стоической философии. И Плиний, и Дион проводили различие между *dominatio* и *principatus*: принцепс обязан быть не господином, но первым слугой государства, исполнителем воли народа, избранным народными представителями — сенаторами. *Imperaturus omnibus elegi debet ex omnibus*, сказал Плиний: «Тот, что будет править всеми, должен избираться всеми»⁶. Полководец вежливо его выслушал.

Такие светлые начала не редкость в истории; Рим был поражен в первую очередь тем, что Траян полностью оправдал возлагавшиеся на него надежды. Он подарил своим помощникам и товарищам виллы, которыми его предшественники пользовались несколько раз в году. «Он ничего не считал своим,— говорил Плиний,— кроме того, чем могли располагать его друзья»⁷. Сам он жил так же скромно, как и Веспасиан. Он спрашивал мнения сената, когда заходила речь о текущих делах, и обнаружил, что мог сосредоточить в своих руках практически абсолютную власть, отказавшись от высокомерного тона абсолютного монарха. Сенат желал предоставить ему полную свободу действий при том условии, что Траян будет соблюдать установившиеся формы, в которых проявлялось уважение перед достоинством и престижем этого древнего собрания; как и весь остальной Рим, сенат слишком любил безопасность, чтобы быть способным к свободе. Возможно также, что он был рад найти в Траяне консерватора, не склонного искать благосклонности бедных за счет ограбления богатых.

Траян был способным и неутомимым администратором, превосходным финансистом, справедливым судьей. Дигесты Юстиниана приписывают ему принцип: «Лучше оставить безнаказанным преступника, чем осудить невиновного»⁸. Благодаря внимательному надзору за расходами (и нескольким прибыльным завоеваниям) он располагал средствами завершить обширные общественные работы, не обременяя население новыми налогами; напротив, он снизил налоги и публиковал государственный бюджет, чтобы сделать правительственные доходы и расходы открытыми для изучения и критики. Он требовал от сенаторов, которые пользовались его дружбой, такой же дотошности при несении административных обязанностей, какую проявлял сам. Патриции принялись заниматься бюрократической работой и теперь совмещали развлечения с трудом; сохранившаяся переписка между ними и Траяном позволяет увидеть, сколь усердно они трудились под его зорким и вдохновляющим руководством. Многие из городов Востока настолько дурно распоряжались своими финансами, что были поставлены на грань банкротства, и Траян направил *sigatores*, среди которых находился и Плиний Младший, для того, чтобы помочь им и взять их под контроль. Эта мера уменьшила муниципальную независимость и ослабила муниципальные институты, однако была совершенно неизбежна; самоуправление своим расточительством и некомпетентностью подписало себе приговор.

Вскормленный войной, император был искренним империалистом, который порядок ставил выше свободы, а могущество — выше мира. Не прошло и года после его въезда в Рим, как он отправился на покорение Дакии. Приблизительно соответствовавшая Румынии в границах 1940 года Дакия, словно кулак, врезалась в сердце Германии, а потому имела огромное военное значение в борьбе между германцами и Италией, которую предвидел Траян. Ее аннексия позволила бы Риму взять под свой контроль дорогу, которая тянулась от Савы к Дунаю, а оттуда в Византию — бесценный сухопутный маршрут на Восток. Кроме того, в Дакии имелись золотые копи. В превосходно спланированной и стремительно осуществленной кампании Траян во главе армии преодолел все препятствия, подавил сопротивление даков на пути к их столице Сармизегетузе и вынудил ее капитулировать. Неизвестный римский скульптор оставил нам впечатляющий портрет царя даков Децебала, чье лицо исполнено благородства, решимости и силы. Траян восстановил его на троне в качестве зависимого царя и вернулся в Рим (102 г.), но Децебал вскоре нарушил соглашение и вернул себе независимость. Траян вновь возглавил поход против Дакии (105 г.), возвел мост через Дунай, который был одним из инженерных чудес своего времени, и вновь осадил дакийскую столицу. Децебал был убит, для удержания Сармизегетузы был оставлен сильный гарнизон, и Траян вернулся в Рим, чтобы отпраздновать там свою победу, выводя на арену в течение ста двадцати трех дней, отведенных для публичных игр, 10 000 гладиаторов, бывших, по-видимому, военнопленными. Дакия стала римской провинцией, приняла римских колонистов, выдала за них замуж своих дочерей и заговорила на испорченной латыни, которой было суждено стать румынским языком. Золотые рудники Трансильвании отныне контролировались императорским прокуратором и за короткое время с лихвой вернули то, что было затрачено на войну. В награду за труды Траян вывез из Дакии миллион фунтов серебра и полмиллиона фунтов золота — последняя значительная добыча, которую завоевали легионы для праздного Рима.

Из этих трофеев император выделил по 650 денариев (260 долларов) всем тем гражданам, которые могли претендовать на материальную помощь, — таких, вероятно, было около трехсот тысяч; того, что осталось, хватило на то, чтобы побороть безработицу, вызванную демобилизацией, посредством программы общественных работ, правительственной помощи и архитектурного обустройства, самой грандиозной из всех, что видела Италия со времен Августа. Траян усовершенствовал старинные акведуки и построил новый, который действует и поныне. В Остии он соорудил просторную гавань, связанную каналами с Тибром и гаванью Клавдия, и украсил ее пакгаузами, которые были образцом не только красоты, но и функциональности. Его инженеры ремонтировали старые дороги, протянули новую через Понтийские болота и проложили Дорогу Траяна (Via Traiana) между Брундизиумом и Беневентом. Они вновь задействовали Клавдиев туннель, при помощи которого некогда было осушено Фуцинское озеро, углубили дно гаваней в Центумцеллах и Анконе, построили акведук в Равенне и амфитеатр в Вероне. Траян предоставлял средства для сооружения новых дорог, мостов и зданий по всей Империи. Однако он прекратил архитектурную конкуренцию городов, потребовав от них тратить излишки своих средств на улучшение условий жизни бедняков. Он всегда был готов помочь любому городу, пострадавшему от землетрясения, пожара или бури. Он стремился способствовать развитию

сельского хозяйства Италии, требуя от сенаторов вкладывать не менее трети своего капитала в италийскую землю; а когда увидел, что это ведет к расширению латифундий, стал поощрять мелких земельных собственников, предлагая им государственные средства под небольшие проценты, которые можно было бы использовать для покупки и улучшения качества земель и жилья⁹. Чтобы повысить рождаемость, он увеличил *alimenta*, или пособие на питание: государство осуществляло займы под залог имущества для италийских крестьян, запрашивая с них всего пять процентов (половина обычной ставки), а местные благотворительные органы распределяли полученные средства среди бедных семей из расчета шестнадцать сестерциев в месяц на каждого мальчика (1 доллар 60 центов) и двенадцать — на каждую девочку. Эти суммы кажутся небольшими, однако мы располагаем сегодня неопровержимыми данными о том, что в первом веке нашей эры для того, чтобы прокормить на италийской ферме ребенка, вполне хватало суммы от шестнадцати до двадцати сестерциев в месяц¹⁰. Из тех же соображений Траян разрешил римским детям получать государственное хлебное пособие вдобавок к тому, что получали их родители. Система алиментов была расширена при Адриане и Антонинах, распространена в нескольких областях Империи и дополнялась частной филантропией. Так, Плиний Младший выплачивал 30 000 сестерциев в год как алименты для детей Комо, а Целия Макрина отказала миллион сестерциев на алименты детям испанской Таррачины.

Траян, как и Август, относился к Италии с большим почтением, чем к провинциям, а к Риму — с большим, чем к Италии. Он полностью задействовал архитектурный гений Аполлодора, грека из Дамаска, который спроектировал новые дороги и акведуки и построил мост через Дунай. Император поручил ему теперь снести большую группу домов, срыть на сто тридцать метров основание Квиринальского холма, устроить на этой и прилегающей площадях новый форум, равный по площади всем остальным вместе взятым, и окружить его зданиями, великолепие которых позволит им занять достойное место в мировой столице, находящейся на вершине своего могущества и богатства. Попасть на Форум Траяна можно было через Триумфальную арку Траяна. Его интерьер, со сторонами 370 и 354 фута, был выложен полированным камнем и окружен высокой стеной и портиком. В восточную и западную стены врезались полукруглые экседры, опоясанные дорическими колоннами. В центре возвышалась Ульпиева базилика, носившая родовое имя Траяна и предназначенная служить пристанищем для коммерсантов и финансистов; ее наружная часть была украшена пятьюдесятью монолитными колоннами, пол был сделан из мрамора, ее огромный неф окружали гранитные колоннады, крыша, державшаяся на мощных балках, была покрыта бронзой. Рядом с северной оконечностью нового форума были построены две библиотеки, в одной из которых хранились произведения на латыни, в другой — на греческом. Между ними возвышалась колонна, позади них — храм, посвященные Траяну. Когда строительство форума было завершено, он был причислен к архитектурным чудесам света.

Колонна, которая стоит и поныне, являла собой прежде всего иллюстрацию достижений транспорта. Она состояла из восемнадцати кубов мрамора, каждый из которых весил около пятидесяти тонн; блоки были доставлены на корабле с острова Пароса, перегружены в Остии на баржи, подняты вверх по реке, втащены при помощи роликов на берег и доставлены по улицам города

на место назначения. Кубы разделили на тридцать два блока. Восемь из них образовали пьедестал, три стороны которого были украшены скульптурами, а четвертая открывала доступ к винтовой лестнице из ста восьмидесяти пяти мраморных ступеней. Стержень колонны, диаметр которого у основания составлял двенадцать футов, а высота равнялась девятистам семи футам, был сложен из двадцати одного блока и увенчивался статуей Траяна, держащего в руках глобус. Перед тем как занять отведенные им места, блоки были украшены рельефами, на которых изображалась дакийская кампания. Эти рельефы являют собой вершину Флавиева реализма и древней исторической скульптуры. Они не стремятся к воссозданию умиротворенной красоты или идеализированных типов греческой скульптуры; скорее их задача — запечатлеть неприкрашенную картину войны, в суматохе которой сражаются и погибают живые индивидуумы, а не статуи; это — Бальзак и Золя после Корнеля и Расина. Две тысячи фигур на ста двадцати четырех спиральных панелях позволяют нам шаг за шагом проследить завоевание Дакии: римские когорты, выступающие в полном вооружении из своих лагерей; переправа через Дунай по понтонному мосту; разбивка римского лагеря на земле противника; беспорядочная схватка, в которой сражаются копьями, стрелами, серпами и камнями; деревушка даков, преданная огню, а в ней женщины и дети, молящие Траяна о пощаде; женщины даков, пытающие римских пленных; воины, показывающие императору головы убитых врагов; хирурги, оперирующие раненых; вожди даков, один за другим пригубляющие отравленное вино; голова Децебала, доставленная в качестве трофея Траяну; длинная вереница плененных мужчин, женщин и детей, вырванных из родных домов, чтобы жить на чужбине, и обреченных рабствовать в Риме, — об этом и еще о многом другом повествует мрачная колонна самого выдающегося нарративного рельефа в истории. Эти художники и их заказчики не были шовинистами; они показывают нам акты милосердия, проявляемого Траяном, а также раскрывают нам героические стороны борьбы народа за свою свободу; и самая прекрасная из всех запечатленных фигур — фигура дакийского царя. Это — весьма необычный документ, слишком насыщенный деталями, которые не способны воздействовать на зрителя в полной мере; некоторые из фигур настолько грубы, что задаешься вопросом, уж не дакийский ли воин вырезал их из камня; вместо перспективы мы имеем здесь дело с примитивным наложением фигур друг на друга, а большая часть рельефа, как и в случае с фризом Фидия, доступна взору только жаворонков да других пернатых. И тем не менее это весьма любопытный отход от классического стиля, чья умиротворенность никогда не могла передать бьющую через край энергию римского характера. Принятый здесь «метод непрерывности», сплавливающий каждую сцену с последующей, движется в русле тенденций, намеченных уже на арке Тита, и является предвосхищением средневековой рельефной техники. Несмотря на ее недостатки, спиральная композиция станет предметом подражания и будет повторена на колоннах Аврелия в Риме и Аркадия в Константинополе, а также на Наполеоновом столпе, что на Вандомской площади в Париже.

Завершение строительной программы Траяна было ознаменовано возведением грандиозных терм, начатых еще Домицианом. Протекшие тем временем шесть мирных лет утомили его; административная деятельность не позволяла ему реализовать ту избыточную энергию, которая приносила ему успех на поле брани. Почему бы не вернуться к планам Цезаря и не довести

до конца потерпевшее крах начинание Антония — покончить с парфянским вопросом раз и навсегда, установить на Востоке Империи менее уязвимую с точки зрения стратегии границу, захватить контроль над торговыми маршрутами, которые через Армению и Парфию ведут в Центральную Азию, к Персидскому заливу и Индии?

После тщательных приготовлений он вновь вывел свои легионы в поход (113 г.); через год он захватил Армению; еще через год прошел по Месопотамии, взял Ктесифон и вышел к побережью Индийского океана — он был первым и последним римским военачальником, стоявшим на этом берегу. Население Рима изучало географию, следя за его победами; сенат был доволен, получая чуть ли не каждую неделю известия о том, что покорилось или поспешно капитулировало еще одно государство: Боспор, Колхида, Азиатская Иберия, Азиатская Албания, Осроена, Мессения, Мидия, Ассирия, Аравия Петра, наконец, даже Парфия. Парфия, Армения, Ассирия и Месопотамия были превращены в провинции, и новый Александр увенчал себя славой, назначив и возведя на трон старинных врагов Рима зависимого царя. Будучи на берегу Красного моря, Траян с грустью заметил, что он слишком стар и уже не в силах повторить поход Македонца к Инду. Он довольствовался тем, что построил на Красном море флот для контроля над морскими трассами и торговли с Индией. Во всех стратегически важных пунктах были оставлены гарнизоны, и во власти внутренних сомнений император двинулся в возвратный путь к Риму.

Как и Антоний, он шел слишком быстро, продвинулся слишком далеко и пренебрег задачей закрепить результаты побед и обезопасить тылы. Достигнув Антиохии, он был извещен о том, что парфянский царь Хосрой, низложенный им, собрал новую армию и вернул себе Центральную Месопотамию, что взбунтовались все новые провинции, что иудеи Месопотамии, Египта и Кирены восстали, что в Ливии, Мавритании и Британии закипало недовольство. Старый воитель хотел было снова вступить в бой, но тело ему отказало. Его организм износился на Востоке, где он действовал столь же активно, как на Западе; его поразила водянка, а апоплексический удар сделал беспомощной волю, парализовав тело. С болью в сердце он поручил Луцию Квиету подавить восстание в Месопотамии, отправил Марция Турбона пресечь мятеж иудеев в Африке и назначил командующим главной римской армии, размещенной в Сирии, своего племянника Адриана. Его доставили на побережье Киликии, откуда он намеревался отплыть в Рим, где сенат готовился почтить его величайшим со времен Августа триумфом. Он умер по дороге — в Селинунте (117 г.) — в возрасте шестидесяти четырех лет после девятнадцатилетнего правления. Его прах был перевезен в столицу и погребен под грандиозной колонной, которая по его завещанию стала ему гробницей.

III. АДРИАН

1. Правитель

Возможно, нам так никогда и не удастся ответить на вопрос, пришел ли к власти самый замечательный из римских императоров благодаря любовной интриге, или Траян действительно был убежден в том, что выбрал себе до-

стойного преемника. «Его назначение, — говорит Дион Кассий, — состоялось потому, что Траян умер, не оставив наследника, а его жена Плотина, бывшая любовницей Адриана, помогла тому утвердиться на троне»¹². Той же версии придерживается и Спартиан¹³. Плотина и Адриан опровергали эти слухи, которые тем не менее не утихали до самого конца его царствования. Он уладил это дело, распределив между войсками щедрые подарки.

Публий Элий Адриан своим когноменом был обязан городку Адрии, на побережье Адриатики, откуда происходила его семья; из Адрии, гласит его автобиография, предки императора переселились в Испанию. В том же испанском городе, в котором появился на свет Траян (52 г.), — в Италике — родился и племянник Траяна Адриан (76 г.). После смерти отца мальчик был доверен опеке Траяна и Целия Аттiana (86 г.). Последний воспитал его и привил ему такую любовь к греческой литературе, что мальчик удостоился прозвища Грекул (Graeculus). Он обучался также пению, музыке, медицине, математике, живописи и скульптуре, а позднее познакомился на досуге с полудюжиной других искусств. Траян вызвал его в Рим (91 г.) и женил на своей племяннице (100 г.). Вивия Сабина, чей образ донесли до нас скульптурные портреты, которые, впрочем, могли идеализировать ее внешность, была женщиной выдающейся красоты и превосходно сознавала это; длительного счастья Адриан с ней не нашел. Возможно, он любил собак и лошадей слишком сильно и проводил чересчур много времени на охоте, строя после смерти своих любимцев гробницы для них. Не исключено, что он был ей неверен или так по крайней мере казалось. Как бы то ни было, она не родила ему ребенка, и хотя она сопровождала его во многих поездках, их жизнь прошла в отчуждении. Он оказывал ей всевозможные знаки внимания и уважения, был с нею добр и мягок, но... не мог дать ей любви. Когда Светоний, один из его секретарей, посмел говорить о ней без должного уважения, Адриан отправил его в отставку.

Первым самостоятельным шагом Адриана в роли императора стал пересмотр империалистической политики дяди. Он отговаривал Траяна от Парфянского похода, считая его слишком безрассудной тратой сил и средств после недавней войны с даками, к тому же возможные приобретения было нелегко удержать; военачальники Траяна, ревностно алкавшие славы, не простили ему этого. Теперь он вывел легионы из Армении, Ассирии, Месопотамии и Парфии, преобразовал Армению из провинции в зависимое от Рима царство и согласился с тем, что восточная граница Империи будет проходить по Евфрату; после Цезаря — Траяна он выступил в роли Августа и мирными средствами упрочил насколько мог беспримерное по масштабам царство, завоеванное отвагой и оружием. Полководцы, стоявшие во главе траяновских армий — Пальма, Цельс, Квиет, Нигрин, — считали его политику трусливой и недалеконвидной; они понимали, что отказ от наступательных действий равносильно переходу к обороне, а переход к обороне означал начало конца. Пока Адриан оставался со своими легионами на Дунае, сенат объявил, что четыре вышеупомянутых полководца уличены в заговоре с целью совершить государственный переворот и казнены по приказанию сената. Рим был шокирован тем, что людям было отказано в суде; и хотя Адриан, спешно вернувшись в Рим, утверждал, что случившееся произошло без его ведома, никто ему не поверил. Он дал обет, что смертный приговор сенатору будет выноситься отныне исключительно по настоянию сената, раздал подарки народу, порадо-

вал его роскошными играми, аннулировал податные недоимки на общую сумму 900 000 000 сестерциев, публично сжег записи об уплате налогов, устроив фискальное аутодафе, и двадцать лет мудро, справедливо и мирно правил державой. Но его непопулярность оставалась абсолютной.

Античный биограф описывает его как высокого и изящного, с завитыми волосами и «густой бородой, скрывавшей пятна на его лице»¹⁴; с этого времени все римляне носили бороды. Он обладал крепким телосложением и держал себя в форме при помощи постоянных упражнений, в первую очередь охоты; несколько раз он своими руками убивал львов¹⁵. В его личности было столько разнородных качеств, что любое описание неизбежно окажется путанным. Мы слышим о том, что он бывал «суровым и веселым, забавным и серьезным, чувственным и осторожным, жестким и добродушным, жестоким и милосердным, обманчиво простым, всегда и во всем разным»¹⁶. Его ум был быстр, беспристрастен, скептичен и проницателен, однако он с уважением относился к традиции — ткани, связующей поколения. Он читал и восхищался stoиком Эпиктетом, посмеивался над оракулами, заигрывал с магией и астрологией, поощрял государственную веру и прилежно исполнял обязанности верховного понтифика. Он бывал учтив и непреклонен, иногда кровожаден, обычно добр; возможно, эти противоречия вытекали из необходимости приспособляться к обстоятельствам. Он навещал больных, помогал несчастным, увеличил вспомоществование для вдов и сирот и был щедрым покровителем художников, писателей и философов. Он хорошо пел, танцевал, играл на арфе, был хорошим живописцем, посредственным скульптором. Он написал несколько больших книг — грамматику, автобиографию, пристойные и непристойные стихотворения¹⁷ — на латыни и греческом. Греческую литературу он предпочитал латинской и простую латынь старика Катона ценил выше, чем гладкое красноречие Цицерона; под его влиянием многие авторы страстно полюбили теперь архаический стиль. Он поставил во главе основанного им университета профессоров, чей труд оплачивался государством, и построил для них величественный Атеней — соперника Александрийскому Музею. Ему нравилось собирать вокруг себя ученых и мыслителей, озадачивать их вопросами и смеяться над их спорами и противоречиями. Мудрейшим из представителей этого философского придворного круга был Фаворин из Галлии; когда друзья подтрунивали над ним за то, что в споре он уступил Адриану, он ответил, что человек, за спиной которого стоят тридцать легионов, просто обязан всегда оказываться правым¹⁸.

Наряду с этими многообразными интеллектуальными интересами Адриану был свойствен безошибочный практицизм. Следуя примеру Домициана, Адриан доверял своим вольноотпущенникам только второстепенные функции, избирал для деятельности в правительстве всадников с безупречной репутацией и проверенными способностями и сформировал из них и сенаторов *consilium*, который собирался на регулярные заседания, посвященные рассмотрению политических дел. Для того чтобы пресечь коррупцию или обман при уплате налогов, он ввел должность поверенного в делах казначейства, или *advocatus fisci*. Результаты не замедлили сказаться: при том, что налоги остались на прежнем уровне, доходы весьма возросли. Он лично следил за деятельностью каждого правительственного подразделения и, как и Наполеон, поражал их руководителей детальным знанием обстановки во вверенной им области. «Его память была выдающейся», — пишет Спартиан, — он писал, дикто-

вал, слушал и беседовал с друзьями в одно и то же время»¹⁹. Впрочем, распространенность данного мотива вызывает сомнения в достоверности рассказа. Под опекой Адриана и благодаря расширению поддержки со стороны гражданских органов Империя в эту эпоху управлялась, вероятно, лучше, чем когда бы то ни было до или после. Ценой, которую приходилось платить за это административное рвение, были разбухание бюрократического аппарата и «мания к регулированию», которая все более приближала принципат к абсолютной монархии. Адриан соблюдал все установленные формы сотрудничества с сенатом; тем не менее его ставленники и их распоряжения все глубже вторгались в сферы, бывшие некогда прерогативой этого «собрания царей». Он был слишком увлечен решением стоявших перед ним проблем, чтобы предвидеть, что его эффективная, но все шире распространяющаяся бюрократия станет со временем непосильным бременем для налогоплательщиков. Напротив, он верил в то, что в рамках правового устройства, разработанного его правительством, каждый житель Империи сможет проложить себе дорогу благодаря собственному таланту и способный человек сможет без помех переходить из класса в класс.

Его ясный и логически мыслящий ум с раздражением взирал на хаос скопившихся темных и противоречивых законов. Он поручил Юлиану свести воедино постановления прежних преторов в Вечном Эдикте и содействовал дальнейшей кодификации права, прокладывая путь, по которому Юстиниан пройдет до конца. Он действовал в качестве верховного судьи как в Риме, так и в путешествиях и заслужил репутацию честного и ученого судьи, который был мягок настолько, насколько это допускал закон. Он издавал бесчисленные декреты, обычно защищавшие слабого от сильного, раба от господина, мелкого фермера от латифундиста, арендатора от помещика, потребителя от мошенничества торговцев и умножения числа посредников²⁰. Он отказался принимать к рассмотрению дела об оскорблении величия, отрекался от наследств, завещанных ему теми, у кого были дети и кого он не знал, приказал проявлять умеренность и терпимость при применении законов против христиан²¹. Личным примером он поощрял развитие на государственных землях практики эмфитевсиса («вращения»), по которой землевладельцы сдавали необработанные участки земли в аренду для насаждения там фруктовых садов и отказывались брать с них ренту до тех пор, пока на деревьях не появятся первые плоды. Он не был радикальным реформатором; он был только выдающимся администратором, который стремился к величайшему благу целого, насколько ему позволяли ограниченность и неравенство человеческой природы. Он сохранял старые формы, но постепенно наполнил их новым содержанием, соответствовавшим нуждам времени. Однажды, когда его страсть к администрированию порядком выдохлась, он отказался выслушать обратившуюся к нему с прошением женщину, сославшись на нехватку времени. «Тогда не будь императором», — воскликнула она. Он дал ей аудиенцию²².

2. Путешественник

В отличие от своих предшественников Адриан интересовался не только столицей, но и Империей в целом. Следуя здоровому прецеденту, созданному Августом, он решил посетить каждую провинцию, изучить ситуацию в ней и

ее нужды и облегчить ее положение настолько быстро и эффективно, насколько это в силах императора. К тому же он был любознателен; его интересовали обычаи и искусства, одежда и верования различных народов Римской державы; он желал увидеть знаменитые места греческой истории, погрузиться в ту эллинистическую культуру, которая была основой и украшением его духа. «Он любил,— говорит Фронтон,— не только править миром, но и объезжать его»²³. В 121 году он выехал из Рима, сопровождаемый не парадной царской свитой, а обществом экспертов, архитекторов, строителей, инженеров и художников. Сначала он заехал в Галлию и «пришел на помощь всем общинам, оказав им разнообразные благодеяния»²⁴. Он приехал в Германию и удивил каждого той дотошностью, с какой провел инспекцию оборонительных линий, защищавших Империю от ее будущих могильщиков. Он перестроил, расширил и усовершенствовал *limes* между Рейном и Дунаем. Человек миролюбивый, он разбирался в военном искусстве и был полон решимости не допустить, чтобы его мирный характер ослабил армии или ввел в заблуждение врагов. Он издал жесткие приказы относительно поддержания воинской дисциплины и подчинялся им сам, посещая лагеря. Там он жил солдатской жизнью, питался тем же, чем и воины, никогда не пользовался повозкой, проходя на марше в полном военном снаряжении по двадцать миль, и обнаруживал такую выносливость, что едва ли кому-нибудь могло прийти в голову, что в нем бьется сердце ученого и философа. В то же время он щедро награждал за воинскую доблесть, повысил юридический и экономический статус легионеров, вооружил их более совершенным оружием, обеспечил обильными припасами и позволил им в свободные часы не слишком заботиться о наиболее строгих предписаниях дисциплины при условии, что их развлечения не скажутся на боевой готовности. Никогда римская армия не находилась в лучших условиях, чем в годы его правления.

Отсюда он движется вниз по течению Рейна к его устью и переправляется в Британию (122 г.). Нам почти ничего не известно о его деятельности на острове, за исключением того, что он приказал построить стену между заливом Солуэй-Ферт и устьем реки Тайн, «чтобы отрезать варваров от римлян». Вернувшись в Галлию, он не спеша миновал Авиньон, Ним, другие города провинции и остановился на зиму в Тарраконе (Северная Испания). Прохаживаясь по саду своего гостеприимца, он был атакован рабом, который бросился на него с обнаженным мечом и попытался зарубить. Адриан одолел его и спокойно передал в руки слугам, которые обнаружили, что тот безумен.

Весной 123 года он выступил во главе легионов против мавров Северо-Западной Африки, которые совершали набеги на римские города Мавритании. Разгромив их и оттеснив к холмам, с которых они спустились, он отплыл в Эфес. Перезимовав там, он посетил города Малой Азии, выслушивая прошения и жалобы, карая должностные преступления, вознаграждая компетентность и обеспечивая деньгами, проектами и рабочей силой строительство муниципальных храмов, бань и театров. Кизик, Никея и Никомедия пострадали от жестокого землетрясения; Адриан ликвидировал урон за счет императорской казны и построил в Кизике храм, который немедленно был причислен к семи чудесам света²⁵. Вдоль Черноморского побережья он двинулся на восток — к Трапезунду, приказал губернатору Каппадокии — историку Арриану — изучить положение всех портов на Черном море и доложить ему, отклонился на юго-запад к Пафлагонии и провел зиму в Пергаме. Осенью сто

двадцать пятого года он отплыл на Родос, а оттуда — в Афины. Там он провел счастливую зиму и наконец возвратился домой. Все еще любознательный в свои пятьдесят, он остановился на Сицилии и поднялся на Этну, чтобы видеть солнечный восход с вершины, возвышающейся на 11 000 футов над уровнем моря.

Следует отметить, что он имел возможность оставить столицу на пять лет и доверить управление государственными делами своим подчиненным; словно хороший менеджер, он организовал и вымуштровал почти автоматически действующее правительство. Он оставался в Риме немногим более года. Страсть к путешествиям была у него в крови, и сколько еще оставалось перестроить! В 128 году он вновь выехал из Рима, на этот раз в Утику, Карфаген и цветущие новые города Северной Африки. Вернувшись осенью в Рим, он вскоре покинул город вновь и провел еще одну зиму в Афинах (128—129 г.). Он был избран архонтом, успешно председательствовал на играх и празднествах и принимал титулы Освободителя, Гелиоса, Зевса и Спасителя Мира. Он общался с философами и художниками, подражая развлечениям, но не сумасбродствам Нерона и Антония. Разочарованный хаосом афинских законов, он поручил коллегии юристов провести их кодификацию. Относясь к религии с интересом скептика, он принял посвящение в Элевсинские таинства. Найдя, что Афины страдают от массовой безработицы, и решив вернуть городу блеск Перикловой эпохи, он нанял архитекторов, инженеров и умелых ремесленников и развернул здесь строительную программу более масштабную, чем общественные работы, затеянные им в Риме. На площади, окруженной длинной колоннадой, его рабочие возвели библиотеку с мраморными стенами, ста двадцатью колоннами, позолоченной крышей и просторными комнатами, украшенными гипсовыми скульптурами, живописью и мраморными статуями. Был построен гимнасий, акведук, храм Геры и храм Всеэллинского Зевса — бога «всех греков». Самым амбициозным из этих архитектурных предприятий явилось завершение строительства (131 г.) Олимпия — того царственного храма Зевса Олимпийского, строительство которого было начато Писистратом шесть веков назад и который не удалось достроить Антиоху Эпифану. Когда Адриан покинул Афины, город был чище, благополучнее и красивее, чем когда бы то ни было в своей истории²⁶.

Весной 129 г. он отплыл в Эфес и совершил новое путешествие по Малой Азии, посещая по дороге многочисленные города и храмы. Он совершил инспекционную поездку в Каппадокию и провел смотр тамошних гарнизонов. В Антиохии он выделил средства на строительство акведука, храма, театра и общественных бань. Осенью он посетил Пальмиру и Аравию, а в 130 г. предпринял поездку в Иерусалим. Священный город по-прежнему пребывал в руинах, практически в том же состоянии, в каком находился после его захвата Титом; горсточка обнищавших иудеев жила в пещерах и жалких лачугах в горах; это запустение тронуло сердце Адриана, а при виде пустого места разыгралась его фантазия. Когда он восстанавливал благосостояние Греции и эллинистического Востока, то надеялся возвести новые, еще более высокие преграды между греко-римской цивилизацией и восточным миром; теперь он мечтал о том, чтобы даже Сион преобразовать в цитадель язычества. Он повелел восстановить Иерусалим из развалин в качестве римской колонии и переименовать его в Элио Капитолину в память о роде Адриана и римском Юпитере Капитолийском. Это одна из самых потрясающих психологических

и политических ошибок, когда-либо совершенных мудрым руководителем государства.

Он продолжил путешествие, въехал в Александрию (130 г.) и, терпеливо посмеиваясь над словоохотливостью населяющих ее спорщиков, обогатил Музей, перестроил гробницу Помпея, а затем, превзойдя Цезаря, пустился в покойное праздное плавание вверх по Нилу вместе с женой Сабиной и любимцем Антиномом. Он встретил этого юного грека несколько лет назад в Вифинии; император поразила совершенная красота юноши, его мягкий взгляд и кудри, он сделал его своим любимым пажом и привязался к нему нежно и страстно. Нам неизвестно, протестовала ли против такого положения дел Сабина, но молва утверждала, что юноша выступал перед этим новым Зевсом в роли Ганимеда; возможно, однако, что бездетный император любил его как посланного небом сына. И вот, когда Адриан находился на вершине счастья, Антиномом, которому было только восемнадцать, умирает, — по видимому, он утонул в Ниле. «Как женщина», — пишет Спартиан, рыдал властелин мира; он приказал воздвигнуть на берегу святилище, похоронил в нем мальчика и объявил его перед лицом всего мира богом. Вокруг святилища он выстроил город — Антиноополь, которому было суждено стать византийской столицей. Когда Адриан в печали возвращался в Рим, история стала превращаться в легенду: император, гласит предание, благодаря магической дивинации узнал, что его величайшие планы сбудутся только в том случае, если умрет самое дорогое ему существо; Антиномом услышал это пророчество и добровольно предал себя смерти. Возможно, эта легенда возникла достаточно рано, чтобы отравить последние годы императора.

Снова оказавшись в Риме (131 г.), он мог почувствовать, что сделал Империю лучше, чем она была до него. Никогда прежде, даже при Августе, не достигала она такого процветания, и никогда Средиземноморью не добиться больше той полноты жизни, какую оно знало при Адриане. Никогда больше не станет оно домом столь высоко развитой цивилизации, распростиравшейся настолько широко и воздействующей на жизнь его обитателей настолько благотворно. Никто не управлял Империей благодетельнее Адриана. Август видел в провинциях прибыльный довесок к Италии, которым следует распоряжаться к выгоде италийцев; только теперь идеи Цезаря и Клавдия нашли свое воплощение, и Рим был уже не сборщиком налогов для Италии, но ответственным управляющим державы, все части которой были в равной мере согреты заботой правительства и в которой греческий дух безраздельно правил Востоком и мыслью, а римский — государством и Западом. Адриан повидал все области Империи и привел их к единству. Он пообещал, что «будет управлять государством, сознавая, что оно является достоинством народа, а не собственностью императора»²⁷; и он сдержал свое слово.

3. Строитель

Оставалось выполнить последнюю задачу — сделать более красивым, чем прежде, еще и Рим. Художник всегда боролся в Адриане с государственным деятелем; реорганизуя римское право, он одновременно строил Пантеон. Ни один человек не строил прежде так интенсивно, ни один правитель не строил так быстро. Строения, возведенные для него, часто были воздвигнуты по его

проекту, и он не устал лично следить за ходом работ. Он отремонтировал или реставрировал сотни зданий, не оставив ни на одном из них своего имени. Все кварталы Рима испытали на себе его благодеяния, проистекавшие из редкого союза мудрости и власти. *Si jeunesse savait et vieillesse pouvait* — эта пословица нашла в его личности свое разрешение.

Самой известной была его реконструкция Пантеона — наиболее хорошо сохранившегося античного здания. Прямоугольный храм, возведенный Агриппой, был разрушен пожаром; от него сохранился, по-видимому, только фронтальный коринфский портик. Севернее этих руин Адриан велел своим архитекторам и инженерам возвести круглый храм в исконно римском стиле. Его эллинистические пристрастия склоняли Адриана к тому, чтобы в архитектуре столицы греческие формы преобладали над римскими. Новый храм не составлял с упомянутым портиком гармонического целого; но интерьер — окружность диаметром в 132 фута без засоряющих пространство подпорок — позволял ощутить простор и свободу; в этом с ним могут равняться только готические кафедральные соборы. Стены были двадцатифутовой толщины; их построили из кирпича, который с внешней стороны был облицован мрамором в нижней секции и покрыт штукатуркой, украшенной пилястрами, — в верхней. Потолок портика был покрыт бронзовыми пластинами такой толщины, что, после того как их сняли по инициативе папы Урбана VIII, из них удалось отлить 110 пушек и покрыть высоким балдахином алтарь в храме Святого Петра²⁸⁻²⁹. Массивные бронзовые двери были первоначально отделаны золотом. Семь углублений были вырезаны в нижней части лишенной окон внутренней стены и украшены величественными мраморными колоннами и антаблементами; некогда эти ниши были альковами, в которых стояли статуи, ныне они выступают в роли скромных часовен, разместившихся внутри грандиозного храма. Верхняя часть стены была отделана плитами из дорогого камня, отделенными друг от друга парфирными опорами. Кессонный свод, вдававшийся в глубь здания и начинавшийся на вершине стены, представлял собой величайшее достижение римской инженерной мысли. Он был возведен из бетона, залитого в разделенные друг от друга балками секции и сгустившегося в единую плотную массу. Его монолитность позволяла избавиться от осевого давления, но чтобы обеспечить дополнительную безопасность, архитектор укрепил стены контрфорсами. На вершине свода имелось единственное отверстие («глаз» — *oculus*) диаметром в двадцать шесть футов, которое было единственным и вполне достаточным источником освещения. Этот величественный свод — самый грандиозный в истории — явился источником архитектурной традиции, которая через византийские и романские вариации ведет к куполу собора Святого Петра и Капитолия в Вашингтоне.

Вероятно, сам Адриан являлся проектировщиком храма с двойной абсидой, посвященного Венере и РOME и воздвигнутого напротив Колизея, так как легенда свидетельствует, что он посылал свои чертежи Аполлодору и приговорил престарелого архитектора к смерти за пренебрежительный отзыв³⁰. Храм замечателен несколькими своими особенностями: он был крупнейшим в Риме; он имел две целлы, по одной для каждой богини, которые восседали в их глубине на недосыгаемо величественных тронах; наконец, его сводчатая крыша, покрытая позолоченными бронзовыми пластинами, была одним из самых ярких зрелищ Рима. Для себя император построил еще более пышное жилище — развалины этой виллы по-прежнему привлекают посетителей в пре-

лестный пригород, в древности называвшийся Тибуром, а ныне именуемый Тиволи. Там, в поместье, периметр которого составлял семь миль, был построен дворец с комнатами всевозможных размеров и форм, и разбиты сады, настолько заставленные знаменитыми произведениями искусства, что едва ли сыщется какой-нибудь крупный европейский музей, который не обогатил свои фонды за счет этих руин. Проектировщик обнаружил здесь обычное для римлянина безразличие к симметрии; он лепил друг к другу здание за зданием, как подсказывали ему фантазия и житейская необходимость, и проявил не больше стремления к гармонии, чем можно было почувствовать в архитектурном хаосе Форума; возможно, римляне, как и японцы, устали от симметрии и радовались неожиданностям неправильных форм. Кроме портиков, библиотек, храмов, театра, музыкального зала и ипподрома, щедрый архитектор поместил здесь реплики платоновской Академии, Аристотелева Ликейя и Зеноновой Стои — словно император посреди всего этого тщеславного великолепия намеревался внести свои поправки в философию.

Вилла была полностью достроена в последние годы жизни Адриана. Мы не знаем, удалось ли ему найти на ней счастье. Восстание иудеев 135 г. доставило ему немало огорчений; он подавил его беспощадно и мучился мыслями о том, что ему не удалось провести последние годы своего царствования в мире. В том же году, когда ему было пятьдесят девять, он был поражен мучительным и изнуряющим недугом — родственным туберкулезу и водянке — который постепенно сокрушил его тело, дух и разум. Его характер сделался раздражительней, его манеры — неприязненней; он подозревал самых старых своих друзей в заговоре с целью убить его и взойти вместо него на престол; в конце концов (возможно, в один из беспросветных приступов болезни и опираясь на неизвестные нам мотивы) он приказал казнить некоторых из них.

Чтобы положить конец войне между возможными претендентами на роль его преемника, которая уже зрела при дворе, он усыновил в качестве такового своего друга Луция Вера. Когда вскоре после этого Луций умер, Адриан призвал к своему одру в Тибуре человека с безупречной репутацией, беспорочно-го мудреца Тита Аврелия Антонина, усыновил его и назначил своим преемником. Глядя далеко вперед, он посоветовал Антонину усыновить, в свою очередь, и воспитать для государственной деятельности двух юношей, которые росли при дворе: Марка Анния Вера семнадцати лет и Луция Элия Вера одиннадцати лет, которые были соответственно внуком Антонина и племянником Луция Вера. Антонину был дарован титул Цезаря, который с этих пор носили императоры и их потомки по мужской линии; а впоследствии, когда императоры оставили за собой титул Августа, имя Цезаря даровалось ими каждому предполагаемому наследнику трона.

Страдания и болезнь Адриана разгорелись теперь с новой силой; часто у него шла носом кровь; в отчаянии он стал искать смерти. Он уже приготовил для себя гробницу за Тибром — тот огромный мавзолей, к мрачным развалинам которого, носящим сегодня имя Замка Святого Анджело, по-прежнему можно пройти по Элиеву мосту, построенному Адрианом. Он находился под глубоким впечатлением от поступка стоического философа Евфрата, находившегося тогда в Риме, который, будучи измучен старостью и болезнью, просил Адриана разрешить ему покончить с собой и, получив разрешение, отравился болиголовом³¹. Император требовал яда или меча, но ни один из слуг не мог

выполнить его требования. Он просил раба, происходившего из придунайских областей, поразить его мечом, но раб бежал; он приказал своему врачу отравить его, но тот совершил самоубийство³². Он нашел кинжал и уже собирался пронзить себя, но тут набежали слуги и отобрали кинжал. Он жаловался, что ему, человеку, наделенному властью предать смерти любого, кого он посчитает нужным, не позволяют добровольно уйти из жизни. Распустив докторов, он удалился в Байи и умышленно перешел на такую еду и напитки, которые должны были ускорить конец. И вот, обессилев и обезумев от боли, он уходит из жизни на шестьдесят третьем году, пробыв во главе государства двадцать один год (138 г.). Он оставил после себя коротенькое стихотворение, в котором с дантовской тоской вспоминает о невозвратных днях счастья.

*Animula vagula, blandula,
Hospes comesque corporis,
Quae nunc abibis in loca,
Pallidula, rigida, nudula,
Nec ut soles dabis iocos?*

Душа моя, нежная странница,
Гостья тела и спутница,
В какие уходишь местности,
Холодная, бледная, нищая?
И более не играть тебе?³³

IV. АНТОНИН ПИЙ

Истории Антонина не существует, потому что он был практически полностью свободен от недостатков и не совершил ни одного преступления. Его предки пришли два поколения назад из Нима, и его семья была одной из богатейших в Риме. Взойдя на трон в пятьдесят один год, он подарил Империи самое справедливое и достаточно эффективное правительство.

Он был самым счастливым из всех, кто когда-либо носил корону. Мы знаем о том, что он был статен и высок, крепок телом и безмятежен духом, мягок и решителен, скромен и всемогущ, он красноречиво издевался над риторками и при всей своей популярности был недоступен искушениям лести. Если верить его приемному сыну Марку, можно решительно усомниться в существовании подобного «безгрешного чудовища». Сенат нарек его Пием (Pius) как образцового носителя самой человеческой из римских добродетелей, Наилучшим Принцепсом (Optimus Princeps) как образцового императора. У него не было врагов, зато были сотни друзей. Но и он не был незнаком с горем. Его старшая дочь умерла, когда он отправлял обязанности проконсула в Азии; младшая дочь была неверной женой Аврелию; скандальные сплетни обвиняли его собственную жену в том, что она столь же развратна, сколь и красива. Антонин молча терпел эти слухи; после смерти Фаустины он назвал в честь нее основанный им фонд, призванный материально поддерживать и давать образование девочкам из бедных семей, и в память о ней возвел один из прелестнейших храмов на Фóруме. Оң не женился вторично, чтобы не разрушать счастье и виды на наследство своих детей, но довольствовался связью с конкубиной.

В строгом значении слова, он не являлся человеком «интеллекта» — «интеллектуалом». Он не получил хорошего образования и с аристократической снисходительностью относится к «людям от литературы», философам или художникам; и тем не менее он богато субсидировал их начинания и часто приглашал их к себе домой. Философии он предпочитал религию, с явной искренностью поклонялся старинным богам и дал своим приемным сыновьям такой пример благочестия, который Марк никогда не забудет. «Поступай, как ученик Антонина,— уговаривал самого себя Марк,— помни о его постоянстве во всех поступках, его справедливости во всем, его благочестии, безмятежности его лица, его презрении к пустой молве... как умел он довольствоваться малым, сколь трудолюбив и терпелив он был, сколь крепки были его верования без тени суеверия»³⁴. Однако он терпимо относился и к неримским культурам, смягчил законы Адриана, направленные против евреев, продолжил мягкую политику своего предшественника по отношению к христианам. Он отнюдь не был «брюзгой»; он любил шутки и сам был недурным остроумцем; он играл, ловил рыбу, охотился с друзьями, и по его поведению трудно было догадаться, что это — император. Он предпочитал покой своей ланувийской виллы роскоши императорского дворца и проводил почти все вечера в узком кругу семьи. Когда он стал наследником трона, то полностью забыл о том беззаботном отдыхе, который, чаял когда-то он, скрасит его жизнь в старости. Заметив, что его жена предвкушает рост своего могущества, он упрекнул ее: «Разве ты не понимаешь, что теперь мы потеряли все, что имели раньше?»³⁵ Он знал, что заботы о целом мире легли теперь на его плечи.

Он начал свое правление с того, что поместил все свое несметное богатство в императорскую казну. Он простил податные недоимки, одарил граждан деньгами, оплатил множество праздничных игр и покончил с нехваткой вина, масла и пшеницы, закупая их и распределяя между желающими. Он продолжил, правда, несколько ее умерив, развитие строительной программы Адриана в Италии и провинциях. К тому же он столь умело управлял государственными финансами, что после его смерти в государственных сокровищницах хранилось 2 миллиарда 700 миллионов сестерциев. Он публично отчитывался во всех своих прибылях и расходах. Он обращался с сенаторами как с равными и никогда не принимал значительных мер, не проконсультировавшись предварительно с лидерами сената. Он посвятил себя рутинной административной деятельности и решению политических проблем; «обо всем и о каждом он заботился, словно о самом себе»³⁶. Он продолжил либерализацию права, начатую Адрианом, уравнивал наказания за прелюбодеяние для мужчин и женщин, отбирал у жестоких господ рабов, ограничил применение пыток по отношению к рабам в ходе судебных разбирательств и установил суровые кары для хозяев, убивавших своих рабов. Он поощрял развитие образования за счет государственных фондов, платил за обучение детей бедняков и распространил на признанных преподавателей и философов многие привилегии сенаторского сословия.

Он управлял провинциями настолько хорошо, насколько это было возможно, обходясь без путешествий. За все свое долгое правление он и на день не покидал Рим и его окрестности. Он довольствовался тем, что доверял посты провинциальных губернаторов людям испытанной компетентности и порядочности. Он стремился обеспечить безопасность Империи, не прибегая к войне; «он непрестанно вспоминал изречение Сципиона, что скорее спасет

единственного гражданина, чем уничтожит тысячу врагов»³⁷. Ему пришлось вступить в несколько локальных войн, чтобы подавить мятежи в Дакии, Ахее и Египте, но он предоставил заниматься этим своим подчиненным и довольствовался тем, что прочно удерживал рубежи, установленные Адрианом. Некоторые германские племена истолковали его мягкость превратно, увидев в ней слабость, и, может статься, вдохновленные этим, принялись готовить вторжение, которое затопит уже мертвую Империю; это — единственный просчет в его политике. Что касается остального, то провинции были при нем совершенно счастливы, признав, что Империя — это единственная альтернатива хаосу и вражде. Они засыпали его прошениями, которые почти всегда достигали своей цели, и они могли положиться на него в случае опустошительных стихийных бедствий. Провинциальные авторы — Страбон, Филон, Плутарх, Аппиан, Эпиктет, Элий Аристид — пели хвалы «Римскому Миру»; Аппиан уверяет, что видел в Риме послов зарубежных держав, тщетно умолявших допустить их страны к благам римского ига³⁸. Никогда монархия не предоставляла людям такой свободы и не уважала так права своих подданных³⁹. «Мировой идеал, казалось, был достигнут. Царствовала мудрость и в течение двадцати трех лет мир управлялся отцом»⁴⁰.

Остается только добавить, что добрая жизнь Антонина была увенчана кроткой смертью. На семьдесят четвертом году жизни он занемог от желудочного расстройства, и у него начался жар. Он призвал к своему одру Марка Аврелия и поручил ему заботы о государстве. Он велел своим слугам перенести в комнату Марка золотую статую Фортуны, которая долгие годы стояла в спальне принцепса. Дежурному офицеру он назвал пароль на этот день — *aequanimitas*; вскоре после этого он словно бы уснул и тихо скончался (161 г.). Все города и классы соперничали друг с другом в старании увековечить его память.

V. ФИЛОСОФ-ИМПЕРАТОР

Антонин, писал Ренан, «явился бы бесспорным победителем состязаний за звание лучшего из монархов, не назначь он своим преемником Марка Аврелия»⁴¹. «Если бы,— говорил Гиббон,— у любого человека спросили, какая эпоха в истории мира была наиболее благоприятна для счастья и процветания рода человеческого, он без колебаний назвал бы период, протекший между восшествием на престол Нервы и смертью Аврелия. Все их царствование, рассматриваемое как неделимое целое, было единственной эпохой в истории, когда счастье великого народа было единственной целью правительства»⁴².

Марк Анний Вер родился в Риме в 121 году. Аннии переселились в город около века назад из Суккубо, близ Кордовы; по-видимому, еще в Испании их честность завоевала им когномен *Verus* — «правдивый». Через три месяца после рождения мальчика умер его отец, и он был взят в дом богатого деда, бывшего тогда консулом. Адриан бывал частым гостем этого дома; он восхищался мальчиком и видел, что тот слепок из царского материала. Редкому мальчишке доводилось иметь столь благотворное детство или столь горячо благословлять доставшуюся ему судьбу. «Богам,— писал он пятьдесят лет спустя,— обязан добрыми дедами, добрыми родителями, доброй сестрой, хорошими учителями, хорошими родственниками и друзьями, почти всем из того,

что у меня есть хорошего»⁴³; время уравнило его счастье, наградив его порочной женой и беспутным сыном. Его «Размышления» перечисляют добродетели, которыми обладали эти люди, и уроки, которые они ему преподали: он научился у них скромности, терпению, мужественности, воздержанности, благочестию, благожелательности и «простоте жизни, совершенно далекой от привычек богачей»⁴⁴, хотя богатство окружало его со всех сторон.

Никогда еще ребенок не воспитывался столь настойчиво. В детстве он познакомился с храмовыми обрядами и службой жрецов; он затверживал наизусть каждое слово древней и совершенно непонятной литургии; хотя впоследствии философия и пошатнула его веру, он никогда не прекращал усердно исполнять древние изнуряющие ритуалы. Марк любил игры и спорт, даже ловлю птиц и охоту, и было предпринято несколько попыток вышколить не только его ум и характер, но и тело. Но семнадцать преподавателей в детском возрасте — это гандикап, который легко не преодолеть. Четыре грамматика, четыре ритора, один юрист и восемь философов делили между собой его душу. Самым знаменитым из этих учителей был Марк Корнелий Фронтон, который преподавал ему риторику. Юноша любил его, осыпал всеми ласками, на какие способен привязанный и царственный ученик, обменивался с ним письмами, полными доверительного очарования, и все же отвернулся от ораторского искусства как от чего-то пустого и бесцельного и полностью посвятил себя философии.

Он благодарит своих учителей за то, что они избавили его от занятий логикой и астрологией, благодарит стоика Диогнета за то, что тот освободил его от власти суеверия, Юния Рустика за то, что тот познакомил его с Эпиктетом, и Секста из Херонеи за то, что тот научил его жить в согласии с природой. Он признателен своему брату Северу за рассказы о Бруте, Катоне Утическом, Тразее и Гельвидии; «от него я получил представление о государстве, в котором закон един для всех, о политике, граждане которой пользуются равными правами и свободой слова, представление о царственном правлении, которое уважает в первую очередь свободу своих подданных»⁴⁵; здесь стоические представления о монархии облекаются полнотой государственной власти. Он благодарит Максима за то, что тот научил его «управлять самим собой и не сбиваться с пути; бодрости во всех обстоятельствах и правильному смешению мягкости и достоинства и умению исполнять намеченное без жалоб»⁴⁶. Ясно, что ведущие философы того времени являлись скорее жрецами без религии, чем далекими от жизни метафизиками. Марк относился к ним настолько серьезно, что на какое-то время с головой ушел в аскетизм, едва не разрушив этим и без того не слишком крепкое здоровье. В возрасте двенадцати лет он надел на себя грубый плащ философа, спал на соломенной подстилке, положенной прямо на полу, и долго сопротивлялся увещаниям матери пользоваться кроватью. До того как стать человеком, он уже был стоиком. Он приносит благодарность за то, что «сохранил цвет своей юности; что не стремился стать мужчиной прежде положенного времени, но скорее даже слишком долго откладывал это событие... что мне никогда не приходилось иметь дело с Бенедиктой... что, наконец, когда я иной раз влюблялся, вскоре наступало охлаждение»⁴⁷.

Два авторитета отвратили его от того, чтобы стать профессиональным философом или святым. Прежде всего — государственная служба; с юности ему доверялись некоторые, пусть и не слишком значительные, зато ответс-

твенные должности; реализм администратора разбавил идеализм погруженного в медитации юноши. Другим авторитетом явился Антонин Пий, с которым он был очень близко связан. Он не мучился сознанием того, что Антонин слишком зажился на этом свете, и продолжал свою жизнь, замечательную стоической умеренностью, философскими занятиями и официальными обязанностями, пребывая во дворце и продолжая свое затянувшееся ученичество; образец преданности и порядочности при пользовании властью, явленный ему приемным отцом, чрезвычайно сильно повлиял на его становление. Имя, под которым мы его знаем — Аврелий, — являлось родовым именем Антонина, которое Марк и Луций приняли сразу же по усыновлении. Луций избрал жизнь светского повесы, грациозного коллекционера радостей жизни. Когда в 146 году Пий пожелал обзавестись соправителем, который взял бы на себя часть государственных дел, он назвал своим наследником одного Марка, оставив Луция править империей любви. По смерти Антонина единственным императором стал Марк; однако, помня о воле Адриана, он тут же назначил Луция Вера своим полноправным коллегой и выдал за него свою дочь Луциллу. В самом начале правления, как и в самом его конце, философ ошибся под влиянием добрых чувств. Раздел власти оказался дурным прецедентом, который при преемниках Диоклетиана и Константина раздробит и ослабит державу.

Марк просил сенат проголосовать за предоставление Пию божественных почестей, выказав безупречный вкус, завершил строительство храма, который Пий посвятил своей жене, и повторно посвятил его одновременно Антонину и Фаустине *. Он был чрезвычайно обходителен с сенатом и с радостью замечал, что среди сенаторов появились теперь и его друзья философы. Вся Италия и все провинции твердили об осуществлении Платоновой мечты: царем стал философ. Но он и не помышлял об Утопии. Как и Антонин, он был консерватором; во дворце не вырастают радикалами. Он был философом-царем скорее в смысле учения стоиков, чем платоников. «Никогда не надеясь, — предупреждал он себя, — на то, что тебе удастся построить платоновское государство. Хватит и того, что тебе удастся хоть ненамного улучшить человечество, и не думай, что это дело маловажное. Кто в силах изменить мнения людей? Но если чувства останутся те же, что удастся тебе создать, кроме рабства и лицемерия?» Он открыл, что не все люди хотели быть святыми; с грустью примирился он с существованием испорченного и злого мира. «Бессмертные боги согласились бесчисленные века терпеть без гнева и даже окружать благословениями столь многих закоренелых злодеев; но ты, которому отпущено так мало времени, неужели ты уже устал?» ⁴⁸. Он решил опираться скорее на образец, чем на право. Он в действительности стал слугой общества; он взвалил на себя все заботы о судах и администрации, даже те, которые поначалу сохранил за собой забывший о собственном решении Луций; он не позволял себе никакой роскоши, обращался со всеми с дружественной приязнью и, будучи столь легко доступен, подорвал свое здоровье. Он не был великим государственным деятелем: он потратил слишком большие средства из общественных фондов на денежные раздачи народу и армии, подарил

* Десять оставшихся от него коринфских колонн — одни из самых прекрасных руин на Форуме. Портик остался невредим, а целла, хотя и лишившаяся мраморной облицовки, сохранилась в виде Церкви Святого Лоренцо в Миранде.

каждому члену преторианской гвардии по 20 000 сестерциев, увеличил число тех, кто имел право на получение государственного зерна, устраивал частые и дорогостоящие игры и потерял большие доходы, постоянно недобирая налогов и податей; его щедрость, проявлявшаяся столь часто, была не слишком дальновидной, когда зримо вырисовывались угрозы войны или мятежей, а кое-где в провинциях и на широко раскинувшихся границах уже разгорались боевые действия.

Марк прилежно продолжил реформу права, начатую Адрианом. Он увеличил количество присутственных судебных дней и сократил продолжительность процессов. Часто лично выступал в роли судьи, неумолимого к тяжелым проступкам, но чаще всего милостивого. Разработал меры по юридической защите опекаемых от нечистоплотных опекунов, должников от кредиторов, провинций от губернаторов. Он смотрел сквозь пальцы на то, что вторую молодость обретают запрещенные коллегии, легализовал ассоциации, являвшиеся в первую очередь похоронными сообществами, сделал их юридическими лицами, имеющими право наследования, и основал погребальный фонд для бедняков. Марк беспрецедентно расширил систему алиментов. После смерти жены создал благотворительный фонд помощи молодым женщинам; прелестный барельеф изображает таких девушек, толпящихся вокруг Фаустины Младшей, которая сыплет им в подошвы пшеницу. Упразднил практику совместного купания в банях, запретил расточать огромные средства на гонорары актерам и гладиаторам, ограничил соответственно их богатству расходы городов на игры, требовал использовать в гладиаторских поединках только затупленное оружие и сделал все, что было в его силах для того, чтобы на аренах не лилась кровь. Народ любил его, но не принимаемые им законы. Когда он записал в армию, отправляющуюся на войну с маркоманнами, гладиаторов, население выражало свой гнев, не теряя чувства юмора: «Он лишает нас нашей потехи; он хочет заставить нас стать философами!»⁴⁹ Рим готовился, без особой, впрочем, охоты, стать пуританским.

Его несчастьем было то, что его репутация философа и долгий мир при Адриане и Антонине воодушевили мятежников внутри и варваров за пределами Империи. В 162 г. восстание вспыхнуло в Британии, хатты вторглись в римскую часть Германии, и парфянский царь Вологез III объявил Риму войну. Марк назначил способных военачальников для подавления мятежа на севере, но главную задачу — войну с Парфией — поручил Луцию Веру. Луций не пошел дальше Антиохии. Ведь именно там жила Панфея, столь прекрасная и изысканная, что Лукиан думал, будто в ней нашли воплощение все совершенства всех скульптурных шедевров; к этому добавлялся опьяняющий голос, пальцы умело перебиравшие струны лиры, и ум, обогащенный чтением литературы и философов. Луций увидел ее и, словно Гильгамеш, позабыл о том, где родился. Он предался наслаждениям, охоте, под конец совершенно неумеренному пьянству, а в это время парфяне скакали в глубь пораженной ужасом Сирии. Марк не стал комментировать поведение Луция, но направил Авидию Кассию, второму по значению командиру в армии Луция, план кампании, разработанный настолько совершенно, что, помноженный на полководческий гений Кассия, он помог не только оттеснить парфян назад в Месопотамию, но и водрузить в очередной раз римские штандарты в Селевкии и Ктесифоне. На этот раз оба города были сожжены дотла, чтобы перестать служить парфянам в качестве военной базы для очередного набега. Луций

вернулся из Антиохии в Рим и был удостоен триумфа, который по его великодушному требованию разделил с ним Марк.

Луций принес с собой врага пострашней войны — чуму. Ее первые признаки были замечены среди солдат Авидия в покоренной Селевкии; она распространялась настолько стремительно, что он предпочел отвести свою армию в Месопотамию, пока парфяне ликовали при виде мести со стороны парфянских богов. Отступающие легионы принесли эпидемию в Сирию; Луций взял нескольких из этих солдат в Рим для участия в триумфе; они разносили заразу по всем городам, через которые лежал их путь, и по всем уголкам Империи, куда позднее направило их командование. Древние историки сообщают больше о произведенных чумой опустошениях, чем о ее симптомах; их описания наводят на мысль о том, что речь идет о сыпном тифе или, может статься, о бубонной чуме⁵². Гален полагал, что она походила на эпидемию которая опустошала Афины во времена Перикла: в обоих случаях на всем теле появлялись черные пустулы, больные были измучены сухим кашлем, а их дыхание было зловонным⁵³. Стремительно она охватила Малую Азию, Египет, Грецию, Италию и Галлию; в течение одного года (166—167) она уничтожила больше людей, чем было унесено войной. В Риме за один только день от нее скончалось две тысячи человек, среди которых многие принадлежали к аристократическим семействам⁵⁴; тела выносили за город и сваливали в груды. Марк, бессильный справиться с этим неосызаемым врагом, делал все, чтобы смягчить бедствие; но медицина не могла в ту эпоху дать ему руководство к действию, и эпидемия свирепствовала до тех пор, пока люди не приобрели иммунитет, а все ее носители не умерли. Последствия этого несчастья были неисчислимы. Многие местности настолько обезлюдели, что превратились в леса и пустыни; производство продовольствия сократилось, транспорт был дезорганизован, наводнения уничтожили большие запасы зерна, и после чумы разразился голод. Счастливая *hilaritas*, которой было отмечено начало правления Марка, бесследно исчезла; люди погрузились в безнадежный пессимизм, жадно внимали предсказателям и оракулам, обволакивали алтари фимиамом и дымом сжигаемых жертв и искали утешения в единственном доступном им месте — в новых религиях личного бессмертия и небесного мира.

Среди всех этих внутренних неурядиц стало известно, что племена, обитавшие вдоль Дуная — хатты, квады, маркоманы, язиги, — переправились через реку (167 г.), разбили двадцатитысячный римский гарнизон и беспрепятственно устремились в Дакию, Ретию, Паннонию, Норик; что некоторые из них перешли через Альпы, победили все армии, направленные против них, осадили Аквилею (близ Венеции), угрожали Вероне и опустошали тучные поля Северной Италии. Никогда еще германские племена не проявляли такого единства и не представляли для Рима столь непосредственной угрозы. Марк действовал с неожиданной решительностью. Он отказался от радостей философии и выступил на войну, которая будет, предвидел он, самой важной из римских войн со времен Ганнибала. Он шокировал Италию, рекрутируя в армию полицейских, гладиаторов, рабов, разбойников и варварских наемников, пополнив ими поредевшие после войны и мора легионы. Даже боги содействовали его начинаниям: он попросил жрецов чужеземных культов принести жертвы ради благополучия Рима согласно их обрядам; а сам он сжигал у алтарей такие гекатомбы, что имела хождение записка, отправленная ему белыми быками, которые умоляли его не слишком усердствовать ради

победы: «Если ты победишь, мы пропали»⁵⁵. Чтобы собрать средства для войны без повышения налогов, он продал на Форуме с аукциона гардеробы, предметы искусства и драгоценности императорских дворцов. Он принял ряд важных оборонительных мер — укрепил пограничные города на всем протяжении от Галлии до Эгеиды, блокировал проходы в Италию и подкупил германские и скифские племена, чтобы те ударили по агрессорам с тыла. С энергией и отвагой, заслуживавшими восхищения в человеке, который ненавидел войну, он вымуштровал свою армию, превратив ее в дисциплинированную военную силу, возглавил легионы и в ходе полной трудов кампании, разработанной с выдающимся стратегическим мастерством, отогнал захватчиков от Аквилеи и преследовал их до берегов Дуная, пока не пленил или не уничтожил почти всех.

Он понимал, что этим германская угроза не отведена окончательно; но решив, что на какое-то время безопасность обеспечена, он вернулся вместе с коллегой в Рим. По пути Луций умирает от апоплексического удара, и молва, которая, как и политика, не ведает сострадания, нашептывала, будто его отравил Марк. С января по сентябрь 169 г. император отдыхал дома от трудов, которые едва не сломили его хрупкое тело. Он страдал от болей в желудке, которые иной раз настолько ослабляли его, что он даже не мог говорить; он боролся с болезнью, питаясь чрезвычайно умеренно — легко перекусывая раз в день. Те, кто знал, в каком состоянии он находится и чем питается, удивлялись его трудам во дворце и на поле брани и могли только констатировать, что решимость позволял ему навевать ему то, в чем отказала ему природа. В некоторых случаях он призывал к себе знаменитейшего врача эпохи — Галена из Пергама, — которого ценил за то, что тот прописывал императору естественные, простые снадобья⁵⁶.

Возможно, череда внутренних неприятностей наряду с политическим и военным кризисами усугубили его недуг и сделали его стариком уже в сорок восемь. Его жена Фаустина, чье прелестное личико дошло до нас на множестве скульптурных портретов, едва ли испытывала восторг от того, что ей приходится делить ложе и стол с воплощением философии; она была полным жизни созданием, которое стремилось жить более радостной жизнью, чем мог предложить ее положительный супруг. Городские слухи обвиняли ее в неверности; мимы высмеивали Марка, выставляя его рогиносцем и даже перечисляя имена его соперников⁵⁷. Как и Антонин в случае с Фаустиной-матерью, Марк молчал; он даже продвигал по службе предполагаемых любовников жены, оказывал Фаустине всевозможные знаки любящего внимания, обожествил ее после смерти (175 г.) и благодарил в своих «Размышлениях» богов за «столь покладистую и любящую жену»⁵⁸. Мы не располагаем доказательствами, на основании которых могли бы осуждать ее⁵⁹. Из четырех детей, которых она ему подарила и о которых он говорит с неизменной и страстной нежностью в письмах к Фронтону, один ребенок — девочка — умер в детстве; оставшаяся в живых дочь страдала от выхонок Луция и вдовствовала после его смерти. В 161 г. у Марка родились сыновья-близнецы; один из них умер сразу после родов, вторым был Коммод. Любители скандалов утверждали, что им наградил Фаустину некий гладиатор⁶⁰, и всю свою жизнь Коммод делал все возможное, чтобы оправдать эти подозрения. Но в детстве он был весьма миловиден и силен; Марк испытывал к нему простительную слабость, представлял его легионам в манере, символически наводившей на мысль о

том, что он представляет им своего преемника, и нанял лучших римских учителей, чтобы сделать его пригодным к несению обязанностей императора. Юноша предпочитал постигать науку винопития, танца, пения, охоты и фехтования; он развил в себе вполне понятное отвращение к книгам, ученым и философам, наслаждаясь общением с гладиаторами и атлетами. Вскоре он превзошел всех своих приятелей в искусстве лгать, кровожадности и грубости речи. Марк был слишком добр, чтобы проявить необходимое величие, обуздав сына или отказавшись от него. Он продолжал надеяться, что воспитание и ответственность отрезвят его и сделают настоящим царем. Одиноким император, изнуренный, с нечесаной бородой, с глазами, утомленными от забот и бессонницы, отвернулся от жены и сына и обратился к решению задач управления и войны.

Набеги центральноевропейских племен приостановились ровно настолько, чтобы позволить перевести дыхание. В этой борьбе за сокрушение Империи и высвобождение варварства из ее оков мир был не более чем перемирием. В 169 г. хатты вторглись в римские области в верхнем течении Рейна. В 170 г. хавки атаковали Бельгику, а другое их войско обложило Сармизегетузу; косто-бои переправились через Балканы в Грецию и разграбили элевсинский Храм Мистерий, находившийся в четырнадцати милях от Афин; мавры, покинув Африку, высадились в Испании, и новое племя — лангобарды, или ломбарды, — впервые появилось на берегах Рейна. Несмотря на сотни поражений, плодovitые варвары становились все сильнее, а бесплодные римляне слабели. Марк понимал, что ныне идет бой не на жизнь, а на смерть, что один из противников должен уничтожить другого или погибнуть. Только человек, с детства впитавший римские и стоические представления о долге, был способен пережить столь полное перевоплощение из мистического философа в компетентного и победоносного полководца. Но философ в нем не умер, он по-прежнему скрывался под доспехами императора; в самые тревожные мгновения этой Второй Маркоманской войны (169—175 гг.) в своем лагере напротив позиции квадов у реки Гран * Марк пишет ту небольшую книгу «Размышления», которая явилась главным памятником его жизни. Мимолетный взгляд на этого хрупкого и подверженного заблуждениям святого, размышляющего о проблемах морали и предопределения, находясь во главе огромной армии, принимающей участие в судьбоносном для Империи конфликте, позволяет нам лицезреть одну из самых интимных картин, сохранных временем, чтобы мы могли помнить об одном из его гигантов. Преследуя днем по пятам сарматов, ночью он мог писать о них с симпатией: «Паук, схвативший муху, мнит, будто совершил великое деяние; так же думает и охотник, затравивший зайца... и тот, кто одолел сарматов... Разве не похожи они все на разбойников?»⁶¹

И тем не менее он сражался с сарматами, маркоманами, квадами, язигами шесть тяжелых лет, победил их и довел свои легионы до такой далекой северной страны, как Богемия. По-видимому, эта была его идея — использовать Герцинский и Карпатский хребты в качестве новых рубежей Империи; если бы ему удалось осуществить задуманное, римская цивилизация могла подарить Германии, как и Галлии, латинскую речь и достижения классической культуры. Но на вершине успеха он был потрясен известием о том, что

* Вероятно, Гран — приток Дуная.

Авидий Кассий, усмиривший мятеж в Египте, провозгласил себя императором. Марк удивил варваров, заключив с ними поспешный мир, согласно которому к Риму отходила десятимильная полоса на северном берегу Дуная, а на южном оставались сильные гарнизоны. Он созвал солдатскую сходку, сказал на ней, что с удовольствием уступил бы свое место Авидию, если бы это было угодно Риму, пообещал помиловать мятежников и выступил в Азию, чтобы схватиться с ними. Между тем Кассий был убит собственным центурионом и восстание захлебнулось. Марк прошел через Малую Азию и Сирию в Александрию, скорбя, как Цезарь, что его лишили шанса проявить милосердие. В Смирне, Александрии и Афинах он ходил по улицам в сопровождении свиты, носил плащ философа, посещал лекции ведущих преподавателей и вступал с ними в споры, говоря по-гречески. Во время своего пребывания в Афинах он взял на государственное содержание философские кафедры, с которых проповедовались четыре великих учения — платонизм, аристотелизм, стоицизм и эпикуреизм.

Осенью 176 г., после почти семилетней войны, Аврелий достиг Рима и удостоился триумфа как спаситель Империи. Император разделил славу победы с Коммодом и назначил его — пятнадцатилетнего подростка — своим правителем. Впервые за почти сто лет принцип усыновления был отвергнут, уступив место наследственному принципату. Марк сознавал, какие опасности для Империи могут быть вызваны этим поступком. Он совершил этот шаг, видя в нем меньшее зло, чем гражданская война, которая была бы развязана Коммодом и его друзьями в том случае, если бы его отстранили от власти. Нам не следует упрекать его за непредусмотрительность, ведь Рим даже не мог представить, какие последствия возымеет эта любовь. Эпидемия наконец закончилась, и люди вновь вспомнили о счастье. Столица почти не пострадала от бедствий войны, которая финансировалась за счет замечательной экономии и незначительных дополнительных податей; пока на границах полыхали бои, внутренняя торговля процветала, и деньги позвякивали в карманах каждого. Это время было кульминацией расцвета Рима и популярности императора; весь мир бурно приветствовал его как солдата, мудреца и святого.

Но триумф не обманул Марка; он понимал, что германская проблема до сих пор не решена. Убежденный в том, что последующие вторжения может предотвратить только активная политика, направленная на продвижение рубежей к горам Богемии, он отправился вместе с Коммодом на Третью Маркоманскую войну (178 г.). Переправившись через Дунай, он вновь разгромил квадов в ходе долгой и изнурительной кампании. Сопротивление было окончательно сломлено, и он уже готовился к аннексии земель квадов, маркоманов и сарматов (приблизительно соответствовавших территории современной Богемии и Придунайской Галиции) и превращению их в новые провинции, когда новый приступ болезни свалил его с ног в лагере при Виндобоне (Вена). Чувствуя приближение смерти, он призвал к своему одру Коммода и убеждал его довести до конца политические планы, которые были теперь столь близки к завершению, и воплотить в жизнь мечту Августа о продвижении границы Империи к Эльбе*. После этого он отказался от еды и питья.

* «Мы должны не только высоко оценить решимость и упорство правителя, — утверждает беспристрастный Моммзен, — но также допустить, что его действия соответствовали требованиям правильной политики»⁶².

На шестой день, собравшись с остатком сил, он встал с постели и представил войнам нового императора — Коммода. Вернувшись на ложе, он накрыл лицо простыней и вскоре скончался. Когда его тело было доставлено в Рим, народ уже оказывал ему божеские почести, видя в нем бога, который согласился недолго пожить на земле.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кер, W., см.: Марциал, II, прим. 54.
- ² Дион, LXVIII, 13.
- ³ Renan, Marc Aurèle, 479.
- ⁴ Дион, LXVIII, 15.
- ⁵ Mahaffy, J., *Silver Age of the Greek World*, 307.
- ⁶ См.: САН, XI, 201, 855.
- ⁷ Плиний Младший. *Панегирик*, 50.
- ⁸ Юстиниан. *Дигесты*, XLVIII, 19, 5.
- ⁹ Bury, *Roman Empire*, 437.
- ¹⁰ Britain, 366.
- ¹¹ Wickhoff, 113.
- ¹² Дион, LXIX, 1.
- ¹³ Авторы жизнеописаний Августов, Адриан, I, 4.
- ¹⁴ Там же, XXVI, 1.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же, XIV, 1.
- ¹⁷ Марциал, VIII, 70; X, 26.
- ¹⁸ Авторы жизнеописаний Августов, Адриан, XV, 10.
- ¹⁹ Там же, XX, 7.
- ²⁰ Henderson, *Hadrian*, 207.
- ²¹ Евсебий. *Церковная история*, IV, 9.
- ²² Дион, LXIX, 6.
- ²³ Фронтон. *Переписка*, 162 г., II, 4.
- ²⁴ Авторы жизнеописаний Августов, Адриан, X, 1.
- ²⁵ Winckelmann, I, 327.
- ²⁶ Bevan, E.R., *House of Seleucus*, II, 15.
- ²⁷ Авторы жизнеописаний Августов, VIII, 3.
- ²⁸⁻²⁹ Simpson, F.M., *History of Architectural Development*, 123.
- ³⁰ Дион, LXIX, 4; ср. Henderson, 247.
- ³¹ Дион, LXIX, 8.
- ³² Авторы жизнеописаний Августов, XXIV, 8.
- ³³ Merivale, C., *History of the Romans under the Empire*, VIII, 255.
- ³⁴ Марк Аврелий. *Размышления*, 16.
- ³⁵ Авторы жизнеописаний Августов, Антонин, IV, 8.
- ³⁷ Там же, VIII, 1.
- ³⁸ Там же, IX, 10.
- ³⁸ Аппиан. *Предисловие*, 7.
- ³⁹ Bury, 566.
- ⁴⁰ Renan, *The Christian Church*, 159.
- ⁴¹ Renan, *Marc Aurèle*, 2.
- ⁴² Gibbon, I, 76.
- ⁴³ Марк Аврелий, I, 17.
- ⁴⁴ Там же, I, 1.

- ⁴⁵ Там же, I, 14.
- ⁴⁶ Там же, I, 15.
- ⁴⁷ Там же, I, 14.
- ⁴⁸ Там же, VII, 70.
- ⁴⁹ *Авторы жизнеописаний Августов. Марк, XXIII, 4.*
- ⁵⁰ Friedländer, III, 191.
- ⁵¹ Watson, P., *Marcus Aurelius Antoninus*, 297.
- ⁵² Castiglione, 244.
- ⁵³ Гален. См.: Friedländer, I, 28.
- ⁵⁴ Дион, LXII, 14.
- ⁵⁵ Аммиан, XXV, 4.
- ⁵⁶ Williams, H. I, 280.
- ⁵⁷ Renan, *Marc Aurèle*, 469.
- ⁵⁸ Марк Аврелий, I, 17.
- ⁵⁹ Бугу, 547.
- ⁶⁰ *Авторы жизнеописаний Августов. Марк, XIX, 7.*
- ⁶¹ Марк Аврелий, X, 10.
- ⁶² Mommsen, *Provinces*, I, 253.

Жизнь и мысль во втором столетии

96 — 192 гг.

I. ТАЦИТ

ПОЛИТИКА Нервы и Траяна раскрепостила угнетенные умы Рима и позволила литературе этой эпохи преисполниться пламенным презрением к деспотизму, который был уже в прошлом, но мог вернуться вновь. «Панегирик» Плиния выразил эти чувства в приветственном слове первому из трех великих испанцев на троне Империи; Ювенал редко пел о чем-либо другом; Тацит, самый блестящий из историков, стал обвинителем прошедших времен (*delator temporis acti*) и сорвал в своих сочинениях покровы с тайн прошедшего столетия.

Мы не знаем ни даты, ни места рождения Тацита, не знаем даже его личного имени. Вероятно, он был сыном Корнелия Тацита, прокуратора императорских доходов в Бельгской Галлии; благодаря карьере этого человека его семья поднялась из всаднического сословия, влившись в ряды новой аристократии¹. Первый определенный факт из жизни историка сообщает он сам: «Агрикола, будучи консулом (78 г.)... дал согласие на брак между мной и его дочерью, которая, несомненно, могла рассчитывать и на более блестящую партию»². Он получил обычное образование и досконально изучил те ораторские приемы, которыми оживляется его стиль, то мастерство в выдвижении «за» и «против», которое характерно для речей героев его истории. Плиний Младший часто слушал его выступления в судах, восхищался его «державным красноречием» и провозглашал его величайшим оратором Рима³. В 88 г. Тацит был претором; после этого он вошел в сенат и со стыдом признавался, что ему не удалось возвысить голос протеста против тирании и вместе с остальными сенаторами он участвовал в преследовании сенатских врагов Домициана⁴. Нерва сделал его консулом (97 г.), а Траян назначил проконсулом Азии. Очевидно, он был человеком дела и обладал богатым опытом; его книги представляли собой поздние размышления о полнокровно прожитой жизни, продукт праздной старости, зрелого и глубокого ума.

Они объединены общей темой — ненавистью к автократии. «Диалог об ораторах» (если он действительно принадлежит ему) приписывает упадок красноречия подавлению свободы. «Агрикола» — самая совершенная из тех кратких монографий, к которым сводилась в античности биографическая литература, — с гордостью перечисляет успехи тестя в роли полководца и губернатора и с горечью упоминает о пренебрежении к нему Домициана. Небольшое эссе «О происхождении германцев и местоположении Германии» противопоставляет мужественные добродетели свободного народа вырождению и трусости римлян под властью деспотов. Когда Тацит восхваляет германцев за то, что они считают детоубийство величайшим позором и не предоставляют никаких пре-

имуществ бездетности, он не описывает Германию, но порицает Рим. Философские задачи разрушают объективность его исследования, но позволяют ему проявить примечательную широту взглядов в восхвалении с точки зрения римского государственного деятеля германского сопротивления Риму⁵ *.

Успех этих эссе навел Тацита на мысль показать пороки тирании, изложив в беспощадных подробностях историю правивших Империей деспотов. Он начинает с событий, еще свежих в памяти и свидетельствах его старших друзей, — с периода между приходом к власти Гальбы и смертью Домициана; а когда эти *Historiae* были объявлены благодарной аристократией лучшим историческим произведением со времен Ливия, он продолжил свою историю *a fronte*, описав в «Анналах» правление Тиберия, Калигулы, Клавдия и Нерона. Из четырнадцати (иные утверждают, тридцати) «книг» «Истории» сохранились четыре с половиной, посвященные событиям 69 и 70 годов; из шестнадцати или восемнадцати книг «Анналов» уцелело двенадцать. Даже в этом неполном виде они представляют собой одно из самых мощных творений римской прозы; мы можем смутно представлять себе, сколь великолепными и впечатляющими были их полные версии. Тацит надеялся также описать правление Августа, Нервы и Траяна, чтобы смягчить беспросветность обнародованных произведений картиной созидательного труда императоров. Но на это у него уже не было времени, и потомки видели в его характере, как и он видел в прошлом, одни только мрачные стороны.

«Главная задача историка, — полагал он, — судить поступки людей так, чтобы добродетельный мог надеяться на справедливое воздаяние, а злодей был утрашен тем осуждением, которое ждет преступления на суде будущих поколений»⁶. Эта странная концепция превращает историю в Страшный Суд, а историка — в Бога. Понимаемая таким образом, история есть не что иное, как проповедь этических учений на устрашающих примерах, и подпадает, как допускает Тацит, под действие тех же законов, что и риторика. Негодованию легко быть красноречивым, куда трудней быть справедливым; ни одному моралисту не следовало бы браться за написание истории. Тацит слишком хорошо помнит тиранию, чтобы без ненависти говорить о тиранах; в Августе он видит только губителя свободы и высказывает предположение, что римский дух почил после битвы при Акции⁷. Кажется, что он никогда не помышлял о том, чтобы уравновесить свои обличения упоминанием о превосходной администрации и росте благосостояния провинций, имевших место при императорах-монстрах; читателю его книг может и не прийти на ум, что Рим был не только городом, но и Империей. Возможно, утраченные «книги» кое-что рассказывали о провинциальном мире; сохранившееся выставляет Тацита не слишком надежным проводником, который никогда не обманывает, но никогда и не говорит правды. Он часто цитирует, а иногда критически исследует свои источники — истории, речи, письма, *Acta Diurna*, *Acta Senatus*, предания древних семейств, но его сведения по большей части восходят к рассказам подвергавшейся преследованиям знати, и он не отдает себе отчета в том, что казни сенаторов и убийства императоров были лишь эпизодами в долгой схватке порочных, кровожадных и компетентных монархов и упадочнической, кровожадной и некомпетентной аристократии. Его притягивают к себе яркие личности и события, которые ему гораздо интереснее, чем силы,

* Вероятно, работа была написана в 98 году, до начала похода Траяна против даков.

причины, идеи и процессы; он рисует самые блестящие и несправедливые портреты в истории, однако не имеет ни малейшего понятия о влиянии на политические события экономики, ни малейшего интереса к жизни и трудолюбию народа, к положению торговли, обстоятельствам развития науки, статусу женщин, перемене верований, достижениям поэзии, философии или искусства. У Тацита изображены смерть Сенеки, Лукана, Петрония, но не их творчество; императоры у него не строят, но только казнят. Возможно, свое воздействие на историка оказывала его аудитория; вероятно, он читал фрагменты своего произведения — следуя обычаю времени — друзьям-аристократам, которые, если верить Плинию, толпами собирались на его приемы; ему могли заметить, что собравшимся мужчинам и женщинам достаточно хорошо знакома римская жизнь, промышленность, литература и искусство, и что им не обязательно лишний раз об этом напоминать. В первую очередь им хотелось услышать волнующую историю о злых императорах, героических деяниях стоических сенаторов, долгой войне знатного сословия с тиранической властью. Мы не можем осуждать Тацита за то, что он не преуспел в выполнении тех задач, которые перед ним не стояли. Мы можем лишь сожалеть об узости его великой цели и ограниченности его державного духа.

Он не притязает на звание философа. Он славит мать Агриколы за то, что она разбудила своего сына заниматься философией с большим рвением, чем это пристало римлянину и сенатору⁸. Его воображение и искусство, как и у Шекспира, были слишком творчески активны, чтобы позволить ему спокойно размышлять о смысле и реалиях жизни. Он столь же щедр на разъясняющие комментарии, сколь и на неправдоподобные сплетни. У него трудно найти последовательные представления о Боге, человеке или государстве. Он осторожен и двусмыслен, когда речь заходит о религиозных вопросах, и высказывает предположение, что разумнее принять отеческую религию, чем пытаться заменить ее знанием⁹. Он отвергает большинство астрологов, знамений и чудес, но некоторые из них принимает; он был слишком большим джентельменом, чтобы сомневаться в том, возможность чего отстаивали столь многие. В общем, события, видимо, подтверждают справедливость догадки о «безразличии богов к добру и злу»¹⁰ и существование некоторой неведомой, может стать, своевольной силы, которая влечет людей и государства по пути, предначертанному судьбой¹¹, — *urgentibus imperii fatis*¹². Он надеется, что по смерти Агриколу ожидает лучшая жизнь, но явно сомневается в возможности этого и довольствуется последней иллюзией великих умов — надеждой на бессмертную славу¹³.

Его не утешают утопические надежды. «Большинство планов по преобразованию общества принимаются с жаром; но стоит новизне рассеяться, и все проекты оканчиваются ничем»¹⁴. В его время положение дел ненадолго улучшилось, допускает он с неохотой; но даже гений Траяна не в силах предотвратить возобновление упадка¹⁵. Рим прогнил буквально до сердцевины — прогнили сердца людей, народа, чья безалаберная душа превратила свободу в анархию¹⁶, толпы, «жадной до переворотов и перемен, с готовностью пристаивающейся к сильнейшим»¹⁷. Он скорбит о «злокозненности человеческого разума»¹⁸, высмеивает, как и Ювенал, проживающих в Риме инородцев. Изобразив Империю самыми мрачными красками, он не смеет и мечтать о возвращении к Республике, но надеется, что усыновленные императоры до-

стигнут примирения принципата со свободой¹⁹. В конечном счете, думает он, характер важнее политической системы; нацию делают великой не законы, но люди.

Если несмотря на то, что мы с удивлением находим проповедь и драму там, где искали историю, мы все же должны причислить Тацита к величайшим историкам, причиной тому — мощь писательского мастерства, которая искупает ограниченность взгляда. Он обладает видением пристальным, иногда пронизательным, всегда ярким и живым. Рисуемые им портреты предстают перед нами более выпукло, действуют на сцене более живо, чем в любом другом историческом произведении. Однако и здесь встречаются погрешности. Тацит составляет речи за своих разнообразных героев, каждая из которых проникнута его собственными воззрениями и написана его величественной прозой; он рисует Гальбу простаком и вкладывает в его уста речи мудреца²⁰. Ему не удастся подняться до требований трудного искусства изображать развитие характеров во времени. Тиберий Тацита совершенно одинаков в начале своего правления и в его конце, и если поначалу он казался человечным, Тацит представляет его закоренелым притворщиком.

Альфа и омега Тацита — его великолепный стиль. Никакому другому автору не удавалось сказать столь много в столь сжатых фразах. Это не значит, что он краток; напротив, он несистематичен и многословен и посвящает 400 страниц своей «Истории» описанию событий двух лет. Иногда его сжатость принимает крайние формы, делая текст темным и страстным; тогда для перевода каждого слова требуется как минимум предложение; глаголы и союзы отбрасываются как костыли для ковыляющих умов. Здесь перед нами кульминация отрывистости и стремительности, известных нам по Саллюстию, по содержательным эпиграммам Сенеки, по образцово уравновешенным фразам, которым обучали в риторических школах. В обширной работе подобный стиль, не облегченный отступлениями, которые написаны более привычным языком, возбуждает читателя и истощает его душевные силы, и тем не менее нельзя не обращаться вновь и вновь к этим завораживающим страницам. Эта воинственная резкость, которая больше шадит слова, чем людей, это пренебрежение к требованиям стилистики, эта тяга к пафосности и отчетливости зрительного образа, этот гул обновленного словаря и убийственная едкость и нетривиальность фразы придают сочинениям Тацита живость, колорит и мощь, недоступные ни одному другому древнему автору. Этот колорит — мрачен, настроение — угрюмо, сарказм беспощадно язвит, а общий тон напоминает тон Данте, но лишен его нежности. Совокупный эффект этих произведений потрясает. Нас несет по черной реке безжалостного рассказа, наши замечания и оговорки остаются без ответа, реален лишь ток повествования — бурный и величавый, могущественный и неистовый. Один герой за другим восходят на эту сцену и сметаются с нее; картина сменяет картину, и вот, кажется, уже весь Рим — в руинах, а участники действия все до одного мертвы. После того, как мы вышли на вольный воздух из этой комнаты ужасов, с трудом верится в то, что эта эпоха деспотизма, трусости и безнравственности увенчалась расцветом монархии при Адриане и Антонинах и кроткой порядочностью представителей Плиниева круга.

Тацит был не прав, пренебрегая философией, иначе говоря — перспективой; все его недостатки восходят в конечном счете именно к этой его ошиб-

ке. Если бы ему удалось поставить свое выдающееся перо на службу незащоренному предрассудками уму, его имя находилось бы во главе списка тех, кто трудился над формовкой и увековечением памяти и наследия человечества.

II. ЮВЕНАЛ

К несчастью, то, что мы узнаем из Тацита, подкрепляется творчеством Ювенала. То, что первый сообщает в язвительной прозе о принцепсах и сенаторах, другой воспекает в горьких стихах о мужчинах и женщинах.

Децим Юний Ювенал, сын богатого вольноотпущенника, родился в Аквине (Лаций) в 59 году. Он явился в Рим для получения образования и занимался там «развлечения ради» правом. Его сатиры выдают, каким ударом по его деревенским вкусам явилось погружение в распущенную атмосферу городской жизни. Кроме того, он завел, по-видимому, дружбу с Марциалом, в чьих эпиграммах мы едва ли увидим какие бы то ни было нравственные «предрассудки». Незадолго до смерти Домициана, утверждает не слишком надежная традиция, Ювенал сочинил и распространил среди друзей сатиру на танцоров, пользовавшихся влиянием при дворе; актер пантомимы Парис, сообщает нам, воспринял ее как оскорбление и сослал его в Египет. Трудно сказать, есть ли доля истины в этом рассказе, а если есть, то когда Ювенал вернулся в Рим. В любом случае до смерти Домициана им не было опубликовано ни одного произведения. Первый сборник самых ранних из его шестнадцати сатир появился в 101 году, четыре других сборника были выпущены им в последующие годы. Возможно, в них он делился с читателем неизгладимыми воспоминаниями об эпохе Домициана; однако негодование, делающее их столь живыми и ненадежными, позволяет предположить, что несколько лет правления «добрых императоров» не излечили общество от пороков, которыми возмущался сатирик. С другой стороны, может статься, что Ювенал осознанно избрал сатиру как исконно римскую поэтическую форму, найдя свои образцы и изрядное количество материала у Луцилия, Горация и Персия, и построил свои гневные излияния согласно риторическим принципам, с которыми познакомился еще в школе. Нам трудно судить о том, насколько мрачность красок, которыми рисовалась картина жизни императорского Рима, зависела от свойственной человеку страсти к отрицанию.

Для достижения своей цели Ювенал черпает материал отовсюду и без каких-либо затруднений во всем находит нечто такое, что может быть подвергнуто осуждению. «Мы живем в эпоху торжества порока, — думает он, — и потомкам никогда не превзойти нас в нем»²¹. Корень зла — неразборчивая в средствах погоня за богатством. Он презирает плебс, который некогда управлял армиями и свергал царей и которого можно купить теперь хлебом и зрелищами — *panem et circenses*²²⁻²³. Это одно из Ювеналовых выражений, которому его жизненность обеспечила непреходящее значение. Он скорбит о притоке в Рим восточных лиц, одежд, обычаев, запахов и богов, протестует против замкнутости еврейского образа жизни и меньше всего способен переносить «алчных гречишек» (*Graeculus esuriens*) — выродившихся потомков некогда великого, но всегда бесцельного народа. Он испытывает отвращение к доносчикам, которые, как описанный Плинием Регул, сколотили состояние, сообщая властям о «непатриотических» высказываниях; ненавидит охотников

за наследством, которые подлеживаются к бездетным старикам; проконсула, который проводит в роскоши всю свою безбедную жизнь за счет добычи, доставшейся ему в провинции; изворотливых законников, которые растягивают, словно паутину, судебные процессы. Более всего ему претят половые излишества и извращения: повеса, который, женившись, обнаруживает, что распутство сделало его импотентом, денди, чьи повадки, духи и желания делают его похожим на женщину, женщины, которые полагают, будто эмансипация должна стереть все различия между ними и мужчинами.

Его шестая и самая злая сатира посвящена слабому полу. Постум подумывает о браке; не делай этого, предостерегает его Ювенал; затем поэт переходит к изображению римских женщин, они эгоистичны, строптивы, суеверны, расточительны, сварливы, высокомерны, тщеславны, вздорны, они прелюбодействуют, для них брак ничем не отличается от развода, они предпочитают детям комнатных собачонок²⁴, занимаются атлетикой и, что еще хуже, литературой, готовы блеснуть перед вами строчкой из Вергилия, разглагольствуют о риторике и философии — «храните нас, боги, от ученых жен!»²⁶. Он заключает свое рассуждение словами о том, что едва ли во всем Риме найдется хоть одна женщина, на которой стоит жениться. Хорошая жена — это редкая птица (*gata avis*), встречающаяся реже, чем белая ворона. Он удивляется тому, что Постум думает о женитбе, когда на свете «столько веревок, на которых можно повеситься, столько доступных окон на головокружительной высоте, а до Эмилиева моста рукой подать». Нет, живи один. Выбирайся из этого раздражающего нервы бедлама, называемого Римом, поселись в каком-нибудь тихом италийском городке, где тебя будут окружать честные люди и где ты будешь в безопасности от преступников, поэтов, разваливающих доходных домов и греков²⁷. Откажись от амбиций; цель совсем не стоит твоих усилий; труды слишком длительны, а слава — скоротечна. Живи скромно, ухаживай за своим садом, желай ровно столько, сколько диктуют тебе голод и жажда, жара и холод²⁸; учись состраданию, будь добр к детям, пусть в твоём здоровом теле будет здоровый дух (*mens sana in corpore sano*)²⁹. Но только дурак будет молить богов о долголетию.

Можно понять его настроение; приятно видеть несовершенство твоих соседей и достойную презрения низость мира, так не похожую на то, что видится нам в мечтах. В случае Ювенала — удовольствие, получаемое нами, еще острее. Причина тому — забористость его словаря, беспрепятственно текущие разговорные гексаметры, черный юмор и крепость стиля. Но не следует понимать его слишком буквально. Он был разгневан; ему не удалось сделать себе в Риме карьеру так быстро, как хотелось; он избрал сладкую месть — лгать о нем, вооружившись тяжелой дубинкой и ненавистью, которая и не притязала на справедливость. Его нравственные стандарты были высоки и здоровы, хотя и окрашены консервативными предрассудками и иллюзиями насчет добродетельного прошлого. На основании этих стандартов, если пользоваться ими без жалости и меры, можно вынести обвинительный приговор любому поколению в любой части света. Сенека знал, сколь древна эта забава. «Наши прадеды, — писал он, — жаловались, мы жалуемся, и наши потомки тоже будут жаловаться на испорченность нравов, на всевластие порока, на то, что люди все глубже и глубже погружаются в бездну греха, что положение человечества из плохого становится еще худшим»³⁰. Вокруг безнравственности, существующей в любом обществе, словно вокруг ступицы, вращается широкое колесо

чистой и цельной жизни, в которой сплетены традиции и моральные императивы религии, экономические заботы о благе семьи, инстинктивная любовь и забота о детях, зоркость женщин и стражей общественного порядка, и этого достаточно, чтобы заставить нас соблюдать общественные приличия и оставаться относительно трезвомыслящими. Ювенал — величайший из римских сатириков, как Тацит — величайший из римских историков; но мы ошибемся, принимая рисуемую им картину за нечто достоверное, так же как ошибемся, некритически отнесясь к той ласкающей взор цивилизованной сцене, которая вырастает перед нами при чтении писем Плиния.

III. РИМСКИЙ ДЖЕНТЛЬМЕН

Когда он родился в Комо в 61 году, его назвали Публием Цецилием Секундом. Его отец был хозяином фермы и виллы у озера и занимал высокое положение в городе. Рано осиротевший, Плиний был усыновлен и воспитан сначала Виргинием Руфом, губернатором Верхней Германии, а затем своим дядей Гаем Плинием Секундом, автором «Естественной истории». Этот деятельный ученый сделал мальчика своим сыном и наследником и вскоре после этого погиб. Согласно обычаю, юноша взял себе имя своего приемного отца, положив начало двухтысячелетней путанице. В Риме он учился у Квинтилиана, который воспитал его вкус на творениях Цицерона и должен считаться в какой-то мере ответственным за цicerонианскую бойкость стиля Плиния. В 18 лет он получил допуск к адвокатуре; в 39 был выбран оратором, которому предстояло обратиться с приветственной речью к Траяну. В том же самом году он был сделан консулом, в 103-м — авгуром, в 105-м — «куратором русла и берегов Тибра и городских каналов». Он не получал гонораров или даров за свои юридические услуги, но он был богат и мог позволить себе великодушие. У него были именина в Этрурии, Беневенте, Комо, Лавренте, и он выражал готовность поделиться тремя миллионами сестерциев³¹.

Как многие аристократы своего времени, он развлекал себя сочинительством: сначала написал греческую трагедию, затем несколько легкомысленных стихотворений. Слыша упреки, он признавал свою вину, не чувствуя при этом раскаяния, и вновь призывал «предаться веселью, шуткам и радости, проникнуться духом самой своенравной музыки»³². Узнав о том, что его письма хвалят, он сочинил ряд писем для публикации и издал их несколькими выпусками между 97 и 109 годами. Предназначенные для широкой публики, но имевшие своей целью еще и доставить удовольствие тем кругам, о которых велась в них речь, эти письма избегали упоминания мрачных сторон римской действительности и обходили важные проблемы философии и политики, как слишком серьезные. Главная их ценность заключается в грациозной интимности и том розовом свете, которым залиты в них патрицианский быт и римский характер.

Плиний раскрывается перед читателем, будучи наполовину менее искренним, чем Монтень, но с тем же успехом, что и французский моралист. Конечно, и его не миновало авторское тщеславие, однако оно проявляется столь открыто, что ничуть не раздражает. «Признаюсь: ничто не занимает меня так сильно, как стремление прославить свои имя»³³. Других он способен оценивать столь же высоко, как и себя; при этом он добавляет: «Можно быть

уверенным в том, что человек наделен многими добродетелями, если он может восхищаться ими в других»³⁴. Как бы то ни было, это настоящее облегчение после Ювенала и Тацита — слушать добрые слова Плиния о свих согражданах. Столь же щедрый на дела, как и на слова, он всегда был наготове оказать благодеяние, сделать подарок, дать займы, мог подыскать мужа для племянницы друга, а мог и пожертвовать крупную сумму родному городу. Узнав, что Квинтилиан не в силах обеспечить своей дочери приданое, соответствовавшее высокому положению ее жениха, он послал ей 50 000 сестерциев и попросил прощения за скромность подарка³⁵. Он дал 300 000 старому школьному товарищу, чтобы тот смог войти во всаднический класс. Когда дочь друга получила в наследство одни долги, он расплатился с ее кредиторами; подвергаясь известному риску, он ссудил значительную сумму философу, изгнанному Домицианом. Родному Комо он подарил храм, среднюю школу, учебное заведение для бедных детей, муниципальную баню и 11 000 000 сестерциев на строительство публичной библиотеки.

Особенно подкупающей стороной его личности была любовь к дому, или, вернее, к домам. Он отнюдь не порицает Рима, но более счастлив в Комо или Лавренте — у озера или на берегу моря. Там его главными занятиями были чтение книг и ничегонеделание. Он любит свои сады и возвышающиеся над ними горы; ему не нужно было дожидаться Руссо, который научил бы его любить природу. С величайшей нежностью он говорит о своей третьей жене — Кальпурнии, ее мягком характере и чистом сердце, ее гордости за успехи мужа и интересе к его книгам. Она прочла их все (верилось ему) и выучила многие страницы наизусть; она перекладывала его стихи на музыку и пела их, держала при себе особый курьерский корпус, информировавший ее о каждом повороте дела, когда Плиний участвовал в важном процессе. Она была только одной из многих хороших женщин его круга. Он рассказывает о скромности, терпении и отваге четырнадцатилетней девочки, которая сразу после помолвки узнала о своей неизлечимой болезни и со светлой грустью ожидала смерти³⁶; о жене Помпея Сатурнина, чьи письма к мужу являли собой полные любви поэмы и образец изящной латыни³⁷; о дочери Тразеи Фаннии, которая без жалоб выносила изгнание, куда была отправлена за защиту мужа — Гельвидия, ухаживала за родственницей, сраженной опасным недугом, заразилась от нее и умерла; «Какая полнота добродетели, святости, сколь уравновешенна была она, сколь отважна!»³⁸

У него были сотни друзей; некоторые из них были великими, многие — хорошими людьми. Он присоединился к Тациту, когда тот преследовал Марию Приска за бесчестность и жестокость, проявленные им во время пребывания проконсулом в Африке; оба оратора поправляли друг друга и расточали взаимные комплименты; Плиний оказался на вершине блаженства, когда Тацит сообщил ему, что в глазах литературного мира они пользуются одинаково почетной репутацией ведущих писателей эпохи³⁹. Он был знаком с Марциалом, но находился на подобающем аристократу удалении от него. Он взял с собой в Вифинию Светония и помог ему получить «право трех детей», при том что тот был бездетен. Его кружок оглашался речами литературных и музыкальных дилетантов, там устраивались публичные читки стихов и речей. «Я не знаю другой такой эпохи, — говорит ученый Буассье, — когда царяла бы такая любовь к литературе»⁴⁰. На берегах Дуная и Рейна изучали Гомера и Вергилия, а Темза сотрясалась от декламаций риторов⁴¹. В своем высшем

слое это было элегантное и приветливое общество, в котором нередко можно было встретить любящие супружеские пары, отеческую любовь, человеческих господ, искренние дружбы и изощренную любезность. «Принимаю твое приглашение на ужин,— гласит одно письмо,— но прежде пообещай мне, что отпустишь меня пораньше и не станешь пускаться из-за меня на большие траты. Пусть за нашим столом будет изобилие одних только философских бесед, и даже ими давай наслаждаться в меру»⁴².

Большинство людей, описываемых Плинием, являлись представителями новой аристократии, происходившей из провинций; они не были бездельниками, ибо практически все занимали государственные должности и разделяли административные заботы Траяна, поразительно хорошо управляя Империей. Плиний и сам был направлен в качестве пропретора в Вифинию, где должен был восстановить платежеспособность некоторых тамошних городов. В сборнике его писем встречается несколько запросов, адресованных принцепсу, и содержательные ответы Траяна; судя по ним, Плиний исполнял свою миссию удачно и честно, хотя и зависел от императорских советов даже в мелочах. Его последнее письмо просит прощения за то, что он отправил больную жену домой, воспользовавшись императорским почтовым дилижансом. После этого Плиний исчезает из литературы и истории, оставив после себя подкупающее изображение римского джентльмена и Италии в самую счастливую пору ее истории.

IV. КУЛЬТУРНЫЙ УПАДОК

Мы невольно затемнили бы эти выдающиеся фигуры, окружив их светилами менее значительными. После них языческая латинская литература уже не рождала гигантов. Разум совершил великие подвиги в период между Энием и Тацитом, и теперь его силы были исчерпаны. Испытываешь шок, переходя от величественных «Анналов» и «Истории» к скандальным хроникам Светониевых «Жизнеописаний знаменитых мужей» (110 г.); история вырождается здесь в биографию, а биография — в анекдот. Страницы наполнены перечислением знамений, чудес и суеверий, и только англичанин елизаветинской эпохи — Филемон Холланд — поднял эту книгу своим переводом до уровня литературы (1606 г.). Меньшее разочарование доведется испытать тому, кто от Плиния обратится к письмам Фронтонa. Возможно, они не были предназначены для публикации, и, сравнивая их с письмами Плиния, мы поступаем не совсем честно. Некоторые из них испорчены погоней за архаизирующими оборотами, но множество писем исполнены подлинной любви учителя к своему ученику. Авл Геллий поддержал эту архаистическую тенденцию своими «Аттическими ночами» (169 г.) — крупнейшим во всей античной литературе собранием ничего не стоящих безделок; а самым полным и ярким воплощением все того же направления явился «Золотой осел» Апулея. Апулей и Фронтон происходили из Африки, и мимолетное увлечение архаической речью могло иметь одним из своих источников то обстоятельство, что африканская письменная латынь меньше римской отклонилась от норм литературного языка Республики и языка народа. Фронтон был совершенно справедливо убежден в укрепляющем воздействии народной речи на литературу; так придают новую свежесть растению, вскапывая землю у его корней. Но

юность не даруется дважды ни человеку, ни народу, ни языку, ни литературе. Ориентализация началась, и ничто не могло ее остановить. Разговорный греческий эллинистического Востока и ориентализированный Рима становился языком не только повседневного общения, но и литературы; именно его избрал для своих «Размышлений» ученик Фронтона. Аппиан, александрийский грек, обитавший в Риме, написал на греческом свои яркие истории римских войн (около 160 г.); так же поступил и Клавдий Элиан, римлянин по рождению и крови; полвека спустя Дион Кассий — римский сенатор — будет писать по-гречески свою историю Рима. Первенство в литературе вновь перешло от Рима к греческому Востоку; ее хозяином стал не греческий дух, но воспользовавшаяся эллинской речью восточная душа. Латынь еще послужит литературным гигантам, но это будут уже христианские святые.

Римское искусство пришло в упадок медленнее, чем римская литература. Техническая сноровка оставалась все той же и из-под рук римских мастеров по-прежнему выходили хорошие архитектурные сооружения, скульптуры, картины и мозаики. Бюст Нервы из Ватикана продолжает традиции живого реализма флавианских портретов, а колонна Траяна — это впечатляющие рельефы, несмотря на обилие грубых погрешностей. Адриан стремился возродить эллинистический классицизм, но рядом с этим новым Периклом не нашлось никого, кто мог бы выступить в роли Фидия; воодушевление, которое будоражило греков после Марафона, а Рим после Акции, испарилось в эпоху самоограничения, довольства и мира. Бюсты Адриана не способны выразить его характер в силу слишком большой гладкости их эллинистических очертаний; бюсты Плотины и Сабины прелестны, но портреты Антиноя отталкивают зрителя своей прилизанной женоподобной пресностью. Вероятно, классическая реакция, вдохновлявшаяся Адрианом, была ошибкой: она положила конец могучему реализму и индивидуализации, столь заметной в скульптуре эпохи Флавиев и Траяна и глубоко укорененной в итальянской традиции и характере. Невозможно достичь зрелости, не раскрыв полностью собственную природу.

При Антонинах римская скульптура пережила свой предпоследний взлет. Наконец она достигла совершенства в одном из своих творений. Это — фигура женщины, чья скрытая под вуалью голова и скромные одежды изваяны с колдовским изяществом и твердостью линий⁴³. Почти столь же хорош портрет Фаустины, супруги Марка, по-аристократически изысканный и достаточно чувственный, чтобы находиться в согласии с историческими инсинуациями. Сам Аврелий был отлит в бронзе и изваян несчетное число раз; так, задумчивым и бесхитростным, но чрезвычайно чутким юношей показывает его капитолийский бюст; произведение, находящееся в той же коллекции, изображает его облаченным в доспехи профессором с завитыми волосами. Каждый турист знает державную бронзовую статую императора Аврелия на коне, которая со времен восстановительных работ, проведенных Микеланджело, занимает господствующее положение на площади римского Капитолия.

До самого конца любимым римским искусством оставался рельеф. Этрусский и эллинистический обычай вырезать мифологические или исторические сцены на саркофагах был при Адриане вызван из забвения, так как именно тогда надежда на бессмертие приняла более личностную и даже физически зримую форму, а на смену кремированию пришло погребение. До нас дошли одиннадцать панелей, сохранившиеся от триумфальной арки, которая была

возведена в память военных походов Аврелия*: они показывают, какого совершенства достиг натуралистический стиль. Мы не найдем здесь идеализации, каждый персонаж предельно индивидуализирован; Марк, без надменности принимающий капитуляцию поверженного противника, притягательно человечен. Победенные изображены здесь не варварами, но людьми, достойными своей долгой борьбы за свободу. В 174 г. сенат и народ Рима воздвигли Аврелию эту колонну, которая украшает Пьяцца Колонна до сих пор; вдохновляясь образцом колонны Траяна, она показывает Маркоманские войны при помощи того полного сочувствия к людям искусства, которое воздаст равные почести победителям и побежденным.

Дух императора позволил придать своеобразную форму искусству и нравам его времени. Игры стали менее кровавыми, законы стали больше заботиться о слабых, браки были теперь более прочными и счастливыми. Безнравственность, конечно же, никуда не исчезла; в меньшинстве люди предавались распутству открыто, а в большинстве предпочитали таиться, как это и бывает во все времена; однако имморализм, достигший своего пика при Нероне, стал клониться к закату после его смерти и больше не был моден. Мужчины и женщины возвращались под сень старинной религии или становились приверженцами новых; философы одобрительно кивали головами. В эту эпоху Рим буквально кишел ими — приглашенными, привлеченными или терпеливо переносимыми Аврелием; они использовали на полную мощь преимущества, которые предоставили им его власть и щедроты, ими был полон двор императора, им доставались должности и пожалования, они читали бесчисленные лекции и открыли множество школ. В лице своего державного ученика они подарили миру титана и разрушителя античной философии.

V. ИМПЕРАТОР-ФИЛОСОФ

За шесть лет до своей смерти Марк Аврелий сидел в своей палатке, стараясь сформулировать свои мысли о человеческом существовании и предназначении. Мы не можем с уверенностью утверждать, что *Ta eis heauton* — «К себе» — предназначалось к опубликованию; вероятно, так и было, ибо даже святые тщеславны и даже самые великие люди действия способны переживать минуты слабости, когда они решаются сесть за написание книги. Марк не был искушенным писателем; все, чему его научил Фронтон, было теперь для него бесполезным, так как он писал на греческом; кроме того, эти «Золотые Мысли» составлялись в промежутках между походами, боями, мятежами и лишениями; мы должны простить императору их отрывочность и бесформенность, частые повторения одних и тех же замечаний, попадающиеся кое-где банальности. Эта книга драгоценна прежде всего своим содержанием — своей нежностью и прямоотой, своими полубессознательными откровениями языческо-христианской, одновременно античной и средневековой души.

Как и большинство мыслителей того времени, Аврелий видел в философии не спекулятивное описание бесконечности, но школу добродетели и образ жизни. Он не беспокоится о том, чтобы открыть свои мысли о Боге; иногда он говорит, словно агностик, признаваясь в собственном незнании;

* Восемь из них украшают Арку Константина; три находятся в Музее Консерваторов.

однако даже сделав уступку философии, он относится к традиционной вере с бесхитростным благочестием. «Для чего мне такая жизнь,— спрашивает он,— жизнь во вселенной без богов и Провидения?»⁴⁴. Он говорит о божестве то в единственном, то во множественном числе, с тем же безразличием, какое слышится в Книге Бытия. Он приносил публичные молитвы и жертвы старым богам, однако в своих укромных мыслях был пантеистом, находившимся под глубоким впечатлением от упорядоченности космоса и мудрости Бога. Он обладал индуистским ощущением взаимозависимости мира и человека. Он дивился тому, что дети вырастают из столь крохотного семени, восхищался тем, насколько чудесным событием является образование органов, укрепление телесных сил и разума, возникновение желаний под действием крохотного кусочка пищи⁴⁵. Он верил, что, будь мы на это способны, мы уловили бы во вселенной ту же упорядоченность и творческую силу, которую столь отчетливо видим в человеке. «Все вещи переплетены друг с другом, и эта связь священна... Всем наделенным сознанием существам присущ общий разум; один и тот же бог проникает все, одна субстанция, один закон, одна истина... Или ты думаешь, что зримый порядок есть только в тебе, а Целое не знает порядка?»⁴⁶

Он согласен с тем, что нелегко согласовать зло, страдания, заведомо незаслуженные несчастья с существованием благого Провидения; однако мы не можем судить о месте какого бы то ни было элемента или события во всеобщности вещей, пока не познаем целого; а кто может претендовать на подобную широту взгляда? Поэтому с нашей стороны было бы дерзостью и нелепостью судить мир; мудрость заключается в признании нашей ограниченности, в стремлении стать частичкой, гармонирующей с миростроем, в попытке ощутить присутствие Разума под покровами видимого мира и в добровольном с ним сотрудничестве. Для того, кто встал на такую точку зрения, «все свершающееся совершается согласно справедливости», то есть природному ходу вещей⁴⁷. Не может являться злом ничто существующее по природе⁴⁸. Для понимающего человека все естественное — прекрасно⁴⁹. Все, что есть, предопределено вселенским разумом, имманентной логикой мироздания; каждая его часть должна радостно смиряться со своей скромной ролью и судьбой. «Невозмутимость (пароль умирающего Антонина) проистекает из добровольного принятия того, что назначено тебе природой целого»⁵⁰.

Все мне пригодно, мир, что угодно тебе; ничто мне не рано и не поздно, что вовремя тебе; все мне плод, что приносят твои, природа, сроки. Все от тебя, все в тебе, все к тебе⁵¹.

(Перевод А. К. Гаврилова)

Знание только тогда чего-нибудь стоит, когда служит истинному жизненному благу. «Но что способно наставить человека на путь? Только одно — философия»⁵² — не как логика или ученость, но как непрерывное развитие в себе выдающихся нравственных качеств. «Будь исправен, или — исправлен»⁵³. Бог наделил каждого человека ведущим его демоном или обитающим в теле духом, — разумом. Добродетель — это жизнь разума.

(Таковы начала разумной души:) ...она обходит весь мир и пустоту, его окружающую, и его очертания, распространяется на бес-

конечность времен, вмещающая в себя и всеобщие возрождения после кругообращений; и их она охватывает, обдумывает и узревает, что не увидят ничего особенно затейливого те, кто после нас, как не видали ничего особенно хитрого те, кто были до нас. Нет, сорокалетний, если есть в нем сколько-нибудь ума, некоторым образом благодаря единообразию все уже увидел, что было и что будет⁵⁴.
(Перевод А. К. Гаврилова)

Марк полагает, что его предпосылки принуждают его к пуританизму. «Наслаждение не является ни полезным, ни благим»⁵⁵. Он отрекается от плоти и ее дел и временами говорит словами какого-нибудь Антония в Фиваиде:

Смотри, сколь эфемерны и никчемны человеческие дела, и что было вчера комочком слизи, завтра превратится в мумию или прах... Вся человеческая жизнь — только мгновение, но сколько же в нем забот... и с каким никудышным телом приходится в нем существовать! ...Выверни и взгляни, каково оно⁵⁶.

Разум должен стать твердыней, свободной от человеческих желаний, страстей, гнева и ненависти. Он должен настолько глубоко погрузиться в себя, чтобы не замечать ни ударов судьбы, ни уколов вражды. «Каждый стоит столько, сколько стоит то, о чем он хлопочет»⁵⁷ (перевод А. К. Гаврилова). Он нехотя соглашается с тем, что в этом мире имеются и дурные люди. Обращаясь с ними следует, не забывая о том, что они тоже люди, невинные жертвы своих собственных слабостей в силу того, что так помимо их воли сложились обстоятельства⁵⁸. «Если кто-то поступил с тобой плохо, вред нанесен им самому себе; твоя обязанность — простить ему»⁵⁹. Если тебя печалит лицемерие дурных людей, думай о тех замечательных личностях, с которыми ты встречался в жизни, и о множестве добродетелей, которые примешаны даже к несовершенным характерам⁶⁰. Добрые или злые, все люди — братья, потомки одного Бога; даже самый отвратительный варвар — гражданин того отечества, к которому принадлежим мы все. «Как Аврелий я называю своей родиной Рим, как человек — весь мир»⁶¹. Непрактична ли эта философия? Ничуть не бывало: нет ничего победительнее доброго расположения духа, если оно искренне⁶². Настоящий праведник недоступен несчастью, потому что какое бы горе на него ни навалилось, оно не способно лишить его души.

Может быть, это (несчастное) событие помешало тебе быть справедливым, великодушным, здравомысленным, разумным... скромным, свободным? Убивают, терзают, травят проклятиями. Ну и что это для чистоты, рассудительности, здравости и справедливости мысли? Как если бы стоял кто у прозрачного, жажду утоляющего родника и начал его поносить. Уж и нельзя будет пить источаемую им влагу? Да пусть он бросит туда грязь, а то и хуже — вода быстро рассеет все это, размочит и ни за что этим не пропитается. Все, что приносит тебе неприятности, одолевай таким принципом: это не несчастье, а благородно переносить это — и есть настоящее счастье... Ты видишь, сколь мало таких вещей, узрев

которые, человек преисполняется силами и живет покойной жизнью, напоминающей существование богов⁶³.

Однако жизнь Марка отнюдь не была покойна. Ему приходилось убивать германцев в то самое время, когда писалось это Пятое Евангелие, а в конце, перед лицом смерти, он не мог найти утешения в сыне, который продолжил бы его дело, и был лишен надежды на счастье за гробом. Душа и тело распадаются на элементы, из которых они сложились, и возвращаются в материнское лоно покинутых ими стихий.

Если век пребывают души, то как вмещает их воздух? А как земля вмещает тела погребенных от века? Подобно тому, как там превращение и распад дают место другим мертвым для некоего продленного пребывания, так и перешедшие в воздух души, некоторое время сохраняясь, превращаются, изливаются и воспламеняются, воспринимаемые в осеменяющий разум целого, и дают таким образом место вновь подсеяемым⁶⁴... Как часть в целом ты возник и в породившем тебя исчезнешь... И ты тоже — так желает природа... Так вот — пройти в согласии с природой эту малость времени и расстаться кротко, как будто бы упала зрелая уже олипка, благословляя выносившую ее и чувствуя благодарность к породившему ее дереву⁶⁵.

(Перевод А. К. Гаврилова)

VI. КОММОД

Когда офицер гвардии спросил у умирающего Марка пароль на день, тот ответил: «Иди к восходящему солнцу, мое солнце уже закатывается». Восходящему солнцу было девятнадцать лет, это был крепкий и лихой юноша, несдержанный, безнравственный, бесстрашный. От него скорее, чем от Марка — этого недомогающего святого, можно было ожидать вступления в войну до победы или смертного конца; вместо этого он немедленно заключил с врагом мир. Противник обязывался отвести все свои войска из прилегающих к Дунаю районов, вернуть всех римских пленников и дезертиров, выплачивать Риму ежегодную подать зерном и поставить 13 000 воинов в римские легионы⁶⁶. Весь Рим, кроме плебса, осудил его; полководцы негодовали, видя, как ускользает у них из-под носа загнанная в капкан добыча, чтобы однажды вновь сразиться с Римом. В правление Коммода, однако, дунайские племена не доставляли особых хлопот.

Юный принцепс, хотя и не был трусом, к тому времени уже достаточно насмотрелся на войну; для того чтобы насладиться Римом, ему нужен был мир. Вернувшись в столицу, он унизил сенат и осыпал народ беспрецедентными подарками, наделив каждого гражданина 725 денариями. Не найдя применения своей кипучей энергии в политике, он загонял диких зверей на императорских землях и настолько хорошо овладел мечом и луком, что решил дать публичное представление. На время он покинул дворец и поселился в гладиаторской школе. Он участвовал в скачках, правя колесницей, и бился на арене с животными и людьми⁶⁷. Надо полагать, что его противники поддава-

лись ему; но он, не задумываясь, выходил на бой с гиппопотамом, слоном и тигром без помощников и даже не позавтракав, а животные, пожалуй, не способны отличать царственного бойца от обычного гладиатора⁶⁸. Он был настолько выдающимся стрелком из лука, что на одном из представлений сотней стрел уложил сотню тигров. Он позволял пантере наброситься на осужденного преступника, а затем убивал животное одним выстрелом, оставляя человека невредимым для новой смерти⁶⁹. Он требовал, чтобы его подвиги фиксировались в *Acta Diurna*, и настаивал на том, чтобы тысячи его гладиаторских боев оплачивались из государственной казны.

Историки, от которых нам приходится в настоящем изложении зависеть, писали, как и Тацит, с точки зрения и исходя из традиций оскорбленной аристократии. Мы не можем определить, имеет ли под собой реальную почву множество сообщаемых ими поразительных подробностей. Возможно, во многом они руководствовались в первую очередь жаждой мести. Нас уверяют, что Коммод был пьяницей и игроком, что он проматывал общественные средства, содержал гарем из 300 женщин и 300 юношей и любил время от времени изменять свой пол — во всяком случае, он носил женское платье даже на публичных играх. До нас дошли рассказы о невероятной кровожадности императора: Коммод приказал почитателю Беллоны отрубить себе руку в доказательство благочестия; заставил нескольких почитателей Исиды бить себя в грудь сосновыми шишками, пока те не умерли; убивал людей без разбора палицей Геркулеса; собирал вместе калек и пронзал их одного за другим стрелами...⁷⁰. Одна из его любовниц, Марция, была, очевидно, христианкой; ради нее, гласит предание, он помиловал нескольких христиан, которых приговорили к каторжным работам на сардинских рудниках. Ее преданность Коммоду свидетельствует, что в этом человеке, которого описывают более свирепым, чем любого зверя, было нечто заслуживающее любви, нечто, о чем ни слова не сказали историки.

Как и его предшественники, он был подвигнут на жесточайшие злодеяния страхом перед убийцами. Его тетка Луцилла организовала заговор с целью его убийства; ее замыслы были раскрыты, сама она казнена, а по подозрению в причастности к заговору Коммод уничтожил столь много высокопоставленных людей, что едва ли кто-нибудь из тех, кто занимал выдающееся положение при Марке, остался после этого в живых. Доносчики, о которых ничего не было слышно почти целое столетие, снова развили свою оказавшуюся вдруг в почете деятельность, и новый террор бушевал в Риме. Назначив Перенниса префектом претория, Коммод уступил бразды правления ему и (свидетельствует традиция) полностью погрузился в распутные наслаждения. Переннис правил эффективно, но беспощадно; он организовал свой террор и уничтожил всех своих противников. Император, подозревавший, что Переннис метит на его место, выдал этого нового Сеяна сенату, который вновь сыграл роль безжалостного мстителя. Клеандр, бывший раб, пришел на смену Переннису (185 г.) и далеко превзошел его в коррумпированности и жестокостях. Любую должность можно было теперь получить за соответствующую мзду, любое решение любого суда могло быть пересмотрено. По его приказам сенаторы и всадники предавались смерти за измену, то есть критику властей. В 190 г. толпа осадила виллу, на которой пребывал Коммод, и потребовала смерти Клеандра. Император удовлетворил их требование. Преемник Клеандра Лет, пробыв у власти три года, решил, что его время настало.

Однажды он случайно наткнулся на проскрипционный список, в котором были имена его друзей и сторонников и имя Марции. В последний день 192 г. Марция поднесла Коммоду чашу с ядом; когда оказалось, что яд действует слишком медленно, атлет, которого император держал при себе как партнера по упражнениям, задушил Коммоду в бане. Император умер молодым человеком тридцати одного года.

Когда скончался Марк, кривая римской истории уже миновала свою высшую точку и римская цивилизация была тронута упадком. Границы Империи были продвинуты за Дунай, достигли Шотландии и Сахары, Кавказа и России, подступили к воротам Парфии. Она объединила эту мешанину народов и верований не языком и культурой, но экономикой и правом. Рим создал из своих просторов величественную державу, внутри которой существовал беспрецедентно свободный и масштабный товарообмен. На протяжении двух столетий Рим оберегал это огромное царство от варварских вторжений и обеспечивал ему мир и безопасность. Весь мир, подвластный белому человеку, взирал на Рим как на центр универсума, всемогущий и вечный город. Никогда еще не существовало такого богатства, такого великолепия и такой мощи.

И тем не менее среди того благополучия, которым озарялся Рим во втором веке, уже пустили ростки семена кризиса, который в следующем веке обратит Италию в развалины. Марк во многом ответствен за это разорение: он назначил своим наследником Коммоду и вел войны, в ходе которых в руках императора сосредоточилось еще больше власти, чем прежде. Коммод сохранил за собой в мирное время те прерогативы, которыми Аврелий пользовался во время войны. Частная и местная независимость, инициатива и гордость сходили на нет по мере роста всевластия и функций государства. Благополучие народов было подорвано непрерывным ростом налогов, которые шли на содержание раздувающегося бюрократического аппарата и на бесконечные превентивные удары. Запасы полезных ископаемых Италии постоянно сокращались⁷¹, эпидемия и голод бушевали в стране, система обработки земли руками рабов приходила в упадок, государственные расходы и подачки истощили казну и понизили ценность денег. Итальянская промышленность теряла свои провинциальные рынки в силу конкуренции со стороны провинциальных производителей, и не проводилось никакой экономической последовательной политики, которая могла бы возместить потери, связанные с ослаблением внешней торговли, посредством повышения покупательской способности граждан. Между тем провинции уже оправились от поборов Суллы, Помпея, Цезаря, Кассия, Брута и Антония; оживали их старинные промыслы, ремесло процветало, новоприобретенное богатство позволяло им финансировать науку, философию и искусство. Их сыны пополняли ряды легионов, их полководцы вели солдат на врага; вскоре Италия окажется в полной зависимости от их армий, которые будут провозглашать своих командиров императорами. Процесс завоевания завершился и теперь протекал в обратную сторону. Настало время, когда побежденные начнут поглощать победителей.

Словно сознавая серьезность этих предзнаменований и проблем, к концу эпохи Антонинов римский разум погружался в культурную и духовную спячку. Практический полное отстранение от участия в делах государства сначала народных собраний, а затем и сената лишило умы того плодотворного стимула, который исходил от свободной политической деятельности и глубоко

укорененного сознания своих прав и свобод. Поскольку принцип сконцентрировал практически всю власть в своих руках, постольку граждане оставили ему и всю полноту ответственности. Все больше и больше граждан, даже среди аристократии, предпочитали уйти в семейные заботы и частную жизнь; люди превратились в атомы, и общество стало разрушаться изнутри как раз в тот момент, когда показалось, что оно абсолютно едино. Разочарование демократией сменилось разочарованностью в монархии. «Золотые мысли» Аврелия часто были свинцово тяжелыми мыслями, взвешиваемыми на весах понимания того, что проблемы Рима не поддаются разрешению, что быстро умножающихся в числе варваров не может долго сдерживать бесплодная и миролюбивая раса. Стоицизм, который начинал с проповедования силы, заканчивал проповедью резиньяции. Почти все философы заключили мир с религией. На протяжении четырехсот лет стоицизм являлся для высших классов субститутотом религии; теперь субститут был отброшен в сторону, и власть издавать нравственные заповеди вернулась от книг философов к алтарям богов. Но и язычество умирало. Как и Италия, оно держалось только государственной помощью, и его силы были близки к окончательному истощению. Оно одолело философию; но вокруг уже произносили с благоговением имена новых, наступающих божеств. Эпоха вынашивала в своем чреве нечто неслыханное: восстание провинций и невероятную победу Христа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Boissier, *Tacitus*, 2.
- ² Тацит. *Агрикола*, 9.
- ³ Плиний. *Письма*, II, 1; VI, 16.
- ⁴ *Агрикола*, конец.
- ⁵ *Германия*, 25, 27.
- ⁶ *Анналы*, III, 66.
- ⁷ *История*, I, 1.
- ⁸ *Агрикола*, 4.
- ⁹ *Германия*, 34.
- ¹⁰ *Анналы*, XVI, 33.
- ¹¹ Там же, III, 18; VI, 22.
- ¹² *Германия*, I, 33.
- ¹³ *Агрикола*, 46.
- ¹⁴ *Анналы*, VI, 17.
- ¹⁵ *Агрикола*, 3.
- ¹⁶ *Диалог об ораторах*, 40.
- ¹⁷ *История*, III, 12, 64.
- ¹⁸ *Агрикола*, 18.
- ¹⁹ *История*, I, 16.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Ювенал, I, 147.
- ²²⁻²³ Там же, X, 81.
- ²⁴ Там же, VI, 652.
- ²⁵ Там же, VI, 434.
- ²⁶ Там же, 448.
- ²⁷ Там же, III.

- ²⁸ Там же, XIV, 316.
²⁹ Там же, X, 356.
³⁰ Сенека. *О благодеяниях*, I, 10; *Письма*, XCIV.
³¹ Плиний, *Письма*, III, 19.
³² Там же, V, 3.
³³ Там же, 8.
³⁴ Там же, I, 17.
³⁵ Там же, VI, 32.
³⁶ Там же, V, 16.
³⁷ Там же, I, 16.
³⁸ Там же, VII, 19.
³⁹ Там же, VII, 20; IX, 23.
⁴⁰ Boissier, *Tacitus*, 19.
⁴¹ Гиббон, I, 57.
⁴² Плиний. *Письма*, III, 12.
⁴³ Strong, II, илл. 435.
⁴⁴ Марк Аврелий, II, 11.
⁴⁵ Там же, VII, 75.
⁴⁶ Там же, 9; IV, 40, 27.
⁴⁷ Там же, IV, 10.
⁴⁸ Там же, II, 17.
⁴⁹ Там же, III, 2.
⁵⁰ Там же, X, 8.
⁵¹ Там же, IV, 23.
⁵² Там же, II, 17.
⁵³ Там же, VII, 12.
⁵⁴ Там же, XI, 1.
⁵⁵ Там же, VIII, 10.
⁵⁶ Там же, IV, 42, 48; VIII, 21.
⁵⁷ Там же, VII, 3.
⁵⁸ Там же, II, 1.
⁵⁹ Там же, IX, 38; VII, 26.
⁶⁰ Там же, VI, 48.
⁶¹ Там же, 44.
⁶² Там же, XI, 18.
⁶³ Там же, IV, 49; VIII, 61; II, 5.
⁶⁴ Там же, IV, 21; VIII, 18; II, 17.
⁶⁵ Там же, IV, 14; 48; IX, 3.
⁶⁶ Дион, LXXII, 2—3.
⁶⁷ Авторы жизнеописаний Августов. «Коммод», 2, 14, 15.
⁶⁸ Дион, LXXXIII, 19.
⁶⁹ Авторы жизнеописаний Августов, 13.
⁷⁰ Там же, 2, 10, 11.
⁷¹ Paul-Louis, 215.

КНИГА IV

ИМПЕРИЯ

146 г. до н.э. — 192 г. н.э.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

До н. э.

- 1200: Гойдельские кельты вторгаются в Англию
 900: Бритонские и бельгские кельты вторгаются в Англию
 350: Пифей из Массалии исследует Северное море
 248: Начало династии Аршакидов в Парфии
 241—10: Сицилия превращается в провинцию
 238: Захват Сардинии и Корсики
 211—190: Аршак II в Парфии
 197: Захват Испании
 170—38: Митридат I в Парфии
 168: Захват Македонии
 167: Иллирик
 146: Ахайя, «Африка», Эпир
 145—130: Птолемей VII
 135—105: Иоханан Гиркан, царь Иудеи
 135—51: Посидоний
 133: Аттал III завещает Риму Пергам
 124—88: Митридат II в Парфии
 121: Нарбонская Галлия
 112—05: Югуртинская война
 110: Филон Византийский, врач
 104—78: Александр Яннай, царь Иудеи
 102: Киликия; Памфилия
 88—4: Первая Митридатова война
 88: Избиение римлян на Ближнем Востоке
 83—1: Вторая Митридатова война
 78—69: Александра, царица Иудеи
 76: Тимомах Византийский, художник
 75—63: Третья Митридатова война
 74: Вифиния
 74—67: Кирена и Крит
 69—63: Аристокл П, царь Иудеи
 64: Сирия
 63: Понт и Иудея становятся римскими провинциями
 63—40: Гиркан II, царь Иудеи
 58: Кипр
 58—50: Покорение Цезарем Галлии
 55, 54: Цезарь в Британии
 50: Герон Александрийский; Мелеагр Гадарский
 46: Нумидия
 40: Вторжение парфян в Сирию
 37—4: Ирод Великий

30: Египет

25: Галатия

25—24: Экспедиция Элия Галла в Счастлиую Аравию

17: Завоевание Верхней и Нижней Германии

15: Норик; Ретия

14: Приморские Альпы

11: Мезия

7: Расцвет географа Страбона

4 (?): Рождение Христа

4—6 г. н.э.: Архелай, царь Иудеи; Ирод Антипа, тетрарх Галилеи

н. э.

17: Каппадокия

40: Мавритания

43: Британия

47: Восстание Карактака

50: Диоскорид, фармаколог

51—63: Война между Парфией и Римом

55—60: Корбулон покоряет Армению

61: Восстание Буодикки

64: Коттиевы Альпы

70—80: Захват Уэльса

77—84: Агрикола, губернатор Британии

72: Угасание династии Селевкидов

89: Плутарх в Риме

90: Эпиктет

95: Дион Хризостом

100: Аполлодор Дамасский, архитектор

105: Аравия Петрея

107: Дакия

114: Армения, Ассирия, Месопотамия

115: Соран Эфесский, врач

117: Адриан упраздняет провинции Армения и Ассирия

120: Марин Гирский, географ

122: Вал Адриана в Англии

130: Основание на месте Иерусалима Элии Капитолины; Теон Смирнский, математик; Арриан из Никодемии, историк; Клавдий Птолемей, астроном

142: Вал Антонина Пия в Англии

147—191: Вологез III в Парфии

150: Лукиан; Элий Аристид

160: Гален, врач; Павсаний, географ

190: Философ Секст Эмпирик

227: Конец династии Аршакидов

ГЛАВА 21

Италия

I. СПИСОК ГОРОДОВ

ДАВАЙТЕ же ненадолго задержимся у картины этого хрупкого расцвета и попробуем понять, что Империя была чем-то более великим, чем Рим. Мы слишком долго пребывали в созерцании этого блестящего центра, который ныне гипнотизирует историков, как некогда пленял провинциалов. В действительности жизненные силы этой великой державы покинули испорченную и умирающую столицу; то, что осталось от здоровья и силы Империи, множество прекраснейших творений, главные центры умственной жизни сосредоточились ныне в провинциях и Италии. Нам никогда не составить себе правильного представления об истинном значении Рима, о его захватывающих достижениях в деле организации и умиротворения до тех пор, пока мы не покинем пределов Города и не отправимся в путешествие по тысячам городов, составлявших Римский мир*.

«С чего начну я это свое предприятие? — вопрошал Плиний Старший, приступая к своему описанию Италии. — Столь о многих местах предстоит мне сказать — кто из людей способен перечислить их все? — столь велика слава каждого из них!»¹. Вокруг Рима и к югу от него лежал Лаций, бывший некогда матерью, затем врагом, затем житницей, наконец, парком города, по которому были разбросаны виллы и дома тех римлян, что обладали одновременно деньгами и вкусом. На юг и запад от столицы гладко вымощенные дороги и Тибр вели к речным гаваням Порты и Остии на Тирренском море. Расцвет Остии пришелся на второй и третий века нашей эры. Купцы и портовые грузчики теснились на ее улицах и заполняли ее театры; их особняки и многоквартирные дома весьма походили на те здания, которые можно увидеть в Риме сегодня; еще в пятнадцатом столетии некий флорентийский путешественник поражался богатством города и его роскошным убранством. Несколько уцелевших колонн и изящно спроектированный и выполненный алтарь доказывают, что даже занятые коммерцией жители этого городка впитали в себя классическое чувство прекрасного.

К югу на морском побережье вставал Антий (Андио), в котором богатейшие римляне, многие императоры и любимые божества имели дворцы и храмы, тянувшиеся к морю, чтобы поймать освежающее дуновение ветерка. На этих трех милях развалин были обнаружены такие выдающиеся скульптуры, как Гладиатор Боргезе и Аполлон Бельведерский. Неподалеку сохранившийся монумент напоминает «превосходнейшим гражданам», которые вот уже девятнадцать веков в могиле, о том, что они имели недавно удоволь-

* Читатель может проследить маршрут нашего путешествия по карте, помещенной в конце книги.

ствие лицеизреть гибель одиннадцати гладиаторов в битве с десятью свирепыми животными². К северу отсюда, за подступающими к морю холмами, находились Аквин, в котором родился Ювенал, и Арпин, кичившийся Марием и Цицероном. В двадцати милях от Рима расположился древний город Пренесте (Палестрина); его прелестные домики строились на террасах, прорезавших горные склоны, его сады славилась своими розами, его вершина была увенчана знаменитым храмом богини Фортуны Примигении, которая помогала роженицам и за наличные выдавала оракулы. Тускул, находившийся в десяти милях от Рима, также изобиловал садами и виллами; здесь родился Катон Старший и происходило действие «Тускуланских бесед» Цицерона*. Самым славным из римских пригородов был Тибур (Тиволи), где Адриан разместил свой огромный загородный дом и Зенобия, царица Пальмиры, провела годы своего плена.

К северу от Рима лежала Этрурия, переживавшая в век принципата относительное возрождение. Перусия была сильно разрушена и восстановлена Августом, чьи художники украсили здесь древнюю этрусскую арку. Арреций подарил Риму Мецената, а всему миру — керамику. Пизы были уже в те времена городом седой древности: его название и возникновение восходят к греческим колонистам из Писы на Пелопоннесе, которые существовали тем, что сплавляли лес по реке Арн. Вверх по течению той же реки находилась молодая римская колония — Флоренция, о блестящем будущем которой в те времена, пожалуй, никто и не подозревал. В северо-западном углу Этрурии были каррарские каменоломни. Прекраснейший из римских мраморов доставлялся отсюда в порт Луну, а затем на кораблях переправлялся в столицу. Генуя издавна служила рынком сбыта товаров, произведенных в Северной Италии; еще в 209 г. до н. э. она была разрушена карфагенянами в безжалостной коммерческой войне; с тех пор ее разрушали неоднократно, и всякий раз она восставала из праха еще прекрасней, чем прежде.

У подножия Альп лежала Августа Тавринов, основанная галльским племенем тавринов и сделанная Августом римской колонией. Ее древние мостовые и водостоки можно еще и теперь видеть под улицами Турина; с августовских времен сохранились массивные ворота, напоминающие о том, что город являлся некогда бастионом против северных захватчиков. Здесь неторопливый Пад (По), берущий свое начало в Коттиевых Альпах, сворачивает на двести пятьдесят миль к востоку и рассекает Северную Италию на области, известные в эпоху Республики как Транспаданская и Циспаданская Галлии. Долина По была самым плодородным регионом на всем полуострове, а поэтому и самым густонаселенным и процветающим. У альпийских предгорий лежали озера — Вербан (Маджоре), Ларий (Комо), Бенак (Гарда), чья красота завораживала взоры древних, так же, как завораживает сегодня нас. Из Комо — родины Плиния Младшего — торговый маршрут вел на юг — в Медиолан (Милан). Заселенный в пятом веке до н.э. галлами, он уже во дни Вергилия являлся столицей и образовательным центром севера; в 286 г. он сменит Рим в роли столицы Западной Империи. Верона контролировала торговлю через перевал Бреннер и была достаточно богата, чтобы иметь амфитеатр (недавно реставрированный) на 25 000 зрительских мест. Вдоль извивов По вставали

* Наследник Тускула Фраскати по-прежнему является курортом для итальянских богачей. Здесь находятся виллы Альдобрандини, Торлонья, Мондрагоне и других³.

Плаценция (Пьяченца), Кремона, Мантуя и Феррара, являвшиеся первоначально пограничными городами, которые должны были держать в страхе галлов.

К северу от По и востоку от Адидже лежала Венеция. Этот район получил свое название от племени венетов, давно эмигрировавших из Иллирии. Геродот рассказывает о том, что вожди этих племен ежегодно собирали в своих деревнях девиц на выданье, оценивали каждую в соответствии с ее красотой, выдавали замуж мужчине, способному заплатить требуемую сумму, и использовали полученные деньги для того, чтобы снабдить привлекательным приданым менее привлекательных девиц⁴. Самой Венеции тогда еще не существовало, но на месте Полы (Истрийский полуостров), Тергесте (Триест), Аквилеи и Патавия (Падуа) крупные городские центры увенчивали чело Адриатики. С римских времен Пола сохранила величественную арку, прелестный храм и амфитеатр, лишь немногим менее впечатляющий, чем его образец — Колизей. Южнее По от Плаценции протянулась линия важных городов: Парма, Мутина (Модена), Бонония (Болонья), Феванция (Фаенце) и Аримин. Здесь, в Римини, можно увидеть один из лучше всего сохранившихся римских мостов, которые в несметных количествах строились когда-то римскими инженерами. По этому мосту в город вступала Фламиниева дорога, проходя через арку, которая была столь же крепка и властна, как римский характер. Из Бононии в Равенну, эту Венецию эпохи Империи, вело ответвление дороги, проложенное на сваях через болота, которые были образованы несколькими реками, изливавшими свои воды в Адриатику. Страбон пишет, что «благодаря мостам и паромным переправам по ней велось интенсивное сообщение»⁵. Август разместил здесь свой Адриатический флот, и несколько императоров пятого века избрали Равенну своей столицей. Более высокое плодородие Северной Италии, ее более здоровый и бодрящий климат, минеральные ресурсы, разнообразие ремесла и промыслы и стоившая небольших издержек благодаря речному сообщению торговля позволили данному региону достичь экономического превосходства над Центральной Италией в первом веке нашей эры и политического лидерства — в третьем.

К югу от Аримина, на восточном побережье — скалистом, неприветливом, лишенном гаваней — было немного значительных городов севернее Брундизия. И все же в Умбрии, Пицене, Самнии и Апулии было множество городков, о богатстве и искусстве которых можно судить на основании исследований в Помпеях. В Асии родились Проперций и святой Франциск, в Сарсине — Плавт, в Амитерне — Саллюстий, в Сульмоне — Овидий, в Везузии — Гораций, Беневент был знаменит не только разгромом Пирра, но и огромной аркой, воздвигнутой здесь Траяном и Адрианом; на ее мужественных рельефах Траян изложил историю своих достижений в мире и на войне. На юго-восточном побережье находился Брундизий, контролировавший грузопоток и морские связи с Далмацией, Грецией и Востоком. На «подкове» помещался Тарент, некогда гордый город-государство, бывший теперь медленно угасающим зимним курортом для римских магнатов и аристократов. В Южной Италии большая часть земли была занята латифундиями и превращена в пастбища. Города лишились покровительства крестьян, и их деловые классы постепенно вымирали. Греческие общины, состязавшиеся прежде друг с другом в богатстве, были разрушены инфильтрацией варваров и Второй Пунической войной, став теперь заштатными городками, в которых латынь понемногу вытесняла греческий. На «носке» находился Регий (Реджо), имев-

ший прекрасную гавань и процветающую торговлю с Сицилией и Африкой. Выше по западному побережью Велия едва помнила о тех днях, когда ее, называвшуюся тогда Элеей, Парменид и Зенон озадачивали метафизической поэзией и проказливыми парадоксами. Посидония, которая по-прежнему очаровывает туристов пышными храмами, была переименована римскими колонистами в Пестум, и население, состоявшее изначально из одних греков, постепенно теряло свой исконный характер под действием притекавшей из окрестностей варварской — в данном случае итальянской — крови. Только в Кампании еще сохранялась греческая цивилизация Италии.

Географически Кампания — горы и средиземноморское побережье вокруг Неаполя — являлась частью Самнии. Экономически и культурно это был отдельный мир, промышленно более высокоразвитый, чем Рим, могущественный финансово, кипевший на крохотном клочке земли политическими страстями, литературными состязаниями, художественной плодотворностью, эпикурейской роскошью и волнующими публичными играми. Земля была плодородна и рождала лучшие оливы и сорта винограда в Италии. Отсюда происходят знаменитые Суррентинское и Фалернское вина. Вероятно, Варрон имел в виду Кампанию, когда с вызовом вопрошал: «Ты, который объездил множество стран, разве тебе приходилось видеть землю, обработанную лучше, чем в Италии?.. Разве Италия не переполнена фруктовыми деревьями настолько, чтобы казаться одним большим садом?»⁶ В южной части Кампании, между Салерном и Суррентом, вдавался в море обрывистый полуостров. Среди виноградников и плодовых деревьев на холмах гнездились виллы, гирляндой обвивавшие побережье. Суррент был так же прекрасен, как и сегодняшний Сорренто. Плиний Старший называл его «радостью самой Природы», которая одарила город всеми своими дарами⁷. Кажется, что за два тысячелетия здесь мало что переменялось. Люди и обычаи, вероятно, остались прежними, почти теми же остались и их боги; острые утесы по-прежнему противостоят нескончаемой осаде моря.

Против этого мыса лежит гористый остров Капри (Капри). На южном берегу залива дымит Везувий и спят под слоем лавы Помпеи и Геркуланум. Затем следует Неаполь, «Новый город», во времена Траяна самый греческий из итальянских городов; в неаполитанской лени чувствуется сегодня воспоминание о старинной приверженности этого города любви, искусству и спорту. Народ был итальянским, культура, обычаи, игры — греческими. Здесь стояли прекрасные храмы, дворцы и театры; раз в пять лет здесь проводились те самые музыкальные и поэтические турниры, на одном из которых лавры победителя достались Стацию. В западной части залива находился порт Путеолы (Почцуоли), в названии которого слышался отголосок того зловония, что поднималось от его серных водоемов⁸; город пышно разрастался благодаря участию в римской торговле и обработке железа, керамики и стекла; здешний амфитеатр благодаря хорошо сохранившимся подземным переходам демонстрирует, как попадали на арену гладиаторы и звери. Напротив путеольской гавани мерцали байские виллы, вдвойне притягательные своим расположением между горами и морем; здесь развлекались Цезарь, Калигула и Нерон, сюда ревматические римляне приезжали купаться в минеральных источниках. Это место выгодно славилось как приют игроков и распутников; Варрон сообщает, что здесь девы были общим достоянием, а многие юноши — девами⁹. Клавдий считал побывавшего там однажды Цицерона навеки опозоренным¹⁰.

«Думаешь ли ты,— спрашивает Сенека,— что Катон стал бы жить во дворце наслаждений, следя глазами за проплывающими мимо похотливыми бабенками, раскрашенными во все цвета барками, рассыпаемыми над озером розами?»¹¹

В нескольких милях к северу от Байев, в кратере потухшего вулкана было разлито Авернское озеро, из которого поднимались столь густые серные испарения, что легенда утверждала, будто ни одна птица не сможет перелететь на другой берег и остаться живой. Рядом с ним находилась пещера, по которой Эней, согласно эпосу Вергилия, совершил свой *facilis descensus Averni* в Тартар. К северу от озера лежал древний город Кумы, постепенно угасающий в силу того, что большая привлекательность его дочернего города — Неаполя, более удобные гавани Путеол и Остии и более ловкие ремесленники Капуи окончательно подорвали его благосостояние. Капуя вдавалась в глубь суши на тридцать миль; она лежала в плодородном регионе, в котором иной раз снимали по четыре урожая в год¹²; ее бронзовые и железные изделия не знали себе равных в Италии. Рим так жестоко покарал её за поддержку Ганнибала, что на протяжении двух столетий она не могла подняться, и Цицерон отзывался о ней как о «пристанище политических трупов»¹³. Цезарь восстановил ее, направив в Капую тысячи новых колонистов, и во времена Траяна она благоденствовала вновь.

Перечисленные в столь быстром темпе, эти крупнейшие города античной Италии остаются лишь бесплотными именами; мы ошибочно полагаем, что это — только слова на карте, и с трудом осознаем, что на деле они были шумными вместилищами чувственных людей, жадно стремившихся к еде и питью, женщинам и золоту. Давайте же разроем прах одного из римских поселений и по его сохранившимся капризом случая останкам попробуем явственно представить себе, как протекала жизнь в этих древних городах.

II. ПОМПЕИ

Помпеи были одним из незначительных городков Италии, почти не упоминавшимся в латинской литературе, которая, правда, помнила о помпейских овощах, капусте — и трагедии. Основанные осками, возможно, не позднее Рима, населенные выходцами из Греции, захваченные Суллой и превращенные в римскую колонию, Помпеи были частично разрушены землетрясением 63 г. н. э. и постепенно поднимались из развалин, когда Везувий сокрушил их окончательно. Двадцать четвертого августа 79 года вулкан взорвался и взметнул в небо пыль и камни, которые поднялись высоко в воздух среди облаков дыма и языков огня. Проливной дождь превратил извергнутую породу в грязевой поток, который за шесть часов накрыл Помпеи и Геркуланум слоем в восемь-десять футов. Весь этот и весь следующий день содрогалась земля и рушились здания. В развалинах театров¹⁴ находили свой последний приют несчастные зрители, сотни людей задохнулись от дыма и пыли, а приливная волна не позволила бежать морем. Плиний Старший был в то время командующим западным флотом в Мизене, близ Путеол. Тронутый призывами о помощи, движимый любопытством к столь удивительному явлению, которое ему хотелось увидеть своими глазами, как бы изнутри, он сел на небольшое суденышко, причалил к южному побережью залива и спас нескольких бегле-

цов; но так как команда бежала от приближавшегося камнепада и дыма, старый ученый выбился из сил, упал и погиб¹⁵. На следующее утро его жена и племянник присоединились к отчаявшейся толпе, которая бежала вдоль побережья, в то время как продолжающееся извержение от Неаполя до Сорренто превратило день в ночь. Многие беглецы, потерявшие в темноте мужей, жен, детей, сеяли еще больший ужас своими криками и рыданиями. Некоторые молили о помощи всевозможных богов; некоторые кричали, что боги мертвы и наступил давно предрекавшийся конец света¹⁶. Когда на третий день небо наконец прояснилось, лава и грязь укрыли Помпеи по самые крыши, а Геркуланум полностью исчез с лица земли.

Из приблизительно двадцатитысячного населения Помпей, по-видимому, около двух тысяч лишились жизни. Некоторые из погибших были сохранены, забальзамированные вулканической породой: дождь и пемза, пролившиеся на них, превратились в вязкое вещество, которое, высохнув, застыло. Содержимое этих импровизированных изложниц предстает перед нами в виде ужасных гипсовых слепков. Немногие уцелевшие выкапывали из развалин все, что представляло собой какую-нибудь ценность; потом это место было заброшено, и время медленно засыпало его землей. В 1709 г. некий австрийский генерал попытался пробиться к развалинам Геркуланума, но слой туфа оказался настолько толстым (в некоторых местах он достигал двадцати пяти футов), что раскопки приходилось проводить очень медленно, прибегнув к помощи весьма дорогостоящего штольневой метода. Извлечение Помпей из-под земли было начато в 1749 г. и с тех пор периодически возобновлялось. На сегодня большая часть древнего города раскопана и в ней обнаружено так много домов, предметов и надписей, что в известном смысле древние Помпеи мы знаем лучше, чем древний Рим.

Центром городской жизни, как и повсюду в Италии, был форум. Когда-то, вне всяких сомнений, в этом пункте собирались крестьяне, доставлявшие в рыночный день свои товары. Здесь же проводились игры и ставились драмы. Здесь граждане возводили святилища своим богам; в одной части — Зевсу, в другой — Аполлону, а рядом с ним — Помпейской Венере, богине-покровительнице города. Но помпейцы не были народом религиозным; они были слишком заняты ремеслом и политикой, играми и любовью, чтобы иметь много времени на общение с богами; даже в культе они почитали фаллос, являвшийся венцом их дионисийского ритуала¹⁷. Когда экономика и государственные дела приобрели достаточный вес и важность, вокруг форума выросли большие здания, предназначенные для деятельности администраторов, negociantov и купцов.

Глядя на города современной Италии, можно представить себе биеение жизни на улицах, прилежавших к форуму: зазывные крики коробейников, споры между продавцами и покупателями, грохот, производившийся мастерскими, работавшими днем и ночью. В развалинах магазинов археологи нашли обуглившиеся и окаменелые орехи, булки и плоды, так и не доставшиеся покупателям. В дальней части улиц находились таверны, игорные дома и бордели, каждый из которых стремился выполнять все три функции сразу.

Мы и не подозревали бы о том, насколько бурной и интенсивной была помпейская жизнь, если бы не надписи на стенах, в которых население выражало свои чувства. Ученым удалось скопировать три тысячи таких граффити, и надо думать, когда-то их было на много тысяч больше. Иногда авторы

просто выпаращивают на стенах свои имена или непристойные дерзости, как обожают поступать люди и в наше время; иногда они дают своим врагам исполненные лучших надежд советы: *Samius Cornelio suspendere* — «Самий — Корнелию: пойдя повесься». Многие из надписей — любовные послания, часто в стихах: Ромула отмечает, что в этом месте она «смолилась со Стефилом». Преданный своей страсти возлюбленный пишет: *Victoria vale, et ubique es, suaviter sternutas* — «Будь здорова, Виктория, и где бы ты ни была, чихай сладко»¹⁸.

Столь же многочисленны, как и эти послания, вырезанные или написанные краской объявления о событиях общественной жизни или частных жертвованиях. Крупные землевладельцы заявляли об открывшихся вакансиях, растеряхи описывали пропавшие вещи; гильдии и другие организации декларировали свою поддержку многообещающим кандидатам, участвующим в муниципальных выборах. Так, «рыболовы назвали кандидатом в эдилы Попидия Руфа»; «лесорубы и продавцы древесного угля просят вас голосовать за Марцеллина»¹⁹. Некоторые граффити объявляют о проведении гладиаторских игр, другие славят доблесть знаменитых гладиаторов (например, Келад, — *suspirium ruellarum* — по которому «вздыхают девушки»), или выражают преданность популярному актеру: «Акций, любимец народа, поскорей возвращайся!»²⁰ Помпеи жили для того, чтобы развлекаться. Здесь имелись три публичные бани, палестра, небольшой театр на две тысячи мест, театр побольше, вмещавший пять тысяч зрителей, и амфитеатр, с трибун которого двадцать тысяч зрителей могли наслаждаться предсмертной агонией со стороны. Одна из надписей гласит: «Тридцать пар гладиаторов, выставленные дуумвиром... будут сражаться в Помпеях 24, 25 и 26 ноября. Состоится охота (*venatio*). Да здравствует Май! Браво, Парис!» Май был дуумвиром, или городским магистратом; Парис — ведущим гладиатором.

Сохранившиеся домашние интерьеры свидетельствуют о жизни, в которой большое место занимали надежный комфорт и разнообразные искусства. Окна были редкостью, впрочем, как и центральное отопление; в зажиточных домах появляются ванны, а немногочисленные особняки были окружены перистильным садом, в котором помещался пруд. Полы были цементными или каменными, иногда их украшали мозаики. Один из откровенных денежных тузов приказал написать на своем полу слова *Salve lucrum* — «Да здравствует прибыль!». Другой предпочел надписать *Lucrum gaudium* — «Прибыль — это радость»²¹. Из античной мебели до нашего времени дошло немного; почти вся она изготовлялась из дерева и потому погибла; но все же несколько столов, лож, стульев и ламп из мрамора и бронзы уцелели. В музеях Помпей и Неаполя можно увидеть разнообразные предметы, столь необходимые в доме: перья, чернильницы, весы, кухонную утварь, предметы туалета и музыкальные инструменты.

Искусство, с которым мы знакомимся благодаря Помпеям и их окрестностям, наводит на мысль о том, что не только аристократы на роскошных виллах, но и купцы в городах питали слабость к культурным аксессуарам быта. Частная библиотека, извлеченная из-под земли в Геркулануме, насчитывала в своем собрании 1756 томов или свитков. Нам нет нужды повторять то, что уже было сказано о кубках из Боскореале, о богатых пейзажах и грациозных женщинах, изображенных на стенах помпейских особняков. Во многих жилищах стояли выдающиеся скульптуры, а на форуме было сто пятьдесят

статуй. В храме Юпитера обнаружена голова бога, достойная гения самого Фидия,— мощь и справедливость в обрамлении густых кудрей и бороды. В храме Аполлона стояла статуя Дианы, в затылке которой было проделано отверстие, используемое хорошо спрятанным священнослужителем для провозглашения оракулов. На одной из геркуланумских вилл найдено столько первоклассных бронзовых предметов, что их оказалось достаточно для того, чтобы занять целый зал, известный всему миру, в Неаполитанском музее. Шедевры этого собрания — *Отдыхающий Меркурий*, *Нарцисс* (или *Дионис*), *Пьяный Сатир* и *Пляшущий Фавн* — предположительно греческой работы; они обнаруживают превосходную технику и ту бесстыдную радость, прорывающуюся из телесного здоровья, которая столь характерна для творчества Праксителя. Правда, одна из работ — смелый реалистический бюст из бронзы — являет нам лысую голову и острые, но не зловещие черты лица Луция Корнелия Юкунда, помпейского аукционера, чьи бухгалтерские книги — 154 восковых таблички — были обнаружены в его доме в Помпеях. Предельная человечность смешавшихся в едином образе грубоватости и такта, мудрости и бородавок позволяет думать о данном бюсте как о работе современного Юкунду, может быть, итальянского, скульптора. Эта работа приятно контрастирует с нестареющими богами и богинями, выставленными в том же зале Неаполитанского музея, чьи гладкие и умиротворенные черты суть не что иное, как признание в собственном небытии.

III. МУНИЦИПАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Частная и общественная, индивидуальная и корпоративная жизнь нигде не была более интенсивной, чем в античной Италии. Но события нашего времени слишком важны и захватывающи, чтобы слишком глубоко погружаться в рассмотрение подробностей муниципальной организации в эпоху Цезарей. Ошеломляющая путаница в административном устройстве, ревнивое отношение к различиям в степени гражданских прав более не выступают составной частью того живого прошлого, которое является нашим истоком и нашей темой.

Фундаментальной особенностью Римской империи было то, что хотя она и подразделялась на провинции, в реальности ее образовывала совокупность относительно самоуправляемых городов-государств, каждый из которых располагал обширным «хинтерландом». Патриотизм означал любовь скорее к родному городу, чем к Империи. Обыкновенно свободные представители каждой общины довольствовались обладанием чисто местными политическими правами, а те неримляне, которые получали римское гражданство, редко отправлялись голосовать в Рим. Как показывает пример Помпей, упадок народных собраний в столице отнюдь не означал, что схожие процессы протекают в остальных городах империи. Большинство итальянских муниципалитетов имели сенат (*curia*), а большинство восточных городов — совет (*boulé*), которые издавали местные муниципальные постановления, и собрания (*comitia*, *ekklesia*), которые избирали магистратов. От каждого магистрата ожидали, что он предоставит городу значительные денежные средства (*summa honoraria*, от *honoros* — «должность») в ответ на оказанную ему честь, а обычный требовал от него время от времени выделять известные суммы из своего

состояния на публичные игры или благотворительность. Поскольку исполнение должностных обязанностей никак не оплачивалось, демократия — или аристократия — свободных почти повсюду превратилась в олигархию богатства и власти.

На протяжении двух столетий, от Августа до Аврелия, итальянские муниципалитеты процветали. Конечно, основную массу их жителей составляли бедняки — природа и привилегии позаботились об этом; и все же ни до, ни после этого времени, если верить истории, богатые не делали так много для бедных. Практически все расходы на городские службы, постановку драм, зрелищ и игр, строительство храмов, театров, стадионов, палестр, библиотек, базилик, акведуков, мостов и бань, на то, чтобы украсить город арками, портиками, картинами и статуями, — ложились на плечи богачей, и в первые два века существования империи эти филантропические акции проводились в обстановке патриотической конкуренции, зачастую разорявшей семьи особенно щедрых жертвователей или целые города, не желавшие отказаться от благотворительности. В голодное время вполне обычным делом для состоятельного человека было приобретение продовольствия и бесплатная его раздача среди бедняков. В особых случаях он мог обеспечивать сограждан даровым вином или маслом, устраивать публичные банкеты или денежные раздачи для всех граждан, иногда для всех жителей города. Сохранившиеся надписи изобилуют упоминаниями о подобных щедротах. Некий миллионер подарил Альтину (Венетия) 1 600 000 сестерциев на строительство публичных бань; состоятельная дама построила храм и амфитеатр для Казина; Десумий Тулл подарил Тарквиниям бани стоимостью пять миллионов сестерциев; Кремона, разрушенная войсками Веспасиана, быстро отстраивалась благодаря взносам частных граждан; два врача истощили свои состояния, осыпая подарками Неаполь. В густонаселенной Остии Луцилий Гемала пригласил на обед всех ее обитателей, вымостил длинный и широкий проспект, отремонтировал и восстановил семь храмов, перестроил муниципальные бани и внес в городскую казну 3 000 000 сестерциев²². В обычае богатых было приглашать большое число граждан на пир по случаю своего дня рождения, избрания на должность, свадьбы дочери, облачения сына в мужскую тогу или посвящения храма, подаренного общине. В благодарность за благодеяния город избирал дарителя на ответственные посты, голосовал за установление его статуи, за посвящение ему панегирика или надписи. Бедняки не позволяли подкупить себя этими дарами; они обвиняли богачей в том, что средства на филантропию те извлекают из эксплуатации, и требовали не строить столь нарядные здания, а раздавать более дешевое зерно, устанавливать поменьше статуй, зато почаще устраивать игры²³.

Если наряду с частной благотворительностью помнить и о делавшихся императорами пожертвованиях в пользу городов, о возведении зданий и ликвидации последствий катастроф за счет императорских средств, о публичных работах и службах, финансировавшихся из муниципальной казны, мы поймем, сколь многим могли гордиться славные итальянские города в эпоху принципата. Улицы вымощивались, снабжались водостоками, украшались, общественный порядок поддерживался полицией, бедным предоставлялась медицинская помощь, за небольшую плату в частные дома по трубам поступала вода, малоимущие обеспечивались недорогой пищей, общественные бани нередко благодаря частным субсидиям работали бесплатно, семьям, не распола-

гавшим достаточными средствами, выплачивались алименты на воспитание детей, строились школы и библиотеки, ставились пьесы, давались концерты, устраивались игры, способные затмить Рим своей безудержной пышностью. Цивилизация была в итальяйских городах не столь материалистична, как в Риме. Они соревновались друг с другом в строительстве амфитеатров, но они также возводили и благородные храмы, нередко не уступающие лучшим из римских святилищ²⁴, и рассеивали серость будней живописными религиозными празднествами. Они не скупились на приобретение произведений искусства и предоставляли свои залы лекторам, поэтам, софистам, риторам, философам и музыкантам. Они помогали гражданам поддерживать свое здоровье и чистоту, отдыхать и жить интенсивной культурной жизнью. Из них, а не из Рима вышло большинство выдающихся римских писателей, отсюда происходят некоторые из прекраснейших скульптурных шедевров, хранящихся в наших музеях, — такие, как Нике из Неаполя, Эрот из Центумцелл, Зевс из Отрикол. Они содержали столь же многочисленное население, как и их преемники в прошлом веке, и обеспечивали ему беспрецедентную безопасность от бед войны. Два первых века нашей эры стали свидетелями высочайшего расцвета этого великого полуострова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Плиний. *Естественная история*, III, 6.

² Dill, 239.

³ Fattorusso, J., *Wonders of Italy*, 473.

⁴ Геродот, I, 196.

⁵ Страбон, V, 1.7.

⁶ Варрон. *О сельской жизни*, I, 2.

⁷ Плиний, III, 6.

⁸ Страбон, V, 4.5.

⁹ Варрон. *Менипповы сатуры*, фрагм. 44 см. Friedländer, I, 338.

¹⁰ Boissier, *Cicero*, 168.

¹¹ Сенека. *Письма*, LI.

¹² Страбон, V, 4.3.

¹³ Reid, 3.

¹⁴ Дион, LXVI, 22.

¹⁵ Плиний. *Письма*, VI, 16.

¹⁶ Там же, 20.

¹⁷ Rostovtzeff, *Mystic Italy*, 52.

¹⁸ Mau, 491; Буассье, *Рим и Помпеи*, 430.

¹⁹ Id., *La religion romaine*, II, 296.

²⁰ Mau, 226, 148.

²¹ Там же, 16.

²² Rostovtzeff, *Roman Empire*, 142; Dill, 194; Frank, *Economic Survey*, V, 98; Friedländer, II, 254.

²³ САН, XI, 587; Friedländer, II, 228.

²⁴ Как в Антии, Ланувии, Тибуре, Ариции.

Обустройство Запада

I. РИМ И ПРОВИНЦИИ

ПЯТНОМ на благополучии Италии — не говоря о системе эксплуатации рабов, общей для всех государств древности,— была ее частичная зависимость от эксплуатации провинций. Италия была свободна от налогов потому, что необходимые суммы взыскивались с провинций в виде податей и поборов. Именно провинции были в известной мере одним из главных источников благосостояния италийских муниципиев. До Цезаря Рим откровенно зачислял провинции в разряд поработченных территорий; все провинциальное, за исключением немногих обитавших в провинциях римских граждан, являлись людьми второго сорта; все их земли были собственностью римского государства и предоставлялись для возделывания императорским правительством, которое в любой момент могло пересмотреть условия аренды. Чтобы уменьшить вероятность восстаний, Рим расчленял завоеванные области на небольшие государства, запрещал провинциям вступать в прямые политические контакты друг с другом и всюду стоял на стороне имущих против бедняков. *Divide et impera* — таким был секрет римской власти.

Возможно, Цицерон несколько преувеличивает, когда, бичуя Верреса, изображает средиземноморские народы совершенно обездоленными при Республике: «Все провинции скорбят, все свободные народы громко возмущаются, все царства протестуют против нашей жестокости и алчности; от океана до океана не найдется такого места, сколь бы отдаленным или глубоко запрятанным оно ни было, которое не испытало бы на себе нашей жадности и нашей несправедливости»¹. Принципат обращался с провинциями куда более либерально не столько из благородства, сколько из рачительности. Налоги стали менее обременительными, уважались местные языки, религии и обычаи, допускалась свобода слова в пределах, не затрагивающих верховную власть, и местные законы сохраняли свою силу постольку, поскольку не вступали в противоречие с римскими доходами и имперскими интересами. Мудрая гибкость позволила провести полезную диверсификацию рангов и привилегий среди и внутри подвластных государств. Некоторые муниципии, как Афины и Родос, являлись «вольными городами»; они не платили налогов, не подчинялись провинциальному губернатору и управляли своими внутренними делами без вмешательства Рима до тех пор, пока им удавалось поддерживать мир и порядок. Некоторые древние царства, как Нумидия и Каппадокия, сохранили своих царей, которые были «клиентами» Рима, то есть зависели от его защиты и политики и должны были помогать ему людьми и сырьем в случае необходимости. В лице провинциального наместника (проконсула или про-

претора) совмещались законодательные, административные и судебные функции; его власть ограничивалась только наличием на вверенной ему территории вольных городов, правом римского гражданина апеллировать к императору и финансовым надзором со стороны провинциального прокуратора или квестора. Такие полномочия, близкие к всемогуществу, создавали почву, благоприятную для злоупотреблений; и хотя срок пребывания губернатора на своем посту в эпоху принципата был увеличен, ему выплачивалось огромное жалованье и он находился на полном государственном содержании, неся при этом личную финансовую ответственность перед императором, что значительно уменьшило число должностных преступлений, мы видим по письмам Плиния и некоторым отрывкам из сочинений Тацита², что коррупция и вымогательство по-прежнему были нередки в конце первого столетия.

Взимание налогов являлось первейшей задачей губернатора и его помощников. При императорах в каждой провинции проводился ценз, на основании которого земля и собственность облагались налогами, при этом в понятие собственности включали рабов и домашний скот. Для стимулирования производства вместо десятины был установлен фиксированный налог. Публиканы более не принимали участия в сборе этих налогов, но они взимали портовые пошлины и управляли отдельными государственными лесами, рудниками и общественными работами. От провинций ожидалось, что они будут вносить средства на золотой венец для каждого нового императора, содержать за свой счет провинциальную администрацию и время от времени отправлять в Рим груженные зерном корабли. На Востоке сохранился старый институт литургий, постепенно распространявшийся и на Западе, на основании которого местное или римское правительство могли «попросить» состоятельных людей о военных займах, кораблях для военного флота, строительстве общественных зданий, продовольствии для жертв голода или выставлении хоров для праздников и драматических представлений.

Цицерон, присоединившись к партии власти, горячо доказывал, что налоги, собираемые с провинций, едва покрывают административные и оборонительные издержки³; понятие «оборона» включало в себя подавление восстаний, а в понятие «администрирование» входили, очевидно, и приработки, лежавшие в основании состояний многих римских миллионеров. Нам следует смириться с вероятностью того, что любая держава, обеспечивающая порядок и безопасность, будет посылать своих мытарей, которые соберут денег больше, чем было издержано на умиротворение. Несмотря на все поборы, в эпоху принципата провинции преуспевали. Император и сенат более внимательно наблюдали за деятельностью провинциальных чиновников, чем это было во времена Республики, и сурово карали всякого, бравшего не по чину. В конечном счете, излишки, выкачивавшиеся из провинций, возвращались к ним в виде платы за произведенные ими товары; наконец, мощные производства сделали провинции более сильными, чем слаборазвитая паразитическая Италия. Правительство, утверждал Плутарх, обязано предоставлять своему народу прежде всего две вещи: свободу и мир. «Что касается мира,— писал он,— то насчет него можно не беспокоиться, ибо войны повсюду прекращены. Что касается свободы, то мы довольствуемся той, которая оставлена нам правительством (Римом); и может быть, бóльшая свобода не была бы для нас благом»⁴.

II. АФРИКА

Корсика и Сардиния входили в разряд провинций и не считались частью Италии. Корсика представляла собой по большей части дикую местность, в которой римляне охотились с собаками за исконными жителями, продавая их затем в рабство. Сардиния служила поставщицей рабов, серебра, меди, железа и хлеба; здесь имелись тысячи миль дорог и превосходная гавань Каралес (Кальери). Сицилия была фактически низведена до уровня чисто сельскохозяйственной провинции, выступая в роли одного из «зерновых придатков» Рима; ее плодородные земли были заняты латифундиями, занимавшимися разведением скота и обслуживавшимися настолько плохо одетыми и скудно питающимися рабами, что те периодически поднимали восстания и бежали от своих хозяев, сбиваясь в разбойничьи шайки. В дни Августа на острове проживало 750 000 человек (в 1930 году — 3 972 000). Самыми процветающими из шестидесяти пяти сицилийских городов были Катания, Сиракузы, Тавромений (Таормина), Мессана, Агригент, Панорм (Палермо). Сиракузы и Тавромений располагали великолепными греческими театрами, действующими и поныне. Несмотря на хищничество Верреса, в Сиракузах оставалось столь много впечатляющих архитектурных произведений, знаменитых статуй и исторических достопримечательностей, что в городе процветали профессиональные туристические гиды⁶, и Цицерон считал его прекраснейшим городом на земле. Большинство благополучных городских семей имели в пригородах фермы или фруктовые сады, и вся Сицилия благоухала плодовыми деревьями и виноградниками, оставаясь столь же благодатной страной и в наши дни.

Все, что в годы римского владычества было потеряно Сицилией, приобрела Африка. Постепенно она заменила Сицилию в роли подневольной житницы Рима. Взамен римские солдаты, колонисты, дельцы и инженеры помогли ей расцвести и достичь неслыханного богатства. Вне всяких сомнений, завоеватели застали отдельные районы этой страны процветающими еще до их появления. Между горами, хмуро уставившимися в воды Средиземного моря, и цепью Атласских гор, сдерживавших наступление Сахары, лежала полутропическая долина, питаемая рекой Ваграда (Меджерда) и двухмесячным сезонным дождем; она воздавала сторицей тому терпеливому хозяйствованию, которому учил Магон и которое поощрялось Масиниссой. Но Рим усовершенствовал и расширил то, что было сделано до него. Его инженеры перегородили плотинами истоки, бежавшие с южных холмов, они собирали в резервуары избыточную воду, появлявшуюся в сезон дождей, и направляли ее в ирригационные каналы, когда наступали жаркие месяцы и реки пересыхали⁷. Рим взимал налоги ничуть не более обременительные, чем взыскивали прежде местные вожди, но его легионы и укрепления давали более надежную защиту от набегов кочевников с гор. Милы за милей прирастала обрабатываемая земля, отвоевываемая у пустыни и дикости, чтобы давать плоды и кормить поселенцев. В долине производилось столь много оливкового масла, что, когда в седьмом веке сюда пришли арабы, они поразились, обнаружив, что могут скакать из Триполи в Танжер в тени оливковых деревьев⁸. Города и населенные пункты росли и множились, их возвышало мастерство архитекторов, а литература обрела здесь второе дыхание. Развалины римских форумов, храмов, акведуков и театров посреди бесплодных ныне пустынь свидетельствуют о том богатстве и благополучии, которым наслаждалась когда-то римская Африка.

Эти поля перестали плодоносить и покрылись мертвым песком не потому, что изменился климат, но потому, что сменились хозяева; если раньше они находились под покровительством державы, обеспечивавшей безопасность, порядок и дисциплину, то затем попали под власть тех, кто позволил хаосу и небрежению превратить в руины дороги, резервуары и каналы.

Во главе этого вновь благополучного края находился восставший из мертвых Карфаген. После битвы при Акции Август взялся за осуществление несбывшегося проекта Гая Гракха и Цезаря и направил в качестве колонистов на место Карфагена тех солдат, чью верность и победы он хотел вознаградить землей. Географические преимущества данного местоположения, превосходная гавань, плодородная дельта Баграды, отличные дороги, построенные и восстановленные римскими инженерами, позволили вскоре Карфагену отнять региональное лидерство в экспортной и импортной торговле у Утики; в течение столетия со дня его нового основания Карфаген превратился в крупнейший город западных провинций. Богатые купцы и землевладельцы строили в квартале исторической Бирсы особняки, а в цветущих пригородах виллы, в то время как согнанные с земли конкуренцией со стороны латифундий крестьяне присоединялись к пролетариям и рабам, становясь жителями трущоб, зловонная нищета которых станет идеальной средой для проповеди эгалитарной Благой Вести христианства. Дома поднимались над землей на шесть-семь этажей, общественные здания сверкали мрамором, и статуи, выполненные в старом добром греческом стиле, теснились на улицах и площадях. Вновь были возведены храмы старинным карфагенским богам, и вплоть до второго века нашей эры Мелькарт наслаждался принесением в жертву живых детей⁹. Население соперничало с Римом в своей страсти к роскоши, косметике, украшениям, крашеным волосам, состязаниям колесниц и гладиаторским играм. Среди городских достопримечательностей выделялись бани, подаренные Марком Аврелием. Здесь были лекционные залы, риторические, философские, медицинские и юридические школы; в качестве университетского города Карфаген уступал лишь Афинам и Александрии. Сюда приезжали для изучения всего на свете Апулей и Тертуллиан, и здесь блаженный Августин дивился проказам и распущенности студентов, излюбленным филантропическим актом которых было ворваться в лекционную аудиторию и распустить по домам профессора и его учеников¹⁰.

Карфаген был столицей провинции под названием «Африка», занимавшей территорию восточного Туниса. К югу от нее торговля усеяла восточное побережье городами, чье древнее благополучие понемногу возрождалось после двенадцати веков жалкого прозябания, но в наше время они стали жертвами новой большой войны: Гадрумет (Сус), Малая Лептис, Тапс, Такапы (Габес). Еще восточнее на Средиземноморском побережье лежала область, называвшаяся Триполис, так как она являлась федерацией трех городов: Эи (Триполи), основанной в 900 г. до н.э. финикийцами, Сабраты и Большой Лептис (Лебда). В последнем городе в 146 г. родился император Септимий Север; он подарил родине базилику и муниципальные бани, чьи развалины поражают современного туриста или воина. Вымощенные дороги, по которым брели верблюдьими караваны, соединяли эти порты с городами в глубине материка: Суфетулой, ныне крохотной деревушкой с развалинами большого римского храма, Тисдрой (Эль Джем), в которой находился амфитеатр на 60 000 зрите-

лей, Туггой (Дугга), разрушенный театр которой своими коринфскими колоннами свидетельствует о вкусе и богатстве горожан.

К северу от Карфагена располагалась его древняя мать и непримиримая соперница — Утика (Утик). Зная о том, что в 46 г. до н.э. 300 римских банкиров и оптовиков имели здесь свои филиалы, начинаешь понимать, сколь богат был этот город в римские времена¹¹. Его северные пригороды достигали Гиппона Диаррита, ныне Бизерты; отсюда дорога вела вдоль побережья на запад к Гиппону Царскому (Бона), где вскоре будет находиться епископский престол блаженного Августина. Южнее, вдали от моря лежала Цирта (Константина), столица провинции Нумидия. Западнее находился Тамугади (Тимгад), сохранившийся до нашего времени почти столь же хорошо, как и Помпеи. Здесь можно видеть и мощенные дороги, и убранные колоннами улицы, крытые водостоки, изящную арку, форум, здание сената, базилику, храмы, театр, библиотеку и множество частных домов. На мостовой форума можно обнаружить шахматную доску, на которой выбиты слова: *venari, lavari, ludere, ridere hoc est vivere* «охотиться, купаться, играть и смеяться — вот это значит жить»¹². Тамугади был основан около 117 г. до н.э. Третьим Легионом, единственным стражем африканских провинций. Около 123 г. он был расквартирован несколькими милями западнее, где оставался значительно дольше, и воздвиг город Ламбезу (Ламбез). Солдаты женились и поселялись здесь, проводя больше времени дома, чем в военном лагере; но даже их преторий (*praetorium*) представлял собой величавое и пышное здание, в котором имелись столь же хорошие бани, как и повсюду в Африке. За пределами лагеря солдаты помогли построить здание местной администрации, храмы, триумфальные арки и амфитеатр, где смертельные схватки позволяли хоть на мгновение забыть о монотонности мирной жизни.

Сеть дорог, военных по назначению, но использовавшихся для торговли, соединявшая Карфаген с Атлантикой, а Сахару со Средиземноморьем, позволила защитить всю Северную Африку от разбойничьих набегов из глубины материка силами одного-единственного легиона. Главная дорога шла через Цирту на запад к Цезарее, столице Мавритании (Марокко). Здесь царь Юба II познакомил мавров с достижениями цивилизации, давших свое имя и древней провинции, и современной стране. Сын Юбы, погибшего при Тапсе, он ребенком был взят в Рим, чтобы участвовать в триумфе Цезаря. Его пощадили, позволили учиться, и он стал одним из наиболее разносторонне образованных ученых своего времени. Август посадил его на мавританский трон и повелел распространять среди подданных классическую культуру, которую с таким жаром впитал сам. Юба преуспел в этом начинании, ибо ему посчастливилось находиться у власти сорок восемь долгих лет. Его народ поражался тому, что человек способен писать книги и тем не менее столь хорошо править. Его сын и наследник был доставлен в Рим и умер от голода при Калигуле. Клавдий аннексировал это царство и разделил его на две провинции: Мавританию Цезарейскую и Мавританию Тингитанскую, названную по имени своей столицы Тингис, современного Танжера.

В этих африканских городах имелось множество школ, открытых не только для богатых, но и для бедняков. Нам известно о том, что здесь обучали стенографии¹³, а Ювенал называет Африку *nutricula causidicorum* — «кормилицей адвокатов». В эту эпоху она произвела на свет знаменитого и великого

авторов — Фронтон и Апулей. Только в лучшую свою христианскую пору африканская литература станет ведущей литературой ойкумены. Луций Апулей был необыкновенным и живописным человеком, чей характер был еще более «неровен и разнообразен», чем характер Монтеня. Родившись в Мадавре в довольно знатной семье (124 г.), он учился на родине, в Карфагене и Афинах, безрассудно растратил большое наследство, переходил из города в город и из веры в веру, был посвящен в различные религиозные таинства, заигрывал с магией, написал множество произведений на самые далекие друг от друга темы, рассуждая в одних о теологии, а в других о зубном порошке, читал лекции в Риме и других местах, излагая в них свои религиозные и философские взгляды, вернулся в Африку и женился в Триполи на матроне, которая была богаче, чем он, деньгами и возрастом. Ее друзья и возможные наследники попытались в судебном порядке расторгнуть брак, утверждая, что Апулей склонил вдову к новому замужеству при помощи магических заклинаний; он выступил в суде с речью, которая была затем тщательно отполирована и дошла до нас под названием «Апология». Он выиграл процесс и невесту, но люди по-прежнему считали его магом, и их языческие потомки пытались умалить Христа, рассказывая о чудесах Апулея. Остаток дней он провел в Мадавре и Карфагене, занимаясь медициной и правом, риторикой и литературой. Большинство написанных им работ были посвящены науке и философии; родной город поставил ему памятник, подписанный *Philosophus Platonicus*, и он был бы весьма огорчен, обнаружив, что в памяти людей он остался только благодаря своему «Золотому ослу».

Эта книга схожа с «Сатириконом» Петрония и даже еще более причудлива. Носившая первоначально название *Metamorphoseon Libri XI* — «Одиннадцать книг превращений», она представляла собой расширенную и расцвеченную фантастическими подробностями историю, которую сочинил некогда Лукий из Патр, и в которой речь шла о человеке, превращенном в осла. Здесь мы найдем неспешное нанизывание друг на друга приключений, описаний и вставных рассказов, атмосфера которых овеяна магией, ужасами, распутством и чаемым благочестием. Герой романа Луций рассказывает о том, как он отправился в Фессалию, забавлялся там с девушками и чувствовал, что воздух вокруг него пропитан колдовскими чарами.

Как только ночь рассеялась и солнце новый день привело, растаял я одновременно со сном и постелью... с любопытством я оглядывал все вокруг, возбужденный желанием, смешанным с нетерпением. Вид любой вещи в городе вызывал у меня подозрения, и не было ни одной, которую я считал бы за то, что она есть. Все мне казалось обращенным в другой вид губительными нашептываниями. Так что и камни, по которым я ступал, казались мне окаменевшими людьми; и птицы, которым внимал, — тоже людьми, но оперенными; деревья вокруг городских стен — подобными же людьми, но покрытыми листьями; и ключевая вода текла, казалось, из человеческих тел. Я уже ждал, что статуи и картины начнут ходить, стены говорить, бык и прочий скот прорицать и с самого неба, со светила дневного, внезапно раздастся предсказание¹⁵.

(Перевод М.А. Кузмина)

Приготовившийся к любым приключениям, Луций натирается магической мазью, горя страстным желанием превратиться в птицу. Но вместо этого он превращается в законченного осла. Начиная с этого момента рассказ становится историей мучений осла, наделенного «чувствами и разумом человека». Его единственное утешение — это «длинные уши, благодаря которым я могу слышать даже то, что происходит вдалеке». Ему известно, что человеческий облик вернется к нему тогда, когда он обнаружит и съест розу. Завершение всех трудов ждет его после долгой Азинеиды, полной бед и превратностей. Разлюбив радости жизни, он обращается сперва к философии, затем к религии и сочиняет благодарственную молитву Исиде, поразительно напоминающую христианское обращение к Богородице¹⁶. Он обривает голову, проходит через три ступени посвящения в таинства Исиды и пролагает себе возвратный путь на землю, открывая сон, в котором Осирис, «величайший из богов», повелел ему отправляться домой и заняться правом.

Редкая книга содержит в себе столько бессмыслицы, но еще реже можно встретить сочинение, в котором эта бессмыслица была бы облечена в столь сладостные фразы. Апулей опробовал в своем произведении всевозможные стили, и каждый из них успешно; больше всего он любит богатство и изобретательность выражения, украшает свою речь аллитерациями и ассонансами, живописным жаргоном и архаической выпренности, сентиментальными уменьшительными именами, ритмизованной, местами поэтической прозой. Восточная теплота колорита является здесь спутницей восточного мистицизма и чувственности. Возможно, Апулей желал дать понять своим читателям, что потакание собственной чувственности способно отравить душу и превратить человека в животное, что только розы мудрости и благочестия способны вернуть нам человеческое обличье. Лучше всего ему удаются случайные истории, подслушанные его настороженными и большими ушами; к их числу относится и сказка старухи, утешающей похищенную девушку повествованием о любви Амура и Психеи¹⁷. Сын Венеры влюбился в прекрасную девушку, подарил ее всеми радостями, кроме одной — не позволил видеть себя, возбудил в своей матери жесточайшую ревность, но в конце концов наслаждался с возлюбленной счастливым финалом на небесах. Кисти многих художников силились пересказать эту легенду по-новому, но никому не удалось рассказать ее лучше, чем сварливой старухе, греющейся у очага в берлоге разбойников.

III. ИСПАНИЯ

Переpravившись напротив Танжера через пролив, мы попадаем из новой в одну из древнейших провинций Рима. Занимая стратегически важное положение у врат Средиземноморья, благословенная и проклятая обладанием драгоценными минералами, из-за которых земля ее пропиталась алчной кровью; рассеченная на части горными хребтами, затруднявшими сообщение, ассимиляцию и объединение, Испания живет полной жизнью еще с тех времен, когда рука художника палеолита рисовала бизонов в пещере Альтамира. На протяжении тридцати столетий испанцы были гордым и воинственным народом, худощавым и выносливым, стоически отважным, страстным и упрямым, трезвым и меланхоличным, рассудительным и гостеприимным, любезным и рыцарственным; легко было навлечь на себя их ненависть, но еще легче

заслужить любовь. Когда в эту страну пришли римляне, они сразу же столкнулись с чрезвычайно запутанной этнической картиной: иберы происходили из Африки (?), лигуры — из Италии, кельты — из Галлии, а поверх этого этнического многообразия лежал тонкий слой карфагенян. Если верить захватчикам, доримская Испания была близка с состоянию варварства, часть ее обитателей жила в городах и домах, другая — в деревушках и хижинах или пещерах, спали эти люди прямо на земляном полу и чистили зубы крепкой настойкой из мочи¹⁸. Мужчины носили черные плащи, женщины длинные накидки и ярко расписанные платья. В отдельных областях, осуждающе добавляет Страбон, «женщины пляшут вместе с мужчинами, держа их за руки»¹⁹.

Не позднее 2000 г. до н.э. обитатели Юго-Восточной Испании, жители Тартесса (финикийский «Таршиш»), развили бронзовую промышленность, и их изделия продавались во всех областях Средиземноморья. Благодаря этому обстоятельству в шестом столетии до нашей эры в Тартессе существовали литература и высокое искусство, корни которых, утверждали тартессцы, уходили в седую шеститысячелетнюю древность. От тартесского искусства сохранились незначительные остатки, среди которых — несколько грубых статуй и странный полихромный бюст из песчаника — «Дама из Эльче», выполненный по греческим образцам в мощном и плавном кельтском стиле. Около 1000 года до н.э. финикийцы принялись разрабатывать минеральные залежи Испании, а в 800 г. они уже владели Кадисом и Малагой, где ими были выстроены большие храмы. К середине первого тысячелетия до нашей эры вдоль северо-восточного побережья расселяются греческие колонисты. Примерно в это же время карфагеняне были призваны своими финикийскими соплеменниками для подавления восстания, завоевали Тартесс и всю Южную и Восточную Испанию. Стремительное выкачивание Карфагеном ресурсов полуострова открыло римлянам глаза на богатство страны, называемой ими «Иберия», и поход Ганнибала в Италию потерпел в конечном счете неудачу из-за побед Сципионов в Испании. Разрозненные племена пламенно сражались за независимость; женщины предпочитали умертвить детей, чем предать их в руки римлян, и пленные аборигены пели свои военные гимны, умирая на кресте²⁰. Порабощение страны было завершено за два столетия, но однажды романизованная Испания оказалась куда более надежным оплотом Рима, чем большинство других провинций. Гракхи, Цезарь и Август пересмотрели беспощадную республиканскую политику в отношении Испании, выбрав более осмотрительную и уважительную линию поведения и добившись хороших и прочных результатов. Романизация покоренной Испании протекала стремительно; латынь была принята населением и соответствующим образом адаптирована, экономика успешно развивалась и процветала, и вскоре Испания поставляла в столицу поэтов, философов, сенаторов и императоров.

От Сенеки до Аврелия Испания являлась экономическим столпом Империи. Обогатив Тир, а затем Карфаген, Испания обогащала теперь своими минералами Рим. Для Италии Испания стала тем, чем спустя столетия для Испании станут Мексика и Перу. Золото, серебро, медь, олово, железо, свинец извлекались из недр земли с современной методичностью. На Рио Тинто до сих пор можно видеть римские шахты, погружающиеся в глубины прочной кварцевой породы, и римский шлак с поразительно низким остаточным содержанием меди²¹. На этих рудниках изо дня в день трудились рабы и заключенные, которые иногда не видели солнечного света месяцами²². Рядом с

рудниками выросла крупная металлургическая промышленность. Тем временем земля Испании, несмотря на горы и неплодородные пустыни, рождала траву альфа, из которой изготавливались веревки, канаты, корзины, подстилки и сандалии, выкармливала редкие породы овец и снабжала сырьем знаменитую шерстяную промышленность, давала империи оливки, масло и вино, лучшие из всех, которые знала античность. Гвадалквивир, Таг, Эбро и менее широкие потоки наряду с паутиной сухопутных дорог служили для доставки испанских изделий в порты и неисчислимые города страны.

В действительности здесь, как и везде, самым примечательным и характерным результатом владычества Рима был рост и умножение числа городов. В провинции Бетика (Андалузия) находились такие города, как Картея (Альхесирас), Мунда, Малака, Италика (здесь родились Траян и Адриан), Кордуба, Гиспалис (Севилья) и Гадес (Кадис). Кордуба, основанная в 152 г. до н.э., являлась литературным центром со знаменитыми риторическими школами; здесь родились Лукан, Сенека, Галлион святого Павла. Традиции учености сохраняются здесь и в Темные Века и позволят Кордове стать самым ученым городом Европы. Гадес был самым густонаселенным городом Испании и славился своим богатством; расположенный в устье Гвадалквивира, он занимал главенствующее место в атлантической торговле с Западной Африкой, Испанией, Галлией и Британией. Его чувственные танцовщицы (*puellae Gaditanae*) также внесли свою лепту в прославление города.

Португалия была известна Риму под именем провинции Лузитании, а Лиссабон под именем Олисипон. В Цезаревой Норбе, которая получила от арабов свое нынешнее название Алькантара (Мост), инженеры Траяна перекинули через Таг самый совершенный из всех существующих римских мостов. Под его величественными арками шириной в сто футов, высотой над уровнем реки в 180 футов по-прежнему осуществляется оживленное четырехполосное движение. Столицей Лузитании была Эмерита (Мерида), гордившаяся множеством храмов, тремя акведуками, цирком, театром, навмахией и мостом, протянувшимся на 2500 футов. К востоку от нее, в провинции Тарраконская Испания, Сеговия, как и прежде, наслаждается чистой водой, поступающей по акведуку, выстроенному в правление Траяна. Южнее Сеговии находился Толет (Толедо), знаменитый в римскую эпоху своими железными изделиями. На восточном побережье стоял величавый Новый Карфаген (Картахена), богатевший за счет добычи полезных ископаемых, рыболовства и торговли. В Средиземном море лежали Балеары, где издавна процветали Пальма и Полленция. К северу от них на побережье Испании стояли Валенция, Тарракон (Тарракона), Барцино (Барселона) и у самого подножия Пиренеев древний греческий город Эмпории. Совершив короткое плавание вдоль восточного горного кряжа, путешественник попадал в Галлию.

IV. ГАЛЛИЯ

В те дни, когда водоизмещение всех кораблей еще не было слишком значительным, даже океанские суда могли подниматься по Роне из Марселя в Лион; на небольших лодках можно было подойти отсюда на расстояние тридцать миль к верхнему Рейну и, перетащив их по суше, продолжить плавание мимо сотен городов и тысяч поместий, чтобы доставить товары в

Северное море. По таким же волокам можно было попасть из Рейна и Сены в Луару и Атлантический океан, из Ода в Гаронну и Бордо и из Соны в Сену и Английский канал. По этим водным путям проходили торговые маршруты, на пересечении которых основывались города. Франция, как и Египет, была даром своих потоков.

В известном смысле французская цивилизация начинается с «ориньякского человека», жившего за 30 000 лет до Христа, ибо даже тогда, как свидетельствуют пещеры Монтиньяка, здесь обитали художники, владевшие искусством богатого колорита и живого мазка. От этой палеолитической эпохи, отмеченной охотой и скотоводством, Франция около двенадцатого тысячелетия до н.э. перешла к оседлой жизни и обработке земли, характерным для неолита, и через долгих десять тысячелетий вошла в бронзовый век. Около 900 г. до н.э. в страну стала просачиваться новая, «альпийская» и круглоголовая, раса из Германии, распространившаяся по Франции, Британии и Ирландии, проникая даже в Испанию. Эти «кельтские» пришельцы принесли с собой Гальштаттскую железную культуру Австрии и около 550 г. до н.э. они заимствовали из Швейцарии более развитую железоделательную технологию Ла Тен. Когда римляне узнали о существовании Франции, они называли ее Кельтикой; только во времена Цезаря это название сменилось названием Галлия (Gallia).

Пришельцы вытеснили некоторые группы местного населения и стали жить независимыми племенами, имена которых по-прежнему сквозят в названиях построенных ими городов *. Галлы, писал Цезарь, были высоким, мускулистым и сильным народом ²³. Они зачесывали назад густые белые волосы, ниспадавшие на затылке до плеч; некоторые носили бороды, многие — внушительные усы. Они принесли с Востока, возможно от древних иранцев, привычку к ношению штанов; кроме них, они одевались в пестро раскрашенные и расшитые цветами туники и полосатые плащи, застегивавшиеся на плече. Они любили драгоценности и носили золотые украшения — даже если на них больше ничего не было — на войне ²⁴. Они любили поесть, пили пиво и неразбавленное вино, будучи «по природе своей необузданными», если верить Аппиану ²⁵. Страбон называет их «простыми и высокими духом, хвастливыми... непереносимыми в часы удачи, теряющими голову в случае неуспеха» ²⁶; как видим, не всегда благо, когда книги о тебе пишутся твоими врагами. Посидоний с ужасом узнал о том, что они вешали отрубленные головы врагов на шеи своих лошадей ²⁷. Их было нетрудно вовлечь в спор или поединок, а иногда, чтобы развлечься на пиру, они вступали друг с другом в смертельные схватки. «Они не уступали нам,— пишет Цезарь,— ни в доблести, ни в страсти к войне» ²⁸. Аммиан Марцеллин сообщал о них, что они

в любом возрасте годны к воинской службе. Старик отправляется в поход с той же отвагой, что и человек в расцвете сил... На деле даже большой отряд иноземцев не сможет совладать с галлом, если он позовет на помощь свою жену, которая обыкновенно сильнее и яростнее его самого, и особенно тогда, когда она набычивает

* Имя амбианов сохранилось в Амьёне, белловаков — в Бове, битуригов — в Бурже, карнутов — в Шартре, паризиев — в Париже, пиктонов — в Пуатье, ремов — в Реймсе, сенонов — в Сане, суэссионов — в Суассоне и т.д.

шею, скрежещет зубами и начинает раздавать своими ручищами пинки и удары, напоминающие залпы из катапульты²⁹.

Галлы верили во множество богов, которые в настоящее время слишком мертвы, чтобы беспокоиться об их безымянности. Они столь надеялись на благоую жизнь после смерти, что Цезарь видит в этой надежде один из главных источников их храбрости. Эта вера была так крепка, рассказывает Валерий Максим, что деньги давались в долг с тем условием, что они будут возвращены на небесах, а Посидоний утверждал, будто видел, как галлы пишут на похоронах письма своим покойным друзьям и бросают их в погребальный костер, чтобы мертвец мог вручить их адресатам³⁰. Было бы интересно узнать, что думали об этих римских рассказах сами галлы. Воспитание находилось под контролем жреческого класса — друидов, которые неустанно следили за внедрением веры в сердца галлов. Они отправляли живописные обряды — чаще в священных рощах, чем в храмах, а для того чтобы умиротворить богов, приносили человеческие жертвы, отбирая для них приговоренных к смерти преступников. Этот обычай может показаться варварским тому, кто никогда не видел казнь на электрическом стуле. Друиды были единственным образованным, может быть, единственным грамотным классом общества. Они слагали гимны, поэмы и исторические предания; они изучали «звезды и их движение, размер Вселенной и Земли и порядок природы»³¹, составили удобный в пользовании календарь. Они выступали в роли судей и пользовались большим влиянием при дворах племенных царьков. Доримская, как и средневековая, Галлия жила в условиях политического феодализма, облаченного в одежды теократии.

При этих царях и жрецах кельтская Галлия переживала в IV в. до н.э. свой высший расцвет. Благодаря продуктивности латенских технологий росло население, в результате чего началась череда войн за землю. Около 400 г. до н.э. кельты, которые к тому времени владели большей частью Центральной Европы, помимо Галлии, завоевали Британию, Испанию, Северную Италию. В 390 г. до н.э. они достигли на юге Рима. В 278 г. до н.э. они разграбили Дельфы и завоевали Фригию. Столетие спустя их порыв стал выдыхаться, отчасти из-за расслабляющего действия богатства и греческого образа жизни, отчасти в силу политического своеволия феодальных баронов. Короли средневековой Франции сокрушили власть баронов и создали единое государство; в Галлии за сто лет до прихода туда Цезаря имел место обратный процесс; феодальная знать сокрушила власть царей и привела к еще большей раздробленности Галлии, чем прежде. Кельтов теснили повсюду за исключением Ирландии; карфагеняне покорили кельтов в Испании, римляне изгнали их из Италии, кимбры и тевтоны разбили их в Германии и Южной Галлии. В 125 г. до н.э. римляне, стремившиеся взять под контроль дорогу в Испанию, захватили Южную Галлию и превратили ее в римскую провинцию. В 58 г. до н.э. галльские вожди просили Цезаря о помощи в отражении германского нашествия. Цезарь удовлетворил их просьбу и сам назначил себе награду.

Цезарь и Август разделили Галлию на четыре провинции: Нарбонскую Галлию на юге, известную римлянам как *Provincia*, а нам — как Прованс; она была в значительной мере эллинизирована благодаря присутствию на ее побережье греческих поселений; Аквитанию на юго-западе, населенную главным образом иберийским населением; центральную Лугдунскую Галлию с

преобладанием кельтского населения; северо-восточную Бельгику, в которой доминировали германцы. Рим признал и углубил существующие этнические границы, чтобы воспрепятствовать объединенному мятежу; племенные кантоны сохранили значение административных районов; владевшие какой-нибудь собственностью принимали участие в выборах магистратов и за поддержку в борьбе с низшими классами платили Риму безоговорочной преданностью; лояльные и полезные галлы становились римскими гражданами. Провинциальное представительное собрание, в которое входили делегаты из всех кантонов, созывалось ежегодно в Лионе; поначалу оно благоразумно ограничивалось отправлением обрядов культа Августа, но вскоре принялось обращаться к римским губернаторам с просьбами, затем рекомендациями и наконец с требованиями. Осуществление правосудия было вырвано из рук друидов, которые жестоко преследовались, и Франция получила римское право. Почти столетие Галлия смиренно покорялась новому игу; в 68 и 71 гг. ненадолго разгорелись восстания под руководством Виндекса и Цивилиса, которые, однако, не встретили широкой народной поддержки, и любовь к свободе была вытеснена привычкой к благополучию, безопасности и миру.

При *Pax Romana* Галлия стала одной из богатейших частей Империи. Рим дивился богатству галльской знати, при Клавдии проникшей в сенат, а столетие спустя Флор противопоставлял процветающей экономике Галлии упадок Италии³²⁻³³. Вырубались леса, осушались болота, в сельском хозяйстве находили все более широкое применение такие новшества, как механическая жатка³⁴, а виноград и оливы выращивались теперь во всех кантонах Галлии. Уже в первом столетии нашей эры Плиний и Колумелла хвалили бургундские и бордоские вина. Здесь лежали обширные поместья, обрабатывавшиеся сервами и рабами и принадлежавшие предшественникам средневековых феодальных лордов. Но здесь же еще сохранялась значительная прослойка мелких собственников, и в античной Галлии, как и в современной Франции, богатство было распределено более равномерно, чем в любом другом цивилизованном государстве. Особенно заметно прогрессировала промышленность. К 200 г. галльские гончары и производители железных изделий вытеснили Италию с рынков Германии и Запада, галльские ткачи заправляли крупнейшим текстильным бизнесом в Империи, а мастерские Лиона производили не только стеклянную посуду для массового потребления, но и вещи, выдающиеся с эстетической точки зрения³⁵. Промышленные технологии передавались от отца к сыну и были одной из ценнейших статей классического наследия. Более 13 000 миль дорог, улучшенных или проложенных римскими инженерами, были к услугам торговли и транспорта.

Обогатившись благодаря такому экономическому взлету, города древней Кельтики становились городами римской Галлии. Столица Аквитании Бурдигала (Бордо) являлась одним из оживленнейших портов на Атлантическом океане; Лимон (Лимож), Аварик (Бурж) и Августонемет (Клермон-Ферран) были весьма богаты; граждане последнего заплатили Зенодоту 400 000 сестерциев за колосса Меркурия³⁶. В Нарбонской Галлии было столь много городов, что Плиний считал ее скорее похожей на Италию, чем на провинцию³⁷. На дальнем западе находилась Толоза (Тулуза), известная своими школами. Нарбон (Нарбони) — столица провинции — был в первом столетии крупнейшим из галльских городов, главным портом для экспорта галльских товаров в Италию и Испанию; «здесь,— скажет Сидоний

Аполлинарий, — вы увидите стены, места для прогулок, таверны, арки, портики, форум, театр, храмы, бани, рынки, луга, озера, мост и море»³⁸. Восточнее на большой Домициевой дороге, которая вела из Испании в Италию, стоял Немаус (Ним). Август и городские власти возвели здесь прекрасный *Maison Carrée* в память о внуках императора Луции и Гае Цезаре; его внутренняя колоннада, к нашей жалости, вдаётся в стену целлы, но изящные коринфские колонны ничуть не уступают красотой любой колоннаде Рима. Амфитеатр на 20 000 мест и в наши дни становится время от времени местом представления пышных спектаклей. Римский акведук, снабжавший Ним свежей водой, со временем стал Гардским мостом (*Pont du Gard*). Его гигантские развалины находятся ныне в пересеченной гористой местности; массивные нижние арки изящно контрастируют с меньшими арками над ними, а вся эта конструкция является превосходным свидетельством высокого развития римского инженерного искусства.

Восточнее на побережье Средиземного моря, в устье Роны, Цезарь основал Арелату (Арль), надеясь, что этот город сможет занять место Массалии и станет крупнейшим центром судостроения и портом в регионе. Массалия (Марсель), бывшая древним городом еще во времена Цезаря, оставалась до самой его смерти греческой по культуре и языку. Через ее гавань в Галлию проникли греческие земледелие, садоводство, виноградарство и культура; она была главным местом обмена западноевропейских товаров на товары классического мира. Она являлась одним из крупнейших университетских городов империи, особенно знаменитой своей школой права. После Цезаря она постепенно приходила в упадок, сохраняя, однако, старинный статус вольного города, независимого от провинциального губернатора. Далее к востоку лежали Форум Юлиев (Фрежюс), Антиполь (Антиб), Никея (Ницца); последняя входила в состав небольшой провинции Приморские Альпы. Поднявшись вверх по течению Роны от Арля, путешественник попадал в Авенион (Авиньон) и Аравсион (Оранж); здесь со времен Августа сохранилась впечатляющая арка, а огромный римский театр и в наши дни становится местом, где играют античные пьесы.

Крупнейшей из галльских провинций была Лугдунская Галлия, названная по имени Лугдуна (Лиона), своей столицы. Расположенный на слиянии Роны и Соны и на пересечении широких дорог, построенных Агриппой, город превратился в торговый центр богатейшего региона и столицу всей Галлии. Железодельная, стеклянная и керамическая промышленность помогала прокормиться 200 000 его обитателям (первый век нашей эры)³⁹⁻⁴⁰. К северу от него находились Кабиллон (Шалон-на-Соне), Цезародун (Тур), Августодун (Отен), Кенаб (Орлеан) и Лютеция (Париж). «Я провел зиму (357—358 гг.), — писал император Юлиан, — в нашей любимой Лютеции, ведь именно так галлы называют небольшой городок паризиев — крохотный речной остров. Хорошее делают здесь вино»⁴¹.

Бельгика, включавшая в себя часть Франции и Швейцарии, занималась почти исключительно сельским хозяйством. Здешняя промышленность сосредоточивалась главным образом на виллах; многочисленные развалины этих вилл помогают лучше понять баронскую роскошь и комфорт, которыми наслаждались их хозяева. Здесь Августом были основаны города, известные ныне под именами Суассона, Сен Кантена, Сенли, Бовэ и Трира. Последний из них, называвшийся Августой Тревириов, достиг выдающегося положения,

будучи местом дислокации занимавшей рейнский рубеж армии; при Диоклетиане он заменил Лион в роли столицы Галлии, а в пятом веке это был крупнейший из всех городов к северу от Альп. Здесь по-прежнему много классических реликвий — Порта Нигра в построенной римлянами стене, бани Святой Варвары, гробницы семьи Секундинов в соседнем городке Игель и грубые рельефы на крепостных блоках расположенного неподалеку Неймагена.

Внутри и вокруг этих городов поверхность жизни медленно менялась, ее фундаментальные элементы возрождались с неодолимым упорством. Галлы сохранили свой характер, свои бриджи и — еще на три столетия — свой язык. Латынь праздновала триумф в шестом веке, главным образом потому, что была в обиходе римской католической церкви, однако к тому времени она была подстрижена и озвучена на французский манер. Галлия стала тем местом, где Рим добился величайшего успеха в деле передачи цивилизации. Великие французские историки, также как Жюльиан и Функ-Брентано⁴³, полагали, что Франции жилось бы лучше без римского завоевания, но еще более великий историк верил в то, что римское завоевание было единственной альтернативой порабощению Галлии германцами. Если бы Цезарю не удалось одержать здесь победу, говорит Моммзен,

переселение народов произошло бы на 400 лет раньше, чем это случилось в действительности, и произошло бы именно тогда, когда италийская цивилизация еще не обосновалась ни в Галлии, ни на берегах Дуная, ни в Африке, ни в Испании. Благодаря тому, что великий римский полководец и политик отчетливо видел в германских племенах непримиримых врагов греко-римского мира, благодаря тому, что твердой десницей он создал новую систему наступательной обороны, разработав ее в мельчайших деталях, и научил людей отстаивать границы Империи при помощи рек и искусственных насыпей... он завоевал для греко-римской культуры передышку, необходимую для того, чтобы цивилизовать Запад⁴⁴.

Рейн был рубежом между классической и первобытной цивилизациями. Галлия не умела его охранять. Зато умел Рим, и этот факт определил течение европейской истории вплоть до наших дней.

V. БРИТАНИЯ

Около 1200 г. до н.э. одна из ветвей кельтских племен переправилась из Галлии и поселилась в Британии. Кельты застали ее населенной темноволосым народом, предположительно иберийцами, и светловолосыми скандинавами. Они победили эти племена, ассимилировали их и распространили свою власть над Англией и Уэльсом. Около 100 г. до н.э. (ибо именно таким образом эгоцентрическая перспектива исторического повествования спрессовывает в тонкий слой полные события столетия и стирает из человеческой памяти прошлые поколения) с континента явилась другая ветвь кельтов, которая вытеснила своих соплеменников из Южной и Восточной Британии. Когда сюда пришел Цезарь, он нашел, что остров населен несколькими неза-

висимыми племенами, каждое из которых управлялось своим экспансивным царем. Он дал всему населению острова имя британцев (Britanni), по названию кельтского племени, обитавшего на южном побережье Канала, полагая, что на обоих берегах живет один и тот же народ.

Своими обычаями, языком и религией кельтская Британия мало чем отличалась от кельтской Галлии, но здесь цивилизация достигла существенно меньших успехов. Британия перешла из бронзового в железный век около шестого столетия, на три столетия позже Галлии. Пифей, массалийский исследователь, проплывший по Атлантическому океану в Англию около 350 г. до н.э., застал кантиев Кента преуспевающими за счет земледелия и торговли. Благодаря обильным дождям эти земли были весьма плодородны и хранили в своих недрах богатые залежи медной и железной руды, олова и свинца. В эпоху Цезаря внутренняя промышленность была развита здесь настолько, что обеспечивала своими товарами активную торговлю между племенами Британии и континентом; чеканились бронзовые и золотые монеты⁴⁵. Вторжения Цезаря представляли собой рекогносцировочные рейды; он вернулся назад, вдвойне уверившись в том, что племена не способны оказать дружное сопротивление и что явившейся в благоприятное время армии достанет местных запасов продовольствия. Столетие спустя (43 г.) Клавдий переправился через Канал во главе сорокатысячной армии, чьи дисциплина, вооружение и военное искусство далеко превосходили то, что могло им противопоставить местное население. Британия в свой черед стала римской провинцией. В 61 г. царица одного из племен, Боудикка, или Боадикей, возглавила яростный мятеж, утверждая, будто римские офицеры изнасиловали обеих ее дочерей, разграбили царство и продали множество свободных его обитателей в рабство. Пока римский губернатор Паулин был занят тем, что покорял остров Мону, армия Боудикки разбила единственный противостоявший ей легион и направилась маршем к Лондинию, который уже тогда, как свидетельствует Тацит, был «главной резиденцией купцов и крупным торговым центром»⁴⁶. Каждый римлянин, которого застали восставшие здесь или в Верулами (Сент Олбанс), был убит: 70 000 римлян и их союзников были уничтожены до тех пор, пока Паулин и его легионы не поравнялись с армией восставших. Боудикка, восседающая вместе со своими дочерьми в колеснице, отважно сражалась в безнадежной битве. Она испила яд, а 80 тысяч британцев пали под ударами мечей.

Тацит повествует о том, как его тесть Агрикола, бывший тогда губернатором Британии (78–84 гг.), принес цивилизацию «темному, разрозненному и воинственному народу», основывая школы, распространяя латынь и поощряя города и состоятельных граждан строить храмы, базилики и публичные бани. «Постепенно,— говорит язвительный историк,— обаяние порока нашло доступ к сердцам британцев; бани, портики и изысканные пиры вошли в моду; и новые манеры, которые в действительности служили только тому, чтобы скрасить рабство, стали называться ничего не подозревавшими британцами искусствами утонченной человечности»⁴⁷. В стремительных походах Агрикола распространил эти искусства и власть Рима до Клайда и Форга, разгромил тридцатитысячную армию скоттов и намеревался продвинуться еще дальше, когда его отозвал Домициан. Адриан построил вал (122–127 гг.), протянувшийся вдоль острова на семьдесят миль, от Солуэй Ферта до устья Тайны, и

призванный служить оплотом против подозрительных скоттов; двадцать лет спустя Lollius построил к северу от него тридцатитрехмильный вал Антонина между устьями Клайда и Форты. Более двух столетий эти укрепления обеспечивали безопасность римской Британии.

Когда власть Рима окрепла, она стала более гуманной. Города управлялись местными сенатами, народными собраниями и магистратами, а сельская местность находилась во власти племенных вождей, подотчетных римской администрации. Эта цивилизация не была столь урбанизированной, как в Италии, или столь богатой, как в Галлии; однако под защитой и с поощрения Рима появилось на свет большинство британских городов. Четыре из них являлись римскими «колониями», граждане которых пользовались римским гражданством: Камулодун (Колчестер) — первая римская столица Британии и место заседаний провинциального совета; Линд, современное название которого — Линкольн — заявляет о его древних привилегиях; Эборак (Йорк), важный военный пост; Глев, современное название которого — Глoucester — сливает Глев со словом *chester*, которым англосаксы обозначали город *. Честер, Винчестер, Дорчестер, Чичестер, Личестер, Силчестер и Манчестер, по видимому, были основаны в первые два века правления Рима. Это были маленькие городишки с населением приблизительно шесть тысяч человек в каждом; однако их улицы были вымощены и снабжены водостоками, здесь имелись форумы, базилики, храмы и дома с каменными фундаментами и черепичными крышами. Вироконий (Рочестер) имел базилику, в которой можно было разместить 6000 человек, и публичные бани, где одновременно могли мыться сотни жителей. Горячие ключи города Аквай Салис («Соленые Воды»), ныне Бат, позволили ему стать в древности модным курортом, о чем свидетельствуют сохранившиеся до наших дней термы. Лондиний приобрел важное военное и экономическое значение благодаря своему местоположению на Темзе и отходящим от него во все стороны дорогам. Его население вскоре составляло 60 000 человек, и Лондиний заменил Камулодун в роли британской столицы ⁴⁹.

Большинство домов римского Лондона были сделаны из кирпича и оштукатурены, в городах поменьше дома делали из дерева. Их архитектура определялась климатом: крыша с коньком для того, чтобы с нее стекал дождь и соскальзывал снег, и множество окон для того, чтобы внутрь проникало как можно больше солнечного света, ибо даже «в ясные дни,— говорил Страбон,— солнце показывается только на три или четыре часа» ⁵⁰. Но интерьеры следовали римскому стилю — мозаичные полы, обширные ванные комнаты, расписанные фресками стены и (гораздо чаще, чем в итальянских домах) центральное отопление посредством трубопроводов, наполненных горячим воздухом и проложенных в полу и стенах. Уголь, извлекавшийся из жил, которые выходили на земную поверхность, использовался не только для отопления домов, но и для промышленных нужд, таких как выплавка свинца. Очевидно, рудники в античной Британии принадлежали государству, которое сдавало их в аренду частным предпринимателям ⁵¹. В Бате имела фабрика (*fabrica*) для изготовления оружия из железа ⁵²; изготовление керамики, кирпи-

* Так считает Хаверфилд ⁴⁸, более широко распространена этимология, возводящая данный корень к латинскому *castrum*, «крепость», или *castra*, «военный лагерь». Большинство римско-британских городов проектировались по плану шахматной доски, лежавшему в основе устройства римского лагеря.

ча и черепицы тоже, по-видимому, достигло индустриальной стадии. Однако большинство ремесел по-прежнему были делом кустарей, работавших дома, в небольших мастерских или на виллах. Пять тысяч миль римских дорог и бесчисленные водные пути служили артериями оживленной внутренней торговли. Не слишком интенсивная внешняя торговля, в противоположность торговле современной Британии, экспортировала сырье, ввозя взамен готовые изделия.

Насколько глубоко за четыре столетия господства удалось римской цивилизации проникнуть в жизнь и душу Британии? Латынь стала языком политики, права, литературы и образованного меньшинства, однако в сельской местности и среди множества рабочих в городах сохранялись кельтские диалекты; даже сегодня в Уэльсе и на острове Мен по-прежнему звучит кельтская речь. Римские школы распространили в Британии грамотность и определили римскую форму английского алфавита, и английский язык был оплодотворен потоком латинских слов. Римским богам возводились храмы, но простонародье по-прежнему чтит кельтские празднества и божества. Даже в городах корни, пущенные Римом, оказались недолговечными. Народ флегматично покорился той власти, которая даровала ему плодотворный мир и такое благополучие, какого не узнает этот остров до самого начала индустриальной революции.

VI. ВАРВАРЫ

Решение Августа и Тиберия прекратить попытки покорения Германии явилось стержневым событием римской истории. Если бы Германию удалось завоевать и романизировать так же, как и Галлию, почти вся Европа к западу от России могла получить единую организацию, единое правительство, единую классическую культуру, может статься, даже единый язык; при этом Центральная Европа выполняла бы роль буфера между цивилизацией и теми восточными ордами, чье давление на германцев заставило последних вторгнуться в Италию.

Мы называем их германцами, но сами они никогда не пользовались этим именем, и никому не известно, когда оно возникло *. В классические дни они являли собой смесь независимых племен, занимавших ту часть Европы, которая лежит между Рейном и Вислой, между Дунаем и Северным и Балтийским морями. Понемногу, за те два века, что протекли между Августом и Аврелием, они перешли от кочевой охоты и скотоводства к земледелию и жизни в деревнях; но они по-прежнему оставались еще настолько кочевниками, что быстро истощали обрабатывавшуюся ими землю, а затем снимались с места, чтобы завоевать новые акры мечом. Если верить Тациту, война доставляла германцам величайшее удовольствие.

Обрабатывать землю и ждать, пока она не начнет приносить регулярные урожаи, не в характере германца; куда легче убедить

* Римляне использовали прилагательное *germanus* в значении «рожденный от тех же родителей»; возможно, что, прилагая его к германцам, они имели в виду родовую организацию тевтонских племен.

его напасть на врага и принять почетные раны на поле боя. Пожигать в поте лица то, что может быть добыто ценой крови, является, во мнении германцев, слишком малодушным принципом, недостойным солдата ⁵³.

Римский историк, сокрушающийся о падении своего народа во времена роскоши и мира, описывал воинские качества германцев с преувеличениями, свойственными моралисту; он рассказывал о германских женщинах, подстрекающих своих мужей к битве и часто сражающихся с ними в одном строю. Бегство от врага означало позор на всю жизнь, во многих случаях приводило к самоубийству. Страбон описывал германцев как народ «более дикий и высокорослый, чем галлы» ⁵⁴, и Сенека, словно бы начитавшись Тацита, выводил зловещее заключение: «К этим крепким телам, к этим душам, не ведающим о наслаждении, роскоши и богатстве, добавь толику тактического умения и дисциплины — о большем я и не говорю; ты (римлянин) сможешь отстоять свое в борьбе с этим народом только в том случае, если вернешься к доблести своих отцов» ⁵⁵.

В мирное время, сообщает Тацит, эти воины были в противоположность дням войны вялыми и праздными. Мужчины проводили большую часть времени (надо полагать, поохотившись или сжав урожай перед этим) за обильными пирами, поедая горы мяса и выпивая реки пива, пока женщины и дети выполняли домашнюю работу ⁵⁶. Германец получал свою жену у ее отца, даря ему оружие или скот; он имел власть над жизнью и смертью как жены, так и рожденных ею детей, при этом, правда, его решения должны были получить одобрение племенного собрания. И тем не менее женщины были у германцев в большом почете, нередко их просили решить возникавшие внутривременные споры, и они наравне со своими мужьями пользовались правом на развод по собственному желанию ⁵⁷. У некоторых вождей было по несколько жен, но рядовая германская семья была моногамной, а взаимная супружеская верность (уверяют наши авторы) была весьма высока. Прелюбодеяние было «редким явлением», и женщина-прелюбодейка наказывалась тем, что ее остригали и обнаженной прогоняли по улицам, нанося по пути удары бичом. Если таково было желание жены, она могла делать аборт ⁵⁸, но обыкновенно она рождала за свою жизнь много детей. Мужчина, не имевший детей, был такой редкостью, что завещаний не существовало: считалось, что собственность семьи должна переходить от отца к сыну из поколения в поколение ⁵⁹.

Население разделялось на четыре класса: 1) крепостные, некоторые из них были рабами, большинство — сервами, прикрепленными к земле и обязанными платить землевладельцу натурой; 2) вольноотпущенники — лишенные гражданских прав арендаторы; 3) свободные — землевладельцы и воины; 4) знать — землевладельцы, возводившие свои родословные к богам, но опорой их власти являлись крупные состояния и вооруженные телохранители (*comites*, спутники, «графы» *counts*). Племенное собрание состояло из знати, стражей и свободных общинников; германцы являлись на него вооруженными, избирали главу племени или царя, одобряли законы, вынесенные на обсуждение, ударяя копьём о копьё, или отвергали их громким негодующим криком. Второй и третий классы отчасти занимались ремеслом и обрабатывали металлы, в чем германцы не знали себе равных; из четвертого вышли лорды, дворяне и рыцари феодальной Германии.

Эта простая социальная организация дополнялась довольно тонкой культурной надстройкой. В это время религия только-только приобрела свою форму, превратившись из почитания природы в культ антропоморфных богов. Тацит называет их Марсом, Меркурием и Геркулесом — речь шла, вероятно, о Тиу (Тор), Вотане (Один) и Донаре (Тор); в англоязычных странах до сих пор невольно вспоминают их имена, а также имя Фрейи, богини Любви, производя названия четырех дней недели. В их пантеон входила дева Мать Земля (Hertha), которую оплодотворял бог неба; пантеон дополнялся феями, эльфами, кобольдами, водяными, великанами и карликами, соразмерными любому сколь угодно горячему воображению и запросам. Вотану приносились человеческие жертвы, другим были любезны жертвенные животные. Культовые церемонии совершались под открытым небом в лесах и рощах, потому что германцы считали абсурдным заключать природный дух в жилища, построенные руками человека. Здесь не существовало мощного жреческого класса, наподобие друидов в Галлии и Британии, однако имелись жрецы и жрицы, руководившие религиозными обрядами, председательствовавшие на судебных разбирательствах и предсказывавшие будущее, изучая движение и ржание белых коней. Как и в Галлии, здесь имелись сказители, воспевавшие в суровых стихах легенды и исторические предания своих племен. Читать и писать умело незначительное меньшинство, которое приспособило латинские буквы для записи своих «рунических текстов», иными словами, создав на их основе рунический алфавит. Искусство германцев было примитивно, однако они изготавливали и достаточно мастерские изделия из золота.

Когда Рим отвел свои легионы из Германии, Империя сохранила контроль над течением Рейна от его истоков до устья и поделила эту величавую долину на две провинции — Верхнюю и Нижнюю Германии. Последняя включала в себя Голландию и Рейнланд к югу от Кельна. Этот некогда прелестный город, известный римлянам под названием Колонии Агриппины, был сделан колонией (50 г.) в честь матери Нерона, которая родилась здесь. Полстолетия спустя это было самое богатое поселение на берегах Рейна. Провинция Верхняя Германия простиралась вдоль Рейна на юг, проходя через Могунтиак (Майнц), Аврелиевы Воды (Баден-Баден), Аргенторат (Страсбург) и Августу Равриков (Огст) к Виндониссе (Виндиш). Почти во всех этих городах имелся привычный набор храмов, базилик, театров, бань, общественных статуй. Многие из легионеров, направленных Римом охранять Рейн, жили вне пределов военных лагерей, женились на германских девушках и оставались в этих городах на правах граждан по истечении срока службы. Вероятно, в римскую эпоху Рейнланд был так густо населен и оживлен, как ни в какую другую эпоху вплоть до девятнадцатого столетия.

Между Рейном и Дунаем, как мы уже знаем, римские инженеры построили укрепленную дорогу (*limes*), через каждые девять миль здесь стояла крепость, а общая протяженность дороги составляла 300 миль. Она служила Риму на протяжении столетия, но что было от нее пользы тогда, когда рождаемость в Риме намного уступала уровню рождаемости в Германии? Еще более ненадежным в качестве рубежа являлся Дунай, который рассматривался древними как самая протяженная река мира. К югу от него лежали полуварварские провинции Ретия, Норик и Паннония, которые приблизительно охватывали территории Австро-Венгрии и Сербии. На месте современного Аугсбурга (т.е. города Августа) римляне основали колонию Августу Виндели-

ков, призванную стать главной стоянкой на дороге, которая через перевал Бреннер вела из Италии к Дунаю. На самой реке они построили два пограничных города — Виндобону (Вена) и Аквинк, который размещался на высотах, откуда ныне Буда взирает на Пешт. В Юго-Восточной Паннонии на реке Саве западнее современного Белграда возвышался город Сирмий (Митровица), который при Диоклетиане станет одной из четырех столиц Империи. Южнее Паннонии, в провинции Далмация, коммерческая энергия греков, римлян и коренных обитателей построила адриатические порты Салону (Спалато), Аполлонию (близ Валоны) и Дуррахий (Дураццо). Из этих лежавших ниже Дуная провинций происходили самые крепкие солдаты Империи, а в третьем веке выходцы из нее станут железными воинами, которые в течение двухсот лет будут сдерживать лавину варваров. Восточнее Паннонии лежала Дакия (Румыния), столицей которой была не существующая более Сармизегетуза. К востоку и югу от нее находилась Мезия (части Югославии, Румынии и Болгарии), которая гордилась двумя городами на Дунае — Сингидуном (Белград) и Трезмисом (Иглица); один из городов лежал неподалеку от Искер — Сардика (София), а на Черноморском побережье разместились еще три крупных города — Истр, Томы (Констанца) и Одесс (Варна). В этих разрозненных поселениях греческая цивилизация и римское оружие тщетно боролись за самосохранение с готами, сарматами, гуннами и другими варварскими племенами, разраставшимися и кочевавшими севернее великого потока.

Именно неспособность Рима цивилизовать провинции к югу от Дуная стала причиной его падения. Задача была слишком велика для народа, страдавшего от старости; жизнеспособность расы господ неуклонно угасала в бездетном уюте, в то время как северные племена становились все сильнее и безрассуднее. Когда Траян подкупил сарматов, чтобы те сохраняли мир, это было началом конца; когда Марк Аврелий поселил на землях Империи тысячи германцев, плотины были прорваны. Германских воинов радостно привлекали в римской армии, и они постепенно заняли командные посты; германские семьи плодились и размножались в Италии, население которой вымирало. Этот процесс был обратен процессу романизации: происходила варваризация Рима.

И тем не менее то, что Запад, пусть и за исключением северной его части, был завоеван для восприятия классического наследия, было величайшим и драгоценным достижением. Здесь мирные искусства возникли наконец из трудов войны, и люди могли перековать свои мечи на орала, не угасая в городском безделье и трущобах. После того как схлынет варварский поток, из земной силы Испании и Галлии восстанет новая цивилизация, и семья деспотичных столетий принесет плоды и искупление там, куда некогда беспощадные легионы принесли римское право и воспламеняющий свет Греции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цицерон. *Против Верреса*, II, III, 207.

² Тацит. *Анналы*, XII, 31.

³ Цицерон. *В защиту Манилиева закона*, 6.

⁴ Плутарх. *Следует ли старику заниматься государственными делами*, 32.

- ⁵ Моммсен. *История*, II, 205.
⁶ Ливий, XXV, 29.
⁷ Reid, 288.
⁸ Toutain, 269.
⁹ Bouchier, E. *Life and Letters in Roman Africa*, 73.
¹⁰ Бл. Августин. *Письма*, 185.
¹¹ Friedländer, I, 312.
¹² Boissier, *L'Afrique romaine*, 181-182; Davis, 200.
¹³ Bouchier, 33.
¹⁴ Ювенал, VII, 148.
¹⁵ Апулей, 41; превосходный образец замечательного перевода М. Кузмина (*прим. пер.*).
¹⁶ Книга XI.
¹⁷ Книги IV-VI.
¹⁸ Страбон, III, 4.16.
¹⁹ Там же, 3.7.
²⁰ Там же, 4.16-18.
²¹ Burhan, 310.
²² Gest, 201.
²³ Цезарь. *О Галльской войне*, II, 30.
²⁴ Плиний, XXXVIII, 5.
²⁵ Аммиан, IV, 7.
²⁶ Страбон, IV, 4,5.
²⁷ Там же.
²⁸ Цезарь, V, 34.
²⁹ Аммиан, XV, 12.
³⁰ Цезарь, VI, 14; Валерий Максим, II, 6; Hamerton, J. *Universal History of the World*, III, 1524.
³¹ Цезарь, VI, 14.
³²⁻³³ Arnold, W.P. *The Roman System of Provincial Administration*, 142.
³⁴ Плиний, XVIII, 72.
³⁵ Frank. *Economic Survey*, V, 133 сл.
³⁶ Плиний, XXXIV, 18.
³⁷ Там же, III, 5.
³⁸ Сидоний Аполлинарий. *Стихотворения*, XXIII, 37.
³⁹⁻⁴⁰ Jullian, C. *Histoire de la Gaule*, V, 35 н.
⁴¹ См. Mommsen. *Provinces*, I. 118.
⁴² См. изложение их позиции в книге: Barnes, H.E. *History of Western Civilization*, I, 434.
⁴³ Mommsen. *History*, V, 100.
⁴⁴ Цезарь, V, 12.
⁴⁵ Тацит. *Анналы*, XIV, 29.
⁴⁶ Тацит. *Агрикола*, 21.
⁴⁷ Haverfield, F. *The Roman Occupation of Britain*, 213.
⁴⁸ Id., *The Romanization of Britain*, 62; Collingwood and Myres. *Roman Britain*, 197; Home, G., *Roman London*, 93.
⁴⁹ Страбон, IV, 5.2.
⁵⁰ САН, XII, 289.
⁵¹ «Тайм», 17 марта 1941 г.
⁵² Тацит. *Германия*, 14.
⁵³ Страбон, VII, 1.2.
⁵⁴ Сенека. *О гневе*, V, 10.
⁵⁵ *Германия*, 22.
⁵⁶ Summer, W.G. *Folkways*, 380.
⁵⁷ Там же, 316.
⁵⁸ *Германия*, 20.
⁵⁹

Римская Греция

I. ПЛУТАРХ

РИМ из всех сил пытался быть великодушным к Греции, и иногда ему это удавалось. В новой провинции Ахайя не было размещено воинских гарнизонов, и взыскивалось с нее теперь меньше, чем требовали прежде ее собственные сборщики, налогов. Города-государства сохранили право управлять своими внутренними делами на основании старинных конституций и законов, и многие из них — Афины, Спарта, Платеи, Дельфы и другие — являлись «вольными городами», располагавшими всеми правами независимых государств, за исключением одного — развязывать внешнюю и классовую войну.

И тем не менее изголодавшаяся по своим древним свободам, истощенная кровопусканиями, учиненными римскими полководцами, римскими ростовщиками и дельцами, искушенными в мастерстве «подешевле купить, подороже продать», Греция присоединилась к мятежу Митридата и понесла за свое соучастие тяжелейшее наказание. Афины пережили опустошительную осаду, Дельфы, Элида и Эпидавр лишились своих священных сокровищ. Поколение спустя Цезарь и Помпей, затем Антоний и Брут вели свои поединки на греческой земле, рекрутировали греков в свои армии, реквизировали греческое продовольствие и золото, взимали за два года двадцатилетние налоги и обрекли города на нищету и лишения. При Августе греческая Азия оправилась от разорений, но собственно Греция оставалась бедной страной, разрушенной не столько римским завоеванием, сколько удушающим деспотизмом в Спарте, разнузданной свободой в Афинах, вредоносным бесплодием почвы и людей. Наиболее предприимчивые ее сыновья покидали родину ради более юных и богатых стран. Возвышение новых держав — Египта, Карфагена и Рима, — развитие промышленности на эллиническом Востоке сделали отчизну классического духа заброшенной и вышедшей из моды. Рим осыпал Грецию комплиментами и грабил ее культурное достояние: Скавр вывез 3000 статуй для своего театра, Калигула приказал мужу любовницы прочесать Грецию в поисках статуй, и один только Нерон вывез из Дельф половину скульптур. До эпохи Адриана не придет праздник на улицы Афин.

Эпир стал главным театром военных действий разгневанного Рима, вступившего в Македонские войны; сенат отдал его на разграбление солдатам, и 150 000 эпиотов были проданы в рабство. Август построил в Никополе новую столицу Эпира в ознаменование своего триумфа при Акции; надо полагать, что цивилизация пустила здесь глубокие корни, поскольку Город Победы стал для Эпиктета домом и подарил ему слушателей. В Македонии дела обстояли лучше, чем у ее лояльного соседа; она была богата полезными ископаемыми и строевым лесом, и коммерческая жизнь обрела здесь второе

дыхание после постройки Эгнациевой дороги, протянувшейся через Македонию и Фракию из Аполлонии и Дуррахия до самого Византия. На этой широкой магистрали, которая частично сохранилась до наших дней, лежали главные города провинции — Эдесса, Пелла и Фессалоника. Последний из них, известный нам как Салоники, а грекам той эпохи под его древним названием (Фессалийская Победа), был столицей провинции, здесь заседал провинциальный совет и находился один из крупнейших торговых портов, связывавший Балканы и Азию. Фракия, лежавшая восточнее, занималась земледелием, разведением скота, добычей ископаемых; однако и здесь имелись крупные города — Сердика (София), столица провинции Филиппополь, Адрианополь, Перинф и Византий (Стамбул). Здесь, на Золотом Роге, богатели купцы и рыбо-торговцы, в то время как греческие обитатели хинтерланда отступали перед вторжением варваров; в доки этих портов из глубин материка поступало все зерно, вся торговля со Скифией и Черным морем оставляла здесь таможенные пошлины, а рыба едва не прыгала в сети, протискиваясь сквозь узкий Босфор. Вскоре Константин оценит это место по достоинству и построит здесь ключевой город классического мира.

Фессалия, лежавшая к югу от Македонии, специализировалась на выращивании пшеницы и разведении породистых лошадей. Эвбея, крупный остров, издавна славившийся породистыми стадами скота и от них (как и Беотия) получивший свое имя, описывалась Дионом Хризостомом¹ как погружающаяся во втором столетии нашей эры в варварство; здесь, как нигде более, упадок духа бедняков при виде концентрации земли и богатства в руках нескольких семей, упадок духа богачей, обременяемых все более растущими налогами и литургиями, упадок духа в возможных родителях при виде эгоистического богатства и безнадежной нищеты почти полностью стерли с лица земли когда-то процветавший земледельческий народ, и стада щипали траву внутри городских стен Эретрии и Халкиды. Беотия так и не оправилась от смертей и налогов, принесенных в эту страну войсками Суллы; «Фивы, — писал Страбон, — это небольшая деревенька», втиснутая в пределы древней Кадмеи, или городской цитадели. Однако сто лет мира принесли известное благополучие в Платеи; и Херонея, на равнинах которой Филипп и Сулла когда-то завоевывали империи, сохранила достаточно очарования, чтобы удержать при себе самого знаменитого из своих граждан. Она стала такой маленькой, говорил Плутарх, что я не мог сделать ее еще меньше, уехав². Его неспешный жизненный путь и добросердечие позволяют нам увидеть и более радостную сторону мрачной картины — блюдуший приличия средний класс, приверженный древним добродетелям, способный к гражданской преданности, горячей дружбе и родительской любви. В нашем рассказе нет более привлекательного персонажа, чем Плутарх Херонейский.

Он родился в Херонее около 46 г. и умер там же около 126 г. н.э. Он учился в Афинах, когда Нерон собирал триумфальные венки по городам Греции. Должно быть, он располагал немалыми доходами, так как совершил путешествия в Египет и Малую Азию и дважды побывал в Италии; он читал в Риме лекции на греческом и, видимо, выполнял некоторую дипломатическую миссию, возложенную на него родиной. Ему нравилась великая столица, добрые манеры и почтенная жизнь новой аристократии; он восхищался ее стоицизмом и соглашался с Эннием в том, что Рим вознесся благодаря своей нравственности и характеру. Созерцая эту современную ему знать и вспоми-

ная знаменитых героев, он задумал сравнить героев Рима и Греции. Он решил не просто написать историю или обыкновенную биографию, но преподать уроки доблести и героизма на исторических примерах; даже его «Параллельные жизнеописания» были в глазах Плутарха продолжением его «Моралий», или сочинений, посвященных нравственным вопросам. Он всегда был в душе учителем и не упускал ни единого шанса связать повествование с моралью; но кому удавалось достичь их соединения с большим изяществом? В своем «Александре» он предупреждает нас, что ему интересна не история, но характер; он надеется, что, поместив рядом и сопоставив великих римлян с великими греками, в какой-то мере воодушевит своих читателей, придаст им некий героический импульс. С обезоруживающей искренностью он признается в том, что и сам стал лучше, постоянно находясь рядом со столь выдающимися людьми³.

Нам не следует искать в его сочинениях последовательности и аккуратности профессионального историка; он нередко путает имена и географические названия, ошибается в датах и время от времени неправильно (насколько мы можем судить) понимает события; ему даже не удастся преуспеть в исполнении двух главных задач всякого биографа — показать, как обусловили наследственность, среда и обстоятельства характер и свершения его героя, а также развитие характера с течением времени, ростом ответственности, давлением критических обстоятельств; у Плутарха, как и у Гераклита, характер человека — это его судьба. Однако никто, кто когда-либо читал «Жизнеописания», не чувствовал этих недостатков — они теряются в живом повествовании, волнующих эпизодах, пленительных анекдотах, мудрых замечаниях, благородстве стиля. Ни на одной из полутора тысяч страниц вы не найдете ни строчки «воды»; значимо каждое предложение. Сотни замечательных людей — полководцы, поэты и философы — свидетельствовали в пользу этой книги; «это, — говорила госпожа Ролан, — настоящая пища для великих душ»⁴. «Я не могу обходиться без Плутарха, — писал Монтень, — это мой требник»⁵. Шекспир заимствует отсюда множество историй, и его отношение к Бруту восходит через Плутарха к римской аристократии. Наполеон носил «Жизнеописания» с собой практически повсюду, и Гейне, читая их, с трудом удерживался от того, чтобы вскочить на коня и мчаться покорять Францию. Греция не оставила нам книги более драгоценной.

Повидав средиземноморский мир, Плутарх возвратился в Херонею, воспитал дочь и четверых сыновей, читал лекции и писал, время от времени наезжал в Афины, но по большей части до конца своих дней жил простой жизнью родного города. Он считал своим долгом совмещать ученые изыскания с исполнением общественных обязанностей. Сograждане избирали его строительным инспектором, главным магистратом, беотархом — членом беотийского совета. Он председательствовал на муниципальных церемониях и праздниках, а в свободное время исполнял обязанности жреца знаменитого дельфийского оракула. Он полагал, что неразумно отвергать старинную религию в силу ее неправдоподобия с точки зрения рассудка; жизненно важным было не само вероучение, но поддержка, которую оно давало шаткой нравственности человека, упрочение связей, освящаемых им, между членами и поколениями семьи и государства. Трепет религиозного чувства был, по его мнению, самым глубоким в жизни переживанием. Столь же терпимый, сколь и благочестивый, он может в известной мере считаться основоположником сравнитель-

ного изучения религий; в этом ключе написаны его трактаты о римских и египетских культах⁶. Все божества, доказывал он, являются различными аспектами одного высшего существа, которое выше времени, невыразимо, настолько удалено от земного и бренного, что необходимо присутствие духов-посредников (*daimones*), которые создали бы и упорядочили мир. Существуют также злые духи, находящиеся под началом некоего архидемона, который является душой и источником всякого хаоса, иррациональности и порочности в природе и человеке. Это благо, полагал Плутарх, — верить в личное бессмертие, воздающие по заслугам небеса, соскребающее корку греха чистилище, казнящую преисподнюю; его согревала мысль о том, что даже Нерона способно очистить пребывание в чистилище и что лишь немногие осуждены на вечные муки⁷. Он отрицал суеверные ужасы, видя в них большее зло, чем сам атеизм, но признавал дивинацию, оракулы, некромантию и пророческую силу снов. Он не притязал на оригинальность своего философствования; как Апулей и многие другие мыслители своего времени, он причислял себя к толкователям Платона. Он презирал эпикурейцев за то, что они заменили страх преисподней безнадежным мраком вечной смерти, и критиковал «непоследовательности» стоицизма. Однако, словно стойк, он придерживался того взгляда, что «следовать Богу и подчиняться разуму — одно и то же»⁸.

Его лекции и эссе были не без оснований собраны под общим заглавием «Моралиа», так как большинство из них представляют собой простые и сердечные проповеди житейской мудрости. Здесь обсуждается буквально все: стоит ли старику заниматься государственными делами и что появилось раньше — яйцо или курица. Плутарх любит свою библиотеку, но признается, что доброе здоровье куда дороже хороших книг.

Некоторые, подстрекаемые чревоугодием, напиваются до бесчувствия, так, словно они откладывают в желудке запасы перед долгой осадой... Чем дешевле еда, тем она, безусловно, полезнее... Когда стремглав убегая от врагов, Артаксеркс Мемнон был вынужден питаться ячменным хлебом и фигами, он воскликнул: «Что за наслаждение испытываю я сейчас, наслаждение, которого никогда прежде не знал!» ...Вино — самый благословенный из напитков при условии, что его пьют в надлежащее время и в надлежащей пропорции смешивают с водой... Особенно следует страшиться несварений, возникающих от мясной пищи, потому что они сначала повергают в уныние, а кроме того, в желудке остаются от нее вредные вещества. Лучшее всего было бы приучить тело к тому, чтобы оно могло обходиться любой другой пищей, кроме мяса. Ведь земля в изобилии доставляет нам множество плодов, которые способны не только напитать, но и доставить наслаждение. Но в силу того, что привычка стала для нас как бы вторым естеством, мы должны питаться мясом... которое является столпом и опорой нашей диеты... нам следует использовать другие виды пищи... стараясь как можно более тесно следовать природе, чтобы как можно меньше притуплять наши мыслительные способности, которые, так сказать, воспаляются благодаря простым и легким субстанциям⁹.

Он следует Платону, отстаивая женское равноправие, и приводит множество примеров образованных античных дам (некоторые из них принадлежали к его кругу); однако к мужской неверности он относится со всей снисходительностью язычника:

Если в частной жизни мужчина, являющийся невоздержным и распущенным в своих удовольствиях, совершит грешок с любовницей или служанкой, его законная супруга вовсе не должна негодовать или гневаться, но должна понять, что именно уважение к ней побуждает его давать выход своей низменной страсти с другой женщиной¹⁰.

И тем не менее мы становимся лучше, читая эти очаровательные сочинения, согретые дружеским участием, человеческого, в существе своем цельного и здорового Плутарха. Нас нисколько не раздражает избитость его идей; его выдержка — лучшее противоядие против той идеологической истерии, которая свирепствует в наши дни: его здравомыслие, его мягкий юмор и захватывающие иллюстрации лишают нас охоты спорить и замечать нагромождения общих мест. Как здорово обнаружить философа, который достаточно мудр, чтобы позволить себе быть счастливым! Давайте же будем благодарны, советует он нам, за самые простые блага и радости жизни и принимать их со всей признательностью, несмотря на то, что они всегда с нами:

Нам не следует забывать о тех благодеяниях и удобствах, которые мы разделяем со многими другими, но мы должны... радоваться тому, что просто живем, что здоровы, что видим свет солнца... Разве для хорошего человека каждый день его жизни не будет праздником?.. Ибо мир куда более священ, чем все храмы, и более достоин Господина. В этот храм попадает человек, родившись, в общество не каких-нибудь неподвижных и рукотворных истуканов, но в общество созданий, которые явлены Божественным Умом нашим чувствам... [в общество] солнца, луны и звезд, и вечно струящихся свои воды потоков, и земли, дарующей пищу... Мы всегда должны находиться в хорошем расположении духа и веселиться, ибо жизнь — это самое совершенное из посвящений в самую возвышенную из мистерий¹¹.

II. ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Плутарх олицетворяет две тенденции своей эпохи: возвращение к религии и временное возрождение греческой литературы и философии. Первая была универсальна, вторая ограничивалась Афинами и греческим Востоком. Шесть городов Пелопоннеса процветали, но внесли совсем незначительный вклад в греческую мысль. Торговля с Западом и преуспевающая текстильная промышленность позволили Патрам пережить не только римскую, но и средневековую эпоху и сохраниться до наших дней. Олимпия благоденствовала за счет денег, оставляемых в ней туристами, которые являлись посмотреть

Олимпийские игры или Фидиева Зевса. Одним из самых удивительных моментов греческой истории является тот факт, что эти происходившие раз в четыре года состязания продолжались с 794 г. до н.э. до 394 г. н.э., когда их запретил Феодосий. Как и в дни Продика и Геродота, философы и историки приходили сюда, чтобы обратиться с речью к собравшейся на празднество толпе. Дион Хризостом описывает авторов, читающих «свои дурацкие сочинения» проходящим мимо них слушателям, поэтов, декламирующих свои стихи, риторов, потрясающих кулаками в воздухе, и «многочисленных софистов, подобных пышным павлинами», которые явились, чтобы потрясти публику своими речами¹²; да и сам Дион едва ли был менее многословен, чем остальные. Эпиктет рисует зрителей изнывающими от зноя и корчащимися на лишенных тени трибунах, они то страдают от жары, то мокнули под проливным дождем, однако забывают обо всем, когда наступают заключительные моменты каждого поединка или забега, и все тонет в суматохе и крике¹³. Старинные Немейские, Истмийские, Пифийские и Панафинейские игры продолжались; к ним добавлялись новые, как Панэллении Адриана; многие из них одной из частей своей программы имели поэтические, ораторские или музыкальные турниры. «Разве ты не слушал классическую музыку на великих праздниках?» — спрашивает один из персонажей Лукиана¹⁴. Римские колонисты в Коринфе привезли с собой в Грецию гладиаторские поединки; отсюда они распространились по другим городам, пока даже театр Диониса не был осквернен кровью. Многие греки — Дион Хризостом, Лукиан, Плутарх — протестовали против такого надругательства над святыней; Демонакт, кинический философ, умолял афинян не допускать подобного новшества до тех пор, пока ими не свергнут алтарь Сострадания в Афинах¹⁵; но римские игры продолжались на территории Греции, пока не настали времена, когда христианство возобладало над противниками.

В Спарте и Аргосе по-прежнему теплилась жизнь, а Эпидавр разбогател за счет ожиревших визитеров, являвшихся поклониться святыне Асклепия. Коринф, контролировавший торговые маршруты через перешеек, стал в течение полувека со дня его восстановления Цезарем богатейшим городом Греции. Его разношерстное население — римляне, греки, сирийцы, евреи и египтяне, большинство которых потеряли свои моральные устои, — славилось коммерциализмом, эпикурейством и безнравственностью. Древний храм Афродиты Всенародной по-прежнему был центром преуспевающего ремесла, являясь одновременно святилищем и средоточием коринфской проституции. Апулей описывает пышный балет, виденный им в Коринфе: сцена представляла Суд Париса. «Вслед за ними выступает другая, блистая красотой, чудным и божественным обликом своим указуя, что она — Венера, Венера-девственница, являя совершенную прелесть тела обнаженного, непокрытого, если не считать шелковой материи, скрывавшей восхитительный признак женственности. Да и этот лоскуток нескромный ветер, любовно резвяся, то приподымал, так что виден был раздвоенный цветок юности, то, дуя сильнее, плотно прижимал, отчетливо обрисовывая сладостные формы»¹⁶. Коринфские нравы со времен Аспасии не улучшились.

Переходя из Мегар в Аттику, путешественник мог лицезреть ужасающе бедную деревенскую местность. Обезлесение, эрозия и истощение минеральных ресурсов накладывались на последствия войны, эмиграцию, налоги и расовое вырождение, превращая землю, осененную римским миром, в пусты-

ню. Только два города в Аттике наслаждались благополучием: Элевсин, чьи сакраментальные мистерии ежегодно притягивали к себе денежную толпу, и Афины, образовательный и интеллектуальный центр классического мира. Древние афинские институты — совет, народное собрание и архонтство — функционировали по-прежнему, и Рим вернул Ареопагу его изначальный авторитет, сделав его верховным судом и цитаделью имущественных прав. Такие правители, как Антиох IV, Ирод Великий, Август и Адриан, соперничали в благодеяниях городу с такими миллионерами, как Герод Аттик. Герод заново отстроил в мраморе стадион, почти истощив ресурсы Пентелика, и возвел одеон, или мюзик-холл, у подножия Акрополя. Адриан предоставил средства для завершения строительства Олимпия, и Зевс, стоявший одной ногой в могиле, получил жилище, достойное его лучшей донжуанской поры.

Между тем находившаяся вне конкуренции слава афинской литературы, философии и образования привлекала в школы города богатую молодежь и выдающихся преподавателей. Афинский университет состоял из десяти кафедр, содержавшихся за счет городской казны или императора, в нем преподавали множество частных лекторов и учителей. Здесь преподавались литература, филология, риторика, философия, математика, астрономия, медицина и право — обычно в гимназиях или театрах, иногда в домах или храмах. Если не считать ораторского искусства и права, круг предметов не был рассчитан на то, чтобы дать студенту знания, необходимые для снискания хлеба насущного, но имел своей целью скорее заострить его мыслительные способности, развить ум и укрепить нравственность. Отсюда вышло множество незаурядных умов, однако этот же университет породил тысячи хитроумных ловкачей, которые умели превратить и философию и религию в лабиринт противоречащих друг другу теорий.

Так как Афины в значительной мере зависели от тех доходов, которые им приносило студенчество, город смотрел сквозь пальцы на их распушенный и легкомысленный образ жизни. «Новички» становились объектами злых шуток, что нередко причиняло ущерб гражданам; студенты, обучавшиеся у конкурирующих профессоров, становились пламенными поборниками своей школы и вступали друг с другом в стычки, напоминавшие наши схватки «стенка на стенку». Некоторые молодые люди чувствовали, что городские гетеры и игроки способны научить их куда большему, чем все философы, и из писем Алкифрона легко понять, что вышеуказанные дамы считали профессоров тупыми и никуда не годными конкурентами¹⁷. Однако между учителями и учениками часто завязывались прочные узы дружбы; первые нередко приглашали студентов к себе на обед, руководили их чтением, навещали в случае болезни и держали родителей в неведении относительно истинных достижений сыновей. Большинство лекторов существовали за счет взносов, уплачиваемых каждым слушателем; небольшое число профессоров получали государственное жалованье, а главам четырех философских школ выдавали из императорской казны по 10 000 драхм (6000 долларов) ежегодно.

Благодаря этим стимулам возникает движение «второй софистики», которое являлось возрождением образа жизни философа-оратора, переходящего из города в город соответственно с теми гонорами, которые их граждане могли предложить, произносящего речи, обучающего студентов, выступающего в роли защитника на судебном процессе, живущего в богатых домах на положении духовного советника, иногда выполняющего роль почетного посланни-

ка своего города-государства. Это движение процветало во всех уголках Империи, но особенно в греческом мире, в первые три века нашей эры; философов тогда было столь же много, говорит Дион, как и сапожников¹⁸. Новые софисты, как и их предтечи, не имели общего учения, красноречиво излагали свои доктрины, собирали многочисленных слушателей, добиваясь во многих случаях высокого общественного статуса, благосклонности императора или богатства. Они отличались от старших софистов тем, что редко ставили под сомнение религию или нравственность; куда больше их интересовали стиль и форма, ораторская техника и мастерство, чем великие вопросы, которые потрясают устои религии и морали; и действительно, новые софисты были горячими поборниками старинной веры. Филострат сохранил для нас жизнеописание ведущих софистов той эпохи; нам достаточно будет рассмотреть один-единственный пример. Адриан из Тира изучал риторику в Афинах и достиг здесь положения главы государственной кафедры риторики; он обратился к афинским слушателям в своей инаугурационной речи с гордыми словами: «Вновь из Финикии приходит в Грецию словесность». Он приезжал на свои лекции в повозке с золотой упряжью, в богатом наряде, сверкая драгоценными камнями. Когда Марк Аврелий посетил Афины, он испытал силы ведущего афинского ритора, предложив ему произнести импровизированную речь на трудную тему; Адриан справился с задачей столь хорошо, что Марк осыпал его почестями, серебром и золотом, подарил ему дома и рабов. Оказавшись во главе кафедры риторики в Риме, Адриан, хотя и читал свои лекции по-гречески, оказался столь притягательным оратором, что сенаторы составляли расписание своих заседаний таким образом, чтобы иметь возможность послушать в свободное время Адриана, а народ в дни его выступлений забывал о пантомимах¹⁹. Подобная карьера является фактически диагнозом смерти философии; ее поглотил океан риторики, и она перестала думать, выучившись говорить.

В другую крайность впадали киники. Мы уже говорили о них: об их рваных плащах, нечесаных волосах и бородах, их котомке и посохе, о сведении жизненных потребностей к необходимому минимуму, иногда становившемуся попросту непристойным. Они жили, словно нищенствующие монахи, имели иерархическую организацию с послушниками и предстоятелями²⁰, избегали супружества и работы, высмеивали условности и искусственность цивилизации, отвергали любое правительство как сонмище воров и бездельников, презирали оракулы, «мистерии» и богов. Над ними смеялись все кому не лень, особенно жестокие сатиры на них писал Лукиан; но даже Лукиан восхищался Демонактом, культурным киником, который оставил свое богатство ради философической бедности. Он отдал все сто лет своей жизни (50—150 гг.) попечению о других, примирению враждебных друг другу людей и городов; и Афины, которые издевались буквально над всем, уважали Демонакта. Обвиненный перед афинским судом в отказе приносить жертвы богам, он оправдался тем, что скромно заметил: боги не нуждаются в наших дарах, а существо религии заключается в добром отношении ко всем. Когда в афинском народном собрании разгорелась партийная вражда, одного его появления оказалось достаточно для прекращения распри; после этого он покинул собрание, не произнеся ни слова. В старости он имел обыкновение заходить незваным в любой дом, есть там и спать, и все афинские семьи искали этой чести²¹. Лукиану гораздо менее симпатичен Перегрин, бывший некоторое

время христианином, отрекшийся от христианства ради кинического образа жизни, бранивший Рим, призвавший всю Грецию к мятежу и поразивший собравшихся в Олимпии тем, что своими руками сложил и развел собственный погребальный костер, прыгнул в огонь и был поглощен пламенем (169 г.)²². Такое киническое пренебрежение жизнью и богатством подготовило почву для создания монашеских орденов христианской Церкви.

Когда Веспасиан, Адриан и Марк Аврелий основывали в Афинах кафедры философии, они проигнорировали киников и скептиков, признав только четыре школы мышления: Платоновскую Академию, Аристотелевский Ликей, стоиков и эпикурейцев. Академия разбавила гордую веру Платона в разум универсальным сомнением Карнеада, однако после смерти последнего в школе начинается возвращение к ортодоксальной доктрине, и Антиох Аскалонский, у которого в Академии учился Цицерон (79 г. до н.э.), возродил платоновские концепции разума, бессмертия и Бога. Ликей посвятил себя в эту эпоху рассмотрению естественнонаучных проблем в духе Теофраста, а также благочестивому комментированию трудов Аристотеля. Школа Эпикура в этот религиозный век клонилась к упадку; немногие решались провозглашать ее учения, не обставляя их дипломатичными увертками. В большинстве городов греческой Азии слова «эпикуреец», «атеист» и «христианин» были синонимами, обозначая нечто ужасное и нечестивое²³.

Доминирующей философией уже задолго до этого времени был стоицизм. Ригористическое требование совершенства, отчетливо звучавшее в его ранних изводах, было смягчено Панетием и Посидонием, которые были гражданами Родоса. Вернувшись в Афины после смерти Сципиона (129 г. до н.э.), Панетий, ставший к тому времени главой Стои, дал определение Бога, который, по его мнению, был материальным духом, дыханием (пнеума), пронизывающим все вещи, проявляющимся в растениях как способность к росту, в животных как душа (psyche), в человеке как разум (logos). Его преемники развили этот туманный пантеизм в более определенную религиозную философию. Стоическая теория нравственной дисциплины приблизилась к киническому аскетизму; и во втором столетии нашей эры кинизм, согласно формулировке одного из наблюдателей, отличался от стоицизма только тем, что ходил в заплатанном плаще. В лице Эпиктета, как и в лице Марка Аврелия, мы видим сближение обоих течений с наступающим христианством.

III. ЭПИКТЕТ

Эпиктет родился во фригийском Гиераполе около 50 г. н.э. Он был сыном рабыни, а потому — рабом. У него не было больших шансов получить образование, так как он переходил из рук в руки и из города в город; наконец он стал собственностью Эпафродита, могущественнейшего вольноотпущенника при дворе Нерона. Он не отличался крепким здоровьем и хромотал, очевидно, из-за жестокости одного из своих бывших хозяев, однако прожил семьдесят лет. Эпафродит позволил ему посещать лекции Музония Руфа, а позднее отпустил на волю. Эпиктет, по-видимому, и сам стал учить философии в Риме, потому что, когда Домициан изгнал философов, среди беглецов оказался и Эпиктет. Он поселился в Никополе, и на его лекции съезжались слушатели отовсюду. Одним из них был Арриан из Ни-

комедии, который впоследствии будет наместником Каппадокии; Арриан записал речи Эпиктета, вероятно, воспользовавшись стенографическими приемами, и издал их под заглавием *Diatribae* — «Зарисовки», или «Копии»; теперь в списках величайших книг человечества они именуются «Беседами»^{*}. Это не скучный, написанный по всем правилам трактат, но классика безыскусной речи и прямодушного юмора, в которой нашел свое выражение скромный и добрый, но и резкий и суровый характер. Эпиктет беспристрастно прилагал свой могучий сарказм как к другим, так и к себе самому, весело посмеиваясь над своим импровизированным стилем. Он не возмущался, когда Демонакт, услышавший о том, что старый холостяк советует вступать в брак, саркастически попросил руки его дочери; Эпиктет извинял свою бездетность тем, что обучение мудрости, по его мнению, является столь же великим делом, как и порождение «двух-трех курносых ребятишек»²⁴. В последние годы жизни он взял себе жену для ухода за младенцем, которого спас от судьбы подкидыша. В эти годы его слава облетела всю Империю и Адриан считал его среди своих друзей.

Эпиктет, напоминавший Сократа как в этом, так и во многих других отношениях, мало интересовался физикой и метафизикой, или конструированием системы мысли; единственной его темой и страстью была добрая жизнь. «Зачем мне заботиться, — вопрошал он, — о том, состоят ли все существующие вещи из атомов... или из огня и земли? Разве не достаточно знать истинную природу добра и зла?»²⁵ Философия состоит не в чтении книг о мудрости, она означает неустанное упражнение в практической мудрости. Существо дела заключается в том, что человек должен построить свою жизнь и поведение таким образом, чтобы как можно меньше зависеть от внешнего мира. Это положение отнюдь не требует от человека затворничества: напротив, «эпикурейцы и подлецы» должны презираться именно за то, что отвлекают человека от общественного служения; хороший человек непременно будет участвовать в делах государства. Но он равнодушно встретит все превратности судьбы — бедность, тяжелую утрату, унижение, боль, рабство, оковы или смерть; он будет знать, как «терпеть и не сдаваться».

Никогда ни о чем не говори: «Я потерял это», но лишь: «Я вернул это назад». Твой ребенок умер? Он отдан назад. Умерла жена? И ее ты вернул. «У меня отняли ферму». Прекрасно: и она отдана назад. До тех пор пока Бог дает тебе нечто, относись к этому дару как не принадлежащему тебе... «Увы, мне придется хромать на одну ногу!» Раб! из-за какой-то увечной ноги ты будешь носить вселенную? Ты не хочешь добровольно расстаться с ней ради целого?.. Я должен отправляться в изгнание: кто помещает мне уйти без скорби, с улыбкой на устах?.. «Я заточу тебя в темницу». Ты заточишь только мое тело. Я должен умереть; что же, я должен умереть, плача?.. Таковы те уроки, которые философия должна твердить ежедневно, записывать их, упражняться в них... Платформа или темница — это только места, одно низкое, другое высокое; но твоя нравственная задача остается неизменной: что здесь, что там²⁷.

^{*} Позднее Арриан издал *Encheiridion*, или синоптический «Справочник» по Эпиктету.

Раб может быть духовно свободен, как Диоген; заключенный может быть свободен, как Сократ; император может быть рабом, как Нерон²⁸. Даже смерть — лишь незначительный эпизод в жизни порядочного человека. Он вправе приблизить ее приход, если чувствует, что зло перевешивает благо²⁹; в любом случае он примет ее смиренно как часть таинственной мудрости Природы.

Если бы хлебные колосья могли чувствовать боль, разве должны были бы они молить о том, чтобы время жатвы никогда не пришло?.. Я хотел, чтобы ты понял: жить вечно — настоящее проклятие... Корабль идет ко дну. Что же мне тогда делать? Все, что мне остается... — утонуть без страха, не трепеща и не проклиная Бога, но понимая, что все рожденное осуждено на гибель. Ибо я только часть целого, как час — это часть суток. Я должен прийти сюда, как этот час, и, как он, уйти прочь³⁰... Относись к себе как к одной из многих нитей, из которых сшит этот наряд³¹... Ищи не того, чтобы все случающееся случалось согласно твоим желаниям, но желай того, чтобы все случилось согласно необходимости, и ты обретешь невозможность³².

Хотя он часто говорит о Природе как о безличной силе, Эпиктет нередко наделяет это понятие личностными, разумными, проникнутыми любовью началами. Атмосфера религиозного чувства, обволакивающая его эпоху, согревает его философию и превращает ее в самозабвенное благочестие, родственное тому ощущению, которое не оставляло стоического императора, уже знакомого с мыслями Эпиктета и вторящего многим из них. Величаво и красноречиво рассуждает он о прекрасном порядке, обнимающем пространство и время, о доказательствах наличия в природе божественного замысла, но далее поясняет, что «Бог создал одних животных служить пищей, других трудиться при возделывании земли, третьих для произведения сыра»³³. Сам человеческий разум — настолько удивительное орудие, полагает он, что только божественному создателю удалось бы произвести его на свет; и действительно, в той мере, в какой мы наделены разумом, мы являемся частями Мирового Разума. Если бы мы были в силах возвести нашу родословную к первому предку, мы обнаружили бы, что он порожден Богом; в силу этого Бог в буквальном смысле слова является нашим общим отцом, и все люди — братья³⁴.

Тот, кто хоть однажды созерцал разумом, как управляется мироздание, и узнал, что величайшей и всеобъемлющей общностью является «система» (*systema*, «стояние рядом») людей и Бога и что от Бога произошли семена, откуда ведут начало все вещи, и в первую очередь существа разумные, — разве не назовет он себя гражданином мира... нет, сыном Бога?.. Если бы человек мог принять это учение душой и сердцем... я думаю, он никогда не нашел бы в себе низкой и постыдной мысли... Итак, помни, когда ешь, кто ты — поглощающий эту пищу и кого ты ею насыщаешь; когда ты живешь с женщиной, помни, кто ты такой... Ты носишь рядом с собой Бога, ты, несчастный бедняк, и не замечаешь этого!³⁵

В пассаже, который мог бы быть написан и Святым Павлом, Эпиктет увещевает своих учеников не только с полным доверием подчинить свою волю воле Бога, но и стать посланцами Бога к человечеству:

Бог говорит: «Иди и свидетельствуй обо мне»³⁶... Подумай, что значит найти в себе силы сказать: «Бог послал меня в мир быть его воином и свидетелем, поведать людям, что их печали и страхи пусты, что с добрым человеком не может случиться ничего плохого, жив он или умер. Бог посылает меня один раз сюда, другой раз туда; он учит меня нищетой и оковами, что я могу быть лучшим его свидетелем среди людей. Когда такое служение поручено мне, могу ли я беспокоиться о том, где нахожусь, кто стоит рядом со мной и что он говорит обо мне? Ничуть. Разве не все мое существо тянется к Богу, его законам и повелениям?»³⁷

Что касается его самого, он чувствует себя преисполненным священным трепетом и благодарностью за присутствие тайне и великолепию мира и возносит Создателю языческое *Magnificat* — одно из самых высоких молений в истории религии.

Каким языком смогу восславить я все труды Провидения?.. Если мы наделены разумом, то разве не пристало нам заниматься только одним — частным образом или всенародно: петь гимны и восхвалять Божество и неустанно говорить о его благодеяниях? Разве не должны мы, так же как копаем и пашем и едим, петь гимн во славу Бога?.. И что же? — из-за того, что большинство из вас ослепли, разве не должен найтись тот, кто исполнит этот долг за вас и один за всех будет петь гимны во славу Бога?³⁸

Хотя здесь мы не найдем ни слова о бессмертии души и можем проследить развитие всех этих идей от самого их истока в стоицизме и кинизме, мы видим здесь немало примечательных параллелей ко взглядам ранних христиан. Эпиктет и в самом деле иногда проповедует как бы позиции христианского вероучения: он отвергает рабство, осуждает смертную казнь и хочет, чтобы с преступниками обращались как с больными³⁹. Он рекомендует ежедневно испытывать свою совесть⁴⁰ и формулирует одну из версий Золотого Правила: «Чего ты хотел бы избежать, то не должно причинять другим»⁴¹, и добавляет: «Если тебе сообщили, будто некто говорит о тебе дурно, не защищаясь, но скажи: «Ему неизвестны и многие другие мои недостатки, иначе бы он упомянул не только эти»⁴². Он советует воздавать добром за зло⁴³, а также «покоряться порочащим вас»⁴⁴; время от времени следует поститься и «воздерживаться от удовлетворения своих желаний»⁴⁵. Иногда он говорит о теле с богохульным презрением давно не мывшегося анахорета: «Тело — это самая непривлекательная из всех вещей, почти отвратительная... Поразительно, что мы любим то, ради чего мы каждодневно отправляем столь странные нужды. Я наполняю этот мешок, а затем опоражниваю его; что может быть более утомительным?»⁴⁶ Мы найдем у него пассажи, которые дышат благочестием Августина и красноречием Ньюмана: «Поступай со мной впредь, о Боже, так,

как сочтешь нужным; моя воля заодно с твоей. Я твой. Я не прошу освободить меня от чего бы то ни было, если в глазах твоих это — благо. Веди меня, куда хочешь; Одень меня в любое, какое захочешь, платье»⁴⁷. И как Иисус, он требует от учеников не заботиться о завтрашнем дне:

Бог — наш создатель, отец и страж. Разве этого не достаточно, чтобы удержать нас от скорби и страха? И чем же я прокормлю себя, спросит иной, если у меня ничего нет? Но что скажем мы о животных, каждое из которых самодостаточно и не лишено ни подходящей ему пищи, ни подходящего ему образа жизни, живя в согласии с природой?⁴⁸

И разве удивительно, что христиане Святой Иоанн Златоуст и Августин хвалили его, а его *Encheiridion* стал после внесения в него незначительных поправок руководством по монашеской жизни⁴⁹? Кто знает, может быть, Эпиктет был знаком в той или иной форме с речениями Иисуса и, сам того не сознавая, обратился в христианство?

IV. ЛУКИАН И СКЕПТИКИ

И тем не менее на этой последней стадии эллинистической культуры находились еще скептики, возродившие сомнения Протагора, и жил Лукиан, который смеялся над верой с дерзостью Аристиппа и почти платоновским обаянием. Школа Пиррона не умерла: Энесидем из Кносса переформулировал ее отрицания в Александрии первого века нашей эры, предложив знаменитые «Десять тропов» (*trōpoi*), делавших знание невозможным*. Секст Эмпирик, о котором мы не можем сказать, ни когда, ни где он родился, придал скептической философии окончательную форму, написав несколько сокружительных томов, из которых сохранились три. Секст видит своего врага в каждом; он делит философов на несколько видов и по очереди расправляется с каждым. Он пишет с энергией, присущей палачу, упорядоченность его изложения и ясность характерны для всей античной философии, время от времени он отпускает саркастические замечания и уснащает свой трактат сухим резонерством.

Каждому доводу, утверждает Секст, может быть противопоставлен другой довод, так что в конечном счете выходит, что нет ничего более поверхностно-

* Некоторые из них: (1) Органы ощущений (например, глаза) различных животных, даже различных людей, разнятся по форме и строению и, по-видимому, дают разные картины мира; как можем мы определить, какая из них истинна? (2) Ощущения знакомят нас только с частью некоторого объекта; так, например, благодаря им мы получаем представление об ограниченном ряде цветов, звуков и запахов; ясно, что получаемое нами представление об объекте является неполным и ненадежным. (3) Одно ощущение часто противоречит другому. (4) Наше физическое или душевное состояние по-своему окрашивает и, надо полагать, обесцвечивает наши восприятия. К числу таких влияющих на восприятие состояний относятся сон и бодрствование, молодость и старость, движение и покой, голод и сытость, ненависть и любовь. (6) Изображение объекта разнится в зависимости от среды — света, воздуха, холода, жары, влажности и т. д.; какая из видимостей является «реальностью»? (8) Ничто не известно само по себе или абсолютно, но всегда относительно чего-нибудь иного, *ta pros ti*. (10) Индивидуальные верования зависят от обычаев, религии, установлений и законов, среди которых воспитывался индивидуум; никто не способен мыслить объективно⁵⁰.

го, чем наши рассуждения; дедукция не заслуживает доверия потому, что обычно она не опирается на исчерпывающую индукцию; однако исчерпывающая индукция невозможна, ибо мы не в силах предсказать, где наткнемся на «негативный пример»⁵¹. Причина есть не что иное, как регулярное предшествование (это положение повторит Юм), и всякое знание относительно⁵². Схожим образом доказывается невозможность объективного добра или зла; нравственность меняется с такой же регулярностью, с какой чередуются государственные границы⁵³, и добродетель определяется поразному в разные эпохи. Все аргументы девятнадцатого столетия, направленные против доказательства бытия Бога, уже наличествуют у Секста, как и все противоречия между всеблагим всемогуществом и земным страданием⁵⁴. Однако Секст является еще большим агностиком, чем сами агностики, ибо он утверждает, что мы не можем знать даже того, что не знаем; агностицизм отвергается как догма⁵⁵. Однако, утешает он нас, нам вовсе не обязательно необходима достоверность. Для практических дел довольно одного вероятия и отказа от суждения (*erosché* «удержание»; *aphasia* «безмолвие»), когда речь заходит о философских материях. Вместо того чтобы привести разум в замешательство, *erosché* приносит мир и безмятежность (*ataraxia*)⁵⁶. А между тем, так как ничто на свете не достоверно, давайте примем условности и верования нашего времени, скромно почитая своих древних богов⁵⁷.

Лукиан, наверное, принадлежал бы к скептикам, не будь он достаточно умен для того, чтобы не зашоривать свой взгляд раз и навсегда усвоенным учением. Как и Вольтер, на которого он походил во всем, кроме сострадания, он писал о философии столь блестяще, что никто и не подозревал, что речь идет о философии. Словно бы желая продемонстрировать размах эллинизма, он родился в Самосате, лежавшей в далекой Коммагене. «Я сириец с берегов Евфрата», — говорит он; его родным языком был сирийский, его кровь, вероятно, — семитской⁵⁸. Он был учеником скульптора, которого покинул ради риторы. После пребывания в Антиохии, где он был практикующим юристом, Лукиан выбрал путь «зависимого ученого», живя чтением лекций, особенно в Риме и Галлии, затем (165 г.) он поселился в Афинах; в его последние годы Лукиан был спасен от нищеты благочестивым, но толерантным Марком Аврелием, который назначил непочтительно-го скептика на государственный пост в Египте. Там он и скончался. Дата его смерти неизвестна.

Время пощадило семьдесят шесть книжек Лукиана, многие из которых столь же свежи и уместны сегодня, как и восемнадцать веков назад, когда он читал их своим друзьям и слушателям. Он пробовал свои силы во многих литературных формах, пока не нашел конгениальную себе среду — диалог. Его «Диалоги гетер» были достаточно вольными, чтобы завоевать множество читателей. Но, по крайней мере, в своих работах он куда больше, чем куртизанками, интересуется богами и никогда не упускает случая пройтись на их счет. «Когда я еще мальчиком, — говорит его Менипп, — услышал сказания Гомера и Гесиода о богах — прелюбодействующих, жадных, насильничающих, склочных, падких на кровосмешение богах, — я нашел, что все эти рассказы уместны, и в самом деле глубоко заинтересовался ими. Однако когда я достиг зрелого возраста, я заметил, что законы находятся в резком противоречии с поэтами, запрещаая прелюбодействовать

и красть». В замешательстве Менипп обратился к философам за разъяснениями; но они так старались опровергнуть друг друга, что только еще более запутали царившую у него в голове путаницу. Тогда он сделал себе крылья, взлетел на небо и самостоятельно исследовал эти вопросы. Зевс великодушно принял его и позволил ему осмотреть Олимп в действии. Зевс лично выслушивал обращенные к нему молитвы, которые влетали через «ряд отверстий, накрытых крышками, какими накрывают источники... Одни из моряков молили о северном, другие о южном ветре. Крестьянин просил о дожде, сукновал — о солнце... Казалось, Зевс озадачен; он не знал, какую из просьб удовлетворить, и упражнялся в поистине академическом искусстве воздержания от суждения, обнаруживая осмотрительность и уравновешенность самого Пиррона»⁵⁹. Великий бог отклоняет некоторые прошения, удовлетворяет другие, а затем определяет погоду на день: дождь в Скифии, снег в Греции, буря в Адриатике и «около тысячи бушелей града в Каппадокии». Зевса тревожат новые иноземные божества, которые прокралась в возглавляемый им пантеон. Он издает декрет, гласящий, что, поскольку Олимп переполнен разноязычными чужаками, появление которых привело к вздорожанию нектара и вытеснению старинных и единственных истинных богов, устанавливается комитет из семи судей, которые будут рассматривать претензии. В «Зевсе вопрошаемом» философ-эпикурец спрашивает Зевса, подвластны ли Судьбе также и боги? Да, отвечает простодушный Юпитер. «Но тогда зачем же люди приносят вам жертвы?» — спрашивает философ и добавляет: «Если Судьба правит людьми и богами, почему мы должны нести ответственность за свои поступки?» — «Я вижу, — говорит Зевс, — что ты якшался с этим проклятым племенем софистов»⁶⁰. В «Зевсе-трагедии» бог находится в мрачном расположении духа, потому что он видит, как в Афинах собираются огромные толпы послушать Дамида эпикурейца, который будет отрицать, и Тимокла стоика, который будет отстаивать существование богов и их заботу о человеческих делах. Тимокл проигрывает спор и убегает, и Зевс с отчаянием смотрит в будущее. Гермес утешает его: «В тебя верит еще множество людей — большинство греков, как сливки, так и подонки общества, и все до единого варвары»⁶¹. То, что подобная фантазия не навлекла на голову Лукиана обвинение в нечестии, свидетельствует или о терпимости той эпохи, или о сумерках греческих богов.

Но Лукиан был скептичен не только по отношению к древней религии, он смеялся также и над риторикой, и над философией. В одном из его «Диалогов мертвых» Харон приказывает некоему ритору, которого он переправляет на другой берег — в подземное царство, «совлечь с себя эти бесконечные длинноты обмотавшихся вокруг твоего тела фраз, эти антитезы, эти уравновешенные предложения» — иначе лодка, несомненно, потонет⁶². В «Гермотиме» некто с энтузиазмом приступает к занятиям философией, надеясь, что она подарит ему какую-то замену утраченной вере; однако он поражен алчностью и тщеславием соперничающих преподавателей, их взаимные опровержения оставляют его морально и интеллектуально безоружным; начиная с этого времени, заключает он, «я буду бежать от философа, как от бешеной собаки»⁶³. Сам Лукиан определяет философию как попытку взобраться на «возвышение, откуда можно будет взирать во все стороны»⁶⁴. С такого возвышения жизнь представляется достойной осмея-

ния путаницей, хаотическим хором, в котором каждый танцор пляшет и выкрикивает, что взбредет в голову, «пока импресарио не отпустит их одного за другим со сцены»⁶⁵. В «Хароне» он рисует мрачную картину человеческой жизни, созерцаемой с некой небесной вершины сверхчеловеческими очами: люди пашут, усердствуют, спорят, судятся, лихоимствуют, обманывают и обманываются, гоняются за золотом или наслаждениями; над их головами клубятся тучи надежд, страхов, глупых фантазий и ненависти; надо всем этим Судьба плетет паутину жизни для каждого человеческого атома; кто-то высоко поднялся над толпой, а затем с грохотом низринулс вниз; и каждого в свой черед уводит прочь посланец смерти. Харон созерцает две армии, сражающиеся на Пелопоннесе. «Глупцы! — комментирует он. — Они не знают, что даже если кому-нибудь из них удастся завоевать весь Пелопоннес, в конце его ждет всего несколько футов земли»⁶⁶. Лукиан беспристрастен, как природа; он высмеивает богача за алчность, бедняка за зависть, философов за хитросплетения, богов за то, что они не существуют. В конце концов он, как и Вольтер, приходит к заключению, что каждый должен возделывать свой сад. Менипп, найдя в нижнем мире Тиресия, спрашивает его, какая жизнь наилучшая. Старый пророк отвечает:

Жизнь заурядного человека — это самый разумный и наилучший выбор. Откажись от безумия метафизических спекуляций и исследования начал и концов; смотри на всю эту искусную логику как на праздную болтовню и преследуй одну только цель — как исполнить работу, которая тебе выпала, и иди своим путем всегда бесстрастный и с улыбкой на устах⁶⁷.

Если подвести итоги развития греческой мысли первых двух веков нашей эры, мы обнаружим, что за исключением Лукиана она вся проникнута религиозным пафосом. Люди некогда потеряли веру к вере и поверили в логику; теперь они разуверились в логике и устремились назад — к вере. Греческая философия совершила полный оборот, проделав путь от первобытной теологии через скептицизм ранних софистов, атеизм Демокрита, примирительную лесть Платона, натурализм Аристотеля и пантеизм Стои к философии мистицизма, покорности и благочестия. Академия прошла через утилитаристские мифы своего основателя, скептицизм Карнеада и нашла успокоение в ученом богопочитании Плутарха; вскоре она достигнет своей кульминации в небесных видениях Плотина. Научные достижения Пифагора были забыты, однако его учению о перевоплощении была уготована новая жизнь; неопифагорейцы исследовали числовую мистику, ежедневно испытывали свою совесть и молились о том, чтобы на их долю выпало как можно меньшее число аватар, пока они не достигнут — если необходимо, пройдя через Чистилище — блаженного единения с Богом⁶⁸. Стоицизм более не являлся гордой и надменной философией аристократов и нашел своего последнего и наиболее красноречивого глашатая в лице раба; его доктрина об уничтожающем Вселенную мировом пожаре, отказ ото всех плотских радостей, смиренная покорность скрытой воле Бога были приуготовлением к теологии и этике христианства. Восточное мироощущение захватило европейскую цитадель.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Дион Хризостом, *Речи*, VII.
- ² Плутарх. *Демосфен*.
- ³ См.: Trench, R.C., *Plutarch*, 40.
- ⁴ Там же, 41.
- ⁵ См.: Glover, T.R., *Conflict of Religions in the Early Roman Empire*, 85.
- ⁶ Плутарх, *Римские вопросы; Об Изиде и Озирисе*.
- ⁷ Плутарх. *Моралиа*, введение, I, 15.
- ⁸ Там же, 37.
- ⁹ Там же, том II, с. 123, 128, 131—132, 173.
- ¹⁰ Там же, 140В.
- ¹¹ *О безмятежности духа*, IX, 20.
- ¹² Дион Хризостом. *Речи*, XII.
- ¹³ Эпиктет. *Беседы*, I, 6, 26.
- ¹⁴ Лукиан. *О пантомиме*, 2.
- ¹⁵ Он же. *Демонакт*, 57.
- ¹⁶ Апулей, книга X.
- ¹⁷ Алкифрон. *Письма*, VI, с. 175.
- ¹⁸ Дион Хризостом. *Речи*, LXXII.
- ¹⁹ Филострат. *Жизнеописания софистов*, 223 сл.
- ²⁰ Repp, *Christian Church*, 167.
- ²¹ Единственный нашим источником, посвященным Демонакту, является сочинение, принадлежность которого Лукиану сомнительна; возможно, часть приведенных данных вымышленна.
- ²² Лукиан. *Пereгрин*.
- ²³ Repp, *Christian Church*, 166.
- ²⁴ Лукиан. *Демонакт*, 55; Эпиктет. *Беседы*, III, 22.
- ²⁵ Там же, фрагмент I.
- ²⁶ Там же, I, 12, 21; V, 25.
- ²⁷⁻²⁸ Там же, IV, 1.
- ²⁹ Там же, I, 24.
- ³⁰ Там же, II, 5.
- ³¹ Там же, I, 2.
- ³² *Энхиридион*, 8.
- ³³ *Беседы*, I, 6.
- ³⁴ Там же, 9.
- ³⁵ Там же, 3, 9; II, 8.
- ³⁶ Там же, I, 29.
- ³⁷ Там же, III, 24; II, 6.
- ³⁸ Там же, I, 16.
- ³⁹ Там же, I, 18, 19; фрагмент 43.
- ⁴⁰ Там же, III, 10.
- ⁴¹ *Фрагмент* 42.
- ⁴² *Энхиридион*, 33.
- ⁴³ *Беседы*, II, 10.
- ⁴⁴ Там же, III, 12.
- ⁴⁵ Там же, 13.
- ⁴⁶ *Фрагм.* 54, 94.
- ⁴⁷ *Беседы*, II, 16.
- ⁴⁸ Там же, I, 9.
- ⁴⁹ Там же, введение, XXVII сл.

⁵⁰ См.: Секст Эмпирик. *Пирроновы положения*, I, 36 сл., и Геллий, XI, 5.6. Подробнее см.: Owen, J., *Evenings with the Sceptics*, I, 323—325.

⁵¹ Секст. *Пирроновы положения*, II, 204.

⁵² Там же, III, 29; I, 135—138.

⁵³ Там же, III, 210.

⁵⁴ *Против догматиков*, I, 148; *Пирроновы положения*, III, 9—11.

⁵⁵ Там же, I, 7.

⁵⁶ Там же, I, 8, 25.

⁵⁷ Там же, III, 235; *Против догматиков*, I, 49.

⁵⁸ САН, XII, 449.

⁵⁹ Лукиан. *Икароменипп*, 25.

⁶⁰ *Зевс вопрошаемый*, 2—18.

⁶¹ *Зевс-трагед*, 53.

⁶² *Диалоги мертвых*, X.

⁶³ *Гермотим*, окончание.

⁶⁴ *Харон*, 2.

⁶⁵ *Икароменипп*, 17.

⁶⁶ *Харон*, 24.

⁶⁷ *Менипп*, 21.

⁶⁸ Inge, W., *Philosophy of Plotinus*, I, 82.

Эллинистическое возрождение

I. РИМСКИЙ ЕГИПЕТ

ДОЛЖНО БЫТЬ, Египет был счастливейшей из стран, ибо не только земля его щедро вспаивалась Нилом, но и египетское государство являлось наиболее независимым от внешнего мира во всем средиземноморском бассейне. Он изобиловал зерном и плодами, с его полей собирали по три урожая в год, его ремесленники были непревзойденными мастерами, товары вывозились отсюда в сотни стран, а ровное течение жизни редко нарушалось внешней или междоусобной войной. И все же, может быть, именно в силу вышеприведенных причин «египтяне,— замечает Иосиф,— кажется, ни дня в своей истории не наслаждались свободой»¹. Их богатство искушало, их полутропическая расслабленность терпела одного деспота или завоевателя за другим на протяжении пятидесяти столетий.

Рим не считал Египет провинцией, но видел в нем собственность императора, который управлял этой страной при помощи перфекта, ответственного только перед ним. Местные греческие чиновники входили в аппарат управления тремя областями — Нижним, Средним и Верхним Египтом, а также тридцатью шестью номами, или «округами». Официальным языком Египта оставался греческий. Не было предпринято никаких попыток урбанизации населения, потому что главной функцией императорского Египта было служить житницей Рима. Большие земельные наделы были изъяты у жрецов и переданы римским или александрийским капиталистам, чтобы те обрабатывали их на манер латифундий руками феллахов, привыкших к безжалостной эксплуатации. Государственный капитализм Птолемеев сохранился в редуцированном виде. Каждый этап сельскохозяйственного процесса планировался и контролировался государством: расплодившиеся бюрократы предписывали, какие культуры и в каких количествах следует высевать, ежегодно распределяли необходимые семена, принимали продукцию в государственные хранилища (*thesauroi*, «сокровищницы»), вывозили из страны отведенные Риму квоты, принимали налоги натурой, продавая остальное на рынке. Пшеница и лен были объявлены монополией государства, которое контролировало весь процесс их получения от сева до продажи. Точно так же, по меньшей мере, в Фаюме поддерживалась государственная монополия на изготовление кирпича, благовоний и сезамового масла². В других областях деятельность допускалось частное предпринимательство, которое, однако, сдерживалось вездесущими ограничениями и правилами. Все минеральные ресурсы находились в собственности государства, а добыча мрамора и драгоценных камней являлась правительственной привилегией.

Кустарная промышленность, имевшая в Египте глубокие корни, распространялась теперь в городах — Птолемаиде, Мемфисе, Фивах, Оксиринхе, Сан-

се, Бубастисе, Навкратисе, Гелиополе; в Александрии она была нервом жизни вечно бурлящей столицы. Очевидно, бумагоделательная промышленность находилась на капиталистической стадии, так как Страбон сообщает о том, что владельцы плантаций папируса ограничивали его производство, чтобы вздуть цены³. Жрецы использовали окрестности храмов в качестве мастерских, где изготовлялись прекрасные льняные одежды для внутреннего потребления и на продажу. Рабы, которые выполняли функции, отличные от функций домашней прислуги, были в Египте редкостью, потому что «свободные» работники получали ровно столько, чтобы не умереть от холода и голода. Иногда рабочие выходили на забастовку (*anachoresis*, «уход») — они отказывались исполнять свои обязанности и искали убежища на территории храмов, откуда их выманивали голод или ласковые обещания. Время от времени это приводило к росту заработной платы, цены поднимались вверх, и все шло по-прежнему. Гильдии были разрешены, однако в них входили по большей части торговцы и управляющие; правительство использовало их как своих агентов по сбору налогов, организации общественных работ на плотинах и каналах, проведению других принудительных мероприятий.

Внутренняя торговля была активной, но медленной. Дорог не хватало, и наземный транспорт двигался благодаря мускульной силе людей, ослов или верблюдов, которые в это время заменили в Африке лошадей в роли тягловых животных. Большая часть товаров перевозилась по внутренним водным путям. При Траяне было завершено строительство большого канала 150 футов в ширину, который связывал Средиземное море с Индийским океаном через Нил и Красное море; из расположенных на побережье Красного моря портов Арсиной, Миос Гормос и Береники ежедневно отплывали корабли в Африку или Индию. Банковская система, финансировавшая торговлю и производство, находилась под всеобъемлющим государственным контролем. В столице каждого нoma находился государственный банк, действующий как получатель налогов и хранилище общественных средств. Правительство предоставляло займы фермерам, ремесленникам и торговцам; кроме того, деньги могли ссудить жрецы, распоряжавшиеся храмовыми сокровищами, а также частные ссудные товарищества⁴. Налогами облагались каждое изделие, каждый производственный процесс, продажа, экспорт, импорт, даже похороны и могилы; время от времени могли взиматься также дополнительные подати — натурой с бедняков, литургиями с людей состоятельных. От Августа до Траяна деревня — или ее хозяева — процветали; после этого благополучия она постепенно приходила в упадок, лишенная поддержки, истощенная бесконечными податями и налогами, впадшая в спячку регламентированной экономики.

Вне Александрии и Навкратиса Египет — угрюмо и безмолвно — оставался египетским; романизация почти не затронула его, если не считать устьев Нила; и даже Александрия, бывшая крупнейшим из греческих городов, приобретала во втором столетии нашей эры характер, язык и аромат восточной метрополии. Из восьми с половиной миллионов египетского населения в столице проживало тогда 800 000⁵ (в 1930 г. — 573 000 человек), и численностью своего населения этот город уступал только Риму, первенствуя в промышленности и торговле. Каждый в Александрии занят делом, говорится в письме, приписываемом Адриану; каждый занимался каким-нибудь ремеслом; работа находилась даже для увечных и слепых⁶. Здесь, помимо прочих товаров, в широких масштабах производились стекло, бумага и полотно. Александрия

была законодательницей мод той эпохи, одевая полсвета; она задавала тон и производила одежду. Ее обширная гавань располагала протянувшимися на девять миль верфями, откуда отплывали торговые корабли, оплетая коммерческой паутиной множество морей. Она была также и туристическим центром, снабженным отелями, гидами и переводчиками для туристов, явившихся осмотреть пирамиды или грандиозные храмы Фив. Вдоль главного проспекта шириной в шестьдесят семь футов на три мили протянулись колоннады, аркады, соблазнительные магазинчики, в которых были выставлены изысканнейшие произведения древних ремесел. На многих перекрестках находились обширные площади круглой или квадратной формы, называвшиеся *plateai*, «широкими (улицами)», — откуда итальянская *piazzia* и английское *plaza* или *place*. Центральные магистрали были украшены впечатляющими сооружениями — большим театром, Эмпорием, или биржей, храмами Посейдона, Цезаря и Сатурна, прославленным Серапейоном или храмом Сераписа, а также группой университетских зданий, известных всему миру под названием Музея, или Святилища Муз. Одна из пяти секций, на которые делился город, была почти целиком занята дворцами, садами и административными зданиями Птолемеев, которыми пользовался ныне римский префект. Здесь в прекрасном мавзолее покоился основатель города Александр Великий, чье тело хранилось в меде и лежало в стеклянном гробу.

Греки, египтяне, евреи, итальянцы, арабы, финикийцы, персы, эфиопы, сирийцы, ливийцы, киликийцы, скифы, индийцы, нубийцы — почти каждый средиземноморский народ имел в Александрии своих представителей. Они образовывали летучую и легко воспламеняющуюся смесь — эти вздорные и беспорядочные, интеллектуально одаренные и непочтительно остроумные, бесстыдные на слова, скептические и суеверные, распущенные нравственно и не унывающие, фантастически влюбленные в театр, музыку и публичные игры александрийцы. Дион Христомом описывает здешнюю жизнь как «нескончаемый пир... танцоров, флейтистов и головорезов»⁷⁻⁸. По каналам оживленно сновали гондолы, которыми правили неисправимые весельчаки, пускавшиеся в пятимильное плавание к пригороду, где царила неостановимая потеха, — в Канопу. Там проходили музыкальные состязания, которые могли соперничать с конными бегами в возбуждении зрительских страстей и истошности клакеров.

Если верить Филону⁹, сорок процентов городского населения составляли евреи. Большинство александрийских евреев было занято в промышленности и торговле и жило в большой бедности¹⁰; немало среди евреев было купцов, некоторые занимались ростовщичеством, другие были достаточно богаты, чтобы приобрести завидные места в правительстве. Изначально составляя пятую часть городского населения, еврейская община постепенно разрослась и составляла уже две пятых от общего числа жителей. Она управлялась по своим законам и своими старейшинами, и Рим подтвердил привилегию, предоставленную им Птолемеями, согласно которой они имели право не обращать внимания на постановления, противоречащие их религии. Евреи возносили хвалы Богу в величественной центральной синагоге, окруженной колоннадой базилике, которая была столь огромна, что в ней использовалась особая сигнальная система, благодаря которой обеспечивался нужный ответ богомольцев, находившихся на слишком большом удалении от святилища, чтобы слышать слова священника¹¹. Согласно Иосифу, нравственность алек-

сандрийских евреев была образцовой в сравнении с половой распущенностью языческого населения¹². Они активно развивали свою интеллектуальную культуру и внесли значительный вклад в философию, историографию и науку. Иногда город захлестывала этническая вражда; мы находим в трактате Иосифа «Против Апиона» (вождя антисемитского движения) все те мотивы, доводы и легенды, которые и в наше время вносят напряжение в отношения между евреями и неевреями. В 38 г. греческая чернь ворвалась в синагоги и требовала поместить в каждую — статую Калигулы в облике божества. Римский префект Авиллий Флакк лишил евреев александрийского гражданства и приказал тем из них, которые жили за пределами изначально предназначавшейся для евреев части города, вернуться в нее в течение нескольких дней. Когда отпущенное им время истекло, греческое население сожгло 400 еврейских домов и принялось убивать или истязать тех евреев, которые находились за пределами гетто; тридцать восемь членов иудейской герусии, или сената, были арестованы и публично высечены в театре. Тысячи иудеев лишились крова, потеряли работу и сбережения. Преемник Флакка передал дело на рассмотрение императору, и в Рим отправились две отдельные делегации — пять греков и пять евреев (40 г.), чтобы отстаивать свои позиции перед Калигулой. Он погиб, не успев их рассудить. Клавдий восстановил права александрийских евреев, подтвердил их муниципальное гражданство и строго приказал обоим партиям жить в мире.

II. ФИЛОН

Лидером еврейской делегации, направленной к Калигуле, был философ Филон, брат арабарха, или управляющего еврейской экспортной торговлей в Александрии. Евсевий пишет, что он принадлежал к древней жреческой семье¹³. Практически мы больше ничего не знаем о его жизни. Однако его благочестивый и благородный характер оставил свой неизгладимый отпечаток на многих сочинениях, написанных им для того, чтобы разъяснить сущность иудаизма греческому миру. Воспитанный в священнической атмосфере, предельно лояльный к своему народу и очарованный греческой философией, он поставил целью своей жизни примирение Писания и обычаев иудеев с греческими идеями, и прежде всего с философией «священнейшего» Платона. Для осуществления этой задачи он сформулировал принцип, согласно которому все события, персонажи, доктрины и законы Ветхого Завета имеют не только буквальное, но и аллегорическое значение и являются символами неких моральных или психологических истин; при помощи этого метода он оказался в состоянии доказать все что угодно. Он писал на посредственном иврите, зато его греческие сочинения были настолько хороши, что один из его поклонников заметил: «Платон пишет, как Филон»¹⁴.

Скорее теолог, чем философ, он был мистиком, чье глубокое и пламенное благочестие предвосхитило Плотина и средневековую мысль. Бог, согласно Филону, является сущностью мирового бытия, он бестелесен, вечен, невыразим; разум может знать о его существовании, но не способен приписать ему никаких качеств, поскольку любое качество есть ограничение. Представлять его в человеческом образе — значит делать уступку чувственному воображению человека. Бог — повсюду. «Какое место способен указать человек, где

не было бы Бога?»¹⁵ Но он не является всем: материя также вечна и несотворенна; однако она лишена жизни, движения и формы, до тех пор пока не испытает на себе оплодотворяющее воздействие божественной силы. Для того чтобы создать мир, наделив материю формой, и установить отношения с людьми, Бог использовал несметную рать существ-посредников, которых иудеи называют ангелами, греки — демонами, Платон — идеями. Для большей доходчивости их можно представить как личности, утверждает Филон, хотя в действительности они имеют существование только в Божественном Уме, как мысли и силы Бога¹⁶. Вместе взятые, эти силы образуют то, что стоики называли Логосом, или Божественным Разумом, творящим и направляющим мир. Колеблясь между философией и теологией, идеями и персонификациями, Филон иногда думает о Логосе как о личности; в один из поэтических моментов он называет Логос «первородным (сыном) Бога»¹⁷, сыном Бога от девы Мудрости¹⁸, и говорит, что через Логос Бог открыл себя человеку. Так как душа является частью Бога, при помощи разума она способна возвыситься до мистического созерцания если не самого Бога, то Логоса. Может статься, если бы нам удалось освободиться от порока — тела и ощущений — и благодаря аскезе и долгим упражнениям в созерцании стать на мгновение чистым духом, в это экстатическое мгновение мы смогли бы лицезреть самого Бога¹⁹.

Логос Филона явился одной из самых влиятельных идей в истории мысли. То, что сходные идеи формулировались Гераклитом, Платоном и стоиками, очевидно; по-видимому, ему были известны и написанные незадолго до него иудейские сочинения, в которых Мудрость Бога как творца мира понималась как особая личность; должно быть, он находился также под впечатлением того места из Притч (VIII, 22), где Мудрость говорит: «Бог владел мной в начале своих путей, прежде своих трудов. Я была воздвигнута испокон веков... с тех пор, как стоит земля». Филон был современником Христа; очевидно, он никогда не слышал о нем; но, сам того не ведая, он один из тех, кто стоял у истоков христианской теологии. Раввины хмурились, слыша его аллегорические толкования, словно те предназначались для оправдания не слишком строгого следования Закону; они подозревали учение о Логосе в том, что оно является отступлением от монотеизма; они видели в страстной приверженности Филона греческой философии угрозу культурной ассимиляции, потери расовой чистоты и как следствие этого — исчезновения находящихся в рассеянии евреев. Но Отцы Церкви восхищались созерцательной набожностью этого иудея, широко использовали его аллегорические принципы для ответа на критику Священного Писания и вместе с гностикami и неоплатониками приняли учение о мистическом созерцании Бога как венце человеческих усилий и трудов. Филон предпринял попытку стать посредником между иудаизмом и эллинизмом. С точки зрения иудаизма он потерпел неудачу; с исторической точки зрения он добился успеха. Результат его работы — первая глава Евангелия от Иоанна.

III. ПРОГРЕСС НАУКИ

В области науки Александрия была бесспорным лидером эллинистического мира. Клавдий Птолемей должен быть причислен к самым влиятельным астрономам античности, потому что, несмотря на Коперника, мир нашего языка по-прежнему Птолемея. Рожденный в Птолемаиде на Ниле (отсюда

его имя), большую часть своей жизни он провел в Александрии, где со 127 по 151 год проводил свои наблюдения. Мы помним его главным образом потому, что он отверг теорию Аристарха, утверждавшего, что Земля вращается вокруг солнца. Эта бессмертная ошибка была увековечена в сочинении Птолемея *Mathematiké Syntaxis*, или «Математическая классификация» звезд. Арабы ссылались на этот труд, применяя к нему греческую превосходную степень *Almegisté*, «Величайший»; в средние века он был искажен, и в истории прославился под названием «Альмагест». Эта книга правила небом до тех пор, пока Коперник не перевернул мир. Однако сам Птолемей не претендовал на нечто большее, чем систематизация трудов и наблюдений предшествующих астрономов, в первую очередь Гиппарха. Он изобразил Вселенную сферической, ежедневно обращающейся вокруг сферической и неподвижной Земли. Эта точка зрения покажется нам странной (хотя трудно сказать, какие слова будущие Коперники припасут для нынешних Птолемеев), но геоцентрическая гипотеза позволяла исчислить положение звезд и планет с большей точностью, чем гелиоцентрическая концепция, учитывая состояние астрономических знаний в то время²⁰. Птолемей, далее, предложил теорию эксцентриков для того, чтобы объяснить орбиты планет, и открыл эвекцию, или орбитальное отклонение, Луны. Он измерил расстояние между Землей и Лунной при помощи до сих пор используемого метода параллакса, приняв к выводу, что оно равняется пятидесяти девяти земным радиусам. Приблизительно такими же данными располагает и современная наука, однако Птолемей следовал Посидонию, преуменьшая протяженность диаметра Земли.

Как *Syntaxis* придал античной астрономии ее окончательную форму, так «Географический обзор» Птолемея суммировал античные знания о поверхности Земли. Также и в этом случае его кропотливые труды по составлению таблиц с указанием долготы и широты крупнейших городов земного шара привели к серьезным ошибкам в силу того, что он разделял точку зрения Посидония, преуменьшавшего размеры нашей планеты; однако именно этой вдохновляющей ошибке, закрепленной в традиции Птолемеем, Колумб обязан своей верой в то, что за относительно небольшой промежуток времени можно достичь берегов Индии, плывя на запад²¹. Птолемей был первым, кто использовал термины «параллели» и «меридианы» в географии; на своих картах ему удалось запечатлеть отличные плоскостные проекции сферы. Но он был скорее математиком, чем географом или астрономом; его работа состояла главным образом из математических формул. *Syntaxis* содержит великолепную таблицу хорд. Птолемей разделил земной радиус на шестьдесят *partes minutae primae* («первые малые части»), которые стали нашими «минутами», и разделил последние на шестьдесят *partes minutae secundae* («вторые малые части»), которые стали нашими «секундами».

Хотя Птолемей и допустил немало ошибок, он обладал складом и терпением настоящего ученого. Он стремился основывать все выводы на наблюдениях — слишком редко своих собственных. В одной из областей он провел длинную серию экспериментов: его «Оптика» — исследование преломления было в свое время названо «самым примечательным экспериментальным исследованием в античности»²². Стоит отметить и тот факт, что этот величайший астроном, географ и математик своего времени написал «Четырехкнижие» (*Tetrabiblos*), посвященное изучению влияния звезд на человеческую жизнь.

Тем временем «Архимед младший» пытался дать классическому миру еще один шанс на индустриальную революцию. Блестящий изобретатель или компилятор, имя которого — единственное, что мы о нем знаем, Герон выпустил в эту эпоху * в Александрии обширную серию трактатов по математике и физике, отдельные из которых сохранились в арабских переводах. Он откровенно предупреждал читателей, что предлагаемые им теоремы и изобретения вовсе не обязательно принадлежат ему, но являются результатом многовековых исследований. В «Диоптре» он описывает инструмент, напоминающий теодолит, и формулирует принципы измерения посредством съемки расстояний до недоступных точек. В «Механике» он рассматривает использование и сочетание простых приспособлений, таких, как колесо, ось, рычаг, шкив, винт и клин. В «Пневматике» он исследует давление воздуха при помощи семидесяти восьми экспериментов, большая часть которых является шуточными трюками. Например, он показывает, как заставить течь вино или воду из одного и того же маленького отверстия в дне сосуда, закрывая то одно, то другое отверстие наверху разделенного на две части сосуда, через которые туда проникает воздух.

Благодаря таким развлечениям он смог сконструировать нагнетательный насос, пожарный насос с поршнем и клапанами, гидравлические часы, водяной орган и паровую машину. В этом приспособлении пар, поднимающийся от горячей воды, попадал по трубе в шар и выходил наружу через изогнутые трубки противоположных сторон, заставляя шар вращаться в направлении, обратном тому, в каком выходил пар. Высокоразвитое чувство юмора не позволило Герону приспособить это изобретение для промышленных нужд. Он использовал пар для того, чтобы поддерживать мяч в подвешенном состоянии, заставить петь механическую птицу или дуть в трубу статую. Так, в «Катоптрике» он исследует отражение света и демонстрирует, как сконструировать зеркала, которые позволяют человеку увидеть себя со спины или отразят его с головой, повернутой назад, с тремя глазами, двумя ногами и т.д. Он рассказывал магам, как проделывать трюки при помощи скрытых от публики приспособлений. Он заставлял воду бить из фонтана после того, как в щель опускали монету. Он сконструировал тайную машину, которая перегоняла горячую воду в ведро, которое становилось тяжелее и при помощи шкивов открывало ворота храма. В этом и множестве других случаев Герон преуспел в тауматургии, упустив шанс стать Уаттом.

Александрия издавна была главным центром медицинского образования. Знаменитые школы медицины существовали также в Марселе, Лионе, Сарагосе, Афинах, Антиохии, Косе, Эфесе, Смирне и Пергаме; но в поисках медицинского образования молодежь всех провинций устремлялась в египетскую столицу. Даже в четвертом веке, когда Египет переживал упадок, Аммиан Марцеллин писал, что «достаточной рекомендацией для врача является простое упоминание о том, что он учился в Александрии»²⁴. Прогрессировала специализация. «Никто не в силах быть универсальным врачом», — сказал Филострат (около 225 г.). «Должны существовать специалисты по ранам, лихорадкам, глазным болезням, чахотке»²⁵. В Александрии практиковалось анатомирование трупов и, по-видимому, имели место случаи вивисекции на челове-

* Время его жизни — предмет дискуссии. Энциклопедия Паули-Виссова относит его к середине I в. до н.э., Хайберг, Дильс и Хит — к 225 г.

ке²⁶. Хирургия, пожалуй, была развита здесь в первом веке столь же хорошо, как и в лучших европейских клиниках до девятнадцатого века. Нередко врачами были женщины. Одна из них, Метродора, написала сохранившийся трактат о маточных болезнях²⁷. История медицины той эпохи украшена великими именами: Руф Эфесский описал строение глаза, провел различие между моторными и сенсорными нервами и усовершенствовал методы приостановления кровотечения в хирургии; Марин Александрийский прославился своими операциями на черепе; величайшим офтальмологом эпохи был Антилл. Диоскорид из Киликии (40–90 гг.) написал труд *Materia Medica*, в котором содержались описания 600 используемых в медицине растений, и эти описания были настолько хороши, что его книга оставалась самым авторитетным пособием по данной теме вплоть до Возрождения. Для контрацепции он рекомендовал использовать медикаментозные маточные кольца²⁸; его рецепт вина из мандрагоры, используемого для хирургической анестезии, был с успехом применен в 1874 году²⁹.

Соран Эфесский около 116 г. опубликовал трактат, посвященный женским заболеваниям, родам и уходу за детьми; из сохранившихся произведений античной медицины он уступает только трудам Гиппократовского корпуса и Галена. Он описывает вагинальное зеркало и акушерское кресло, дает превосходную анатомию матки, предлагает почти современные диетические и оперативные средства помощи, такие, например, как промывание глаз новорожденного маслом³⁰, знакомит с полусотней контрацептивных приспособлений, большая часть которых сводится к обработке вагины лекарством³¹, и (в отличие от Гиппократов) допускает аборт в случаях, когда роды могут угрожать жизни матери³². Соран был величайшим гинекологом древности. После него в этой области не было произведено никаких улучшений вплоть до Паре, жившего пятнадцать веков спустя. Если бы до нас дошли все сорок его трактатов, мы, вероятно, должны были бы считать его столь же великим, как и Галена.

Самый знаменитый врач этого периода был сыном пергамского архитектора, который назвал его Галеном, то есть «тихим» и «незловивым», в надежде, что тот не пойдет по стопам своей матери³³. В четырнадцать юноша нашел свою первую любовь — он влюбился в философию, от опасного соблазна которой не смог освободиться до конца своих дней. В семнадцать он обратился к медицине, учился в Киликии, Финикии, Палестине, на Кипре, Крите, в Греции и Александрии (легкость на подъем, характерная для античного ученого), работал хирургом в пергамской гладиаторской школе и некоторое время практиковал в Риме (164–168 гг.). Успешно излечив нескольких больных, он приобрел состоятельных клиентов, а на его лекции собирались выдающиеся слушатели. Его репутация поднялась столь высоко, что ему писали из всех провинций с просьбой о врачебном совете, и, уверенный в своих силах, он назначал им лечение заочно. Его добрый отец, забыв о цели, которую он преследовал, давая сыну имя Галена, советовал ему не вступать ни в какую секту и всегда говорить правду. Гален послушался, выявил невежество и продажность многих римских врачей и через несколько лет был вынужден бежать от врагов. Марк Аврелий позвал его назад для лечения захворавшего Коммода (169 г.) и попытался взять с собой в поход против маркоманов, однако Гален оказался достаточно ловок, чтобы вскоре вернуться в Рим. Начиная с этого времени мы не знаем о его жизни ничего, за исключением его трактатов.

Он был почти столь же плодовит и многотомен, как и Аристотель. Из пятисот томов, приписывавшихся ему, сохранилось около ста восьмидесяти, которые на двадцати тысячах страниц обнимают все ветви медицины и некоторые области философии. Их медицинская ценность сегодня не слишком высока, однако они изобилуют случайной информацией и сохранили на себе печать витальности сильного и склонного к спорам духа. Его страсть к философии наделила его дурной привычкой делать далеко идущие выводы на основании малого количества фактов; вера в собственные знания и способности часто приводит его к догматизму, невозможному в настоящем ученом; бескость его авторитета привела к закреплению на долгие времена серьезных ошибок. И тем не менее он был аккуратным наблюдателем и экспериментировал больше, чем любой другой античный врач. «Я признаю, что всю свою жизнь страдал одним недугом: не доверять... никаким утверждениям до тех пор, пока я не проверю их, насколько это возможно, на собственном опыте»³⁴. Так как римский губернатор запретил ему анатомировать человеческие тела — живые или мертвые, он анатомировал и подвергал вивисекции животных, и иногда слишком поспешно делал выводы о строении человека на основании изучения обезьян, собак, коров и свиней.

Несмотря на свою ограниченность, Гален внес в анатомию большой вклад, чем любой другой исследователь античности. Он тщательно описал строение черепа и спинной хребет, мускульную систему, молочные железы, язычные и подчелюстные железы, сердечные клапаны. Он доказал, что вырезанное сердце может продолжать биться вне тела; он выяснил, что артерии содержат кровь, а не воздух (как учила на протяжении четырехсот лет Александрийская школа). Он упустил возможность предвосхитить открытие Гарвея; Гален полагал, что большая часть крови циркулирует взад и вперед по венам, в то время как остальная ее часть, смешавшись с поступившим из легких воздухом, движется туда и сюда по артериям. Ему первому удалось объяснить механизм дыхания, и он высказал блестящую догадку о том, что главный вдыхаемый нами элемент воздуха идентичен тому, который принимает активное участие в процессе горения³⁵. Он выявил отличие плеврита от пневмонии, описал аневризм, рак и туберкулез, раскрыв инфекционную природу последнего. Кроме того, он основал экспериментальную неврологию. Он провел первые эксперименты по рассечению спинного мозга, определил сенсорные и моторные функции каждого сегмента, понял природу симпатической системы, выявил семь из двенадцати пар черепных нервов и мог по своему желанию добиваться афазии, перерезав ларингальный нерв. Он доказал, что повреждения одной из сторон мозга приводят к расстройству другой стороны тела. Он исцелил софиста Павсания от нечувствительности указательного и большого пальцев левой руки, стимулируя плечевое сплетение, где находится локтевой нерв, контролирующий эти пальцы³⁶. Он настолько хорошо овладел симптоматологией, что предпочитал ставить диагноз, не задавая пациенту никаких вопросов³⁷. Он часто использовал диету, упражнения и массаж, но был также и грамотным фармацевтом, много путешествуя в поисках редких лекарств. Он презирал врачей, предписывающих принимать мочу и отбросы, каковые методы были по-прежнему в чести у некоторых из его современников³⁸, рекомендовал принимать высушенных цикад против колик, применял при лечении опухолей козлиный помет и приводил длинный список болезней, которые можно исцелить при помощи териака — знаменито-

го лекарства, изготовленного в качестве противоядия для Митридата Велико-го, ежедневно потреблявшего Марком Аврелием и содержащего змеиное мясо³⁹.

Свой послужной список выдающегося экспериментатора он запятнал потоками опрометчивых теорий. Он высмеивал магию и заклинания, с доверием относился к дивинации во сне и думал, что фазы Луны влияют на состояние пациентов. Он присоединился к Гиппократовой теории о существовании четырех гуморов (кровь и флегма, желтая и черная желчь)*, добавил к ней некоторые постулаты пифагорейской теории четырех элементов (земля, воздух, огонь, вода) и попытался свести все болезни к нарушению баланса между этими четырьмя гуморами или четырьмя элементами. Он был твердым виталистом, убежденным в том, что рпеута, «жизненное дыхание», или «дух», проникает и приводит в движение каждую часть тела. Механические интерпретации биологии были выдвинуты несколькими врачами, например Асклепиадом, который придерживался мнения, что физиология должна рассматриваться как одна из ветвей физики; Гален возражал, что, тогда как машина есть не что иное, как совокупность составляющих ее частей, организм предполагает наличие целелогающего «ведущего», целого, которое контролирует свои части. И точно так же как только цель способна объяснить происхождение, структуру и функции органов, Вселенная, полагал Гален, может быть понята только как воплощение и орудие некоего божественного замысла. Бог, однако, действует только в согласии с законами природы; чудеса невозможны, и единственным откровением является сама Природа.

Телеология и монотеизм Галена обеспечили ему расположение христиан, а позднее и мусульман. Почти все его сочинения были утрачены для Европы в хаосе варварских нашествий, но на Востоке их уберегли от гибели арабские ученые; начиная с одиннадцатого века их стали переводить с арабского на латынь. Гален стал непререкаемым авторитетом для средневековой медицины.

Последняя творческая эпоха греческой науки окончилась с Галеном и Птолемеем. Эксперименты были заброшены, царили догмы; математика занялась переформулировкой положений геометрии, биология снова вернулась в эпоху Аристотеля, естественные науки прозябали на уровне Плиния; медицина топталась на месте до тех пор, пока арабские и еврейские врачи не вдохнули новую жизнь в эту благороднейшую из наук.

IV. ПОЭТЫ В ПУСТЫНЕ

Напротив Египта, отделенная от него Красным морем, лежала Аравия. Ни фараоны, ни Ахемениды, ни Селевкиды, ни Птолемеи, ни римляне не смогли покорить этот таинственный полуостров. Пустынная Аравия (Arabia Deserta) знала лишь арабских кочевников, но на юго-западе горный хребет и ниспадавшие с него потоки дарили мягкими температурами и пышной растительностью Аравию Счастливую (Arabia Felix), или современный Йемен. В этих глухих местах таилось Сабское (библ. Савское) царство, которое столь изобиловало ладаном и мирром, кассией и корицей, алоэ и нардом, александрийским

* Ср. внимание, уделяемое современной медициной железистой секреции.

листом, камедью и драгоценными камнями, что саббатеи смогли построить Мариабу и другие гордые города, украшенные храмами, дворцами и колоннадами⁴⁰. Арабские купцы не только продавали по высоким ценам арабские товары, но и вели караванную торговлю с Северо-Западной Азией и активную морскую торговлю с Египтом, Парфией и Индией. В 25 г. до н.э. Август послал Элия Галла присоединить царство к Империи; легионам не удалось взять Мариабу, и они вернулись в Египет, поредевшими от болезней и жары. Август удовлетворился разрушением арабского порта Аданы (Аден), тем самым взяв под контроль торговлю между Египтом и Индией.

Главный коммерческий маршрут шел из Мариабы на север, проходил через северо-восточный угол полуострова, известный древним под именем Аравии Петреи, названной так по ее столице Петре, расположенной милях в сорока к югу от Иерусалима. Город получил такое название потому, что был окружен со всех сторон крутыми утесами, которые делали его стратегическое положение чрезвычайно выгодным. Здесь набатейские арабы основали во II в. до н.э. царство, которое медленно богатело, взимая пошлины с проходящих мимо караванов, пока его власть не распространилась от Левке Коме на Красном море вдоль границы Палестины через Герасу и Бостру до Дамаска. При царе Арете Четвертом (9 г. до н.э.—40 г.) страна достигла пика своего расцвета; Петра стала эллинистическим городом, язык которого был арамейский, искусство греческое, блеск улиц александрийский. К этому времени относятся прекраснейшие из гигантских гробниц, которые были вырублены в горах за пределами города,—грубые, но дышащие мощью двухъярусные греческие колоннады, некоторые из них достигали более ста метров в высоту. После того как Траян аннексировал Аравию Петрею (106 г.), Бостра стала столицей провинции Аравия и воздвигла, в свой черед, архитектурные символы богатства и могущества. Петра постепенно увядала в эпоху, когда на перекрестках караванных маршрутов через пустыню встали Бостра и Пальмира, и великие гробницы были превращены в «загоны для стад кочевников»⁴¹.

Самой поразительной чертой Империи были ее многочисленные и плотно населенные города. Никогда, вплоть до нашего века, урбанизация не была более масштабной. Лукулл, Помпей, Цезарь, Ирод, эллинистические цари и римские императоры гордились основанием новых городов и украшением старых. Так, путешественнику, двигавшемуся на север вдоль восточного Средиземноморского побережья, едва ли не через каждые двадцать миль попадался навстречу город — Рафия (Рафа), Газа, Аскалон, Иоппия (Яффа), Аполлония, Самария-Себасте и Цезаря (Кайсария). Эти города, хотя и находились в Палестине, были наполовину населены греками, а греческий язык являлся в них доминирующим; греческими были их культура и политические установления. Это были греческие плацдармы языческого вторжения в Иудею. Ирод истратил немалые средства на то, чтобы сделать Цезарею достойной Августа, в честь которого она получила свое название. Он построил в городе просторную гавань, величавый храм, театр, амфитеатр, «роскошные дворцы и множество домов из белого камня»⁴². В глубине суши лежали другие греческие города Палестины — Ливия, Филадельфия, Гераса (Джерасх) и Гадара (Катра). В Герасе смотрели в небо сто колонн, составлявших колоннаду, протянувшуюся вдоль главной улицы; развалины храмов, театра, бань и акведука гласят: во втором столетии нашей эры город был богат и многолюден.

Гадара, где развалины двух театров до сих пор полны отголосков ставившихся на их сцене греческих пьес, славилась школами, преподавателями и писателями. Здесь в третьем веке до н.э. жил Менипп, кинический философ и юморист, чьи сатиры учили тому, что все на свете — тщета, кроме достойной и порядочной жизни, и послужили образцом для Луцилия, Варрона и Горация. Здесь, в этих «сирийских Афинах», за несколько сот лет до Христа, Мелеагр — Анакреонт своего времени — отделявал эпиграммы, посвященные прекрасным дамам и стройным мальчикам, и его перо изнывало от любви.

Винная чаша ликует и хвалится тем, что приникли
К ней Зенофилы уста, сладкий источник речей.
Чаша счастливая! Если б, сомкнув свои губы с моими,
Милая разом одним выпила душу мою⁴³.

(Перевод Л. Блуменуа)

Один из огоньков, слишком рано угасший, горел в его памяти особенно ярко — Гелиодора, которую он любил в Тире.

Мирты с весенним левкоем сплету я и с нежным нарциссом,
Лилий веселых цветы с ними я вместе совою,
Милый шафран приплету и багряный цветок гиацинта
И перевью свой венок розой, подругой любви,—
Чтоб, обхватив волоса умощенные Гелиодоры,
Он лепестками цветов сыпал на кольца кудрей⁴⁴.

(Перевод Л. Блуменуа)

А ныне...

Где ты, цветок, мой желанный? Увы мне, похищен Аидом!
С прахом могилы сырой смешан твой пышный расцвет...
О, не отвергни, земля, всеродящая мать, моей просьбы:
Тихо в объятья твои Гелиодору прими⁴⁵.

(Перевод Л. Блуменуа)

Мелеагр обессмертил свое имя, собрав в «венке» (stephanos) элегические стихи Греции от Сафо до Мелеагра; из этого и подобных ему собраний выросла посредством слияния «Греческая Антология»*. Здесь мы найдем лучшие и худшие греческие эпиграммы, отшлифованные, словно драгоценный камень, и пустые, как поза; не слишком мудро было сорвать 4000 таких «цветков» с их ветвей, чтобы изготовить эту вянущую гирлянду. Некоторые из стихотворений вспоминают о забытых великих мужах, знаменитых статуях или покойных родственниках; некоторые из них являются, так сказать, автоэпитафиями; так, некая женщина, скончавшаяся при родах тройни, резонно замечает: «Пусть после этого женщины молят ниспослать им детей»⁴⁶. Некоторые из них — это стрелы, выпущенные во врачей, сварливиц, гробовщиков, педагогов, рогоносцев, бедняка, который, умирая, вдруг почувствовал запах ломаного гроша — и жив-здоров, грамматика, чьи внуки успешно скло-

* Stephanos Мелеагра в шестом веке был объединен с Musa Paidiké — гомосексуальной антологией, составленной Стратоном из Сард (50 г. до н.э.). Впоследствии в этот сборник вносились новые дополнения, главным образом, за счет эпиграмм христианских авторов; свою настоящую форму «Антология» обрела в Константинополе около 920 г.

няют существительные всех трех родов ⁴⁷, кулачного бойца, который ушел на покой, женился и получает теперь больше ударов, чем во времена своих выступлений на ринге, или карлика, который, несомый комаром, думает, что переживает похищение Ганимеда. Одна-единственная эпиграмма славит «ту знаменитую женщину, которая спала только с одним мужчиной». Другие посвящают приношения богам: Лаида вешает свое зеркало в храме, для нее это теперь вещь совершенно бесполезная, ведь оно не способно отразить ее былую красоту; Никий, прослужив пятьдесят лет мужчинам, отдает свой служивый пояс Венере. Некоторые четверостишия прославляют расширяющее сосуды вино, которое мудрее самой мудрости. В одной из эпиграмм восхваляется неизменная приверженность семейным узам прелюбодея, погибшего в объятиях любовницы под развалинами дома. Некоторые из них представляют языческие плачи о краткости человеческого века, некоторые выражают христианскую надежду на воскресение. Большинство эпиграмм, разумеется, славят красоту женщин и юношей и воспевают красочный экстаз любви: все, что позднейшая литература скажет о любовной жажде, сказано здесь кратко и полно, а запутанность образов ничуть не уступает вычурности елизаветинцев. Мелеагр заставляет сводничать комара, поручая ему отнести записку поэтессой «даме на час». А его земляк Филодем, философский ментор Цицерона, складывает меланхолическую песенку, обращенную к его Ксанфо:

О Ксанфо, с восковой благовонною кожей и Музе
 Ликом подобная, ты — образ двукрылых богов,
 Влажной от мирры рукой сыграй мне: на каменном ложе
 Рано иль поздно один должен я буду лежать
 Долгое время, бессмертный... О, спой мне еще, умоляю,
 Спой, дорогая Ксанфо, сладкую песню свою!
 Разве не слышишь ты, жадный? На ложе, на каменном ложе
 Вечно, несчастный, один должен ты некогда жить ⁴⁸.

(Перевод Л. Блуменау)

V. СИРИЙЦЫ

Если двигаться вдоль побережья далее к северу, можно было достичь древних городов Финикии, которая наряду с Палестиной была частью провинции Сирия. Их трудолюбивые мастера — искусные ремесленники, их благоприятное положение традиционных торговых портов, их богатые и ловкие купцы, рассылающие корабли и коммерческих агентов во все края света, поддерживали в них жизнь на протяжении исполненных превратностей судьбы тысячелетий. Тир (Сур) гордился домами, более высокими, чем в Риме⁴⁹, зато его трущобы были еще отвратительнее; на улицах стояла вонь, исходившая из красильных мастерских, но город утешал себя тем, что весь мир покупает его богато расцвеченный текстиль, и прежде всего пурпурные шелка. Сидон, вероятно, был родиной стеклодувного искусства и теперь специализировался на выпуске стеклянных и бронзовых изделий. Берит (Бейрут) гордился своими медицинскими, риторическими и юридическими школами; похоже, что из его университета пришли в Рим великие юристы Ульпиан и Папиниан.

Ни одна из провинций Империи не могла соперничать с Сирией в промышленном производстве и процветании. На земле, где в наше время 3 000 000 обитателей влчат полное невзгод существование, в дни Траяна проживало 10 000 000 человек⁵⁰. Полсотни городов наслаждались чистой водой, общественными банями, подземной дренажной системой, чистыми рынками, гимназиями и палестрами, лекциями и музыкой, школами, храмами и базиликами, портиками и арками, общественными статуями и картинными галереями, характерными для эллинистических городов первого века от Рождества Христова⁵¹. Древнейшим из них был Дамаск, отделенный от Сидона Ливанским хребтом, укрепленный окружавшей его со всех сторон пустыней и превращенный в сад благодаря воде, приносимой рукавами и притоками реки, благодарно именовавшейся «золотым потоком». Здесь сходились несколько караванных дорог, осыпавших базары товарами трех континентов. Возвращаясь холмами Антиливана и двигаясь по пыльным дорогам на север, современный путешественник с удивлением замечает рядом с крохотной деревушкой Баальбек развалины двух величественных храмов и пропилеи, составлявшие некогда гордость Гелиополя, греко-римско-сирийского Города Солнца. Август разместил здесь небольшую колонию, и город разрастался благодаря тому, что здесь находился престол Баала, Бога Солнца, и пересекались дороги в Дамаск, Сидон и Бейрут. При Антонине Пие и его преемниках римские, греческие и сирийские архитекторы и инженеры возвели на месте старинного финикийского храма Ваала впечатляющее святилище Юпитера Гелиополи-танского. Он был сооружен из огромных монолитов, которые были добыты в каменоломнях, находившихся в миле от него; стороны одного блока равны шестидесяти двум, четырнадцати и одиннадцати футам, и этого камня хватило бы для того, чтобы построить удобный дом. Пятьдесят одна мраморная ступень шириной 150 футов ведет к пропилеям, коринфскому портику. За окруженным колоннадой передним двором и собственно двором возвышался главный храм, пятьдесят восемь колонн которого по-прежнему поднимаются в небо на шестьдесят два фута. Рядом с ним находятся развалины малого храма, разными учеными считаемого храмом Венеры, Вакха или Деметры; сохранилось девятнадцать его колонн, а также изящно вырезанный красивый портал. Ослепительные в своем одиноком величии под лучами никогда не заходящего за облака солнца, колонны этих храмов следует отнести к прекраснейшим из существующих произведениям человеческих рук. При виде их мы способны еще острее, чем в Италии, ощутить грандиозность Рима, богатство и отвагу, мастерство и вкус, которые смогли создать во множестве рассеянных по всему свету городов храмы куда более обширные и величественные, чем те, что когда-либо знала столица.

Похожее зрелище встречает путешественника, устремившегося на восток через пустыню в путь из Омса (античная Эмеса) в Тадмор, который получил греческое название Пальмира — Город Мириады Пальм. Его счастливое местоположение и плодородная почва вокруг двух обильных ручьев, протекавших между Эмесой, Дамаском и Евфратом, позволили городу достичь величайшего богатства и стать одним из крупнейших городов Востока. Его удаленность от других поселений позволила Пальмире фактически оставаться независимой, несмотря на номинальное подчинение власти Селевкидов или римских императоров. Ее широкий центральный проспект с флангов был окружен тенистыми портиками, состоявшими из 454 колонн; на четырех главных пере-

крестках стояли державные арки, одна из которых уцелела, чтобы дать нам возможность судить об остальных. Гордостью города был храм Солнца, посвященный (30 г.) верховной троице — Белу (Ваалу), Яргиболу (Солнцу) и Аглиболу (Луне). Его размеры заставляют вспомнить об ассирийских традициях и гигантомании. Его двор, крупнейший в Империи, имел непревзойденную колоннаду длиной 400 футов, большая часть которой состояла из коринфских колонн по четыре в ряд. Внутри двора и храма помещались скульптуры и картины, сохранившиеся образцы которых свидетельствуют о том, что Пальмира была близка Парфии не только географически, но и своими художественными традициями.

Главная дорога на восток, проходившая через Пальмиру, достигала Евфрата у Дура-Европос. Там купцы поделились частью своих доходов с пальмирской триадой (100 г.), возведя наполовину греческий наполовину индийский храм; неизвестный восточный художник украсил его стены фресками, которые ярко иллюстрируют положение о восточном происхождении византийского и раннехристианского искусства⁵². Дальше к северу на берегах реки лежали другие важные города-перекрестки — Тапсак и Дзевгма. Повернув от Тапсака на запад, путешественник проходил через Берою (Алеппо) и Апамею и попал на Средиземноморское побережье у Лаодикеи, которая, сохранив свое древнее имя, зовется ныне Латакия и по-прежнему является оживленным портом. Между нею и Апамеей текла на север река Оронт, которая мимо берегов, преимущественно занятых лагифундиями, доставляла путника в Антиохию (Антакья), столицу Сирии. По реке и обширной сети дорог в Антиохию поступали товары с Востока, в то время как средиземноморский порт Селевкия Пиерия, находившийся четырнадцатью милями ниже по течению реки, являлся воротами, через которые текли товары Запада. Большая часть города располагалась на склоне горы, у подножия которой протекал Оронт; живописное расположение помогало Антиохии соперничать с Родосом в борьбе за роль прекраснейшего города эллинистического Востока. Здесь имелась система уличного освещения, которая делала город ночью сверкающим и безопасным. Главная улица, протянувшаяся на четыре с половиной мили, была вымощена гранитом и имела с обеих сторон крытую колоннаду, благодаря которой граждане могли попасть из одного конца города в другой, не страшась дождя или солнца. В каждый дом в изобилии поступала чистая вода. Шестисоттысячное население, состоявшее из греков, евреев, сирийцев, было знаменито своей жизнерадостностью, непрестанно гонялось за наслаждениями, посмеивалось над надменными римлянами, являвшимися сюда править городом и провинцией, делило свои симпатии поровну между цирком и амфитеатром, борделями и банями, используя все преимущества, которыми награждала их Дафна — пригородный парк. Праздники были многочисленны, и в каждом из них принимала долю почестей Афродита. Во время праздника Брумалии, длившегося большую часть декабря, весь город, свидетельствует современник, напоминал таверну, и улицы всю ночь оглашались песнями и шумом пирушек⁵³. Здесь имелись риторические философские и медицинские школы, но Антиохия не была образовательным центром. Ее население пылко жило одним днем, а когда нуждалось в религии, то прибегало к услугам астрологов, магов, чудотворцев и шарлатанов.

В общем, под властью Рима Сирия процветала, и это процветание было более длительным, чем в любой другой провинции. Большинство работни-

ков, за исключением домашней прислуги, были свободными. Высшие классы были эллинизированы, низшие оставались привержены Востоку. В одном и том же городе греческие философы толкались в одной толпе с храмовыми проститутками и оскороженными жрецами; и еще незадолго до Адриана в жертву богам приносили детей⁵⁴. Скульптура и живопись приобрели полувосточные, полусредневековые обличье и форму. Греческий язык был главным языком администрации и литературы, но местные языки — главным образом арамейский — оставались разговорными языками большинства населения. Здесь было немало ученых, которые заставляли весь мир считаться с их мимолетной славой. Николай Дамасский, помимо того, что он был советником Антония, Клеопатры и Ирода, взялся за тяжелый труд написания универсальной истории — труд, замечает он, которого устранился бы и сам Геркулес⁵⁵. Милосердное время предало забвению все его сочинения. Однажды, на досуге, точно так же оно поступит и с нами.

VI. МАЛАЯ АЗИЯ

К северу от Сирии находилось зависимое царство — позднее провинция — Коммагена, с густонаселенной столицей Самосатой, где прошло детство Лукиана. На противоположном берегу Евфрата лежало небольшое царство Осроена; Рим укрепил его столицу Эдессу (Урфа), видя в ней антипарфянский бастион; чаще мы будем слышать о ней уже в христианскую эпоху. Двигаясь из Сирии на запад, можно было попасть в Киликию (ныне в Турцию), которая начиналась у Александрии Иссы (Александретта). Эта провинция, которой некоторое время управлял Цицерон, была высокоцивилизованной на малоазийском побережье, но в горах Тавра по-прежнему прозябало варварство. Тарс (Терсус), ее столица, был «не заурядным городом», как заметит его сын святой Павел, но славился своими школами и философами.

Напротив Киликии, в Средиземном море, Кипр пребывал в вековом беспамятстве, добывая медь, вырубая кипарисовые рощи, строя корабли и терпеливо снося гнет новых завоевателей. Высокоприбыльные рудники были собственностью Рима и обрабатывались рабами. Гален рассказывает о том, как в его дни на шахте произошел обвал, заживо похоронивший сотни рабочих, — периодически случающийся инцидент в геологическом фундаменте человеческих удобств и могущества.

Севернее Киликии лежала засушливая и гористая Каппадокия, где добывались драгоценные металлы, выращивалась пшеница, разводился скот, откуда на внешний рынок поступали рабы. К западу от нее Ликаония войдет в историю благодаря апостолу Павлу, посетившему Дербу, Листру и Иконий. Еще севернее находилась Галатия, заселенная и названная так в III в. до н.э. галлами; самым знаменитым ее произведением был пессинунтский Черный Камень, отправленный в Рим как символ Кибелы; главным ее городом была Анкира, являвшаяся 3500 лет назад столицей хеттского царства. Сегодня это столица Турции. Западнее Киликии провинция Писидия насчитывала в своих пределах пять городов, таких, как Ксанф, оправлявшийся ныне от массового самоубийства при Бруте, и Аспенд, театр которого столь хорошо сохранился, что не составит труда представить его вновь заполненным зрителями, явившимися на пьесу Менандра или Еврипида.

К западу и северу от Писидии находилась провинция «Азия», разделенная на Фригию, Карию, Лидию и Мисию. Здесь, где ионийская цивилизация процветала после тысячелетней истории, Филострат насчитал 500 городов, в которых жило куда больше народу, чем сейчас во всем этом регионе. Сельская местность была плодородна, из века в век совершенствовались ремесла, и порты извлекали доходы из развития богатых рынков Италии, Испании, Африки и Галлии. Фригия была гориста, но и здесь гордо возвышались крупные города, как Апамея Келайны, которая, по мнению Страбона, уступала по величине только одному городу «Азии» — Эфесу, или Лаодикея, очастливленная своими филантропическими философами и миллионерами. Книд был еще достаточно серьезной величиной, чтобы состоять в союзе с Римом, однако Галикарнас переживал упадок, клонясь от Геродота к Дионисию — великолепному литературному критику, неkritичному историку. Милет переживал не лучшие времена, хотя по-прежнему был оживленным портом; оракул Аполлона в храме соседних Дидим продолжал отвечать на вопросы головоломками; местные сказители плели те самые любовные «плутовские» «милетские рассказы», из которых вырастает греческий роман. Приена была незначительным городком, однако горожане вели друг с другом достойное уважения состязание, стараясь украсить ее замечательными постройками. В этом городе в I в. до нашей эры на пост верховного магистрата была избрана женщина — Фила; влияние богатства и Рима повысили статус женщины в эллинистических странах. Магнесия на Меандре владела храмом, который многие считали самым совершенным святилищем Азии; он был посвящен Артемиде (129 г. до н.э.) и спроектирован Гермогеном, крупнейшим архитектором своего времени. Κοινον, или Собрание Представителей, по-прежнему ежегодно собиралось в Микале, выступая в роли ионийского главного совета и религиозного союза.

Среди островов, лежавших вдоль Карийского побережья, процветал Кос, славившийся шелкопрядельной промышленностью и медицинской школой, хранившей традиции Гиппократов. Родос даже в пору своего упадка оставался прекраснейшим городом греческого мира. Когда после Гражданской войны Август попытался облегчить стесненное положение восточных городов, позволив им аннулировать все долги, Родос отказался воспользоваться удобным моментом и добросовестно выполнил все свои обязательства. В результате город быстро вернул себе положение банковского центра эгейской торговли и вновь стал промежуточным портом для судов, курсировавших между Азией и Египтом. Город был знаменит своим упавшим Колоссом, высокими домами, выдающимися статуями, чистыми и просторными улицами, компетентным аристократическим правительством, прославленными риторическими и философскими школами. Здесь Аполлоний Молон обучал Цезаря и Цицерона искусству стиля и через их посредничество оказал серьезнейшее влияние на позднейшую латинскую прозу.

Самым прославленным родосцем этого периода был Посидоний, последний синтетический гений античности. Рожденный в сирийской Апамее (135 г. до н.э.), сначала он прославился как бегун на длинные дистанции. После учения у Панетия в Афинах он избрал Родос своим домом, служил городу в роли магистрата и посланника, объездил немало провинций, вернулся на Родос и привлек на свои лекции по стоической философии таких людей, как Помпей и Цицерон. В 83 г. до н.э. он переехал в Рим и умер там год спустя.

Его утерянная «Всеобщая история», обнимающая историю Рима и его владений между 144 и 82 г. до н.э., считалась античными учеными равной труду Полибия. Его отчет о путешествии по Галлии и трактат «Об Океане» послужили базовыми источниками Страбону. Из всех расчетов расстояния от Земли до Солнца, сделанных в античную эпоху, результат, полученный Посидонием — 52 000 000 миль, — наиболее близок к современным данным. Он посетил Кадис ради изучения приливов и объяснил их как результат совместного воздействия на Землю Луны и Солнца. Он преуменьшил истинное расстояние между берегами Атлантического океана и предсказал, что мореплаватель, отплывший от берегов Испании, достигнет Индии после восьми тысяч миль пути. Несмотря на широкие познания в области естественных наук, он принимал многие спиритуалистические идеи своего времени — *daimones*, дивинацию, астрологию, телепатию и способность души возвыситься до мистического единения с Богом, которого он определял как Жизненную Силу мира. Цицерон был слишком щедр, когда считал его величайшим из стойков. Мы вправе видеть в нем предшественника неоплатонизма, посредующее звено между Зеноном и Платином.

Двигаясь от Карики к северу вдоль побережья Азии, путешественник попал в Лидию и ее крупнейший город — Эфес. При римлянах он процветал, как никогда ранее. Хотя формально столицей «Азии» был Пергам, Эфес стал резиденцией римского проконсула и его штата; кроме того, Эфес являлся главным портом провинции и местом, где собиралась провинциальная ассамблея. Его разноязыкое население насчитывало 225 000 человек, среди которых можно было встретить филантропических софистов и шумных и суеверных хамов. Улицы были гладко вымощены и освещены, вдоль них тянулись мили тенистых портиков. Здесь имелись обычные публичные здания, некоторые из которых были раскопаны археологами к 1894 году: «музей», или научный центр, медицинская школа, библиотека со странным барочным фасадом и театр на 56 000 зрительских мест; должно быть, именно здесь ваятель кумиров Деметрий подстрекал народ напасть на апостола Павла. Центром (и главным банком) города являлся храм Артемиды, окруженный 128 колоннами, каждая из которых была подарена царем. Жрецы-евнухи сопровождались жрицами-девами и роем рабов; обряды являли собой смесь греческих и восточных традиций; варварская статуя изображала богиню с двумя рядами многочисленных сосцов, символизировавших плодородие. Празднество Артемиды превращало целый май в месяц ликования, пиров и игр.

Смирна, несмотря на своих рыбаков, существовала в лучшей атмосфере. Аполлоний Тианский, путешествовавший часто и далеко, называл ее «прекраснейшим городом под солнцем»⁵⁹. Она гордилась своими длинными, прямыми улицами, двухъярусными колоннами, библиотекой и университетом. Один из самых знаменитых ее сыновей, Элий Аристид (117—187 гг.), описывает ее в выражениях, воочию являющих величие римско-эллинистических городов.

Иди с востока на запад, и ты будешь переходить от храма к храму и с холма на холм по улице, еще более прекрасной, чем ее название (Золотая Дорога). Постой на акрополе: под тобой море, вокруг тебя пригороды, три взгляда на этот город способны до краев наполнить чашу твоей души... До самого побережья протяну-

лась сверкающая масса гимнасиев, рынков, театров... бань — их так много, что не сразу решишь, в какой же из них выкупаться... фонтанов, и аллей и воды, текущей в каждый дом. Обилие зрелищ, состязаний и выставок не поддается описанию, как не поддается описанию превеликое множество процветающих в городе ремесел. Из всех городов этот лучше всего подходит тому, кто любит жить удобно и заниматься философией без притворства⁶⁰.

Элий был одним из многих риторов и софистов, чья слава привлекала в Смирну студентов со всей Эллады. Его учитель Полемон был столь велик (рассказывает Филострат), «что разговаривал свысока с городами, без подобострастия с императорами и на равных с богами»⁶¹. Когда он читал лекции в Афинах, Герод Аттик, его величайший соперник в цветистом красноречии посещал выступления Полемона как восхищенный ученик. В уплату за эту привилегию Герод послал ему 150 000 драхм (90 000 долларов); когда Полемон не спешил с изъявлением благодарности, друг Герода высказал предположение, будто он полагает, что ему недоплатили; Герод послал еще сто тысяч, которые Полемон принял как нечто само собой разумеющееся. Полемон использовал свое состояние, чтобы украсить город, в котором поселился; он принимал участие в правительстве, улаживал разногласия между соперничающими партиями и служил городу в качестве посланника. Предание гласит, что, мучаясь артритом и сочтя болезнь непереносимой, он укрылся в гробнице своих предков в Лаодикее и добровольно умер голодной смертью в возрасте пятидесяти шести лет⁶².

Сарды, древняя столица Креза, во времена Страбона по-прежнему была «великим городом». Цицерон был под сильным впечатлением блеска и утонченности Митилены, и в третьем веке нашей эры Лонг описывал ее словами, наводящими на мысль о Венеции⁶³. Пергам был славен грандиозным алтарем и пышными зданиями, возведенными династией Атталидов, которые обогатили казну, эксплуатируя рабский труд в государственных лесах и мастерских, на рудниках и полях. Аттал III упредил римскую агрессию и социальную революцию, завещав в 133 г. до н.э. свое царство Риму. Аристоник, сын Эвмена II от наложницы, отверг завещание, как написанное под принуждением, призвал рабов и свободных бедняков к восстанию, разбил римскую армию (132 г. до н.э.), захватил множество городов и установил при помощи Блоссия, учителя Гракхов, своего рода социалистическое государство. Соседние цари Вифинии и Понта, а также деловые классы оккупированных городов присоединились для подавления восстания к Риму, и Аристоник умер в римской темнице. Этот мятеж, как и Митридатовы войны, на полстолетия приостановил культурное развитие Пергама, а Антоний ограбил его знаменитую библиотеку, чтобы возместить Александрии утрату части книг, сгоревших во время пребывания там Цезаря. Ко времени Веспасиана Пергам, должно быть, уже оправился от потрясений, потому что Плиний Старший считал его самым великолепным городом Азии. При Антонинах здесь разгорелась новая строительная лихорадка, а пергамский храм Асклепия был центром медицинской школы, из которой Гален вышел исцелять мир.

Северней Пергама Август основал римскую колонию в Александрии-в-Троаде, которая должна была напоминать миру о предполагаемых троянских корнях Рима; данная традиция позволила Риму обзавестись удобным предло-

гом для присоединения к себе всех этих территорий. На расположенном неподалеку холме (Гиссарлык) была заново отстроена древняя Троя, призванная ныне играть роль нового Илиона и стать целью стремлений многочисленных туристов, которым местные гиды указывали точное место каждого описанного в «Илиаде» подвига и пещеру, где Парис судил Геру, Афродиту и Афину. Расположенный в Пропонтиде Кизик строил корабли и рассылал повсюду суда торгового флота, соперничать с которыми могли только родосцы. Здесь Адриан построил храм Персефоны, который стал одной из главных достопримечательностей Азии. Его колонны, говорит Дион Кассий, имели шесть футов в диаметре, а в высоту достигали семидесяти пяти футов, причем каждая колонна была изготовлена из единственного каменного блока⁶⁴. Возведенный на холме, храм поднимался так высоко в небо, что Элий считал, что теперь отпала необходимость в маяке.

На всем пространстве от Красного до Черного моря сотни городов благоденствовали под властью Рима.

VII. МИТРИДАТ ВЕЛИКИЙ

Вдоль северного побережья Малой Азии раскинулись Вифиния и Понт, большая часть которых была занята горами, зато они изобиловали полезными ископаемыми и корабельным лесом. Здесь, кроме древнего хеттского населения, имелся пришлый слой греков, фракийцев и иранцев. Династия греко-фракийских царей правила Вифинией, построила столицу в Никомедии (Изникмид) и большие города Прусу и Никею (Изник). Около 302 г. до н.э. знатный перс, благочестиво названный Митридатом, обзавелся царством, состоявшим из Каппадокии и Понта, и основал династию воинственных эллинизированных монархов со столицами в Понтийской Комане и Синопе. Их власть распространялась на все новые области, пока не пришла в столкновение с экономическими и политическими интересами Рима. Завязавшиеся в итоге Митридастовы войны по праву носят имя грозного царя, который объединил Западную Азию и европейскую Грецию в восстании, которое, будь оно успешным, могло бы полностью изменить ход истории.

Митридат VI унаследовал престол мальчиком одиннадцати лет. Мать и опекуны, желавшие сместить его, попытались его убить. Он бежал из дворца, изменил облик и в течение семи лет жил охотником в лесах, одеваясь в шкуры. Около 115 г. до н.э. государственный переворот лишил власти его мать и вернул Митридата на трон. Окруженный заговорами, столь характерными для восточных дворов, он принял меры предосторожности и ежедневно пил небольшую дозу яда, пока не приобрел иммунитет к большинству ядовитых зелий, доступных его врагам. В ходе своего эксперимента он открыл немало противоядий. От них его интерес обратился к медицине, которую он обогатил столь ценными данными, что Помпей перевел их на латынь. Дикая и напряженная жизнь наделила его не только телесным здоровьем, но и силой воли; он настолько укрепил свое телосложение, что послал свои доспехи в Дельфы, дабы поразить воображение почитателей Аполлона. Он был превосходным наездником и воином, мог (уверяют нас) бегать так быстро, что догонял оленей, править запряженной шестнадцатую скакунами колесницей, преодолевать верхом до ста двадцати миль в день⁶⁵. Он гордился своей

способностью перепить и переест любого и содержал большой гарем. Римские историки сообщают, что он был жесток и коварен, убил мать, брата, троих сыновей и трех дочерей⁶⁶; но, к сожалению, римляне не удосужились познакомить нас с версией событий в изложении другой стороны. Он был человеком, обладавшим некоторой культурой, мог говорить на двадцати двух языках и никогда не пользовался услугами переводчика⁶⁷; он изучал греческую литературу, любил греческую музыку, посылал богатые дары греческим храмам и держал при своем дворе греческих ученых, поэтов и философов; он собирал произведения искусства и выпускал поразительно красивые монеты. Однако на него не могли не наложить отпечатка чувственность и грубость его полуварварского окружения, и он разделял суеверия своего времени. Он защищался от натиска Рима не при помощи дальновидных шагов великого полководца или политика, но с импровизированной отвагой зверя, загнанного в ловушку.

Такой человек не мог довольствоваться урезанным царством, оставленным ему матерью. С помощью греческих офицеров и наемников он покорил Армению и Кавказ, перешел через Кубань и, переправившись через Керченский пролив, вступил в Крым, подчинив своей власти все греческие города на восточном, северном и западном берегах Черного моря. Поскольку упадок военных сил греческого мира оставил эти общины фактически беззащитными перед лицом варваров хинтерланда, они встретили греческие фаланги Митридата как спасителей. К числу подвластных ему городов относились Синопа (Синоп), Трапезунд (Трабзон), Понтикапей (Керчь) и Византий; однако контроль Вифинии над Геллеспонтом (Дарданеллы) заставлял средиземноморскую коммерцию Понта уповать на милость враждебных царей. Когда Никомед II, царь Вифинии, умер (94 г. до н.э.), в борьбу за престол вступили два его сына. Один из них искал помощи у Рима, другой — Сократ — обратился к царю Понта. Митридат воспользовался междоусобной войной в Италии, вторгся в Вифинию и возвел на трон Сократа. Рим, не желая видеть Бостор во враждебных руках, приказал Митридату и Сократу убраться из Вифинии. Митридат подчинился, Сократ отказался. Римский губернатор Азии низложил его и короновал Никомеда III. Новый правитель, поощряемый римским проконсулом Манием Аквиллием, вторгся в Понт. Началась Первая Митридатова война (88—84 гг. до н.э.).

Митридат понимал, что единственный шанс на спасение заключается в том, чтобы поднять на эллинском Востоке мятеж против итальянских господ. Он объявил себя освободителем Эллады и послал войска занять греческие города Азии, если потребуется, то и силой. Встретив противника в лице городских деловых классов, он льстил демократическим партиям обещаниями полусоциалистических реформ. Тем временем военный флот Митридата, состоявший из 400 кораблей, разгромил римский Черноморский флот, и его армия в 290 000 человек одолела войска Никомеда и Аквиллия. Чтобы выразить свое презрение к римской жадности⁶⁸, Митридат залил расплавленным золотом глотку плененного Аквиллия, недавно праздновавшего триумф после подавления восстания рабов на Сицилии. Греческие малоазийские города, лишённые римской поддержки, распахнули ворота перед армиями Митридата и объявили о своем переходе на его сторону. По его предложению в назначенный день они перебили всех итальянцев — 80 000 мужчин, женщин и детей, — найденных внутри городских стен (88 г. до н.э.) Свидетельствует Аппиан:

Эфесцы вытащили беглецов, укрывшихся в храме Артемиды и обнимавших изображения богини, и убили их. Пергамцы застрелили из луков римлян, искавших убежища в храме Асклепия. Жители Адрамиттия последовали в море за теми, кто искал спасения вплавь, убивали их и топили их детей. Жители Кавна (в Карии) преследовали италийцев, искавших защиты у статуи Весты, убивали детей на глазах у матерей, затем самих матерей, наконец, мужчин... Тем самым было ясно, что все эти жестокости вызваны не только ненавистью к римлянам, но и страхом перед Митридатом ⁶⁹.

Несомненно, беднейшие классы, на которых легла главная тяжесть римского господства, приняли в этой безумной резне самое деятельное участие. Имущие классы, издавна находившиеся под защитой Рима, должны были содрогнуться при виде столь яростного всплеска возмездия. Митридат попытался убажить состоятельные слои населения, на пять лет освободив от налогов греческие города и предоставив им полное самоуправление. В то же время, однако, «он объявил о кассации долгов,— пишет Аппиан ⁷⁰, — освободил рабов, конфисковал имущества многих и провел передел земли». Виднейшие люди в греческих городах организовали против него заговор; он был раскрыт, и Митридат казнил 1600 заговорщиков. Низшие классы, заручившись поддержкой философов и университетских профессоров ⁷¹, захватили власть во многих греческих городах, даже в Афинах и Спарте, объявив войну Риму и богатству. Греки Делоса в опьянении свободой предали смерти в один день 20 000 италийцев. Флот Митридата захватил Киклады, а его сухопутные силы взяли под контроль Эвбею, Фессалию, Македонию и Фракию. Потеря богатой «Азии» приостановила поступление налогов в казну и лишило прибылей римских инвесторов, погрузив Италию в такой финансовый кризис, который, несомненно, способствовал усилению революционного движения, символизировавшегося именами Сатурнина и Цинны. Раскол произошел и в самой Италии, ибо самниты и луканы послали офицеров своего союза на помощь царю Понта.

Отовсюду окруженный угрозой войны и революции, сенат распродал запасы золота и серебра, хранившиеся в римских храмах, чтобы профинансировать армию Суллы. Нет нужды снова рассказывать о том, как Сулла взял Афины, разбил мятежные армии, спас для Рима Империю и даровал Митридату неунизительный мир. Царь удалился в столицу Понта и не спеша собирал новую армию и флот. Мурена, римский легат в Азии, решил напасть на него, пока он еще не окреп. Когда в этой Второй Митридатовой войне (83—81 гг. до н.э.) Мурена был разбит, Сулла упрекнул его в нарушении договора и приказал прекратить боевые действия. Шесть лет спустя Никомед III завещал Вифинию Риму. Митридат понимал, что его царство вскоре поглотит Империя, если римские войска, уже взявшие под свой контроль Боспор, достигнут пределов Пафлагонии и Понта. В Третьей Митридатовой войне (75—63 гг. до н.э.) он предпринял последнюю попытку, двенадцать лет сражался с Лукуллом и Помпеем, был предан союзниками и помощниками и бежал в Крым. Здесь старый воитель, которому было теперь шестьдесят восемь лет, попытался организовать армию, которая перевалила бы через Балканы и вторглась в Италию с севера. Его сын Фарнак поднял против него мятеж, армия отказалась участвовать в аванюре и покинутый всеми царь попытался покончить с

собой. Принятый Митридатом яд не действовал, так как его организм был к нему приучен, а руки были слишком слабы для того, чтобы глубоко вонзить в тело клинок, от которого он ждал спасительной смерти. Друзья и протеже, посланные сыном убить его, покончили с ним копьями и мечами.

VIII. ПРОЗА

В пользу римской власти говорит тот факт, что города Малой Азии столь стремительно оправились от перемежающейся лихорадки этих войн. Никомедия стала столицей провинции Вифиния-Понт, а позднее императорской резиденцией Диоклетиана. Никеоу обессмертит самый важный Собор в истории христианской Церкви. Оба города так рьяно состязались друг с другом в строительстве, что Траян направил Плиния Младшего спасти их от банкротства. Никомедия внесла свой вклад в литературу, подарив ей Флавия Арриана, который, как мы уже знаем, записал беседы Эпиктета. Являясь губернатором Каппадокии на протяжении шести лет и архонтом Афин в течение года, Арриан все же нашел время для того, чтобы написать несколько историй, из которых сохранился только «Анабасис Александра» и приложение к нему — «Индика». Он писал простой и ясной греческой прозой, потому что образцом для Арриана как в литературе, так и в жизни был Ксенофонт. «Это сочинение,— говорит он с дерзким тщеславием, свойственным древним,— есть и было с юности для меня чем-то столь же дорогим, как и отечество, семья и государственная должность; и поэтому я не думаю, что не достоин чести быть причисленным к величайшим эллинским писателям»⁷².

Другие города на Черноморском побережье располагали красивыми зданиями и знаменитыми учеными. В Мирлее проживало 320 000 человек⁷³; Амастрида (Амасра) показала Плинию «милым и прелестным городом», который славился своим самшитом; Синопа процветала, играя роль рыболовного центра и рынка сбыта строевого леса и минералов, доставлявшихся из глубины суши. Амис (Самсун) и Трапезунд жили за счет торговли со Скифией (Южная Россия); Амасея (Амасия) была родиной и домом самому знаменитому географу древности.

Страбон происходил из богатой семьи, состоявшей в родстве, утверждал он, с Понтийской династией. Он страдал специфическим косоглазием, которое названо его именем⁷⁴. Он много и часто путешествовал, выполняя, очевидно, дипломатические поручения, и использовал любую возможность для сбора исторических и географических сведений. Он написал утраченную историю, продолжавшую повествование Полибия; в 7 г. до н.э. он издал свою великую «Географию», семнадцать книг которой сохранились почти полностью. Как и Арриан, он начинает с того, что сообщает о достоинствах своего труда:

Я прошу прощения у читателей и призывают их не винить меня в пространности моих рассуждений; дело в том, что книга моя предназначена для тех, кто всерьез жаждет узнать о вещах знаменитых и древних... В этой работе я должен опустить то, что не слишком значительно, и посвятить себя рассказу о том, что является благородным и великим... полезным, достойным упомини-

нания или любопытным. И как в суждении о достоинствах колоссальных статуй мы не исследуем каждую их часть с мелочной придирчивостью, но скорее стремимся оценить общее впечатление... так же следует судить и о моей книге. Потому что и она является колоссальным трудом... достойным философа⁷⁵.

Он открыто заимствует у Полибия и Посидония, не столь откровенно у Эратосфена, призывает их всех к отчету за допущенные ошибки и предлагает все недостатки его труда отнести на счет источников⁷⁶. Однако он с редкой искренностью выражает признательность тем, чьими сочинениями пользовался, и обычно относится к источникам весьма критично. Он замечает, что распространение власти Римской империи расширило географические горизонты и обогатило географические познания, однако верит в то, что до сих пор остаются неизвестными еще целые континенты, возможно, в Атлантике. Он верит в сфероидальность Земли (хотя это слово можно понимать и как «сферичность») и в то, что, если отплыть из Испании на Запад, можно со временем причалить в Индии. Он описывает береговые линии и заявляет, что они постоянно изменяются из-за эрозии или извержений, и высказывает предположение, что подземные толчки однажды расколют землю в районе современного Суэца и моря соединятся. Его труд был отважным итоговым обзором знаний о Земле, собранных к той эпохе, и должен быть причислен к величайшим достижениям античной науки.

Куда более прославлен, чем Страбон, был в эту эпоху Дион Хризостом — Дион Златоуст (40—120 гг.). Его семья издавна занимала выдающееся положение в Прусе. Его дед истощил свое состояние, осыпая подарками этот вифинский город, а затем сколотил новое; его отец пережил тот же опыт; Дион пошел по их стопам⁷⁷. Он стал оратором и софистом, явился в Рим, был обращен в стоицизм Музонием Руфом и изгнан из Италии и Вифинии Домицианом (82 г.). Ему было запрещено пользоваться имуществом и доходами с него, и он в течение тринадцати лет скитался по всему свету нищим философом, отказываясь брать деньги за свои речи и зарабатывая на хлеб главным образом физическим трудом. Когда на смену Домициану пришел Нерва, ссылка сменилась почестями; Нерва и Траян подружились с ним и по просьбе Диона предоставили его городу немало льгот. Он вернулся в Прусу и истратил большую часть своих денег на то, чтобы сделать ее еще более прекрасной. Некий философ обвинил его в растрате общественных средств; его дело рассматривалось Плинием, и он, по-видимому, был реабилитирован.

Дион оставил после себя восемьдесят речей. С нашей точки зрения, в них «больше ветра, чем мяса»; они страдают пустой амплификацией, обманчивыми аналогиями и риторическими трюками; полмысли может излагаться здесь на полусотне страниц; неудивительно, что утомленный слушатель как-то пожаловался: «Похоже, солнце сядет прежде, чем прекратятся твои бесконечные вопросы»⁷⁸. Однако этот человек был обаятелен и красноречив, иначе ему едва ли удалось бы стать самым прославленным оратором столетия, ради речей которого люди готовы были прервать войну. «Я не знаю, что ты имеешь в виду, — говорил честный Траян, — но я люблю тебя, как самого себя»⁷⁹. Варвары на берегах Борисфена (Днепр) слушали его так же зачарованно, как собравшиеся в Олимпии греки или легко возбудимые александрийцы; армия, собиравшаяся поднять мятеж против Нервы, была смягчена и даже отнеслась

к Нерве с одобрением после импровизированного выступления полунагого изгнанника.

Возможно, людей привлекал в нем не безупречный аттический язык, но отвага его гневных разоблачений. Он был чуть ли не единственным в классической древности, кто осуждал проституцию, и немногие писатели его времени осмеливались так открыто нападать на рабовладельческую систему. (Сам он был, правда, немного огорчен, когда узнал, что его рабы разбежались⁸⁰.) Его речь к александрийцам бичевала их роскошь, суеверия и пороки. Он избрал Илион местом выступления с речью, в которой доказывал, что Троя никогда не существовала, а Гомер «был самым дерзким лжецом в истории». В центре Рима он защищал деревню перед городом, нарисовал в живом повествовании трогательную картину деревенской бедности и обратился к слушателям с предупреждением: земля приходит в запустение, иными словами, земледельческий фундамент цивилизации приходит в упадок. В Олимпии посреди толпы фанатичных приверженцев «мира сего» он бранил атеистов и эпикурейцев. Хотя общепринятые представления о божестве и могут показаться нелепыми, говорил Дион, мудрец поймет, что простые умы нуждаются в простых идеях и наглядных символах. Поистине, никто не способен представить себе образ Высшего Существа, и даже благородная статуя Фидия является лишь антропоморфическим допущением, столь же произвольным, как и первобытное отождествление Бога с деревом или звездой. Мы не можем знать, что есть Бог, однако обладаем врожденным нам убеждением в его существовании и чувствуем, что философия без религии темна и безнадежна. Единственная настоящая свобода — это мудрость, или знание справедливого и несправедливого, правильного и неправильного; путь к свободе пролегает не через политику и революцию, но через философию; истинная философия не сводится к книжным спекуляциям, но заключается в постоянном упражнении в честности и добродетели, согласно указаниям того внутреннего голоса, который в некоем сокровенном смысле и является словом Божиим в сердце человека⁸¹.

IX. ВОЛНЫ С ВОСТОКА

Религия, которая ждала своего часа и питала свои корни, несмотря на весь ученый или распутный скептицизм Перикловой и эллинистической эпох, во втором столетии вернула себе древнюю власть, выступая теперь в обличье философии, разум которой был затуманен бесконечностью и человеческой надеждой, познав собственную ограниченность и отрехшись от собственного авторитета. Сам народ никогда не терял своей веры: большинство людей в общем соглашались с гомеровским описанием посмертной жизни⁸², благочестиво приносили жертвы перед тем, как отправиться в путешествие, и по-прежнему вкладывали обол в уста покойнику, чтобы тот смог расплатиться за переправу через Стикс. Римское государственное искусство приветствовало помощь установленных жреческих коллегий и искало народной поддержки, строя пышные храмы местным богам. По всей Палестине, Сирии и Малой Азии богатство жречества продолжало расти. Сирийцы по-прежнему почитали Адада и Атаргатис, святилище которых в Гиераполе внушало священный трепет. Воскресение бога Таммуза по-прежнему славилось в сирийских горо-

дах криками «Адонис [то есть Господь] восстал», а его восхождение на небо инсценировалось в заключительный день праздника⁸³. Подобные этим церемонии в греческом ритуале служили напоминанием о страстях, смерти и воскресения Диониса. Из Каппадокии почитание богини Ма распространилось в Ионии и Италии; ее жрецы (называвшиеся *fanaſici*, так как принадлежали к *fani*м, храму) танцевали до упаду под звуки труб и барабанов, полосовали себя ножами и обрызгивали богиню и ее почитателей своей кровью⁸⁴. Сотворение новых богов неумолимо продолжалось: Цезарь и императоры, Антиной и множество местных героев обожествлялись (то есть канонизировались) при жизни или после смерти. Перекрестно опыленные войной и торговлей, пантеоны повсюду цвели пышным цветом, и верующие возносили с надеждой молитвы на тысячах языков тысячам богов. Язычество не было единой религией; это был лес соперничающих вероучений, которые часто сливались друг с другом в эклектическом синтезе.

Культ Кибелы удерживал свои позиции в Лидии и Фригии, Италии и Африке и во многих других местах, а ее жрецы, как и прежде, оскотпляли себя в подражание ее возлюбленному Аттису. На ее весеннем празднике верующие постились, молились и оплакивали смерть Аттиса; жрецы резали себе руки и пили свою кровь, а торжественная процессия несли юного бога в его могилу. Но наутро улицы оглашались ликующими криками — так праздновал народ воскресение Аттиса и обновление земли. «Исполнитесь отваги, посвященные, — кричали жрецы. — Бог спасен; спасение ожидает и вас»⁸⁵. В последний день праздника образ Великой Матери несли в восторженном шествии мимо толп, которые в Риме призывали ее как *Nostra Domina*, «Нашу Госпожу»⁸⁶.

Еще больше, чем Кибела, почиталась египетская богиня Исида, скорбящая мать, любящая утешительница, подательница вечной жизни. Все средиземноморские народы знали сказание о том, как погиб ее великий супруг Осирис и как он восстал из мертвых; практически в каждом крупном городе на берегу этого исторического моря его счастливое воскресение чествовалось пышным карнавалом и ликующие почитатели пели: «Мы вновь нашли Осириса»⁸⁷. Изида изображалась на картинах и статуях со своим божественным чадом Гором на руках, и самозабвенные литании обращались к ней как к «Небесной Царице», «Морской Звезде» и «Богоматери»⁸⁸. Из всех языческих культов этот был наиболее близок христианству трогательностью своего сказания, утонченностью ритуала, торжественностью и одновременно радостной атмосферой своих храмов, волнующей музыкой вечере, ответственным исполнением своего служения облаченных в белое и с выбранной тонзурой жрецов⁸⁹, почестями и возможностями, которыми этот культ очаровывал и утешал женщин, открытостью для всех народов и общественных классов. Религия Изиды попала из Египта в Грецию в четвертом веке до н. э., на Сицилию — в третьем, в Италию — во втором, откуда она распространилась во всех частях Империи; ее иконы были найдены на Дунае, Рейне и Сене, а в Лондоне был раскопан посвященный ей храм⁹⁰. Средиземноморская душа никогда не переставала поклоняться божественной творческой силе и материнскому беспокойству женщины.

Тем временем мужской культ Митры проник из Персии в самые отдаленные уголки Империи. В поздней зороастрийской теологии Митра был сыном Ахура-Мазды, Бога Света. Он тоже был богом света, богом правды, чистоты и

чести; иногда он отождествлялся с солнцем и вел космическую войну с силами тьмы, всегда служил посредником между отцом и его почитателями, защищая и воодушевляя их в борьбе против зла, лжи, нечистоты и других творений Аримана, Князя Тьмы. Когда солдаты Помпея принесли эту религию из Каппадокии в Европу, греческий художник изобразил Митру стоящим на коленях на спине быка и погружающим кинжал в его шею; это изображение стало всеобщей эмблемой данной веры. Седьмой день каждой недели считался посвященным солнечному богу, и ближе к концу декабря его почитатели праздновали рождение Митры, «Непобедимого Солнца», который в день зимнего солнцестояния одерживал ежегодную победу над силами тьмы и теперь день за днем увеличивал продолжительность светлого времени⁹¹. Тертуллиан сообщает о том, что во главе митраического жречества стоял первосвященник, а девственные юноши и девушки были служителями божества; у его алтаря производилось ежедневное жертвоприношение, верующие причащались священному хлебу и вину, а кульминация церемонии обозначалась звоном колокола⁹². Вечногорящее пламя поддерживалось перед криптом, в котором юный бог был изображен поражающим быка. Митраизм проповедовал высокую нравственность и связывал своих «солдат» клятвой всю жизнь сражаться со злом во всех его проявлениях. После смерти, утверждали жрецы, все люди должны будут предстать перед судом Митры; затем нечистые души будут отданы Ариману на вечные муки, в то время как чистые поднимутся над семью сферами, расставаясь на каждой из ступеней с каким-нибудь из смертных элементов, и наконец они будут приняты в бесконечное сияние неба самого Ахура-Мазды⁹³. Эта укрепляющая дух мифология распространилась во втором и третьем веках по Западной Азии и Европе (обойдя стороной Грецию), а ее храмы продвинулись так далеко на север, что достигли Вала Адриана. Христианские Отцы были шокированы, обнаружив огромное число параллелей между митраизмом и их собственной религией; они доказывали, что митраизм обкрадывал христианство или эти сходства были не чем иным, как сбивающими с толку хитростями Сатаны (своего рода Аримана). Трудно сказать, какая из этих религий заимствовала положения другой; возможно, обе они впитали идеи, широко распространенные в религиозной атмосфере Востока.

Каждый из великих средиземноморских культов имел «мистерии», которые представляли собой обычно очистительный обряд, жертвоприношение, посвящение, откровение и духовное возрождение, в центре которых стояли смерть и воскресение бога. Новые члены допускались в общину почитателей Кибелы после того, как их помещали в яму, над которой закалывали быка; кровь жертвенного животного, окропляя кандидата, очищала его от греха и даровала ему новую — духовную и вечную — жизнь. Гениталии быка, олицетворявшие его священную детородную силу, помещались в освященный сосуд и подносились богине⁹⁴. Митраизму был известен схожий обряд, который классический мир называл *taurobolium*, или «убиением быка». Апулей в экстатических выражениях описывает ступени посвящения во служение Исиде — долгое послушничество, требовавшее от иницилируемого поста, воздержания и молитв, очищающее погружение в святую воду, наконец, мистическое лицезрение богини, дарующей вечное блаженство. В Элевсине от кандидата требовали признаться в грехах (это обстоятельство охладило пыл Нерона), некоторое время воздерживаться от определенных видов пищи, купаться в

заливе, чтобы добиться духовного и физического очищения, а затем принести жертву, обычно свинью. В течение трех дней на празднике Деметры посвященные скорбели вместе с ней о похищении Аидом ее дочери, питаясь все это время освященными лепешками и таинственной смесью муки, воды и мяты. На третью ночь религиозная драма изображала воскресение Персефоны, и совершающий богослужение жрец обещал такое же возрождение каждой прошедшей очищение душе⁹⁵. Варьируя ту же тему под индуистским или под пифагорейским влиянием, орфическая секта учила по всем греческим землям, что душа заключена в темницу последовательных греховных воплощений и может быть освобождена от нескончаемой череды реинкарнаций достижением экстатического единства с Дионисом. На своих собраниях члены орфического братства пили кровь быка, принесенного в жертву. Они отождествляли животное с умирающим и искупающим грехи мира Спасителем. Совместное причащение священной пище или питью нередко было характерной чертой этих средиземноморских культов. Часто считалось, что пища, освященная силой божества, передаст эту силу причащающемуся ей⁹⁶.

Все секты верили в существование магии. Маги распространили свое ремесло по всему Востоку и дали новое имя старому фокусничеству. Средиземноморский мир изобиловал магами, чудотворцами, оракулами, астрологами, аскетическими подвижниками и педантичными толкователями снов. Каждое необычное событие провозглашалось божественным предзнаменованием того, что произойдет в будущем. Askesis — слово, которое греки издавна использовали для обозначения атлетической тренировки тела, — теперь обозначало духовное укрощение плоти; люди предавались самобичеванию, калечили себя, морили себя голодом или приковывались цепями к месту; некоторые из них погибали от самоистязаний или самоотречения⁹⁷. В египетской пустыне близ озера Мареотиды в уединенных кельях жили евреи и неевреи, мужчины и женщины; они избегали полового общения, собирались по субботам на совместную молитву и называли себя терапевтами (therapeutae), или целителями души⁹⁸. Миллионы верили в то, что сочинения, приписывавшиеся Орфею, Гермесу, Пифагору, сивиллам и т. д., были продиктованы или вдохновлены богом. Проповедники, претендовавшие на боговдохновенность, путешествовали из города в город, совершая на первый взгляд чудесные исцеления. Александр из Абонотейха выучил змею прятать голову под его рукой, кроме того, она позволяла приделывать к своему хвосту получеловеческую маску; он утверждал, что змея — это бог Асклепий, явившийся на землю, чтобы давать прорицания; ему удалось сколотить состояние, истолковывая звуки, которые издавались трубочками, вставленными в мнимую голову⁹⁹.

Наряду с подобными шарлатанами были, вероятно, тысячи искренних проповедников языческих верований. Филострат нарисовал идеализированный портрет такого человека в своем «Жизнеописании Аполлония Тианского». В шестнадцать лет Аполлоний стал жить согласно суровому регламенту пифагорейского братства; он отказался от брака, мяса и вина, никогда не брил бороду и хранил молчание пять лет¹⁰⁰. Он раздал свое наследство родственникам и монахом без гроша за душой отправился в путешествие по Персии, Индии, Египту, Западной Азии, Греции и Италии. Он впитывал учения магов, брахманов и египетских аскетов. Он посещал храмы всех религий, умолял жрецов оставить обычай принесения в жертву животных, поклонялся солнцу, верил в богов и учил, что над ними находится единое высшее неведомое

божество. Самопожертвование и благочестие, которых он придерживался всю жизнь, побудили его последователей провозгласить его сыном бога, но сам он называл себя простым сыном Аполлония. Предание приписывало ему совершение множества чудес: он проходил через закрытые двери, понимал все языки, изгонял демонов и воскресил из мертвых девочку¹⁰¹. Но он был скорее философом, чем магом. Он знал и любил греческую литературу и проповедовал простую, но требовательную мораль. «Ниспошлите мне, боги,— молил он,— умение пользоваться малым и не желать ничего». Когда царь предложил ему выбрать себе подарок, он ответил: «Дайте мне сухих фруктов и хлеба»¹⁰². Проповедуя реинкарнацию, он запретил своим последователям причинять вред живым существам и есть мясо. Он побуждал их чуждаться вражды, клеветы, зависти и ненависти; «если мы действительно философы,— говорил он им,— мы не можем ненавидеть нашего ближнего»¹⁰³. «Иногда,— пишет Филострат,— он рассуждал о коммунизме и учил, что люди должны поддерживать друг друга»¹⁰⁴. Он был обвинен в подрывной деятельности и колдовстве, самостоятельно отправился в Рим, чтобы ответить на эти обвинения перед лицом Домициана, был заключен в темницу и бежал. Он умер около 98 г. в преклонном возрасте. Его последователи утверждали, что он явился им после смерти, а затем во плоти вззошел на небо¹⁰⁵.

Какими же достоинствами обладали эти религии, завоевавшие пол-Рима и пол-Империи? Во-первых, они имели внеклассовый, безрасовый характер; они принимали все народы, всех свободных и всех рабов и с утешающим безразличием взирали на неравенство происхождения и богатства. Их храмы были просторны, чтобы не только служить приютом бога, но и вмещать в себя множество верующих. Кибела и Исида были богинями-матерями, которым было знакомо горе, они страдали так же, как и миллионы понесших тяжелую утрату женщин; они могли понимать то, о чем римские боги даже и не ведали,— опустошенное сердце побежденных. Желание вернуться к матери сильнее, чем стремление находиться в зависимости от отца; слово «мама» произвольно слетает с губ в мгновения величайшей радости или страдания; поэтому не только женщины, но и мужчины находили утешение и отраду в религиях Кибелы и Исиды. Даже и в наши дни средиземноморский верующий чаще обращается с молитвой к Марии, чем к Отцу или Сыну; прелестная молитва, которую повторяют всего чаще, взывает не к Деве, но к Матери, благословенной плодом своего чрева.

Новые религии не только глубже проникали в сердце; они более живо апеллировали к воображению и чувствам своими процессиями и песнопениями, в которых чередовались печаль и радость, а также обрядами, проникнутыми глубоким символизмом, который придавал новую храбрость душам, утомленным житейской прозой. Новые жрецы были не политиками, от случая к случаю облачавшимися в священническое платье, новое жречество состояло из мужчин и женщин всех сословий, которые проходили через аскетическое послушничество, чтобы посвятить себя постоянному служению. С их помощью сознававшая свои проступки душа могла быть очищена, иногда тело, измученное болезнью, исцелялось воодушевляющим словом или ритуалом, и мистерии, отправлявшиеся ими, символизировали надежду на то, что даже смерть можно превозмочь.

Некогда люди придавали возвышенный характер своему стремлению к величию и вечности, борясь за славу и выживание семьи и рода, позднее — го-

сударства, которое было творением их рук и коллективным «я». Теперь старые родовые отношения постепенно стирались — изменчивость мирного времени сказывалась и на них; имперское государство являлось духовным олицетворением одного правящего класса, а не безвластного большинства. Монархия на вершине, не нуждавшаяся в соучастии и содействии граждан в управлении государством, приводила к тому, что внизу — в массах — креп индивидуализм. Обещание личного бессмертия или бесконечного блаженства после жизни, исполненной угнетения, бедности, несчастий и беспросветного труда, составляли решающее и необоримое обаяние восточных верований и христианства, которое явилось их итогом, вобрало в себя и одолело их. Казалось, весь мир состоит в заговоре, единственная цель которого — приготовить дорогу для Христа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Иосиф. *Против Апиона*, II, с. 480.
- ² Charlesworth, 26; Frank, *Economic Survey*, II, 330.
- ³ Там же, 337.
- ⁴ Там же, 445; Rostovtzeff, *Social and Economic History of the Hellenistic World*, 1288.
- ⁵ Иосиф. *Иудейская война*, II, 16.4; Frank, V, 245.
- ⁶ Breccia, E., *Alexandria ad Aegyptum*, 41.
- ⁷⁻⁸ Дион Хризостом, XXXII, 69.
- ⁹ См.: Frank, V, 247; Mommsen, *Provinces*, II, 177.
- ¹⁰ Baron, S. W., *Social and Religious History of the Jews*, I, 196—197.
- ¹¹ Edersheim, I, 61.
- ¹² Иосиф. *Против Апиона*, II, с. 489.
- ¹³ Евсебий. *Церковная история*, II, 4.
- ¹⁴ Graetz, H., *History of the Jews*, II, 186.
- ¹⁵ Филон. *Quod Deus sit immutabilis*, 12.
- ¹⁶ Филон. *De mundi opificio*, I, 4; Inge, I, 98.
- ¹⁷ Филон. *О смешении языков*, 28.
- ¹⁸ Sachar, A., *History of the Jews*, 110.
- ¹⁹ Филон. *О созерцательной жизни*.
- ²⁰ Usher, A., *History of Mechanical Inventions*, 40.
- ²¹ Bailey, 314.
- ²² Sarton, G., *Introduction to the History of Science*, I, 274.
- ²³ Там же, 202; Heath, Sir, T., *History of Greek Mathematics*, II, 306.
- ²⁴ Аммиан, XXII, 16—19.
- ²⁵ Филострат, см.: Friedländer, I, 171.
- ²⁶ Bailey, 283.
- ²⁷ Sarton, 283.
- ²⁸ Himes, 86.
- ²⁹ Garrison, 30, 110.
- ³⁰ Sarton, 282; Castiglione, 202.
- ³¹ Там же; Himes, 90.
- ³² Haggard, H., *Devils, Drugs, and Doctors*, 23.
- ³³ Гален. *О природных способностях, введение*, XV.
- ³⁴ Гален, см.: Thorndike, L., *History of Magic and Experimental Science*, I, 117, 152.
- ³⁵ Там же, 143.
- ³⁶ Williams, I, 278.

- ³⁷ См.: Friedländer, I, 174.
³⁸ Castiglione, 225.
³⁹ Thorndike, I, 171.
⁴⁰ Страбон, XVI, 4.
⁴¹ Doughty, C., *Travels in Arabia Deserta*, I, 40.
⁴² Иосиф. *Древности*, XV, 9.
⁴³ *Греческая антология*, V, 171.
⁴⁴ Там же, V, 147.
⁴⁵ Там же, VII, 476.
⁴⁶ См.: Leslie, S., *Greek Anthology*, p. 17.
⁴⁷ *Греческая антология*, IX, 489.
⁴⁸ Там же, IX, 570.
⁴⁹ Страбон, XV, 2.23.
⁵⁰ Frank, IV, 158.
⁵¹ Rostovtzeff, *Roman Empire*, 135; САН, II, 634.
⁵² Breasted, J. N., *Oriental Forerunners of Byzantine Painting*, pref.
⁵³ САН, XI, 638.
⁵⁴ Там же, 646.
⁵⁵ См.: Mahaffy, *Silver Age*, 211.
⁵⁶⁻⁵⁹ Филострат. *Жизнеописание*, IV, 7.
⁶⁰ Элий Аристид. *Речи*, XVII, 8, см.: Frank, IV, 750.
⁶¹ Филострат. *Жизнеописания софистов*, I, 25.
⁶² Там же.
⁶³ Лонг. *Дафнис и Хлоя*, начало.
⁶⁴ Дион Кассий, LXX, 4.
⁶⁵ Аппиан. *Римская история*, XIV, 16.
⁶⁶ Там же.
⁶⁷ Плиний, XXV, 3.
⁶⁸ Там же, XXXIII, 14.
⁶⁹ Аппиан, XII, 4.
⁷⁰ Там же, 7.
⁷¹ Ferrero, I, 83.
⁷² Арриан. *Поход Александра*, I, 12.
⁷³ Reid, 376.
⁷⁴ Williams, I, 255.
⁷⁵ Страбон, I, 1.22-23.
⁷⁶ Там же, 3.5.
⁷⁷ Дион Хризостом, XLVI, 3.
⁷⁸ Там же, X, 21.
⁷⁹ См.: Bigg, C., *Neoplatonism*, 70.
⁸⁰ Там же, 73.
⁸¹ Дион Хризостом, XII, 10; XIII, 28; XIV, 18; XXIII, 7.
⁸² Friedländer, III, 299.
⁸³ Frazer, *Adonis, Attis, and Osiris*, 157.
⁸⁴ Cumont, F., *Oriental Religions in the Roman Empire*, 53.
⁸⁵ Там же, 55.
⁸⁶ Frazer, 306; Boissier, *La religion romaine*, I, 383; Dill, 549f.
⁸⁷ Плутарх. *Об Иуде*; Dill, 577; Halliday, W., *Pagan Background of Early Christianity*, 240.
⁸⁸ Там, 296; Dill, 582.
⁸⁹ Cumont, 41, 93.
⁹⁰ Breasted, J., *Ancient Times*, 660; Weigall, A., *The Paganism in Our Christianity*, 129.
⁹¹ Dill, 610.
⁹² Там же, 601, 623.
⁹³ Cumont, 158.

- ⁹⁴ Guignebert, C., *Christianity, Past and Present*, 71.
⁹⁵ Hatch, E., *Influence of Greek Ideas upon the Christian Church*, 283.
⁹⁶ Frazer, *Adonis*, 229; Halliday, 317.
⁹⁷ Hatch, 147.
⁹⁸ Филон. *О созерцательной жизни*, 18–40.
⁹⁹ Лукиан. *Александр, или лжепророк*.
¹⁰⁰ Филострат. *Жизнеописание Аполлония*, I, 14.
¹⁰¹ Там же, 19; IV, 45.
¹⁰² Там же, 33–34.
¹⁰³ Аполлоний, письма XLIII и XIV у Филострата.
¹⁰⁴ Филострат, IV, 3.
¹⁰⁵ Там же, VIII, 29–31.

Рим и Иудея

132 г. до н. э.—135 г. н. э.

I. ПАРФИЯ

МЕЖДУ Понтом и Кавказом вздымались труднопроходимые хребты Армянского нагорья, к вершине которого, гласит предание, пристал Ноев ковчег. Через его плодородные долины проходили дороги, соединявшие Парфию и Месопотамию с Черным морем; поэтому-то империи и сражались за Армению. Эти места населял индоевропейский народ, родственный хеттам и фригийцам, навсегда сохранивший свой широкий анатолийский нос. Это была крепкая раса, терпеливо обрабатывавшая землю, искусная в ремеслах, непревзойденная в коммерческой ловкости; они использовали свою неласковую местность наилучшим образом и собрали достаточно сокровищ, чтобы их цари могли наслаждаться богатством, пусть и не властью. Дарий I в Бехистунской надписи (521 г. до н. э.) называет Армению в числе персидских сатрапий; позднее она номинально зависела от Селевкидов, а затем поочередно от Парфии и Рима, но ее удаленность позволяла ей быть практически суверенной. Самый знаменитый ее царь Тигран Великий (94–56 гг. до н. э.) покорил Каппадокию, добавил к Артаксате вторую столицу — Тигранокерту и поддержал выступление Митридата против Рима. Когда Помпей принял его оправдания, он дал победоносному полководцу 6000 талантов (21 600 000 долларов), по десять тысяч драхм (6000 долларов) каждому центуриону и по пятьдесят каждому солдату римской армии¹. При Цезаре, Августе и Нероне Армения признавала сюзеренитет Рима, а при Траяне она на время стала римской провинцией. Несмотря на это, ее культура была иранской, а ее обычная ориентация — пропарфянской.

Парфяне на протяжении столетий занимали область к югу от Каспия и были подданными сперва Ахеменидов, а затем Селевкидов. Они принадлежали к скифско-туранскому племени, то есть к той же расе, что и народы Южной России и Туркестана. Около 248 г. до н. э. скифский вождь Аршак восстал против власти Селевкидов, сделал Парфию независимым государством и основал Аршакидскую династию. Селевкиды, ослабленные разгромом, который нанес им Рим при Антиохе III (189 г. до н. э.), были неспособны оборонять свою территорию от дерзких, полуварварских парфян, и к концу II в. до н. э. вся Месопотамия и Персия вошли в состав новой парфянской империи. Три столицы, сообразно времени года, были резиденциями царского двора: Гекатомпил в Парфии, Экбатаны в Мидии и Ктесифон в нижнем течении Тигра. Напротив Ктесифона лежала бывшая столица Селевкидов Селевкия, которая на протяжении столетий оставалась греческим городом в парфянском царстве. Аршакиды сохранили административную структуру, созданную Селевкидами, но возвели поверх нее своеобразный феодализм, восходивший к

Ахеменидам. Основная часть населения состояла из крепостных и рабов; промышленность была отсталой, но парфянские железокузнецы делали превосходную сталь, а «ремесло пивовара приносило весьма значительные доходы»². Государственное богатство отчасти имело своим источником торговлю, маршруты которой пролегали вдоль великих рек, отчасти — караваны, пересекавшие Парфию на пути между Восточной Азией и Западом. Начиная с 53 г. до н. э., когда парфяне разгромили Красса при Каррах, и до 217 г. н. э., когда Макрин купил мир у Артабана, Рим вел войну за войной ради контроля над этими маршрутами и Красным морем.

Парфяне были слишком богаты или слишком бедны, чтобы позволить себе литературу. Аристократы, как и во все времена, предпочитали искусство жить жизни в искусстве, а сервы были слишком неграмотны, ремесленники слишком заняты, купцы слишком меркантильны, чтобы создать выдающиеся произведения искусства или великие книги. Народ говорил на пехлеви и писал по-арамейски на пергаменте, клинопись к этому времени была вытеснена; однако ни строчки из парфянской литературы до нас не дошло. Мы знаем, что в Ктесифоне, так же как и в Селевкийи, с удовольствием смотрели греческие пьесы, потому что голове Красса была предоставлена роль в «Вакханках» Еврипида. Картины и статуи, обнаруженные в Пальмире, Дура-Европос и Ашшуре, были, вероятно, произведениями иранских художников; эта грубая амальгама греческого и восточного стилей повлияла позднее на развитие искусства от Китая до Византии. Живой рельеф, изображающий конного лучника, наводит на мысль, что наше мнение о парфянском искусстве было бы более лестным, сохранись от него больше произведений^{2а}. В Хатре, близ Мосула, арабский вассал парфянского царя построил (88 г. до н. э. ?) известняковый дворец с семью сводчатыми и арочными залами, сделанный в мощном, но варварском стиле. Сохранились гравированная парфянская серебряная посуда и драгоценные изделия хорошей работы.

Парфяне не знали себе равных в любимом искусстве человечества — они умели наряжаться как никто другой. И мужчины и женщины завивали волосы; мужчины лелеяли свои завитые бороды и густые усы, одеждой им служили туники и мешковатые штаны, поверх которых носили пестрые мантии; женщины закутывались в расшитые одежды и заплетали в волосы цветы. Свободные парфяне развлекались охотой, много ели и пили и никогда не ходили пешком, если могли передвигаться на лошади. Они были храбрыми воинами и благородными врагами, человечно обращались с пленниками, допускали на высокие посты иноземцев и предоставляли убежище изгнанникам; иногда, однако, они наносили увечья мертвым врагам, пытали свидетелей и карали за пустячные проступки плетью. Они практиковали полигамию, насколько позволяли им средства, прятали лица женщин под покрывалами и обрекали их на затворничество, сурово наказывали неверных жен, но предоставляли обоим полам право на развод чуть ли не по первому желанию³. Когда парфянский полководец Сурена возглавлял армию, направлявшуюся на войну с Крассом, он взял с собой 200 наложниц и тысячу верблюдов для своего багажа⁴. В целом парфяне производят впечатление менее цивилизованного народа, чем ахеменидские персы, и кажутся большими джентльменами, чем римляне. Они терпимо относились к религиозным разногласиям, позволяя грекам, иудеям и христианам беспрепятственно отправлять свои культы. Сами они, отклонившись от ортодоксального зороастризма, поклоня-

лись луне и солнцу, предпочитали Митру Ахура-Мазде, так же как христиане предпочитали Яхве Христа. Маги, которыми пренебрегли последние Аршакидские цари, содействовали низложению их династии.

По смерти Вологеза IV (209 г. до н. э.) его сын Вологез V и Артабан IV вступили в борьбу за трон. Артабан победил, а затем разбил римлян при Нисибисе. Три века войн между империями завершились относительной победой Парфии; на месопотамских равнинах парфянская кавалерия имела преимущество перед римскими легионами. Артабан, в свою очередь, пал в гражданской войне. Его победитель Ардашир, или Артаксеркс, феодальный владыка Персии, провозгласил себя Царем Царей (227 г.) и основал династию Сасанидов. Произошла реставрация зороастризма, и Персия вступила в новую великую эпоху.

II. ХАСМОНЕИ

В 143 г. до н. э. Симон Маккавей, воспользовавшись борьбой между парфянами, Селевкидами, египтянами и римлянами, вырвал у царя Селевкидской державы независимость Иудеи. Народное собрание провозгласило его стратегом и первосвященником Второго Иудейского государства (142 г. до н. э. — 70 г. н. э.) и сделало последнюю должность наследственной, то есть передало ее семье Хасмонеев. Иудея вновь стала теократией, во главе которой стояла Хасмонейская династия жрецов-царей. Для семитических общин было в высшей степени характерно то, что они тесно связывали друг с другом преходящую и духовную власть, как в семье, так и в государстве. Единственным их сувереном был Бог.

Сознавая слабость своего небольшого царства, Хасмонеи на протяжении жизни двух поколений расширили его границы дипломатическими и военными средствами. К 78 г. до н. э. они покорили и поглотили Самарию, Эдом, Моав, Галилею, Идумею, Трансиорданию, Гадару, Пеллу, Герасу, Рафию и Газу и превратили Палестину в государство столь же обширное, как и держава Соломона. Потомки отважных Маккавеев, которые сражались за религиозную свободу, насильно внедряли иудаизм и обрезание в покоренных областях, иногда прибегая к помощи меча⁵. В то же время Хасмонеи утратили религиозный пыл и, невзирая на отчаянные протесты фарисеев, делали все новые и новые уступки эллинизированной части населения. Царица Александра Саломея (78—69 гг. до н. э.) переломила эту тенденцию и заключила мир с фарисеями, но еще до ее смерти ее сыновья Гиркан II и Аристокл II вступили в борьбу за наследование трона. Обе партии предоставили рассмотреть их требования Помпею, который в это время со своими победоносными легионами стоял у Дамаска (63 г. до н. э.). Когда Помпей решил спор в пользу Гиркана, Аристокл укрепился вместе со своей армией в Иерусалиме. Помпей осадил столицу и захватил ее нижние районы, но сторонники Аристокла укрылись в защищенном стенами храме и держались в течение трех месяцев. Их благочестие, свидетельствуют историки, помогло Помпею взять над ними верх; заметив, что они уклоняются от сражения по субботам, он приказал солдатам каждую субботу без помех делать насыпи и готовить стенобитные орудия для того, чтобы на следующий день идти на приступ. Тем временем жрецы приносили в храме обычные молитвы и жертвы. Когда крепостные

валы пали, было уничтожено 12 000 евреев; сопротивлялись немногие, не просил пощады никто, многие прыгали со стен и разбивались насмерть⁶. Помпей приказал войнам не трогать сокровищ храма, но взыскал с государства контрибуцию в 10 000 талантов (3 600 000 долларов). Города, завоеванные Хасмонеями, были переведены под власть Рима; Гиркан II был назначен первосвященником и номинальным правителем Иудеи, который, однако, должен был находиться под опекой Антипатра из Идумеи, помогавшего Риму. Независимой монархии пришел конец, и Иудея стала частью римской провинции Сирия.

В 54 г. до н. э. Красс на пути к роли Пенфея при Ктесифонском дворе похитил из храма сокровища, которые не тронул Помпей; изъятая сумма составляла около десяти тысяч талантов. Когда пришли известия о поражении и смерти Красса, иудеи воспользовались случаем, чтобы вернуть себе свободу. Лонгин, преемник Красса на посту губернатора Сирии, подавил восстание и продал 30 000 иудеев в рабство (43 г. до н. э.)⁷. В том же году умер Антипатр; парфяне прорвались через пустыню в Иудею и посадили на трон марионеточного царя Антигона, последнего из Хасмонеев. Антоний и Октавиан в ответ на это провозгласили царем Иудеи Ирода, сына Антипатра, и обеспечили его средствами на содержание армии. Ирод изгнал парфян, спас Иерусалим от разграбления, отправил Антигона к Антонию для казни, уничтожил всех иудейских лидеров, поддержавших марионетку, и при таких благоприятных обстоятельствах началось одно из самых колоритных царствований в истории (37–4 гг. до н. э.).

III. ИРОД ВЕЛИКИЙ

Его характер был типичен для эпохи, которая произвела на свет столько умных, но безнравственных людей — талантливых и бессовестных, отважных и бесчестных. Он был на свой, менее грандиозный манер, Августом Иудеи: как и Август, он набросил на хаос узду диктаторского порядка, украсил свою столицу греческими зданиями и статуями, расширил пределы царства, привел его к процветанию, добился большего при помощи хитрости, а не оружия, имел нескольких жен, был сокрушен коварством одного из своих отпрысков и был чрезвычайно удачлив, не зная при этом счастья. Иосиф описывает его как человека большого физического мужества и ловкости, прекрасного стрелка из лука и метателя дротика, могучего охотника, который в течение одного дня загонял до сорока диких зверей, и «такого воина, которому невозможно было противостоять»⁸. Несомненно, ко всем этим достоинствам добавлялось и личное обаяние Ирода, потому что он всегда умел защититься речами или подкупом ото всех врагов, стремившихся посорить его с Антонием, Клеопатрой или Октавианом. Из каждого конфликта с триумвирами он выходил с еще большей властью и территорией, чем прежде, и наконец Август решил, что Ирод наделен «слишком великой душой для столь малого царства», вернул ему города Хасмонейской Палестины и желал, чтобы Ирод мог также править Сирией и Египтом⁹. «Идумеец» был человеком столь же щедрым, сколь и безжалостным, и благодеяния, оказанные им своему народу, могут сравниться лишь с тем вредом, который он причинил подданным.

Отчасти на формирование его нрава повлияла ненависть к тем, кого он победил или чьи родственники были им казнены, а кроме того, его всегда преследовала презрительная враждебность народа, который был недоволен его жестким авторитаризмом и чужеземным происхождением. Он стал царем с помощью Рима и его денег и до конца своих дней был другом и вассалом державы, от которой пылко стремились освободиться иудеи, ни днем, ни ночью не переставая плести заговоры. Скрамная экономика страны сгибалась и в конце концов сломалась под бременем налогов, которые взимал с нее роскошествовавший двор и которые шли на исполнение строительной программы, никоим образом не соразмерной национальному богатству. Ирод старался как мог угодить своим подданным, но терпел неудачи. В тяжелые годы он прощал недоимки, убедил Рим понизить взимавшуюся с Иудеи дань, обеспечил привилегии для иудеев, живущих за пределами его царства, не мешкая облегчал положение голодающих и бедствующих, поддерживал внутренний порядок и внешнюю безопасность, разрабатывал природные ресурсы своей страны. Он покончил с разбойниками, стимулировал торговлю; рынки и порты были полны жизнью и шумом. В то же время царь вызвал общественное отчуждение распущенностью нрава, свирепостью наказаний и «случайным» утоплением в бане Аристобула — внука Гиркана II и законного наследника трона. Жрецы, которых он лишил власти и для которых сам назначал вождей, составляли против него заговоры, а фарисеи с отвращением относились к его очевидной решимости превратить Иудею в эллинистическое государство.

Будучи правителем множества городов, население которых составляли большей частью греки, а не иудеи, и находясь под впечатлением утонченности и разнообразия эллинистической цивилизации, Ирод — который не был иудеем ни по происхождению, ни по убеждениям — вполне естественным образом стремился к культурному объединению царства и приданию своей власти впечатляющего фасада; неудивительно, что он поощрял распространение греческих обычаев, платья, идей, литературы и искусства. Он окружил себя греческими учеными, доверял им заниматься важными государственными делами и сделал Николая Дамасского своим официальным советником и историком. Он истратил большие суммы на строительство театра и амфитеатра в Иерусалиме, украсил их памятниками Августу и другим язычникам, ввел греческие атлетические и мусические состязания и римские гладиаторские бои¹⁰. Он украсил Иерусалим многими другими зданиями, выстроенными, казалось народу, в иноземном архитектурном стиле, и установил в общественных местах греческие статуи, чья нагота смущала иудеев столь же сильно, как и обнаженные тела борцов на играх. Он построил дворец, вне всяких сомнений, следуя при этом греческим образцам, наполнил его золотом, мрамором и дорогой мебелью, окружил его просторными садами по образцу своих римских друзей. Он шокировал народ, сообщив ему, что храм, возведенный Зоровавелем пять веков назад, слишком мал, и предложив снести его и возвести на этом месте новый храм больших размеров. Несмотря на протесты и страхи народа, он построил величественный храм, который предстояло разрушить Титу.

На горе Мория было расчищено место площадью в 750 квадратных футов. Вдоль его границ были выстроены аркады, покрытые «искусно расписанным» кедром; они поддерживались выстроенными в несколько рядов коринфскими колоннами, каждая из которых представляла собой мраморный монолит на-

столько обширных размеров, что его с трудом могли обхватить три человека. На этом главном дворе располагались будки менял, которые, к удобству путешественников, меняли иностранные монеты на те, которые принимались в Святилище; кроме того, здесь размещались загоны для скота, где можно было купить животных для принесения в жертву, и помещения или портики, где собирались учителя и ученики, занимавшиеся ивритом и Законом, и шумные нищие, без которых не обходится ни один восточный пейзаж. Из этого «Внешнего храма» широкие ступени вели во внутреннее окруженное стенами пространство, куда был запрещен доступ неевреям. Здесь находился «Женский двор», куда «входили чистые мужи со своими женами»¹¹. Из этой второй ограды верующий поднимался по новым ступеням и через покрытые золотыми и серебряными пластинами врата попадал на «Жреческий двор», где под открытым небом стоял алтарь, на котором сжигались жертвы Яхве. Еще одни ступени вели через бронзовые семидесятипятифутовые двери, достигавшие двадцати четырех футов в ширину и увитые знаменитым золотым виноградником, в собственно храм, куда могли вступать только жрецы. Он был целиком построен из белого мрамора, а его фасад был покрыт золотыми пластинами. Интерьер крестообразно делился на части вышитым покровом, голубым, пурпурным, алым. Перед этим занавесом находился золотой подсвечник на семь свечей, алтарь с благовониями и стол, на котором лежали неразрезанные «хлебы предложения», выложенные жрецами для Яхве. За занавесом находилась святая святых, которая в раннем храме состояла из золотой курильницы и ковчега завета, но в новом храме, свидетельствует Иосиф, здесь не было ничего. Человеческая нога ступала сюда лишь раз в году, в День Искупления, когда за покров входил один первосвященник. Основные конструкции этого исторического сооружения были возведены за восемь лет; однако работы по украшению храма длились восемьдесят лет и были едва закончены, когда пришли легионы Тита¹².

Народ гордился этой великой святыней, которая считалась одним из чудес августовского мира; ради ее ослепительного блеска иудеи были готовы забыть и о коринфских колоннах портиков, и о золотом орле, который, нарушая иудейский запрет на высечение рукотворных образов, символизировал при самом входе в храм мощь Рима — врага и господина Иудеи. Между тем путешествовавшие по стране иудеи возвращались с известиями о строительстве греческих зданий, которыми Ирод наполнил другие палестинские города, и рассказывали о том, как он растрачивал государственные средства и золото (утверждала молва), которое было спрятано в гробнице Давида¹³, на возведение огромной гавани в Цезарее и дары, которыми он осыпал такие чужеземные города, как Дамаск, Библ, Берит, Тир, Сидон, Антиохию, Родос, Пергам, Спарту и Афины. Ирод, постепенно начинали понимать современники, желал стать кумиром эллинистического мира, а не просто царем иудеев. Но иудеи жили своей религией, верой в то, что однажды Яхве спасет их от рабства и угнетения; триумф эллинистического духа над еврейским, олицетворенный в фигуре их правителя, предвещал им столь же грандиозную катастрофу, как гонения Антиоха. Чтобы умертвить Ирода, составлялись заговоры; он раскрывал их, арестовывал заговорщиков, пытал их и убивал, а в отдельных случаях обрекал на смерть целые семьи¹⁴. Он рассылал повсюду своих соглядатаев, переодевался, чтобы подслушать речи своих подданных, и карал за каждое враждебное слово¹⁵.

Он одолел всех врагов, кроме своих жен и детей. Всего у него было десять жен, причем на девяти из них он был женат одновременно. Его вторая жена Мариамна была внучкой Гиркана II и сестрой Аристобула, которые оба пали жертвой Ирода. Она была, пишет Иосиф, «женщиной чистой, но несколько грубоватой по природе и обращалась с мужем властно, ибо видела, что он любит ее безмерно и готов быть ее рабом... Она также имела обыкновение открыто поносить его мать и сестру ввиду их низкого происхождения и нередко отзывалась о них весьма зло, тем более что женщины горячо ненавидели друг друга». Сестра Ирода убедила его в том, что жена намеревается отравить его. Он обвинил жену перед лицом членов своего суда; они признали ее виновной, и она была казнена. Сомневаясь в ее виновности, Ирод на какое-то время обезумел от угрызений совести; он постоянно твердил ее имя, посылал слуг, чтобы те позвали ее, отказался от ведения государственных дел, удалился в пустыню, «причинял себе жестокие страдания» и был доставлен обратно во дворец совершенно больным и с помраченным рассудком. Мать Мариамны присоединилась к тем, кто пытался его уничтожить; внезапно к нему вернулись умственные силы, он вновь воспользовался властью и предал заговорщиков смерти. Вскоре после этого Антипатр, его первенец, представил ему доказательства о существовании заговора Александра и Аристобула, его сыновей от Мариамны. Дело было передано на рассмотрение суда Ста Пятидесяти, который приговорил юношей к смерти (6 г. до н. э.). Два года спустя Николай Дамасский уличил самого Антипатра в намерении отстранить отца от власти. Ирод приказал привести молодого человека к себе и «принялся рыдать, оплакивая несчастья, которые принесли ему дети»¹⁶. Преисполнившись милосердия, он повелел заключить Антипатра в темницу.

Тем временем телесные силы царя были подорваны болезнью и горем. Он страдал от водянки, язв, лихорадки, конвульсий, его дыхание истощало злобное. Предотвратив столь большое число заговоров, угрожавших его жизни, он попытался покончить с собой, но ему помешали. Услышав о том, что Антипатр пробует подкупить стражу и бежать на свободу, Ирод велел казнить сына. Через пять дней он умер сам (4 г. до н. э.), на шестьдесят девятом году жизни, ненавидимый всем своим народом. Враги говорили, что он «украл трон, как лис, правил, как тигр, и умер, как собака»¹⁷.

IV. ЗАКОН И ЕГО ПРОРОКИ

По завещанию Ирода царство разделялось между тремя его сыновьями. К Филиппу отходил восточный регион, известный под именем Батанеи, с городами Вифсаида, Капитолия, Гераса, Филадельфия и Бостра. К Ироду Антипе отходила Перее (земля за Иорданом) и, на севере, Галилея, где лежали города Изреель, Тиберия и Назарет. Архелаю достались Самария, Идумея и Иудея. В последней находилось множество знаменитых городов и местечек: Вифлеем, Хеврон, Бершеба, Газа, Гадара, Эммаус, Ямния, Иоппия, Цезаря, Иерихон и Иерусалим. Некоторые палестинские города были населены преимущественно греками, некоторые — сирийцами; свиньи, разводившиеся в Гадаре, свидетельствуют о нееврейском составе населения этого города. Не-иудеи составляли большинство во всех приморских городах, за исключением

Иопнии и Ямнии, а также в «Десятиградье», или десяти городах на побережье Иордана. Расположенные в глубине страны деревушки были населены почти исключительно евреями. В этой расовой расколотости, которая была Риму по душе, состояла трагедия Палестины.

Мы должны вспомнить об английских пуританах, чтобы понять отвращение, которое вызывали в иудеях политеизм и безнравственность языческого общества. Религия была для евреев источником права, государственности и надежды: позволить ей раствориться во вздувшемся эллинистическом потоке, думали они, значит, совершить национальное самоубийство. Отсюда взаимная ненависть между иудеями и язычниками, которая трясла этот небольшой народ в перемежающейся лихорадке расовой вражды, политических смут и периодических войн. Сверх того, евреи Иудеи презирали население Галилеи как невежественных отступников, а галилеяне — иудеев как рабов, попавших в силки Закона. Кроме того, непрерывная вражда пылала между иудеями и самаритянами, ибо последние утверждали, что их холм Геризим, а не Сион, был избран Яхве своим жилищем, и отвергали все Писания, кроме Пятикнижия¹⁸. Все эти партии были едины в ненависти к власти Рима, поэтому за нерадостную привилегию жить в мире им приходилось платить тяжелую дань.

В это время в Палестине обитало около двух с половиной миллионов человек, из которых приблизительно сто тысяч проживало в Иерусалиме¹⁹. Большинство разговаривало на арамейском; жрецы и ученые понимали еврейский; официальные лица, иностранцы и писатели пользовались греческим. Большая часть населения занималась сельским хозяйством: крестьяне возделывали и орошали землю, разбивали сады и виноградники, разводили скот. В эпоху Христа Палестина выращивала достаточно пшеницы, чтобы экспортировать скромные излишки²⁰. Палестинские финики, смоквы, виноград и оливки, вино и масло славилась и продавались по всему Средиземноморью. По-прежнему соблюдалась древняя заповедь оставлять землю под паром каждый субботний год²¹. Ремесла преимущественно были наследственными, а ремесленники обычно организовывались в гильдии. Иудейское общественное мнение почитало труженика, и большинство ученых работали не только языком, но и руками. Рабов здесь было меньше, чем в любой другой средиземноморской стране. Процветала мелкая торговля, однако в это время среди евреев было совсем немного купцов, обладавших крупным капиталом и занимавших высокое положение в обществе. «Мы не коммерческий народ, — говорил Иосиф, — мы живем в стране (восточная Иудея), лишенной выхода к морю, и не имеем склонности к торговле (с заморскими странами)»²². Финансовые операции не приобрели большого размаха, пока Хиллел, очевидно, по настоянию Ирода не отменил положение Второзакония (XV, 1—11), требовавшее отпускать долги каждый седьмой год. В роли национального банка выступал храм.

Внутри храма находился зал Газит, место встреч синедриона, или Великого совета старейшин Израиля. Возможно, этот институт возник в период правления Селевкидов (около 200 г. до н. э.), чтобы заменить совет, упоминаемый в Числах как дающий рекомендации Моисею (X, 16). Первоначально его члены избирались первосвященником из рядов жреческой аристократии, но в римскую эпоху в его состав стало кооптироваться все возрастающее число фарисеев и некоторые профессиональные книжники²³. Это собрание, состояв-

шее из семидесяти одного члена и возглавлявшееся первосвященником, притязало на обладание высшей властью над всеми евреями, где бы они ни жили, и ортодоксальные иудеи признавали его авторитет. Но Хасмонеи, Ирод и Рим признавали его верховенство только в случае нарушения еврейских законов евреями из Иудеи. Он мог приговорить еврея из Иудеи к смерти за религиозные проступки, но не мог привести свой приговор в исполнение без согласия гражданской власти²⁴.

В этом собрании, как это и бывает в большинстве случаев, борьбу за главенство вели две партии: консервативная группа, возглавляемая первосвященником и саддукеями, и либеральная, во главе которой стояли фарисеи и книжники. Большая часть высшего жречества и высших классов принадлежали к партии саддукеев (Zadokim), названной так по имени своего основателя Садока; они были националистами в политике и ортодоксами в религии; они требовали неукоснительно соблюдать предписания Торы, или писаного Закона, но отвергали дополнительные требования устной традиции и либерализаторской интерпретации фарисеев. Они сомневались в бессмертии души и довольствовались обладанием земными благами.

Фарисеи (Perushim, «отделившиеся») были названы так саддукеями за то, что стремились отделить себя (как настоящие брахманы) ото всех, кто запятнал себя религиозной нечистотой, пренебрегая требованиями очистительного ритуала²⁵. Они были продолжателями дела хасидов, или «преданных», эпохи Маккавеев, которые ратовали за самое строгое исполнение Закона. Иосиф, который и сам был фарисеем, описывает их как «ту часть иудеев, которая заявляет о том, что она более религиозна, чем остальные евреи, и более точно толкует законы»²⁶. Ради этого они дополняли писанный закон «Пятикнижия» устным преданием, состоявшим из толкований и постановлений признанных учителей Закона. Эти толкования были, по мнению фарисеев, совершенно необходимы для того, чтобы разъяснить темноты кодексов Моисея, точно определить его применение для отдельно взятых случаев и при необходимости видоизменить его букву для того, чтобы соответствовать изменившимся потребностям и условиям жизни. Они были одновременно ригористичны и снисходительны, смягчали требования Закона тут и там, как в случае с декретом Хиллела о ссудном проценте, однако требовали неукоснительно следовать не только Торе, но и устной традиции. Только благодаря полному подчинению этим требованиям, считали они, иудеи смогут избежать ассимиляции и исчезновения с лица земли. Примирившись с римским владычеством, фарисеи искали утешения в надежде на физическое и духовное бессмертие. Они жили просто, презирали роскошь, часто постились, усердно мылись и время от времени вызывали раздражение окружающих, кичась своей добродетельностью. Но в них была воплощена нравственная сила иудаизма, и поэтому они завоевали поддержку средних классов, наделяя своих последователей верой и правилами, которые спасли их от распада, когда разразилась катастрофа. После разрушения храма (70 г.) жречество потеряло свое влияние, саддукеи исчезли, на место храма пришли синагоги, и фарисеи, через своих раввинов, стали учителями и пастырями рассеянного, но несломленного народа.

Самой крайней из иудейских сект были ессеи. Их благочестие брало свой исток в движении хасидов, их имя произведено, вероятно, от халдейского *aschai* («купальщик»), их учение и практика восходили к аскетическому режи-

му и теории, широко распространившимся в последний век до рождения Христа. Возможно, на них оказали влияние брахманистские, буддистские, персидские, пифагорейские и кинические представления, встретившиеся на перекрестке торговых маршрутов — в Иерусалиме. Насчитывая в Палестине около четырех тысяч членов, они были организованы в отдельный орден, соблюдали предписания как писаного Закона, так и устной традиции со страстной истовостью, и жили вместе почти в монашеском безбрачии, возделывая землю в оазисе Энгади, расположенном посреди пустыни к западу от Мертвого моря. Они обитали в домах, принадлежавших общине, ели сообща и в молчании, избирали своих вождей всеобщим голосованием, отдавали свое имущество и заработки в общую казну и повиновались изречению хасидов: «Мое и твое принадлежит тебе»²⁷. Многие из них, говорит Иосиф, «жили больше ста лет благодаря простоте пищи и размеренности жизни»²⁸. Каждый из них одевался в белые льняные одежды, носил с собой небольшую мотыгу, чтобы закапывать свои испражнения, мылся, как брахман, после еды, и считал нечестьем опорожняться по субботам²⁹. Некоторые из них вступали в браки и жили в городах, но следовали толстовскому правилу — сходиться с женами только ради зачатия детей. Члены секты избегали всех чувственных удовольствий и посредством медитаций и молитвы стремились достичь мистического единения с Богом. Они надеялись, что благодаря благочестию, воздержанию и созерцанию способны приобрести магическую силу и предвидеть будущее. Как и большинство людей своего времени, они верили в ангелов и демонов, видели в болезни манифестацию одержимости злым духом и пытались изгонять бесов посредством магических формул; к их «тайному учению» восходят некоторые части Каббалы³⁰. Они ждали пришествия мессии, который учредит на земле коммунистическое эгалитарное Небесное Царство (Malchuth Shama-ym); в это Царство попадут лишь те, кто прожил безупречную жизнь³¹. Они были пламенными пацифистами и отказывались делать орудия войны; но когда легионы Тита атаковали Иерусалим и храм, ессеи присоединились к остальным иудеям, встав на защиту родного города и его святыни, и сражались до тех пор, пока большая часть ордена не была уничтожена. Когда Иосиф описывает их обычаи и страдания, кажется, что мы погружаемся в атмосферу христианства.

Их заворачивали и растягивали, члены у них были спалены и раздроблены; над ними пробовали все орудия пытки, чтобы заставить их хулить законодателя или отведать запретную пищу, но их ничем нельзя было склонить ни к тому, ни к другому. Они стойко выдерживали мучения, не издавая ни одного звука и не роняя ни единой слезы. Улыбаясь под пытками, посмеиваясь над теми, которые их пытали, они весело отдавали свои души в полной уверенности, что снова получают их в будущем³².

(Перевод Я. Л. Чертка)

Саддукеи, фарисеи, ессеи были главными религиозными сектами поколения, предшествовавшего рождению Христа. Книжники (Накамип, «ученые»), которых Иисус так часто ставил на одну доску с фарисеями, были не сектой, но людью определенной профессии; это были ученые, сведущие в Законе, которые читали лекции о нем в синагогах, преподавали его в школах, обсуж-

дали его положения публично и приватно и применяли его, вынося приговоры по особым случаям. Некоторые из них были жрецами, часть — саддукеями, большинство — фарисеями; в те два века, что предшествовали деятельности Хиллела, они были тем, чем станут раввины после него. Они были иудейскими «юриsprудентами», чьи юридические воззрения, отбывавшиеся временем и передававшиеся дословно из уст в уста от учителя ученику, стали частью той устной традиции, которая почиталась фарисеями наряду с писанным Законом. Под их влиянием кодекс Моисея был дополнен тысячами детальных предписаний, предназначенных на все случаи жизни.

Самая ранняя фигура, зримо выступающая из общей массы этих светских учителей Закона, — это Хиллел, и даже он почти полностью заслонен от нас паутиной легенд, которой благодарные потомки оплели его имя. Предание свидетельствует, что он родился в Вавилоне (75 г. до н.э.?) в знатной, но обедневшей семье. Будучи уже взрослым, он приходит в Иерусалим, где занимается физическим трудом, чтобы прокормить жену и детей. Половину своего дневного заработка он отдавал за посещение школы, в которой два знаменитых учителя — Шемайя и Абтолим — разъясняли Закон. Не имея однажды денег и не допущенный к занятиям, он вскарабкался на окно, «чтобы слышать слово Бога живого». Сильно замерзнув, он упал в снег, повествует легенда, и был найден на следующее утро полумертвым³³. Он сделался, в свою очередь, почитаемым раввином, или учителем, известным своей скромностью, терпимостью и мягкостью. Одно из преданий рассказывает о человеке, который побился об заклад, что сможет разгневать Хиллела, и проиграл³⁴. Он провозгласил три принципа, которыми следует руководствоваться в жизни: мудрая любовь к человеку, миру и закону. Когда потенциальный прозелит попросил его объяснить закон за время, пока человек способен простоять на одной ноге, Хиллел ответил: «Не делай другому того, что ненавидишь сам»³⁵ *. Это была осторожная негативная формулировка того золотого правила, которое задолго до этого было сформулировано позитивным образом в книге «Левит». Хиллел учил: «Не суди своего соседа, пока не оказался на его месте»³⁷. Он стремился примирить враждующие секты, изложив семь правил интерпретации Закона. Его собственные интерпретации были либеральны; что следует отметить в первую очередь — это его усилия по облегчению процедуры развода и заимодательства. Он был не реформатором, но примирителем. «Не отделяйтесь от общины», — советовал он юным мятежным душам своего времени. Он принял Ирода как неизбежное зло, и тот назначил его председателем синедриона (30 г. до н.э.). Фарисейское большинство синедриона любило Хиллела настолько, что он оставался на этом посту до самой смерти (10 г. н.э.). Из уважения к его памяти эта должность была сделана наследственным достоинством его семьи и передавалась от отца к сыну на протяжении четырехсот лет.

Второе почетное место после Хиллела занимал в совете его антагонист, консервативный рабби Шаммаи. Он учил куда более строгому толкованию Закона, отвергал развод и требовал буквального исполнения Торы, невзирая на новизну обстоятельств. Этот раскол в среде иудейских учителей на консервативную и либеральную группы возник за столетие до Хиллела и продолжался вплоть до разрушения Храма.

* Талмуд добавляет к этому ответу Хиллела еще несколько слов: «Это — весь Закон, все прочее — комментарий»³⁶.

V. ВЕЛИКОЕ ОЖИДАНИЕ

Иудейская литература этого периода, дошедшая до нас, почти целиком религиозна. Точно так же, как ортодоксальному иудею казалось кощунством изготавливать изображения божества или украшать его храмы произведениями пластических искусств, ему представлялось ошибочным создавать философские или литературные произведения, конечной целью которых не являлось бы прославление Закона и восхваление Бога. Существовало, конечно же, и немало исключений, чему примером — прелестный рассказ о Сусанне. Он повествует о прекрасной еврейке, ложно обвиненной в нарушении целомудрия двумя «неудовлетворенными» старцами и освобожденной благодаря ловкому допросу свидетелей, который был устроен юношей по имени Даниил. Даже столь романтическая история, оказывается, смогла попасть в некоторые редакции Книги Даниила.

Книга Иисуса сына Сирахова, известная нам как «Экклесиастик», возможно, была создана в этот же период; это — один из многих Апокрифов, или «потаянных» (неаутентичных) текстов, не вошедших в канон еврейского Ветхого Завета. Это сочинение, изобилующее красотами и мудростью, не заслужило исключения из того ряда, в котором стоят «Экклесиаст» и Иов. В двадцати четырех главах этой книги мы вновь встречаем, как и в восьмой главе «Притч», учение о Логосе или Воплощенном слове: «Мудрость — первое творение Бога; она сотворена в начале мира». Между 130 г. до н.э. и 40 г. н.э. некий александрийский еврей (или группа эллинизированных евреев) опубликовал Книгу Премудрости Соломоновой, в которой была предпринята попытка решить ту же задачу, над которой бился и Филон, — примирить иудаизм с платонизмом. Эта книга звала эллинизированных евреев назад, к Закону, и была написана такой же благородной прозой, как и книга Исаии. Произведение меньших размеров — Псалмы Соломоновы (около 50 г. до н.э.) — полно предвкусений явления искупителя Израиля.

Надежда на спасение от власти Рима и земного страдания при помощи божественного Избавителя слышится практически во всех иудейских сочинениях этой эпохи. Многие произведения принимали форму апокалипсисов, или откровений, целью которых было объяснить и оправдать прошлое, изобразив его прелюдией к триумфальному будущему, которое было открыто Богом некоему провидцу. Книга Даниила, написанная около 165 г. до н.э. для того, чтобы воодушевить сражающийся с Антиохом Эпифаном Израиль, по-прежнему имела хождение среди иудеев, которые не могли поверить в то, что Яхве попустит языческому владыке долго господствовать над ними. Книга Еноха, принадлежащая, вероятно, перу нескольких авторов, писавших между 170 и 66 г. до н.э., имела форму видений, которых был удостоен патриарх, «ходивший с Богом», согласно Книге Бытия (V, 24). Здесь рассказывалось о падении сатаны и его сонмищ, вторжении зла в земную жизнь, последовавшем за этим падением, и предвещалось наступление Царства Небесного. Около 150 г. до н.э. иудейские писатели стали издавать Сивиллины Оракулы, в которых различные сивиллы или пророчицы были изображены защитницами иудаизма от язычества и предсказывали окончательную победу иудеев над своими врагами.

Идея о божественном спасителе пришла в Западную Азию, вероятно, из Персии и Вавилонии³⁸. В зороастрийском вероучении вся история и жизнь человеческая

представлялись как война между святым воинством света и дьявольскими силами тьмы; в конце придет спаситель — Саошьянт или Митра, — который будет судить всех людей и установит вечное царство справедливости и мира. Для многих иудеев римское правление представлялось частью преходящего торжества зла. Они отвергали алчность, коварство, жестокость и кумиропочитание «языческой» (то есть нееврейской) цивилизации и «атеистический» гедонизм эпикурействующего мира. Согласно Книге Премудрости,

безбожник говорил: «Наша жизнь коротка и утомительна, и ни для кого нет лекарства от смерти; и не было еще никого, кто вернулся бы с того света... Ибо дыхание в наших ноздрях подобно дыму, а в сердце нашем — крохотная искорка; стоит ей погаснуть, и наше тело превратится в прах, наш дух рассеется, как воздух, наше имя забудется, и наша жизнь пройдет, словно тень от пробежавшей тучи, словно туман, развеянный лучами солнца... Давай же будем наслаждаться тем хорошим, что есть у нас под рукой... пусть ни один цветок и ни одна весна не обойдут нас стороной; будем увенчивать себя розовыми бутонами, пока они не завяли; пусть каждое место, куда бы мы ни попали, сохранит приметы нашей радости»³⁹.

Эти эпикурейцы пользуются ложными доводами, утверждает автор; они молятся падающей звезде, ибо наслаждение — вещь пустая и мимолетная.

Ибо надежда безбожного — то же, что солома, метомая ветром, что плотный иней, рассеиваемый бурей; она проходит, словно воспоминание о побывшем только один день госте. Но праведный будет жить вечно, и заботится о нем сам Всевышний. Потому и достанется ему славное царство, и прекрасную диадему возложит на него Господь⁴⁰.

Царство зла будет сокрушено, согласно книгам откровений, или непосредственным вмешательством самого Бога, или в результате земного пришествия его сына или представителя — Мессии, или Помазанника *. Разве пророк Исаия не предсказал столетия назад его приход?

Ибо младенец родился нам; Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог Крепкий, Отец вечности, Князь мира⁴¹.

(Синодальный перевод)

Многие евреи были согласны с Исаией (XI, 1), который описывал Мессию как земного царя, который будет потомком царского дома Давида; другие, как авторы Книг Еноха и Даниила, называли его Сыном Человеческим и изобра-

* Слово «Мессия» (евр. *mahsiah*) часто встречается в Ветхом Завете. Евреи — составители Септуагинты (около 280 г. до н.э.) перевели его на греческий словом *Christos* — помазанный, «тот, на кого был излит елей или священное масло».

жали его сходящим на землю с небес. Философ, написавший Притчи, и поэт, создавший Книгу Премудрости Соломоновой⁴², возможно, под влиянием платоновских Идей или стоической *anima mundi*, видели в нем воплощенную Мудрость, первенца Бога, Слово или Разум (*logos*), которому суждено вскоре сыграть столь значительную роль в философии Филона. Почти все авторы апокалиптических писаний думали, что триумф Мессии не за горами; но Исаия в примечательном фрагменте описывает его как «презренного и умаленного пред людьми».

...муж скорбей и издевавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что не ставили Его. Но Он взял на Себя наши немощи, и понес наши болезни... Он был изъязвлен за грехи наши и мучим за беззакония наши... и ранами Его мы исцелились... Господь возложил на Него грехи всех нас... От уз и суда Он был взят... Он отторгнут от земли живых... Он, Праведник... оправдывает многих и грехи их на Себе понесет⁴³.
(Синодальный перевод)

Но все были согласны в том, что в конце концов Мессия покорит язычников, освободит Израиль⁴⁴, сделает Иерусалим своей столицей и при нем все люди примут Яхве и Закон Моисея⁴⁵. После этого наступит «Доброе Время», когда весь мир будет счастлив: земля будет повсюду плодородна, каждое семя тысячекратно воздаст посеявшему его, вино будет в изобилии, нищета и бедность исчезнут, все люди будут здоровы и добродетельны, и справедливость, товарищество и мир воцарятся на земле⁴⁶. Некоторые провидцы полагали, что эта радостная эпоха будет прервана, что силы мрака и зла пойдут на последний приступ, чтобы сокрушить счастливое царство, и что мир будет ввергнут в огонь и хаос. В последний «День Бога» мертвые восстанут и предстанут перед судом «Древнего Днями» (Яхве) или «Сына Человеческого», который отныне будет вечно и безраздельно править обновленным миром — царством Бога. Злые будут низринуты головой вниз и с запечатанными устами «в Преисподнюю»⁴⁷, а добрые удостоятся нескончаемого блаженства.

В сущности, это движение мысли в Иудее шло параллельно развитию языческой теологии того времени: люди, которые некогда мыслили свое будущее в понятиях национального предназначения, потеряли веру в государство и думали лишь о духовном и личном спасении. Мистериальные религии подарили эту надежду многим миллионам жителей Греции, эллинистического Востока и Италии; однако нигде эта надежда не была столь искренней или ее насущность столь великой, как в Иудее. Бедные или понесшие утрату, угнетенные или презираемые на земле ждали некоего божественного избавителя, того, кто положит конец их унижению и страданию. Вскоре, говорили апокалипсисы, придет спаситель, и его триумф возвысит всех справедливых — они восстанут даже из могил, чтобы войти в рай, где им уготовано вечное блаженство. Престарелые святые, как Симеон, женщины-мистики, как Анна, дочь Фануила, проводили целую жизнь возле храма, постясь, ожидая, молясь о том, чтобы им было позволено взглянуть на Искупителя до того, как придет смерть. Сердца людей были преисполнены великого ожидания.

VI. ВОССТАНИЕ

Ни один народ в истории не сражался с таким упорством за свою свободу, как евреи, ни одному не приходилось бороться с таким неравенством. От Иуды Маккавея до Симеона Бар Кохбы и даже в наше время борьба евреев за то, чтобы вернуть себе свободу, нередко приводила к гибели многих из них, но никогда их дух не бывал сломлен, никогда не покидала их надежда.

Когда умер Ирод Великий, националисты с презрением отказались слушать миролюбивые речи Хиллела; они объявили войну преемнику Ирода Архелаю и разбили шатры своего военного лагеря вокруг храма. Войска Архелая уничтожили 3000 повстанцев, многие из которых пришли в Иерусалим на празднование Пасхи (4 г. до н.э.). На следующий праздник пятидесятницы мятежники собрались вновь, и вновь им довелось пережить избиение; аркады храма были сожжены дотла, сокровища святилища разграблены легионами, и многие евреи кончали с собой от отчаяния. Отряды патриотов были сформированы в сельской местности, подвергая угрозе жизнь каждого, кто был сторонником Рима. Один такой отряд под началом Иуды Галилеянина захватил Сепфорис — столицу Галилеи. Вар, наместник Сирии, вступил в Палестину с двадцатитысячным войском, разрушил сотни городов, распял на крестах две тысячи повстанцев и продал тридцать тысяч иудеев в рабство. Делегация самых влиятельных иудеев отправилась в Рим и попросила Августа упразднить царскую власть в Иудее. Август отстранил от власти Архелая и превратил Иудею в римскую провинцию второго класса, власть над которой принадлежала прокуратору, ответственному перед губернатором Сирии (6 г. н.э.).

При Тиберии эта усталая страна могла насладиться недолгим миром. Калигула, стремившийся сделать культ императора объединяющей всю империю религией, приказал всем культам включить в число своих ритуалов обряд жертвоприношения перед изображением императора и повелел должностным лицам Иерусалима поставить его статую в храме. Иудеи до сих пор шли на компромисс, принося жертву Яхве во имя императора; однако они ни за что не хотели водрузить рукотворный образ язычника в своем Храме; тысячи иудеев приходили к губернатору Сирии и просили хладнокровно предать их смерти, пока эдикт еще не приведен в исполнение⁴⁹. Калигула разрядил ситуацию своевременной смертью. Находясь под впечатлением от внука Ирода Агриппы, Клавдий назначил его царем практически всей Палестины (41 г.); но внезапная смерть Агриппы способствовала новому взрыву недовольства, и Клавдий вернул Иудею под власть прокураторов (44 г.).

Те, кого продажные вольноотпущенники Клавдия выбирали на этот пост, были по большей части людьми некомпетентными и подлыми. Феликс, которого сделал прокуратором его брат Паллан, «управлял Иудеей, обладая властью царя и душонкой раба», сообщает Тацит⁵⁰. Правление Феста было более справедливым, однако он пал от руки убийцы. Альбин, если верить Иосифу, прилежно грабил, облагал податями и сколотил состояние, выпуская преступников из темницы за известную мзду; «в темнице остались только те, кто не дал ему ничего»⁵¹. Флор, утверждает все тот же друг и поклонник Рима, вел себя «скорее как палач, чем как правитель», грабил целые города и не только воровал сам, но и смотрел сквозь пальцы на разбойничество других, если при этом надеялся на то, что с ним поделится добычей. Эти сообщения не лише-

ны пропагандистского привкуса; несомненно, прокураторы сокрушались оттого, что иудеи были не тем народом, с которым легко справиться.

Отряды «зелотов» или «кинжальщиков» (Sicarii) поставили своей задачей сопротивление этим злоупотреблениям властью. Члены этих движений давали обет убить каждого нелояльного своему народу еврея, смешивались на улицах с толпой, поражали свои жертвы сзади и растворялись в беспорядочной людской массе⁵². Когда Флор изъясил из храмовой сокровищницы семнадцать талантов (61 200 долларов), разъяренная чернь собралась перед святилищем и громко требовала его отставки; собравшихся обходили юноши с корзинами в руках, прося для него — бедняка, изнывающего от нищеты, — милостыню. Легионы Флора рассеяли толпу, разграбили сотни домов и вырезали их обитателей. Вожди возмущения были высечены и распяты; в тот день, говорит Иосиф, было убито 3600 иудеев⁵³. Старые или состоятельные евреи советовали сохранять терпение, аргументируя свою позицию тем, что восстание против могущественной Империи означало бы национальное самоубийство; молодежь и беднота упрекали их в потворстве врагу и трусости. Город и чуть ли не каждая семья раскололись на две партии; одна захватила верхнюю часть Иерусалима, другая — нижнюю, и они атаковали друг друга, пользуясь любым оружием, находившимся у них под рукой. В 68 г. между ними произошло решительное сражение; радикалы одержали победу и убили 12 000 иудеев, включая практически всех богатей⁵⁴. Восстание перешло в революцию. Восставшие окружили римский гарнизон в Массаде, убедили его сложить оружие, а затем уничтожили всех пленников. В тот же день язычники Цезареи — столицы Палестины — устроили погром, в котором было убито 20 000 евреев; тысячи других были проданы в рабство⁵⁵. Разгневанные революционеры опустошили множество греческих и сирийских городов в Палестине и Сирии, некоторые из них сожгли дотла, убивали и гибли без счета. «В те времена можно было часто видеть, — сообщает Иосиф, — города, битком набитые непогребенными... трупами; рядом лежали старики и младенцы, и среди них — женщины с непокрытым телом»⁵⁶. К сентябрю 66 г. революция охватила Иерусалим и почти всю Палестину. Партия мира была дискредитирована, и большинство ее членов присоединились теперь к восставшим.

Среди них был священник по имени Иосиф — молодой человек тридцати лет, энергичный, блестящий, одаренный интеллектом, способным любую страсть превращать в добродетель. Направленный повстанцами на укрепление Галилеи, он отстаивал ее оплот Иотапату от осаждавших ее войск Веспасиана до тех пор, пока в живых не осталось только сорок еврейских солдат, спрятавшихся в пещере. Иосиф хотел капитулировать, но солдаты пригрозили ему смертью, если он только попытается это сделать. Поскольку они предпочитали смерть плену, он убедил их тянуть жребий, чтобы установить порядок, в котором каждый из них должен будет умереть от руки соратника; когда были убиты все, кроме него самого и еще одного воина, он убедил оставшегося в живых товарища сдаться вместе с ним. Их уже собрались было отправить в оковах в Рим, когда Иосиф предрек, что Веспасиан станет императором. Веспасиан освободил его и постепенно все чаще стал пользоваться услугами этого ценного советника в войне против иудеев. Когда Веспасиан уехал в Александрию, Иосиф находился рядом с Титом, осаждавшим Иерусалим.

Приближение легионов заставило обороняющихся пусть и с запозданием, но фанатично объединить свои силы. По подсчетам Тацита, в городе собралось 600 000 повстанцев. «Все, кто был годен к военной службе, были при оружии», и женщины в воинственности ничуть не уступали мужчинам⁵⁷. Иосиф из римских укреплений призывал осажденных сдаться; они заклеили его как предателя и бились до последнего. Страдающие от голода иудеи совершали отчаянные вылазки за продовольствием; тысячами они попадали в плен к римлянам, тысячами распинали их на кресте; «множество распятых было столь огромным,— повествует Иосиф,— что для крестов уже не хватало места, а для тел— крестов». На последних стадиях пятимесячной осады улицы города были усеяны трупами; по ним бродили мародеры, грабя и добывая умирающих; сообщают, что со стен было сброшено 116 000 тел. Некоторые иудеи проглатывали кусочки золота и бежали из Иерусалима; римляне или сирийцы, взяв их в плен, вспарывали им животы или рылись в их испражнениях в поисках монет⁵⁸. Захватив половину города, Тит предложил мягкие, по его мнению, условия капитуляции; условия были отвергнуты. Пылающие головешки, метаемые римлянами, подожгли храм, и величественное строение, большая часть которого была сделана из дерева, быстро сгорело. Оставшиеся в живых защитники сражались мужественно, гордясь тем, говорит Дион, что умереть им придется на земле храма⁵⁹. Некоторые из них убивали друг друга, некоторые бросались на собственные мечи, некоторые прыгали в огонь. Победители, не зная пощады, убивали всех евреев, на которых могли наложить руки; 97 000 беглецов были пойманы и проданы в рабство; многие из них умирали на триумфальных играх, став невольными гладиаторами, чтобы потешить публику в Берите, Цезарее Филипповой и Риме. Иосиф подсчитал, что за время осады и сразу же после нее было убито 1 197 000 евреев; по мнению Тацита, погибло до 600 000 (70 г.)⁶⁰.

Сопrotивление тлело то здесь, то там до 73 г., однако разрушение храма, в сущности, было свидетельством поражения восстания и крушения еврейской государственности. Собственность тех, кто принял участие в восстании, была конфискована и распродана. В Иудее почти не осталось евреев, а те, что остались, существовали на грани голодной смерти. Даже беднейший из евреев должен был отныне платить в пользу языческого храма в Риме полшекеля, которые некогда благочестивые иудеи вносили ежегодно на содержание храма. Преосвященничество и синедрион были упразднены. Иудаизм принял ту форму, которую сохраняет до наших дней: религия без центрального святилища, доминирующего священства, жертвоприношений. Саддукеи исчезли, в то время как фарисеи и раввины стали вождями бездомного народа, которому не было оставлено ничего, кроме его синагог и надежды.

VII. РАССЕЯНИЕ

Бегство или порабощение миллиона евреев настолько способствовало их распространению по всему Средиземноморью, что их ученые ведут отсчет существования диаспоры с момента разрушения Иродова храма. Мы уже знаем, что на самом деле это Рассеяние берет свое начало в Вавилонском Пленении, имевшем место на шесть столетий раньше, и особенно прослави-

лось своей колонией в Александрии. Поскольку плодovitость являлась требованием Закона, который наряду с благочестием был надежным заслоном от практики детоубийства, еврейская экспансия была вызвана не только экономическими, но и биологическими причинами. Евреи по-прежнему играли в мировой коммерции весьма незначительную роль. За пятьдесят лет до падения Иерусалима Страбон, со свойственным антисемиту гиперболизмом, сообщал, что «трудно найти хоть одну область обитаемой земли, которая не впустила бы это племя и не стала его собственностью»⁶¹, Филон за двадцать лет до Рассеяния писал: «Континенты... полны еврейских поселений, как и острова, и почти вся Вавилония»⁶². К 70 г. в Селевкии-на-Тигре обитали тысячи евреев, жившие и во многих других городах Парфии. Они в больших количествах поселялись в Аравии, откуда позднее перебрались в Эфиопию; ими изобиловали Сирия и Финикия; крупные иудейские колонии существовали в Тарсе, Антиохии, Милете, Эфесе, Сардах, Смирне; немногим меньше их было на Делосе, в Коринфе, Афинах, Филиппах, Патрах, Фессалониках. На западе еврейские общины обосновались в Карфагене, Сиракузах, Путолах, Капуе, Помпеях, Риме, даже на Родине Горация — в Венузии. В общем, в Империи в эту эпоху проживало около семи миллионов евреев — приблизительно семь процентов от общего населения, вдвое больше числа евреев, проживающих сегодня в Соединенных Штатах⁶³.

Их многочисленность, платье, диета, обрезание, бедность, амбициозность, преуспеяние, замкнутость, сообразительность, отвращение к идолам, соблюдение неудобной субботы стали причиной антисемитизма, который мог выражаться в виде театральных шуточек и в колкостях Ювенала и Тацита или выливаться в убийства на улице или полномасштабные погромы. Апион Александрийский сделался главным глашатаем этих атак, и Иосиф отвечал ему в язвительном памфлете*.

После падения Иерусалима Иосиф отплыл в Рим вместе с Титом и сопровождал победителя своего народа в триумфальной процессии, выставившей напоказ иудейских пленников и иудейские трофеи. Веспасиан даровал ему римское гражданство, пенсию, апартаменты в императорском дворце и доходные земли в Иудее⁶⁵. В знак благодарности Иосиф принял фамильное имя Флавиев и написал «Иудейские войны» (около 75 г.), в которых защищал действия Тита в Палестине, оправдывал собственное отступничество и доказывал бесполезность нового восстания, демонстрируя могущество Рима. В поздние годы своей жизни (около 93 г.), с новой силой почувствовав свою изоляцию, он написал «Иудейские древности», чтобы снискать расположение своего народа изображением в благоприятном свете перед язычниками иудейских достижений, обычаев и характера. Его повествованию присущи ясность и сила, а его рассказ об Ироде Великом почти столь же захватывающ, как биографии Плутарха, однако его тенденциозность и задачи мешают ему быть объективным. «Древностям» он посвятил многие годы, работа истощила его силы; последние четыре из двадцати книг были составлены секретарями на основе его заметок⁶⁶. Иосифу было лишь пятьдесят шесть, когда книга вышла в свет, но здоровье его было подорвано жизнью, полной приключений, споров и нравственного одиночества.

* Иосиф возликовал, когда узнал, что язва заставила Апиона прибегнуть к обрезанию⁶⁴.

Со свойственным им упорством иудеи постепенно восстановили в Палестине свою экономику и культуру. Во время осады Иерусалима престарелый ученик Хиллела Иоханан бен Цаккаи, опасаясь, как бы резня не уничтожила всех учителей и хранителей устной традиции, выскользнул из города и основал свою академию на виноградниках Ябны, или Ямнии, неподалеку от побережья Средиземного моря. После падения Иерусалима Иоханан организовал в Ямнии новый синедрион, который состоял не из жрецов, политиков и богачей, но из фарисеев и раввинов, то есть учителей Закона. Этот Bet Din, или Совет, не имел политической власти, но все палестинские евреи признавали его авторитет во всех вопросах, касавшихся религии и морали. Патриарх, которого члены Совета избирали своим главой, назначал служащих администрации, управлявшей делами иудейской общины, и имел право отлучать от нее упорствующих в заблуждении евреев. Строгая дисциплина, установленная патриархом Гамалиилом II (около 100 г.), привела к сплочению сначала Совета, затем иудеев Ямнии, наконец, иудеев Палестины. Под его руководством были вновь рассмотрены противоречащие друг другу толкования Закона, предложенные Хиллелом и Шаммаи; было проведено голосование, и линия Хиллела была в основном одобрена, став обязательной к исполнению всеми евреями.

Так как Закон стал теперь необходимым цементирующим средством, которое скрепляло единство рассеянных и лишившихся своего государства иудеев, обучение Закону стало главной заботой синагог во всех областях, обжитых диаспорой; роль храма стала играть синагога, роль жертвоприношения — молитва, роль жреца — раввин. Tannaim — «излагатели» — толковали те или иные законы, дошедшие в устном предании (Halacha) иудеев, подкрепляя обычно свою версию цитатой из Писания, иногда дополняли его рассказами, поучениями или другим материалом (Haggada). Самым знаменитым из «излагателей» был Рабби Акиба бен Иосиф. В возрасте сорока лет (около 80 г.) он присоединился к своему пятилетнему сыну, посещавшему школу, и научился читать. Вскоре он мог уже наизусть декламировать Пятикнижие. После тринадцати лет учения он открыл собственную школу под смоковницей в деревушке близ Ямнии. Его энтузиазм и идеализм, храбрость и юмор, даже его несгибаемый догматизм доставили ему множество учеников. Когда в 95 году пришло известие о том, что Домициан планирует принять новые законы против иудеев, Акиба вместе с Гамалиилом и двумя другими иудеями был избран в посольство, которое должно было обратиться лично к императору. Пока они пребывали в Риме, Домициан погиб. Нерва благосклонно выслушал их ходатайство и покончил с «иудейским налогом» (fiscus iudaicus) — налогом, взимавшимся с иудеев на реконструкцию Рима. Вернувшись в Ямнию, Акиба поставил перед собой задачу, на исполнение которой ему не хватит целой жизни: он решил кодифицировать Halacha; его ученик Рабби Меир и их последователь Иуда Патриарх (около 200 г.) завершили начатое. Даже в этой, упорядоченной форме Halacha оставалась частью устной традиции, передаваемой из поколения в поколение учеными и профессиональными запоминателями — живыми учебниками Закона. Методы Акибы были столь же нелепы, сколь здравы были его выводы: он выводил либеральные принципы при помощи малопонятных экзегетических приемов, которые были основаны на убежденности в том, что каждая буква Торы, или писаного закона, наделе-

на неким потаенным значением; возможно, он просто заметил, что люди принимают рациональное только в оболочке мистического.

К Акибе восходят те тщательно продуманные организация и изложение этики и теологии, которые через посредничество Талмуда дошли до Маймонида и в конечном счете вошли в методологический арсенал схоластов.

На девяностом году жизни, ослабев и став реакционером, Акиба обнаружил, что, как и в молодости, со всех сторон его окружает революция. В 115—116 гг. евреи Кирены, Египта, Кипра и Месопотамии вновь восстали против Рима; в порядке вещей были теперь и резня евреев, устраиваемая язычниками, и резня язычников, устраиваемая иудеями; 220 000 человек, сообщает Дион, были убиты в Кирене, 240 000 — на Кипре; цифры кажутся неправдоподобными, однако нам известно, что Кирена так и не оправится от этой катастрофы и что еще много столетий спустя доступ евреям на Кипр будет закрыт. Мятежи были подавлены, однако уцелевшие евреи пламенно надеялись на Мессию, который отстроит храм и с триумфом вернет их в Иерусалим. Римская недалекость привела к тому, что восстание вспыхнуло с новой силой. В 130 г. Адриан объявил о своем намерении возвести на месте храма святилище Юпитера; в 131 г. он издал декрет, запрещающий обрезание и публичное преподавание иудейского Закона⁶⁷. Под руководством Симеона Бар Кохбы, который провозгласил себя Мессией, иудеи предприняли последнюю в древности попытку вернуть себе родину и свободу (132 г.). Акиба, всю свою жизнь проповедовавший мир, благословил революцию, признав в Бар Кохбе обетованного Искупителя. В течение трех лет повстанцы доблестно сражались с легионами; в конце концов они были разбиты ввиду недостатка продовольствия и подкреплений. Римляне разрушили 985 палестинских городов и уничтожили 580 000 человек; еще большее число людей, свидетельствует предание, умерло от голода, болезней и огня; была опустошена практически вся Иудея. Бар Кохба пал, защищая Бетар. В рабство было продано так много евреев, что цены на рабов упали и сравнялись с ценами на лошадей. Тысячи людей предпочитали скрываться в подземных каналах, лишь бы не попасть в плен; окруженные римлянами, они умирали один за другим от голода, а живые питались телами мертвых⁶⁸.

Решившись сокрушить мужественность иудаизма, восстанавливающую силы его адептов, Адриан запретил не только обрезание, но также соблюдение Субботы или любого другого иудейского праздника, а также публичное отправление любого еврейского обряда⁶⁹. Евреи были обложены новой, еще более тяжелой, подушной податью. Собираться в Иерусалиме им разрешалось лишь один раз в год в специально установленный день, когда они могли прийти и поплакать над руинами своего храма. На месте Иерусалима вырос новый языческий город Элия Капитолина, где находились святилища Венеры и Юпитера, палестры, театры и бани. Совет в Ямнии был распущен и объявлен вне закона; в Лидде было разрешено собираться менее значительному и безвластному Совету, однако публичное преподавание Закона запрещалось под страхом смерти. За нарушение этого предписания были казнены несколько раввинов. Акиба, которому теперь было девяносто пять, продолжал преподавать своим ученикам; он был заключен в тюрьму на три года, но продолжал учить даже в темнице; он был отдан под суд, осужден и умер, гласит предание, с основополагающим заветом иудаизма на устах: «Слушай Израиль! Господь — наш Бог, единый Господь!»⁷⁰

Хотя декреты Адриана были смягчены Антонином Пием, евреи еще долгие столетия не могли оправиться от последствий восстания Бар Кохбы. Начиная с этого времени они вступили в свое средневековье, отказавшись от изучения всех мирских наук, кроме медицины, отвергая эллинизм во всех его формах, находя утешение и сплоченность только в общении со своими раввинами, мистическими поэтами и Законом. Ни один другой народ не знал столь длительного изгнания или столь суровой судьбы. Изгнанные из своего Священного Города, иудеи были вынуждены уступить его сперва язычеству, затем христианству. Рассеянные по всем провинциям и за пределами Империи, обреченные на нищету и унижение, не встречающие сочувствия даже у философов и святых, они отошли от общественной жизни и посвятили себя частным ученым занятиям и богопочитанию, ревностно храня слова своих учителей и готовясь записать их в Талмудах Вавилонии и Палестины. Иудаизм в страхе искал безвестности, когда его отпрыск — христианство — выступил покорить мир.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Аппиан. *Римская история*, XII, 15.
- ² Frank, IV, 197.
- ^{2a} В государственном музее Берлина; репродукцию см. в кн.: Pope, A., *Persian Art*, IV, 134A.
- ³ Rawlinson, G., *Sixth Great Oriental Monarchy*, 423.
- ⁴ Плутарх. *Красс*.
- ⁵ Sachar, 105.
- ⁶ Иосиф. *Древности*, XIV, 2,9; Страбон, XVI, 2.40.
- ⁷ Иосиф, XIV, 11.
- ⁸ Он же. *Иудейские войны*, I, 21.
- ⁹ *Древности*, XV, 7; XVI, 5.
- ¹⁰ Там же, XV, 8.
- ¹¹ Там же, 11.
- ¹² Там же; Войны, V, 5; Foakes-Jackson and Lake, *Beginnings of Christianity*, I, 5-7; Schürer, Div. I, Vol. I, 280.
- ¹³ *Древности*, XVI, 7.
- ¹⁴ Единственный наш свидетель — Иосиф. *Древности*, XV, 8.1.
- ¹⁵ Там же, 10.
- ¹⁶ Там же, XVII, 5.
- ¹⁷ Klausner, J., *Jesus of Nazareth*, 145.
- ¹⁸ Moore, G., *Judaism*, I, 23.
- ¹⁹ Baron, I, 131.
- ²⁰ Там же, 192—193.
- ²¹ *Древности*, IV, 10.
- ²² *Против Апиона*, p. 456.
- ²³ Finkelstein, L., *Akiba*, 33.
- ²⁴ Schürer, Div. II, Vol. I, 162; Moore, I, 82; Goguel, M., *Life of Jesus*, 471; Graetz, II, 54-55.
- ²⁵ Zeitlin S., *The Jews*, 43; id., *The Pharisees and the Gospels*, 237; САН, IX, 408.
- ²⁶ Иосиф. *Войны*, I, 8.14.
- ²⁷ Филон. *Quod omnis homo*, 86; *Hypothetica*, 11.4 и 12; Иосиф, *Древности*, XVIII, 1.
- ²⁸ Иосиф. *Войны*, II, 8.
- ²⁹ Там же, 9.
- ³⁰ Graetz, II, 29; Ueberweg, F., *History of Philosophy*, I, 228.

- ³¹ Klausner, 231; Graetz, II, 145.
³² Иосиф. *Войны*, II, 8.
³³ См.: Moore, I, 313.
³⁴ Hastings J., *Encyclopedia of Religion and Ethics*, s.v. Hillel.
³⁵ Филон, см.: Евсебий, *Приготовление к Евангелию*, VIII, 7.
³⁶ Вавилонский Талмуд, Abot, I, 42, Shab, 31a.
³⁷ Abot, II, 4.
³⁸ Foakes-Jackson, 134; САН, IX, 420.
³⁹ Книга Премудрости, II.
⁴⁰ Там же, V.
⁴¹ Исаия, IX, 6.
⁴² Книга Премудрости, XVIII, 13 сл.
⁴³ Исаия, LIII.
⁴⁴ Даниил, II, 44; VII, 13 сл.; Песнь Песней, XVII.
⁴⁵ Сивиллины Оракулы, III, 767 сл., см.: Klausner, *From Jesus to Paul*, 159.
⁴⁶ Исаия, II, 4; XI, 6; Енох, I—XXVI; Сив. Ор., II, 303, см. Klausner, 150.
⁴⁷ Книга Премудрости, IV; Енох, CVIII.
⁴⁸ Книга Премудрости, II—III.
⁴⁹ Finkelstein, 263.
⁵⁰ Тацит. *История*, V, 9.
⁵¹ Иосиф. *Войны*, II, 14.
⁵² Graetz, II, 239.
⁵³ Иосиф, ук. место.
⁵⁴ Там же, V, 1 сл.; Тацит, V, 12.
⁵⁵ Иосиф, II, 14.
⁵⁶ Там же, II, 18.
⁵⁷ Тацит, V, 13.
⁵⁸ Иосиф, V, 11.
⁵⁹ Дион Кассий, LXV, 4.
⁶⁰ Иосиф, IX, 3; Тацит, V, 13.
⁶¹ Страбон, см.: Иосиф, *Древности*, XIV, 7.
⁶² Филон, *Legatio ad Caium*, 36.
⁶³ Baron, I, 132—133; Bevan, E.R., *Legacy of Israel*, 29.
⁶⁴ Иосиф. *Против Апиона*, II, 3.
⁶⁵ Иосиф, *Жизнь Флавию Иосифа*, р. 540.
⁶⁶ Finkelstein, 141.
⁶⁷ Baron, I, 191.
⁶⁸ Дион Кассий, LXIX, 12 сл.; Renan, *The Christian Church*, 106.
⁶⁹ Moore, *Judaism*, I, 93.
⁷⁰ Finkelstein, 276.

КНИГА V

ЮНОСТЬ ХРИСТИАНСТВА

4 г. до н.э.— 325 г. н.э.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Все даты, кроме первой, — нашей эры; все даты до 150 г. — приблизительны.

- 4 г. до н.э.: Рождение Христа
 30 г. н.э.: Распятие; обращение Павла
 45—47: Первая миссия Павла
 50—53: Вторая миссия Павла
 51: Павел в Афинах
 53—57: Третья миссия Павла
 58—60: Павел содержится в темнице по приказанию Феликса
 61—64: Павел в римской темнице
 64: Нероново гонение; смерть Петра и Павла
 65: Лин, епископ Римский
 77: Клит, епископ Римский
 60—100: Четыре Евангелия
 89: Климент I, епископ Римский
 90: Послания Иоанна
 98: Еварист, епископ Римский
 106: Александр I, епископ Римский
 116: Ксист I, епископ Римский
 126: Телесфор, епископ Римский
 137: Гигин, епископ Римский
 141: Пий I, епископ Римский
 150: Первая Апология Юстина
 156: Аникет, епископ Римский
 166: Мученичество Поликарпа
 175: Элевтерий, епископ Римский
 177: Лионские мученики
 178: Иринеи, епископ Лионский
 190: Виктор I, епископ Римский
 193: Императоры Пертинакс и Дидий Юлиан
 193—211: Император Септимий Север
 194: Монтан; Климент Александрийский
 200: Liber Apologeticus Тертуллиана
 202: Зефирин, епископ Римский
 203: Арка Септимия Севера; Ориген
 205—270: Плотин
 211—217: Каракалла
 212: Каракалла предоставляет гражданство провинциалам
 215: Термы Каракаллы; Мани
 218: Каллист I, епископ Римский
 218—222: Император Гелиогабал
 222: Урбан I, епископ Римский
 222—235: Император Александр Север
 228: Убийство Ульпиана
 235—258: Император Максимин
 236: Фабиан, епископ Римский
 238—244: Императоры Гордиан I, Гордиан II, Гордиан III
 241—272: Шапур I, царь Персии
 244—249: Император Филипп Араб
 248: Киприан, епископ Карфагенский; «Против Цельса» Оригена
 249—251: Император Деций; математик Диофант
 251: Корнелий, епископ Римский
 251—253: Император Галл
 253—260: Император Валериан
 253—268: Император Галлиен
 254: Вторжение маркоманов в Северную Италию
 255: Шапур вторгается в Сирию
 257: Эдикт Валериана против христиан
 259: Готы опустошают Малую Азию
 260: Первый эдикт о веротерпимости
 260—266: Оденат в Пальмире
 266—273: Зенобия и Лонгин в Пальмире
 268—270: Император Клавдий II
 270—275: Император Аврелиан
 271: Варвары вторгаются в Италию
 275—276: Император Тацит
 276—282: Император Проб
 282—283: Императоры Кар, Карин, Нумериан
 284—305: Император Диоклетиан
 286—305: Максимиан — соправитель Диоклетиана
 292: Цезари Галерий и Констанций
 295: Термы Диоклетиана
 286: Марцеллин, епископ Римский
 301: Эдикт о ценах Диоклетиана
 303—311: Диоклетианово гонение
 306: Константин становится Цезарем
 307: Августы Максенций и Максимиан; базилика Максенция
 307—309: Марцелл I, епископ Римский
 307—310: Divinae Institutiones Лактанция
 307—313: Августы Константин и Лициний
 309—310: Евсебий, епископ Римский
 312: Сражение на Мульвиевом мосту; Миланский эдикт (?)
 313: «Церковная история» Евсебия
 313—323: Раздел Империи между Константином и Лицинием
 314: Арльский собор
 314—336: Сильвестр I, епископ Римский
 315: Арка Константина
 323: Поражение Лициния при Адрианополе
 324—337: Константин — единственный император
 325: Никейский собор
 326: Константин убивает сына, племянника и жену
 330: Константинополь становится столицей
 337: Смерть Константина

Иисус

4 г. до н.э.—30 г. н.э.

I. ИСТОЧНИКИ

СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ Христос? Является ли история жизни основателя христианства произведением человеческой боли, воображения и надежды — мифом, сопоставимым с легендами о Кришне, Осирисе, Аттисе, Адонисе, Дионисе и Митре? В начале восемнадцатого века кружок Болингброка, шокировав даже Вольтера, в частных беседах обсуждал возможность того, что Христос никогда не существовал. Волней вынес на общее обсуждение те же сомнения в своей книге «Руины Империи», опубликованной в 1791 году. Наполеон, встретившись с германским ученым Виландом в 1808 году, спрашивал его не о таких пустяках, как политика или война, но допытывался, верит ли он в историчность Христа ¹.

Одним из самых далеко идущих свершений современного ума явилась «Высшая критика» Библии — планомерная атака на ее аутентичность и достоверность, которая натолкнулась на отчаянное сопротивление тех, кто принимал героические усилия ради спасения исторического фундамента христианской веры. Результаты этих споров могут со временем оказаться столь же революционными, как и само христианство. Первая битва этой двухсотлетней войны была выдержана в молчании Германом Раймаром, профессором восточных языков в Гамбурге; после его смерти в 1768 г. была обнаружена рукопись в тысячу четыреста страниц, которую он из осторожности не решился обнародовать; она была посвящена жизни Христа. Шесть лет спустя Готхольд Лессинг, невзирая на протесты своих друзей, опубликовал некоторые ее части как *Wolfenbüttel Fragmenten*. Раймар доказывал, что Иисуса следует рассматривать (и только тогда мы сможем его понять) не как основателя христианства, но как вершинную и главенствующую фигуру в эсхатологии иудеев; иными словами, Христос считал себя не основателем новой религии, но приоткрывателем человечеству к неминуемой гибели мира и Страшному Суду, на котором Бог будет судить все людские души. В 1796 году Гердер отметил тот факт, что противоречия между Христом Евангелий от Матфея, Марка и Луки и Христом Евангелия от Иоанна являются непримиримыми. В 1828 году Генрих Паулус, рассмотревший свидетельства о жизни Христа на 1192 страницах, предложил рационалистическое истолкование чудес, то есть он их не отрицал, но пытался объяснить при помощи естественных сил и причин. В эпохальной «Жизни Иисуса» (1835—1836) Давид Штраусс отверг этот компромисс. Сверхъестественные элементы в Евангелиях, полагал он, следует классифицировать как мифы, а подлинный жизненный путь Христа может быть реконструирован только тогда, когда мы откажемся принимать во внимание все эти элементы в каком бы то ни было виде. Массивные тома

Штраусса сделали библейскую критику центром того интеллектуального шторма, который бушевал в Германии целое поколение. В том же году Христиан Баур атаковал Послания Павла, доказывая неаутентичность всех Посланий, за исключением Посланий к Галатам, Коринфянам и Римлянам. В 1840 г. Бруно Бауэр выпустил первую из серии полемически заостренных работ, стремясь доказать мифичность Христа и утверждая, что Христос является персонафицированной формой культа, развившегося во II в. н. э. из синтеза иудейской, греческой и римской теологий. В 1863 г. вышла книга Эрнеста Ренана «Жизнь Христа»; она смутила миллионы читателей своим рационализмом и очаровала их своим стилем; в ней Ренан подвел итоги германской критики и ознакомил весь просвещенный мир с проблемами экзегезы Евангелий. Французская школа добилась выдающихся результатов в конце столетия, когда аббат Луази подверг Новый Завет настолько дотошному текстуальному анализу, что католическая церковь сочла необходимым отлучить и его, и некоторых других «модернистов». Тем временем представители Голландской школы Пирсон, Набер и Маттас довели эту тенденцию до логического конца, отвергнув в своих кропотливых исследованиях историческое существование Иисуса. В Германии окончательную форму этим негативным выводам дал Артур Дреус (1906 г.); в Англии У.Б. Смит и Дж. М. Робертсон также пришли к отрицательным выводам. Казалось, итог двухсотлетней дискуссии однозначен: Христос не является исторической личностью.

Какими свидетельствами в пользу существования Христа мы располагаем? Самое раннее нехристианское упоминание встречается в «Иудейских древностях» Иосифа (93 г.):

В те времена жил Иисус — человек святой, если только его можно называть человеком, ибо он творил чудеса, учил людей и радостно принимал правду. За ним следовали многие иудеи и многие греки; он был Мессия².

Возможно, в этих странных словах есть доля подлинности; однако высокая похвала Иисусу, исходящая от иудея, который во всех своих работах стремился говорить лишь то, что было бы приятно слышать римлянам или иудеям (и те и другие были в то время враждебны христианству), делает этот фрагмент подозрительным, и христианские исследователи почти единодушно отвергают его как интерполяцию³. Имеются упоминания «Иешуа из Назарета» в Талмуде, однако они относятся к довольно позднему времени и, несомненно, являются отголосками христианских творений⁴. Древнейшее из известных нам упоминаний Христа в языческой литературе находим в письме Плиния Младшего (около 110 г.)⁵, в котором он спрашивает у Траяна совета, как ему поступать с христианами. Пятью годами позже Тацит^{6*} описывает Нероново гонение на «христиан» (Chrestiani) в Риме, и утверждает, что уже тогда (64 г.) число последователей этого учения было весьма большим во всех областях Империи. Данный параграф настолько дышит стилем, мощью и предрассудками Тацита, что из всех библейских критиков его аутентичность оспаривает один Дреус⁷. Светоний (около 125 г.) упоминает это же гонение⁸ и сообщает о том, что Клавдий изгнал (около 52 г.) иудеев, «которые, под-

* Цит. на с. 303 настоящей книги.

трекаемые Хрестом (*impulsore Chresto*), вызвали общественные волнения»⁹. Данный отрывок хорошо согласуется с Деяниями Апостолов, в которых упоминается декрет Клавдия о том, что «иудеи должны покинуть Рим»¹⁰. Эти ссылки скорее доказывают существование христиан, а не самого Христа; однако если мы откажемся принимать историчность последнего, нам придется защищать маловероятную гипотезу, согласно которой Иисус был выдуман в течение жизни единственного поколения; кроме того, мы должны предположить, что христианская община в Риме была основана несколькими годами ранее 52 года, чтобы привлечь к себе внимание и стать объектом императорского декрета. Приблизительно в середине первого века язычник по имени Талл во фрагменте, сохраненном Юлием Африканом¹¹, доказывал, что необычная тьма, согласно традиции покрывшая землю в момент смерти Христа, была не чем иным, как чисто естественным явлением и совпадением. Как видно из этого довода, Талл ничуть не сомневался в том, что Христос существовал в действительности. Кажется, что его существование не оспаривали даже самые яростные языческие или иудейские противники нарождающегося христианства.

Христианские свидетельства о Христе начинаются с посланий, приписываемых апостолу Павлу. Авторство некоторых из них на сегодня установить невозможно; некоторые, написанные до 64 г., рассматриваются практически всеми как в существенных чертах подлинные. Никто еще не оспаривал существования Павла или то, что его неоднократные встречи с Петром, Иаковом и Иоанном имели место в действительности; и Павел с завистью говорит о том, что эти люди знали Христа во плоти¹². Считающиеся аутентичными послания часто упоминают Тайную Вечерю¹³ и распятие¹⁴.

Что касается Евангелий, то здесь все значительно сложнее. Четыре дошедших до нас Евангелия — лишь часть той обширной литературы «Благой Вести», что циркулировала среди христиан в первые два века. Английское слово *gospel* (староангл. *godspel*, «благая весть») является калькой древнегреческого *euangelion*, которое стоит в начале Евангелия от Марка и означает «радостное известие», известие о том, что Мессия уже явился и Царство Божие близко. Евангелия от Матфея, Марка и Луки являются «синоптическими»: их содержание и эпизоды можно распределить по параллельным колонкам и «рассматривать вместе». Они были написаны на греческом койне, или народном языке, и здесь мы не встретим ни грамматического совершенства, ни литературной законченности; и тем не менее прямота и сила их простого стиля, живая мощь аналогий и картин, глубина чувства и проникновенное обаяние рассказа придают даже необработанному оригиналу единственную в своем роде прелесть, которая еще более усилена в чрезвычайно неточном, но величественном переводе, сделанном для короля Якова.

Древнейшие списки Евангелий, которыми мы располагаем, восходят только к третьему веку. Оригинальные тексты были, очевидно, написаны между 60 и 120 годами, поэтому еще целых два столетия они были беззащитны перед ошибками переписчиков или возможными изменениями, вносимыми для того, чтобы добиться соответствия между Евангелиями и теологией или практическими задачами секты или времени копииста. Христианские авторы до 100 г. цитируют Ветхий, но никогда Новый Завет. Единственная ссылка на христианское Евангелие ранее 150 года встречается у Папия, который около 135 года сообщает, будто некий «Иоанн Старший» утверждал, что Марк соста-

вил свое Евангелие на основании воспоминаний, сообщенных ему Петром¹⁵. Папий добавляет: «Матфей переписал на еврейском Логии» — вероятно, речь идет о раннем арамейском собрании изречений Христа. Возможно, у Павла имелся подобный документ, потому что, хотя он и не упоминает Евангелий, время от времени он цитирует непосредственные слова Христа*. Критики, в общем, согласны в том, что первым было написано Евангелие от Марка, которое они датируют временем между 65 и 70 годами. Так как в нем иногда одно и то же содержание подается в разных формах¹⁶, широко распространено мнение, что его повествование основывается на Логиях и другом раннем рассказе, который мог являться не чем иным, как изначальной редакцией текста самого Марка. Имеющееся у нас Евангелие от Марка, очевидно, циркулировало еще тогда, когда были живы апостолы или их непосредственные ученики; поэтому представляется маловероятным, что оно существенно отличалось от их воспоминаний и истолкования Христа¹⁷. Можно заключить вместе с блестящим, но беспристрастным Швейцером, что Евангелие от Марка в существенных чертах является «подлинной историей»¹⁸.

Ортодоксальная традиция первым помещала Евангелие от Матфея. Иреней¹⁹ сообщает, что первоначально оно было составлено «на еврейском», то есть арамейском; но до нас дошла только греческая версия. Поскольку в этой форме оно, по-видимому, опирается на Марка и, вероятно, также на Логии, научная критика склоняется к тому, чтобы приписывать его ученику Матфея, а не самому «мытарю»; однако даже самые скептические исследователи датируют его временем не позднее 85 — 90 гг.²⁰. Поставив своей целью обратить в христианство евреев, Матфей подробнее, чем остальные евангелисты, останавливается на приписываемых Иисусу чудесах и с подозрительным рвением стремится доказать, что многие ветхозаветные пророчества исполнились в Христе. И тем не менее это самое волнующее из Евангелий и должно быть отнесено к числу наиболее выдающихся «нечаянных» шедевров мировой литературы.

Евангелие от Святого Луки, большинством ученых относимое к последнему десятилетию первого века, объявляет о своем стремлении согласовать и примирить более ранние сообщения о Христе и имеет своей целью обращение не иудеев, но язычников. Вполне вероятно, что Лука и сам происходил из языческой среды, был другом Апостола Павла и автором Деяний Апостолов²¹. Как и Матфей, он многое заимствует у Марка²². Из 661 стиха принятого текста Марка более шестисот воспроизведены у Матфея и более трехсот пятидесяти — у Луки, по большей части дословно²³. Многие пассажи Луки, которых нет у Марка, встречаются у Матфея, причем и здесь они совпадают почти дословно; по-видимому, Лука заимствовал их у Матфея или они оба черпали из общего источника, ныне утерянного. Лука обрабатывает свой явно заимствованный материал с изрядным литературным мастерством; Ренан считал, что это Евангелие — прекраснейшая из когда-либо написанных книг²⁴.

Четвертое Евангелие не претендует на то, чтобы служить биографией Христа; Иисус изображен здесь с теологической точки зрения, он — Логос, или Слово, творец мира и спаситель человечества. Оно противоречит синоптиче-

* В 1897 и 1903 гг. Гренфелл и Хант обнаружили в развалинах Оксирина двенадцать фрагментов из Логий, соответствия которым можно найти в Евангелиях. Эти папирусы были написаны не раньше третьего века, однако они могут быть копиями более древних рукописей.

ским Евангелиям в сотнях деталей и общем изображении Христа²⁵. Полугностический характер этого произведения и особый акцент на метафизических идеях заставили многих христианских ученых усомниться в том, что его автором был апостол Иоанн²⁶. Однако опыт говорит за то, что древнюю традицию нельзя отвергать слишком поспешно; не все наши предки были глупцами. Исследования последних лет обозначили новую тенденцию интерпретации Четвертого Евангелия и склонны датировать его приблизительно концом первого столетия. Вероятно, традиция, приписывающая тому же автору «Послания Иоанна», заслуживает доверия; в Посланиях те же идеи, что и в Евангелии от Иоанна, разрабатываются в том же стиле.

Обобщая, заметим, что существует множество противоречий между различными Евангелиями, множество сомнительных исторических сведений, множество подозрительных подробностей, сходных с легендами, рассказывавшимися о языческих богах, множество эпизодов, предназначенных доказать исполнение ветхозаветных пророчеств, множество пассажей, которые, возможно, отражают стремление подвести некий исторический фундамент под позднейшие учения или обряды Церкви. Евангелисты разделяют вместе с Цицероном, Саллюстием и Тацитом убежденность в том, что история призвана служить проводником нравственных идей. По-видимому, и беседы и речи, излагаемые в Евангелиях, были подвержены искажениям в силу непрочности воспоминаний присутствовавших на них неграмотных слушателей и ошибок или исправлений переписчиков.

При том, что все это — правда, многое остается. Противоречия затрагивают частности, а не сущность; в главных чертах синоптические Евангелия согласуются очень хорошо, рисуя непротиворечивый портрет Христа. Вдохновленная своими открытиями, «Высшая критика» применила по отношению к Новому Завету такие критерии аутентичности, посредством которых нетрудно превратить сотни древних знаменитостей — например, Хаммурапи, Давида, Сократа — в туманную легенду*. Несмотря на предрассудки и изначальную теологическую ориентированность евангелистов, они фиксируют множество эпизодов, которые обыкновенными выдумщиками были бы обойдены молчанием: конкуренция между апостолами за высокие места в Царстве, их бегство после ареста Христа, отречение Петра, неудачи Христа с чудотворством в Галилее, замечания некоторых слушателей о его возможном безумии, его ранняя неуверенность в своей миссии, признания в том, что ему неизвестно будущее, моменты горечи, крик отчаяния на кресте; никто из читателей этих фрагментов не сможет усомниться в реальности стоящего за текстом героя. Чтобы немногие простые люди за время жизни одного поколения смогли выдумать столь мощную и привлекательную личность, столь возвышенную этику и столь вдохновляющее провидение человеческого братства, все это было бы чудом куда более великим, нежели любое из чудес, записанное в Евангелиях. После двух веков «Высшей критики» основные черты характера, подробности жизни и детали учения Христа остаются достаточно ясными, а явление Христа — самым захватывающим событием в истории западного человека.

* Говорит великий еврейский ученый, возможно с излишней резкостью: «Будь в нашем распоряжении такие древние источники, как Евангелия, и для истории Александра или Цезаря мы не имели бы ни малейшего права ставить их под сомнение». См.: Klausner J. *From Jesus to Paul*, 260.

II. ВЗРОСЛЕНИЕ ИИСУСА

И Матфей и Лука относят рождение Иисуса «к дням, когда Ирод был царем Иудеи»²⁷ — следовательно, он родился ранее третьего года до нашей эры. Лука, однако, сообщает, что Иисусу было «около тридцати лет», когда его крестил Иоанн «в пятнадцатый год Тиберия»^{27а}, то есть в 28—29 гг. н.э. В этом случае дата рождения Христа приходится на 2—1 гг. до н.э. Лука добавляет: «В то время вышел эдикт, в котором император Август повелевал провести перепись по всей земле... когда Сирией правил Квириний» (*перевод В.Н. Кузнецовой*). Известно, что Квириний был легатом в Сирии между шестым и двенадцатым годами нашей эры; Иосиф упоминает о проведенной им в Иудее переписи, но относит ее к 6—7 гг. н.э.²⁸; другими сообщениями об этой переписи мы не располагаем. Тертуллиан²⁹ упоминает перепись в Иудее при наместнике Сирии Сатурнине (8—7 гг. до н. э.); если Лука имел в виду именно его, рождение Христа следует датировать временем до 6 г. до н.э. Мы не знаем, в какой именно день он родился. Климент Александрийский (около 200 г.) сообщает о различных мнениях на этот счет; некоторые хронологии датировали рождение девятнадцатым апреля, некоторые — двадцатым мая; сам Климент относил его к семнадцатому ноября третьего года до н.э. Уже во втором столетии восточные христиане праздновали Рождество шестого января. В 354 г. некоторые западные церкви, в том числе и Римская, стали отмечать рождение Христа двадцать пятого декабря; в то время этот день ошибочно был сочтен днем зимнего солнцестояния, после которого светлая часть суток начинает прибывать; к тому времени этот день был уже посвящен Митре, являясь центральным праздником митраизма — днем рождения непобедимого солнца (*natalis invicti solis*). Восточные церкви остались привержены ранее выбранной дате (6 января) и обвинили своих западных братьев в почитании солнца и идолопоклонстве, но к концу четвертого века 25 декабря было принято также и на Востоке³⁰.

Матфей и Лука помещают рождение Христа в Вифлеем, расположенный в пяти милях к югу от Иерусалима; отсюда, повествуют они, семья Христа отправилась в галилейский Назарет. Марк не упоминает Вифлеем вовсе, но просто называет Христа «Иисусом из Назарета»*. Родители дали ему распространенное имя Иешуа (совр. Джошуа), означавшее «помощь Яхве»; греки произносили его как *Iesous*, римляне — *Iesus*.

Очевидно, он происходил из большой семьи, потому что соседи, дивясь его властной проповеди, спрашивали: «Откуда у Него такая мудрость и такая сила? Разве Он не сын плотника? Разве Его мать зовут не Мариам, а братьев — не Иаков, Иосиф, Симон и Иуда? И разве не все Его сестры живут здесь, у нас?»³¹ (*перевод В.Н. Кузнецовой*). Лука рассказывает историю о Благовещении с изрядным литературным искусством и вкладывает в уста Мариам — Марии — ту величальную песнь (*Magnificat*), которая является одним из величайших поэтических шедевров, вошедших в Новый Завет.

После своего сына Мария — самая трогательная героиня евангельского повествования: она воспитывает сына, проходя через все мучительные радости

* Критики подозревают, что Матфей и Лука избрали Вифлеем для того, чтобы подкрепить свое утверждение, будто Иисус был Мессией и происходил, как того требовали иудейские пророки, из рода Давида, чья семья обитала в Вифлееме. Однако сомнения подобного рода совершенно бездоказательны.

материнства, гордится его юношескими познаниями, дивится его позднейшим учениям и притязаниям, хочет увести его из возбужденной толпы последователей и вернуть в целительную тишину родного дома («отец твой и я искали тебя в печали»), беспомощно присутствует при его казни и принимает его тело в свои объятия; если это не история, то — выдающаяся литература, ибо отношения между родителями и детьми способны лечь в основу куда более грандиозных драм, чем отношения между полами. Позднее распространявшиеся Цельсом и прочими байки о Марии и римском солдате являются, по общему согласию критиков, «неуклюжими выдумками»³². Не столь невероятны истории, содержащиеся по большей части в апокрифических или неканонических Евангелиях, где речь идет о рождении Христа в пещере или в хлеве, поклонении пастухов и волхвов, избииении невинных и бегстве в Египет; зрелый разум не станет возмущаться этими творениями народной поэзии. Непорочное зачатие не упоминается ни Павлом, ни Иоанном; Матфей и Лука, сохранившие это предание, возводят Иисуса через Иосифа к роду царя Давида, хотя их генеалогии не согласуются между собой. Очевидно, вера в непорочное зачатие возникла позднее, чем вера в происхождение Иисуса из рода Давида.

Евангелисты мало рассказывают о юности Иисуса. Когда ему было восемь дней от роду, он был обрезан. Иосиф был плотником, и обычное для того времени наследование рода занятий отца наводит на мысль о том, что и Иисус некоторое время занимался этим ремеслом. Он знал ремесленников своей деревни, а также помещиков, управляющих, арендаторов и рабов, живших в ее окрестностях; его речи усыпаны упоминаниями о них. Он был способен в полной мере ощущать красоту сельской местности, прелесть и красочность цветов, молчаливую плодоносность деревьев. Рассказ об Иисусе, вопрошающем ученых в храме, не является невероятным; его ум был чуток и любознателен, и на Ближнем Востоке двенадцатилетний мальчик уже вступает в пору зрелости. Однако он не получил «правильного» образования. «Как это возможно? — спрашивали соседи. — Этот человек умеет читать, хотя никогда не ходил в школу»³³. Он посещал синагогу, и слушать Писания доставляло ему очевидное удовольствие. Пророки и Псалмы особенно глубоко запали ему в душу, оказав большое влияние на его духовное формирование. Возможно, он читал также Книги Даниила и Еноха, потому что его позднейшее учение носило на себе зримый отпечаток их провидений о приходе Мессии, Страшном Суде и наступлении Царства Божиего.

Воздух, который он вдыхал, источал мощные токи религиозного возбуждения. Тысячи иудеев нетерпеливо ожидали Искупителя Израиля. Магия и колдовство, демоны и ангелы, «одержимость» и изгнание бесов, чудеса и прорицания, дивинация и астрология повсюду принимались как нечто само собой разумеющееся; возможно, рассказ о волхвах (магах) являлся необходимой уступкой астрологическим верованиям эпохи³⁴. Тавматурги — чудотворцы — переходили из города в город. В ежегодных путешествиях в Иерусалим, которые все добрые палестинские иудеи приурочивали к празднику Пасхи, Иисус должен был узнать кое-что о ессеях и их полумонашеской, почти буддистской жизни*; возможно, он также слышал о секте, называвшейся «наза-

* Ашока засылал своих буддийских миссионеров в такие дальние западные страны, как Египет и Кирена³⁵; вполне вероятно, побывали они и на Ближнем Востоке.

реями», которые жили по ту сторону Иордана в Перее, отказывались поклоняться в Храме и отрицали общеобязательность Закона 36. Однако главным событием, которое воспламенило его религиозный пыл, стала проповедь Иоанна, сына двоюродной сестры Марии Елизаветы.

Иосиф излагает историю Иоанна с некоторыми подробностями³⁷. Мы склонны представлять Крестителя стариком; на самом деле он был, очевидно, ровесником Иисуса. Марк и Матфей сообщают, что он носил власяницу, питался сухими акридами и медом, стоял у Иордана и призывал народ к покаянию. Он разделял с ессеями их аскетизм, однако в отличие от них полагал, что человеку достаточно одного крещения; его греческое прозвище «Креститель» может являться греческим эквивалентом к слову «Ессей» («Окропитель»)³⁸. К практиковавшемуся Иоанном обряду символического очищения добавлялись угрозы и обличения притворства и распушенности; он увещевал грешников готовиться к Страшному Суду и провозглашал, что вскоре наступит Царство Божие³⁹. Если вся Иудея покается и очистится от греха, Мессия и Царство придут одновременно, говорил Иоанн.

«На пятнадцатом году Тиберия» или вскоре после этого, сообщает Лука, Иисус сошел к Иордану креститься у Иоанна. Это решение, принятое человеком, которому исполнилось «около тридцати лет»⁴⁰, свидетельствует о том, что Христос принимал учение Иоанна; его собственное учение будет в существенных чертах совпадать с ним. Однако методы и характер Иисуса делали его совершенно непохожим на Иоанна: сам он не будет никого крестить⁴¹, и жизнь его пройдет в миру, а не в пустыне. Вскоре после этой встречи Ирод Антипа, тетрарх («правитель четырех городов») Галилеи, приказал заключить Иоанна в темницу. Евангелия видят причину ареста в том, что Иоанн неодобрительно отзывался о разводе Ирода с женой и женитьбе его на Иродиаде, которая оставалась в то время женой его единокровного брата Филиппа. Иосиф объясняет арест тем, будто Ирод боялся, что под видом религиозной реформации Иоанн затекает политическое восстание⁴². Марк⁴³ и Матфей⁴⁴ рассказывают здесь историю о Саломее, дочери Иродиады, которая танцевала так соблазнительно, что Ирод пообещал ей даровать любую награду, какую она пожелает. По настоянию матери, гласит предание, она попросила его подарить ей голову Иоанна, и тетрарху пришлось исполнить свое обещание. В Евангелиях нет ни слова о любви Саломеи к Иоанну, Иосиф ничего не говорит о ее причастности к гибели Крестителя.

III. МИССИЯ

Когда Иоанн был схвачен, Иисус продолжил дело Крестителя и стал проповедовать пришествие Царства⁴⁵. Он «вернулся в Галилею,— сообщает Лука,— и учил в синагогах»⁴⁶. Перед нами впечатляющая картина: приходит черед молодого идеалиста прочесть перед общиной Назарета отрывок из Писания, и он выбирает отрывок из Исаии:

Дух Господа на Мне, ибо Господь помазал Меня благовествовать нищим, послал меня исцелять сокрушенных сердцем, проповедовать пленным освобождение и узникам — открытие темницы.

Проповедовать лето Господне благоприятное и день мщения Бога нашего, утешить всех сетующих... ⁴⁷ (Синодальный перевод)

«Глаза всех в синагоге,— добавляет Лука.— были устремлены на Него. Иисус заговорил: — Сегодня исполнилось пророчество, которое вы слышали. И все это подтвердили и восхищались теми дивными словами, которые раздались из Его уст» ⁴⁸ (перевод В.Н. Кузнецовой). Когда пришло известие о том, что Иоанн обезглавлен, и его сторонники искали нового вождя, Иисус взял бремя ответственности и риска на себя; поначалу он удалялся в тихие деревушки, всегда отказываясь участвовать в политических спорах, затем все более и более дерзко провозглашал благую весть о покаянии, вере и спасении. Некоторые из его слушателей думали, что это — Иоанн, восставший из мертвых ⁴⁹.

Нам трудно смотреть на него объективно не только потому, что свидетельства, которыми мы располагаем, восходят к его почитателям, но и потому, что наше нравственное наследие и идеалы настолько тесно связаны с его жизнью и сформированы на его примере, что нам больно искать какие-либо недостатки в его характере. Его религиозное мироощущение было настолько всеохватывающим, что он строго осуждал тех, кто не разделял его проповеди. Он мог простить любой изъяз, кроме неверия. В Евангелиях мы встречаем несколько горьких пассажей, которые плохо согласуются с тем, что нам известно о Христе по другим сведениям. По-видимому, он без всяких колебаний и сомнений принимал самые грубые современные ему представления о вечных адских муках (неугасимом огне и ненасытных червях), которыми казнятся безбожники и нераскаявшиеся грешники ⁵⁰. Он без малейшего негодования говорит о бедняке на небе, которому не позволено поделиться даже каплей воды с богачом, страдающим в аду ⁵¹. Он дает великодушный совет: «Не судите и не судимы будете», но проклинает людей и города, не принявшие его благовествования, и смоковницу, не способную принести плода ⁵². Возможно, он был несколько жесток по отношению к матери ⁵³. Он был исполнен скорее пуританского пыла иудейского пророка, чем всеохватывающего милосердия и кротости греческого мудреца. Его убеждения сносили его; праведническое негодование то и дело заставляло его отказаться от своей глубокой человечности; его ошибки были необходимой платой за дарованную ему веру, которой удалось перевернуть мир.

Во всем прочем он был человеком, достойным величайшей любви. У нас нет его изображения, и евангелисты не описывали его лица; но, должно быть, он был весьма миловиден, а его дух был способен притягивать к себе множество мужчин и женщин. Из рассеянных по Евангелиям замечаний мы можем заключить, что он, как и большинство мужчин той эпохи, носил под плащом тунику, обувался в сандалии и, может быть, прикрывал голову от солнца холщовым головным убором ⁵⁵. Многие женщины чувствовали исходящую от него нежность и симпатию, которая возбуждала в них беззаветную преданность. Тот факт, что только Иоанн рассказывает историю о женщине, уличенной в прелюбодеянии, вовсе не является доводом против его истинности; он не имеет ничего общего с теологией Иоанна * и находится в полном согласии с характером

* Иоан, VII, 52 сл. Этот эпизод находят также в некоторых древних рукописях Марка и Луки; он был удален из позднейших текстов, возможно, из страха перед поощрением безнравственности ⁵⁶.

Христа. Столь же прекрасен и столь же недоступен творческой фантазии евангелистов рассказ о проститутке, которую взволновала та готовность, с какой Христос принимает раскаявшихся грешников, и которая опустилась перед ним на колени, умастила его ноги дорогим мирром, омыла их слезами и обтерла их волосами; о ней Иисус сказал: «Грехи ее прощены, ибо велика ее любовь»⁵⁷. Сообщают, что матери подводили к нему детей, чтобы он дотронулся до них; и он «брал детей на руки, касался их перстами и благословлял»⁵⁸.

В отличие от пророков, ессеев и Крестителя, он не был аскетом. В Евангелиях говорится о том, как он в изобилии снабдил вином брачное пиршество, что жил он «с мытарями и грешниками» и принял в свое общество Магдалину. Он не был враждебен простым радостям бытия, хотя был неестественно строг к влечению мужчины к девушке. Иногда он принимал участие в пиршествах, устраивавшихся в домах богачей. Обычно, однако, он вращался среди бедняков, даже среди почти неприкасаемых Амхаарец, которых так презирали и чуждались саддукеи и фарисеи. Понимая, что богачи никогда не примут его учения, он основывался в своих надеждах на перевороте, который сделает бедных и смиренных высшими в грядущем Царстве. Он напоминал Цезаря лишь тем, что был на стороне низших классов, да еще глубиной своего милосердия; в остальном они были отделены друг от друга целым миром — несходством взглядов, характеров и интересов. Цезарь надеялся улучшить людей, реформируя установления и законы, Христос желал реформировать установления и уменьшить число законов, улучшая людей. Цезарь слишком легко впадал в гнев, но его эмоции всегда находились под контролем проницательного интеллекта. Иисус также не был лишен рассудительности: на каверзные вопросы фарисеев он отвечал с ловкостью настоящего законника, и в то же время его ответы были исполнены мудрости; никому не удавалось смутить его, даже перед лицом смерти. Однако его духовные силы опирались не на интеллект, зависели не от знания. Они восходили к остроте восприятия, напряженности чувствования и предопределенности его устремлений. Он не притязал на всеведение; события могли оказаться для него неожиданностью; и только его убежденность и энтузиазм приводили к тому, что он переоценивал свои силы, как в Назарете и Иерусалиме. Однако исключительность его способностей, по-видимому, доказывается его чудесами.

Вероятно, в большинстве случаев они представляли собой результат внушения — влияния сильного и уверенного в себе духа на впечатлительные души. Само его присутствие тонизировало; от его радостного прикосновения у слабого прибавлялось сил, а большой выздоравливал. Тот факт, что схожие истории рассказываются также о других легендарных или исторических персонажах⁵⁹, вовсе не доказывает мифичность творившихся Христом чудес. За немногими исключениями они не лишены правдоподобия; схожие явления можно ежедневно наблюдать в Лурде и, несомненно, во времена Иисуса они случались в Эпидавре и других центрах психического врачевания в античном мире. Апостолы также умели излечивать схожие недуги. Психологическая природа чудес доказывается двумя деталями: сам Христос приписывает излечение «вере» тех, кого он исцелил; ему не удалось совершать чудеса в Назарете, ибо местные жители видели в нем, судя по всему, «сына плотника» и отказывались верить в его необыкновенные способности; отсюда его замечания: «Всюду пророк в почете, только не у

себя на родине и не дома»⁶⁰. Евангелисты сообщают о Марии Магдалине, из которой «были изгнаны семь демонов». Иными словами, она страдала от нервных расстройств и припадков; в присутствии Христа болезнь, по-видимому, стихала, и потому Мария любила Иисуса как того, кто вернул ее к жизни, близость к которому помогала ей сохранять здравость рассудка. В случае с дочерью Иаира Христос открыто сказал, что она не мертва, но спит — возможно, в каталептическом состоянии; призывая ее пробудиться, он воспользовался не своей обыкновенной мягкостью, но резким приказом: «Девочка, встань!»⁶¹. Все это не означает, что Иисус рассматривал свои чудеса как чисто естественные явления; он чувствовал, что способен производить их лишь благодаря тому божественному духу, что пребывал в нем. Мы не знаем, ошибался ли он; мы все еще не можем указать пределы потенциальных способностей, таящихся в мысли и воле человека. Сам Иисус, по-видимому, испытывал физическую усталость по совершении своих чудес. Он неохотно брался за них, запрещал своим последователям широко оповещать о них, упрекал людей, которым потребны «знаки», и сожалел о том, что даже апостолы, избранные им, признают его главным образом ввиду совершаемых им «чудес».

Эти люди едва ли относились к тому человеческому типу, который мог быть избран для того, чтобы переделать мир. Евангелия реалистически живописуют различие их характеров и честно говорят об их недостатках и ошибках. Они были откровенно амбициозны; чтобы их успокоить, Христос пообещал, что на Страшном Суде они будут восседать на двенадцати тронах и судить двенадцать колен Израилевых⁶². После того как Креститель был заточен в темницу, один из его последователей, Андрей, присоединился к Иисусу и привел с собой брата Симона, которому Иисус дал прозвище «Кефас» — «скала»; греки перевели это слово как Петр (Petros). Петр — глубоко человек; он порывист, серьезен, великодушен, завистлив, временами робок настолько, что проявляет простительную трусость. Он и Андрей рыбачили на Галилейском море; два сына Зеведеевых также были рыбаками — Иаков и Иоанн; эти четверо оставили свое ремесло и семьи, чтобы стать ближайшими сподвижниками Христа. Матфей был сборщиком податей в пограничном городке Капернауме; он был «мытарем», или человеком, вовлеченным в общественную или государственную коммерческую деятельность, то есть находился на службе у Рима и был ненавидим всеми иудеями, страстно жаждавшими свободы. Иуда Искариот был единственным из апостолов, кто происходил не из Галилеи. Двенадцать объединили свои имущества и поручили Иуде заведовать этим общим фондом. Следуя за Христом в его миссионерских странствиях, они жили под открытым небом, время от времени собирали пищу с полей, мимо которых проходили, и принимали гостеприимство обращенных и друзей. В дополнение к двенадцати Иисус назначил семьдесят двух своих последователей учениками и посылал двоих из них в каждый город, который собирался посетить. Он наставляет их не брать с собой «ни кошель, ни котомки, ни обуви»⁶³. Добрые и благочестивые женщины присоединялись к апостолам и ученикам, поддерживали их материально и выполняли для них те хлопотные домашние обязанности, которыми, к величайшему утешению мужчин, обычно заведуют их жены. Через этот крохотный отряд, состоящий из неграмотной черни, Христос послал миру свою благую весть.

IV. ЕВАНГЕЛИЕ

Он учил своих слушателей с той простотой, в которой они нуждались: он рассказывал занимательные истории, поучительный смысл которых надолго оставался в памяти, предпочитал доказательной аргументации острые афоризмы и непревзойденно владел сравнениями и метафорами. Используемая им притчевая форма не была на Востоке чем-то необыкновенным, и некоторые из его очаровательных аналогий восходят (сам он, возможно, этого не осознавал) к пророкам, псалмопевцам и раввинам⁶⁴; и тем не менее прямота его речи, живая и красочная образность, искренность и теплота характера возвысили его изречения до вдохновеннейшей поэзии. Некоторые из его слов темны, некоторые кажутся на первый взгляд несправедливыми⁶⁵, некоторые исполнены острого сарказма и горечи; почти все они являются образцами краткости, ясности и силы.

Отправной точкой для Иисуса послужила Благая Весть Иоанна Крестителя, которая, в свою очередь, опиралась на откровения Даниила и Еноха; *historia non facit saltum*. Царство Божие близко, утверждал он; Бог вскоре положит конец царству зла на земле; Сын Человеческий придет «по облакам небесным» судить все человечество — и живых и мертвых⁶⁶. Время, отпущенное на покаяние, проходит; те, что покаяться, жили праведно, любили Бога и уверовали в его посланника, наследуют Царство и будут восстановлены во власти и славе, когда мир навсегда избавится от зла, страдания и смерти.

Так как все эти идеи были хорошо знакомы его слушателям, Христос не давал им четких определений, и сегодня его концепцию затемняют многие трудные для понимания частности. Что он подразумевал под Царством? Сверхприродное небо? По-видимому, нет, ибо апостолы и ранние христиане единодушно ожидали земного царства. Такова была иудейская традиция, наследованная Иисусом; и он учил своих последователей молиться Отцу: «Да придет Царство Твое, Да будет воля Твоя на небе и на земле». Только после того, как эта надежда не сбылась, Иисус Евангелия от Иоанна скажет: «Царство Мое не от мира сего»⁶⁷. Имел ли он в виду духовное состояние или материалистическую утопию? Иногда он говорил о Царстве как о душевном покое, который обретен чистым и беспорочным⁶⁸, — «Царство Божие внутри вас»⁶⁹. В других случаях он изображает его счастливым будущим обществом, во главе которого будут стоять апостолы, а тем, что отдали или пострадали за Христа, — воздастся стократно⁷⁰. Кажется, что моральное совершенство могло обозначать Царство только метафорически — как приуготовление и воздаяние за Царство и как состояние всех спасенных душ в пришедшем Царстве⁷¹.

Когда придет Царство? Скоро. «Мне уже не пить вино — плод виноградной лозы. Я буду пить новое вино в Царстве Бога»⁷². «Не успеете обойти все города в Израиле, как придет уже Сын человеческий», — говорит он своим последователям⁷³. Позднее он относит приход Царства к более отдаленному времени: «Есть среди стоящих здесь такие, кто не успеет узнать смерти, как уже увидят Сына человеческого, пришедшего на царство»⁷⁴. «Не пройдет еще это поколение, как свершится все объявленное»⁷⁵. Изредка он благоразумно предупреждает апостолов: «А о дне том и часе не знает никто: ни ангелы на небесах, ни Сын — знает один Отец!»⁷⁶ Предшествовать Царству будут определенные знамения: «Вы услышите о ближних и дальних войнах... Восстанет

народ на народ и царство на царство, будет голод и землетрясения всюду... Многие тогда откажутся от веры и будут друг друга предавать и ненавидеть. Много лжепророков явятся в те времена и многих введут в обман. Из-за того, что умножится зло, у многих остынет любовь»⁷⁷. Временами Иисус ставит пришествие Царства в зависимость от того, как скоро обратится человек к Богу и справедливости; как правило, он представляет этот приход деянием Бога, внезапным и чудесным даром божественной благодати.

Многие видели в Царстве коммунистическую утопию, а в Христе социального революционера⁷⁸. Евангелия содержат некоторые детали, подкрепляющие это воззрение. Несомненно, Христос презирал людей, главной целью которых было накопление денег и богатства⁷⁹. Он обещал голод и скорьбь богатым и сытым и утешал бедняков заповедями блаженства, которые обеспечат им Царство. Богатому юноше, который спрашивал его, что следует делать помимо соблюдения заповедей, Христос ответил: «Продай имущество, раздай деньги бедным и... следуй за мной»⁸⁰. Очевидно, апостолы понимали Царство как революционное изменение существующих отношений между богатыми и бедными на обратные; мы обнаружим, что они и ранние христиане жили коммунистическими общинами, где «все было общим»⁸¹. Обвинение, которое привело к осуждению Иисуса, гласило, что он замышляет сделаться «Царем иудеев».

Но и консерватор в подтверждение своих взглядов может цитировать Новый Завет. Христос сделал своим другом Матфея, который оставался агентом римской державы; он не критиковал гражданское правительство, нам ничего не известно о том, чтобы он принимал какое-либо участие в борьбе евреев за национальное освобождение; он рекомендовал покорную уступчивость, в чем не обнаружить ни малейшего привкуса политического радикализма. Он советовал фарисеям «воздавать Кесарю Кесарево, а Богу Богово»⁸². Его притча о человеке, который, прежде чем отправиться в путешествие, «созвал своих рабов и передал свое имущество в их руки»⁸³, не содержит никаких сетований по поводу процентов или рабства, но принимает эти установления как нечто само собой разумеющееся. Христос, несомненно, одобряет раба, который вложил десять мин (600 долларов), доверенных ему хозяином, и нажил десять новых; он порицает раба, оставленного с одной миной и хранившего ее в тайнике до приезда хозяина, так ничего и не нажив; он вкладывает в уста хозяина суровое замечание: «У кого есть, тому дадут еще, а у кого нет, у того и то, что есть, отнимут»⁸⁴. Не правда ли, превосходное изложение основ рыночных операций, а может стать, и мировой истории? В другой притче работники «роптали на нанимателя», ибо он тому, кто проработал час, заплатил столько же, сколько и тому, кто проработал целый день; наниматель отвечает: «Разве я не вправе поступать со своими деньгами, как захочу?»⁸⁵ Иисус, по-видимому, не задумывался об уничтожении бедности: «Всегда рядом с вами будут бедняки». Как и все древние, он считает самоочевидным, что обязанность раба — хорошо служить своему господину: «Блажен раб, которого его хозяин застает по возвращении при исполнении того, что ему было поручено»⁸⁶. Он не стремится к тому, чтобы нападать на существующие экономические или политические установления; напротив, он осуждает те горячие головы, которые «хотели бы завладеть Царством Небесным при помощи насилия»⁸⁷. Революция, которой он чаял, была чем-то неизмеримо более глубоким, без чего всякие реформы — поверхностны и преходящи. Если бы ему

удалось очистить человеческое сердце от эгоистических устремлений, жестокости и похоти, утопия наступила бы сама собой, и все те институты, которые проистекают из человеческой жадности и жестокости и следующей из них необходимости закона, распались. Поскольку эта революция стала бы самой радикальной из всех революций, рядом с которой все остальные показались бы заурядными *переворотами*, в ходе которых один класс вытесняется другим и, в свою очередь, становится объектом эксплуатации, постольку Христос — в духовном смысле — был величайшим революционером в истории.

Его свершение заключается не в том, что он возвестил новое государство, но в том, что он очертил нравственный идеал. Его этический кодекс обязан своими постулатами убежденности в скором пришествии Царства⁸⁸, а его главная задача — сделать людей достойными вступления в него. Отсюда заповеди блаженства, в которых подняты на недостижимую высоту смирение, бедность, кротость и мир; совет подставить другую щеку и быть «как дети малые» (не образцами добродетели!); равнодушие к экономической предусмотрительности, собственности и форме правления; предпочтение безбрачия супружеству; требование отказаться от всех семейных уз; все это — не свод предписаний, годных для обыденной жизни, но полумонашеский устав, который делает мужчин и женщин достойными божественного избранничества и вступления в грядущее Царство, где не будет ни закона, ни брака, ни половых отношений, ни имущества, ни войны. Иисус восхвалял тех, кто «оставил дом, родителей, братьев, жену или детей», даже тех, «кто оскотил себя ради Царствия Небесного»⁸⁹. Очевидно, что все эти требования относились к преданному религиозному меньшинству, а не ко всему обществу. Цели этой этики были ограничены, но ее масштаб — универсален, ибо здесь концепция братства и Золотое Правило применялись не только к соседям и друзьям, но также и к чужакам и противникам. В ней воплотилось предвещание того времени, когда люди станут почитать Бога не в храмах, но «в духе и в истине», каждым своим поступком, а не преходящими словесами.

Были ли эти нравственные идеи новыми? Новой явилась лишь их взаимосвязанность. Центральная тема проповеди Христа — приближающиеся Суд и Царство — уже по меньшей мере столетие звучала среди иудеев. Задолго до него закон призывал к братству: «Люби своего ближнего, как самого себя», — читаем в Книге Левит; даже «пришлец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш; люби его, как себя»⁹⁰. В Книге Исход иудеям приказано делать добро своим врагам; добрый иудей вернет заблудившегося быка или осла даже «врагу, который ненавидит его»⁹¹. Пророки также ставили добродетельную жизнь выше всякого ритуала; и Исаия⁹⁴ и Осия⁹⁵ положили начало преображению Яхве из Господа Сил в Бога Любви. Хиллел, как Конфуций, сформулировал Золотое Правило. Не следует упрекать Иисуса в том, что он унаследовал и использовал богатую нравственную мудрость своего народа.

Долгое время Христос считал себя иудеем, и никем другим; он разделял идеи пророков, продолжал то, что было начато ими, как и они, проповедовал только иудеям. Напрасная учеников распространять его Евангелие, он посылал их только в еврейские города: «Избегайте дорог, ведущих к язычникам, и в самарянский город не заходите»⁹⁶. Поэтому-то апостолы после его смерти долго не решались принести Благою Весть «языческому» миру⁹⁷. Встретив у источника самаритянку, он сказал: «Спасение принадлежит евреям»⁹⁸ — хотя

мы не должны осуждать его за слова, которые, возможно, были вложены в его уста человеком, не являвшимся очевидцем этой беседы и писавшим через шестьдесят лет после событий. Когда некая ханаанейка попросила его исцелить ее дочь, он отказал ей сначала, сказав: «Я послан только к заблудшим овцам Израиля»⁹⁹. Он приказал прокаженному, которого исцелил, «пойти к священнику... и принести дар, предписываемый Моисеем»¹⁰⁰. «Слушайтесь законников и фарисеев и во всем поступайте так, как они вам велят, но делам их не подражайте»¹⁰¹. Предлагая видоизменения и смягчение иудейского Закона, Иисус, как и Хиллел, отнюдь не считал, что тем самым подрывает Закон. «Я пришел не разрушить Закон Моисея, но исполнить его»¹⁰². «Пока не исчезли земля и небо, даже самая малая буква * не пропадет в Законе»^{103 **}.

И тем не менее сила его характера и чувствования привели к полной трансформации Закона. Он добавил к нему предписание готовиться к Царству, ведя справедливую, добрую и скромную жизнь. Он ужесточил предписания Закона относительно пола и развода¹⁰⁵, но смягчил их, требуя легче прощать¹⁰⁶ и напоминая фарисеям, что суббота создана для человека, а не наоборот¹⁰⁷. Он сделал менее тягостным диетический кодекс и отказался от некоторых постов. Он вернул религию от ритуала к нравственному содержанию жизни и презирал показные молитвы, напускное милосердие и пышные похороны. Временами складывалось впечатление, что пришествие Царства ознаменуется отменой иудейского Закона¹⁰⁸.

Иудеи всех направлений, за исключением ессеев, сопротивлялись его новшествам; особенно их раздражало то, что он присвоил себе авторитет отпустить грехи и говорить от имени Бога. Они с негодованием взирали на то, что за одним столом с Иисусом сидят ненавистные римские мытари и женщины с дурной славой. Жрецы храма и члены синедриона взирали на его деятельность с подозрением; как и Ирод в случае с Иоанном, они считали эту деятельность прикрытием революционных политических устремлений. Они боялись, как бы римский прокуратор не обвинил их в небрежении и забвении своей ответственности за поддержание общественного порядка. Они были напуганы обещанием Христа разрушить храм, так как не были до конца уверены в том, что это всего лишь метафора. Христос, в свою очередь, осуждал их в речах горьких и гневных:

Учителя Закона и фарисеи... громоздят ношу на ношу и взваливают их на плечи людей, а сами и пальцем о палец не ударят. А если что и делают, то лишь для того, чтобы это видели люди. Как широки их молитвенные повязки на лбу и на руках, как длинные кисти на платье! Они любят во время пиров возлежать на почетных местах, сидеть в первом ряду в синагогах... Горе вам, учителя Закона и фарисеи! Лицемеры! ...Горе вам, слепые поводыри! ...Слепые глупцы!.. самое главное в Законе: справедливость, милосердие и верность — отбрасываете... Вы чистите снаружи чашу и блюдо, а внутри они наполнены тем, что вы в своей алчности награбили!.. Горе вам, учителя Закона и фарисеи! Лицемеры! Вы как побелен-

* Точка, обозначающая гласный звук и помещаемая над еврейским согласным.

** Эти пассажи могут являться интерполяциями иудео-христиан, стремившихся дискредитировать Павла¹⁰⁴; однако подобное предположение может оказаться произвольным.

ные гробницы... снаружи вы кажетесь людям праведниками, а внутри полны лицемерия и порока... вы — сыновья тех, кто убивал пророков. Так завершайте то, что начали ваши отцы! Вы, змеи и отродье змеиное! Не избежать вам осуждения и ада!.. сборщики податей и продажные женщины раньше вас войдут в Царство Бога ¹⁰⁹.

(Перевод В.Н. Кузнецовой)

Был ли Иисус справедлив к фарисеям? Возможно, среди них были и те, кто заслуживал подобного поношения; вероятно, немало среди них имелось и тех, кто, как бесчисленные христиане несколько столетий спустя, подменял внутреннюю благодать внешним благочестием. Однако было и немало фарисеев, считавших, что закон следует смягчить и гуманизировать ¹¹⁰. Можно думать, что большинство членов секты были людьми искренними, в меру порядочными и почтенными, которые полагали, что церемониальные законы, презируемые Иисусом, должны рассматриваться не сами по себе, но как часть того кодекса, что обеспечивает единство иудейского народа, его гордость и достоинство посреди враждебного мира. Некоторые фарисеи симпатизировали Иисусу и предупреждали его о заговорах с целью его погубить ¹¹¹. Никодим, один из приверженцев Иисуса, был богатым фарисеем.

Последней каплей стало растущее убеждение Иисуса в том, что именно он является Мессией, и открытое провозглашение этого. Сначала его приверженцы видели в Христе преемника Иоанна Крестителя; постепенно они начали верить в то, что имеют в его лице дело с долгожданным Спасителем, который избавит Израиль от римского рабства и установит Царство Божие на земле. «Не в сие ли время, Господи,— спрашивали они его,— восстанавлиаешь Ты царство Израилью?» ¹¹² (синодальный перевод). Он же им отвечал: «Не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти»; и столь же расплывчатый ответ дал он посланцам Крестителя, которые спрашивали его: «Не ты ли тот, кому было суждено явиться?» (Чтобы не дать своим последователям повода видеть в нем политического Мессию, он отрицал свое происхождение из рода Давидова ¹¹³. Однако со временем напряженные ожидания его последователей и открытие им своих необыкновенных психических способностей, по-видимому, убедили Иисуса в том, что он послан Богом, но не для восстановления независимости Иудеи, а для того, чтобы приготовить людей к грядущему правлению Бога на земле). В синоптических Евангелиях он не отождествлял и не приравнивал себя к Отцу. «Почему ты называешь меня добрым? — спрашивал он.— Один Бог добр» ¹¹⁴. «Но пусть не так будет, как хочу Я, а как Ты»,— молится он в Гефсиманском саду ¹¹⁵. Он воспользовался словосочетанием «Сын Человеческий», которое употреблялось Даниилом ¹¹⁶ в качестве синонима Мессии; сначала он прилагал его к себе, но в конце концов стал относить его к себе в таких фразах, как «Сын Человеческий — господин субботы», что не могло не являться в глазах фарисеев величайшим богохульством. Он говорил иногда о Боге как об Отце, однако не имел в виду исключительно себя; временами, однако, он говорил о «моем Отце», несомненно, давая понять, что является сыном Бога в каком-то особом смысле или степени ¹¹⁸. Он долго запрещал ученикам называть себя Мессией; но в Цезарее Филипповой он одобрил Петра, признавшего в нем «Христа, Сына Бога Живого» ¹¹⁹. Когда в последний понедельник перед своей смертью

он приближался к Иерусалиму, чтобы в последний раз обратиться к народу, «толпа учеников» приветствовала его словами: «Благословен царь, приходящий во имя Господа». Когда же некоторые фарисеи просили его осудить такое приветствие, он ответил: «Поверьте, если умолкнут они, закричат камни»¹²⁰. Четвертое Евангелие сообщает, что толпа прославляла Иисуса, величая его «Царем Израиля»¹²¹. Очевидно, последователи по-прежнему считали его политическим Мессией, который сокрушит могущество Рима и отдаст первенство Иудее. Именно эти возгласы обрекли Христа на смерть революционера.

V. СМЕРТЬ И ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Приближался праздник Пасхи, и в Иерусалим съезжалось множество иудеев, собиравшихся совершить жертвоприношение в Храме. Внешний двор святилища переполнили шумные продавцы, которые торговали голубями и другими жертвенными животными, а также менялы, которые предлагали посетителям приличествующую Храму монету взамен идолопоклоннических денег римского государства. Посетив Храм на следующий день после въезда в город, Иисус был шокирован меркантилизмом и суматохой вокруг лавок. Вскипев негодованием, он вместе со своими сторонниками опрокинул столы менял и торговцев голубями, рассыпал их монеты по земле и розгами прогнал торговцев со двора. В течение нескольких дней после этого он учил в Храме, и никто ему не мешал¹²²; однако по ночам он покидал Иерусалим и останавливался на Масличной Горе, опасаясь ареста или убийства.

Агенты правительства — гражданского и духовного, римского и иудейского — наблюдали за ним, вероятно, с тех самых пор, как он подхватил миссию Иоанна Крестителя. Ему не удалось окружить себя многочисленными приверженцами, и они решили было, что его можно проигнорировать; однако горячий прием, устроенный ему в Иерусалиме, по-видимому, заставил задуматься иудейских лидеров. Не приведет ли это возбуждение, которым охвачены толпы собравшихся на Пасху эмоциональных патриотов, к преждевременному и бессмысленному восстанию против римской власти, а в конечном счете — к подавлению самоуправления и религиозной свободы Иудеи? Первосвященник созвал синедрион и выразил мнение, что «лучше одному человеку умереть за весь народ, чем народу погибнуть из-за одного человека»¹²³. Большинство присутствующих согласилось с ним, и Совет приказал арестовать Христа.

Какие-то известия об этом решении, по-видимому, достигли Иисуса; вероятно, о нем сообщили те, что остались на заседании синедриона в меньшинстве. На четырнадцатый день еврейского месяца Нисан (наше третье апреля), вероятно, в 30 г. * Иисус и его апостолы устроили Седер, или пасхальную трапезу. Они ожидали, что Господин освободит себя при помощи своих чудотворных сил; он, напротив, принял свою судьбу и, может быть, надеялся, что смерть его будет принята Богом как искупительная жертва за

* Продолжительность Иисусовой миссии является остродискуссионным вопросом, как и год его смерти. Мы уже видели, что Лука датирует крещение Иисуса 28—29 гг. Хронология Павла, основывающаяся на его собственных утверждениях в Послании к Галатам (I—II), хронология прокураторов, рассматривавших его дело, и свидетельство традиции о его смерти в 64 г., очевидно, требуют датировать обращение Павла 31-м годом. См. гл. XXVII.

грехи его народа¹²⁴. Ему сообщили, что один из Двенадцати намеревается выдать его; на этом последнем ужине он открыто обвинил в предательстве Иуду Искарота *. В соответствии с иудейским ритуалом он благословил (греч. *eucharistisai*) вино, которое дал испить апостолам; затем они исполнили иудейскую ритуальную песнь *Nallel*¹²⁷. Он сказал им, сообщает Иоанн, что ему «недолго осталось быть с вами: Я даю вам новую заповедь: любите друг друга... Пусть сердце ваше покинут тревоги. Вы верите в Бога, так верьте и Мне! В доме Отца Моего комнат много... Я уйду приготовить вам место»¹²⁸. Вполне правдоподобным представляется и то, что в столь торжественный момент он просил их периодически повторять эту вечерю (как требовал иудейский обычай) в память о нем. Не лишено правдоподобия и то обстоятельство, что с по-восточному напряженной и эмоциональной метафоричностью он просил их думать о хлебе как о его теле, а о вине — как о его крови.

Той ночью, повествуют Евангелия, этот маленький отряд прятался в Гефсиманском саду за пределами Иерусалима. Здесь их застало подразделение храмовой стражи¹²⁹, которое и арестовало Иисуса. Сначала его отвели в дом Анны, бывшего первосвященника, затем к Каиафе; согласно Марку, «Совет» — вероятно, некий комитет синедриона — уже собрался в его доме. Были опрошены различные свидетели, дававшие показания против него; особенно важным было упоминание о его угрозе разрушить Храм. Когда Каиафа спросил его, не он ли Мессия, Сын Божий, Иисус, сообщает евангелисты, ответил: «Это ты сказал»¹³⁰. Утром собрался синедрион, который признал его виновным в богохульстве (в те времена уголовное преступление) и решил отвести его к римскому прокуратору, явившемуся в Иерусалим, чтобы держать под наблюдением пасхальные толпы.

Понтий Пилат был суровым человеком; позднее он будет вызван в Рим, где ему предъявят обвинения в вымогательстве и жестокости¹³¹, из-за чего он будет снят со своего поста. И тем не менее он не увидел в этом кротком проповеднике настоящей угрозы государству. «Ты — Царь евреев?» — спросил он. Иисус ответил уклончиво: «Ты сказал» (*sy eipas*). Такие детали, сообщенные, по-видимому, на основании слухов и много позднее самого события, следует считать сомнительными; если принять достоверность текста, следует заключить, что Иисус решил умереть, и теория Павла об искуплении имела какое-то основание в личности самого Христа. Иоанн добавляет, что Иисус еще сказал: «Я для того родился и для того пришел в мир, чтобы быть свидетелем истины». — «Что есть истина?» — спросил прокуратор¹³³; возможно, этот вопрос объясняется метафизической направленностью Четвертого Евангелия, однако он превосходно демонстрирует пропасть между искушенной и циничной культурой римлянина и горячим и доверчивым идеализмом иудея. Как бы то ни было, после признания Христа закон требовал его осуждения, и Пилат неохотно вынес ему смертный приговор.

Распятие было римской, а не иудейской формой наказания. Обычно ему предшествовало бичевание, которое в том случае, если его доверяли дотошному исполнителю, превращало человеческое тело в массу распухшего и кровоточащего мяса. Римские солдаты короновали Христа терновым венцом, издеваясь над его царским достоинством («Хорош Царь Иудеи, ничего не скажешь!») и прибили к его кресту надпись на арамейском, греческом и латыни:

* Против рассказа об Иуде выдвинуто много возражений¹²⁵, но все они не убеждают¹²⁶.

Iesus Nazarathaeus Rex Iudaeorum. Был Христос революционером или нет, но Рим осудил его именно в этом качестве. Тацит понимал суть дела в том же ключе¹³⁴. Небольшая толпа, какую был способен вместить двор Пилата, требовала немедленной казни Христа; но теперь, когда он взбирался на холм Голгофу, «за ним следовало множество народа», сообщает Лука, и множество женщин били себя в грудь, оплакивая его. Совершенно очевидно, что приговор не вызвал одобрения в еврейском народе.

Все, кто желал присутствовать при жутком зрелище, вольны были прийти. Римляне, считавшие необходимой политику устрашения, карали преступлений тех, кто не являлся римским гражданином, казнью, которую Цицерон называл «самой жестокой и отвратительной из пыток»¹³⁶. Руки и ноги преступника привязывались (реже пригвождались) к дереву; выступающий блок поддерживал позвоночник или ноги казнимого; если жертва не устаивалась милосердной смерти, она могла протомиться на кресте два-три дня, страдая от неподвижности, не в силах смахнуть насекомых, вгрызающихся в обнаженную плоть, постепенно теряя силы, до тех пор, пока не остановится сердце и не наступит конец. Даже римляне иногда сжаливались над жертвой и давали ей притупляющий боль и чувства напиток. Крест, сообщая нам, был воздвигнут «в третьем часу», то есть в девять утра. Марк говорит, что рядом с Иисусом были распяты двое разбойников, которые «поносили его»¹³⁷; Лука уверяет, что один из них молился ему¹³⁸. Из всех апостолов здесь был только Иоанн; с ним — три Марии: мать Христа, ее сестра Мария и Мария Магдалина; «было также несколько женщин, смотревших издали»¹³⁹. Следуя римскому обычаю¹⁴⁰, солдаты делили одежду умирающего; а так как у Христа она была единственная, солдаты бросили жребий. Возможно, здесь мы сталкиваемся с интерполяцией, навеянной словами Псалма (XXII, 18): «Делят ризы мои между собою, и об одежде моей бросают жребий» (*синодальный перевод*). Тот же псалм начинается словами: «Боже Мой, Боже Мой, почему ты меня оставил?» — именно это выражение человеческого отчаяния приписывают Марк и Матфей умирающему Христу. Может ли быть, что в эти горькие мгновения та великая вера, что поддерживала его перед Пилатом, поблекла и заволокла черным сомнением? Лука, возможно, найдя эти слова противоречащими теологии Павла, поставил вместо них: «Отче, в руки Твои предаю дух мой». Здесь тоже чувствуется явный отголосок Псалма XXXI, 5, что внушает подозрения относительно аутентичности этих слов.

Солдат, сжавшись над жаждущим Христом, поднес к его устам губку, смоченную в винном уксусе. Иисус отпил и сказал: «Свершилось». В девятом часу — три часа дня — он «вскричал громко и испустил последний вздох». Лука добавляет — вновь приоткрывая завесу над симпатиями иудейского населения, — что «весь народ, собравшийся на это зрелище... разошелся по домам, бия себя в грудь»¹⁴¹. Два милосердных и богатых иудея, заручившись разрешением Пилата, сняли тело с креста, умастили его алое и мирром и поместили в гробницу.

Был ли он действительно мертв? Двое грабителей рядом с ним были еще живы; солдаты перебили им ноги, так что основная нагрузка приходилась на руки, что затрудняло кровообращение и вело к остановке сердца. В случае с Иисусом этого сделано не было, хотя нам и сообщают, что солдат пронзил его грудь копьем, «и тотчас потекли кровь и вода». Пилат с удивлением

встретил известие о том, что человек умер через шесть часов после того, как был распят; он позволил снять Христа с креста лишь после того, как отвечавший за казнь центурион уверил его в смерти Христа.

Два дня спустя Мария Магдалина, всей душой любившая Христа, посетила гробницу с «Марией, матерью Иакова, и Саломеей». Гробница была пуста. «Устрашенные, но и обрадованные», они бросились сообщить об этом ученикам. На пути им встретился некто, кого они приняли за Иисуса; они поклонились ему и обняли его ноги. Легко представить, с какой надеждой и недоверием встретили их сообщение. Мысль о том, что Иисус одолел смерть и доказал тем самым, что он является Мессией и Сыном Бога, наполнила «галилеян» таким возбуждением, что теперь они были готовы принять любые чудеса и любое откровение. В тот же день, гласит предание, Христос повстречался двум ученикам на дороге в Эммаус; он говорил и ел с ними. Долгое время «им не удавалось узнать его...», но когда он «взял свой хлеб и благословил его... их глаза раскрылись и они узнали его, а он исчез от них»¹⁴². Ученики вернулись в Галлилею и вскоре после этого «увидели его и склонились перед ним, хотя некоторые еще испытывали сомнения»¹⁴³. Когда они ловили рыбу, они увидели, что к ним подошел Христос; они забросили сети и вытянули большой улов¹⁴⁴.

Через сорок дней после своего явления Марии Магдалине, утверждает начало Деяний Апостолов, Христос во плоти взошел на небо. Представление о святом, живым и телесным перенесенным на небо, было хорошо знакомо иудеям; подобные истории рассказывались о Моисее, Енохе, Илии и Исаии. Уход Господа был столь же таинствен, как и его приход. Большинство учеников, видимо, были искренне убеждены в том, что Он — после распятия — находился рядом с ними во плоти. «С великой радостью пошли они назад в Иерусалим,— говорит Лука,— и постоянно пребывали в Храме, восхваляя Бога»¹⁴⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Reinach S., *Short History of Christianity*, 22; Guignebert, Jesus, 63.

² Иосиф. *Древности*, XVIII, 3.

³ Scott, E., *First Age of Christianity*, 46; Schürer, I, 143. Этот вывод применим также и к славянскому переводу Иосифа. См.: Guignebert, указ. соч., 148.

⁴ Klausner, *Jesus*, 46; Goguel, 71.

⁵ Плиний Младший, V, 8.

⁶ Тацит. *Анналы*, XV, 44.

⁷ Goguel, 94; Klausner, 60.

⁸ Светоний. *Нерон*, 16.

⁹ Он же. *Клавдий*, 25.

¹⁰ Деяния Апостолов, XVIII, 2.

¹¹ См.: Goguel, 9, 184.

¹² Напр., *К Галатам*, I, 19; *Первое послание к Коринфянам*, IX, 5.

¹³ I Кор., XI, 23—26.

¹⁴ Там же, XV, 3; Гал., II, 20.

¹⁵ Евсебий. *Церковная история*, III, 39.

¹⁶ Напр., VI, 30—45; VIII, 1—13, 17—20.

¹⁷ Klausner. *From Jesus to Paul*, 260.

- ¹⁸ Schweitzer A. *Quest of the Historical Jesus*, 335.
¹⁹ Иреней. *Против ересей*, II, 1.3.
²⁰ Guignebert. *Jesus*, 30; САН, XI, 260.
²¹ Guignebert, 467.
²² Foakes-Jackson and Lake. *Beginnings of Christianity*, I, 268.
²³ Брит. энц., X, 537.
²⁴ Там же, XIV, 477.
²⁵ Частичное перечисление см.: Брит. энц., XIII, 95.
²⁶ Scott, *First Age*, 217; Брит. энц., XIII, 98; Goguel, 150; САН, XI, 261.
²⁷ Мф., II, 1; Лк., I, 5.
^{27a} Лк., III, 1, 23.
²⁸ Иосиф. *Войны*, II, 8.
²⁹ Тертуллиан. *Против Маркиона*, IV, 19.
³⁰ Брит. энц., V, 642; III, 525.
³¹ Мф., XIII, 55; Мк., VI, 2.
³² Guignebert. *Jesus*, 127, Klausner, 23.
³³ Иоан, VII, 15; Мк., VI, 2.
³⁴ Thorndike, 471.
³⁵ Брит. энц., XIII, 26.
³⁶ Guignebert. *Christianity*, 58.
³⁷ Иосиф. *Древности*, XIII, 5. Относительно аутентичности пассажа см. Foakes-Jackson and Lake, I, 101.
³⁸ Graetz, II, 145.
³⁹ Мф., III, 11–12.
⁴⁰ Там же, 23.
⁴¹ Иоан, IV, 2.
⁴² Иосиф. *Древности*, XVIII, 5.
⁴³ Мк., VI, 14–29.
⁴⁴ Мф., XIV, 1–12.
⁴⁵ Мк., I, 14; Мф., IV, 12.
⁴⁶ Лк., IV, 14.
⁴⁷ Исайя, LXI, 1–2.
⁴⁸ Лк., IV, 19.
⁴⁹ Лк., VI, 14.
⁵⁰ Мк., IX, 48; Мф., XIII, 37.
⁵¹ Лк., XVI, 25.
⁵² Мк., XI, 12–14.
⁵³ Мф., XII, 46; Лк., VIII, 19.
⁵⁴ Мк., I, 7; Мф., V, 40; Лк., VI, 29.
⁵⁵ Guignebert. *Jesus*, 186.
⁵⁶ Klausner, 69.
⁵⁷ Лк., VII, 36–59.
⁵⁸ Мк., X, 16.
⁵⁹ См.: Robertson, J.M. *Christianity and Mythology*.
⁶⁰ Мф., XIII, 57.
⁶¹ Мк., V, 35 сл.
⁶² Мф., XIX, 28.
⁶³ Лк., X, 1–4.
⁶⁴ Guignebert. *Jesus*, 52, 253; Goguel, 282.
⁶⁵ Напр., Мф., XX, 1–16.
⁶⁶ Мф., XXIV, 30.
⁶⁷ Иоан, XVIII, 30.
⁶⁸ Мк., IV, 11; 30; XII, 34.
⁶⁹ Лк., XVII, 20.

- ⁷⁰ Мф., XIX, 29.
- ⁷¹ См.: Schweitzer, 212; Guignebert, 341.
- ⁷² Мк., XIV, 25.
- ⁷³ Мф., X, 23.
- ⁷⁴ Мф., XVI, 28.
- ⁷⁵ Лк., XIII, 30.
- ⁷⁶ Мк., XIII, 32.
- ⁷⁷ Мф., XXIV, 6–12.
- ⁷⁸ См. напр.: Каутский К. *Происхождение христианства*; Kalthoff, A. *Rise of Christianity*.
- ⁷⁹ Мк., X, 23; Мф., VI, 25; XIX, 24; Лк., XVI, 13.
- ⁸⁰ Мф., XIX, 15.
- ⁸¹ Деяния, II, 44–45.
- ⁸² Мф., XXII, 21.
- ⁸³ Мф., XXV, 14.
- ⁸⁴ Лк., XIX, 26.
- ⁸⁵ Мф., XX, 15.
- ⁸⁶ Мф., XXIV, 46; Лк., XVII, 7–10.
- ⁸⁷ Мф., XI, 12.
- ⁸⁸ Мк., I, 14–15; VI, 12; Мф., X, 7.
- ⁸⁹ Лк., XVIII, 29; XIV, 26; Мф., VIII, 21 сл.; X, 34; XIX, 12.
- ⁹⁰ Левит, XIX, 17–18, 34.
- ⁹¹ Исход, XXIII, 4–5.
- ⁹² Иеремия, III, 30.
- ⁹³ Исайя, I, 6.
- ⁹⁴ Там же, I, 2.
- ⁹⁵ Осия, II, 1.
- ⁹⁶ Мф., X, 5.
- ⁹⁷ Деяния, X–XI.
- ⁹⁸ Иоан, IV, 22.
- ⁹⁹ Мф., XV, 24 сл.; Мк., VII, 27.
- ¹⁰⁰ Мф., VIII, 4.
- ¹⁰¹ Мф., XXIII, 1.
- ¹⁰² Мф., V, 17.
- ¹⁰³ Лк., XVI, 17; Мф., V, 18.
- ¹⁰⁴ Foakes-Jackson and Lake, I, 316.
- ¹⁰⁵ Мф., V, 31–32.
- ¹⁰⁶ Мф., V, 21–22.
- ¹⁰⁷ Мк., II, 25.
- ¹⁰⁸ Лк., XVI, 16; Мф., V, 18.
- ¹⁰⁹ Мф., XXIII, 1–34; XXI, 31.
- ¹¹⁰ Ср. Мк., XXII, 32–33, и Klausner, *Jesus*, 113.
- ¹¹¹ Лк., XIII, 31–33.
- ¹¹² Деяния, I, 6.
- ¹¹³ Мк., XII, 35–37.
- ¹¹⁴ Мф., XIX, 17.
- ¹¹⁵ Мф., XVI, 39.
- ¹¹⁶ Даниил, VII, 13.
- ¹¹⁷ Мф., XII, 8.
- ¹¹⁸ Мф., XI, 27; Лк., X, 22.
- ¹¹⁹ Мф., XVI, 16 сл.
- ¹²⁰ Лк., XIX, 37.
- ¹²¹ Иоан, XII, 13.
- ¹²² Мк., XIX, 49; Лк., XXI, 1; XXI, 37.
- ¹²³ Иоан, XI, 50.

- ¹²⁴ Мк., X, 45; XIV, 24.
¹²⁵ Напр., Guignebert. *Jesus*, 454; Brandes G., *Did Jesus Exist?*, 104.
¹²⁶ Ср.: Goguel, 497.
¹²⁷ Мк., XIV, 26; Klausner, 326.
¹²⁸ Иоан, XIII, 33.
¹²⁹ Мк., XIV, 43.
¹³⁰ Мк., XIV, 61; Мф., XXVI, 63.
¹³¹ Филон. *Посольство*, 38.
¹³² Мф., XXVII, 11.
¹³³ Иоан, XVIII, 38.
¹³⁴ Тацит. *Анналы*, XV, 44.
¹³⁵ Лк., XXIII, 26.
¹³⁶ Цицерон. *Пятая речь против Верреса*, 64.
¹³⁷ Мк., XV, 32.
¹³⁸ Лк., XXIII, 39—43.
¹³⁹ Иоан, XIX, 25; Мк., XV, 37.
¹⁴⁰ Юстиниан. *Дигесты*, XLVIII, 20.6.
¹⁴¹ Лк., XXIII, 48.
¹⁴² Лк., XXIV, 13—32.
¹⁴³ Мф., XXVIII, 16—17.
¹⁴⁴ Иоан, XXI, 4.
¹⁴⁵ Лк., XXIV, 52.

Апостолы

30—95 гг.

I. ПЕТР

ХРИСТИАНСТВО возникло из иудейской апокалиптики — эзотерических откровений о грядущем Царстве; ему был придан импульс личностью и пророческим даром Христа; вера в воскресение Иисуса и обещание вечной жизни — из них черпало оно силы; доктринальную форму оно приобрело в теологии апостола Павла; оно разрасталось, вбирая в себя языческую веру и ритуал; оно стало победноносной Церковью, унаследовав организационные структуры и гений Рима.

Очевидно, апостолы были единодушны в своей вере в то, что Христос вскоре вернется установить Царство Небесное на земле*. Первое послание Петра гласит: «Впрочем, близок всему конец. Итак, будьте благоразумны и бодрствуйте в молитвах»³ (*синодальный перевод*). «Дети! — гласит Первое послание Иоанна, — последнее время. И как вы слышали, что придет антихрист, и теперь появилось много антихристов [Нерон, Веспасиан, Домициан?], то мы и познаем из того, что последнее время»⁴ (*синодальный перевод*). Вера в мессианское служение, телесное воскресение и земное возвращение Христа составляли ядро раннехристианской веры. Это вероучение не препятствовало тому, что апостолы по-прежнему исповедовали иудаизм. «Изо дня в день, — читаем в Деяниях, — все они регулярно приходили в храм»⁵; они соблюдали диетические и церемониальные предписания⁶; они свидетельствовали о своей вере первоначально только перед иудеями и часто проповедовали во дворах храма⁷.

Они верили в то, что получили от Христа или Святого Духа сверхъестественные способности вдохновения, целительства и речи. Множество больных

* Нашим главным источником по этому периоду являются Деяния Апостолов. Общепризнано, что эта книга и Третье Евангелие написаны одним автором; однако гораздо меньше тех, кто склонен соглашаться с традицией, приписывающей оба произведения Луке, другу Павла из неиудеев. Так как Деяния не упоминают о смерти Павла, первоначальный текст мог быть составлен около 63 г. и представлять собой попытку смягчить враждебность Рима к христианству и Павлу; однако вероятно, что в дальнейшем повествование было дополнено позднейшим писателем. Здесь немало сверхъестественного, но в целом лежащий в основе Деяний рассказ может считаться исторически достоверным¹. Во втором веке разнообразные апокрифические Деяния и Послания добавили немало легенд к истории деяний апостолов после смерти Христа. Эти Деяния представляли собой исторические романы своего времени и не обязательно стремились ввести читателя в заблуждение. Церковь отвергала их, но верующие относились к ним с почтением, все более и более принимая их за подлинную историю.

Из семи писем, приписываемых в Новом Завете Двенадцати Апостолам, научная критика склонна принимать Первое послание Петра как в основе своей подлинное², отождествлять автора посланий Иоанна с автором Четвертого Евангелия, личность которого дискуссионна, и отвергать все остальные, подлинность которых сомнительна.

и немощных приходили к ним; некоторых вылечивали, по словам Марка ⁸, смазывая их маслом,— способ врачевания, всегда популярный на Востоке. Автор Деяний набрасывает трогательную картину доверчивого коммунизма, в котором жили эти первые христиане:

У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее... Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду ⁹.

Когда число прозелитов возросло, апостолы рукоположением назначили семь диаконов, на которых лежала обязанность управлять делами общины. Какое-то время иудейские власти терпели эту секту, считая ее небольшой и безвредной; но когда число «назареев» увеличилось за несколько лет со 120 до 8000 ¹⁰, священники всполошились. Петр и другие были арестованы и допрошены синедрионом; саддукеи хотели приговорить их к смерти, но фарисей по имени Гамалиил — вероятно, учитель Павла — посоветовал принять более взвешенное решение; в результате компромисса заключенных подвергли бичеванию и отпустили. Некоторое время спустя (30 г.?) один из рукоположенных диаконов Стефан был вызван на суд синедриона, где был обвинен в том, что «говорил хульные слова на Моисея и на Бога» ¹¹. Он защищался с безрассудной страстностью:

Жестоковейные! люди с необрезанным сердцем и ушами! вы всегда противитесь Духу Святому, как отцы ваши, так и вы: Кого из пророков не гнали отцы ваши? они убили предвозвестивших пришествие Праведника, Которого предателями и убийцами сделались ныне вы, вы, которые приняли закон при служении ангелов и не сохранили ¹². *

(Синодальный перевод)

Синедрион, разъяренный его речами, повелел выволочь его за город и побить камнями. В этом нападении принимал участие молодой фарисей по имени Савл; после этого он переходил в Иерусалиме из дома в дом, хватал приверженцев «Пути» и ввергал их в темницу ¹³.

Обращенные в христианство иудеи, носившие греческие имена и взращенные на греческой культуре, чьим вождем был Стефан, бежали в Самарию и Антиохию, где ими были основаны сильные христианские общины. Большинство апостолов, которых не коснулись эти преследования, очевидно, потому, что они по-прежнему соблюдали закон, оставались в Иерусалиме с иудео-христианами. Когда Петр отправился проповедовать Евангелие по городкам Иудеи, Иаков Справедливый, «брат Господа», стал во главе ослабленной и обедневшей иерусалимской церкви. Иаков практиковал закон во всей его строгости и мог потягаться в аскетизме с ессеями; он не ел мяса, не пил

* Речи Стефана, Петра, Павла и других героев Деяний могли быть сочинены самим автором, следовавшим общепринятому обычаю античных историков.

вина, имел только одну одежду и никогда не стриг волос и не брил бороду. Под его руководством одиннадцать лет христиане не знали гонений. Около 41 г. другой Иаков, сын Зеведея, был обезглавлен; Петр был схвачен, но бежал. В 62 г. был предан смерти и сам Иаков Справедливый. Четыре года спустя иудеи восстали против Рима. Иерусалимские христиане, которые были слишком убеждены в приближении «конца света», чтобы интересоваться политикой, покинули город и поселились в языческой и проримской Пелле по ту сторону Иордана. С этого часа пути христианства и иудаизма окончательно разошлись. Иудеи обвиняли христиан в предательстве и трусости, а христиане радостно приветствовали разрушение храма Титом как исполнение пророчества Христа. Обе веры были воспламенены взаимной ненавистью, под воздействием которой были созданы творения, исполненные глубочайшего благочестия.

После этих событий и численность и влияние иудео-христиан неуклонно падали, и отныне новая религия стала достоянием греческого духа. Галилея, в которой Иисус провел почти всю свою жизнь и где прозябали в неизвестности Магдалина и другие первые последовательницы Спасителя, оказалась глуха к проповедникам, провозглашавшим Назаретянина Сыном Божиим. Иудеи, алкавшие свободы и ежедневно напоминавшие себе, что «Господь один», отвернулись от Мессии, который пренебрег их борьбой за независимость, и были оскорблены известием о том, что Бог родился в пещере или хлеве одной из их деревушек. Иудео-христианство сохранялось в течение пяти столетий в малочисленной группе сирийских христиан, называвшихся *Эбионим* (Ebionim, «бедные»), которые жили в христианской бедности и полностью соблюдали иудейский Закон. В конце второго столетия Церковь осудила их как еретиков.

Тем временем апостолы и ученики распространяли Благоую Весть, главным образом среди иудеев диаспоры¹⁴ от Дамаска до Рима. Филипп обращал в христианство в Самарии и Цезарее, Иоанн основал сильную церковную общину в Эфесе, а Петр проповедовал по городам Сирии. Как и большинство апостолов, Петр брал с собой в свои странствования «сестру», которая была ему женой и помощницей¹⁵. Он исцелял больных настолько успешно, что в Самарии колдун Симон Маг предлагал ему деньги за то, чтобы он поделился с ним своими мистическими способностями. В Иоппии он вернул к жизни казавшуюся умершей Тавифу; в Цезарее он обратил в христианство римского центуриона. Некое видение, гласит книга Деяний, убедило его в том, что он должен принимать новообращенных не только из иудеев, но также и из язычников; начиная с этого времени не без некоторых вполне понятных колебаний он довольствовался крещением, а не обрезанием прозелитов из неиудеев. Пыл, каким были объаты эти первые миссионеры, явственно ощущаешь, читая Первое послание Петра.

Петр, Апостол Иисуса Христа, пришельцам, рассеянным в Понте, Галатии, Каппадокии, Азии и Вифинии... благодать вам и мир да умножится... Возлюбленные! прошу вас как пришельцев и странников... провождать добродетельную жизнь между язычниками, дабы они... увидя добрые дела ваши, прославили Бога... Итак, будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа... (Живите как свободные, но не оправдывайте свободой несправедливости)... Слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам, не

только добрым и кротким, но и суровым... Также и вы, жены, повинуйтесь своим мужьям, чтобы те из них, которые не покоряются слову, житием жен своих без слова приобретаемы были, когда увидят ваше чистое, богобоязненное житье. Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа... Также и вы, мужья, обращайтесь благоразумно с женами, как с немощнейшим сосудом, оказывая им честь, как сонаследницам благодатной жизни... Не воздавайте злом за зло... Более же всего имейте усердную любовь друг к другу, потому что любовь покрывает множество грехов ¹⁶.
(Синодальный перевод)

Мы не знаем, когда и где останавливался Петр на пути в Рим. Иероним (около 390 г.) датирует его первый приезд в Рим сорок вторым годом. Предание, гласящее, что он сыграл ведущую роль в основании христианской общины в столице, представляется достоверным несмотря на все аргументы критиков ¹⁷. Лактанций сообщает о приходе Петра в Рим при Нероне ¹⁸; вероятно, апостол посещал город по различным поводам. Он, находясь на воле, и брошенный в тюрьму Павел соперничали здесь, обращая в христианство столичных жителей, пока оба не встретили мученический конец, по-видимому, в том же 64 году ¹⁹. Ориген сообщает, что Петр «был распят головой вниз, потому что он хотел пострадать именно таким образом» ²⁰, возможно, он надеялся, что в таком положении смерть наступит скорее, или (полагают многие верующие) считал себя недостойным умереть той же смертью, какой умер Христос. Древние тексты свидетельствуют, что его жена была казнена вместе с ним и что он видел, как ее ведут на казнь ²¹. Позднейший рассказ называет местом его смерти Цирк Нерона или Ватиканское поле. Над ним был возведен собор Святого Петра, в котором якобы хранятся его мощи.

Его миссии в Малой Азии и Риме, должно быть, способствовали сохранению в христианстве многих элементов иудаизма. Через посредничество Петра и других апостолов оно унаследовало иудейский монотеизм, пуританизм и эсхатологию. Благодаря им и Павлу Ветхий Завет стал для христиан первого столетия нашей эры единственной Библией. До 70 г. христианство проповедовалось преимущественно в синагогах и среди евреев. Форма, церемониал и культовые облачения иудеев перешли в христианский ритуал. Пасхальный жертвенный ягненок был сублимирован в образе *Agnus Dei* — искупительного Божественного Агнца католической мессы. Назначение старейшин (*presbyteri*, «священники»), которым поручалось руководить церквами, было перенято из иудейской практики управления синагогами. Многие иудейские праздники — например, Пасха и Пятидесятница — были приняты в христианский календарь, хотя их содержание и время проведения были изменены. Иудейское рассеяние способствовало стремительному распространению христианства; частые переезды евреев из города в город, их связи со всеми уголками Империи наряду с торговлей, римскими дорогами и римским миром открыли путь для набирающего силы христианства. В лице Христа и Петра христианство было иудейским; в лице Павла оно стало наполовину греческим; в католичестве — наполовину римским. В протестантизме иудаистические элементы и смысловые акценты были воскрешены.

II. ПАВЕЛ

1. Гонитель

Основатель христианской теологии родился в Тарсе (Киликия) около десятого года нашей эры. Его отец был фарисеем и воспитал сына пламенным приверженцем принципов этой секты; Апостол Язычников никогда не переставал считать себя фарисеем, даже после того, как отверг иудейский Закон. Его отец, ко всему прочему, был еще и римским гражданином и передал драгоценные гражданские права сыну. Вероятно, греческое имя Павел — это эквивалент еврейскому Савл, так что оба эти имени апостол носил с детства²². Он не получил классического образования, потому что ни один фарисей не позволил бы своему сыну оказаться под столь непосредственным влиянием эллинизма, и ни один человек с греческим воспитанием не сумел бы написать Послания таким скверным греческим языком. И тем не менее он овладел разговорным языком в достаточной мере, так что смог выступить с речью перед афинской аудиторией, и время от времени он ссылаясь на знаменитые пассажи из греческой литературы. Можно поверить и в то, что какая-то разновидность стоической теологии и этики перешла из университетской атмосферы Тарса в христианство Павла. Так, он использует стоический термин *pneuma* (дыхание) для обозначения того, что английские переводчики называют *spirit*, а русские — духом. Как и большинство греческих городов, Тарс имел последователей орфической и некоторых других мистериальных религий, которые верили в то, что почитаемый ими бог принял смерть за них, восстал из могилы и, если воззвать к нему искренней верой и надлежаще выполненным ритуалом, изведет их из Аида, наделив даром вечной и блаженной жизни²³. Мистериальные религии приготовили греков для Павла, а Павла для греков.

После того как юноша изучил ремесло делания палаток и получил образование в местной синагоге, отец послал его в Иерусалим, где, по словам Павла, он был «воспитан у ног Гамалиила в неукоснительном следовании Закону»²⁴. По общему мнению, Гамалиил был внуком Хиллела; он стал преемником Хиллела на посту председателя синедриона и развивал традиции истолкования Закона в терпимом к человеческой слабости духе. Более строгие фарисеи были шокированы, обнаружив, что он высоко ценил даже женщин-язычниц²⁵. Он был столь учен, что иудеи, которые с большим уважением относятся к учености, называли его «украшением Закона» и наградили его первого (после него этой чести удостоивались только шесть человек) титулом *gabbai* — «наш наставник». От него и других Павел научился тому изощренному и утонченному, порой казуистическому и запутанному, способу толкования Библии, который разгуляется на страницах Талмуда. Несмотря на то, что Павел был посвящен в эллинизм, он до конца своих дней оставался по духу и характеру иудеем, не сомневался в боговдохновенности Торы и гордо отстаивал богоизбранность евреев как посредников человеческого спасения.

Он описывает себя как «малопримечательного внешне»²⁶ и добавляет: «И чтоб я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтоб я не превозносился»²⁷ (*синодальный перевод*). Ничего более конкретного о своем недуге он не говорит. Предание изображает пятидесятилетнего Павла согбенным, лысым и бородатым аске-

том, с широким лбом, бледным лицом, строгим выражением лица и пронзительными глазами. Дюрер представил его именно таким на одном из величайших рисунков всех времен. Однако в действительности все эти описания — литература и искусство, а не история.

Его разум относился к типу, часто встречающемуся среди евреев: он был скорее глубоким и страстным, чем мягким и любезным, скорее эмоциональным и образным, чем объективным и беспристрастным; он был могуч в действии, ибо был узок в мысли. Даже в еще большей мере, чем Спиноза, он был «отравлен Богом», охвачен религиозным энтузиазмом в буквальном смысле этого слова — имел «бога внутри». Он верил в свою боговдохновенность, в то, что наделен даром совершать чудеса. Кроме того, он был человеком практичным, способным проводить кропотливую организаторскую работу и проявлял нетерпеливое терпение, учреждая и охраняя христианские общины. Как и во многих других, его достоинства и недостатки были едва ли не союзниками и не могли существовать друг без друга. Он был порывист и отважен, догматичен и решителен, властен и энергичен, фанатичен и творчески одарен, горд перед людьми и смирен перед господом, способен и к яростному гневу, и к нежнейшей любви. Он советовал своим последователям «благословлять преследующих вас», но был способен высказать и такое пожелание: пусть его противники — «партия обрезания» — «сами себя оскопят»²⁸. Он знал свои недостатки, боролся с ними и умолял новообращенных «быть снисходительным к моему неразумию»²⁹. Постскрипtum к его Первому посланию к Коринфянам превосходно очерчивает его характер: «Мое Павлово приветствие собственноручно. Кто не любит Господа Иисуса Христа, да будет отлучен: Господь наш грядет. Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами, и любовь моя со всеми вами во Христе Иисусе. Аминь». Он был именно таким, каким и должен был быть тот, кто совершил то, что совершил он.

Он начал с того, что напал на христианство во имя иудаизма, а закончил тем, что отрекся от иудаизма во имя Христа. В каждое мгновение своей жизни он был апостолом. Возмущенный пренебрежением, вызываемым Стефаном по отношению к Закону, он стал соучастником его убийства и провел первое иерусалимское гонение на христиан. Услышав о том, что обращенные в христианство живут и в Дамаске, он был уполномочен первосвященником отправиться туда, арестовать всех, «кто придерживается Пути», и доставить их в оковах в Иерусалим (31 г.?)³⁰. Может быть, пыл, с которым он участвовал в гонении, проистекал из внутренних сомнений; он мог быть жесток, в чем после раскаивался; возможно, воспоминание о побитом камнями Стефане, может статься, даже случайное присутствие в юности близ Голгофы отягощали его память и затрудняли путь, горяча его воображение.

Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба; он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь... Люди же, шедшие с ним, стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя. Савл встал с земли и с открытыми глазами никого не видел; и повели его за руку, и привели в Дамаск; и три дня он не видел, и не ел и не пил³¹.

(Синодальный перевод)

Никому не дано сказать, какие естественные процессы лежат в основе этого стержневого опыта. Усталость от долгого путешествия, нестерпимый жар опаляющего пустыню солнца, возможно, тепловой удар, постепенно накапливались, чтобы поразить хрупкое, вероятно даже, эпилептическое тело и разум, терзаемый сомнением и чувством вины; все эти факторы могли привести к кульминации того полуосознанного процесса, в результате которого жесточайший гонитель превратился в самого выдающегося проповедника Христа, во имя которого погиб Стефан. Его греческое окружение в Тарсе толковало о Сотере, или Спасителе, искупившем грехи человечества; иудейская мудрость твердила о грядущем Мессии; как мог быть он уверен в том, что этот таинственный и волнующий Иисус, за которого люди были готовы пойти на смерть, не является тем обещанным Спасителем? Когда без сил и все еще не видя, он почувствовал в конце путешествия на своем лице добрые, умиротворяющие руки новообращенного иудея, «тотчас как бы чешуя опала от глаз его и вдруг он прозрел; и, встав, крестился и, приняв пищи, укрепился»³². Несколько дней спустя он стал являться в синагоги Дамаска и объявлял собравшимся, что Иисус — Сын Божий.

2. Миссионер

Правитель Дамаска по настоянию возмущенных иудеев издал приказ об аресте Павла; новые друзья Павла спустили его в корзине с городской стены. Три года, по его словам, Павел проповедовал Христа в деревушках Аравии. Возвращаясь в Иерусалим, он заслужил прощение и дружбу Петра и какое-то время жил вместе с ним. Большинство апостолов ему не доверяло, но Варнава, который и сам был обращен в христианство недавно, сердечно протянул ему руку дружбы и убедил иерусалимскую церковь поручить своему гонителю распространение Благой Вести о приходе Мессии, который вскоре вернется, чтобы установить Царство. Грекоязычные евреи, которым он принес Евангелие, пытались убить его, и апостолы, возможно, опасаясь, что его пыл поставит под угрозу их всех, направили его в Тарс.

На восемь лет он укрылся от истории в своем родном городе. Возможно, он вновь испытал влияние теологии мистического спасения, популярной среди греков. Затем к нему явился Варнава и попросил о помощи в основании церкви в Антиохии. Работая вместе (43—44 гг. ?), они обратили в христианство столько неопитов, что Антиохия вскоре превосходила все другие города численностью христианской общины. Здесь впервые «верующие», «ученики», «братья» и «святые», как они называли сами себя, получили от язычников, возможно в насмешку, имя *Christianoi* — «последователи Мессии, или Помазанника». Кроме того, здесь впервые были завоеваны для новой религии язычники (*gentiles*, то есть представители *gentes*, или «языков»). Большая их часть состояла из «богобоязненных», главным образом женщин, которые уже прежде приняли монотеизм и отчасти ритуал иудеев.

Антиохийские новообращенные были не столь бедны, как христиане Иерусалима; довольно значительное их число (хотя все же и меньшинство) принадлежало к купеческому классу. С энтузиазмом молодого и растущего движения они организовали фонд для распространения Евангелия. Старейшины церкви «возложили руки» на Варнаву и Павла и отправили их в путеше-

ствие, которое история, незаслуженно принижая Варнаву, называет «первым миссионерским путешествием Апостола Павла» (45—47 гг. ?). Они отплыли на Кипр и были ободрены успехом, которого добились у многочисленных евреев острова. На Пафосе они сели на корабль, плывший в памфилийскую Пергию, а затем по опасным горным дорогам добрались до Антиохии в Писидии. В синагоге их любезно выслушали, но когда они стали проповедовать язычникам, ортодоксальные иудеи убедили муниципальные власти изгнать миссионеров. С такими же трудностями столкнулись они и в Иконии; в Листре Павел был побит камнями, вытаснен за город и брошен, ибо его сочли мертвым. По-прежнему преисполненные «веселия Святого Духа», Павел и Варнава принесли Евангелие в Дербу. По той же дороге они вернулись в Пергию и отплыли в сирийскую Антиохию. Там они оказались перед лицом проблемы, определившей историю христианства.

Дело было в том, что некоторые ведущие ученики Христа из Иерусалима, услышав, что два проповедника принимают обращенных язычников, не требуя от них обрезания, явились в Антиохию, где учили: «Если не обрежетесь по обряду Моисееву, не можете спастись»³³ (*синодальный перевод*). Для еврея обрезание было не столько гигиеническим ритуалом, сколько священным символом древнего завета еврейского народа с Богом; и еврей-христианин бледнел при мысли о том, что этот завет может быть нарушен. Павел и Варнава, со своей стороны, понимали, что, если эти эмиссары добьются своего, христианство никогда не будет принято сколько-нибудь значительным количеством язычников; оно останется «одной из ересей иудаизма» (как назвал его Гейне) и бесследно исчезнет не позднее чем через век. Они пришли в Иерусалим (50 г. ?) и вступили в спор по этому вопросу с апостолами, которые почти все по-прежнему поклонялись Богу в Храме. Иаков не хотел соглашаться с ними; за двух миссионеров вступился Петр; в конце концов было решено, что от языческих прозелитов следует требовать только отказа от безнравственной жизни и от принятия в пищу жертвенных или удушенных животных³⁴. По-видимому, Павел облегчил свою задачу, обещая финансовую поддержку обедневшей иерусалимской общине со стороны располагающей значительными средствами антиохийской церкви.

Однако этот вопрос был слишком животрепещущ, чтобы быть улаженным так просто. В Антиохию явилась вторая группа ортодоксальных иудео-христиан из Иерусалима; они застали Петра обедающим с язычниками и уговорили его отделиться вместе с обращенными евреями от необрезанных прозелитов. Мы не знаем мотивов Петра в этом эпизоде. Павел рассказывает, что он «лично противостал Петру в Антиохии»³⁶ и обвинил его в лицемерии; возможно, Петр просто желал, как и Павел, быть «всем для всех».

Вероятно, в 50 г. Павел отправился в свою вторую миссионерскую поездку. Он поссорился с Варнавой, который с этих пор исчез из истории на своем родном Кипре. Снова посетив малоазийские общины, Павел обзавелся в Листре юным учеником по имени Тимофей, к которому привязался и которого полюбил, ибо его душа истосковалась по предмету привязанности. Вместе они прошли через Фригию и Галатию, достигнув на севере Александрии-в-Троаде. Здесь Павел познакомился с Лукой, необрезанным прозелитом иудаизма, человеком, наделенным добрым умом и сердцем, явившимся, вероятно, автором Третьего Евангелия и книги Деяний, которые были предназначены для того, чтобы смягчить конфликты, с самого начала омрачавшие

историю христианства. Из Троады Павел, Тимофей и другой его помощник Сила переправились в Македонию, впервые ступив на землю Европы. В Филиппах, где Антоний разбил Брута, Павел и Сила была арестованы как возмутители общественного спокойствия, подверглись бичеванию и брошены в тюрьму, но как только обнаружилось, что они — римские граждане, их тут же освободили. Придя в Фессалонику, Павел явился в синагогу и три субботы проповедовал иудеям. Некоторые из них уверовали и организовали церковь; другие возмутили город против Павла на том основании, что он провозглашает нового царя; друзьям Павла пришлось уговорить его бежать ночью в Верию. Там «евреи приняли слово со всем усердием»; но фессалоникские иудеи, явившись, объявили Павла врагом иудаизма, и он отплыл в Афины (51 г. ?), удрученный и одинокий.

Здесь, в самом центре языческой религии, науки и философии, он оказался совершенно лишенным друзей. В городе нашлось лишь несколько иудеев, выслушавших его; ему пришлось обосноваться на рыночной площади, словно современному краснобаю, оболъстителю городских толп, и конкурировать с дюжиной соперников в борьбе за внимание прохожих. Некоторые слушатели спорили с ним, некоторые над ним смеялись и спрашивали: «Что хочет сказать этот суеслов?»³⁷ Но кое-кого он заинтересовал, и они отвели Павла на Ареопаг, или Холм Марса, где он мог говорить в более спокойной обстановке. Он рассказал им о том, что обнаружил в Афинах алтарь, надписанный «Неведомому Богу»; это посвящение, которое, вероятно, отражало стремление жертвователей отблагодарить, умиловить или испросить помощи у Бога, в имени которого они не были уверены, Павел истолковал как признание в собственном невежестве относительно природы Бога. Он продолжал говорить возвышенно и красноречиво:

Сего-то, которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам: Бог, сотворивший мир и все, что в нем. Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворенных храмах живет... Сам давая всему жизнь и дыхание и все; от одной крови Он произвел весь род человеческий... дабы они искали Бога, не ощутят ли Его, и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас: ибо мы Им живем, и движемся, и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: «Мы Его и род» *. Итак, мы, будучи родом Божиим, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого. Итак, оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться; ибо Он назначил день, в который будет праведно судить Вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых³⁸.

(Синодальный перевод)

Это была отважная попытка примирить христианство с языческой философией **. И все же под ее впечатлением оказались немногие; афиняне наслаивались за свою историю слишком много идей, чтобы сохранить энтузиазм к

* Павел цитирует строчку из «Гимна к Зевсу» Клеанфа или из «Явлений» Арата.

** Возможно, эту речь следует считать созданием эллинизированного автора Деяний.

принятию новых. Павел с разочарованием покинул город и направился в Коринф, где коммерция собрала значительную еврейскую общину. Он оставался там восемнадцать месяцев (51–52 гг. ?), зарабатывая себе на жизнь изготовлением палаток и каждую субботу проповедуя в синагоге. В христианство был обращен начальник синагоги, а также столь много других евреев, что всполошившиеся иудеи обвинили Павла перед римским губернатором Галлионом в том, что он якобы «учит людей чтить Бога не по закону». Галлион ответил им: «Когда идет спор об учении и об именах и о законе вашем, то разбирайте сами; я не хочу быть судьей в этом», и прогнал их от судилища. Дело дошло до рукопашной, «и Галлион нимало не беспокоился об этом»³⁹. Павел познакомил со своей Благой Вестью коринфских язычников, обратив в христианство многих из них. Христианство могло казаться им вполне приемлемой разновидностью тех мистериальных религий, которые так часто рассказывали о воскресших спасителях; вероятно, принимая его, они сблизили христианство с подобными верованиями и оказали заметное влияние на Павла, истолковывавшего христианство в понятиях, привычных эллинскому разуму.

Из Коринфа Павел пришел в Иерусалим (53 г. ?) «приветствовать церковь». Но вскоре он уже совершал свое третье миссионерское путешествие, посещая христианские общины в Антиохии и Малой Азии, укрепляя их в горячей вере. В Эфесе он провел два года и «совершал столь необыкновенные чудеса», что многие смотрели на него как на чудотворца и пытались лечить болезни, прикладывая к хворающему использованное Павлом полотно. Изготовители кумиров, которые языческими почитателями Артемиды посвящались в ее храм, обнаружили, что их ремесло хиреет; возможно, Павел здесь повторил свое порицание поклонению образам, или идолопоклонству. Некий Деметрий, который изготавливал серебряные изображения великого святилища для благочестивых паломников, организовал акции протеста против Павла и новой веры и привел в городской театр толпу греков, которые на протяжении двух часов повторяли свой лозунг: «Велика Артемида Эфесская!» Местные власти распустили сходку, но Павел решил, что в данной ситуации самый доблестный выход — отправиться в Македонию.

Он провел несколько счастливых месяцев среди небольших приходов, которые застал в Филиппах, Фессалонике и Верии. Услышав, что разногласия и безнравственность дезорганизуют церковь в Коринфе, он не только несколькими посланиями положил этому разброду конец, но пришел в Коринф лично (56 г. ?), чтобы увидеть своих клеветников. Они обвиняли его в том, что он якобы обогащается за счет своих проповедей, высмеивали его видения и вновь выдвигали требование соблюдения иудейского Закона всеми христианами. Павел напомнил бурлящей общине о том, что, где бы он ни жил, он зарабатывает себе на пропитание трудом своих рук; что касается материальной выгоды, то чего только он не претерпел в своих путешествиях — восемь бичеваний, одно побиение камнями, три кораблекрушения и тысячи опасностей со стороны разбойников, патриотов и течений⁴⁰. Посреди всей этой суматохи ему сообщили, что «партия обрезания», явно нарушая иерусалимское соглашение, пришла в Галатию и потребовала от всех обращенных полного принятия иудейского Закона. Он написал гневное Послание к Галатам, в котором окончательно порывал с иудействующими христианами и объявил, что люди спасутся не приверженностью закону Моисееву, но деятель-

ной верой в Христа как спасающего Сына Божия. Затем, не ведая, какие новые злоключения ожидают его там, он отправился в Иерусалим, желая защититься перед апостолами и отпраздновать в Священном Городе древний праздник Пятидесятницы. Из Иерусалима, надеялся он, можно будет пойти в Рим, даже в Испанию и не останавливаться до тех пор, пока все провинции Империи не услышат весть и обетование о восставшем из мертвых Христе.

3. Богослов

Руководители материнской церкви сердечно приветствовали Павла (57 г. ?); однако с глазу на глаз они предупреждали его:

Видишь, брат, сколько тысяч уверовавших иудеев, и все они — ревнители Закона; а о тебе наслышались они, что ты всех иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея, говоря, чтоб они не обрезывали детей своих и не поступали по обычаю... Верно, соберется народ, ибо услышат, что ты пришел; сделай же, что мы скажем тебе: есть у нас четыре человека, имеющие на себе обет; взяв их, очистись с ними и возьми на себя издержки на жертву за них... и узнают все, что слышанное ими о тебе несправедливо, но что и сам ты продолжаешь соблюдать Закон⁴¹.

(Синодальный перевод)

Павел благосклонно отнесся к совету и прошел обряд очищения. Но стоило некоторым иудеям увидеть его в Храме, как они подняли на него крик как на человека, который «всюду всех учит против народа и закона и места сего». Толпа схватила его, вытащила из храма и «пыталась убить его», когда отряд римских воинов спас ему жизнь посредством ареста. Павел обратился к толпе с речью, в которой подтвердил свою приверженность как иудаизму, так и христианству. Римский офицер приказал бичевать его, но отказался от своего замысла, узнав о римском гражданстве Павла. На следующий день он представил заключенного суду синедриона. Павел обратился к нему с речью, объявил себя фарисеем и добился некоторой поддержки; однако его возбужденные оппоненты пытались применить к нему насилие, и римский чиновник отвел его в казармы. Тем же вечером к Павлу пришел племянник и предупредил его, что сорок евреев поклялись не есть и не пить до тех пор, пока не убьют его. Офицер, опасаясь могущих скомпрометировать его волнений, отослал Павла ночью к прокуратору Феликсу в Цезарею.

Пять дней спустя первосвященник и некоторые старейшины пришли из Иерусалима к прокуратору и обвинили Павла в том, что он «язва общества, возбудитель мятежа между иудеями, живущими по Вселенной». Павел признал, что он проповедует новую религию, но добавил: «Я верую всему, чему учит Закон». Феликс отпустил обвинителей ни с чем; тем не менее он продержал Павла под домашним арестом — вход к нему друзей не возбранялся — в течение двух лет (58—60 гг. ?), надеясь, по-видимому, на крупную взятку.

Когда на посту прокуратора Феликса заменил Фест, он предложил Павлу предстать перед его судом в Иерусалиме. Опасаясь враждебности иерусалимского населения, Павел воспользовался своими правами римского гражданина

и потребовал суда перед лицом императора. Царь Агриппа, проезжавший через Цезарею, выслушал его и счел его «обезумевшим от большой учености», а впрочем, совершенно безвредным; «можно было бы его отпустить, — заметил Агриппа, — если бы он не потребовал суда у императора». Павла посадили на торговое судно, которое плыло столь неспешно, что до того, как попасть в Италию, Павел пережил зимнюю бурю. В течение четырнадцати дней разбушевавшейся непогоды, сообщают нам, он являл команде и пассажирам ободряющий пример человека, недоступного страху смерти и уверенного в своем спасении. Корабль разбился в щепки о прибрежные мальтийские скалы, но все находившиеся на борту невредимыми доплыли до берега. Три месяца спустя Павел прибыл в Рим (61 г. ?).

Римские власти обращались с ним мягко, дожидаясь приезда из Палестины его обвинителей и когда Нерон удосужится рассмотреть это дело. Ему было позволено жить в выбранном им самим доме, где его сторожил солдат; он был лишен свободы передвижения, но мог принимать кого пожелает. Он пригласил начальников еврейской общины в Риме к себе; они терпеливо выслушали Павла, но когда поняли, что, по его мнению, соблюдение иудейского Закона не является непременным условием спасения, они покинули его; Закон представлялся им неотъемлемым атрибутом и утешением еврейской жизни. «Итак да будет вам известно, — сказал Павел, — что спасение Божие послано язычникам: они и услышат!»⁴² Его воззрения пришлись не по душе и христианской общине, которую он застал в Риме. Эти новообращенные, главным образом иудеи, предпочитали христианство, принесенное к ним из Иерусалима; они практиковали обрезание и едва ли отличались римскими властями от ортодоксальных иудеев. Они приветствовали Петра, но остались холодны к Павлу. Он обратил в христианство нескольких язычников, среди вновь обращенных были и люди, занимавшие видное положение в обществе. Но горькое ощущение тщетности этих усилий омрачало одиночество, на которое он был обречен в своей темнице.

Он нашел некоторое утешение, посылая длинные и нежные письма своей далекой пастве. К этому времени он составлял подобные послания уже десять лет; вне всяких сомнений, помимо посланий под его именем, которым мы располагаем сейчас, существовало и множество других*. Они не были написаны рукой Павла; он диктовал их, часто делая приписки своим грубым почерком. По-видимому, он не пересматривал их, об этом свидетельствуют все имеющиеся в них повторения, темноты и дурная, поставленная с ног на голову грамматика. И тем не менее глубина и искренность чувства, гневная приверженность великому делу, пышная, благородная и запоминающаяся речь сделают их самыми сильными и красноречивыми письмами в истории литературы; даже очарование Цицерона бледнеет перед этой страстной верой. Здесь мы встречаем горячие слова любви, исходящие от того, для кого эти церкви являлись ревностно защищаемыми чадами; яростные нападки на бесчисленных врагов; выговоры грешникам, отступникам и подрывающим христианское единство раскольникам; наконец, нежные увещевания и наставления.

* Из них аутентичными могут считаться Послания к Галатам, Коринфянам и Римлянам; вероятно, к этому же разряду следует отнести и Послания к Фессалоникийцам, Филиппийцам, Колоссянам и Филемону; возможно, даже Послание к Ефессянам⁴³.

И да владычествует в сердцах ваших мир Божий, к которому вы призваны в одном теле; и будьте дружелюбны. Слово Христово да вселяется в вас обильно, со всякою премудростью; научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу ⁴⁴.

(Синодальный перевод)

Здесь и великие изречения, которые повторяет и бережно хранит весь христианский мир: «буква мертвит, дух животворящ» ⁴⁵; «худые сообщества развращают добрые нравы» ⁴⁶; «для чистых все чисто» ⁴⁷; «любовь к деньгам — корень всякого зла» ⁴⁸. Здесь — и откровенные признания в собственных ошибках, даже собственном, на манер политического, притворстве.

Ибо, будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести: для иудеев я был как иудей... для чуждых закона — как чуждый закона... Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых. Сие же делаю для Евангелия, чтобы быть соучастником его ⁴⁹.

(Синодальный перевод)

Эти послания сохранялись и часто публично зачитывались теми общинами, которым они были адресованы. К концу первого века многие из них приобрели широкую известность; Климент Римский ссылается на них в 97 г., Игнатий и Поликарп — вскоре после этого; постепенно они становились частью изоцированной теологии Церкви. Подвигнутый на служение своим омраченным духом и раскаянием, а также преображающим узрением Христа, испытавший, возможно, влияние стоического и платонического отрицания матери и плоти как зла, вспоминая, может статься, иудейские и языческие обычаи приношения в жертву «козла отпущения» за грехи народа, Павел явился творцом теологии, лишь самые смутные намеки на которую можно найти в словах Христа: каждый человек, рожденный женщиной, наследует первородный грех Адама и может быть спасен от вечных мучений только благодаря искупительной смерти Сына Божия ⁵⁰ *. Подобная концепция куда легче усваивалась язычниками, чем евреями. Египет, Малая Азия и Эллада издавна веровали в богов Осириса, Аттиса, Диониса, которые умерли ради спасения человечества; такие титулы, как *Сотер* (Спаситель) и *Элевтерий* (Освободитель) были достоянием этих божеств; а слово *Kyrios* (Господь), употреблявшееся Павлом по отношению к Христу, являлось термином, обозначающим в сирийско-греческих культах умирающего искупителя Диониса ⁵². Язычники Антиохии и других греческих горо-

* Древние евреи наряду с ханаанеями, моавитянами, финикийцами и другими народами знали обычай принесения в жертву ребенка, даже любимого сына, чтобы успокоить разгневанное Небеса. С течением времени в качестве субститута мог выступать осужденный преступник. В Вавилонии его облачали в царские одежды (тем самым он изображал сына царя), затем бичевали и вешали. Схожее жертвоприношение имело место на Родосе на празднике Крона. Принесение в жертву ягненка или козленка на Пасху являлось, вероятно, цивилизованным смягчением древнего человеческого жертвоприношения. «В день искупления, — говорит Фрезер, — еврейский первосвященник возлагал обе руки на голову живого козла, признавался над ней во всех несправедливостях детей Израйля и, переложив тем самым грехи народа на это животное, изгонял его в пустыню» ⁵¹.

дов никогда не знали Христа во плоти, они могли признавать его только тем же образом, как признавали своих богов-спасителей. «Смотри,— говорил Павел,— я открою тебе тайну»⁵³.

Павел добавил к этой популярной и утешающей теологии определенные мистические представления, получившие распространение со времени написания Книги Премудрости и философии Филона. Христос, учил Павел,— это «Премудрость Божия»⁵⁴, перворожденный Сын Бога; «он прежде всех вещей, в нем существуют все вещи... через него все сотворено»⁵⁵. Это не иудейский Мессия, который избавит Израиль от рабства; это — Логос, чья смерть принесла избавление всему человечеству. Благодаря этим интерпретациям Павел мог пренебречь подлинной жизнью и речениями Иисуса, которого он не знал непосредственно, и мог встать наравне со знавшими Христа апостолами, которые не могли тягаться с ним в спекулятивной метафизике. Он смог надеть жизнь Христа и жизнь человека высокой ролью в величественной драме, в которую вовлечены все души и вся вечность. Более того, он смог ответить на трудные вопросы тех, кто спрашивал, почему Христос, если он действительно был Богом, позволил обречь себя на смерть; Христос умер, чтобы искупить мир, отданный Сатане грехом Адама; он должен был умереть, чтобы порвать пути смерти и открыть небесные врата для всех, кого коснется благодать Божия.

Два фактора определяют, по словам Павла, кто же будет спасен смертью Христа: богоизбранничество и смиренная вера. Бог избирает в вечности тех, кого осияет его благодать, и тех, кого он покарает⁵⁶. И тем не менее Павел энергично взялся за то, чтобы пробуждать веру, благодаря которой можно снискать милость Бога. Только благодаря такому «осуществлению чаемого» и такой «уверенности в невидимом»⁵⁷ душа может испытать то глубокое изменение, через которое в жизнь приходит человек новый, которое соединяет верующего с Христом и позволяет ему вкусить плоды, принесенные смертью Спасителя. Добрые дела и исполнение всех 613 предписаний иудейского Закона далеко не достаточны, говорит Павел; они не в силах переродить внутреннего человека или омыть душу от греха. Смертью Христа окончена эпоха Закона; отныне не должно быть «ни эллина, ни иудея, раба или свободного, мужчины и женщины», потому что «везде и во всем Христос»⁵⁸. Что касается добрых дел в соединении с верой, Павел никогда не стремится навязывать их, и самые знаменитые слова о любви из всех когда-либо сказанных принадлежат ему:

Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая, или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и гору переставлять, а не имею любви,— то я ничто. И если я раздам все имение мое, и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею,— нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится... не ищет своего... никогда не перестает... А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше⁵⁹.

(Синодальный перевод)

К половой любви и браку Павел относится с обескураживающей терпимостью. Один пассаж наводит на мысль (хотя вовсе ничего не доказывает) о том, что он был женат ⁶⁰: «Или не имеем власти (Павел и Варнава) иметь спутницею сестру жену, как и прочие Апостолы, и братья Господни, и Кифа?» Однако в другом месте ⁶¹ он называет себя одиноким. Как и Иисус, он не имел никаких симпатий к физическому желанию ⁶². Он был утрачен, услышав о промискуитете и извращениях ⁶³. «Разве не знаете, что тела ваши, — спрашивает он коринфян, — суть члены Христовы? Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога?.. Посему прославляйте Бога и в телах ваших...» ⁶⁴ Девственность лучше супружества, но супружество лучше вождения. Брак между разведенными запрещается, за исключением тех случаев, когда предыдущий брак был смешанным. Женщины обязаны повиноваться мужьям, слуги — хозяевам. «Каждый должен оставаться в том звании, в каком он был призван», то есть обращен в христианство. «Рабом ли ты призван, не смущайся: но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся. Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов» ⁶⁵ (*синодальный перевод*). Свобода и рабство значат немного, если мир вскоре придет к концу. Поэтому и национальная свобода не существенна. «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» ⁶⁶. Со стороны Рима было вопиющей неблагодарностью уничтожить столь подходящего ему философа.

4. Мученик

«Постарайся прийти ко мне скоро, — гласит сомнительное Второе послание к Тимофею, —

ибо Димас оставил меня, возлюбив нынешний век, и пошел в Фессалонику, Крискент в Галатию, Тит в Далмацию; один Лука со мною... При первом моем ответе никого не было со мною, но все меня оставили... Господь же предстал мне и укрепил меня, дабы чрез меня утвердилось благовестие, и услышали все язычники; и я избавился из львиных челюстей. ...Ибо я уже становлюсь жертвою и время моего отшествия настало. Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил ^{66а}.

(*Синодальный перевод*)

Он говорил мужественно, но был покинут. Одно из древних преданий гласит, что он был освобожден, отправился в Азию и Испанию, вновь проповедовал и вновь оказался в заключении в Риме; возможно, он так и не вышел на свободу. Без жены и детей, которые могли бы утешить его, покинутый всеми друзьями, за исключением одного, он мог держаться только верой; может статься, и она была поколеблена. Как и другие христиане своего времени, он жил надеждой увидеть возвращение Христа. Он писал к филиппийцам: «Мы горячо ожидаем прихода спасителя, Господа Иисуса Христа... Господь скоро придет» ⁶⁷. И к коринфянам: «Время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие... и покупающие, как не приобретающие... ибо

проходит образ мира сего... Маранта! Приходи скорее, Господи!»⁶⁸ Но во втором письме к фессалоникийцам он упрекает их за то, что они пренебрегают делами мира сего в ожидании скорого прихода Христа; пришествие будет отложено до тех времен, пока не появится «Враг» — Сатана — «и не провозгласит себя Богом»⁶⁹. Мы догадываемся по его последним письмам, что он боролся во время своего заключения за то, чтобы примирить свою прежнюю веру с долгой отсрочкой Парусии, или Второго Пришествия. Все больше и больше надежд связывает он с посмертным существованием и в утешение себе осуществляет спасительный для христианства пересмотр своих былых представлений: он трансформирует веру в земное возвращение Христа в надежду на единение с ним на небесах после смерти. Очевидно, он вновь предстал перед судом и был осужден; Цезарь и Христос столкнулись лицом к лицу, и Цезарь одержал победу на час. Мы не знаем, каким было в точности обвинение; возможно, и здесь, как в Фессалонике, Павел был обвинен «в неповиновении императорским декретам и провозглашении царем некоего Иисуса»⁷⁰. Это было преступление, проходившее по ведомству «оскорбления величия» и каравшееся смертью. Мы не располагаем древним описанием процесса; но Тертуллиан, писавший около 200 г. н.э., сообщает, что Павел был обезглавлен в Риме; Ориген около 220 г. пишет, что «Павел претерпел мученичество в Риме при Нероне»⁷¹. Вероятно, будучи римским гражданином, он удостоился чести быть казненным отдельно от тех христиан, что были распяты после пожара 64 г. Предание гласит, что мученичество он претерпел одновременно с Петром, хотя и при иных обстоятельствах. Трогательная легенда изображает двух великих соперников дружески приветствующими друг друга по дороге на казнь. На Остийской дороге, в том месте, где, по вере Церкви, упокоился Павел, в третьем веке было возведено святилище. Каждая новая переделка делала его еще более прекрасной, и теперь это базилика «Святого Павла за стенами» — *San Paolo fuori le Mura*.

Эта базилика — удачный символ одержанной им победы. Император, приговоривший его к смерти, погиб как трус, и вскоре от его беспорядочных трудов не осталось и следа. Но побежденный Павел сформировал теологическую структуру христианства, как Павел и Петр — впечатляющую организацию Церкви. Павел застал мечту еврейской эсхатологии ограниченной рамками иудейского Закона. Он высвободил ее и, расширив, превратил в веру, способную двигать миром. С терпением государственного деятеля он вплетал в ткань еврейской этики нити греческой метафизики и трансформировал Иисуса Евангелий в Христа теологии. Он стал творцом новой мистерии, новой формы драмы воскрешения, которая вберет в себя и переживет остальные изводы той же темы. В качестве критерия добродетели он выдвинул веру взамен поведения, и в этом смысле явился провозвестником средневековья. Это была трагическая перемена, но, может статься, именно таким было требование человечности; лишь немногие святые могли возвыситься в своей жизни до подражания Христу, зато немало душ смогло стяжать веру и мужество, открываясь надеждой на вечную жизнь.

Влияние Павла сказалось не сразу. Общины, основанные им, оставались крошечными островками в океане язычества. Церковь в Риме осенялась фигурой Петра и была верна его памяти. Спустя столетие после смерти Павла он оказался почти забыт. Но когда сошли со сцены первые поколения христианства и устное предание об апостолах стало понемногу увядать, когда сотни

ересей вносили сумятицу в христианский разум, Послания Павла явились тем основанием, на котором была возведена стабилизирующая система веры, объединившая разрозненные конгрегации в могучую Церковь.

При всем при этом, человек, благодаря которому христианство отделилось от иудаизма, оставался, по существу, настолько иудеем в напряженности своего характера и непреклонности своей нравственности, что средние века, преобразовавшие язычество в красочный католицизм, не могли видеть в нем родственный себе дух: в его честь было построено не много церквей, его фигура редко становилась предметом изображения в скульптуре, нечасто использовалось его имя. Прошло пятнадцать веков, прежде чем Лютер сделал Павла Апостолом Реформации и Кальвин нашел у него мрачные тексты в пользу доктрины о предопределении. Протестантство явилось триумфом Павла над Петром; фундаментализм — Павла над Христом.

III. ИОАНН

Случайности истории позволяют нам видеть Павла относительно отчетливо, в то время как Апостол Иоанн остается фигурой темной и таинственной. Кроме трех посланий под его именем, до нас дошли два крупных произведения. Критики предположительно относят книгу Откровения к 69–70 гг.⁷² и приписывают ее авторство другому Иоанну — «Пресвитеру», упоминаемому Папием (135 г.)⁷³. Юстин Мученик (135 г.) утверждает, что этот величественный Апокалипсис был написан «возлюбленным» апостолом⁷⁴; но уже в четвертом веке Евсевий⁷⁵ замечал, что некоторые ученые сомневаются в его аутентичности. Несомненно, автор этой книги занимал в иерархии положение весьма высокое, ибо он обращается к церквам Азии тоном грозного авторитета. Если она написана апостолом (и мы можем предварительно принять традиционную точку зрения), становится понятным, почему, как и его брат Иаков, он носил прозвище *Боанергес*, или Сын Грома. В Эфесе, Смирне, Пергаме, Сардах и других городах Малой Азии скорее Иоанн, а не Петр и не Павел, воспринимался как верховный глава Церкви. Традиция, зафиксированная Евсевием⁷⁶, сообщала, что Иоанн был сослан на Патмос Домицианом и написал на этом острове в Эгеиде как Четвертое Евангелие, так и Апокалипсис. Он дожил до столь преклонного возраста, что люди поговаривали, будто он бессмертен.

С формальной точки зрения, Откровение схоже с книгами Даниила и Еноха. Такие пророчески-символические видения относились к числу литературных приемов, часто используемых евреями той эпохи; существовало и несколько других апокалипсисов («раскрытие потаенного»), но этот превзошел все остальные своим грозным красноречием. Отправляясь от широко распространенной веры в то, что пришествие Царства Божия будет предваряться правлением Сатаны и торжеством зла, автор описывает принципат Нерона в точности соответствующим этой сатанинской эре. Сатана и его приверженцы, восставшие против Бога, побеждаются ангельским воинством Михаила, низвергнуты на землю и здесь стоят во главе атаки языческого мира на христианство. Зверь и Антихрист книги — Нерон, Мессия Сатаны, как Иисус был Мессией Бога. Рим описывается как «великая блудница, сидящая на водах многих, с которой блудодействовали цари земные»; это — «вавилон-

ская блудница», источник, средоточие и вершина всяческой несправедливости, безнравственности, извращения, идолопоклонства; там богохульные и запятнанные кровью Цезари требуют себе того поклонения, которое христиане должны сохранить для Христа.

Перед автором проходит череда видений; его взору открываются кары, которые падут на Рим и его Империю. В течение пяти месяцев все ее обитатели будут терзаемы нашествием саранчи; невредимы останутся лишь 144 000 евреев, на челах которых будет начертан знак христианства⁷⁷. Другие ангелы изольют «семь чаш Божьего гнева» на землю, поражая людей ужасающими язвами и превращая море в кровь «как бы мертвеца, так что все живое в море» погибнет. Еще один ангел обрушит на головы нераскайных безжалостный жар солнца; другой — покроет землю мраком; четыре ангела поведут «дважды по десять тысяч десять тысяч воинов, чтобы казнить треть человечества. Четыре всадника пронесутся по земле, чтобы «умерщвлять мечом и голодом, и мором, и зверями земными»⁷⁸. Страшное землетрясение обратит планету в руины; огромные камни падут на головы уцелевших неверных, и Рим будет полностью сокрушен. Земные цари сойдутся на равнинах Армагеддона, чтобы вступить в последнюю схватку с Богом, но всех их ожидает гибель. Сатана и его легионы, повсюду разгромленные, низвергнутся в Ад. Только истинные христиане спасутся от этих бед; и те, что пострадали во имя Христа, что «были омыты кровью Агнца»⁷⁹, получат щедрое воздаяние.

Через тысячу лет Сатана будет выпущен вновь, чтобы соблазнять человечество; в неверующем мире возрастет грех, и силы зла предпримут последнее усилие обратить в прах творение Бога. Но их ожидает новое поражение, и на этот раз Сатана и его присные будут брошены в Ад навсегда. Затем настанет Страшный Суд, когда все мертвые восстанут из могил и утопленники поднимутся со дна морского. В этот ужасный день все, «кто не был записан в книге жизни», будут «вброшены в озеро огненное»⁸⁰. Верные «соберутся на великую вечерю Божию, а птицы и звери пожрут трупы царей, трупы сильных, трупы начальников... трупы всех свободных и рабов, и малых и великих»⁸¹, не отозвавшихся на весть Христа. Будут созданы новое небо и новая земля, и из рук Божьих выйдет Новый Иерусалим, который станет раем на земле. Его основание будет сделано из драгоценных камней, дома — из просвечивающих серебра или золота, стены — из яшмы, а каждые врата — из цельного жемчуга; по нему будет бежать «река воды живой», на берегах которой будет расти «древо жизни». Царству зла будет положен конец на веки вечные; верующие в Христа унаследуют землю; «и не будет уже ни смерти, ни ночи, ни плача, ни болезни»⁸².

Влияние книги Откровения было непосредственным, продолжительным и глубоким. Ее пророчества о спасении истинно верующих и наказания их врагов стали опорой преследуемой Церкви. Теория тысячелетнего царства утешила тех, кто скорбел об отсрочке Второго Пришествия Христа. Живые образы и блестящие обороты стали частью как народной речи, так и литературного языка христианского мира. На протяжении девятнадцати столетий люди интерпретировали исторические события как исполнение ее пророчеств, и в некоторых уголках мира белого человека она по-прежнему придает свой мрачный колорит и горечь христианской вере.

Кажется неправдоподобным, что Апокалипсис и Четвертое Евангелие написаны одной и той же рукой. Апокалипсис — это еврейская поэзия, Четвертое Евангелие — греческая философия. Возможно, апостол писал Откровение,

объятый праведным гневом после Неронова гонения, а Евангелие — умудренным метафизиком в старости (90 г. ?). Его воспоминания об Учителе могли к этому времени несколько поблекнуть, насколько это вообще возможно — когда-либо забыть Иисуса; и несомненно, что на островах и в городах Ионии до его слуха доносились многочисленные отголоски греческого мистицизма и философии. Тема была задана Платоном, изобразившим Идеи Бога моделями, по которым образуются все вещи; стоики объединили эти Идеи с Семенным Логосом (Logos Spermatikos), или оплодотворяющей мудростью Бога; неопифагорейцы превратили Идеи в Божественную личность, а Филон истолковал их как Логос, или Разум, Бога, второй божественный принцип, посредством которого Бог сотворил мир и общается с ним. Если перечитать знаменитый зачин Четвертого Евангелия, помня обо всем этом, и сохранить Логос греческого оригинала вместо того, чтобы переводить его как «Слово», тотчас же будет ясно, что Иоанн присоединился к философам:

В начале был Логос; Логос был с Богом, и Логос был Бог... Все сотворено через Логос; и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков... Так Логос стал плотью и обитал с нами.

Как и Филон, прекрасно знавший греческую спекулятивную философию и чувствовавший необходимость перефразировать иудаизм таким образом, чтобы сделать его приемлемым для любящих логику греков, Иоанн, обитавший в течение жизни двух поколений в эллинистическом окружении, попытался придать греческий философский оттенок мистическому иудейскому учению о Премудрости Божьей как живом существе⁸³ и христианскому учению о Христе как Мессии. Сознательно или нет, он продолжил начатую Павлом работу по эмансипации христианства от иудаизма. Христос не изображался здесь евреем, более или менее соблюдающим еврейский Закон; у Иоанна он обращается к иудеям: «Вы!» — и говорит об их Законе как о «вашем Законе»; он был Мессией, посланным «спасти заблудших овец Израилевых», — он был предвечным Сыном Божиим; не только будущим судьей человечества, но изначальным творцом мироздания. В этой перспективе земная жизнь еврея Иисуса могла быть отодвинута на второй план, потерять сколько-нибудь зримые очертания, словно в гностической ереси, и бог Христос становился соразмерным религиозным и философским традициям эллинистического духа. Теперь языческий мир — даже антисемитский мир — мог принять его как своего.

Христианство не разрушило язычества; оно вобрало его в себя. Греческий дух, умирая, обрел новую жизнь в теологии и литургии Церкви; греческий язык, столетия царствовавший в сфере философии, стал проводником христианской литературы и ритуала; греческие мистерии растворились во впечатляющем таинстве Мессы. В этот синкретизм внесли свой вклад и другие языческие культуры. Из Египта пришла идея о божественной троице, Страшном Суде, личном бессмертии, чреватою воздаянием или карой; почитание Матери и Младенца также пришло из Египта, как и мистическая теософия, легшая в основу неоплатонизма и гностицизма и затемнившая христианское вероучение; здесь же христианское монашество смогло найти свои образцы и источник. Из Фригии пришло почитание Великой Матери; из Сирии драма воскресения Адониса; из Фракии, возможно, культ Диониса — умирающего

бога-спасителя. Из Персии пришел милленаризм, «мировые периоды», «заключительный пожар», дуализм Сатаны и Бога, Тьмы и Света; уже в Четвертом Евангелии Христос — это «Свет, который во тьме светит, и тьма не объяла его»⁸⁴. Митраический ритуал столь близко походил на евхаристическую жертву Мессы, что христианские Отцы Церкви обвиняли Дьявола в злонамеренном изобретении этих походящих на христианские деталей, дабы соблазнить нетвердых в вере⁸⁵. Христианство стало последним великим творением древнего языческого мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Foakes-Jackson and Lake, II, *passim*, особенно 305–306; Scott, *First Age*, 110; САН, XI, 257–258; Klausner. *From Jesus to Paul*, 215; Ramsay W. M. *The Church in the Roman Empire*, 6–8; Renan. *Apostles*, p. V.

² Shotwell J. and Loomis L. *The See of Peter*, 56–57.

³ 1 Пет., IV, 7.

⁴ 1 Иоан., II, 18.

⁵ Деян., II, 16.

⁶ Там же, XI, 8.

⁷ Там же, V, 20.

⁸ Марк, VI, 13.

⁹ Деян., IV, 32–36; II, 44–45.

¹⁰ Там же, IV, 4.

¹¹ Там же, VI, 11.

¹² Там же, VII, 51–53.

¹³ Там же, VIII, 2–3.

¹⁴ Там же, XI, 19.

¹⁵ 1 Кор., IX, 5; Климент Александрийский. *Строматы*, VII, 11; Евсевий. *Церковная история*, III, 30.

¹⁶ 1 Пет., I, I–IV, 8.

¹⁷ Shotwell and Loomis, 64–65.

¹⁸ Лактанций. *О смерти гонителей*, 2.

¹⁹ Евсевий, II, 25.

²⁰ Там же, III, 1.

²¹ Renan. *Antichrist*, 93.

²² Деян., XIII, 9; Coneybeare and Howson, *Life, Times and Travels of St. Paul*, I, 46, 150.

²³ Guignebert, *Christianity*, 75–76; Livingstone R. W. *The Legacy of Greece*, 33, 54.

²⁴ Деян., XXI, 3.

²⁵ Renan. *Jesus*, 167.

²⁶ 2 Кор., X, 9.

²⁷ Там же, XII, 7.

²⁸ Гал., V, 12.

²⁹ 2 Кор., XI, 1.

³⁰ Деян., IX, 1.

³¹ Там же, IX, 3–9.

³² Деян., IX, 18.

³³ Деян., XV, 1.

³⁴ Деян., XV, 27–29. Рассказ в Деяниях довольно хорошо согласуется (с позволения Ренана и др.) с сообщением Павла в Гал. II.

³⁵ Гал., II, 10.

³⁶ Там же, II, III.

- ³⁷ Деян., XVII, 18.
³⁸ Деян., XVII, 22.
³⁹ Там же, XVIII, 12.
⁴⁰ 2 Кор., II, 16.
⁴¹ Деян., XXI, 21–24.
⁴² Там же, XXVIII, 28.
⁴³ Guignebert. *Christianity*, 65; Goguel, 105; САН, XI, 257; Klausner. *Jesus*, 63.
⁴⁴ Колос., III, 15.
⁴⁵ 2 Кор., III, 6.
⁴⁶ 1 Кор., XV, 33.
⁴⁷ Тит, I, 15.
⁴⁸ 1 Тим., VI, 10. Впрочем, послания к Титу и Тимофею сомнительной аутентичности.
⁴⁹ 1 Кор., IX, 19; X, 33.
⁵⁰ Рим., V, 12.
⁵¹ Frazer, Sir. J. *The Scapegoat*, 210, 413; Weigall, 70 сл.
⁵² Guignebert. *Christianity*, 88.
⁵³ 1 Кор., XV, 51.
⁵⁴ Там же, I, 24.
⁵⁵ Колос., I, 15–17.
⁵⁶ Рим., IX, 11, 18; XI, 5.
⁵⁷ Евр., XI, 1; вероятно, составлено не Павлом.
⁵⁸ Галат., II, 24 сл.
⁵⁹ 1 Кор., XIII.
⁶⁰ Там же, IX, 5.
⁶¹ Там же, VII, 8.
⁶² Рим., XIII, 14.
⁶³ Там же, I, 26.
⁶⁴ 1 Кор., VI, 15.
⁶⁵ Там же, VII, 20 сл.
⁶⁶ Рим., XIII, 1.
^{66a} 2 Тим., IV, 9, 6.
⁶⁷ Филипп., III, 20.
⁶⁸ 1 Кор., VII, 29; ср.: 1 Фесс., IV, 15.
⁶⁹ 2 Фесс., II, 1–5.
⁷⁰ Деян., XVII, 7.
⁷¹ Евсевий. *Церковная история*, III, 1.
⁷² Ср.: *Откровение Иоанна Богослова*, XVII, 10.
⁷³ Renan. *Antichrist*, 95; САН, X, 726.
⁷⁴ Duchesne, Mon. L. *Early History of the Christian Church*, I, 99.
⁷⁵ Евсевий, III, 25.
⁷⁶ Там же, III, 33.
⁷⁷ *Откровение*, VII, 4; XIV, 1.
⁷⁸ Там же, VI, 2–8.
⁷⁹ Там же, VII, 14.
⁸⁰ Там же, XX, 15; XXI, 8.
⁸¹ Там же, XIX, 18.
⁸² Там же, XXI.
⁸³ *Притчи*, VIII, 22–31.
⁸⁴ Иоан., I, 5.
⁸⁵ Юстин. *Апология*, I, 66; Тертуллиан. *О крещении*, 5; Halliday, 9.

Рост Церкви

96—305 гг.

I. ХРИСТИАНЕ

ОНИ встречались в частных домах или маленьких часовнях, и образом для их общин была организация синагоги¹. Каждая конгрегация называлась *эkkлeсией* (ekklesia) — греческим термином, обозначающим народное собрание, участвовавшее в управлении муниципальными делами. Как в культах Исиды и Митры, здесь приветствовались рабы; попыток освободить их не предпринималось, зато их утешали обещанием Царства, где все смогут быть свободными. Ранние неофиты происходили преимущественно из среды пролетариев, немногочисленны были представители низов среднего класса, от случая к случаю в христианство обращались богатые. И тем не менее, они отнюдь не были «отбросами человечества», как заявлял Цельс; как правило, они жили порядочной жизнью, были трудолюбивы, финансировали деятельность миссионеров и собирали средства для поддержки обедневших христианских общин. Практически не предпринималось усилий заручиться поддержкой деревенского населения; обращение деревни произошло в последнюю очередь, и именно таким странным способом слово *pagani* (крестьяне, сельские жители) стало обозначать дохристианских жителей средиземноморских государств.

В конгрегации имели доступ женщины, иной раз достигавшие видного положения при исполнении второстепенных ролей; но Церковь учила их быть укором для язычников, живя в скромной покорности и незаметности. Им запрещалось посещать собрания с непокрытыми головами, ибо их волосы считались особенно соблазнительными, способными во время службы рассеивать внимание даже ангелов²; Святой Иероним полагал, что их вообще следует полностью остригать³. Христианки должны были также избегать косметики и драгоценных украшений, в особенности фальшивых волос, ибо благословение священника, попадающее на неживые волосы, снятые с другой головы, могло столкнуться со вполне понятным затруднением: кто же именно будет в этом случае благословлен?⁴ Павел строго наставлял свои общины:

Пусть женщины, находясь в церкви, хранят спокойствие. Они должны занимать не самое видное место. Если они хотят о чем-либо узнать, пусть спросят об этом мужа дома, ибо позор для женщины — говорить в церкви... Пусть будет голова мужчины в церкви непокрытой, ибо он — образ Божий и на нем отражается слава Божья, в то время как слава мужа отражается на жене. Ибо не муж был сделан из жены, но жена из мужа; и не мужчина был

создан для женщины, но женщина для мужчины. Потому-то и должна она носить покрывало на своей голове, ибо это — символ покорности⁵.

Это — иудейский и греческий взгляд на женщину, не римский. Возможно, здесь мы имеем дело с реакцией против вседозволенности, в которую обратили некоторые женщины свою растущую свободу. На основании этих негодующих слов Павла легко представить себе, что, несмотря на отсутствие драгоценностей и благовоний, и при помощи покрывал христианки по-прежнему были привлекательны и пользовались своими древними талантами на свой хитроумный лад. Для незамужних или овдовевших женщин Церковь находила множество полезных занятий. Они образовывали общины «сестер», занимались делами церковного управления или благотворительностью и со временем создали различные ордены, в которые входили монахини, знаменитые своей кроткой добротой — благороднейшим воплощением христианского духа.

Лукиан около 160 г. описывал «этих слабоумных», то есть христиан, «презирающими все земное и считающими эти вещи общим достоянием»⁶. Поколение спустя Тертуллиан объявлял, что «мы» (христиане) «владеем сообща всем, за исключением наших жен», добавляя с присущей ему изыскательностью: «В этом вопросе мы отказываемся вступать в партнерские отношения — именно там, где все остальные используют их с наибольшим успехом»⁷. Не следует понимать эти утверждения буквально; другое место из Тертуллиана⁸ наводит на мысль, что этот коммунизм означал не что иное, как обязанность каждого христианина в соответствии со своими возможностями вносить средства в общий фонд конгрегации. Ожидание скорого конца существующего порядка вещей, несомненно, способствовало росту пожертвований; может быть, наиболее богатых членов общины убеждали в том, что не стоит позволять Страшному Суду застать себя в объятиях Маммоны. Часть ранних христиан разделяла мнение ессеев о том, что преуспевающий человек, отказывающийся делиться своими избыточными доходами, является вором⁹. Иаков, «брат Господа», нападал на богатство с речами, в которых чувствовалась революционная горечь:

Послушайте, вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящихся на вас. Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъедены молью, золото и серебро ваше изржавело, и ржавчина их... съест плоть вашу, как огонь: вы собрали себе сокровище на последние дни. Вот, плата, удержанная вами у работников, пожавших поля ваши, вопиет, и вопли жнецов дошли до слуха Господа Саваофа... не бедных ли мира избрал Бог быть... наследниками Царствия...?¹⁰

(Синодальный перевод)

В этом Царстве, добавляет он, богатые увянут, как цветы под палящим солнцем¹¹.

Элементы коммунизма различимы в обычае совместных трапез. Как греческие и римские ассоциации встречались по торжественным случаям на общем застолье, так ранние христиане часто собирались на агаре, или вечерю любви, обычно по субботним вечерам. Трапеза начиналась и заканчивалась

молитвой и чтением Писания, и священник благословлял хлеб и вино. Христиане, по-видимому, верили в то, что хлеб и вино были, или символизировали, плоть и кровь Христа¹²; почитатели Диониса, Атгиса и Митры давали выход схожим верованиям, когда на своих застольях поедали магические воплощения или символы своих богов¹³. Заключительным ритуалом агарé был «поцелуй любви». В некоторых конгрегациях поцелуями обменивались только мужчины с мужчинами и женщины с женщинами; в других — это строгое разграничение не соблюдалось неукоснительно. Многие участники трапезы открывали для себя нетеологическое удовольствие в этой приятной церемонии; Тертуллиан и другие порицали ее как ведущую к половой распущенности¹⁴. Церковь рекомендовала обмениваться поцелуями с сомкнутыми устами, и если поцелуй доставляет удовольствие, его не следует повторять¹⁵. В третьем веке агарé постепенно исчезают.

Несмотря на такие эпизоды и диатрибы проповедников, призывавших свою паству к совершенству, можно без всяких сомнений принять старинное убеждение, согласно которому ранние христиане были укором языческому миру. После того как ослабление древних верований лишило нравственную жизнь их ненадежной поддержки, а попытка стоицизма создать натуралистическую этику потерпела крах (если не считать самых выдающихся людей), новая сверхприродная этика выполнила (невозирая на то, какую цену при этом пришлось заплатить свободному и склонному к анализу интеллекту) задачу по преобразованию присущих человеку инстинктов джунглей в жизнеспособную нравственную систему. Надежда на пришествие Царства шла вместе с верой в Судию, которому ведомы все человеческие поступки, все человеческие мысли, от которого невозможно скрыться, которого нельзя обмануть. К этому божественному надзору добавлялась взаимная проверка: в этих небольших коллективах греху трудно было укрыться в потайном месте, и община публично порицала тех своих членов, которые нарушали новый нравственный кодекс, не соблюдая достаточной осторожности. Аборты и инфантицид, которые наносили урон языческому обществу, были запрещены христианам как деяния, равнозначные убийству¹⁶; во многих случаях христиане спасали от смерти брошенных детей, крестили их и воспитывали при помощи общинного фонда¹⁷. С меньшим успехом Церковь запрещала посещение театров или общественных игр, участие в праздничных радостях языческих торжеств¹⁸. В целом христианство переняло и усилило строгость морали находившихся в постоянной боевой готовности иудеев. Целибат и девственность рекомендовались в качестве идеала; супружество терпелось только как заслон для промискуитета и как заслуживающее осмеяния средство продолжения рода, однако поощрялось воздержание от полового общения мужа и жены¹⁹. Развод допускался только в том случае, когда язычница (язычник) желала расторгнуть брак с христианином (христианкой). Повторное вступление в брак вдов или вдовцов не одобрялось, а гомосексуализм порицался со строгостью, редкой в античности. «Что касается половых отношений, — говорил Тертуллиан, — то христианин довольствуется женщиной»²⁰.

Большая часть этого трудного морального кодекса была создана в расчете на скорое возвращение Христа. По мере того как эта вера слабела, голос плоти звучал все слышнее и христианская нравственность расшатывалась. Анонимный памфлет «Пастырь Гермь» (около 110 г.) выступает против таких грехов, как жадность, бесчестность, румяна, крашенные волосы, подведенные

веки, пьянство и прелюбодеяние, которые вновь подняли свою голову среди христиан²¹. И тем не менее общая картина христианской морали того времени отмечена благочестием, взаимной преданностью, супружеской верностью и тихим счастьем обладания крепкой верой. Плиний Младший был вынужден сообщать Траяну, что христиане ведут мирный и примерный образ жизни²². Гален пишет, что «они настолько далеко продвинулись на пути воспитания самодисциплины и... напряженного стремления достичь нравственного совершенства, что никоим образом не уступают в этом истинным философам»²³. Чувство греха приобрело новую напряженность благодаря вере в то, что все человечество запятнано грехопадением Адама и что вскоре мир предстанет перед последним судом, который воздаст и покарает. Многие христиане были поглощены стремлением очиститься прежде, чем наступит это страшное судебное разбирательство; сатанинский соблазн мерещился им в каждом чувственном удовольствии, они осуждали «мир и плоть» и пытались подавить желания постами и разнообразными телесными самоистязаниями. Они с подозрением относились к музыке, белому хлебу, чужеземным винам, теплым баням или бритью бороды — все это представлялось им нарушением ясно выраженной воли Бога²⁴. Даже для обыкновенного христианина жизнь виделась в более мрачных красках, чем когда-либо представлял ее язычник, если не считать случаев «апофрейского» умиловителения подземных божеств. Сосредоточенный характер иудейской субботы был перенесен на христианское воскресенье, пришедшее ей на смену во втором веке.

В этот *dies Domini*, или день Господа, христиане собирались для отправления своего еженедельного обряда. Священники читали вслух Писания, предстоятельствовали на молениях, выступали с проповедями, посвященными вопросам вероучения, нравственным увещаниям и доктринальным спорам. В эти начальные дни членам общины, особенно женщинам, позволялось «пророчествовать», то есть «изрекать» в состоянии транса или экстаза слова, смысл которых мог быть найден только в результате благочестивого истолкования. Когда эти представления придали обрядам лихорадочный жар и внесли дезорганизацию в теологию, Церковь перестала поощрять их и в конечном счете подавила. На каждом шагу священство считало своей обязанностью не порождать суеверие, но контролировать его.

К концу второго века эти еженедельные церемонии приобрели вид христианской мессы. Частично основываясь на службах иудейского храма, частично — на греческих мистерияльных обрядах очищения, искупительной жертвы и причастия посредством приобщения к побеждающим смерть силам божества, месса медленно вырастала в ту пышную смесь молитв, псалмов, чтения, проповеди, антифонной декламации и венчающей их символической искупительной жертвы «Агнца Божия», которая заменила в христианстве кровавые жертвоприношения древних религий. Хлеб и вино, которые эти культы рассматривали как дары, возложенные на алтарь бога, воспринимались теперь претворенными посредством акта освящения в плоть и кровь Христа и подносились Богу как повторение жертвенной смерти Иисуса на кресте. Затем в ходе напряженной и волнующей церемонии верующие причащались самой жизни и субстанции своего Спасителя. Это была концепция, издавна освященная временем; языческий дух не нуждался в ученичестве, чтобы проникнуться ею; воплотив ее в «таинстве мессы», христианство стало последней и величайшей из мистерияльных религий. Это был обычай, низменный по про-

исхождению и прекрасный в своем развитии; его принятие было обусловлено той глубокой мудростью, с какой Церковь приспосабливалась к символам своего времени и нуждам людей; ни одна другая церемония не была способна так ободрить в существе своем одинокую душу и укрепить ее столь надежно перед лицом враждебного мира *.

Евхаристия, или «благословение» хлеба и вина, была одним из семи христианских «таинств» — священных ритуалов, которые, как верили христиане, способны сообщить божественную благодать. И здесь Церковь использовала поэзию символа, чтобы утешить человека и придать особое достоинство его жизни, чтобы на каждом новом этапе человеческой одиссеи укрепить его приобщением к божеству. В первом веке мы находим лишь три церемонии, относимые к категории таинств, — крещение, причастие и посвящение в духовный сан; но уже в то время в обычаях конгрегаций наличествовали зародыши остальных. По-видимому, в практику раннего христианства входило сопровождение крещения «возложением рук», при помощи которого апостол или священник наделяли верующего Святым Духом²⁸; с течением времени это действие отделилось от крещения и превратилось в таинство конфирмации²⁹. Так как крещение взрослых постепенно заменялось крещением детей, люди испытывали нужду в каких-то последующих обрядах духовного очищения; публичное признание в совершении греха превратилось в приватную исповедь перед священником, который притязал на то, что получил от апостолов или их преемников — епископов — право «связывать и разрешать» — налагать епитимьи и отпускать грехи³⁰. Таинство епитимьи являлось установлением, которым нетрудно было злоупотребить, ибо в этом случае прощение могло достаться слишком легко; однако оно давало грешнику силу преодолеть себя и спасало озабоченные души от неврозов раскаяния. В эти века брак оставался церемонией гражданской; однако, давая и требуя своей санкции, Церковь возвысила брак, превратив его из преходящего договора в ненарушимый священный обет. К 200 г. рукоположение стало таинством, наделявшим епископов исключительным правом назначать священнослужителей, полномочных отправлять действенные таинства. Наконец, Церковь извлекла из послания Иакова (V, 14) таинство «соборования» или последнего благословения, во время которого священник помазывал органы чувств и конечности умирающего христианина, вновь отпуская ему грехи и приготавливая его ко встрече с Богом. Самой поверхностной глупостью было бы судить об этих церемониях с точки зрения их буквальных претензий; с точки зрения ободрения и вдохновения это были мудрейшие снадобья для человеческой души.

Христианские похороны были кульминацией и главной почестью христианской жизни. Так как новое верование провозгласило воскресение как души, так и тела, тело покойного было окружено величайшей заботой; при погребении священник отправлял заупокойную службу, и каждое тело удостоивалось отдельной могилы. Около 100 г. римские христиане, следуя этрусским и сирийским традициям, стали погребать своих мертвых в катакомбах — делалось это, вероятно, не столько ради конспирации, сколько ради экономии площади и расходов. Рабочие прорыли длинные подземные проходы на различных уровнях, и мертвых укладывали в находящиеся друг над другом

* В мистериях Митры верующим подносились освященные хлеб и вино. Конкистадоры были шокированы, обнаружив схожие обряды среди индейцев Мексики и Перу²⁷.

крипты, расположенные по обеим сторонам этих галерей. Язычники и евреи пользовались тем же методом, возможно, ради удобства своих похоронных сообществ. Некоторые проходы, по-видимому, намеренно отклоняются в сторону и наводят на мысль о том, что их использовали как укрытия во времена гонений. После того как христианство справило свой триумф, обычай катакомбного захоронения сходит на нет; крипты становятся объектами почитания и паломничества; к девятому веку они были завалены и забыты, и только благодаря случайности их открыли в 1578 г.

Остатки раннехристианского искусства сохранились по большей части в виде катакомбных фресок и рельефов. Здесь около 180 г. появляются символы, которым суждено было сыграть в истории христианства столь выдающуюся роль: голубь, олицетворяющий душу, освободившуюся из заточения в этом мире; феникс, восстающий из смертного праха; пальмовая ветвь, возвещающая победу; оливковая ветвь, несущая мир; наконец, рыба, приобретающая символическое значение в силу того, что греческое слово *i-ch-th-y-s* («рыба») состояло из начальных букв фразы *Iesus Christos Theou Yios Soter* — «Иисус Христос, Сын Бога, Спаситель». Здесь же мы встречаемся со знаменитой темой Доброго Пастыря, откровенно повторяющей образец танагрской статуи Меркурия, который несет козленка. Иногда эти рисунки наделены подлинно помпейской прелестью, как в цветах, виноградниках и птицах, украшавших потолок гробницы Святой Домициллы; обыкновенно же они представляли собой ничем не примечательные произведения второсортных ремесленников, затемняющих на восточный манер явность классических линий. Христианство было в эти века настолько поглощено заботами о мире ином, что почти не интересовалось украшением мира сего. Оно унаследовало от иудаизма отвращение к скульптуре, смешивало образное искусство с идолопоклонством и презирало статуи и картины за то, что те слишком часто выставляли напоказ наготу. В силу этого рост христианства был ознаменован упадком пластических искусств. Большой популярностью пользовалась мозаика; стены и полы базилик и баптистериев инкрустировались цветами и листьями, сложенными из разноцветных мозаичных плиток, здесь можно было увидеть Пасхального Агнца и картины на темы обоих Заветов. Схожие сцены вырезались в грубых рельефах на саркофагах. Между тем архитекторы приспособили греко-римскую базилику для нужд христианского культа. Маленькие храмы, служившие жилищами языческих богов, были не способны послужить образцами для церквей, предназначенных для того, чтобы вмещать в себя целые общины. Просторный неф и приделы базилики превосходно подходили для этой цели, а ее апсида, казалось, по природе была предназначена для того, чтобы служить святилищем. В этих новых храмах исполнялась христианская музыка, робко унаследовавшая нотное письмо, тональности и гаммы греков. Многие теологи с неодобрением относились к женскому пению в церкви, как и в любом другом общественном месте; женский голос способен пробудить далекий от священного интерес в вечно увлекающихся мужчинах³¹. И тем не менее прихожане часто выражали в гимнах свои надежды, благодарность и радость; так музыка становилась одним из прекраснейших украшений и изысканнейших служителей христианской веры.

В общем, человечество никогда прежде не знало религии столь привлекательной. Она обращалась ко всем индивидуумам, классам и народам без ограничений; она не замыкалась в рамках одной-единственной нации, как

иудаизм, или в пределах класса свободных граждан одного государства, как официальные культы Греции и Рима. Делая всех людей наследниками победы Христа над смертью, христианство провозглашало фундаментальное равенство всех людей и преходящесть всех земных различий и сословий. Несчастливым, увечным, скорбящим, горящим и униженным оно подарило новую добродетель — сострадание — и облагораживающее достоинство; оно даровало им вдохновляющую фигуру, историю и этику Христа; оно украсило их жизни надеждой на приход Царства и нескончаемое блаженство за гробом. Оно обещало прощение даже величайшим из грешников и их полное принятие в общество спасенных. Умы, волнующие неразрешимыми проблемами происхождения и предназначения, зла и страдания, находили в нем ниспосланное Богом систематическое учение, в котором даже самые простые души могли наконец найти успокоение. Мужчинам и женщинам, запутавшимся в прозе бедности и тяжелого труда, оно подарило поэзию таинств и Мессы, ритуала, превращавшего любое сколько-нибудь значительное жизненное событие в исполненную смысла сцену из волнующей драмы взаимоотношений между Богом и человеком. В моральный вакуум умирающего язычества, в ледяной холод стоицизма и испорченность эпикурейства, в мир, изнемогающий от жестокости, насилия, угнетения и сексуального хаоса, в замирившую Империю, которая, казалось, не нуждается больше в мужских доблестях и божествах войны, оно принесло новую мораль братства, доброты, порядочности и мира.

Отвечающая людским чаяниям религия распространялась с неслыханной быстротой. Почти каждый новообращенный с жаром революционера превращался в пропагандиста. Дороги, реки и морские побережья, торговые маршруты и созданные в империи благоприятные условия сообщения определили силовые линии роста христианства: на восток от Иерусалима оно продвинулось к Дамаску, Эдессе, Дуре, Селевкий и Ктесифону, на юге через Бостру и Петру оно достигло Аравии, на запад оно распространялось через Сирию и Египет, на севере через Антиохию оно проникло в Малую Азию, из Эфеса и Троады оно, переправившись через Эгейское море, попадает в Коринф и Фессалонику, по Эгнациевой дороге оно добиралось до Дуррахия, через Адриатику попадает в Брундизий или через Сциллу и Харибду — в Путеолы и Рим, через Сицилию и Египет — в Северную Африку, по средиземноморским маршрутам или через Альпы — в Испанию и Галлию, а отсюда в Британию; крест медленно продвигался вслед за фациями, и римские орлы расчищали путь для Христа. Малая Азия была в эти века оплотом христианства; к 300 г. большинство населения Эфеса и Смирны составляли христиане³². Новая вера достигла больших успехов в Северной Африке: Карфаген и Гиппон стали ведущими центрами христианского образования и споров; здесь поднялись великие отцы Латинской Церкви — Тертуллиан, Киприан, Августин; здесь оформились латинский текст Мессы и первый латинский перевод Нового Завета. В Риме христианская община к концу третьего столетия насчитывала около ста тысяч членов; она имела возможность посылать финансовую помощь другим конгрегациям; давно уже она притязала на то, чтобы ее епископ был верховным авторитетом Церкви. В общем, можно считать, что население Востока было к 300 году христианским на треть, а население Запада на одну двадцатую. «Люди утверждают, — пишет Тертуллиан (около 200 г.), — что государство осаждено нами. Все возрасты, состояния и звания переходят к нам. Мы появились только вчера, но мир уже полон нами»³³.

II. СТОЛКНОВЕНИЕ ВЕРОУЧЕНИЙ

Было бы удивительным, если бы во множестве сравнительно независимых центров христианства, подпадавших под воздействие различных традиций и окружения, разнообразие обычаев и вероучений замедлило выступить на поверхность. Греческое христианство было особенно склонно, прямо-таки обречено пережить наплыв ересей в силу метафизических и склонных к спору навыков греческого ума. Понять христианство можно лишь в перспективе этих ересей, ибо даже побеждая их, оно перенимало отчасти их окраску и форму.

Разрозненные общины были объединены одной верой: Христос — Сын Божий, он вернется, чтобы установить свое Царство на земле, и все верующие в него будут вознаграждены на Страшном Суде вечным блаженством. Однако среди христиан не было единодушия относительно сроков второго пришествия. Когда погиб Нерон и Тит разрушил Храм, а затем когда Адриан сокрушил Иерусалим вновь, многие христиане приветствовали эти катастрофы как предзнаменования второго пришествия. Когда Империя на исходе второго века оказалась перед угрозой сползания в хаос, Тертуллиан и многие другие думали, что конец света близок³⁴; некий сирийский епископ вывел свою паству в пустыню, чтобы встретить Христа на полпути, а епископ Понта дезорганизовал жизнь своей общины, объявив, что Христос вернется в течение года³⁵. Поскольку все эти знамения оказались ложными и Христос не явился, наиболее рассудительные христиане решили смягчить разочарование, предложив новую датировку его возвращения. Он вернется через тысячу лет, гласило послание, приписывавшееся Варнаве³⁶; он придет, говорили самые осторожные, когда «поколение» или род евреев совсем угаснет или когда Евангелие будет проповедано всем язычникам; Евангелие от Иоанна гласило, что вместо себя он пошлет Дух Святой, или Параклита. Наконец, Царство было перенесено с земли на небо, из мира сего — в мир за гробом. Даже вера в тысячелетие — в возвращение Иисуса через тысячу лет — не поощрялось Церковью и в конце концов была осуждена как ересь. Вера во Второе Пришествие явилась краеугольным камнем христианства, выжившего благодаря надежде на небеса*.

Если не принимать во внимание эти основные догматы, последователи Христа придерживались в первые три века нашей эры сотен вероучений. Мы неверно поняли бы основную функцию истории — а именно прояснять настоящее светом прошедшего, — если бы решили сейчас пуститься в детальное изложение тех многообразных религиозных верований, которые пытались овладеть Церковью и потерпели крах и которые Церкви пришлось одно за другим заклеить как вносящие раскол ереси. Гностицизм — искание богоравного

* Тысячи христиан, включая тех, кто действительно следует заветам христианства, истолковывают беды нашего времени как предсказанные знамения скорого возвращения Христа. Миллионы христиан, нехристиан и атеистов по-прежнему верят в неперемнное осуществление рая на земле, где не будет ни зла, ни войн. Исторически, вера в небеса и вера в утопию напоминают компенсаторную связку ведер, опущенных в колодезь: когда одно из них опускается, другое идет вверх. Когда классические религии переживали упадок, коммунистическая агитация велась в Афинах (430 г. до н.э.) и начиналась революция в Риме (133 г. до н.э.); после того, как эти движения потерпели крах, их место заняли религии воскресения, кульминацией которых стало христианство; когда в восемнадцатом веке христианская вера ослабла, вновь явился коммунизм. В этой перспективе религии нечего беспокоиться о своем будущем.

знания (gnosis) мистическими средствами — был не столько ересью, сколько соперником. Он был старше христианства и развивал теории о Сотере, или Спасителе, еще до появления на свет Христа³⁷. Тот самый Симон Маг из Самарии, которого Павел упрекал в «симонии», был, вероятно, автором «Великого Изложения», в котором были собраны воедино путанные восточные представления о сложной иерархической лестнице, ведущей человеческий разум к божественному всеобщему знанию. В Александрии орфическая, неопифагорейская и неоплатоническая традиции, смешавшись с философией Логоса, развитой Филоном, вдохновили Василида (117 г.), Валентина (160 г.) и других на создание эзотерических систем божественных эманаций и персонафицированных мировых «эонов». В Эдессе Бардесан (200 г.) положил начало литературному сирийскому языку, описывая эти зоны стихами и прозой. В Галлии гностик Марк обещал открыть женщинам тайны их ангелов-хранителей; его откровения были пропитаны лестью, а наградой ему были сами слушательницы³⁸.

Величайший из ранних еретиков был не совсем гностиком, но находился под значительным влиянием гностической мифологии. Около 140 г. Маркион, богатый молодой человек из Синопы, явился в Рим, дав обет в том, что он завершит начатую Павлом эмансипацию христианства от иудаизма. Христос Евангелий, говорил Маркион, описывал своего отца как Бога кротости, прощения и любви; но Яхве Ветхого Завета был жестоким богом беспощадной справедливости, тирании и войны; этот Яхве не мог быть отцом милосердного Христа. Разве добрый бог, спрашивал Маркион, обрек бы на несчастья целое человечество только за съеденное яблоко, или за стремление к знанию, или за любовь к женщине? Яхве существует и является создателем мира; но он сотворил плоть и кости человека из материи, и потому человеческая душа была заключена в худую оболочку. Чтобы освободить душу, Бог, более милосердный, чем Яхве, послал на землю своего сына; Христос явился людям уже тридцатилетним, в иллюзорном, ненастоящем теле и своей смертью завоевал для добродетельных привилегию на чисто духовное воскресение. Добродетельными Маркион называл тех, кто вслед за Павлом отреклись от Яхве и иудейского Закона, отвергли еврейские Писания, чуждаются брака и любого чувственного удовольствий, побеждая плоть строгой аскезой. Для распространения этих идей Маркион издал Новый Завет, состоявший из Евангелия от Луки и посланий Павла. Церковь извергла его из своих рядов, вернув ему значительную сумму, которую он подарил ей, появившись в Риме.

В то время как гностические секты быстро находили новых приверженцев на Востоке и Западе, в Мисии явился новый ересиарх. Около 156 г. Монтан решительно обрушился на современное ему христианство за то, что оно якобы слишком обмирщилось, а автократия епископов значительно возросла. Он требовал вернуться к простоте и суровости первоначального христианства и восстановил право прихожан на пророчество, или «боговдохновенные» речи. Две женщины — Присцилла и Максимилла — поймали его на слове и стали погружаться в религиозные трансы; их изречения стали живыми оракулами этой секты. Сам Монтан пророчествовал в своих экстазах настолько красноречиво, что его фригийские сторонники — с тем же религиозным энтузиазмом, который некогда произвел на свет Диониса, — приветствовали его как Параклита, обещанного Христом. Он объявил, что Царствие Небесное близко и что Новый Иерусалим Апокалипсиса опустится вскоре на близлежащую рав-

нину. В назначенное место за ним последовала такая толпа, что некоторые города почти полностью обезлюдели. Как и в раннем христианстве, были забыты брак и родительские обязанности, имела место общность имущества, и сосредоточенный аскетизм подготавливал мягкую душу к встрече с Христом³⁹. Когда около 190 г. римский проконсул Антоний организовал гонения на христиан в Малой Азии, сотни монтанистов, стремившихся попасть в рай, толпились перед его трибуналом и искали мученической смерти. Он не мог удовлетворить желания сразу всех; некоторые были казнены, но большинство было отпущено со словами: «Жалкие создания! Если вы желаете смерти, то разве недостаточно веревок и обрывов?»⁴⁰ Церковь боролась с монтанизмом как с ересью, и в шестом веке Юстиниан приказал покончить с этой сектой. Некоторые монтанисты собирались в своих храмах, поджигали их и сгорали заживо⁴¹.

Ересям менее значительным не было ни числа, ни счета. Энkratиты воздерживались от мяса, вина и половой жизни; «постыющиеся» практиковали самоумерщвление и считали брак грехом; докетисты учили, что тело Христа было оптическим обманом, а не человеческой плотью; феодотиане считали его только человеком; адопционисты и последователи Павла из Самосаты учили, что он родился человеком, но достиг божественности благодаря нравственному совершенству; модалисты, савеллиане и монархиане видели в Отце и Сыне лишь одно лицо, монофизиты — единственную природу, монофелиты — единственную волю. Церковь одолела их в силу лучшей организованности, доктринального упорства и более глубокого понимания нравов и нужд человечества.

В третьем веке новая угроза возникла на Востоке. На коронации Шапура I (242 г.) молодой персидский мистик из Ктесифона — Мани — провозгласил себя Мессией, который послан на землю истинным Богом, дабы реформировать религиозную и нравственную жизнь человечества. Заимствуя из зороастризма, митраизма, иудаизма и гностицизма, Мани делил мир на противоположные царства Тьмы и Света; земля принадлежала к державе Тьмы, и Сатана сотворил человека. И все же ангелы Бога Света незаметно снабдили человеческую природу некоторыми элементами света — духом, разумностью, пониманием. Даже в женщине, говорил Мани, заключены искорки света; но женщина — это шедевр Сатаны, его главный агент, склоняющий человека ко греху. Если человек откажется от половой жизни, идолопоклонства и колдовства и будет жить, как аскет, — постясь и не употребляя в пищу мяса, элементы света в нем одолеют его сатанинские порывы и, словно ласковый светоч, приведут его к спасению. После тридцати лет успешной проповеднической деятельности Мани был распят по внушению жрецов-магов, и его кожа, набитая соломой, была вывешена у одних из городских ворот в Сузах. Мученичество загло в манихейцах пламенную веру; учение Мани получило распространение в Западной Азии и Северной Африке, на десять лет сделало своим приверженцем Августина, пережило гонения Диоклетиана и экспансию ислама и угасало в течение тысячелетия, пока не пришел Чингисхан.

Древние религии по-прежнему претендовали на то, что в их лоне остается большинство населения Империи. Иудаизм собирал своих обедневших изгнанников в рассеянных по всей ойкумене синагогах и изливал свое благочестие в Талмуды. Сирийцы по-прежнему поклонялись своим Баалам под эллинистическими именами, а египетские жрецы преданно лелеяли свой зооморф-

ный пантеон. Кибела, Исида и Митра пользовались популярностью вплоть до исхода четвертого века; при Аврелиане римское государство покорил модифицированный митраизм. Обетные приношения по-прежнему поступали в храмы классических богов, посвященные и кандидаты на посвящение стекались в Элевсин, и по всей Империи честолюбивые граждане выказывали знаки уважения императорскому культу. Но классические религии выдохлись, из них ушла жизнь. Они не вызывали более, за исключением отдельных случаев, той горячей преданности, которая животворит веру. Нельзя сказать, что греки и римляне разочаровались в этих верованиях, бывших некогда столь прелестными и суровыми; скорее они потеряли волю к жизни, и их численность настолько сократилась под влиянием падения рождаемости, физиологического истощения и опустошительных войн, что храмы теряли своих почитателей по мере того, как оказывались заброшенными крестьянские усадьбы.

Около 178 г., пока Аврелий сражался с маркоманами на Дунае, язычество предприняло энергичную попытку сопротивления христианству. Мы знаем о ней только по книге Оригена *«Против Цельса»* и цитатам из *«Правдивого слова»* Цельса, отважно приводимых христианским автором. Этот уже второй Цельс в нашем повествовании был скорее человеком света, чем спекулятивным философом; он осознавал, что дорогая ему цивилизация неразрывно связана с древней римской религией, и решил защитить эту веру, напав на христианство, вызов которого был в его эпоху наиболее грозным. Он настолько глубоко изучил эту новую религию, что ученый Ориген был ошеломлен его эрудицией. Цельс подвергал сомнению достоверность Писания, нападал на характер Яхве, высмеивал чудеса Христа и настаивал на несовместимости смерти Христа с его всемогущей божественностью. Он высмеивал христианскую веру в последний мировой пожар, Страшный Суд и телесное воскресение:

Нелепо... думать, что когда бог, как повар, разведет огонь, то все человечество изжарится, а они одни останутся, притом не только живые, но и давно умершие вылезут из земли во плоти — воистину надежда червей! ...Христиане способны убедить лишь простаков, невежд, людей бесчувственных — рабов, женщин и детей; каждый из этих валяльщиков шерсти, сапожников и сукновалов — самых невежественных и заурядных людей — грешник или богом обиженный простак ⁴².

Цельс был встревожен распространением христианства, его презрительной враждебностью к язычеству, военной службе и государству. Как сможет защищать себя Империя, со всех сторон осаждаемая варварами, если ее жители поддадутся столь пацифистской философии? Хороший гражданин, полагал он, должен выполнять требования религии своего времени и своей страны, не критикуя публично ее нелепости; что действительно важно, так это объединяющая вера, которая поддерживает нравственность и гражданскую лояльность. Затем, позабыв о нападках, с которыми он обрушился на христиан, Цельс призывает их вернуться к старым богам, поклоняться хранящему Империю *гению* императора и встать вместе с остальными на защиту угрожаемого государства. Но практически никто не обратил на него внимания; языческая

литература не упоминает его имени, и он был бы совершенно забыт, не возмись Ориген опровергнуть его утверждения. Константин был мудрее Цельса: он знал, что мертвая вера не может спасти Рим.

III. ПЛОТИН

Ко всему прочему, Цельс явно шел наперекор тенденциям своего времени; он просил людей вести себя так, словно они были джентльменами-скептиками, когда на деле они бежали от общества, поработившего столь многих из них, в мистический мир, где каждый человек становился богом. Это ощущение присутствия сверхчувственных сил, которое является фундаментом религии, господствовало теперь повсюду, побеждая материализм и детерминизм более горделивых эпох. Философия перестала заниматься истолкованием того чувственного опыта, который составляет царство науки, и посвятила себя изучению невидимого мира. Неопифагорейцы и неоплатоники развили теорию Пифагора о переселении душ и платоновское созерцание Божественных Идей в аскетизм, целью которого было обострить духовное восприятие приглушением физической чувственности и самоочищением вновь подняться по тем ступеням, через которые некогда душа низверглась с небес, попав в человеческую оболочку.

Плотин знаменует кульминацию этой мистической теософии. Родившийся в 203 г. в Ликополе, он был египтянином-коптом с римским именем и греческим образованием. В двадцать восемь лет он открыл для себя философию, переходил, неудовлетворенный, от учителя к учителю, пока не нашел в Александрии человека, которого искал. Аммоний Саккас, христианин, обратившийся в язычество, попытался примирить христианство с платонизмом, к чему будет стремиться и его ученик Ориген. Проучившись у Аммония десять лет, Плотин присоединился к отправляющейся в Персию армии, надеясь познакомиться с мудростью магов и брахманов из первых рук. Он дошел до Месопотамии, откуда вернулся в Антиохию, затем пришел в Рим (244 г.) и оставался здесь до самой смерти. Его философская школа была настолько модной, что император Галлиен сделал его своим придворным фаворитом и согласился помочь ему основать в Кампании идеальный Платонполь, управляемый на принципах, изложенных в *«Государстве»*. Позднее Галлиен взял назад свое обещание, щадя, быть может, Плотина от бесславного провала.

Плотин вернул философии ее репутацию, живя, словно святой, среди римской роскоши. Он не заботился о своем теле, и Порфирий говорит, что «он стыдился того, что его душа обладает телом»⁴³. Он отказывался позировать художникам на том основании, что тело — самая маловажная часть его самого, — намек на то, что искусство должно искать душу. Он совсем не ел мяса и очень мало хлеба, его привычки были весьма просты, характер — добр. Он избегал любых половых связей, однако и не осуждал их. Его скромность выдавала в нем человека, который видит часть в перспективе целого. Когда Ориген появился на его лекции, Плотин покраснел и пожелал прекратить занятия, говоря: «Пыл угасает, когда оратор чувствует, что его слушателям нечему научиться у него»⁴⁴. Он не был красноречив, но его преданность своему предмету и неподдельная искренность превосходно возмещали недостаток ораторского мастерства. Неохотно и лишь в конце жизни он доверяет

свои учения бумаге. Он никогда не пересматривал первоначальную редакцию и несмотря на издательские труды Порфирия, «Эннеады» — одно из самых беспорядочных и трудных произведений во всей истории философии*.

Плотин был идеалистом, милостиво признававшим существование материи. Но материя сама по себе, доказывал он, является лишь неоформленной возможностью формы. Любая форма, которую принимает материя, придается ей ее внутренней энергией или душой (*psyche*). Природа представляет собой совокупную энергию или душу, производя все существующие в мире формы. Не низший уровень реальности производит на свет высший, но более высокое существо — душа — производит низшее — воплощенную форму. Рост человеческого человека, начиная с его пребывания в чреве матери, проходя через формирование органа за органом, вплоть до достижения зрелости, является результатом деятельности *psyche*, или жизненного принципа, заключенного в нем. Тело постепенно приобретает свою окончательную форму, движимое побуждениями и указаниями души. Все имеет душу — внутреннюю энергию, которая порождает внешнюю форму. Материя является злом лишь до тех пор, пока не приобрела зрелую форму; это — как бы приостановленное развитие, и зло является возможностью добра.

Мы знаем материю только благодаря идее — ощущению, восприятию, мысли; то, что мы называем материей, есть (как сказал бы Юм) лишь пучок идей; самое большее, чем она может быть, — это ускользающим гипотетическим нечем, воздействующим на наши нервные окончания («постоянная возможность ощущения» Милля). Идеи нематериальны; понятие пространственной протяженности к ним, очевидно, не применимо. Способность иметь идеи и пользоваться ими есть разум (*nous*); он является вершиной составляющей человека триады — тела, души и духа. Разум детерминирован в той мере, насколько он зависит от ощущений; он свободен постольку, поскольку является высочайшей формой созидающей, «формирующей» души.

Тело — одновременно и орудие и темница души. Душа знает о существовании реальности более высокого типа, чем тело; она чувствует свою порочность с некой куда более обширной душой, некой космической жизнетворческой силой; и в моменты беспрепятственного парения мысли она надеется на воссоединение с той высшей духовной реальностью, от которой она отпала в результате какой-то первоначальной катастрофы и бесчестия. С точки зрения логической последовательности, Плотин капитулирует здесь перед гностицизмом, который он намеревался опровергнуть, и описывает нисхождение души, минующей различные уровни, с небес в человеческое тело; в общем, он предпочитает придерживаться индуистского представления о том, что душа переходит из низшей формы жизни и наоборот согласно своим добродетелям и порокам в каждом воплощении. Иногда он иронически настраивает себя на пифагорейский лад: тот, кто слишком любил музыку, станет в своей следующей аватаре певчей птицей, а сверхзоркие философы воплотятся в орлов⁴⁶. Чем более развита душа, тем настойчивей ищет она свои божественные истоки, словно дитя, потерявшее своего родителя, или странник, тоскующий по дому. Если она способна к добродетели или к истинной

* Порфирий распределил сорок пять трактатов на группы из девяти (*ennea*) на том основании, что в теории Пифагора девятка является совершенным числом, ибо это квадрат трех, а последнее число символизирует тройственность совершенной гармонии⁴⁵.

любви, к преданности Музам или терпеливому философскому труду, она отыщет лестницу, по которой спустилась, и взойдет по ней к своему Богу. Пусть же душа очищается, пусть страстно стремится к невидимой сущности, пусть забудет о мире, погрузившись в медитацию; неожиданно, быть может, когда смолкнет шум, возбуждаемый чувствами, и материя прекратит стучаться во врата разума, душа ощутит, что она окунулась в океан бытия, последнюю духовную реальность. («Иногда,— писал Торо, праздно дрейфуя по течению Уолдена,— я перестаю жить и начинаю быть».)

«Когда это случится,— говорил Плотин, душа увидит божество настолько близко, насколько это позволено... И она увидит, что озарена сиянием, полна умным светом; или скорее она почувствует, что стала чистым светом, ничем не обремененным, стремительным, что она становится богом»⁴⁷.

Но что есть Бог? Он тоже триада — единое (*hen*), разум (*nous*) и душа (*psyche*). «Выше Бытия находится Единое»⁴⁸: под кажущимся хаосом земной множественности лежит объединяющее жизненное начало. Мы не знаем о нем почти ничего, кроме того, что оно существует. Любое положительное прилагательное или исходящее из предубеждения местоимение, которыми мы стали бы оперировать, говоря о нем, окажутся ничем не оправдываемыми ограничениями его сущности; мы можем называть его лишь Единым, Первым и Благом как объект наших самых возвышенных устремлений. Из этого Единства истекает Мировой Разум, соответствующий Платоновым Идеям, формальным образцам и законам, правящим вещами; Идеи являются, так сказать, мыслями Бога, Разумом в Едином, рациональным порядком универсума. Так как Идеи неколебимы, в то время как материя представляет собой калейдоскоп преходящих очертаний, они единственные обладают подлинной или пребывающей реальностью. Но Единое и Разум, хотя Вселенная зиждется именно на них, не являются ее создателями; эта функция выполняется третьей ипостасью божества — житнетворным принципом, наполняющим все вещи и наделяющим их способностями и предопределенной формой. Все — от атомов до планет — обладает приводящей в движение душой, которая, в свою очередь, является частью Души Мира; каждый *Атман* есть *Брахман*. Отдельная душа бессмертна лишь как жизненная сила или энергия, но не как индивидуальный характер⁴⁹. Бессмертие не есть сохранение личности; это погружение души в не-знающее-смерти.

Добродетель — это движение души к Богу. Красота — это не только гармония и пропорция, как думали Платон и Аристотель, но живая душа или божество, незримо присутствующее в вещах; это — господство души над телом, формы над материей, разума над вещами; искусство — это перенесение этой рациональной или духовной красоты в иную среду. Душа может быть закалена таким образом, что от преследования прекрасного в материальных или человеческих формах она перейдет к его поиску в скрытой душе Природы и ее законов, в науке и открываемом ею изощренном порядке, наконец в божественном Едином, в котором собраны все вещи — даже противоборствующие и враждующие — и пронизаны возвышенной и чудесной гармонией⁵¹. В конечном счете красота и добродетель — едины, это — единство и сотрудничество части с целым.

Уйди в себя и осмотришь. И если ты не находишь себя прекрасным, действуй так, как поступает скульптор... он отсекает здесь, приглаживает там, эту линию он делает более легкой, ту — более чистой, пока его руками не будет изваяно прелестное лицо. Поступай так и ты: отсекай все лишнее, выпрямляй все, что криво... и никогда не уставай вытачивать свою статую, пока... не увидишь, что в беспорочной святине живет совершенная добродетель⁵².

Мы чувствуем в этой философии ту же духовную атмосферу, в которой существовало современное Плотину христианство — уход кротких умов из гражданской жизни в религию, бегство от государства к Богу. Отнюдь не случайно, что Плотин и Ориген были соучениками и друзьями и что Климент развивал в Александрии христианский платонизм. Плотин — последний из великих языческих философов; как Эпиктет и Аврелий, он был христианином без Христа. Христианство приняло практически все, написанное им, и мы встретим немало отголосков идей этого высочайшего мистика на страницах блаженного Августина. Благодаря Филону, Иоанну, Плотину и Августину Платон одержал победу над Аристотелем и проник в глубочайшие пласты теологии Церкви. Пропась между философией и религией смыкалась, и разум на тысячу лет согласился пойти в услужение к теологии.

IV. ЗАЩИТНИКИ ВЕРЫ

Церковь привлекла на свою сторону некоторые сильнейшие умы империи. Игнатий, епископ Антиохийский, положил начало мощной династии послеапостольских «Отцов», подаривших христианству философию и одолевших его врагов при помощи логики. Приговоренный к тому, чтобы быть брошенным на съедение зверям, из-за отказа отречься от своей веры (108 г.), Юстин составил на пути в Рим несколько писем, чье горячее воодушевление свидетельствует о решимости, с которой христиане шли навстречу смерти:

Я свидетельствую, что умираю во имя Бога добровольно, и приказываю вам не препятствовать мне. Молю вас, не проявляйте ко мне несвоевременной доброты. Перенесите то, что меня пожрут дикие звери, благодаря которым я смогу достичь Бога... Лучше научите зверей стать моей могилой и не оставить от моего тела и следа, чтобы, когда я усну, мне не пришлось обременять кого-либо... Я стремлюсь к зверям, уготованным мне... Пусть мне предстоят огонь и крест, схватки со зверями, пусть меня разорвут и раздерут на части, вздернут на дыбу, изрубят члены, пусть меня подвергнут адским мучениям и истолкут мое тело, если таким способом мне удастся достичь Иисуса Христа!⁵³

Квадрат, Афинагор и многие другие писали «Апологии» христианства, обычно адресуемые императору. Минуций Феликс, в почти цицероновском диалоге, позволил своему Цецилию достойно защищать язычество, но вложил в уста своего Октавия столь любезные речи, что почти убедил Цецилия

принять христианство. Юстин из Самарии, придя в Рим в правление Антонина, открыл здесь школу христианской философии и в двух красноречивых «Апологиях» пытался убедить императора и «Истиннейшего Философа» в том, что христиане — лояльные граждане, своевременно уплачивающие налоги и способные, если с ними дружественно обращаться, стать ценной опорой государства. Несколько лет он учил никем не тревожимый; однако он был остер на язык, что создало ему врагов, и в 166 г. соперничавший с ним философ подбил власти арестовать Юстина и шестерых его последователей и всех предать смерти. Двадцать лет спустя Ирений, епископ Лионский, нанес мощный удар во имя единства Церкви своим сочинением *Adversus haereses*, «Против ересей». Единственный способ не дать христианству распасться на тысячу сект, утверждал Ирений, — смиренно признать всем христианам единственный доктринальный авторитет — постановления епископских соборов.

Самым доблестным поборником христианства был в эту эпоху Квинт Септимий Тертуллиан, из Карфагена. Родившийся в этом городе около 160 г. в семье римского центуриона, он изучал риторику в той же школе, в которой приобретал ораторские навыки и Апулей; затем он несколько лет занимался правом в Риме. В середине жизни он был обращен в христианство, женился на христианке, отказался ото всех языческих удовольствий и был рукоположен в священники. Все умения и приемы, полученные им в годы изучения риторики и права, были поставлены отныне на службу христианской апологетике, к которой он обратился со всем пылом новообращенного. Греческое христианство было теологическим, метафизическим, мистическим; Тертуллиан сделал латинское христианство этическим, юридическим, практическим. Он обладал энергией и ядовитостью Цицерона, сатирической непристойностью Ювенала и иногда мог соперничать с Тацитом в умении насытить фразу едкой кислотой. Ирений писал на греческом; после Минуция и Тертуллиана христианская литература становится на Западе латинской, а латинская — христианской.

В 197 г., когда римские магистраты преследовали в Карфагене христиан, обвиняя их в государственной измене, Тертуллиан адресовал воображаемому суду самое красноречивое из своих произведений — *Apologeticus*. Он уверял римлян, что христиане «всегда молятся за всех императоров, чтобы... их династия была благополучна, армии — отважны, сенат — предан, а мир — прочен»⁵⁴. Он воспевал величие монотеизма и находил его предчувствия в произведениях дохристианских писателей. О *testimonium animae naturaliter Christianae!* — воскликнул он, счастливо найдя нужные слова. — «Взгляните на свидетельство души — христианки по самой своей природе!»⁵⁵. Годом позже, перейдя с поразительной быстротой от убеждения и защиты к яростной атаке, он издает *De Spectaculis* — презрительное описание римских театров как цитаделей непристойности и амфитеатров как вершины бесчеловечности человека к человеку. Он завершает свое сочинение грозными и горькими словами:

Настанут иные зрелища — придет последний, вечный День Суда... когда весь этот старый мир и все его поколения будут пожраны пламенем. Что за зрелище ожидает нас в этот день! Как буду я удивляться, смеяться, ликовать и торжествовать, когда увижу столько царей — якобы взятых на небо — рыдающими в глуби-

нах мрака, когда увижу магистратов, гнавших само имя Христово, сгорающими в пламени более жарком, чем то, что было возжено ими против христиан, когда увижу мудрецов и философов, сгорающих от стыда перед своими учениками, которые будут жариться на одном огне... когда увижу трагических актеров, куда более голосистых тогда — в годину их собственной трагедии, и игроков, куда более гибко извивающихся в огне, чем на сцене, и возниц, обьятых ярким пламенем на огненном колесе!⁵⁶

Столь нездоровая напряженность воображения не способна занимать ортодоксальные позиции. Когда Тертуллиан состарился, та энергия, с которой он прежде домогался удовольствий, обратилась теперь в яростное отрицание любого утешения, кроме веры и надежды. Он обращался к женщинам предельно грубо, называя их «вратами, через которые входит демон», и говоря, что «это из-за вас умер Иисус Христос»⁵⁷. Когда-то он увлекался философией и написал *De Anima*, в которой совмещал стоическую метафизику с христианством. Теперь он отказался от любого аргументированного доказательства, независимого от откровения, и торжествовал от сознания неправдоподобия своей веры. «Сын Божий умер: верю именно потому, что нелепо (*inertum*). Он был погребен и восстал вновь: это достоверно, ибо невозможно»⁵⁸. Погрузившись в угрюмый пуританизм, Тертуллиан в пятьдесят семь лет отверг ортодоксальную Церковь за то, что она слишком тесно связала себя с миром, и ухватился за монтанизм как более последовательное проведение в жизнь учений Христа. Он осуждал всех христиан, что становились солдатами, художниками или государственными чиновниками, всех родителей, что не скрывали лица своих дочерей, всех епископов, что принимали раскаявшихся грешников назад в общину; наконец, он назвал папу *pastor moechorum* — «пастырем прелюбодеев»⁵⁹.

Несмотря на Тертуллиана, в Африке Церковь процветала. Такие способности и преданные епископы, как Киприан, сделали Карфагенский диоцез почти столь же богатым и влиятельным, как римский. В Египте Церковь росла медленнее и ранние стадии этого процесса для истории потеряны; внезапно, в конце второго века мы слышим о существовании Катехизической школы, в Александрии, которая сочетала христианство с греческой философией и произвела двух крупных отцов Церкви. И Климент, и Ориген были прекрасно начитаны в языческой литературе и любили ее на свой собственный лад; если бы их дух возобладал, раскол между классическим миром и христианством не был бы столь разрушителен.

Когда Оригену Адамантию было семнадцать лет (202 г.), его отец был арестован как христианин и приговорен к смерти. Мальчик хотел разделить с ним заключение и мученический конец; мать, которой не удалось удержать его другими средствами, спрятала всю его одежду. Ориген послал отцу письма ободрения: «Не обращай внимания на нас, — увещевал он его, — не изменяй своим убеждениям ради нас»⁶⁰. Отец был обезглавлен, и юноше предстояло взвалить на себя заботы о матери и шести маленьких детях. Вдохновленный многими мученичествами, свидетелем которых ему довелось стать, он преисполнился глубокого благочестия и зажил жизнью аскета. Он много постился, спал мало и на голой земле, не носил обуви, нагим выходил на холод; наконец, буквально истолковав место из Евангелия от Матфея (XIX, 12), он соб-

стенноручно оскотил себя *. В 203 г. он сменил Климента на посту главы Катеизической школы. Хотя ему было только восемнадцать, его ученость и красноречие привлекли к нему немало студентов, как христиан, так и язычников, и слава о нем разнеслась по всему христианскому свету.

Некоторые древние оценивали количество его «книг» в шесть тысяч; многие из них, разумеется, представляли собой коротенькие брошюры; и все равно Иероним спрашивал: «Кто из нас способен прочесть все то, что он написал?» ⁶². Из любви к Библии, которая, в детстве выученная наизусть, стала частью его разума, Ориген потратил двадцать лет на то, чтобы, наняв корпус стенографов и переписчиков, свести в параллельные колонки еврейский текст Ветхого Завета, греческую транслитерацию этого текста и греческие переводы Семидесяти, Аквилы, Симмаха и Феодотиона **. Путем сличения этих различных переводов и используя свое знание еврейского, Ориген представил Церкви исправленную Септуагинту. Не довольствуясь этим, он снабдил комментариями, иногда весьма обширными, все книги Библии. В *Peri archon* («О началах») ему первому удалось стройным философским языком изложить христианское учение. В «Разрозненных заметках» (*Stromateis*) он взялся за то, чтобы доказать все христианские догмы при помощи сочинений языческих философов. Чтобы облегчить свою задачу, он воспользовался тем самым аллегорическим методом, посредством которого языческие философы приводили Гомера в согласие с разумом, а Филон примирил иудаизм с греческой философией. Буквальное значение Писания, доказывал Ориген, лежит поверх двух более глубоких значений — морального и нравственного, — проникнуть в которые под силу лишь эзотерическому и образованному меньшинству. Он поставил под сомнение истинность Книги Бытия в ее буквальном понимании: он объяснял в символическом ключе неприглядные аспекты сделок Яхве с Израилем и напроць отвергал как легенды такие рассказы, как вознесение Сатаной Иисуса на высокую гору и предложение ему земных царств ⁶³. Иногда, внушал он, повествование в Писаниях является вымыслом, призванным сообщить некую духовную истину ⁶⁴. «Какой здравомыслящий человек, — спрашивал он, —

способен предположить, что Первый и Второй и Третий День, и утро, и вечер существовали без солнца, луны или звезд? Кто настолько глуп, чтобы верить, будто Бог, словно крестьянин, разбил в Эдеме сад и поместил в нем древо жизни... так что вкусивший от его плодов получал жизнь?» ⁶⁵

Чем дальше продвигался своим путем Ориген, тем яснее становилось, что это стоик, неопифагорец, платоник и гностик, который тем не менее полон решимости быть христианином. Было бы слишком большой жестокостью требовать от человека отречься от веры, во имя которой он издал тысячу томов и расстался со своей мужественностью. Как и Плотин, он учился у Аммония Саккаса, и временами нелегко провести различие между их филосо-

* «Так как общий метод Оригена сводился к аллегорическому пониманию Писания, — пишет Гиббон, — кажется злосчастной случайностью то, что только в этом месте он понял его буквально» ⁶¹.

** Из этой Гексаплы (Hexapla, «шестерная») до нас дошли только фрагменты. Также утрачена Тетрапла, состоявшая из четырех греческих переводов.

фией и его. Бог у Оригена это не Яхве, но Первоначало всех вещей. Христос — это не человек, описанный в Новом Завете, это — Логос, или Разум, устрояющий мир; как таковой он был создан Богом Отцом и занимает по отношению к нему подчиненное положение⁶⁶. У Оригена, как и у Плотина, душа проходит через множество ступеней и воплощений перед тем, как войти в тело, и после смерти она вновь отправится в тот же долгий путь, пока не предстанет перед Богом. Даже самые незапятнанные души будут какое-то время томиться в Чистилище, но в конце все души будут спасены. После «последнего пожара» будет новый мир со своей длительной историей, затем еще один и еще... Каждый из них будет лучше предыдущего, и вся эта необозримая последовательность времен будет соответствовать божественному предначертанию⁶⁷.

Неудивительно, что Деметрий, епископ Александрийский, взирал с некоторым подозрением на этого блестящего философа, бывшего украшением его диоцеза и переписывавшегося с императорами. Он отказался рукоположить Оригена в духовный сан на том основании, что оскпление сделало его непригодным для исполнения этой миссии. Однако во время путешествия Оригена по Ближнему Востоку два палестинских священника рукоположили его. Деметрий воспротивился этому как вторжению в сферу его компетенции; он созвал собор местного священства, на котором рукоположение было признано недействительным, а Ориген изгнан из Александрии. Ориген удалился в Цезарею и продолжал преподавание. Здесь он написал свою знаменитую апологию христианства «Против Цельса» (248 г.). Широка возвышенного духа позволила ему согласиться с тем, что аргументация Цельса и впрямь сильна, однако он отвечал, что все трудные и неправдоподобные места христианского учения ничто по сравнению с куда менее правдоподобными концепциями язычества. Он заключал отсюда не о нелепости обоих учений, но о том, что христианская вера предлагает более благородный образ жизни, чем можно ожидать от умирающей и идолопоклонской религии.

В 250 г. Дециево гонение докатилось до Цезареи. Ориген, которому было в это время уже шестьдесят пять, был арестован, вздернут на дыбу, на него были надеты оковы и железный ошейник, и много дней он томился в темнице. Однако первым смерть настигла Деция, и Ориген был освобожден. После этого он прожил только три года; попытка окончательно подорвала его телесные силы, и так ослабленные беспощадной аскезой. Он умер таким же бедняком, каким был в самом начале своей учительской деятельности, являясь самым знаменитым христианином своего времени. Так как его еретические воззрения перестали быть достоянием немногочисленных ученых, Церковь сочла необходимым отлучить его. Папа Анастасий осудил его «богохульные мнения» в 400 г., а в 553 г. Константинопольский Собор провозгласил ему анафему. И тем не менее чуть ли не каждый христианский ученый на протяжении многих столетий учился у него и зависел от результатов проделанного им труда, а его защита христианства произвела на языческих мыслителей такое впечатление, какого не удавалось добиться ни одной «апологии» до него. Благодаря ему христианство перестало быть одной только утешающей верой; оно превратилось в полностью оперившуюся философию, поддерживаемую Писанием, но гордо опирающуюся на разум.

V. ОРГАНИЗАЦИЯ ЦЕРКОВНОЙ ВЛАСТИ

Церкви следует простить осуждение Оригена: его принцип аллегорической интерпретации не только сделал возможным доказать что угодно, но одним ударом разделался с повествованиями, содержащимися в Писании, и земной жизнью Иисуса; он восстановил в правах индивидуальное суждение именно тогда, когда попытался защитить веру. Перед лицом враждебного и сильного правительства Церковь нуждалась в единстве; она не могла, не рискуя безопасностью, допустить свое распадение на сотни слабых частей, порождаемых каждым новым интеллектуальным поветрием, непокорными еретиками, экстатическими пророками или блестящими сыновьями. Еще Цельс саркастически замечал, что христиане «вечно расколоты на множество партий, каждый стремится иметь свою»⁶⁶. Около 187 г. Иреней перечислял двадцать разновидностей христианства; около 384 г. Епифаний насчитывал восемьдесят. В каждом вопросе в христианство просачивались чуждые ему элементы, и христианские верующие вливались в новообразованные секты. Церковь чувствовала, что эта полная экспериментов юность близится к концу, вот-вот придет зрелость; настало время определиться в понятиях и установить условия принадлежности к церковной общине. Три трудных шага были совершенно необходимыми: формирование канона Писания, определение церковной доктрины и организация церковной власти.

Христианская литература второго столетия изобиловала евангелиями, посланиями, апокалипсисами и «деяниями». Христиане далеко расходились друг с другом по вопросу, какие из этих писаний должны быть приняты или отвергнуты в качестве авторитетных выражений христианского вероучения. Западные церкви принимали книгу Откровения, восточные в большинстве своем ее отвергали; на Востоке были приняты Евангелие от Евреев и послания Иоанна, в то время как на Западе они не пользовались доверием. Климент Александрийский цитирует как священное писание трактат конца первого века «Учение Двенадцати Апостолов». Маркионова публикация Нового Завета вынудила Церковь действовать решительно. Мы не знаем, когда именно книги нашего Нового Завета были признаны каноническими, то есть аутентичными и боговдохновенными; можно лишь говорить о том, что латинский фрагмент, открытый Муратори в 1740 г., названный его именем и обычно датируемый 180 г., предполагает, что канон к этому времени приобрел фиксированную форму.

Церковные совещания или соборы созывались во втором веке все чаще. В третьем веке доступ на них был оставлен только для епископов. К концу этого века они были признаны последними судьями в вопросах «католической», или всеобщей, христианской веры. Ортодоксия пережила еретические движения потому, что она удовлетворила потребность в строгом вероучении, способном смягчить остроту споров и утишить сомнения, а также потому, что она была поддержана всей мощью Церкви.

Проблема организации сводилась к необходимости определить средоточие церковной власти. После того как материнская Иерусалимская церковь оказалась ослаблена, отдельные конгрегации, за исключением тех случаев, когда они были основаны и находились под протекцией других общин, по видимому, являлись полностью автономными. Однако Римская церковь приязнала на то, что ее основателем является Петр, и цитировала слова Иисуса:

«Поэтому Я говорю тебе: ты — Скала (евр. *Sephas*, греч. *Petros*), и на этой скале (евр. *sephas*, греч. *petra*) Я воздвигну Церковь Мою... Я дам тебе ключи от Царства Небес, и то, что ты запретишь на земле, запретят на небесах, а что разрешишь на земле, разрешат на небесах»⁶⁹. Данное место вызывало подозрения как вставка и как каламбур, до которого мог снизойти лишь Шекспир; однако не лишено правдоподобия, что Петр, пусть и не являвшийся основателем христианской колонии в Риме, проповедовал в ней и назначил ее епископа⁷⁰. Иреней (187 г.) писал, что Петр «доверил Лину сан епископа»; Тертуллиан (200 г.) подтверждал эту традицию; Киприан (252 г.), епископ великого соперника Рима — Карфагена, призывал всех христиан признать главенство Римского престола⁷¹.

Первые епископы, занимавшие «престол Петра», не оставили следа в истории. Третий папа *, Климент, выделяется из их числа как автор сохранившегося письма к Коринфской церкви (96 г.), в котором он призывает ее членов сохранять согласие и порядок⁷². Здесь, лишь одно поколение после смерти Петра, римский епископ авторитетно обращается к христианам отдаленной общины. Другие епископы, признавая «первенство», или примат, римского епископа как прямого преемника Петра, постоянно бросали вызов его власти, дабы провести в жизнь свои собственные решения. Восточные церкви праздновали Пасху на четырнадцатый день еврейского месяца Нисан, вне зависимости от того, на какой день недели он приходился; западные церкви перенесли празднование на ближайшее за этим днем воскресенье. Поликарп, епископ Смирнский, посетив Рим около 156 г., тщетно пытался убедить римского епископа Аникета соблюдать принятую на Востоке дату также и на Западе; по возвращении от отверг предложение папы, сводившееся к тому, что восточные церкви должны отмечать праздник в тот же день, что и западные. Папа Виктор (190 г.) перефразировал запрос Аникета в приказ; палестинские епископы ему подчинились, малоазийские — отвергли, Виктор рассылал письма по христианским общинам, отлучая упорствующие церкви; даже на Западе многие епископы протестовали против столь строгой меры, и Виктор, по видимому, не особенно настаивал на своем.

Его преемник Зефирин (202–218 гг.) был «простым и необразованным» человеком⁷³. Чтобы обзавестись помощником в управлении разросшимся римским епископством, Зефирин посвятил в архидьяконы человека, чья рассудительность вызвала куда меньше подозрений, чем его нравственность. Каллист, говорили его враги, начал свою карьеру рабом, сделался банкиром, растратил доверенные ему средства, был приговорен к каторжным работам, освобожден, инициировал беспорядки в синагоге, был приговорен к работе на сардинских рудниках, бежал оттуда, тайком вписав свое имя в список прощенных преступников, после чего беззаботно прожил десять лет в Антии. После того, как Зефирин доверил его заботам папское кладбище, он перенес его на Аппиеву дорогу, в катакомбы, носящие его имя. По смерти Зефирина Каллист был избран папой, но Ипполит и некоторые другие священники отвергли его, как лицо, малоподходящее для такого поста, и организовали свои, соперничающие с ним церковь и папство (218 г.). Раскол был усугублен доктринальными различиями: Каллист верил в то, что в Церковь могут быть

* Термин *папа* («отец») (англ. *pope*, русск. *папа*), применялся в три первых века по отношению ко всем христианским епископам.

возвращены те, кто после крещения совершил один из смертных грехов (прелюбодеяние, убийство, отступничество), если они заявили о своем раскаянии. Ипполит считал такую мягкость губительной и написал «Опровержение всех ересей», в которой особое внимание уделит ереси Каллиста. Каллист отлучил его, создал компетентную церковную администрацию и энергично отстаивал верховенство Римского престола над всем христианским миром.

Раскол Ипполита был преодолен в 235 г.; но при папе Корнелии (251–253) эта ересь была возрождена двумя священниками — Новатом в Карфагене и Новацианом в Риме, которые основали раскольнические церкви, из которых беспощадно изгоняли крещеных грешников. Карфагенский Собор под руководством Киприана и Римский Собор под руководством Корнелия отлучили от церкви обе группировки. Призыв Киприана о помощи к Корнелию укрепил папство, но когда папа Стефан I (254–257) постановил, что обращенные из еретических сект не должны проходить обряд крещения повторно, Киприан возглавил собрание африканских епископов, на котором папский декрет был отвергнут. Стефан, словно второй Катон, отлучил их во время этой церковной Пунической войны; провидение послало ему раннюю смерть, после чего спор сошел на нет, и отделение сильной африканской церкви не состоялось.

Несмотря на перегибы и отступления, Римский престол наращивал свою мощь практически с каждым новым десятилетием. Его богатства и экуменическая благотворительность повысили его престиж; к нему обращались христиане со всего света за разрешением сколько-нибудь значительных вопросов; он брал на себя инициативу по осуждению и борьбе с ересями и по определению канонического состава Писания. Ему недоставало ученых, и он не мог похвастать именами, сопоставимыми с Тертуллианом, Оригеном или Киприаном; его внимание было обращено скорее на организацию, чем на теорию; он строил и правил, предоставив другим писать и рассуждать. Киприан восставал, но именно он в своем сочинении «*De Catholicae Ecclesiae Unitate*» провозгласил престол или кафедру Петра (*cathedra Petri*) центром и вершиной христианского мира и утверждал перед лицом всего мира те принципы солидарности, единодушия и постоянства, которые явились сущностью и оплотом католической Церкви⁷⁴. К середине третьего века положение и ресурсы папства были настолько сильны, что Деций клялся, что он предпочел бы иметь своим соперником в Риме императора, а не папу⁷⁵. Столица Империи сама собой стала столицей Церкви.

Как иудея дала христианству этику, а Греция метафизику, так Рим дал ему теперь организацию; все эти элементы наряду с дюжиной вобранных в себя христианством соперничавших с ним религий стали составной частью христианского синтеза. Дело было не только в том, что Церковь переняла некоторые религиозные обычаи и формы, распространенные в дохристианском Риме — столу и другие облачения языческого жречества, использование в очищениях фимиама и святой воды, свечи и вечно горящий огонь перед алтарем, почитание святых, архитектуру базилики, римское право как основу канонического права, титул *Pontifex Maximus* для Верховного Первосвященника и, в четвертом веке, латинский язык как благородное и непреходящее средство выражения католического ритуала. Главным даром Рима была прежде всего та грандиозная структура управления, которая после падения светской власти была унаследована Церковью. Вскоре не римские префекты, но епископы будут источником порядка и средоточием власти в городах; митрополиты

или архиепископы будут поддерживать, если не замещать, провинциальных наместников, а синод епископов станет преемником провинциального собрания. Римская Церковь шла по следам, оставленным римской державой; она покорила провинции, украсила столицу, установила единство и дисциплину на всех рубежах. Рим, умирая, даровал жизнь Церкви; Церковь росла, наследуя и принимая на себя ответственность Рима.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Duchesne, I, 38.
- ² Тертуллиан. *Против Маркиона*, V, 8.
- ³ Иероним. *Письма*, XCIII.
- ⁴ Климент Александрийский. *Педагог*, III, 11.
- ⁵ Павел. I Кор., XI, 3.
- ⁶ Лукиан. *Пereгрин Протей*.
- ⁷ Тертуллиан. *Апологетик*, XXXIX, 11–12.
- ⁸ Там же, 5.
- ⁹ Renan, *Marc Aurèle*, 600.
- ¹⁰ Иаков, V, 1; II, 5.
- ¹¹ Там же, I, 10.
- ¹² Renan, *St. Paul*, 402.
- ¹³ Klausner, *From Jesus to Paul*, 113–114.
- ¹⁴ Тертуллиан. *О nocte* (De jejuniis), I, 17; Duchesne, II, 253; Renan, *Christian Church*, 211; Robertson, *History of Freethought*, I, 244.
- ¹⁵ Климент Александрийский. *Педагог*, III, 11; Renan, *Marc Aurèle*, 520.
- ¹⁶ Тертуллиан. *Апологетик*, IX, 8.
- ¹⁷ Gibbon, I, 480.
- ¹⁸ Тертуллиан. *О зрелищах*, I, 3.
- ¹⁹ Sumner, W. G., *War and Other Essays*, 54–55.
- ²⁰ Тертуллиан. *Апологетик*, XLVI, 10.
- ²¹ Friedländer, III, 204; Тертуллиан. *De exhort. Castitatis*, 13; Lea, H. C., *Historical Sketch of Sacerdotal Celibacy*, 41; Robertson, *History of Freethought*, I, 244.
- ²² Плиний Младший, X, 97.
- ²³ Гален, см.: *Hammerton*, IV, 2179.
- ²⁴ Тертуллиан. *О зрелищах*, 23.
- ²⁵ Возможно, антропофагический; ср.: Sumner, *Folkways*, 451.
- ²⁶ Renan, *St. Paul*, 268.
- ²⁷ Frazer, Sir J., *Spirits of the Corn and Wild*, II, 92–93; Carpenter, Edw., *Pagan and Christian Creeds*, 65–67.
- ²⁸ Деян., VIII, 14–17; XIX, 1–6.
- ²⁹ Catholic Encyclopedia, IV, 217–218.
- ³⁰ Мф., XVI, 18; Иоан., XX, 23.
- ³¹ Friedländer, II, 364.
- ³² Renan, *Marc Aurèle*, 449.
- ³³ Тертуллиан. *Апологетик*, XXXVII, 4.
- ³⁴ Он же. *К ежене*, I, 5; Renan, *Marc*, 551; Glover, *Conflict of Religions*, 341.
- ³⁵ САН, XII, 456.
- ³⁶ Lake, K., *Apostolic Fathtes*, I, 395.
- ³⁷ Murray, Sir G., *Five Stages of Greek Religion*, 196.
- ³⁸ Renan, *Marc*, 292.
- ³⁹ Duchesne, I, 196.
- ⁴⁰ Friedländer, III, 192.
- ⁴¹ САН, XII, 459.
- ⁴² Ориген. *Против Цельса*, см. Glover, 252; Carpenter, 220.
- ⁴³ Плотин. *Энеады*, XLIII.
- ⁴⁴ Порфирий. *Жизнь Плотина*, 14.

- ⁴⁵ Mackenna, Stephen, *Essence of Plotinus*, 11 прим.
⁴⁶ Плотин. *Эннеады*, III, 4.
⁴⁷ Там же, VI, 9.
⁴⁸ Там же, V, 1.
⁴⁹ Там же, IV, 1; Inge, *Philosophy of Plotinus*, II, 21–24, 92.
⁵⁰ Плотин, V, 1; III, 7.
⁵¹ Там же, V, 11.
⁵² МакКенна. Введ., XX.
⁵³ См.: Lake, *Apostolic Fathers*, I, 23.
⁵⁴ Тертуллиан. *Апологетик*, XXX, 4.
⁵⁵ Там же, XVII, 6.
⁵⁶ Он же. *О зрелищах*, 30.
⁵⁷ Он же. *De cultu feminarum*.
⁵⁸ См.: Ueberweg, I, 303.
⁵⁹ САН, XII, 593.
⁶⁰ Евсебий, VI, 2.
⁶¹ Gibbon, I, 467.
⁶² Иероним. *Письма*, XXXIII.
⁶³ Shotwell. *Introduction*, 292.
⁶⁴ Ориген. *О началах*, I, 15–16. См.: Hatch, 76.
⁶⁵ Ориген. Ук. соч., IV, 1. См.: Hatch, 76.
⁶⁶ Duchesne, I, 255 сл.
⁶⁷ Inge, Plotinus, II, 19, 102.
⁶⁸ In Watson. *Marcus Aurelius*, 305.
⁶⁹ Мф., XVI, 18.
⁷⁰ Shotwell and Loomis, 64–65.
⁷¹ Там же, 60–61, 84–86.
⁷² Lake, I, 121.
⁷³ Duchesne, I, 215.
⁷⁴ САН, XII, 198, 600.
⁷⁵ *Письма Киприана*, см.: Inge, Plotinus, I, 62.

Крушение Империи

193—305 гг.

I. СЕМИТИЧЕСКАЯ ДИНАСТИЯ

ПЕРВОГО ЯНВАРЯ 193 года через несколько часов после убийства Коммода собрался не помнящий себя от радости сенат. Императором был избран один из наиболее уважаемых его членов, справедливо исполнявший обязанности городского префекта, действуя в лучших традициях Антонинов. Пертинакс без особой охоты принял столь высокое достоинство, потеря которого неминуемо стала бы роковой. «Он вел себя, как обыкновенный гражданин», пишет Геродиан¹, посещал лекции философов, поощрял литературу, пополнял казну, снизил налоги и продал на аукционе те серебро и золото, вышивку, шелка и красивых рабов, которыми Коммод наполнил императорский дворец. «В действительности,— утверждает Дион Кассий,— он делал все то, что должен делать хороший император»². Вольноотпущенники, потерявшие свои доходы из-за его бережливой политики, вошли в заговор с преторианской гвардией, которой пришлось не по вкусу любовь нового императора к дисциплине. 28 марта 300 солдат ворвались во дворец, убили императора и отнесли его голову на копье в свой лагерь. Народ и сенат оплакивали Пертинакса и прятались.

Вожаки гвардии объявили, что отдадут корону тому римлянину, который предложит им самый щедрый подарок. Дидий Юлиан после настойчивых уговоров жены и дочери прервал свою трапезу и отправился на торги. Приблизившись к лагерю, он узнал, что конкурент предлагает солдатам по пять тысяч драхм на каждого (3000 долларов) взамен за трон. Агенты гвардии перебегали от одного миллионера к другому, убеждая их повышать ставки; когда Юлиан пообещал каждому по 6250 драхм, гвардия объявила его императором.

Возмущенный этим коронованным ничтожеством, народ Рима обратился к легионам, размещенным в Британии, Сирии и Паннонии, с призывом явиться и низложить Юлиана. Легионы, разъяренные тем, что дары достались одним преторианцам, наделили императорским титулом своих военачальников и двинулись на Рим. Командир паннонской армии Луций Септимий Север Гета завоевал принципат дерзостью, расторопностью и подкупом. Он обязался подарить 12 000 драхм каждому солдату по восшествии на престол; за месяц он от Дуная довел свои легионы почти до самого Рима, остановившись в семидесяти милях от него. Он переманил на свою сторону войска, посланные против него, и усмирил преторианцев, пообещав им прощение, если они выдадут своих вожаков. Он попрали все прецеденты, введя в столицу все свои войска в полном вооружении, однако сам подчинился традиции, надев гражд-

данское платье. Трибун застал Юлиана в слезах и страхе во дворце, отвел его в ванную и обезглавил (2 июня 193 г.).

Африка, поставлявшая христианству в эту эпоху лучших его апологетов, произвела на свет (146 г.) и дала начальное образование Септимию. Воспитанный в семье пуноязычных финикийцев, он изучал литературу и философию в Афинах и занимался правом в Риме. Несмотря на то, что в его латыни явно слышался семитский акцент, он был одним из наиболее широко образованных римлян своего времени и любил окружать себя поэтами и философами. Однако он не позволил философии помешать ему в его войнах, а поэзии смягчить свой характер. Это был человек с привлекательными чертами лица, физически сильный, одевавшийся скромно, суровый в трудностях, искушенный в стратегии, бесстрашный в битве, беспощадный в победе. Он был остроумным собеседником, суждения его были пронизательны; он умел беззастенчиво лгать, любил деньги больше чести и правил жестоко и умело³.

Сенат совершил ошибку, приняв сторону его соперника Альбина. Септимий окружил себя шестью сотнями телохранителей и убедил высокое собрание утвердить его восшествие на престол. После этого он предал смерти десятки сенаторов и конфисковал столько поместий аристократов, что стал владельцем половины полуострова. Поредевший сенат был пополнен за счет императорских ставленников, происходивших главным образом с монархического Востока. Великие юристы эпохи — Папиниан, Павел, Ульпиан — нагромождали доводы в защиту абсолютной власти. Септимий игнорировал сенат, если не считать тех моментов, когда отдавал ему приказания; он взял под свой полный контроль многие сокровищницы, откровенно опирался в годы своего правления на армию и превратил принципат в наследственную военную монархию. Размеры армии были увеличены, вознаграждение солдатам повышено, что привело к истощению общественного богатства. Воинская служба стала принудительной, однако жителям Италии служить в армии было запрещено; начиная с этого времени провинциальные легионы будут избирать своих императоров для Рима, в котором не осталось более смелости править.

Этот трезвомыслящий воин верил в астрологию и был выдающимся толкователем знамений и снов. Когда за шесть лет до его прихода к власти умерла его первая жена, он предложил свою руку богатой сирийке, гороскоп которой предвещал ему трон. Юлия Домна была дочерью богатого жреца бога Элагабала в Эмесе. Задолго до этого здесь произошло падение метеорита, который был помещен в безвкусный храм и почитался как символ, если не воплощение божества. Юлия ответила согласием, родила Септимию двух сыновей, Каракаллу и Гету, и взойшла на обещанный трон. Она была слишком красива, чтобы хранить супружескую верность, но и Септимий был слишком занят, чтобы ревновать. Она собрала вокруг себя литературный салон, покровительствовала искусствам и убедила Филострата написать и приукрасить жизнь Аполлония Тианского. Сила ее характера повлияла на то, что монархия еще больше стала ориентироваться на восточные нравы. Моральной кульминацией этого процесса стало правление Элагабала, а политической — правление Диоклетиана.

Из восемнадцати лет пребывания у власти двенадцать Септимий отдал войне. Он уничтожил своих соперников в быстрых и жестоких до дикости походах; он разрушил до основания четыре года выдерживавший его осаду

Византий, тем самым ослабив заслон на пути готской экспансии; он вторгся в Парфию, взял Ктесифон, аннексировал Месопотамию и приблизил падение Аршакидов. В старости, страдая подагрой, но опасаясь, как бы его армию не ослабили пять лет мира, он возглавил военную экспедицию в Каледонию. После дорогого ему стоивших побед над шотландскими племенами он отступил в Британию и удалился умирать в Йорк (211 г.). «Я был всем,— сказал он,— и ничего-то это не стоит»⁴. Каракалла, согласно Геродиану, «очень беспокоился оттого, что болезнь отца так затянулась... и подговаривал врачей извратиться от старика любыми доступными средствами»⁵. Септимий ругал Аврелия за то, что тот оставил Империю Коммоду; сам он завещал ее Каракалле и Гете, цинично посоветовав им: «Обогатите ваших солдат и больше ни о чем не беспокойтесь»⁶. Это был последний император на следующие восемьдесят лет, умерший в постели.

Каракалла*, как и Коммод, казалось, был рожден для того, чтобы доказать, что отпущенной человеку энергии редко хватает на величие и в жизни и в потомстве. Привлекательный и послушный в детстве, в молодости это был варвар, отупевший от охоты и войны. Он загонял вепрей, расправлялся без посторонней помощи со львами, держал их рядом с собой во дворце, а одного льва иногда усаживал с собой за стол и укладывал в кровать⁷. Особенно ему была по душе компания гладиаторов и солдат, и он заставлял сенаторов дожидаться в прихожей, пока готовил еду и питье для своих собутыльников. Не желая делиться императорской властью с братом, он убил Гету в 212 г.; юноша был убит на руках матери, залив ее одежду кровью. Историки сообщают, что Каракалла предал казни 20 000 сторонников Геты, множество граждан и четырех весталок, которых он обвинил в прелюбодеянии⁸. Когда армия возмущенно шепталась после смерти Геты, он заткнул ей рот подарком, равным всему тому, что Септимий собрал во все свои сокровищницы. Он подерживал солдат и бедноту в их борьбе с деловыми классами и аристократией; может статься, что истории, которые мы читаем о нем у Диона Кассия,— это месть сената. Стремясь получать как можно более высокие доходы, он удвоил налог на наследование, доведя его до десяти процентов, а заметив, что налог распространяется только на римских граждан, он даровал римское гражданство всем совершеннолетним свободным мужчинам Империи. Они получили гражданство как раз тогда, когда оно давало им минимум власти при максимуме обязанностей. К убранству Рима он добавил арку Септимия Севера, которая стоит и поныне, и публичные бани, чьи гигантские руины подтверждают их древнее величие. Однако гражданским управлением занималась главным образом его мать, а сам Каракалла был поглощен военными походами.

Он сделал Юлию Домну секретарем как *a libellis*, так и *ab epistulis* — по вопросам прошений и переписки. Она присоединялась к нему или замещала его при приветствии высокопоставленных государственных деятелей и иностранных послов. Молва утверждала, будто она сохраняет контроль над ним благодаря кровосмесительной связи; александрийские шутники доводили его до бешенства, обращаясь к нему и к ней как к Эдипу и Иокасте. Отчасти мстя за эти нападки, отчасти опасаясь восстания в Египте, пока он будет воевать с

* Он получил это прозвище из-за длинной галльской туники, которую носил; его настоящее имя было Бассиан; как император он был наречен Марком Аврелием Антонином Каракаллой.

Парфией, Каракалла посетил город и лично наблюдал за тем, как убивали всех александрийцев, способных носить оружие, — так гласит предание⁹.

И тем не менее основатель Александрии был для него вызывающим зависть образцом. Он организовал шестнадцатитысячный отряд, назвав его «Александровой фалангой», вооружил их старинным македонским оружием и мечтал покорить Парфию, как Александр некогда покорил Персию. Он изо всех сил старался быть хорошим солдатом, деля со своей армией пищу, труды и марши, помогая воинам рыть траншеи и строить мосты, храбро сражаясь в битвах и часто вызывая противника на единоборство. Однако его солдаты отнеслись к парфянскому походу с меньшим пылом, чем он сам; трофеи они любили более горячо, чем битвы, и при Каррах, где был разгромлен Красс, он был заколот (217 г.). Макрин, префект гвардии, провозгласил себя императором и приказал не слишком к этому склонному сенату причислить Каракалла к богам. Юлия Домна, изгнанная в Антиохию и лишившаяся в течение шести лет Империи, мужа и сыновей, отказалась принимать пищу и умерла¹⁰.

У нее была сестра Юлия Меса, столь же способная, как и она сама. Возвратившись в Эмесу, эта вторая Юлия нашла там двух многообещающих внуков. Один из них — сын ее дочери Юлии Созмии — был юным жрецом Баала; звали его Юлием Авитом, а по восшествии на престол — Элагабалом — «созидающим богом»*. Другой — сын дочери Месы Юлии Маммеи — был десятилетним мальчиком по имени Алексисан, который, придя к власти, будет называться Александром Севером. Хотя Варий был сыном Вария Марцелла, Меса распускала слухи о том, что на деле он является незаконным сыном Каракаллы, и назвала его Бассианом; Империя стояла доброго имени ее дочери, а Марцелл к тому времени был мертв. Расквартированные в Сирии римские солдаты уже наполовину подпали под воздействие сирийских культов и испытывали благочестивое уважение к этому четырнадцатилетнему жрецу. Больше того, Меса намекнула им, что если они провозгласят императором Элагабала, она раздаст им хорошие подарки. Солдаты поддались на ее уговоры и выполнили задуманное. Золото Месы привлекло на ее сторону армию, направленную против нее Макрином. Когда во главе большого войска появился сам Макрин, сирийские наемники дрогнули; Меса и Созмия соскочили со своих колесниц и возглавили победный порыв своей армии. Сирийские мужчины были женщинами, а женщины — мужчинами.

Весной 219 г. Элагабал появился в Риме в одеждах из пурпурного шелка, расшитых золотом, с щеками, подкрашенным киноварью, искусно подведенными глазами, драгоценными браслетами на запястьях, жемчужным ожерельем вокруг шеи, с убранный в драгоценные камни короной на его прекрасном челе. Рядом с ним в государство въехали его бабка и мать. Впервые появившись в сенате, он потребовал, чтобы матери было позволено восседать рядом с ним и посещать заседания. Созмия имела достаточно здравого смысла, чтобы отказаться от этой чести и довольствоваться своим главенством в «Сенатике» (Senaculum) женщин, который был основан женой Адриана Сабиной и рассматривал вопросы, связанные с женским платьем, украшениями, старшинством и этикетом. Управлять государством было предоставлено бабке Месе.

* Латинские авторы ошибочно переделали это имя в «Гелиогабал» — «Бог солнца».

Молодой император был по-своему обаятелен. Он не стал мстить тем, кто поддерживал Макрина. Он любил музыку, хорошо пел, играл на свирели, органе и рожке. Слишком юный, чтобы управлять Империей, он лишь просил позволить ему наслаждаться ею. Его богом было наслаждение, а не Баал, и он решил поклоняться ему во всех его родах и формах. Он приглашал все классы свободного населения посетить его дворец; иногда он ел, пил и веселился с ними; нередко он устраивал лотереи и раздавал призы — от особняков, полностью обставленных мебелью, до пригоршни мух. Он любил подшучивать над своими гостями: усаживать их на надутые подушки, которые неожиданно лопались, спаивать их до бесчувствия и перед пробуждением окружать безобидными леопардами, медведями и львами. Лампридий уверяет читателей, будто Элагабал никогда не тратил менее 100 000 сестерциев (10 тысяч долларов) — а иногда до 3 000 000 сестерциев, — устраивая банкеты для своих друзей. Он любил подмешивать кусочки золота в горох, оникс в чечевицу, жемчужины в рис, янтарь в бобы; ему нравилось дарить, в знак своей милости, коней, колесницы или евнухов; часто он приказывал своим гостям забрать с собой серебряную посуду и кубки, откуда каждый из них вкушал приговоренное императором угощение. Что касается его самого, то тут он мог довольствоваться только лучшим. Вода в его бассейнах благоухала благодаря розовой эссенции, арматура в ваннных комнатах была из оникса и золота, его стол состоял из редчайших деликатесов, платье, которое он надевал, было от короны до обуви усеяно драгоценными камнями; согласно слухам, он ни разу не пользовался одним и тем же кольцом дважды. Когда он отправлялся путешествовать, для его багажа и гарема требовалось до 600 повозок. Узнав от предсказателя, что ему суждено погибнуть насильственной смертью, он приготовил для себя достойные его положения средства для самоубийства, если к тому его принудят обстоятельства: веревки из пурпурного шелка, золотые мечи, яды, заключенные в сапфиры или изумруды¹¹. Убит он был в отхожем месте.

Вероятно, его враги из сенаторского сословия выдумали или преувеличивали некоторые из этих рассказов. Истории о его сексуальной извращенности, вне всяких сомнений, начисто лишены правдоподобия. Как бы то ни было, его похоть благоухала благочестием, и он планировал распространить среди римлян почитание своего сирийского Баала. Он подверг себя обрезанию и подумывал о самооскоплении в честь своего божества. Он привез с собой из Эмесы конический черный камень, которому поклонялся как эмблеме Элагабала; он воздвиг богато украшенный храм, куда и поместил этот камень, инкрустированный самоцветами: эта святыня была доставлена в храм на колеснице, запряженной шестеркой белых скакунов, перед которой следовал пеший император, в немом благоговении шедший спиной вперед. Он склонялся к тому, чтобы признать все остальные религии: покровительствовал иудаизму и предложил легализовать христианство. Единственное, на чем он с восхитительной преданностью настаивал, — что его камень — величайший из богов¹².

Его мать, поглощенная делами амурными, снисходительно взирала на этот приапический фарс; но Юлия Меса, оказавшись не в силах обуздать внука, решила предупредить переворот, который положил бы конец этой примечательной династии сириянок. Она убедила Элагабала усыновить в качестве своего преемника и Цезаря его кузена Александра. Она и Маммея воспитывали мальчика таким образом, чтобы он не забывал о возлагаемых на него

званием Цезаря обязанностях, и всеми доступными им способами привлекали внимание сената и народа к Александру как к желанной альтернативе жрецу-сатиру, возмущавшему Рим не столько своей расточительностью и непристойностью, сколько низведением Юпитера до уровня божества, подчиненного сирийскому Баалу. Созмия раскрыла их замысел и разожгла ненависть преторианцев по отношению к сестре и племяннику; однако аргументы Месы и Маммеи оказались куда более щедрыми, и гвардейцы убили Элагабала и его мать, протаскили труп императора по улицам и вокруг Цирка, после чего сбросили его в Тибр. Гвардия провозгласила императором Александра. Сенат утвердил это решение (222 г.).

Марк Аврелий Север Александр, как и его предшественник, взошел на престол в четырнадцатилетнем возрасте. С редкой самоотверженностью его мать посвятила себя развитию телесных, умственных и волевых способностей Александра. Он укрепил свое тело трудом и упражнениями, ежедневно по часу плавал в холодном бассейне, перед каждой трапезой выпивал по пинте воды, ел мало и самую простую пищу. Он вырос в миловидного юношу — высокого и сильного, искушенного во всех видах спорта и искусствах войны. Он изучал греческую и латинскую литературу, умерив свою любовь к ним лишь по настоянию Маммеи, которая напомнила ему строки из Вергилия, в которых тот призывал римлян уступить Граций другим и посвятить себя обустройству мировой державы и дарованию ей власти и покоя. Он пел и рисовал «очень талантливо», играл на органе и лире, но никогда не позволял присутствовать при музицировании никому, кроме своей челяди. Он одевался и вел себя скромно и просто, «умеренно наслаждался радостями любви и не желал иметь никаких дел с развратными мальчишками»¹³. Он выказывал высокое уважение по отношению к сенату, обращался с его членами как с равными, принимал их во дворце и часто навещал их дома. Добрый и приветливый, он посещал больных, к какому бы сословию они ни принадлежали, предоставлял аудиенции любому гражданину доброй репутации, легко прощал противников и не пролил ни капли крови сограждан за четырнадцать лет своего правления¹⁴. Мать упрекала его в снисходительности: «Ты сделал свое правление слишком мягким, а авторитет Империи — недостаточно уважаемым». На что он ответил: «Да, зато и более продолжительным и безопасным»¹⁵. Это был золотой человек, но ему не доставало примеси менее благородных металлов, без которой невозможно противостоять грубости этого мира.

Он признал нелепость попытки своего двоюродного брата заменить Юпитера Элагабалом и вместе с матерью трудился над восстановлением римских храмов и обрядов. Но его философическому духу казалось, что все религии на разных языках молятся одному и тому же высшему началу; он желал почтить все заслуживающие уважения веры и в своей приватной часовне, где он каждое утро молился богам, хранил изображения Юпитера, Орфея, Аполлония Тианского, Авраама и Христа. Он часто цитировал иудео-христианское правило: «Не делай другим того, чего не желаешь себе». Он приказал выбить ее на стенах своего дворца и на многих общественных зданиях. Он рекомендовал римскому народу придерживаться морали, исповедуемой иудеями и христианами. Не тронутые его политикой остроумцы Антиохии и Александрии называли его «начальником синагоги». Его мать была благосклонна к христианам, защищала Оригена и вызвала его к себе для того, чтобы он разъяснил ей свою гибкую теологию.

Юлия Меса умерла вскоре после прихода к власти Александра. Политика стала определяться Маммеей и воспитателем императора Ульпианом, которые и были вдохновителями реформ в административной системе Империи. Маммея правила мудро и умеренно, более радея об успехах династии, чем о пышности власти; насладиться славой ее достижений она предоставила великому правоведу и его воспитаннику. Вместе с Ульпианом она избрала шестнадцать выдающихся сенаторов в члены императорского совета, без одобрения которого не могли проводиться в жизнь никакие важные решения. Она умела контролировать все, кроме своей любви к сыну. Когда тот женился и проявил недвусмысленную привязанность к своей жене, Маммея добилась ее изгнания, и Александр, вынужденный выбирать, покорился матери. Становясь старше, он играл в управлении Империей все более активную роль. «Обычно он начинал заниматься государственными делами задолго до рассвета, — пишет его античный биограф, — и мог продолжать свои занятия до позднего часа, никогда не уставая и не раздражаясь, но всегда оставаясь бодрым и безмятежным»¹⁶.

Главным направлением его политики было стремление ослабить разрушительное господство армии путем восстановления престижа сената и аристократии; правление по праву рождения казалось ему единственной альтернативой власти денег, мифа или меча. Сотрудничая с сенатом, он добился большой экономии в работе администрации, расставаясь с ненужными статистами во дворце, на правительственных постах и в провинциальной администрации. Он продал большую часть императорских драгоценностей, поместив прибыль в казну. Возможно, встретив в этом вопросе не столь горячую поддержку сената, он легализовал, поощрял и реорганизовал ассоциации рабочих и ремесленников, «позволив им иметь адвокатов, избранных из своих рядов»¹⁷. Взяв на себя роль строгого цензора общественной нравственности, он приказал арестовывать проституток и высылать гомосексуалистов. Несмотря на сокращение налогов, он реставрировал Колизей и термы Каракаллы, построил публичную библиотеку, четырнадцатимильный акведук и новые муниципальные бани, финансировал строительство бань, акведуков, мостов и дорог по всей Империи. Чтобы понизить процентные ставки, изводившие должников, он ссужал общественные деньги под четыре процента и развивал фонды, в чью задачу входило выдавать беспроцентные ссуды беднякам на покупку сельскохозяйственных угодий. Вся Империя процветала и аплодировала; казалось, божественный Аврелий вернулся к власти на земле.

Но как прежде персы и германцы воспользовались тем, что на престоле находится философ, так и теперь они воспользовались тем, что в императорском дворце обитает святой. В 230 г. Ардашир, основатель персидской династии Сасанидов, вторгся в Месопотамию и грозил напасть на Сирию. Александр отправил ему философское послание, в котором упрекал Ардашира в насилии и доказывал, что «каждый должен довольствоваться своим собственным царством»¹⁸. Перс решил, что имеет дело со слабаком, и ответил требованием отдать ему всю Сирию и Малую Азию. В сопровождении матери император отправился в поход. В этой кампании он проявил больше отваги, чем ловкости, не добившись решительной победы. История умалчивает о его победах и поражениях; в любом случае Ардашир отступил из Месопотамии, возможно, для того, чтобы отбить нападение на восточные границы своего

царства, а римские монеты 233 г. изображают Александра, увенчиваемым Викторией и попирающим Тигр и Евфрат.

Между тем алеманны и маркоманны, заметив, что рейнские и дунайские гарнизоны ослаблены отправкой значительной части солдат на усиление легионов в Сирии, прорвались через римский лимес и опустошали восточную Галлию. Отпраздновав персидский триумф, Александр (вновь вместе с Маммеей) присоединился к армии и довел ее до Майнца. По совету матери он вступил в сношения с врагами, предлагая выплачивать им ежегодную дань ради сохранения мира. Войска осудили его за слабость и восстали; они не могли простить ему бережливости, дисциплины и того, что он подчинил их власти сената и женщины. Они провозгласили императором Гая Юлия Максимиана, командира паннонских легионов. Солдаты Максимиана пробились к палатке Александра и зарубили его самого, его мать и друзей (235 г.).

II. БЕЗВЛАСТИЕ

То, что в третьем веке ведущую роль стала играть армия, отнюдь не каприз истории; внутренние неурядицы ослабили государство и поставили его под удар на всех рубежах. Приостановление экспансии после Траяна, а затем вновь после Септимия Севера послужило сигналом для атаки; как прежде Рим побеждал народы, разобщая их, так теперь варвары приступили к захвату Империи, выступая против нее одновременно со всех сторон. Необходимость защищаться повысила престиж и могущество оружия и солдат; вместо философов на троне восседали военачальники, и последний период правления аристократии сменился новым правлением грубой силы.

Максимин был отличным солдатом и ничем больше, крепким сыном фракийского крестьянина; историки уверяют, что он был восьми футов роста, а большой палец его руки был столь велик в обхвате, что он мог носить на нем браслет жены как кольцо. Он не получил образования, к которому относился с презрением и завистью. За три своих года в качестве императора он ни разу не посетил Рим, предпочитая жить в своем лагере на Дунае или Рейне. Чтобы финансировать военные походы и добиться расположения войск, он обложил преуспевающие классы такими податями, что богатые не замедлили восстать. Гордиан, состоятельный и ученый проконсул Африки, был провозглашен вторым императором своей армией; будучи восьмидесятилетним стариком, он избрал сына своим помощником на этом роковом посту. Они не смогли устоять перед силами, направленными против них Максимином; сын пал в битве, отец покончил с собой. Максимин отомстил за себя проскрипциями и конфискациями, которые уничтожили аристократию почти полностью. «Каждый день,— пишет Геродиан, — можно было лицезреть вчерашних богачей, которые стали сегодня жалкими нищими»¹⁹. Сенат, восстановленный в своем достоинстве и укрепленный Севером, доблестно сопротивлялся; Максимин был объявлен вне закона, а два сенатора, Максим и Бальбин, избраны императорами. Максим повел наспех собранную армию сразиться с Максимином, который одолел Альпы и осадил Аквилею. Максимин был более способным полководцем и располагал лучшей армией; судьба сената и имущих классов, казалось, была предрешена, но группа Максиминовых солдат, пострадавших от его

жестокости, убила своего начальника в его палатке. Максим с триумфом возвратился в Рим, где вместе с Бальбином был убит преторианцами, которые сделали императором третьего Гордиана. Сенат утвердил их выбор.

Мы не станем повторяться, расписывая в кровавых подробностях имена, битвы и гибели императоров, правивших в этот период безвластия. За тридцать пять лет между Александром Севером и Аврелианом, императорами были провозглашены тридцать семь человек. Гордиан III был убит своими войнами во время войны с персами (244 г.); его преемник Филипп Араб был разбит и погиб у Вероны, столкнувшись с Децием (249 г.), состоятельным и образованным иллирийцем, чья преданность Риму, несомненно, позволила ему по праву носить имя, столь славное в древней истории. В промежутке между походами против готов он наметил амбициозную программу реставрации римской религии, морали и характера, приказав сокрушить христианство; затем он вернулся на Дунай, сразился с готами, видел, как погиб бившийся рядом с ним сын, призвал свою дрогнувшую армию не терять присутствия духа, ибо смерть одного человека, кем бы он ни был, ничего не значит, потеснил врага и был убит в одном из самых горьких поражений, понесенных когда-либо римской армией (251 г.). Его преемниками были Галл, убитый своими войнами (253 г.), а за ним убитый своими войнами Эмилиан (253 г.).

Новый император Валериан, которому было тогда шестьдесят и которому предстояло одновременно сдерживать натиск франков, алеманнов, маркоманнов, готов, скифов и персов, назначил правителем Западной империи своего сына Галлиена, оставив за собой Восток, и во главе своей армии вторгся в Месопотамию. Он был слишком стар, чтобы выполнить стоявшие перед ним задачи, и вскоре не выдержал их бремени. Галлиен, которому исполнилось тридцать пять, был храбр, умен и образован, что казалось едва ли уместным в этот век войны с варварами. Он реформировал систему гражданской администрации на Западе, победоносно расправился во главе своей армии со всеми врагами Империи, находя при этом время наслаждаться философией и литературой, покровительствуя им, и стимулировать быстро выдохшееся возрождение классического искусства. Но даже его разносторонний гений не смог справиться со все возрастающими бедствиями своего времени.

В 254 г. маркоманны вторглись в Паннонию и Северную Италию. В 255 г. готы прорвались в Македонию и Далмацию, скифы и готы затопили Малую Азию, персы — Сирию. В 257 г. готы захватили флот Боспорского Царства, разграбили греческие причерноморские города, сожгли Трапезунд и обратили в рабство его жителей, вторглись в Понт. В 258 г. они захватили Халкедон, Нико медию, Прусу, Апамею, Никою; в том же году персы завоевали Армению, а Постум провозгласил себя независимым правителем Галлии. В 259 г. алеманны пробившись в Италию, но были разгромлены Галлиеном под Миланом. В 260 г. Валериан был побежден персами при Эдессе и умер в плену неизвестно где и когда. Шапур I и его несметная кавалерия прошли через Сирию к Антиохии, застали врасплох ее население, смотревшее игры, разграбили город, убили тысячи ее жителей и еще больше тысяч обратили в рабство. Тарс был взят и опустошен, как и Каликия и Каппадокия, и Шапур вернулся в Персию, тяжело нагруженный трофеями. В течение десяти лет на Рим обрушилось три бесславных трагедии: римский император впервые пал в

битве, другой — был пленен врагами, а единством Империи пришлось пожертвовать ради того, чтобы отразить одновременные нападения с разных сторон. Под грузом этих катастроф престиж Империи рухнул; те психологические силы, которые освящаются временем, становясь привычным и непререкаемым авторитетом, перестали сдерживать врагов Рима, даже его подданных и граждан. Повсюду вспыхивали мятежи: в Сицилии и Галлии угнетенное крестьянство развязало жестокие жакерии; в Паннонии Ингенуус провозгласил себя сувереном восточных провинций. В 263 г. готы совершили морскую экспедицию вдоль Ионийского побережья, разграбили Эфес и сожгли дотла великий храм Артемиды. Весь эллинистический Восток был объят ужасом.

В Азии спасителем Империи стал ее нечаянный союзник. Оденат, правивший Пальмирой как государством, зависимым от Рима, оттеснил персов назад в Месопотамии, разгромил их при Ктесифоне (261 г.) и объявил себя царем Сирии, Киликии, Аравии, Каппадокии и Армении. В 266 г. он был убит; его молодой сын унаследовал его титулы, его жена — власть. Как и Клеопатра, на происхождение от которой она притязала, Зенобия сочетала в себе красоту личности с государственными способностями и широкой образованностью. Она изучила греческую литературу и философию, латинский, египетский и сирийский языки и написала историю Востока. По-видимому, она видела прямую связь между чистотой и силой, позволяя себе только те половые связи, что были необходимы для материнства²⁰. Она переносила усталость и трудности, наслаждалась опасностями охоты и проходила пешком многие мили во главе своего войска. Она правила строго и мудро, назначила своим премьером философа Лонгина, собрала при своем дворе ученых, поэтов и художников и украсила свою столицу теми греко-римско-азиатскими дворцами, развалины которых и поныне поражают путешественников по пустыне. Понимая, что Империя переживает крушение, она намеревалась основать новую династию и царство, взяла под свой контроль Каппадокию, Галатию и большую часть Вифинии, экипировала большую армию и флот, завоевала Египет и захватила Александрию после осады, погубившей половину ее обитателей. Эта ловкая «Царица Востока» притворялась, будто действует как агент римской державы, но весь мир понимал, что ее победы — это новая сцена в грандиозной драме падения Рима.

Притягиваемые богатством и слабостью Империи, варвары затопили Балканы и Грецию. Пока сарматы подвергали очередному разграблению причерноморские города, одно из готских племен на пятистах кораблях проникло через Геллеспонт в Эгеиду, покорило один остров за другим, причалило в Пирее и разграбило Афины, Аргос, Спарту, Коринф и Фивы (267 г.). Пока их флот доставлял часть мародеров назад на побережье Черного моря, другая прорывалась сушей к родным придунайским областям. Галлиен встретил их у реки Нест во Фракии и одержал дорого стоившую победу; но годом позже он был убит своими воинами. В 269 г. новая готская орда спустилась в Македонию, осадила Фессалоники и разграбила Грецию, Родос, Кипр и Ионийское побережье. Император Клавдий II спас Фессалоники, вытеснил готов в долину Вардара и уничтожил огромное число врагов в битве при Наиссе, современном Нише (269 г.). Если бы он проиграл это сражение, путь готам в Италию был бы открыт.

III. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УПАДОК

Политическая анархия ускорила экономическую дезинтеграцию, а экономический кризис способствовал углублению политического упадка; оба эти момента были одновременно и причиной и следствием друг друга. Римская государственная мысль так и не сумела наладить здоровую экономику в Италии; может статься, узкие долины полуострова никогда не могли послужить адекватной основой достижения высоких целей Итальянского государства. Производство зерновых было подорвано конкуренцией со стороны дешевого хлеба из Сицилии, Африки и Египта, а обширные виноградники уступали рынки сбыта продукции провинциальных виноделов. Фермеры жаловались на то, что высокие налоги лишают их той ненадежной прибыли, за счет которой они могли бы поддерживать в рабочем состоянии дренажные и ирригационные каналы. Каналы засорялись, росла площадь болот, и малярия ослабляла население Кампании и Рима. Огромные участки плодородной земли были выведены из сельскохозяйственного оборота, ибо здесь разместились поместья богачей. Не живущие на земле владельцы латифундий эксплуатировали труд и почву совершенно беспощадно, защищаясь от критики филантропией в городах; городская архитектура и игры получали хорошие доходы в то время, когда сельская местность приходила в запустение. Множество крестьян-собственников и свободных сельских работников переселялись в города, предоставляя заниматься итальянским сельским хозяйством латифундистам, обрабатывавшим свою землю руками равнодушных рабов. Но и сами латифундии римским миром были приведены к краху; недостаточное количество завоевательных войн в первом и втором столетиях имело своим следствием уменьшение численности и соответственно рост стоимости новых рабов. Вынужденные привлекать свободных тружеников вернуться к работе на земле, крупные землевладельцы делили свои имения на участки, сдававшиеся в аренду колонам (*coloni*), «обрабатчикам». От арендаторов требовалось вносить небольшую сумму деньгами или десятую часть продукции, а также работать часть времени бесплатно на вилле землевладельца или на его поле. Во многих случаях помещики находили выгодным отпускать на волю своих рабов и придавать им статус колонов. В третьем веке землевладельцы, встревоженные вторжениями и восстаниями в городах, все больше и больше времени проводили на своих виллах; последние превращались в укрепленные замки и постепенно трансформировались в средневековые *châteaux* *.

Нехватка рабов упрочила на время положение свободного труда в промышленности и сельском хозяйстве. Но в то время как ресурсы богатых все более истощались войнами и правительством, нищета бедноты оставалась все

* Возможно, отсчет истории «колоната» следует вести от 172 г., когда Аврелий поселил пленных германцев на императорских землях, даровав им наследственное владение землей на том условии, что они ежегодно будут выплачивать установленный налог, выступать по призыву на военную службу и не станут покидать свои наделы без разрешения государства. Схожими обязательствами были связаны римские ветераны, получавшие приграничные земли, особенно в области «выплачивающих десятину полей» (*agri decumanes*) вдоль Дуная и Рейна²¹. При Септимии Севере этот императорский колонат получил широкое распространение: Север разделил присвоенные им земли на участки, обрабатываемые колонатами, которые выплачивали налоги деньгами или натурой. Как Септимий подражал Птолемеям, так частные землевладельцы подражали ему; начало колонату было положено монархами; это привело к появлению феодализма, подорвавшего монархию.

такой же вопиющей²². Заработная плата составляла от шести до одиннадцати, цены около тридцати трех процентов сравнительно с зарплатами и ценами в Соединенных Штатах начала двадцатого века²³. Классовая борьба принимала все более насильственные формы, так как армия, рекрутируемая из провинциальной бедноты, нередко присоединялась к атаке на богатство и полагала, что ее служба государству делает вполне справедливыми конфискационную налоговую политику, стремящуюся изыскать средства для подарков солдатам, или даже прямой грабеж состоятельных граждан²⁴. Промышленность страдала от упадка коммерции. Экспортная торговля Италии становилась все менее успешной по мере того, как провинции из потребителей превращались в конкурентов; варварские вторжения и пиратство сделали торговые маршруты столь же небезопасными, как это было до Помпея; обесценивание денег и неустойчивость цен препятствовали налаживанию долговременной предпринимательской деятельности. После того как экспансия была приостановлена, Италия уже не могла процветать за счет снабжения или эксплуатации расширяющейся державы. Когда-то Италия собирала драгоценные слитки с покоренных земель и богатела их ограблением; ныне деньги переключались в более высокоразвитые в промышленном плане эллинистические провинции, а Италия неудержимо беднела, пока рост богатства Малой Азии не привел к замене Рима восточной столицей. Итальянская промышленность была вынуждена довольствоваться внутренним рынком, но люди были слишком бедны, чтобы покупать произведенные ими товары²⁵. Итальянская коммерция столкнулась с такими препятствиями, как бандитизм, рост налогов и ухудшение качества дорог из-за недостатка рабов. Виллы с промышленной точки зрения становились все более самодостаточными, а торговля за деньги столкнулась с таким конкурентом, как бартер. Крупная промышленность год за годом теряла свои позиции, в то время как росло число мелких мастерских, удовлетворявших главным образом местный спрос.

Наступили финансовые трудности. Сократилось количество драгоценных металлов в обращении: золотые рудники Фракии и серебряные рудники Испании добывали металлов все меньше, а Дакия с ее золотом вскоре будет оставлена Аврелианом. Большие количества серебра и золота были истрачены на искусства и украшения. Перед лицом такого дефицита, ощущавшегося во время почти непрерывных войн, императоры начиная с Септимия Севера постоянно ухудшали качество денег, дабы справляться с оплатой государственных расходов и снабжением армии. При Нероне денарий содержал десять процентов примеси, при Коммодe — тридцать, при Севере — пятьдесят. Каракалла заменил его антонианом, состоявшим наполовину из серебра; к 260 г. содержание в нем серебра снизилось до пяти процентов²⁶. Правительственные монетные дворы чеканили беспрецедентное количество дешевой монеты; во многих случаях государство заставляло потребителей использовать их по номинальной, а не действительной стоимости, настаивая при этом, что налоги должны выплачиваться золотом и серебром²⁷. Цены стремительно росли; в Палестине они поднялись на тысячу процентов между первым и третьим веками²⁸; в Египте инфляция вышла из-под контроля, так что мера зерна, стоившая в первом веке восемь драхм, к концу третьего стоила 120 000²⁹. Другие провинции пострадали от этого бедствия в значительно меньшей мере; но несмотря на это; инфляция разорила в них большую часть среднего класса, привела к банкротству кредитные общества и благотвори-

тельные фонды, сделала любой бизнес расколаживающе ненадежным и расстроила значительную долю торговли и инвестиций, от которых зависело состояние экономики Империи.

Императоры после Пертинакса были не особенно огорчены этим упадком аристократических и буржуазных классов. Они чувствовали враждебность сенаторского сословия и крупных торговцев к их чужеземному происхождению, военному деспотизму и поборам; война между сенатом и императорами, прерванная в эпоху от Нервы до Аврелия, разгорелась с новой силой. Прибегая к подаркам, общественным работам и распределению продовольствия, правители осознанно искали поддержки своей власти у армии, пролетариата и крестьянства.

Империя страдала от кризиса лишь немногим меньше Италии. Карфаген и Северная Африка, наиболее недосыгаемые для захватчиков, процветали, но Египет переживал упадок, вызванный разрушительной партийной борьбой, резней, устроенной Каракаллой, завоеванием Зенобии, высокими налогами, непродуктивным принудительным трудом и ежегодным экспортом зерна в Рим. Малая Азия и Сирия пережили вторжения и разграбления, но их древняя и терпеливая промышленность выжила, несмотря на все невзгоды. Греция, Македония и Фракия были опустошены варварами, а Византий никак не мог оправиться после предпринятой Септимием осады. Когда война привела римские гарнизоны и обозы к германской границе, вдоль рек выросли новые города — Вена, Карлсбург, Страсбург, Майнц. В результате нападения германцев в Галлии царили хаос и уныние, разграблению подверглось шестьдесят ее городов; большинство городов и населенных пунктов, уменьшившись в размерах, окружили себя новыми стенами и покинули широкие прямые улицы, построенные римскими инженерами, ради легко защитимых извилистых улочек ранней античности и средневековья. В Британии города также стали меньше, виллы — крупнее³⁰; классовая борьба и высокие налоги привели богатей к банкротству или вынудили их поселиться в деревенском уединении. Империя начинала с урбанизации и насаждения культуры; ее конец был ознаменован возвращением в сельскую местность и варваризацией.

IV. СУМЕРКИ ЯЗЫЧЕСТВА

Культурная диаграмма третьего века в целом схожа с кривой, изображающей кризис богатства и власти. И тем не менее в эти трагические годы происходит подъем алгебры, действуют крупнейшие светила римской юриспруденции, создаются выдающиеся образцы античной литературной критики, возводятся некоторые величественнейшие архитектурные сооружения Рима, пишутся древнейшие романы, выступают величайшие мистические философы.

«Греческая Антология» подводит итог жизни Диофанта Александрийского (250 г.) с алгебраическим юмором: его детство продолжалось шестую часть его жизни, борода выросла у него еще через одну двенадцатую, по прошествии еще одной седьмой он женился, сын родился у него пять лет спустя и дожил до половины отпущенного отцу срока, а отец умер через четыре года после смерти сына — выходит, в возрасте восьмидесяти четырех лет³¹. Важнейшее из его сохранившихся произведений — «Арифметика», трактат, посвя-

щенный алгебре. Здесь продемонстрировано решение определенных уравнений первой степени, определенных квадратных уравнений и неопределенных уравнений вплоть до шестой степени. Для неизвестного числа, обозначаемого нами символом *x* и называемого им *arithmos* (число), он использовал греческую сигму, а остальные степени обозначал буквами греческого алфавита. До него алгебра обходилась без использования символов: Платон рекомендовал для воспитания и развлечения молодого ума ставить перед ним такие задачи, как распределение яблок в указанных пропорциях среди нескольких человек³²; Архимед предлагал похожие головоломки в третьем веке до н. э., а египтяне, как и греки, решали геометрические задачи алгебраическими методами, не прибегая к алгебраической символике. Вероятно, Диофант систематизировал методы, уже хорошо известные его современникам³³; стечение обстоятельств способствовало сохранению его трудов, и к нему, через посредничество арабов, восходит та дерзкая и эзотерическая символика, которая приязнует на то, чтобы сформулировать все числовые отношения, существующие в мире.

Папиниан, Павел и Ульпиан — кульминационное трио римского права — достигли вершин власти при Септимиусе Севере; все они, занимая пост префекта преторианской гвардии, выступали в роли его премьер-министров и оправдывали абсолютную монархию на том основании, что народ делегировал свой суверенитет императору. *Quaestiones* и *Responsa* Папиниана настолько прославились ясностью, гуманностью и справедливостью, что кодификаторы Юстиниана во многом опирались на эти труды. После того, как Каракалла убил Гету, он потребовал от Папиниана составить оправдывающую это деяние речь. Папиниан отказался, заявив, что «братоубийство легче совершить, чем оправдать». Каракалла приказал его обезглавить, и Папиниан был зарублен топором в присутствии императора. Домиций Ульпиан продолжил труды Папиниана — юриста и гуманитария. Его юридические мнения защищали рабов как свободных по природе и женщин как наделенных равными правами с мужчинами³⁴. Как и большинство вех в истории права, его сочинения представляли собой главным образом упорядочивание работы предшественников, но его суждения были столь отточены, что почти треть из них обрела вторую жизнь в *Дигестах* Юстиниана. «Именно в силу того, что Александр Север действовал в основном согласно советам Ульпиана, — утверждает Лампридий, — ему удалось стать столь выдающимся императором»³⁵. Однако Ульпиан предал смерти некоторых своих противников, и в 228 г. его враги в гвардии убили его самого — не столь законно, зато с тем же эффектом. Диоклетиан поощрял и финансировал юридические школы и стал инициатором кодификации посттравяновского законодательства в *Codex Gregorianus*. После него юридическая наука вплоть до Юстиниана переживала не лучшие времена.

Искусство живописи развивалось в третьем веке, следуя тенденциям, намеченным в Помпеях и Александрии. Его скудные остатки грубы и пропитаны восточным колоритом, впрочем, краски почти стерты временем. Скульптура переживала подъем, ибо множество императоров нуждались в ее услугах; она застыла в несколько примитивной фронтальности, но ни одна позднейшая эпоха не сможет превзойти ее в поразительно реалистичном искусстве портрета. То, что Каракалла позволил скульптору изобразить себя в виде сердитого животного с завитыми волосами из Неаполитанского Музея, либо

говорит в его пользу, либо свидетельствует о его тупости. Этим периодом датируются два скульптурных колосса — «Бык Фарнезе» и «Геркулес Фарнезе»; оба чересчур гиперболистичны и неприятно напряжены, однако свидетельствуют о сохранении былого уровня технического мастерства. Скульпторы по-прежнему умели работать в классическом стиле — это видно по строгим рельефам на саркофаге Александра Севера и на «Батальном саркофаге Людовизи». Но рельефы арки Септимия Севера в Риме откровенно отбрасывают аттическую простоту и изящество ради грубой и картинной мужественности, которая словно предвосхищает предстоящую варваризацию Италии.

Римская архитектура довела теперь до логического завершения римскую тягу к возвышенному, достигаемому за счет грандиозности. Септимий возвел на Палатине последний из императорских дворцов, восточное крыло которого возвышалось на семь этажей — «Септизоний». Юлия Домна предоставила средства на строительство атриума Весты и того прелестного храма Весты, что и в наши дни стоит на Форуме. Каракалла построил для супруга Исиды Сераписа огромное святилище, от которого сохранилось несколько прекрасных фрагментов. Термы Каракаллы, достроенные при Александре Севере, относятся к числу самых впечатляющих развалин в мире. Они не стали вкладом в архитектурную науку, в основном следуя образцу терм Траяна, но их зловещая массивность прекрасно выражает характер убийцы Геты и Папиниана. Главный корпус из кирпича и бетона имеет площадь в 270 000 квадратных футов — больше, чем палаты парламента и Вестминстер-Холл вместе взятые. Извилистая лестница ведет на вершину стены; расположившись на ней, Шелли писал своего «Прометея освобожденного». Интерьер был загроможден целым гарнизоном статуй, а потолок поддерживался двумя сотнями гранитных, алебастровых и порфирных колонн; мраморные полы и стены были инкрустированы мозаиками; из массивных серебряных устьй вода вливалась в купальни и бассейны, где могли одновременно мыться 1600 человек. Галлиен и Деций возвели схожие бани. В последнем случае римские инженеры покрыли десятиугольное строение округлым куполом, который опирался на контрфорсы, установленные по углам десятиугольника, — прием почти беспрецедентный и с большим будущим. В 295 г. Максимиан приступил к строительству самых обширных из одиннадцати императорских терм и с редкой в таких случаях скромностью назвал их термами Диоклетиана. Здесь имелись удобства, позволявшие принимать одновременно 3600 посетителей, располагались гимнасии, концертные и лекционные залы; одно из помещений этих бань — тепидарий — было преобразовано Микеланджело в храм Святой Марии Дель Анджели — крупнейшую после собора Святого Петра церковь в Риме. В провинциях возводились сооружения, лишь немногим уступавшие вышеперечисленным в монументальности. Диоклетиан развернул обширные строительные работы в Никомедии, Александрии и Антиохии; Максимиан украсил Милан, Галерий — Сирмий, Констанций — Трир.

Литература переживала эпоху не столь благополучную, ибо ей редко выпадало что-либо из богатств, сосредоточенных в руках императоров. Размеры и число библиотек неуклонно росли; некий врач третьего века собрал коллекцию из 62 000 томов, а Ульпиева библиотека славилась своими историческими архивами. Диоклетиан направил ученых в Александрию переписать классические тексты и доставить копии в римские библиотеки. Ученые были многочисленны и пользовались популярностью; Филострат увековечивает их память в

своих «Жизнеописаниях софистов». Порфирий продолжает дело Плотина, нападает на христианство и призывает мир к вегетарианству. Ямвлих пытается согласовать платонизм с языческой теологией и преуспевает в этом настолько, что привлекает на свою сторону императора Юлиана. Диоген Лаэртский собирает воедино жизнеописания и мнения философов, превращая их в занимательные эскизы и анекдоты. Афиней из Навкратиса, поглотив содержимое александрийских библиотек, извергает свою желудочную кашу в «Дейпносософистах», или «Софистах за обеденным столом» — умопомрачительном диалоге о еде, соусах, куртизанках, философях и словах, расцветившем кое-где свидетельствами о древних обычаях или упоминанием великого человека. Лонгин, возможно, из Пальмиры, сочиняет изящный трактат *Peri hupsus* — «О возвышенном»; наслаждение, которое способна даровать только литература (доказывает автор) возникает в силу «возвышения» (*ekstasis*), переживаемого читателем при соприкосновении с красноречием автора, талант которого основывается на силе убеждения и искренности характера*. Дион Кассий Кокцеян из вифинской Никои, после жизни посвященной служебной карьере (*cursus honorum*), в пятьдесят пять лет берется за написание своей «Истории Рима» (210 г.); на семьдесят четвертом году он завершает ее, доведя повествование от времен Ромула до современности. Из ее восьмидесяти «книг» сохранилось меньше половины, но и того, что уцелело, достанет на несколько пухлых томов. Это произведение примечательно скорее благородным размахом, чем высоким качеством. Здесь имеются яркие рассказы, проникательные речи и философские реплики, кажущиеся в наше время совершенно избитыми и консервативными; но, как и Ливий, он утяжеляет свое повествование «знамениями»; как и Тацит, составляет обширный мартиронолог сенатской оппозиции; как и все римские историки, он слишком узок в своем живописании превратностей политики и войны, словно на протяжении тысячи лет не существовало ничего, кроме налогов и смертей.

Для историка, исследующего развитие духа, куда более интересно, чем эти почтенные лица, возникновение в этом веке романтической повести. Задолго до этого она подготавливалась в «Киропедии» Ксенофонта, любовных поэмах Каллимаха, легендах вокруг имени Александра и «Милетских рассказах», сочинявшихся начиная со второго века до н. э. Аристидом и многими другими. Эти авантюрные и любовные истории были по душе ионийскому населению, столь бережно хранившему классические традиции, но столь восточному по своему характеру и, может быть, даже по крови. Петроний в Риме, Апулей в Африке, Лукиан в Греции, Ямвлих в Сирии разрабатывали темы «плутовского» романа всевозможными способами, не уделяя при этом особого внимания любовным эпизодам. В первые века христианской эры, вероятно, по мере роста среди читателей числа женщин, авантюрный роман смыкается с любовным.

Древнейший образец этого жанра, которым мы располагаем, — это «Эфиопика», или «Египетские рассказы» Гелиодора из Эмесы. Относительно дати-

* Древнейшие рукописи в одном случае называют автором трактата «Дионисия Лонгина», в другом — «Дионисия или Лонгина», не давая никакой дальнейшей информации. Единственный имевший отношение к литературе Лонгин, известный нам из античности, — это Кассий Лонгин, премьер Зенобии. Он славился по всей Империи своей ученостью; Евнапий называл его «живой библиотекой», а Порфирий считал его «первым среди критиков»³⁶.

ровки романа спорят и поныне, но мы можем предварительно отнести его к третьему веку. Он начинается в стиле, освященном временем:

День уже улыбался приветливой улыбкой, и солнце позолотило вершины холмов, когда шайка молодцов — по обличию и оружию пиратов — поднялась на верхушку обрыва, откуда открывается вид на Гераклеотское устье Нила, остановилась и окинула взором море. Не найдя на нем ни одного паруса, который обещал бы им добычу, они взглянули на побережье, раскинувшееся у их ног. И вот что они увидели ³⁷.

В самом же начале мы встречаемся с юным красавцем Феагеном и прелестной и плачущей принцессой Хариклеей; они попали в плен к пиратам и там переживают столько злоключений, битв, убийств, ошибок и новых встреч, сколько способна нагромоздить друг на друга лишь современная приключенческая беллетристика. В то время как у Петрония и Апулея девичья невинность — вопрос, затрагиваемый лишь мимоходом, здесь она становится сущностью и стержнем повествования: Гелиодор спасает девственность Хариклеи из десятков безвыходных ситуаций и составляет убедительные проповеди о том, сколь прекрасна и необходима женская добродетель. Возможно, сказалось в романе и влияние христианства; предание даже свидетельствует о том, что автор стал позднее христианским епископом Фессалоник. «Эфиопика» невольно породила бесконечную череду подражаний: она послужила образцом для «Персилеса и Сигизмунды» Сервантеса, линии Клоринды в «Освобожденном Иерусалиме» Тассо и многочисленных романов Мадам Скюдери; здесь и любовные напитки, симптомы, вздохи, обмороки, и счастливые развязки множества прелестных историй. Здесь — «Кларисса Гарлоу» за полторы тысячи лет до Ричардсона.

Самая знаменитая любовная повесть в античной прозе — это «Дафнис и Хлоя». О ее авторе нам известно только его имя — Лонг, и отнесение его жизни к третьему веку — всего лишь гипотеза. Дафнис был в младенчестве брошен на произвол судьбы, но его спас и взрастил пастух; в свою очередь, он также становится пастухом. Превосходные деревенские описания наводят на мысль, что Лонг, как и его поэтический предшественник Феокрит, открыл для себя деревню после многих лет, проведенных в городе. Дафнис влюбляется в деревенскую девушку, которую также некогда бросили родители; они пасут свои стада, связав себя очаровательным товариществом, купаются вместе в невинной наготе и отравляют друг друга первым поцелуем. Старик сосед объясняет им причину охватившей их лихорадки и описывает болезнь романтической любви, пережитую им в юности: «И сам я был молод, любил Амариллис; тогда и пищу я забывал, и питья принимать не желал, и сна я не знал. Страдал душою; тело трепетало, сердце холодало...» ³⁸ (перевод С.П. Кондратьева). В конце концов их находят и делают богатыми их настоящие родители, но они пренебрегают богатством и возвращаются к своей простой пастушеской жизни. Вся история рассказана с простотой, присущей совершенному искусству. После появления превосходного французского перевода Амио (1559 г.) она послужила образцом для «Поля и Виржинии» Сен-Пьера и вдохновила бесчисленных живописцев, поэтов и композиторов.

Близок ей по духу поэтический гимн, известный под названием «Pervigilium Veneris», «Ночное празднество в честь Венеры». Неизвестен ни его автор, ни время написания; вероятно, его следует датировать третьим веком³⁹. Тема здесь та же, что и в зачине поэмы Лукреция и романе Лонга: богиня любви, воспламеняя все живое неудержимой страстью, является истинным создателем мира:

Завтра пусть полюбит каждый, кто любви не ведал пыл,
Кто изведal жар любовный, завтра пусть полюбит вновь.
Ведь сама богиня перлом весну красит яркую,
Ведь сама дыханьем ветра нежным грудь высокую
К ложу теплomu толкает...
Нимф сама богиня к роще посылает миртовой...
Вновь весна, весна певуча; самый мир весной рожден.
Дух весной к любви стремится, птицы любятcя весной,
Роща листья распускает, в брак вступивши с ливнями,
И на свежие цветочки тень наводит зеленью.
Завтра пусть полюбит каждый, кто любви не ведал пыл,
Кто изведal жар любовный, завтра пусть полюбит вновь.

(Перевод А.В. Артюшкова)

Так текут прозрачные стихи, обнаруживая произведения любви в оплодотворяющем дожде, в цветах, в песнях на веселых праздниках, в неуклюжих пробах объятий страстью молодежи, в робких свиданьях посреди леса, и в начале каждого станса вновь звучит бодрый призыв: *Cras amet qui numquam amavit, quique amavit cras amet*. Здесь, в последней великой лирической поэме языческой души мы слышим трохеическую каденцию средневековых гимнов и мелодическое предвестие поэзии трубадуров.

V. ВОСТОЧНАЯ МОНАРХИЯ

После смерти Клавдия II (270 г.) от чумы, которая косила ряды как готов, так и римлян, армия избрала его преемником сына иллирийского крестьянина. Домиций Аврелиан был обязан своим восхождением из самых низов крепости тела и силе воли; его прозывали *Manus ad ferrum* — «Рука на мече». Его избрание было признаком того, что у армии вновь проснулся здравый смысл, ибо этот человек требовал столь же неукоснительной дисциплины от других, как и от себя самого.

Под его руководством враги Рима были отброшены на всех направлениях, за исключением Дуная. Здесь Аврелиан уступил Дакию готам, надеясь, что они станут барьером между Империей и ордами, идущими вслед за ними. Возможно, вдохновленные этой уступкой, алеманны и вандалы вторглись в Италию, но в трех битвах Аврелиан их разгромил и рассеял. Замыслив проведение военных кампаний на отдаленных рубежах и опасаясь нападения на Рим во время его отсутствия, он убедил сенат профинансировать, а ремесленников возвести новые стены вокруг столицы. По всей Империи города обносили новыми стенами, что было знаком ослабления императорской власти и конца Римского мира.

Предпочитая обороне нападение, Аврелиан решил восстановить Империю, атаковав на Востоке Зенобию, а затем Тетрика, вслед за Постумом узурпировавшего власть над Галлией. В то время как его полководец Проб отбивал Египет у сына Зенобии, Аврелиан перешел через Балканы, переправился через Геллеспонт, разбил армию царицы при Эмесе и осадил ее столицу, она попыталась бежать и заручиться помощью Персии, но была схвачена; город сдался и был помилован, но Лонгин был казнен (272 г.). Когда император находился вместе со своей армией на возвратном пути к Гелеспонту, Пальмира восстала и уничтожила размещенный в ней гарнизон. Он повернул свои легионы обратно со стремительностью Цезаря, вновь осадил и вскоре захватил город. Теперь он позволил солдатам предать его разграблению, срыл до основания городские стены, изменил традиционные маршруты, которыми пользовались прежде пальмирские торговцы, и обрек его на прозябание в роли деревушки в пустыне, каким он был прежде и является сейчас. Зенобия, став украшением триумфа Аврелиана, была провезена по улицам Рима в золотых оковах и получила разрешение провести оставшиеся ей годы, пользуясь относительной свободой, в Тибуре.

В 274 г. Аврелиан победил Тетрика при Шалоне и вернул Империи Галлию, Испанию и Британию. На радостях вернувший свое господство Рим нарек победителя «восстановителем мира», *restitutor orbis*. Обратившись к мирным заботам, он восстановил некоторый экономический порядок, проведя реформу римского монетного дела, и реорганизовал правительство, применяя по отношению к нему ту же строгую дисциплину, которая возродила его армию. Приписывая нравственный и политический хаос Империи в известной степени отсутствию религиозного единства и находясь под впечатлением от того, какой объем политических функций выполняет религия на Востоке, он попытался объединить древние верования с новыми, введя монотеистическое почитание бога-солнца и императора как его наместника на земле. Он уведомил скептически настроенную армию и сенат о том, что императором его сделали не их воля или утверждение, но бог. Он построил в Риме ослепительный храм Солнца, в котором сольются, надеялся Аврелиан, Эмесский Баал и божество митраизма. Монархия и монотеизм шли вперед рука об руку, пытаясь заручиться поддержкой друг друга; религиозная политика Аврелиана наводила на мысль о сокращении мощи государства и усилении религии; цари становились отныне царями милостью божьей. Такое представление о власти было по происхождению восточным, издавна принятым в Египте, Персии и Сирии; опираясь на него, Аврелиан углубил процесс ориентализации монархии, начатый при Элагабале и нашедший завершение в лице Диоклециана и Константина.

В 275 г. Аврелиан вел свою армию через Фракию, чтобы уладить спор с Персией. Группа офицеров, ошибочно полагавших, что император намеревается их казнить, убила его. Пораженная собственным преступлением армия просила сенат назначить преемника. Никто не домогался этого достоинства, с таким постоянством являвшегося герольдом смерти. Наконец семидесятипятилетний Тацит согласился послужить государству. Он притянул на то, что является потомком историка, и был воплощением всех тех добродетелей, которые проповедовал тот лаконичный пессимист. Но он умер от переутомления через шесть месяцев после прихода к власти. Солдаты, сожалея о

своем раскаянии, вернули себе былую прерогативу силы и салютовали Пробу как императору (276 г.).

Выбор был превосходен, а имя вполне заслужено, ибо Проб выделялся на общем фоне отвагой и порядочностью. Он изгнал германцев из Галлии, очистил Илирик от вандалов, построил стену между Рейном и Дунаем, единственным словом устранил персов и установил мир на всем пространстве своей державы. Вскоре, обещал он народу, не будет более ни оружия, ни армий, ни войн, и царство закона установится на земле. В качестве прелюдии к этой утопии он заставлял войска расчищать пустоши, осушать болота, разбивать виноградники и исполнять другие общественные работы. Армия осталась недовольна его возвышенным образом мыслей, убила его (282 г.), оплакала и установила памятник в его честь.

Она приветствовала как императора некоего Диокла, сына вольноотпущенника из Далмации. Диоклетиан, как он именовал себя с этого времени, возвысился благодаря блестящим талантам и гибкости убеждений до постов консула, проконсула и командующего дворцовой гвардией. Это был гениальный человек, менее искушенный в войне, чем в государственном искусстве. Он взшел на трон после периода безвластия, еще более мрачного, чем тот, что был пережит Римом в эпоху между Гракхами и Антонием; как и Август, он добился примирения всех партий, защитил все рубежи, повысил роль правительства и опирался в своей политике на помощь и санкцию религии. Август создал Империю, Аврелиан ее спас, Диоклетиан — преобразовал.

Его первое жизненно важное решение продемонстрировало истинную ситуацию в царстве и убывание роли Рима. Он покинул этот город, лишив его статуса столицы, и сделал своей императорской штаб-квартирой Никомедию в Малой Азии, расположенную несколькими милями южнее Византия. Сенат по-прежнему собирався в Риме, консулы исполняли положенные обряды, гремели игры, а улицы полнились кишачей и шумной человеческой массой. Но власть и лидерство ушли из этого средоточия экономического и нравственного упадка. Диоклетиан обосновывал свой шаг военной необходимостью: должны быть защищены и Европа и Азия, а это невозможно сделать, находясь в городе, который расположен так далеко к югу от Альп. Поэтому он назначил талантливого полководца Максимиана своим соправителем (286 г.), поручая ему оборону Запада, и Максимиан сделал своей столицей не Рим, но Милан. Шестью годами позже для того, чтобы еще более облегчить заботы по администрированию и обороне, оба «Августа» избрали по «Цезарю», каждый из которых стал помощником и преемником императоров: Диоклетиан избрал Галерия, который сделал своей столицей Сирмий (Митровица на Саве) и был ответственным за положение в придунайских провинциях; Максимиан назначил «Цезарем» Констанция Хлора (Бледного), который сделал своей столицей Августу Тревири (Трир). Каждый Август поклялся через двадцать лет уступить место своему «Цезарю», который тогда назначит нового «Цезаря», чтобы обрести в его лице помощника и преемника. Оба Августа выдали замуж дочерей за своих «Цезарей», скрепив узами крови узы закона. Таким способом Диоклетиан надеялся предотвратить опасность новой войны за императорское наследство, вернуть последовательность и авторитет правительственной системе и образовать четыре стратегических пункта, которые встанут на страже интересов Империи и будут преградой внутренней смуте и внешней агрессии.

сии. Это было блестящее устройство, которому недоставало лишь единства и свободы.

Монархия разделилась, но осталась абсолютной. Всякий закон каждого правителя издавался от имени всех четверых и имел действительную силу по всей Империи. Эдикт правителей немедленно становился законом без санкции римского сената. Все государственные чиновники назначались правителями, и гигантский бюрократический аппарат опутал государство. Чтобы придать системе еще большую устойчивость, Диоклетиан развил культ гения императора в поклонение себе самому как земному воплощению Юпитера, тогда как Максимиан скромно согласился на роль Геркулеса; мудрость и сила спустились с небес, чтобы утвердить порядок и мир на земле. Диоклетиан обзавелся диадемой — широкой белой повязкой, усеянной жемчужинами, — и одеждами из шелка и золота; его туфли были усыпаны самоцветами; он поселился в гордом одиночестве во дворце и требовал от посетителей проходить сквозь строй евнухов-церемониймейстеров и титулованных камергеров, а также преклонять колени и целовать край его платья. Он был светским человеком и несомненно посмеивался про себя над этими мифами и формами, однако его престол нуждался в легитимации временем, и он надеялся укрепить его, предотвратить мятежи населения и армии, облачившись во внушающие трепет ризы божества. «Он приказывал называть себя господином (*dominus*), — говорит Аврелий Виктор, — но вел себя, как отец»⁴⁰. То, что сын раба усвоил восточный деспотизм и отождествил царя с богом, означало окончательный крах античных республиканских установлений, отказ от плодов Марафонской победы; это было возвращение (предпринятое в свое время и Александром) к формам и теориям дворцов Ахеменидов и фараонов, Птолемеев, парфянских и сасанидских царей. К этой ориентализированной монархии восходят структуры Византийского царства и европейских королевств, просуществовавшие вплоть до французской революции. Все, что теперь требовалось, — это заключить союз между восточным монархом в восточной столице и восточной верой. Византизм начинался при Диоклетиане.

VI. СОЦИАЛИЗМ ДИОКЛЕТИАНА

С энергичностью Цезаря он приступил к реформированию всех ветвей правительственной системы. Он трансформировал аристократию, подняв до ее уровня многих чиновников и офицеров и сделав ее наследственной кастой с восточной иерархией достоинств, избытком титулов и изощренностью этикета. Вместе со своими коллегами он разделил Империю на девяносто шесть провинций, сгруппированных в семьдесят два диоцеза и четыре префектуры, и назначил гражданских и военных правителей для каждого подразделения. Это было откровенно централизованное государство, которое считало местную автономию, как и демократию, роскошью, позволительной лишь в мирное время, и оправдывало диктатуру нуждами идущих или предстоящих войн. Войны велись с блестящим успехом: Констанций усмирил восставшую Британию, а Галерий одержал над персами победу столь решительную, что те оставили Месопотамию и пять провинций за Тигром. На целое поколение враги Рима забыли и думать об агрессии.

В годы мира Диоклетиан вместе со своими помощниками столкнулся с проблемами экономического упадка. Чтобы преодолеть депрессию и предотвратить революцию, он заменил управляемой экономикой закон спроса и предложения⁴¹. Он оздоровил денежное обращение, гарантируя фиксированный вес и чистоту золотой монеты, которые сохранялись в Восточной империи вплоть до 1453 г. Он распределял продовольствие между бедняками бесплатно или за полцены и затеял обширные общественные работы для смягчения безработицы⁴². Чтобы обеспечить надежное снабжение городов и армий всем необходимым, он взял под полный государственный контроль многие отрасли промышленности, начиная с импорта зерна; он убедил судовладельцев, торговцев и корабельные команды, занятые в этой торговле, согласиться с контролем, взамен гарантируя им от лица государства надежную занятость и прибыль⁴³. Задолго до него государство являлось владельцем большинства каменоломен, месторождений соли и рудников; Диоклетиан запретил вывоз соли, железа, золота, вина, зерна и масла из Италии и дотошно регулировал импорт этих видов продукции⁴⁴. Далее под контроль были взяты предприятия, являвшиеся поставщиками армии, бюрократии и двора. Для оружейных заводов, ткацких цехов и пекарен государство установило минимум продукции, который они должны были изготовить во что бы то ни стало и продать по назначенной государством цене; коллеги ремесленников стали отвечать за исполнение приказов и спецификаций. Если эти меры оказывались недостаточными, данные фабрики полностью национализировались и на них использовался крепостной труд⁴⁵. Постепенно при Аврелиане и Диоклетиане большинство промышленных предприятий и гильдий Италии были взяты под контроль корпоративным государством. Мясники, пекари, каменщики, строители, стеклодувы, металлурги, гравировальщики вынуждены были подчиняться детализированным правительственным предписаниям⁴⁶. «Различные корпорации,— пишет Ростовцев,— походили скорее на контролеров низшего звена своих собственных предприятий от имени государства, чем на их собственников. Сами они были прикреплены к чиновникам различных департаментов и начальникам различных воинских подразделений»⁴⁷. Ассоциации торговцев и ремесленников получали от правительства различные привилегии и нередко оказывали давление на политику правительства; взамен они выступали в роли органов национальной администрации, помогали организации труда и собирали со своих членов налоги в государственную казну⁴⁸. Схожие методы правительственного контроля были распространены в конце третьего и начале четвертого веков на провинциальные предприятия, изготавливавшие вооружение, продовольствие и одежду. «В каждой провинции,— пишет Поль-Луи,— имелся особый прокуратор, осуществлявший надзор над промышленной деятельностью. В каждом крупном городе государство превратилось в могущественного работодателя... будучи на голову выше частных промышленников, которые в любом случае были к тому времени разорены налогами»⁴⁹.

Такая система не могла функционировать без контроля над ценами. В 301 г. Диоклетиан и его коллеги издали «Эдикт о ценах» (*Edictum de pretiis*), в котором устанавливались максимальные разрешенные цены или заработные платы на все важные виды продукции и услуги в Империи. В преамбуле эдикт обрушивается на монополистов, которые в условиях «дефицитной экономики» придерживают товары, чтобы вздуть цены:

Кто... настолько лишен человеческих чувств, чтобы не видеть того, что на рынках наших городов широко распространились неумеренные цены, а стремление что-либо приобрести не ослабевает ни благодаря обильному предложению, ни урожайным годам? Выходит, что... дурные люди боятся оказаться в проигрыше, если настанет изобилие. Существуют люди, чья цель — противодействовать общему благосостоянию... лишь бы добиться лихоимских и разорительных доходов... Жадность свирепствует по всему свету... Всякий раз, когда нашим армиям приходится выступать на защиту общей безопасности, спекулянты вздувают цены не в четыре и не в восемь раз, но настолько, что это не поддается описанию. Иногда солдат истрачивает все свое жалованье и всю премию на однуединственную покупку, так что контрибуции со всего мира, направляемые на содержание армии, становятся добычей омерзительных воров ⁵⁰ *.

Эдикт вплоть до нашего времени оставался самым знаменитым примером попытки заменить экономические законы правительственными декретами. Крах он потерпел полный и незамедлительный. Торговцы стали укрывать свои товары, дефицит стал еще более острым, чем прежде, в потворстве росту цен обвинили самого Диоклетиана ⁵², вспыхнули мятежи, и правительство было вынуждено либерализовать положения Эдикта, чтобы восстановить производство и распределение ⁵³. Окончательно отменен он был Константином.

Слабость такой управляемой экономики в том, какую цену приходится заплатить за администрирование. Бюрократический аппарат был расширен настолько, что Лактанций, несомненно, из политических соображений, утверждал, будто он составил половину всего населения империи ⁵⁴. Бюрократы обнаружили, что стоящие перед ними задачи непосильны для человеческой порядочности, а осуществляемый ими контроль слишком sporadичен, чтобы справиться с неуловимой изобретательностью человека. Для содержания бюрократии, двора, армии, строительной программы и продовольственных раздач налоги взмыли до беспрецедентных высот, став вездесущими и тотальными. Поскольку государство еще не научилось путем общественных займов скрывать свою расточительность и откладывать платежи на будущее, постольку цену за свои годовые операции оно было вынуждено выплачивать из своего годового дохода. Чтобы избежать получения доходов в виде обесценивающихся денег, Диоклетиан постановил, что везде, где это возможно, налоги следует взимать натурой: налогоплательщики были обязаны транспортиро-

* Некоторые из «потолков», установленных в Эдикте, показывают уровень цен и заработков в 301 г. Пшеница, чечевица, горох — 3,5 долл. за бушель; ячмень, рожь, бобы — 2,1 долл. за бушель; вино — 21–26 центов за пинту; оливковое масло — 10,5 цента за пинту; свинина — 10,5 цента за фунт; говядина и баранина — 7 центов; цыплята — два за 52,5 цента; сои — 35 центов за десяток; лучшая капуста и латук — 3,5 цента за пять кочанов; зеленый лук — 3,5 цента за 25 штук; лучшие улитки — 3,5 цента за 20 шт.; крупные яблоки или персики — 3,5 цента за десяток; фиги — 3,5 цента за 25 штук; шерсть — 5 центов за фунт; обувь — от 62 центов до 1,38 долл. за пару. Зарботки сельских работников — 23–46 центов в день плюс содержание; каменщиков, плотников, кузнецов, пекарей — 46 центов плюс содержание; брдобреев — 1,75 долл. за человека; писцов — 23 цента за 100 строк; учителей начальных школ — 46 центов за ученика в месяц; преподавателей греческой или латинской литературы или геометрии — 1,84 долл. за ученика в месяц; адвокатов — за участие в судебных прениях по одному делу — 7,36 долл. ⁵¹.

вать свои налоговые квоты в правительственные хранилища, и была создана трудоемкая система доставки товаров с этих складов к местам их назначения⁵⁵. В каждом муниципалитете декурионы (*decuriones*), или муниципальные чиновники, должны были брать на себя финансовую ответственность за любые недостатки в уплате налогов, установленных для их общин⁵⁶.

Поскольку каждый налогоплательщик пытался уклониться от налогов, государство организовало особую налоговую полицию, проверявшую собственность и доходы каждого гражданина. К женщинам, детям и рабам применялись пытки, чтобы заставить их открыть спрятанные богатства или заработки семьи. За уклонение от налогов были предусмотрены суровые наказания⁵⁷. К концу третьего века, и особенно в четвертом веке, бегство от налогов превратилось в Империи едва ли не в эпидемию. Люди состоятельные прятали свои богатства, местные аристократы записывались в сословие *humiliores*, лишь бы избежать избрания на муниципальную службу, ремесленники забрасывали мастерские, сельские собственники оставляли обложенные сверхналогами участки и становились наемными работниками, многие деревни и некоторые города (напр., Тивериада в Палестине) покидались своими жителями ввиду непосильности податей⁵⁸. Наконец, в четвертом веке граждане тысячами бежали за границу, ища убежища у варваров⁵⁹.

Вероятно, именно для того, чтобы воспрепятствовать этой дорого стоившей государству мобильности, обеспечить своевременный приток продовольствия в города и армии, а налогов — в государственную казну, Диоклетиан прибег к мерам, которые в результате способствовали установлению крепостного права на полях, в цехах и на фабриках. Сделав землевладельца ответственным (посредством введения налоговых квот, взимавшихся натурой) за производительность его арендаторов, правительство постановило, что арендатор обязан оставаться на своей земле до тех пор, пока не расплатится с задолженностями и не внесет десятину. Мы не знаем, когда вышел в свет этот исторический декрет, но в 332 г. закон Константина признавал его и подтверждал, превращая арендатора в *adscriptitius* — «приписанного» к земле, которую тот обрабатывал; он не мог покинуть ее без согласия владельца, а если земельный участок продавался, арендатор со своей семьей продавался вместе с ним⁶⁰. Мы не знаем, вызвали ли эти преобразования протест. Возможно, этот закон преподносился колонам как гарантия их экономической безопасности, как в современной Германии. Посредством этой и других мер сельское хозяйство перешло в третьем веке от рабства через свободный труд к крепостному праву и вступило в средние века.

Схожие меры по обеспечению стабильности предпринимались и по отношению к промышленности. Трудящийся был «приморожен» к своему рабочему месту, и ему запрещалось переходить из одной мастерской в другую без правительственного согласия. Каждая коллегия или гильдия была прикреплена к своему ремеслу и возложенной на нее задаче, и никто не имел права выйти из гильдии, к которой был приписан⁶¹. Членство в той или иной гильдии сделалось обязательным для каждого, кто был занят в коммерции или промышленности, и сын был обязан заниматься тем же родом деятельности, что и его отец⁶². Когда человек желал поменять место жительства или род занятий на другой, государство напоминало ему, что Италия находится в положении страны, осажденной варварами, и каждый должен оставаться на своем посту.

В 305 г. прошли пышные церемонии в Никомедии и Милане: Диоклетиан и Максимиан отреклись от власти, и Августами стали Галерий и Констанций Хлор. Галерий стал императором Востока, Констанций Хлор — Запада. Диоклетиан, которому было только пятьдесят пять, поселился в своем огромном дворце в Сплите, провел там последние восемь лет жизни и безучастно взирал оттуда на распад учрежденной им тетрархии в гражданской войне. Когда Максимиан уговаривал его вернуться к власти и положить конец распрям, он ответил, что если бы Максимиан только видел, какую прекрасную капусту выращивает он в своем саду, ему не пришлось бы в голову просить Диоклетиана пожертвовать таким приятным занятием ради погони за властью и забот о государстве⁶³.

Он заслужил свою капусту и свой покой. Он положил конец пятидесятилетней анархии, восстановил правительство и законность, вернул стабильность промышленности и безопасность торговле, укротил Персию и смирил варваров и, несмотря на несколько казней, был, в общем, порядочным законодателем и справедливым судьей. Это правда, что он организовал требующий больших затрат бюрократический аппарат, покончил с местной автономией, жестоко карал оппозицию, преследовал церковь, которая могла бы стать для него полезным союзником, и превратил население Империи в кастовое общество, на одном конце которого находилось неграмотное крестьянство и абсолютный монарх — на другом. Однако ситуация, в которой оказался Рим, не позволяла проводить либеральную политику; пытавшиеся проводить ее Марк Аврелий и Александр Север потерпели крах. Окруженное врагами со всех сторон, Римское государство действовало так, как и должны действовать все державы во время судьбоносных войн: оно согласилось на диктатуру сильного вождя, обложило своих граждан непосильными налогами и ради обеспечения коллективной свободы отложило в сторону свободу индивидуальную. Диоклетиан, более дорогой ценой, но и в более трудных обстоятельствах, повторил достижение Августа. Современники и потомки, помня о том, какой беды им удалось избежать, прозвали его «Отцом Золотого века». Константин вступал в дом, построенный Диоклетианом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Геродиан. *История двадцати Цезарей*, II, 83.

² Дион Кассий, LXXIV, 5.

³ Геродиан, II: 100, 103; III, 155.

⁴ Авторы жизнеописаний Августов. *Септимий Север*, XVIII, 11.

⁵ Геродиан, III, 139.

⁶ Lot, F., *End of the Ancient World*, 10.

⁷ Дион, LXXIX, 7.

⁸ Там же, LXXVIII, 16.

⁹ Геродиан, IV, 210; Дион, LXXVIII, 22.

¹⁰ Дион, LXXIX, 23.

¹¹ Авторы жизнеописаний Августов. *Геллогабал*, 19–32; Дион, LXXX, 13; Геродиан, IV, 253.

¹² Дион, LXXIX, 14; Gibbon, I, 141.

¹³ Авторы жизнеописаний Августов. *Север Александр*, 30, 39.

¹⁴ Геродиан, VI, 5.

- ¹⁵ Авторы жизнеописаний Августов. *Север Александр*, 20.
- ¹⁶ Там же, 29.
- ¹⁷ Там же, 33.
- ¹⁸ Геродиан, VI, 8.
- ¹⁹ См.: Rostovtzeff. *Social and Economic History of the Roman Empire*, 399.
- ²⁰ Gibbon, I, 294.
- ²¹ Maine, *Ancient Law*, 177.
- ²² West, L. *Economic Collapse of the Roman Empire*, in *Classical Journal*, 1932, p. 106.
- ²³ Abbott. *Common People*, 174.
- ²⁴ Rostovtzeff, ук. соч., 424, 442—443.
- ²⁵ Там же, 305.
- ²⁶ Frank. *Economic History*, 489.
- ²⁷ Ferrero. *Ruin of Ancient Civilization*, 58; Rostovtzeff. *History of the Ancient World*, II, 317.
- ²⁸ Frank. *Economic Survey*, IV, 220.
- ²⁹ Rostovtzeff. *Roman Empire*, 419.
- ³⁰ Collingwood and Myres, 206.
- ³¹ Heath, II, 448.
- ³² Платон. *Законы*, 819.
- ³³ Ball, W.W. *Short History of Mathematics*, 96.
- ³⁴ Юстиниан. *Дигесты*, I, 1.4.
- ³⁵ Авторы жизнеописаний Августов. *Север Александр*, 51.
- ³⁶ Roberts, W.R., introd. to «*Longinus*» on the Sublime, Loeb Library.
- ³⁷ Гелиодор. *Greek Romances*, I.
- ³⁸ Там же, 289.
- ³⁹ См.: Catullus, Tibullus, etc., p. 343.
- ⁴⁰ См.: Burckhardt, J., *Die Zeit Constantins*, 54.
- ⁴¹ САН, XII, 273; Frank, *Economic Survey*, III, 633.
- ⁴² Ferrero. *Ancient Rome and Modern America*, 88.
- ⁴³ Toutain, 326.
- ⁴⁴ West, ук. место, 102.
- ⁴⁵ Rostovtzeff, *Ancient World*, II, 329.
- ⁴⁶ Toutain, 326; САН, XII, 271; *Cambridge Medieval History*, I, 52.
- ⁴⁷ Rostovtzeff. *Roman Empire*, 474.
- ⁴⁸ Cunningham, W.C., *Western Civilization in Its Economic Aspects*, I, 191—192.
- ⁴⁹ Paul—Louis, 283—285.
- ⁵⁰ Данный перевод основывается на переводе Эльзы Глейзер, см.: Frank. *Economic Survey*, V, 312.
- ⁵¹ Там же. Цены подсчитаны, исходя из оценки стоимости золота 35 долл. за унцию, установленной в Соединенных Штатах в 1944 г.
- ⁵² Frank, *Survey*, III, 612.
- ⁵³ Лактанций. *О смерти гонимей*, VII.
- ⁵⁴ Там же, VII, 3.
- ⁵⁵ Charlesworth, 98.
- ⁵⁶ West, 105; Ferrero, *Ruin of Ancient Civilization*, 106.
- ⁵⁷ Cunningham, I, 188.
- ⁵⁸ Frank, *Survey*, II, 245; IV, 241.
- ⁵⁹ Reid. *Municipalities*, 492; Arnold, 265.
- ⁶⁰ Heitland, 382.
- ⁶¹ Davis, W.S., 233.
- ⁶² Frank. *Economic History*, 404; Rostovtzeff. *Roman Empire*, 409.
- ⁶³ Gibbon, I, 377.

Триумф христианства

306—325 гг.

I. ВОЙНА МЕЖДУ ЦЕРКОВЬЮ И ГОСУДАРСТВОМ

64—311 гг.

В ДОХРИСТИАНСКУЮ ЭПОХУ римское правительство проявляло в большинстве случаев терпимость по отношению к соперникам ортодоксального язычества; в свою очередь эти религии были столь же терпимы к официальным и императорским культам. От приверженцев новых религий не требовалось ничего, кроме своевременно оказанного уважения богам и главе государства. Императоры были задеты тем, что из всех еретиков среди подданных Империи лишь христиане и иудеи отказываются присоединиться к почитанию их Гения. Сжигание фимиама перед статуей императора стало знаком и подтверждением лояльности Империи, как клятва преданности является неперемнным условием предоставления гражданства в наши дни. Церковь, со своей стороны, возмущалась римским представлением о подчиненности религии государству. Она видела в императорском культе проявление политеизма и идолопоклонства и учила своих последователей не принимать в нем участия любой ценой. Римское правительство заключило, что христианство является радикальным — возможно, коммунистическим — движением, коварно добивающимся низвержения установленного порядка.

До Нерона обе силы находили возможность уживаться друг с другом мирно. Иудеи были освобождены законом от участия в императорском культе, и христианам, которых вначале путали с иудеями, гарантировалась та же привилегия. Однако казнь Петра и Павла и сожжение христиан для иллюминации Нероновых игр превратили эту взаимную презрительную терпимость в неослабевающую враждебность и периодически вспыхивающую войну. Невозможно удивляться тому, что после подобной провокации христиане обратили все свое оружие на борьбу с Римом: они осуждали его безнравственность и идолопоклонство, высмеивали его богов, радовались его бедствиям¹ и предсказывали его скорое падение. В пылу веры, сделавшейся нетерпимой вследствие нетерпимости, христиане объявляли о том, что все, кто имел шанс признать Христа и отверг его, обречены на вечные муки; многие из них предсказывали, что та же участь ожидает весь дохристианский или нехристианский мир. В ответ язычники называли христиан «отбросами общества» и «наглými варварами», обвиняли их в «ненависти к роду человеческого» и приписывали все несчастья Империи гневу языческих богов на то, что их христианским хулителям позволено жить на свете². Обе стороны не гнушались пускать в ход тысячи клевет друг на друга. Христиан обвиняли в занятиях черной магией, в испитии человеческой крови на пасхальном празднике³ и поклонении ослу.

Но конфликт был глубже и не сводился к обмену ударами. Языческая цивилизация опиралась на государство, христианская — на религию. Для римлянина религия была частью структуры и церемониала правительства, и кульминацией его нравственности является патриотизм. Для христианина религия была чем-то отдельным от политической организации общества и стояла выше ее. Его высшим сюзереном был не Цезарь, но Христос. Тертуллиан выдвинул революционный принцип, согласно которому человек не должен повиноваться закону, который кажется ему несправедливым⁴. Христианин относился к своему епископу, даже к своему священнику с куда большим почтением, чем к римскому магистрату; он предпочитал выносить свои юридические споры с единоверцем на суд церковных властей, а не прибегать к услугам государственных чиновников⁵. Удаление христианина от мирских дел казалось язычнику бегством от гражданских обязанностей, ослаблением национального темперамента и воли. Тертуллиан советовал христианам отказываться от несения воинской службы: то, что значительное их число последовало его совету, следует из призыва Цельса положить конец этому отказу и ответа Оригена, заметившего, что, хотя христиане не станут сражаться за Империю, они будут молиться за нее⁶. Христиане увещевались своими руководителями сторониться нехристиан, избегать их варварских праздничных игр и театров — этих рассадников непристойности⁷. Брак с нехристианами запрещался. Рабы-христиане обвинялись во внесении разлада в семью, ибо зачастую они обращали в свою веру детей и жену хозяина; христианство считали виновным в разрушении семейного очага⁸.

Оппозиция новой религии исходила скорее от населения, чем от государства. Магистраты часто являлись людьми высокой культуры и терпимости, но основная масса языческого народа была недовольна отчужденностью, превосходством и самоуверенностью христиан и призывала власти покарать этих «атеистов» за оскорбление богов. Тертуллиан замечает, что «мы чувствуем общую к нам ненависть»⁹. Со времени Нерона римское право, по-видимому, начинает рассматривать исповедование христианства как уголовное преступление¹⁰; однако при большинстве императоров это постановление проводилось в жизнь сознательно небрежно¹¹. Если против христианина выдвигалось обвинение, он мог обычно получить свободу, воскурив фимиам перед статуей императора; после этого, очевидно, ему не возбранялось держаться своей веры¹². Христиане, отказывавшиеся проявить свое уважение к государству подобным образом, могли быть заключены в тюрьму, подвергнуты бичеванию или изгнанию, осуждались на каторжные работы или (редко) предавались смертной казни. Домициан, по-видимому, изгнал из Рима нескольких христиан, но «будучи в известной степени человеком,— пишет Тертуллиан,— он вскоре прекратил то, что начал, и вернул ссыльных»¹³. Плиний попытался привести закон в действие с рвением дилетанта (111 г.), если судить по его письму Траяну:

Пока же с теми, на кого донесли как на христиан, я действовал так. Я спрашивал их самих, христиане ли они; сознавшихся спрашивал во второй и третий раз, угрожая наказанием; упорствующих отправлял на казнь... Достоверно установлено, что храмы, почти покинутые, опять начали посещать... всюду продается мясо жертвенных животных, на которое до сих пор едва-едва находилась покупатель.

На это Траян отвечал:

Ты поступил вполне правильно, мой Секунд, произведя следствие о тех, на кого тебе донесли как на христиан. *Выискивать их незачем*: если на них поступит донос и они будут изобличены, их следует наказать, но тех, кто отречется, что они христиане, и докажет это на деле, то есть помолится нашим богам, следует за раскаяние помиловать... Безымянный донос о любом преступлении не должно принимать во внимание ¹⁴.

(Перевод М.Е. Сергеевко)

Выделенное место наводит на мысль о том, что Траян без всякой охоты проводил в жизнь принятый до него законодательный акт. И тем не менее в его принципат стали известны два выдающихся мученика: Симеон, глава Иерусалимской церкви, и Игнатий, епископ Антиохийский; предположительно были и другие, не столь прославившиеся мученики.

Адриан, скептик, открытый для всех идей, велел своим чиновникам принимать слова христиан на веру ¹⁵. Более благочестивый Антонин позволил усилить гонения. В Смирне население потребовало от «азиарха» Филиппа провести закон в жизнь. Он удовлетворил это требование, казнив в амфитеатре одиннадцать христиан (155 г.). Кровавость толпы была этим скорее распалена, чем утолена: чернь шумно потребовала казнить епископа Поликарпа, праведного старца восьмидесяти семи лет, который, поговаривали в народе, был в юности знаком со Святым Иоанном. Римские солдаты нашли старика в пригородном убежище и отвели безропотного Поликарпа к азиарху на игры. Филипп настаивал: «Поклянись, похули Христа, и я отпущу тебя». Поликарп, свидетельствуют древнейшие «Деяния мучеников», отвечал: «Восемьдесят шесть лет был я его слугой, и он не сделал мне ничего плохого; как же мне хулить Царя, который спас меня?» Толпа возопила, что его следует сжечь живьем. Пламя, сообщает благочестивый документ, отказалось жечь его, «но он был внутри его, словно запекаемый хлеб, и мы почувствовали, что от него исходит благоухание, точно от фимиама или других дорогих благовоний. Наконец незаконные люди приказали палачу заколоть его. Когда он сделал это, из него вылетел голубь и вытекло столько крови, что огонь потух, и вся толпа дивилась этому чуду ¹⁶.

Гонения были возобновлены при беспорочном Аврелии. Когда голод, наводнение, чума и война обрушились на некогда счастливое царство, распространилось убеждение, что все эти беды проистекают из забвения и отрицания римских богов. Аврелий разделял эти страхи вместе с обществом или капитулировал перед ним. В 177 г. он издал рескрипт, повелевая покарать секты, вызывающие беспорядки, «возбуждая неуравновешенные умы» новыми доктринальными поветриями. В том же году в Виенне и Лионе языческое население в ярости восстало на христиан и побивало их камнями повсюду, где они осмеливались выйти из своих домов. Императорский легат отдал приказ об аресте руководителей христианской общины в Лионе. Епископ Потин, девяностолетний старец, скончался в тюрьме от пыток. В Рим был отправлен посланец спросить совета у императора, как поступить с остальными заключенными. Марк ответил, что отрекшиеся от христианства должны быть освобождены, но тех, кто продолжает его исповедовать, следует предать смерти согласно закону.

Ежегодный праздник Августалий отмечался теперь в Лионе, и делегаты со всех концов Галлии затопили столицу провинции. В разгар игр на арену амфитеатра были выведены обвиненные христиане, которых подвергли допросу. Отступившиеся от веры были отпущены; сорок семь упорствующих были казнены после разнообразных варварских пыток, сравнимых только с пытками Инквизиции. Аттал, занимавший второе после Потина место в христианской общине, был усажен на раскаленный докрасна железный стул и зажарен¹⁷. Бландина, девушка-рабыня, подвергалась пыткам весь день, затем ее зашили в мешок и выбросили на арену, где бык забодал ее насмерть. Ее немая отвага вселила во многих христиан веру в то, что Христос делает своих мучеников нечувствительными к боли; тот же результат может быть вызван экстазом и страхом. «Христиане,— говорил Тертуллиан,— даже приговоренные к смерти, воздают благодарность»¹⁸ *.

При Коммоде гонения затухают. Септимий Север возобновил их, причем преступлением было объявлено даже само крещение. В 203 г. многие христиане претерпели мученичество в Карфагене. Одна из них — молодая мать по имени Перпетуя — оставила трогательный рассказ о своих днях в темнице и мольбах ее убитого горем отца отречься от христианства. Она и другая молодая мать были подняты на рога быком; в ее последующем вопросе мы имеем свидетельство анестезирующего действия страха и транса: «Когда мы будем подняты на рога?» Предание повествует о том, как она поднесла к своему горлу меч колеблющегося гладиатора, которому было приказано ее убить¹⁹. Сирийская императрица, правившая после Севера, мало заботилась о римских богах и легкомысленно терпела христианство. При Александре Севере показалось, что между соперничающими религиями установился мир.

Возобновление варварских атак прервало это перемирие. Чтобы понять мотивы гонений при Деции (или Аврелии), необходимо вообразить себе страну, охваченную лихорадочным возбуждением войны, уstraшенную серьезными поражениями и ожидающую вторжения врагов. В 249 г. по Империи прокатилась волна религиозных эмоций; мужчины и женщины толпились в храмах и осаждали богов своими молитвами. Христиане держались в стороне от этой лихорадки патриотизма и страха, по-прежнему осуждая и не поощряя военную службу²⁰, презирая богов и истолковывая крушение Империи как предвещенную прелюдию к падению «Вавилона» и возвращению Христа. Воспользовавшись народным настроением как удобной возможностью усилить национальный энтузиазм и единение, Деций издал эдикт, в котором потребовал от всех жителей державы совершить искупительный акт поклонения богам Рима. Очевидно, христиан не заставляли отречься от своей веры, но им было приказано присоединиться ко всеобщей *supplicatio* богам, которые, по вере населения, так часто спасали находящийся в беде Рим. Большинство христиан подчинилось; в Александрии, согласно ее епископу, Дионисию «отступничество было всеобщим»²¹; схожим образом дела обстояли в Карфагене и Смирне; вероятно, христиане этих городов рассматривали *supplicatio* как патриотическую формальность. Но епископы Иерусалима и Антиохии погибли в тюрьме, а епископы Рима и Тулузы были преданы смерти (250 г.). Сотни римских

* Мы знаем о Лионских гонениях из письма «служителей Христа в Лугдуне и Виенне в Галлии к своим братьям в Азии и Фригии», сохраненного у Евсевия (Церковная история, V, 1). Возможно, в рассказ вкрались некоторые преувеличения.

христиан были брошены в подземные темницы; некоторые были обезглавлены, некоторые сожжены заживо, нескольких отдали на растерзание диким зверям во время праздничных игр. Через год гонения стали ослабевать, и к Пасхе 251 г. они практически завершились.

Шесть лет спустя Валериан в дни нового кризиса, вызванного вторжением и страхом, постановил, что «все лица обязаны принимать участие в римских обрядах», и запретил любые христианские собрания. Папа Сикст II оказал сопротивление и был казнен вместе с четырьмя своими диаконами. Епископ Карфагенский Киприан был обезглавлен, епископ Таррагоны сожжен заживо. В 261 г. после того, как персы убрали со сцены Валериана, Галлиен обнарудовал первый эдикт о веротерпимости, признавая христианство в качестве разрешенной религии и приказывая вернуть имущество, отнятое у христиан. В следующие сорок лет имели место гонения меньших масштабов, но в целом эти десятилетия стали для христиан эпохой беспрецедентного затишья и стремительного роста. В хаосе и ужасе третьего века люди бежали от ослабевшего государства к утешениям религии и находили, что христианство далеко превосходит в этом отношении всех своих соперников. Теперь Церковь обращала в свою веру богатых, строила пышные соборы и позволяла своим приверженцам вкушать радости мира. *Odium theologicum* пошло среди народа на убыль; христиане свободнее вступали в контакты с язычниками, даже заключали с ними браки. Восточной монархии Диоклетиана, казалось, предназначено самой судьбой не только обеспечить политическую безопасность, но и установить религиозный мир.

Галерий, однако, видел в христианстве последнее препятствие на пути к абсолютной монархии и добивался от своего старшего коллеги довершить римскую реставрацию восстановлением римских богов. Диоклетиан колебался: ему претил ненужный риск, и он более реалистично, чем Галерий, оценивал серьезность задачи. Но однажды на императорском жертвоприношении христиане осенили себя крестным знамением, чтобы отвратить злых духов. Когда авгурам не удалось обнаружить на печени жертвенных животных знаков, которые они собирались истолковать, они сочли это событие результатом присутствия нечестивых и неверующих лиц. Диоклетиан приказал всей свите принести жертвы богам, а отказавшихся велел бичевать; схожим образом принять участие в жертвоприношении должны были все солдаты, которые в противном случае увольнялись со службы (302 г.). Странно сказать, но христианские писатели согласны с языческими жрецами: молитвы христиан, говорил Лактанций²², удержали римских богов на расстоянии, а епископ Дионисий излагал те же доводы поколением раньше. Галерий при каждом удобном случае доказывал необходимость религиозного единства как опоры новой монархии; наконец Диоклетиан уступил. В феврале 303 г. четыре правителя постановили разрушить все христианские церкви, предать огню христианские книги, распустить христианские приходы, конфисковать их имущество, не допускать христиан на государственную службу и казнить всех христиан, схваченных во время религиозного собрания. Шайка солдат стала зачинательницей гонения; ею был сожжен дотла собор в Никомедии.

Христиане были теперь достаточно многочисленны, чтобы отплатить той же монетой. В Сирии вспыхнуло революционное движение, а в самой Никомедии поджигатели дважды устраивали пожар во дворце Диоклетиана. Галерий обвинил в поджоге христиан; они обвиняли его; сотни христиан были

арестованы и подвергнуты пыткам, однако их вина так и не была доказана. В сентябре Диоклетиан повелел выпустить на свободу всех заключенных христиан, если те поклонятся римским богам, но те, кто откажется от этого, должны быть преданы всем известным в Риме мучениям. Разъяренный их презрительным сопротивлением, он приказал всем провинциальным магистратам разыскивать христиан и любыми средствами заставить их искупить свою вину перед богами. Затем, вероятно, радуясь тому, что оставляет это жалкое предприятие, он отрекся от власти.

В Италии Максимиан проводил эдикт в жизнь с поистине солдатской прямолинейностью. Галерий, ставший Августом, всемерно поощрял гонения на Востоке. Список мучеников увеличивался во всех частях Империи, за исключением Галлии и Британии, где Констанций лишь сжег для проформы несколько церквей. Евсевий уверяет (надо полагать, со свойственной негодованию гиперболизацией), что людей секли бичами до тех пор, пока плоть не начинала отставать от костей, с других сдирали ракушками мясо до костей; раны поливались уксусом и посыпались солью; палачи отрезали от тела по кусочку и скармливали человеческую плоть ожидающим поживы животным; привязанных к крестам пожирали голодные хищники. Некоторым жертвам вгоняли под ногти острые тростинки; другим выдавливали глаза; некоторых подвешивали за руку или за ногу; некоторым вливали в глотки расплавленный свинец; иных обезглавливали, или распинали, или забивали палками насмерть; других привязывали к ветвям деревьев, которые, распрямляясь, разрывали несчастных пополам²³. В нашем распоряжении нет ни одного описания этих событий, оставленного язычником.

Гонение продлилось восемь лет и принесло смерть приблизительно полутора тысячам христиан, православных и еретиков и различные страдания бесчисленному числу других. Тысячи христиан отступались; традиция гласит, что даже Марцеллин, епископ Римский, отрекся от веры, принужденный к тому болью и страхом. Но большинство гонимых держались твердо; и лицемерие или рассказ о героической непреклонности под пыткой укрепляли веру колеблющихся, а гонимые приходы приобретали новых членов. Зверства множились, и симпатии языческого населения стали склоняться на сторону преследуемых; общественное мнение, создаваемое добропорядочными гражданами, нашло в себе смелость возвысить свой голос против жесточайших притеснений в римской истории. Когда-то народ требовал от государства уничтожить христианство; теперь народ отошел от правительства, и многие язычники рисковали жизнями, пряча или защищая христиан до той поры, пока не уляжется буря²⁴. В 311 г. Галерий, страдая от неизлечимой болезни и убедившись в неудаче своего начинания, умоляемый женой заключить мир с непобежденным Богом христиан, обнародовал эдикт о веротерпимости, признал христианство разрешенной законом религией и в ответ на «наше кротчайшее милосердие» просил христиан молиться о нем²⁵.

Диоклетианово гонение стало величайшим испытанием и триумфом Церкви. Оно на время ослабило христианство в силу вполне понятной нестойкости тех его приверженцев, которые присоединились к нему или воспитывались в его духе в течение полувека безмятежного благополучия. Но вскоре провинившиеся молили наложить на них епитимью и вновь принять в ряды паствы. Рассказы о мучениках, которые погибли, и «исповедниках», которые пострадали за веру, переходили из общины в общину; и эти «Деяния Мучени-

ков» (*Acta Martyrum*), с их напряженным гиперболизмом и захватывающей баснословностью, сыграли историческую роль в пробуждении или укреплении христианской веры. «Кровь мучеников,— писал Тертуллиан,— это — семя»²⁶. На человеческой памяти нет драмы более величественной, чем эта: горстка христиан, презираемых или притесняемых чередой императоров, переносящих все суды с яростным упорством, мирно расширяющих свои ряды, строящих порядок, пока их враги порождают хаос, сопротивляющихся мечу словом, зверству надеждой и в конце концов одолевающих могущественнейшее государство из всех, что знала история. Цезарь и Христос встретились на арене амфитеатра, и Христос одержал верх.

II. ВОЗВЫШЕНИЕ КОНСТАНТИНА

Диоклетиан, наслаждаясь миром в своем Далматинском дворце, созерцал крах гонений и тетрархии. Редко Империи доводилось быть свидетелем такой неразберихи, как та, что наступила после его отречения. Галерий восторжествовал над Констанцием, добившись провозглашения «Цезарями» Севера и Максимиана Дазы (305 г.). Тотчас о своих притязаниях заявил и принцип наследования: Максенций, сын Максимиана, желал стать преемником могущества отца, и той же решимостью горел Константин. Флавий Валерий Константин появился на свет в Наиссе (Мезия) предположительно в 272 г. и был незаконнорожденным сыном Констанция от его законной конкубины Елены, дочери трактирщика из Вифинии²⁷. После провозглашения его «Цезарем» Констанцию пришлось по требованию Диоклетиана расстаться с Еленой и жениться на падчерице Максимиана Феодоре. Константин получил довольно скудное образование. Он рано познакомился с судьбой солдата и проявил свою доблесть в войнах с Египтом и Персией. Галерий, сменив на троне Диоклетиана, держал молодого офицера при себе в качестве заложника, тем самым вынуждая Констанция вести себя «хорошо». Когда последний попросил Галерия отослать молодого человека к нему, Галерий хитрыми отговорками со дня на день откладывал его отъезд. Но Константин ускользнул от своих сторожей и неся вскачь днем и ночью через всю Европу, чтобы присоединиться к своему отцу в Булони и принять участие в британском походе. Галльская армия, полностью преданная человеческому Констанцию, полюбила и его статного, отважного и энергичного сына, и когда отец умер в Йорке (306 г.), войска провозгласили Константина не просто «Цезарем», но Августом — императором. Он принял менее громкий титул, оправдывая свое решение тем, что жизнь его будет беспокойна без армии за его спиной. Галерий, находившийся слишком далеко, чтобы вмешаться, неохотно признал его «Цезарем». Константин успешно отражал вторжения франков и кормил зверей галльских амфитеатров царями варваров.

Тем временем в Риме преторианская гвардия, горевшая желанием вернуть ведущую роль древней столице, провозгласила императором Максенция (306 г.). Север вывел ему навстречу свои войска из Милана. Максимиан, чтобы еще больше усилить путаницу, по просьбе сына вновь облачился в пурпур и присоединился к военной кампании; Север был оставлен своими воинами и казнен (307 г.). Чтобы противостоять разрастающемуся хаосу, стареющий Галерий назначил нового Августа — Флавия Лициния; услышав об этом, Констан-

тин присвоил себе такое же достоинство (307 г.). Годом позже этот же титул принял Максимин Даза, так что вместо двух Августов, предусмотренных планом Диоклетиана, теперь их было шесть: никому не хотелось быть только «Цезарем». Максенций поссорился с отцом; Максимин отправился в Галлию за помощью Константина; в то время как последний сражался с германцами у Рейна, Максимин попытался узурпировать командование над галльскими армиями; Константин пересек Галлию, осадил тестя в Марселе, схватил его и любезно позволил ему покончить с собой (310 г.).

Смерть Галерия (311 г.) уничтожила последний заслон перед интригой и войной. Максимин сговорился с Максенцием покончить с Лицинием и Константином, которые лелеяли те же замыслы. Перехватив инициативу, Константин перешел через Альпы, разбил вражескую армию близ Турина и приблизился к Риму с той же стремительностью и дисциплинированностью своих войск, которая вызывает в памяти марш Цезаря от Рубикона. 27 октября 312 г. он встретился с армией Максенция у Красных Скал (*Saxa Rubra*) девятью милями севернее Рима; благодаря лучшему стратегическому плану он заставил Максенция сражаться спиной к Тибру, лишив его всех путей к отступлению, кроме Мульвиева моста. Накануне битвы, говорит Евсевий²⁸, Константин увидел в небе огненный крест с греческой надписью *En toutoî nika* — «Сим победиши»*. На следующее утро, согласно Евсевию и Лактанцию³¹, Константину приснилось, что он слышит голос, повелевающий ему начертать на солдатских щитах букву Х, через которую проходит закругляющаяся вверх черта, — символ Христа. Проснувшись, он поступил так, как ему было велено, а затем отправился на передний край битвы, где встал позади стяга (известного с тех пор как *labarum*), на котором были изображены начальные буквы имени Христа, сплетенные с крестом. В то время как Максенций развернул митраистско-аврелианское знамя Непобедимого Солнца, Константин решил разделить судьбу с христианами, которых было немало в его армии, и это сражение стало поворотным пунктом в истории религии. Почитателей Митры, которых было немало в армии Константина, крест также не мог оскорбить, ибо они издавна сражались под знаменем с изображением митраического светового креста³². Как бы то ни было, битву у Мульвиева моста Константин выиграл, и Максенций погиб в водах Тибра вместе с тысячами своих воинов. Победитель вступил в Рим долгожданным и непререкаемым господином Запада.

В начале 313 г. Константин и Лициний встретились в Милане, чтобы скоординировать свою политику. Чтобы заручиться еще более мощной поддержкой христиан всех провинций, Константин и Лициний выпустили Миланский эдикт, закрепляющий веротерпимость, провозглашенную Галерием, расширяющий ее действие на все религии и приказывающий вернуть христианам их имущество, отнятое во время последних гонений. После появления на свет этой исторической декларации, означавшей на деле поражение язычества, Константин вернулся на защиту Галлии, а Лициний двинулся на Восток расправиться с Максиминем (313 г.). Наступившая вскоре после

* Обычно традиция доносит эту фразу в латинской форме: *In hoc vince*, или *in hoc signo vinces* — «Под сим знаком победиши». Евсевий, наш единственный авторитетный источник относительно этого видения, по его собственному признанию²⁹, склонен к назидательности: «Но зная, — уверяет он, — что император клятвенно подтверждал истинность этого сообщения мне, собиравшемуся писать эту историю... кто сможет в нем усомниться?»³⁰

этого смерть Максимиана сделала Константина и Лициния бесспорными правителями Империи. Лициний женился на сестре Константина, и уставший от войн народ радовался в предвкушении мира.

Но ни один из Августов не отказался совершенно от надежды на безраздельное господство. В 314 г. их постепенно накапливавшаяся враждебность друг к другу разрешилась войной. Константин вторгся в Паннонию, победил Лициния и добился перехода под свою власть всей европейской части Империи, за исключением Фракии. Лициний решил отыгаться на христианских сторонниках Константина, возобновив гонения в Азии и Египте. Он изгнал христиан из своего дворца в Никомедии, требовал от всех солдат поклоняться языческим богам, запретил присутствовать одновременно обоим полам на христианском богослужении и, наконец, запретил все христианские службы внутри городских стен. Христиане, выказывавшие неповиновение, теряли свои посты, имущество, свободу и жизни.

Константин поджидал удобного момента не только прийти на выручку христианам Востока, но и присоединить Восток к своему царству. Когда варвары вторглись во Фракию и Лициний замешкался выступить против них, Константин повел из Фессалоник свои войска, чтобы спасти провинцию Лициния. После того, как варвары были отброшены, Лициний выразил протест в связи со вступлением Константина во Фракию, и, так как ни один из правителей не желал мира, война разгорелась вновь. Защитник христианства со 130 000 воинов встретился с защитником язычества, под началом которого было 160 000 солдат, сперва при Адрианополе, а затем при Хрисополе (Скутари), одержал победу и стал единоличным императором (323 г.). Лициний капитулировал после того, как ему было обещано прощение, однако в следующем году он был обвинен в том, что возобновил свои интриги, и казнен. Константин вернул христиан из ссылки, а все «исповедники» получили назад отнятые у них привилегии и имущество. По-прежнему провозглашая свободу вероисповедания для всех, он теперь открыто заявил о себе как о христианине и приглашал всех своих подданных присоединиться к нему в принятии новой веры.

III. КОНСТАНТИН И ХРИСТИАНСТВО

Было ли это обращение искренним, то есть актом религиозной веры, или это был превосходный ход политической мудрости? Вероятно, последнее³³. Его мать, Елена, обратилась в христианство после того, как Константин развелся с ней; скорее всего именно она познакомила сына с преимуществами христианского пути; несомненно, он находился под неизгладимым впечатлением от непрерывной череды побед, которыми была увенчана его армия под знаменем и крестом Христа. Но только скептик был способен столь хитроумно использовать религиозные чувства человечества. «Авторы жизнеописаний Августов» цитируют его изречение: «Только Фортуна делает человека императором»³⁴— хотя в этих словах он отвечает поклон скорее скромности, чем случаю. При своем галльском дворе он окружил себя языческими учеными и философами³⁵. После своего обращения он редко соотнобразовывал свое поведение с церемониальными требованиями христианского культа. Его письма христианским епископам со всей очевидностью показывают, что его несколько

не заботили теологические различия, волновавшие христианский мир, хотя он и желал подавить разногласия в интересах единства Империи. В течение всего своего правления он обращался с епископами как со своими политическими помощниками; он созывал их, председательствовал на их собраниях и был согласен проводить в жизнь любое решение, сформулированное большинством. Настоящий верующий был бы сначала христианином, а только потом политиком; в случае с Константином имело место обратное. Христианство было для него не целью, но средством.

За свою жизнь он трижды оказывался свидетелем краха гонений. От него не укрылось, что, несмотря на них, христианство непрерывно росло. Его приверженцы по-прежнему оставались в заметном меньшинстве, зато они были относительно едины, отважны и сильны, в то время как языческое большинство было расколото множеством верований и включало в себя мертвый груз — простецов, не имевших ни убеждений, ни влияния. Христиане были особенно многочисленны в Риме при Максенции и на Востоке при Лицинии; поддержка Константином христианства стоила дюжины легионов, которые могли бы быть использованы в войне с этими противниками. Он находился под впечатлением сравнительной порядочности и нравственности христианского поведения, бескровной красоты христианского ритуала, повиновения христиан своему духовенству, их смиренным приятием несправедливостей жизни в надежде на блаженство за гробом; возможно, эта новая религия очистит римскую мораль, возродит институты брака и семьи и утишит горячку классовой войны, думал он. Христиане, несмотря на жестокие притеснения, редко восставали против государства; их учителя прививали слушателям покорность гражданским властям и учили, что власть царей — от Бога. Константин стремился к абсолютной монархии; такая система правления много выиграла бы от поддержки со стороны религии; иерархическая дисциплина и экуменический авторитет Церкви, казалось, являют собой духовное соответствие монархии. Возможно, эта удивительная организация епископов и священников в силах стать инструментом умиротворения, объединения и власти?

И тем не менее в мире, где по-прежнему преобладало язычество, Константину приходилось нащупывать свой путь, двигаясь весьма осторожно. Он продолжал пользоваться расплывчатым монотеистическим языком, который мог принять любой язычник. В первые годы своего домината он терпеливо исполнял обряды, требуемые от него как от *pontifex maximus* традиционного культа; он восстанавливал языческие храмы и приказывал проводить ауспиции. Освящая Константинополь, он воспользовался как христианскими, так и языческими ритуалами. Он пользовался языческими магическими формулами, чтобы сохранять урожай и исцелять недуги³⁶.

Постепенно, по мере того, как его власть крепла, он благоволил христианству все более открыто. После 317 г. его монеты одна за другой расстаются с языческими изображениями, пока в 323 г. на них не останутся одни нейтральные надписи. Юридический текст его эпохи, подлинность которого оспаривается, а подложность не доказана, наделил христианских епископов судебной властью в своих диоцезах³⁷; другие законы освобождали церковную недвижимость от налогообложения³⁸, наделяли христианские ассоциации правами юридического лица, позволяли им владеть землей и обладать правами наследования и отдавали Церкви имущество не оставивших завещания муче-

ников³⁹. Константин одарял деньгами нуждающиеся приходы, построил несколько храмов в Константинополе и других местах и запретил идолопоклонство в своей новой столице. Забыв о Миланском эдикте, он запретил собрания еретических сект, а потом повелел разрушить и их молельни⁴⁰. Он дал своим сыновьям ортодоксальное христианское образование и финансировал христианскую благотворительность своей матери. Церковь возликовала, благословленная сверх всяких ожиданий. Евсевий раздражался речами, которые были гимнами благодарности и хвалы, и по всей Империи христиане собирались на благодарственные молебны, празднуя триумф своего Бога.

Три облака приглушали блеск этого «безоблачного дня»: монашеское анахоретство, донатистская схизма, арианская ересь. В промежутке между Дециевым и Диоклетиановым гонениями Церковь превратилась в богатейшую религиозную организацию Империи и умерила свои нападки на богатство. Киприан жаловался, что его прихожане помешались на деньгах, женщины красят лица, епископы занимают доходные государственные должности, сколачивают состояния, ссужают деньги под лихоимские проценты и отрекаются от веры при первом же признаке опасности⁴¹. Евсевий скорбел о том, что священники яростно спорят друг с другом в погоне за высоким положением в церкви⁴². В то время как христианство обращало в свою веру мир, мир обратил в свою веру христианство и обнаружил языческую сущность человечества. Христианское монашество возникло как протест против этого взаимного приспособления плоти и духа. Меньшинство желало полностью отказаться от всякого потворства человеческим вождениям и по примеру раннего христианства пребывать погруженным в мысли о вечной жизни. Следуя обычаю киников, некоторые из этих аскетов отвергали любую собственность, облачались в рваное платье философа и жили за счет подаяний. Некоторые, как Павел Отшельник, удалялись жить в одиночестве в Египетскую пустыню. Около 275 г. египетский монах Антоний на четверть века удалился от людей; сначала он жил в гробнице, затем в покинутом замке в горах, затем в пещере в скале посреди пустыни. Здесь он ночами сражался с устрашающими видениями и соблазнительными мечтами и одолел их все; и вот слава о его святости разнеслась по всему христианскому миру и заселила пустыню подражающими ему отшельниками. В 325 г. Пахомий, полагая, что одиночество ведет к эгоизму, собрал вокруг себя других анахоретов, основав монастырь в египетской Тавенне. Так было положено начало киновитскому, или общинному, монашеству, которому предстояло оказать столь большое влияние на жизнь Запада. Церковь некоторое время была противницей монашеского движения, но затем признала его необходимым противовесом своей все увеличивающейся занятости заботами правления.

Не прошло и года со дня обращения Константина, как Церковь была разделена на части схизмой, которая угрожала сокрушить ее в самый момент ее победы. Донат, епископ Карфагенский, поддержанный священником, носившим то же имя и имевшим такой же темперамент, принялся настаивать на том, что епископы, выдавшие Писания языческой полиции в период гонений, потеряли право на свой чин и власть; что крещения и рукоположения, осуществленные такими епископами, лишены всякой силы и что действительность таинств частично зависит от духовного состояния священнослужителя. Когда Церковь отказалась усвоить это ригористическое вероучение, донатисты стали назначать «антиепископов» повсюду, где существующие прелаты не отвечали

их критериям. Константин, который думал о христианстве как об объединяющей силе, был разочарован при виде воспоследовавшего хаоса и насилия и, по-видимому, не остался равнодушен к тому, что донатисты нередко выступали в союзе с радикальными движениями африканского крестьянства. Он созвал епископский собор в Арле (314 г.), утвердил его осуждение донатизма, приказал схизматикам вернуться в лоно Церкви и постановил, что упорствующие конгрегации лишаются своего имущества и гражданских прав (316 г.). Пять лет спустя, внезапно вспомнив о Миланском эдикте, он аннулировал эти постановления и с тех пор относился к донатистам с презрительной терпимостью. Схизма продолжалась до тех пор, пока сарацины не разбили как православных, так и еретиков, завоевав Африку.

В эти же годы Александрия была свидетельницей возникновения самой стимулирующей ереси в истории Церкви. Около 318 г. священник из египетского городка Бавкалиды ошеломил своего епископа странными воззрениями на природу Христа. Ученый католический историк великодушно описывает его так:

Арий был высок и худ, меланхолического вида, а выражение его лица носило следы аскетизма. Он был известен как аскет, что можно было видеть по его одежде: короткая туника без рукавов, под ней — епитрахиль, служившая ему плащом. Говорил он мягко; речи его были убедительны. Посвященные девственницы, которых было немало в Александрии, ценили его весьма высоко; среди высшего духовенства он имел многочисленных сторонников и покровителей⁴³.

Христос, утверждал Арий, не был един с Творцом; скорее он был Логосом — первым и высшим существом в иерархии тварного мира. Епископ Александрии протестовал, Арий стоял на своем. Если, доказывал он, Сын порожден Отцом, это событие должно было произойти во времени; вследствие этого Сын не мог быть совечен Отцу. Кроме того, если Христос был сотворен, то из ничего, а не из субстанции Отца; Христос не был «единосущен» Отцу⁴⁴. Дух Святой порожден Логосом и является Богом в еще меньшей мере, чем Логос. Мы видим в этих учениях преемственность идей, которые от Платона через стоиков, Филона, Плотина и Оригена проникают к Арию; платонизм, оказавший столь глубокое влияние на христианскую теологию, вступил теперь в конфликт с Церковью.

Епископ Александрии был шокирован не только самими взглядами, но и стремительностью, с какой они распространялись даже среди духовенства. Он созвал в Александрии собор египетских епископов, убедил их лишить духовного сана Ария и его последователей и отослать сообщение о результатах совещания другим епископам. Некоторые из них возражали; многие священники симпатизировали Арию; во всех азиатских провинциях духовенство, как и миряне, разошлись во мнениях по этому вопросу и произвели в городах такую «суматоху и беспорядки... что христианская религия,— пишет Евсевий,— стала предметом нечестивой потехи для язычников, даже в их театрах»⁴⁵. Константин, явившийся в Никомедию после победы над Лицинием, услышал рассказ о смуте от ее епископа. Он обратился лично к Александру и Арию с призывом подражать кротости философов, мирно уладить свои разно-

гласия или, по крайней мере, не выносить их на публичное обсуждение. Письмо, сохраненное Евсевием, ясно обнаруживает отсутствие у Константина теологического чутья и политические цели его религиозной политики.

Я предложил свести к единому виду те представления, которые связаны в сознании людей с Божеством, потому что я вполне осознаю, что, если бы мне удалось привести людей к единому мнению в этом вопросе, руководить общественными делами было бы намного легче. Но увы! Я узнаю, что среди вас еще больше споров, чем недавно в Африке. Повод представляется мне совершенно пустяковым и не стоящим таких яростных схваток. Ты, Александр, желал узнать мысли своих священников о некотором пункте закона, даже о ничтожной части вопроса, который сам по себе совершенно не важен, а ты, Арий, если у тебя были такие мысли, должен был бы помалкивать... Не было никакой необходимости предавать эти споры гласности... потому что в основе их — проблемы, порождаемые одним бездельем, а единственная польза от них в том, что они оттачивают человеческую сообразительность... Такие неразумные поступки достойны неопытных детей, а не священников или людей рассудительных ⁴⁶.

Письмо не подействовало. Для Церкви вопрос об «единосутии» (*homoousia*) в противовес «подобосутию» (*homoiousia*) Сына Отцу был жизненно важен одновременно с теологической и политической точек зрения. Если Христос не был Богом, то вся структура христианского учения дала бы трещину; если бы по этому вопросу была допущена свобода мнений, хаос верований мог разрушить единство и авторитет Церкви, подорвав тем самым ее значение помощницы государства. Так как разногласия ширились, с особенным ожесточением разгораясь на греческом Востоке, Константин решил положить им конец, созвав первый экуменический — вселенский — собор. Он пригласил всех епископов собраться в 325 г. в вифинской Никее, близ его столицы Никомедии, и взял на себя все затраты по устройству собора. Явилось не менее 318 епископов, «сопровождаемых», говорит один из них, «огромными толпами низшего духовенства» ⁴⁷; данное сообщение иллюстрирует неслыханный рост Церкви. Большинство епископов представляли восточные провинции; многие западные диоцезы проигнорировали эту дискуссию, а папа Сильвестр I, которому помешала приехать болезнь, довольствовался тем, что был представлен несколькими священниками.

Собравшиеся встретились в зале императорского дворца. Константин взял на себя обязанность председателя и открыл совещание короткой речью, в которой призывал епископов восстановить единство Церкви. Он «терпеливо выслушивал дебаты», сообщает Евсевий, «умерял буйность соперничающих партий» ⁴⁸ и сам принял участие в спорах. Арий вновь выступил с изложением своих взглядов: Христос сотворен, не равен Отцу, но «божественен лишь на основании причастности». Засыпанный остроумными вопросами, он вынужден был допустить, что, если Христос является тварью и имел начало, он может изменяться; а если он может изменяться, то способен перейти от добродетели к пороку. Его ответы были логичны, прямодушны и самоубийственны. Афанасий, красноречивый и любивший

поспорить архидиакон, которого Александр привез с собой в качестве теологического меча, разъяснил, что если Христос и Дух Святой не единосущны Отцу, политеизм может праздновать триумф. Он согласился с тем, что представить три отдельных лица в одном Боге — трудно, но доказывал, что разум должен преклониться перед тайной Троицы. С ним согласились все (кроме семнадцати) епископы, которые подписались под формулой, являвшейся выражением его точки зрения. Сторонники Ария соглашались подписать документ, если им позволят добавить одну йоту, изменив *homoousion* на *homoioousion*. Собор отказался пойти на уступки и с одобрения императора обнародовал следующий символ веры:

Веруем во единого Бога, Всемогущего Отца, Творца всего видимого и невидимого, и во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, порожденного... не сотворенного, единосущного (*homoousion*) Отцу... который ради нас, людей, и нашего спасения сошел на землю и сделался плотью, сделался человеком, пострадал, на третий день восстал из мертвых, взошел на небеса и грядет судить живых и мертвых... ⁴⁹ *.

Только пять епископов, а в конце концов только двое из них, отказались поставить свою подпись под этой формулой. Эти двое вместе с нераскаявшимся Арием были анафематствованы Собором и отправлены в изгнание императором. Императорский эдикт повелевал предать все книги Ария огню, угрожая смертью каждому, кто решится укрывать подобные книги **.

Константин отметил завершение Собора царским обедом, на который были приглашены все собравшиеся епископы, а затем отпустил их с просьбой не рвать друг друга на куски ⁵¹. Он ошибался, думая, что положил конец спорам и не переменит свой взгляд на них, но был совершенно прав, веря, что оказал большую поддержку единству Церкви. Собор дал понять, что церковное большинство убеждено в том, что организация и выживание Церкви нуждаются в определенности и фиксированности вероучения; его конечным результатом стало практически полное единодушие по фундаментальным вопросам веры, которое позволило средневековой Церкви называться католической. В то же время он ознаменовал вытеснение язычества христианством в роли религиозного выражения и опоры Римской империи и побудил Константина заключить с христианством более тесный союз, чем когда-либо прежде. Новая цивилизация, основанная на новой религии, восстает над руинами истощенной культуры и умирающих верований. Начинается средневековье.

* Данный текст отличается от «Никейского Символа Веры», используемого ныне и являющегося его пересмотренным и исправленным в 362 г. вариантом.

** Собор также постановил, что все церкви должны праздновать Пасху в один и тот же день, ежегодно устанавливаемый епископом Александрии на основании астрономических правил и объявляемый епископом Римским. По вопросу о безбрачии духовенства Собор склонялся к тому, чтобы потребовать воздержания от женатых священников; однако Пафнутий, епископ Верхних Фив, убедил своих коллег оставить неизменным господствующий обычай, который запрещал вступление в брак после рукоположения, но разрешал священнику жить с женой, на которой он женился до принятия сана ⁵⁰.

IV. КОНСТАНТИН И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Через год после Собора Константин освятил посреди запустения Византия новый город, нареченный им Новым Римом (Nova Roma), а потомками — именем Константина. В 330 г. он отвернулся и от Рима, и от Никомедии и сделал Константинополь своей столицей. Здесь он окружил себя впечатляющей пышностью восточного двора, чувствуя, что его психологическое воздействие на армию и народ позволит компенсировать этот дорогостоящий блеск экономией в системе управления. Он защищал армию умелой дипломатией и превосходным оружием, смягчал деспотизм человеческими декретами, помогал литературе и искусствам. Он поощрял афинские школы и основал в Константинополе новый университет, где оплачиваемые государством профессора преподавали греческий и латынь, литературу и философию, риторику и право и готовили имперских чиновников⁵². Он подтвердил и расширил привилегии врачей и учителей во всех провинциях. Провинциальные губернаторы получили указание открывать школы архитектуры и привлекать в них учащихся разнообразными привилегиями и вознаграждениями. Художники освобождались от исполнения гражданских обязанностей, так что они располагали достаточным количеством времени для досконального изучения своего искусства и передачи его сыновьям. Художественные сокровища Империи, собранные отовсюду, превратили Константинополь в столицу изящества.

В Риме начинателем архитектурных работ этого периода явился Максенций. Он начал (306 г.), а Константин завершил строительство грандиозной базилики, ставшей вершиной классической архитектуры Запада. Следуя структуре великих терм, это строение покрывало площадь 330 на 250 футов. Его центральный зал (114 на 82 фута), был перекрыт тремя крестовыми сводами из бетона на высоте 120 футов, которые частично поддерживались восемью широкими столбами, обрамленными шестидесятифутовыми коринфскими колоннами. Пол был покрыт цветным мрамором, углубления в стенах были населены статуями, а сами эти стены возвышались над крышами, служа контрфорсами для центральных сводов. Готические и ренессансные архитекторы нашли для себя много поучительного в этих сводах и опорах. Браманте, проектируя собор Святого Петра, планировал «возвести Пантеон над базиликой Константина»⁵³ — то есть увенчать просторный неф массивным куполом.

Первый христианский император построил в Риме много церквей, к его эпохе, вероятно, восходит и первоначальная форма храма Сан-Лоренцо за стенами. В ознаменование своей победы на Мульвиевом мосту он воздвиг в 315 г. арку, по-прежнему возвышающуюся над Виа деи Трионфи. Она относится к числу римских сооружений, дошедших до нашего времени в наилучшей сохранности, и ее величие не умаляется тем обстоятельством, что украшение различных ее частей есть не что иное, как результат мелких краж. Четыре изящные пропорциональные колонны, опирающиеся на скульптурные базы, служат опорами для трех арок и поддерживают убранство антаблемента. Аттик украшен рельефами и статуями, снятыми с памятников Траяна и Аврелия, а медальоны между колоннами взяты из какого-то строения Адриановой эпохи. Два рельефа, по-видимому, являются произведениями художников Константина. Грубые приземистые фигуры, неуклюжий разноразличный, изображенных в профиль, фронтальное изображение ног, примитивное нагромождение голов, призванное играть роль перспективы, свидетельствуют о

деградации техники и вкуса; но глубина рельефов благодаря игре света и тени производит на зрителя неизгладимое впечатление глубины и пространства, а отдельные эпизоды проникнуты первобытной витальностью, словно здесь италийское искусство вознамерилось вернуться к своему истоку. Колоссальная фигура Константина во Дворце Консерваторов доводит эту примитивность до отталкивающей крайности; кажется неправдоподобным, что человек, председательствовавший на Никейском Соборе, хоть чем-то напоминал этого угрюмого варвара, — разве только художник намеревался загодя проиллюстрировать циничную формулу Гиббона: «Я описал триумф варварства и религии»⁵⁴. В начале четвертого века возникает новое искусство — «киллионияция» рукописей цветными миниатюрами. Литература была в эту эпоху по большей части христианской. Луций Фирмиан Лактанций красноречиво излагал христианство в «Божественных установлениях» (*Divinae Institutiones* — 307 г.), а в сочинении «О смерти гонителей» (*De Mortibus Persecutorum* — 314 г.) описал с поистине цicerоновским изяществом и желчью предсмертную агонию императоров-гонителей. «Религия, — писал Лактанций, — по самой своей природе не должна быть навязываемой, внедряемой насильно, но — свободной»⁵⁵ — на искупление этой ереси ему не хватило жизни. Более знаменит Евсевий (Евсебий) Памфил, епископ Цезареи. Свою литературную карьеру он начал в роли переписчика духовных книг и библиотекаря при своем предшественнике на епископской кафедре — Памфиле, которого он любил столь горячо, что принял его имя. Памфил приобрел библиотеку Оригена и создал на ее основе крупнейшее христианское собрание книг из всех, существовавших до тех пор. Живя в окружении этих томов, Евсевий стал самым эрудированным клириком своего времени. Памфил расстался с жизнью в пору Галериева гонения (310 г.), а Евсевия впоследствии замучили вопросами, как удалось выжить ему самому. Он нажил множество врагов, заняв промежуточную позицию в споре Ария и Александра; и тем не менее при дворе Константина он играл роль Боссюэ, и ему было поручено написать биографию императора. Известная часть его схоластической жатвы была собрана во «Всемирной истории» — самой полной из античных хронологий. Евсевий разместил события священной и мирской истории в параллельных колонках, упорядочив их синхронизирующей чередой дат, и предпринял попытку установить время любого важного события на временном отрезке от Авраама до Константина. Все позднейшие хронологии опирались на этот «канон».

Облекая этот скелет плотью, Евсевий создает «Церковную историю» (325 г.), где описывает развитие Церкви от ее истоков до Никейского Собора. В первой ее главе, вновь выступая в качестве образца для Боссюэ, он набрасывает самый ранний очерк философии истории, изображая время полем битвы между Богом и Сатаной, а все исторические события приближением триумфа Христа. Эта книга была неважно скомпонована, зато превосходно написана. Евсевий подходит к источникам критично и добросовестно, его суждения столь же взвешенны, как и в любом другом античном труде по истории. На каждом шагу Евсевий оказывает потомкам неоценимые услуги, цитируя важные документы, которые иначе были бы для нас потеряны. Ученость епископа совершенно необъятна, его стиль согрет чувством и достигает вершин красноречия в те моменты, когда устами Евсевия вещает *Odium Theologicum*. Он откровенно исключает из повествования предметы, лишённые поучительности для его христианских читателей или неспособные подкрепить его фи-

лософию, и берется за написание истории великого Собора, не упоминая ни Ария, ни Афанасия. Такая же «честная нечестность» делает его «Жизнеописание Константина» скорее панегириком, чем биографией. Она начинается с восьми вдохновляющих глав, посвященных благочестию императора и его добрым деяниям, и повествует о том, как он «божественно управлял своей империей на протяжении более чем тридцати лет». По прочтении этой книги никогда и не подумаешь, что Константин был способен убить сына, племянника и жену.

Ибо, как и Август, Константин замечательно управлял всем, за исключением собственной семьи. Его отношения с матерью были, в общем, счастливыми. Очевидно, по его поручению она побывала в Иерусалиме и сровняла с землей нечестивый храм Афродиты, построенный, как утверждали некоторые, над гробом Спасителя. Согласно Евсевию после этого открылся взором Гроб Господень вместе с тем самым крестом, на котором умер Христос. Константин повелел возвести над могилой Иисуса Храм Гроба Господня, где в особой гробнице хранились почитаемые реликвии. Как в классические дни языческий мир с любовью почитал реликвии Троянской войны и даже Рим гордился Палладием троянской Афины, так и теперь христианский мир, изменяя видимость и обновляя сущность,— с беспамятством, столь характерным для человеческой жизни,—начинал собирать реликвии, связанные с Христом и святыми, и поклоняться им. Елена возвела часовню над традиционным местом рождения Иисуса в Вифлееме, смиренно прислуживала монахиням, которым была вверена эта святыня, и вернулась в Константинополь, чтобы умереть на руках сына.

Константин был женат дважды: в первый раз на Минервине, которая родила ему сына Криспа, во второй — на дочери Максимиана Фауста, от которой он имел трех дочерей и трех сыновей. Крисп стал превосходным солдатом и оказал неоценимую помощь отцу в его походах против Лициния. В 326 г. Крисп был умерщвлен по приказу Константина; примерно в то же время император повелел казнить Лициниана — сына Лициния от сестры Константина Констанции, вскоре после этого по приказу мужа была убита Фауста. Нам неизвестны причины трех этих казней. Зосим уверяет, что Крисп пылал страстью к Фаусте, которая обвинила его перед императором, и что Елена, без памяти любившая Криспа, отомстила за него, убедив Константина в том, будто его жена уступила домогательствам сына⁵⁷. Вероятно, Фауста замышляла устранить Криспа с пути к императорской власти своих сыновей, а Лициниан, возможно, был убит по обвинению в организации заговора с целью овладеть той частью державы, что принадлежала его отцу.

Фауста добила желаемого после смерти, потому что в 335 г. Константин завещал Империю своим оставшимся в живых сыновьям и племянникам. Два года спустя, на Пасху, император праздничными церемониями отпраздновал тридцатую годовщину своего царствования. Затем, чувствуя приближение смерти, он отправился принять теплые ванны в расположенный неподалеку Аквирион. Когда недуг усилился, он послал за священником для совершения того таинства крещения, которое он намеренно откладывал до настоящего момента, надеясь, что оно очистит его от всех грехов его насыщенной событиями жизни. Затем усталый властитель, которому было шестьдесят четыре года, снял пурпурные царственные одежды, надел белое платье христианского неопфита и скончался.

Он был замечательным полководцем, выдающимся администратором непревзойденным политиком. Он стал наследником и завершителем восстановительного труда Диоклетиана; благодаря им Империя просуществовала еще 1150 лет. Он воспользовался монархическими формами, выработанными Аврелианом и Диоклетианом, отчасти из амбициозности и тщеславия, отчасти потому, что, несомненно, верил в необходимость абсолютистского правления, способного положить конец хаосу. Его величайшей ошибкой был раздел Империи между сыновьями; надо полагать, он предвидел, что они вступят в борьбу за единоличное господство, но думал, что борьба будет еще более ожесточенной, если наследником будет избран кто-то другой; такова еще одна из издержек монархии. Мы не можем осуждать его казнью, не зная их истинных причин; обремененный проблемами правления, он мог позволить страху и подозрительности на какое-то мгновение свергнуть с престола его разум; кроме того, у нас есть основания полагать, что в последние годы его жестоко угнетало раскаяние. Его христианство, бывшее поначалу чистой политикой, по-видимому, с течением времени переросло в искреннее убеждение. Он стал самым настойчивым проповедником своего царства, неумоимо преследовал еретиков и на каждом шагу заручался поддержкой Бога. Более мудрый, чем Диоклетиан, он оживил стареющую Империю, связав ее с молодой религией, полной сил организацией, свежей нравственностью. С его помощью христианство перестало быть только Церковью, превратившись в государство и литейную форму — на четырнадцать веков — европейской жизни и мысли. Возможно, если не считать Августа, Церковь была права, провозгласив его величайшим из императоров.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Renan, Marc, 592.
- ² Тертуллиан. *Апологетик*, XL, 1.
- ³ Минуций Феликс. *Октавий*, IX, 5. Guignebert, Christianity, 164.
- ⁴ 1 Кор., VI, 1; Renan, Marc, 597.
- ⁵ Ориген. *Против Цельса*, VIII, 69, см. Halliday, 27.
- ⁶ Тертуллиан. *Апологетик*, XV, 1—7; Duchesne, I, 34.
- ⁷ Friedländer, III, 186.
- ⁸ Тертуллиан. *Апологетик*, IV, 1.
- ⁹ Ramsay, 253; САН, X, 503.
- ¹⁰ Duchesne, I, 82.
- ¹¹ Bury, J., *History of Freedom of Thought*, 42.
- ¹² Тертуллиан. *Апологетик*, V, 4; Евсевий, III, 17.
- ¹³ Плиний Младший, X, 96—97.
- ¹⁴ Рескрипт Адриана IV Евсевий, IV, 9. В защиту его аутентичности см. Ramsay, 320.
- ¹⁵ Из сообщения, которое согласно преданию было послано христианским церквям старейшинами церкви в Смирне; см.: Lake, Apostolic Fathers, II, 321.
- ¹⁶ Renan, Marc, 331.
- ¹⁷ Тертуллиан. *Апологетик*, XLV, 14.
- ¹⁸ «Воспоминания святой Пепрнемью», см. Davis and West, Readings in Ancient History, 287.
- ¹⁹ Rostovtzeff, *Ancient World*, II, 349.
- ²⁰ Duchesne, I, 267.

- ²² Лактаций. *О смерти гонителей*, X.
²³ Евсевий, VIII, 1 сл.
²⁴ Gibbon, II, 57.
²⁵ Евсевий, VIII, 17.
²⁶ Тертуллиан, *Апологетик*, I, 13.
²⁷ Ambrose in Enc. Brit., VI, 297.
²⁸ Евсевий. *Жизнь Константина*, I, 28.
²⁹ Евсевий. *Церковная история*, VIII, 2.
³⁰ Он же. *Жизнь Константина*, I, 28.
³¹ Лактанций, *О смерти...* XLIV, 5.
³² Cambridge Medieval History, I, 4.
³³ Подробное обоснование этой точки зрения см. в книге Burckhardt, 252 сл.
³⁴ Авторы жизнеописаний... Элагабал, XXXIV, 4.
³⁵ Lot, 29.
³⁶ Flick, A.C., *Rise of the Medieval Church*, 123—124.
³⁷ Duruy V., *History of the Roman People*, VII, 510.
³⁸ Kalthoff, 172; Lot, 98.
³⁹ Евсевий. *Жизнь...* II, 36.
⁴⁰ Там же, III, 62 сл.
⁴¹ Duchesne, I, 290.
⁴² Евсевий. *Церковная история*, VIII, 1.
⁴³ Duchesne, II, 99.
⁴⁴ Евсевий. *Исторический обзор Никейского Собора*, 6.
⁴⁵ Там же.
⁴⁶ Евсевий. *Жизнь...* II, 63, 70.
⁴⁷ Евсевий. *Обзор*, 6.
⁴⁸ Там же, 15.
⁴⁹ Cambridge Medieval History, I, 121.
⁵⁰ Сократ. *Церковная история*, I, 8.
⁵¹ Duchesne, II, 125.
⁵² Ferrero. *Ruin*, 170.
⁵³ Gatteschi, 24; Reinach, Apollo, 89.
⁵⁴ Gibbon, VI, 553.
⁵⁵ Лактанций. *Божественные установления*, V, 19.
⁵⁶ Евсевий. *Жизнь...* I, 1.
⁵⁷ Cambridge Medieval History, I, 15.

Эпилог

I. ПОЧЕМУ ПАЛ РИМ

«Две величайшие проблемы в истории,— пишет блестящий ученый нашего времени,— это — как объяснить возвышение Рима и как объяснить его падение»¹. Возможно, мы приблизимся к их пониманию, если вспомним, что падение Рима, как и его возвышение, имело не одну, но множество причин и представляло собой не событие, но процесс, растянувшийся на три столетия. Некоторым государствам на существование было отпущено меньше, чем Риму на упадок.

Великую цивилизацию невозможно завоевать извне до тех пор, пока она не разрушит себя изнутри. Главные причины упадка Рима заключались в его народе, морали, классовой борьбе, угасающей торговле, бюрократическом дееспотизме, удушающих налогах, истребительных войнах. Христианские авторы остро чувствовали этот упадок. Тертуллиан около 200 г. с удовольствием возвещал *ipsa clausula saeculi* — буквально *fin de siècle*, или конец эры,— вероятно, видя в нем прелюдию к разрушению языческого мира. Киприан в середине третьего века в ответ на адресованные христианам обвинения в том, что они являются источником бедствий Империи, приписывал эти несчастья естественным причинам:

Должно знать, что мир одряхлел и прежние силы его оставили. Он полон свидетельств собственного упадка. Количество дождей и солнечное тепло уменьшились; залежи металлов почти истощились; в полях замирает земледелие².

Варварские нашествия и вековая эксплуатация самых богатых рудных жил, несомненно, понизили обеспеченность Рима драгоценными металлами. В Центральной и Южной Италии обезлесение, эрозия и небрежение ирригационными каналами, вызванное уменьшением сельского населения и дезорганизацией правительства, сделали Италию значительно более бедной, чем прежде. Причиной, однако, были не истощение почвы, не изменение климата, но нерадивость и бесплодие измученных и разочарованных людей.

Самыми серьезными были биологические факторы. Значительное сокращение численности населения на Западе происходит после Адриана. В свое время этот факт был поставлен под вопрос, но массовое заселение территорий Империи варварами при Аврелии, Валентиниане, Аврелиане, Пробе и Константине не оставляют простора для сомнений³. Аврелий для пополнения своей армии призвал в ее ряды рабов, гладиаторов, полицейских, преступников; то ли кризис был более острым, то ли свободное население меньшим,

чем прежде; численность рабов, во всяком случае, сократилась. Было покинуто столько крестьянских хозяйств, прежде всего в Италии, что Пертинакс отдавал их бесплатно всякому, кто возьмется их обрабатывать. Закон Септимия Севера говорит о *repugia hominum* — нехватке людей⁴. В Греции процесс депопуляции имел к тому времени вековую историю. В Александрии, некогда кичившейся своим многолюдством, епископ Дионисий подсчитал, что к его времени число жителей города уменьшилось вдвое (250 г.). Он скорбел «при виде того, как сокращается и постоянно убывает численность человечества»⁵. Возрастала лишь численность варваров и азиатов, за пределами Империи и внутри ее.

Чем было обусловлено сокращение населения? Прежде всего ограничением рождаемости. Практиковавшееся сначала в образованных классах, оно просочилось и в пролетариат, получивший имя от своей плодovitости⁶; к 100 г. оно добралось и до сельскохозяйственных классов, о чем свидетельствует практика императорских алиментов, предназначенных поощрять рост сельского народонаселения; к третьему веку оно прокатилось по западным провинциям, ослабив людскую мощь Галлии⁷. По мере роста бедности все более широкое распространение получает инфантицид, пусть он и был заклеен как преступление⁸. Возможно, ослабление плодovitости было вызвано также и сексуальными излишествами; к тому же результату приводили отказ или отсрочка брака, а по мере того, как восточные обычаи затопляли Запад, оскотление становилось все более частым явлением. Планциан, префект преторианцев, держал при себе сотню мальчиков-евнухов, а затем отдал их дочери в качестве свадебного подарка⁹.

Вторым по значимости после ограничения рождаемости фактором, обусловившим сокращение численности населения, являлись истребительные эпидемии, революции и войны. Во время чумы 260—265 гг. болезнь коснулась почти каждой семьи; в Риме, сообщают очевидцы, на протяжении многих недель умирало по пять тысяч человек¹⁰. Кампанские москиты выигрывали свою войну против людей, вторгшихся в Понтинские болота, и малярия подтачивала силы богатых и бедных Лация и Тосканы. Бойни войн и революций, а возможно, также и результаты применения контрацепции, аборт и инфантицида сказывались не только на численности, но и на качестве населения: самые способные женились позднее остальных, имели меньше детей, чем остальные, и погибали первыми. Государственные раздачи ослабляли бедных, роскошь — богатых, а длительный период мира лишил все классы полуострова воинских качеств и умений. Германцы, населявшие теперь Северную Италию и пополнявшие ряды армии, физически и морально превосходили потомков коренного населения; если бы время допустило медленную ассимиляцию, они, возможно, впитали бы классическую культуру и влили свежие силы в итальянскую кровь. Но время не проявило подобной щедрости. Кроме того, население Италии давно уже было разбавлено примесью восточных народов, физически уступающих римскому типу, хотя, возможно, духовно превосходивших его. Стремительно размножающиеся германцы были неспособны понять классическую культуру, не принимали ее, не прививали ее детям; стремительно размножающиеся выходцы с Востока в большинстве своем стремились к сокрушению этой культуры; римляне, владевшие ею, жертвовали ею ради благ, приносимых бездетностью. Рим был побежден не варварским нашествием извне, но ростом внутреннего варварства.

Распад был ускорен моральным разложением. Мужественный характер, сформировавшийся благодаря суровой простоте и поддерживаемый верой, смягчился под лучами богатства и ослаб в атмосфере свободы неверия. Представители средних и высших классов располагали теперь достаточными средствами, чтобы поддаться искушению, и остановить их было способно лишь осознание связанных с этим неудобств. Перенаселенность городов умножила число контактов и препятствовала осуществлению действенного надзора; иммиграция свела в одно место сотни культур, отличительные признаки которых истирались, порождая безразличие. Моральные и эстетические стандарты снижались, не в силах противостоять магнетизму толпы; вырвавшись на волю, разбушевались половые инстинкты, в то время как политическая свобода умирала.

Величайший из историков считал, что главной причиной падения Рима явилось христианство¹¹. Ибо эта религия, доказывал он и его последователи¹², разрушила древнюю веру, сообщившую римской душе ее нравственный характер, а римскому государству — его устойчивость. Христианство объявило войну классической культуре — науке, философии, литературе и искусству. Реалистичный стоицизм римской жизни оно разбавило расслабляющим восточным мистицизмом; оно отвратило людские умы от забот об этом мире, заставив их обратиться к обесценивающему приуготовлению к некой космической катастрофе, и соблазнило их искать индивидуального спасения в аскетизме и молитве, в противовес коллективному спасению, достижимому через преданность государству. В то время как солдатские императоры боролись за сохранение единства Империи, христианство это единство окончательно подорвало; оно отговаривало своих приверженцев от занятий государственной деятельностью и от несения воинской службы; оно проповедовало этику непротivления и мира, когда ради выживания Империи требовалось проявить волю к войне. Победа Христа стала смертью Рима.

В этом суровом обвинительном акте есть доля правды. Христианство невольно внесло свою лепту в религиозный хаос, который способствовал появлению на свет той нравственной сумятицы, что несет известную ответственность за крушение Рима. Но рост христианства был скорее следствием, чем причиной увядания Рима. Распад древней религии начался задолго до рождения Христа; в сочинениях Энния и Лукреция она подвергалась нападкам куда более резким, чем в произведениях любого другого языческого автора, жившего после них. Моральное раздробление началось после покорения Римом Греции и достигло кульминации при Нероне. После этого римские нравы стали исправляться, и этическое влияние христианства на римскую жизнь было преимущественно благотворным. Христианство росло столь стремительно именно потому, что Рим уже умирал. Люди потеряли веру в государство не потому, что христианство призывало их держаться в стороне, но потому, что государство защищало богатство от бедности, воевало ради захвата рабов, облагало налогами труд в интересах роскоши и оказалось неспособным защитить свой народ от голода, эпидемий, нашествий и лишений; им простительно, что они отвернулись от Цезаря, проповедующего войну, к Христу, проповедующему мир, от невероятной жестокости к небывалому милосердию, от жизни без надежды и достоинства к вере, скрашивавшей их бедность и уважавшей их человеческую природу. Не христианство сокрушило Рим; за это оно ответственно

ничуть не больше, чем варварское нашествие; Рим был пустой оболочкой, когда восстало христианство и разразилось нашествие.

Экономические причины упадка Рима уже были изложены выше, ибо без них невозможно понимание реформ Диоклетиана; вкратце напомним уже сказанное. Опасная зависимость от провинциального зерна; дефицит рабов и как следствие — упадок латифундий; ухудшение транспорта и опасности торговли; потеря провинциальных рынков, завоеванных провинциальными конкурентами; неспособность италийской промышленности экспортировать столько, чтобы уравновесить италийский импорт, а в результате — перекачка драгоценных металлов на Восток; пагубная война между богатыми и бедными; удорожание армии, государственных пособий, общественных работ, растущей бюрократии и паразитического двора; обесценивание денег; подавление предприимчивости и поглощение инвестиционного капитала конфискационными налогами; эмиграция труда и капитала, смиренная рубашка крепостничества, наброшенная на сельское хозяйство, и кастовость, навязанная промышленности: тайный сговор всех этих факторов подорвал материальный фундамент италийского быта, и вот — мощь Рима превратилась в политический призрак, переживший свою экономическую смерть.

Политические причины упадка коренились в единственном факте — деспотизм уничтожил гражданское чувство римлян и осушил самый исток государственной деятельности. Не имея другой возможности выразить свою политическую волю, кроме насилия, римлянин утратил интерес к правительству и погрузился в свои дела, развлечения, воинские обязанности или заботы о личном спасении. Патриотизм и языческая религия были взаимосвязаны и теперь увядали вместе¹³. Сенат, все больше поступающий властью и престижем после смерти Пертинакса, опустился до праздности, угодничества и продажности; так рухнул последний барьер, который еще мог спасти государство от милитаризма и безвластия. Местные правительства, которые наводнили императорские соггестосы и ехастосы, более не привлекали к себе людей выдающихся. Ответственность муниципальных чиновников за сбор налоговых квот со вверенных им областей, рост издержек неоплачиваемых почестей, выплаты, литургии, пожертвования и игры, которых ждали от них, опасности, присущие вторжениям и классовой войне, стали причиной бегства от государственной службы, аналогичной бегству от налогов, с заводов и из крестьянских хозяйств. Люди намеренно теряли пассивное избирательное право, понижая свой социальный статус. Некоторые бежали в другие города, другие становились земледельцами, третьи — монахами. В 313 г. Константин распространил на христианское духовенство освобождение от занятия муниципальных должностей и некоторых налогов, иными словами, даровал им привилегии, которыми традиционно пользовалось языческое жрецство; вскоре после этого Церковь была затоплена кандидатами на рукоположение, а города оплакивали сокращение доходов и числа сенаторов; в конце концов Константин был вынужден постановить, что никто, могущий быть избранным на муниципальный пост, не может быть допущен в ряды духовенства¹⁴. Императорская полиция преследовала беглецов от политических почестей так же, как охотилась за теми, кто уклонялся от уплаты налогов или призыва в армию; она возвращала их в города и заставляла служить¹⁵; наконец, она постановила, что сын обязан наследовать социальный статус отца и соглашаться с избранием, если он имеет право быть избранным на основании своего сословного

положения. После того, как крепостное право было распространено и на должностные обязанности, строительство темницы для экономически привилегированного класса было завершено.

Галлиен, опасаясь мятежа со стороны сената, исключил сенаторов из армии. Поскольку Италия к тому времени уже перестала поставлять солдатский материал, этот декрет ознаменовал окончательный военный упадок полуострова. Возвышение провинциальных и наемных армий, ниспровержение преторианской гвардии, осуществленное Септимием Севером, выход на политическую сцену провинциальных полководцев и завоевание ими императорского трона положили конец лидерству и даже независимости Италии задолго до того, как пала Западная империя. Армии Рима более не являлись римскими армиями; они состояли главным образом из провинциалов, по большей части из варваров; они сражались не за алтари и дома, но ради жалованья, подарков и добычи. Они атаковали и грабили города Империи с таким удовольствием, какого никогда не выказывали, очутившись лицом к лицу с врагом; большинство из них были крестьянами, ненавидевшими богачей и города как эксплуататоров бедноты и деревни; когда же гражданская смута представляла им удобный случай, они подвергали эти города такому беспощадному разграблению, что варварам извне больше нечего было разрушать¹⁶. Когда военные проблемы стали важнее внутренних дел, города, расположенные близ границ, сделались резиденциями правительства; Рим стал театром для триумфов, заповедником императорской архитектуры, музеем политических древностей и форм. Умножение числа столиц и раздел власти разорвали единство административной системы. Империя, разросшаяся настолько, что ее государственные деятели не могли более ею управлять, а армии — защищать ее, стала распадаться. Оставшиеся без помощи и вынужденные обороняться от германцев и галлов своими силами, Галлия и Британия избрали собственных императоров и сделали их суверенными; при Зенобии от Империи отложилась Пальмира, и вскоре Испания и Африка почти без сопротивления станут жертвами варварского завоевания. В годы правления Галлиена тридцатью областями Империи управляли тридцать полководцев, практически независимых от центральной власти. В этой исполненной жуткого величия драме распада великой державы на части невидимыми протагонистами были причины внутренние; варварская лава лишь проникала туда, где слабость раскрывала перед ней двери и где крах биологической, моральной, экономической и политической государственной деятельности уступил свое место на сцене хаосу, унынию и разложению.

Извне падение Западной Римской империи было ускорено миграцией и экспансией сунну, или гуннов, в Северо-Западной Азии. После того как их продвижение на восток было остановлено китайскими армиями и Китайской стеной, они повернули на Запад и около 355 г. вышли к Волге и Оксу. Их давление заставило сарматов Юга России двинуться к Балканам; готы, атакованные сарматами, вновь ринулись на римские границы. Им было позволено переправиться через Дунай и поселиться в Мезии (376 г.); вследствие дурного обращения с ними римских чиновников они восстали, разбили крупную римскую армию при Адрианополе (378 г.) и некоторое время угрожали Константинополю. В 400 г. Аларих во главе вестготов перешел через Альпы и вторгся в Италию, и в 410 г. ими был взят и разграблен Рим. В 429 г. Гейзерих повел вандалов на завоевание Испании и Африки, и в 455 г. ими был взят и разгра-

блен Рим. В 451 г. Атила возглавил агрессию гуннов против Галлии и Италии; на Каталаунских полях (Chalons) он потерпел поражение, но опустошил Ломбардию. В 472 г. паннонский полководец Орест сделал императором своего сына, дав ему имя Ромул Августул. Четыре года спустя варвары-наемники, преобладавшие в римской армии, низложили этого «Августика» и провозгласили царем Италии своего вождя Одоакра. Одоакр признал верховную власть римского императора в Константинополе и в ответ был признан вассальным царем. Римская империя на Востоке просуществовала до 1453 г.; на Западе ее история подошла к концу.

II. СВЕРШЕНИЕ РИМА

Легче объяснить падение Рима, чем его долгое выживание. Важнейшим достижением Рима было то, что, завоевав Средиземноморье, он усвоил его культуру, подарил ему два столетия порядка, благоденствия и мира, еще два века сдерживал натиск варварства и перед смертью передал Западу классическое наследие.

Рим остается непревзойденным в искусстве управления. Римское государство совершило тысячи политических преступлений: его здание было построено на эгоистичной олигархии и обскурантистском жречестве; оно достигло демократии свободных граждан, а затем разрушило ее коррупцией и насилием; оно эксплуатировало покоренные страны, чтобы содержать паразитическую Италию, которая, лишившись возможности эксплуатировать, потерпела крах. Здесь и там, на Востоке и Западе оно создавало пустыню и называло ее миром. Но среди всего этого зла оно сформировало величественную систему права, которая чуть ли не по всей Европе обеспечивала безопасность жизни и имущества, стимулировала и поддерживала устойчивость производства от децемвиров до Наполеона. Оно создало правительство, основывавшееся на разделении законодательной и исполнительной властей, и эта система сдержек и противовесов вдохновляла творцов конституций в эпоху Американской и Французской революций. На какое-то время ему удалось объединить монархию, аристократию и демократию настолько успешно, что оно удостоилось одобрения философов, историков, подданных и врагов. Оно даровало муниципальные учреждения и — на долгий срок — муниципальную свободу полутысяче городов. Поначалу оно управляло Империей алчно и жестоко, затем проявило такую терпимость и справедливость, что великое это царство никогда уже не будет так довольно своей участью, как в эпоху Империи. Под его воздействием в пустыне расцвела цивилизация, а его грехи были искуплены чудом долговременного мира. Сегодня величайшие наши труды направлены на то, чтобы возродить *Pax Romana* на благо приведенному в беспорядок миру.

В рамках этой непревзойденной структуры Рим построил культуру, греческую по происхождению, римскую по функции и результату. Он был слишком погружен в заботы управления, чтобы столь же щедро творить в царстве духа, как творила Греция; но он благодарно впитал и стойко сохранял техническое, интеллектуальное и художественное наследие, полученное им от Карфагена и Египта, Греции и Востока. Он не достиг больших успехов в науке, не внес никаких механических усовершенствований в промышленность, зато

обогатил мир благодаря пользующейся безопасными морями коммерции и сети прочных дорог, ставших артериями энергичной жизни. По этим дорогам и через тысячи стройных мостов в средневековье и новое время перешли античные технологии земледелия, ремесленного производства и искусства, наука монументального строительства, банковские инвестиционные операции, организация медицины и военных госпиталей, городская санитария и множество разновидностей плодовых и ореховых деревьев, сельскохозяйственных и декоративных растений, принесенных с Востока, чтобы пустить корни на Западе. Даже секрет центрального отопления пришел на холодный север с жаркого юга. Юг творил цивилизации, Север их покорял, уничтожал или заимствовал.

Образование не было римским изобретением, но Рим развил его в масштабах, немыслимых прежде, обеспечил ему государственную поддержку и сформировал учебную программу, просуществовавшую вплоть до нашей беспокойной юности. Рим не изобрел арку, свод или купол, но использовал их с такой дерзостью и величием, что в некоторых областях его архитектура по-прежнему не знает себе равных; и все элементы средневековых соборов были подготовлены в его базиликах. Он не изобрел скульптурного портрета, но придал ему реалистическую мощь, какой редко удавалось достигать склонным к идеализации грекам. Он не изобрел философии, но именно в лице Лукреция и Сенеки эпикуреизм и стоицизм нашли свое наиболее совершенное воплощение. Он не изобрел литературных жанров, даже сатира — не римское изобретение; но кто способен адекватно описать то влияние, какое Цицерон оказал на ораторское искусство, эссеистику, стиль прозы, влияние Вергилия на Данте, Тассо и Мильтона... Ливия и Тацита на историческую литературу, Горация и Ювенала на Драйдена, Свифта и Поупа?

Его язык в силу восхитительнейшей порчи стал речью Италии, Румынии, Франции, Испании, Португалии и Латинской Америки; половина мира белого человека говорит на языках, происходящих из латыни. Вплоть до восемнадцатого века латынь была эсперанто науки, эрудиции и философии Запада; она снабдила удобной международной терминологией ботанику и зоологию; она и по сей день живет в звучном ритуале и официальных документах римско-католической Церкви; она по-прежнему выписывает медицинские рецепты и часто посещает фразеологию права. Путем прямого заимствования, а также через романские языки она проникла в английскую речь (*regalis, regal, royal; paganus, pagan, peasant*), чтобы увеличить ее гибкость и богатство.

После того как христианство покорило Рим, духовная структура языческой церкви, титул и облачение великого понтифика (*pontifex maximus*), поклонение Великой Матери и множеству других божеств-утешителей, ощущение повсеместного присутствия сверхчувственного, веселье и торжественность древних праздников, помпа незапамятной церемонии влились, словно материнская кровь, в жилы новой религии, и побежденный Рим покорила своего победителя. Бразды и искусство правления умирающая Империя передала возмужавшему папству; утраченная власть притупившегося меча была возвращена магией утешающего слова; армии государства были заменены церковными миссионерами, двинувшимися по римским дорогам во все направления, и взбунтовавшиеся провинции, принимая христианство, вновь признавали верховную власть Рима. Сквозь долгие битвы Эпохи Веры авторитет древней столицы прошел невредимым и даже вырос, а в эпоху Возрождения классиче-

ская культура, казалось, восстала из могилы, и бессмертный город вновь стал средоточием и вершиной мировой жизни, богатства и искусства. Когда в 1936 г. Рим праздновал 2369-ю годовщину своего основания, он мог гордо смотреть в прошлое, видя в нем самую впечатляющую в человеческой истории непрерывность системы правления и цивилизации. Пусть же к нему вернется прежнее величие.

БЛАГОДАРИЮ ТЕБЯ, ТЕРПЕЛИВЫЙ ЧИТАТЕЛЬ.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Reid, J. S. *Cambridge Medieval History*, I, 54.
- ² Киприан. *К Деметрию*, 3, см. Inge, Plotinus, I, 25.
- ³ Ср. West, ук. соч., 103.
- ⁴ Frank, *Survey*, III, 575.
- ⁵ См.: Евсевий. *Церковная история*, VII, 21.
- ⁶ Rostovtzeff, *Roman Empire*, 424.
- ⁷ Frank. *Survey*, III, 74.
- ⁸ Gibbon, I, 421.
- ⁹ Davis. *Influence of Wealth*, 214.
- ¹⁰ Гиббон, I, 274.
- ¹¹ Он же, глава XVI и т. д.
- ¹² Renan. *Marc*, 589; Ferrero, *Ruin*, 7,74; White, E. L. *Why Rome Fell*, passim.
- ¹³ Монтескье. *Размышления о причинах величия и упадка римлян*, 36.
- ¹⁴ Cambridge Medieval History, I, 10.
- ¹⁵ Abbott, 201.
- ¹⁶ Rostovtzeff. *Roman Empire*, 445.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН И ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ

А

- Абеона, 70
 Абтолим, иудейский раввин (расцвет — I в. до н.э.), 586
 Август (Гай Юлий Цезарь Октавиан), римский император (63 г. до н.э.), 125, 135, 143, 170, 176, 218-280, 282, 283, 285, 288, 292, 297, 307, 308, 310, 312, 315, 319, 321, 323, 332, 337, 348, 353, 355, 356*, 362, 366, 371, 372, 373, 374, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 384, 386, 390, 391, 392, 393, 394, 398, 400*, 417, 419, 423, 424, 430, 433, 435, 436, 438, 448, 451, 452, 455, 457, 460, 472, 476, 496, 497, 503, 507, 508, 512, 515, 516, 517, 521, 526, 532, 545, 554, 557, 560, 562, 576, 579, 580, 590, 606, 693, 712
 Августин, бл., епископ Гиппонский и отец Церкви (354-430), 43, 71, 331, 508, 509, 537, 538, 651, 654, 659
 Авинла, Марк Ацилий, консул (I в. до н.э.), 336
 Авраам, 674, 710
 Аврелиан (Луций Домиций Аврелиан), римский император (212?-275), 373, 655, 677, 680, 686-687, 688, 690, 712, 714
 Аврелий, Марк (Марк Анний Аврелий Антонин), римский император и философ (121-180), 21, 38, 110, 120, 323, 352, 360, 361, 366, 380, 382, 436, 437, 453, 463, 464, 465-473, 484, 485-488, 489, 490, 491, 503, 508, 512, 521, 524, 533, 534, 539, 551, 553, 655, 660, 671, 675, 679*, 681, 693, 697, 698, 709, 714
 Аврелия, Северн, брат Марка Аврелия (II в. до н.э.), 466
 Аврелия, мать Цезаря (II-I вв. до н.э.), 186
 Агасфокл, тиран Сиракуз (361?-289 г. до н.э.), 53
 Агенобарб, Гней Домиций, отец Нерона (I в.), 295, 297, 365
 Агенобарбы, Домиции, римское семейство, 296, 306
 Аглибол, 558
 «Агрикола» (Тацит), 475, 477
 Агрикола, Гней Юлий, наместник (37-93), 310, 313, 475, 477, 519
 Агриппа, Ирод, царь евреев (прав. 41-44), 590
 Агриппа, Марк Випоний, полководец (63-12 г. до н.э.), 225, 226, 232, 234, 235, 239-240, 250, 251, 252, 285*, 332, 373, 394, 411, 461, 517; термы (Баня) Агриппы, 312, 373, 394, 411
 Агриппа, царь Халкиды (30-100), 635
 Агриппина Младшая, мать Нерона, (?-59), 285*, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 302, 326, 523
 Агриппина, жена Германика (?-33), 285-287, 295
 «Ад» (*Inferno*), Данте, 16
 Адап, 568
 Адам, 636-637, 648
 Адонис, 277, 569, 601, 642
 Адриан (Публий Элий Адриан), римский император (76-138), 240, 255, 352, 377, 385, 393, 395, 404, 415, 431, 433, 434, 435, 437, 443, 449, 452, 454-463, 464, 465, 467, 468, 478, 484, 496, 497, 519, 526, 531, 534, 535, 545, 559, 563, 595, 596, 652, 672, 697, 709, 714; вал А., 7, 519, 570; вилла А., 461-462, 496
 Адриан Тирский, греческий ритор (ок. 112 - ок. 192), 533
 Азиатик, волеуполномоченник Вителлия (I в.), 307
 Аид, 73, 95, 107, 261, 263, 425, 517, 555, 571
 Аквила, по прозвищу Понтик, греко-иудейский переводчик Ветхого Завета (расцвет — 117-138), 662
 Аквиллий, Маний, полководец (?-88 г. до н.э.), 135, 564
 Акиба бен Иосиф, иудейский раввин (40-138), 594-595
 Акка Ларенция (Люпа), кормилица Ромула и Рема, 20
 Акта, Клавдия, любовница Нерона (расцвет — I в.), 299, 306
 Акид, трагик (170 - ? до н.э.), 111
 Аларих, вождь вестготов (376?-410), 718
 Александр Великий, царь Македонии (356-323 г. до н.э.), 38, 48, 50, 188, 212, 228, 238, 246, 326, 454, 546, 605*, 672, 684, 689
 Александр из Абонотейха, греческий чудотворец (расцвет — I в.), 571
 Александр Север (Марк Александриан Бассиан Аврелий Север Антонин), 411, 673, 674-676, 677, 682, 683, 693, 698; термы А.С., 411
 Александр, епископ Александрийский (расцвет — IV в.), 706-708, 710
 Александр, сын Ирода Великого (?-6 г. до н.э.), 582
 Алигери, Данте, итальянский поэт (1265-1321), 16, 261, 264, 463, 478, 720
 Алкий, греческий лирический поэт (620-580 г. до н.э.), 268
 Аквилад, афинский политик и военачальник (450-404 г. до н.э.), 163
 Алкифрон, греческий эпистолярный писатель (расцвет — 180), 531
 Алкмена, 106, 113
 Алксон, 301
 Алкон, хирург (расцвет — I в.), 337
 Альбин, Клодий, соперник Септимия Севера в борьбе за императорский престол (?-192), 670
 Альбин, прокуратор Иудеи (расцвет — I в.), 590
 Альфиери, Витторно, граф, итальянский драматург (1749-1803), 11
 Аммо, Жак, французский ученый, епископ Осера (1513-1593), 685
 Аммиан Марцеллин, историк (расцвет — IV в.), 351*, 401, 416, 441, 514, 550
 Амуний, живописец (расцвет — I в.), 386
 Амуний, легендарный узурпатор царской власти над Лацием (VIII в. до н.э.), 20
 Амур, 511
 «Амфитрион», Плавт, 113
 «Анабасис Александра», Арриан, 566
 Анакреонт, греческий лирический поэт (560?-475? гг. до н.э.), 174, 268, 555
 Анастасий I, папа Римский (?-401), 663
 Андрей, апостол, 611
 Андриол, раб, 421
 Андромеда, 277
 Анкет, придворный Нерона (расцвет — I в.), 302
 Анкет, папа Римский (ок. 157-ок. 168), 665
 Анк Марций, четвертый царь Рима (расцвет — VII в. до н.э.), 22
 Анна Перенна, 76
 Анна, дочь Фанула, 589
 Анна, священник (Библия), 618
 «Анналы», Тацит, 476, 483
 «Анналы», Эникий, 110, 181
 Аннона, 424
 Антигон, царь Иудеи (расцвет — 43 г. до н.э.), 579
 «Антикитона», Цезарь, 213
 Ангиал, офтальмолог (расцвет — I в.), 551
 Антиной, фаворит Адриана (?-122), 460, 569
 Антиох III Великий, царь Сирии (прав. 223-187 г. до н.э.), 65, 98, 101, 104, 576
 Антиох IV Эпифан, царь Сирии (200?-164 гг. до н.э.), 120, 459, 532, 581, 587
 Антиох Аскалонский, греческий философ-платоник (расцвет — I в. до н.э.), 534
 Антипатр, Идумеец, отец Ирода и прокуратор Иудеи (?-43 г. до н.э.), 579
 Антипатр, сын Ирода Великого (?-4 г. до н.э.), 582
 Антихрист, 624, 640
 Антоний Прим, офицер Веспасиана (расцвет — I в.), 307, 325
 Антоний, Луций, наместник (расцвет — I в. до н.э.), 224-225
 Антоний, Марк (Марк Антоний), римский полководец (83-30 гг. до н.э.), 81, 171, 177, 178, 188, 200, 203, 206, 209, 213-215, 218-228, 231, 247, 249, 250, 251, 252, 257, 260, 284, 288, 291, 295, 297, 334, 337, 360, 406, 407, 454, 459, 490, 526, 559, 562, 579, 632, 688
 Антоний, Марк, римский полководец, отец предыдущего (расцвет — I в. до н.э.), 159, 177
 Антоний, наместник (расцвет — ок. 190 г.), 654
 Антоний, са, основатель монастыря (251-356?), 487, 705
 Антоний Пий (Тит Аврелий Фульвий Бойоний Аррий Антонин Пий), римский император (86-161), 379, 404, 431, 435, 436, 437, 449, 462, 463-465, 467, 468, 470, 486, 557, 596, 660, 697; Вал Антонина, 520
 Антонин, 354, 431, 445, 452, 479, 484, 490, 562, 669
 Антония, мать Германика и Клавдия (I в. до н.э. - I в. н.э.), 285, 287, 288, 289, 290, 297, 406
 Анупис, 426
 Анкиз, 261-262, 418
 Аппелес, греческий живописец (расцвет — 330 г. до н.э.), 386, 389
 Аликата, разведенная жена Сеяна (?-31), 287
 Апион, греческий грамматик (I в.), 593
 Апиций, знаменитый эпикурец (расцвет — правление Тиберия), 412
 «Апокалитикон», «Откровение», Сенека, 297, 384
 Аполлидарий Сидоний, Гий Соллий, св. епископ и поэт (430?-482?), 517
 Аполлодор, греческий архитектор (расцвет — правление Траяна), 452, 461
 Аполлодор, слуга Клеопатры (I в. до н.э.), 206
 Аполлон, 16, 74, 258, 261, 302, 385, 393, 417, 500, 560; храм А., 393; храм А. (Помпей), 502; А. Целитель, 73; храм А. Целителя, 73; А. Бельведерский, 383, 495; Вейский А., 18; Аполло, 3; комната во дворце Лукулла, 147
 Аполлоний Афинский, греческий скульптор в Риме (расцвет — начало н.э.), 383
 Аполлоний Молон из Алабанды, греческий ритор (I в. до н.э.), 156, 560
 Аполлоний Родосский, греческий поэт и грамматик (расцвет — 222-181 гг. до н.э.), 262

Аполлоний Тианский, греческий философ (I в.), 561, 571-572, 670, 674; «Жизнь А.» (Филострат), 571-572, 670
 «Апологетик» (*Apologeticus*), Тертуллиан, 660
 «Апологин», Юстин, 660
 «Апология», Апудей, 510
 Аппан, историк (II в.), 208, 215*, 216, 465, 484, 514, 564
 Апудей, сатирик и философ (II в.), 172, 323, 442, 483, 508, 510-511, 529, 531, 570, 660, 684, 685
 Арат из Сол, греческий дидактический поэт (315-245 гг. до н.э.), 258, 332, 632*
 «Аргонавтика», Аполлоний Родосский, 262
 Ардашир I (Артасеркс), царь Персии (прав. 227-240 гг.), 578, 675
 Ареллий, живописец (конец I в. до н.э.), 386
 Аресконт, гермафродит, упоминаемый Плинием, 335
 Арета IV, царь Аравии Петрей (9 г. до н.э.), 554
 Аретуза, 277
 Ариадна, 174, 277, 386
 Арий Дидам, греческий философ в Риме (расцвет — правление Августа), 323
 Арий, греческий священник из Александрии, основатель арианства (280 - 336), 706-708, 709, 710
 Ариам, 570
 Ариовист, германский вождь (I в. до н.э.), 193-194
 Аристарх Самосский, греческий астроном (расцвет — 280-264 гг. до н.э.), 549
 Аристид, греческий сочинитель эротических новелл (II в. до н.э.), 684
 Аристид, Публий Элий, по прозвищу Феодор, греческий ритор (117-187), 359, 465, 561-562
 Аристипп, греческий философ (435? - 456? гг. до н.э.), 538
 Аристобул II, царь Иудеи (67-63 гг. до н.э.), 578
 Аристобул, впуск Гиркана II (I в. до н.э.), 580, 582
 Аристобул, сын Ирода Великого (? - 6 до н.э.), 582
 Аристоник, претендент на трон Пергама (? - 129 г. до н.э.), 562
 Аристотель, греческий философ (384 - 322 гг. до н.э.), 12, 35, 53, 90, 137, 326, 332, 336, 462, 534, 541, 552, 553, 658, 659
 Аристофан, греческий комедиограф (448? - 380? гг. до н.э.), 85, 112
 «Арифметика», Диофант Александрийский, 681-682
 Аркадий, император Восточной Римской империи (?-408), 453
 Аркесилей, греческий скульптор в Риме (I в. до н.э.), 375, 383
 Арминий, вождь германского племени херусков (18 г. до н.э. - 19 г. до н.э.), 238
 Арриан (Флавий Арриан), греческий историк и философ (100? - 170?), 458, 534, 535*, 566
 Артабан IV, царь Парфии (? - 227), 577, 578
 Артемиды, 73, 560, 561, 633; Артемиды праздник, 561; Артемиды храм (Магнезия), 560; Артемиды храм (Эфес), 561, 565, 633
 Архагат Пелопоннесский (Карнифекс), врач (расцвет — 219 гг. до н.э.), 86
 Архелай, царь Иудеи (прав. 4 г. до н.э. - 6 г. н.э.), 582, 590
 Архий, Авл Лициний, греческий поэт в Риме (ок. 120 - ? до н.э.), 156, 180
 Архилох, греческий поэт-лирик (714?-676 гг. до н.э.), 174, 265, 266, 269
 Архимед, греческий математик и ученый (287?-212 гг. до н.э.), 83, 88, 550, 682
 Аршак, царь Парфии (расцвет — ок. 248 г. до н.э.), 576
 Аршакиды, 576, 671
 Асканий (Юл), 186, 261-262
 Аскипт, 321
 Асклепад из Прусы, греческий врач в Риме (I в. до н.э.), 337, 552
 Асклепий, см. Эскулап
 Аспасия из Милета, супруга Перикла (470 - 410 гг. до н.э.), 205, 531
 Астарта, 52
 Астерия, 257*, см. также Дева
 Аталанта, 277
 Атиргатис (*Dea Syria*), 426, 568
 Атиам, 658
 Атрей, 315
 Атталь, царь Пергама (правил 241-197 гг. до н.э.), 106
 Атталь III Филометор, царь Пергама (правил 138-133 гг. до н.э.), 129, 562
 Атталь, галльский христианский мученик (?-177), 698
 Атталь, философ-стоик (I в.), 325
 Аттальды, 562
 Аттаний, Целий, опекун Адриана (расцвет - конец I в.), 455
 Атик, Герод, Тиберий Клавдий, греческий ритор и миллионер (104?-180), 532, 562
 Атик, Тит Помпоний, эрудит и философ (109-32 гг. до н.э.),

145, 146-147, 175, 180, 207, 222
 Аттила, вождь гуннов (406? - 453), 719
 Аттис, 107, 421, 569, 601, 636, 647
 «Аттис», Катулл, 174
 «Аттические ночи», Авл Геллий, 483
 «Кубышка» (*Auluraria*), Плавт, 113
 Афанасий, греческий отец Церкви (296 ? - 373), 708-709, 710
 Афина, см. Афина Паллада
 Афина Паллада, 260, 711
 Афинагор, греческий философ (расцвет — 168 г.), 659
 Афиней из Накратиса, греческий грамматик (II в.), 355, 365, 684
 Афинион, вождь восстания рабов (? - 101 г. до н.э.), 135
 Афинодор Кананит из Тарса, греческий философ-стоик (I в. до н.э.), 249
 Афрайий, политик (?-46 г. до н.э.), 144, 204
 Африкан, Секст Юлий, христианский историк (?-232), 603
 Афродита, 558, 563; храм А. (Иерусалим), 711; храм А. Вснародной, 531
 Ахемениды, 553, 576, 577, 689
 Ахилл, 48, 113, 387, 388, 417
 Ахилла, египетский военачальник (расцвет I в. до н.э.), 206
 «Ахиллеида», Стаций, 341
 Ахура-Мазда, 569, 578
 Ашока, индийский правитель и вероучитель (правил 272 - 232 гг. до н.э.), 607*

Б

Баал (Бел), 56, 426, 557, 558, 654, 672-674, 687; Баал-Хаман, 52, 53, 58; Баал-Молох, 52
 Бавкида, 277
 Байрон, Джордж Гордон, шестой барон, английский поэт (1788-1824), 270*
 Бальб и Олий, банковская фирма, 362
 Бальб, Луций Корнелий, консул (I в. до н.э.), 210, 211, 213, 364, 373, 394
 Бальбин, Децим Целий Бальбин, римский император (?-238), 676
 Бальзак, Оноре де, французский писатель (1799-1850), 453
 Бар Кохаб, Симеон, вождь иудейского восстания (?-135), 590, 595, 596
 Бардесан, сирийский еретик (расцвет — 200 г.), 653
 Василида, александрийский еретик (расцвет — 117 г.), 653
 Батилл Александрийский, актер пантомимы (конец I в. до н.э.), 414
 Бауэр, Бруно, немецкий богослов (1809-1882), 602
 Баур, Фердинанд Христиан, немецкий протестантский богослов (1792-1860), 602
 Бедер, Карл, немецкий издатель путеводителей (1801-1859), 354
 Беллерофонт, 18
 Беллона, 73, 489
 Белох, Карл Юлий, немецкий историк (1854-1929), 364, 399
 Бен Гиора, Симон, еврейский герой (I в.), 444
 Бенедикта, 466
 Береника, иудейская царица (28-?), 310
 Бери, Джон Багнелл, ирландский историк (1861-1927), 295*
 Беркли, Джордж, епископ Клойна, ирландский философ (1685-1753), 335
 «Беседы», Эпиктет, 534-538
 Бетховен, Людвиг ван, немецкий композитор (1770-1827), 416
 Бибул, Марк Кальпурний, политик (?-48 г. до н.э.), 190, 214
 Благая Богиня, (*Bona Dea*) 70, 190; праздник Б.Б., 76
 Бландаина, галльская христианская мученица (?-177), 698
 Блюссин, Гай, греческий философ (II в. до н.э.), 127, 562
 Боддикей, или Буддикка, царица именов в Британии (?-61), 519
 «Божественные древности», Варрон, 176
 «Божественные установления» (*Divinae institutiones*), Лактанций, 710
 Бокаччо, Джованни, итальянский писатель (1313-1375), 279
 Болингброк, Генри Сент-Джон, английский государственный деятель и политический писатель (1678-1751), 601
 Бомарше де (Пьер Огюст Карон), французский драматург (1732-1799), 114
 Боссюэ, Жак Бенгит, французский епископ Мо и проповедник (1627-1704), 710
 Боттичелли, Сандро (Алессандро Фелиппи), итальянский живописец (1447?-1510), 388
 Браманте, Донато д'Альио, итальянский архитектор и живописец (1444-1514), 709
 Братия Петтий, банковская фирма, 362
 Брахман, 658
 Брисенда, 388
 Британик, сын Клавдия и Мессалины (42-55), 295-296, 298
 Брут (у Марциала), 344

Брут, Луций Юний (VI в. до н.э.), консул, 24-25, 214, 215
 Брут, Марк Юний, политик (85-42 гг. до н.э.), 145, 177, 204-205, 207, 213, 214-216, 218-223, 231, 265, 466, 490, 526, 528, 559, 632
 Брут, Деций Юний, военачальник (?-43 г. до н.э.), 195, 215, 220, 221
 Буало-Депре, Николай, французский поэт, сатирик и критик (1636-1711), 270
 Буассье, Мари-Луи Гастон, французский историк, критик и археолог (1821-1908), 482
 Бурр, префект преторианской гвардии (I в.), 296, 297, 298, «Бытие», 486, 587, 662
 Бэкон, Френсис, барон Веруламский, виконт Сент-Олбанский, философ и государственный деятель (1561-1626), 328

В

«В защиту Марцелла», Цицерон, 213
 Вазари, Джорджо, итальянский художник, автор жизнеописаний художников (1511-1574), 383
 Вакс, 107, 181, 380, 557, см. также Дионис
 «Вакханки», Еврипид, 197, 577
 Валентин, александрийский еретик (расцвет — 160 г.), 653
 Валентиниан I (Флавий Валентиниан), римский император Запада (321-375), 714
 Валериан (Гай Публий Лициний Валериан), римский император (?-260), 677, 699
 Валерии, римский род, 31, 399
 Валерий Максим, историк (I в.), 386, 515
 Ван Гог, Винсент (1853-1890), 389
 Ван Дейк, сэр Антоний, фламандский художник (1599-1641), 389
 Вар, Публий Квинтилий, наместник (?-9), 238, 590
 Варнава, апостол, 630-631, 638, 652
 Варрон, Гай Теренций, консул и полководец (расцвет — 216 г. до н.э.), 61
 Варрон, Марк Теренций, ученый и писатель (116-26 гг. до н.э.), 17, 162, 175-176, 177, 212, 259, 332, 415, 498, 555
 Ватто, Жан Антуан, французский живописец (1684-1721), 385
 Великая Матерь (Magna Mater), 106-107, 163, 417, 426, 569, 642, 720, см. также Кибела
 «Великое изложение», Симон Маг, 653
 «Величание богородицы» (Magnificat), 606
 Венера, 20, 72, 93, 164-165, 168, 186, 211, 224, 260, 262, 275, 276, 277, 379, 511, 531, 556, 557, 595; Венера Прародительница (Venus Genetrix), 383; Помпейская В., 500; храм В., 214; храм Венеры и Марса (Пантеон), 240, 312, 391, 393, 396, 460, 461, 709; храм Венеры и Рому, 461;
 «Венок» (Strophaios), Мелеагр, 555
 Вер, Луций Аврелий, Луций Цейоний Коммод Вер, римский император (127-169), 462, 467-469, 470
 Вер, Луций, друг Адриана (?-138), 462
 Вератий, Луций, рабовладелец (II в.), 444
 Вергилий (Публий Вергилий, или Вергилий, Марон), поэт (70-19 гг. до н.э.), 11, 16, 71, 72, 85, 111, 115, 170, 171, 174, 175, 225, 235, 245, 254, 256-264, 265, 266, 271, 272, 273, 279, 300, 305, 332, 382, 418, 480, 482, 496, 499, 674, 720
 Веррес, Гай Корнелий, наместник (?-43 г. до н.э.), 105, 156, 505, 507
 Верцингеторикс, вождь галльского племени авернов (?-43 г. до н.э.), 195-196

Веспасиан (Тит Флавий Сабин Веспасиан), римский император (9-79), 255, 294, 307-310, 311, 312, 325, 333, 336, 337, 339, 351, 367, 368, 374, 378, 382, 385, 393, 395, 401, 404, 414, 420, 436, 442, 448, 450, 503, 534, 562, 591, 593, 624
 Веспиллон, Квинт Лукреций (I в.), 405
 Веста, 20, 69, 72, 565; атриум В., 393, 683; дом В. (Aedes Vestae), 393; храм В., 12, 683
 Веттий, дом В., 386-387
 Ветхий Завет, 547-548, 587, 588*, 603, 627, 650, 653, 662
 Вечный преторский эдикт, 431, 457
 Виктор I, папа Римский (ок. 190-198), 665
 Виктор, Секст Аврелий, писатель (IV в.), 689
 Виктория (Победа), 676; храм В., 107
 Виланд, Христофер Мартин, немецкий поэт и романист (1733-1813), 601
 Виндеске, Гай Юлий, легат в Галлии Лугдунской (I в.), 305, 516
 Винкельманн, Иоганн Иохим, немецкий археолог и историк искусства (1717-1768), 383
 Винчи, Леонардо да, итальянский художник (1452-1519), 240, 252, 390
 Випсания Агриппина, дочь Агриппы (I в. до н.э.), 251, 282
 Вирбий («царь лесов»), 72
 Виргиния, дочь Луция Виргиния (V в. до н.э.), 33, 83
 Вириат, вождь лузитанцев (II в. до н.э.), 100
 Виссова, Георг, немецкий филолог-классик (1859-1931), 550*

Вителлий (Авл Вителлий Германик), римский император (15-69), 290, 307
 Витрувий Поллион, Марк, архитектор и инженер (I в. до н.э.), 17, 376*, 390
 Волной, граф де, Константин Франсуа де Шассебф, французский скептик (1757-1820), 601
 Вологез III, царь Парфии (II в.), 468
 Вологез IV, царь Парфии (?-209), 578
 Вологез V, царь Парфии (?-227?), 578
 Вольтер, Франсуа Мари Аруа де, французский писатель (1694-1778), 112, 146, 170, 264, 328, 539, 551, 601
 «Вопросы» (Quaestiones), Паллиний, 682
 «Воспитание оратора», Квинтилиан, 339-341
 Вордсворт, Уильям, английский поэт (1770-1850), 163
 Вотан (Одун), 523
 «Всемирная история», Ефсеви, 710
 «Всемирная история», Посидоний, 561
 Второе послание св. апостола Павла к Коринфянам, 602, 635*
 Второе послание св. апостола Павла к Тимофею, 638
 Второе послание св. апостола Павла к Фессалоникийцам, 635*, 639

Второзаконие, 583
 Вулкан, 70, 73
 Вульсон, Гней Манлий, полководец (II в. до н.э.), 101

Г

Габиний, Авл, политик (?-48 г. до н.э.), 154, 155, 191, 193, 205, 231
 Гавриил, 311
 Гай Цезарь, внук Августа (?-4 гг. до н.э.), 250-251, 517
 Гай, юрист (II в.), 431, 433, 435, 436, 439, 440, 445
 Гален (Клавдий Гален), греческий врач (130-200?), 338, 365, 410, 469, 470, 551-553, 559, 562, 648
 Галерий (Гай Галерий Валерий Максимин), римский император (ок. 250-311), 683, 688-689, 693, 699, 700, 701, 702, 710
 Галл (Гай Вибий Требониан Галл), римский император (ок. 207-253), 677
 Галл, Элий, полководец (I в. до н.э.), 367, 554
 Галла (у Марциала), 343
 Галлиен (Публий Лициний Валериан Эгнаций Галлиен), римский император (правил — 253-268), 656, 677-678, 683, 699, 718
 Галлион, см. Новат, Марк Анний
 Гальба, Сервий Сулпиций, государственный деятель (II в. до н.э.), 10
 Гальба (Сервий Сулпиций Гальба), римский император (3 г. до н.э.-69), 305-307, 353, 476, 478
 Гамалиил II, иудейский патриарх (расцвет — ок. 100 г.), 594
 Гамалиил, фарисей, председатель синедриона (I в.), 625, 628
 Гамилыкар Барка, карфагенский полководец, отец Ганнибала (?-229 г. до н.э.), 55-58, 59
 Ганимед, 460, 556
 Ганиибал, карфагенский полководец (247-183 гг. до н.э.), 50, 58-65, 68, 81, 82, 93, 98, 102, 104, 106-107, 118, 132, 133, 134, 273, 469, 499, 512
 Ганнон, карфагенский мореплаватель (ок. 490 г. до н.э.), 51, 53
 Гарвей, Уильям, английский анатом и врач (1578-1657), 552
 Гаргантоа, 323
 Гасдрубал, карфагенский полководец, брат Ганиибала (?-207 г. до н.э.), 57, 60, 63
 Гасдрубал, карфагенский полководец, зять Гамилыкара (?-221 г. до н.э.), 57, 58
 Гасдрубал, карфагенский полководец в годы Третьей Пунической войны (II в. до н.э.), 120
 Гассенди, Пьер, французский философ и ученый (1592-1655), 170
 Гете, Иоганн Вольфганг фон, немецкий писатель (1749-1832), 389
 Гейберг, Иоганн Людвиг, датский филолог-классик (1854-1928), 550*
 Гейзерик, царь вандалов (расцвет — 429-455), 718
 Гейне, Генрих, немецкий поэт (1797-1856), 83, 528, 631
 «Гексалла», Ориген, 662
 Гектор, 260
 Гелиогабал, см. Элагабал
 Гелиодор из Эмессы, греческий писатель (III в.), 680-685
 Гелиодора (у Мелеагра), 555
 Геллий, Авл, латинский грамматик (ок. 117-ок. 180), 404, 483
 Гельвийдий, см. Приск, Гельсийд
 Гемала, Луцилий, миллионер (I в.), 503
 «Географический обзор», Птолемей, 549
 «География», Страбон, 566
 «Георгики», Вергилий, 235, 245, 258-260
 Гера, 459, 563

- Геракл (Геркулес), 73, 246, 308, 388, 421, 489, 523, 559, 689
 Гераклит, греческий философ (расцвет — 500 г. до н.э.), 528, 548
 Гердер, Иоганн Готфрид фон, немецкий филолог, поэт и критик (1744-1803), 601
 Германик Цезарь, полководец (15 г. до н.э.-19), 245, 284-285, 295, 313, 326, 406
 Гермес, 73, 386, 540, 571
 Гермоген, греческий архитектор (II в. до н.э.), 560
 Геро, 277
 Герод, см. Атик, Герод
 Геродиан, греческий автор римской истории (180-238), 669, 671, 676
 Геродот, греческий историк (484?-425 гг. до н.э.), 497, 531, 560
 Герон, Александрийский математик и изобретатель (III в.), 550
 Гертта (Hertha), 523
 Гесиод, греческий эпический поэт (ок. 800 г. до н.э.), 258, 539
 Гета (Публий Септимий Гета), римский император (?-211), 670-671, 682, 683
 Гефест, 73, 387
 Гиббон, Эдвард, английский историк (1737-1794), 399, 465, 662*, 710, 716
 Гиерон II, царь Сиракуз (324?-216 гг. до н.э.), 55, 61
 Гильгамеш, 468
 Гинилкон, карфагенский мореплаватель (ок. 450 г. до н.э.), 51
 Гимли, Карл, немецкий профессор медицины (1772-1837), 338
 «Гимн к Зевсу», Клеанф, 632*
 Гиппал, греческий мореплаватель (I в.), 356
 Гиппарх из Никей, греческий астроном (160?-125? гг. до н.э.), 549
 Гипподам Милетский, греческий архитектор (V в. до н.э.), 390
 Гиппократ, греческий врач, автор медицинских трактатов (460-357 гг. до н.э.), 338, 551, 553, 560
 Гиркан II, царь Иудеи (?-30 г. до н.э.), 578-579, 582
 Гирций, Авл, римский консул (?-43 г. до н.э.), 221
 Гескон, карфагенский полководец (III в. до н.э.), 57
 Гитон, 321
 Гликера, 268
 Гликон, афинский скульптор в Риме (I в. до н.э.), 383
 Гомер (IX в. до н.э.), 110, 163, 234, 262, 264, 275, 482, 539, 568, 662
 Гор, 569
 Гораций, римский род, 31
 Гораций (Гораций Коклес), герой (VI в. до н.э.), 25
 Гораций (Квинт Гораций Флакк), латинский поэт (65-8 гг. до н.э.), 71, 72, 84, 108, 111, 170, 171, 174, 235, 245, 254, 256, 264, 265-271, 274, 280, 402, 405, 415, 479, 497, 555, 593, 20
 «Горбодук», Секвилл и Нортон, 326
 Гордиан I, римский император (158-238), 676
 Гордиан II, римский император (?-238), 676
 Гордиан III, римский император (226-244), 677
 Гортензий, Квинт, оратор (114-50 гг. до н.э.), 146, 147, 148, 156, 177, 204, 233
 Гортензий Гортал, Квинт, нобиль (?-42 г. до н.э.), 223
 «Государство», Платон, 656
 Граки, Тиберий Семпроний, государственный деятель, отец Гракхов (II в. до н.э.), 100, 104, 127
 Гракх, Тиберий Семпроний, государственный деятель (162?-133 гг. до н.э.), 127-129
 Гракх, Гай Семпроний, государственный деятель (153?-121 гг. до н.э.), 127, 129-131, 132, 508
 Гракхи, 33, 58, 104, 129-131, 137, 141, 190, 211, 212, 348, 398, 430, 512, 562, 688
 «Греческая Антология», 555, 681
 Гуан-Ди, китайский император (II в.), 360
 Гюго, Виктор Мари, виконт, французский писатель (1802-1885), 270*
 Д
 Давид, царь Израиля (прав. 1010-974 гг. до н.э.), 581, 588, 605, 606*, 607, 616
 Дамид Эпикурес (у Лукяна), 540
 Дамте, см. Алигьери,
 Дарет, 418
 Дарий I Гистасп, царь Персии (558?-486?), 576
 «Дафнис и Хлоя», Лонг, 686-687
 Дафинс, раб-грамматик (I в. до н.э.), 365
 Дева, 257
 Дедал, 277, 386
 «Дейнософисты», Афиней из Накратиса, 684
 Делия, 274
 Деметра, 73, 331, 557; праздник Д., 571
 Деметрий, серебряник (современник апостола Павла), 561, 633
 Деметрий, епископ Александрийский (III в.), 663
 Деметрий, философ-киник (I в.), 324
 Демокрит, греческий философ (460?-362? гг. до н.э.), 166, 170, 181, 541
 Демонакт, греческий философ-киник (50-150), 531, 533
 Демосфен, греческий оратор и государственный деятель (384?-322 гг. до н.э.), 108, 178
 Денебал, царь лаков (?-106), 313, 451, 453
 Деций (Гай Мессий Квинт Траян Деций), римский император (200?-251), 663, 677, 683, 698, 705
 Деций Муций Публий, консул (?-340 г. до н.э.), 47*, 75
 Деянра, 388
 Деяния апостолов, 403, 603, 604, 620, 625-626
 «Деяния мучеников» (*Acta martyrum*), 697, 700-701
 Джорджоне де Кастельфранко (Джорджо Барбарелли), венецианский живописец (1478?-1511), 389
 «Диалог об ораторах», Тацит, 475
 «Диалоги гетер», Лукриан, 539
 «Диалоги мертвых», Лукриан, 540
 Диана, 72, 73, 425, 502
 «Диатрибы» («Беседы»), Эпиктет, 535-538
 Дигесты, Сальвий Юлиан, 431
 Дигесты, Юстиниан, 432, 446, 450, 682
 Дикий Юлиан (Марк Дикий Сальвий Юлиан Север), римский император (133?-193), 669-670
 Дикий, полководец (I в. до н.э.), 151
 Диодона (Элисса), дочь царя Тирского Бела, 50, 53, 261, 262, 277
 Дильс, Германн, немецкий филолог-классик (1848-1922), 550*
 Димас, товарищ, оставший апостолом Павла (I в.), 638
 Диоген из Селевкии (в Вавилонии), философ-стоик (II в. до н.э.), 108
 Диоген Лаэртский, греческий историк философии (II в.), 684
 Диоген Синопский, философ-киник (IV в. до н.э.), 536
 Диогнет, философ-стоик (II в.), 466
 Диодор Сицилийский, греческий историк (I в. до н.э.), 53, 255
 Диоклетиан (Гай Аврелий Валерий Диоклетиан Иовий), римский император (245-313), 394, 402, 411, 467, 518, 524, 566, 654, 670, 683, 688-693, 699, 700, 701, 705, 712, 717; термины (баны) Д., 394, 411, 683
 Дион Кассий Кокцеян, из Вифинии, автор истории Рима (155-240?), 22, 34, 227, 232, 239, 245, 285, 290, 291, 295, 303*, 312, 327, 455, 484, 563, 592, 595, 669, 671, 684
 Дион Христомос, греческий ритор (расцвет — правление Траяна), 449, 527, 531, 533, 546, 567-568
 Дионис, 73, 107, 386, 387, 569, 571, 601, 636, 642, 647, 653; театр Д., 531; см. также Вахс,
 Дионисий Галикарнасский, греческий историк (547-7 гг. до н.э.), 255, 560
 Дионисий, епископ Александрийский (III в.), 698, 699, 715
 «Диоптра», Герон, 550
 Диоскорид из Каликии, греческий автор медицинских трактатов (40-90), 551
 Диоскорид, резчик гемм (расцвет — правление Августа), 380
 Диофант Александрийский, греческий математик (расцвет — 250 г.), 681-682
 Доблесть (Virtus), 393
 Долабелла, Гней Корнелий, наместник (I в. до н.э.), 188,
 Долабелла, Публий Корнелий, консул и наместник (?-43 г. до н.э.), 207, 209, 220
 Домициан (Тит Флавий Домициан Август), римский император (51-96), 255, 309, 311-314, 315, 341, 342, 350, 367, 373, 377, 378, 382, 385, 400*, 407, 426, 437, 438, 448, 453, 456, 475, 476, 479, 482, 519, 534, 567, 572, 594, 624, 640, 696
 Домициан, римский род, 306
 Домиций, Луций, политик (I в. до н.э.), 193, 194, 202
 Домицилла, св. (?-100), 650
 Домиция, жена Домициана (I в.), 314
 Домна, Юлия, жена Септимия Севера (?-217), 670-672, 683
 Донат (Тор), 523
 Донат, епископ Карфагенский, основатель движения донатистов (IV в.), 706
 Драйден, Джон, английский поэт и драматург (1631-1700), 720
 Дреус, Артур, немецкий философ (1865-1935), 602
 Друз, Марк Ливий, государственный деятель (II в. до н.э.), 131, 135
 Друз, Марк Ливий, государственный деятель, сын предыдущего (?-91 г. до н.э.), 135-136
 Друз Старший, Нерон Клавдий, полководец, пасынок Августа (38-9 гг. до н.э.), 237, 250, 269, 282, 284, 291, 323, 353, 406
 Друз, Цезарь, сын Тиберия (?-38), 286, 287
 Друзила, сестра Калигулы (?-38), 289
 Друзы, римское семейство, 135
 Дюрер, Альбрехт, немецкий художник и гравёр (1471-1528), 629
 Дюшен, Луи Мари Оливье, французский прелат римско-католической Церкви и ученый (1843-1922), 706

Е

- Евангелие от Евреев, 664
Евангелие от Иоанна, 548, 601, 604-605, 609, 612, 617, 618-619, 624*, 640-643, 652
Евангелие от Луки, 601, 603-604, 624*, 631, 653
Евангелие от Марка, 601, 603-620, 625
Евангелие от Матфея, 601, 603-620
Евдокс Книдский, греческий астроном (409?-353? гг. до н.э.), 182
Еваний, греческий софист и историк (конец IV в.), 684*
«Евнух», Теренций, 114
Еврипид, афинский драматург (480-460 гг. до н.э.), 110, 170, 197, 279, 326, 559
Евсевий Памфил, епископ Цезареи, историк Церкви (260?-340?), 547, 640, 698*, 700, 702, 705, 707, 710-711
Евфрат, греческий философ-стоик (?-138), 462
Елена, 277, 388
Елена, konkubina Констанция I (III в.), 701, 703, 711
Елизавета, мать Иоанна Крестителя, 608
Енок, 620; Книга Еноха, 587, 588, 607, 612, 640
Епифаний, христианский писатель (IV в.), 624
«Естественная история» (*Historia naturalis*), Плиний, 320, 333-336, 481
«Естественнонаучные вопросы» (*Quaestiones naturales*), Сенека, 328, 332-333, 336

Ж

- «Жизнеописание знаменитых мужей», Светоний, 483
«Жизнеописание софистов», Филострат, 684
«Жизнь Иисуса», Ренан, 602
«Жизнь Иисуса», Штраусс, 601-602
«Жизнеописание Константина», Евсевий, 711
«Жизнь римского народа», Варрон, 176
«Жиль Блаз», Лесаж, 323
Жюльен, Камилл, французский историк (1859-1933), 518

З

- «Заговор Катилины», Саллюстий, 157, 176
Залевк, греческий законодатель (расцвет — 660 г. до н.э.), 42
«Записки» (*Commentarii*), Цезарь, 162, 188, 196
«Записки», Агриппина Младшая, 298
Здоровые (Salus), 70; храм З., 93, 386, 393
Зевелей, отец апостолов Иакова и Иоанна (I в.), 611, 626
Зевксид, греческий живописец (расцвет — 430 г. до н.э.), 386
Зевс, 72, 73, 387, 426, 459, 531, 539; Зевс Всеэллшский, 459; Зевс Олимпийский, 459
Зенобия, Септимия, царица Пальмиры (?-после 272 г.), 495, 678, 681, 684*, 687, 718
Зенодор, греческий скульптор (I в.), 375, 384, 516
Зенон, греческий философ-стоик (336?-264? гг. до н.э.), 214, 271, 328, 380, 462, 561
Зенон, греческий философ-элег (V в. до н.э.), 498
Зенофия (у Мелеатра), 555
Зефирин, папа Римский (ок. 198-218), 665
Златоуст, св., Иоанн, греческий отец Церкви (347?-407), 538
«Золотой осел» (*Metamorphoseon libri XI*), Апулей, 323, 483, 510-511
Золя, Эмиль, французский романист (1840-1902), 453
Зоровавель, «князь Иудин» (расцвет — 520 г. до н.э.), 580
Зосим, греческий историк (V в.), 711

И

- Иаир, отец девочки, пробужденной Христом (I в.), 611
Иаков, брат Христа, 606
Иаков, сын Алфея, прозванный Справедливым, апостол (?-65), 603, 625, 631, 646
Иаков, сын Зевелея, апостол (?-41), 611, 626, 640
Игнатий, св., по прозвищу Богоносец, епископ Антиохийский (?-197?), 636, 659, 697
Иероним, св. (Иероним, Софроний Евсевий), латинский отец Церкви (340?-420), 170, 431, 627, 645
Иисус, см. Христос
Иисус, сын Сирахов, 587
Иксион, 387
«Илиада», 261, 262, 563
Илия, иудейский пророк, 620
Илиада, 268
Ингенуус, правитель Восточных провинций (расцвет — 258 г.), 678
Иоанн Креститель, 606, 608, 609, 610, 612, 615, 616
Иоанн Старший (Пресвитер), деятель раннего христианства, 603
Иоанн, св., апостол и евангелист, 603, 605, 607, 609, 611, 618-619, 624*, 626, 640-642, 659, 697

Иов, 687

Иокаста, 671

Иосиф Флавий, еврейский историк (37?-95?), 355, 544, 546, 547, 579, 583-584, 585, 590, 591-592, 593, 602, 606, 608

Иосиф, брат Христа, 606

Иосиф, муж Марии, матери Христа, 607

Иоханаан бен Цадок, иудейский раввин (I в.), 694

Ипполит, епископ-схиматик (?-ок. 230), 665-666

Ипполит, 276

Ирида, египтянка, служанка Клеопатры (?-30 г. до н.э.), 228

Иреней, св., греческий епископ Лиона (130?-202), 604, 660, 664, 665

Ирод Антипа, царь Иудеи (I в.), 582, 608, 615

Ирод Великий, царь Иудеи (62?-4 гг. до н.э.), 532, 554, 559, 579-582, 584, 586, 590, 606

Ирод Филипп, брат Ирода Антипы (расцвет — I в. н.э.), 608

Иродиада, жена Ирода Агриппы (I в.), 608

Исаия, 587, 588, 589, 608-609, 614, 620

Исей, греческий ритор в Риме (конец I в.), 403

Исидра, 211, 289, 393, 426, 489, 511, 569, 570, 572, 642, 655, 683; храм Исидры, 312, 393, 405, 426

Исхорат, афинский оратор и ритор?? (436-338 гг. до н.э.), 116, 183

«История» (*Historiae*), Тацит, 476-479, 483

«История Рима», Дион Кассий Коккеян, 484, 684

«История Рима», Квинт Фабий Пиктор, 84

«История», Аппиан, 484

«История», Саллюстий, 176

Исход, 614

Итал, царь сикулов, 12

Иуда Галлелеец, вождь иудеев-повстанцев (начало I в.), 590

Иуда Искариот (из Кернота), апостол, 611, 618

Иуда, брат Христа, 606

Иуда, иудейский патриарх (расцвет — ок. 200 г.), 594

«Иудейские войны», Иосиф Флавий, 593

«Иудейские древности», Иосиф Флавий, 593, 602

Ифигения, 165, 387

К

- Канафа, иудейский первосвященник (расцвет — 18-36), 618
Калигула (Гай Цезарь Германик), римский император (12-41?), 288-291, 292, 293, 295, 301, 315, 324, 326, 329, 378, 379, 400*, 414, 416, 421, 424, 426, 476, 498, 509, 526, 547, 590
Калид, Квинт, политик (I в. до н.э.), 144
Каллимах, греческий грамматик и поэт (320?-240? гг. до н.э.), 171, 174, 684
Каллист, папа Римский (217-222), 665-666
Каллист, секретарь Клавдия (I в.), 292
Калп, Линций, поэт (I в. до н.э.), 162, 177, 193
Кальвин, Жан, французский протестантский реформатор в Женеве (1509-1564), 640
Кальпурния, третья жена Плиния Младшего (I-II вв.), 482
Кальпурния, последняя жена Цезаря (I в. до н.э.), 192, 207, 214, 215, 218
Камилл, Марк Фурий, полководец и вождь патрициев (?-365 гг. до н.э.), 34, 46*, 47, 79, 134
Кани, музыкант (I в.), 416
Канулей, Гай, трибун (расцвет — 455 г. до н.э.), 33
Каракалла (Марк Аврелий Антонин Бассиан Каракалл), римский император (188-217), 361, 411, 670-672, 680, 681, 682, 683; термы К., 411, 675, 683
Карактак, царь сикулов в Британии (I в.), 294
Карнеад, греческий философ и оратор (213-129), 108, 534, 541
Карринат Секунд, ритор (I в.), 290
Кассивелаун, британский вождь (I в.), 195
Кассий Авидий, полководец и мятежник (II в.), 469, 472
Кассий Лонгин Вар, Гай, наместник (I в. до н.э.), 152
Кассий Лонгин, Гай, полководец и заговорщик (?-42 гг. до н.э.), 187, 205, 213, 218-223, 224, 231, 490
Кассий, Стурий, консул (?-486 гг. до н.э.), 32
Кастор, 45, 73; Кастора и Поллукса храм, 290, 392, 393
Катилина (Луций Сергий Катилина), заговорщик (108?-63 гг. до н.э.), 140, 155, 157-159, 160, 163, 187, 188, 191, 203, 207, 222, 434
Катон, Марк Порций (Старший), полководец и патриот (239-149 гг. до н.э.), 12, 79, 80, 81, 84, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 108, 110, 115-118, 121, 150, 177, 259, 336, 340, 406, 435, 439, 456, 496, 499, 666
Катон Утичский, Марк Порций (Младший), философ и патриот (95-46 гг. до н.э.), 87, 86, 134, 146, 148, 149, 150-151, 159, 160, 187, 190, 192, 198, 199, 202, 205, 208, 213, 214, 223, 304, 320, 466
Катон, Марк Порций, сын Катона Утичского (?-42 г. до н.э.), 208, 223
«Катоотриха», Герон, 550

- Катул, Квинт Лутаций, лидер аристократической партии (I в. до н.э.), 160
- Катулл, Гай Валерий, поэт (87-54 гг. до н.э.), 80, 115, 150, 162, 171-175, 193, 246, 255
- Квадрат, христианский апологет (II в.), 659
- Квинт, Квинт Луций, полководец Траяна (?-118), 454, 455
- Кваптитлан, Марк Фабий, ритор (ок. 40-118?), 116, 319, 323, 327, 339-341, 342, 348, 390, 402, 416, 443, 481, 482
- Каврин, 21
- Кавриний, Публий Сулпиций, наместник Сирии (?-21), 606
- Кербер, 425
- Кибела, 106, 107, 174, 298, 393, 559, 569, 570, 572, 655; храм К., 393; см. также Великая Матерь
- Киней, греческий философ (расцвет — 280 г. до н.э.), 38, 48
- Кинфия (Цинтия), 275
- Киприан, св. (Тасций Цешилий Киприан), латинский отец Церкви и епископ Карфагенский (200?-258), 651, 661, 665, 666, 699, 705, 714
- «Киропедия», Ксенофонт, 684
- Китс, Джон, английский поэт (1795-1821), 163, 173
- Клавдий, римский род, 31, 45, 171, 191, 225, 282, 399
- Клавдий I (Тиберий Клавдий Друз Нерон Германик), римский император (110 г. до н.э. - 54 г. н.э.), 237, 290, 291-296, 297, 298, 315, 319, 326, 337, 351, 356, 367, 384, 400*, 406, 419, 426, 437, 442, 451, 460, 476, 498, 509, 516, 519, 547, 590, 602
- Клавдий II, (Марк Аврелий Клавдий Готский), римский император (214-270), 678, 686
- Клавдий Региллийский Сабин, Алпий, законодатель (расцвет — 450 г. до н.э.), 33, 39, 83
- Клавдий Слепой (Цек), Алпий, политик и писатель (расцвет — 312 г. до н.э.), 39, 42, 48, 89, 93
- Клавдий, Гай, флотоводец (III в. до н.э.), 55
- Кладния, или Клодия, весталка (III в. до н.э.), 107
- Кладния, первая жена Августа (I в. до н.э.), 250
- «Кларисса Гарлоу», Ричардсон, 685
- Клаузер, Иосиф, еврейский ученый (род. 1874), 605* Клеандр, префект претория (?-190), 489
- Клеандр, греческий философ-стоик (300?-220? гг. до н.э.), 632*
- Клемент Флавий, родственник Домциана (?-95), 314
- Клеопатра VII, царица Египта (69-30 гг. до н.э.), 80, 187, 205-207, 214, 223-228, 249, 258, 268, 360, 377, 381, 559, 579, 678
- Климент Александрийский (Тит Флавий Клемент), отец Церкви и христианский писатель (150?-220?), 606, 661-662, 664
- Климент I, или Климент Римский, римский папа (30?-100?), 636, 665
- Клисфен, афинский государственный деятель (расцвет — 510 г. до н.э.), 23
- Клитий, греческий гонимый, 18
- «Клития», 385
- Клодий Пульхр, Публий, политик (?-52 г. до н.э.), 147, 150, 191-193, 198, 222, 239
- Клодия, жена Гая Цецилия Метелла Целера (I в. до н.э.), 150, 171-173, 191, 256
- Клоринда, 685
- Книга Премудрости Соломоновой, 587, 588, 589, 637
- Книга пророка Даниила, 587, 588-589, 607, 612, 616, 640
- Книги Сивиллы, 74, 106, 257
- Коллатин, Луций Тарквиний, друг Секста Тарквиния (VI в. до н.э.), 24
- Колумб, Христофор, генуэзец, открыватель Америки (1446?-1506), 333, 356, 360, 549
- Колумелла, Луций Юний Модерат, автор трактата по сельскому хозяйству (I в.), 348, 349, 516
- «Комедия ошибок», Шекспир, 113
- Коммод (Луций Аврелий Коммод), римский император (161-192), 234, 241, 353, 361-426, 435, 470-471, 472, 473, 488-490, 551, 669, 671, 680, 698 —
- Константин I Великий (Флavian Валерий Константин), римский император (272-337), 362, 383, 411, 467, 527, 656, 687, 691, 692, 693, 701-712, 714, 717; арка К., 485*; базилика К., 709; термы К., 411
- Констанций I (Флавий Валерий Констанций Хлор), римский император (305-306), 683, 688-689, 693, 700, 701, 703
- Констанция, сестра Константина I, (III-III вв.), 711
- Конфуций, китайский философ (?-551-479 гг. до н.э.), 614
- Коперник, Николай, польский астроном (1473-1543), 548, 549
- Копоний, Гай, сенатор (I в. до н.э.), 222
- Корбулон, Марк Домитий, полководец (расцвет — I в.), 294, 298
- Корв, Марк Валерий, консул и диктатор (расцвет — 350 г. до н.э.), 82
- Корвини, римское семейство, 277
- Корд, Авл Кремуций, историк (?-25), 326
- Кориолан, Гай или Гней Марций, герой (изгнан в 491 г. до н.э.), 45-46
- Корнелии, римский род, 31, 104, 399
- Корнелий, папа Римский (?-253), 666
- Корнелия, вторая жена Цезаря (?-68 г. до н.э.), 186, 187
- Корнелия, мать Грахов (II в. до н.э.), 127, 129, 131
- Корнелия, сестра Грахов и жена Сципиона Эмилиана (II в. до н.э.), 127, 129
- Корнель, Пьер, французский драматург (1606-1684), 326, 453
- Корутаний, Гибрий, консул (расцвет — 280 г. до н.э.), 42
- Коссутия, первая жена Цезаря (I в. до н.э.), 186
- Котта, Аврелий, политический деятель (расцвет — 241 г. до н.э.), 89
- Котта, Луций, друг Цезаря (I в. до н.э.), 215
- Красс Богатый, Марк Лициний, полководец и триумвир (112-53 гг. до н.э.), 140, 145-146, 152-154, 187-195, 197, 211, 212, 237, 337, 577, 579, 672
- Красс, Луций Лициний, оратор (I в. до н.э.), 177
- Кратет из Маллоса, философ-стоик (II в. до н.э.), 108
- Крез, царь Лидии (расцвет — 560 г. до н.э.), 562
- Криспент (Кресцент), товарищ, оставивший апостола Павла (I в.), 638
- Крист, Гай, муж Агриппины младшей (I в.), 295
- Крист, сын Константина I (?-326), 711
- Критолов, греческий философ (II в. до н.э.), 108
- Кришна, 601
- Крон, 73, 636*
- Ксанфо (у Филодема), 556
- Ксенофонт, афинский историк и полководец (435?-355? гг. до н.э.), 147, 566, 684
- Кумская Сивилла, 74, 257-258, 261-262
- Купидон, 276, 387, 388
- Курий, Марк Дентат, герой и консул (расцвет — 275 г. до н.э.), 82
- Куруно, Гай Скрибоний, оратор и консул (?-53 г. до н.э.), 187
- Куруно, Гай Скрибоний, полководец (?-49 г. до н.э.), 148, 187, 200, 202, 395
- Куруций, Марк, легендарный герой, 75
- Л
- Лобеон, Антистий, юрист (?-42 г. до н.э.), 223,
- Лобин, Квинт, военачальник (?-39 г. до н.э.), 225
- Лобин, Тит, политик и солдат (?-45 г. до н.э.), 200, 201, 205, 208, 225
- Лавиния, 20, 261-262
- Лавреол, разбойник (распят — I в.), 421
- Лаза, или Скупая, этруская богиня, 15
- Лаида («Греческая Антология»), 556
- Лактанций Фирмиан, Луций Целлий, латинский отец Церкви, проповедовавший в Африке (260?-325?), 617, 691, 699, 702, 710
- Лалага, 268
- Ламия, Луций Элий, консул и патрон (I г. до н.э. - I в.), 254
- Ламприндий, Элий, латинский историк (начало IV в.), 673, 682
- Лары, 15, 69, 247; Лары Перекрестков (Lares Compitales), 92
- Латин, 261-262
- Левит, 586, 614
- «Лексартет от любви (Remedia amoris)», Овидий, 277
- Лелий Мудрый, Гай (ок. 186-? до н.э.), 109, 114, 115, 120, 128
- Лентул, Гней, сенатор (I в.), 363
- Лентул Баттат, тренер гладиаторов (I в. до н.э.), 152
- Лентул Крус, Луций Корнелий, консул (?-48 г. до н.э.), 200, 201, 240
- Лентул Сура, Публий Корнелий, заговорщик (?-63 г. до н.э.), 144, 158-159, 222
- Лентулы, римское семейство, 87
- Леонардо, см. Винчи, Леонардо да
- Леохар, афинский скульптор (IV в. до н.э.), 383
- Лепид, Марк Эмилиус, консул (?-216 г. до н.э.), 417
- Лепид, Марк Эмилиус, триумвир (?-13 г. до н.э.), 221, 223, 246
- Лессинг, Готхольд Эфраим, немецкий критик и драматург (1729-1781), 113, 601
- Лет, префект преторианской гвардии (расцвет — правление Коммод), 490-491
- Либер, 73, 76
- Либерия, 76
- Ливий (Тит Ливий), историк (59 г. до н.э. - 17), 21, 23, 31, 46*, 58, 63, 71, 83, 102, 107, 126, 245, 254, 272-274, 476, 684, 720
- Ливилла, дочь Антонии и жена Друза (?-34 г. н.э.), 287, 291
- Ливия Орестилла, жена Калигулы (I в.), 289
- Ливия, третья жена Августа (I в. до н.э. - I в. н.э.), 225, 243, 250-252, 285, 287, 291, 308, 323, 382, 384, 388
- Лидия (Гораций), 268
- Лика (Гораций), 268
- Ликсис, 405
- Ликург, спартанский законодатель (IX в. до н.э.), 42, 246

Лиян, епископ Римский (I в.), 665
 Лисий, афинский оратор (450?-380? гг. до н.э.), 108
 Лициниан, сын Лициния и племянник Константина I (?-326), 711
 Лициний (Гай Флавий Валерий Лициниан Лициний) римский император (?-325), 701-703, 704, 706, 711
 Лициний Калва (Столон), Гай, трибун и консул (расцвет — 376-361 гг. до н.э.), 34
 Логин, 604
 Логос, 548, 589, 604, 637, 642, 653, 663, 706
 Лоллий, наместник Британии (I в.), 520
 Лоллия Паулина, жена Калпурния (I в.), 289, 295, 296, 409
 Лонг, греческий софист и романист (III в.), 562, 685, 686
 Лонгин, Гай Кассий, юрист (I в.), 304
 Лонгин, Дионисий Кассий, греческий философ и критик (213?-272), 678, 684
 Лонгин, Луций Кассий, наместник Сирии (?-42 г. до н.э.), 579
 Луаз, Альфред Фирман, французский ориенталист и библист (1857-1940), 602
 Лука, св., евангелист (I в.), 601, 603-620, 624*, 631, 638
 Лукан (Марк Анний Лукан), поэт (39-65), 304, 319, 320, 342, 348, 449, 577, 513
 Лукан, Публий Теренций, сенатор (II в. до н.э.), 113
 Лукан, греческий писатель-сатирик (120?-200?), 71, 96, 323, 328, 336, 468, 531, 533, 538-541, 559, 646, 684
 Лукреций Кар, Тит, поэт (99?-55? гг. до н.э.), 72, 83, 107, 111, 115, 162-171, 180, 246, 255, 259, 262, 263, 264, 266, 279, 321, 332, 686, 716, 720
 Лукреция (у Марциала), 344
 Лукреция, жена Коллатина (VI в. до н.э.), 24, 33
 Лукулл, Луций Лициний, полководец и патрон (?-57? г. до н.э.), 144, 145, 147, 153, 154, 155, 190, 231, 287, 295, 351, 375, 387, 409, 554, 565
 Лукулл, Луций Лициний, проконсул (II в. до н.э.), 100
 Луций (в «Золотом осле» Апулея), 510-511
 Луций Цезарь, внук Августа (?-2), 250, 251, 517
 Луцилий Юниор, наместник и элликурец (I в.), 328, 331
 Луцилий, Гай, сатирик (180-103 гг. до н.э.), 84, 109, 266, 479, 555
 Луцилла, дочь Марка Аврелия (II в.), 467
 Луцилла, сестра Марка Аврелия (II в.), 489
 Людовик XIV, французский король (1638-1715), 279
 Лютер, Мартин, глава немецкой реформации (1483-1546), 640
 Люцина, 71, 258
 Люцифер, 261, 311

M

Ма, 163, 569
 Магон, карфагенянин, автор трактата по сельскому хозяйству, 50, 53, 507
 Магон, карфагенский полководец, брат Ганнибала (конец III в. до н.э.), 57
 Мадонна Лихорадки (La Madonna della Febbre), 86
 Маймонид, иудейский раввин и философ из Испании (1135-1204), 595
 Майя, 70, 77
 Маккавей, см. Хасмонеи
 Маккавей, Иуда, иудейский патриот (расцвет — 167 г. до н.э.), 590
 Маккавей, Симон, царь Иудеи (расцвет — 142 г. до н.э.), 578
 Макрин (Марк Остеллий Север Макрин), римский император (164?-218), 577, 671-672
 Макрина, Целия, миллионерша (II в.), 452
 Максенций (Марк Аврелий Валерий Максенций), римский император (прав. 306-312 гг.), 701-702, 704, 709
 Максим, см. Пупиен
 Максим Тирский, греческий философ (II в.), 466
 Максимин (Марк Аврелий Валерий Максимин Геркулес), римский император (240?-310), 683, 688, 689, 693, 700, 701-702, 711
 Максимилла, монетница (II в.), 653
 Максимин (Гай Юлий Вер Максимин Фракий), римский император (172?-238), 676
 Максимин Дазз, римский император (прав. 308-314), 701-702
 Маллония, покончившая с собой противница Тиберия (I в.), 406
 Маммел, Юлия, дочь Юлии Момы и мать Александра Севера (?-235), 672-676
 Маммона, 373, 646
 Мани из Ктесифона, персидский мистик (215-273), 654
 Манилий, сенатор (II в. до н.э.), 155
 Мания, 15
 Манлин, римский род, 31
 Манлий, Луций, заговорщик (I в. до н.э.), 159, 173
 Манлий, Марк, полководец (?-384 г. до н.э.), 33

Мантус, 15
 Манус (Di Manes), 70
 Мариамна, жена Ирода Великого (конец I в. до н.э.), 582
 Марий, Гай, полководец и консул (157-86 гг. до н.э.), 11, 36, 37, 130, 132-134, 136-140, 143, 159, 163, 177, 186, 188, 430, 496
 Марий, Гай, консул, сын предыдущего (109?-82 гг. до н.э.), 139
 Марин Александрийский, знаменитый хирург (I - II в.), 551
 Мария Магдалина, исцеленная Христом (I в.), 610, 619, 620, 626
 Мария, мать Христа, 572, 606-607, 608, 619
 Мария, тетка Христа, 619
 Мария, мать Иакова, 620
 Марк, галльский гностик (II в.), 653
 Марк, св., евангелист (I в.), 601, 603-620, 625
 Марквард, Иоахим, немецкий собиратель древностей (1812-1882), 399
 Маркион, гностик из Синопы (II в.), 653, 664
 Марс, 20, 70, 72, 74, 77, 93, 212, 231, 379, 387, 424, 523; Марс Ультор (Мститель), 392; храм Марса Ультора, 392, 419
 Марсий, 322
 Марцелл, Варий, отец Элагабала (II в.), 672
 Марцелл, Марк Клавдий, консул и покоритель Сиракуз (268?-208 гг. до н.э.), 61, 63, 94, 105
 Марцелл, Марк Клавдий, консул (?-46 г. до н.э.), 199, 213
 Марцелл, Марк Клавдий, зять Августа (43-23 гг. до н.э.), 239, 250, 260, 392
 Марцелин, папа Римский (прав. 296-304), 700
 Марциал (Марк Валерий Марциал), латинский эпиграммист (40?-102?), 174, 255, 311, 312, 313, 319, 320, 336, 341-344, 348, 374, 375, 401, 405, 406, 407, 416, 421, 425, 438, 443, 449, 479, 482
 Марция, дочь Кремуция Корпа (I в.), 326
 Марция, жена Катона Младшего и Гортензия (I в. до н.э.), 151
 Марция, христианка, любовница Коммода (II в.), 489-490
 Масинисса, царь Нумидии (238-148 гг. до н.э.), 64, 118-119, 120, 132, 183, 507
 «Математический обзор» (*Mathematike Syntaxis*), Птолемей, 549
Materia medica, Dioscorides, 551
 Матер Матута, храм М.М., 373
 Матий, друг Цезаря (I в. до н.э.), 210, 213
 Матон, Ливиец, вождь повстанцев (расцвет — 241-237 гг. до н.э.), 57
 Маттас, голландский библист (I в. до н.э.), 602
 Матфей, св., евангелист и апостол, 601, 603-620
 Медя, 277, 387, 421
 «Медя», 388
 «Медя», Овидий, 276
 «Медя», Сенека, 332
 Медичи, Лоренцо де, флорентийский поэт, меценат и ученый (1448-1492), 146
 Меир, иудейский раввин (II в.), 594
 Мела, Луций Аней, отец Лукула и брат Сенеки (?-65), 304
 Мела, Помпоний, географ (I в.), 333
 Мелеар, греческий эпиграммист (I в. до н.э.), 555-556
 Мелий, Спурий, политик (?-439 г. до н.э.), 33
 Мелькарт, 52, 56, 508
 Мемий, Гай Темелл, политик и литератор (I в. до н.э.), 164, 171, 173
 Мемий, Гай, государственный деятель (?-100 г. до н.э.), 134
 «Мемуары» (*Commentarii*), Сулла, 141
 Менандр, греческий комедиограф (342-291 гг. до н.э.), 112, 115, 359
 «Менекмы», Платон, 113
 Менипп, сирийский философ-киник (расцвет — 2-я половина III в. до н.э.), 321, 555
 Меркурий, 73, 106, 375, 423, 516, 523, 650
 Меса, Юлия, сестра Юлии Домны (?-222), 672-675
 Мессала, Марк Валерий, консул (расцвет — I в. до н.э.), 144
 Мессала, Марк Валерий, консул (I в. до н.э.), 241, 253, 274
 Мессалина, Валерия, жена Клавдия (?-48), 294-295, 326
 Метелл Македонский, Квинт Цецилий, полководец (I в. до н.э.), 149
 Метелл Нумидийский, Квинт Цецилий (расцвет — 100-99 гг. до н.э.), 133
 Метелл Пий Сципион, Квинт Цецилий, полководец (?-46 г. до н.э.), 205, 208, 213
 Метелл Пий, Цецилий (?-63 г. до н.э.), 152
 Метелл Целер, Гай Цецилий, муж Клодии (I в. до н.э.), 150
 Метелл, Луций Цецилий, политик (I в. до н.э.), 202
 Метродор, греческий философ-эпикурец (?-277 г. до н.э.), 148
 Метродора, женщина-врач из Александрии (I в.), 551
 Метронакт, философ (I в.), 328

- Мефитис, 86
«Механика», Герон, 550
Меленат, Гай Цильний, государственный деятель и патрон (?-8 в. до н.э.), 232, 235, 239, 245, 254, 258, 260, 265, 267, 271, 275, 302, 496
Милль, Джон Стюарт, английский философ (1806-1873), 657
Милон Пантикий, Тит Анний, политик (?-48 г. до н.э.), 177, 188, 192, 198-199, 203, 206, 207
Милон, военачальник Пизра, 48
Милтон, Джон, английский поэт (1608-1674), 264, 720
Минерва, 72, 93, 94, 336, 392; М. Паллада, 72; храм М., 85; см. также Афина Паллада
Минервина, первая жена Константина I (IV в.), 711
Минос, 306
Минотавр, 388
Минуций Феликс, латинский христианский писатель (II в.), 659-660
Минуций Руф, Марк, диктатор (расцвет — 216 г. до н.э.), 61
Минуций, Квинт, проконсул (II в. до н.э.), 100
Мир (Рак), богиня, 309, 380, 381-382; храм М., 309
Мирон, греческий скульптор (расцвет — ок. 450 г. до н.э.), 371, 393
Миртала, 268
Мирза, 302, 426, 569-570, 578, 588, 601, 647, 649*, 655, 687, 702
Митридат I, царь Понта (расцвет — ок. 302 г. до н.э.), 563
Митридат VI Великий, царь Понта (132?-63 гг. до н.э.), 136, 138-139, 147, 155, 207, 381, 526, 553, 563-566, 576
Михаил, архангел, 640
Микеланджело (Буонаротти), итальянский художник (1475-1564), 12, 390, 484, 683
Минстер, танцор (I в.), 294
Моисей, 583, 615, 620, 625, 631, 634
Мольер (Жан Батист Поклен), французский драматург (1622-1673), 113
Моммзен (Христиан Маттис) Теодор, немецкий историк (1817-1903), 59, 100, 193, 197, 287, 472*, 518
Монтан, фригийский ересьяк (расцвет — ок. 156 г.), 653
Монтень, Мишель де, французский философ и эссеист (1533-1592), 328, 332, 481, 510, 528
Moralia, Плутарх, 528, 529-530
Муза, Антоний, врач (конец I в. до н.э.), 248, 338
Музы, 166, 268, 556, 658
Мумий Ахайский, Луций, полководец (II в.), 99, 322
Муратори, Людовико Антонио, итальянский археолог (1672-1750), 664
Мурена, Луций Лициний, пропретор в Азии (расцвет — 83-81 гг. до н.э.), 565
Муриан, Лициний, полководец и историк (I в.), 335

Н

- Набер, голландский библист, 602
Навуходоносор II, царь Вавилона (прав. 605-562 гг. до н.э.), 50
Наполеон I (Бонапарт), французский император (1769-1821), 453, 456, 528, 601, 719
Наринс, секретарь Клавдия (?-54 г.), 292-296
«Начала» (Origines), Катон, 117, 176
Невий, Гней, драматург и поэт (?-202 г. до н.э.), 85, 111, 171, 262
Непот, Корнелий, историк и биограф (100-29 гг. до н.э.), 162, 176, 178
Непту, 70, 73
Нерва (Марк Кокций Нерва), римский император (32-98), 331, 400*, 407, 448-449, 465, 475, 476, 567, 594, 681; Нерва, 448, 484
Нерон (Нерон Клавдий Цезарь Друз Германик. Ранее — Луций Домитий Агенобарб), римский император (37-68), 67, 79, 92, 105, 285*, 295, 296-306, 307, 308, 311, 314, 315, 319, 320, 323, 325, 326, 327, 328, 329, 331, 353, 356*, 361, 365, 367, 372, 378, 381, 384-385, 386, 393, 395, 398, 401, 406, 407, 410, 411, 415, 417, 421, 424, 437, 459, 476, 485, 498, 523, 526, 527, 529, 534, 536, 570, 576, 602, 624, 627, 635, 639, 640, 652, 680, 695, 696, 716; термы (бани) Н., 394, 411; цирк Н., 627
Нерон, сын Агриппины Старшей (I в.), 285, 287
Нерон, Тиберий Клавдий, нобиль, отец Тиберия (I в. до н.э.), 225
Незра, 268
Нейбу, Бартольд Георг, немецкий историк и филолог (1776-1831), 24*, 431
Нигрин, полководец Траяна (?-118), 455
Никсий («Греческая Антония»), 556
Никодим, фарисей (I в.), 616
Николай Дамасский, греческий историк (I в. до н.э.), 559, 580, 582
Никомед II Эпифан, царь Вифинии (прав. 142-91 гг. до н.э.), 134, 564

- Никомед III Филопатор, царь Вифинии (прав. 91-74 гг. до н.э.), 186, 564-565
Нише, Фридрих Вильгельм, немецкий философ (1844-1900), 7, 117
Новат, Марк Анней (Галлион), наместник (?-65), 305, 513, 633
Новат, христианский схизматик (III в.), 666
Новатин, христианский схизматик (III в.), 666
Новый Завет, 601-643, 650, 651, 653, 664
«Ночное празднество в честь Венеры» (Pervigilium Veneris), 686
«Нравственные письма» (Epistolae morales), Сенека, 328
Нуна Помпидий, второй царь Рима (VIII-VII вв. до н.э.), 21-22, 77, 91, 186*
Нумитор, легендарный царь Лация (VIII в. до н.э.), 20
Ньюман, Джон Генри, кардинал, английский писатель (1801-1890), 537

О

- «О безмятежности духа» (De tranquillitate animi), Сенека, 327
«О благоденствии», Сенека, 327
«О блаженной жизни», Сенека, 327
«О водах города Рима» (Фронтин), 358
«О возвышенном» (Peri Hypnoses), Лонгин, 684
«О гневном», Сенека, 327
«О государстве» (De re publica), Цицерон, 180*, 181
«О дивинации» (De divinatione), Цицерон, 180*
«О добродетели» (De virtutibus), Цицерон, 180*
«О душе» (De anima), Тертуллиан, 661
«О единстве вселенской Церкви», (De catholicae ecclesiae Unitate), св. Киприан, 666
«О законах» (De legibus), Цицерон, 155, 180*
«О зрелищах» (De spectaculis), Тертуллиан, 660
«О краткости жизни», Сенека, 327
«О латинском языке», Варрон, 176
«О медицине» (De medicina), Целсус, 338
«О местоположении и происхождении германцев», Тацит, 434
«О милосердии» (De clementia), Сенека, 327
«О музыке» (De musica), Варрон, 415
«О началах» (Peri archon), Орген, 662
«О пределах...» (De finibus), Цицерон, 180*
«О природе» (Peri physion), 164
«О природе богов» (De natura deorum), Цицерон, 180*
«О природе вещей» (De rerum natura), Лукреций, 162-171, 176
«О providении», Сенека, 327
«О сельской жизни» (De re rustica), Варрон, 176
«О сельском хозяйстве» (De agri cultura), Катон Старший, 116-117
«О сельском хозяйстве» (De re rustica), Колумелла, 348
«О славе» (De gloria), Цицерон, 180*
«О смерти гонителей» (De moribus persecutorum), Лактанций, 710
«О старости» (De senectute), Цицерон, 120, 180*
«О постоянстве мудреца», Сенека, 327
«О судьбе» (De fato), Цицерон, 180*
«Об аналогичности», Цезарь, 178
«Об архитектуре», Витрувий, 390
«Об Индии» (Indica), Ариана, 566
«Об обязанностях» (De officiis), Цицерон, 180*, 182
«Об обязанностях», Панетий, 109
«Об Океане», Посидоний, 561
«Об утешении» (De consolatione), Цицерон, 180*
«Об уходе за волосами», Доминиан, 311
Овидий (Публий Овидий Назон), поэт (43 г. до н.э.—17 г. н.э.), 72, 79, 170, 171, 245, 246, 249, 252, 255, 256, 266, 274, 275-280, 326, 363, 365, 404, 405, 408, 425, 444, 497
Оденат, правитель Пальмиры (?-265), 678
Одиссей, 261, 387
«Одиссея», 85, 264
Одоакр, первый варварский правитель Италии (434?-493), 719
«Оды», Гораций, 235, 267-270, 271
Октавиан, см. Август
Октавий, Гай, см. Август
Октавий, Гней, консул (?-87 г. до н.э.), 138
Октавий, Марк, трибун (II в. до н.э.), 128
«Октавий», Минуций Феликс, 659
Октавия, жена Нерона (40-62), 296, 299, 302
Октавия, сестра Августа (?-11 г. до н.э.), 197, 225, 228, 250, 260, 291, 297, 302, 406
Оптий, Гай, друг Цезаря (I в. до н.э.), 210
Оптий, Гай, трибун (расцвет — конец III в. до н.э.), 102
«Опровержение всех ересей», Ипполит, 666
Оте, 73; храм Оте, 220
«Оптика», Птолемей, 549
Орест, 301

Орест, паннонский полководец (?-476), 719
 Оринген (Оринген Адамантий), христианский учитель из Александрии (185?-254?), 627, 639, 655-656, 659, 661-663, 664, 666, 674, 696, 706, 710
 Орк, 95
 Орфей, 107, 277, 421, 674
 «Освобожденный Иерусалим», Тассо, 685
 Осирис, 511, 569, 601, 636
 Осия, 614
 «От Иисуса до Павла» (*From Jesus to Paul, Klausner*), 605
 «Отцы» (*Reformers*), Папиниан, 682
 Открытие св. Иоанна Богослова, 640-642, 664
 Отон (Марк Савиний Отон), римский император (32-69), 299, 306-307, 426
 «Отыскание», Сенека, см. «Апоколокинтосис»

П

Павел Македонский, Луций Эмилиий, полководец (229-169 гг. до н.э.), 99, 105, 109, 114
 Павел Отшельник, египетский монах (III-IV вв.), 705
 Павел Самосатский, сирийский ересьяк (II в.), 654
 Павел, Луций Эмилиий, консул и полководец (?-216 г. до н.э.), 61, 99, 105
 Павел, св. (Савл), апостол язычников (107-64?), 293, 305, 355, 444, 513, 537, 559, 561, 603, 607, 615**, 617*, 6246 625, 627, 628-640, 653, 695
 Павел, Юлий, правовед (II-III вв.), 431, 670, 682
 Павсаний, греческий путешественник и топограф (II в.), 354
 Павсаний, греческий софист (II в.), 552
 Павс, Этторе, итальянский историк (рожд. 1856), 23**
 Пакувий, Марк, трагик (220-130 гг. до н.э.), 111
 Палес, 70
 Палладио, Андреа, итальянский архитектор (1518-1580), 390
 Паллант, казначей Клавдия (I в.), 292-296, 590
 Пальма, Авл Корнелий, полководец Траяна (?-118), 710
 Памфил, епископ Цезареи (?-310), 710
 Пан, 260, 387
 «Панетир», Плиний Младший, 450, 475, 481
 Панетий Родосский, философ-стоик (ок. 180-ок. 110 гг. до н.э.), 109-110, 180, 534, 560
 Панса, Гай Вибий, консул (?-43 г. до н.э.), 221
 Пантэриэль, 323
 Панфея, антиохийская красавица (II в.), 468
 Папиус, епископ Гираполя и писатель (II в.), 603-604, 640
 Папиниан (Эмилиий Папиниан), правовед (?-212), 431, 556, 670, 682
 Парс, Амбруаз, основоположник французской хирургии (1517-1590), 551
 Парис, 301, 531, 563
 Парис, знаменитый актер пантомимы (расцвет — I в.), 479
 Парменида из Элеи, греческий философ (VI в. до н.э.), 498
 Парфений, римский вольноотпущенник (I в.), 342
 Пастель, греческий художник в Риме (расцвет — 60-30 гг. до н.э.), 383
 Пасифа, 306, 386, 421
 «Пастырь Гермы», 647
 Патрокл, 417
 Паули, Август, немецкий филолог-классик (1796-1845), 550*
 Паулин, Гай Светоний, наместник и полководец (I в.), 294, 519
 Паулина, Помпея, жена Сенеки (I в.), 325, 331, 406
 Паулулс, Генрих Эберхард Готтлоб, немецкий протестантский богослов (1761-1851), 601
 Пафнутий, египетский епископ Верюних Фив (IV в.), 708**
 Пахомий, св., египетский основатель первого монастыря (?-292-346?), 705
 Педаний Секунд, префект (I в.), 401, 436
 Педий Квинт, живописец (расцвет — правление Августа), 386
 «Пелей и Фетида», Катулл, 174
 Пелей, 174
 Пенаты, 15, 69
 Пенелопа, 277
 Пенфей, 197, 579
 Пера, Брут, аристократ (?-264 г. до н.э.), 417
 Первое послание св. апостола Павла к Коринфянам, 602, 635*, 637, 638
 Первое послание св. апостола Павла к Фессалоникийцам, 635*
 Первое соборное послание св. апостола Петра, 624, 626-627
 Перегрин, греческий философ-киник (?-165), 533-534
 Переннис, префект преторианской гвардии (?-185), 489
 Перилл, афинский государственный деятель (495?-429 гг. до н.э.), 234, 385, 406, 469, 484;
 «Перилл Эритрейского моря», 356
 Перпенна (или Перперна) Вентон, Марк, полководец (?-72 г. до н.э.), 152

Перпетуя, карфагенская христианская мученица (?-203), 698
 Персей, 277
 Персей, последний царь Македонии (прав. 178-168 гг. до н.э.), 99, 101, 109
 Персесфода, 571; храм П., 563
 Персий Флакк, Авл, поэт-сатирик (34-62), 479
 «Персик и Сигизмунд», Севастос, 683
 Пертинакс (Публий Гальвий Пертинакс), римский император (?-193), 364, 669, 681, 715, 717
 Пет, Цейкина, аристократ (?-42), 406
 Пета, Ария, жена Цейкина Пета (I в.), 406
 Петр, св., называемый также Симоном или Симоном Петром, апостол (?-64?), 444, 603, 605, 611, 616, 624-627, 630-631, 635, 639, 640, 665, 666, 695
 Петрарка, Франческо, итальянский поэт (1304-1374), 332
 Петроний Арибур, Гай, писатель (?-66), 71, 267*, 298, 304, 319, 320-323, 336, 342, 348, 364, 367, 381, 398, 403, 441, 477, 510, 684, 685
 Пизон, Гай Кальпурний, заговорщик (?-65), 289, 304, 320, 331, 342, 406
 Пизон, Гней Кальпурний, наместник (?-20), 284
 Пизон, Луций Кальпурний, политик и наместник (I в. до н.э.), 178, 191, 193
 Пизоны, 270
 Пил, сэр Роберт, английский государственный деятель (1788-1850), 353
 Пилад из Коликии, актер пантомимы (конец I в. до н.э.), 414
 Пилат, Понтий, прокуратор Иудеи (I в.), 303, 618-619
 Пирам, 277
 Пирр, царь Эпира (318-272 гг. до н.э.), 38, 39, 48, 82, 105, 110, 117
 Пирра, 268
 Пиррон, греческий философ (365-275 гг. до н.э.), 538, 540
 Пирсон, голландский библист, 602
 «Пирруские софисты», см. «Дейлоссофисты»
 Писистрат, афинский тиран (605-527 гг. до н.э.), 459
 «Письма с Понта» (*Ex Ponto*), Овидий, 279
 Пифагор, греческий философ (расцвет — 540-510 гг. до н.э.), 110, 182, 267, 426, 541, 553, 571, 656, 657*
 Пифей, греческий мореплавателя (расцвет — ок. 350 г. до н.э.), 519
 Плавт, Тит Макций, комедиограф (ок. 254-184 гг. до н.э.), 15, 76, 81, 103, 106, 111, 112-113, 114, 255, 497
 Плавк, Луций Мунаций, наместник (I в. до н.э.), 254
 Плавиниан, префект преторианской гвардии (III в.), 715
 Платон, греческий философ (427-347 гг. до н.э.), 83, 108, 151, 181, 182, 199, 214, 228, 264, 328, 425, 467, 529, 530, 534, 541, 547, 548, 656, 658, 659, 682, 706
 Плиний Младший (Гай Плиний Цезилий Секунд), писатель и оратор (61-114?), 273, 311, 319, 333, 336, 339, 341, 344, 349, 377, 403, 407, 442, 452, 475, 477, 478, 479, 481-483, 496, 506, 566, 567, 602, 648, 696
 Плиний Старший (Гай Плиний Секунд), натуралист и энциклопедист (23-79), 11, 19, 71, 292, 319, 333-336, 339, 348, 349, 355, 357, 358, 368, 381, 409, 481, 495, 498, 499, 516, 553, 562
 Плотин, неоплатоник из Египта (203-270?), 541, 547, 561, 656-659, 662, 663, 684, 706
 Плотина, Помпея, жена Траяна (I - II вв.), 450, 455, 484
 Плутарх, греческий биограф (46?-120?), 52, 83, 98, 127, 134, 139, 140, 141, 152, 204, 214, 215*, 328, 354, 402, 443, 465, 506, 527-530, 531, 541, 593
 Плутон, 73, 95-96
 «Пневматика», Герон, 550
 Поджо Браччолини, Джан Франческо, итальянский ученый (1380-1459), 171
 Полемон, Антоний, греческий софист и ритор (II в.), 562
 Полибий, греческий историк (204?-122? гг. до н.э.), 11, 35, 44, 46, 52, 53, 57, 62, 82, 102, 106, 109, 176, 272, 561, 566, 567
 Полигност, греческий живописец (расцвет — 465 г. до н.э.), 386
 Поликарп, св., епископ Смирнский, мученик (69?-155), 636, 665, 697
 Поликлет, греческий скульптор (расцвет — 452-412 гг. до н.э.), 109, 384, 389
 Политта, самоубийца (правление Нерона), 406
 Поллион, Азиний, оратор, поэт и историк (76 г. до н.э.-4 г. н.э.), 175, 177, 257
 Поллион, Веллий, друг Августа (?-15 г. до н.э.), 412
 Поллукс, 45, 73
 «Поль и Виргиния», Сен-Пьер, 685
 Польш-Лун, 690
 Помона, 70
 Помпей Великий (Гней Помпей Магн), полководец и триумфатор (106-48 гг. до н.э.), 139, 143, 144, 145, 147, 148, 149, 151, 152, 153-155, 180, 187, 189-205, 207, 213, 215, 216, 219,

- 231, 232, 234, 301, 315, 320, 373, 381, 383, 394, 400, 409, 430, 460, 490, 526, 554, 563, 565, 570, 576, 578-579, 680
 Помпей, Секст (Секст Помпей Магн), полководец (?-35 г. до н.э.), 207, 213, 224-225, 240, 258
 Помпея, третья жена Цезаря (I в. до н.э.), 187, 191, 192
 Помпоний, римский род, 277
 Поппилий, см. Ленат, Гай Поппилий,
 Поплея, см. Сабина, Поплея,
 Порсенна, Ларс, главный магистрат Клузия (VI в. до н.э.), 25, 45
 Портленд, третий герцоги Портлендский, Генри Кавендиш-Бентинк (1738-1809), 380**
 Портленд, шестой герцоги Портлендский, Джон Кавендиш-Бентинк (1857-1943), 380**
 «Портреты», (*Imagines*), Варрон, 175
 Порфирий, сирийский неоплатоник (233-304?), 656, 684
 Порция, (в «Венецианском купце»), 327
 Порция, жена Брута (I в. до н.э.), 214, 215
 Посейдон, 73, 546
 Посидоний, греческий философ-стоик (135?-51 гг. до н.э.), 156, 180, 332, 514, 515, 534, 549, 567, 560-561,
 Послание ап. Павла к Филиппийцам, 635*, 638
 Послание ап. Павла к Галатам, 602, 617*, 633, 635*
 Послание ап. Павла к Филемону, 635*
 Послание ап. Павла к Эфессянам, 635*
 Послание ап. Павла к Римлянам, 602, 635*
 Послания ап. Иоанна, 605, 624*, 640
 «Послания», Гораций, 269-270
 Постум, у Горация, 271
 Постум, у Ювенала, 480
 Постум, узурпатор в Галлии (прав. 258-267), 677, 687
 Постумий, Ади, диктатор (496 г. до н.э.), 45
 «Потерянный рай», Милтон, 264
 Потин, актиры Птолемея XII (I в. до н.э.), 205, 206
 Потин, епископ Лионский (87-177), 697, 698
 Поуп, Александр, английский поэт (1688-1744), 270*, 720
 «Правдивое слово», Цельс, 655
 Праксель, греческий скульптор (385-ок.320 г. до н.э.), 109, 371, 389, 502
 Приам, 20
 Приап, 71, 276, 388
 «Приапел», 405
 Приск, Гельвий, философ-стоик (I в.), 301, 304, 308, 407, 466, 482
 Приск, Марий, наместник Африки (I - II вв.), 482
 Присцилла, монетница (II в.), 653
 «Притягатель для лица» (*De medicamina faciei femineae*), Овидий, 277
 Проб (Марк Аврелий Проб), римский император (прав. 276-283), 687-688, 714
 Продик, греческий философ (V в. до н.э.), 531
 Прозерпина, 96; Похищение Прозерпины, 277
 «Прометей освобожденный», Шелли, 683
 Проперций, Секст, поэт (49-15 гг. до н.э.), 171, 254, 256, 274, 275, 497
 «Похвала Нерону», Лукан, 320
 Притч, 587
 Протагор, греческий философ (481?-411 гг. до н.э.), 538
 «Против Алкиона», Иосиф Флавий, 547, 593
 «Против Катилины» (Цицерон), 157
 «Против Пизона» (*In Pisonem*), Цицерон, 178
 «Против Цельсы» (*Contra Celsum*), Ориген, 655, 663
 Протоген, греческий живописец (расцвет — 330-300 гг. до н.э.), 371, 386, 389
 Псалмы Соломоновы, 587
 Психея, 388, 511
 Птолемей, 205, 228, 247, 377, 544, 546, 679*, 689
 Птолемей VI Филометор, царь Египта (181-146 гг. до н.э.), 205
 Птолемей XI Август, или Новый Дионис, царь Египта (прав. 80-51 гг. до н.э.), 205
 Птолемей XII, царь Египта (прав. 51-47 гг. до н.э.), 205
 Птолемей XIII, царь Египта (прав. 47-43 гг. до н.э.), 206, 207
 Птолемей, Клавдий, греко-египетский астроном, географ и геометр (расцвет — 127-151 гг.), 548-549, 553
 Публикола (Публикола), Публий Валерий, консул (?-503 г. до н.э.), 24
 Публиция, жена Цицерона (I в. до н.э.), 179
 Пуччинелло (Панч), 85
 Пупин (Марк Клодий Пупин Максим), римский император (?-238), 676-677
 Пуссен, Никола, французский живописец (1594-1665), 387
 «Размышления», Марк Аврелий, 465-466, 470, 471, 484, 485-488, 491
 «Разрозненные заметки» (*Stromata*), Ориген, 662
 Раймар, Герман Самуил, немецкий ученый (1694-1768), 601; *Иоганнелий Fragmenten*, 601
 Расин, Жан Батист, французский драматург (1639-1699), 326, 453
 Регул, Марк Атилиус, полководец (?-ок. 250 г. до н.э.), 54-55, 202
 Регул (у Плиния), 479
 Реми, брат Ромула (VIII в. до н.э.), 20, 93, 262
 Рембранд ван Рейн, голландский художник (1606-1669), 389
 Реман, Эрнст, французский востоковед и критик (1823-1892), 465, 602, 604
 Рея Сильвия, мать Ромула и Рема (VIII в. до н.э.), 20
 Рид, Джеймс Смит, английский филолог-классик (1846-1926), 714
 Ричардсон, Сэмюэл, английский романист (1689-1761), 685
 Робертсон, Джон Макинтош, британский журналист и ученый (1856-1933), 602
 Ролан де ла Плате, Мари Жанна, жироидистка (1754-1793), 528
 Рома, 417, 424, 426
 Ромео, 276
 Ромул Августул (Флавий Моммил Ромул Августул), римский император (?-476), 719
 Ромул, первый царь Рима (VIII в. до н.э.), 12, 20, 21, 23**, 26, 31, 93, 134, 151, 160, 254, 262, 393, 684
 Ростовцев, Михаил, американский историк (род. 1870), 690
 Россий Галл, Квинт, комедиант (?-62 г. до н.э.), 177, 414
 Ротшильд, Мейер Ансельм, банкир (1734-1812), 146
 Рубенс, Петер Павел, фламандский живописец (1577-1640), 389
 «Руины империи», Вольтер, 601
 Руссо, Жан-Жак, французский философ (1712-1778), 169, 482
 Рустик, Квинт Юлий, философ-стоик (II в.), 466
 Руф Эфесский, греческий врач (расцвет — 117 г.), 551
 Руф, Виргиний, наместник и опекун Плиния Младшего (14-87), 481
 Руф, Юлионий, философ-стоик (I в.), 304, 325, 534, 567
 Руф, Цезетий, проскрибированный Антонием (?-43 г. до н.э.), 222
 Сабидий, 343
 Сабин, Поппей, лицо, обвинявшееся в заговоре (?-27), 287
 Сабина, Вивия, жена Адриана (?-138), 455, 460, 484, 672
 Сабина, Поппея, жена Нерона (?-65), 299, 302, 304, 401, 408
 Садок (Цадох), основатель движения саддукеев, 584
 Саккас, Амоний, Александрийский неоплатоник (III в.), 656, 662
 Саллюстий (Гай Саллюстий Крисп), историк (86-35 гг. до н.э.), 53, 137, 157-159, 162, 176-177, 208, 254, 373, 478, 497, 605
 Салманасар III, царь Ассирии (прав. 859-824 гг. до н.э.), 50
 Саломея Александра, царица Иудеи (прав. 78-69 гг. до н.э.), 578
 Саломея, дочь Иродиады (I в.), 608
 Саломея, женщина, явившаяся ко гробу Христа, 620
 Сальвий, вождь восстания рабов (конец II в. до н.э.), 135
 Шошьянт, см. Митра
 Сафо, греческая поэтесса (VII в. до н.э.), 172, 174, 268, 277
 Сасаниды, 578, 676, 689
 Сатана, 570, 637, 639, 640, 643, 654, 662, 710
 «Сатириконе», Петроний, 320-323, 510
 «Сатиры», Гораций, 266, 269
 Сатурн, 70, 72, 73, 77, 225, 245, 257, 392, 546; храм С., 374, 392
 Сатурний, Антонин, наместник (I в.), 313, 314
 Сатурний, Гай Сентий, наместник Сирии (I в. до н.э.), 606
 Сатурний, Луций Аппулей, радикальный политический деятель (?-100 г. до н.э.), 134, 565
 Сатурний, Помпей, друг Плиния Младшего (I-II вв.), 482
 «Саскрово» (*Nesural*), Теренций, 114
 Светоний Транквилл, Гай, историк (70?-121?), 186, 206, 216, 232, 235, 238, 241, 248, 284, 286, 289, 290, 295, 298, 303*, 305, 308, 309, 315, 384, 455, 483, 602
 Свифт, Джонатан, английский сатирик (1667-1745), 720
 «Священная история», Энгемер, 110
 Север (Флавий Валерий Север), римский император (?-307), 701
 Секст Херонейский, греческий философ-стоик (II в.), 466
 Секст Эмпирик, греческий философ (конец II в.), 538-539
 Секстий, Луций, трибун и консул (расцвет — 376-366 гг. до н.э.), 34
 Селев IV Филопатор, царь Сирии (187-175 гг. до н.э.), 99

Селевкиды, 553, 557, 576-578, 583
 Сен-Пьер, Жак Анри Бернардин де, французский романист (1737-1814), 685
 Сенека, Луций Анней, философ-стоик (47 г. до н.э. - 65), 107, 110, 170, 260, 283, 290, 296, 297-301, 304, 319, 320, 323, 324, 325-332, 333, 336, 341, 342, 348, 354, 364, 365, 366, 371, 377, 384, 385, 398, 402, 405, 406, 412, 415, 416, 423, 424, 449, 477, 478, 480, 499, 512, 513, 522, 720
 Сенека, Марк Анней, ритор (I в. до н.э.), 319, 320, 325, 405, 415
 Септимий Север (Луций Септимий Север), римский император (146-211), 361, 367, 508, 669-671, 676, 679*, 680, 681, 682, 683, 698, 715, 718; арка С.С., 671, 683
 Септуагинта, 588*, 662
 Серапис, 683; храм С. (Рим), 312, 635; храм С. (Серапейон), 546
 Сервантес Сааведра, Мигель де, испанский писатель (1547-1616), 685
 Сервий Туллий, шестой царь Рима (VI в. до н.э.), 23, 373
 Сервилия, любовница Цезаря и мать Брута (I в. до н.э.), 187, 214
 Серторий, Квинт, полководец (?-72 г. до н.э.), 151-152
 Сеян, Луций Элий, префект преторианской гвардии (?-31), 286-287, 400*, 489
 Сидоний, см. Апполиниарий Сидоний
 Сикст II, папа Римский (257-258), 699
 Сила, товарищ св. апостола Павла (I в.), 632
 Силан, Марк Юний, отравленный Агриппиной (14-54), 296
 Силан, сенатор (I в. до н.э.), 159
 Силий, Гай, любовник Мессалины (?-48), 295
 Сильван, 70, 259
 Сильвестр I, папа Римский (прав. 314-315), 707
 Симеон (Новый Завет), 589
 Симеон, египетско-иерусалимский, мученик (?-107), 697
 Симмах, переводчик Библии из Самарии (вторая половина II в.), 662
 Симон Маг, колдун из Самарии (I в.), 626, 653
 Симон, брат Христа, 606
 Сирах, 587
 Сирон Эпикуреец, неаполитанский философ (I в. до н.э.), 257
 Скавр, Марк Эмилиус, полководец и наместник (I в. до н.э.), 148, 365, 526
 Скалигер, Иосиф Юст, французский критик и ученый (1540-1609), 326
 Скопас, греческий скульптор (400-ок. 340 г. до н.э.), 109, 384, 393
 «Скорбные элэгиты» (*Tristitia*), Овидий, 278-279
 Скрибония, вторая жена Августа (I в. до н.э.), 225, 250
 Сюверни, Мадлен де, французская писательница (1607-1701), 685
 Смит, Уильям Бенджамин, американский педагог (1850-1934), 602
 Соборное послание Иакова, 649, 664
 Согласие (*Concordia*), 393; храм С., 34, 393
 Сократ, афинский философ (469-399 гг. до н.э.), 117, 279, 331, 536, 605
 Сократ, брат Никомеда III (I в. до н.э.), 564
 Салице, 557; храм С., 558, 687
 Соломон, царь Израиля (прав. 974-937 гг. до н.э.), 578
 Солон, афинский законодатель (638?-559? гг. до н.э.), 42, 95, 431, 446
 «Сон Сципиона», Цицерон, 181
 Соран Эфесский, греческий автор трактатов по медицине (расцвет — 98-138), 551
 Сотии, пифагореец (I в.), 325
 Созимия, Юлия, дочь Юлии Мессы и мать Элагабала (?-222), 672-674
 Спартак, вождь восстания рабов (?-71 г. до н.э.), 151-153
 Спартиан, Элий, биограф (IV в.), 455, 456, 460
 Спенций, кампанский раб, вождь повстанцев (расцвет — 241-237 гг. до н.э.), 57
 Спенсер, Эдмунд, английский поэт (1552?-1599), 279
 Спинуза, Барух, голландский еврейский философ (1632-1677), 629
 Спинтер, Публий, сенатор (I в.), 362
 Спор, юноша — супруга Нерона (I в.), 304
 Справедливость, см. Астрейя
 Спуринна Вестриция, прорицатель (I в. до н.э.), 215
 «Сравнительные жизнеописания», Плутарх, 528
 Стаций, Публий Панийн, поэт (ок. 61-ок.96), 311, 313, 319, 341, 342, 343, 366, 406, 498
 Стеркул, 70
 Стертиний, Квинт, врач (I в.), 337
 Стефан I, папа Римский (прав. 254-257 гг.), 666
 Стефан, первый христианский мученик (?-30?), 629

Стил, сэр Ричард, английский эссеист и драматург (1672-1729), 328
 Стихион, полководец (?-408), 392
 Страбон из Сард, греческий составитель антологии *Musa poidike*, (расцвет — 50 г. до н.э.), 555*
 Страбон, греческий географ (63 г. до н.э. - 24 г. н.э.), 350, 360, 381, 465, 497, 512, 514, 520, 522, 527, 560, 561, 562, 566-567, 593
 «Стратегемы», Фронтин, 358
 Сулий, Публий, доносчик (I в.), 327
 Сулла, Луций Корнелий (Сципилиан), диктатор (138-78 гг. до н.э.), 41, 104, 105, 133, 136-141, 143, 145, 146, 147, 149, 153, 154, 155, 186, 187, 188, 207, 213, 231, 430, 490, 499, 527, 565
 Суллийский Руф, Публий, оратор (124-88 гг. до н.э.), 136, 137-138, 177
 Сульпиция, поэтесса (I в. до н.э.), 406
 Сура, Луций Лициний, юристocrat (I-II вв.), 449
 Сурена, парфянский полководец (расцвет — 54 г. до н.э.), 577
 Сусанна, 587
 «Схождение», 264
 Сцевола, Гай Муций, герой (VI в. до н.э.), 421
 Сцевола, Квинт Муций, правовед (?-82 г. до н.э.), 430, 446
 Сцевола, Квинт Муций, правовед (II-I в. до н.э.), 156, 176, 430, 446
 Сцевола, Публий Муций, государственный деятель и правовед (расцвет — вторая половина II в. до н.э.), 430
 Сципион Азиатский, Луций Корнелий, полководец (расцвет — 190 г. до н.э.), 99, 104, 117, 127
 Сципион Африканский Старший, Публий Корнелий, полководец (234-183 гг. до н.э.), 60, 61-65, 68, 94, 98, 99, 104, 107, 109, 110, 117, 127, 464
 Сципион Африканский, Публий Корнелий, сын Сципиона Африканского Старшего (II в. до н.э.), 109
 Сципион Назика Коркул, Публий Корнелий (расцвет — 158 г. до н.э.), 77
 Сципион Назика Серапион, Публий Корнелий, сенатор (расцвет — 133 г. до н.э.), 129
 Сципион Эмилиан Африканский Младший, Публий Корнелий, полководец (ок.185-129 гг. до н.э.), 52, 68, 100, 104, 109, 114, 119-120, 415, 534
 Сципион, Кальп Гней Корнелий, полководец (?-211 г. до н.э.), 60, 63
 Сципион, Публий Корнелий, полководец, отец Сципиона Африканского Старшего (?-211 г. до н.э.), 60, 63, 104
 Сципионы, патрицианское семейство, 98, 99, 407, 512
 Счастье, 70

Т

Тавифа, воскрешенная Петром (I в.), 626
 Тавр, Стаций, полководец (конец I в. до н.э.), 395
 Талейран-Перигор, Шарль Морис де, принц де Беневетт, французский государственный деятель (1754-1838), 213
 Талл, секретарь Августа, 249
 Талл, языческий автор, упоминающий Христа (I в.), 603
 Талмуд, 595, 596, 602, 628, 654
 Тамиз, 569
 Танаквил, жена Тарквиния Древнего (VI в. до н.э.), 15, 23
 Танит, 52, 53
 Тантал, 266
 Тарквиний Гордый (Луций Тарквиний Суперб), седьмой царь Рима (VI в. до н.э.), 23-25
 Тарквиний Древний (Луций Тарквиний Приск), пятый царь Рима (VII-VII в. до н.э.), 15, 23, 26, 94, 392
 Тарквиний, Секст, сын Тарквиния Гордого (VI в. до н.э.), 24
 Тарпей, дочь начальника крепости (VIII в. до н.э.), 21
 Тассо, Торквато, итальянский поэт (1544-1595), 279, 685, 720
 Ташит, Тит, царь сабинов (VIII в. до н.э.), 21
 Ташит (Марк Клавдий Ташит), римский император (ок.200-276), 687
 Ташит, Гай Корнелий, историк (ок.55-ок.120), 23***, 177, 245, 284-287, 290, 295, 298, 299, 302, 303, 307, 311, 314, 315, 319, 320, 327, 331, 339, 341, 351, 401, 423, 475-479, 481, 482, 483, 489, 506, 519, 521-522, 523, 590, 592, 593, 602, 605, 619, 660, 684, 687, 720
 Ташит, Корнелий, прокуратор и отец историка (I в.), 475
 Тезей, 388
 Телеф, 388
 Теллус (Терра Матер), 70, 382, 384*, праздник Т., 70
 Теофраст, философ и поэт Марциала, 406
 Теофраст, греческий философ (?-287 г. до н.э.), 334, 336, 534
 Теренций (Публий Теренций Афр), комедиограф (190?-159? гг. до н.э.), 103, 111, 112, 113-115
 Теренция, жена Цицерона (I в. до н.э.), 156, 179
 Терм, Марк Минуций, полководец (I в.), 186

- Термин, 70
 Терпнос, музыкант Нерона (I в.), 300
 Терра Матер, см. Теллус
 Тертулла, жена Кресса (I в. до н.э.), 187
 Тертуллиан (Квинт Септимий Флорент Тертуллиан), латинский отец Церкви (160?-230?), 331, 421, 508, 570, 606, 639, 646, 647, 652, 660-661, 665, 666, 696, 698, 701, 714
 Терция, жена Кассия и дочь Сервилия (I в. до н.э.), 187
 Терция, сестра Публия Клодия Пульхра и жена Лукулла (I в. до н.э.), 191
 Тетрик, Гай Песувий, узурпатор в Галлии (274 г.), 687
 Тибериус (Тибериус Клавдий Нерон Цезарь), римский император (42 г. до н.э.-37 г. н.э.), 235, 237, 250, 251, 252, 255, 269, 282-287, 288, 289, 292, 298, 312, 313, 314, 315, 353, 360, 362-363, 377, 381, 384, 392, 400*, 406, 409, 422, 476, 478, 521, 590, 606, 608
 Тибулл, Альбий, поэт (54-19 гг. до н.э.), 71, 171, 254, 256, 274, 406, 448
 Тигеллин, Софоний, фаворит Нерона (?-69), 302, 304
 Тигран Великий, царь Армении (прав. 94-56 гг. до н.э.), 576
 Тигран, царь Армении (конец I в. до н.э.), 237
 Тимокл, стоик (у Луккиана), 540
 Тимомах Византийский, греческий живописец (I в. до н.э.), 388
 Тимофей, товарищ св. Павла (I в.), 631-632, 638
 Тиндарида, 268
 Тиния, 15
 Тиресий, 541
 Тиридат, царь Армении (I в.), 302
 Тирон, Марк Туллий, писатель и секретарь Цицерона (I в. до н.э.), 179
 Тит (Тит Флавий Сабин Веспасиан), римский император (40-81), 309, 310-311, 312, 313, 378, 382-383, 385, 394, 395, 401, 411, 419, 444, 459, 580, 585, 591-592, 593, 626, 632; арка Т., 382-383, 391, 453; термы Т., 313, 378, 394, 411
 Тит, товарищ, оставивший ал. Павла (I в.), 638
 Тиу (Тор), 523
 Толстой, граф Лев Николаевич, русский писатель (1828-1910), 325, 585
 «Том Джонс», Филдинг, 323
 Тора, 582-587, 594-596, 608, 615, 628, 629, 634-637, 639, 642, 653
 Торкват, Магний (Гай Ноний Аспренат?), друг Горация (I в. до н.э.), 254
 Торкват, Тит Магний Император, диктатор (расцвет — 363-340 гг. до н.э.), 47
 Торо, Генри Дэвид, американский философ и писатель (1817-1862), 658
 Тразев, Публий Пет, философ-стоик и сенатор (?-66), 301, 304, 325, 466, 482
 Трасимах, греческий софист и ритор (V в. до н.э.), 108
 Траян (Марк Ульпий Нерва Траян), римский император (52-117), 38, 110, 255, 297, 313, 323, 331, 352, 356, 361, 366, 374, 378, 382, 395, 404, 407, 411, 423, 434, 449-454, 455, 475, 476, 477, 481, 483, 484, 497, 498, 499, 513, 524, 545, 554, 557, 567, 576, 602, 648, 676, 696-697, 709; арка Т., 452; термы (базилики) Т., 378, 411, 453, 683; колонна Т., 382, 452-453, 484, 485; храм Т., 452
 Трестоний, Гай, наместник и заговорщик (?-43 г. до н.э.), 215
 Трималхион, 321-322, 364, 416
 «Тристан и Изольда», Стерн, 323
 Тул Гостий, третий царь Рима (VII в. до н.э.), 22
 Тул, Деций, миллионер (I в.), 503
 Туллия, дочь Цицерона (I в. до н.э.), 179, 181
 Турбон, Марций Ливин, полководец Траяна (I в.), 454
 Турн, 261-262, 300
 «Тускуланские беседы» (*Disputationes Tusculanae*), Цицерон, 180*
 Тутум, 71
 Тэн, Ипполит Адольф, французский историк и критик (1828-1893), 272
- У
- Уатт, Джеймс, шотландский изобретатель (1736-1819), 550
 Ульпиан (Домитий Ульпиан), правовед (?-228), 432, 437, 445, 556, 670, 675, 682
 Урбан VIII (Маффео Барберини), папа Римский (1568-1644), 461
 Урс, Флавий, друг Стация (I в.), 366
 «Установления» (*Institutiones*), Гай, 431
 «Установления», Юстиниан, 446
 «Утешение к Гельвии» (*Consolatio ad Helviam*), Сенека, 326
 «Утешение к Публию» (*Consolatio ad Polybium*), Сенека, 326
 «Утешение к Флавию Урсу», Стаций, 366
- Фабий, римский род, 31, 87, 277, 399
 Фабий (Квинт Фабий Максим Веррукос, Кунигатор), полководец и диктатор (?-203 г. до н.э.), 61, 79
 Фабий Пиктор, Гай, живописец (расцвет — 303 г. до н.э.), 93, 386
 Фабий Пиктор, Квинт, полководец и историк (конец III в. до н.э.), 82, 84
 Фабия, третья жена Овидия (I в. до н.э.), 277, 278, 279
 Фаив, 70, 76
 Фаворин из Галлии, философ при дворе Адриана (II в.), 402, 456
 Фанния, жена Гельвидия Приска (I в.), 407, 482
 Фанул, 589
 Фаон, вольноотпущенник (I в.), 305-306
 Фарнак, царь Понта (?-47 г. до н.э.), 207, 565
 «Фарсалия», Лукан, 320
 «Фасты», Овидий, 278
 Фауста, вторая жена Константина I (IV в.), 711
 Фаустина Младшая, жена Марка Аврелия (II в.), 463, 466, 467, 470, 484
 Фаустина Старшая, жена Антонина Пия (II в.), 463, 467, 470
 Фазтон, 277
 Феаген, 685
 Феб, см. Аполлон
 Феба, служанка Юлии (I в. до н.э.), 251
 Фебрис (Лихорадка), 86
 «Федон», Платон, 208
 Федра, 277
 Феликс, Антоний, прокуратор Иудеи (I в.), 293, 590, 634
 Феодора, жена Константина I (IV в.), 701
 Феодосий I Великий (Флавий Феодосий), римский император (346?-395), 531
 Феодотон, переводчик Библии (II в.), 662
 Феокрит, греческий поэт-буколик (III в. до н.э.), 257, 685
 Феопомп, греческий историк (ок. 378-? до н.э.), 15
 Ферреро, Гильельмо, итальянский историк (род. 1872), 205*
 «Фест», прокуратор Иудеи (расцвет — 62 г.), 590, 634
 «Фиваиды», Стаций, 341
 Фигаро, 114
 Фиций, греческий скульптор (ок. 490-432 гг. до н.э.), 109, 371, 388, 453, 484, 502, 568
 Фила, муниципальное должностное лицо (I в. до н.э.), 560
 Филемон, греческий комедиограф (361-263 гг. до н.э.), 112
 Филемон, мифологич., 277
 Филипп II, царь Македонии (382-336 гг. до н.э.), 527
 Филипп V, царь Македонии (220-179 гг. до н.э.), 61, 98, 99
 Филипп Араб (Марк Юлий Филипп Араб), римский император (прав. 244-249), 677
 Филлипп, эзирар (расцвет — 155 г.), 697
 Филипп, царь Иудеи (I в.), 582
 «Филитики», Цицерон, 221, 222
 Филлида, 268
 Филодем Гадарский, философ-эпикурец и поэт (I в. до н.э.), 556
 Филон Иудейский, еврейский эллинистический философ (ок. 20 г. до н.э.-ок. 54 г. н.э.), 465, 546, 547-548, 589, 637, 642, 653, 659, 662, 706
 Филострат, Флавий, греческий ритор и биограф (перв. половина III века), 533, 550, 560, 562, 571, 670
 Фимбрия, Гай Флавий, политик и военачальник (?-84 г. до н.э.), 139
 Фисба, 277
 Флакк, Авиллий, наместник (I в.), 547
 Флакк, Валерий, сенатор (III в. до н.э.), 115
 Флакк, Луций Валерий, консул (?-86 г. до н.э.), 138
 Фламиний, Гай, политический деятель (?-217 г. до н.э.), 58, 60, 89, 373
 Фламиний, Тит Квинций, полководец (расцвет — 200 г. до н.э.), 98, 108, 417-418
 Флорбер, Гюстав, французский писатель (1821-1880), 260
 Флор, Луций Анней, историк (I в.), 516
 Флор, прокуратор Иудеи (I в.), 591
 Флора, богиня, 76, 417
 Флора, куртизанка, 153
 «Формионы», Теренций, 114
 Форнакс, 70
 Фортуна, 373, 393; храм Ф., 373, 393; Фортуна Вирилис, 393; храм Ф. В., 393; Фортуна Примигения, 496; храм Ф. П., 496
 Фрагонар, Жан Оноре, французский живописец и гравёр??? (1732-1806), 385
 Фракастаро, Джироламо, итальянский астроном, поэт и врач (1478-1553), 170
 Франциск, св., итальянец, основатель ордена францисканцев (1182-1225), 497

Фрезер, сэр Джеймс Джордж, шотландский антрополог (1854-1941), 636*

Фрейя, 523

Фронтин, Секст Юлий, инженер и государственный деятель (I в.), 358

Фронтон, Марк Корнелий, ритор (110?-180?), 120, 327, 340, 458, 466, 470, 483, 484, 510

Фукидид, греческий историк (471?-400? в. до н.э.), 12

Фульвия, жена Марка Антония (?-40 г. до н.э.), 222, 224-225, 226, 228

Фульвий, Авл, заговорщик (I в. до н.э.), 434

Фульвий, военачальник (III в. до н.э.), 105

Функ-Брентано, Франц, французский историк (род. 1862), 518

X

Хаммурапи, царь Вавилонии?? (ок. 950 г. до н.э.), 446, 605

Хариклея, 685

Хармид из Мессалии, врач в Риме (I в.), 338

Хармион, гречанка, служанка Клеопатры (?-30 г. до н.э.), 228

Харон, 425, 541

Харонд, сицилийский законодатель (ок. 500 г. до н.э.), 42

Хасмонеи, еврейское семейство, 578-579, 584

«Хвастливый воин» (*Miles gloriosus*), Плавт, 112-113

Херомон, греческий философ-стоик (I в.), 297

Херея, Гай Кассий, трибун преторианской гвардии (?-41), 291

Хиллел, иудейский раввин, председатель синедриона (60? г. до н.э.-10 г. н.э.), 583, 584, 586, 590, 594, 614, 628

Хит, сэр Томас Младший, английский математик (1861-1940), 550*

«Сам себя наказывающий» (*Неаюн Timoroumenos*), Теренций, 114

Хлоя, 268

Холланд, Филемон, английский исследователь классической древности (1552-1637), 483

Хосрой, царь Парфии (II в.), 454

Хрисолорас, Мануил, восстановитель греческой учености в Италии (1355?-1415), 108

Христос, 83, 86, 170, 177, 256, 303, 380, 426, 491, 510, 538, 548, 555, 573, 578, 583, 585, 588*, 601-667, 674, 695-712, 716

Хэйлуд, Джаспер, переводчик Сенеки на английский язык (1535-1598), 326

Ц

Цезарин, египетский царевич, сын Клеопатры (47-30 гг. до н.э.), 206, 207, 214, 226, 228

Цезарь, Гай Юлий, римский полководец, государственный деятель и историк (100-44 гг. до н.э.), 11, 33, 37, 41, 44, 59, 77, 81, 84, 115, 130, 132, 133, 137, 143, 144, 148, 149, 151, 154, 158, 159, 160, 162, 171, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 182, 183, 186-222, 224, 225, 228, 231, 232, 233, 234, 239, 246, 247, 248, 249, 252, 256, 263, 277, 283, 292, 293, 305, 313, 315, 320, 327, 337, 348, 353, 356, 360, 361, 366, 373, 374, 380, 383, 384, 388, 395, 399, 400, 407, 419, 421, 422, 430, 431, 440, 453, 455, 460, 472, 490, 498, 499, 505, 508, 509, 512, 514-518, 526, 531, 546, 554, 560, 562, 569, 576, 605*, 610, 687, 696

Цезония, четвертая жена Каллигулы (?-41 г. до н.э.), 289, 291

Целер, Азиний, эпиграммист (I в.), 412

Целер, архитектор (I в.), 378

Целий, Марк Гай Руф, оратор (I в. до н.э.), 150, 171, 203, 206-207

Цельс, Аврелий Корнелий, автор научных работ (I в.), 319, 332, 337, 339

Цельс, антихристианский философ (II в.), 607, 645, 655-656, 663, 664, 696

Цельс, полководец Траяна (?-118), 455

Ценида, любовница Веспасиана (I в.), 310

Цепгионы, римское семейство, 87

Церера, 70, 73, 96, 181

«Церковная история», Евсевий, 698*, 710

Цетег, Гай Корнелий, заговорщик (?-64 г. до н.э.), 158-159

Цезилий (в «Октавии» Минуция Феликса), 659

Цезилий Стаций, комедиограф (?-168 г. до н.э.), 114

Цивилис, Юлий, батав, вождь восстания (расцвет — 71 г.), 516

Цинна, Гельвий, поэт (?-44 г. до н.э.), 171

Цинна, Луций Корнелий, диктатор (?-84 г. до н.э.), 138-139, 186, 565

Цинциннат, Луций Квинций, диктатор (519?-439?), 41

Цицерон, Квент Туллий, наместник, брат Марка Туллия Цицерона (ок. 102-43 гг. до н.э.), 158*, 192

Цицерон, Марк Туллий, оратор и писатель (106-43 гг. до н.э.), 19, 21, 22, 42, 79, 81, 84, 93, 108, 109, 110, 115, 120, 130, 133, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 150, 151, 155-160, 161, 171, 175, 177-184, 186, 187, 188, 190, 191-192, 193, 196-197, 198, 199, 200, 201, 204, 207, 211, 213, 215, 218, 221, 222, 232, 236, 249, 279, 332, 338, 341, 353, 355, 390, 400, 404, 414, 415, 423, 430, 433, 438, 443, 445, 456, 481, 496, 498, 499, 505, 506, 507, 534,

556, 559, 560, 562, 605, 619, 635, 660, 720

Ч

Челлини, Бенвенуто, итальянский художник (1500-1571), 18, 383

Честь (Honos), 393; храм Ч., 393

Четвертое Евангелие, см. Евангелие от Иоанна,

«Четырехкнижники» (*Tetrabiblos*), Птолемей, 549

Чингисхан, монгольский завоеватель (1162?-1227), 654

Числа, 583

Чосер, Джеффри, английский поэт (1340-1400), 279

Ш

Шаммаи, иудейский раввин (I в. до н.э.), 586, 594

Шампальон, Жан Франсуа, французский египтолог (1790-1832), 13

Шапур I, царь Персии (прав. 242-271), 654, 677

Швейцер, Альберт, эльзасский философ, богослов, врач и музыкант (род. 1875), 604

Шекспир, Уильям (1564-1616), 24*, 113, 163, 262, 326, 477, 528, 665

Шелли, Перси Биши, английский поэт (1792-1822), 163, 335, 683

Шемайя, иудейский раввин (I в. до н.э.), 586

Штраусс, Давид Фридрих, немецкий богослов-рационалист (1808-1874), 601

Э

Эвгемер, греческий мифолог (расцвет — 300 г. до н.э.), 110

Эвклион, раб, 365

Эвмен II, царь Пергамы (правил 197-159 гг. до н.э.), 562

Эвнус, вождь сицилийских рабов (II в. до н.э.), 126-127

Эвном, царница Нумидии (I в. до н.э.), 187

Эвридика, 107, 277

Эллисон, Джозеф, английский эссеист и поэт (1672 - 1719), 328

«Эдикт о ценах» (*Edictum de pretiis*), Диоклетиан, 690-691

Эдит, 301, 671

Экклезиастик, 587

«Эклогия», Вергилий, 225, 257, 264

Элагабал (Марк Ваврий Авит Басиан Аврелий Антонин Гелиогабал), римский император (205?-222), 426, 670, 672-674, 687

Элагабал, божество, 670, 673, 674

Элиан, Клавдий, историк (расцвет II в.), 484

Эмерсон, Ральф Уолдо, американский эссеист, поэт и философ (1803-1882), 332, 402

Эмилиан (Марк Юлий Эмилиан Эмилиан), римский император (?-253), 677

Эмилиан, римский род, 31, 399

Эмилия, падгерница Суллы, жена Помпея (расцвет I в. до н.э.), 149

Эмпедокл, греческий философ (500-430? гг. до н.э.), 164, 170

«Энеида», Вергилий, 245, 260-264, 275, 499

Эней, 20, 72, 110, 186, 238, 260-262, 418, 499

Энесидем Кносский, греческий скептик (расцвет — I в.), 538

«Эпихридон Эпиктета», Арриан, 535*, 538

Эпиклети, 321-322

«Эпинеады», Плотин, 656-659

Энний, Квинт, поэт и драматург (?-190 г. до н.э.), 78, 110-111, 164, 171, 181, 255, 262, 340, 483, 716

Энгелл, 418

Эпафродит, вольноотпущенник Нерона (I в.), 306, 314, 534

Эпиктет, философ-стоик (60?-120?), 319, 325, 331, 456, 465, 526, 531, 534-538, 566, 659

Эпикур, греческий философ (342?-270 гг. до н.э.), 108, 147, 164, 166, 170, 271, 329, 332, 380, 425

Эпихарида, заговорщица (?-65), 406

«Эподы», Гораций, 266

Эратосфен, греческий геометр и астроном (276?-195? гг. до н.э.), 567

Эрготим, греческий гончар, 18

Эрот, 388

Эскулап (Асклепий), 73, 86, 336, 531, 571

Эсоп, Клавдий, трагический актер (расцвет — I в. до н.э.), 148, 177, 414

«Эссе о критике», Поуп, 270*

Эскил, греческий драматург (525-456 г. до н.э.), 279

Эскин, афинский оратор (389-314 г. до н.э.), 108

«Эфиопика», Гелиодор, 684-685

Эшмун, 52

Ю

Юба I, царь Нумидии (?-46 г. до н.э.), 208, 509

Юба II, царь Нумидии, историк (?-15), 53, 509

- Ювенал (Децим Юний Ювенал), поэт-сатирик (ок.60-ок.140), 78, 84, 255, 295, 319, 336, 339, 348, 354, 363, 365, 374, 377, 398, 399, 401, 404, 405, 406, 407, 408, 412, 417, 423, 424, 425, 442, 475, 477, 479-481, 482, 496, 505, 593, 660, 720
- Югурта, царь Нумидии (?-104 г. до н.э.), 132-133, 444
- «Югуртинская война», Саллюстий, 176
- Юкинд, Луций Пещилий, помпейский аукционер, 502
- Юл, см. Асцений
- Юлиан (Флавий Клавдий Юлиан), прозванный Отступником, римский император (331-363), 26, 517, 684
- Юлиан, Сальвий, юрист (II в.), 431, 433, 457
- Юлиан, см. Дикий Юлиан
- Юлий, римский род, 31, 186
- Юлия, внучка Августа (I в.), 252, 256, 278
- Юлия, дочь Августа (?-14), 240, 250-252, 256, 282, 285*
- Юлия, дочь Германика (I в.), 325
- Юлия, дочь Цезаря и четвертая жена Помпея (?-54 г. до н.э.), 149, 190, 197
- Юлия, сестра Цезаря (I в. до н.э.), 220
- Юм, Дэвид, шотландский философ и историк (1711-1776), 539, 657
- Юнона, 72, 77, 93, 94, 383, 392; Юнона Монета, 392; храм Ю.М., 392; Вейская Ю., 73
- Юпитер, 72, 73, 78, 106, 159, 167, 186, 263, 277, 290, 306, 331, 342, 383, 384, 392, 424, 425, 459, 540, 595, 674, 689; храм Ю., 104, 374; храм Ю. (в Помпеях), 502; Ю. Вооблагой Величайший (Iupiter Optima Maximus), 392; Ю. Плувию, 72; Ю. Статор, 392; храм Ю. Статора, 392; Ю. Тонант, 72; храм Ю. Тонанта, 392; Юпитер Гелиополитанский, 557; храм Ю.Г., 557; храм Ю. Юноны и Минервы, 93, 94, 309, 311, 392
- Юстин Мученик (Юстин Флавий), палестинский отец Церкви (100?-166), 648, 660
- Юстин, христианский мученик (?-108), 659
- Юстиниан I Великий (Флавий Апполий Юстиниан), византийский император (483-565), 432, 433, 440, 446, 450, 457, 654, 682

Я

- «Явления» (*Phaenomena*), Ариэт, 632*
- Яков (Джеймс) I, английский король (1566-1625), 603
- Ямвлих, сирийский неоплатоник в Александрии (?-333?), 684
- Янус, 69, 72, 78, 93, 392; храм Януса, 93, 231, 308, 392
- Яргибол, 558
- Яхве, 426, 578, 581, 583, 587, 589, 606, 614, 653, 655, 662, 663

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
НАЧАЛА	
Глава 1. Этрусская прелюдия: 800-508 гг. до н.э.	11
КНИГА I. РЕСПУБЛИКА: 508-30 гг. до н.э.	
Глава 2. Борьба за демократию: 508-264 гг. до н.э.	31
Глава 3. Ганнибал против Рима: 264-202 гг. до н.э.	50
Глава 4. Стоический Рим: 508-202 гг. до н.э.	67
Глава 5. Завоевание Греции: 201-146 гг. до н.э.	98
КНИГА II. РЕВОЛЮЦИЯ: 145-30 гг. до н.э.	
Глава 6. Аграрная революция: 145-78 гг. до н.э.	125
Глава 7. Олигархическая реакция: 77-60 гг. до н.э.	143
Глава 8. Литература в эпоху революции: 145-30 гг. до н.э.	162
Глава 9. Цезарь: 100-44 гг. до н.э.	186
Глава 10. Антоний: 44-30 гг. до н.э.	218
КНИГА III. ПРИНЦИПАТ: 30 г. до н.э. - 192 г. н.э.	
Глава 11. Правление Августа: 30 г. до н.э. - 14 г. н.э.	231
Глава 12. Золотой век: 30 г. до н.э. - 128 г. н.э.	254
Глава 13. Обратная сторона монархии: 14-96 гг. н.э.	282
Глава 14. Серебряный век: 14-96 гг.	319
Глава 15. Рим за работой: 14-96 гг.	348
Глава 16. Рим и его искусство: 30 г. до н.э. - 96 г. н.э.	371
Глава 17. Эпикурейский Рим: 30 г. до н.э. - 96 г. н.э.	398
Глава 18. Римское право: 146 г. до н.э. - 192 г. н.э.	430
Глава 19. Цари-философы: 96-180 гг.	448
Глава 20. Жизнь и мысль во втором столетии: 96-192 гг.	475
КНИГА IV. ИМПЕРИЯ: 146 г. до н.э. - 192 г. н.э.	
Глава 21. Италия	495
Глава 22. Обустройство Запада	505
Глава 23. Римская Греция	526
Глава 24. Эллинистическое возрождение	544
Глава 25. Рим и Иудея: 132 г. до н.э. - 135 г. н.э.	576
КНИГА V. ЮНОСТЬ ХРИСТИАНСТВА: 4 г. до н.э. - 325 г. н.э.	
Глава 26. Иисус: 4 г. до н.э. - 30 г. н.э.	601
Глава 27. Апостолы: 30-95 гг.	624
Глава 28. Рост Церкви: 96-305 гг.	645
Глава 29. Крушение Империи: 193-305 гг.	669
Глава 30. Триумф христианства: 306-325 гг.	695
Эпилог	714
Указатель личных имен и литературных источников	722

ЦЕЗАРЬ И ХРИСТОС

Научно-популярное издание

Вил Дюрант

ЦЕЗАРЬ И ХРИСТОС

Зав.редакцией *Е.Е.Узлова*

Редактор *Г.М.Степаненко*

Редактор издательства *Э. М. Папаева*

Художник *Н.Н.Орехов*

Технический редактор *Т.А.Кулагина*

ЛР 090106 («КРОН-ПРЕСС»)

Сдано в набор 08.11.94. Подписано в печать 24.01.95.

Формат 70х100/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 59,8

Тираж 25000 экз. Заказ 47322.

АО «КРОН-ПРЕСС»

103030, Москва, Новослободская, 18, а/я 54

По вопросам реализации обращаться по адресу:

Москва, Огородный проезд, д.6

АО «МОКРОН»

Телефоны: 218-08-78, 218-52-00, 289-15-92

Посетите магазин «КРОН-ПРЕСС» по адресу:

Москва, Новослободская, 18

Телефон: 972-14-23

Типография АО «Молодая гвардия»

103030, Москва, Сушевская, 21

ISBN 5-8317-0136-0